This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 07855269 6

Digitized by Google

11936

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ

11936

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

1849 ГОДА.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1849.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770740A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было, въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Декабря 30-го 1848 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 1. Январь. Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РУССКІЕ

ВЪ НАЧАЛѢ ОСМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЕДИНОДЕРЖАВІЯ ПЕТРА ПЕРВАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Прежде чѣмъ я приступлю къ разсказу, мнѣ должно поговорить съ моими читателями о положеніи, въ которомъ находилась Россія, въ эпоху, избранную мною для этой повѣсти.

Послѣдній стрѣлецкій бунтъ, вспыхнувшій во время отсутствія Царя Петра Алексѣевича, имѣлъ самыя гибельныя послѣдствія для этого своевольнаго и мятежнаго войска; главные начинщики и участники мятежа были казнены, а остальные сосланы въ Сибирь, разселены по отдаленнымъ городамъ, и стрѣлецкая рать, нѣкогда знаменитая, исчезла навсегда съ лица земли Русской. Вмѣстѣ съ прекращеніемъ политическаго существованія этихъ Русскихъ янычаръ, уш-

PERL JAN 21 1935

Digitized by Google

чтожилось и пагубное вліяніе на умы властолюбивой царевны Софьи Алексѣевны. Шведскій король Карлъ Двѣнадцатый, разбитый на́-голову близъ Полтавы, едва могъ спастись отъ плѣна, убѣжавъ въ пограничный Турецкій городъ Бендеры. Вся армія его была истреблена, и на берегахъ Невы, нашимъ рабочимъ людямъ, помогали Шведскіе солдаты сооружать — на ихъ же собственной землѣ — вторую столицу Царства Русскаго. Рига, Ревель и вся Лифляндія признавали надъ собой верховную власть Государя Петра Алексѣевича; Польша, исполняя его волю, призвала снова на царство изгнаннаго ею короля Августа II-го. Предатель Мазепа убѣжалъ съ Карломъ Двѣнадцатымъ въ Бендеры; почти всѣ Малороссійскіе православные казаки отступились отъ своего, опозореннаго измѣною и заклейменнаго церковнымъ проклятіемъ, гетмана. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ Россіи, вредящихъ ея возвышенію, устройству и возрастающей силѣ, оставался одинъ только врагъ, но самый упорный. Этотъ врагъ была почти общая, безотчетная привязанность Русскихъ ко всѣмъ предразсудкамъ старины. Слѣдствіемъ этой слѣпой привязанности были: неподвижность, презрѣніе ко всему иноземному, невѣжественная спѣсь и закоренѣлое упрямство, всегда враждебное всѣмъ перемѣнамъ и улучшеніямъ, если они хотя нѣсколько противорѣчатъ существующимъ обычаямъ, иногда совершенно нелѣпымъ, но которые обыкновенно оправдываются извѣстнымъ изрѣченіемъ: «такъ, дискать, искони важивалось — въ старину бывало; а стариковъ умнѣй не будешь.» Одна самодержавная воля Великаго Петра могла осилить этого послѣдняго врага и заставить Русскихъ, хотя не-хотя, а все-таки перешагнуть черезъ завѣтный рубежъ, который отдѣлялъ ихъ такъ долго отъ всѣхъ другихъ народовъ Европы. Все покорилось этой могучей, непреклонной волѣ; она возбуждала иногда боязливый ропотъ спѣсивыхъ бояръ, упрямыхъ гражданъ, суевѣрной черни; но давно уже не встрѣчала ни гдѣ явнаго сопротивленія. Люди, приверженные къ старинным обычаямъ, отстаивали ихъ съ жаромъ въ своихъ семейныхъ кругахъ, осуждали шепотомъ указы царскіе, воз-

Digitized by Google

ставали втихомолку противъ разныхъ нововведеній, называли ихъ богопротивными; но никто не смѣлъ говорить объ этомъ вслухъ; времена мятежей прошли; Петръ Алексѣевичь былъ уже не вторымъ Царемъ Русскимъ, а государемъ единодержавнымъ; не юношей неопытнымъ, но знаменитымъ побѣдителемъ Карла Двѣнадцатаго — этого вѣнчаннаго богатыря, передъ которымъ нѣкогда трепетала вся Европа. Не смотря однакожъ на это, повидимому, спокойное состояніе Россіи, нельзя было не замѣтить, что въ ней происходило что-то необычайное: этотъ домашній ропотъ, который тихо разливался въ народѣ, это тревожное ожиданіе какихъ-то новыхъ и небывалыхъ перемѣнъ, волновали всѣ умы, и даже люди дальновидные и умные, начинавшіе уже понимать, чего желаетъ Государь Петръ Алексѣевичь, шептали про себя, покачивая головами: «Дѣло-то дѣло! да крутенько онъ, батюшко нашъ, за него принимается.» И надобно сказать правду: мы едва-ли можемъ осуждать многихъ изъ современниковъ Петра Великаго за то, что они, если не дѣломъ, такъ мыслью, грѣшили, осуждая непонятныя для нихъ дѣйствія этого необъятнаго, всеобъемлющаго генія, котораго и мы — вкусившіе уже отъ плодовъ имъ посѣянныхъ — не можемъ еще вполнѣ оцѣнить.

Въ 1711 году, въ одну темную февральскую ночь, шагахъ въ двухъ-стахъ отъ Серпуховской дороги, въ богатомъ и большомъ селѣ Вздвиженскомъ, свѣтился огонекъ; его трудно было замѣтить проѣзжимъ людямъ, потому что погода была бурная, снѣгъ валилъ хлопьями и сильный вѣтеръ съ мятелицею бушевалъ въ чистомъ полѣ. Этотъ огонекъ свѣтился въ бревенчатомъ, крытомъ соломою, господскомъ домѣ, въ которомъ жилъ помѣщикъ или, вѣрнѣй сказать, отчественникъ села Вздвиженскаго, окольничій Максимъ Петровичь Прокудинъ. Чтобъ провести какъ-нибудь время до ужина, Максимъ Петровичь пріютясь въ самомъ тепломъ покоѣ своихъ барскихъ хоромъ, изволилъ забавляться въ шашки съ любимымъ своимъ челядинцемъ и дворецкимъ,

Digitized by Google

Прокофьемъ Кулагою. Максимъ Петровичь сидѣлъ въ обитыхъ кожею широкихъ и спокойныхъ креслахъ; дворецкой лѣпился кое-какъ на узенькой скамеечкѣ. Баринъ былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, дородный и видный собою, довольно пріятной наружности, съ окладистой темнорусой бородою, которая впрочемъ начинала уже мѣстами серебриться. Онъ былъ одѣтъ по домашнему, въ цвѣтной шелковой рубашкѣ съ косымъ воротомъ и покрытомъ узорчатой камкою калмыцкомъ тулупѣ, на распашку. Дворецкій былъ также человѣкъ не молодой, съ широкимъ рябымъ лицемъ, рѣденькой бородкою и огромнымъ краснымъ носомъ. Сверхъ суконнаго кафтана съ козыремъ, на немъ надѣта была затасканная шелковая ферязь, съ оборванными петлицами, которую онъ только что удостоился получить съ барскаго плеча за свою усердную и вѣрную службу. У дверей покоя дремалъ, прислонясь къ стѣнѣ, длинный, неуклюжій дѣтина въ смуромъ кафтанѣ; онъ держалъ въ рукѣ жестяныя щипцы, въ родѣ тѣхъ, которыя и теперь еще употребляются по церквамъ; слѣдовательно не трудно было отгадать, что главное занятіе парня состояло въ томъ, чтобъ снимать съ двухъ сальныхъ огарковъ, которыми освѣщалась вся комната.

— Ну чтожъ ты, Кулага? — сказалъ Максимъ Петровичь, взглянувъ съ довольнымъ видомъ на своего дворецкаго: — или пришло въ тупикъ, что нѣкуды ступить? — Да полно, братецъ!.... Ходи какъ нибудь!

— А вотъ пойдемъ, батюшка, — промолвилъ дворецкій, подвигая впередъ шашку.

— Такъ ты вотъ какъ.... хорошо!.... а мы вотъ этакъ!.... Что, братъ, опять призадумался?

— Призадумаешься, батюшка, — прошепталъ Прокофій, почесывая затылокъ: — дѣло-то плоховато!.... Вижь она куда, озорница — въ доведи лѣзетъ!.... Нечего дѣлать, пойду такъ.

— А я такъ.... Фу, батюшки! — промолвилъ Максимъ Петровичь, посматривая на окны: — что это на дворѣ-то?.... Господи Боже мой!

Digitized by Google

— Да, сударь, разыгралась погодка!

— То-то, чай, теперь въ полѣ — свѣту преставленье — и снѣгъ и мятель! а морозъ-то самъ по себѣ.... Ну чтожъ ты, пошелъ чтоль?

— Пошелъ, батюшка.

— И я пошелъ. — Чу, слышишь, какъ воетъ вѣтеръ?.... Охъ, дорожнымъ-то людямъ теперь.... помилуй Господи!

— Истинно такъ, батюшка Максимъ Петровичь — бѣдовое дѣло!.... Собьешься съ дороги, заѣдешь въ сугробъ, да коли одежонка-то плохая, такъ и читай себѣ отходную.... Изволилъ ступить?

— Ступилъ.

— А коли ступилъ, такъ — не погнѣвайся, батюшка — фукъ!....

— Какъ такъ?.... Постой, постой!.... За что ты взялъ мою шашку?....

— Не взялъ сударь, а фукнулъ.

— За что?....

— А за то, чтобъ она брала, коли ей приходится брать. Вотъ я двинулъ сюда мою шашку, а твоя стояла здѣсь — такъ ей приходилось брать назадъ.

— Такъ, такъ!.... Ну, нѣчего дѣлать — прозѣвалъ!.... А игра-то была какая богатая!.... Да постой, любезный! Хоть ты у меня и фукнулъ шашку, а я все-таки прежде твоего въ доведяхъ буду.... Вотъ мы этакъ — пошла!

— А мы, сударь, вотъ эту тронемъ.

— Трогай себѣ, трогай.... а ужъ на выручку не поспѣешь.... Пошла дура!

— Изволилъ ступить?

— Ступилъ, братецъ!

— Такъ не прогнѣвайся, батюшка — фукъ!

Digitized by Google

— Какъ?.... еще?.... Тфу ты пропасть какая!.... Да что это у меня, глаза-то въ затылкѣ чтоль?.... Нѣтъ, не могу играть, не то въ головѣ.... Стёпка!.... Смотрика, Прокофій — смотри!.... стоя спитъ!.... Эй ты, болванъ!

Дѣтина, который дремалъ прислонясь къ стѣнѣ, вздрогнулъ и кинулся, какъ шальной, къ столу, чтобъ снять со свѣчей.

— Тише ты, дурачина! — закричалъ Максимъ Петровичь. — Что ты бѣльмы-то выпучилъ, да лѣзешь словно угорѣлый какой!.... Полно полно!.... погасишь!.... Ну такъ и есть!.... Эка уродина, подумаешь!.... а ужъ борода ростетъ!

— Да что ему борода, батюшка, — перервалъ дворецкій: — у него борода-то выросла, да ума не вынесла. Я ужъ тебѣ докладывалъ: что̀ его держать во дворѣ: онъ и въ пастухи-то наврядъ годится.

— Эхъ, Прокофій, стыдно, братъ!.... Ну кто говоритъ: сына не за что̀ и хлѣбомъ кормить, да отецъ-то служилъ мнѣ тридцать лѣтъ вѣрой и правдою.... Эй ты, простофиля!.... пойди, скажи.... Да нѣтъ — переврешь, дуракъ!.... Пошли Андрюшку.

Черезъ полминуты вошелъ въ комнату здоровый и рослый дѣтина лѣтъ тридцати; все платье его было въ снѣгу.

— Что ты это, братецъ? — спросилъ Максимъ Петровичь: иль валялся по снѣгу?

— Никакъ нѣтъ, — отвѣчалъ слуга: — я ходилъ сейчасъ на погребъ.

— И тебя этакъ занесло?.... Ну, видно погодка!

— Не приведи Господи, батюшка! и съ низу и съ верху мятётъ.

— Темнò?

— Зги Божьей не видно.

— И холодно?

— Холодновато, батюшка, сильно морозитъ.

Digitized by Google

— Ну, худо дѣло!.... Отъ нашего села вплоть до самаго Шарапова вовсе жилья нѣтъ.

— Да, Максимъ Петровичь, по большой дорогѣ нѣтъ.

— Вотъ то-то и дѣло! долго-ли до грѣха! Вѣдь на прошлой недѣлѣ подняли же проѣзжаго мужичка — замерзъ, бѣдняга; и добро бы еще въ полѣ, а то у насъ на задахъ. Послушай, Андрюшка: возьми съ собою кого-нибудь, ступайте за околицу, да поближе къ большой дорогѣ разведите огонь.

— Слушаю, батюшка!.... Только вѣтеръ-то больно силенъ....

— И, полно, братецъ! вязанки двѣ сухихъ березовыхъ дровъ, да лучины побольше.... а огонь донесете въ фонарѣ.... Ступай!.. Этакъ будетъ лучше, — продолжалъ Максимъ Петровичь: — на огонекъ-то всякой поѣдетъ.

— Да, сударь, — сказалъ дворецкій, — коли лошадки не вовсе еще изъ мочи выбились. Чай теперь и большую дорогу занесло сугробами, такъ цѣликомъ-то далеко не уѣдешь. И то сказать: кого нелегкая понесетъ въ такую непогодь; вѣдь мятель-то началась еще засвѣтло.

— Ну, Прокофій, не говори! Русской человѣкъ на томъ стоитъ: ему все трынь-трава! Куда Нѣмецъ носа не покажетъ, а онъ туда ломитъ себѣ на удалую: авось дискать проѣду — Господь пронесетъ!

— Да, сударь, что правда, то правда. И я бывало, въ старину, хаживалъ чрезъ Оку по вешнему льду; изъ-подъ ногъ вода брызжетъ, а тебѣ и горюшки мало. «Что, дискать, въ самомъ дѣлѣ: двухъ смертей не бываетъ!....» Чтожъ, батюшка: вѣдь мы еще игру-то не кончили — прикажешь?

— Нѣтъ, Прокофій, будетъ. Ужъ я тебѣ говорилъ: не то на умѣ.

— Ну какъ изволишь! — сказалъ дворецкій, вставая. — Да не погнѣвайся, батюшка, — примолвилъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени, — дозволь спросить: что это

Digitized by Google

тебя такъ тревожитъ?.... Вотъ ты другой день все какъ будто бы задумываешься.... или эта грамотка, что̀ прислалъ къ тебѣ вчера съ ходокомъ изъ Москвы пріятель твой, Лаврентій Никитичь Рокотовъ?....

— Да, — перервалъ Максимъ Петровичъ, — хорошія получилъ я отъ него вѣсточки! есть чему порадоваться!....

— А что такое, батюшка?

— Худо, братъ Прокофій, больно худо!.... Мы здѣсь живемъ въ глуши, у насъ все по прежнему: тишь да гладь, да Божья благодать. А кабы ты зналъ, что̀ на Москвѣ-то дѣлается....

— А что̀, сударь?.... Неужели опять стрѣльцы завозились?

— Вотъ до глухова вѣсти дошли — стрѣльцы!.... Да объ этихъ мятежникахъ давно и рѣчи нѣтъ. Мы и прежняго-то срама не переживемъ.... Помилуй, братецъ, кто нынче станетъ бунтовать противъ помазанника Божія?....

— Такъ что̀жъ, батюшка? ужъ не Шведъ-ли опять поднялся на святую Русь?

— Куда ему?.... И король-то ихъ безъ вѣсти пропалъ; говорятъ, въ плѣну у турскаго салтана.

— Такъ все-ли здорово въ Москвѣ?.... Не моръ-ли батюшка?....

— Что̀ моръ! Господь казнитъ, Господь и помилуетъ; а тамъ, глядишь, опять пойдутъ времена благодатныя.

— Да что̀ жъ такое сударь?....

— А вотъ что̀, любезный, — продолжалъ Максимъ Петровичъ, понизивъ голосъ. — Мнѣ пишетъ Лаврентій Никитичь, что нашъ православный Государь.... охъ, страшно вымолвить!.... нашъ батюшка Царь Петръ Алексѣевичь.... совсѣмъ онѣмечился!

— Что̀ ты говоришь, батюшка! — вскричалъ Прокофій.—Съ нами сила крестная!.... Да какъ это можетъ быть?

Digitized by Google

— Да, любезный! Онъ такія дѣла затѣваетъ, что не приведи Господи!.... Хочетъ, чтобъ мы перенимали все у Нѣмцовъ.

— У Нѣмцовъ?.... Вотъ еще!.... Что намъ у этихъ еретиковъ перенимать!... Да давно-ли этихъ поскудныхъ Нѣмцовъ и въ царскихъ-то указахъ позорнымъ именемъ называли?....

— Вотъ то-то и есть!.... А теперь посылаютъ боярскихъ дѣтей въ еретичныя земли учиться нѣмецкимъ обычаямъ, хотятъ насъ нарядить въ разнополые нѣмецкіе кафтаны.... обрить бороды....

— Обрить бороды! воскликнулъ Прокофій. — Нѣтъ, батюшка, ужъ этого-то никакъ нельзя! Вѣдь мы православные, а не басурманы какіе!

— Ну вотъ поди ты!....

— Да я хоть сейчасъ голову на плаху!.... Господи Боже мой! и что это нашему батюшкѣ Петру Алексѣевичу дались эти Нѣмцы?.... Что они обошли чтоль его?

— Эхъ, Прокофій! Лиха бѣда поддаться демонской прелести, а тамъ все пойдетъ какъ по маслу. Вотъ кабы Государь не изволилъ ѣздить за море, такъ ничего бы не было, все осталось бы по прежнему; а теперь какъ онъ набрался нѣмецкаго духу, такъ и слышать ничего не хочетъ. Да ужъ пускай бы помаленьку, не торопясь — мы бы старики свой вѣкъ отжили, а тамъ что Богъ велитъ!.... Ну можетъ статься, и въ самомъ дѣлѣ есть что перенять у Нѣмцовъ.... Вотъ, примѣромъ сказать, хитрость ратную, корабельное плаваніе — то, другое; да это бы полегоньку, исподоволь.... а то вынь да положь!.... Вчера нашъ братъ Русской и якшаться съ Нѣмцемъ не хотѣлъ, а сегодня ступай къ нему подъ началъ.... Ну, да что объ этомъ! Выше лба уши не ростутъ. И кабы мнѣ не было надобности ѣхать въ Москву, такъ я бы рукой махнулъ....

— А развѣ ты, батюшка, въ Москву собираешься?....

Digitized by Google

— Чтожъ дѣлать, братецъ: и не хочешь, да ѣдешь. Ты знаешь, что я мою племянницу, Ольгу, люблю какъ дочь родную....

— Какъ не знать, батюшка!.... Да и кого же тебѣ любить? Она сиротка, выросла на твоихъ рукахъ, а у тебя отъ покойной твоей сожительницы дѣтокъ не осталось. Да вѣдь ты изволилъ говорить, что Ольга Дмитріевна по веснѣ сама къ намъ сюда пожалуетъ.

— Нѣтъ, братъ, до весны-то далеко, а я теперь ее въ Москвѣ у моей дуры сестры ни за что не оставлю. То-то бабы-то, подумаешь! Подлинно правда, что у нихъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ. »Отпусти дискать, батюшка бра«тецъ, племянницу ко мнѣ погостить! вѣдь она у тебя жи«ветъ въ захолустьѣ, свѣту Божьяго не видитъ!» Вотъ тебѣ и отпустилъ!

— Такъ чтожъ, сударь?.... Вѣдь сестрица твоя, Аграфена Петровна....

— Да, была когда-то баба путная — Русская барыня; а теперь хуже всякой Нѣмки стала.

— Какъ такъ?

— А вотъ достанька тамъ за образами грамотку Лаврентія Никитича — я тебѣ прочту, что онъ объ ней пишетъ.

Прокофій вынулъ изъ-за образовъ довольно толстый свитокъ и подалъ его своему господину.

— Сначала-то — сказалъ Максимъ Петровичь, развертывая длинный столбецъ — Лаврентій Никитичь пишетъ ко мнѣ о пріѣздѣ Государя Петра Алексѣевича въ Москву, о новыхъ указахъ царскихъ, о посылкѣ дворянскихъ дѣтей въ Нѣметчину, о шутовскомъ нѣмецкомъ нарядѣ; а вотъ здѣсь.... нѣтъ! это онъ пишетъ о своей меньшой дочери.... вотъ что: «Крестница твоя, Максимъ Петровичь, Катюшка, «премного тебѣ челомъ бьетъ и твоего отеческаго благо«словенья проситъ. Она будетъ у насъ большая грамот«ница: доучиваетъ теперь завтреню; а напрежъ сего училъ

Digitized by Google

«Катюшку Макарка, нашъ приходской пономарь, и онъ, ку-
«тейникъ, меня обманывалъ: не доуча завтрени, часы на-
«чалъ учить. А нынѣ учитъ Катюшку Успенскаго собора
«псаломщикъ, Григорій, и я ученьемъ его зѣло доволенъ.
«Еще жъ, другъ сердечный, хотя мнѣ весьма прискорбно, го-
«ворить тебѣ объ этомъ, а дѣлать нѣчего, долженъ сказать:
«сестрица твоя Аграфена Петровна и племянница Ольга Дми-
«тріевна свели дружбу съ Ягужинскими, а тѣ ихъ вовсе съ
«толку сбили, и теперь о нихъ — не при тебѣ будь слово
«сказано — идутъ такія непригожія рѣчи, что всѣ наши и
«знаться съ ними не хотятъ. Онѣ изволятъ щеголять въ
«какихъ-то заморскихъ фуро, повадились ѣздить въ Нѣмец-
«кую Слободу, и даже говорятъ, что будто бы дошли до
«такого окаянства, что на прошлой недѣлѣ въ нѣмецкой
«киркѣ были....» — Что, братъ Прокофій, каково?

— ь нѣмецкой киркѣ! — повторилъ Прокофій, всплес-
нувъ руками.

— Слушай, слушай! — продолжалъ Максимъ Петро-
вичь. — «Сестрица твоя — и это я доподлинно знаю —
«наняла двухъ Нѣмчинъ; у одного твоя племянница обу-
«чается разнымъ еретичнымъ наукамъ и басурманскимъ на-
«рѣчіямъ, а другой учитъ ее играть на какихъ-то кравиро-
«цымбалдахъ — сирѣчь заморскихъ гусляхъ....» Что, братъ
Прокофій — а?.... Вижь нашли какую гуслистку!.... Да
слушай, слушай — то-ли еще будетъ!.... «Еще жъ скажу
«тебѣ, другъ сердечной, что у насъ завелись въ Москвѣ бѣ-
«совскія сходбища — они прозываются асамблеями. Чаще
«всего бываютъ эти асамблеи въ Нѣмецкой Слободѣ, у Гол-
«ландскаго купца Гутфеля. Вотъ съѣдутся къ нему и наша
«братья дворяне съ женами и дочерьми и всякая нѣмецкая
«сволочь. И тутъ ужъ, любезный, не жди себѣ никакого
«почета: что знатная барыня, что нѣмецкая кунчиха — все
«едино: сядутъ онѣ всѣ рядышкомъ; а этотъ чортовъ сынъ,
«Гутфель, какъ бояринъ какой, учнетъ похаживать, да под-
«чивать сластями нашихъ барышень и своихъ Нѣмокъ; а тамъ
«какъ сберется ихъ побольше, затрубятъ въ трубы, заигра-

Digitized by Google

«ютъ на фіоляхъ, молодые ребята-офицерики и Нѣмцы вся-«кіе подлетятъ къ барышнямъ, разберутъ ихъ по рукамъ и «пойдутъ пляски! начнется всякое требѣсіе, шумъ, гамъ, «веселье — ну ни дать, ни взять содомъ и гомора въ ли-«цахъ. А дураки-то отцы и мужья, какъ будто бы не ихъ «дѣло, заберутся въ особый покой, читаютъ курантъ, игра-«ютъ въ шахматы, тянутъ пиво, да вмѣстѣ съ старыми Нѣм-«цами табачище жрутъ. И по этимъ-то сатанинскимъ игри-«щамъ Аграфена Петровна изволила всю зиму таскаться съ «твоей племянницей, которая, слышалъ я стороною, позна-«комилась тамъ съ какимъ-то гвардейскимъ фенрикомъ — «сирѣчь прапорщикомъ, и говорятъ, будто бы этотъ фенрикъ «очень за нею ухаживалъ.» — Ухаживалъ! слышишь, Кулага?

— Слышу, батюшка.

— Ну что, братъ, — продолжалъ Максимъ Петровичъ, переставъ читать: ѣхать-ли мнѣ въ Москву?

— Какъ не ѣхать, батюшка! Вѣдь надобно же нашу барышню выручить изъ этого омута. И что это съ государыней Аграфеной Петровной сдѣлалось?....

— Воля, братецъ!.... Кути себѣ какъ хочешь: мужъ на службѣ царской въ Азовѣ — Богъ вѣсть когда назадъ вернется. Правда, и онъ хорошъ!.... Чай радѣхонекъ, что жена его подружилась съ Ягужинскими: теперь дискать у меня рука есть!

— А я такъ, батюшка, очнуться не могу. Эко непотребство, подумаешь!.... Какой нибудь нѣмчура — чумичка проклятый! чай у себя дома-то булки пёкъ, а теперь съ боярской дочерью, съ племянницей твоей, изволитъ поплясывать!.... Нахалы этакіе!.... Какъ ходу-то имъ не было, такъ небось, были тише воды, ниже травы; а какъ посадили ихъ за столъ, такъ они и ноги на столъ.

— Постой-ка, постой, Прокофій! — перервалъ Максимъ Петровичъ, вставая. — Чу!.... слышишь?.... никакъ ворота заскрипѣли?....

Digitized by Google

— Да, сударь, — сказалъ дворецкой подойдя къ окну, — кажись, кто-то въѣхалъ на дворъ.

— Кого это Господь даетъ?... Ступай-ка, Прокофій, провѣдай. — Коли пріятель — милости просимъ, коли проѣзжій — также добро пожаловать! Вели перемѣнить свѣчи, водки приготовить, да проворнѣй сварить сбитню съ имбирёмъ, чтобъ проѣзжимъ-то людямъ было чѣмъ душу отвести. Чай они, голубчики, больно прозябли.

— Все будетъ готово, батюшка.

Хозяинъ, оставшись одинъ, свернулъ бережно длинный столбецъ, положилъ его за образа, поправился, запахнулъ тулупъ, пригладилъ бороду и усѣлся опять въ свои широкія кожаныя кресла.

ГЛАВА II.

Спустя нѣсколько минутъ, дворецкій возвратился, неся въ рукахъ пару рѣзныхъ желѣзныхъ подсвѣчниковъ, въ которые вставлены были цѣльныя сальныя свѣчи.

— Ну что? — спросилъ Максимъ Петровичь.

— Проѣзжій, батюшка, военный и, кажись, начальный человѣкъ.

— Одинъ?

— Нѣтъ, сударь. При немъ служивый; видно деньщикъ.

— Что, они очень продрогли?

— И Господи!.... насилу говорятъ. Служивые-то люди туда и сюда, а ямщикъ еле живъ. Я велѣлъ втащить его въ людскія сѣни, да оттирать снѣгомъ — совсѣмъ окоченѣлъ сердечный! — Ну, сударь, надоумилъ тебя Господь! Кабы ты не изволилъ приказать развести огонь за околицею, такъ пить бы имъ горькую чашу.

Digitized by Google

— А что, развѣ проѣзжіе-то на огонекъ къ намъ выѣхали?

— Какъ же! Они съ дороги сбились, да плутали все по полю.

— Что, этотъ офицеръ парень молодой?

— Да, батюшка. Ему, чай, и тридцати годковъ не будетъ.

— Ну чтожъ, зови его сюда.

— Просилъ пообождать. Я, дискать, поразомнусь и отогрѣюсь немного, а то языкъ не шевелится.

— Ты провѣдалъ, кто онъ таковъ?

— Спрашивалъ у служиваго: Василій Михайловичь Симской, прапорщикъ Преображенскаго полка; такой красивый собою, ловкой дѣтина, и по всему видно, не изъ потѣшныхъ какихъ, а роду хорошаго. Сейчасъ спросилъ, какъ зовутъ тебя по имени и по отечеству.

— Вотъ что! — Симской.... Мнѣ что-то сдается.... самъ чтоль я знавалъ или слыхалъ о какихъ-то Симскихъ — не помню хорошенько. Ступай, Прокофій, скажи, чтобъ ему изготовили постель въ передбанникѣ. Покои-то въ домѣ красивѣе, да въ нихъ холодненько. Деньщика сведи въ людскую; коли пьетъ, такъ поднести ему добрую красоулю вина, а коли нѣтъ, такъ напоить сбитнемъ, а тамъ чѣмъ Богъ послалъ.

— Будетъ сытъ, батюшка.

— Ямщика также, какъ онъ совсѣмъ оттаитъ, напойте, накормите и спать положите, а лошадокъ его вели убрать Парфену, — да чтобы задалъ имъ побольше овсеца. Ну, ступай, — и коли проѣзжій офицеръ пообогрѣлся, проси его сюда.

— Слушаю, сударь.... Да вотъ никакъ онъ и самъ изволитъ идти.

Долговязый Степка растворилъ дверь, и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. Этотъ проѣз-

Digitized by Google

жій былъ дѣйствительно замѣчательной наружности. Не смотря на багровый цвѣтъ его лица, которое горѣло отъ мороза, нельзя было не назвать его красавцемъ. Его черные глаза блистали умомъ и веселостію, а длинные шелковистые волосы разстилались крупными кудрями по широкимъ плечамъ. На немъ былъ мундиръ темнозеленаго цвѣта, весьма похожій на нынѣшніе короткіе однобортные сюртуки, съ тою только разницею, что онъ былъ безъ воротника, на груди не сходился, и что у него спереди на фалдахъ были большіе клапаны, вырѣзанные по краямъ городками, а на рукавахъ широкіе разрѣзные обшлага. Этотъ мундиръ былъ съ мѣдными золочеными пуговицами; подъ нимъ суконный камзолъ и нижнее платье также темнозеленые. На шеѣ бѣлый холстинный галстукъ съ висячими концами, а на ногахъ высокіе, по самое колѣно, сапоги съ небольшими раструбами. Все украшеніе этого, не слишкомъ затѣйливаго, наряда состояло въ томъ, что мундиръ, камзолъ, клапаны и обшлага обшиты были по борту золотымъ галуномъ, пальца въ полтора шириною.

Максимъ Петровичь всталъ. — Милости просимъ, Василій Михайловичь! — сказалъ онъ, идя на встрѣчу къ своему гостю. Эй, Степка! стулъ.

— Зѣло благодарствую вамъ, высокопочтеннѣйшій Максимъ Петровичь, — промолвилъ офицеръ, кланяясь хозяину, — что вы меня, страннаго человѣка, изволили укрыть отъ холода и непогоды!

— Помилуй, батюшка, да за это нѣчего и спасибо сказать. Просимъ садиться....

— Всепокорнѣйше благодарю!

— Да зачѣмъ же на скамейкѣ? Ботъ стулъ.

— Все равно, Максимъ Петровичь. Нижайше прошу васъ, не извольте себѣ чинить, ради меня, никакой турбаціи.

— Турбаціи! — повторилъ про себя Максимъ Петровичь, взглянувъ съ удивленіемъ на офицера. Ну что, Василій

Digitized by Google

Михайловичь, — продолжалъ онъ, — поотогрѣлся-ли ты? Вѣдь погода-то не приведи Господи!

— Истину изволите говорить: совершеннѣйшее подобіе морскаго штурма, или, паче сказать, смятеніе всѣхъ элементовъ.

— А по нашему просто: мятель. Дозволь спросить: откуда путь держишь?

— Изъ Санктпетербурга. Ѣздилъ по указу начальства въ Смоленскъ и Калугу; теперь пробираюсь въ Москву.

— Такъ ты, сударь, не изъ здѣшней стороны?

— Нѣтъ, Максимъ Петровичь, прошу экскузовать! Я родомъ изъ Москвы, а служу теперь....

— Знаю, знаю! По нынѣшнему въ царской гвардіи, а по старинному — въ опричникахъ.

— Не прогнѣвайтесь, Максимъ Петровичь, — сказалъ офицеръ, улыбаясь, — я противъ этого протестую. Опричня была при Государѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, а лейбъ-гвардія учреждена Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ по примѣру всѣхъ царствующихъ потентатовъ

— Потентатовъ! — прошепталъ опять про себя Максимъ Петровичь, нахмуривъ брови. — Такъ ты, Василій Михайловичь — молвилъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени,—недавно изъ этого.... какъ бишь вы его зовете?.... Санкъ-санкъ ... Не прогнѣвайся, молодецъ, я по-нѣмецкому-то не гораздъ. Ну вотъ изъ этого бурха-то....

— Изъ Санктпетербурга. Я выѣхалъ оттуда на прошлой недѣлѣ.

— Ну что у васъ тамъ подѣлывается?

— Мало-ли что: строютъ всякія зданія, проводятъ каналы.

— И все идетъ успѣшно?

— Да, Максимъ Петровичь! По истинѣ доложу вамъ: Санктпетербургъ, яко нѣкій парадисъ, процвѣтаетъ, и на-

Digitized by Google

подобіе преизряднаго младенца, каждодневно возрастая, всякими инвенціями украшается.

— Не осуди меня старика,—перервалъ Прокудинъ.— Ты, молодецъ, изволишь такія мудреныя рѣчи проговаривать, что я тебя и въ толкъ не возьму. Ну вотъ, примѣромъ сказать, уподобляешь ты вновь созидаемый градъ какому-то парадису, — а что̀ такое этотъ парадисъ?

— Парадисъ? Это иноземное слово; оно соотвѣтствуетъ нашему слову: земной рай.

— Вотъ что̀! Такъ на что̀ же ты, говоря съ Русскимъ человѣкомъ, называешь земной рай по-нѣмецки?

— Привычка, Максимъ Петровичь. У насъ въ Санктпетербургѣ всѣ такъ говорятъ.

— Видно подъ-стать къ вашимъ нѣмецкимъ кафтанамъ. Послушай, Василій Михайловичь: я человѣкъ старый, никакимъ заморскимъ хитростямъ не обучался, такъ нельзя-ли тебѣ говорить со мною по просту?

— Прошу прощенья, Максимъ Петровичь. Я мыслилъ....

— Что и мы деревенскіе также онѣмечились. Нѣтъ, батюшка, гдѣ намъ! Мы все такіе же неучи, какими были прежде. Ну, скажи-ка мнѣ, Василій Михайловичь, что̀ у васъ тамъ строютъ?

— Царской дворецъ, адмиралтейство, фортецію — сирѣчь крѣпость.

— Крѣпость! Что жъ, она сооружается на подобіе Московскаго Кремля?

— Нѣтъ, Максимъ Петровичь. Эта крѣпость строится по заморскимъ чертежамъ, безъ башенъ, со многими бастіонами и болверкомъ — сирѣчь съ выступами и съ земляннымъ раскатомъ.

— А что, обывательскіе-то дома прибавляются?

— Словно грибы ростутъ.

Digitized by Google

— Не диво! Вѣдь по царскому указу всѣ зажиточные дворяне должны тамъ строить дома. Вотъ и мнѣ на старости придется выстроить домишко; да только врядъ-ли я въ немъ новоселье буду справлять. Приказано строить — построю, а живи въ немъ кто хочетъ.

— Напрасно, Максимъ Петровичь. Почему жъ вамъ не пріѣхать, хоть недѣльки на двѣ, взглянуть на вашъ домъ, полюбоваться нашимъ Санктпетербургомъ....

— Нѣтъ, батюшка! Коли я въ Москву не могу собраться, такъ поѣду ли къ вамъ за тридевять земель въ тридесятое государство? Да и что мнѣ у васъ смотрѣть?

— Мало-ли что. Вотъ, напримѣръ, вы побывали бы тамъ въ кунсткамерѣ....

— А что это, батюшка, такое?

— Это особый домъ, въ которомъ показываютъ всякія рѣдкости.

— А, знаю, знаю!.... Еще недавно объявляли царской указъ, чтобъ со всѣхъ сторонъ присылали туда всякихъ уродцевъ. Вотъ мнѣ сказывали: въ прошломъ мѣсяцѣ послали къ вамъ изъ Серпухова мертваго телёнка о пяти ногахъ, — эка вещь!.... Да я и живаго-то телёнка о пяти ногахъ видѣть не хочу, — что тутъ за краса такая?....

— Ну такъ посмотрѣли бы море.

— Море? Вотъ невидаль! Я съ молоду служилъ въ Астрахани воеводскимъ товарищемъ и видѣлъ море-то почище вашего, — море Хвалынское!

— Поглядѣли бы какъ иноземные гости къ намъ на корабляхъ приходятъ.

— Иноземныхъ гостей и въ Москвѣ много, и кораблито мнѣ не въ диковинку. Покатался я вдоволь по морю Хвалынскому; вплоть до самаго Дербента ходилъ на парусахъ.

— Да это все не то, Максимъ Петровичь; что ваши волжскіе струга! Вы посмотрѣли бы на нашу гребную фло-

Digitized by Google

тилію, галеры, осмидесяти-пушечные корабли; покатались въ шлюпкѣ по Невѣ.... Да что по Невѣ! У насъ такое обиліе водъ, что можно весь городъ объѣздить въ лодкѣ.

— А пѣшкомъ-то ходить видно не приходится: въ болотѣ увязнешь.

— Нѣтъ, Максимъ Петровичь. У насъ почитай всѣ большія улицы вымощены булыжникомъ.

— Не диво: городишка маленькой, рукъ много, а за булыжникомъ дѣло не станетъ. Мнѣ разсказывали, что у васъ поля-то всѣ усыпаны голышами: ни пахать, ни косить нельзя. А что, молодецъ, правду-ли мнѣ также говорили, будто бы въ вашей сторонѣ не Русской народъ живетъ, а какіе-то Латыши?

— Теперь и Русскихъ много.

— Что жъ, эти Латыши по-латынѣ что ль говорятъ?

— Да, рѣчь у нихъ совсѣмъ иная.

— Ну, нѣчего сказать: далеконько же этотъ новый городокъ поотшатнулся, и я — не прогнѣвайся, Василій Михайловичь — мыслю такъ, что ему никогда не бывать знатнымъ городомъ.

— Напрасно вы это изволите думать. Санктпетербургъ и теперь ужъ городъ нарочитый, и коли онъ сдѣлается царской резиденціею — сирѣчь столицею, такъ не диво, если и съ первопрестольнымъ градомъ поверстается....

— Съ Москвою?.... Экъ хватилъ!.... Нѣтъ, Василій Михайловичь, далеко кулику до Петрова дня!.... Ну, можетъ статься по времени, вашъ новый городишка будетъ не хуже города Архангельска; но чтобъ онъ съ Москвою когда поравнялся — не моги этого и думать.

— Да вѣдь и Москва, Максимъ Петровичь, не всегда была такая, какъ теперь.

— Москва!.... Москва-то, любезный, не что другое: она и великому Царьграду въ версту будетъ!.... Ее, нашу мату-

Digitized by Google

шку, не три дня строили!.... Бижь скорохваты какіе! Тяпъ да ляпъ — анъ и другая Москва готова. Нѣтъ, молодецъ, погоди!

Въ комнату вошли двое слугъ, одинъ съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стояли три полуштофика и двѣ позолоченыя чарки, другой съ закускою, то есть съ хлѣбомъ, паюсною икрою и жирнымъ балыкомъ.

— Прошу покорно! — сказалъ хозяинъ. — Какой прикажешь? Вотъ травничекъ, зорная....

— Нижайше благодарю! — отвѣчалъ Симской, кланяясь.

— Да выкушай, гость дорогой! А коли не хочешь ни травника, ни зорной — такъ милости просимъ отвѣдать вотъ этой.... отличная анисовка!.... Говорятъ: нашъ батюшка Петръ Алексѣевичь изволитъ ее жаловать, такъ вамъ, вѣрнымъ его слугамъ, непригоже отъ нея отказываться.... Выкушай за его здоровье, и я съ тобой выпью чарочку.

Хозяинъ и гость налили себѣ по чаркѣ анисовой водки, выпили, стоя, за здоровье Царя Русскаго, закусили; потомъ, когда слуги вышли, Максимъ Петровичь завелъ рѣчь о мундирѣ, въ которомъ былъ его гость.

— Что жъ это, батюшка, — спросилъ онъ, — праздничной что ль это кафтанъ, или ужъ вы всегда въ такихъ празументахъ ходите?

— У насъ нѣтъ другихъ мундировъ, — отвѣчалъ Симской.

— Подумаешь: ну чѣмъ этотъ нѣмецкой кафтанъ лучше нашего?.... Спереди вся грудь раскрыта, сзади затылокъ нечѣмъ прикрыть — и коротенько и узенько!.... Сапоги выше колѣнъ....

— Да это по походному, — перервалъ Симской, — а на стоянкѣ мы сапоговъ не носимъ.

— Право!.... Такъ въ чемъ же вы ходите?

— Въ башмакахъ и зеленыхъ чулкахъ.

Digitized by Google

— Чулкахъ !.... Лѣтомъ ?

— И лѣтомъ и зимою.

— И зимою !.... Да какъ же это ?.... Вѣдь Русской морозъ чулочки-то не очень жалуетъ.

— Ничего, Максимъ Петровичь. Ну какъ больно холодно, можно поддѣть что-нибудь.

— Поддѣть !.... Вѣстимо можно. Да на что жъ людей-то морочить ? «Я, дискать, ипо морозу въ чулкахъ похажи ваю!» А глядишь: подъ чулками-то онучи намотаны.

— Что жъ дѣлать, Максимъ Петровичь! Ужъ коли за моремъ такъ одѣваются....

— За моремъ-то, говорятъ, тепло, а у насъ холодно.... Ахъ Ты, Господи Боже мой! вотъ оно и впрямь выходитъ, что Нѣмцы-то насъ умнѣе. Русской человѣкъ хоть замерзни, да одѣвайся по-нѣмецки; а поди-ка, уговори какого-нибудь Нѣмца, чтобъ онъ надѣлъ нашъ полушубокъ — какъ бы не такъ !.... Онъ тебѣ тотчасъ скажетъ: нѣтъ, братъ, спасибо! наша земля не ваша, у насъ въ Русскомъ полушубкѣ-то задохнешься! Ну, а на головахъ-то что вы носите ?.... Вотъ этакія шапки что ль ? ...

— Нѣтъ, Максимъ Петровичь, это по дорожному, а на службѣ мы носимъ шляпы съ пригнутыми полями.

— А, знаю, знаю !.... У меня проѣздомъ былъ одинъ Нѣмецкой купчина въ этакой шляпѣ; ни дать, ни взять — пирогъ безъ начинки. По морозцу въ ней не далеко уѣдешь! Хорошо еще, что вы теперь волосы отпускаете : все-таки есть чѣмъ уши прикрыть.

— А когда бываютъ парадные строи, такъ волосы-то у насъ еще длиннѣе.

— Какъ такъ ?

— Да, Максимъ Петровичь. Мы сверхъ своихъ волосъ надѣваемъ пудреные парики.

— Пудреные парики ! Что это за вещь такая ?

Digitized by Google

— Париками называютъ накладные волосы, а коли они посыпаны пудрою, сирѣчь мукою, такъ ихъ зовутъ пудреными.

— Ну, хитро придумано!.... На свои родные волосы надѣвать чужіе — да еще мукой ихъ посыпать!....

— Такъ ужъ вездѣ заведено, Максимъ Петровичь.

— Вездѣ!.... Да пускай себѣ Нѣмцы хоть круглый годъ святки справляютъ, а намъ, православнымъ грѣшно, рядиться такими халдейцами, и тратить понапрасну даръ Божій.

— Я вижу, — сказалъ улыбаясь Симской, — что вамъ всѣ эти новинки не по сердцу.

Прокудинъ взглянулъ недовѣрчиво на своего гостя и повторилъ вполголоса:

— Не по сердцу.... не то что̀ не по сердцу.... Коли такъ угодно нашему батюшкѣ Петру Алексѣевичу, такъ воля его царская — мы всѣ рабы его: что прикажетъ, то и дѣлаемъ.... а это такъ, между словъ, скажешь иногда.... Человѣкъ же есть: посумнишься, подумаешь.... «что, дискать, ради чего это? на какую потребу?....» Да вотъ хоть, примѣромъ сказать, поговариваютъ, будто бы не токмà вамъ, людямъ ратнымъ, но и всѣмъ православнымъ указано будетъ бороды брить и носить нѣмецкое платье. Но будь же милостивъ — скажи мнѣ, ради чего это?

— А вотъ ради чего, Максимъ Петровичь. Государю Петру Алексѣевичу желательно, чтобъ мы, Русскіе, ни въ чемъ не были хуже нашихъ сосѣдей-Нѣмцевъ и другихъ иноземныхъ народовъ.

— Да чѣмъ же мы ихъ хуже?

— А тѣмъ, Максимъ Петровичь, что они, по своей эдюкаціи и наукѣ, во всякомъ дѣлѣ больше толку знаютъ, чѣмъ мы. Навигація, ратное дѣло, свободныя художества и многія другія хитрости, въ которыхъ мы еще не искусились, находятся у нихъ въ превзрядномъ процвѣтаніи; такъ любы-ли намъ нѣмцы или нѣтъ, а перенимать у нихъ слѣдуетъ. Вы скажете, можетъ быть: «на что дискать намъ всѣ эти

Digitized by Google

хитрости — вѣдь мы жили же безъ нихъ.» Не тѣ времена, Максимъ Петровичь! То было въ старину, а теперь безъ науки не далеко уйдешь. Да вотъ хоть въ дѣлѣ ратномъ давно-ли насъ Шведы по́ходя били, а какъ мы понаучились: отъ Нѣмцевъ, такъ и сами стали ихъ поколачивать, да еще какъ!.... Нѣтъ, Максимъ Петровичь, воля ваша, а намъ Русскимъ нельзя не перенимать у Нѣмцевъ. Вотъ какъ избе́ремся отъ нихъ ума разума, такъ, можетъ статься, и сами другихъ поучимъ. Вѣдь это, сударь, круговая порука и обижаться этимъ нечего.

Прокудинъ улыбнулся.

— Ну, молодецъ, — сказалъ онъ, — много ты наговорилъ, а все-таки не далъ отвѣта на то, о чемъ я тебя спрашивалъ. Наука сама по себѣ — и мы, старики, знаемъ пословицу: ученье свѣтъ, а неученье тьма; да у насъ рѣчь шла вовсе не о томъ; я спрашивалъ тебя, ради чего должны мы, православные, одѣваться какъ еретики и брить себѣ бороды? Да неужели Государь Петръ Алексѣевичъ изволитъ думать, что коли Русской человѣкъ отмахнетъ себѣ бороду, такъ въ немъ отъ этого ума прибудетъ? А если вмѣсто ферязи натянетъ на себя кургузой кафтанишка, такъ станетъ хитрѣе всякаго Нѣмца?

— Нѣтъ, онъ этого не думаетъ.

— А коли не думаетъ, такъ въ чемъ же передъ нимъ провинились наши бороды, и почему Русское одѣяніе, которымъ не гнушались наши предки, хуже этого общипаннаго заморскаго платья?

— Да это, Максимъ Петровичь, ничто иное, какъ препарація — сирѣчь приготовленіе или, такъ сказать, начало. Чтобъ перенять что-нибудь у Нѣмцевъ, надобно имѣть съ ними обхожденіе, не чуждаться ихъ; а какое можетъ быть у насъ общеніе съ иноземцами, коли между ими и нами не будетъ даже и наружнаго подобія? Вы сами знаете, что въ старину мы, Русскіе, презирали иноземцевъ, смѣялись надъ ними, называли ихъ погаными и даже за людей-то признавать не хотѣли — и все это не потому-ли только, что они

Digitized by Google

явно отличались отъ насъ своимъ платьемъ, обычаями и бритой бородою? Теперь, какъ мы сами будемъ брить бороды и одѣваться какъ они, такъ мало по малу свыкнемся съ ними, перестанемъ ихъ чуждаться, и намъ будетъ вовсе не зазорно учиться у нихъ тому, чего мы еще не знаемъ и что намъ зѣло знать надлежитъ. Да вотъ хоть, напримѣръ, случалось мнѣ принимать къ намъ въ полкъ рекрутовъ, сирѣчь новобранцевъ; пока они еще въ своихъ сермяжныхъ зипунахъ, въ лаптяхъ и съ бородами, такъ глядятъ медвѣдями на своихъ товарищей-солдатъ, да и тѣ на нихъ небольно ласково посматриваютъ; а какъ ихъ обрѣютъ да одѣнутъ въ мундиры, такъ они какъ вѣкъ съ ними жили: все разомъ переймутъ, откуда возьмется и удаль и смѣтка солдатская, ну, словомъ, вовсе переродятся. Такъ изволите видѣть, Максимъ Петровичь, что̀ значитъ платье-то! Оно, кажись, ничего, а посмотришь — нѣтъ! тотъ же человѣкъ, да не тотъ.

— Вижу, Василій Михайловичь, вижу! Такъ вотъ оно что̀: Нѣмцы-то солдаты, а мы новобранцы.... такъ! Да только вотъ что̀: бородъ-то много на святой Руси, а не у всякаго руки на самого себя подымутся, такъ всѣхъ-то брить отъ казны тяжеленько будетъ.

— И, Максимъ Петровичь! была бы на это воля царская.

— Воля царская! — перервалъ Прокудинъ. — Не прогнѣвайся, молодецъ: борода-то ничто другое — съ ней не всякой захочетъ разстаться. Нѣтъ, Василій Михайловичь, не знаю какъ вы, люди молодые, а мы, старики, не то думаемъ.... Да, батюшка, да! Въ головѣ моей Царь воленъ, а въ бородѣ нѣтъ!.... Что ухмыляешься? Всеконечно такъ! Пусть себѣ брѣютъ бороды эти заморскіе еретики.... имъ что! Они, чай, и Бога-то не знаютъ. А чтобъ у православнаго рука поднялась на такое искаженіе образа Божія.... нѣтъ, любезный! Ужъ коли желаешь кого осрамить, такъ прежде сними съ него голову, а тамъ и ругайся надъ нимъ какъ хочешь.... Да что̀ объ этомъ говорить! — продолжалъ Прокудинъ, вспомнивъ, что человѣкъ, съ которымъ

Digitized by Google

онъ бесѣдуетъ, вовсе ему незнакомъ. — Мало-ли что болтаетъ народъ. Нашъ благовѣрный Царь Петръ Алексѣевичь, Государь милостивый: можетъ статься ему и въ голову не приходило насильно брить намъ бороды. И къ чему насильно? Охотниковъ найдется много. Одинъ оскоблитъ себѣ рыло, чтобъ на Нѣмца походить, другой ради того, чтобъ выслужиться.... Вѣдь нынче не прежнія времена: столбовые-то люди повывелись. — Эй, Степка! вели накрыть здѣсь столъ. Милости просимъ, Василій Михайловичь, поужинать съ нами чѣмъ Богъ послалъ. Да не прогнѣвайся, поваришка-то у меня простой, у Нѣмцовъ не учился.

Во время ужина Прокудинъ началъ снова разспрашивать своего гостя о Петербургѣ, и слушалъ его съ большимъ вниманіемъ; но когда Симской сказалъ, между прочимъ, что широкая и многоводная Нева, по красотѣ своей, можетъ назваться первой Русской рѣкою, онъ перервалъ его и промолвилъ, улыбаясь:

— Конечно, Василій Михайловичь, конечно! Гдѣ нашимъ старымъ рѣкамъ, Волгѣ, Дону и Днѣпру, равняться съ вашей новой рѣкою! Правда, по этой рѣчонкѣ, что̀ мы Волгой зовемъ, проѣдешь почитай все Царство Русское. Да это что.... То-ли дѣло ваша Нева ... Говорятъ, будто бы она вытекаетъ изъ Ладожскаго озера и течетъ вплоть до самаго моря Нѣмецкаго — сирѣчь невступно шестьдесятъ верстъ. Эка рѣчища, подумаешь!

— Однакожъ по ней большіе корабли ходятъ.

— Какъ же, батюшка! не даромъ говорится: «большому кораблю большое плаваніе.« Вѣдь шутка вымолвить — шестьдесятъ верстъ!.... Поди-ка, пройди ихъ! Ну да Богъ съ ней! Пусть она лучше нашей кормилицы Волги, также какъ вашъ новый городъ лучше нашего первопрестольнаго града — передъ вами!.... А кстати о первопрестольномъ градѣ: что ты, батюшка, поживешь таки въ Москвѣ?

— Недолго, Максимъ Петровичь; съ недѣлю можетъ быть.

Digitized by Google

— Сирѣчь до Великаго поста? Что у тебя тамъ, знакомые чтоль есть, или сродственники?

— Знакомыхъ довольно, а близкихъ родственниковъ одинъ только дядя. Я у него и остановлюсь.

— А кто твой дядюшка?

— Стольникъ Данила Никифоровичь Загоскинъ.

— Данила Никифоровичь?.... Старинный, батюшка, пріятель! И отцы-то наши межъ собой хлѣбъ-соль важивали. Ну вотъ, Василій Михайловичь, примѣромъ сказать, твой дядюшка, — худо чтоль послужилъ и словомъ и дѣломъ нашимъ царямъ-государямъ? Ты, чай знаешь, что во время стрѣлецкаго мятежа и нестроенія, Данила Никифоровичь въ Коломенскомъ походѣ, въ Савинѣ монастырѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, не жалѣя живота своего, стоялъ за царей православныхъ? Я самъ читалъ въ царской жалованной грамотѣ, какъ онъ пришелъ въ скорыхъ числехъ, многолюдствомъ, и видя въ царствующемъ градѣ мятежъ, стоялъ съ бояры и воеводы крѣпко, мужественно и вѣрно, по своему отечеству и по породѣ, за что и жалованъ многими отчинами и всякой милостію царской. Ужъ нѣчего сказать: вѣрный слуга Государя Петра Алексѣевича, да къ томужъ и ума палата — а все-таки старины придерживается; не ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ и бороды не брѣетъ.

— Давно бы обрилъ, — сказалъ Симской улыбаясь, — кабы не тетушка Марѳа Савишна....

— Нѣтъ, молодецъ! — перервалъ съ жаромъ Прокудинъ: — видно ты плохо дядю-то своего знаешь. Конечно, онъ любитъ и даже чтитъ свою благочестивую супругу, но ужъ вѣрно бы не послушался ея, когда бы она не дѣло ему совѣтовала. Данила Никифоровичь человѣкъ умный, видно смекнулъ, что Русская борода ни уму, ни наукѣ, ни службѣ царской не помѣха, — и я голову мою прозакладаю, что онъ не промѣняетъ своей бороды ни на какія почести, и хоть вѣкъ останется стольникомъ, а ужъ ни за что не надѣнетъ нѣмецкаго кафтана. — Ну, Василій

Digitized by Google

Михайловичь, — продолжалъ Прокудинъ, вставая, — коли голоденъ, такъ не осуди — я не ждалъ сегодня такого дорогаго гостя.

— Помилуйте, Максимъ Петровичь! — сказалъ Симской, низко кланяясь хозяину. — Да вы изволили меня такъ оттрактовать, что я и словъ не нахожу для моего благодаренія; поискали вашей ласкою, накормили и напоили до сыта....

— Ну коли сытъ, батюшка, такъ и славу Богу!.... Да не пора-ли тебѣ отдохнуть, Василій Михайловичь? Ты, я чаю, сегодня больно умаился....

— Да, Максимъ Петровичь, признательно вамъ доложу....

— Такъ съ Богомъ! — Кулага! вели проводить его милость въ опочивальню; да приходи скорѣй назадъ — и мнѣ ужъ время на боковую. Прощай молодецъ, — до завтра!

— Я завтра отправлюсь чѣмъ свѣтъ, — сказалъ Симской, — такъ врядъ-ли съ вами увижусь. Не прикажете-ли чего въ Москву?

— Кланяйся отъ меня дядюшкѣ.

— Буду кланяться. Прощенья прошу, Максимъ Петровичь!

— Спокойной ночи, Василій Михайхаловичь, пріятнаго сна!

Когда Прокудинъ, помолясь Богу, началъ раздѣваться, Прокофій спросилъ его, понравился-ли ему проѣзжій служивый.

— Какъ тебѣ сказать? — отвѣчалъ Максимъ Петровичь: — парень бойкой и собой молодецъ, да не нашего поля ягода.

— А что, сударь?

— А вотъ что, братецъ: имя-то у него Русское, да рѣчь-то полузаморская, а душа, я чаю, вовсе Нѣмецкая.

Digitized by Google

— Эка жалость, подумаешь! А вѣдь молодецъ, и роду, сударь, хорошаго. Деньщикъ мнѣ сказывалъ, что батюшка вашего гостя былъ Казанскимъ воеводою и оставилъ сынку-то своему знатныя помѣстья.

— А все бы я за него племянницы ни за что не выдалъ. Ее и теперь дура сестра таскаетъ съ собой къ этому Нѣмцу Гутфелю, а съ такимъ мужемъ она пожалуй и къ обѣдни-то станетъ ѣздить въ нѣмецкую кирку ... Ну, ступай, Кулага! — примолвилъ Прокудинъ, ложась на широкую скамью, которая замѣняла ему постель. — Да пошли ко мнѣ Егорку слѣпова; онъ началъ еще на прошлой недѣлѣ разсказывать мнѣ сказку о какомъ-то Новогородскомъ богатырѣ и царевнѣ Прекрасѣ. Никакъ не могу дослушать: лишь примется разсказывать, тотчасъ и засну; видно, ужъ сказка такая.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ комнату сказочникъ Прокудина, Егорка слѣпой. Онъ доплелся ощупью до перваго угла, прислонился къ стѣнѣ и началъ:

— Вчера, государь Максимъ Петровичь, я досказалъ тебѣ, какъ Новогородскѳй богатырь-дворянинъ Заолѣшанинъ побилъ на-голову все несмѣтное войско поганаго царя Аспаруха, и какъ онъ поганый царь Аспарухъ бѣжалъ въ свой крѣпкой градъ Буюсланъ и засѣлъ въ немъ за тремя каменнымн стѣнами, въ своемъ высокомъ теремѣ. Изволишь помнить, Максимъ Петровичь?

— Помню, помню!.... Разсказывай, небось!

— Слушаю, батюшка!.... «Ну вотъ сильный, могучій «богатырь Заолѣшанинъ погулялъ и понатѣшился, потопталъ «своимъ удалымъ конемъ рать басурманскую, разметалъ ее «по широкимъ степямъ и гналъ ее не отдыхаючи вплоть до «самаго града Буюслана. Тутъ онъ далъ маленько вздохнуть «своему бѳрзому коню, снялъ съ него уздечку позолоченую, «далъ пощипать травки въ заповѣдныхъ лугахъ, напоилъ «водицею изъ царскаго студенца любимаго, а тамъ вскочилъ «на него опять соколомъ и учалъ ѣздить вкругъ высокихъ

Digitized by Google

«стѣнъ; затрубилъ въ свой рогъ серебряный и крикнулъ «зычнымъ голосомъ: О, гой ты еси поганый царь Аспа- «рухъ! коли сердце въ тебѣ молодецкое, выходи со мной «помѣриться во чисто поле; а не выдешь — разорю твой «крѣпкой градъ до тла, раскидаю твои высокія стѣны по «камушку, сорву съ могучихъ плечь твою буйную головушку «и отвезу ее въ торокахъ во святой градъ Кіевъ, ребятиш- «камъ на потѣшище и посадскимъ бабамъ ради игрища. «Вотъ кричитъ онъ день, кричитъ другой, кричитъ третій....»

Тутъ разскащикъ остановился, сталъ прислушиваться, помолчалъ нѣсколько времени, потомъ махнулъ рукою и, пробираясь вдоль стѣны, вышелъ потихоньку вонъ изъ комнаты.

ГЛАВА III.

Солнце было уже близко полуденъ, когда Симской, перемѣнивъ лошадей въ Подольскѣ, миновалъ наконецъ село Коломенское и сталъ приближаться къ Москвѣ. День былъ ясный, погода тихая, воздухъ легкій и прозрачный — словомъ, одни только наносные бугры снѣгу, которыми покрыта была большая дорога, напоминали о прошедшей бурной ночи. Вотъ вдали проглянулъ и началъ подыматься Иванъ Вѣликой, забѣлѣлись соборы и обрисовался на свѣтлоголубыхъ небесахъ, опоясанный своей зубчатой стѣною, усѣянный башнями и обставленный царскими палатами, высокой холмъ кремлевской; потомъ, зачернѣлась необозримая громада зданій, въ которой сливались въ одну сплошную и волнистую полосу безчисленныя избы простыхъ обывателей, церкви, монастыри, брусяныя хоромы зажиточныхъ людей и каменные боярскіе дома съ ихъ вышками и теремами.

— Ну что, Дёминъ, — сказалъ Симской своему деньщику, который сидѣлъ на санномъ облучкѣ, рядомъ съ ямщикомъ: — видишь Москву?

Digitized by Google

— Вижу, Василій Михайловичь.

— Бывалъ-ли ты въ ней когда-нибудь?

— Никогда не былъ.

— Такъ ты, видно, родомъ не изъ понизовья?

— Никакъ нѣтъ, Василій Михайловичь: — и я и батюшка мой, и дѣдъ и прадѣдъ, мы всѣ родомъ изъ Великаго Новгорода.

— Ого, братъ Дёминъ, да ты, я вижу, человѣкъ родословный: все родство свое помнишь.

— Какъ не помнить! Вѣдь батюшка мой былъ человѣкъ грамотный, а прадѣдушка служилъ господину Великому Новгороду, въ Шалонской пятинѣ, въ селѣ Александровскомъ, волостнымъ старостою.

— Вотъ что! Ну, а какъ тебѣ, Дёминъ, отсюда Москва кажется?

— Хороша, Василій Михайловичь! Ни дать, ни взять какъ нашъ батюшка Великой Новгородъ, и кремль, кажись, такой же; чай только этакого собора нѣтъ, какъ наша святая Софія.

— А вотъ пріѣдешь, такъ посмотришь.

— Что это тамъ вдали бѣлѣется? — спросилъ Дёминъ ямщика, указывая на круглую башню, къ которой наши путешественники быстро приближались.

— Вонъ энта-то, съ черной верхушкою? отвѣчалъ ямщикъ: — это Калужскія ворота.

— Ворота!.... Чтожъ за ними ужъ и Москва пойдетъ?

— Ну да — Замоскворѣчье.

— Ого!.... А вотъ налѣво-то отъ кремля—Москва же?

— Какъ же — Москва! Вотъ прямо, Бѣлый-городъ, полѣвѣе, Чертолье, а тамъ слободы.

— А направо-то?.... Неужели это все Москва?

— Коли не Москва, — а то чтожъ?

Digitized by Google

— Что, Новогородской уроженецъ, — сказалъ Симской, замѣтивъ удивленіе своего деньщика: — видно спѣсито въ тебѣ убыло.

— Ну! — прошепталъ Дёминъ,—никакъ и впрямь Москва-то побольше будетъ Новгорода!.... У, батюшки!.... Вонъ еще вдали забѣлѣлись церкви ... Ахъ, Господи!.... да ей и конца нѣтъ!....

— Конецъ-то есть,—перервалъ ямщикъ, помахивая кнутомъ. — А неча сказать, коли мнѣ придется васъ везти отъ Калужскихъ воротъ до Нѣмецкой-слободы, такъ я лошадокъ-то больно упарю.

— Небось, братъ, — сказалъ Симской, — дальше Знаменки не поѣдемъ.

— До Знаменки, только?.... Ну это что! рукой подать.... Эй вы, други!

Наши путешественники въѣхали Калужскими воротами въ ту часть Земляного города или *скородома*, которая, по своему мѣстному положенію, называлась, и теперь еще называется Замоскворѣчьемъ. Кругомъ ихъ царствовала мертвая тишина, изрѣдко только попадались имъ какіе-то нищіе въ лохмотьяхъ, которые однакожъ не просили милостины, а робко озираясь кругомъ, пробирались сторонкою вдоль домовъ, по большой части совершенно разоренныхъ. Одни изъ этихъ прохожихъ, видя, что въ саняхъ сидятъ люди служивые, одѣтые на нѣмецкую стать, отворачивались и даже прятались за углами домовъ; другіе, напротивъ, останавливались и, гордо посматривая на проѣзжихъ, провожали ихъ взорами, въ которыхъ не замѣтно было ничего пріязненнаго.

— Что это, братъ, — шепнулъ Дёминъ, толкнувъ локтемъ ямщика, — ѣдемъ мы городомъ, а людей не видимъ, и куда ни поглядишь, все пустые да разоренные дома. Вотъ хороминка преизрядная, а посмотри-ка: окны выбиты, дверь настежъ.... вонъ опять домишко на боку....

Digitized by Google

воротъ нѣтъ, однѣ вереи остались.... А это что?.... Кажись, не горѣло, а весь домъ съ корня разоренъ. Чтожъ это такое?

— Да хозяевъ-то нѣтъ дома, отвѣчалъ ямщикъ.

— Кудажъ они подѣвались?

— А кто ихъ знаетъ. Чай перебрались всѣ на Божедомку, а оттуда разбрелись по погостамъ.

— Сирѣчь померли.... Чтожъ это такое? Или у васъ моръ былъ?

— Моръ не моръ, а много буйныхъ головушекъ легло. Мы, служивой, ѣдемъ теперь стрѣлецкой слободою.

— Вотъ что!....—прошепталъ Дёмкинъ, робко посматривая кругомъ.

Впродолженіе этого разговора, ямщикъ, который ѣхалъ до того все прямой улицей, поворотилъ налѣво и, миновавъ обширный лугъ, выѣхалъ на Серпуховскую улицу. Тутъ стали съ ними встрѣчаться довольно часто и проѣзжіе и проходящіе. Вотъ мимо нашихъ путешественниковъ промчался, на красивомъ аргамакѣ, боярской сынокъ въ собольей шапкѣ и бархатномъ зипунѣ съ золотыми петлицами; вслѣдъ за нимъ проѣхала Московская барыня въ своемъ зимнемъ экипажѣ, то есть въ обитомъ краснымъ сукномъ огромномъ ящикѣ, поставленномъ на длинныя дровни. Этотъ неуклюжій возокъ запряженъ былъ гусемъ въ двѣ лошади, изъ которыхъ переднюю велъ подъ-узцы конюхъ; позади на полоскахъ стоялъ слуга, а впереди шли, разумѣется шагомъ, два *скорохода*. Вслѣдъ за этимъ чиннымъ поѣздомъ прокатилъ, на лихой тройкѣ въ красивыхъ пошевняхъ, молодой купчикъ, а за нимъ протащился шажкомъ архимандритъ сосѣдняго монастыря, въ длинныхъ лубочныхъ саняхъ, у которыхъ не было кучерскаго мѣста, потому что кучеръ, или по тодашнему *повощикъ*, правилъ лошадью, сидя на ней верхомъ.

Digitized by Google

— Ну вотъ здѣсь полюднѣе, — сказалъ Дёминъ. — А все не то, какъ у насъ въ Новгородѣ. Тамъ почитай всегда и на Софійской сторонѣ и въ Славянскомъ концѣ народъ такъ и кишитъ.

— Погоди, служивый, — перервалъ ямщикъ: — какъ выѣдемъ на бойкое мѣсто, такъ ты не то заговоришь. Здѣсь что! А вотъ какъ подъѣдемъ къ Берсеньевскому мосту, такъ пронеси Господи! Въ базарный день проѣзду нѣтъ, а пуще обозы; иной разъ всю улицу запрудятъ — ни взадъ, ни впередъ! А суньсяка на удалую, такъ тебя разомъ вверхъ копыльями!.... Да вотъ посмотрика впередъ.... вижь какъ они дерутъ порожнякомъ!.... Эва-на!.... ряда въ четыре ѣдутъ!....

Въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ шагомъ впередъ, на улицѣ становилось тѣснѣе. Кому изъ Московскихъ жителей случалось ѣхать въ базарный день отъ Москворѣцкаго моста по Пятницкой, тотъ знаетъ, что такое эти безконечные обозы, а особливо ѣдущіе порожнякомъ, которые скачутъ иногда сломя голову, потому что лошадьми или вовсе никто не правитъ, или правятъ мужички подъ хмѣлькомъ, для которыхъ въ эту минуту море по колѣно. Въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, обычаи Русскихъ крестьянъ почти вовсе не измѣнились, — и въ старину также, какъ нынче, рѣдкой мужичекъ, продавъ на базарѣ привезенный имъ товаръ, не завернетъ бывало въ *царское кружало*, то есть въ кабакъ; а ужъ если Русской человѣкъ хватитъ лишнюю чарку, такъ вы его никакъ не заставите ѣхать по-нѣмецки, то есть шагомъ или маленькой рысцою; онъ будетъ кричать, орать пѣсни и скакать до тѣхъ поръ, пока не одолѣетъ его сонъ и возжи не вывалятся изъ рукъ. Когда наши проѣзжіе стали приближаться въ Москвѣ рѣкѣ, на встрѣчу имъ, отъ Всесвятскихъ воротъ, хлынулъ одинъ изъ этихъ безумныхъ поѣздовъ. На переднемъ возу, въ наголь-номъ тулупѣ на распашку, сидѣлъ ражій дѣтина, красный какъ маковъ цвѣтъ; заломивъ на бекрень свою шапку, онъ гналъ и въ хвостъ и въ голову саврасую лошаденку, за-

Digitized by Google

пряженную въ широкія розвальни. Вслѣдъ за нимъ неслись дюжины двѣ порожнихъ саней; въ однихъ сидѣли и правили вовсе пьяные мужики, а нѣкоторыя изъ подводъ были оставлены совершенно на волю лошадей: и надобно сказать правду, эти добрыя крестьянскія лошадки вели себя гораздо благоразумнѣе людей; онѣ должны были скакать по неволѣ, но по-крайней-мѣрѣ не обгоняли другъ друга и не кидались изъ стороны въ сторону. Вся эта разгульная ватага, не обращая вниманія на крикъ и угрозы другихъ проѣзжихъ, мчалась вдоль по улицѣ, наполненной народомъ, зацѣпляя и ломая все, что ей ни попадалось на встрѣчу.

— Экъ ихъ черти несутъ! — прошепталъ ямщикъ, завидѣвъ издали этотъ обозный ураганъ. — Смотри-ка, смотри! всю улицу захватили, мошенники этакіе!....

— Эй вы, мужичьё! — гаркнулъ Дёминъ, — иль не видите кто ѣдетъ?.... Держи къ одной!

— Куда вы лѣзете? — закричалъ ямщикъ, грозя кнутомъ. — Ахъ вы борноволоки этакіе!.... обломы проклятые!.... Держи правѣй! держи правѣй!.... Тише вы, тише.... дери васъ горой!.... Ахъ вы разбойники!.... Ну!!!

Это послѣднее восклицаніе сдѣлалъ ямщикъ, лежа ужъ на боку подлѣ своей пристяжной; ее подшибли раскатившіяся розвальни передоваго обозника, которыя въ тоже время опрокинули и сани проѣзжихъ. Прежде чѣмъ они успѣли справиться, на нихъ наѣхали еще двѣ подводы, смяли остальныхъ лошадей, изорвали всю збрую и сшибли съ ногъ Дёмина, который хотѣлъ было своротить ихъ въ сторону.

— Держите ихъ, держите! — заревѣлъ Дёминъ, вскочивъ на ноги. — Держите! — закричали многіе изъ проходящихъ, не трогаясь съ мѣста.

— Держите! — повторили уличные ребятишки, прыгая босикомъ по снѣгу и помахивая своими спущенными рукавами. Но держать было нѣкому. Всѣ кричали: «держи, держи!» и всѣ разступались, чтобы пропустить этихъ хмѣль-

Digitized by Google

ныхъ мужичковъ, для которыхъ — какъ я уже сказалъ — въ минуту разгула всегда бываетъ море по колѣно.

— Ну, правду-ли я вамъ баилъ? — сказалъ ямщикъ, подымая вмѣстѣ съ Дёминымъ сани и пристяжную лошадь.— Здѣсь, подлѣ Всесвятскихъ воротъ, въ базарный день, бѣдовое дѣло! А на Берсеньевскомъ мосту и того хуже: со всѣхъ сторонъ народъ такъ и валитъ, вовсе проѣзду нѣтъ.... Еге! — продолжалъ ямщикъ, осматривая лошадей, — да збруя-то вся хоть брось!.... Ахъ они шальные, пьяницы этакіе!.... Смотри-ка, что понадѣлали!

— Да, братъ, — сказалъ Дёминъ: — постромки никуда не годятся....

— Что постромки!.... Ты посмотри-ка шлею на пристяжной.... А дуга-то гдѣ? ... Эва-на!.... оба гужа лопнули.... Ну!.... озорники этакіе!.... чтобъ имъ до дому не доѣхать проклятымъ!....

— Да нельзя-ли какъ нибудь связать; чай съ тобой веревки есть?

— Чего связать!.... Нѣтъ, ужъ дѣлать нѣчего: побудьтека здѣсь, а я какъ разъ сбѣгаю.

— Куда?

— Да вотъ тутъ недалече живетъ у меня куманёкъ — покучусь ему, авось дастъ хомутъ на коренную.

— Такъ оставайся, Дёминъ, здѣсь, — сказалъ Симской, — а я пойду пѣшкомъ. Послушай-ка, любезный,— продолжалъ онъ, обращаясь къ ямщику: — какъ ты управишься, такъ ступай на Знаменку. Ты знаешь тамъ домъ стольника Данилы Никифоровича Загоскина?

— Нѣтъ, батюшка.

— Ну, а знаешь-ли ты на Знаменкѣ домъ князя Хованскаго?

— Большія каменныя палаты.... въ три жилья.... крыша такая узорчатая?

— Ну, да!

Digitized by Google

— Какъ не знать.

— Такъ насупротивъ-то крытыя гонтомъ бревенчатыя хоромы....

— А!.... знаю, знаю, батюшка! На дворѣ еще такая высокая голубятня, съ длиннымъ шестомъ, а на шестѣ-то пѣтушокъ?

— Ну такъ пріѣзжай же туда.

— Ладно, батюшка, пріѣду.

Ямщикъ побѣжалъ къ своему куму, а Симской, оставивъ при саняхъ Дёмина, пошелъ къ Всесвятскимъ воротамъ. Эти ворота, сходныя по своему зодчеству съ нынѣшними Иверскими воротами, стояли на берегу Москвы рѣки, у самаго въѣзда на Берсеньевской мостъ, который назывался также и Всесвятскимъ.

Этотъ мостъ, замѣненный въ послѣдствіи нынѣшнимъ Каменнымъ мостомъ, служилъ въ то время единственнымъ постояннымъ и надежнымъ сообщеніемъ Замоскворѣчья съ остальными частями города, потому что, вмѣсто нынѣшняго Москворѣцкаго моста, перекинутъ былъ черезъ рѣку деревянный *живой* мостъ, то есть, длинный плотъ безъ перилъ, по которому ѣздить не всегда было безопасно. Берсеньевской каменный мостъ былъ вовсе не щеголеватой наружности, но за то весьма прочной постройки. На немъ во всю длину выстроены были лавки, а подъ арками поднята вода и у каждаго быка стояло по водяной мельницѣ о нѣсколькихъ поставахъ. На другой сторонѣ Москвы рѣки, противъ Всесвятскихъ воротъ, подымалась широкая четырехсторонняя башня съ воротами, которыми, прямо съ Берсеньевскаго моста, въѣзжали въ Бѣлый городъ. Эти ворота, которыя давно уже не существуютъ, назывались Троицкими.

Симской съ трудомъ могъ продраться сквозь толпу проѣзжихъ и прохожихъ, которые тѣснились на Берсеньевскомъ мосту; но ему еще труднѣе было попасть въ Троицкія ворота, потому что, за исключеніемъ узкаго проѣзда, все пространство между ними и мостомъ было загромождено шала-

Digitized by Google

шами, мазанками, выносными очагами, на которыхъ пекли лепешки, скамьями и лавочками съ разнымъ мелочнымъ товаромъ, съ поношенымъ платьемъ, со всякой ветошью и ломанымъ желѣзомъ. Продавцы этого хлама, называемые встарину не купцами, а *щепетильщиками*, кричали во все горло, выхваляя свой товаръ и приглашая покупщиковъ. Посреди толпы шныряли збитеньщики съ своими баклагами, разнощики гречневиковъ съ коноплянымъ масломъ, медовой патоки съ имбирёмъ и знаменитаго калужскаго тѣста безъ всякой приправы. Посадскія бабы въ коломенковыхъ шубахъ и мѣховыхъ шапкахъ, горожанки въ теплыхъ ферязяхъ съ длинными рукавами, приказные въ долгополыхъ синихъ кафтанахъ, боярскіе слуги въ нагольныхъ тулупахъ и сотни разныхъ праздношатающихся зѣвакъ лакомились этими сластями, толпились около лавочекъ, торговали, шумѣли, спорили и не давали никому прохода. Наконецъ Симскому удалось выбраться за Троицкія ворота. Оставивъ въ лѣвой сторонѣ Крымской дворъ, онъ пошелъ вдоль стѣны Бѣлаго города; дойдя до Лебединаго пруда, повернулъ мимо Царскаго сада, расположеннаго по бе́регу Неглинной, и вышелъ на Знаменку. Тутъ Симской долженъ былъ снова остановиться, потому что два обоза, изъ которыхъ одинъ тянулся отъ Чертольскихъ, а другой отъ Арбатскихъ воротъ, съѣхались съ третьимъ, ѣдущимъ изъ Кремля, и захватили совершенно всю улицу. Тогда въ Москвѣ во многихъ мѣстахъ, и почти на всѣхъ перекресткахъ, стояли нищенскія избы или богадѣльни, въ которыхъ жили и питались мірскимъ подаяніемъ убогіе и недужные люди. Эти богадѣльни служили также, иногда, пріютомъ для подкидышей, которые тамъ и воспитывались, слѣдовательно почти всегда, какъ безпріютные сироты, поступали въ число *нищей братіи*, безъ которой и до сихъ поръ наша доброхотная и христолюбивая Москва обойтись не можетъ. Чтобъ выждать, когда проѣдутъ обозы, Симской остановился у одной изъ этихъ нищенскихъ избъ. У самыхъ ея дверей, на завалинѣ, сидѣли двѣ старухи и грѣлись на солнышкѣ. Обѣ онѣ были въ овчинныхъ шубейкахъ, которыхъ покрыши

Digitized by Google

составлены были изъ разноцвѣтныхъ полинялыхъ лоскутовъ. У одной были на ногахъ изтасканные коты, другая была обута въ поношенные лапти.

— Ну вотъ, Ѳедосьевна, — молвила старуха въ котахъ, не замѣчая, что близехонько подлѣ нихъ стоитъ прохожій баринъ: — вотъ намъ Господь Богъ и весну даетъ. Эка теплынь, подумаешь!

— И, что ты, голубка! — отвѣчала старуха въ лаптяхъ. — Что дастъ Господь опослѣ Великаго поста, а теперь мы еще и блинковъ не ѣли, такъ до весны-то далеко. Да что твоя Настька не вернулась?

— Нѣтъ еще, Ѳедосьевна. О-охо-хо! избаловалась она совсѣмъ! Вотъ и вчера и третьёводня ходила, ходила, и въ городѣ по рядамъ и въ Кремлѣ по боярскимъ домамъ — а что̀ принесла? Двѣ полушки, серебряную копѣечку, да полъ-калача!.... Охъ, Ѳедосьевна, обманываетъ она меня!

— И я тоже мѣкаю, Кондратьевна. Да вотъ хоть нынѣче ночью мнѣ не спалось — слышу, она щолкаетъ орѣхи. — Откуда это у тебя, Настька, орѣшки-то завелись — а? спросила я. — »Добрые дискать люди подали.» А я себѣ думаю: врешь, проклятая, купила! Ну гдѣ слышано, чтобъ милостину подавали каленными орѣхами!

— То-то и есть, Ѳедосьевна, пріемышъ все пріемышъ! А мало-ли я съ ней горя натерпѣлась! Вотъ ровно четырнадцать годковъ, какъ ее въ Петровъ день подкинули; я взяла ее на свои руки, ночиньки цѣлыя не спала, выкормила рожкомъ, сколько денегъ на молоко поистратила, а вотъ тебѣ и спасибо!....

Тутъ подошла къ избѣ безобразная дѣвчонка въ лохмотьяхъ, сверхъ которыхъ висѣлъ у нея черезъ плечо, на мочальной веревочкѣ, сплетенный изъ лыкъ кошель.

— А! это ты, Настька! — сказала Кондратьевна. Поди-ка сюда, поди!.... Да постой, постой! — продолжала она, схвативъ ее за руку: — куда ты?

Digitized by Google

— Въ избу, бабушка, погрѣться, — отвѣчала дѣвочка: — я вовсе окоченѣла.

— Вижь барыня какая, окоченѣла!.... Мы и старухи, да въ избѣ не сидимъ.

— Да полно, бабушка, отцѣпись, пусти!....

— Погоди, голубушка, не замерзнешь. Ты мнѣ скажи, гдѣ ты до этой поры таскалась?

— Мало-ли гдѣ: въ Чертольѣ была, у Арбатскихъ воротъ, здѣсь по Знаменкѣ ходила....

— А много-ли выходила?....

— Да что, бабушка—видно ужъ такой день выдался: никто не подаетъ.

— Такъ ты ничего не принесла?

— Ломтика четыре хлѣбца.

— Только-то? А что я тебѣ говорила: какъ пойдешь по Знаменкѣ, зайди неотмѣнно на дворъ къ боярынѣ Маріѣ Савишнѣ Загоскиной?

— Заходила, бабушка.

— Такъ тебѣ и тамъ ничего не подали?

— Ничего.

— Врёшь, врёшь, негодная!.... Кто другой, а Марѳа Савишна всегда подаетъ. Она, дай Богъ ей много лѣтъ здравствовать! нищью братью любитъ.

— Да у нихъ, бабушка, въ дому что-то нездорово.

— Нездорово?

— Видно что такъ. Я сначала зашла съ передняго крыльца; на крыльцѣ стоитъ, пригорюнившись, дворецкой Сидоръ Иванычь. Бывало онъ и самъ всегда мнѣ подастъ, да еще по головкѣ погладитъ, а тутъ какъ закричитъ: «пошла, пошла — не до тебя!» Вотъ я отъ него прочь, да къ дѣвичьему крыльцу.... постояла, постояла — никто нейдетъ. Думаю: взойду въ дѣвичью, мнѣ не впервыс. Взошла; гляжу — нянюшка Прокофьевна сидитъ, да такъ и зали-

Digitized by Google

вается слезами; на всѣхъ сѣнныхъ дѣвушкахъ лица нѣтъ. Не дали мнѣ словечка вымолвить: «ступай, ступай! Богъ подастъ!» — Кормилицы, сказала я, доложите вашей барынѣ.... «Куда докладывать! молвила Прокофьевна: до того-ли ей теперь!» Да какъ вдругъ завопитъ: «ахъ ты, батюшка нашъ, Данила Никифоровичь! снялъ ты со всѣхъ съ насъ голову!» А ключница Матрена — такая злющая, завсегда лается — какъ вскинется на меня: «убирайся, говорятъ, а не то я тебя голикомъ! пошла, пошла!» Такъ по шеямъ меня и выгнала. Да пусти же меня, бабушка, въ избу-то: я вовсе прозябла.

— Постой, постой! Дай-ка мнѣ свой кошель.

— Да на что тебѣ? Въ немъ, окромя хлѣба, ничего нѣтъ.

— Добро, добро! — прошептала Кондратьевна: я посмотрю.... Ломоть, другой, третій.... А это что? вскричала она, вынимая изъ кошеля медовую сосульку и пряничнаго конька съ золоченой гривою: — это что?.... Ахъ ты воровка, мошенница этакая!

Симской, который слышалъ весь разговоръ, не сталъ дожидаться конца этому розыскному дѣлу. Ему было вовсе не до того. Онъ любилъ своего дядю какъ отца роднаго, а если дѣвочка говорила правду, такъ съ Данилою Никифоровичемъ случилось какое-нибудь несчастіе, или онъ былъ при смерти болѣнъ. Не смотря на то, что на улицѣ было еще очень тѣсно, Симской пустился бѣгомъ по Знаменкѣ. Пробираясь между возовъ, онъ вышелъ кое-какъ на свободное мѣсто, и съ ужасной тоскою и замираніемъ сердца добѣжалъ наконецъ до обширнаго двора, посреди котораго стояли длинныя хоромы дяди его, заслуженнаго стольника Данилы Никифоровича Загоскина.

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Симской прошелъ всѣмъ дворомъ, не встрѣтивъ ни кого. Въ передней не было тоже ни души. Онъ вошелъ въ столовую; въ этой комнатѣ сидѣла подъ окномъ и горько плакала пожилая барыня, одѣтая по домашнему, въ штофной поношеной кофтѣ и тафтяной юбкѣ, которая была когда-то краснаго цвѣта. Въ то время давно уже вошли въ употребленіе женскія черевички, то есть башмаки; но эта барыня была обута по старинному обычаю, въ сафьянныхъ сапожкахъ, вышитыхъ бисеромъ. За поясомъ у нея висѣла связка ключей, а на головѣ надѣта была круглая бархатная шапочка съ мѣховымъ околышемъ.

— Ахъ, другъ мой сердечной! — вскричала барыня: — Васинька!

— Здравствуйте, тетушка! — сказалъ Симской торопливо. — Что дядюшка?

Марѳа Савишна всплеснула руками, ухватилась за шею племянника и, опустивъ голову на его плечо, громко зарыдала.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — проговорилъ Симской. — Да гдѣ же дядюшка?.... Покажите мнѣ его.

— Пойдемъ, мой другъ, пойдемъ! — сказала Марѳа Савишна, всхлипывая: — я тебѣ покажу его!.... Не узнаешь ты своего дядю! — продолжала она, заливаясь слезами.

— Господи! — подумалъ Симской, идя вслѣдъ за своей теткой: — такъ видно ужъ добрый мой дядюшка лежитъ въ гробу?

Пройдя нѣсколько комнатъ, Марѳа Савишна отворила дверь небольшаго покоя и промолвила едва слышнымъ голосомъ: Ну вотъ, Василій Михайловичь, гляди!

Симской — который воображалъ, что найдетъ въ этой комнатѣ своего дядю, если не умершимъ, то по крайней мѣрѣ при послѣднемъ издыханіи — переступилъ съ ужа-

Digitized by Google

сомъ черезъ порогъ — и вотъ что онъ увидѣлъ передъ собою. Старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, по повидимому довольно еще бодрый, сидѣлъ въ креслахъ обитыхъ цвѣтной камкою. Цирюльникъ, преважный Нѣмецъ съ красной рожею и длиннымъ носомъ, добривалъ бороду этому пожилому барину. Позади креселъ стоялъ, какъ приговоренный къ смерти, мрачный и угрюмый служитель съ перекинутымъ черезъ плечо бѣлымъ полотенцемъ. Поодаль плакала втихомолку старая женщина, держа въ рукахъ серебряную лахань съ рукомойникомъ. На столѣ лежала полная пара нѣмецкаго платья и треугольная шляпа, а надъ ними висѣлъ на гвоздикѣ огромный парикъ съ длинными кудрями.

— Дядюшка! — проговорилъ съ удивленіемъ Симской.

— А, здравствуй, братъ Василій! — вскричалъ Данила Никифоровичъ. — Добро пожаловать!

— Такъ вы здоровы?

— Слава Богу.

— А я было какъ перепугался! Глядя на тетушку....

— Ты подумалъ, что мнѣ ужъ отходную читаютъ? Ну что съ ней будешь дѣлать, реветъ себѣ да и только.

— Батюшка, Данила Никифоровичъ!....

— Что, матушка Марѳа Савишна, иль еще вдоволь не наплакалась?

— Да какъ мнѣ не плакать? Ну посмотри на себя, на кого ты походишь?

— А что и въ самомъ дѣлѣ: чай годковъ десять съ плечъ свалилось?.... Дайте-ка мнѣ зеркальцо.... Ступай, любезный, — продолжалъ Данила Никифоровичъ, обращаясь къ цирюльнику: — скажи дворецкому, чтобъ онъ тебѣ заплатилъ.

Цирюльникъ, какъ истый Нѣмецъ, вытеръ не торопясь свои бритвы, уложилъ ихъ бережно въ футляръ, свернулъ бритвенный ремень и, поклонясь съ этой гордой важностью, которою вообще отличаются всѣ нѣмецкіе ремесленники, вышелъ вонъ изъ комнаты.

Digitized by Google

— Ну что, Марѳуша, — сказалъ Данила Никифоровичь, обтираясь мокрымъ полотенцемъ: — вѣдь этакъ-то гораздо лучше?

— Помилуй, батюшка! да что̀ тутъ хорошаго? А грѣхъ-то какой — грѣхъ! ....

— И, полно жена!.... Коли нѣтъ грѣха стричь волосы, такъ какой же грѣхъ обрить себѣ бороду?.... Вѣдь это все едино. Съ насъ будетъ и старыхъ грѣховъ, матушка, такъ новыхъ-то выдумывать нѣчего.

— Мнѣ, батюшка, гдѣ съ тобою спорить: я баба глупая, а послушай-ка, что̀ говорятъ умные люди.

— Умные люди! сирѣчь Максимъ Петровичь Прокудинъ да Лаврентій Никитичь Рокотовъ съ братіею?....

— А что̀, развѣ они люди глупые?

— Нѣтъ, Марѳа Савишна! Особенно Максимъ Петровичь Прокудинъ крѣпко не глупъ. Да вѣдь есть и старообрядцы люди очень умные, а заговори-ка съ ними о православіи, такъ они занесутъ такую околесную, что уши вянутъ.

— Вотъ вздумалъ съ кѣмъ ровнять своихъ пріятелей!

— Да воля твоя, Марѳа Савишна, въ чемъ другомъ, а въ упрямствѣ они старообрядцамъ не уступятъ. Чай по ихнему безъ бороды и въ рай не попадешь.

— А почему знать, батюшка? Что если въ самомъ дѣлѣ....

— Слышишь, что̀ тетка-то говоритъ? — перервалъ Данила Никифоровичь, улыбаясь. — Ну, племянникъ, худо намъ съ тобою будетъ!

— На него, сударь, не изволь ссылаться, — сказала съ жаромъ Марѳа Савишна: — онъ человѣкъ служивой, хочетъ не хочетъ, а дѣлай что ему прикажутъ; это грѣхъ не на немъ. А тебя кто неволилъ? Ты вѣдь не служишь, живешь на покоѣ, царскаго указа тебѣ не читали.... такъ изъ чегожъ ты взялъ на душу этотъ грѣхъ? А коли по твоему грѣха въ этомъ нѣтъ, такъ ты бы хоть людей постыдился. Ну что̀ ты теперь? На молодаго парня не по-

Digitized by Google

ходишь, на старую бабу также — ни дать, ни взять Нѣмецъ булочникъ, что̀ намъ хлѣбы ставитъ!.... Ужъ если ты не пожалѣлъ своихъ сѣдыхъ волосъ, такъ пожалѣлъ бы меня старуху!.... Мнѣ стыдно будетъ въ люди показаться: всѣ добрые люди станутъ на меня пальцами указывать. Вѣдь я, батюшка, жена твоя; твой стыдъ — мой стыдъ! И на что̀? и для чего?....

— Я ужъ тебѣ толковалъ для чего, да ты слушать меня не хочешь.

— Батюшка Данила Никифоровичь! не изволь на меня гнѣваться, можетъ статься, я глупо скажу, а воля твоя: какъ ни толкуй, а по мнѣ, что̀ стриженая дѣвка, что̀ бритый мужикъ — все едино. Я ужъ не говорю о томъ, что скажетъ Лаврентій Никитичь Рокотовъ; онъ теперь и знаться съ тобою не захочетъ....

— Такъ что жъ? Коли онъ любилъ не меня, а мою бороду, такъ Господь съ нимъ!

— А что мнѣ будетъ онъ Надежды Карповны, отъ Аполинарьи Степановны, отъ Нимфодоры Алексѣевны?.... Батюшки мои! да онѣ меня со свѣту Божьяго сживутъ, въ гробъ вгонятъ!.... «Что, дискать, Марѳа Савишна, «вашъ Данила Никифоровичь, говорятъ, бородку обрить «изволилъ, нѣмецкое платьице носитъ?.... Ну что̀, матушка, «къ лицу-ли ему?» Господи, Господи! какъ подумаю объ этомъ, такъ у меня сердце и оторвется!....

— Ну, что, Марѳа Савишна, никакъ опять собираешься плакать? Добро, добро! ступай-ка лучше, да похлопочи, чтобъ нашему дорогому гостю комнату приготовили. Ему послѣ обѣда не худо будетъ отдохнуть, чай, усталъ съ дороги. Ступай, матушка! ... Стунай и ты, Еремей, я еще погожу одѣваться. А ты, Прохоровна, оставь здѣсь рукомойникъ и лаханъ, а сама убирайся въ дѣвичью, да коли у тебя такая охота рюмить — такъ плачь тамъ; будетъ съ меня и жены.... Повѣришь-ли, племянникъ? продолжалъ Данила Никифоровичь, когда они остались одни: — замучили! Ревутъ да хнычутъ все утро, словно по покойникѣ.

Digitized by Google

— За то я не плачу, дядюшка, а очень радъ.... нашего полку прибыло.

— Ну, братъ Василій, не ждали мы тебя. Вѣдь и двухъ мѣсяцевъ нѣтъ, какъ ты отъ насъ уѣхалъ.

— Да, дядюшка, я и самъ не чаялъ попасть такъ скоро опять въ Москву. Теперь абшита взять нельзя: нашъ полкъ выступилъ въ походъ.

— Куда?

— Покамѣстъ въ Польшу. Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ оставилъ меня на время при себѣ. Недѣли двѣ тому назадъ онъ послалъ меня съ депешами въ Смоленскъ и Калугу, дозволилъ завернуть на недѣльку въ Москву, повидаться съ родными, а тамъ ужъ мнѣ указано отправиться по прямому тракту къ моей командѣ.

— Вотъ что! Ну, радъ, мой другъ, что мы съ тобой хоть недѣльку поживемъ вмѣстѣ. Вотъ ужъ масляница на дворѣ, блинковъ съ нами поѣшь, повеселишься.... А! да кстати о весельи: мнѣ сказывали, что сегодня у твоего пріятеля, Адама Ѳомича Гутфеля, будетъ вечеринка, по вашему асамблея.

— Въ самомъ дѣлѣ! — вскричалъ съ радостію Симской. — Такъ ужъ позвольте мнѣ, дядюшка, я сегодня къ нему поѣду.

— Ступай, мой другъ! я затѣмъ и сказалъ тебѣ. Дѣло твое молодое, почему не повеселиться. Только знаешь-ли что, племянникъ? Въ послѣдній твой пріѣздъ ты не пропустилъ ни одной вечеринки; только бывало и слышишь: ѣду дискать къ Адаму Ѳомичу на асамблею. И теперь что-то не путемъ обрадовался. Ужъ не приглянулась-ли тебѣ у Гутфеля какая-нибудь красоточка?.... Эге, братъ! чтожъ ты этакъ покраснѣлъ?.... Неужели въ самомъ дѣлѣ?.... Мнѣ сказывали, что у Гутфеля дочка такая пригожая.... Послушай, племянникъ: я слышалъ отъ многихъ, что Адамъ Ѳомичъ старикъ добрый, богатый; знаю и то, что Государь его жалуетъ, а все-таки онъ купецъ и не нашей вѣры. Я

Digitized by Google

человѣкъ не спѣсивый и Нѣмцовъ не чуждаюсь, а не прогнѣвайся — и я скажу: нашему брату, родовому дворянину, жениться на какой-нибудь купеческой дочкѣ вовсе не приходится. Какъ бы мужъ ее не любилъ, а все житье ей будетъ коротенькое: мужнина родня станетъ ее поѣдомъ ѣсть, а посторонніе будутъ смотрѣть на нее свысока — знаться съ нею не захотятъ.... Да еще и Гутфель-то захочетъ-ли выдать свою дочь за Русскаго: вѣдь они также крѣпко своей вѣры держутся.

— Помилуйте, дядюшка! да я и самъ ни за что не женюсь на дочери Адама Ѳомича.

— А коли ты только такъ, ради одной потѣхи, хочешь бѣдную дѣвку съ ума свести — такъ это еще хуже. У насъ на Руси за хлѣбъ-соль и ласковый пріемъ говорятъ спасибо, а ты хочешь.... Эхъ, племянникъ, не хорошо....

— Да почему вы думаете ?....

— Какъ не думать! Лишь только я объ этомъ намекнулъ, такъ посмотри, какъ ты раскраснѣлся.

— Ну, дядюшка, дѣлать нечего я лучше отдамся вамъ на дискрецію и всю правду скажу. Я точно повстрѣчался у Гутфеля съ одной дѣвицею, которая зѣло мнѣ по сердцу пришла; но только эта дѣвица Русская и хорошаго рода.

— Право ? А кто жъ она такая ?

— Я видѣлъ ее три раза у Гутфеля; она пріѣзжала къ нему съ своей теткою, Аграфеной Петровною Ханыковой.

— Съ Аграфеной Петровной Ханыковой, у которой мужъ на службѣ въ Азовѣ ?

— Точно такъ, дядюшка.

— А племянницу-то какъ зовутъ? Не Ольгой-ли Дмитріевной ?

— Да, Ольгой Дмитріевной.

— Э! такъ это Запольская. Она также, какъ ты, братъ, круглая сирота: у ней нѣтъ ни отца, ни матери. Мы съ ея

Digitized by Google

родным дядею, Максимомъ Петровичемъ Прокудинымъ, старинные пріятели.

— Ахъ, Боже мой! да я у него вчера ночевалъ, и онъ велѣлъ вамъ кланяться. Да что же это, дядюшка: коли вы съ ними знакомы, такъ какъ же я ни разу ихъ у васъ не видалъ?

— Бабьи сплетни, братецъ! Жена моя стала выговаривать Аграфенѣ Петровнѣ, зачѣмъ она ѣздитъ въ Нѣмецкую слободу, та разгнѣвалась, перестала къ намъ жаловать, а ужъ Марѳа Савишна сама ни за что на свѣтѣ къ ней не поѣдетъ.

— Ну что, дядюшка, не правда-ли что Ольга Дмитріевна....

— Да! дѣвица хорошая, умная и, говорятъ, очень благонравная. Ее охуждаютъ, что она частенько по вечеринкамъ изволитъ ѣздить, и тетушку за это побраниваютъ: а какъ ихъ послушаешь, такъ онѣ обѣ правы. Ольга Дмитріевна ѣздитъ за тѣмъ, что это угодно тетушкѣ, а Аграфена Петровна за тѣмъ, чтобъ племянницу повеселить — такъ и выходитъ, что онѣ обѣ ѣздятъ по неволѣ. Да пускай себѣ и по охотѣ — бѣда небольшая. Пора намъ перестать держать въ заперти нашихъ женъ и дочерей; и добро бы еще это былъ коренной Русской обычай, а то вѣдь нѣтъ: мы переняли его у Татаръ.

— Такъ вы думаете, дядюшка....

— Да, братъ Василій, да! она по всему тебѣ пара, и достатокъ есть.

— Такъ чтожъ, дядюшка?....

— Да вотъ изволишь видѣть: Максимъ-то Петровичь ей вмѣсто отца роднаго; а онъ человѣкъ упрямый, держится старины и не очень жалуетъ вашу братью, гвардейскихъ офицеровъ.

— Помилуйте! да онъ меня такъ обласкалъ, такую атенцію во всемъ показывалъ....

Digitized by Google

— Это само по себѣ. Прокудинъ вовсе не походитъ на какого-нибудь Лаврентія Никитича Рокотова: тотъ не сталъ бы и говорить съ тобою; а Максимъ Петровичь мужикъ умный, большой хлѣбосолъ, и всегда радъ угостить проѣзжаго человѣка, кто бы онъ ни былъ; но только врядъ-ли выдастъ за тебя племянницу — не то у него въ головѣ. Онъ часто мнѣ говоривалъ: «Коли посватается за Оленьку человѣкъ добрый, степенный, хорошаго рода, Русской по имени, Русской по обычаю — такъ милости просимъ! а за какого нибудь-молодчика съ бритой бородкою, который на Нѣмца смахиваетъ — я ни за что ее не выдамъ.» Да ты какъ вчера къ нему попалъ?

— Вовсе нечаянно: меня загнала къ нему мятель.

— Ну что онъ съ тобою поговорилъ?

— Да все смѣялся надъ Петербургомъ.

— А ты?

— А я за него горой стоялъ.

— Охъ худо, братъ!

— Потомъ началъ позорить нашъ мундиръ, надъ Нѣмцами подшучивать....

— А ты?

— А я за нихъ заступался.

— Ну, худо!.... Вотъ то-то и есть! зачѣмъ ты съ нимъ спорилъ?.... Молчалъ бы да и только.

— Но развѣ я могъ отгадать....

— Что Ольга Дмитріевна родная племянница Максиму Петровичу?.... Ну, конечно, этого ты отгадать не могъ. Да Максимъ-то Петровичь тебѣ въ дѣдушки годится, такъ пригоже-ли тебѣ съ нимъ заѣдаться? Я дѣло другое: у насъ съ нимъ бой равный. А ты что передъ нимъ? молокососъ! И что за бѣда старику уступить? Да пусть онъ себѣ говоритъ, что хочетъ.

— Такъ по этому, дядюшка, мнѣ нечего и надѣяться?

— Да, племянникъ, большой надежды нѣтъ.... Впрочемъ, почему знать? попытка не шутка, а спросъ не бѣда.

Digitized by Google

Я съѣзжу прежде поговорить съ теткою, а тамъ, пожалуй, и въ деревню къ Максиму Петровичу поѣду, и если мы его уломаемъ, такъ теперь на́-словѣ положимъ, а тамъ, какъ вернешься изъ похода, веселымъ пиркомъ да за свадебку!.... Сегодня, можетъ статься, ты опять увидишь ее у Гутфеля.... Вѣдь вы, чай, тамъ межъ собой разговариваете?

— Какъ же, дядюшка, и танцуемъ и разговариваемъ!

— Такъ ты, братецъ, поразговорись съ нею хорошенько, разсмотри ее порядкомъ и себя ей покажи. Вотъ, подумаешь, продолжалъ Данила Никифоровичъ:—когда Государь Петръ Алексѣевичъ изволилъ учредить эти асамблеи и указалъ на нихъ бывать и жёнамъ и дочерямъ боярскимъ, такъ мало-ли крику-то было: послѣднія, дискать, времена наступили, Антихристъ воцарился! Ужъ коли православный Государь заводитъ такія богопротивныя сходбища, такъ чего ждать путнаго? А прежнія-то пирушки лучше чтоль были? Съѣдутся на вечеринку, начнется попойка; барынь и барышенъ нѣтъ, такъ стыдиться нѣкого — пей себѣ въ мертвую чашу! А какъ нарѣжутся, такъ пойдутъ всякія непригожія рѣчи, срамныя холопскія пляски, непотребныя пѣсни. То-ли дѣло на этихъ асамблеяхъ. Какъ ты станешь безчинствовать? коли не постыдишься своей жены, такъ передъ чужой будетъ совѣстно. Иной бы, пожалуй, хватилъ темную, да въ присядку пошелъ, а тутъ нельзя! Выпьетъ стаканчикъ, другой, да и къ сторонкѣ. А это также развѣ бездѣлица? Теперь ты пріѣдешь на асамблею, увидишь дѣвицу, она тебѣ приглянется; ты съ нею поговоришь, поознакомишься, и если задумаешь на ней жениться, такъ знаешь, на комъ женишься; не то, что прежде: бывало ты свою невѣсту и въ лицо никогда не видывалъ, а чтобъ промолвить съ нею словечко, да забудь объ этомъ и думать! Подъ вѣнцомъ она стоитъ въ покрывалѣ; кто ее знаетъ — можетъ быть, пригожа, а можетъ статься, и рожа-то на сторонѣ! Меня точно также вѣнчали.... Да я-то еще слава Богу: моя Марѳа Савишна была красавица. Когда въ опочивальнѣ она встрѣтила меня безъ покрывала, да поклони-

Digitized by Google

лась въ поясъ, такъ у меня сердце запрыгало отъ радости! Съ другими не то бывало: иному сваха наговоритъ и Богъ вѣсть что: и грудь лебяжиная, и брови соболи, и съ поволокою глаза.... а ужъ разумница-то какая! что слово скажетъ, то рублемъ подаритъ!.... А тамъ, посмотришь, пріѣдетъ отъ вѣнца, заговоритъ съ нею — дура набитая, взглянетъ на нее — батюшки, пугало огородное! Рябая, кривая, носастая!.... Вотъ тебѣ и съ поволокою глаза! Ну, пожалуй, послѣ залучи къ себѣ сваху, потѣшься, отломай ей бока, а что прибыли: жена не башмакъ, съ ноги не сбросишь!....

— Такъ, дядюшка, такъ!.... Асамблеи, а также и автеріи, по истинѣ, наиполезнѣйшія и зѣло премудрыя учрежденія. Ну разсудите сами: какой я могу ожидать сатисфакціи отъ супружества съ дѣвицею, которую не только не знаю персонально, но и въ глаза-то никогда не видывалъ? Вѣдь жена, какъ вы сами изволите говорить, не башмакъ; вы его не станете носить, коли онъ натираетъ вамъ мозоли, а съ женою-то что будешь дѣлать?....

— Да, любезный, какова попадется, а ужъ не прогнѣвайся — развѣнчивать не станутъ. Ну-ка, братъ Василій, — продолжалъ Данила Никифоровичъ вставая: пособи мнѣ халатъ надѣть, чай пора обѣдать.... Да вотъ, кажется, за нами и пришли.... Что ты, Ѳадей — кушанье готово?

— Готово, батюшка, — сказалъ слуга съ низкимъ поклономъ. — Марѳа Савишна изволитъ васъ дожидаться

— Пойдемъ, племянникъ, покушай на здоровье, а тамъ прилягъ да сосни хорошенько. Ты съ дороги-то ни на что не походишь; а вѣдь тебѣ, любезный, — примолвилъ Данила Никифоровичъ, выходя вмѣстѣ съ Симскимъ изъ компаты: — слѣдуетъ явиться къ Адаму Ѳомичу молодцомъ. Смотри, братъ, чтобъ всѣ Нѣмки, глядя на тебя, разъѣхались; только самъ-то небольно за ними ухаживай: помни, братъ, охотничью пословицу; за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

Симской отправился въ шестомъ часу послѣ обѣда къ Адаму Ѳомичу Гутфелю. Иноземный гость, Амстердамской уроженецъ, Адамъ Ѳомичь Гутфель, жилъ на Кукуѣ, то есть въ Нѣмецкой слободѣ, противъ самой кирки, въ собственномъ домѣ. Хотя этотъ длинный деревянный домъ очень походилъ на обширныя хоромы Русскаго барина, однакожъ во многомъ напоминалъ родину своего хозяина. Особенно отличался онъ отъ другихъ домовъ своими широкими равносторонними окнами, черепичной кровлею, подъѣздомъ съ улицы и рѣзными дубовыми дверьми съ двумя огромными мѣдными скобами, изъ которыхъ одна, повѣшенная на петляхъ, замѣняла колокольчикъ, то есть возвѣщала о приходѣ гостя; который могъ постучать ею какъ молоткомъ въ придѣланную къ дверямъ мѣдную бляху. Какой-то путешественникъ, говоря о Голландцахъ, сказалъ, что они любятъ жить очень чисто и для того безпрестанно моютъ все на свѣтѣ, выключая своихъ собственныхъ рукъ. Не знаю, до какой степени справедливо это замѣчаніе, но во всякомъ случаѣ Адамъ Ѳомичь вполнѣ оправдывалъ его собою. У него во всемъ домѣ не было ни пылинки; столы, стулья, поставцы — словомъ, вся домашняя утварь, лоснилась и блестѣла, какъ будто бы ее сейчасъ привезли изъ лавки. Но за то онъ самъ почти всегда ходилъ неряхою, и его толстыя красныя руки вовсе не могли назваться опрятными, даже и тогда, когда у него была асамблея и онъ принималъ гостей; но на этотъ разъ Адамъ Ѳомичь видно объ этомъ позаботился. Его борода была выбрита гладко, руки не запачканы, манжеты накрахмалены, и коричневый суконный кафтанъ съ огромными пуговицами былъ почти также чистъ, какъ цвѣтной коверъ, постланный въ сѣняхъ и по всѣмъ ступенькамъ лѣстницы. Говоря о кафтанѣ Адама Ѳомича, я упомянулъ только мимоходомъ о его огромныхъ пуговицахъ, а онѣ заслуживаютъ особеннаго описанія. Собственно сказать, это были не пуговицы, а весьма хитрой работы круглыс медальоны, съ выпуклыми стеклами, подъ которыми очень

Digitized by Google

искусно уложены были пестрыя бабочки, красивыя козявки, зеленые жучки и разныя другія диковинныя букашки; однимъ словомъ, это портище пуговицъ или, лучше сказать, этотъ Голландскій кунстъ-штыкъ могъ служить вывѣскою для знаменитой Петербургской кунстъ-камеры. Отчего же Адамъ Ѳомичъ принарядился такимъ необычайнымъ образомъ? Зачѣмъ стоялъ онъ въ сѣняхъ у самаго крыльца, не смотря на то, что на дворѣ было довольно холодно? Ради чего дородная его супруга, въ пышномъ фуро изъ шелковой яцонской матеріи, вышла въ переднюю комнату и держала въ рукахъ китайской лакированный подносъ, на которомъ лежалъ хлѣбъ, голландской сыръ и стояла серебряная чарка съ анисовою водкою?.... Читатель, можетъ быть, позадумается, желая рѣшить этотъ вопросъ; но Симской, войдя въ домъ, сейчасъ догадался, что Адамъ Ѳомичъ ожидаетъ къ себѣ на асамблею Государя Петра Алексѣевича. Вслѣдъ за Симскимъ подъѣхалъ, въ простыхъ лубочныхъ саняхъ, царской комнатный писецъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ *. Онъ вошелъ въ сѣни и, обращаясь къ хозяину дома, сказалъ: «Государь, мой Адамъ Ѳомичъ Гутфель! Его «Царское Величество изволилъ прислать меня экскузоваться «передъ вами. Сегодня онъ ни коимъ родомъ не можетъ у «васъ быть, и ради того приказалъ мнѣ, вмѣсто себя, по«клонъ вамъ отдать, поцаловать фрау Гутфель, выпить, за «ея здоровье, кружку полпива и повеселиться на вашей асамблеи.»

Проговоривъ эти слова, Черкасовъ чинно поклонился Адаму Ѳомичу, потомъ, чтобъ исполнить въ точности высочайшее повелѣніе, облобызался съ фрау Гутфель, и пошелъ вмѣстѣ съ ними въ пріемную комнату. Эта пріемная комната, лучшая во всемъ домѣ, была оклеена китайскими бумажными обоями; по угламъ стояли фарфоровые кувшины съ цвѣтами, а въ простѣнкахъ висѣли овальныя зеркала въ золоченыхъ узорчатыхъ рамахъ. За этимъ покоемъ была

* Впослѣдствіи баронъ и кабинетъ-министръ Государя Петра Алексѣевича.

Digitized by Google

обширная гостиная, которая въ тоже время служила и танцовальной залою. Въ третьей и послѣдней комнатѣ, обитой голландскими кожаными обоями, стояли вдоль стѣнъ дубовые столы, на которыхъ насыпаны были, небольшими кучками, амстердамской кнастеръ и гамбурской вакштафъ. Тутъ же лежали глиняныя голландскія трубки, и сверхъ того, на каждомъ столѣ поставлено было по нѣсколько оловянныхъ кружекъ съ полпивомъ; на одномъ только кружка была серебряная и кругомъ, вмѣсто простыхъ деревянныхъ стульевъ, стояли четыре стула и одно кресло, обитые пунцовымъ утрехтскимъ бархатомъ. Разумѣется, этотъ столъ былъ приготовленъ для Государя и остался не занятымъ. Посреди комнаты, на кругломъ столѣ, разбросаны были нѣмецкія газеты, которыя въ то время назывались по-русски *курантами*, а на особыхъ столикахъ приготовлены были, для охотниковъ, шахматныя доски. Вообще всѣ комнаты освѣщались сальными свѣчами, а полы, исключая одной гостиной, усыпаны были мелкимъ пескомъ.

Войдя въ гостиную, Симской увидѣлъ съ перваго взгляда, что въ числѣ посѣтительницъ асамблеи не было Аграфены Петровны Ханыковой и ея племянницы. Почти всѣ Русскія барыни сидѣли вмѣстѣ, особнячкомъ отъ Нѣмокъ и рѣзко отличались отъ нихъ, не только своимъ пышнымъ нарядомъ, но и какимъ-то принужденнымъ видомъ, чопорной осанкою и совершенной неподвижностію. Затянутыя въ длинныя таліи своихъ робронтовъ, онѣ не смѣли пошевелиться и, казалось, приросли къ стульямъ. Изрѣдка только и разомъ всѣ, какъ будто бы по командѣ, онѣ поворачивали свои головки, чтобъ взглянуть на входящихъ гостей. Потомъ тѣ изъ нихъ, которыя были побойчѣе, перешептывались межъ собою, а другія принимали снова свое неподвижное положеніе и продолжали молчать. Разумѣется, въ числѣ Русскихъ барынь не было старыхъ женщинъ. На частныя асамблеи никто не былъ обязанъ ѣздить поневолѣ, слѣдовательно однѣ только *львицы* тогдашняго времени осмѣливались такъ явно нарушать обычаи своихъ предковъ. Совсѣмъ не то происходило на нѣмецкой сторонѣ: тамъ говорили довольно

Digitized by Google

громко, смѣялись, молодыя вертлявыя Нѣмочки задирали мужчинъ, разговаривали съ ними; пожилыя Голландки, изъ которыхъ многія были въ кофтахъ, вязали чулки, и даже одна старуха, тёща Адама Ѳомича, преспокойно штопала бумажный полосатый колпакъ, вѣроятно принадлежащій ея тестю. Вотъ, наконецъ, вошелъ какой-то Русскій баринъ съ молодой женою и двумя дѣвицами; онѣ показались Симскому гораздо развязнѣе и ловчѣе другихъ, по крайней мѣрѣ эти гостьи и говорили и двигались. Когда вслѣдъ за ними пріѣхало еще нѣсколько гостей, Адамъ Ѳомичъ, въ провожаніи двухъ служанокъ, которыя несли подносы, уставленные тарелками, началъ подчивать дамъ всякими сластями, то есть: цукатами, китайскимъ леденцомъ, марцыпанами и разными другими заморскими лакомствами. Симской, повертясь нѣсколько времени въ гостиной и не встрѣчая никого изъ своихъ знакомыхъ, прошелъ въ угольную комнату. Въ ней находились одни только мужчины, и въ томъ числѣ много Русскихъ; но они всѣ безъ исключенія были въ нѣмецкихъ кафтанахъ. За однимъ столомъ сидѣлъ Черкасовъ и разговаривалъ съ какимъ-то необычайно дороднымъ бариномъ, которому, вѣроятно, очень надоѣдалъ туго подтянутый галстухъ, потому что онъ вертѣлъ поминутно головою и даже запускалъ по временамъ за галстухъ пальцы, чтобъ оттянуть и сдѣлать хотя нѣсколько просторнѣе этотъ проклятый нѣмецкій ошейникъ, который мѣшалъ ему дышать свободно.

— Такъ, сударь, Иванъ Антоновичъ, правда, батюшка! — говорилъ онъ, повертывая головою: — этотъ нѣмецкій нарядъ, который я недавно еще ношу, истинно лучше нашего русскаго одѣянія: и краса не та и покою больше....

— Право? — перервалъ съ насмѣшливой улыбкою Черкасовъ. — Такъ чтожъ вы, Андрей Алексѣевичъ, безпрестанно вертитесь, какъ будто бы вамъ неловко?

— Привычка, Иванъ Антоновичъ, — привычка! Меня и маленькаго часто журили: все бывало верчу головою. А смѣю васъ спросить, по какой причинѣ Государь Петръ Алексѣевичъ не пожаловалъ сегодня къ господину Гутфелю?

Digitized by Google

— Я думаю для того, чтобъ не соблазниться и не скушать чего-нибудь за ужиномъ.

— Да развѣ его Царское Величество изволитъ недомогать?

— Нѣтъ, слава Богу, онъ здоровъ.

— Такъ почемужъ ему не покушать? Гутфель кормитъ своихъ гостей хорошо.

— Въ томъ-то и дѣло; а Государь ужъ четвертую недѣлю не изволитъ ничего кушать, кромѣ пустыхъ щей, хлѣба и гречневой каши.

— Что вы говорите!....

— Право такъ. Государь Петръ Алексѣевичь хотѣлъ извѣдать на самомъ себѣ, достаточна-ли для пропитанія и полнаго продовольствія солдата отпускаемая для него казенная пропорція, и для этого въ теченіе цѣлаго мѣсяца рѣшился питаться однимъ солдатскимъ пайкомъ.

— Скажите пожалуйста! Ахъ Господи! да зачѣмъ же онъ изволитъ себя такъ изнурять? Приказалъ бы кому-нибудь изъ своихъ генераловъ.....

— Нѣтъ, Андрей Алексѣевичь, у его Царскаго Величества обычай ужъ таковъ. «Извѣдаю, дискать, на себѣ самомъ, такъ это будетъ повѣрнѣе.» Вѣдь онъ же не послалъ въ Голландію никого изъ своихъ генераловъ учиться корабельному художеству, а самъ пошелъ въ рабочіе люди; зато ужъ его теперь ни какой иноземный мастеръ не проведетъ; онъ тотчасъ ему скажетъ: «врешь, Нѣмецъ! я это дѣло не хуже твоего знаю....»

— А что, осмѣлюсь васъ спросить: господинъ фельдмаршалъ, Александръ Даниловичь Меншиковъ, пожалуетъ-ли къ намъ въ Москву?

— Не думаю, — отвѣчалъ сухо Черкасовъ, закуривая свою трубку.

— Жаль, очень жаль!

Digitized by Google

— А почему вы такъ объ этомъ жалѣете? — спросилъ Черкасовъ, глядя пристально на толстаго барина.

— Да какже, Иванъ Антоновичь: я еще ни разу не удостоился его видѣть и, признательно вамъ доложу, желалъ бы очень взглянуть на столь великаго мужа.

Черкасовъ нахмурился.

— Да, сударь, — продолжалъ толстый баринъ: — дорого бы я далъ, чтобъ посмотрѣть на сего знаменитаго полководца и вѣрнаго слугу царскаго, который въ толь короткое время....

— Попалъ въ фельдмаршалы, — перервалъ Черкасовъ: — ну чтожъ тутъ диковиннаго? Государь воленъ жаловать кого хочетъ.

— Конечно, конечно! Да вѣдь жалуютъ-то за дѣла....

— Неравны дѣла, Андрей Алексѣевичь: за иное дѣло какъ не пожаловать; а есть и такія дѣла, за которыя слѣдуетъ по законамъ, не смотря на лицо, не токмо сослать въ каторжную работу, но даже и весьма живота лишить.

— Неоспоримо есть, да вѣдь таковые люди достойное по своимъ дѣламъ и пріемлютъ; а я говорю вамъ объ Александрѣ Даниловичѣ Меншиковѣ.

— И я вамъ о немъ же говорю.

— Какъ-съ? — прошепталъ съ ужасомъ толстый баринъ.

— Да такъ! сегодня фельдмаршалъ, а завтра капралъ.

— Кто-съ?....

— А тотъ, кто Государя обманываетъ.... Да что объ этомъ говорить: коли Господь до времени терпитъ и Царь покамѣстъ милуетъ, такъ не наше дѣло!.. Только, право, не мѣшало бы господину фельдмаршалу почаще вспоминать пословицу: «повадился кувшинъ по воду ходить....

Андрей Алексѣевичь, который до того, по милости своего галстуха, былъ яркопунцоваго цвѣта, вдругъ побѣлѣлъ какъ мука; онъ робко посмотрѣлъ кругомъ, хотѣлъ что-то вымол-

Digitized by Google

вить, поперхнулся, началъ кашлять и, не говоря ни слова, всталъ съ своего мѣста, а Черкасовъ взялъ со стола тамбургскія газеты и принялся ихъ читать. Межъ тѣмъ Андрей Алексѣевичь подошелъ къ двумъ господамъ, которые играли въ шахматы; одинъ изъ нихъ, замѣчательный по своей необычайной худобѣ и быстрымъ лукавымъ глазамъ, игралъ, повидимому, гораздо бойчѣе своего соперника, человѣка пожилыхъ лѣтъ, въ огромномъ парикѣ съ длинными кудрями и нѣмецкомъ свѣтло-голубомъ кафтанѣ.

— Шахъ и матъ! — возгласилъ торжественно первый игрокъ, подвигая впередъ пѣшку.

— Позвольте, позвольте!.... — перервалъ господинъ въ голубомъ кафтанѣ.

— Не безпокойтесь, Аркадій Тимоѳеевичь: шахъ и матъ! Хоть до завтрева думайте, вамъ ходу нѣтъ. Здѣсь конь, а тамъ визирь.... ну куда вы ступите?....

— Ахъ, какая досада!.... Такъ вы мнѣ дѣлаете шахъ и матъ пѣшкою?

— Да, не прогнѣвайтесь, иногда простая пѣшка задастъ такого шаху, что и визирь не очнется.

— Истинно такъ! — сказалъ толстый баринъ въ полголоса: — неравна пѣшка; вотъ хоть этотъ кабинетской писецъ.... не велика птица....

— Да ноготокъ востёръ! — молвилъ господинъ въ голубомъ кафтанѣ.

— Подлинно востёръ! Кабы вы послушали, что онъ сейчасъ со мною говорилъ....

— А что такое, батюшка Андрей Алексѣевичь? — спросилъ съ любопытствомъ худощавый баринъ.

— И теперь очнуться не могу!.... Какъ онъ изволилъ позорить.... да вѣдь вслухъ!....

— Позорить? кого?

— Страшно вымолвить!.... Александра Даниловича Меншикова....

Digitized by Google

— О Господи! — воскликнулъ съ ужасомъ худощавый баринъ. — И онъ это говорилъ съ вами?

— Я, батюшка, сейчасъ ушелъ.... видитъ Богъ — ушелъ!... слушать не сталъ!....

— Смотри пожалуй! эка дерзость, подумаешь!.... Ну вотъ, сведи знакомство съ такимъ человѣкомъ — бѣда!.... пропадешь ни за денежку!.... И добро бы еще особа какая!.... Дѣло другое князь Яковъ Ѳедоровичь Долгорукой, князь Ромадановской..., Шереметевъ.... а то писецъ.... мальчишка.... слѣтокъ этакой!.... Да что онъ, о двухъ головахъ чтоль?...

— И одна, да видно хороша! — перервалъ господинъ въ голубомъ кафтанѣ, — Не даромъ онъ въ такой милости у Государя,

— Право?....

— А какъ же? Да смѣлъ-ли бы онъ этакъ поговаривать..., помилуйте!.... Мнѣ сказывалъ Бартеневъ, сослуживецъ Черкасова, что онъ и въ глаза-то Менщикову Богъ знаетъ что говоритъ, Вамъ, я думаю, извѣстно, что Александръ Даниловичь человѣкъ надменный?....

— Какъ же, батюшка.... вельможа!

— Вотъ, однажды, онъ обошелся грубенько съ Черкасовымъ, а томъ ему, при свидѣтеляхъ, напрямикъ сказалъ, что если бы о всѣхъ дѣлахъ его узналъ Государь, такъ пересталъ бы онъ кичиться своею знатностію и презирать честныхъ людей.

— И Менщиковъ это вытерпѣлъ?....

— Гдѣ вытерпѣть!.... Разгнѣвался, поѣхалъ жаловаться Государю.

— Чтожъ было съ Черкасовымъ?

— Да ничего.

— Скажи пожалуста!.... Ну, я думаю, Александръ Даниловичь не очень его долюбливаетъ?....

Digitized by Google

— Вѣроятно; только онъ держитъ это про себя. Мнѣ разсказывалъ Крёкшинъ, что однажды Государь сильно изволилъ разгнѣваться на Меншикова, и позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ. Что тамъ было, никто не видѣлъ, а слышать слышали. Меншиковъ, который подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ Черкасова, вышелъ изъ кабинета растрепаный, сталъ оправляться.... вдругъ, пырь ему въ глаза Черкасовъ, Что жъ вы думаете?.... Чай Александръ Даниловичъ, сгоряча, взглянулъ на него звѣремъ, ругнулъ?.... Ни чуть не бывало: онъ пожалъ ему руку и сказалъ очень ласково: «все-ли вы, другъ мой, въ добромъ здоровьи?»

— Ну! такъ видно, Государь очень его жалуетъ.

— Да такъ-то жалуетъ, что я не подивлюсь, коли Иванъ Антоновичъ махнетъ прямо изъ кабинетныхъ писцовъ въ кабинетъ-министры.

— Что вы говорите,....

— Право такъ.

— Въ кабинетъ-министры!..., Вотъ подлинно, кому какая судьба!.... А знаете-ли что? — продолжалъ худощавый господинъ, обращаясь къ толстому барину: — мы съ Иваномъ Антоновичемъ въ свойствѣ: моя внучатная тетка была за его двоюроднымъ.... да еще полно не за роднымъ-ли дядею; а вѣдь стыдно сказать: мы съ нимъ не знакомы.... все какъ-то не случалось.... онъ въ Санктпетербургѣ, я въ Москвѣ; онъ пріѣдетъ въ Москву, я въ деревнѣ.... ну, словно въ гулючки играемъ!.... И жена мнѣ сколько разъ говорила: что это, батюшка, ты не познакомишься съ Иваномъ Антонычемъ? вѣдь мы съ нимъ свои.... — Послушайте, Андрей Алексѣевичъ, благо случай вышелъ: сведите насъ теперь.

— Съ моимъ удовольствіемъ.

— Скажите ему просто: вотъ, дискать, Ардаліонъ Михайловичъ Обиняковъ, племянникъ вашей тетушки, Ирины Савельевны Таракановой....

— Хорошо...., пойдемте же....

Digitized by Google

— Постойте, постойте!.... Мнѣ кажется.... ну, такъ и есть: онъ изволитъ читать куранты, такъ мы ему помѣшаемъ.... лучше послѣ.

— Какъ вамъ угодно.

Межъ тѣмъ Симской, выкуривъ трубку табаку, пошелъ опять въ гостиную; въ одно время съ нимъ вошли въ эту комнату, только съ противоположной стороны, двѣ новыя гостьи; одна изъ нихъ женщина лѣтъ подъ тридцать, довольно пріятной наружности, другая въ самомъ цвѣтѣ молодости, то есть лѣтъ семнадцати, высокаго роста, съ томными голубыми глазами и очаровательнымъ лицемъ, бѣлымъ какъ снѣгъ и румянымъ какъ весенняя заря, однимъ словомъ — прелесть собою. Адамъ Ѳомичь и его супруга встрѣтили ихъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ. И надобно сказать правду: эти новыя гостьи вовсе не походили на нрежнихъ. Вмѣсто того, чтобъ поклониться слегка хозяйкѣ и ея дочери, онѣ просто расцаловались съ ними. Разумѣется, такое свободное обхожденіе показалось для многихъ совершенно неприличнымъ. Чопорныя Русскія дамы стали поглядывать другъ на друга, ухмыляться, началась общая шепотня, насмѣшки градомъ посыпались на этихъ новопріѣзжихъ барынь.

— Посмотрите, Матрена Дмитріевна, — шепнула одна толстая, краснощекая госпожа, толкнувъ локтемъ свою сосѣдку, молодую женщину, которая была бы очень недурна собою, еслибъ ея лице поменьше лоснилось отъ бѣлилъ и огромныя брови дугою были насурмлены немного поискуснѣе: — посмотрите, Бога ради, ну на что это походитъ?.... Кто говоритъ: почему не пріѣхать на асамблею къ какой-нибудь нѣмецкой купчихѣ.... да надобно, чтобъ она знала себя и разумѣла другихъ; а обходиться съ ней какъ съ своей сестрой дворянкою.... помилуйте!....

— Конечно, конечно!.... Вѣдь пожалуй, эта Нѣмка съ дуру подумаетъ, что она и въ самомъ дѣлѣ намъ ровня.

— Вонъ, къ нимъ идетъ Адамъ Ѳомичь.... Господи! того и гляжу, что онѣ бросятся къ нему на шею!

Digitized by Google

— Ахъ, что вы говорите, Ирина Никитишна! — прервала Матрена Дмитріевна, закрываясь своимъ опахаломъ. — Какъ это вамъ не стыдно?....

— Да отъ этой Ханыковой все станется!.... А племянница-то ея, Запольская.... ахъ, какая безтыдница!.... Посмотрите: расхаживаетъ, улыбается, говоритъ.... ну точно у себя дома — дѣвченка этакая!....

— Вся въ тетушку!.... Да куда это она кинулась?.... Ирина Никитишна! посмотрите: сама подошла къ этой старухѣ.... вонъ что въ углу-то колпакъ штопаетъ.... Матушки, матушки!.... слышите-ли? вѣдь она говоритъ съ нею по-нѣмецки!

— Неужели?

— Видитъ Богъ, такъ!....

— Скажите пожалуйте!.... Чтожъ, это для того, чтобъ почваниться предъ нами.

— Извѣстное дѣло!

— Видишь какая!... Вотъ бы ей кстати выдти замужъ за какого-нибудь Нѣмца булочника.

— А что вы думаете.... я не поручусь!.... Ужъ коли она выучилась говорить по-нѣмецкому, такъ почему жъ и вѣру не перемѣнить и замужъ не выдти за Нѣмца?

— Конечно, конечно!... Посмотрите, Матрена Дмитріевна, что это за молодецъ къ ней подлетѣлъ?.... Кажется, гвардейской офицерикъ?

— А, знаю, знаю!.... онъ давно уже за нею ухаживаетъ.... Фу, какой шаркунъ.... такъ и разсыпается!....

— Да кто онъ такой?

— Мнѣ сказывали, какой-то Симской.... Что это онъ ей напѣваетъ?.... А видно что-нибудь такое.... глядите, какъ она вспыхнула!

Digitized by Google

— Ну, это еще хорошо, Ирина Никитишна, видно со вѣсть есть.

— Какая совѣсть!.... Вонъ видите: она прямехонько смотритъ ему въ глаза, говоритъ съ нимъ.... смѣется.... Фу, срамъ какой,

— Отъ нее чего ждать, Ирина Никитишна: дѣвченка глупая; да теткѣ-то какъ не стыдно? чего она смотритъ?

— Помилуйте, до того ли ей? Поглядите, какъ ее облѣпили и Нѣмцы и Русскіе!....А она-то, матушка моя, такъ и коверкается, то съ тѣмъ, то съ другимъ!....Ну, нечего сказать, хороша барыня!....

— И, Матрена Дмитріевна! мужъ въ Азовѣ, унять некому, такъ что ей .... гуляй себѣ да и только!....

— А вотъ начинаются и танцы.... Что вы, Ирина Никитишна, минавею пойдете?

— Можетъ быть.

— А если васъ станутъ подымать на кандратанецъ?

— Нѣтъ, Матрена Дмитріевна, покорнѣйше благодарю.... Въ прошлый разъ достался мнѣ какой-то долгоногой Нѣмецъ, да прыгунъ какой.... замучилъ, проклятый!.... Ни за что не пойду!

Черезъ нѣсколько минутъ во всю длину гостиной выстроились въ два ряда всѣ танцующія пары, кавалеры противъ дамъ. Двѣ скрипки и одна флейта затянули что-то похожее на протяжную нѣмецкую пѣсню, и балъ открылся неизбѣжнымъ *церемоннымъ* менуетомъ, который впослѣдствіи замѣнился круглымъ, а потомъ уже теперешнимъ длиннымъ польскимъ. Этотъ церемонный танецъ, въ которомъ дамы безпрестанно присѣдали, а кавалеры поминутно кланялись, продолжался довольно долго. Разумѣется, Симской танцовалъ съ Запольскою, и надобно сказать правду, весьма неудачно. Вмѣсто того, чтобъ заниматься своимъ дѣломъ, онъ не спускалъ глазъ съ Ольги Дмитріевны, поды-

Digitized by Google

малъ правую руку вмѣсто лѣвой и почти всегда кланялся не впопадъ. Въ числѣ зрителей, которые сошлись со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на танцы, находился также Ардаліонъ Михайловичъ Обиняковъ, этотъ худощавый шахматный игрокъ, который успѣлъ уже познакомиться съ Черкасовымъ. Повидимому, этотъ господинъ не обращалъ ни на кого особеннаго вниманія, а межъ тѣмъ изъ-подтишка посматривалъ безпрестанно на Симскаго и его танцовщицу; при каждой новой ошибкѣ Симскаго онъ улыбался съ такимъ лукавствомъ и такъ выразительно, что, казалось, хотѣлъ сказать: «а, голубчикъ! знаемъ мы, отъ чего ты ошибаешься!» Вотъ подъ конецъ и Ольга Дмитріевна стала ошибаться, сбилась съ кадансу, потомъ забыла присѣсть и, вмѣсто двухъ рукъ, подняла одну. Вертлявые глаза худощаваго барина заблистали радостію; въ нихъ можно было прочесть, что въ эту минуту онъ говоритъ про себя: «Ага, красавица, попалась!.... подмѣтилъ я тебя!.... что, сударыня, видно и тебѣ также не до танцевъ!»

Менуетъ кончился; кавалеры раскланялись, то есть поклонились въ сотый разъ своимъ дамамъ; дамы также присѣли, разошлись, и посреди гостиной осталась одна только пара: хозяйская дочь и аптекарь, Францъ Карловичъ Цвибахъ, рыжій, худощавый Нѣмецъ высокаго роста, съ длиннымъ блѣднымъ лицемъ, украшеннымъ безчисленнымъ множествомъ веснушекъ, и съ свѣтлосѣрыми глазами, въ которыхъ выражалась если не спѣсь, то по крайней мѣрѣ глубокое сознаніе собственнаго своего достоинства. Господинъ Цвибахъ былъ уже человѣкъ пожилой, но танцовщикъ неутомимый и совершенный мастеръ своего дѣла. Музыканты заиграли альмандъ, и эта образцовая пара пустилась въ ходъ и начала выдѣлывать необычайныя штуки. Францъ Карловичъ превзошелъ самого себя: онъ вывертывалъ такимъ неестественнымъ образомъ руки своей танцовщицы, такъ хитро переплеталъ ихъ съ своими, дѣлалъ такіе чудные выверты и обороты, что нельзя было довольно надивиться его искусству; то, поднявшись на цыпочки, онъ изгибался

Digitized by Google

какъ змѣй надъ своей дамою и заставлялъ ее кружиться у себя подъ плечемъ, то самъ подвертывался къ ней подъ руку, и все это не какъ-нибудь, а чисто, отчетисто, не отставая отъ музыки и не выпуская ни на минуту изъ рукъ своей танцовщицы, которая также съ необычайной ловкостію выполняла всѣ эти танцовальныс куншткки и не сбивалась съ кадансу даже тогда, когда руки ея были совершенно выворочены. Всѣ зрители, не исключая дамъ, встали съ своихъ мѣстъ, и чтобъ видѣть поближе танцующихъ, обступили ихъ со всѣхъ сторонъ. Одна только Ольга Дмитріевна, стоя позади толпы, не обращала на нихъ ни какого вниманія: съ нею разговаривалъ Симской.

— Да, Ольга Дмитріевна, — говорилъ онъ: — я привезъ вамъ вѣсточку отъ дядюшки вашего, Максима Петровича; онъ, благодаря Бога, здоровъ.

— Когдажъ вы у него были? — спросила Запольская.

— Вчера проѣздомъ. Онъ, по милости своей, укрылъ меня отъ непогоды и оставилъ ночевать.

— Вчера!.... Такъ вы пріѣхали сегодня?

— Сегодня поутру, и, признательно вамъ скажу, зѣло утомленъ моимъ вояжемъ; но, не смотря на фатигу, которую чувствую съ дороги, не хотѣлъ пропустить сегодняшней асамблеи, въ томъ чаяніи, что, можетъ быть, увижу здѣсь персону, которую я желалъ бы видѣть не только вседневно, но даже и всечасно.

— Чтожъ, эта персона здѣсь?

— О, всеконечно здѣсь! — подхватилъ Симской. — Иначе я не остался бы ни минуты.

— Почему же? Развѣ вамъ здѣсь не весело? Вы, кажется, любите танцовать.

— Только не со всѣми, Ольга Дмитріевна.

Digitized by Google

— А съ этой персоною? — спросила, улыбаясь, Запольская.

— О, это для меня такая великая сатисфакція, — отвѣчалъ Симской, не смѣя взглянуть на Ольгу Дмитріевну:— что когда я нахожусь вмѣстѣ съ сей персоною на асамблеи, то ужъ никакъ не могу резолвоваться, поднять другую даму.

— Такъ какъ же вы со мною танцовали? — спросила съ самымъ простодушнымъ видомъ Ольга Дмитріевна.

Этотъ весьма естественный вопросъ до того смутилъ Симскаго, что онъ совершенно растерялся. Вмѣсто того, чтобъ отвѣчать что-нибудь Ольгѣ Дмитріевнѣ, онъ началъ разсматривать огромный эстампъ, который висѣлъ на стѣнѣ,— и проговорилъ заикаясь:

— Ахъ какой прекрасный купферъ-штыкъ!.... Мнѣ кажется, это изображеніе Полтавской викторіи... не правда-ли, Ольга Дмитріевна?....

— Право не знаю, — отвѣчала Запольская съ примѣтнымъ замѣшательствомъ.

Симской покраснѣлъ; глядя на него, Ольга Дмитріевна также вспыхнула и они оба замолчали. Не смѣйтесь надъ моимъ Симскимъ, любезныя читательницы: вѣдь то, что я вамъ разсказываю, происходило въ 1711 году, то есть безъ малаго полтораста лѣтъ тому назадъ; тогда наши молодые люди, не исключая и гвардейскихъ офицеровъ, вовсе не умѣли изъясняться въ любви, и только осмѣливались иногда намекать объ этомъ обиняками, сторонкою, да и то съ большой осторожностію. Чтобъ отвѣчать на вопросъ Ольги Дмитріевны, Симскому надобно было признаться, что она-то именно и есть та самая *персона*, для которой онъ пріѣхалъ на асамблею, то есть, другими словами, что онъ ее любитъ и желаетъ быть ея мужемъ, а это было бы неслыханнымъ нарушеніемъ всѣхъ приличій. Въ старину и круглый сирота не могъ предлагать своей руки иначе, какъ черезъ

Digitized by Google

посредниковъ, а человѣкъ съ родствомъ, дозволившій себѣ такое безчинство, возстановилъ бы противъ себя не только всѣхъ родныхъ и двоюродныхъ дядей и тетушекъ, но даже и всѣхъ замужнихъ сестрицъ до седьмаго колѣна. Я уже не говорю о самой дѣвицѣ, которая, вѣроятно, сгорѣла бы отъ стыда и почла бы себя очень обиженною, если бы молодой человѣкъ сказалъ ей прямо въ глаза, что онъ хочетъ на ней жениться.

Вотъ наконецъ альмандъ кончился и такъ благополучно, что не было ни какой надобности посылать за костоправомъ. Вся толпа разсѣялась, и къ Симскому подошла Аграфена Петровна Ханыкова.

— Что я вижу! — вскричала она. — Это вы, Василій Михайловичь, опять въ Москвѣ?

— Знаете-ли, тетушка, — перервала Ольга Дмитріевна: — Василій Михайловичь былъ вчера у дядюшки Максима Петровича?

— У братца! — проговорила съ примѣтнымъ безпокойствомъ Ханыкова. — Что жъ, вы ему сказали, что познакомились со мною на асамблеѣ у Гутфеля?

— О, нѣтъ! Я только сегодня узналъ, что Максимъ Петровичь вамъ родня.

— Вотъ что!.... Вы не слыхали отъ него, сбирается онъ въ Москву или нѣтъ?

— Максимъ Петровичь не изволилъ ничего объ этомъ говорить; онъ все разспрашивалъ меня о Санктпетербургѣ....

— И вѣрно очень съ вами спорилъ?

— Да, у насъ были небольшіе диспуты. Кажется, вашъ братецъ не очень жалуетъ Санктпетербургъ?

— Охъ, ужъ не говорите!.... Батюшка братецъ человѣкъ очень умный и почтенный, но такой старовѣръ, что не приведи Господи!.... Вы долго у насъ пробудете?

Digitized by Google

— Не болыше одной недѣли.

— Только-то!.... Хорошо еще, что вы пріѣхали къ масляницѣ; по крайней мѣрѣ повеселитесь, покатаетесь.... время будетъ прекрасное.

— А почему вы изволите думать, что погода будетъ хороша?

— Это напечатано въ календарѣ, въ прогностикѣ двѣнадцати мѣсяцевъ.

— Прошу экскузовать меня! Не очень я вѣрю сему прогностику, государыня моя!.... Въ этомъ же календарѣ напечатано, что въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ коньюкціи планетъ показуютъ добрую гармонію между всѣми потентатами, однакожъ войски наши находятся въ походѣ и, вѣроятно, не смотря на сію коньюкцію, мы побываемъ въ гостяхъ у Турскаго салтана.

— Что вы говорите!.... Война съ Туркомъ? А мой Степанъ Гарасимовичь въ Азовѣ.... Господи Боже мой!....

— Да вы не извольте предаваться напрасной турбаціи, — перервалъ Симской. — Азовъ не что другое: вѣдь это зѣло крѣпкая фортеція; его взять не легко. И я мыслю такъ, что скорѣе мы будемъ въ Царьградѣ, чѣмъ Турки въ Азовѣ. Будьте благонадежны, Аграфена Петровна: этотъ прогностикъ повѣрнѣе того, который напечатанъ въ календарѣ.

— Ахъ, дай-то Господи!.... А! вотъ опять музыка заиграла!.... Кажется кондратанецъ?

Тутъ подвернулся къ Аграфенѣ Петровнѣ неутомимый Францъ Карловичь Цвибахъ и въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ пригласилъ ее стать вмѣстѣ съ нимъ въ первую пару. Одинъ Русской щеголь въ бархатномъ кафтанѣ разлетѣлся было къ Ольгѣ Дмитріевнѣ, но Симской предупредилъ его и сталъ съ нею во вторую пару.

— Опять вмѣстѣ! — прошепталъ Ардаліонъ Михайловичь Обиняковъ, глядя на Ольгу Дмитріевну и Симскаго:—

Digitized by Google

ужъ видно у нихъ все дѣло слажено.... Вонъ и тетушка пошла выплясывать съ аптекаремъ!.. Да она-то, голубушка, изъ чего бьется?.... Вѣдь отъ живаго мужа нельзя выдти замужъ и за Нѣмца ... Ну,—примолвилъ Обиняковъ, потирая руки: — будетъ мнѣ что̀ поразсказать Лаврентію Никитичу!

Послѣ этого танца, Аграфена Петровна, у которой разболѣлась голова, отправилась домой вмѣстѣ съ своей племянницей, а вслѣдъ за ними уѣхалъ и Симской. Это послѣднее обстоятельство не укрылось также отъ бдительныхъ взоровъ Ардаліона Михайловича, который впрочемъ остался до самаго конца асамблеи, ради того, что у Адама Ѳомича Гутфеля эти вечеринки оканчивались всегда сытнымъ и хорошимъ ужиномъ.

(*Продолженіе въ слѣд. книж.*)

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПРУССІЮ

ГРАФА Ѳ. В. РАСТОПЧИНА. *

ГЛАВА I.

ГРАНИЦА.

Городъ Цилинцигъ малъ, дуренъ и ничего не заключаетъ примѣчанія достойнаго; въ немъ, такъ какъ и во всѣхъ Нѣмецкихъ маленькихъ городахъ, лучшія строенія—ратуша, кирка и почтмейстеровъ домъ. Тутъ начинается Прусское владѣніе, Нѣмецкій языкъ и курсъ терпѣнія. Несчастный Русскій путешественникъ, плачь и сокрушайся о ямщикахъ! Забывай, что лошадь можетъ бѣжать рысью и скакать! Мужайся и терпи! Ты знаешь, какъ варвары мучатъ христіанъ; но ихъ искупаютъ изъ плѣна, а тебя ничто спасти не можетъ.

ГЛАВА II.

ПОЧТА.

Содержится почтмейстерами. Большая изъ нихъ часть отставные офицеры, хвастуны и болтуны. У нихъ бываетъ въ конюшнѣ толстоногихъ, большихъ, жирныхъ лошадей до шестнадцати. Сперва почтмейстеръ осмотритъ карету, или коляску проѣзжаго, чтобъ придраться, и если есть возмож-

---

* Графъ Ѳедоръ Васильевичь Ростопчинъ, не говоря объ его государственныхъ доблестяхъ, былъ однимъ изъ остроумнѣйшихъ Русскихъ людей послѣдняго времени. (Біографію его см. въ Словарѣ Д. И. Бантышъ-Каменскаго.) Мы очень рады, что можемъ украсить первую книгу Москвитянина въ нынѣшнемъ году его піесою (вѣроятно 1784 года), за сообщеніе которой мы и читатели обязаны благосклонности его сына, Графа Андрея Ѳедоровича. *Ред.*

Digitized by Google

ность, то припречь лишнюю лошадь, что всегда и случается, когда почтмейстеръ имѣетъ покровителей, или пьянѣе обыкновеннаго. Сіе зависитъ отъ воли его, ибо пріѣзжій въ совершенной его власти. Тогда уже лучше заплатить почтовыя деньги, а лошади прибавочной не запрягать: у нихъ законъ — какъ пріѣхалъ, такъ и поѣхалъ. Потомъ велятъ мазать повозку, начнется совѣтъ какихъ запрягать лошадей. Рѣшеніе почтмейстера. Дадутъ лошадямъ корму. Пока они ѣдятъ, пойдетъ также ѣсть и почтальонъ; надѣнутъ хомуты; станутъ запрягать. Все сіе продолжается полтора часа. Между тѣмъ временемъ почтмейстеръ, выкуривая, закуривая или докуривая трубку, разсказываетъ всякому проѣзжему, безъ разбора, про свою службу, подвиги, раны, милости королевскія, и проч. Сіе продолжается до минуты отъѣзда. А въ Бранденбургѣ почтмейстеръ задерживалъ полчаса лишняго плодовитымъ описаніемъ безконечной исторіи его жизни; и какъ, по несчастію, онъ былъ раненъ въ лопатку, въ ляшку и въ сердце, то для показанія сихъ ранъ долженъ онъ былъ раздѣваться. Но тамъ, гдѣ почтмейстеръ и не раненъ, прежде полутора часа съ почты выѣхать невозможно, и когда объявитъ съ торжественнымъ видомъ оборванный мужикъ въ должности вагенмейстера, что все готово, и думаешь, хотя шагомъ, но какъ-нибудь доѣхать впередъ, то тутъ найдутъ разныя непостижимыя уму человѣческому остановки. Должно платить не въ однѣ руки, а порознь —

Постъ-гельдъ,
Шмиръ-гельдъ,
Тринкъ-гельдъ,
Барьеръ-гельдъ,
Шосе-гельдъ,
Торъ-гельдъ,
Брикъ-гельдъ,
Экспедиціонъ-гельдъ.

Постъ-гельдъ — беретъ почтмейстеръ впередъ на каждую лошадь за милю по 8 грошей, то есть по 30 коп.

Шмиръ-гельдъ — беретъ вагенмейстеръ 4 гроша (16 к.) за мазанье колесъ. Въ Мемелѣ у меня раскололи

Digitized by Google

доску на боку у кареты, а я все-таки шмиръ-гельдъ заплатилъ.

Тринкъ-гельдъ — беретъ почтальонъ. Хотя и положено ему давать по три гроша (12 к.) за милю, но они никогда ничѣмъ не довольны, и грубымъ, дерзкимъ и неотступнымъ образомъ принуждаютъ давать себѣ, выводя изъ терпѣнія, гроша по 4 и болѣ.

Барьеръ-гельдъ — беретъ за проѣздъ приставленный отъ помѣщика земли по копѣйкѣ и болѣ съ лошади; а чтобъ вѣрнѣе получить, то закидываются рогатки. Всякій, чья земля подъ дорогой, имѣетъ право останавливать проѣзжихъ и требовать съ нихъ денегъ.

Шосе-гельдъ — беретъ казенный приставъ за мостовую въ городахъ селеніяхъ и по дорогѣ.

Торъ-гельдъ — беретъ приворотникъ, швейцаръ или затворникъ при въѣздѣ въ городскія ворота.

Брикъ-гельдъ — беретъ приставъ за проѣздъ чрезъ мостъ.

Экспедиціонъ-гельдъ — беретъ христа ради инвалидный унтеръ-офицеръ, опредѣленный къ почтѣ въ награжденіе за его службу. Онъ при отъѣздѣ подходитъ къ проѣзжему, протягиваетъ руку и проситъ двухъ грошей. Сіи инвалиды приводили мнѣ всегда на память монаха, что̀ просилъ милостыню у Стерна въ Кале. Но тотъ имѣлъ убѣжище въ монастырѣ, а Прусскихъ сихъ героевъ жизнь зависитъ отъ подаянія проѣзжихъ.

Прежде меня сердило, а теперь трогаетъ то, что сія неподвижная почта называется *экстрапостъ*, т. е. чрезвычайная почта. Не удивительно, что она существуетъ въ Пруссіи, въ разсужденіи флегматическаго сложенія жителей. Въ другихъ земляхъ сіе столь полезное учрежденіе служило бы къ пагубѣ и истребленію народа. Въ древнихъ филосо-

Digitized by Google

фическихъ школахъ, въ Греціи, научались терпѣнію чрезъ многіе годы, а въ нынѣшнія времена Прусская почта, на разстояніи нѣсколькихъ миль, довела бы до совершенства учениковъ премудрости. Почта сія есть мученіе несносное, а почтмейстеръ тиранъ безчеловѣчный. Ни просьба, ни ласка, ни слезы, ни что его не трогаетъ. Не смотря ни на что, онъ испускаетъ изъ себя сквозь дымъ слово *глейхъ* (тотчасъ). Сей глейхъ служитъ отвѣтомъ на все, и продолжается полтора часа. Иные, разсердясь, хотѣли ихъ бить, но послѣ были отвезены, на той же почтѣ, и еще тише обыкновеннаго, подъ судъ, и подвергли себя наказанію законовъ. Нѣкоторые ихъ бранили, но тогда почтмейстеры, положа трубку, принимались вытаскивать съѣденую ржавчиною шпагу, и угрожали отмщеніемъ за оскорбленіе почтовой ихъ чести. Я предавалъ обыкновенно ихъ проклятію, хаживалъ гулять, или читывалъ въ каретѣ книгу. Симъ способомъ избавлялся отъ злобы и отъ раскаянія, что поѣхалъ въ чужіе край.

ГЛАВА III.

ИСТОРІЯ О ШВЕЙЦАРѢ.

Одинъ Швейцаръ не изъ любопытства, а за дѣломъ поѣхалъ въ Берлинъ, запрягъ двухъ лошадей, взялъ одного человѣка, сѣлъ въ коляску и пустился въ путь. Ѣхалъ онъ до Франкфурта на двухъ лошадяхъ, до Касселя на двухъ и до Магдебурга на двухъ. Хотя въ иныхъ мѣстахъ почтмейстеры и говорили, что коляска его тяжела и должно бы припречь еще одну лошадь, но Швейцаръ отдѣлывался кой-какъ, то незнаніемъ языка, то просьбою, то нуждою денегъ, и думалъ, что такъ и доѣдетъ; но сей несчастный не зналъ Прусскихъ почтмейстеровъ. Но узналъ онъ ихъ, узнаютъ ихъ и дѣти его, и отъ одного названія побѣгутъ скорѣе почтовыхъ лошадей. Вотъ что случилось съ Швейцаромъ:

Магдебурскій почтмейстеръ принудилъ его заплатить за три почтовыя лошади, но хотя одолжить запрегъ только двѣ.

Digitized by Google

На слѣдующей почтѣ, взявъ съ него за три лошади прогоны, хотѣли везти на двухъ; но Швейцаръ требовалъ третьей, что̀ насилу и выпросилъ.

Ѣхалъ одну почту на трехъ. Но другой почтмейстеръ, по причинѣ большаго переѣзда, гористой дороги, грузной повозки и отличнаго его желанія притѣснять проѣзжающихъ, велѣлъ запречь четырехъ, и держалъ, покуда получилъ деньги.

Швейцаръ не могъ понять столь безстыднаго притѣсненія, сбирался ѣхать на четырехъ лошадяхъ жаловаться главному почтдиректору въ Берлинѣ, записалъ къ себѣ въ книжку имя почтмейстера, мѣсто, число и часъ, въ которомъ онъ поѣхалъ четвернею, разсуждалъ съ слугою о семъ приключеніи, какъ о чудѣ, но того и не предчувствовалъ, что диковина была еще впереди.

На послѣдней почтѣ къ Потсдаму запрягли ему дурныхъ лошадей. Онѣ стали, слѣдственно и коляска остановилась. Почталіонъ кричалъ, хлопалъ бичемъ, сошелъ на землю, погасилъ трубку, стегнулъ по одному разу каждую лошадь, и потомъ объявилъ, что онъ везти далѣ не можетъ, поѣдетъ кормить, и будетъ назадъ часовъ черезъ шесть. Швейцаръ испугался, чтобъ не просидѣть въ коляскѣ до конца жизни, и просилъ грубую тварь какъ-нибудь пособить его несчастію. Почталіонъ попросилъ два талера нанять еще пару лошадей, и взявъ деньги, поѣхалъ въ деревню, гдѣ пилъ, ѣлъ, спалъ, наконецъ явился съ двумя лишними лошадьми. Запрегъ и повезъ Швейцара цугомъ. Договоръ былъ, не доѣзжая до перемѣны, пару отпречь и привезти его на четырехъ. Но, по несчастію, почтмейстеръ, уча лягавую собаку, далеко зашелъ, увидѣлъ хитрость, и по пріѣздѣ на почту велѣлъ приготовить, запречь и везти на шести лошадяхъ, не смотря на отчаяніе и просьбу Швейцара; доказывалъ ему, сколь безчестно вредить ближнему, отнимать у бѣднаго хлѣбъ, и увѣрялъ, что онъ изъ одной лишь жалости и отъ того, что онъ любитъ Швейцаровъ, а особливо ихъ сыръ, даритъ ему прогоны за шестую лошадь. Почтмейстеръ сей

Digitized by Google

служилъ въ артиллеріи и былъ толстъ. Разговаривая съ Швейцаромъ о его колескѣ, и хотя извинить свое грабительство, уподоблялъ ея конструкцію 24 фунтовой пушкѣ, и увѣрялъ, что подъ Прагою подъ нихъ запрягали до 20 лошадей. Швейцаръ, по несчастію, вздумалъ пошутить, спроса:— «а сколько надобно бочекъ пороху, чтобъ васъ подорвать?» Почтмейстеръ ничего не отвѣчая, вышелъ вонъ, написалъ записку и отдалъ своему почталіону.

Швейцара привезли въ Потсдамъ. Онъ божился, что заплатилъ за пять лошадей,—стоялъ день, простоялъ бы другой, заплатилъ за шесть лошадей и поѣхалъ.

Ѣхалъ сердитъ, золъ, печаленъ, и совсѣмъ было взбѣсился, когда на послѣдней почтѣ къ Берлину взяли съ него двойные прогоны за то, что королевская почта.

Онъ пріѣхалъ на шести въ той же самой колескѣ, которую изъ Женевы да Магдебурга везли на двухъ лошадяхъ.

Тройнымъ правиломъ онъ нашелъ, что проѣзжая чрезъ всю Пруссію, запрягли бы наконецъ въ его коляску 32 лошади съ половиною.

Окончa свои дѣла въ Берлинѣ, не зналъ онъ какъ возвратиться съ свое отечество. Одна мысль о ночтѣ производила въ немъ жаръ, ознобъ и потъ, а по просту сказать, бросала въ лихорадку. Наконецъ рѣшился ѣхать изъ Гамбурга моремъ въ Бордо, а до Гамбурга купилъ двухъ лошадей для себя и для слуги, увѣренъ бывъ, что если бы онъ поѣхалъ верхомъ на почтовыхъ, то бы его наконецъ посадили на шесть лошадей.

ГЛАВА IV

ОСОБЛИВЫЙ ПОЧМЕЙСТЕРЪ.

Почтмейстера, о коемъ говорено было въ предыдущей главѣ, я видѣлъ самъ. Онъ былъ еще живъ, но не надолго. Семьдесятъ лѣтъ онъ жилъ на свѣтѣ, сорокъ служилъ королю, пятьдесятъ пилъ, и три года былъ уже въ водяной болѣзни, которая и могла его задушить.

Digitized by Google

Онъ былъ такъ толстъ, что роя для него могилу, вѣрно докопаются до воды, а подъ тѣло запрягутъ всѣхъ его лошадей.

Швейцара онъ забылъ, да и знать не могъ, потому что онъ, по словамъ его, не любилъ знакомиться, находя изъ нихъ мало себѣ по мысли.

Я къ нему пріѣхалъ на четырехъ лошадяхъ и приготовился платить за пять, но, къ крайнему удивленію, обманулся. Великодушію сему причиной была благодарность; онъ узналъ, что я Русскій и говорилъ мнѣ такъ:

«Я къ вашей націи имѣю отмѣнное уваженіе. Когда войска ваши были въ Берлинѣ, моя жена тамъ оставалась; къ ней поставили постоемъ Калмыковъ, и она думала, что они ее съѣдятъ. Но что же вышло? Они ей никакаго вреда не сдѣлали.»

За симъ подалъ мнѣ свой *стамбухъ* * и просилъ оставить въ немъ что-нибудь на память. Я написалъ по-французски: «*Пріѣзжій, скажи, что ты Русскій.*»

Принесшая бутылку пива почтмейстерова дочь, лицемъ своимъ увѣрила меня, что Калмыки стояли у матери на дворѣ, и что она ими была довольна.

ГЛАВА V.

ПОЧТАЛІОНЫ.

Почталіонъ, или мужикъ, служитъ почтмейстеру, одѣтъ въ длинномъ сюртукѣ, волторну носитъ чрезъ плечо, сидитъ на лѣвой коренной лошади, а правитъ двумя, тремя и четырьмя; въ рукахъ держитъ длинный бичь и сѣчетъ имъ воздухъ, по преданіямъ своихъ предковъ, по примѣру товарищей, по наученію почтмейстера, по приверженности къ лошадямъ, и сходственно съ своимъ нравомъ; возитъ онъ круглый годъ

* Книга, въ которую просятъ что-нибудь вписать для запомнованія.

Digitized by Google

шагомъ. Когда лошади побѣгутъ рысью, думаетъ, что они бьютъ. Между почтмейстера и почталіона та разница, что одинъ мучаетъ два часа, а другой четыре, шесть, восемь и сутки.

По установленію королевскому, курьеровъ должно возить на почтѣ по семи, а проѣзжихъ по пяти верстъ на часъ. Но никогда еще ни кто не уѣзжалъ болѣ двѣнадцати миль въ двадцать четыре часа.

Намъ сіе не понятно отъ того, что мы въ Россіи уѣзжаемъ по 20, рѣдко меньше 10 верстъ, въ часъ; на долгихъ по 100 верстъ въ сутки; пѣшкомъ ходаки наши уходятъ по 60 верстъ въ день. А Нѣмецкій почталіонъ хотя и долженъ ѣхать по 8 верстъ въ часъ, а уѣзжаетъ по три. Но и того много, если исчислить, сколько ему времени надобно:

кормить на каждой мили лошадей,
поить вездѣ, гдѣ есть вода,
ѣсть и пить самому, вездѣ гдѣ найдетъ хлѣбъ, масло и пиво,
раскуривать трубку,
высѣкать огонь,
говорить со встрѣчающимися,
торговаться за перевозъ,
играть на волторнѣ.

Бранить его дурно, бить еще хуже, просить — не поможетъ, давать денегъ — не подѣйствуетъ.

Если ему дать денегъ, то онъ сперва попроситъ посмотрѣть, какъ онъ скоро поѣдетъ: хлопнетъ разъ десять бичемъ, лошади побѣгутъ рысью, онъ засмѣется, оглянется, попридержитъ и опять поѣдетъ шагомъ.

Древніе, для изображенія скуки, представили время съ обрѣзанными крыльями: лучше бы его одѣть Прусскимъ почталіономъ.

Кажется, что часы лишаются движенія, и что минутная стрѣлка стоитъ неподвижно.

Со мною былъ Тристрамъ-Шанди, и онъ мнѣ показался печальнѣе Юнга.

Digitized by Google

ГЛАВА VI.

ГЛЕЙХЪ.

Симъ словомъ почтмейстеръ и почталіонъ отвѣтствуютъ нетерпѣнію путешественника. Глейхъ наводитъ на меня уныніе, печаль и отчаяніе. Почтовой глейхъ въ сравненіи:

съ русскимъ — тотчасъ,
съ французскимъ — dans l'instant,
съ италіянскимъ — subito,
съ англійскимъ — directly,

то,

что секунда въ сравненіи съ годомъ.

ГЛАВА VII.

ФРАНКФУРТЪ НА ОДЕРѢ.

Старинный городъ, въ коемъ, по описанію Бюшинга, 1200 домовъ, 12000 жителей. Примѣчанія достойна главная церковь готической архитектуры. Наемный лакей сказывалъ, что ей 400 лѣтъ, трактирщикъ 500, а звонарь 600, но совсѣмъ тѣмъ она древна.

Въ семъ городѣ бываютъ три ярмарки въ году, на коихъ производится обмѣнъ товарами съ Польшею, и очень притѣсняютъ жидовъ, отъ чего они еще больше и скорѣй обманываютъ. Въ городѣ есть многія шелковыя фабрики. Въ кофейномъ домѣ я нашелъ Прусскихъ офицеровъ. Они всѣ узнали, что я Русскій, но ни съ одинъ не говорилъ про Франкфуртскую баталію.

Рѣка Одеръ протекаетъ подъ городомъ, чрезъ нее мостъ и она судоходная, часто разливается, причиняя большой вредъ. Принцъ Брауншвейгскій въ одномъ изъ сихъ наводненій жертвовалъ своею жизнію для спасенія бывшихъ въ опасности жителей. Человѣколюбіе, сократя вѣкъ его, содѣлало имя безсмертнымъ.

Digitized by Google

Въ Берлинѣ сооруженъ ему памятникъ съ великолѣпною надписью въ стихахъ, коими сочинитель намѣренъ былъ привлечь болѣе вниманія, чѣмъ герой человѣчества.

Нужны памятники для равнодушныхъ, излишніе для чувствительныхъ. Подвигъ не умолкаетъ и станетъ переходить вѣками изъ памяти въ память.

ГЛАВА VIII.

МАЙОРЪ КЛЕЙСТЪ.

Въ Франкфуртѣ видѣлъ я мраморный столбъ, на коемъ стоитъ сфера съ сидящею на ней пчелою. Сей памятникъ воздвигнутъ стихотворцу и воину Клейсту. Онъ служилъ отлично и музамъ и королю; раненъ подъ Франкфуртомъ, оставленъ на мѣстѣ сраженія и былъ при послѣднемъ издыханіи; но одинъ простой казакъ поднялъ его, привезъ въ гошпиталь и тамъ за нимъ ходилъ. Помѣщаю поступокъ сей въ доказательство, что человѣколюбіе дѣйствуетъ сильно и безъ просвѣщенія, кое много обдумываетъ, выдумываетъ, придумываетъ и часто раздумываетъ.

ГЛАВА IX.

ПРУССКІЕ СОЛДАТЫ.

Они меня не удивили. Я игрывалъ ими маленькій; оловянные, коихъ продаютъ Ниренбергцы, деревянные, что дѣлаютъ у Троицы, глиняные, которыхъ обжигаютъ въ Калугѣ, и живые, коихъ я видѣлъ, всѣ одинаковы.

Покрой мундира тотъ самый, что былъ при Великомъ Курфирстѣ; камзолы длинны, сукно толсто, у людей ноги тонки, брюхи велики, вмѣстѣ видны, порознь безобразны и кажутся стары; косы безконечны. Не понимаю, какъ на поворотахъ не колятъ глазъ; шапки гренадерскія отличны, но безпокойны, обременяютъ голову, заставляютъ человѣка искать равновѣсія, въ солнце притягиваютъ лучи, въ дождь скопляютъ воду. Не смотря на всѣ сіи неудобства, ни одинъ

Digitized by Google

гренадеръ не согласится быть мушкатеромъ. Пища самолюбія готовится изъ отличія отъ другихъ.

Ходятъ вольно въ минуту 75 шаговъ; стрѣляютъ проворно; сума чрезъ плечо на широкомъ ремнѣ, тесакъ на широй протупеѣ; штыкъ въ ножнахъ; ружье длинно и тяжело; шомполъ цилиндрическій, коимъ не оборачивая прибивать зарядъ можно; пороха на полку не сыплютъ, а онъ выходитъ самъ изъ дула въ широкую затравку.

Французы, бывшіе подъ Росбахомъ, увѣряютъ что Пруссаки непобѣдимы.

Всѣ Русскіе, которые были подъ Франкфуртомъ, Пальцихомъ, Ягернсдорфомъ и Колберхомъ, сему не вѣрятъ.

Кто видѣлъ одного Прусскаго солдата, тотъ видѣлъ всю армію. Она походитъ на эликотовыя часы, въ коихъ механика отмѣнная, а корпусъ безобразный.

ГЛАВА X.

МѢСТОПОЛОЖЕНІЯ.

Съ горы да на гору, песокъ по колѣно; кой-гдѣ сосна, либо ель. Камней изобильно. Селеній мало. Отъ Франкфурта до Берлина 10 миль (70 верстъ). Я ѣхалъ двадцать шесть часовъ, и начиналъ уже думать, что вѣчно буду ѣхать, но къ крайнему удивленію пріѣхалъ.

ГЛАВА XI.

БЕРЛИНЪ.

Столичный городъ Бранденбургіи и Прусскаго Королевства составленъ изъ пяти городовъ.

Берлинъ, построенъ въ 1163 году Албертомъ, по прозванію Медвѣдемъ.

Кельнъ на островѣ, окруженномъ Шпреею.

Фридрихъ-Вердеръ, на рукавѣ Шпреи, построенъ въ 1657 г. курфирстомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ.

Digitized by Google

Нейштатъ, или *Доротеенштатъ*, по имени второй супруги Фридриха Вильгельма.

Фридрихсъ-штатъ основанъ въ 1688 году королемъ Фридрихомъ Первымъ.

Берлинъ имѣетъ четыре предмѣстія, около десяти тысячь домовъ, сто сорокъ тысячь жителей, въ окружности 18 верстъ, пятнадцать воротъ, двѣсти семдесятъ улицъ, тридцать шесть мостовъ и тридцать двѣ церкви.

Я въ Берлинѣ былъ три раза, жилъ долго, знаю его какъ Москву и Петербургъ, но предпочту ему и Выборгскую сторону и Рогожскую.

Всякій живой человѣкъ обрадуется сему городу, какъ спасшійся отъ кораблекрушенія обитаемому берегу; тутъ онъ надѣется найти покой и освободить себя отъ ига почты.

Если кто любопытенъ узнать совершенно Берлинъ, тотъ можетъ достать описаніе сего города господина Николаи; читать это описаніе надобно много время; поставить его — много мѣста. Описаніе одной улицы Фридрикштрасъ заключаетъ четыре тома. Сочинитель вездѣ останавливается, про все говоритъ и все объемлетъ.

Когда бы онъ захотѣлъ описать Петербургъ, то, останавливаясь при всякомъ шагѣ, удивлялся бы созданіямъ великой Екатерины и не успѣлъ бы описать всѣ премудрыя дѣла ея.

ГЛАВА XII.

ПЕРВЫЙ ДОПРОСЪ.

Стоящій въ воротахъ часовой при въѣздѣ останавливаетъ всякаго; если пріѣзжій иностранный и ѣдетъ въ коляскѣ или въ каретѣ, то выходитъ офицеръ на караулѣ стоящій, и, вынувъ записную книжку и карандашъ, требуетъ отвѣта на множество вопросовъ, дабы узнать, что за человѣкъ пріѣзжій и съ какимъ намѣреніемъ пріѣхалъ въ Берлинъ, будетъ ли представленъ къ королю, и проч. Намаравъ листа два, выведя изъ терпѣнія отвѣтчика, выбившись самъ изъ силъ и не узнавъ ничего, приказываетъ солдату сѣсть на повозку и проводить ее въ таможню.

Digitized by Google

ГЛАВА XIII.

ПИГАЛЬ.

Сей славный скульпторъ, сдѣлавъ Прусскому королю Меркурія, признаннаго за наилучшую статую нынѣшнихъ временъ, захотѣлъ чрезъ нѣсколько лѣтъ показать и себя въ той землѣ, гдѣ онъ уже прославился своей работой. Самолюбіе художника превосходило достоинство привозомъ его въ Берлинъ. На вопросъ офицера — кто онъ такой? — отвѣчалъ: «я авторъ Меркурія.» По полученіи рапорта, король приказалъ тотчасъ Пигаля посадить подъ караулъ, бывъ въ томъ мнѣніи, что онъ издатель журнала подъ названіемъ Меркурія, въ коемъ дерзко было говорено о его величествѣ. Узнавъ ошибку, Пигаля на другой день выпустили; всѣ ему смѣялись, а онъ на всѣхъ сердился.

ГЛАВА XIV.

СТРОГОСТЬ.

Когда Англійскій въ Даніи посланникъ Эллiотъ пріѣзжалъ тайно и подъ чужимъ именемъ за своею дочерью въ Берлинъ, то король, узнавъ о семъ, бывшаго офицера на карaулѣ у тѣхъ воротъ, въ кои Эллiотъ проѣхалъ, разжаловалъ въ солдаты за то, что онъ, не видавъ никогда его прежде, не узналъ въ лицо.

ГЛАВА XV.

ТАМОЖНЯ.

Отъ ней можно избавиться, давъ талеръ писарю стоящему у воротъ и нѣсколько грошей приставленному солдату. Если же кто не хочетъ давать напрасно денегъ, того привезутъ въ таможню, заставятъ ждать; станутъ осматривать, перебирать, марать, и не нашедъ ничего запрещеннаго, отпустятъ на всѣ стороны.

Digitized by Google

За каждую игру картъ положено штрафу сто талеровъ. Едва двухъ-сотъ не заплатилъ одинъ изъ нашихъ земляковъ за то, что въ дорогѣ охотникъ былъ раскладывать большой пасьянъ.

Слѣдственно, карты при въѣздѣ столько же опасны въ Пруссіи, какъ табакъ во Франціи, кружева въ Англіи и водка въ Россіи.

ГЛАВА XVI.

ТРАКТИРЫ.

Хороши и дешевы, во всѣхъ вседневные столы; за самый лучшій шестьдесятъ копѣекъ съ человѣка. Кушанье грубо, но вкусно, много капусты, мяса и кореньевъ. Хозяинъ отвѣчаетъ за пропажу изъ дома, когда живущій возьметъ въ услугу извѣстнаго человѣка; счетъ издержекъ подается каждую недѣлю. Цѣна комнатамъ умѣренная, исключая апрѣля и мая, мѣсяцы смотровъ, въ кои трактирщики берутъ что хотятъ, и грабя, вмѣняютъ въ одолженіе. Сперва сіе досадно, а, подумавъ, утѣшительно, что хотя и грабятъ, но не круглый годъ.

ГЛАВА XVII.

ВТОРОЙ ДОПРОСЪ.

Лишь только войдешь въ трактиръ въ комнату, то явится хозяинъ съ бумагою, разграфленной, такъ какъ у насъ пишутъ рапорты, вѣдомости и списки. Тутъ стоятъ слѣдующіе вопросы, на кои должно отвѣчать непремѣнно, и я обыкновенно одно писывалъ:

вопросы:	отвѣты:
Откуда пріѣхалъ? ——	Съ послѣдней почты.
За чѣмъ? ——	Такъ.
Долго-ли пробудешь? ——	Пока скучится.
Военный ли человѣкъ? ——	Ношу мундиръ.
Имѣетъ ли въ Пруссіи родню? —	Можетъ быть.

Digitized by Google

Сіи письменные отвѣты идутъ къ полицеймейстеру, который по нимъ и учреждаетъ поиски, наблюденія и замѣчанія.

ГЛАВА XVIII.

ПОСѢТИТЕЛИ.

Къ пріѣзжему тотчасъ явятся музыканты, земляки его солдаты, женщины съ корзинами, парикмахеры, фейктмейстеръ, Италіянецъ Мерони, нѣсколько слугъ.

Единое средство отъ нихъ избавиться есть то, кое я удачно всегда употреблялъ въ Тулѣ съ мастеровыми, въ Валдаяхъ съ дѣвками, и вездѣ съ нищими—ничего не говорить.

ГЛАВА XIX

ДВОРЕЦЪ.

Громада простой, но почтенной архитектуры; съ двухъ сторонъ площадь; комнаты велики, темны и были нѣкогда богато убраны; примѣчанія достойны рамы у зеркалъ и столы всѣ изъ литаго серебра, и хотя вышли изо вкусу, но всегда будутъ въ цѣнѣ. Во дворцѣ есть зала, называемая Гименова; въ ней бываетъ обрученіе принцесъ королевской фамиліи. Король, взявъ невѣсту за руку, зажигаетъ факелъ, въ чемъ ему послѣдуютъ предстоящіе, и обходитъ залу вокругъ при играніи музыки марша.

На углѣ дворца та комната, въ коей король Фридрихъ Вильгельмъ I-й съ малымъ обществомъ мнимыхъ друзей куривалъ табакъ, и, отлагая величество сана своего, позволялъ вольность въ обращеніи. Въ сей горницѣ и по сихъ поръ тотъ же, кажется, самый духъ, что во всѣхъ Голландскихъ шинкахъ, Турецкихъ кофейныхъ домахъ и Европейскихъ караульняхъ. Воображеніе мое сколько ни дѣйствовало, но кромѣ дыма ничего не представляло; ничто не понуждало остаться болѣ. Мысли обращались обратно къ двери. Одинъ взглядъ удовольствовалъ любопытство. Оно родилось и исчезло въ одно время. Но когда я былъ въ Сардамѣ и взиралъ на смиренное жилище, кое могло помѣстить

Digitized by Google

въ себѣ Великаго Петра, тогда воображеніе мое преобращало хижину въ храмъ славы, гдѣ я могъ видѣть всѣ дѣянія его, дивился имъ и дивился бы еще болѣ, когда бъ не былъ рожденъ въ царствованіе Великой Екатерины.

ГЛАВА XX.

БѢЛАЯ ЖЕНЩИНА.

Молва объ ней издавна существуетъ и утверждаетъ, что она являстся непремѣнно всякій разъ предъ смертію кого-нибудь изъ царской фамиліи. Нѣкоторые сему смѣются, иные сомнѣваются, а большая часть вѣритъ. Сіе привидѣніе живетъ въ дворцѣ; одѣта вся въ бѣломъ. Я видѣлъ ся портретъ, на коемъ платье походитъ на Египетское. Она посѣщаетъ многихъ, никому не вредитъ. Въ послѣднее ея явленіе принесла много прибыли хлѣбницѣ, надъ воротами дворца торгующей, которая ее видѣла, и разсказывая чудесныя подробности, привлекала народъ и распродавала свои хлѣбы. Замѣчено то, что о явленіи сей бѣлой женщины заговорили послѣ смерти покойнаго короля; отъ чего можно каждому заключить, что она не такъ исправна въ своей должности и начинаетъ лѣниться.

ГЛАВА XXI.

ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ.

Въ обхожденіи довольно учтивы, но внутренно горды породой; по большой части бѣдны; занимаютъ мѣста у двора и въ статской службѣ; имѣютъ въ городѣ старинные дома и увеселительные на пескѣ замки, гдѣ пользуются въ лѣтнее время воздухомъ и скукою. Штатъ самыхъ богатыхъ составленъ изъ двухъ лакеевъ, скорохода, камердинера, кучера, повара, нѣсколькихъ женщинъ и швейцара. Они знаютъ наизустъ всѣ доводы о древности ихъ рода, украшаютъ комнаты портретами своихъ предковъ, вывѣшиваютъ въ рамахъ патенты, жалованныя грамоты и письма отъ государей и владѣтельныхъ князей. Великіе охотники до лентъ, крестовъ и звѣздъ; въ случаѣ невозможности достать орденъ

Digitized by Google

покупаютъ каноники, чтобъ носить признаки оныхъ. Часто послѣ смерти графовъ, бароновъ находятся ордена, подобныя взаимному благоденствію принца острова Хіо. Изрѣдка даютъ пиры великолѣпные; а вседневно довольствуются умѣреннымъ кушаньемъ единственно для подкрѣпленія жизни и гордости.

ГЛАВА XXII.

КУНСТКАМЕРА.

Она помѣщена въ дворцѣ, въ самомъ верхнемъ этажѣ. Первая комната походитъ на переднюю Русскаго дворянина, охотника до собакъ; въ ней стоятъ набитые кабаны, олени, медвѣди и волки, истребленные въ высочайшемъ присутствіи Фридриха Вильгельма 1-го.

Впрочемъ сіе собраніе рѣдкостей ничего рѣдкаго не заключаетъ; оно составлено, такъ какъ и большая часть ему подобныхъ, изъ моделей, медалей, ветхихъ платьевъ и машинъ одного рода съ катеринъ-шармантъ. Тутъ, между прочимъ, показываетъ съ удовольствіемъ пристава желѣзную шлифную пряжку, которую Фридрихъ Великій проглотилъ, бывъ пяти лѣтъ. Во всѣхъ церквахъ произведено было молебствіе о спасеніи наслѣднаго принца. Но, къ счастію и въ утѣшеніе августѣйшихъ родителей, причина ихъ отчаянія обыкновеннымъ ходомъ и въ обыкновенный часъ вышла наружу, сдѣлалась рѣдкостью, и хранится въ кунсткамерѣ.

Еще тутъ же хранятся картины работы Фридриха Вильгельма 1-го, и на нихъ подписано, что онъ ихъ писалъ, будучи одержимъ мучительной подагрой. Надпись доказываетъ, что король желалъ извинить свою работу, а живопись — сколь жестока была болѣзнь его.

ГЛАВА XXIII.

ДВОРЪ.

Военный, слѣдственно не великолѣпный. Къ королю, когда онъ въ Берлинѣ, ѣздятъ на поклонъ поутру въ воскресенье; а у королевы тотъ же день бываетъ ввечеру

Digitized by Google

куртагъ. Старинный обрядъ запрещаетъ посланникамъ и всѣмъ принадлежащимъ дипломатическому корпусу, обѣдать и ужинать съ королевскою фамиліею; во исполненіе чего, на куртагахъ, коль скоро гофмаршалъ объявитъ, что столъ готовъ, то всѣ посланники, изъ коихъ нѣкоторые играютъ съ королевою въ лото, побѣгутъ вонъ. Принцы имперіи, генералы и полковники имѣютъ лишь право быть за столомъ съ королемъ и королевою.

Сверхъ большаго двора есть нѣсколько еще маленькихъ какъ-то:

Дворъ вдовствующей королевы,
—— принца Фердинанда,
—— принца Генриха,
—— принцессы его.

Всѣ сіи дворы имѣютъ свой штатъ, дворецъ и придворныхъ. Зовутъ почти всякій день нѣсколько человѣкъ ужинать и играть въ лото. И такъ какъ сіи собранія не совсѣмъ веселы, то скороходы съ трудомъ налавливаютъ назначенное отъ гофмаршала число гостей. Лѣтомъ принцы и принцессы выѣзжаютъ въ загородные домы, и тамъ, оставя этикетъ, мужчины вмѣсто шпагъ носятъ кортики, а дамы въ жаръ ходятъ съ зонтиками.

ГЛАВА XXIV.

ЭКИПАЖИ.

Кареты живутъ нѣсколько вѣковъ отъ тихой ѣзды и рѣдкаго употребленія. Лошади вообще дурны и худы. Одна лишь королевская фамилія имѣетъ право ѣздить цугомъ, съ висячими по бокамъ кареты живыми пажами. Господа имѣютъ впереди экипажа бѣгущаго скорохода, ночью съ зажженнымъ факеломъ, а днемъ съ толстой палкой. Въ Берлинѣ на кареты моды не знаютъ, и часто поколѣній шесть ѣздятъ въ одной, получая ее въ наслѣдство движимымъ имѣніемъ.

Наемныя кареты ни отъ дождя, ни отъ вѣтра не укрываютъ.

Въ Берлинѣ легко можно замѣтить успѣхи каретнаго мастерства съ начала изобрѣтенія его.

Digitized by Google

ГЛАВА XXV.

КУЧЕРА.

Сѣкутъ лошадей безпрестанно и временно давятъ людей. Они не кричатъ, чтобъ береглись и смѣются страху находящихся въ опасности. Иногда ихъ и наказываютъ за переломленіе руки или ноги; но никогда не взыскиваютъ, для чего они не кричали, чтобъ посторонились; слѣдственно молчаніе сіе аппробовано полиціей.

Одинъ разъ мой кучеръ раздавилъ было беременную женщину. Я его сталъ бранить. Онъ сталъ смѣяться. Я его ударилъ; онъ пошелъ жаловаться, и полицеймейстеръ прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я въ удовлетвореніе кучера далъ ему три талера. Заплатя шесть, велѣлъ своему человѣку дать ему оплеуху, и согнавъ, напялъ другаго съ договоромъ, чтобъ онъ не колесовалъ встрѣчающихся.

ГЛАВА XXVI.

ПРИДВОРНЫЕ.

Первый чинъ оберъ-камергеръ; прочіе знатные чины въ довольномъ уваженіи, но, такъ какъ и статскіе, не равняются съ военными: былъ примѣръ, что одинъ человѣкъ былъ у двора оберъ-шталмейстеръ, а въ арміи маіоръ. Признаки камергера въ будни — двѣ золотыя пуговицы; въ праздникъ—ключь. Они имѣютъ право танцовать съ принцессами. Чинъ Прусскаго камергера не много больше Датскаго, наравнѣ съ Польскимъ, и въ десять разъ меньше Россійскаго. Городъ знаетъ только тѣхъ, кои опредѣлены ко дворамъ, и въ бѣлыхъ перчаткахъ водятъ и сводятъ принцессъ по лѣстницамъ.

Ни одинъ поручикъ не пойдетъ въ камергеры. Изъ десяти титурярныхъ камергеровъ девять пойдутъ въ подпоручики.

Женщины ихъ не любятъ, народъ не уважаетъ, и они въ самыхъ темныхъ мѣстахъ звѣринца, удаляясь отъ общества людей и убѣгая отъ лягавыхъ собакъ, предаются размышленіямъ о суетахъ міра сего.

Digitized by Google

ГЛАВА XXVII.

ГЕНЕРАЛЫ.

Стары, дряхлы, чуть живы, украшены сѣдинами, заслугами и ранами; но верхомъ бодры и исполнены живости. Всѣ служили въ Семилѣтнюю войну, и съ тѣхъ поръ говорятъ объ ней повседневно; боготворятъ героя ихъ, вождя и государя; кругъ ихъ желаній ограниченъ; самолюбіе каждаго удовлетворено чиномъ и первенствомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ съ полкомъ; ни одинъ изъ нихъ не знаетъ нѣги, не намѣренъ идти въ отставку, и смерть сама исключаетъ ихъ изъ военнаго списка; мало годятся начальствовать арміею, но всѣ способны исполнять повелѣнія другаго.

Генералъ-поручикъ имѣетъ титло превосходительства, а генералъ-маіоръ долженъ ждать.

Въ Берлинѣ были два брата Валдека, оба генералъ-поручики и шефы полковъ. Для различія большаго брата отъ меньшаго называли одного старымъ, а другаго молодымъ Валдекомъ, хотя сему послѣднему и было шестьдесятъ лѣтъ.

ГЛАВА XXVIII.

ШТАБЪ-ОФИЦЕРЫ.

Персона важная, которую каждый солдатъ долженъ знать въ лицо, дабы приступить къ ружью при появленіи его на горизонтѣ. Вступя въ сей чинъ, вся Пруссія узнаетъ, сколько онъ великъ и тушенъ. Достоинство сіе наноситъ убытокъ поступившимъ въ него; ибо маіоръ долженъ имѣть фарфоровую пивную кружку, такую же табакерку, пенковую трубку, ситцевый халатъ и хлопушку бить мухъ.

ГЛАВА XXIX.

КАПИТАНЫ.

Дослуживаются до сего чина съ трудомъ, но потомъ живутъ съ удовольствіемъ, въ изобиліи. Чинъ сей есть главная цѣль всякаго офицера; онъ получаетъ роту и съ нею состояніе; пѣхотный капитанъ имѣетъ въ годъ до 2500

Digitized by Google

талеровъ, конный 1500, и сей доходъ не отнимается у него до генералъ-маіорскаго чина. Онъ долженъ давать даромъ столъ офицерамъ своей роты и со дня пожалованія начинать толстѣть. Кромѣ больныхъ чахоткою, всѣ капитаны Прусской службы носятъ толстыя брюхи. Сіе не почитается за безобразіе, а заслуживаетъ названіе *респектаблерманъ*, то есть, почтенный человѣкъ.

ГЛАВА XXX.

ОФИЦЕРЪ.

Терпитъ лѣтъ тридцать холодъ и голодъ; получаетъ шесть талеровъ въ мѣсяцъ и подкрѣпляетъ томную душу и слабое тѣло единою надеждою быть нѣкогда капитаномъ, если Богъ продлитъ его вѣка. Заняты бывъ должностью съ утра до вечера, едва находятъ свободный часъ въ воскресенье погулять въ звѣринцѣ, и выкурить на открытомъ воздухѣ трубку табаку. Платья другаго, кромѣ мундира, не знаютъ, не носятъ, да и дѣлать не на что. Я многихъ зналъ и видалъ, кои, за неимѣніемъ чулокъ, на босую ногу надѣвали щиблеты. Въ шесть часовъ всякій одѣтъ; въ обществахъ не бываютъ, и изо всѣхъ девятнадцати полковъ, стоящихъ въ Берлинѣ, три или четыре офицера приглашаются на балы. Въ отпускъ они не ѣздятъ отъ того, что нѣкуда, а притомъ должно объявить и важную причину, чтобъ получить отъ короля отпускъ. Многіе въ теченіе двадцати лѣтъ ни на одинъ день не отлучались отъ должности, и не считаютъ сіе знакомъ ревности къ службѣ. Они почти всѣ дворяне, воспитаніе имѣютъ обыкновенно состоящее въ познаніи своего языка, французскаго и нѣсколько геометріи. Дни жизни ихъ протекаютъ на вахтъ-парадѣ, ученіи и караулѣ. Разговоры касательны до ремесла, и они столь привыкли къ старинным побѣдамъ покойнаго короля, что, произведя и себя въ герои, презираютъ безъ изъятія всѣхъ прочихъ службъ офицеровъ; считаютъ ихъ своими учениками и подражателями. Смѣются, почитая за самозванцевъ молодыхъ Русскихъ маіоровъ, Французскихъ полковниковъ и Англійскихъ офицеровъ. Между ними также есть первенство. — Артиллерій-

Digitized by Google

скій офицеръ почитаетъ себя лучше гарнизоннаго, пѣхотный артиллерійскаго, конный пѣхотнаго; а надъ всѣми беретъ жандармскій кирасирскій. Полкъ сей всегда стоитъ въ Берлинѣ, и въ немъ служатъ лучшихъ фамилій молодые люди, изъ коихъ есть человѣка три богачей, то есть, имѣющихъ тысячь по пяти талеровъ доходу; у сихъ есть очень хорошія лошади, на коихъ они по воскресеньямъ увеселяютъ публику въ звѣринцѣ, прыгая чрезъ лавки, заборы и проч. Нѣкоторые изъ сихъ жандармскихъ офицеровъ вздумали проскакивать сквозь крылья дѣйствующей вѣтреной мѣльницы, и сіе позорище привлекало множество зрителей. Но шефъ ихъ полка, генералъ Притвицъ, узнавъ о семъ, запретилъ продолжать сумасшествіе, служащее подражаніемъ подвигу Донъ-Кихота. Произвожденіе въ чины до маіоровъ дѣлается по полкамъ. Въ мирное время многіе офицеры бываютъ по десяти лѣтъ въ ихъ чинахъ. Я зналъ одного поручика, который уже двадцать лѣтъ былъ офицеромъ, шесть лѣтъ сговоренъ, и еще чрезъ шесть лѣтъ не надѣялся быть произведеннымъ въ капитаны и въ супруги; а отъ сего-то во всякомъ чинѣ каждый желаетъ смерти своего старшаго, и я былъ свидѣтелемъ радости офицеровъ одного полка, когда они узнали, что у ихъ маіора сдѣлался въ желудкѣ антоновъ огонь отъ гнилыхъ устрицъ.

ГЛАВА XXXI.

МЕЛЕНДОРФЪ.

Фельдмаршалъ и губернаторъ Берлинскій, будучи еще поручикомъ, обратилъ на себя вниманіе Фридриха II; получилъ въ теченіе Семилѣтней войны многіе чины; на баталіи при Торгау подполковникомъ былъ главнымъ орудіемъ побѣды. Въ 1778 году командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ. Служа съ пользою отечеству, заслужилъ уваженіе государя своего, преданность подчиненныхъ и любовь соотчичей; ростомъ великъ, сухъ; видъ имѣетъ почтенный и пріятный, разговоръ простой, обхожденіе ловкое, и, имѣя право на почтеніе, совсѣмъ не гордъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXII.

АКАДЕМІЯ.

Установлена Великимъ Фридрихомъ, истиннымъ покровителемъ наукъ. Академія Берлинская славилась всегда членами своими и произведеніями ихъ. Я засталъ нѣсколько изъ извѣстныхъ въ ученомъ свѣтѣ: Бернульи, Кастильоны отецъ и сынъ, Формей, Лагранжъ, были еще живы. Трогательно было первое засѣданіе по смерти Фридриха, въ день его рожденія. Графъ Герцбергъ, возвышенный имъ, первый министръ иностранныхъ дѣлъ и членъ Академіи, читалъ, по ежегодному обыкновенію, краткое описаніе внутренняго въ государствѣ управленія, заведеній, и исчисленіе изліянныхъ на подданныхъ милостей. Воспоминаніе героя Пруссіи, творца ея славы и отца народа, извлекло слезы изъ глазъ министра, исполнителя воли королевской. Казалось, что первая слеза его, подобная электрической силѣ, подѣйствовала и надо всѣми зрителями; возблагодѣтельствованные подданные великимъ государемъ возрыдали о его кончинѣ.

Восторгъ, сокрушеніе и слезы были нелицемѣрныя. Достойное возмездіе государей, о благѣ общемъ пекущихся! Любовь народа есть благоденствіе, покой, слава, щитъ и вѣчный памятникъ ихъ. Какой сооруженный монументъ устоялъ нѣсколько вѣковъ, не ставъ жертвою времени? Но тѣ, кои оплакивали Великаго Фридриха, посѣятъ чувства ихъ въ сердца дѣтей своихъ; они перейдутъ изъ рода въ родъ, и единое имя его производить будетъ въ отдаленномъ потомствѣ восхищеніе, горесть, можетъ быть и простительную зависть къ предкамъ, жившимъ въ столь славное царствованіе. Я увѣренъ, что духъ героя, столь достойно оплакиваемаго, сравнивалъ сіе жертвоприношеніе съ лаврами, коими слава на землѣ увѣнчала мудрую главу его; тѣ стоили жизни ста тысячамъ народа и повергли въ уныніе цѣлыя государства, а тутъ единое напоминовеніе его добродѣтелей облило кровію сердца вѣрныхъ сыновъ отечества.

Въ томъ домъ, гдѣ Академія имѣетъ въ верху свои засѣданія, въ нижнемъ этажѣ конюшня жандармскаго полка.

Digitized by Google

На фронтонѣ строенія написано: *Apollini et Musis*, то есть Аполлону и Музамъ. Нѣкто прибавилъ *et mulis*, и вышло: Аполлону, Музамъ и осламъ. Изъ тридцати тогдашнихъ членовъ Академіи болѣе половины обидѣлись симъ дополненіемъ и предлагали перемѣнить домъ, не хотя себя утѣшить тѣмъ, что оселъ хотя и есть скотина глупая, но весьма полезная.

За всякое засѣданіе каждому члену выдаетъ секретарь Академіи по жетону, а въ концѣ года дается за оные столько же талеровъ. Изъ сего можно заключить, что умъ не дорогъ въ Пруссіи, но все-таки не даромъ.

Послѣ сего засѣданія показываемы были нѣсколько подлинниковъ сочиненій покойнаго короля, писанныхъ собственною его рукою. Тутъ замѣтилъ я многія ошибки въ правописаніи. Ихъ можно приписать или дурнымъ правиламъ въ наукѣ Французскаго языка, или желанію Великаго Фридриха ввести новое правописаніе, состоящее въ томъ, чтобы писать слова не по принятому обыкновенію, а по выговору; для чего вмѣсто: il avait, ils avaient, aimer, faire, писано вездѣ: *il avé*, *ils avé*, *eme*, *fer* и пр. Но какая нужда, если кто не сдѣлалъ себѣ правописанія привычкою, затрудняться оными. Это дѣло переписчиковъ и издателей. Тотъ, кто могъ написать столь сильно, живо и умно исторію своего вѣка и Семилѣтней войны, имѣлъ право ставить одну букву вмѣсто другой, и, обогащая исторію, позволить себѣ, въ качествѣ короля и писателя, презирать негодованіе педантовъ и студентовъ.

Вѣрно никому не пришло на умъ, читая сочиненія Ломоносова, Державина и Хераскова, стараться узнать, хорошъ ли ихъ почеркъ, равно какъ быть свѣдущу и о томъ, что у Тюреня, Фридриха Великаго и Графа Румянцова, шпаги были односторонныя, или трехъ-гранныя.

ГЛАВА XXXIII.

СОБРАНІЯ.

Послѣ этого заглавія не написано ничего, и сочиненіе вѣроятно не было окончено. *Ред.*

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РОССІЯ.

Сильна, велика ты Россія!
Широкъ степей твоимъ просторъ,
Глубоки воды голубыя,
Полны сокровищницы горъ!

—

И по степямъ твоимъ широкимъ
Пасутся вольныя стада,
И по рѣкамъ твоимъ глубокимъ
Бѣгутъ крылатыя суда!

—

И нивы жатвою богатой
За бѣдный трудъ земли даритъ,
И въ нѣдрахъ горъ родится злато,
А ребра ихъ одѣлъ гранитъ!

—

И мачты — сосны вѣковыя
Стоятъ на сѣверѣ твоемъ,
И кисти гроздій наливныя
Поятъ некупленымъ виномъ!

—

Твои снѣга скуютъ морозы,
И путь какъ сталь, какъ серебро,
И безконечные обозы
Развозятъ въ даль твое добро!

—

Digitized by Google

А тамъ — зеленый садъ Тавриды,
Омытый теплою волной,
На память сѣверной Армиды
Цвѣтетъ блаженною весной!

—

Твои лѣса — звѣрей жилище
Проходитъ дикій звѣроловъ,
И стережетъ ихъ логовище,
И въ дань тебѣ богатый ловъ!

—

И ульи точатъ медъ янтарный,
И Волга рыбъ своихъ янтарь
Несетъ, торговецъ благодарный,
На столъ купцовъ твоихъ и барь!

—

Тамъ на верблюдахъ купли дани
Везетъ Хивы лукавый сынъ;
А тамъ земель пологихъ грани
Хранитъ штыковъ желѣзный тынъ!

—

Въ странахъ, гдѣ солнце день выводитъ,
Тебя боится твой сосѣдъ;
И гдѣ, блѣднѣя, вечеръ сходитъ,
Тебѣ почетъ, тебѣ привѣтъ!

—

Покорный, кроткій, терпѣливый,
Здоровъ и крѣпокъ твой народъ!
Ты Вѣры край благочестивый!
Стой противъ бурь, живой оплотъ!

—

Во дни народныхъ смутъ и боя,
Одна безмолвна и тверда,
Одна въ величіи покоя,
Свидѣтель Божія суда!

Мих. Дмитріевъ.

Digitized by Google

ЗИМА.

Въ дни лѣта природа роскошно,
Какъ дѣва младая, цвѣтетъ,
И радостно, денно и нощно,
Ликуетъ, пируетъ, поетъ.

Красуясь въ нарядѣ богатомъ,
Природа царицей глядитъ,
Сапфирами, пурпуромъ, златомъ
Облитая, чудно горитъ.

И пышныя кудри и косы
Скользятъ съ-подъ златаго вѣнца,
И утромъ и вечеромъ росы
Лелѣютъ румянецъ лица.

И полныя плечи и груди —
Все въ ней красота и любовь,
И ею любуются люди,
И жарче струится въ нихъ кровь.

Съ приманки влечетъ на приманку!
Приманка приманки милѣй!
И день съ ней восторгъ спозаранку,
И ночь упоительна съ ней!

Digitized by Google

Но поздняя осень настанетъ:
Природа состарится вдругъ;
Съ днемъ каждымъ все вянетъ, все вянетъ,
И ноетъ въ ней тайный недугъ.

Морщина морщину пригонитъ,
Въ глазахъ потухающихъ тьма,
Ко сну горемычную клонитъ,
И вотъ къ ней приходитъ зима.

Изъ снѣжно-лебяжьяго пуху
Спѣшитъ пуховикъ ей постлать,
И тихо уложитъ старуху,
И скажетъ ей: спи, наша мать!

И спитъ она дни и недѣли,
И полгода спитъ напролетъ,
И сосны надъ нею и ели
Раскинули темный наметъ.

И вьюга ночная тоскуетъ
И воетъ надъ снѣжнымъ одромъ,
И мѣсяцъ морозный цѣлуетъ
Старушку убитую сномъ.

Ноябрь. 1848 г.

Князь Вяземскій.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 2. Январь. Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РУССКІЕ

ВЪ НАЧАЛѢ ОСМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЕДИНОДЕРЖАВІЯ ПЕТРА ПЕРВАГО.

(Продолженіе).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА VI.

Въ Земляномъ городѣ, между Тверской улицей и Никитскою, на самомъ *тупикѣ*, то есть въ концѣ глухаго переулка, стоялъ высокій брусяной домъ съ теремомъ и *рундукомъ*, или по нынѣшнему террасою, надъ которой подымалась остроконечная кровля, подпертая двумя, обдѣланными изъ толстыхъ бревенъ, огромными балясинами Этотъ домъ, принадлежащій думному дворянину Лаврентію Никитичу Рокотову, стоялъ посреди обширнаго двора или, вѣрнѣй сказать, огороженнаго поля, на которомъ, во всякомъ Нѣмецкомъ городѣ, помѣстилось бы, по крайней мѣрѣ, двѣ площади, а при нуждѣ и нѣсколько улицъ съ переулками. Чтобъ добраться обыкновеннымъ ходомъ до хозяина дома, надобно было непремѣнно пройти черезъ запачканную переднюю, въ которой оборванные холопы днемъ сидѣли на

Digitized by Google

лавкахъ, а ночью спали гдѣ ни попало, одни на коникѣ, а другіе въ повалку на грязномъ полу. По праву разсказчика, я могу васъ избавить отъ этого, любезные читатели, и попрошу васъ перенестись вмѣстѣ со мною прямо въ гостиную. Эту комнату можно было бы назвать, сравнительно съ другими, довольно опрятною, еслибъ въ ней, хотя изрѣдка, промывали стекла въ окнахъ и хотя разъ въ году обметали по угламъ паутину, которая, со дня кончины супруги Лаврентія Никитича, то есть ровно три года сряду, оставалась неприкосновенною. Хозяинъ дома, Лаврентій Никитичъ Рокотовъ, бодрый старикъ, лѣтъ шестидесяти, средняго роста, дородный, съ длинной бородою, крутымъ широкимъ лбомъ, навислыми бровями и угрюмымъ лицемъ, сидѣлъ за сытнымъ завтракомъ, на которомъ не было ни гданской водки, ни сыру, ни голландскихъ сельдей, ни нѣмецкихъ колбасъ, а была просто добрая настойка, жирный пирогъ съ визигою, вяленая астраханская шемая, икра, балыкъ и цѣлыя пирамиды разнородныхъ блиновъ. Съ нимъ сидѣлъ Ардаліонъ Михайловичъ Обиняковъ, тотъ самый худощавый баринъ, который на асамблеѣ Адама Ѳомича Гутфеля подсматривалъ изъ-подтишка за Симскимъ и Ольгой Дмитріевною.

— Ну что, Ардаліонъ Михайловичъ, — сказалъ хозяинъ, — вѣдь пирогъ-то на славу испеченъ.

— Да, Лаврентій Никитичъ, пирогъ диковинный!

— Не прикажешь-ли еще?

— Всенижайше благодарю!

— Такъ милости просимъ блинковъ!.... Ну что, каковы?

— У, батюшки!.... что это.... такъ во рту и таютъ!

— Право?.... Да, подлинно хороши!.... Ай да Аксинья! истинно скажу: такой отличной стряпухи во всей Москвѣ не найдешь.... Изволь-ка вотъ этихъ съ припёкою.... Ну что?

— Преизрядные!....

— Въ самомъ дѣлѣ? Пожалуй-ка сюда.... Да, не дурны; а все не то, что мои любимые.... Вотъ откушай-ка этихъ со снетками.

Digitized by Google

— Еще лучше!.... пухлые, поджаристые!... Вотъ это блины!.... Страшно ѣсть, Лаврентій Никитичь: того и гляди, языкъ проглотишь!

— Не бойся, любезный, — не проглотишь. Кушай на здоровье, кушай!.... И я тебѣ помогу.... Да чтожъ ты, Ардаліонъ Михайловичь, съ однимъ блиномъ не сладишь?.... Эхъ, братъ! съ тѣхъ поръ, какъ ты нарядился Нѣмцемъ, такъ и кушать-то сталъ по-Нѣмецки.

— Вы все еще, батюшка, изволите меня упрекать, зачѣмъ я по-Нѣмецки одѣваюсь: да помилуйте, Лаврентій Никитичь! ужъ я вамъ докладывалъ: чтожъ мнѣ было дѣлать? Неволя скачетъ, неволя плачетъ, неволя пѣсенки поетъ. Я человѣкъ служебный, состою подъ властію, а вы знаете, всѣмъ магистратскимъ указано ходить въ Нѣмецкихъ платьяхъ. Вотъ товарищъ мой, Степанъ Ивановичь Спѣшневъ, сталъ было отнѣкиваться, такъ его тотъ-же-часъ на порогъ, да въ шею.

— Такъ чтожъ?.... Не служи!....

— Не служи! Вамъ хорошо, батюшка: вы проживете и отцовскимъ благословеніемъ. Вѣдь покойникъ-то счету не зналъ своимъ отчинамъ, а я человѣкъ бѣдный.... жена, дѣти....

— Нѣтъ, любезный, я на твоемъ мѣстѣ лучше бы съ сумою пошелъ, сталъ бы питаться Христовымъ именемъ.... Ну, да и то сказать: человѣкъ на человѣка не приходитъ.... Э, да чтожъ ты, любезный, пересталъ куіпать?

— Нижайше благодарю, Лаврентій Никитичь—будетъ!

— Такъ-то? Чтожъ это, первый блинъ да комомъ?

— Какой первый — помилуйте! Вотъ ужъ за полдюжину перешло.

— Эка важность!.... Кушай, любезный, кушай!

— Ни коимъ родомъ не могу, Лаврентій Никитичь: душа не принимаетъ.

770740A
Digitized by Google

— Вотъ то-то и есть, братецъ, набаловался ты у этихъ Нѣмцевъ; вѣдь они, чай, гостей-то своихъ счетнымъ зерномъ кормятъ. Вотъ, примѣромъ вчера, на бѣсовскомъ сходбищѣ, у этого собачьяго сына Гутфеля, ужъ вѣрно также про гостей ужинъ былъ; чай, по ломтику протухлаго сыра, да по селедкѣ на брата — кушай на здоровье! А что, Ардаліонъ Михайловичь, какъ ты свой ломтикъ сыру скушалъ, такъ другаго не попросилъ?

— Кто? я-съ? Помилуйте! стану я эту Нѣмецкую дрянь ѣсть! Я и на вечеринкѣ-то у него былъ ради того только, чтобъ пересказать вамъ....

— Да, да!.... Ну, что эта дура, Ханыкова, была тамъ съ своей племянницей?

— Была, Лаврентій Никитичь.

— Срамница!.... Чтожъ, онѣ плясали?

— Плясали; да еще какъ, батюшка! всѣхъ Нѣмокъ за поясъ заткнули.

— Безстыдницы этакія!

— Лишь только вошли, вся молодежъ такъ къ нимъ гурьбой и бросилась — и Нѣмцы и Русскіе; а онѣ съ ними и пошли, тара-бара — и такъ и этакъ, и по-Нѣмецки....

— Какъ! неужели по-Нѣмецки?

— Да, сударь! Я самъ слышалъ.

— Вотъ до чего дошли!

— А пуще племянница — такъ и рѣжетъ!

— Ну, пора дядѣ пріѣхать!.... Я къ нему писалъ. Съ сестрой Максиму Петровичу дѣлать нѣчего: она отрѣзанный ломоть, а племянницу прибрать къ рукамъ не мѣшаетъ: вѣдь онъ ей вмѣсто отца роднаго.... Что, чай, молодежъ-то около нихъ очень увивалась?

— Да, сударь. За Аграфеной Петровною Ханыковой сильно ухаживалъ какой-то аптекарь Нѣмецъ, а за Ольгой Дмитріевной Запольскою вотъ этотъ офицерикъ, что мѣсяца два тому назадъ....

Digitized by Google

— Такъ онъ опять сюда пріѣхалъ?

— Видно что такъ. Они все вмѣстѣ изволили выплясывать. Сначала пошли минавею.... ужъ было чего посмотрѣть — смѣхъ да и только!

— А что?

— Да какъ же, батюшка: чѣмъ бы имъ думать о своей пляскѣ, а они другъ на друга смотрятъ. Надо поклониться направо, а они кланяются налѣво. Она то вспыхнетъ, то побѣднѣетъ; а онъ, пострѣлъ этакой, глядитъ на нее, да такъ глазами и ѣстъ!

— Экой срамъ! экой срамъ!

— А тамъ какъ Аграфена Петровна собралася домой, такъ и онъ за ними слѣдомъ, — словно въ одной колымагѣ пріѣхали.

— Узналъ-ли ты, какъ зовутъ этого подлипалу?

— Спрашивалъ, сударь; говорятъ, какой-то.... ну вотъ и позабылъ!.... Помню только, что рода хорошаго.

— Да вѣдь нынче не узнаешь, любезный. Ты отпустишь холопа на волю, а онъ твоимъ прозвищемъ станетъ называться. Теперь это ни почемъ, какъ себѣ хочешь, такъ и прозывайся; истинно вавилонское столпотвореніе — смѣшеніе языковъ!

— Да, сударь, да!.... все перековеркано! Лаврентій Никитичъ, — продолжалъ Обиняковъ, смотря въ окно, — къ вамъ еще гость пріѣхалъ.... кажись, Герасимъ Николаевичъ Шетневъ.

— Да, точно, это онъ.... Эй, Ванька! вели подать свѣжихъ блиновъ.... Я не ждалъ его сегодня.... видно есть что-нибудь новинькое....

— Опять какая-нибудь Нѣмецкая выдумка, батюшка.

— А вотъ посмотримъ.

Въ комнату вошелъ баринъ лѣтъ пятидесяти, въ шелковой ферязи, изъ-за которой подымался вышитый золотомъ

Digitized by Google

высокой *козырь*, то есть стоячій воротникъ кафтана, также шелковаго. Герасимъ Николаевичь Шетневъ принадлежалъ къ числу *недовольныхъ* тогдашняго времени; онъ былъ человѣкъ не глупый, большой краснобай и отъявленный ненавистникъ всякихъ нововведеній и перемѣнъ, сближающихъ православную Русь съ этимъ окаяннымъ Западомъ. Шетневъ называлъ всѣ эти преобразованія Нѣмецкимъ духомъ, и никто лучше его не доказывалъ, что этотъ Нѣмецкій духъ — есть духъ антихристовъ. Онъ не сказалъ бы Петру Алексѣевичу, какъ извѣстный Кикинъ: «Ты говоришь, Государь, «что я уменъ, да за то-то я тебя и не люблю. Умъ любитъ просторъ, а при тебѣ ему тѣсно.» — Нѣтъ! Шетневъ любилъ, по его словамъ, рѣзать правду, да только втихомолку, въ кругу искреннихъ своихъ друзей; но за то ужъ, когда онъ сидѣлъ съ ними въ огромномъ покоѣ съ запертыми дверьми, за версту отъ передней, то надобно было его послушать. О, какъ доставалось тогда всѣмъ! и ближнимъ боярамъ, и Нѣмецкимъ генераламъ, и этимъ выскочкамъ-временщикамъ, и самому старшóму, котораго впрочемъ онъ въ этихъ случаяхъ никогда не называлъ по имени.

— Милости просимъ, Герасимъ Николаевичь, — сказалъ хозяинъ, идя на встрѣчу къ своему гостю: — не ждалъ я тебя сегодня поутру.

— Здравствуйте, Лаврентій Никитичь, здравствуйте! — промолвилъ Шетневъ, садясь. — Фу, батюшки, усталъ!

— Усталъ? Отъ чего?

— Какъ отъ чего? Ужъ я сегодня ѣздилъ, ѣздилъ!.... Сейчасъ былъ на Крутицахъ у Ивана Ильича Чуфаровскаго. Я засталъ у него все нашихъ: князя Андрея Юрьевича Шелешпанскаго, Абрама Васильевича Воропанова, князя Алексѣя Трофимовича Хворостинина, Софрона Савича Возницына, Петрушу Сорокоумова.... Поговорили, потолковали. Что, братъ Лаврентій Никитичь: часъ отъ часу не легче!

— А что?

— Да вотъ что: ты знаешь, что годовъ шесть тому назадъ, нашъ батюшка — дай Богъ ему добраго здоровья! — изволилъ обложить податью всѣ дворянскія бороды?

Digitized by Google

— Какъ не знать! Вѣдь и съ меня старика берутъ по шестидесяти рублей въ годъ за то, что я, православный, не хочу на поганаго Нѣмца походить.... Нѣчего сказать, дай Господи ему добраго здоровья!

— А вотъ Софронъ Савичь Возницынъ говоритъ, что слышалъ отъ вѣрныхъ людей, будтобъ вмѣсто шестидесяти станутъ брать съ каждой бороды по сту рублей.

— Ну, это еще что! То не бѣда, коли на деньгу пошла; пожалуй, бери себѣ!....

— Бери себѣ! Хорошо, кому въ моготу; а вотъ Петруша Сорокоумовъ такъ и завылъ.

— Скажи ему отъ меня: не горюй дискать: не безъ добрыхъ людей — помогутъ!

— И князь Шелешпанской больно переполошился.

— Князь Шелешпанской? Да онъ богаче меня.

— Богатъ да не тороватъ. Ну• вотъ припомни мое слово: коли Возницынъ сказалъ правду, такъ этотъ скряга отмахнетъ себѣ бороду.

— Нѣтъ, любезный, хоть двѣсти рублей наложи, такъ онъ и тогда сберетъ съ крестьянъ рубликовъ триста прибавочнаго оброка, двѣсти отдастъ въ казну, сто положитъ себѣ въ карманъ, а ужъ бороды ни за что не обрѣетъ — не такой человѣкъ. Я сегодня звалъ его къ себѣ на блины: что, онъ будетъ или нѣтъ?

— Будетъ. Онъ хотѣлъ было ѣхать вмѣстѣ со мною, да Чуфаровской также масляницу справляетъ, а ты знаешь князя: какъ онъ наляжетъ на блины, такъ ты съ нимъ что хочешь — хоть въ дубьё прими, ни за что не отстанетъ.

— Да, Русской человѣкъ, любитъ покушать.

— Я ему говорю: «полно, князь Андрей, что ты на блины-то навалился!» а онъ и ухомъ не ведетъ. Поѣдемъ говорю, князь, пора! А онъ молчитъ да убираетъ за обѣ

Digitized by Google

щеки. Ну, нечего сказать: здоровъ ѣсть! Какъ я сталъ прощаться съ хозяиномъ, такъ онъ между двухъ блиновъ пробормоталъ мнѣ въ догонку: скажи, дискать, Лаврентію Никитичу, что я безотменно буду.... Ахъ, батюшки! эка память, подумаешь, совсѣмъ забылъ! Какъ я къ тебѣ ѣхалъ, такъ знаешь-ли кого обогналъ?.... Максима Петровича Прокудина. Тащится нога за ногу въ дорожной повозкѣ; видно, прямо изъ Серпуховской отчины.

— Слава тебѣ Господи! давно бы пора пріѣхать.

— А что?....

— Такъ, любезный, домашнія дѣла. Ну что, нѣтъ-ли у тебя еще чего-нибудь новинькаго.

— Есть, Лаврентій Никитичь, есть!.... Да вотъ погоди.... не Прокудинъ-ли это въѣхалъ на дворъ?

— Онъ и есть! — вскричалъ хозяинъ, вставая.

Черезъ полминуты вошелъ въ гостиную Максимъ Петровичь Прокудинъ; въ дверяхъ встрѣтилъ его съ низкимъ поклономъ Обиняковъ; хозяинъ принялъ съ распростертыми объятіями; Шетневъ также съ нимъ облобызался. Когда, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и вопросовъ о здоровьи, всѣ опять усѣлись, двери снова распахнулись настежъ и въ комнату вошелъ князь Шелешпанской. Этотъ сіятельный баринъ, ведущій свой родъ отъ удѣльныхъ князей Бѣлоозерскихъ, заслуживаетъ особеннаго описанія.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти своего родителя, князь Андрей Юрьевичь Шелешпанской поступилъ изъ недорослей въ Московское *жилецкое* войско *поешкомъ*. Ему было тогда съ небольшимъ двадцать пять лѣтъ. Похоронивъ своего отца, онъ ударилъ челомъ объ увольненіи его на покой, ради всегдашней хворости, многоразличныхъ недуговъ и крайняго тѣлеснаго безсилія. Князь Андрей Юрьевичь обыкновенно жилъ въ своей Коломенской отчинѣ и только изрѣдка пріѣзжалъ въ Москву повидаться съ родными, изъ числа которыхъ былъ и Лаврентій Никитичь Рокотовъ. Этого отставнаго новика можно было назвать

Digitized by Google

ладнымъ и красивымъ мужчиною; онъ былъ роста высокаго, широкъ въ плечахъ и очень дороденъ; румяное, полное лице его, опушенное небольшой окладистой бородкою, казалось—также издалека—довольно благообразнымъ; но за то въ круглыхъ огромныхъ глазахъ его, похожихъ на слуховыя окны, выражалось какое-то тупоуміе, которое однакожъ онъ не всегда оправдывалъ своими поступками и дѣлами. Пошлый дуракъ во всемъ, онъ былъ не только не глупъ, но даже очень смышленъ, когда дѣло шло о томъ, чтобъ дешево купить или дорого продать. Князь Шелешпанской былъ извѣстный лошадиный охотникъ или, вѣрнѣй сказать, барышникъ, то есть, онъ любилъ не лошадей, а лошадиный торгъ, такъ какъ любятъ его и понимаютъ всѣ дюжинные барышники и цыгане. У него никогда не бывало завѣтнаго коня. Онъ безпрестанно покупалъ, продавалъ, а всего чаще мѣнялся лошадьми — и, надобно отдать ему справедливость, онъ былъ мастеръ этого дѣла. Никто не могъ бы выгоднѣе его сбыть съ рукъ испорченной лошади или промѣнять какую-нибудь запаленную, разбитую клячу на добраго и здороваго коня. Князь Андрей Юрьевичь былъ очень богатъ и въ тоже время чрезвычайно скупъ. Живя въ деревнѣ, онъ разъѣзжалъ по своимъ сосѣдямъ, весьма рѣдко угощалъ ихъ у себя, а остальное время обѣдалъ и ужиналъ по очереди у своихъ крестьянъ. Однажды забрались къ нему въ кладовую какъ-то воры и украли тридцать окороковъ ветчины; это ужасное происшествіе до того поразило князя Шелешпанскаго, что съ тѣхъ поръ, разсказывая о какомъ-нибудь случаѣ, онъ всегда опредѣлялъ время покражею своей ветчины, то есть вмѣсто того, чтобъ сказать: «это случилось тогда-то, или въ такомъ-то году,» онъ обыкновенно говаривалъ, что это было или до покражи или по покражѣ его ветчины.

— А, князь Андрей! здравствуй, любезный! — сказалъ Рокотовъ, обнимая своего гостя. — Хорошъ молодецъ! обѣщался ко мнѣ на блины, а поѣхалъ къ Чуфаровскому.

— Ничего, Лаврентій Никитичь, ничего! — проревѣлъ князь Шелешпанской: — намъ не впервые въ одно утро на

Digitized by Google

двухъ блинахъ побывать; мы еще, благодаря Бога, постоимъ за себя.

— Любезный другъ, — продолжалъ Рокотовъ, подводя Шелешпанскаго къ Максиму Петровичу, — прошу познакомиться: пріятель мой и родственникъ, князь Андрей Юрьевичь Шелешпанской.

— Очень радъ, батюшка, познакомиться съ тобою, — сказалъ Прокудинъ.

— Просимъ любить и жаловать!.... — пробормоталъ Шелешпанской. — Имя и отчества вашего не знаю.

— Окольничій Максимъ Петровичь Прокудинъ, — перервалъ хозяинъ.

— Прокудинъ? ... Слыхали, батюшка, слыхали!

— Ну чтожъ, дорогіе гости, — примолвилъ Рокотовъ, — блины горячіе на столѣ — милости просимъ!

— Спасибо, Лаврентій Никитичь, — отвѣчалъ Прокудинъ: — я ужъ поѣлъ.

— А ты князь Андрей?

— Пожалуйте, пожалуйте!.... Я отъ этого никогда не отказываюсь.

Шелешпанской выпилъ добрую чарку настойки, присѣлъ къ столу и началъ дѣйствовать отличнымъ образомъ. Пока онъ справлялся съ блинами, Лаврентій Никитичь усадилъ своихъ гостей и между ними начался слѣдующій разговоръ.

ПРОКУДИНЪ.

Ну что, друзья сердечные, что у васъ новинькаго?

РОКОТОВЪ.

Мало-ли что! Съ тѣхъ поръ, какъ Государь Петръ Алексѣевичь изволилъ пожаловать въ Москву, у насъ дня не пройдетъ безъ разныхъ выдумокъ. Вотъ Герасимъ Николаевичь хотѣлъ мнѣ что-то сообщить....

Digitized by Google

ШЕТНЕВЪ.

Да, новая новинка—и вещь не шуточная. Слыхалъ-ли ты, Лаврентій Никитичь, что такое сенатъ?

РОКОТОВЪ.

Сенатъ?.... Нѣтъ, не слыхалъ.

ПРОКУДИНЪ.

Сенатъ?.... Постойте-ка!.... Ну да! я читалъ въ книгѣ о языческихъ царствахъ, что въ древнемъ Римѣ былъ сенатъ, сирѣчь верховное судилище.

ШЕТНЕВЪ.

Такъ прошу знать и вѣдать, что сегодня учрежденъ въ Москвѣ правительствующій сенатъ.

РОКОТОВЪ.

Правительствующій, то есть который станетъ всѣмъ править?

ШЕТНЕВЪ.

Да. Онъ будетъ и разрядныя дѣла вѣдать, судить всякія тяжбы выше всѣхъ другихъ приказовъ, и царскую волю объявлять, и указы разсылать....

РОКОТОВЪ.

Да это ни дать, ни взять боярская дума....

ШЕТНЕВЪ.

Нѣтъ, любезный, сенатъ.

РОКОТОВЪ.

Да вѣдь въ этомъ сенатѣ будутъ засѣдать бояре?

ШЕТНЕВЪ.

Нѣтъ, Лаврентій Никитичь, сенаторы.

РОКОТОВЪ.

А изъ кого же этихъ сенаторовъ понадѣлаютъ?

Digitized by Google

ШЕТНЕВЪ.

Вѣстимо дѣло: изъ боляръ.

РОКОТОВЪ.

Такъ и выходитъ по моему, что̀ боярская дума, что̀ этотъ сенатъ....

ШЕТНЕВЪ.

Нѣтъ, любезный, разница превеликая; боярская-то дума, изволишь видѣть, по нашему — по-Русски, а сенатъ — по иноземному.

РОКОТОВЪ.

Чтожъ, отъ этого лучше чтоль будетъ?

ПРОКУДИНЪ.

А какъ же! Посмотрите, какъ теперь дѣла-то пойдутъ.

ШЕТНЕВЪ.

Думныхъ дьяковъ ужъ не будетъ, а вмѣсто ихъ будутъ оберъ-секретари.

ПРОКУДИНЪ.

Вотъ оно что̀! Слышишь, Лаврентій Никитичь: вмѣсто думныхъ дьяковъ будутъ.... какъ бишь ихъ?

ШЕТНЕВЪ.

Оберъ-секретари.

РОКОТОВЪ.

Такъ-чтожъ? Крапивное сѣмя какъ ни называй....

ПРОКУДИНЪ.

Что ты, что ты! помилуй! Коли думнаго дьяка будутъ называть по-Нѣмецки, такъ ужъ къ нему, братъ, съ приносомъ не ходи!

РОКОТОВЪ.

А почему же нѣтъ?

Digitized by Google

ПРОКУДИНЪ.

Какъ это можно! Станетъ онъ взятки брать — сохрани Господи!.... Развѣ ты не знаешь: любова мошенника Ваньку назови Еганомъ — тотъ-часъ уймется воровать!

(*Всѣ смѣются.*)

РОКОТОВЪ.

Ахъ ты, Господи, Господи!.... Видно нѣчего дѣлать.... А знаешь-ли ты, Герасимъ Николаевичь, кого въ этотъ сенатъ посадили?

ШЕТНЕВЪ (*вынимая изъ-за пазухи исписанный листъ бумаги*).

Какъ же! Вотъ у меня и списокъ есть.

РОКОТОВЪ.

Чай, все заморская братья.

ШЕТНЕВЪ.

Нѣтъ, имена-то Русскія.

ПРОКУДИНЪ.

Читай, читай!

ШЕТНЕВЪ (*читая*).

Во-первыхъ: графъ Мусинъ-Пушкинъ....

ПРОКУДИНЪ.

Ужъ коли графъ, такъ какой Русской!

РОКОТОВЪ.

Кто, Пушкинъ?.... Хуже всякаго Нѣмца.

ОБИНЯКОВЪ.

А спѣсь-то, сударь, какая....: Фу ты батюшки! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ изволилъ побывать въ Нѣметчинѣ, такъ и приступу къ нему нѣтъ.

Digitized by Google

РОКОТОВЪ.

Куда! онъ теперь съ нашимъ братомъ и говорить не захочетъ. За моремъ побывалъ! уменъ сталъ! Вѣдь тамъ народъ все ученый; отъ послѣдняго мужика до знатнаго барина всѣ говорятъ по-Нѣмецкому. Тамъ все лучше нашего: и скотъ, и люди, и дома... Что дома! Тамъ, дискать, и звѣзды-то ярче свѣтятъ нашего Русскаго солнышка.

ПРОКУДИНЪ.

Читай, Герасимъ Николаевичь, читай!

ШЕТНЕВЪ (*читая*).

Тихонъ Стрешневъ....

ОБИНЯКОВЪ.

Задушевный другъ Адама Ѳомича Гутфеля.

РОКОТОВЪ.

Свой своему по неволѣ братъ.

ШЕТНЕВЪ (*читая*).

Князь Петръ Голицынъ, князь Михайло Долгорукой....

ПРОКУДИНЪ.

Князь Михайло Долгорукой?.... первый изъ всѣхъ бояръ обрилъ себѣ бороду.

ШЕТНЕВЪ (*читая*).

Григорій Племянниковъ....

РОКОТОВЪ.

Хорошъ молодецъ!... съ Нѣмецкимъ пасторомъ хлѣбъ и соль водитъ!

ШЕТНЕВЪ (*читая*).

Князь Григорій Волконской, Михайло Самаринъ и Василій Опухтинъ.

Digitized by Google

РОКОТОВЪ.

Василій Опухтинъ ?.... Какой это Опухтинъ ?

ШЕТНЕВЪ.

И я его не знаю.

КНЯЗЬ ШЕЛЕШПАНСКОЙ (*обтираясь салфеткою*).

Василій Опухтинъ ?.... Мы съ нимъ люди знакомые.

РОКОТОВЪ.

Ну, что́ онъ за человѣкъ такой ?

КНЯЗЬ ШЕЛЕШПАНСКОЙ.

Мужикъ добрый.... плоховатъ немного. Вотъ тому годовъ пять.... или нѣтъ !.... это ужъ было по покражѣ моей ветчины.... года три или четыре.... купилъ онъ у меня жеребчика, статей не отличныхъ и передкомъ слабенекъ.... у меня въ возу ходилъ, а ему продалъ за персидскаго аргамака. Ужъ онъ имъ любовался, любовался !.... такой простофиля, что и сказать нельзя !

ОБИНЯКОВЪ.

Вотъ, подумаешь, кажись чего лучше : вы, Максимъ Петровичь, изволили засѣдать въ старину въ боярской думѣ, вы, батюшка Лаврентій Никитичь, также — такъ чѣмъ бы хватать на улицѣ и встрѣчнаго и поперечнаго....

РОКОТОВЪ.

И, полно, Ардаліонъ Михайловичь, куда намъ въ сенаторы !

ШЕТНЕВЪ.

Правда, другъ сердечный, правда! (*Встаетъ*) Ну, прощай, Лаврентій Никитичь !....

РОКОТОВЪ.

Куда ты спѣшишь ?

Digitized by Google

ШЕТНЕВЪ.

Да надобно, любезный, еще мѣстахъ въ трехъ побывать. Теперь ѣду на Берсеньевку, къ Матвѣю Сидоровичу Баклановскому.

ОБЛЯКОВЪ.

Такъ сдѣлайте милость, Герасимъ Николаевичь, довезите меня до дому: вамъ по дорогѣ.

ШЕТНЕВЪ.

Изволь, братецъ, довезу. До свиданья, другъ сердечный!.... Милости просимъ къ намъ, Максимъ Петровичь! (*Шетневъ и Обляковъ уходятъ.*)

КНЯЗЬ ШЕЛЕШПАНСКОЙ (*вставая*).

И мнѣ пора.

РОКОТОВЪ.

А ты, князь, куда?

КНЯЗЬ ШЕЛЕШПАНСКОЙ.

Къ Григорію Ѳадѣичу Таптыкову; онъ звалъ меня сегодня на блины.

РОКОТОВЪ.

Ну, князь, видно у тебя жернова-то хорошо мелютъ. Въ одно утро на трехъ блинахъ!

КНЯЗЬ ШЕЛЕШПАНСКОЙ.

Да это что, Лаврентій Никитичь! Такъ-ли я бывало ѣдалъ въ старину. Вотъ однажды .. давно ужъ, этакъ еще годовъ шесть, до покражи моей вотчины, у князя Гагина, на завтракѣ, за споромъ дѣло стало; говорятъ мнѣ: «не съѣшь, дискать, князь, за одинъ пріемъ двѣ дюжины блиновъ съ припёкою.» А я говорю: съѣмъ. — Вотъ подали блины; я присѣлъ, сначала полегоньку, а тамъ какъ принялся въ плотную, — пошелъ да пошелъ!.... Какъ теперь помню —

Digitized by Google

такъ за ушми и пищитъ. Съѣлъ дюжину, съѣлъ другую,— кричу: «подавай третью!» Что жъ, сударь, какъ сѣли мы послѣ обѣдать, такъ я какъ ни въ чемъ не бывало! Полгуся съѣлъ, да ни одной похлебки не пропустилъ, а ихъ было до осьми!.... Нѣтъ, теперь ужъ не то!

РОКОТОВЪ.

И, князь! что Бога гнѣвить: хорошо и теперь.

КНЯЗЬ ШЕЛЕШПАНСКОЙ.

Счастливо оставаться, Лаврентій Никитичь!.... Прощенья просимъ, батюшка Максимъ Петровичь! Прошу не оставлять меня вашей милостью!....

(*Цѣлуется съ Рокотовымъ и Прокудинымъ; потомъ, низко поклонясь обоимъ, уходитъ.*)

ГЛАВА VII.

— Уѣхали! — сказалъ Прокудинъ. — Теперь, Лаврентій Никитичь, намъ можно говорить съ тобой на просторѣ. Ну, любезный, получилъ я отъ тебя грамотку.... и теперь очнуться не могу!.... Ты пишешь ко мнѣ....

— Сущую правду, другъ сердечный: Аграфена Петровна сгубитъ твою племянницу. Вотъ и вчера онѣ были на асамблеѣ у этого колбасника Гутфеля; плясали съ Нѣмцами, говорили по-Нѣмецкому и разныя другія неподобныя дѣла чинили. Около твоей сестрицы увивался какой-то аптекарь Нѣмецъ, а съ племянницей только что не цѣловался тотъ же самый офицерикъ, о которомъ я тебѣ писалъ. Эй, Максимъ Петровичь, послушайся меня: увези отсюда племянницу!

— Я за тѣмъ и пріѣхалъ. Да что это съ сестрой-то сдѣлалось?

— Что сдѣлалось? Вѣстимо что! Плясать-то веселѣе, чѣмъ сидѣть дома за рукодѣльемъ.

Digitized by Google

— Ну, такъ-ли она была воспитана въ отцовскомъ дому!

— И, любезный! стоитъ только начать, а ужъ тамъ лукавый поможетъ. Да ты съ нею видѣлся или нѣтъ?

— Нѣтъ еще; я прямо къ тебѣ взъѣхалъ.

— И хорошо сдѣлалъ, Максимъ Петровичь.

— Конечно, ей очень будетъ прискорбно, что я не хотѣлъ у нее остановиться....

— А Богъ вѣсть! Ты для нея теперь хуже всякаго пугала. «Вотъ, дискать, бука пріѣхалъ какой! При немъ нельзя будетъ и повеселиться!» Да и ты, Максимъ Петровичь, не долго бы у нея нагостилъ: къ ней шляются всякіе Нѣмцы, а вѣдь ты ихъ не очень жалуешь. И что тебѣ до сестры? Она замужемъ, сама себѣ госпожа.... ты подумай-ка лучше о племянницѣ.

— Думаю, Лаврентій Никитичь, думаю, да не знаю что придумать. Вотъ кабы она была дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, такъ увезъ бы ее къ себѣ въ деревню, да и концы въ воду; а вѣдь Ольга Дмитріевна ужъ невѣста, отвѣдала волюшки, такъ съ ней теперь и не сладишь. И то сказать: я человѣкъ вдовой, одинокой, ей не съ кѣмъ будетъ у меня словечка перемолвить, съ тоски умретъ!... Вотъ кабы Богъ послалъ женишка....

— А что ты думаешь! Послушай-ка, Максимъ Петровичь: тебѣ какого надобно жениха?

— Извѣстное дѣло! я хочу, чтобъ онъ былъ ровня моей племянницѣ.

— Сирѣчь, роду хорошаго, человѣкъ добрый, не старый, съ достаткомъ, а пуще всего нашъ братъ Русской.

— Ну, да!

— Такъ изволь, другъ сердечный, я тебѣ жениха поставлю. Онъ ужъ давно ищетъ себѣ невѣсты, и меня объ этомъ просилъ.

— А кто онъ таковъ?

Digitized by Google

— Ты сейчасъ его видѣлъ: князь Андрей Юрьевичь Шелешпанской. Вѣдь онъ еще не женатъ.

Прокудинъ покачалъ головою.

— А что, — продолжалъ Рокотовъ, — чѣмъ же онъ худъ? Собою молодецъ....

— Да, — молвилъ Максимъ Петровичь: — что и говорить: высокъ и дороденъ.

— Природный князь....

— Что князь! Этимъ насъ, любезный, не удивишь. Такихъ дробныхъ князей, какъ онъ, у насъ на Руси пудовками мѣряютъ.

— Человѣкъ богатый.

— Вотъ это не худо.... Конечно и племянница моя невѣста богатая: я за нею укрѣплю все мое имѣнье, и отцовскаго-то у нея довольно....

— Тѣмъ лучше, любезный — подавай намъ! Масломъ каши не испортишь.

— А что, обычаемъ-то онъ каковъ?

— Сущій ягненокъ! Малой тихой, разсудительной; ему еще и сорока годовъ нѣтъ, а такой степенный, что нашему брату старику подъ-стать будетъ. Любитъ держаться старины, Нѣмцевъ терпѣть не можетъ....

— Вотъ что хорошо, то хорошо! А все, любезный....

— Что все?.... Ужь не браковать-ли хочешь? Помилуй, Максимъ Петровичь! коли князь Андрей не женихъ, такъ какого-же тебѣ жениха надобно?

— Кто говоритъ, женихъ хорошій, въ порѣ, собой не дуренъ; да вотъ тутъ-то, примолвилъ Прокудинъ, указывая на свою голову, — кажись, у него вѣтерокъ посвистываетъ.

— А что? По твоему глупъ? Нѣтъ, любезный, ошибаешься! Конечно, онъ парень не рѣчистый и смотритъ увальнемъ, а попытайся-ка его провести — трехъ дней не проживешь. Да, Максимъ Петровичь, князь Андрей не кра-

Digitized by Google

снобай, не фертикъ какой-нибудь, а человѣкъ дѣльный. Говорятъ, будто бы скупенекъ немного, да это не бѣда: скупость не глупость. Поглядишь, у другаго изъ отцовскихъ отчинъ ни кола, ни двора не осталось, а у него изъ двухъ тысячь родовыхъ душъ выросло четыре ...

— Четыре тысячи душъ?

— А поживетъ, такъ и осемь будетъ.

— Ну, конечно, такого женишка охаить нельзя; ты же его хвалишь....

— Такъ чтожъ? По рукамъ что-ль?

— Я не прочь отъ этого, Лаврентій Никитичь, и если онъ приглянется моей племянницѣ....

— Приглянется?.... Вотъ еще!.... Да ей-то что до этого? Развѣ у насъ на Руси невѣсты сами женіховъ себѣ выбираютъ? Какъ мы это дѣло межъ собой уладимъ, такъ ты ей скажешь: племянница, я выдаю тебя замужъ за князя Андрея Юрьевича Шелешпанскаго; мы ужъ съ нимъ по рукамъ ударили. Вотъ и все!

— Конечно, любезный, конечно! У насъ всегда такъ важывалось, и женихъ вовсе не знаетъ на комъ женится, и невѣста не вѣдаетъ за кого выходитъ замужъ: да полно, хорошо-ли это?....

— Что, что?... хорошо-ли то, чему насъ учили отцы и дѣды?.... Максимъ Петровичь! о своемъ-ли ты умѣ?.... И какъ языкъ у тебя повернулся говорить такія рѣчи?....

— Да ты не гнѣвайся, а выслушай. И ты, чай, не купишь за глаза деревни? Дай, дискать, посмотрю самъ, каковы угодья, то, другое ...

— Вотъ куда тебя бросило!.... Да развѣ это то? развѣ мужа-то покупаютъ?

— Оно такъ! Да скажи-ка мнѣ: женился-ли бы на моей племянницѣ твой князь Шелешпанской, кабы за ней не было души христіанской?

Digitized by Google

— Ну, вотъ еще!.... Да и ты не выдалъ бы ее за какого-нибудь нищаго, а коли онъ богатъ и она съ достаткомъ, такъ о чемъ и толковать?

— Эхъ, Лаврентій Никитичь, насмотрѣлся я на моемъ вѣку! Не приведи Господи жить съ немилымъ человѣкомъ! Вѣдь вѣкъ-то прожить не поле перейти.

— А что жъ, по твоему, лучше бъ было, жениха-то съ невѣстою познакомить, да спросить у нихъ, любы-ли они другъ другу?

— А почему бы и не такъ?

— Ба, ба, ба!.... Максимъ Петровичь! что это съ тобой сдѣлалось!.... Гдѣ ты набрался этого Нѣмецкаго духа?

— Ну, вотъ ужъ и Нѣмецкаго духа!.... Да я не знаю какъ Нѣмцы-то и женятся, а говорю такъ по своему разсужденію.

— Полно, Максимъ Петровичь, не хитри! Я вижу, братъ, чего ты хочешь. Тебѣ захотѣлось изъ окольничихъ-то въ сенаторы.

— Нѣтъ, Лаврентій Никитичь, не обижай!

— Что не обижай! Не ты первый, не ты послѣдній ... Дѣлать нѣчего, служи, любезный, служи двумъ господамъ!

— Эхъ, Лаврентій Никитичь! ну какъ тебѣ не совѣстно? Ты знаешь, что я крѣпко держусь нашихъ старинныхъ обычаевъ, а это такъ на мысль мнѣ пришло. «Что, дискать, это такое? И пріятелемъ не будешь человѣку, если прежде съ нимъ не познакомишься; а вѣдь мужъ-то и жена не то что пріятели: коли они не живутъ душа въ душу, такъ житье-то ихъ небольно завидное.»

— Да неужели, Максимъ Петровичь, по твоему, коли дѣтина личмянной приглянется дѣвкѣ, такъ онъ ей и мужъ?

— Кто говоритъ! Коли дѣвица будетъ на одну мужскую красоту зариться....

— А ты думаешь на что? станетъ молодая дѣвка толковать о томъ, о чемъ мы теперь съ тобой толкуемъ? Ей

Digitized by Google

что за дѣло, есть-ли у суженаго достатокъ, хорошаго-ли онъ роду, каковъ обычаемъ — былъ бы только молодецъ собою. У нихъ только и рѣчей: «хорошъ, дискать, и пригожъ — по сердцу пришелъ!» А тамъ, глядишь, пригожій-то мужъ хуже чорта будетъ. Да вотъ, примѣромъ сказать, дай волю своей племянницѣ, такъ я голову мою прозакладую, что она выдетъ замужъ за этого офицерика, который по вечеринкамъ-то около нея изволитъ ухаживать. А что онъ за человѣкъ такой? кто его знаетъ?.... Чай-какая-нибудь голь безпомѣстная, а можетъ статься, и хлопской сынъ. Вѣдь нынче не узнаешь, и коли отдаешь въ солдаты парня поповорнѣе, такъ кланяйся ему въ поясъ: «будешь, дискать, батюшка, во времени, о насъ грѣшныхъ вспомяни!»

— Нѣтъ, Лаврентій Никитичь! — перервалъ съ жаромъ Прокудинъ: — я еще изъ ума не выжилъ, и хоть Ольга не дочь моя родная, а изъ послушанія моего не выступитъ. Пока я живъ, не бывать ей замужемъ за какимъ-нибудь прыщикомъ въ куртузомъ кафтанишкѣ, да съ бритой бородою. Я хочу жить съ племянникомъ въ ладу, а съ заморскимъ щеголемъ и полу-Нѣмцемъ у меня никогда ладу не будетъ.

— Такъ-то говоришь, любезный, а все до поры до времени. Вѣдь этотъ молодчикъ, говорятъ, въ большой милости у Александра Даниловича Менщикова, а можетъ статься, и самъ Государь его жалуетъ.

— Этимъ, Лаврентій Никитичь, меня не прельстишь.

— Знаю, другъ сердечный, знаю! Да если самъ Государь Петръ Алексѣевичь возьмется за это дѣло? Вѣдь онъ ужъ много этакихъ бобылей переженилъ.

— А что ты думаешь..., чего добраго!.. Мнѣ сказывали, что онъ за крестника своего, какого-то черномазаго арапа, спрѣчь мурина, высваталъ знатную и богатую невѣсту.

— Вотъ то-то же! Ну, коли онъ самъ, нашъ батюшка, пожалуетъ къ тебѣ сватомъ?....

Digitized by Google

— Сохрани Господи!

— Что ты тогда скажешь — а?

— Вѣстимо что: его царская воля!

— Вотъ то-то и есть. Эй, послушайся меня, выдавай скорѣй племянницу замужъ! У этихъ гвардейскихъ офицериковъ, а пуще у царскихъ денщиковъ, чутьё хорошее— какъ разъ провѣдаютъ о богатой невѣстѣ, да тамъ и бухъ Царю въ ноги; а ему-то, нашему батюшкѣ, то и съ руки. Поди-ка, жалуй всѣхъ за службу помѣстьями!.... А тутъ что? Сосваталъ да женилъ на богатой дѣвицѣ — вотъ тебѣ, голубчикъ, и помѣстье!

— Правда, правда, любезный!.... дѣло статочное!....

— Да и гдѣ ты найдешь лучше жениха для твоей Ольги Дмитріевны? Князь Шелешпанской роду знаменитаго, богатъ, парень добрый, онъ ее на рукахъ станетъ носить— да и къ тому-жъ, одинъ какъ пёрстъ; у племянницы твоей ни свёкра ни свекрови не будетъ — кланяться некому; лишь только отъ вѣнца, такъ и хозяйка въ дому — барыня!....

— Такъ, такъ!

— Князь Андрей станетъ почитать тебя какъ отца роднаго. Ступай-ка, любезный, породнись съ какимъ-нибудь нынѣшнимъ молодчикомъ, такъ онъ тебѣ и слова не дастъ вымолвить; а этотъ зятёкъ умничать не будетъ: что ты скажешь, то и свято.

Прокудинъ призадумался.

— Ну что, Максимъ Петровичь, — продолжалъ Рокотовъ, помолчавъ нѣсколько времени: — по рукамъ чтоль?

— По мнѣ пожалуй! — отвѣчалъ Прокудинъ. — Ты такъ расхваливаешь своего жениха.... а я тебѣ, другъ сердечный, вѣрю. Неужли ты захочешь погубить мою племянницу?

— Сохрани Господи!

— Вотъ то-то и есть!.... Я боюсь только, чтобъ она не заупрямилась.

Digitized by Google

— Вѣстимо дѣло, если ты скажешь ей объ этомъ теперь. Здѣсь она изволитъ забавляться, по асамблеямъ разъѣзжать, около нея ухаживаютъ всякіе молодчики.... Ну, конечно, это веселѣе, чѣмъ выдти замужъ, сидѣть дома да хозяйничать. Ты прежде увези ее къ себѣ въ деревню. Вотъ какъ поживетъ съ тобой мѣсяцъ другой, такъ дурь-то изъ головушки выдетъ.

— Полно, выдетъ-ли? Вѣдь она ужъ теперь понизбаловалась: ей будетъ у меня скучно....

— Тѣмъ лучше, Максимъ Петровичъ, того-то намъ и надо!.... Коли ей скучно будетъ у тебя жить, такъ пойдетъ охотой замужъ. Отъ веселья веселья не ищутъ, а отъ скуки-то иногда и въ петлю полѣзешь. Я здѣсь улажу все дѣло съ княземъ, ты ей скажешь, что слово далъ, а тамъ на Ѳоминой недѣлѣ я прикачу къ тебѣ съ женихомъ, остановлюсь съ нимъ на селѣ; ты свою невѣсту снарядишь, отвезешь въ церковь, мы ее примемъ, да и подъ вѣнецъ!.... Ну что головой покачиваешь? Конечно такъ.

— А если она заупрямится?

— Что на это смотрѣть; ты все-таки вези ее въ церковь.

— Учнётъ плакать....

— И, Максимъ Петровичъ! дѣвичьи слезы — вода! Извѣстное дѣло: всѣ невѣсты до вѣнца плачутъ—ужъ это у нихъ такъ завсдено. Да будь же благонадеженъ, все уладится какъ нельзя лучше, увези только отсюда племянницу.

— Ну, хорошо. Мы еще объ этомъ потолкуемъ, — молвилъ Прокудинъ, вставая: — а межъ тѣмъ прикажи-ка заложить для меня сани, я поѣду къ сестрѣ. Да не худо бы также принарядиться: на мнѣ дорожное платье, а еще неравно у сестры гостей застанешь....

— А вотъ пожалуй со мною, — сказалъ Рокотовъ, также вставая: — я провожу тебя до твоей половины; изволь тамъ располагаться какъ у себя дома.

Digitized by Google

Теперь, пока Максимъ Петровичь одѣвается, чтобъ ѣхать къ сестрѣ, мы можемъ предупредить его, то есть отправиться на Покровку, къ Аграфенѣ Петровнѣ Ханыковой. Въ то время Покровская улица была почти вся застроена княжескими и боярскими домами. Въ ней были дворы князей Пронскихъ, Сицкихъ, Мосальскихъ, Волконскихъ, Мещерскихъ, Мордкиныхъ, Куракиныхъ, Лыковыхъ и многихъ другихъ. Не смотря на это аристократическое сосѣдство, домъ, въ которомъ жила Аграфена Петровна, вовсе не могъ назваться барскимъ. Этотъ небольшой, чистенькій домикъ, съ свѣтлыми окнами и красной черепичной кровлею, казался еще менѣе, но въ то же время и красивѣе, отъ того, что рядомъ съ нимъ стояли, съ одной стороны, огромныя уродливыя хоромы Сибирскаго царевича Андрея Кучумова, а съ другой, ветхія, обросшія мхомъ и запачканныя палаты князя Василія Тюменскаго. Въ одной изъ комнатъ этого скромнаго домика сидѣли за рукодѣльемъ Аграфена Петровна и племянница ея, Ольга Дмитріевна Запольская; онѣ обѣ обшивали кружевами атласное пунцовое фуро, въ которомъ Запольская была наканунѣ у Гутфеля.

— Ну вотъ такъ и есть! — сказала Ханыкова, снимая съ пальца наперстокъ: — ровнехонько полъ-аршина не достаетъ.... Дѣлать нѣчего! Ты помнишь, Олинька, лавку въ которой мы кружево покупали?

— Помню, тетушка.

— Такъ возьми съ собою мамушку Григорьевну да Максимку на запятки и съѣзди въ городъ. Я возокъ давно ужъ велѣла заложить. Олинька! — примолвила Ханыкова, вставая,—на-ка тебѣ платье-то ... приподыми его къ верху.... вотъ такъ.... Ну, что, не правду-ли я тебѣ говорила: совсѣмъ другое стало?

— Да, тетушка; только цвѣтъ....

— И, полно, радость моя, что̀ такое цвѣтъ!.... Какъ будто бы у тебя двухъ алыхъ фуро быть не можетъ. Да ужъ повѣрь мнѣ, жизнь моя, ни кому и въ голову не придетъ, что ты была въ немъ на асамблеи у Гутфеля.

Digitized by Google

— А что, тетушка, завтра у Стрѣшневыхъ простая вечеринка или также асамблея?

— Асамблея, мой другъ.

— И много будетъ?

— Я думаю. Стрѣшневъ вчера у Гутфеля звалъ къ себѣ всю молодежъ.

— Такъ по этому у него будетъ и Василій Михайловичъ?....

— Симской?.... какъ же! Стрѣшневъ при мнѣ его просилъ.

— Такъ онъ будетъ?.... Какъ я рада!

— Что ты, что ты, матушка, перекрестись!

— А что, тетушка?

— Ну можно-ли дѣвицѣ такія рѣчи говорить! Хорошо, что мы однѣ, а коли ты этакъ при людяхъ промолвишься, вѣдь иной подумаетъ и Богъ вѣсть что! Симской, конечно, молодецъ прекрасный и танцуетъ хорошо, а все-таки тебѣ не слѣдъ радоваться, что ты съ нимъ увидишься у Стрѣшневыхъ.

— Я это, тетушка, сказала.... такъ....

— Вотъ кабы онъ былъ твоимъ женихомъ, такъ это дѣло другое, тогда такая и мѣра.... а теперь ты знай себя.... Да что объ этомъ говорить!.... Все это пустячки, мой другъ!.... Эти гвардейскіе офицеры любятъ только, такъ, пошалберить, амурное словцо отпустить, а какіе они женихи!.... Вѣдь они у насъ въ Москвѣ ни дать, ни взять перелетныя пташечки: сегодня здѣсь, а завтра и поминай какъ звали!.... Олинька, посмотри-ка, мой другъ, кто это въѣхалъ къ намъ на дворъ?

— Не знаю, тетушка. Какой-то господинъ, только я его никогда не видывала.

— Лице какъ будто бы знакомое, а хоть убей, не знаю кто.

Digitized by Google

— Здравствуйте, матушка Аграфена Петровна! — сказалъ Данила Никифоровичь Загоскинъ, входя въ комнату.— Не прогнѣвайтесь, что я вошелъ къ вамъ безъ докладу: у васъ въ передней никого нѣтъ. Да чтожъ вы, Аграфена Петровна, изволите на меня такъ смотрѣть? И вы, сударыня Ольга Дмитріевна?.... Иль не узнали стариннаго пріятеля?

— Возможно-ли!—вскричала съ радостію Ханыкова:— это вы, Данила Никифоровичь?

— Я, матушка.

— Ахъ, какъ я рада! Насилу-то вы за умъ взялись!

— А что, Аграфена Петровна, этакъ лучше?

— Какъ можно сравнить! Да вы теперь совсѣмъ другой человѣкъ.

— И жена говоритъ тоже, да только не такъ.

— Привыкнетъ, Данила Никифоровичь.

— Вѣстимо дѣло, привыкнетъ когда-нибудь. А знаете-ли что, матушка: бороду я себѣ обрилъ, а вѣдь часомъ и мнѣ бываетъ ее жаль.

— И, полноте!

— Право такъ. Все какъ будто бы чего-то не достаетъ. Я-жъ ее, мою голубушку, такъ холилъ!.... Ну, да что объ этомъ!.... Не съ бородою жить, а съ добрыми людьми. Я пріѣхалъ къ вамъ, Аграфена Петровна, во-первыхъ ради того, чтобъ повидаться съ вами и съ вашей прелюбезной племянницею, а во-вторыхъ, матушка,—примолвилъ Данила Никифоровичь вполголоса,—у меня до васъ и дѣльце есть.

— А что такое?

— Да мнѣ бы нужно объ этомъ съ глазу на глазъ поговорить съ вами.

— Извольте, батюшка, извольте! Олинька, ну чтожъ ты въ городъ-то не ѣдешь, пора!.... ступай, мой другъ.

Digitized by Google

Когда Ольга Дмитріевна вышла изъ комнаты, Данила Никифоровичь примѣтнымъ образомъ смутился; онъ началъ переминаться, кашлять и поглаживать рукою свой голый подбородокъ.

— Ну, вотъ мы теперь одни, — сказала Ханыкова: — извольте говорить.

— Охъ, сударыня моя! — промолвилъ Данила Никифоровичь: — дѣло-то мое непривычное.... не знаю съ чего начать....

— Чтожъ это такое?

— Не бойтесь, матушка, страшнаго ничего нѣтъ. Вотъ изволите видѣть.... какъ бы мнѣ вамъ сказать.... ну, такъ и быть! вѣдь въ старину всегда этимъ начинали.... Матушка Аграфена Петровна! у васъ есть товаръ, а у насъ купецъ.

— Какъ, Данила Никифоровичь! такъ вы пріѣхали ко мнѣ сватомъ?

— Да, сударыня, я пріѣхалъ сватать вашу племянницу, Ольгу Дмитріевну Запольскую.

— За кого?

— Есть у меня родной племянникъ, такой же сирота, какъ и ваша Ольга Дмитріевна: отца у него убили подъ Нарвою, а старушка мать скончалась въ запрошломъ году. Онъ человѣкъ съ достаткомъ, малой прекрасной, на хорошей дорогѣ, собой молодецъ.... да что тутъ говорить: вы лично его изволите знать.

— Я его знаю? Да ктожъ онъ такой?

— Василій Михайловичь Симской.

— Симской!.... Такъ онъ вашъ племянникъ?

— Да, матушка, сынъ родной моей сестры, Авдотьи Никифоровны. Ну чтожъ, какихъ вы о немъ мыслей?

— Самыхъ хорошихъ, батюшка. Онъ молодецъ прекрасный, умный и — какъ мнѣ кажется — истинно достойный человѣкъ.

Digitized by Google

— Такъ по этому племянникъ можетъ надѣяться?

— Вотъ это рѣчь иная, Данила Никофоровичь: на это отвѣчать я ничего не могу. Объ этомъ извольте спросить у брата моего, Максима Петровича Прокудина, изъ воли котораго Олинька никакъ не выступитъ.

— Я знаю, матушка, что Ольга Дмитріевна взросла на рукахъ у вашего братца Максима Петровича и всеконечно должна во всемъ ему повиноваться; да неужли онъ обракуетъ такого жениха, какъ мой племянникъ?

— А Богъ вѣсть, Данила Никифоровичь. Максимъ Петровичь человѣкъ нравный, не очень долюбливаетъ нынѣшнюю молодежъ, и коли онъ забралъ себѣ въ голову выдать племянницу за человѣка, который, также какъ онъ, придерживается старины, бороды не брѣетъ и въ нѣмецкомъ платьѣ не ходитъ, такъ не прогнѣвайтесь!.... Онъ любитъ Олиньку какъ дочь родную, да за то хочетъ, чтобъ и она его слушалась какъ отца роднаго.

— Ну, дѣлать нѣчего — надобно будетъ скакать къ нему въ деревню. А вы ужъ, Аграфена Петровна, сдѣлайте милость, скажите объ этомъ вашей племянницѣ.

— Что вы, Данила Никифоровичь, стану я объ этомъ говорить Олинькѣ!.... Коли дѣло пойдетъ на ладъ; успѣю сказать и тогда; а коли изъ этого ничего не выдетъ, такъ лучше, чтобъ она вовсе не знала, что Василій Михайловичь за нее сватался. Можетъ статься, онъ и теперь ей нравится, да это все не то: мало-ли молодцевъ на свѣтѣ, обо всѣхъ плакать не станешь, а женихъ.... сохрани Господи! да его вѣкъ не забудешь!

— Правда, матушка, правда!.... Ну, дай Богъ вамъ здоровья — разумный вы человѣкъ, Аграфена Петровна!.... Да что и говорить! въ этихъ дѣлахъ нашъ братъ, мужчина, не токмо передъ вами, да и передъ всякой женщиной дуракъ дуракомъ.

Въ комнату вошелъ, или лучше сказать, вбѣжалъ слуга; онъ растворилъ настежъ обѣ половинки дверей и прого-

Digitized by Google

ворилъ торопливымъ голосомъ: Государыня Аграфена Петровна.... Максимъ Петровичь изволилъ пріѣхать!

Ханыкова вспыхнула; Данила Никифоровичь также смутился.

— Здравствуй сестра! — сказалъ Прокудинъ, входя къ комнату.

— Ахъ, батюшка братецъ! — вскричала Ханыкова, кидаясь на шею къ Максиму Петровичу. — Вотъ ужъ я никакъ не ожидала....

— Я думаю, что не ожидала, — молвилъ Прокудинъ, взглянувъ изъ-подлобья на Данилу Никифоровича. — Что, матушка, видно не въ пору гость хуже Татарина?

— Ахъ, братецъ! боитесь-ли вы Бога? Ну можно-ли этакъ шутить!.... Какъ жаль, что Олиньки нѣтъ дома: она поѣхала съ мамушкой въ городъ кой-что себѣ купить — сейчасъ воротится.

— Здорово, другъ сердечный! — сказалъ Данила Никифоровичь, подходя къ Прокудину. — Ну что ты на меня смотришь?

— Да вотъ гляжу, батюшка, откуда Господь шлетъ мнѣ такого сердечнаго друга.

— Скажи пожалуйста!.... Такъ ты и по голосу-то меня не узнаешь?

— Господи, Господи! — вскричалъ съ ужасомъ Прокудинъ: — Данила Никифоровичь!

— Да, любезный, это я....

— Ты?... Да нѣтъ, нѣтъ! это демонское навожденіе!.... Въ этомъ нѣмецкомъ кафтанѣ.... съ бритой бородою!.... Фу, батюшки, въ глазахъ позеленѣло, ноги подкосились!— прибавилъ шепотомъ Максимъ Петровичь, опускаясь въ кресла, которыя ему пододвинула Аграфена Петровна.

— И, любезный! — сказалъ, садясь подлѣ него Данила Никифоровичь: — есть отъ чего ногамъ подкоситься?

Digitized by Google

— Ну! — промолвилъ Максимъ Петровичь: — этого-то ужъ я никакъ не ожидалъ!.... До меня слухи дошли, что сестра водитъ хлѣбъ-соль съ Нѣмцами и что они, проклятые, каждый день къ ней таскаются. Ну, такъ и есть, подумалъ я, вотъ ужъ одинъ Нѣмецъ на лицо! Нѣмецъ!.... Данила Никифоровичь!!!

— Эхъ, полно, Максимъ Петровичь! Ну что въ самомъ дѣлѣ: погнѣвался, пожурилъ, да и будетъ!

— А что, старинный другъ и пріятель, — продолжалъ Прокудинъ: — скажи-ка мнѣ по совѣсти.... О Господи! и спросить-то страшно.... да ужъ такъ и быть — рѣжь однимъ разомъ!.... Что ты, Данила Никифоровичь, вѣру перемѣнилъ?

— Вѣру?.... что ты, что ты, перекрестись!

— Такъ еще не перемѣнилъ? Слава тебѣ, Господи!

— Помилуй, съ чего ты взялъ?....

— Съ чего! Да не погнѣвайся, коли нашъ братъ старикъ, безъ всякаго принужденія, а по своей собственной охотѣ пойдетъ на такое дѣло, такъ по неволѣ подумаешь, что ему въ Нѣмецкую кирку захотѣлось.

— Эхъ, любезный! ну какъ тебѣ не совѣстно, человѣку умному, такія рѣчи говорить? Да неужели по твоему вся сила православія въ нашей бородѣ? И коли я, по какимъ ни есть причинамъ....

— Такъ сдѣлай милость, — подхватилъ Прокудинъ, — скажи мнѣ, ради чего ты изволилъ оскоблить свою бороду?

— Изволь, скажу. Не знаю, захочешь-ли ты понять меня, а коли захочешь, такъ поймешь. Господь Богъ послалъ намъ такого Царя, какого еще до сихъ поръ нигдѣ не бывало. На войнѣ — Александръ Македонскій, на судѣ — премудрый Соломонъ; въ чужихъ краяхъ — простой работникъ, подёнщикъ, ради того, чтобъ перенять все хорошее и извѣдать, не по разсказамъ, а на себѣ самомъ, что пригодно и полезно для нашей матушки святой Руси; дома у себя — хозяинъ, да еще какой! Ему нужды нѣтъ, что

Digitized by Google

онъ трудится въ поть лица и свѣтъ то, что пожнутъ другіе. «Я, дискать, умру, но Русь-то святая не умретъ; теперь, можетъ быть, на меня станутъ досадовать, роптать, «да за то внучата спасибо скажутъ.» Ты себѣ, Максимъ Петровичь, какъ хочешь ухмыляйся, покачивай головкою, а я все-таки буду говорить одно. Какъ святъ Господь, такъ правда то, что нашъ батюшка Петръ Алексѣевичь ничего не дѣлаетъ ради только одной прихоти или своей забавы, а если иное кажется намъ непонятнымъ, такъ это потому, что мы какъ дѣти: ихъ учатъ складамъ, а они думаютъ про себя: «ради чего это заставляютъ насъ твердить: буки азъ ба, вѣди азъ ва, что дискать это такое?» — Ради того, дѣточки, чтобъ вы грамоту знали; вотъ какъ станете сами читать, такъ и поймете тогда, зачѣмъ васъ складамъ учили.

— Вотъ подлинно — вѣкъ живи, вѣкъ учись! — перервалъ Прокудинъ. — Недавно одинъ премудрый молокососъ толковалъ мнѣ, что Нѣмцы солдаты, а мы Русскіе новобранцы; теперь ты мнѣ изволишь говорить, что мы всѣ старики — безграмотные ребятишки, и что насъ дураковъ складамъ учатъ.... Спасибо, любезный!

— Да это я говорю такъ, Максимъ Петровичь, на прикладъ....

— И нѣчего сказать — красно говоришь. А все-таки я не знаю....

— Зачѣмъ я бороду обрилъ? А вотъ послушай. На прошлой недѣлѣ завернулъ ко мнѣ пріятель, Иванъ Андреевичь Бухвостовъ, и разсказалъ, что было при немъ въ Воронежѣ, когда Государь Петръ Алексѣевичь изволилъ тамъ находиться. Въ самый день Свѣтлаго воскресенья Александръ Даниловичь Менщиковъ обрилъ всѣмъ магистратскимъ членамъ бороды и одѣлъ ихъ въ нѣмецкое платье. Въ соборѣ у заутрени, Государь, увидя ихъ въ этомъ нарядѣ, такъ обрадовался, что съ ними первыми похристосовался, благодарилъ, что они его для такого великаго праздника порадовали, пригласилъ къ своему столу, пилъ за ихъ здоровье

Digitized by Google

и во весь тотъ день былъ такъ веселъ, что и сказать нельзя. Вотъ у меня и пошло бродить въ головѣ; думаю про себя: что это Государю нашему такъ полюбилось нѣмецкое платье? Думалъ, думалъ, да вотъ что мнѣ и пришло на мысль: хоть я не вѣдаю, почему нашъ премудрый Государь желаетъ, чтобъ мы всѣ одѣвались по иноземному, а ужъ вѣрно тутъ что-нибудь да есть! Не сталъ бы онъ такъ налегать на это, кабы тутъ не было никакой пользы. Я старъ, живу на покоѣ, ни на что ему не пригоденъ, такъ дай же я ему, нашему батюшкѣ, хоть этимъ послужу. Авось, глядя на меня, и другіе тѣмъ же его потѣшатъ. Вотъ я заказалъ себѣ нѣмецкое платье, а какъ мнѣ вчера его принесли, такъ послалъ за цирюльникомъ, да и отмахнулъ себѣ бороду. Ну, понимаешь-ли теперь, для чего я—твоими же словами скажу — оскоблилъ себѣ бородку?

— Понимаю, любезный! Ты увѣренъ и не сомнѣваешься, что Государь Петръ Алексѣевичь знаетъ лучше всякаго, что для насъ пригодно и полезно, и что онъ, какъ истинный Царь Русской, любитъ свой народъ паче всего на свѣтѣ....

— Да! видитъ Богъ, я это думаю.

— Хорошо, любезный. Ну, а если бъ ты думалъ совсѣмъ другое? Если бъ ты вѣрилъ и не сомнѣвался, что Государь Петръ Алексѣевичь, попущеніемъ Божіимъ и въ наказаніе за тяжкіе грѣхи наши, предался вовсе Нѣмецкой прелести, и любитъ не свой православный народъ, а Нѣмцевъ, Голландцевъ и всякихъ другихъ еретиковъ, которые теперь словно саранча обсѣли всю землю Русскую: такъ и ты бы, Данила Никифоровичь, также какъ я, сталъ чтить Государя Петра Алексѣевича какъ помазанника Божія, и повиноваться безпрекословно его царскимъ указамъ, но ужъ вѣрно бы для его потѣхи не нарядился бы какимъ-нибудь заморскимъ шутомъ, и не сталъ бы кланяться въ поясъ всякому Нѣмецкому колбаснику, потому только, что онъ Нѣмецъ.

— Да помилуй, Максимъ Петровичь, съ чего ты взялъ, что Государь Петръ Алексѣевичь больше любитъ Нѣмцевъ, чѣмъ насъ?

Digitized by Google

— А коли нѣтъ, такъ зачѣмъ же онъ, нашъ батюшка, имя-то свое, говорятъ, подписываетъ по иноземному, и новой городъ свой назвалъ по-Нѣмецки, и насъ всѣхъ Нѣмцами подѣлать хочетъ?.... Да что объ этомъ говорить: коли Господь Богъ наслалъ казнь, такъ молчи и покоряйся.

— И то правда, другъ сердечный! что̀ объ этомъ толковать. По твоему это гнѣвъ небесный, а по моему Божье милосердіе: такъ мы во вѣки вѣковъ съ тобой не поладимъ. Давай-ка лучше побесѣдуемъ кой о чемъ другомъ, любезный, а намъ есть о чемъ поговорить. Знаешь-ли что̀, Максимъ Петровичь? Вѣдь я сбирался къ тебѣ къ деревню?....

— Милости просимъ!

— У меня есть до тебя дѣло и дѣло, не шуточное; я сейчасъ объ этомъ говорилъ съ Аграфеной Петровной. Племянникъ мой, Василій Михайловичь Симской, мѣсяца два тому назадъ, познакомился здѣсь въ Москвѣ съ твоей сестрицею и съ Ольгой Дмитріевною....

— Познакомился! и вѣрно на вечеринкѣ или, по вашему, на асамблеѣ у этого.... Сестра, какъ бишь зовутъ твоего пріятеля-то?....

— Какого пріятеля, братецъ?

— Ну вотъ этого Нѣмца, у котораго ты вчера съ аптекаремъ плясала.

— У Адама Ѳомича Гутфеля? — перервалъ Данила Никифоровичь. — Да, любезный! мой племянникъ бывалъ у него на вечеринкахъ вмѣстѣ съ твоей сестрицею и племянницею ... Да ты ужъ не думаешь-ли, что этотъ Гутфель какой-нибудь булочникъ?.... Нѣтъ, Максимъ Петровичь, онъ человѣкъ именитый, къ нему самъ Государь изволитъ жаловать....

— Какъ не жаловать!.... вѣдь онъ Нѣмецъ.

— Что Нѣмецъ!.... Нѣмцевъ много. Адамъ Ѳомичь и человѣкъ хорошій и живетъ бариномъ. Онъ здѣсь у всѣхъ въ большомъ почетѣ....

Digitized by Google

— Еще бы!.... Дѣлать-то нечего, станешь почитать и Татарина, коли онъ тебѣ господинъ!.... Такъ твой племянникъ познакомился съ моей племянницей у этого Гутфеля?.... Знаю, знаю.... Вѣдь онъ, сирѣчь твой племянникъ, какъ по вашему-то — фенрикъ чтоль?....

— А вотъ, Богъ дастъ, скоро и подпоручикомъ будетъ.

— Такъ, такъ!

— Онъ третьяго дня ночевалъ у тебя въ деревнѣ.

— Ночевалъ, любезный.

— Ну что, какъ онъ тебѣ кажется?

— Молодецъ прекрасный!

— Такъ онъ тебѣ приглянулся?

— Какъ же!

— А что, другъ сердечный, еслибъ онъ посватался за твоей племянницей, Ольгой Дмитріевною?....

— Такъ я долго не сталъ бы его маить, а тотчасъ бы сказалъ: этому не бывать.

— Какъ не бывать?....

— Да такъ!....

— Фу, батюшки; какъ дубиной по лбу!

— Не прогнѣвайся!

— Да ты хоть подумай, Максимъ Петровичь! Симской роду хорошаго....

— Знаю, знаю! Его батюшка былъ Казанскимъ воеводою.

— Человѣкъ богатый....

— И это знаю.

— Такъ почемужъ?....

— Долго разсказывать, Данила Никифоровичь; да и на что? ты спросилъ, я отвѣчалъ — чегожъ еще тебѣ?

— Батюшка братецъ! — промолвила робкимъ голосомъ Ханыкова.

Digitized by Google

— Не твое дѣло, матушка! Покойная сестра, умирая, сдала мнѣ съ рукъ на руки свою дочь, завѣщала воспитать ее во всякомъ благочестіи и страхѣ Божіемъ, беречь и любить какъ родное свое дѣтище. Что̀ будешь дѣлать! согрѣшилъ я передъ покойницей: не вполнѣ соблюлъ ея приказаніе.... Да Богъ милостивъ! это еще дѣло поправное.... Теперь ужъ я съ ней ни за что̀ не разстанусь....

— Какъ, братецъ! — вскричала Ханыкова: — вы хотите Олиньку увезти въ деревню?

— Я за тѣмъ и пріѣхалъ, матушка.

— Такъ моему племяннику нѣчего и надѣяться? — проговорилъ Данила Никифоровичь, вставая.

— Зачѣмъ не надѣяться, — сказалъ Прокудинъ: — Богъ въ животѣ волѣнъ, а я человѣкъ смертный.

— Эка упрямая башка! прошепталъ Загоскинъ. — Прощай, старинный пріятель! — примолвилъ онъ, выходя вонъ изъ комнаты: — нѣчего сказать, потѣшилъ ты меня!

— Ничего, любезный! — перервалъ Максимъ Петровичь: — это дѣло обоюдное: мы, кажется, оба другъ друга потѣшили. До свиданья!

ГЛАВА VIII.

— Да полно, Василій, кручиниться! И вчера ты цѣлый день прогоревалъ, и сегодня словно въ воду опущенный!.... Что, въ самомъ дѣлѣ, иль про тебя одна только невѣста и была Ольга Дмитріевна Запольская? Ну, конечно, она дѣвица хорошая, да Богъ милостивъ, найдемъ и почище ея.

Такъ говорилъ Данила Никифоровичь, утѣшая Симскаго, которому онъ наканунѣ объявилъ о своей неудачной попыткѣ.

Digitized by Google

— У насъ въ Москвѣ, — продолжалъ Данила Никифоровичъ, — чего другаго, а невѣстами-то хоть прудъ пруди! Вотъ покамѣстъ ты будешь въ походѣ подъ Туркомъ, мы постараемся, похлопочемъ, да такую пріищемъ тебѣ невѣсту, какой ты и во снѣ не видывалъ. Не правда-ли, жена?

— Ужъ конечно, батюшка, не чета будетъ этой вертушкѣ Запольской, — отвѣчала Марѳа Савишна. — И что тебѣ, Васинька, понравилось въ этой дѣвочкѣ? Ну какая она будетъ хозяйка? Ей бы только вырядиться заморской куклою, поплясать, да передъ молодежью покобениться....

— Нѣтъ, тетушка, — перервалъ Симской:—напрасно вы это изволите говорить. Ольга Дмитріевна дѣвица скромная и по своему отличному мериту зѣло достойна всякаго эстиму.

— Да ты какъ хочешь ее по-Нѣмецки-то хвали, а все-таки она не много получше своей тетушки! Да, ужъ Аграфена Петровна — объ ней что и говорить — отметный соболь!.... Ни стыда, ни совѣсти....

— И, полно, Марѳа Савишна! — перервалъ Данила Никифоровичъ: — ну за что ты ее такъ позоришь?.... Что она тебѣ сдѣлала?

— Виновата, батюшка Данила Никифоровичъ — согрѣшила!... А воля твоя, правду всегда скажу.

— И вы увѣрены, дядюшка, — сказалъ Симской, — что Максима Петровича нельзя никакъ умилостивить?

— Куда умилостивить! приступу нѣтъ; такъ съ дуба и рветъ!.... Не бывать этому! да и только!

— Ну, видно ужъ такое мое счастіе!....

— Полно, братъ Василій! Ты еще молодъ; твое счастье впереди.

— Ахъ, дядюшка! кабы вы знали, какъ мнѣ грустно!.... Я и самъ не думалъ, что такъ люблю Ольгу Дмитріевну.... Нѣтъ! уѣду поскорѣй, догоню мой полкъ, стану драться съ Турками.... быть можетъ, положу голову за святую Русь....

Digitized by Google

— Что ты, мой другъ!—вскричала Марѳа Савишна: — Христосъ съ тобой!.... Ну какъ ты въ самомъ дѣлѣ себѣ напророчишь....

— Такъ чтожъ, тетушка? Я сирота, обо мнѣ плакать нѣкому.

— Спасибо, племянникъ! — перервалъ Данила Никифоровичь: — а мы-то тебѣ посторонніе что ль? Полно, братъ, выкинь эту дурь изъ головы! Пойдемъ-ка лучше позавтракать: у меня есть завѣтная бутылочка фряжскаго винца; выпьемъ чарки по двѣ, такъ авось у тебя на сердцѣ-то будетъ повеселѣе.

— Нѣтъ, дядюшка, у меня голова и безъ этого горитъ. Пойду лучше пройдусь пѣшкомъ.

— Ну, ступай, мой другъ. Да смотри же, приходи къ обѣду.

— Приду, дядюшка.

Симской накинулъ свой форменный плащъ, и, сойдя со двора, повернулъ внизъ по Знаменкѣ къ Кремлю. День былъ ясный, погода теплая, разумѣется по зимнему; самый умѣренный морозецъ, безъ вѣтру, не допускалъ только портиться санному пути и придавалъ воздуху какую-то особенную легость и живительную прохладу. Всѣ жители Москвы справляли масляницу, то есть веселились, гуляли и катались по улицамъ. На каждомъ шагу встрѣчались съ Симскимъ разодѣтыя въ пухъ слободскія дѣвки, посадскія бабы, городскіе мѣщане и мужички подъ хмѣлькомъ, которые, обнявшись другъ съ другомъ и пошатываясь изъ стороны въ сторону, *распобарывали* и *гуторили* межъ собою. Тутъ цѣкая гурьба веселыхъ горожанокъ шла по срединѣ улицы и пѣла, не много на разладъ, но за то во все горло, плясовую пѣсню, подъ которую разбитной дѣтина, медленно подвигаясь передъ толпою, разстилался въ присядку. Подлѣ питейнаго дома лихіе пѣсенники, окруживъ самоучку-музыканта, отпускающаго удивительныя трели на берестовомъ рожкѣ, заливались въ удалой бурлацкой пѣснѣ: «внизъ по

Digitized by Google

матушкѣ по Волгѣ.» Тутъ же, въ одномъ уголку народъ умиралъ со смѣху, глядя на медвѣдя, который плясалъ съ козою, и нѣсколько шаговъ подалѣе толпился вокругъ лубочнаго балагана, въ которомъ заморской *знахарь* глоталъ огромные камни, дышалъ огнемъ и жупеломъ, ѣлъ хлопчатую бумагу и дѣлалъ разныя другія бѣсовскія штуки. Мимо Симскаго, въ широкихъ пошевняхъ, покрытыхъ коврами, и росписныхъ саняхъ мелькали поминутно Московскія барыни, богатыя купчихи и гостьи иноземныя; то проѣзжалъ рысцею, обитый полинялымъ сукномъ, рыдванъ на полозкахъ, изъ котораго выглядывали набѣленыя старухи въ собольихъ шапочкахъ; то вдругъ, какъ птица, пролеталъ мимо всѣхъ разгульный молодецъ на борзомъ казанскомъ иноходцѣ; однимъ словомъ, всѣ веселились, гуляли, и Симскому отъ этого стало еще грустнѣе. Чтобъ не смотрѣть на эти забавы, въ которыхъ онъ не могъ и не хотѣлъ принимать никакого участія, Симской, пройдя нѣсколько шаговъ по Неглинной, повернулъ Троицкими воротами въ Кремль. Въ то самое время, какъ онъ, пробираясь къ соборамъ, миновалъ дворецъ Бориса Годунова, съ нимъ повстрѣчались парныя сани и кто-то проговорилъ громкимъ голосомъ: «Здравствуй Василій Михайловичь!» — Симской остановился; изъ саней выскочилъ молодой гвардейскій офицеръ и бросился къ нему на шею.

— Мамоновъ! — вскричалъ Симской, обнимая своего однополчанина. — Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ! Я думалъ, что ты при полку.

— Нѣтъ, мой другъ, я здѣсь въ откомандировкѣ. А ты какими судьбами?....

— Меня отпустили на недѣльку повидаться съ родными.

— Такъ ты не долго здѣсь пробудешь?

— Еще денька два или три.

— А потомъ?

— Отправлюсь догонять полкъ.

Digitized by Google

— Счастливый человѣкъ! ... Да садись-ка, братъ, въ сани; поѣдемъ ко мнѣ. Я живу близехонько, на Варваркѣ, въ домѣ дяди моего, Степана Ивановича Шеина.

Симской сѣлъ въ сани къ Мамонову. Черезъ нѣсколько минутъ они въѣхали на дворъ и остановились у небольшаго кирпичнаго домика вовсе не затѣйливой наружности.

— Вотъ какъ видишь, Василій Михайловичь, — сказалъ Мамоновъ, вылѣзая изъ саней: — палаты небольшія, да за то въ нихъ тепло, и я живу одинъ одинехонекъ. Милости просимъ!

Когда они вошли въ сѣни, имъ послышались въ передней комнатѣ голоса; казалось, о чемъ-то спорили. «Да погоди, тетка, сейчасъ вернется!» — говорилъ кто-то басомъ.— «Чего годить! раздался въ отвѣтъ пискливый голосъ: — что мнѣ до вечерень чтоль у васъ дожидаться?»

— Ну, такъ и есть! — сказалъ Мамоновъ, входя въ переднюю: — это Игнатьевна. Здравствуй, голубушка!

— Здравствуй, мой соколъ ясной! — пропищала, кланяясь въ поясъ, пожилая женщина въ штофной шубейкѣ и бархатной, опушенной куницею, шапочкѣ. — Ужъ я тебя ждала, ждала!....

— Такъ подожди еще немножко, мы съ тобою поговоримъ.

— Охъ, кормилецъ ты мой, часочки-то у меня счетные! Мнѣ еще надо побывать у Спаса на Чигасахъ, а оттуда къ Харитонію въ Огородникахъ; не задержи меня, батюшка!

— Небойсь, Игнатьевна, не задержу.

Мамоновъ и Симской отдали денщику свои плащи, и, пройдя чрезъ столовую комнату и небольшую гостиную, вошли въ угольный покой, въ которомъ стояло нѣсколько стульевъ, большой шкафъ, рѣзной дубовый столъ и кровать съ бѣлымъ пологомъ.

Digitized by Google

— Садись, любезный! — сказалъ Мамоновъ, снимая съ себя трехцвѣтную шелковую перевязь, которая была у него надѣта по мундиру.

— Ого, да ты въ полномъ парадѣ, — сказалъ Симской: — шарфъ черезъ плечо.

— Какъ же, Василій Михайловичъ: я былъ въ сенатѣ; мнѣ тамъ читали царской указъ.

— Указъ! О чемъ?

— А вотъ изволишь видѣть: у насъ теперь война съ Туркомъ, и велѣно забирать на службу всѣхъ взрослыхъ недорослей изъ дворянъ, неслужащихъ новиковъ и всякихъ разночинцевъ, которые еще молоды и здоровы, а подъ разными предлогами отбываютъ отъ царской службы и проживаютъ въ Москвѣ. Вотъ какъ пошелъ переборъ, такъ всѣ эти тунеядцы, которымъ бы только на боку лежать, да ничего не дѣлать, и бросились вонъ изъ Москвы, кто куда попалъ. Меня для этого и прикомандировали къ сенату, чтобъ я ихъ вездѣ отъискивалъ, хваталъ и представлялъ на службу; объ этомъ мнѣ и указъ сегодня читали. Эхъ, Симской, счастливъ ты: ты будешь драться съ Турками, станешь бить этихъ басурмановъ, въ плѣнъ брать; а я.... Правда, и я буду брать въ плѣнъ матушкиныхъ сынковъ, сороколѣтнихъ недорослей и этихъ міроѣдовъ, которые называютъ себя дворянами, а дворянской службы нести не хотятъ. Да какая мнѣ будетъ отъ этого сатисфакція? Вѣдь ужъ тутъ доброй манирою не кончишь. Хлопотъ не оберешься, брани также. Всѣ Московскія барыни, а пуще барышни, закидаютъ меня каменьями.... Ну, нѣчего сказать, вынулся мнѣ жеребеекъ!.... Добро бы еще оставили меня въ Санктпетербургѣ, а то живи здѣсь—въ этомъ захолустьѣ.

— Вотъ какъ!.... Такъ ты называешь Москву захолустьемъ?

— А какъ же прикажешь ее назвать? Неужели такою же резиденціею, какъ нашъ Санктпетербургъ? Нѣтъ любезный: кто привыкъ обходиться съ людьми эдюкованными

Digitized by Google

и понасмотрѣлся иноземныхъ обычаевъ, тому здѣсь какое житье! Такъ-ли веселятся и проводятъ время въ нашей резиденціи!... Конечно, и здѣсь бываютъ асамблеи — да только курамъ насмѣхъ. Вѣдь почитай всѣ Московскія дамы, ни дать, ни взять, шарманъ-катеринки: заведутъ ихъ, онѣ какъ будто живыя, танцуютъ; не заведутъ — такъ просто сидятъ какъ разряженныя куклы. А что за кавалеры!.... Посмотришь, иной одѣтъ какъ человѣкъ, въ нѣмецкомъ кафтанѣ, въ парикѣ, подыметъ даму какъ слѣдуетъ, а примется танцовать—фу, батюшки!.... въ какія позитуры становится, что за ухватки!.... такъ и смотришь, сейчасъ пойдетъ въ присядку!.... Заведешь съ нимъ какую-нибудь конверсацію, онъ выпучитъ глаза, слушаетъ и не понимаетъ самыхъ обыкновенныхъ рѣчей. Да что и говорить! въ Москвѣ не токмо народъ ординарный, но даже люди принципальные, только бороды себѣ выбрили, а рожи-то у нихъ все не мытыя! Нѣтъ, Василій Михайловичь, наша резиденція не то!

— Ну, конечно, Андрей Степановичь; однакожъ и Москва....

— Что Москва?.... Москва просто Русской городъ.

— А развѣ нашъ Санктпетербургъ городъ не Русской?

— Нѣтъ, любезный, извини!.... Санктпетербургъ городъ Нѣмецкой — знаешь, этакъ.... какъ бы тебѣ сказать?.... Европа!.... А здѣсь что? И люди, и дома, и обхожденье, все на Русскую старинную стать. Здѣсь, братъ, и съ деньгами пропадешь: ничего нѣтъ порядочнаго. Пива хорошаго не отыщешь, изряднаго голландскаго сыру не спрашивай, а ужъ о добромъ гамбургскомъ кнастерѣ или старомъ французскомъ и не заикайся. Деревня, братецъ, деревня!

— Хороша деревенька!

— Велика!.... Да что въ этомъ толку?.... Знаешь пословицу....

Digitized by Google

— Полно, Мамоновъ! ты позоришь Москву, потому что тебѣ скучно, а скучно отъ того, что ты въ ней никогда не живалъ.

— И дай Господи никогда не жить! Знаешь-ли, Василій Михайловичь, чѣмъ я отвожу себѣ душу?.... Одна только забава и есть! .. Ты видѣлъ въ передней старуху?

— Видѣлъ. Кто она такая?

— Самая знаменитая Московская сваха, Ѳедосья Игнатьевна, по прозванію Перепёкина.

— Сваха! Да развѣ ты хочешь жениться?

— И не думаю. Ну, братъ, видно здѣсь въ Москвѣ залежалыхъ-то невѣстъ довольно. Недѣли двѣ тому назадъ, Игнатьевна явилась ко мнѣ отъ какой-то вдовушки, которая видѣла меня у Гутфеля, и съ тѣхъ поръ отбою нѣтъ: что день, то новая невѣста.

— И это тебя забавляетъ?

— А какъ же! Во-первыхъ каждый день смотръ, то въ томъ приходѣ, то въ другомъ. Я, разумѣется, всегда невѣсту обракую; Игнатьевна разгнѣвается; я начну ее поддразнивать, она примется меня ругать — потѣха да и только!.... А сверхъ того, если я проживу здѣсь мѣсяца три или четыре, такъ ужъ вѣрно всѣхъ Московскихъ невѣстъ по-одиначкѣ переберу; коли самъ не женюсь, услужу пріятелю. Да не хочешь-ли, Симской, я тебѣ какъ разъ невѣсту найду?

— Нѣтъ, мой другъ, моя невѣста не здѣсь.

— А гдѣ же?

— Да Богъ знаетъ. Можетъ быть, въ чистомъ полѣ, а можетъ статься, и подъ какой-нибудь Турецкой фортеціею: булатная сабля, свинцовая пуля, чугунное ядро — вотъ мои невѣсты, Мамоновъ; другихъ суженыхъ у меня не будетъ.

— И, полно, братецъ! живой живое и думаетъ. Да что это съ тобой сдѣлалось? ты въ самомъ дѣлѣ грустенъ.... Что ты, любезный, съ похоронъ что-ль?

Digitized by Google

— Такъ, ничего.... пройдетъ!

— А вотъ постой, я тебя развеселю, сказалъ Мамоновъ, отворяя дверь въ гостиную. — Ѳедосья Игнатьевна! — закричалъ онъ, — милости просимъ сюда!

Игнатьевна вошла въ комнату, перекрестилась на икону и поклонилась низехонько хозяину и гостю.

— Садись-ка, любезная, къ намъ поближе, — продолжалъ Мамоновъ, указывая ей на порожній стулъ.

— Присяду, батюшка, присяду! — молвила Игнатьевна, садясь. — Не прогнѣвайся! ѣзды-то у меня много, а коней всего одна безсмѣнная пара, да и та ужъ старенька, шестой десятокъ служитъ.

— Ну чтожъ, Ѳедосья Игнатьевна, поговоримъ-ка о дѣлѣ.

— Да какъ же это, кормилецъ у тебя гость.

— Ничего; это мой задушевный другъ: при немъ все можно говорить.

— Такъ, батюшка, такъ!.... Ну что, сударь, ты вчера, какъ обѣдня отошла у Николы въ Пыжахъ, изволилъ быть на панерти?

— Какъ же! вѣдь ты меня видѣла?

— А видѣлъ-ли ты, мой соколъ ясный, барышню, съ которой я шла рука объ руку?

— Чтожъ, эта барышня та самая невѣста, о которой ты мнѣ говорила?

— Да, батюшка, да!

— Видѣлъ.

— Что, мое красное солнышко, правду-ли я тебѣ сказала — красавица!

— Кто?.... эта барышня? Эхъ, Ѳедосья Игнатьевна! ну не грѣшно-ли тебѣ такъ людей морочить? Что она за красавица?.... набѣлена, нарумянена....

Digitized by Google

— Безъ этого нельзя, сударь!.... дѣло дѣвичье.... Да она и такъ, Богъ съ нею, такая бѣлолицая, румяная, что и сказать нельзя!

— Носъ въ полъ-аршина.

— Ужъ и въ полъ-аршина!.... Что̀ ты, кормилецъ! носъ какъ носъ, поменьше твоего будетъ.

— Я, Игнатьевна, дѣло другое: я мужчина и человѣкъ рослый, а она дѣвица и собой-то больно невеличка.

— А чтожъ тебѣ, батюшка, Сухареву башню чтоль?

— Да воля твоя, Игнатьевна, по мнѣ лучше Сухарева башня, чѣмъ этакой недоростокъ. Я жену въ карманѣ носить не хочу.

— Въ карманѣ? Не упрячешь, батюшка!

— Она же, кажется, на лѣвую ножку изволитъ прихрамывать.

— Прихрамывать? Что̀ ты, батюшка, перекрестись!

— И глазки-то у нея.... не прогнѣвайся, любезная....

— Что глазки?....

— Да такъ! немножко врозь посматриваютъ.

— Что̀, что̀?.... Такъ она, по твоему, косà?

— Есть грѣшокъ, Игнатьевна.

— Косà!.... Да что̀ ты, сударь, вчера до обѣдни-то не хлебнулъ-ли?

— Двухъ переднихъ зубковъ, кажется, нѣтъ.

— Тфу ты окаянный этакой! — вскричала старуха, вскочивъ со стула. — Да чтожъ ты, въ самомъ дѣлѣ, всѣхъ моихъ невѣстъ цыганишь, что я тебѣ дура чтоль досталась?

— Ну, полно, Ѳедосья Игнатьевна, не гнѣвайся! — сказалъ Мамоновъ, усаживая ее опять на стулъ. — На-ка, вотъ тебѣ за труды, — продолжалъ онъ, подавая ей два рублевика. — Чтожъ дѣлать, коли мнѣ такъ показалось.

Digitized by Google

— Показалось! — повторила Игнатьевна все еще нѣсколько сердитымъ голосомъ:—вижь какой зубоскалъ!.... Чего тутъ показаться?... Благо ты господинъ-то добрый и тороватый, а то бы я давно перестала къ тебѣ жаловать!.... Вотъ то-то и есть: дали вамъ повадку, голубчики!... Бывало, въ старину, хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь, а ужъ невѣсты тебѣ не покажутъ. Видишь, что̀ выдумали: изволь товаръ лицемъ продавать!.... А кто на васъ угодитъ?.... То не такъ, другое не этакъ.... охъ вы баловники этакіе!

— Да вѣдь такъ-то лучше, Ѳедосья Игнатьевна. Теперь женихъ пеняй на себя, а прежде, бывало, за все отвѣчаетъ сваха. Что, любезная, скажи-ка правду: чай тебѣ иногда доставалось на орѣхи?

— Ну, конечно, батюшка! всяко бывало. Ужъ наше дѣло таковское. Бывало угодишь, такъ матушкѣ Ѳедосьѣ Игнатьевнѣ челомъ; а не угодишь — такъ старую чертовку Игнатьевну позорятъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

— А этакъ, случится, и потасовку зададутъ?

— Кому, сударь?.... мнѣ?.... Нѣтъ, батюшка, велико безчестье заплатишь!.... Я вѣдь не посадская баба какая; мой покойный муженекъ служилъ поддьякомъ въ холопьемъ приказѣ; ему подъ-часъ и бояре кланялись. И кабы не бѣдность моя, не стала бы я по вашей братьи шататься.... Ну что, молодецъ: такъ эта невѣста тебѣ не люба?

— Нѣтъ, Ѳедосья Игнатьевна, подавай другую.

— Подавай другую.... эва какъ поговариваетъ!.... Да развѣ невѣсты-то блины?.... Подавай другую!

— На-ка вотъ тебѣ еще рублевикъ.... Полно, голубушка, не скупись: что̀ есть въ печи, все на столъ мечи!

— Спасибо, кормилецъ, спасибо!.... Ахъ, ты мой соколъ ясный! хотѣлось бы мнѣ тебѣ послужить.... Да ты, Андрей Степановичъ, человѣкъ-то бѣдовой!.... Видишь, какой привередникъ!... Ну, такъ и быть — скажу! ужъ только и ты, батюшка, не забудь меня старуху. Есть у меня на примѣтѣ

Digitized by Google

невѣста — и хороша и пригожа, дѣвица рослая, не то чтобы очень дородная, а этакъ, знаешь, налившое яблочко; свѣжая, румяная, глаза голубые, брови черныя.... да это еще ничего — богатство-то какое!.... Покойный ея батюшка тридцать лѣтъ сряду былъ Якутскимъ воеводою, а вѣдь тамъ воеводамъ житье! Отъ царя земнаго далеко, а царь небесный грѣшниковъ милуетъ, такъ дѣлай что̀ хочешь — своя рука владыка. Ты, чай, изволишь знать, Сибирь-то золотое дно. Тамъ, говорятъ, изъ черныхъ соболей нагольные тулупы носятъ, а простыхъ куницъ ни кто и даромъ не беретъ, такъ есть около чего ручки погрѣть!... Да онъ таки и понагрѣлъ ихъ, дай Богъ ему царство небесное! Легко вымолвить: тридцать годовъ на воеводствѣ просидѣлъ!.... А дочка-то у него одна одинехонька осталась, дѣлиться нѣ съ кѣмъ.... Ну, что?.... неужели ты, кормилецъ, и эту невѣсту охаешь?

— А вотъ какъ посмотрю.

— Тебѣ бы все смотрѣть!

— Нельзя безъ этого, Игнатьевна ... Э! да постой, любезная!.... Давно хочу спросить: я недѣли двѣ тому назадъ познакомился на асамблеи у Стрѣшневыхъ съ одной барышней — не знаешь ли ты ее?... Аграфена Петровна Ханыкова....

— Какъ, сударь, не знать!.... Я у нея зачастую бываю. Приношу всякую всячину: то кружева и ленточки, то шелковые платочки. Вѣдь я человѣкъ бѣдный, батюшка, всѣмъ промышляю. Да что ты о ней изволишь спрашивать? развѣ она овдовѣла?

— Нѣтъ, Игнатьевна: съ ней живетъ племянница.

— Ольга Дмитріевна?.... Вижь ты какой!.... губа-то у тебя не дура, батюшка!

— А что̀?

— Какъ что̀! Да Ольга Дмитріевна не то, что всякая другая; это, сударь, нещечко! Собой красавица, богатство большое, родство знатное, ни отца, ни матери.... Нѣтъ, Андрей Степановичь, тутъ взятки-то гладки!

Digitized by Google

— И, полно, Игнатьевна! коли Ольга Дмитріевна невѣста....

— Невѣста, сударь, невѣста, да только не твоя.

— А почемужъ не моя?

— Да потому, батюшка, что она ужъ просватана.

Симской побѣднѣлъ.

— Просватана! — повторилъ Мамоновъ: — за кого?

— Охъ, молодецъ! крѣпко на крѣпко заказано не сказывать ... А я все-таки скажу.... на зло ему скажу!.... скряга этакой!.... Я, батюшка Андрей Степановичь, часто хаживала къ одному богатому женишку, князю Андрею Юрьевичу Шелешпанскому; его ужъ давно разбираетъ охота жениться, и онъ также куда браковалъ невѣстъ; да только не такъ какъ ты, кормилецъ: онъ все добивался богатой невѣсты. Вотъ я, сударь, и пріискала ему одну купеческую дочку — лѣтъ этакъ подъ сорокъ: и собою некрасива — рябая, черномазая.... да за то вся въ жемчугахъ; у отца чугунные заводы, рыбныя ловли въ Астрахани и всего только двѣ дочери. Сегодня поутру я зашла объ этомъ поговорить съ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ, а онъ мнѣ и слова не далъ выговорить. «Спаснбо, дискать, Игнатьевна, за твою службу и труды, а я ужъ покончилъ; мой двоюродный братецъ, Лаврентій Никитичь Рокотовъ, высваталъ мнѣ богатую невѣсту. Вчера по рукамъ ударили, а на Ѳоминой будетъ и свадьба.» — Ахъ, батюшка! молвила я, да дай же порадоваться твоей радости — скажи мнѣ имячко наречепной; можетъ статься, и я ее знаю.— Князь Андрей Юрьевичь учалъ отнѣкиваться, а я все приставала. Вотъ онъ помялся, помялся, да и сказалъ мнѣ, что Максимъ Петровичь Прокудинъ выдаетъ за него племянницу свою, Ольгу Дмитріевну Запольскую, и что ужъ это дѣло совсѣмъ покончепное. Какъ я стала съ нимъ прощаться, такъ говорю ему: батюшка милостивый князь, я много для тебя потрудилась, не одну пару чоботовъ истоптала, и денно и нощно заботилась о томъ, какъ бы тебѣ угодить; не забудь же те-

Digitized by Google

перь меня на такой радости — пожалуй мнѣ, старой сиротинкѣ, хоть что-нибудь на хлѣбецъ! — Ахъ, батюшки! какъ его, сударь, стало коробить!.... индо въ потъ ударило! Учалъ онъ ходить по комнатѣ и туда и сюда; гляжу: пошелъ къ себѣ въ чуланчикъ.... ужъ онъ тамъ шарилъ, шарилъ!.... Вотъ изволитъ опять идти — такой красной, такъ и пышетъ! Подошелъ, да и сунулъ мнѣ въ руку.... чтожъ ты думаешь, кормилецъ?.... Полтинникъ! да еще проткнутый — видно съ какой-нибудь Мордовки! На, дискать, Игнатьевна, у меня его не берутъ, а ты вездѣ шатаешься, у тебя съ рукъ сойдетъ.

— Неужели ты, Ѳедосья Игнатьевна, взяла?

— Что ты, батюшка! Я этотъ дырявый полтинничекъ положила ему на столъ, низехонько поклонилась, да сказала: прими, башюшка, Христа ради! а сама и вонъ Вотъ, сударь, скряга-то!

— Да, хорошъ! И за него выдаютъ Ольгу Дмитріевну!

— Чтожъ дѣлать! Андрей Степановичь богатъ, природный князь и, нѣчего сказать, собою молодецъ.

— Право?

— У! батюшка! дѣтина такой ражій, дородный.... Что вы, молодцы! обоихъ-то васъ сложить, такъ его одного не будетъ.

— Вотъ какъ!

— Да, сударь, да!.... Не будь онъ такой скула, такъ нѣчего сказать, женихъ не дюжинный!.... Э! да что толковать объ этомъ шмольникѣ! Ты мнѣ лучше скажи, батюшка, хочешь чтоль посмотрѣть воеводскую-то дочку?

— Какъ же, Игнатьевна, хочу.

— Такъ изволь, сударь, знать, что она завтра будетъ у Троицы на Кулишкахъ, послѣ ранней обѣдни, милостыню нищимъ раздавать, и я съ ней вмѣстѣ буду.

— У Троицы на Кулишкахъ! Гдѣ жъ это?

Digitized by Google

— Ничего, батюшка! Я твоему Ѳедоту растолкую, такъ онъ тебя прямехонько довезетъ. Ну, мое красное солнышко! — примолвила Игнатьевна вставая: — заболталась я съ тобой!.... а дѣла-то у меня, дѣла — Господи Боже мой!.... Прощенья прошу, батюшка! Смотри же, не забудь: завтра послѣ ранней обѣдни....

— Небойсь, Ѳедосья Игнатьевна, не забуду. Прощай, любезная!.... Ну что, — продолжалъ Мамоновъ, обращаясь къ своему гостю: — какова моя сваха?.... Э! да ты никакъ сталъ еще грустнѣе!.... Что это съ тобой?

— Такъ! что-то нездоровится.

— Катайся больше, любезный, такъ все пройдетъ. Знаешь-ли что, Симской: пріѣзжай завтра ко мнѣ пораньше, поѣдемъ вмѣстѣ смотрѣть воеводскую дочку.

— Нѣтъ, Мамоновъ, я сегодня въ ночь, или завтра чѣмъ свѣтъ уѣду отсюда.

— Сегодня! Да вѣдь ты хотѣлъ пробыть въ Москвѣ еще дня два или три?

— Ни за что на свѣтѣ!

— Что, братъ, видно я правду говорилъ, видно Москва-то не Санктпетербургъ?

— Да, мой другъ! Мнѣ скучно, мнѣ тошно здѣсь.... такъ душа и рвется! Скорѣй бы туда, гдѣ пули посвистываютъ и люди валятся какъ снопы!.... Вотъ какъ, Богъ дастъ, догоню нашъ полкъ, да подъ Турецкими ядрами почерпну водицы въ Дунаѣ — такъ, авось, тогда на душѣ то у меня будетъ повеселѣе. Прощай, Мамоновъ!

— Прощай, Симской! — сказалъ Мамоновъ, обнимая своего пріятеля.—Коли Господь поможетъ тебѣ отличиться, такъ вспомни, другъ сердечный, и пожалѣй обо мнѣ. Я бы отъ тебя не отсталъ.

На другой день, рано поутру, изъ Калужскихъ воротъ выѣхала на Серпуховскую дорогу лихая ямская тройка. Въ

Digitized by Google

открытыхъ пошевняхъ лежалъ, закутанный въ медвѣжью шубу, Симской; впереди на облучкѣ сидѣлъ денщикъ его, Деминъ.

— Ну, чтожъ вы стали поперегъ дороги? — закричалъ ямщикъ, сдерживая лошадей. Симской приподнялся. Въ пяти шагахъ отъ него стоялъ большой возокъ; двое слугъ помогали кучеру перепрягать коренную лошадь.

— Возьми полѣвѣе, — сказалъ Симской: — ихъ не переждешь.

Когда ямщикъ, своротя въ сторону, поровнялся съ возкомъ, и Василій Михайловичь взглянулъ на открытое окно, изъ котораго выглядывала какая-то барыня, то вся кровь его прилила къ сердцу: эта барыня была Ольга Дмитріевна Запольская; подлѣ нея сидѣлъ Максимъ Петровичь Прокудинъ.

— Ну чтожъ ты? — сказалъ Деминъ ямщику: — коли выбрался на торную дорогу, такъ ступай!

— Эй вы, соколики! — гаркнулъ ямщикъ. Рысистая коренная легла въ гужи, отлетныя подхватили, и снѣжная пыль вихремъ закрутилась изъ-подъ копытъ удалыхъ коней.

ГЛАВА IX.

Мы должны теперь разстаться на нѣсколько времени съ Васильемъ Михайловичемъ Симскимъ и воротиться опять въ Москву. Въ то самое утро, когда Симской, такъ неожиданно, повстрѣчался на большой дорогѣ съ Ольгой Дмитріевной, но только гораздо позднѣе, Аграфена Петровна Ханыкова сидѣла у себя въ гостиной съ Ардаліономъ Михайловичемъ Обиняковымъ. Я думаю, читатели не забыли еще этого худощаваго господина, котораго люди неблагонамѣренные называли приказной строкою, нахлѣбникомъ, переметной сумою, и даже подозрѣвали, что онъ „языкъ,“ то есть тайный доносчикъ, готовый при случаѣ *оговорить*

Digitized by Google

и выдать руками своего роднаго брата. Разумѣется, Аграфена Петровна не знала ничего объ этомъ, и, по случаю одного тяжебнаго дѣла, очень часто совѣтовалась съ Ардаліономъ Михайловичемъ, какъ съ человѣкомъ знающимъ и дѣловымъ.

— Такъ вы, батюшка, полагаете, — говорила она, — что, этакъ мѣсяца черезъ два, наше дѣло должно рѣшиться?

— Да, Аграфена Петровна, по всему бы такъ слѣдовало. Крѣпостныя записи и межевыя книги вами представлены, всѣ справки собраны и задержекъ формально никакихъ нѣтъ; а все-таки, можетъ статься, дѣло ваше протянется. Слабенько вы изволите дѣйствовать, матушка Аграфена Петровна!

— Да чтожъ прикажете мнѣ дѣлать?

— Всякая тяжба, сударыня, требуетъ хожденія. Теперь дѣло поступило въ отчинную коллегію — такъ чтожъ зѣваетъ вашъ повѣренный? Надо попросить.

— Да я сама ѣздила къ президенту, просила его....

— И, сударыня!.... что президентъ!.... Дѣла-то вершатъ не президенты, а секретари.

— Что вы, Ардаліонъ Михайловичь! Хоть я и женщина, а все-таки кой-что знаю: у секретарей и голосовъ нѣтъ....

— Такъ, сударыня, такъ! Только вотъ что: когда вы изволите играть, примѣромъ сказать, на гусляхъ, такъ голосъ-то подаютъ они, а все-таки сила не въ нихъ, а въ васъ: что вы захотите, то они и заиграютъ.

— Такъ по вашему, Ардаліонъ Михайловичь, и предсѣдатель и судьи....

— Гусли, сударыня, гусли!.... Ну, Аграфена Петровна, не прогнѣвайтесь: я вижу по всему, что вашъ повѣренный вовсе приказнаго порядку не знаетъ, и, кажись, дѣло-то безъ меня не обойдется.

— Ахъ, сдѣлайте милость!

Digitized by Google

— Вотъ изволите видѣть, матушка Аграфена Петровна: надобно во-первыхъ подарить секретаря, у котораго въ рукахъ ваше дѣло; не мѣшаетъ также и протоколиста подмазать, чтобъ оно ходчее пошло; а тамъ еще кой-кому — регистратору, актуаріусу, такъ, можетъ статься, и ближе двухъ мѣсяцевъ эта тяжба кончится въ вашу пользу. Да ужъ положитесь во всемъ на меня, Аграфена Петровна, я это дѣльце обработаю.... не извольте только забывать одного, матушка: коли плохо сѣешь, такъ и жатва бываетъ плоха.

— Андрей Степановичь Мамоновъ пріѣхалъ, — сказалъ слуга, войдя въ комнату.

— Ты сказалъ, что я дома?

— Сказалъ, сударыня.

— Такъ дѣлать нѣчего — проси!

— Здравствуйте, государыня моя Аграфена Петровна!— сказалъ Мамоновъ, входя въ гостиную и кланяясь хозяйкѣ. Зѣло радуюсь, что нахожу васъ въ вожделѣнномъ здравіи.

— И я также, государь мой Андрей Степановичь, — отвѣчала Ханыкова, вставая, — съ великой сатисфакціей вижу, что и вы совершенно здоровы, въ чемъ я, признательно скажу, начинала уже сомнѣваться. Въ послѣдній разъ, на асамблеи у Стрѣшневыхъ, вы дали мнѣ вашъ пароль посѣтить меня, и вотъ уже скоро двѣ недѣли....

— Прошу экскузовать меня, Аграфена Петровна: — я нѣсколько разъ хотѣлъ къ вамъ презентоваться, но все это время такъ былъ занятъ службою....

— То есть гуляли, веселились.... Ну, да Богъ васъ проститъ!.... Прошу покорно садиться!

Обиняковъ взглянулъ изъ-подлобья на Мамонова, лукаво улыбнулся и взялся за свою шапку.

— А вы куда, Ардаліонъ Михайловичь? — сказала Ханыкова: — побудьте съ нами.

Digitized by Google

— Коли вамъ это угодно, Аграфена Петровна, — примолвилъ Обиняковъ съ той же самой двусмысленной улыбкою, — такъ я съ моимъ удовольствіемъ!.... Мнѣ торопиться нѣкуда.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, государыня моя, — сказалъ Мамоновъ, садясь подлѣ хозяйки, — во-первыхъ для того, чтобъ отдать вамъ мой всенижайшій респектъ, а во-вторыхъ, чтобъ поздравить....

— Поздравить! съ чѣмъ?

— Какъ съ чѣмъ? Вѣдь ваша племянница, Ольга Дмитріевна, выходитъ замужъ.

— Олинька выходитъ замужъ!.... Съ чего вы это взяли?

— Я слышалъ отъ вѣрныхъ людей.

— Помилуйте! да ее даже нѣтъ и въ Москвѣ: она уѣхала въ деревню къ своему родному дядѣ, Максиму Петровичу Прокудину.

— Можетъ быть, Аграфена Петровна, вамъ не угодно разглашать о помолвкѣ Ольги Дмитріевны, и я поступаю весьма не политично, говоря объ этомъ; но, воля ваша, когда самъ женихъ объявляетъ, что дѣло уже кончено....

— Самъ женихъ!.... Ахъ, Боже мой! да неужели въ самомъ дѣлѣ Максимъ Петровичь, не сказавъ мнѣ ни слова, просваталъ племянницу?

— И я также, сударыня, — перервалъ Обиняковъ, — слышалъ кой-что объ этомъ стороною.

— Что вы говорите!

— Я ужиналъ вчера у Лаврентія Никитича Рокотова, а у него былъ князь Андрей Юрьевичь. Они изволили подгулять, и Лаврентій Никитичь, этакъ между рѣчей, проговаривалъ, что свадьбы дальше Ѳоминой недѣли откладывать не должно, а то, дискать, чего добраго, тетушка какъ-нибудь и разобьетъ. Отъ этой, дискать, Аграфены Петровны

Digitized by Google

Ханыковой все станется. А вѣдь, кажется, сударыня, окромя васъ никакой Аграфены Петровны Ханыковой въ Москвѣ нѣтъ, а у васъ одна только племянница, Ольга Дмитріевна.

— Возможно-ли! Такъ это правда?

— Видно, что такъ.

— Да за кого же ее выдаютъ?

— За какого-то князя, — сказалъ Мамоновъ: — вспомнить не могу.... Шпанскаго.... Гишпанскаго....

— Должно быть, — перервалъ Обиняковъ, — за князя Андрея Юрьевича Шелешпанскаго.

— Да, точно такъ!

— Ахъ, бѣдная Олинька! — вскричала Ханыкова, всплеснувъ руками: — да вѣдь этотъ Шелешпанской совершенный мужикъ, дурачина!....

— Такъ вы его знаете? — спросилъ Мамоновъ.

— Я только одинъ разъ его видѣла. Года два тому назадъ, онъ пріѣзжалъ къ намъ торговать деревню. Господи Боже мой! что за фигура! какія ухватки! А ужъ глупъ-то какъ!.... Представьте себѣ: для перваго знакомства сталъ намъ разсказывать, какъ у него украли встчину, а тамъ принялся хвастаться своимъ конскимъ заводомъ, да такія рѣчи началъ говорить, что я изъ комнаты вонъ ушла.... И я должна буду называть этого человѣка моимъ племянникомъ!

— А почему знать, Аграфена Петровна? Вѣдь насильно вѣнчать никого нельзя; и если этотъ женихъ не понравится Ольгѣ Дмитріевнѣ....

— Такъ она будетъ втихомолку плакать, зачахнетъ съ горя, а все-таки выдетъ за него замужъ. Вы не знаете Олиньки: вѣдь это ангелъ во плоти; ей и въ голову не придетъ, что она можетъ не повиноваться своему дядѣ. Олинька же привыкла его любить и почитать, какъ отца роднаго....

Digitized by Google

— Да чтожъ это вздумалось вашему братцу? Неужели онъ не могъ найдти лучше жениха для своей племянницы?

— Женишокъ-то, сударь, хорошъ, — перервалъ Обиняковъ: — четыре тысячи душъ.

— Нѣтъ, тутъ есть что-нибудь другое, — подхватила Ханыкова. — На одно богатство Максимъ Петровичь никогда бы не польстился.

— Богатство само по себѣ, да вѣдь не худо и то, сударыня, коли мою родную племянницу станутъ княгиней величать.

— И, полноте, Ардаліонъ Михайловичь! Да что такое князь Шелешпанской?

— Шелешпанской! — повторилъ Мамоновъ. — Позвольте, позвольте!.... Да у меня, кажется, въ спискѣ есть какой-то князь Шелешпанской.

— Въ какомъ спискѣ? — спросила Ханыкова.

— А вотъ изволите видѣть: я здѣсь прикомандированъ къ сенату, ради того, чтобъ забирать и разсылать по полкамъ всѣхъ дворянъ, которые или вовсе еще не служили, или еще въ силахъ продолжать службу. По этой-то оказіи и выданъ мнѣ регистръ разнымъ лицамъ и, помнится, въ числѣ ихъ.... Да вотъ постойте — я посмотрю....

Мамоновъ вынулъ изъ кармана исписанный кругомъ листъ бумаги, и началъ читать про себя.

— Ну, да! — вскричалъ онъ, — такъ и есть: «князь «Андрей Шелешпанской, тридцати осьми лѣтъ, по разрядамъ «писанъ былъ въ Московскомъ жилецкомъ войскѣ нови«комъ, проживаетъ въ своихъ отчинахъ и бываетъ наѣздомъ «въ Москвѣ.“ — Ну что, онъ-ли это?

— Онъ и есть, — сказалъ Обиняковъ.

— Такъ не безпокойтесь, Аграфена Петровна, — продолжалъ Мамоновъ. — Что будетъ впередъ, я не знаю,

Digitized by Google

но по крайней мѣрѣ теперь этому князю Шелешпанскому жениться будетъ нѣкогда. Да что, онъ въ Москвѣ? — примолвилъ Мамоновъ, обращаясь къ Обинякову.

— Какъ же! Я съ нимъ вчера ужиналъ у Лаврентія Никитича Рокотова.

— А гдѣ онъ живетъ?

— Кто, сударь? Лаврентій Никитичъ?

— Нѣтъ, этотъ князь Шелешпанской?

— А кто его знаетъ! Чай гдѣ-нибудь на подворьѣ.... Помнится, онъ всегда останавливался по Троицкой дорогѣ, у Креста.

— Да это все равно. Я завтра же велю его отъискать и повѣстить ему, чтобъ онъ ко мнѣ явился.

— А чтожъ послѣ будетъ? — спросила Ханыкова.

— Извѣстное дѣло: коли еще молодъ и здоровъ, такъ послужи, голубчикъ!

— А гдѣжъ онъ будетъ служить?

— Да не опасайтесь, Аграфена Петровна: въ Москвѣ не останется. Я слышалъ, что онъ молодецъ собою.

— Да, сударь, — сказалъ Обиняковъ: — князь Шелешпанской человѣкъ рослый, повыше васъ будетъ.

— Такъ, можетъ статься, и къ намъ въ Преображенскій полкъ попадетъ, а не то въ драгуны или въ бомбандирскую роту. Не безпокойтесь, найдемъ мѣсто.

— Чтожъ, его примутъ офицеромъ? спросила Ханыкова.

— Изъ новиковъ да прямо въ офицеры — помилуйте! За что? Послужитъ и солдатомъ.

— Ахъ, бѣдненькой!

— Ну вотъ ужъ вы о немъ и жалѣть стали.

— Да какъ же, Андрей Степановичъ: подумаешь, человѣкъ богатый, привыкъ жить бариномъ — и вдругъ ступай, служи солдатомъ!

Digitized by Google

— Чтожъ дѣлать, Аграфена Петровна. Я, кажется, ничѣмъ его не хуже, а годика три солдатомъ прослужилъ.

— Да вы еще были тогда очень молоды, а этому князю Шелешпанскому подъ сорокъ лѣтъ.

— Вольно жъ ему было до сихъ поръ лежать на боку. Да вы не горюйте о немъ, Аграфена Петровна! служба пойдетъ ему въ прокъ. Онъ, по вашимъ словамъ, и совершенный мужикъ и дурачина, а посмотрите, какъ мы его вышколимъ — не узнаете! Будьте спокойны, Аграфена Петровна, — примолвилъ Мамоновъ, вставая: — я этимъ дѣломъ займусь.

— Вы ужъ ѣдете? — сказала Ханыкова, также вставая.

— Мнѣ еще надобно кой-гдѣ побывать. Да сдѣлайте милость, государыня моя, — продолжалъ Мамоновъ, очень вѣжливо и съ большою ловкостію, пятясь назадъ спиною:— не извольте принимать для меня никакой фатиги! Останьтесь, прошу васъ!

— Какъ это можно, Андрей Степановичь! это моя обязанія: я хозяйка, а вы мой гость.

— Вы меня конфузите, сударыня! Да, по крайней мѣрѣ, не извольте провожать такъ далеко.

— Помилуйте — что за далеко! Развѣ вы не знаете пословицы: для дорогова гостя и семь верстъ не околица?

— Всенижайше прошу васъ.... безъ проводовъ, Аграфена Петровна!....

Однакожъ Аграфена Петровна проводила своего гостя до самой передней.

— И вы также ѣдете, Ардаліонъ Михайловичь? — сказала она Обинякову, который повстрѣчался съ нею въ дверяхъ гостиной.

— Пора, сударыня, время обѣденное; чай, жена давно ужъ меня дожидается.

— Ну Богъ съ вами, только смотрите же, не забудьте о моей тяжбѣ.

Digitized by Google

— Какъ это можно! Я на этихъ днякъ непремѣнно у васъ побываю.

— Сдѣлайте милость!

Обиняковъ отправился, но только не къ себѣ на Берсеньевку, а въ Зарядье, къ Андрею Юрьевичу Шелешпанскому, который никакъ не подозрѣвалъ, что надъ его беззащитной головою сбирается такая ужасная гроза. Этотъ потомокъ удѣльныхъ князей Бѣлоозерскихъ останавливался обыкновенно въ одномъ изъ самыхъ худшихъ постоялыхъ дворовъ Зарядья. Онъ занималъ три небольшіе покоя, или, вѣрнѣй сказать, одну грязную, запачканную комнату, раздѣленную на трое досчатыми перегородками. Первая комната служила лакейскою для двухъ холопей, которые, судя по ихъ тощей наружности, были великіе постники; во второй князь Андрей Юрьевичь принималъ своихъ гостей, а въ третьей, болѣе похожей на теплый чуланъ, чѣмъ на комнату, онъ изволилъ спать ночью и отдыхать послѣ обѣда на высокой лежанкѣ, которой не доставало только палатей, чтобъ походить совершенно на самую простую крестьянскую печь. Нечаянный пріѣздъ Обинякова помѣшалъ любимому занятію князя Шелешпанскаго: онъ считалъ свои деньги, отбиралъ къ сторонѣ истертую мелочь и чистилъ кирпичнымъ порошкомъ серебряные рублевики.

— Ахъ, батюшка Ардаліонъ Михайловичь! — вскричалъ онъ: — какъ ты меня захватилъ!.... Сейчасъ!.... сейчасъ!.... Сочту послѣ, — продолжалъ онъ, всыпая торопливо деньги въ кожаную суму и кладя ее за пазуху. — Что это тебѣ вздумалось?

— Да надобно кой о чемъ поговорить съ вами.

— Поговорить! о чемъ? Ужъ не хочешь-ли опять торговать моихъ соврасыхъ?

— Нѣтъ, сударь, дорого просите.

— Дорого?.... Что ты, Ардаліонъ Михайловичь — побойся Бога! за эту цѣну у меня ихъ съ руками оторвутъ. Такихъ коней на свѣтѣ мало: трехъ-вершковыя казанки —

Digitized by Google

да вѣдь это дикóвинка, любезный! имъ на охотника и цѣны нѣтъ. Вотъ у меня была — давно ужъ, еще до покражи моей ветчины — такая же пара, такъ я взялъ за нее двѣсти рублевъ чистаганомъ, да еще жеребчика въ придачу— вотъ того самаго, что̀ я продалъ Опухтину за персидскаго аргамака.

— Да не о томъ рѣчь, князь Андрей Юрьевичь. Я пріѣхалъ съ вами поговорить о дѣлѣ не шуточномъ. Во-первыхъ: честь имѣю поздравить васъ съ невѣстою....

— Съ какой невѣстою?

— А какъ же?.... Вѣдь вы женитесь на племянницѣ Максима Петровича Прокудина.

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Помилуйте! объ этомъ вся Москва говоритъ.

— Неужели?.... Да отъ кого же это вышло?

— Видно, вы сами какъ-нибудь проговорились.

— Я только сказалъ объ этомъ одной Ѳедосьѣ Игнатьевнѣ Перепёкиной.... Ты знаешь ее?

— Сваху Игнатьевну? Какъ не знать! Ну, батюшка, нашли человѣка! Да вы бы еще взлѣзли на Ивана Великаго, да ударили въ Успенской колоколъ!

— Такъ это Игнатьевна разболтала?.... Ахъ она чортова тетка!... А вѣдь какъ божилась, проклятая!.... „Никому, батюшка, не скажу! видитъ Богъ, не скажу! Отсохни у меня правая рука по локоть, коли я кому ни есть хоть словечко вымолвлю!“ — Ну, дѣлать нѣчего!.... Да и то сказать: пускай себѣ говорятъ, что князь Андрей Юрьевичь Шелешпанской женится на Ольгѣ Дмитріевнѣ Запольской.... Эка бѣда! что она краденая чтоль какая?.... Невѣста богатая....

— Такъ, сударь, такъ! Да вотъ изволите видѣть: я сейчасъ былъ у ея тетушки....

— Аграфены Петровны Ханыковой?

Digitized by Google

— Да, князь. Ей при мнѣ объ этомъ сказали.... Батюшки-свѣты! она такъ на стѣны и полѣзла! Не хочу да и только!

— Вотъ еще! Да ей-то какое до этого дѣло? Она тутъ ни при чемъ.

— Помилуйте! родная тетка....

— Такъ чтожъ? Не пріѣдетъ ко мнѣ на свадьбу?.... Да пожалуй себѣ не ѣзди! Кума съ возу, возу легче!

— Это бы ничего, князь, да у нея есть пріятель, гвардейскій офицеръ, Андрей Степановичь Мамоновъ....

— Эка важность! велика фря, гвардейскій офицерикъ! Да что онъ мнѣ сдѣлаетъ?

— Ну, сударь, не говорите! Знаете-ли, зачѣмъ прислали въ Москву этого Мамонова?

— А кто его знаетъ.

— Ему указано отъ Царя забирать и разсылать по полкáмъ всѣхъ неслужащихъ дворянъ.

— Всѣхъ? Какъ всѣхъ?

— Ну, вѣстимо дѣло, сирѣчь тѣхъ, которые еще молоды и здоровы, а пуще-то всего молодыхъ дворянъ, которые писаны были въ новикахъ, а службы никакой не несли.

— Батюшка, Ардаліонъ Михайловичь! вскричалъ князь Шелешпанской, побѣднѣвъ какъ полотно: — да вѣдь этокъ пожалуй....

— Да, князь, и до васъ доберутся. Этотъ Мамоновъ читалъ при мнѣ списокъ дворянъ, которыхъ потребуютъ на службу, а въ немъ и ваше имячко есть.

— Что ты говоришь ?

— Былъ, дискать, писанъ въ Московскомъ жилецкомъ войскѣ новикомъ, тридцати осьми лѣтъ ; живетъ , дискать , праздно въ своихъ отчинахъ — и доселѣ облыжно показывалъ, что онъ человѣкъ недужный.

Digitized by Google

— Такъ и написано?

— Такъ, сударь. Я поспѣшилъ васъ объ этомъ увѣдомить, потому что завтра, а, можетъ быть, и сегодня вечеромъ пришлютъ за вами.

— Неужели пришлютъ?

— Непремѣнно.

— Ну, а коли я не пойду?

— Нельзя: возьмутъ насильно.

— Неужели насильно?

— А вы думаете кланяться вамъ станутъ?....

— Ахъ ты, Господи! вотъ дѣло какое!

— Кажись, этотъ Мамоновъ, — продолжалъ Обинякова, — очень желаетъ угодить Аграфенѣ Петровнѣ. Онъ при мнѣ говорилъ: ужъ вы не безпокойтесь, матушка: князь Шелешпанской не женится на вашей племянницѣ. Да еще какъ похвалялся, разбойникъ! Я, дискать, этого женишка ушлю туда, куда воронъ и костей не заносилъ.

Блѣдное лицо князя Андрея Юрьевича покрылось багровыми пятнами, холодный потъ выступилъ на лбу; онъ вскочилъ со стула и началъ, какъ шальной, бѣгать по комнатѣ, повторяя шепотомъ: Куда воронъ костей не заносилъ!.... Вотъ тебѣ на!.... Фу ты нелегкая!.... Эка притча, подумаешь!.... Да что же этотъ проклятый Мамоновъ говоритъ, — промолвилъ онъ наконецъ, остановясь противъ Обинякова: — меня опять что-ль новикомъ запишутъ?

— Какіе, сударь, теперь новики! Объ нихъ давно нѣтъ и въ поминѣ. Васъ запишутъ въ драгуны, или въ какой ни есть пѣхотный полкъ солдатомъ.

— Какъ солдатомъ?

— Да такъ! Бороду обрѣютъ, надѣнутъ на васъ лямку....

— Солдатомъ!.... Да вѣдь солдатъ-то бьютъ?....

Digitized by Google

— Бьютъ, сударь.

— Да вѣдь этакъ, пожалуй, неровенъ часъ — и меня палочьемъ вздуютъ?

— Вздуютъ, батюшка.

— Ахъ ты, Господи! — завопилъ Шелешпанской. — Отцы мои! сударики! кормилицы! да чтожъ мнѣ дѣлать?

— Я вамъ, батюшка князь, объявилъ объ этомъ заранѣе, а ужъ тамъ какъ сами знаете.

— Постой, Ардаліонъ Михайловичь! Знаешь-ли что?.... Дай-ка я себѣ растравлю руку или ногу....

— Такъ чтожъ? Васъ отвезутъ въ лазаретъ, сирѣчь въ казенную больницу, а тамъ какъ разъ вылечатъ.

— Эко дѣло, подумаешь? Куда ни кинь, все клинъ!.... Да нельзя-ли хоть деньгами откупиться?....

— Деньгами? Нѣтъ, сударь, не такой человѣкъ этотъ Мамоновъ: его не подкупишь.

— И, что ты, Ардаліонъ Михайловичь! Да кто-же себѣ злодѣй? Станутъ мнѣ деньги давать, а я не возьму?

— Вы дѣло другое, сударь: вы человѣкъ умный, а этотъ Мамоновъ что? шалапай, мотыга — ему деньги ни по чемъ. Да и что вы ему дадите? Вѣдь онъ богаче васъ.

— Неужели?.... Ну! пропала моя головушка!.... Коли нельзя и деньгами взять, такъ дѣлать-то нѣчего — ложись да умирай!

— Оно, конечно, — молвилъ Обиняковъ, помолчавъ нѣсколько времени, — дѣло-то плоховато.... Тутъ надобно, чтобъ и волки были сыты и овцы цѣлы... Развѣ подняться на какія-нибудь хитрости?

— Ахъ, другъ сердечный! — перервалъ Шелешпанской: — сдѣлай милость, дай, батюшка, ума!.... приставь голову къ плечамъ!

Digitized by Google

— Вотъ то-то, князь Андрей Юрьевичь, теперь дай ума, приставь голову къ плечамъ! А какъ въ прошломъ мѣсяцѣ я попросилъ у васъ взаймы двадцать пять рубликовъ, такъ и денегъ нѣтъ!

— Право не было! видитъ Богъ, не было!

— А теперь, кажется, есть: вы при мнѣ считали. Одолжите, сударь, пятьдесятъ рублей, мнѣ крайняя нужда.

— Да вѣдь эти деньги-то не мои.

— Ну, коли не ваши, такъ и говорить нечего. Счастливо оставаться, батюшка!

— Постой!.... куда ты?

— Къ Аграфенѣ Петровнѣ Ханыковой: она вѣрно не откажетъ мнѣ въ пятидесяти рубляхъ; барыня богатая....

— Помилуй! да на что тебѣ пятьдесятъ рублей?.... Ну, двадцать пять рубликовъ куда не шло! — продолжалъ Шелешпанской, вынимая изъ-за пазухи мѣшокъ съ деньгами.

— Премного благодарю, батюшка князь! да мнѣ этого мало; и коли пришлось занимать, такъ лучше занять у одного пріятеля, чѣмъ у двоихъ.... Прощенья просимъ, Андрей Юрьевичь!

— Постой! постой! Ну, Ардаліонъ Михайловичь, не даромъ говорятъ, что ты крапивное сѣмя! На, вотъ тебѣ, считай! примолвилъ князь, высыпая деньги на столъ: — возьми себѣ пятьдесятъ рублевъ.... Да вѣдь ты мнѣ ихъ отдашь?

— Какъ же, князь! — отвѣчалъ Обиняковъ, отсчитывая себѣ пятьдесятъ рублевиковъ: — непремѣнно отдамъ, когда будутъ деньги.

— Ну, спасибо вамъ, князь Андрей Юрьевичь! помогли бѣдному человѣку въ нуждѣ! — продолжалъ Обиняковъ. — Теперь мы поговоримъ о вашемъ дѣлѣ. Коли забираютъ на службу всѣхъ дворянъ, такъ это потому, батюшка, что у насъ война съ Туркомъ; а вотъ какъ сдѣлается съ нимъ замиреніе, такъ тревожить никого не ста-

Digitized by Google

нутъ и дѣла-то пойдутъ по прежнему. Намъ бы только съ вами какъ ни есть время протянуть, а тамъ — Господь милосердъ — все будетъ шито да крыто. Вся сила въ томъ, князь Андрей Юрьевичъ, чтобъ вы къ Мамонову не являлись, и чтобъ васъ, не смотря на это, нельзя было назвать ослушникомъ.

— Да какъ же ты это сдѣлаешь?

— А вотъ какъ: коли вы не знаете, что онъ васъ требуетъ, такъ вамъ нѣчего къ нему и являться — не правда ли?

— Ну, вѣстимо! Да вѣдь ты сказалъ, что по меня пришлютъ?

— За вами пришлютъ завтра, а вы уѣзжайте въ деревню сегодня, да только не въ ту, въ которой всегда живете. Я слышалъ, что у васъ около Москвы много отчинъ.

— Какъ же, всѣ мои отчины около Москвы; однихъ селъ до десяти будетъ.

— И все по разнымъ дорогамъ?

— Все по разнымъ: и по Тверской, и по Коломенской и по Серпуховской, и по Владиміркѣ есть, и по Остромынкѣ....

— Ну вотъ изволите видѣть!.... Поѣзжайте теперь въ какую-нибудь отчину, а здѣсь оставьте вѣрнаго человѣка. Лишь только я узнаю, что Мамоновъ провѣдалъ, гдѣ вы живете, я къ вамъ тотчасъ гонца. Незванные-то гости на дворъ, а вашъ и слѣдъ простылъ! — „Уѣхалъ, дискать. — Куда? — Да Богъ вѣсть—не то въ Москву, не то въ Коломенскую отчину,“ — а вы переѣзжайте въ Серпуховскую; а коли надобно будетъ, такъ въ другую, въ третью, а тамъ въ четвертую — устанутъ за вами гоняться. Ну, а если какимъ ни есть случаемъ васъ и захватятъ — такъ чтожъ? «Я, дискать, не зналъ, что меня требуютъ, и отъ царскаго указа не прятался, а ѣздилъ по моимъ отчинамъ.» Да и какъ васъ захватить? я буду здѣсь сторожить; и коли вы сами зѣвать не станете, такъ будь этотъ Мамоновъ хоть

Digitized by Google

семи пядей во лбу, а все-таки на своемъ не поставитъ. Ему же и безъ васъ дѣла-то будетъ довольно; погоняется за вами, а тамъ, глядишь, плюнетъ, да скажетъ: чортъ его побери совсѣмъ!

— Ну, Ардаліонъ Михайловичъ, головка-то у тебя....

— Годится покамѣстъ, батюшка.

— Только вотъ что: какъ же я женюсь? Вѣдь свадьбѣ положено быть на Ѳоминой недѣлѣ.

— Здѣсь въ Москвѣ?

— Нѣтъ, въ Серпуховской отчинѣ Максима Петровича Прокудина.

— Такъ чтожъ? тѣмъ лучше: въ чужомъ селѣ и подавно васъ искать не станутъ. Да еще до Ѳоминой недѣли много воды утечетъ, лишь только бы на первыхъ-то порахъ вы не попались въ лапы этому Мамонову. Извѣстное дѣло: новая метла всегда чисто мететъ; теперь онъ съ горяча и рветъ и мечетъ, а тамъ, Богъ милостивъ, уходится, голубчикъ! Только ужъ вы не мѣшкайте, батюшка, уѣзжайте скорѣй изъ Москвы.

— Чего мѣшкать.... Эй, Ѳомка! Сидорка!

Двое слугъ вошли въ комнату.

— Скажите Андрону, — продолжалъ Шелешпанской, — чтобъ скорѣй запрягалъ лошадей; мы сейчасъ ѣдемъ. Ты, Сидорка, поѣдешь со мною, а ты, Ѳомка, останься здѣсь.

— Слушаю, батюшка! — отвѣчалъ Ѳомка съ низкимъ поклономъ.

— Найми себѣ какой-нибудь уголочекъ, да смотри — подешевле! Харчевыхъ я тебѣ оставлю. Будетъ съ тебя копѣйки по двѣ на день?

— Воля твоя, государь князь Андрей Юрьевичъ.

— Чегожъ еще тебѣ? скоро постъ. Былъ бы только хлѣбъ, а за водой и самъ на рѣку сходишь. Смотри, каж-

Digitized by Google

дый день являйся къ Ардаліону Михайловичу, и что онъ тебѣ прикажетъ, то и дѣлай — слышишь?

— Слушаю, батюшка.

— Ну, ступайте же, помогайте Андрону запрягать лошадей, а я стану здѣсь укладываться. Да у меня смотри — живѣе!

— Прощайте, князь Андрей Юрьевичъ!—сказалъ Обиняковъ, вставая. — Мы, кажется, все порядкомъ уладили, теперь вамъ бояться нечего.

— Нѣтъ, Ардаліонъ Михайловичъ, боюсь—крѣпко боюсь!.... Какъ подумаю объ этомъ Мамоновѣ, такъ меня вотъ такъ трясучка и начнетъ бить.... У! батюшки, страсть какая!.... Пожалуй, еще пошлютъ подъ Турка....

— Вѣстимо дѣло! теперь съ нимъ война, объ этомъ ужъ и манифестъ объявленъ.

— А вѣдь тамъ, говорятъ, людей-то до смерти бьютъ.

— Да, батюшка, по головкѣ не гладятъ.

— Вотъ то-то же!.... Ужъ ты сдѣлай милость, Ардаліонъ Михайловичъ, не зѣвай, Бога ради! Лишь только узнаешь что-нибудь, мигомъ посылай ко мнѣ Ѳомку.

— Да кудажъ посылать-то?

— По Смоленской дорогѣ, въ село Сысоево: я теперь туда поѣду.

— Такъ оставьтежъ ему деньги на ѣзду.

— Зачѣмъ? Дойдетъ и пѣшкомъ: вѣдь всего только пятьдесятъ верстъ.

— Ну вотъ еще!.... Онъ пойдетъ пѣшкомъ, а команда отъ Мамонова поѣдетъ на подводѣ — что вы это!

— Да вѣдь онъ у меня ходокъ.

— Эхъ, князь! вотъ нашли время алтынничать. Вѣдь дѣло-то не шуточное!

Digitized by Google

— Ну, хорошо, хорошо!

— Прощенья прошу, князь Андрей Юрьевичь.... Ну что̀, послужилъ-ли я вамъ?

— Какъ же, любезный! — сказалъ Шелешпанской, посматривая съ горемъ на свой кожаный мѣшокъ съ деньгами. — Ахъ ты мошенникъ этакой! — прошепталъ онъ, когда Обиняковъ вышелъ вонъ изъ комнаты.—Послужилъ!.... Ну за что̀ содралъ съ меня пятьдесятъ рублей? ... Отдамъ, дискать, когда деньги будутъ! Да когда у тебя деньги-то бываютъ, голь проклятая!.... А тамъ еще для Ѳомки лошадей нанимай, плати за него харчи ... Вотъ не было печали, да черти накачали! — примолвилъ князь Андрей Юрьевичь, начиная укладывать въ чемоданъ свое добро. Эка притча какая! копишь деньги, не доѣшь, не допьешь, сбираешь по копѣечкамъ, а какъ пришла бѣда, такъ и рубли ни по чемъ!.... Ну, нѣчего сказать, выдался денёкъ!

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОКОЛЬНИКИ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ДРУЗЬЯМЪ ПО ВЫЗДОРОВЛЕНІИ.

Дорогіе друзья!
Лихорадка моя,
Что́ недавно была,
Совершенно прошла:
Я какъ прежде здоровъ
И хоть нынче готовъ
Къ вамъ на дачу летѣть
И на васъ поглядѣть!
Свой походный портфель,
Что́ валялся досель
Весь въ пыли, на полу,
За кроватью въ углу,
Я съ собою беру:
Все, что́ мнѣ по́утру —
Профиль, ножка, пейзажъ —
Тамъ черкнетъ карандашъ,
И стихи иногда
Набросаетъ туда.
Но скорѣе всего
Я забуду его,
И портфель мой опять
Полетитъ за кровать!
Гдѣ возиться мнѣ съ нимъ
По лѣсамъ, да какимъ!! —
Я въ сѣни тѣхъ лѣсовъ
Загуляться готовъ:
Тѣ лѣса — чудеса! —
Всѣ ушли въ небеса;
А вечерней порой
Ароматной смолой

Digitized by Google

Дышетъ, вѣетъ отъ нихъ;
Въ ихъ аллеяхъ густыхъ,
Подъ вѣтвистымъ шатромъ,
Вмигъ таинственнымъ сномъ
Забываешься ты....
Тихо шепчутъ кусты,
Вѣтерокъ шелеститъ,
И поетъ, и свиститъ....
Я тамъ радъ полежать
И чуть-чуть подремать,
Утопая въ травѣ,
Въ шелковóй муравѣ,
Позабывъ обо всемъ....
Подремать и потóмъ
Прихотливой мечтой
Въ крáй умчаться иной,
Гдѣ Альхамбра стоитъ,
Гдѣ Дуэро шумитъ,
Гдѣ не тѣ небеса,
Не такіе лѣса....
Вотъ она, вотъ она,
Эта рай-сторона!
Небо чисто; на немъ
Яркимъ, южнымъ огнемъ
Блещутъ звѣзды. Вокругъ
Все затихло. Весь югъ
Дремлетъ. Миртовъ кусты
И лимона листы
Воздухъ нѣгой поятъ;
Этотъ сладостный ядъ,
Роковую струю
Полной грудью я пью ...
Я счастлúвъ: я одинъ
Тѣхъ лѣсовъ господинъ,
Съ вѣрной лѣнью самдругъ....
Тихо!.. что-это вдругъ
Зашумѣло вдали?
Будто люди прошли!
Межъ собой говорятъ!
Вонъ, я слышу хрустятъ
Подъ ногами сучки!
Вонъ блестятъ огоньки!
Вонъ какъ-будто бандитъ
Сквозь деревья глядитъ! —

Digitized by Google

Страшно! такъ-вотъ и ждешь,
Что тебѣ всодятъ ножъ ...
Чортъ возьми эту ночь!
Радъ бѣжалъ-бы ты прочь,
Только ужасъ такой,
Что не двинешь рукой;
Просто ажно до слезъ
Прошибаетъ морозъ!
Чортъ возьми этотъ югъ!....
Но послушай, мой другъ:
Ты напрасно смущенъ:
Это все — только сонъ!
Вѣтерокъ по кустамъ
Пробѣжалъ, тамъ-и-тамъ
Клубомъ листья промчалъ
И кусты закачалъ!
А бандитовъ лихихъ
Нѣтъ нигдѣ никакихъ....
Вдругъ иныя мечты:
Закачались кусты —
И мелькнула межъ нихъ....
Но холодный мой стихъ
И дрянное перо,
Хоть оно и хитро,
Я бросаю въ кусты:
Южной дѣвы черты
Описать бы не-прочь,
Но ей, ей-же не-въ-мочь!
Нѣтъ, не въ силахъ рука,
Передать и слегка
Этотъ югъ, этотъ жаръ,
Этотъ нѣжный загаръ
На груди, на плечахъ,
Этотъ пламень въ очахъ;
Эту косу у ней
Черной ночи черней....
А ужъ гдѣ подстеречь
Эту молнію-рѣчь,
Что кипитъ и блеститъ,
Прямо въ сердце летитъ;
Вся не наша, не та,
Вся огнемъ облита,
И умѣетъ гремѣть,
Какъ звенящая мѣдь....

Digitized by Google

Нѣтъ, Испанка-душа,
Ты пылка, хороша,
Но прощай! я лечу;
Я тебя не хочу;
Что́ мнѣ въ югѣ твоемъ!
Хоть палитъ онъ огнемъ,
Хоть онъ больно хорошъ,
Но его не поймешь
Непривычной душой;
Я Русакъ записной,
Я иного ищу,
Я безпечно свищу,
Я немного лѣнивъ,
Я безъ юга счастливъ
И спокоенъ вполнѣ;
Все, что́ надобно мнѣ,
Я и дома найду,
Недалёко пойду....
Убирайся-же прочь,
Юга жаркая дочь!
Русь родную люблю,
Я бѣгу отъ тебя;
Я на дачу спѣшу....
Лучше я опишу
Полусельскій нашъ бытъ:
Онъ давно ужъ манитъ
Вдохновенье мое.
Вотъ житье и бытье
Нашихъ дачъ. По утрамъ
Все покоится тамъ;
Долго сладостнымъ сномъ
Все объято кругомъ.
На зеленомъ лугу
И въ лѣсу — ни гугу!
Только видно вдали,
На полѣ, въ пыли,
Маршируютъ полки,
Ярко блещутъ штыки;
Съ самой ранней зари,
Разъ-два-три, разъ-два-три!
Офицеръ предъ полкомъ
Со своимъ тесакомъ
Такъ юлой и юлитъ;
Иногда простучитъ

Digitized by Google

Межъ рядовъ барабанъ,
Тараранъ, тараранъ!....
Вотъ и дачи встаютъ.
Легкій шумъ тамъ и тутъ.
Слуги ставятъ для баръ
Поскорѣй самоваръ.
Ужъ надъ крышами дымъ
Вьется клубомъ густымъ.
Ужъ въ людскихъ повара
Тарара, тарара, —
Косырями стучатъ
И шумятъ, и кричатъ.
Чай убрали межъ-тѣмъ.
Чтожъ-бы дѣлать мнѣ? Семъ
Погуляю, пойду
Я немного въ саду!
Утро чудное.... вонъ
У сосѣда балконъ
Отворяютъ; — спѣшатъ
Дѣти съ нянькою въ садъ;
Всѣ разсыпались вмигъ;
Шумъ, и хохотъ, и крикъ!
Веселитесь друзья!....
Потащился и я
По дорожкамъ кривымъ.
Вижу поле; за нимъ
Лѣсъ; направо Москва!
Вонъ.... да нѣтъ, чорта съ два
Разглядишь что-нибудь!
Хоть-бы вздумалъ пахнуть
Вѣтерокъ! эка пыль!....
Вонъ какъ будто-бы шпиль
На дворцѣ промелькнулъ!
Вонъ и куполъ блеснулъ!
Ну, а это вонъ что?
Точно.... нѣтъ, да не то!
Ничего не видать!
Домъ не домъ, да опять
И не церковь!.... постой:
Это будетъ Донской
Монастырь.... нѣтъ, не онъ:
Онъ подальше! а вонъ....
Но который-то часъ? —
Эка день-то у насъ

Digitized by Google

Какъ ползетъ: нѣтъ и двухъ!
А ужъ въ брюхѣ-то — ухъ!
Точно въ пушки палятъ....
«Эй, послушай-ка, братъ,
Ѳедоръ, скоро обѣдъ?»
Что-съ? обѣдъ? — Никакъ нѣтъ! —
«Вотъ, покорно прошу!....
Дай пойду, попишу,
Иль прочту что-нибудь!
Хоть-бы этимъ чуть-чуть
Удержать аппетитъ!
Можетъ быть пролетитъ
Этотъ часъ поскорѣй,
Какъ махну въ эмпирей!....
Такъ пойти жъ пописать!....
А признаться сказать,
Предобѣденный часъ
Самый глупый у насъ:
Голодай ни за что!
Хорошо еще кто
Пописать-то охочь,
И готово помочь
Вдохновенье ему,
Какъ дружку своему!
Но бываетъ и тутъ
Часто сладостный трудъ
Намъ не сладокъ совсѣмъ!
Вдохновенья ничѣмъ
Не возбудишь: оно
Не всегда вѣдь равно
Чудодѣйствуетъ въ насъ:
То, бываетъ, какъ-разъ
Ты отжарить готовъ
Сряду сотню стиховъ;
Но зато иногда
Съ ними просто бѣда:
Риѳмы туго идутъ;
Какъ ни прыгаешь тутъ,
Не поможетъ ничто:
Все какъ-будто не то!
Будь мастакъ-размастакъ,
И зубами никакъ
Не натянешь стиха!
Дребедень, чепуха,

Digitized by Google

Не клеится-вотъ, нѣтъ,
И нейдетъ! Эксъ-поэтъ,
Ты безмолвно сидишь,
На бумагу глядишь
И кусаешь перо,
Да стучишь о бюро
Безпокойной рукой....
Въ часъ мудреный такой
Все хоть брось и опять
Въ садъ поди поскучать!
Тото-жъ, братцы, и есть!....
Фу, какъ хочется ѣсть!
Ѳедоръ! а Ѳедоръ! эй!
Да неси поскорѣй!
Право мнѣ ужъ не-въ-мочь....
На дворѣ чуть не ночь;
Скоро девять часовъ!....
Вѣдь обѣдъ ужъ готовъ,
Такъ чего-же мы ждемъ?....
А! я слышу, столомъ
Загремѣли! ну вотъ!
Наконецъ-то идетъ
Наше дѣло наладъ!
Да пожалуйста, братъ,
Поскорѣй! мочи нѣтъ!....
Вотъ онъ, вотъ и обѣдъ!....
Но о томъ, сколько блюдъ
Мы упрятали тутъ,
Не скажу я — зачѣмъ!
Я лишь вамъ надоѣмъ,
Я лишь вамъ досажу!
Вообще — я скажу —
Нашъ обѣдъ.... мы за нимъ
Три часа не сидимъ,
Какъ въ Москвѣ иногда;
Тамъ вѣдь просто бѣда,
Какъ обѣдать начнутъ,
Растабары пойдутъ —
Рарара — шумъ и крикъ!
Чѣмъ окончить бы вникъ,
Нѣтъ, такъ надо тянуть
И болтать что-нибудь!....
Но довольно о томъ!
Вновь на дачу пойдемъ!

Digitized by Google

Вотъ окончен обѣдъ.
Тяжело. Въ кабинетъ
Я иду отдохнуть —
Почитать и соснуть....
Въ эту пору найдешь
Съ разныхъ дачъ ребятешь
На лугу и въ лѣсу.
Ихъ въ четвертомъ часу,
И въ четыре, и въ пять,
Няньки водятъ гулять.
Вплоть до вечеру тамъ,
По травѣ, по цвѣтамъ,
Сами тоже цвѣты,
Дѣти бѣгаютъ. Ты
Заглядѣшься на нихъ,
Огневыхъ и живыхъ;
Какъ прелестны они,
Межъ кустовъ, въ зелени,
И воздушно-легки,
Что́ весной мотыльки!....
Вотъ и вечеръ идетъ.
Въ рощу хлынулъ народъ,
И поднялся кругомъ
Шумъ, и гамъ, и содомъ.
Франты въ чудныхъ пальтахъ
Запестрѣли въ кустахъ,
Уносясь по слѣдамъ
Улетающихъ дамъ,
Что́ по рощѣ, вдали,
Чуть касаясь земли,
Промелькнули какъ дымъ
Легкимъ платьемъ своимъ.
Къ нимъ летитъ молодежь,
Ближе, ближе — и чтожъ?
Этихъ дамъ, чудныхъ дамъ
Незамѣтно ужъ тамъ;
Пронеслись, и ужъ нѣтъ!
Только маленькій слѣдъ
Башмачка въ полъ-вершка
Впечатлѣлся слегка
На пескѣ, да и тотъ
Вѣтромъ живо спахнетъ!....
Но взгляни-ка, взгляни:
Это снова они,

Digitized by Google

Снова дамы назадъ
По дорожкѣ летятъ!
Къ нимъ на встрѣчу живѣй,
Мой любезный Матвѣй!
Чтожъ? — и снова обманъ:
Это вѣтеръ, туманъ,
Легкій, вѣющій газъ,
Что́ исчезнетъ какъ разъ,
Воздухъ, облако, дымъ,
А не дамы!... но къ нимъ,
Не смотря ни на что,
Фракъ, сертукъ и пальто,
И большіе носы,
И лихіе усы,
Рвутся все-таки; шумъ,
Давка! Часто брумъ-брумъ!
Звякнутъ шпоры, палашъ,
И ко фракамъ тудажъ
Ломитъ грозный уланъ
И воинственный планъ
На походѣ чертитъ
И усищи крутитъ....
Шибко бьются сердца;
Разговоръ безъ конца,
И какой разговоръ —
Восхитительный вздоръ!
Сколько словъ! Сколько словъ! —
Боже! сколькоословъ!....
Что́ за чудная смѣсь!
Право, кажется, здѣсь
Вся Москва въ этотъ разъ
Погулять собралàсь
И наволѣ чуть-чуть
Отъ суетъ отдохнуть.
Всякой разный народъ
Къ намъ въ ту пору идетъ,
И богачъ, и бѣднякъ;
И фабричный батракъ,
У котораго ротъ
Вѣчно полонъ хлопотъ;
Онъ урвàлся отъ дѣлъ
Кое-какъ и надѣлъ
Поновѣе кафтанъ,
И немного ужъ пьянъ;

Digitized by Google

Какъ и гдѣ подгулялъ
И на чей капиталъ,
Ужъ навѣрно прото
Не узнаетъ никто;
Онъ и самъ позабылъ,
Не пилъ онъ, или пилъ.
Не мѣшаясь съ толпой,
Онъ идетъ стороной,
Межъ деревъ и кустовъ;
На минуту готовъ
Онъ у музыки стать,
Поглазѣть, поболтать
Съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ;
Часто сходится ихъ
Кучка добрая тутъ;
И шумятъ, и орутъ;
Всѣ другъ-дружкѣ свои....
Вдругъ затѣютъ чаи
Распивать; самоваръ,
Чашки, чай, восемь паръ
Сахарку — подаетъ
Имъ дѣвчонка, и вотъ
И задорно, и зло
Чаеванье пошло!
Шумный говоръ утихъ,
Разомъ лица у нихъ
Запылали какъ жаръ;
И взвивается паръ
Облаками вокругъ;
Слышно звяканье, стукъ
И сопенье подчасъ,
И гремитъ чей-то басъ:
«Эй, дѣвчонка, долей
Самоваръ! Слышишь, эй!»
И дѣвчонка на крикъ
Появляется вмигъ:
— Ась? чего-съ? — и опять
Самоваръ закипать
Начинаетъ; налитъ
Чайникъ; снова кипитъ
Чай янтарнымъ ключомъ....
Долго-долго потомъ
Тамъ пируютъ они,
Въ цѣлой рощѣ одни....

Digitized by Google

Все ужъ тихо вокругъ;
Только слышится стукъ
Къ суетамъ отъ суетъ
Полетѣвшихъ каретъ,
Полетѣвшихъ въ Москву....
Ужъ роса на траву
Опустилась давно;
Ужъ довольно темно;
Снятъ луга и лѣса....
Но ребятъ голоса
Слышны все-еще тамъ,
Тотъ же все-еще гамъ
Какъ и днемъ; наконецъ
Всталъ одинъ молодецъ,
Весь въ пыли и въ росѣ,
А за нимъ ужъ и всѣ
Поднялись и пошли....
Только долго вдали,
Сквозь росистый туманъ,
Яркій синій кафтанъ
Все виднѣлся, пока
До дверей кабака
Не дошли, а потомъ
Все въ туманѣ густомъ
Потемнѣло, слилось
Въ мутносѣрой хаосъ —
И пропала орда
Неизвѣстно куда....
Но не все-же они
Тамъ гуляютъ одни:
Мало-ль тамъ! а ужъ какъ
Очутился батракъ
На картинѣ моей
Прежде всѣхъ — ужъ ей-ей
Не пойму, господа!
Не ему-бы сюда
Надо было попасть:
Это задняя часть,
Это соръ, это тѣнь
На картинѣ, — да лѣнь
Было вспомнить о томъ!
И попалось притомъ
На концѣ — «кое-какъ» —
Думалъ, думалъ — батракъ!

Digitized by Google

Больше римъ не найдешь!
Семъ его! отъ чего-жъ
Тутъ ему не гулять?
Маршъ! а послѣ-то глядь:
И случилась бѣда!
Между-тѣмъ, какъ сюда
Къ намъ и баричъ-богачъ,
Вольнымъ воздухомъ дачъ
Подышать, прикатитъ.
Все гулянье кричитъ:
Quel bel homme! Quel bel homme!
Всѣ толкуютъ о немъ;
Всѣ глядятъ, каково
Сшитъ сертукъ у него;
Что́ за шляпа и что́
У него за пальто;
Не морщитъ-ли гдѣ задъ;
Ловко-ль брюки сидятъ;
А иной такъ не могъ
Утерпѣть: до сапогъ
Добрался́ и рѣшилъ,
Кто ихъ баричу шилъ....
По гулянью шажкомъ
Онъ проходитъ; потомъ
Наровитъ подъ сосной,
На скамьѣ именной
Сѣсть; лорнетъ наведетъ
На шумящій народъ,
На мужчинъ и на дамъ,
Пролетающихъ тамъ;
Посидитъ, поглядитъ
И лорнетъ повертитъ
Въ безпокойной рукѣ;
А потомъ на пескѣ
Почертитъ что-нибудь,
Опасаясь заснуть;
Тамъ опять на народъ
Поглядитъ и кивнетъ
Раза два головой;
И опять предъ собой
Что-нибудь почертитъ,
Тамъ опять поглядитъ....
И не много спустя,
Что-то подъ носъ свистя,

Digitized by Google

Отправляется въ путь,
Гдѣ-нибудь, какъ-нибудь,
Этотъ вечеръ добить;
Полетитъ, можетъ быть,
Въ клубъ, туда, гдѣ кричатъ:
«Тридцать семь, шестьдесятъ,
Двадцать, семьдисятъ шесть,
Восимь!»—Стой, братецъ, есть!
Стой, довольно! — и тутъ
Кучу денегъ несутъ....
И затянутъ опять:
«Восимь, семьдисятъ пять,
Пять!».... И эдакой вздоръ
Всѣхъ волнуетъ; въ задоръ
Входитъ ярый игрокъ,
Облегчивъ кошелекъ,
И не хочетъ играть,
А посмотришь, опять
Изъ кармана пошли
За рублями рубли
У него.... А! и нашъ
Баричъ лѣзетъ туда-жъ!
Чтожъ, пускай-ка его,
Тамъ немножко... того...
Порастреплетъ кису!....
Я-же васъ унесу
Вновь на дачу къ себѣ:
Станемъ въ пестрой гурьбѣ
Мы ходить и гулять;
Статься можетъ, опять
За инымъ, за другимъ
Что-нибудь подглядимъ!
Посмотрите-ка, вотъ
По гулянью идетъ
Франтикъ съ палкой въ рукѣ,
Весь въ своемъ сертукѣ;
Въ кошелькѣ-жъ у него
Завалялся всего
Лишь одинъ четвертакъ,
Да и тотъ кое-какъ
Взятъ до завтра взаймы
У лакея Кузьмы.
На квартирѣ его
Тожъ, я чай, ничего

Digitized by Google

Не осталось; чубукъ,
Можетъ быть, да сертукъ,
Да кисетъ съ табакомъ,
Да кровать съ тюфякомъ,
И съ подушкою — вотъ
Вамъ и все! А живетъ
Человѣкъ и франтитъ,
И порою кутитъ,
Какъ отъ тысячи душъ;
И порядочный кушъ
Проиграетъ подъ-часъ;
И жилетомъ онъ басъ
Удивитъ иногда....
Послѣ, смотришь, бѣда:
Весь въ долгу, какъ въ шелку!
Пулю въ лобъ, иль въ рѣку!
Вотъ тебѣ и конецъ!
Но глядишь, молодецъ
Извернулся, — и вновь
Про жилетъ, про любовь,
Про кутежъ, про лото,
Про лихое пальто,
И про шляпу Дюлу
Ужъ мечтаетъ въ углу
Своего чердака....
Какъ пуста и легка
Эта жизнь! ничего
Впереди у него!
Назади.... назади?
Э, назадъ не гляди:
Вѣрно тоже и тожъ....
Боже мой, да на чтожъ
Эти люди живутъ?
Что́ имъ надобно тутъ,
Въ этой жизни?.... Но вотъ
Онъ, рисуясь, идетъ
По гулянью; въ лорнетъ
То посмотритъ, то нѣтъ;
Все чего-то вдали
Ищетъ.... «Ба! неужли
Въ самомъ дѣлѣ она?....
Точно!.... гм! вотъ-те-на!
Хорошо-съ! напередъ
Я ужъ зналъ, что придетъ!

Digitized by Google

Я ужъ зналъ по всему....
Только вотъ не пойму,
Что́ ей хочется.... да–съ,
Я, сударыня, васъ
Не пойму!.... вотъ бѣда!»...
Но пойдемъ, господа,
Отъ него! пусть онъ тамъ
Ловитъ чопорныхъ дамъ,
Надуваетъ ловчѣй
Ротозѣевъ–мужей;
Кверху носъ свой деретъ
И толкаетъ народъ;
Пусть–себѣ убѣжденъ,
Что красивъ онъ, уменъ,
Что на немъ и пальто
Лучше всѣхъ... намъ–то что́!
Побредемъ за толпой!
Вонъ взгляните, съ женой
Добрый мужъ.... вдалекѣ,
Межъ кустовъ, на пескѣ,
Видно дѣточекъ ихъ;
Много тамъ и другихъ,
Только матери глазъ
Угадаетъ какъ–разъ,
Гдѣ сынишка у ней,
Или дочь.... «Поскорѣй,
Другъ мой, влѣво взгляни:
Вонъ играютъ они,
Наши дѣти!.... вонъ, вонъ
Ваня!... онъ, точно онъ!
Вонъ и Соня.... изъ рукъ
Такъ и рвется!.... мой другъ
Дай, мы ихъ подождемъ!
А не–то, такъ пойдемъ
Къ нимъ на встрѣчу!... да чтожъ
Ты идешь и нейдешь!
Такъ постой–же пока!»....
Мужъ нахмурилъ слегка
Бровь, а нѣжная мать
Рада къ дѣтямъ бѣжать
Хоть въ припрыжку — и вотъ
Сквозь толпу, сквозь народъ,
До дѣтей добралась,
И цѣлуетъ сто разъ

Digitized by Google

Ваню, Соню.... Отецъ
Тоже къ нимъ наконецъ
Подошелъ; Ваню взялъ,
Поласкалъ, потрепалъ
По щекѣ; а потомъ
Всѣ гурьбой, вчетверомъ,
Съ пятой нянькой, пошли
По гулянью. Вдали,
Слышно было, гремѣлъ
Барабанъ и гудѣлъ
Безпокойный фаготъ,
Потѣшая народъ,
И гудѣлъ, и трещалъ....
«Слышишь, Ваня, сказалъ
Тутъ отецъ: а, Иванъ,
Слышишь, бьютъ въ барабанъ?
Хорошо что-ли? А?
Ты смотри у меня,
Подростешь, не забудь:
Непремѣнно ты будь
Музыкантомъ, смотри!
Будешь что-ль? говори
Поскорѣй, дурачокъ!»...
Но ребенокъ не могъ
Ни полслова понять;
На отца и на мать
Онъ глазами сверкалъ;
И потомъ заскакалъ
На ногѣ, ко всему,
Что сказали ему,
Равнодушный совсѣмъ....
Вся семья между-тѣмъ
Подходила туда,
Гдѣ играли всегда
Музыканты; и вотъ
Громче, громче фаготъ
Раздается! гобой
Съ нимъ выходитъ на бой,
И съ кларнетомъ самдругъ
То отгрянетъ онъ вдругъ,
Зареветъ — и опять
Утихать, утихать....
Снова рявкнетъ — и нѣтъ!
Остается кларнетъ

Digitized by Google

Одинокъ, сирота —
Тру-тру-тру, тра-та-та!
И умолкнетъ!.... потомъ,
Не заботясь о томъ,
Что задорный фаготъ
И кричитъ, и поетъ,
Громко флейта-змѣя
Визгнетъ: вотъ-де и я!
Что̀ вамъ надобно тутъ?....
И напрасно ревутъ
И гобой и кларнетъ:
Ихъ какъ-будто и нѣтъ!
И по рощѣ слышна
Только флейта одна.
Но за то, подъ-конецъ,
Удалецъ, сорванецъ,
Трубъ и флейтъ атаманъ,
Загремитъ барабанъ,
Все затихнетъ кругомъ!
Только яростный громъ,
И трещанье, и стукъ
Разбѣгается вдругъ
Тамъ, по всѣмъ по мѣстамъ,
По листамъ, по кустамъ,
Тамъ и тамъ—трамъ-тамъ-тамъ!....
Но отъ музыки прочь
Я иду; мнѣ не-въ-мочь
Этотъ шумъ, этотъ громъ,
Толкотня и содомъ,
Этотъ чадъ, эта пыль,
Эта чушь, эта гиль!....
Я-бы радъ гдѣ-нибудь
Посвободнѣй вздохнуть!
Повернемте-ка въ лѣсъ,
Подъ широкій навѣсъ
Наклоненныхъ вѣтвей....
Посмотри-ка, Матвѣй,
Посмотри, какова
Тамъ трава-мурава!
Слышишь, чувствуешь, другъ,
Что̀ за воздухъ вокругъ....
Тамъ и Аннушка есть....
Мы велимъ ей принесть

Digitized by Google

Самоваръ и втроемъ
Славно чаю попьемъ....
А ужъ Аннушка.... нѣтъ!
Никогда я, мой свѣтъ,
Не забуду тебя!
И другую любя,
Хоть и будетъ она
Какъ и ты мнѣ вѣрна,
Хоть и станетъ опять
О любви распѣвать
Мой безумный языкъ:
Все къ тебѣ хоть на мигъ,
Хоть въ мечтахъ иногда
Прилечу я сюда,
И вотъ-здѣсь посижу....
Какъ теперь я гляжу
На тебя, мой дружокъ:
Полосатый платокъ
Перевязанъ крестомъ;
И на гребнѣ простомъ
Вдвое косы твои,
Какъ двѣ черныхъ змѣи,
Межъ собою сплелись;
Очи ясныя внизъ
Ты потупила.... ахъ!
Сколько въ этихъ очахъ
Жизни, чувства, огня!....
Погляди на меня,
Погляди и чуть-чуть
Здѣсь со мною побудь!....
Да куда-жъ, егоза?....
Фу ты, что за глаза!....
Но зачѣмъ-же, мой другъ,
Прошлый разъ ты ихъ вдругъ
Опустила, какъ я
Посмотрѣлъ на тебя,
И смотрѣть не могла?
Или тайну прочла
Въ бурномъ сердцѣ моемъ?....
И всегда, какъ вдвоемъ
Мы останемся, ты
Убѣгаешь въ кусты;
Я туда-же бѣгу
Но поймать не могу....

Digitized by Google

Что-жъ такое во мнѣ
Не по нраву тебѣ ?
Иль я дерзокъ и смѣлъ ?
Иль тебѣ надоѣлъ
Я любовью своей ?
Иль глядитъ изъ очей
У меня сатана
Иногда ?.... Ты скромна,
Ты боишься меня,
Какъ чумы, какъ огня !
Только, что́ ни толкуй —
За тобой поцѣлуй !
Ты моя, иль ничья !....
Но довольно ; друзья !
Вамъ чудна, можетъ быть,
Эта страсть ; такъ любить,
Можетъ быть, никогда
Вы не станете.... да !
Всякъ по своему правъ,
Всякой ищетъ забавъ
Тамъ, гдѣ знаетъ, и радъ,
Какъ найдетъ.... Говорятъ,
Что на вкусъ и на цвѣтъ
Вишь товарища нѣтъ ;
Этотъ любитъ зиму,
Тотъ весну, а тому
Осень нравится ; тотъ,
Чтобъ влюбиться, идетъ
На блистательный балъ,
Тамъ его идеалъ....
А другому пришло
Въ мысли — ѣхать въ село
Съ той-же цѣлью, и тамъ
Русскихъ дѣвъ красотамъ
Удивляться.... Такъ пусть
Эта старая грусть
Вамъ странна ! Такъ и быть,
Про нее говорить
Ужъ не стану я вновь....
Полно, полно, любовь,
Перестань бушевать !.....
Какъ отрадно дышать
Въ этой рощѣ ! Пойдемъ

Digitized by Google

Дальше! Тихо кругомъ,
Лишь чуть-чуть иногда
Долетаетъ сюда
Дальній ропотъ и шумъ...
И суровъ, и угрюмъ
Лѣсъ высокій стоитъ
И въ объятья манитъ —
Я иду, я иду,
Отдохнуть въ холоду,
Подъ сосной, въ тишинѣ...
Ахъ, какъ хочется мнѣ
Поскорѣе чайку!....
Свой картузъ на суку
Я повѣшу вотъ здѣсь....
Ну, и ты свой повѣсь!....
Да проворнѣе, другъ!
А, да ты и сертукъ
Хочешь снять, и пальто!
Ну, смотри, чтобы кто
Не пришелъ какъ-нибудь,
Осторожнѣе будь,
Чтобы кто невзначай
Не взглянулъ.... Ну, за чай,
Мой любезный Матвѣй
Да вертись поживѣй!....
Гдѣ-жъ ты, Аннушка? эхъ!
Вотъ какъ будто на грѣхъ
Вдругъ пропала, нейдетъ
И стола не даетъ
Съ самоваромъ.... да гдѣ-жъ
Ты, мой ангелъ? утѣшь,
Прилети поскорѣй!
Душка-Аннушка! эй!
Гдѣ ты, гдѣ ты, дружокъ?
Эй! ау!.... вонъ платокъ
Полосатый мелькнулъ,
И звѣздою блеснулъ
Упоительный взоръ....
Ахъ, опять этотъ вздоръ
Увлекаетъ меня,
И опять болтовня!....
Я вѣдь чаю хотѣлъ!
Ужъ давно откипѣлъ

Digitized by Google

Самоваръ.... Чтожъ, давай
Распивать! наливай
Поскорѣе! вотъ такъ!....
Ахъ, постой-ка, никакъ
Пролилъ? экой какой!
Что́ сегодня со мной?
Да и чай не хорошъ!
«Полно, братецъ, ты врешь!
Перестань-ка и пей!»
Говоритъ мнѣ Матвѣй:
«Коли хочешь, велю
Сухарей».... Нѣтъ, люблю
Я безъ хлѣба совсѣмъ!....
Пьемъ.... а ночь между-тѣмъ
Ближе, ближе... народъ
Вонъ изъ рощи идетъ.
Экипажи гремятъ,
Въ тѣсный сдвинуты рядъ;
Отъ колясокъ, каретъ,
Мѣста нѣтъ, ходу нѣтъ!
Пыль столбомъ! казаки
Принимаютъ въ толчки
И въ нагайки подъ-часъ
Кучеровъ; раздалась
Вся толпища, и вотъ
Выѣзжаютъ впередъ
Двѣ кареты; потомъ
Потянулись гуськомъ
И другія во слѣдъ....
Ужъ не видно каретъ!
Вотъ пролетки пошли,
Что́ стояли вдали,
По различнымъ концамъ
Узкихъ улицъ; а тамъ
Дрожки Ванекъ — и всѣ
Понеслись по шоссе,
Исчезая въ пыли...
А потомъ ужъ пошли
Пѣшеходы; иной
Наровилъ стороной
Обойти гдѣ-нибудь,
Сокращая свой путь....
Наконецъ, черезъ часъ,
Пыль совсѣмъ улеглась;

Digitized by Google

Темный лѣсъ призатихъ,
И отъ сосенъ густыхъ,
Стало вѣять смолой....
Мошекъ, бабочекъ рой
Надъ кустами взвился
И во всѣ голоса
Затрубилъ, зазвенѣлъ....
Темный лугъ побѣлѣлъ
Отъ упавшей росы,
Не теряя красы,
И подъ лунным лучомъ
Отливалъ серебромъ ...
Вотъ замолкли совсѣмъ
Голоса; глухъ и нѣмъ
Сирый лѣсъ; лишь порой,
Гдѣ-нибудь стороной,
Промелькнетъ сквозь кусты
Три-четыре четы —
Шу-шу-шу ! Шу-шу-шу !....
Я туда-же спѣшу....
Вонъ какая-то тѣнь
Отдѣлилась.... да лѣнь
Мнѣ преслѣдовать ! прочь
Я иду : вѣдь ужъ ночь,
Поздо ! чорта-ли тамъ
Мнѣ бродить по кустамъ !
Разомъ выколешь глазъ !....
Вонъ и мѣсяцъ погасъ,
И горятъ въ небесахъ
Только звѣзды лишь.... Ахъ !
Что́ за ночь ! что́ за ночь !
Прелесть ! право, точь-въ-точь
Итальянская !.. нѣтъ,
Мнѣ домой ужъ не слѣдъ
Возвращаться ! готовъ
Я межъ влажныхъ кустовъ,
На росистой травѣ,
Ночи эдакихъ двѣ
Просидѣть и не спать,
Сонный воздухъ глотать....
Я упиться хочу
Этимъ нектаромъ.. Чу !
Это что́ ? — Соловей,
Другъ весеннихъ ночей ,

Digitized by Google

Загремѣлъ, засвисталъ....
Вотъ опять пересталъ!....
Вотъ опять и опять
Началъ громко свистать,
Зазвенѣлъ, залился....
И внимаютъ лѣса
Чудной пѣснѣ его....
Вотъ опять ничего
Подъ навѣсомъ вѣтвей
Не слыхать! Все темнѣй,
Все темнѣе вокругъ;
Ужъ не свѣтится лугъ,
И давно ужъ на немъ
Въ переливъ серебромъ
Не играетъ роса...
Все темнѣй небеса;
Вотъ совсѣмъ облились
Мракомъ; вотъ обнялись,
Крѣпко-крѣпко съ землей,
Словно милый къ милой,
Прикурнувъ прилегли —
И пошли, и пошли
Межъ собой лепетать,
Цѣловаться, шептать,
И утихнули вдругъ....
Все заснуло вокругъ;
Дачи, лѣсъ и кусты,
И трава и цвѣты;
На душистомъ лугу....
Ужъ и я не могу
Не дремать; ужъ и я
Измѣняю, друзья,
И на отдыхъ спѣшу,
И лампаду гашу.

Н. Берегъ.

1848. Москва.

Digitized by Google

ПОСЛАНІЕ.

Вы скоро и легко меня очаровали;
Не посмотрѣли вы на то, что я поэтъ,
И самовластно всѣ мечты мои смѣшали
Въ одну мечту, въ одинъ любовный бредъ!
И много брежу я: съ утра до самой ночи
Я полонъ вами: вы даруете мнѣ сны;
Мнѣ дивный образъ вашъ сверкаетъ прямо въ очи
Въ серебряномъ мерцаніи луны,
Цвѣтущій младостью, прелестный, свѣтлоокій,
Съ улыбкой на устахъ и сладостномъ челѣ.
Какъ милъ онъ мнѣ тогда, какъ дѣйствуетъ глубоко
На сердце въ тихой, лунной полумглѣ!
Томленье нѣжное на сердце онъ наводитъ
И пробуждаетъ онъ полночную мечту,
И передъ нимъ она шалитъ и колобродитъ,
Такъ и летитъ на вашу красоту.
И чтожъ? Весь этотъ рой желаній сладострастныхъ,
И треволненіе, и жаръ души моей,
Вы сдѣлали одной улыбкой устъ прекрасныхъ
И мигомъ черныхъ, пламенныхъ очей!

Н. Языковъ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 3. Февраль. Кн. 1.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РУССКІЕ

ВЪ НАЧАЛѢ ОСМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЕДИНОДЕРЖАВІЯ ПЕТРА ПЕРВАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Лѣтомъ деревня рай! говорятъ всѣ любители сельскаго быта — и въ этомъ я съ ними совершенно согласенъ; разумѣется, если деревня, въ которой я провожу лѣто, окружена рощами, а не голой степью, и передъ моимъ веселымъ домикомъ разстилается не грязный, подернутый зеленью, прудъ, но изумрудный лугъ, усыпанный цвѣтами, между которыхъ вьется игривая и свѣтлая рѣчка. О, конечно! такой сельской пріютъ не грѣшно назвать земнымъ раемъ; только не приведи Господи жить въ этомъ раю зимою, а особливо человѣку не семейному. Если онъ не умретъ со скуки, то ужъ конечно, можно сказать утвердительно, что люди отъ скуки не умираютъ. Вотъ, напримѣръ, ночью подымется погода; вы просыпаетесь поутру, протираете глаза и думаете: «неужели еще ночь?» —

Digitized by Google

Нѣтъ! на дворѣ ужъ полдень — да вашъ домъ занесло мятелью и огромные сугробы снѣга лѣзутъ къ вамъ прямехонько въ окны. Если иногда проглянетъ солнышко и улыбнется по-лѣтнему — не спѣшите къ нему на встрѣчу, потому что на дворѣ ужъ вѣрно трескучій морозъ. Полюбуйтесь этимъ солнышкомъ сквозь двойныхъ стеколъ и оставайтесь по прежнему въ натопленныхъ комнатахъ, въ которыхъ мы всѣ, какъ тепличныя растенія, должны прозябать большую часть нашей жизни. Если, наконецъ, вамъ надоѣстъ это искусственное тепло и вы захотите подышать свѣжимъ воздухомъ, надѣвайте на себя шубу, шапку, теплые сапоги и ступайте гулять, то есть ходить взадъ и впередъ по утоптанной тропинкѣ, которая ведетъ отъ барскаго дома къ селу. Вѣроятно, эта прогулка не принесетъ вамъ большаго удовольствія — напротивъ, вамъ сдѣлается очень грустно. Посмотрите вокругъ себя: неужели эти голыя, огромныя мётлы были когда-нибудь роскошными, пушистыми деревьями, подъ тѣнью которыхъ вы съ такимъ наслажденіемъ отдыхали въ знойный полдень? Неужели это единообразное бѣлое поле, эти наносные бугры снѣга, эти непроходимые сугробы тотъ самый лугъ, на которомъ вы рвали цвѣты? А эта изгибистая дорожка, прорѣзанная глубокими колеями, та самая рѣчка, въ которой вы купались нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Согласитесь, что лучше сидѣть дома, въ теплой комнатѣ, чѣмъ мерзнуть и смотрѣть на эти мертвыя деревья, засыпанныя снѣгомъ поля и это безжизненное солнце, которое, вмѣсто тепла, обдаетъ васъ холодомъ. Но чтожъ вы будете дѣлать дома? Читать безпрестанно нельзя: и голова устанетъ и глаза заболятъ, а общества въ деревнѣ нѣтъ. Бываютъ иногда сосѣди, да и тутъ бѣда: на одного умнаго и пріятнаго собесѣдника заберется къ вамъ съ полдюжины такихъ пріятелей, для которыхъ въ городѣ ваши двери были бы заперты, а тутъ отворяйте ихъ настежъ. Деревенскій бытъ имѣетъ свои собственные условія и законы. Въ городѣ вы можете одного гостя принять, а другому сказать, что васъ нѣтъ дома — попытайтесь это сдѣлать въ деревнѣ.... Да

Digitized by Google

сохрани Господи! васъ закидаютъ каменьями.... Нѣтъ, круглый годъ жить въ деревнѣ можно только тамъ, гдѣ солнце грѣетъ и зимою, гдѣ я могу и въ декабрѣ мѣсяцѣ открыть окно, сорвать на лугу цвѣтокъ, покататься въ лодкѣ и отдохнуть подъ тѣнью густаго дерева, покрытаго зелеными листьями.

Вѣроятно, въ старину зимняя деревенская жизнь была еще скучнѣе. Наши предки не знали этихъ отрадныхъ минутъ, которыми дарятъ насъ умственныя занятія: словесность, музыка и всѣ изящныя художества; ни чѣмъ не сокращаемые, длинные зимніе вечера должны были имъ казаться безконечными. Вы можете судить по этому, какъ весело было жить Ольгѣ Дмитріевнѣ въ деревнѣ Максима Петровича Прокудина. Бѣдная дѣвушка тосковала какъ ручная птичка, которая побывала на волѣ, полетала подъ открытымъ небомъ, полюбовалась на свѣтъ Божій — и потомъ попала опять въ ту же самую тѣсную клѣтку, въ которой томилась почти со дня своего рожденія. Чтобъ не зачахнуть съ тоски, она старалась забыть о своемъ настоящемъ положеніи; изрѣдка, да и то съ какой-то безнадежной грустію, мечтала она о будущемъ; но за то безпрестанно думала о прошедшемъ, то есть о томъ счастливомъ времени, которое она провела въ Москвѣ, у своей тетки. Какъ часто сидя за рукодѣльемъ, она переносилась мыслію на эти веселыя асамблеи Гутфеля, у котораго въ первый разъ встрѣтился съ нею Василій Михайловичъ Симской. «Гдѣ онъ теперь? думала Ольга Дмитріевна. — Помнитъ-ли меня?.... Ахъ, нѣтъ! я чай давно ужъ забылъ!.... И зачѣмъ ему обо мнѣ помнить? Можетъ быть, мы ужъ вѣкъ не увидимъ другъ друга.... Да и мало-ли на бѣломъ свѣтѣ дѣвицъ милѣе и пригожѣе меня... И что это мнѣ казалось, что будто бы онъ... Да нѣтъ, если бы я пришла ему по-сердцу, такъ ужъ вѣрно бы онъ за меня посватался.... Правду говорила тетушка: эти гвардейскіе офицеры — что имъ! имъ бы только въ Москвѣ погулять, повеселиться да посмѣяться надъ бѣдными Московскими барышнями.... Такъ

Digitized by Google

зачѣмъ же я безпрестанно о немъ думаю? отчего онъ мерещится мнѣ и днемъ и ночью? Можетъ быть, онъ теперь ухаживаетъ за какой-нибудь красавицей ... смотритъ ей въ глаза.... любуется ею, а я ... О! слава Богу, что это моя завѣтная тайна!... Ну еслибъ кто узналъ объ этомъ?.... Избави Господи!.... Да мнѣ бы тогда стыдно было и на людей смотрѣть!.... Нѣтъ! не стану о немъ думать — забуду его!....» повторяла про себя Ольга Дмитріевна, потомъ начинала плакать, тосковать — и принималась снова думать о Симскомъ.

Въ лѣтнее время кругомъ Максима Петровича Прокудина жило много сосѣдей. Въ десяти верстахъ отъ него была отчина Лаврентія Никитича Рокотова, нѣсколько подалѣе помѣстье Герасима Николаевича Шетнева и въ весьма близкомъ разстояніи пять или шесть господскихъ усадьбъ, принадлежащихъ, по большой части, богатымъ помѣщикамъ; но зимою они всѣ уѣзжали въ Москву, за исключеніемъ только двухъ, которые жили безвыѣздно въ своихъ деревняхъ. Одинъ изъ нихъ, бывшій нѣкогда комнатнымъ стольникомъ Царя Алексѣя Михаиловича, Антонъ Кондратьевичь Чередѣевъ, дряхлый старикъ, разбитый параличемъ; другой, помѣщикъ тридцати душъ, Карпъ Савичь Пыжовъ, служившій при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ городскимъ дворяниномъ въ Серпуховѣ, лысый старикъ, весьма некрасивой наружности, не слишкомъ грамотный, но человѣкъ очень добрый и простодушный. Этотъ мелкопомѣстный дворянинъ, вмѣстѣ съ приходскимъ священникомъ села Воздвиженскаго, отцемъ Филиппомъ, составляли зимою единственное общество Максима Петровича. Къ нимъ можно было присоединить и дворецкаго, Прокофья Сидорыча Кулагу, который принималъ иногда участіе въ общихъ разговорахъ, игралъ въ шашки съ барином, толковалъ съ Карпомъ Савичемъ Пыжовымъ о старинѣ и осмѣливался даже, какъ человѣкъ начитанный, разсуждать съ отцемъ Филиппомъ о разныхъ духовныхъ предметахъ — въ особенности о древнихъ церковныхъ книгахъ, которымъ онъ, не смотря на свое православіе, отдавалъ явное преимущество передъ новыми. Ольга

Digitized by Google

Дмитріевна рѣдко находилась при этихъ бесѣдахъ. Она тотъ-часъ послѣ обѣда уходила въ свою комнату, сначала принималась за работу, а тамъ, покинувъ свое рукодѣлье, сидѣла иногда по нѣскольку часовъ сряду въ какомъ-то забытьи и думала — разумѣется о томъ, о чемъ столько разъ заканвалась думать. Такъ прошелъ весь Великій постъ. Вотъ, наконецъ, эта сѣдая чародѣйка, Русская зима, понатѣшилась вдоволь; повѣялъ весенній вѣтерокъ, зашумѣли снѣжные потоки, вода хлынула съ горъ и всѣ поля покрылись безчисленнымъ множествомъ быстрыхъ ручейковъ. Вотъ появился первый гость весны, голосистый жаворонокъ, и началъ перепархивать съ одной проталинки на другую. Прошло еще нѣсколько дней, насталъ великій праздникъ Божій, и весь Русскій міръ закипѣлъ жизнію и весельемъ. Казалось, что вмѣстѣ съ Христовымъ воскресеньемъ воскресло все — и люди и природа. Холмы опушились зеленью, озимыя поля, сбросивъ свой снѣжный покровъ, разостлались роскошными коврами. На всѣхъ лицахъ сіяла радость, все дышало любовью, и всѣ, встрѣчаясь другъ съ другомъ и восклицая: «Христосъ воскресе!» обнимались какъ родные братья.

Въ Свѣтлое воскресенье Максимъ Петровичь, по старинному Русскому обычаю, разговѣлся за однимъ столомъ со всѣми своими *домочадцами*, потомъ вышелъ съ Ольгой Дмитріевной на крыльцо, поклонился всему *міру*, который собрался на его барскій дворъ, и перехристосовался по-одиначкѣ со всѣми крестьянами, изъ которыхъ каждый принесъ своимъ господамъ по красному яичку. Къ обѣду Максимъ Петровичь поджидалъ своего сосѣда, Пыжова; но онъ не пріѣхалъ. На другой день праздника, когда Прокудинъ садился за столъ вдвоемъ съ своей племянницей, Карпъ Савичь вошелъ въ столовую.

— А! сосѣдушка любезный! — вскричалъ Максимъ Петровичь. — Христосъ воскресе! Милости просимъ откушать нашего хлѣба и соли!

Digitized by Google

Пыжовъ облобызался съ Прокудинымъ, съ Ольгой Дмитріевной, со всѣми служителями, которые на ту пору были въ комнатѣ, перекрестился и сѣлъ за столъ.

— Что это, другъ сердечный,—сказалъ Максимъ Петровичь, — за что такая немилость? Когда это бывало, чтобъ ты не обѣдалъ у меня въ Свѣтлое воскресенье?

— Чтожъ дѣлать, батюшка!—отвѣчалъ Пыжовъ, кушая съ прохладой и съ разстановкою, сытную похлебку изъ гусиныхъ потроховъ. — Я и самъ не чаялъ этого. Ужъ я оттоваривался, оттоваривался, да онъ присталъ ко мнѣ какъ съ ножемъ. Ты, дискать, мой прихожанинъ, зачѣмъ тебѣ ѣхать къ Максиму Петровичу? Разговѣйся у меня, а къ нему и завтра поѣдешь.

— Да о комъ ты говоришь?

— О Лаврентьѣ Никитичѣ Рокотовѣ.

— Какъ! да развѣ онъ здѣсь?

— Здѣсь, батюшка. Третьяго дня изволилъ пріѣхать въ свою отчину и завтра сбирается къ тебѣ.

— Милости просимъ.

— Ну, батюшка, дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать! потѣшилъ онъ меня старика.

— А что?

— Да вотъ что, Максимъ Петровичь: глаза-то у меня становятся больно плохи; ужъ чего, кажется, крупнѣе акафистовъ Кіевской печати — и тѣ съ грѣхомъ пополамъ читаю; что жъ онъ, мой кормилецъ, привезъ мнѣ изъ Москвы какіе-то стеклянные наглазники....

— Сирѣчь очки?

— Да, сударь, по иноземному окулары.... знаешь, этакъ на носъ надѣваются. Нѣмецкая выдумка, батюшка, а нѣчего сказать, хитро придумано.

— Чтожъ, тебѣ въ нихъ лучше?

— Какъ же, батюшка, свѣтъ увидѣлъ!

Digitized by Google

— Вотъ что̀! такъ стеклы-то пришли тебѣ по глазамъ?

— Да какъ бы тебѣ сказать.... не очень по глазамъ. Сначала все какъ будто бы застилало, да я фортель нашелъ.

— Какой фортель?

— А вотъ какой: какъ я начну читать, такъ книгу-то держу подальше, а наглазники спущу пониже, да черезъ нихъ и смотрю. Ну, этакъ хорошо!.... Чтожъ ты, батюшка Максимъ Петровичь, смѣешься? право такъ!

— Ахъ ты голова, голова! Да коли ты черезъ нихъ смотришь, такъ на что̀жъ они тебѣ?

— Ну вотъ, поди ты! Я и самъ въ толкъ не возьму: а лучше, право лучше!.... Видно ужъ такъ хитро устроено, и князь Андрей Юрьевичъ Шелешпанской тоже говоритъ: знать, дискать, тутъ есть пружина какая-нибудь.

— Князь Шелешпанской! Такъ и онъ здѣсь?

— Какъ же, батюшка! пріѣхалъ погостить къ Лаврентію Никитичу. У него здѣсь не далеко и своя отчина есть. Фу, батюшки, богатъ!.... Куда ни поѣзжай кругомъ Москвы, все его отчины! И самъ-то онъ какой молодчина!... Вотъ бы тебѣ, государыня Ольга Дмитріевна, женишокъ! то-то была бы парочка!

— Что вы это, Карпъ Савичь? — перервала Заполь-ская. — Охота вамъ говорить!

— А чтожъ, матушка? Ты у насъ дѣвица на возрастѣ, невѣста.

— Да полноте, какъ это вамъ не стыдно!

— Да чтожъ тутъ стыдно̀ва, Ольга Дмитріевна? Дѣло житейское. Не вѣкъ же тебѣ сидѣть въ дѣвкахъ.

— А вамъ-то что̀ до этого? — сказала съ улыбкою Ольга Дмитріевна, стараясь обратить этотъ разговоръ въ шутку.

— Какъ что̀, матушка? — подхватилъ Карпъ Савичь. — Да вѣдь ты наше красное солнышко; мы всѣ Бога молимъ,

Digitized by Google

чтобъ Онъ послалъ тебѣ суженаго роду знатнаго, богатаго, молодца собою, и чтобъ онъ человѣкъ-то былъ добрый. Ну кто говоритъ, и ты у насъ, Ольга Дмитріевна, невѣста первостатейная, и красотой и умомъ и богатствомъ — всѣмъ надѣлилъ тебя Господь. Да и князь-то Шелешпанской не другимъ чета. Такіе женишки, каковъ онъ, и въ старину за углами не валялись, а теперь, не прогнѣвайся матушка, въ сапожкахъ ходятъ! Человѣкъ смирный, молодецъ собою, и легко вымолвить — четыре тысячи душъ! А въ кладовыхъ-то, говорятъ, отцовское серебро такъ ворохами и навалено: одних серебряныхъ братинъ десятка два наберется, а разнымъ кубкамъ, ковшамъ и позолоченымъ чаркамъ счету нѣтъ!.... Такъ какъ же, матушка, не пожелать тебѣ счастья, а намъ старикамъ радости; то-то бы попировали на твоей свадебкѣ!.... Ну, вотъ ужъ ты и нахмуриться изволила!.... А за что, матушка?.... Вѣдь это я любя говорю....

— Я очень вамъ благодарна, только сдѣлайте милость....

— Ну, хорошо; сударыня, хорошо! Мы теперь объ этомъ говорить не станемъ; эта рѣчь впереди.... Да я же, видитъ Богъ, ни съ чего другаго объ этомъ заговорилъ, а такъ, матушка, къ слову пришлось.... И то правда, — примолвилъ вполголоса Пыжовъ, обращаясь къ хозяину, — дѣло дѣвичье!.... Ушки-то у нихъ золотомъ завѣшены, и слышутъ да не слышутъ, и любо да не скажутъ!

Послѣ обѣда Карпъ Савичь пошелъ отдохнуть. Ольга Дмитріевна хотѣла также уйдти къ себѣ въ комнату, но дядя приказалъ ей остаться, посадилъ подлѣ себя, приласкалъ; потомъ, помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ:

— Послушай, Олинька, вѣдь Карпъ Савичь-то дѣло говорилъ, и еслибъ князь Андрей Юрьевичъ Шелешпанской за тебя посватался....

— Ахъ, что вы, дядюшка! — вскричала Запольская.

— А что, мой другъ?.... и я также тебѣ скажу: ты ужъ, матушка, невѣста: не вѣкъ же тебѣ въ дѣвкахъ сидѣть.

— Нѣтъ, дядюшка, я не хочу съ вами разставаться.

Digitized by Google

— И я этого не хочу, мой другъ. Да въ томъ-то и дѣло: еслибъ ты вышла замужъ за князя Андрея Юрьевича, такъ мы бы никогда съ тобой не разстались; онъ переѣхалъ бы на житье въ здѣшнюю свою отчину, вы сталибъ ѣздить ко мнѣ, я къ вамъ....

— Да отъ чего вы думаете, дядюшка, что этотъ князь....

— За тебя посватается? А почему знать?.... Конечно, онъ женихъ не дюжинный, да вѣдь Карпъ-то Савичь и про тебя правду сказалъ: такихъ невѣстъ, какъ ты, въ Москвѣ не много наберется.... Ну что, мой другъ, коли онъ въ самомъ дѣлѣ за тебя посватается....

— Избави Господи!

— Что ты, что ты, Ольга Дмитріевна? Да ужъ это, не прогнѣвайся, глупо! Ты его въ лице не знаешь, тебѣ говорятъ, что онъ молодецъ, ты слышишь о немъ рѣчи все хорошія, и ничего не видя руками и ногами!.... Какъ-будто бы тебя за какого-нибудь стараго чорта выдаютъ замужъ!

— Ахъ, дядюшка! Бога ради, не выдавайте меня замужъ! И зачѣмъ вамъ торопиться?.... я еще такъ молода....

— Да я-то старъ, мой другъ, и мнѣ бы очень хотѣлось пристроить тебя, пока еще живъ. На сестру у меня плохая надежда. Конечно, она баба добрая, да — не при тебѣ будь сказано—вовсе свихнулась: изъ Русской барыни сдѣлалась Нѣмкою, да и тебя было совсѣмъ онѣмечила. Какъ подумаю: что бы сказала покойница твоя мать, еслибъ ты при ней поѣхала на пирушку къ этому еретику, Гутфелю— и зачѣмъ?.... чтобъ поплясать тамъ съ какимъ-нибудь колбасникомъ, или сорванцемъ, гвардейскимъ офицерикомъ, для котораго что ты, благородная и честная дѣвица, что какая-нибудь разбитная Нѣмка, все едино. Ну, да что объ этомъ говорить!.,. Кажись, Богъ милостивъ — я успѣлъ еще въ пору выручить тебя изъ этого омута.... Не по грѣхамъ наказалъ меня Господь: ты все еще моя разумница, моя послушная и добрая племянница — милое дитя мое!.... Не правда-ли, мой другъ, ты все еще любишь меня, какъ отца роднаго?

Digitized by Google

— О, конечно, какъ отца роднаго! — вскричала Ольга Дмитріевна, обнимая своего дядю. — И вамъ не грѣшно меня объ этомъ спрашивать?

— Эхъ, Олинька! ты вѣдь человѣкъ молодой, а тамъ, я думаю, чего тебѣ въ уши-то не напѣвали? Да вотъ примѣромъ сказать, кабы ты не жила у своей тетки, такъ вѣрно бы не стала говорить, что не хочешь замужъ идти, а по Русскому благочестивому обычаю отвѣчала бы мнѣ: воля ваша, дядюшка!.... Хочешь-ли, я тебѣ скажу, что ты теперь думаешь? — Да зачѣмъ мнѣ идти замужъ? мнѣ и въ дѣвкахъ не скучно. Вотъ поѣду опять къ тетушкѣ — начну веселиться, ѣздить по пирушкамъ.... Да нѣтъ, Ольга Дмитріевна! ты напрасно это думаешь: не отпущу я тебя на житье къ теткѣ; не выдать тебя Московскимъ коршунамъ, моя чистая, бѣлая голубушка!.... Эхъ, что я говорю!.... Вотъ годика черезъ три, какъ ты войдешь въ совершенныя лѣта, будешь полной госпожею, такъ, можетъ быть, сама покинешь своего дряхлаго дядю. Пусть, дескать, этотъ старый ворчунъ умираетъ здѣсь на чужихъ рукахъ, а я поѣду въ Москву плясать да веселиться у Нѣмца Гутфеля!

Ольга Дмитріевна заплакала.

— Ну вотъ ужъ и въ слезы!—проговорилъ Максимъ Петровичъ встревоженнымъ голосомъ.—Охъ эти мнѣ слезы! и откуда онѣ у тебя берутся?.... Да полно же, мой другъ!— продолжалъ онъ, лаская свою племянницу. — Не плачь, жизнь моя!.... И о чемъ тутъ плакать?.... Вѣдь это такъ— простой разговоръ!

— И вы могли сказать, дядюшка, — молвила сквозь слезъ Ольга Дмитріевна,—что я покину васъ на старости!....

— Ну, виноватъ, моя радость, виноватъ! Прости меня Бога ради!.... И какъ это непригожее слово сорвалось у меня съ языка!.... Вотъ то-то и есть, другъ сердечный: коли человѣкъ одинокой доживетъ до старости, такъ ему подъ-часъ и Богъ вѣсть что придетъ въ голову!.... Ну, ступай, моя душа, къ себѣ; мнѣ пора ужъ отдохнуть, и

Digitized by Google

ты также прилягъ, успокойся.... Да полно же—перестань!.... Эхъ, худо дѣло! — прошепталъ Максимъ Петровичь, покачивая головою и глядя въ слѣдъ за уходящей племянницей.—Ужъ не опоздалъ-ли я тебя увезти изъ Москвы?.... Кто говоритъ: здѣсь житье скучнѣе Московскаго, да отъ скуки этакъ не плачутъ.... Охъ мнѣ этотъ гвардейскій фенрикъ!.... Хорошо еще, что племянница не знаетъ, что онъ за нее сватался.

ГЛАВА II.

На другой день, то есть во вторникъ на Святой недѣлѣ, дворецкій и прикащикъ Максима Петровича, Прокофій Сидорычь Кулага, выѣхалъ на телѣжкѣ осмотрѣть барскія поля, которыя тянулись версты на три по обѣимъ сторонамъ большой Серпуховской дороги.

— Эка благодать Божья! — шепталъ онъ про себя, посматривая съ радостію на яркую и густую зелень озимыхъ полей. — Что, братъ Ферапонтъ, молвилъ онъ, обращаясь къ сѣдому старику, который правилъ лошадью, — каковы всходы?

— Да, батюшка Прокофій Сидорычь, — отвѣчалъ старикъ, — изъ годовъ!.... Давно я живу на свѣтѣ, а такихъ озимей не видывалъ?... Нечего сказать: коли Господь не нашлетъ какой невзгоды, такъ будемъ съ хлѣбцемъ.

— Ферапонтъ! — перервалъ Кулага, — посмотри, что это впереди-то.... на большой дорогѣ.... вонъ тамъ изъ-за горки.... кажись, кто-то скачетъ.

— Да, Прокофій Сидорычь, два вершника.... А вонъ за ними катитъ кто-то на тройкѣ вороныхъ.

— Въ телѣгѣ?

— Нѣтъ батюшка: кажись, въ одноколкѣ.

— Э! да это никакъ Лаврентій Никитичь Рокотовъ!

Digitized by Google

— Онъ и есть, Прокофій Сидорычъ. Вонъ передній-то вершникъ, на соврасомъ конѣ, куманёкъ мой, Ѳомка Дерюгинъ.

Когда одноколка поровнялась съ Прокофьемъ Кулагою, онъ спрыгнулъ съ телѣги и снялъ шапку.

— Постой! — закричалъ Рокотовъ. — Здорово, Кулага! Христосъ воскресе!

— Воистинну воскресе, государь Лаврентій Никитичъ! — отвѣчалъ Прокофій съ низкимъ поклономъ.

— Что, баринъ твой здоровъ?

— Слава Богу, сударь.

— Гостей у него нѣтъ?

— Никого нѣтъ, батюшка.

— Хорошо. Пошелъ!

Минутъ черезъ пять Максимъ Петровичъ встрѣтилъ своего гостя на крыльцѣ. Послѣ обыкновенныхъ дружескихъ привѣтствій и лобызаній, Лаврентій Никитичъ сказалъ Прокудину:

— Ну вотъ, другъ сердечный, мы, кажись, не запоздали. Готовъ-ли ты, а мы, пожалуй, хоть наканунѣ Ѳомина понедѣльника нагрянемъ къ тебѣ совсѣмъ по́ѣздомъ.

— Помилуй! — перервалъ съ примѣтнымъ смущеніемъ Прокудинъ, — что это тебѣ такъ загорѣлось, любезный? До другаго-то поста еще далеко.

— Эхъ, Максимъ Петровичъ? или ты не знаешь Русской пословицы: «куй желѣзо пока горячо?» Чего тутъ мѣшкать? Дальше въ лѣсъ больше дровъ. Мы съ тобой по рукамъ ударили, женихъ на лицо....

— Такъ чтожъ? пусть онъ погоститъ у тебя недѣлекъ пять или шесть.

— Что ты, другъ сердечный, легко вымолвить: шесть недѣль! Да ты этакъ моего парня вовсе замаешь: онъ такъ и бредитъ твоей Ольгой Дмитріевной. Хочешь вѣрь, хо-

Digitized by Google

чешь нѣтъ, а видитъ Богъ, — исхудалъ! Бывало, живетъ безвыѣздно въ своей Коломенской отчинѣ, а теперь ему на мѣстѣ не посидится: поживетъ въ одномъ селѣ недѣльки двѣ, а тамъ переѣдетъ въ другое, изъ другаго въ третье, словно его кто-нибудь гоняетъ. Тоска, дискать, одолѣла, хлѣба лишился!

— Да отъ чего жъ, любезный? Вѣдь онъ моей племянницы и въ глаза не видывалъ.

— Ну вотъ поди ты!.... Видно ужъ я не путемъ ее расхвалилъ. Нѣтъ, Максимъ Петровичь, откладывать нѣчего. Ужъ коли ты со мной порѣшился, такъ чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— А Богъ вѣсть, любезный! какъ поспѣшишь, да людей насмѣшишь.

— Какъ такъ?

— Да такъ! Я вчера пытался сторонкою намекнуть объ этомъ племянницѣ....

— Ну чтожъ она?

— И руками и ногами!

— Чай, прежде хочетъ посмотрѣть своего жениха?

— Нѣтъ, объ этомъ и рѣчи не было.

— Такъ изъ чего жъ она упрямится?

— Изъ чего! Вотъ въ томъ-то и дѣло, другъ сердечный. Ты говоришь, что князь Андрей съ тоски умираетъ по моей племянницѣ, и она все тоскуетъ да плачетъ, только, кажись, не о немъ.

— Что ты говоришь?

— Да, любезный. Помнишь, ты мнѣ разсказывалъ объ этомъ гвардейскомъ фенрикѣ, сирѣчь прапорщикѣ, который познакомился съ нею у Нѣмца Гутфеля?

— Какъ же! Василій Михайлычь Симской, племянникъ Даниды Никифоровича. Оба хороши — и племянникъ и дядюшка! Ты знаешь, что этотъ старый чортъ оскоблилъ себѣ бороду?

Digitized by Google

— Знаю, знаю!.... Да это что̀! У всякаго свой царь въ головѣ. Захотѣлъ осрамить себя на старости — его воля! А вотъ что̀ худо, Лаврентій Никитичь: мнѣ сдается, что этотъ Симской не въ добрый часъ свелъ знакомство съ племянницею.

— А что̀?

— Вѣстимо что̀. Симской молодецъ собою, красавецъ....

— Да неужели ты думаешь, Максимъ Петровичь, что племянница твоя до того забыла весь дѣвичій стыдъ....

— Что не спросясь меня полюбила этого Симскаго?.... Эхъ, Лаврентій Никитичь! и не хотѣлось бы этого думать, да думается.

— И, полно, другъ сердечный! Можетъ-ли статься, чтобъ воспитанная въ благочестивомъ домѣ, благородная и разумная дѣвица полюбила заѣзжаго дѣтину, который сегодня здѣсь, а завтра Богъ вѣсть гдѣ!.... Да и онъ, чай, вовсе о ней не думаетъ. Вѣдь эта Петербургская молодежъ на нашихъ Московскихъ барышенъ и смотрѣть не хочетъ. Вотъ кабы онъ посватался за твою племянницу....

— Да то-то и бѣда, любезный, что онъ сватался.

— Неужли?

— Да, Лаврентій Никитичь! Дядюшка его, Даніла Никифоровичь, самъ изволилъ сватомъ пріѣзжать.

— Ну чтожъ, ты его порядкомъ отбоярилъ?

— Да. Я сказалъ на отрѣзъ, что этому не бывать.

— А Ольга Дмитріевна знаетъ, что Симской за нее сватался?

— Какъ это можно! Ее на ту пору и дома не было.

— Да Аграфена-то Петровна не сказала-ли объ этомъ племянницѣ?

— Сохрани Господи!.... Хоть она и очень поглупѣла, а все еще на столько-то у ней въ головѣ толку есть, чтобъ понапрасну дѣвку не тревожить.

Digitized by Google

— Полно такъ-ли?

— Ужъ я тебѣ говорю. Сестра мнѣ сама сказала, что она объ этомъ Олинькѣ никогда не заикнется. Ужъ если, дискать, ей, бѣдной, не суждено быть за Симскимъ, такъ лучше вовсе не знать, что онъ хотѣлъ на ней жениться.

— Ну коли ты правду говоришь, такъ это еще дѣло поправное.

— И я тоже думаю, только надобно за него умненько взяться. Круто повернешь — хуже будетъ, любезный! Теперь, можетъ статься, она частехонько думаетъ объ этомъ Симскомъ, а какъ пройдетъ мѣсяцъ, другой, такъ дурь-то по немногу изъ головы выйдетъ.

— Эко дѣло, подумаешь! — перервалъ Рокотовъ. — Вотъ онѣ—эти проклятыя асамблеи! Бывало наша сестра, благородная дѣвица, сидитъ у себя въ теремѣ, болтаетъ съ подружками о томъ, о сёмъ, погадаетъ на святкахъ о суженомъ, да, можетъ статься, иногда, выходя изъ церкви, взглянетъ украдкою на какого-нибудь молодаго парня — вотъ и все!.... А теперь, на этихъ бѣсовскихъ сходбищахъ, обступятъ ее, мою голубушку, удалые молодцы, начнутъ подхваливать, да всякія другія неподобныя рѣчи говорить— такъ диво-ли, что у нее голова-то кругомъ пойдетъ. Да вотъ хоть твоя племянница — почему ты знаешь?.... можетъ быть, этотъ подлипало, Симской, давно ужъ ей сказалъ, что хочетъ на ней жениться?

— Ну, этого я не думаю, любезный: племянница не стала бы такихъ рѣчей и слушать; да и онъ, какой бы ни былъ сорви-голова, а не посмѣлъ бы такъ обидѣть благородную дѣвицу.

— А кто его знаетъ! Вѣдь нынѣшніе-то молодые ребята не то, что мы были съ тобою въ старину; отъ этихъ пострѣловъ всего жди. Да вотъ постой, любезный! Вѣдь Ольга Дмитріевна съ нами будетъ кушать?

— Вѣстимо дѣло: она у меня хозяйка въ дому. Да ты не хочешь-ли ужъ самъ объ этомъ поговорить?.... Из-

Digitized by Google

бави Господи! ты все дѣло испортишь?.... Она сгоритъ со стыда....

— Да ужъ не бойся, Максимъ Петровичь, я маху не дамъ.... У меня есть кой-что въ головѣ.... и коли правда, что она ничего не знаетъ, такъ погоди, любезный, будетъ какъ шелковая!

— Да ты скажи мнѣ....

— Теперь ничего не скажу; а вели-ка, братъ, подать водки, да чего-нибудь закусить: я что-то очень проголодался.

Передъ самымъ обѣдомъ Ольга Дмитріевна, желая угодить своему дядѣ, который очень любилъ всѣ старинные обычаи, вошла въ гостиную и взяла изъ рукъ слуги, который шелъ позади ея, небольшой серебряный подносъ съ двумя позолоченными чарками.

— Милости просимъ, Лаврентій Никитичь! — сказалъ Прокудинъ. — Подавай, племянница!

— Ахъ ты моя красавица! — молвилъ Рокотовъ, принимаясь за чарку. — Ну стою-ли я этой милости?.... Да это и дѣло-то не дѣвичье!

— Знаю, другъ сердечный! — перервалъ Максимъ Петровичь. — Вотъ кабы моя покойница была жива, такъ она бы поднесла тебѣ чарочку, а теперь не осуди, любезный: другой хозяйки у меня въ дому нѣтъ.

Ольга Дмитріевна поднесла другую чарку Максиму Петровичу, похристосовалась съ Лаврентіемъ Никитичемъ и, пригласивъ къ столу хозяина и гостя, пошла — не прогнѣвайтесь любезныя читательницы — не впереди ихъ, а въ *слѣдъ* за ними въ столовую комнату. Къ концу обѣда Рокотовъ началъ говорить о Московскихъ новостяхъ.

— Дошелъ-ли до тебя слухъ, Максимъ Петровичь, — сказалъ онъ, — что Государя Петра Алексѣевича, когда онъ изволилъ быть въ Польскомъ городѣ Луцкѣ, сильно схватилъ какой-то недугъ?

Digitized by Google

— Помилуй Господи! А теперь-то что?

— Говорятъ, совсѣмъ оправился; а такъ было прихватило, что не чаяли ему, нашему батюшкѣ, и въ живыхъ остаться.

— Скажи пожалуйста! вотъ была бы напасть-то! И дома умирать не легко, а умирать въ дорогѣ....

— А разъѣзжать-то онъ больно охочь, нашъ батюшка: сегодня въ Архангельскѣ, а тамъ, глядишь, черезъ недѣлю въ Воронежѣ.... Въ старину этого не бывало: наши православные Цари всегда живали дома.

— Такъ, Лаврентій Никитичь, да за то, чай, иногда за глазами-то и Богъ вѣсть что дѣлалось. Вѣдь Русскій Царь въ своемъ государствѣ, что хозяинъ въ дому; а коли хозяинъ самъ за всѣмъ не присмотритъ, такъ пѣняй на себя. Нѣтъ! этимъ нашъ батюшка Цетръ Алексѣевичь хорошъ: все хочетъ видѣть своими глазами, все знать до-подлинно; и самъ не лѣнится и другихъ понукаетъ. Нѣчего сказать— хозяинъ!.... Эхъ! еслибъ онъ, нашъ кормилецъ, поменьше любилъ этихъ проклятыхъ Нѣмцевъ!....

— Еслибъ!.... Вотъ то-то и есть, любезный: кабы не тучи на небѣ, такъ мы бы солнышко видѣли.... Ну, да что объ этомъ!.... Поговорилъ бы я съ тобою.... примолвилъ шепотомъ Лаврентій Никитичь, поглядывая на слугъ, которые суетились вокругъ стола, — поспорилъ бы.... да ушей-то здѣсь больно много.... А знаешь-ли ты, другъ сердечный, — продолжалъ Рокотовъ, — какая была у насъ въ Москвѣ богопротивная содомщина?.... Какъ ты думаешь: на первой недѣлѣ Великаго поста, у этого собачьяго сына, Гутфеля, была асамблея съ музыкою и со всякими бѣсовскими потѣхами! Знаешь, Нѣмецкую масляницу справлялъ.

— Да ужъ вѣрно у него никого изъ Русскихъ не было?

— Вотъ то-то и дѣло! Говорятъ, что были.

— Не можетъ статься....

Digitized by Google

— И я плохо этому вѣрю, а мнѣ называли.... ну-ка, отгадай кого?.... Андрея Семеновича Юрлова съ женою и съ дочерью!

— Ахъ онъ старый хрычь!.... Да что, онъ перешелъ что-ль въ Нѣмецкую вѣру?

— Вотъ изволишь видѣть: старикъ простоватъ, а мать баловница; видно хотѣла свою дочку развеселить. Говорятъ, она больно тоскуетъ по своемъ женихѣ.

— А развѣ дочка-то ихъ помолвлена?

— Такъ ты объ этомъ и не слыхалъ? Давно ужъ помолвлена. Ну нѣчего сказать, убили бобра!

— А что?

— Правду говорятъ, любезный, что глупость-то подъчасъ хуже воровства! Помолвили они свою дочь за гвардейскаго офицерика. Дѣтина, говорятъ, видный собою, а такой вѣтрогонъ, что не приведи Господи! На другой день помолвки онъ поскакалъ догонять свой полкъ, который теперь въ походѣ. Ну чтобъ имъ, кажется, не сказать: ты, дискать, батюшка, сходи прежде подъ Турка, а тамъ какъ вернешься живъ и здоровъ, такъ мы объ этомъ и поговоримъ съ тобою. А то, разсуди самъ, Максимъ Петровичъ, воротится онъ объ одной рукѣ или на деревяшкѣ — тогда-то что?.... Попятиться и взять свое слово назадъ дѣло не честное, да и дочку-то выдать за калѣку большой радости нѣтъ; анъ и выходитъ: сглуповали такъ, что и сказать нельзя. И чему обрадовались? Достатка большаго нѣтъ и, говорятъ, мальчишка пребезпутный. Онъ съ первозимья былъ также въ Москвѣ, и тогда еще втихомолку сватался за Юрловой, а въ то же время, говорятъ, у Алексѣя Тихоновича Стрешнева старшую дочь съума свелъ — разбойникъ! Да ты долженъ его знать, Максимъ Петровичъ: онъ родной племянникъ пріятелю твоему, Даніилѣ Никифоровичу.

— Родной племянникъ?

— Ну, да!.... Какъ бишь его.... дай Богъ память.... Да!.... Василій Михайловичъ Симской.

Digitized by Google

Ольга Дмитріевна поблѣднѣла.

— Олинька! что ты, мой другъ? — вскричалъ Прокудинъ, вскочивъ со стула и подходя къ племянницѣ.

— Такъ, дядюшка, — отвѣчала дрожащимъ голосомъ Ольга Дмитріевна. — Голова очень болитъ.

— На-ка, мой другъ, выкушай водицы... Ахъ, Господи! на тебѣ лица вовсе нѣтъ!

— Ничего.... пройдетъ....

— Пройдетъ, — повторилъ Рокотовъ, вставая.

— Ступай, мой другъ, къ себѣ, — сказалъ Прокудинъ: — прилягъ да сосни, если можешь....

— Да, дядюшка.... позвольте мнѣ....

— Ступай, мой другъ, ступай!....

Ольга Дмитріевна вышла вонъ изъ комнаты.

— Ахъ, Господи! — прошепталъ Максимъ Петровичъ, — какъ ее вдругъ перевернуло!.... Эхъ, любезный!....

— А что? — спросилъ Рокотовъ.

— Какъ можно этакъ.... вдругъ.... не говоря добраго слова....

— Нѣтъ доброе-то слово я сказалъ; посмотри, что будетъ!.... Да пойдемъ отсюда.

— Андрюшка! — молвилъ Максимъ Петровичъ! — ступай, провѣдай барышню — что она?

— Да что ты тревожишься? — продолжалъ Лаврентій Никитичъ, когда они вошли въ гостиную. — Эка важность!.... Ну, поплачетъ денёкъ, много другой—вотъ и всё.

— Бѣдненькая!.... Эхъ, сестра! сгубила ты мою Ольгу Дмитріевну!

— И, полно, братецъ!.... Велика бѣда, что молодой дѣвкѣ приглянулся пригожій дѣтина. Небойсь, любезный, теперь какъ она знаетъ, что онъ помолвленъ на другой, такъ въ головкѣ-то у нея бродить перестанетъ.

Digitized by Google

— Да что, этотъ Симской въ самомъ дѣлѣ женится на Юрловой?

— А почему знать, можетъ быть, я ему и напророчилъ.

— Такъ ты солгалъ, любезный?

— Солгалъ, Максимъ Петровичь.

— Эхъ, Лаврентій Никитичь, не хорошо!

— А почемужъ не хорошо? Да развѣ ты не знаешь, что ложь бываетъ иногда во спасеніе?

— Нѣтъ, я этого не знаю.

— Вольно-жъ тебѣ не знать. Мнѣ сказывали, что это въ какой-то духовной книгѣ напечатано.

— Вѣрно въ той же, въ которой говорится: отруби по локоть ту руку, которая добра себѣ не желаетъ?

— Можетъ статься.

— Нѣтъ, любезный! такихъ духовныхъ книгъ не бывало и не будетъ. Не то заповѣдалъ намъ Господь: Онъ говоритъ, что всякая ложь есть отъ дьявола....

— Ахъ ты святоша этакой! Ну что за грѣхъ солгать ради пользы? Вѣдь ты не хочешь выдать свою племянницу за этого Симскаго?

— Не хочу.

— Такъ не лучше-ли, чтобъ она вовсе о немъ не думала?.... Что покачиваешь головою?... Ну, добро, добро! коли по твоему это грѣхъ, такъ я беру его на свою душу.

— И что толку-то будетъ изъ этого?

— А вотъ погоди: дай ей денька два наплакаться досыта, а тамъ заговори съ нею опять о князѣ Андреѣ Юрьевичѣ, такъ увидишь, что она тебѣ отвѣтитъ.

— Ну что, Андрюшка,—спросилъ Прокудинъ у слуги, который вошелъ въ гостиную, — что Ольга Дмитріевна?

— Все слава Богу, батюшка. Нянюшка Ѳедосья говоритъ, что барышня ни на какую болѣзнь не жалуется, а только прилегла на постелю и втихомолку изволитъ плакать.

Digitized by Google

— Ступай!.... Ну, слышишь, Лаврентій Никитичъ: она плачетъ?

— Еще бы! и нашему брату въ такомъ дѣлѣ струстнется, а вѣдь она дѣвица. Да пусть себѣ поплачетъ — ничего! пройдетъ!

— Пройдетъ!.... Вѣстимо дѣло, все пройдетъ, да каково-то ей теперь?

— И, любезный! стерпится, слюбится.

— Хорошо кабы такъ. Да точно-ли ты увѣренъ, что князь Андрей Юрьевичъ будетъ добрымъ мужемъ?

— Я, Максимъ Петровичъ, боюсь только одного, что онъ вовсе избалуетъ свою жену. Такіе добрые люди, какъ онъ, въ диковинку.

— Это-то хорошо. По мнѣ доброта лучше разума, а все бы не мѣшало, еслибъ онъ былъ....

— Такъ же уменъ, какъ твоя Ольга Дмитріевна?

— Ну хоть и не такъ же....

— Да что ты такъ за умомъ-то гонишься?.... Вѣдь съ умнымъ мужемъ жена не барыня. То-ли дѣло, когда онъ по ея дудочкѣ пляшетъ.

— Не хорошо и это, Лаврентій Никитичъ.

— Вѣстимо не хорошо, коли жена не умнѣе мужа; а вѣдь у твоей Ольги Дмитріевны ума-то на двоихъ мужей достанетъ. Увидишь, другъ сердечный, заживутъ такъ, что любо!.... Князь Андрей будетъ во всемъ ее слушаться, да и она также иногда его послушается. Я ужъ тебѣ говорилъ, что онъ не простофиля же какой-нибудь; онъ смотритъ только простячкомъ, а гдѣ надобно, тамъ вовсе не глупъ. Ну да что объ этомъ говорить! Коли дѣло совсѣмъ сладится, такъ скажешь спасибо, и Ольга-то Дмитріевна не разъ мнѣ поклонится; а теперь не худо бы отдохнуть, любезный, а тамъ и въ путь.

— Какъ! развѣ ты у меня не ночуешь?

Digitized by Google

— Нельзя. Чай теперь князь Андрей ждетъ меня не дождется. Я ему скажу, Максимъ Петровичь, что на Ѳоминой недѣлѣ свадьба будетъ.

— И, что ты, Лаврентій Никитичь, помилуй!

— Хорошо, хорошо! пріѣзжай ко мнѣ этакъ денька черезъ три, такъ, можетъ статься, мы съ тобой поладимъ.

Лаврентій Никитичь, отдохнувъ часа полтора, распрощался съ Прокудинымъ и отправился обратно въ свою деревню.

На другой день поутру Ольга Дмитріевна пришла въ комнату къ своему дядѣ. Она была такъ блѣдна, такъ исхудала въ одни сутки, что Максимъ Петровичь перепугался.

— Олинька, другъ мой!—вскричалъ онъ:— что съ тобой?.... Да ты никакъ въ самомъ дѣлѣ больна?

— Нѣтъ, дядюшка, отвѣчала Ольга Дмитріевна: — теперь, слава Богу, мнѣ гораздо лучше.

— Лучше? Да отъ чего же ты такъ блѣдна?

— Я всю ночь не могла заснуть.

— И, вѣрно, плакала?.... Посмотри-ка, глаза-то у тебя....

— Теперь ужъ я не плачу, дядюшка. Всю ночь у меня болѣла голова и сердце что-то очень тосковало. Вотъ въ самыя заутрени я встала съ постели, начала молиться предъ иконою Божіей Матери; мнѣ какъ-будто бы сдѣлалось полегче, а тамъ все лучше да лучше, тоска прошла, и теперь я почти совсѣмъ здорова.

— Дай-то Господи!.... А все что-то смотришь невесело. Вотъ то-то и есть: тебѣ скучно, ты вовсе отвыкла отъ нашего деревенскаго житья.

— Привыкну опять, дядюшка.

— Нѣтъ, Ольга Дмитріевна, не привыкнешь. Вотъ еслибъ ты была замужемъ дѣло другое: съ добрымъ мужемъ вездѣ весело.

— Да мнѣ и съ вами не скучно.

Digitized by Google

— Такъ-то говоришь, мой другъ, а въ самомъ-то дѣлѣ у тебя, чай, все Москва на умѣ.

— О, нѣтъ, дядюшка! Богъ съ нею совсѣмъ!

— Добро, добро!.... А знаешь-ли что, Оминька? Вѣдь я тебѣ напророчилъ: князь Андрей Юрьевичь Шелешпанской за тебя сватается....

Максимъ Петровичь остановился и посмотрѣлъ съ удивленіемъ на свою племянницу. Да и было чему подивиться. За тебя сватаются:—кажется, отъ этихъ словъ у каждой дѣвушки должно сердце замереть отъ радости или отъ ужаса, смотря по тому, кто сватается, а Ольга Дмитріевна преспокойно ихъ выслушала, не обрадовалась, не испугалась, не перемѣнилась въ лицѣ; ну точно какъ-будто бы рѣчь шла о какой-нибудь вовсе незнакомой ей дѣвицѣ.

— Да, мой другъ, — повторилъ Максимъ Петровичь, помолчавъ нѣсколько времени, — князь Шелешпанской за тебя сватается.

— Слышу, дядюшка.

— Ну чтожъ прикажешь ему сказать?

— Что вамъ угодно.

— Такъ ты пойдешь за него замужъ?

— Воля ваша.

— А коли моя, такъ послушай, мой другъ: князь Андрей Юрьевичь женихъ не дюжинный; онъ роду знатнаго, человѣкъ молодой, одинокой, собою молодецъ; я слышу отъ всѣхъ, что онъ очень добръ, а ужъ какъ богатъ....

— И, дядюшка! мнѣ все равно....

— Все равно? Даже и то, мой другъ, если твой мужъ увезетъ тебя за тридевять земель, или будетъ жить почти вмѣстѣ со мною?

— О, нѣтъ! — вскричала Ольга Дмитріевна, кинувшись на шею къ своему дядѣ, — я не хочу съ вами разставаться!

Digitized by Google

— Милое дитя мое! — сказалъ Прокудинъ, обнимая племянницу. — Ну какъ же мнѣ не любить тебя какъ дочь родную! Знаешь-ли что, мой другъ? Коли ты выдешь замужъ за князя Шелешпанскаго, такъ мы по зимамъ не будетъ жить въ деревнѣ. Ты человѣкъ молодой, любишь Москву....

— Москву!.... Нѣтъ, дядюшка, мнѣ тамъ будемъ скучно.

— Скучно! Да вѣдь ты о ней тосковала?....

— Да, дядюшка, сначала, а теперь я вовсе въ Москву не хочу. Я хотѣла бы только повидаться съ тетушкою....

— Вотъ кстати напомнила! Ужъ коли у насъ дѣло идетъ на ладъ, такъ мы тетушку-то на свадьбу выпишемъ. Да нѣчего и мѣшкать: сегодня же пошлю къ ней нарочнаго въ Москву.

— Сегодня! — повторила встревоженнымъ голосомъ Ольга Дмитріевна. — Такъ вы хотите....

— Зачѣмъ откладывать, мой другъ? Веселымъ пиркомъ да за свадебку!

— Ахъ, дядюшка! — промолвила сквозь слезы Ольга Дмитріевна: — онъ только что посватался....

— Нѣтъ, мой другъ.... Дѣло прошлое: вѣдь князь Шелешпанской сватался за тебя еще до Великаго поста. Ужъ если ты согласна выдти за него замужъ, такъ чтожъ его, бѣдняжку, маить? За мною дѣло не станетъ: твое приданое готово.... Вотъ мы этакъ въ четвертокъ на Ѳоминой недѣлѣ сдѣлаемъ дѣвишникъ, а въ пятницу, съ Божьимъ благословеніемъ....

Ольга Дмитріевна опустила голову на плечо къ своему дяди и громко зарыдала.

— Что ты, что ты, мой другъ! — вскричалъ Максимъ Петровичъ. — Да успокойся, Бога ради!.... Коли хочешь, мы отложимъ свадьбу на мѣсяцъ.... на два.... на три.... какъ тебѣ угодно!.... Конечно, — продолжалъ онъ — я желалъ бы.... да и какъ мнѣ старику не желать, чтобъ это

Digitized by Google

было поскорѣе? Вѣдь ужъ мнѣ давно седьмой десятокъ пошелъ, такъ станешь каждымъ денечкомъ дорожить! Что будешь дѣлать, вотъ и теперь: — я здоровъ, слава Богу, а все мнѣ кажется, что не доживу до этой радости, и какъ подумаю.... Ну, коли Господь Богъ пошлетъ по душу, прежде чѣмъ я пристрою моего друга сердечнаго, такъ, повѣришь-ли? сердце у меня такъ и обольется кровью!

Ольга Дмитріевна подняла голову; въ ея задумчивыхъ голубыхъ глазахъ выражалось какое-то грустное спокойствіе, на длинныхъ рѣсницахъ блистали еще слезы; но она ужъ не плакала. Съ полминуты продолжалось молчаніе.... вдругъ блѣдныя ея щеки вспыхнули, она взглянула съ необычайнымъ оживленіемъ на своего дядю и сказала твердымъ голосомъ.

— Да, дядюшка, вы правду говорите: зачѣмъ откладывать.

— Такъ ты согласна, Ольга Дмитріевна?.... Въ будущій четвергъ....

— Какъ вамъ угодно, дядюшка!.... Теперь позвольте мнѣ....

— Что, мой другъ?....

— Я пойду къ себѣ.... Да не бойтесь: я иду не плакать.... нѣтъ, я хочу помолиться Богу, дядюшка.

— Ступай, мой ангелъ, ступай!.... Ну! прошепталъ Максимъ Петровичь, когда племянница его вышла вонъ изъ комнаты:—нѣчего сказать: хитеръ Лаврентій Никитичь! какъ онъ отгадалъ, что будетъ!.... Дай-то Господи, чтобъ только въ добрый часъ!.. Да чтожъ это сердце-то у меня.... радуется чтоль или тоскуетъ?.... Кажись, какъ бы ему не радоваться, а все какъ-будто бы щемитъ.... Вотъ то-то и есть: идти-то замужъ она идетъ, да какъ идетъ!.... Бѣдняжечка! то-ли бы дѣло было.... Эхъ! не бывать бы ей за княземъ Шелешпанскимъ, еслибъ этотъ пострѣлъ Симской не служилъ въ Питерѣ и не стоялъ, какъ за своихъ кровныхъ, за этихъ окаянныхъ, паскудныхъ Нѣмцевъ!

Digitized by Google

ГЛАВА III.

Въ среду на Ѳоминой недѣлѣ, часу въ пятомъ послѣ обѣда, народъ гулялъ толпами по широкой улицѣ села Вздвиженскаго. На барскомъ дворѣ замѣтно было необычайное движеніе. Вся господская дворня занималась приготовленіемъ къ наступающему торжеству. Одни выкатывали изъ погребовъ бочки съ пивомъ, другіе ставили на дворѣ длинные столы для угощенія *меньшихъ братьевъ Христовыхъ*, то есть нищихъ, увѣчныхъ и недужныхъ, которые начинали уже по немногу собираться изо всѣхъ окрестныхъ мѣстъ въ село Вздвиженское, на свадебный пиръ къ боярину Максиму Петровичу Прокудину. Передъ самымъ господскимъ домомъ толпились въ праздничныхъ нарядахъ крестьянскія старухи, молодыя бабы и красныя дѣвицы; онѣ смотрѣли въ окны, какъ ихъ боярышня, государыня Ольга Дмитріевна, изволитъ справлять свой дѣвичникъ.

— Смотри-ка, смотри! — молвила одна старуха, толкнувъ локтемъ свою внучку. — Вонъ видишь за столомъ-то сидятъ?

— Вижу, бабушка.

— Это все боярскія дочки.

— Да ихъ что-то немного.

— Да, маленько!.... Вотъ двѣ-то, что сидятъ подлѣ нашей матушки Ольги Дмитріевны съ правой руки, дочки боярина Шетнева, а съ лѣвой.... вонъ энта.... бѣлобрысая-то.... это, кажись, внучка Кадыковскаго барина, Карпа Савича Пыжова... А ужъ другихъ-то я не знаю.

— Чай, изъ Москвы понаѣхали. Да какія же онѣ, бабушка, все пригожія!....

— Эхъ, дитятко! комужъ и быть-то пригожимъ? Боярскія дочки сладко ѣдятъ, живутъ въ холи... что имъ дѣлается!.... А все далеко имъ до нашего краснаго сол-

Digitized by Google

ныпка, нашей родной-то Ольги Дмитріевны.... дай ей Господи много лѣтъ здравствовать!.... Эка пава, подумаешь!

— Бабушка! — перервала одна молодица,—да чтожъ это наша барышня-то.... гляди-ка!.... кровинки нѣтъ въ лицѣ!.... и головку-то изволила понурить ...

— Эхъ ты глупая, глупая! — молвила старуха покачивая головою. — Да гдѣ видано, чтобъ невѣста ухмылялась? Чай и ты на своемъ дѣвичникѣ зубы-то не скалила?

— Кто? она? — подхватила пожилая баба.—Да она на своемъ дѣвичникѣ только что не плясала, словно не ее замужъ выдавали.

— Ну, Авдотья! — сказала старуха, — такъ не даромъ же тебя муженекъ-то поколачиваетъ. Коли ты такая озорница, что и въ невѣстахъ не плакала....

— Эхъ, бабушка! да коли не плачется....

— Такъ ты бы хрѣнку понюхала, дура этакая!.... Вѣдь старые люди говорятъ: коли дѣвка въ невѣстахъ не плачетъ, такъ наплачется вдоволь замужемъ.

— А что, Потапьевна, — спросила пожилая баба старуху, — что̀ говорятъ о женихѣ?

— Да говорятъ, что онъ и собой молодецъ, и отчинъ много, и роду княженецкаго....

— Ну, слава тебѣ Господи! А что, онъ завтра чтоль пріѣдетъ съ поѣздомъ, прямехонько въ церковь Божію?

— Нѣтъ, Ѳедосья. Прокофій Сидорычь говорилъ при мнѣ батькѣ Филиппу, что женихъ пріѣдетъ къ намъ сегодня и переночуетъ здѣсь на селѣ со всѣмъ своимъ поѣздомъ. Для нихъ.... вонъ тамъ за рѣчкою, на верхнемъ порядкѣ, десять дворовъ отведено.... Постойте-ка!....

— Что̀, бабушка?

— Ништни, Аксютка! Кажись, въ дому-то сбираются пѣть!.... Чу!

Digitized by Google

Въ комнатѣ раздались звуки унылой пѣсни, подъ которую, подлинно, трудно было невѣстѣ не заплакать. Свѣнныя дѣвушки запѣли:

Ласточка, касаточка,
Не вей гнѣзда во высокомъ терему:
Ужъ не жить тебѣ здѣсь и не летывать!...

— Чтожъ это онѣ? — щепнула старуха.

— Да это, кажись, пѣсня-то не свадебная, а подблюдная?

— Знать, обмишулились, — сказала молодица.

— Эй вы, голубки! — закричалъ крестьянскій парень, подбѣгая къ бабамъ, — что вы здѣсь глаза-то пялите?.... Ступайте за околицу.

— А что? — спросила старуха.

— Женихъ съ поѣздомъ ѣдетъ.

— Ой-ли?

— Право такъ!

— То-то же! Вѣдь ты, Ѳомка, озорникъ — пожалуй даромъ насъ перебулгатишь!

— Вотъ-те святъ — ѣдетъ! Весь народъ такъ и валитъ изъ села.

— Да чтожъ, онъ близко чтоль?

— Баютъ, ужъ выѣхалъ изъ господской засѣки и подымается на горку.

Въ полминуты на барскомъ дворѣ не осталось никого, и даже дворовые люди, покинувъ свою работу, пустились бѣгомъ за отсталыми мужичками, которые спѣшили всѣ на встрѣчу къ жениху. У самой околицы приходскій священникъ, отецъ Филиппъ, держа въ рукахъ крестъ, дожидался, со всѣмъ церковнымъ причетомъ, суженаго боярышни Ольги Дмитріевны. Позади его стоялъ съ хлѣбомъ и солью дворецкій, Прокофій Сидорычь Кулага. Народъ толпился по обѣимъ сторонамъ дороги. Разумѣется, всѣ стояли безъ шапокъ. Прокофій Сидорычь, какъ человѣкъ опытный и бывалый, посматривалъ заботливо на православныхъ, ста-

Digitized by Google

раясь замѣтить, нѣтъ-ли въ числѣ ихъ какого-нибудь *недобраго* человѣка. Вотъ толпа заколыхалась, народъ разступился; старая, безобразная баба, опираясь на клюку, вышла впередъ и остановилась на самой дорогѣ. Прокофій Сидорычь нахмурился.

— Послушай-ка, Антонъ, — шепнулъ онъ дворовому парню, который стоялъ подлѣ него: — вѣдь эта старуха.... вотъ что вышла впередъ.... кажись, Кадыковская ворожея, Савельевна?

— Да, Прокофій Сидорычь, она.

— За чѣмъ пожаловала, старая чертовка!.... Знаемъ мы ихъ!.... Поди-ка, скажи ей, чтобъ она убиралась по добру по здорову.... намъ этакихъ гостей не надобно.... Погоди, погоди!.... На вотъ тебѣ алтынъ.... сунь ей въ руку, а то еще пожалуй разгнѣвается — вѣдьма проклятая!.... всю скотину перепортитъ.... чего добраго! Эй, Антонъ, — постой!.... Ну хоть вовсе-то не гони ее — провались она ставши! — а только отведи къ сторонѣ, подальше отъ дороги.... знаешь, чтобъ глазъ-то у нее до жениха не хватилъ.

— Слушаю, Прокофій Сидорычь; ужъ я ее спроважу.

— Ну то-то же, смотри!

— Ѣдутъ, ѣдутъ! — раздались голоса изъ толпы.

Шагахъ въ двухъ стахъ показались изъ-за горки два передовые вершника съ бѣлыми ширинками черезъ плечо; за ними потянулся длинный поѣздъ щеголевато одѣтыхъ холопей Лаврентія Никитича — ихъ было до сорока: всѣ они сидѣли на красивыхъ коняхъ и ѣхали попарно; потомъ ѣхали также верхомъ двое жениховыхъ дружекъ, сыновья Герасима Николаевича Шетнева, а немного позади князь Андрей Юрьевичь Шелешпанской и Лаврентій Никитичь Рокотовъ. Подъ первымъ красовался отличный персидскій аргамакъ, бѣлый какъ снѣгъ, съ заплетенною гривою и перевязаннымъ хвостомъ; второй сидѣлъ на ворономъ черкасскомъ жеребцѣ. На женихѣ была шапка-мурмолка съ собольимъ околышемъ,

Digitized by Google

красный объяринный кафтанъ и парчевая ферязь съ золотыми петлицами. Надобно сказать правду: князь Шелешпанской сидѣлъ молодцомъ на своемъ борзомъ аргамакѣ, и когда этотъ, полный огня и жизни, красавецъ-конь начиналъ подъ нимъ играть, онъ сдерживалъ его могучей рукой, и какъ-будто бы шутя и безъ всякаго усилія заставлялъ идти ровнымъ и тихимъ шагомъ. Поѣздъ оканчивался длиннымъ рядомъ всякаго рода повозокъ, въ числѣ которыхъ отличалась особенно, обитая алымъ сукномъ, огромная колымага съ позолоченными колесами. Въ ней сидѣли посаженая мать князя Шелешпанскаго, супруга Лаврентія Никитича Рокотова, Герасимъ Николаевичъ Шетневъ и сваха изъ мелкопомѣстныхъ дворянокъ, которая должна была принимать молодыхъ въ опочивальнѣ и осыпать ихъ хмѣлемъ. Всѣ мужики, завидя господъ, примолкли и низко поклонились; бабы также поклонились, но только принялись болтать пуще прежняго.

— Посмотри-ка, Акулина, — молвила одна молодая баба: — съ правой-то стороны женихъ чтоль ѣдетъ?

— Вѣстимо женихъ. Съ лѣвой ѣдетъ боярин Рокотовъ.

— Такъ это женихъ-то?.... Ну, неча сказать, соколъ ясный!....

— Батюшки свѣты!—закричала другая молодица, — какой на немъ зипунъ-то!.... А збруя-то на лошади.... матушки!.... никакъ литаго серебра!

— Какого серебра! Развѣ самоцвѣтнаго золота—вишь, какъ на солнышкѣ-то горитъ!

— Смотри, кума, смотри! какъ лошадь-то подъ нимъ прядаетъ!.... Ну, молодецъ!

— У, батюшки! какой рослый, дородный!....

— Да личмянный какой!.... Глядн-ка, тетка, гляди! лице-то у него такъ и пышетъ!

— Ну, послалъ Господь женишка нашей боярышнѣ!

— Подавай ей Господи!...

Digitized by Google

— Эй вы, бабье! — закричалъ Кулага,—тише вы!.... Что вы такъ горланите, чечотки этакія!.... Тише, говорятъ!.... Наболтаетесь дома!

Подъѣхавъ къ околицѣ, поѣздъ пріостановился; князь Андрей Юрьевичь сошелъ съ коня, приложился къ кресту, принялъ отъ дворецкаго коровай, на которомъ стояла серебряная солонка, потомъ сѣлъ опять на своего аргамака, и поѣздъ двинулся снова впередъ. За нимъ кинулся весь народъ. Старики плелись позади, молодые ребята забѣгали впередъ и, останавливаясь на каждомъ крестцѣ, встрѣчали жениха низкими поклонами. Когда поѣздъ поровнялся съ господскимъ домомъ, за вороты высыпала цѣлая толпа сѣнныхъ дѣвушекъ, а изъ домовыхъ оконъ высунулись головки пріѣзжихъ барышенъ. Всѣ онѣ казались очень пригожими—вѣроятно по тому же, почему и звѣзды кажутся ярче, когда нѣтъ на небѣ свѣтлаго мѣсяца: Ольги Дмитріевны не было въ числѣ этихъ любопытныхъ.

Максимъ Петровичь, принявъ жениха и почетныхъ гостей въ просторной избѣ своего старосты, пригласилъ къ себѣ въ домъ Рокотова съ женою и Герасима Николаевича Шетнева. Женихъ, сваха, дружки и всѣ, составлявшіе поѣздъ, размѣстились по отведеннымъ для нихъ избамъ. Прокофій Сидорычь заправлялъ угощеньемъ. Различныя наливки, вино, пиво и сладкіе меды лились рѣкою. Сваха набила себѣ препорядочный мѣшокъ черносливомъ, винными ягодами, финиками и другими иноземными сластями; женихъ выпилъ цѣлую ендову инбирнаго меду и скушалъ фунтика три изюму, дружки также позабавились около сластей и посмоковали вдоволь прокудинской вишневки, которая подъ этимъ названіемъ славилась во всемъ околодкѣ. Объ остальномъ поѣздѣ и говорить нѣчего. Прокофій Сидорычь не успокоился до тѣхъ поръ, пока не уложилъ въ лоскъ всѣхъ холопей Лаврентья Никитича; ему не удалось только справиться съ однимъ ражимъ дѣтиною, который, по привычкѣ, или по какой-то особенной способности, пилъ вино какъ простой квасъ, а пиво какъ воду; впро-

Digitized by Google

чемъ и тотъ, хотя стоялъ еще крѣпко на ногахъ, но не могъ уже вымолвить ни слова.

Вотъ этакъ часу въ седьмомъ, князь Шелешпанской, которому стало душно въ избѣ, снялъ съ себя ферязь и вышелъ въ одномъ кафтанѣ за вороты. Къ нему сейчасъ явился Прокофій Сидорычь.

— Что, батюшка князь, — сказалъ онъ, — не угодно-ли тебѣ прогуляться?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Шелешпанской. — Я сяду вотъ здѣсь на скамеечкѣ.

— Присядь, батюшка, присядь!.... Отсюда пригоже посмотрѣть на всѣ стороны. Мѣстечко дальновидное — на горкѣ вышло: верстъ за десять кругомъ видно, и все село какъ на блюдечкѣ.

— А что, старина, — сказалъ Шелешпанской, — вѣдь это село-то все ваше?

— Какъ же, сударь.

— Отчина или помѣстье?

— Отчина, батюшка. Жалована еще при дѣдушкѣ Максима Петровича.

— Доброе село, доброе!.... Чай, этакъ дымовъ до полутораста будетъ?

— Безъ малаго двѣсти.

— Вотъ какъ!.... А что, вонъ энти поля за большой дорогою — ваши?

— Наши, сударь.

— А чернолѣсье, которымъ мы ѣхали?

— Это господская засѣка.

— А вонъ вдали-то боръ?

— Нашъ, батюшка, нашъ.

— Знатное село, знатное!.... Чай, у васъ по рѣчкѣ-то луга заливные?

Digitized by Google

— Да, сударь, заливные. По той сторонѣ верстъ на пять пойдетъ все пойма. Наша рѣка не величка, батюшка, а весной по ней хоть струга ходи. Вонъ ракитникъ-то на лугу—въ полую воду однѣ вершинки видны.

— Знатное село!.... Кажись и крестьяне у васъ исправные

— Да, сударь, благодаря, во-первыхъ, Бога, а во-вторыхъ, государя Максима Петровича, мужички у насъ по міру не ходятъ. Много есть зажиточныхъ, и развѣ рѣдкой только по мясоѣдамъ-то пустыя щи хлебаетъ.

— Вотъ какъ!.... Ну, знатное село!.... А что это, направо-то, дорога куда пошла?

— Въ Москву, батюшка.

— Откудова-жъ мы пріѣхали?

— Отъ Серпухова.

— Такъ!.... Посмотри-ка, старина, кто это тамъ по Московской дорогѣ ѣдетъ?

— А кто ихъ знаетъ!.... Здѣсь ѣзда не малая. Бываетъ, временемъ, какъ въ Москву повезутъ хлѣбецъ, такъ по дорогѣ и денно и ночно тянутся обозы. Вѣдь Серпуховъ городъ торговый, батюшка, пристань на Окѣ, а кремль-то никакъ почище былъ Московскаго, весь изъ бѣлаго камня построенъ. Теперь онъ поразвалился, а все еще мѣстами какъ взглянешь на стѣну, такъ шапка съ головы валится. Говорятъ, будто бы его строилъ Царь Иванъ Васильевичъ—не Грозный, сударь, а дѣдушка Грознаго....

— Что это, братъ, — перервалъ Щелешпанской, который, не слушая дворецкаго, продолжалъ смотрѣть съ примѣтнымъ безпокойствомъ на большую дорогу, — эти проѣзжіе-то, видно, не мимо ѣдутъ?

— А что, сударь?

— Вонъ видишь, своротили съ большой дороги.... ѣдутъ сюда!

Digitized by Google

— Сюда?.... Такъ, можетъ статься, это сестрица Максима Петровича.

— Кто? Аграфена Петровна Ханыкова?

— Должно быть, она. Къ ней посылали нарочнаго въ Москву.

— Зачѣмъ?

— Что ты, батюшка князь! — Какъ зачѣмъ? Вѣдь она родная тетушка твоей нареченной, такъ какъ же ее не позвать на свадьбу?

— Такъ она знастъ, что завтра свадьба? — вскричалъ съ ужасомъ князь Андрей Юрьевичь.

— Какъ не знать.

— Ну!! плохо дѣло!

— А что, сударь?

— Бѣда да и только!

— Бѣда! — повторилъ съ удивленіемъ Прокофій Сидорычь.

— Да какъ же не бѣда? Вѣдь Аграфена-то Петровна скажетъ объ этотъ Мамонову.

— Какому Мамонову?

— Ну вотъ этому — провалъ бы его взялъ!... Ахъ, Господи! смотри-ка, смотри!... на четырехъ тройкахъ!

— Да, сударь, это не Аграфена Петровна, а кажись, люди служивые.

— Вотъ тебѣ разъ! —вскричалъ Шелешпанской, вскочивъ со скамьи.

— Да, сударь. Вонъ остановились за околицей.... говорятъ съ мужичками.... вонъ одна подвода поѣхала прямо къ господскому дому.... а съ другой-то сошли служивые и стали возлѣ околицы.... А вонъ остальныя-то двѣ подводы, кажись, повернули сюда.... Ну, такъ и есть!.... видно, къ старостѣ....

Digitized by Google

— А гдѣ живетъ староста?

— Здѣсь, батюшка. Это его изба.

Князь Андрей Юрьевичь помертвѣлъ.

— Да вотъ ужъ они и ѣдутъ,—сказалъ дворецкой.— Экъ дерутъ!.... видно, животы-то не свои!

Князь Андрей Юрьевичь кинулся на дворъ и началъ метаться по сторонамъ какъ угорѣлый. На всѣ вопросы Прокофія Сидорыча онъ не отвѣчалъ ни слова, а только повторялъ прерывающимся голосомъ: гдѣ вороты? гдѣ вороты?

— Вороты? спросилъ дворецкой, который, видя необычайный испугъ жениха, и самъ немного испугался: — какія вороты?

— На зады! на зады!

— Да вотъ, сударь, передъ тобою.

Шелешпанской распахнулъ вороты, выскочилъ на огородъ и ударился бѣжать.

— Батюшка князь! закричалъ Кулага, стараясь догнать жениха. — Да постой!.... Куда ты?....

Добѣжавъ до плетня, который отдѣлялъ огородъ отъ поля; Шелешпанской остановился.

— Уфъ!.... задохся!.... — промолвилъ Прокофій Сидорычь. — Да что это, сударь князь, куда ты изволишь бѣжать?

— И самъ не знаю! куда глаза глядятъ! Ну вотъ хоть въ лѣсъ!

— Въ лѣсъ?.... Ахъ, Господи!.... Да отъ кого-жъ ты это изволишь прятаться?

— Какъ отъ кого? Вѣдь это пріѣхалъ Мамоновъ!

— Такъ что-жъ?.... Да Богъ съ нимъ!.... Пускай онъ Мамоновъ.... что тебѣ до этого?

— Да вѣдь онъ ужъ два мѣсяца за мной гоняется.

— Гоняется?

Digitized by Google

— Ну, да! вѣдь у него указъ есть схватить меня въ солдаты.

— Какъ такъ?

— Да такъ! Слышь, велѣно всѣхъ новиковъ забирать на службу, и Аграфена-то Петровна съ ними за одно.... Ахъ, батюшки-сударики! вотъ тебѣ и свадьба!

На заднемъ дворѣ избы раздался грубый голосъ: «Эй, староста!.... Гдѣ староста!.... Гдѣ староста? Подавайте его сюда!....» Князь Шелешпанской полѣзъ черезъ плетень.

— Погоди, батюшка! — закричалъ Кулага. — Тутъ болото; увязнешь по уши.... Постой!

Но Шелешпанской перекинулся со всего размаху черезъ плетень, грянулся оземь и, къ счастію, попалъ не въ трясину, а между двухъ кочекъ, въ грязную лужу, въ которой онъ увязъ только по-поясъ. Прокофій Сидорычь перелѣзъ бережненько черезъ плетень и, придерживаясь за него, помогъ жениху выбраться на сухое мѣсто.

— Вотъ я говорилъ тебѣ, батюшка! — сказалъ онъ. — Тише тише ....Изволь ступить сюда.... на кочку.... вотъ такъ!....

— Ухъ батюшки! — промолвилъ Шелешпанской, отряхиваясь какъ медвѣдь, который вылѣзъ изъ болота. — Грязи-то на мнѣ — грязи!.... А кафтанчикъ новинькой, съ иголочки....

— И, батюшка! сошьешь другой.... Чу! никакъ ужъ служивые-то по огороду ходятъ....

Въ самомъ дѣлѣ, на огородѣ послышались голоса.

— Голубчикъ ты мой.... родной! — прошепталъ князь Андрей Юрьевичь, дрожа всѣмъ тѣломъ: — спрячь меня куда-нибудь!

— Да кудажъ я тебя спрячу, батюшка? — сказалъ Кулага, почесывая затылокъ. — Лѣсъ далеко и итти-то до него все чистымъ полемъ. Вотъ кабы лѣтомъ, такъ дѣло

Digitized by Google

иное: засѣлъ бы въ конопляхъ, тамъ тебя наискались бы до-сыта; а теперь время весеннее, и въ лѣсу-то спрятаться негдѣ.

— Ухъ, батюшки! — проговорилъ заикаясь Шелешпанской. — Слышишь?.... идутъ!

— Ну, дѣлать нѣчего! — прошепталъ Кулага. — Ступай-ка, батюшка, вдоль плетня.... вонъ тамъ налѣво барское гумно.... Все-таки лучше, чѣмъ здѣсь на юру: тамъ можно и въ ригу и межъ одоньевъ завалиться—не вдругъ найдутъ.

— Ступай же впередъ, голубчикъ, ступай!

Пройдя шаговъ двѣсти вдоль крестьянскихъ огородовъ, они вошли калиткою на барское гумно.

— Ну вотъ, сударь, — сказалъ дворецкой, — хочешь гдѣ-нибудь за одоньемъ прилечь, или въ ригу?....

— Постой-ка, голубчикъ!.... Вѣдь это кладь соломы?....

— Да, сударь.

— Такъ я залѣзу въ нее.

— Что ты, батюшка! Вѣдь это хорошо минутки на двѣ, а то задохнешься; да еще неравно съ барскаго двора пріѣдутъ за соломою, начнутъ валить ее на телѣгу, да какъ хватятъ тебя вилами въ бокъ.... избави Господи!.... Вотъ развѣ, сударь, въ овинную яму, такъ авось туда не заглянутъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!.... Ахъ ты мой любезный!.... голубчикъ мой!.... Пойдемъ скорѣе....

— Вотъ тебѣ разъ! — вскричалъ Кулага, подойдя къ овинной ямѣ: — лѣстницы-то нѣтъ!.... Да постой, батюшка, я спущу тебя на кушакѣ....

Прокофій Сидорычь снялъ съ себя поясъ, захлеснулъ одинъ конецъ за туго-подвязанный кушакъ Шелешпанскаго и началъ его спускать потихоньку въ яму.

Digitized by Google

— Охъ, батюшка князь!—промолвилъ онъ кряхтя,—грузёнъ ты больно!.... не сдержу!.... видитъ Богъ, не сдержу!....

— Ничего! — сказалъ Шелешпанской, пускай: внизу-то солома.

Кулага выпустилъ изъ рукъ кушакъ.... князь Андрей Юрьевичь повалился на солому, крякнулъ и всталъ на ноги.

— Ну, что батюшка, не ушибся? спросилъ дворецкой.

— Нѣтъ. Ступай-ка теперь, голубчикъ, на барскій дворъ, провѣдай, что̀ тамъ дѣлается, да приди сказать мнѣ.

— Ладно, сударь! я какъ разъ сбѣгаю.... Да послушай, батюшка, — примолвилъ Прокофій, воротясь: — смотри сиди смирно, и коли кто подойдетъ къ овину, голосу не подавай.... Какъ я приду, такъ первый тебя окличу.

ГЛАВА IV.

Въ то самое время, какъ князь Шелешпанской прятался отъ служивыхъ въ овинной ямѣ, къ дому Максима Петровича подъѣхалъ на тройкѣ молодой гвардейскій офицеръ. Онъ соскочилъ съ телѣги и, войдя въ переднюю, приказалъ доложить, что пріѣхалъ по царскому указу поручикъ Мамоновъ; потомъ, сбросивъ съ себя забрызганный грязью плащъ, вошелъ въ столовую комнату. Черезъ нѣсколько минутъ его попросили въ гостиную. Въ этой комнатѣ встрѣтилъ его Максимъ Петровичь; тутъ же, развалясь на креслахъ, сидѣлъ Лаврентій Никитичь Рокотовъ, подлѣ него, на стулѣ, Гераснмъ Николаевичь Шетневъ, а нѣсколько поодаль стоялъ, прислонясь къ печкѣ, Карпъ Савичь Пыжовъ. Когда Мамоновъ вошелъ въ гостиную, Карпъ Савичь низехонько поклонился, Шетневъ привсталъ, а Лаврентій Никитичь не тронулся съ мѣста. На побѣднѣвшемъ лицѣ Карпа Савича ясно изображались сильный испугъ и самая

Digitized by Google

рабская, безусловная покорность; хотя въ глазахъ Шетнева замѣтно было такъ же что-то похожее на страхъ, однакожъ онъ не смутился и даже посмотрѣлъ довольно спѣсиво на пріѣзжаго. Въ надменномъ и непріязненномъ взглядѣ Лаврентія Никитича выражалось негодованіе, которое онъ вовсе не старался скрывать: онъ взглянулъ изъ-подлобья на Мамонова, нахмурилъ брови и повернулся къ нему спиною. Казалось, что этотъ нечаянный пріѣздъ не потревожилъ одного только хозяина.

— Милости просимъ, батюшка! — сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ. — Ты приказалъ доложить мнѣ, что пріѣхалъ сюда по царскому указу.... вотъ я тебя слушаю: изволь мнѣ сказывать царской указъ.

— Во-первыхъ, государь мой Максимъ Петровичь, — отвѣчалъ Мамоновъ, вѣжливо кланяясь, — я осмѣливаюсь презентовать вамъ мой всенижайшій респектъ!....

— Благодарю, батюшка! хотя, признательно сказать, и не очень понимаю, что̀ ты изволишь мнѣ говорить.

— Всепокорнѣйше прошу васъ экскузовать меня! — продолжалъ Мамоновъ, не обращая никакого вниманія на замѣчаніе Максима Петровича. — Можетъ быть, я вовсе не въ пору потревожилъ васъ моимъ пріѣздомъ?

— И, что ты, батюшка! царской указъ всегда въ пору.

— Не извольте только гнѣваться на меня, Максимъ Петровичь. Я человѣкъ служивой и долженъ поступать въ силу данной мнѣ отъ правительствующаго сената инструкціи — сирѣчь наказа.

— Отъ сената!.... Такъ ты, батюшка, не по царскому указу изволилъ ко мнѣ пріѣхать?

— Все едино, Максимъ Петровичь. Развѣ не изволите знать, что сенатскимъ указамъ, яко бы своеручно подписаннымъ Его Царскимъ Величествомъ, должны повиноваться всѣ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія?

Digitized by Google

— Знаю, батюшка, знаю. Ну чего жъ отъ меня этотъ господинъ сенатъ изволитъ спрашивать?

— Дѣло идетъ вовсе не о васъ, Максимъ Петровичъ. Его Царскому Величеству Государю Петру Алексѣевичу угодно было указать, чтобы ради войны съ Турскимъ салтаномъ, всѣхъ неслужащихъ молодыхъ дворянъ забирать на службу. Въ имянномъ регистрѣ, данномъ мнѣ отъ сената, значится также и неслужащій дворянинъ, князь Андрей княжъ Юрьевъ сынъ Шелешпанской....

— Князь Андрей Юрьевичь?....

— Да, Максимъ Петровичь. Меня извѣстили, что онъ здѣсь....

— Здѣсь, батюшка. Да вѣдь, кажется, онъ ужъ служилъ....

— Никакъ нѣтъ, Максимъ Петровичь: онъ былъ только записанъ новикомъ въ Московскомъ жилецкомъ войскѣ и на службу не являлся; а такъ какъ ему еще нѣтъ и сорока лѣтъ....

— Да ты знаешь-ли, господинъ офицеръ, — перервалъ Шетневъ, подойдя къ Мамонову и толкнувъ потихоньку локтемъ Прокудина, — что князь Андрей Шелешпанской хотя еще въ порѣ, однакожъ давно уже уволенъ на покой ради его хворости и всегдашнихъ недуговъ?

— Знаемъ мы эти недуги! — возразилъ Мамоновъ. — Сенатъ ужъ извѣстенъ и о томъ, что онъ облыжно называетъ себя недужнымъ. Люди хворые сидятъ на одномъ мѣстѣ, а этотъ князь только и дѣлаетъ, что разъѣзжаетъ кругомъ Москвы. Вотъ ужъ я два мѣсяца за нимъ гоняюсь.

— Какъ такъ? — спросилъ съ удивленіемъ Прокудинъ.

— Да, Максимъ Петровичь! У него около Москвы много деревень; вотъ мнѣ дадутъ знать, въ которой деревнѣ онъ живетъ, я пошлю за нимъ — не тутъ-то было! — Изволилъ уѣхать неизвѣстно куда. Я пошлю въ другую.... былъ, дискать, и здѣсь, да вчера выѣхалъ. Я въ третью —

Digitized by Google

сейчасъ только выѣхать изволилъ. Повѣрите-ль: всю команду съ ногъ сбилъ. Видно, у него есть пріятели въ Москвѣ, которые вѣсточку ему подаютъ. Да ужъ теперь вы сами изволили мнѣ сказать, что онъ здѣсь, такъ я его изъ рукъ не выпущу.

Въ комнату вошелъ слуга и доложилъ Прокудину, что изъ сосѣдняго села пришелъ земской староста съ понятыми.

— Съ понятыми! ... это зачѣмъ? — спросилъ Прокудинъ.

— Не прогнѣвайтесь, — сказалъ Мамоновъ: — я человѣкъ военный и приказнаго порядка не вѣдаю; но со мною есть подъячій, который говоритъ, что формальную выемку безъ понятыхъ и свидѣтелей дѣлать не слѣдуетъ.

— Выемку!.... Да почемужъ ты думаешь, батюшка, что князь Андрей Юрьевичь не поѣдетъ съ тобой волею? Можетъ статься, онъ вовсе и не знаетъ, что ему должно къ тебѣ явиться.

— Помилуйте — какъ не знать! Чай, ему давно ужъ объ этомъ донесли. Во всѣхъ его отчинахъ наказывали объ этомъ всѣмъ старостамъ и прикащикамъ.... Да вотъ, кажется, взошелъ на крыльцо мой сержантъ. Я послалъ его съ командою къ старостѣ. Ваши крестьяне сказывали мнѣ, что князь Шелешпанской остановился у него въ избѣ. Позвольте, Максимъ Петровичь, войдти сюда сержанту.

— Изволь, батюшка.

Мамоновъ отворилъ дверь въ столовую и закричалъ: Прохоровъ! ступай сюда!

Въ гостиную вошелъ пожилой служивой. Онъ перекрестился на икону, опустилъ руки по швамъ и вытянулся передъ своимъ командиромъ.

— Ну что, Прохоровъ, — спросилъ Мамоновъ, — нашелъ-ли ты князя Шелешпанскаго?

— Никакъ нѣтъ! — отвѣчалъ сержантъ.

— Какъ нѣтъ? Да вѣдь онъ стоялъ у старосты?

Digitized by Google

— Стоялъ, господинъ поручикъ, да вдругъ изволилъ безъ вѣсти пропасть.

— Куда же онъ дѣвался?

— Не могу знать. Изъ избы онъ никуда не уходилъ, а въ избѣ его нѣтъ. Мы всѣ уголки обшарили: и подъ лавками смотрѣли, и въ печи, и на полатяхъ; на чердакъ лазили, всѣ хлѣва обошли. Артемьевъ и Забулдыгинъ ходили смотрѣть на огородѣ, не залегъ-ли онъ гдѣ-нибудь, между грядками, — нигдѣ нѣтъ, словно сквозь землю провалился.

— Ну вотъ извольте видѣть, Максимъ Петровичь, — сказалъ Мамоновъ. — Да это ему не поможетъ. Прохоровъ, возьми съ собой понятыхъ и обойдите всѣ дворы. Ступай!

— Ты, батюшка, напрасно это дѣлаешь, — молвилъ Прокудинъ съ примѣтнымъ негодованіемъ. — Коли князь Шелешпанской не по невѣдѣнію, а знаючи отбываетъ отъ царской службы, такъ я и самъ не стану его у себя держать: у меня притона для бѣглыхъ нѣтъ.

— О, если такъ, Максимъ Петровичь, такъ съ меня довольно вашего слова. Да и то сказать: коли онъ смекнулъ, что за нимъ пріѣхали, такъ ужъ вѣрно у васъ на селѣ не останется, чай, давно убѣжалъ туда, откуда пріѣхалъ. Мнѣ сказывали, что онъ не далеко отъ васъ гоститъ у какого-то Рокотова....

— У какого-то Рокотова!.... — повторилъ Лаврентій Никотичь. — Вижь какъ изволитъ поговаривать!.... Этотъ Рокотовъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ засѣдалъ въ боярской думѣ, и самъ Государь не называлъ его какимъ-то, а изволилъ чествовать Лаврентьемъ Никитичемъ.

— Такъ это вы, государь мой Лаврентій Никитичь Рокотовъ? — сказалъ Мамоновъ.

— Я, батюшка.... имя и отечества твоего не знаю, да, по правдѣ-то сказать, и знать не хочу.

— Лаврентій Никитичь! — молвилъ Прокудинъ.

Digitized by Google

— Я все молчалъ, Максимъ Петровичь, — перервалъ Рокотовъ; а теперь, какъ дѣло дошло до меня, такъ не мѣшай мнѣ говорить. — Ты, голубчикъ, называешь себя Мамоновымъ и сказываешь, что пріѣхалъ по царскому указу. Вотъ Максимъ Петровичь и повѣрилъ тебѣ на-слово, а коли ты ко мнѣ пожалуешь, такъ я тебѣ впередъ говорю, что ты у меня на однѣхъ-то рѣчахъ немного выторгуешь.

— Что-жъ, вы думаете, государь мой, что я самозванецъ какой-нибудь? — сказалъ вспыльчиво Мамоновъ.

— А кто тебя знаетъ! Коли Гришку Отрепьева угораздило назвать себя Царемъ Русскимъ, такъ не велика важность, если какой-нибудь пройдоха напялитъ на себя Нѣмецкой кафтанишко, назовется какимъ-то Мамоновымъ и пріѣдетъ будто бы по царскому указу, а въ самомъ-то дѣлѣ, чтобъ сорвать что-нибудь.... Вѣдь голь хитра на выдумки!

Мамоновъ вспыхнулъ. Онъ вынулъ изъ кармана бумаги и, подавая ихъ Прокудину, сказалъ:

— Я точно виноватъ: мнѣ слѣдовало бы начать съ этого. Вотъ сенатской указъ на мое имя и регистръ дворянамъ, которыхъ требуютъ на службу.

Пока Максимъ Петровичь разсматривалъ бумаги, Шетневъ подошелъ къ Рокотову и шепнулъ ему:

— Эхъ, Лаврентій Никитичь, разсердилъ ты его!

— Такъ что-жъ? Баринъ не большой, — отвѣчалъ Рокотовъ: — пусть себѣ сердится!

— Пусть сердится!.... Да развѣ отъ этого князю Андрею легче будетъ?.... Нѣтъ, другъ сердечный, за это не такъ надо было взяться. Да вотъ, постой, я поговорю съ нимъ съ глазу на глазъ, такъ авось дѣло-то какъ-нибудь поправлю.

— Такъ, батюшка, такъ! — молвилъ хозяинъ, отдавая бумаги Мамонову. — Ты дѣлаешь, что тебѣ указано, — да я въ этомъ и не сомнѣвался.

Digitized by Google

— Позвольте мнѣ, — сказалъ Мамоновъ, — оставить у васъ въ селѣ небольшую команду — не ради какого-нибудь надзора — избави Господи! Я питаю къ вамъ, Максимъ Петровичь, столь великую эстиму, что для меня достаточно вашего слова — это необходимо ради всякаго случая: неравно князь Шелешпанской снова появится въ вашемъ селѣ, такъ было бы кому задержать его и препроводить немедленно въ Москву.

— Хорошо, батюшка, хорошо!

— А я,—продолжалъ Мамоновъ,—сей-же часъ отправлюсь съ понятыми къ господину Рокотову.

— Милости просимъ! — промолвилъ Рокотовъ, нахмуривъ брови. — Намъ не впервые принимать незванныхъ гостей, и за проводами у насъ дѣло не станетъ.

— Что-жъ это? — перервалъ Мамоновъ. — Угрозы что-ль?.... Такъ прошу васъ, государь мой, быть извѣстнымъ, что коли вы осмѣлитесь оказать какое-нибудь сопротивленіе, такъ васъ самихъ потребуютъ къ отвѣту!.... Счастливо оставаться, Максимъ Петровичь!.... Еще разъ прошу васъ всенижайше не поставить мнѣ въ вину....

— Ничего, батюшка, ничего! Ты человѣкъ служивый и дѣлаешь то, что тебѣ приказано.

Шетневъ вышелъ въ слѣдъ за Мамоновымъ въ столовую.

— Господинъ офицеръ!—сказалъ онъ самымъ ласковымъ и привѣтливымъ голосомъ.

— Что вамъ угодно? — спросилъ Мамоновъ остановясь.

— А вотъ что: я преусерднѣйше прошу тебя батюшка, не изволь гнѣваться на Лаврентія Никитича Рокотова. Онъ крутенекъ немного, заносчивъ, а, право, старикъ добрый!

— Да, конечно заносчивъ и даже черезъ чуръ. Нынче не прежнія времена, государь мой: коли приказано, такъ слушайся.

— Да вѣдь онъ только такъ — языкъ чешетъ, а въ самомъ-то дѣлѣ, сохрани Господи!.... А что, батюшка, го-

Digitized by Google

сподинъ Мамоновъ! ты, по всему видно, человѣкъ добрый.... нельзя-ли какъ-нибудь это дѣльцо уладить?

— Какое дѣльцо?

— Да вотъ, чтобъ князя-то Андрея не тревожить. Онъ ужъ человѣкъ не молодой, ему давно подъ сорокъ, здоровье у него хилое, и хоть съ виду еще молодцоватъ, а не стоитъ нашего брата старика: одышка, ногами плохъ, животомъ жалуется — вовсе не жилецъ! Малой такой рахманный.... увалень!.... Ну изъ чего тебѣ за нимъ тянуться? Что, въ самомъ дѣлѣ, или безъ него у насъ и войска не стало?

— Это, государь мой, до меня не лежитъ; про то знаютъ старшіе.

— И, батюшка! гдѣ имъ все знать, и коли бы ты захотѣлъ....

— Да что-жъ я могу сдѣлать?

— Какъ что! Ты можешь донести своему начальству, что онъ хвораетъ. Вовсе, дискать, для службы не годенъ— даромъ паёкъ будетъ получать, и то и сё.... Да что тутъ говорить: ученаго учить лишь только портить! Ты, чай, лучше моего знаешь, какъ эти дѣла дѣлаются.

— Нѣтъ, не знаю.

— И, полно, батюшка!.... Шелешпанской человѣкъ богатый, а вы господа служивые.... не прогнѣвайся! чай, иногда, какъ рыба объ ледъ бьетесь. Вотъ если-бъ ты, молодецъ, намъ помирволилъ, такъ князь Андрей ударилъ бы тебѣ челомъ.... знаешь этакъ — посильное мѣсто.... сотенку другую рублевиковъ....

— Что? — проговорилъ Мамоновъ. — Вы сулите мнѣ двѣсти рублей?.... Да о своемъ-ли вы умѣ?

— А что?.... маленько?.... Ну такъ три сотни.... Э! да что тутъ толковать!.... Шелешпанской не постоитъ и за четыре....

Digitized by Google

— Что-жъ это, государь мой! вы шутите или нѣтъ?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ такимъ голосомъ, что Шетневъ отступилъ шага два назадъ.

— Да за что-жъ ты изволишь гнѣваться? — сказалъ онъ, смотря съ удивленіемъ на Мамонова. — Вѣдь это дѣло полюбовное, и коли тебѣ четырехъ сотъ кажется мало, такъ мы, пожалуй, и еще накинемъ.

— Я такихъ срамныхъ холопскихъ рѣчей и слушать не хочу! — перервалъ Мамоновъ. Онъ повернулся къ Шетневу спиною и вышелъ вонъ.

— Не беретъ, пострѣлъ этакой, ничего не беретъ! — сказалъ Шетневъ, входя въ гостинную. — А все ты, Лаврентій Никитичъ! Кабы ты его не разсердилъ, такъ мы бы вѣрно съ нимъ поладили....

— Мальчишка этакой! молокососъ! — прошепталъ Рокотовъ. — Вижь какой! стращать вздумалъ!.... Потребуютъ, дискать, къ отвѣту.... Такъ что-жъ?.... Коли пошло на то — милости просимъ! примемъ гостя!.... Ужъ коли отвѣчать, такъ было бы за что!

— Что ты, Лаврентій Никитичъ? — перервалъ Прокудинъ. — Вѣдь Государь Петръ Алексѣевичъ шутить не любитъ. Что тебѣ голова что-ль надоѣла, или захотѣлось въ Берёзовъ?

— Въ Берёзовъ?.... И, полно, любезный! страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!.... Берёзовъ-то далеко, да и Царь теперь не близко.... Э! да что-жъ мы зѣваемъ!.... Надо послать кого-нибудь ко мнѣ въ село; и коли князь Андрей въ самомъ дѣлѣ туда перебрался.... Да вотъ кстати Кулага!....

Въ гостиную вошелъ Прокофій Сидорычъ.

— Ну что, Прокофій? — сказалъ Максимъ Петровичъ.

— Все слава Богу! — отвѣчалъ дворецкой. — Пріѣзжій офицеръ оставилъ у насъ двухъ служивыхъ, а самъ забралъ съ собою понятыхъ и отправился....

— Ко мнѣ? — спросилъ Рокотовъ.

Digitized by Google

— Да, батюшка Лаврентій Никитичь.

— Такъ ступай, братецъ, прикажи кому-нибудь изъ моихъ молодцевъ сѣсть на коня, да живо проселкомъ въ Знаменское, и коли князь Шелешпанской тамъ....

— Никакъ нѣтъ, сударь! — проговорилъ вполголоса Кулага. — Князь Андрей Юрьевичь здѣсь.

— Здѣсь!.... Гдѣ-жъ онъ?

Прокофій посмотрѣлъ вокругъ себя и сказалъ шепотомъ:

— На барскомъ гумнѣ, сударь, въ овинной ямѣ.

— Ахъ онъ сердечный! — вскричалъ Шетневъ. — Больно перепугался?

— У! батюшки!!! дрожкой дрожитъ!

— Слышишь, Максимъ Петровичь? сказалъ Рокотовъ:— вѣдь князь-то Андрей здѣсь!

— А ты, Лаврентій Никитичь, — молвилъ Прокудинъ, — слышалъ-ли, что я говорилъ этому Мамонову?

— А что?

— Я сказалъ ему, что у меня притона для бѣглыхъ нѣтъ; и коли князь Шелешпанской знаючи отбываетъ отъ царской службы, такъ я и самъ не стану его у себя держать.

— Что ты, что ты, Максимъ Петровичь, перекрестись!

— Да, Лаврентій Никитичь, ты себѣ думай какъ хочешь, но по мнѣ и простому мужичку зазорно быть въ бѣгахъ, а ужъ коли нашъ братъ дворянинъ учнетъ прятаться по овинамъ, чтобъ отвилять какъ-нибудь отъ царской службы....

— Служба службѣ розь, любезный! Вотъ и мы съ съ тобой служили, кажись вѣрой и правдою, да только кому?.... православнымъ Царямъ Алексѣю Михайловичу, Ѳедору Алексѣевичу....

— А онъ пусть послужитъ Царю Петру Алексѣевичу.

— Что, небойсь, языкъ-то у тебя не повернулся сказать: православному?....

Digitized by Google

— А какому же? Развѣ нашъ батюшка Петръ Алексѣевичь въ церковь Божію не ходитъ?.... Эхъ, Лаврентій Никитичь, не хорошо, видитъ Богъ — не хорошо!.... Царей-то не мы выбираемъ, а Господь намъ даетъ, такъ еслибъ что и не по нашему было....

— Толкуй себѣ, толкуй!.... Ну вотъ, Герасимъ Николаевичь, ты со мною спорилъ, анъ и выходитъ моя правда, что другъ-то нашъ сердечный, Максимъ Петровичь, въ сенаторы захотѣлъ.... слышишь, какъ поговариваетъ?

— Въ сенаторы!.... — повторилъ Прокудинъ. — А ты во что̀, Лаврентій Никитичь?.... Сказалъ бы я тебѣ, да только обидѣть не хочу.

— Говори небойсь, я не обижусь.

— Да не объ этомъ рѣчь! — перервалъ Шетневъ, стараясь замять разговоръ, который, по его мнѣнію, вовсе не слѣдовало заводить при какомъ-нибудь Пыжовѣ, и а того менѣе при дворецкомъ Максима Петровича:—скажите-ка лучше, что-жъ свадьба-то у насъ?

— Дѣлать нѣчего, — молвилъ Рокотовъ: — придется на время отложить.

— Знаете-ли что? — продолжалъ Шетневъ: — вѣдь повѣнчать-то можно у меня на селѣ; ко мнѣ Мамоновъ не пожалуетъ.

— Повѣнчать! — сказалъ Прокудинъ. — Нѣтъ, ужъ объ этомъ что и говорить. Чай теперь жениху-то не до вѣнца: ему служить надобно.

— Служить! — подхватилъ Рокотовъ. — Зачѣмъ?.... Авось дѣло и такъ обойдется. Я найду ему укромное мѣстечко: у меня верстахъ въ тридцати отсюда есть хуторокъ въ лѣсу....

— Да что-жъ ему тамъ цѣлый вѣкъ что-ль жить?

— А кто знаетъ, Максимъ Петровичь? Мало-ли что̀ можетъ быть! Государь-то Петръ Алексѣевичь не на сва-

Digitized by Google

дебный пиръ поѣхалъ: еще, Богъ вѣсть, вернется-ли изъподъ Турки или нѣтъ.

— И, Лаврентій Никитичь! охота тебѣ говорить!.....

— Ну вотъ еще! и поговорить нельзя. Вѣдь отъ слова ничего не сдѣлается. Подъ Полтавою ему, нашему батюшкѣ, шляпу-то продырили; ну, а какъ теперь въ Туретчинѣ, этакъ, грѣхомъ зацѣпитъ не много пониже.... Вѣдь пуля дура, не разбираетъ!

— Избави Господи!

— Да чтожъ, Максимъ Петровичъ: мы всѣ люди смертные ... А случись что-нибудь такое, такъ дѣла-то пойдутъ инымъ чередомъ.... Конечно, нашей матушки Софьи Алексѣевны не стало, да за то, говорятъ, сынокъ-то его — дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать!....

— Эхъ, Лаврентій Никитичь! — перервалъ съ примѣтной досадою Прокудинъ: — не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать. Чтожъ мы, въ самомъ дѣлѣ, крамольники что-ль какіе — стрѣльцы?....

— Стрѣльцы! — повторилъ Рокотовъ: — стрѣльцы-то были удальцы!.... Ну кто говоритъ: теперь они крамольники.... вѣстимо дѣло: чья взяла, тотъ и правъ.

— Послушай, Лаврентій Никитичь! сказалъ съ негодованіемъ Прокудинъ: — коли ты хочешь оставаться со мной пріятелемъ, такъ не изволь при мнѣ такихъ непритожихъ рѣчей говорить!

— Вижь какъ!.... А самъ-то ты?

— Грѣшный человѣкъ — и я иногда порощу, но все-таки люблю нашего батюшку Петра Алексѣевича и молюсь о его здравіи; а тотъ, кто называетъ Софью Алексѣевну своей матушкой и подхваливаетъ мятежныхъ стрѣльцовъ, тотъ самъ, коли не дѣломъ, такъ словомъ, такой же точно крамольникъ, какъ они.... не прогнѣвайся!....

— Вотъ какъ!

— Да, Лаврентій Никитичь! кто ненавидитъ законнаго своего государя и любитъ враговъ его, тотъ по моему:

Digitized by Google

не Русской, не православный и даже не христіанинъ.... не прогнѣвайся!

— Такъ ты этакъ-то? — молвилъ Рокотовъ, вставая. — Ну, Господь съ тобою! Поѣдемъ Герасимъ Николаевичь: намъ здѣсь дѣлать нѣчего.

— Что ты, что ты! — вскричалъ Шетневъ.

— Что я?.... Да развѣ не слышалъ? я не Русской, не православный и даже не христіанинъ. Прощай, Максимъ Петровичь! спасибо за угощенье!

— Лаврентій Никитичь! — сказалъ Прокудинъ: — я, можетъ статься, погорячился, и если сказалъ лишнее слово, такъ прости меня.... да только, воля твоя, и тебѣ непригоже такія рѣчи говорить. Вѣдь кажись, и ты также, какъ я, цаловалъ крестъ Государю Петру Алексѣевичу. Послушай, любезный: мнѣ, право, жаль, что я тебя обидѣлъ....

— Добро, добро! чего жалѣть: снявши голову, о волосахъ не плачутъ. Прощай!

— Да погоди, Лаврентій Никитичь! — сказалъ Шетневъ, идя въ слѣдъ за Рокотовымъ. — Воротись!

— Ни за что на свѣтѣ!.... Поди-ка лучше, да похлопочи, чтобъ князя Андрея свезли на мой красноярской хуторъ, а я прикажу сѣдлать коней.

— Да неужели ты не помиришься съ Прокудинымъ?

— Зачѣмъ? чтобъ опять поссориться? Вѣдь это ужъ не впервые. Да и Богъ съ нимъ совсѣмъ! Кто говоритъ: помоги Господи и нашимъ и вашимъ, съ тѣмъ каши не сваришь!

Черезъ полчаса въ селѣ Вздвиженскомъ изо всѣхъ гостей остались только Карпъ Савичь Пыжовъ и двое служивыхъ, пріѣхавшихъ съ Мамоновымъ, изъ которыхъ, благодаря гостепріимству Прокофія Сидорыча, одинъ сидѣлъ, покачиваясь на лавкѣ, и пѣлъ во все горло: Какъ во стольномъ градѣ во Кіевѣ, а другой давно ужъ лежалъ подъ лавкою и спалъ богатырскимъ сномъ.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

Премудрый вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, можетъ по всей справедливости назваться вѣкомъ изобрѣтеній, открытій и всякихъ улучшеній. Начиная отъ сѣрныхъ фосфорныхъ спичекъ до желѣзной атмосферической дороги, чего не сдѣлано, не открыто, не доведено до совершенства въ теченіе нашего девятнадцатаго столѣтія, а не смотря на это, мы все еще не выдумали *коврика-самолета*, извѣстнаго намъ по древнимъ преданіямъ, которыя мы, Богъ знаетъ почему, называемъ сказками. Теперь, по милости желѣзныхъ дорогъ, мы переносимся изъ одного мѣста въ другое довольно скоро, однакожъ все-таки не скорѣе птицъ. Ну есть-ли тутъ чѣмъ хвастаться? такъ-ли въ старину летали досужіе люди на коврикѣ-самолётѣ, съ быстротою котораго можетъ сравниться только одинъ электрическій телеграфъ, также придуманный въ наше время. Вамъ стоило тогда присѣсть на этотъ коверъ и сказать: «коврикъ-самолетъ! перенеси меня изъ села Вздвиженскаго въ Бессарабію, на берега Днѣстра,» и прежде, чѣмъ звукъ этихъ словъ исчезъ бы воздухѣ, вы очутились бы тамъ, куда я хочу теперь, за неимѣніемъ этого воздушнаго экипажа, перенести васъ, если не дѣломъ, такъ по крайней мѣрѣ мыслію.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Могилева, уѣзднаго города нынѣшней Подольской губерніи, на Бессарабской сторонѣ Днѣстра, есть небольшой городокъ, который прежде всѣ звали Сорокою, а теперь зовутъ иногда и Соколомъ. Не знаю, по какой причинѣ дали ему это птичье названіе; но во всякомъ случаѣ, если въ старину, когда этотъ городъ былъ укрѣпленнымъ и довольно значительнымъ городомъ, онъ назывался Сорокою, такъ теперь и подавно не за что его величать Соколомъ. Представьте себѣ огромный лугъ, или, вѣрнѣй сказать, цвѣтущую, роскошную долину, а посреди ея сотни полторы выбѣленныхъ известью домиковъ, которые, вмѣстѣ съ своими обширными плодовитыми садами, составляютъ почти равносторонній четыреугольникъ.

Digitized by Google

Въ близкомъ разстояніи отъ рѣки, изъ-за низкихъ кровель домовъ, подымаются стѣны небольшаго замка или крѣпости, вѣроятно построенной Генуэзцами. Излучистый Днѣстръ, выгибаясь дугою, обхватываетъ эту долину съ трехъ сторонъ, а съ четвертой заслоняютъ ее утесистые холмы нагорной стороны Днѣстра, то есть Бессарабскаго берега этой необычайно красивой и живописной рѣки.

Въ тысячу семьсотъ одиннадцатомъ году, на одномъ изъ этихъ холмовъ стоялъ хорошенькій домикъ, напоминающій своей восточной архитектурою затѣйливые Турецкіе кіоски, которыми обставлены всѣ берега Босфора. Сзади примыкала къ этому домику частая буковая роща, а съ лицевой стороны, окрашенной къ огороду, окружали его обширные виноградные сады; опускаясь широкими уступами, они тянулись по скату горы вплоть до самаго Днѣстра, который въ этомъ мѣстѣ, обогнувъ всю долину, приближался снова къ своему гористому Бессарабскому берегу. Этотъ домъ принадлежалъ молодой вдовѣ, богатой Молдаванской куконѣ Смарагдѣ Хереско. Въ немъ стоялъ временнымъ постоемъ больной Русской офицеръ. Я думаю, вы отгадали уже, любезные читатели, что дѣло идетъ о вашемъ старомъ знакомцѣ, Васильѣ Михайловичѣ Симскомъ. Онъ догналъ свой полкъ близь Львова, почувствовалъ себя нездоровымъ, перемогался, и когда Государь Петръ Алексѣевичъ прибылъ, 12-го числа Іюня, съ Преображенцами и Семеновцами въ городъ Сороку, Симской сдѣлался до того болѣнъ, что долженъ былъ снова разстаться съ своимъ полкомъ. Генералъ Вейде, котораго дивизія была расположена на Бессарабскомъ берегу Днѣстра, зналъ Симскаго лично и, по совѣту доктора, перевелъ его изъ городскаго лазарета на мызу Молдаванской помѣщицы Смарагды Хереско. 17 Іюня Государь Петръ Алексѣевичъ выступилъ въ походъ къ Пруту съ полками Преображенскимъ и Семеновскимъ. Хотя эти полки были также, какъ и теперь, пѣхотными, однакожъ въ походѣ садились всегда на коня и шли съ литаврами, штандартами и трубами; когда же приходили на мѣсто, имъ возвращали барабаны, и эти временные конные

Digitized by Google

полки становились снова пѣхотными. Вслѣдъ за Государемъ выступила вся артиллерія подъ начальствомъ генерала Брюса, пѣхотная дивизія генерала Вейде, конница подъ командою бригадира Моро де Бразе, и въ городѣ Сорокѣ осталась одна только дивизія князя Репнина, которому препоручено было окончить всѣ начатыя крѣпостныя работы.

Нѣсколько дней, проведенныхъ спокойнымъ и даже весьма пріятнымъ образомъ, помогли Симскому лучше всѣхъ лекарствъ: въ немъ осталась одна слабость; но она была еще такъ велика, что онъ никакъ не могъ сѣсть на коня или отправиться въ *каруцъ*, то есть огромной тряской телѣгѣ, догонять свой Преображенскій полкъ. Я сказалъ, что Симскому было не только спокойно, но даже пріятно жить на дачѣ куконы Хереско. Эта молодая и прекрасная вдова могла свободно объясняться съ своимъ постояльцемъ: она научилась говорить по нашему, гостя очень часто у своей родной сестры, жены одного Русскаго барина, который жилъ безвыѣздно въ Кіевѣ. Когда Симскаго помѣстили къ ней въ домъ, она, какъ добрая и гостепріимная хозяйка, приняла его очень ласково, и съ самымъ радушнымъ участіемъ позаботилась о его покоѣ. Казалось, это участіе было совершенно искреннимъ, потому что оно не только не уменьшалось, но безпрестанно увеличивалось, и самымъ замѣтнымъ образомъ. Въ первый день она зашла на минуту къ своему больному постояльцу, на второй провела съ нимъ цѣлый вечеръ, а на третій почти безвыходно просидѣла въ его комнатѣ. Когда Симскому стало полегче и онъ, хотя съ трудомъ, однакожъ могъ уже переступать и выдти на открытый воздухъ, Смарагда водила его по своимъ винограднымъ садамъ, отдыхала вмѣстѣ съ нимъ подъ тѣнью буковой рощи, поила изъ своихъ рукъ серальскимъ шербетомъ, кормила *дульцецомъ*, то есть сахарнымъ вареньемъ, ухаживала за нимъ, смотрѣла ему въ глаза, однимъ словомъ, не оставляла его ни на минуту и нянчилась съ нимъ, какъ самая нѣжная мать съ своимъ больнымъ ребенкомъ.

Однажды по утру, въ тотъ самый день, когда Государь Петръ Алексѣевичъ выступилъ съ гвардейскими пол-

Digitized by Google

ками изъ Сороки, Симской, опираясь на руку своей хозяйки, вышелъ изъ дома и присѣлъ на одну изъ ступенекъ крыльца, надъ которымъ подымалось великолѣпное орѣховое дерево, посаженное у самыхъ дверей дома. Смарагда Хереско сѣла подлѣ него. Трудно было-бъ рѣшить, кто изъ нихъ былъ прекраснѣе, разумѣется каждый въ своемъ родѣ. На Молдаванкѣ, сверхъ утренняго платья изъ полосатой шелковой *аладжи*, накинута была бархатная опушенная горностаемъ *фермеле*, то есть кофточка, похожая на нынѣшнія женскія коцавейки. Черная, блестящая, какъ вороново крыло, коса ея, обвиваясь дважды вокругъ головы, служила окольшемъ для пунцовой албанской фески или круглой шапочки, съ которой опускалась на одну сторону густая кисть изъ синяго шелку. Блѣдное и даже нѣсколько смуглое, но роскошно прелестное лицо ея, соединяло въ себѣ все то, что составляетъ идеалъ восточной красоты; черные, влажные глаза которые то выражали какую-то усталость, исполненную сладострастія и нѣги, то горѣли страстію и жгли своимъ огненнымъ взглядомъ; длинныя рѣсницы, тонкія брови дугою, коралловыя уста и два ряда зубовъ:

Какъ два жемчужныхъ ожерелья.

Представьте себѣ все это и вы будете тогда имѣть понятіе о прекрасной куконѣ Смарагдѣ Хереско.

Симской, рослый, статный юноша, съ лицемъ, похудѣвшимъ отъ болѣзни, но все еще румянымъ, съ задумчивымъ взоромъ своихъ свѣтло-голубыхъ глазъ и русыми волнистыми кудрями, которыя опускались небрежно на его бѣлую шею и широкія плечи, могъ также назваться образцемъ этой Славяно-Русской самобытной красоты, плѣняющей насъ не страстнымъ выраженіемъ лица, не пламенемъ очей; но какимъ-то величавымъ спокойствіемъ, тихой, привѣтливой улыбкою и этимъ мочнымъ, свѣтлымъ взглядомъ, который обѣщаетъ не минутную, безумную страсть, но вѣрную, постоянную любовь до гроба; не бѣшеную, мимолетную храбрость, но твердое, ни чѣмъ не поколебимое мужество. Молдаванка сидѣла молча подлѣ своего больнаго и не спускала

Digitized by Google

съ него глазъ; казалось, Симской не замѣчалъ этого и смотрѣлъ все на городъ, изъ котораго выходило Русское войско. Вдругъ задумчивый взоръ его оживился и онъ, обратясь къ своей хозяйкѣ, сказалъ:

— Смарагда! видишь-ли ты это войско, вонъ что подымается въ гору?.... это Преображенской полкъ, въ которомъ я служу.

— Если ты въ немъ служишь, — промолвила кукона, глядя съ нѣжностію на Симскаго, — то ужъ вѣрно этотъ полкъ лучше всѣхъ полковъ.

— Да! Государь его жалуетъ.

— Куда же онъ идетъ?

— Въ походъ.

— За Дунай?

— Богъ вѣсть! говорятъ, визирь переправился чрезъ Дунай и хочетъ насъ встрѣтить подъ Прутомъ.

— Подъ Прутомъ? Да это недалеко. У меня помѣстье есть въ Орхеевскомъ цынутѣ на самомъ берегу Прута.

— Можетъ быть, — продолжалъ Симской грустнымъ голосомъ, — дней черезъ пять, храбрый Преображенскій полкъ помѣрится со врагомъ, отличится передъ другими полками, а я буду сидѣть здѣсь, сложа руки....

— Такъ что-жъ? — перервала съ живостію Молдаванка. — Тѣмъ лучше! Дай Богъ, чтобъ ты долго, долго не выздоровѣлъ!

— Спасибо, Смарагда!

— Ахъ, Василій Михайловичь! ты не знаешь этихъ Турковъ: они такіе злые!.... Они тотчасъ отрѣжутъ тебѣ голову.

— Авось не отрѣжутъ! Вѣдь наши Русскіе багенеты стоютъ ихъ Турецкихъ ятагановъ.

Молдаванка покачала печально головою.

Digitized by Google

— Небойсь добрая Смарагда, — сказалъ Симской, — мы за себя постоимъ.

— Дай-то Богъ! — прошептала кукона. — Только и въ Яссахъ и въ Бухарестѣ, вездѣ я слышала, что сильнѣе Турковъ нѣтъ народа въ свѣтѣ.

Симской улыбнулся. Вѣроятно, ему пришло въ голову то, что въ наше время высказалъ Крыловъ, у котораго мыши убѣждены, что сильнѣе кошки на свѣтѣ звѣря нѣтъ.

— Чему-жъ ты смѣешься? — сказала почти съ упрекомъ Смарагда. — Да если Русскіе и одолѣютъ Турковъ, такъ развѣ тебя не могутъ убить?

— Такъ чтожъ? Дай Богъ нашему великому Царю остаться въ живыхъ и побѣдить супостата, а я умру съ родостію. Смерть за Царя и за родину честна предъ Господомъ.

— О, нѣтъ! — вскричала Молдаванка, — пусть пропадетъ все Русское войско, пустъ гибнетъ вашъ Царь, лишь только бы ты остался живъ!

— Я?.... И, кукона! охота тебѣ говорить такія рѣчи!.... Ну что такое я одинъ въ сравненіи съ Царемъ и всѣмъ православнымъ Русскимъ войскомъ? Да развѣ всякой изъ насъ не долженъ умереть съ радостію за свое отечество?

— Отечество! — повторила съ презрѣньемъ Молдаванка. — И у меня есть отечество: я родилась въ Молдавіи. Да что мнѣ до нее? Пусть ею владѣютъ Турки, Нѣмцы, Русскіе — по мнѣ все равно!.... Ахъ, нѣтъ! теперь я хотѣла бы, чтобъ мы были ваши: тогда и я была бы Русская.....

— Бѣдняжка! — подумалъ Симской, глядя съ сожалѣніемъ на свою хозяйку. — Нѣтъ ты не знаешь, что такое свой Царь и свое отечество!.... Ты Молдаванка, вѣруешь въ Христа и все таки раба невѣрнаго Турка!.... О, конечно, у такихъ рабовъ нѣтъ ни царя, ни отечества!

— Вотъ дѣло другое, — продолжала кукона, — умереть за одного.... о, это я понимаю!.... умереть за того,

Digitized by Google

кого любишь!.... да тутъ и спрашивать нѣчего: эта смерть милѣе жизни!

— А я такъ думаю, — сказалъ Симской,—что лучше умереть за всѣхъ, чѣмъ за одного.

— За всѣхъ, за всѣхъ! — перервала съ досадою Смарагда. — Ты, я, вижу, всѣхъ любишь!

— Такъ чтожъ, кукона? намъ и Богъ велѣлъ всѣхъ любить.

— Скажи мнѣ, Василій Михайловичь, прошептала Молдаванка, помолчавъ нѣсколько времени, — только скажи правду: любишь-ли ты меня?

— Тебя!.... Да какъ же мнѣ тебя не любить? Ты приняла меня какъ своего кровнаго, заботилась обо мнѣ какъ о родномъ братѣ.... У меня сестры не было, Смарагда, но мнѣ кажется, что я сталъ бы ее любить точно также, какъ люблю тебя.

— Сестры!.... А любилъ-ли ты кого-нибудь больше родной сестры, больше самого себя.... больше всего на свѣтѣ.

— Да, Смарагда, любилъ и теперь еще люблю.

Молдаванка вздрогнула; ея смуглыя щеки покрылись блѣдностію, уста посинѣли и она промолвила прерывающимся голосомъ:

— Что-жъ та, которую ты любишь, Русская?

— Русская.

— И вѣрно.... твоя невѣста?

— О, нѣтъ! Я хотѣлъ на ней жениться, но ея родные этого не хотѣли. Теперь, я думаю, она давно ужъ замужемъ.

— Замужемъ!—повторила Смарагда и потухшій взоръ ея снова оживился. — Такъ ты любишь замужную женщину?.... ахъ, Василій Михайловичь, это не хорошо!

— И радъ бы не любить, кукона, да видно любовь-то дѣло невольное.

Digitized by Google

— А знала-ли она, что ты ее любишь?

— Какъ не знать: вѣдь я за нее сватался.

— Такъ видно эта Русская тебя не любила.

— Любила или нѣтъ, про то знаетъ она. Вѣдь у насъ дѣвицы очень скромны, Смарагда.... Однако-жъ, по всему было замѣтно, что я пришелъ ей по сердцу.

— И она, любя тебя, вышла замужъ за другаго?

— Поневолѣ пойдетъ, когда прикажутъ.

— Когда прикажутъ! И вы называете это любовью?— перервала съ жаромъ Молдаванка. — Да кто можетъ приказать мнѣ?....

— Вѣстимо кто: отецъ, мать, родные....

— Родные! Да какое имъ дѣло до моей любви?.... Развѣ они могутъ сказать мнѣ: отдай себя немилому человѣку и забудь о томъ, кого ты любишь; сноси съ покорностію ненавистныя ласки твоего мужа, ласкай его сама и не люби того, кому ты отдала всѣ помышленія, всю душу свою!.... Не люби! Да развѣ это не все тоже, еслибъ мнѣ сказали: живи себѣ на здоровье, да только не дыши воздухомъ, безъ котораго ты не можешь жить!.... Нѣтъ, Василій Михайловичь, эта Русская не стоитъ твоей любви! Если бъ я была на ея мѣстѣ, ты увидѣлъ бы тогда, какъ любятъ Молдаванки!.... Быть твоей женой, твоей любовницей.... рабою.... о! за одинъ день этого блаженства я отдала бы всю жизнь мою, ушла бы за тобой на край свѣта! Пусть отецъ бы проклялъ меня, мать покинула, родные бросили — что мнѣ до этого, я ужъ не ихъ, когда люблю!

Страстная кукона была въ эту минуту неизъяснимо прекрасна; дикой пламень ея черныхъ очей былъ такъ очарователенъ, что всякій просвѣщенный юноша тотчасъ бы упалъ передъ нею на колѣни: но Василій Михайловичь былъ въ этомъ отношеніи совершенный варваръ. Понятія, которыя онъ имѣлъ о женской скромности, разумѣется понятія невѣжественныя, отсталыя, но закоренѣлыя, какъ вся-

Digitized by Google

кой старый предразсудокъ, сгубили одну изъ самыхъ поэтическихъ минутъ въ его жизни. Вмѣсто того, чтобъ восхищаться и падать на колѣни, онъ молча и съ примѣтнымъ ужасомъ глядѣлъ на свою хозяйку. Эта безумная страсть, эти, почти богохульныя слова, въ устахъ женщины, казались ему до того преступными, что онъ готовъ былъ перекреститься и сотворить молитву. Впрочемъ, это непріятное впечатлѣніе продолжалось не долго; не смотря на его неопытность, — общій недостатокъ молодыхъ людей тогдашняго времени — ему нельзя было не отгадать, что Смарагда его любитъ; и надобно отдать справедливость Симскому: онъ не обрадовался этому, напротивъ, ему стало жаль бѣдной куконы. Онъ чувствовалъ, что можетъ быть только ея другомъ и любить какъ родную сестру. Не знаю, что̀ сдѣлалъ бы Симской, еслибъ сердце его было свободно, но вѣроятно и тогда бы онъ не захотѣлъ на ней жениться, не потому чтобъ она ему не нравилась.... о, нѣтъ! кукона Хереско была истинно прекрасная женщина; но въ любви ея было что-то страшное для Симскаго, и эта буйная, неистовая страсть казалась ему чувствомъ не только не женскимъ, но даже вовсе неестественнымъ.

— Ну что-жъ ты на меня такъ смотришь? — продолжала Смарагда. — Или ты не вѣришь, Русской, что мы, Молдаванки, можемъ такъ любить?

— Да, кукона, — отвѣчалъ Симской, — мнѣ что-то не вѣрится. Вмѣнять ни во что̀ отцовское проклятіе, отказаться отъ родной матери, да это, чай, не водится и у Турковъ, а вѣдь вы христіане.

Молдаванка посмотрѣла съ удивленіемъ на Симскаго.

— Такъ ты этого не понимаешь? — сказала она.

— Нѣтъ, Смарагда, не понимаю.

— Да какъ же ты любилъ свою Русскую?

— Я любилъ ее какъ будущую мою подругу, какъ счастье и радость всѣхъ дней моихъ; но вовсе не хотѣлъ,

Digitized by Google

чтобъ она была моей рабою и самъ бы не пошелъ къ ней въ рабы.

— Такъ ты еще никогда не любилъ, Василій Михайловичь, да врядъ-ли и будешь когда-нибудь любить!.... Правду говорятъ, что ваша Русь земля холодная....

— Бываетъ и у насъ тепло, Смарагда, — сказалъ съ улыбкою Симской.

— Да видно такъ рѣдко, — перервала кукона, — что вамъ и оттаять нѣкогда.... Да что объ этомъ!.... Ты мнѣ сказалъ, что любишь меня какъ сестру родную....

— О, конечно, моя добрая Смарагда!....

— Такъ я могу называть тебя милымъ другомъ.... ласкать какъ роднаго брата.... не правда-ли, Василій?.... — примолвила Молдаванка, опустивъ свою прелестную головку на плечо Симскаго.

Въ эту самую минуту, сквозь густыхъ виноградныкъ лозъ, сверкнулъ, какъ молнія, огненный взглядъ, потомъ послышались шаги, и на тропинку, которая подымалась въ гору вышли двое мужчинъ, одинъ одѣтый довольно просто, другой залитый въ золото и укутанный въ турецкія шали. Этотъ послѣдній, не смотря на свою богатую одежду, шелъ позади и несъ въ рукахъ пунцовый щитый золотомъ мѣшокъ и турецкую трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ.

— Кто это? — спросилъ Симской.

— Кажется....— сказала Смарагда. — Ну, такъ и есть! это боляръ Алеско Палади съ своимъ арнаутомъ.

— Что, онъ твой родственникъ?

— Нѣтъ, чужой.... и чего онъ отъ меня хочетъ?.... Кажется, въ послѣдній разъ я обошлась съ нимъ не очень ласково.... Да вотъ я его такъ угощу, что онъ долго ко мнѣ не пожалуетъ!

Digitized by Google

Высокій и статный Молдаванинъ подошелъ къ крыльцу и, не удостоивъ Симскаго взглядомъ, поклонился Смарагдѣ. Этотъ бояръ Алеско Палади былъ еще довольно молодъ, и могъ бы назваться прекраснымъ мужчиною, еслибъ его орлиный носъ былъ нѣсколько поменьше, а черныя густыя брови не придавали его взгляду такой угрюмый, непріязненный видъ.

— Здравствуй, кукона! — сказалъ онъ по-молдавански.

Смарагда кивнула молча головою. Молдаванинъ сѣлъ подлѣ нее на ступеньку крыльца и закричалъ арнауту: Хе!.... Янке! ада чубуче!

Арнаутъ высѣкъ огня, закурилъ трубку и подалъ ее своему господину.

— Смарагда! — сказалъ Симской, вставая:—я пойду къ себѣ въ комнату и прилягу на минутку.

— Въ самомъ дѣлѣ, Василій Михайловичь — отдохни. Мы съ тобой сегодня много ходили.... А вотъ, постой! я тебя провожу, — примолвила Смарагда вставая.

— Зачѣмъ? — я и самъ дойду.

— Да ты еще такъ слабъ....

— О, нѣтъ! сегодня я чувствую себя гораздо лучше. Останься съ своимъ гостемъ.

— Хорошо, я съ нимъ останусь, да только будетъ-ли ему со мною весело.

Симской вошелъ въ домъ, а кукона сѣла опять на прежнее свое мѣсто.

ГЛАВА VI.

— Кукона! — сказалъ въ полголоса бояръ Палади, указывая чубукомъ на уходящаго Симскаго, — что это за человѣкъ?

— Мой постоялецъ, — отвѣчала Смарагда. — Русской офицеръ.

Digitized by Google

— Къ тебѣ поставили больнаго офицера, а этотъ, кажется, здоровъ.

— Здоровъ! да развѣ ты не видишь, что онъ насилу ходитъ?

— Скажи мнѣ, кукона, — промолвилъ Алеско Палади, помолчавъ нѣсколько времени, — что̀ съ тобою сдѣлалось?

— Со мною? ничего....

— Какъ ничего? Я не узнаю тебя. Ты почти не говоришь со мной, не хочешь меня видѣть. Третьяго дня меня увѣрили, что ты уѣхала въ городъ, а въ городѣ тебя не было; вчера вышла ко мнѣ твоя цыганка и сказала, что ты нездорова ... Ну вотъ теперь я засталъ тебя на крыльцѣ, и по̀ лицу твоему нельзя замѣтить, чтобъ ты была больна.... Чтожъ это значитъ?.... Если я въ чемъ провинился передъ тобою, такъ скажи.

Смарагда молчала.

— Чтожъ ты не отвѣчаешь, кукона? продолжалъ бояръ Палади. — Я хочу непремѣнно знать, отъ чего ты ко мнѣ перемѣнилась?

— Да съ чего ты взялъ, что я перемѣнилась? — сказала Смарагда, взглянувъ равнодушно на своего гостя.

Этотъ вопросъ, конечно очень неумѣстный, но довольно обыкновенный въ подобныхъ случаяхъ, заставилъ вспыхнуть Молдаванина.

— И ты можешь меня объ этомъ спрашивать! — вскричалъ онъ.

— Ахъ, не кричи, бояръ! — перервала Смарагда. — Я этого терпѣть не могу!.... Ну да, съ чего ты взялъ, что я перемѣнилась? Развѣ я не все та же знакомая твоя кукона Хереско, которая принимала тебя, какъ хорошаго пріятеля, и которой — не прогнѣвайся бояръ! — ты начинаешь ужасно надоѣдать своей любовью.

— Надоѣдать! — повторилъ Молдаванинъ, и глаза его засверкали. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но остановился и, помолчавъ нѣсколько времени, промолвилъ тихимъ голосомъ:

Digitized by Google

— Ну, кукона, видно память-то у тебя очень коротка! Давно-ли, вотъ здѣсь подъ этимъ деревомъ, ты говорила мнѣ: погоди, милый Алеско, дай мнѣ подумать!

— Ты лжешь! — перервала съ живостію Смарагда: — я не называла тебя милымъ, а хотѣла подумать — это правда! Ну вотъ я подумала и говорю тебѣ рѣшительно: бояръ Алеско Палади! я не хочу выходить замужъ.

— Ни за кого?

— Нѣтъ, этого я не говорю. Захочу, такъ выду.

— Смарагда! — проговорилъ, задыхаясь отъ бѣшенства Молдаванинъ.

— Да, бояръ! — продолжала твердымъ голосомъ кукона, — я могу отдать себя тому, кто придетъ мнѣ по-сердцу, могу сдѣлаться его женою или невольницей — все равно! была бы на это моя воля; но ни ты, ни нашъ господарь, ни самъ падишахъ не возьмутъ меня насильно. Ступай въ Стамбулъ, бояръ Палади, покупай тамъ на базарѣ невольницъ, а Смарагда Хересско не раба: ее нельзя ни купить, ни продать.

— Да развѣ я этого не знаю? — сказалъ Молдаванинъ, стараясь удерживать свой гнѣвъ. — Ты, конечно, вольна отдать себя кому захочешь, но гдѣ ты найдешь человѣка, который любилъ бы тебя такъ страстно, какъ я? Давно ли ты сама — не гнѣвайся, кукона, я говорю правду — давно-ли ты сама была со мною такъ ласкова, встрѣчала меня всегда съ такой радостной улыбкою — и вдругъ я сдѣлался тебѣ противенъ, ты стала убѣгать меня, отворачиваться отъ меня съ презрѣніемъ — ну вотъ какъ теперь.... не слушать рѣчей моихъ ...

— Такъ зачѣмъ же ты говоришь со мною? — промолвила Смарагда, которая, отворотясь отъ своего гостя, смотрѣла разсѣянно въ ту сторону, гдѣ проходило густыми рядами Русское войско.

— Зачѣмъ! — повторилъ Молдаванинъ. — Неблагодарная! да знаешь-ли, какъ я люблю тебя?.... Въ Бухаре-

Digitized by Google

стѣ господарь предлагалъ мнѣ руку своей племянницы, я отказался отъ этой чести и онъ сдѣлался навсегда врагомъ моимъ. Мой родственникъ, любимый драгоманъ великаго падишаха, звалъ меня въ Стамбулъ, обѣщалъ и богатство и почести — я не поѣхалъ для того, чтобъ не разстаться съ тобою. Для кого отказался я отъ званія великаго спатаря, которое предлагалъ мнѣ князь Кантемиръ? Для кого покинулъ я мою родину, уѣхалъ изъ Яссъ — разстался съ родными?....

— Ужъ вѣрно не для меня, — перервала Смарагда, продолжая смотрѣть въ поле. — Я тебя объ этомъ никогда не просила.

Бояръ Палади поблѣднѣлъ.

— Смарагда! — сказалъ онъ, — ты не женщина, а дикой звѣрь!

Влюбленный Молдаванинъ ошибся. Нѣтъ! вамъ скорѣе удастся разжалобить дикаго звѣря, чѣмъ женщину, страстно влюбленную, но только не въ васъ. Если вы перестали ей нравиться и она любитъ другаго, то все, чтобъ вы ни дѣлали, будетъ напрасно. Чѣмъ болѣе вы имѣете правъ на любовь ея, тѣмъ вы будете казаться ей несноснѣе. Если вы не хотите этого, такъ скрывайте ваши страданія, терпите, глотайте молча слезы.... Конечно и это вамъ не поможетъ: она не сжалится надъ вами, но по крайней мѣрѣ пожалѣетъ о васъ. Перестаньте любить ее, постарайтесь забыть, что и она такъ же васъ любила.... о! тогда, быть можетъ, вы сдѣлаетесь ея другомъ. Но Боже васъ сохрани упрекать, жаловаться и пуще всего вспоминать о прошедшемъ — это увеличитъ только ея ненависть и она не захочетъ васъ знать даже и тогда, когда пройдетъ этотъ душевный недугъ, этотъ безумный бредъ, который не покидалъ ее ни днемъ, ни ночью, и отъ котораго да избавитъ васъ Господь Богъ, любезныя читательницы!

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Смарагда встала.

Digitized by Google

— Извини меня, бояръ, — сказала она. — Я не могу долѣе съ тобой бесѣдовать: у меня на рукахъ больной.

— Больной! — повторилъ съ горькой усмѣшкою Палади. — Да! онъ очень походитъ на больнаго!.... Постой, кукона! еще одно слово!.... Когда я подходилъ къ твоему дому, ты сидѣла, кажется, очень близко подлѣ этого больнаго?

— Такъ чтожъ?

— Мнѣ показалось даже, что ты лежала на его плечѣ?

— Можетъ быть.

— И ты въ этомъ признаешься?....

— А для чего я буду запираться передъ тобою? Что ты, мужъ мой, братъ или женихъ?

— Ты любишь этого Русскаго?

— Да! люблю.

Молдаванинъ вскочилъ; глаза его налились кровью, а правая рука судорожно ухватилась за рукоятку кинжала.

— Бояръ Палади! — сказала кукона, глядя смѣло въ глаза своему гостю: — этотъ Русской не виноватъ, что я его люблю, онъ даже и не знаетъ объ этомъ: такъ если тебѣ вздумается убить кого-нибудь изъ насъ — убей меня! Я смерти не боюсь! — примолвила грустнымъ голосомъ Смарагда.

Эти слова, казалось, немного успокоили Молдаванина.

— Ты его любишь! — сказалъ онъ — Не даромъ же я ненавижу этихъ Русскихъ!.... Да вотъ увидимъ, какъ-то они вернутся изъ-подъ Прута!.... Черезъ нѣсколько дней и твой постоялецъ отправится туда же, и, можетъ быть, его угостятъ тамъ не по твоему, кукона!.... Визирь ужъ близко, а гдѣ онъ съ непобѣдимымъ войскомъ великаго падишаха, тамъ гибнетъ все!.... Неужели, Смарагда, ты будешь думать объ этотъ Русскомъ даже и тогда, когда онъ погибнетъ?

— Нѣтъ! я не стану тогда о немъ думать, а умру поскорѣе, чтобъ никогда съ нимъ не разставаться.

Digitized by Google

— О, если такъ, — перервалъ Палади, — такъ ты не долго наживешь! Прощай, кукона!

— Прощай, бояръ.

— Прощай, любовница Русскаго офицера!

— Да! — перервала съ жаромъ Молдаванка, — его любовница, а не жена твоя! Слышишь, бояръ Палади?

— Слышу, — прошепталъ Молдаванинъ, взглянувъ угрюмо на Смарагду. — Слышу, кукона, и не забуду объ этомъ.

— Я презираю твои угрозы и ругательства, злой человѣкъ! — сказала Смарагда, глядя вслѣдъ за своимъ незваннымъ гостемъ. — Кукона Хереско не была ни чьей любовницей, но она скорѣй будетъ рабой послѣдняго изъ Русскихъ, чѣмъ твоей женою, ненавистный Молдаванинъ!

Прошло еще два дня. Бояръ Палади не показывался, а Симскому становилось все лучше. Вотъ на третій день, часу въ осьмомъ утра, онъ надѣлъ на себя полный мундиръ и вошелъ въ комнату къ своей хозяйкѣ.

— Прощай, Смарагда! — сказалъ онъ — Я иду въ городъ.

— Въ городъ! — повторила съ примѣтнымъ испугомъ кукона. — Зачѣмъ?

— Сначала зайду къ коменданту и скажу, чтобъ меня выписали изъ числа больныхъ, а тамъ явлюсь къ князю Репнину.

— Я слышала, что онъ завтра уходитъ съ войскомъ изъ Сороки.

— Да, его дивизія идетъ къ Пруту. Чѣмъ мнѣ догонять армію одному, я попрошу, чтобъ меня прикомандировали къ какому-нибудь полку.

— Такъ ты хочешь завтра отправиться?

— Я ужъ совсѣмъ здоровъ, Смарагда, такъ мнѣ грѣшно будетъ передъ Богомъ и стыдно передъ товарищами

Digitized by Google

оставаться здѣсь на покоѣ. Мнѣ кажется, — примолвилъ съ улыбкою Симской, — я и такъ довольно у тебя погостилъ.

— Довольно!.... нѣсколько дней!.... Ну, видно, ты не очень любишь свою сестру!

— Что же дѣлать, мой другъ! Мнѣ и самому грустно съ тобой разстаться....

— А почему знать, можетъ быть, мы съ тобой не разстанемся?.... Я тебѣ говорила, что у меня есть помѣстье Кутъ-Маре, на самомъ берегу Прута: развѣ я не могу туда переѣхать?

— Да вѣдь Прутъ-то не маленькая рѣчка, Смарагда. Говорятъ, онъ немногимъ поменьше Днѣстра, такъ, можетъ статься, наше войско остановится верстъ за сто отъ твоего помѣстья.

— А можетъ быть и недалеко. Верстъ пять отъ Кутъ-Маре есть урочище, которое зовутъ Рябой могилою. Мнѣ сказывали, что тамъ войску расположиться очень хорошо, мѣсто такое привольное. Не знаю отъ чего, а мнѣ кажется, что вы будете тамъ стоять лагеремъ.

— Вотъ этого-то я и боюсь, моя добрая Смарагда. Въ военное время чѣмъ дальше живешь отъ войска, тѣмъ лучше. Мало-ли что можетъ случиться! Хоть у насъ и очень строго, а все поручиться нельзя: и казаки къ тебѣ заѣдутъ, и шалуны солдаты забредутъ. Нѣтъ, мой другъ, останься лучше здѣсь.

— Ни за что на свѣтѣ.

— Ну а коли на бѣду мы около тебя сойдемся съ Турками?

— Такъ чтожъ?.... Господь милостивъ, можетъ быть, съ тобой ничего не будетъ; а если, Боже сохрани, тебя ранятъ, кто станетъ за тобой ходить, кто сбережетъ тебя?.... Нѣтъ, мой милый другъ! ужъ если ты назвалъ меня сестрою, такъ покину-ль я тебя!

Digitized by Google

— Послушай, Смарагда: да коли мы и въ самомъ дѣлѣ остановимся подлѣ твоего помѣстья, такъ чтожъ отъ этого?.... Мы все-таки не будемъ видѣться. Въ военное время изъ лагеря отлучиться нельзя.

— Такъ я сама къ тебѣ пріѣду.

— Какъ это можно, Смарагда! Что̀ скажутъ о тебѣ добрые люди?

— Что мнѣ до этого!.... Да и почемужъ мнѣ не пріѣхать къ вамъ въ лагерь?.... У васъ такъ много будетъ барынь. Всѣ жены вашихъ Нѣмецкихъ генераловъ поѣхали на Прутъ съ своими мужьями: я познакомлюсь съ ними....

— И все-таки не увидишь меня. Вѣдь военный лагерь не городъ: тамъ у всякаго свое дѣло. Я же съ нашими Нѣмецкими генералышами вовсе незнакомъ.

— Да ужъ какъ хочешь! — перервала кукона. — Что будетъ то будетъ, а я непремѣнно поѣду въ Кутъ-Маре, и если не увижу тебя, такъ по крайней мѣрѣ буду знать гдѣ ты....

— Ну, воля твоя! только я, право, боюсь за тебя....

— И, мой милый другъ! коли эти чопорныя Нѣмки не побоялись ѣхать за своими мужьями, такъ чего же ты за меня боишься?.... Да что это тебѣ вздумалось идти въ городъ пѣшкомъ, Василій Михайловичь? Вѣдь это не близко. Вели заложить мою кочу.

— Нѣтъ, я хочу пройтись пѣшкомъ. Прощай, моя добрая Смарагда!

— Прощай, мой милый братъ!

Окончивъ въ городѣ всѣ свои дѣла, Симской отправился въ обратный путь. День былъ жаркій; полуденное солнце горѣло на темносинихъ, безоблачныхъ небесахъ. Изрѣдка только затихающій вѣтерокъ шелестилъ между деревьями и игралъ въ струяхъ Днѣстра, по берегу котораго шелъ Симской. Хоть онъ вовсе не спѣшилъ и шелъ очень тихо, однакожъ почувствовалъ наконецъ большую усталость, и

Digitized by Google

чтобъ отдохнуть гдѣ-нибудь подъ тѣнью, свернулъ съ дороги въ большой, поросшій лѣсомъ, оврагъ, который шелъ покатистой лощиною между двухъ высокихъ холмовъ, покрытыхъ также частымъ дубовымъ лѣсомъ. Дойдя до перваго вѣтвистаго дерева, Симской присѣлъ подъ тѣнь его, и когда посмотрѣлъ вокругъ себя, то увидѣлъ, что не онъ одинъ пріютился отъ жару въ этомъ прохладномъ и тѣнистомъ оврагѣ: въ двадцати шагахъ отъ него, подлѣ широкаго ручья, который вливался въ Днѣстръ, расположились табором вольные цыгане. Пары четыре усталыхъ воловъ лежало между деревьями; три спутанныя лошади и два жеребенка бродили по берегу ручья и щипали траву. Въ срединѣ полукруга, составленнаго изъ нѣсколькихъ огромныхъ каруцъ, висѣлъ надъ огонькомъ чугунный котелъ. Вокругъ его валялись запачканные ребятишки, изъ которыхъ многіе не были даже покрыты и лохмотьями. По видимому, эта роскошь была предоставлена однимъ взрослымъ и въ особенности женщинамъ, но и тѣ не слишкомъ были обременены одеждою, то есть всякаго рода тряпьемъ и ветошками, которыя кажутся намъ такъ красивы и живописны въ картинѣ и которыя такъ отвратительны на самомъ дѣлѣ. Одинъ молодой цыганъ гудѣлъ на скрыпкѣ, передъ нимъ двѣ босыя дѣвчонки коверкались и прыгали какъ полоумныя, припѣвая Молдаванскую плясовую пѣсню: «мититика винамъ коче;» подлѣ нихъ два безобразныхъ цыганенка дрались и грызли другъ друга, какъ цѣпныя собаки, а третій, не обращая на нихъ никакого вниманія, боролся съ ручнымъ медвѣженкомъ. Всѣ взрослые цыгане, собравшись въ кружокъ, разсуждали съ большимъ жаромъ. Симскому не трудно было отгадать, что предметомъ совѣщанія была какая-то тощая лошадь. Этотъ лошадиный остовъ, который цыгане ощупывали и осматривали со всѣхъ сторонъ, стоялъ повѣсивъ голову и, вѣроятно, вовсе не подозрѣвалъ, что досужіе люди сбираются подкрасить ему зубы, понахлестать хорошенько, выхолить и превратить изъ старой клячи въ молодаго и борзаго коня. Ближе всѣхъ къ Симскому сидѣла на пенькѣ высокаго роста женщина,

Digitized by Google

лѣтъ подъ сорокъ. Она вся была обвѣшана старыми тряпками и всякой цвѣтной встошью, которыя впрочемъ такъ искусно были на нее набросаны, что издали она казалась почти одѣтою. Рѣзкія черты ея смугловато-желтаго лица были довольно правильны; но дикій, почти безумный, взглядъ и нечесаные, раскинутые по плечамъ, черные какъ смоль, волосы придавали ей видъ настоящей вѣдьмы, которыя, какъ извѣстно, сбираются по ночамъ на Лысой горѣ, близъ Кіева. Она сидѣла, покачиваясь изъ стороны въ сторону, и пѣла въ полголоса:

«Арды ма, фриджи ма,
«Ли карбуне пуне ма,
«Де май пуне пи карбуне
«Амурезо ну ти спуне!

то есть:

«Жги меня, жарь меня,
«На огнѣ пали меня
«И на угляхъ на каленыхъ —
«Имя друга не скажу!»

Вдругъ ея быстрый взглядъ повстрѣчался съ взглядомъ Симскаго; она встала, подошла къ нему и сказала довольно чисто по-Русски: Здравствуй, бояръ!

— Здравствуй, голубушка! — отвѣчалъ Симской. — Гдѣ ты научилась говорить по нашему?

— Я жила долго въ Могилевѣ и въ Черниговѣ, а матуся моя была родомъ изъ Москвы.... Ну что, мое красное солнышко: хочешь, я тебѣ поворожу?....

— О чемъ?

— Вѣстимо о чемъ: о твоей Московской зазнобушкѣ.

— У меня нѣтъ никакой зазнобушки.

— Лжешь, бояръ!.... Вижь, ты какой молодецъ!.... Ужъ коли у тебя нѣтъ коханочки, такъ видно у васъ въ Москвѣ и краснымъ дѣвушкамъ не водъ. Ну что, хочешь-ли, я поворожу тебѣ о суженой?....

Digitized by Google

— Нѣтъ, не хочу.

— Такъ о томъ, молодецъ, уцѣлѣетъ-ли твоя головушка на плечахъ.

— Моя голова?

— Ну, да! Вѣдь вы пришли сюда съ Туркомъ-то не бражничать. Небойсь! я тебѣ всю правду скажу.

— Нѣтъ, голубушка, я этого впередъ знать не хочу.

— Экой ты какой!.... Да дай же мнѣ, золотой, свою ручку!.... Ты мнѣ на ладонку положи серебро, а я тебѣ скажу добро.

Симской, чтобъ отвязаться отъ цыганки, подалъ ей серебряный пяти-копѣечникъ.

— Спасибо, добрый молодецъ!—молвила цыганка. — Дай же я тебѣ поворожу.

— Ну поворожи, да только скорѣе, — сказалъ Симской, протягивая руку.

— Ай, ай, ай! — прошептала цыганка: — да ты никакъ заколдованъ, молодецъ!.... Смотри-ка, смотри!.... сабли Турецкія тебя не берутъ, ядры и пули мимо летятъ!.... А есть у тебя злодѣй.... Ухъ, какъ черная немочь его коробитъ!.... вотъ такъ бы и съѣлъ тебя!.... Да не потѣшится онъ надъ твоей головушкой!.... Не таковъ его таланъ: самому глаза въ чистомъ полѣ галки выклюютъ, а тебя Господь помилуетъ.... Да, да!.. смотри: вонъ онъ, подъ кустомъ лежитъ; а ты, молодецъ.... у! далеко отсюда.... видишь тамъ?.... вонъ, гдѣ золотыя-то маковки на солнышкѣ горятъ....

— Ужъ не въ Москвѣ-ли? — перервалъ Симской.— Нѣтъ, любезная, не отгадала: я въ Москву ни за что не поѣду.

— Эхъ, мой ясный соколъ! — сказала цыганка, — ну вотъ и помѣшалъ: теперь ничего не вижу. Положи-ка еще на ладонку!

Digitized by Google

— Хорошо, голубушка, будетъ съ меня и этого. Ступай съ Богомъ!

Цыганка не успѣла отойдти нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ изъ-за деревьевъ раздался выстрѣлъ и пробитая насквозь шляпа слетѣла съ головы Симскаго. Въ то же время поднялся ужасный крикъ во всемъ таборѣ: пуля, назначенная по-видимому для Симскаго, не сдѣлавъ ему никакого вреда, попала въ старую клячу, около которой хлопотали цыгане, и убила ее наповалъ.

— Ну вотъ, мое красное солнышко! — молвила цыганка, обернясь къ Василью Михайловичу: — правду-ли я сказала, что тебя пули не берутъ и что у тебя есть злодѣй? Смотри же, молодецъ, и впередъ цыганкамъ вѣрь! — примолвила она, садясь по прежнему на пенекъ и запѣвая снова:

Арды ма, фриджи ма
Пи карбуни пуни ма!

— Нѣтъ, — подумалъ Симской, разсматривая свою шляпу, — это не дробь!.... А вѣдь охотники по дичинѣ пулями не стрѣляютъ.... Неужели въ самомъ дѣлѣ у меня есть злодѣй?.... Да ктожъ онъ такой?... Я здѣсь, кромѣ Смарагды, никого не знаю. Чтожъ это такое?...

Разсуждая съ самимъ собою и теряясь въ догадкахъ, Симской дошелъ потихоньку до мызы куконы Хереско. Тамъ все было въ движенiи: дворовыя цыганки бѣгали изъ комнаты въ комнату, кучера суетились вокругъ дорожныхъ каруцъ, арнауты и слуги укладывались и сама кукона была въ большихъ хлопотахъ. Когда Симской сталъ ей разсказывать о своемъ приключенiи, она сначала испугалась, поблѣднѣла, потомъ вдругъ глаза ея засверкали гнѣвомъ.

— Это ты, злодѣй! — проговорила она въ полголоса. — Да погоди, разбойникъ! если ты осмѣлишься показаться подлѣ Кутъ-Маре, такъ я велю застрѣлить тебя какъ бѣшеную собаку!

Digitized by Google

— О комъ ты это говоришь? — спросилъ съ удивленіемъ Симской.

— Ты видѣлъ у меня бояра Палади? Это онъ хотѣлъ убить тебя.

— Меня? за что?

Смарагда примѣтнымъ образомъ смутилась.

— Я его совсѣмъ не знаю, — продолжалъ Симской.

— Да онъ тебя знаетъ, — прошептала кукона. — О, какъ я рада, что ты пойдешь въ походъ вмѣстѣ съ войскомъ! Отсюда до самаго Прута все степи, и если злой человѣкъ захочетъ кого-нибудь убить....

— Да что́жъ я сдѣлалъ этому Палади?....

— Что́ сдѣлалъ!.... Ты Русской, а онъ ненавидитъ Русскихъ.

— И хочетъ одинъ всѣхъ насъ перебить по одиначкѣ?— перервалъ съ улыбкою Симской.—Ну, молодецъ!.... Я вижу, ты сбираешься въ дорогу, Смарагда?

— Да, я завтра поѣду въ Кутъ-Маре

— Воля твоя, а, право лучшебъ, еслибъ ты осталась.

— Ужъ я тебѣ сказала, мой другъ: ни за что́ на свѣтѣ?

— Ну, дѣлать нѣчего, укладывайся У меня сборы не велики, однакожъ пойду и я кой-что уложить.

На другой день рано поутру дивизія князя Репнина отправилась въ походъ. Обозъ этого войска тянулся еще по горамъ Бессарабскаго берега Днѣстра, когда изъ мызы куконы Хереско выѣхала дорожная вѣнская карета на пасахъ; съ каждой стороны этого тяжелаго рыдвана ѣхало по одному вооруженному съ ногъ до головы арнауту; на козлахъ подлѣ кучера сидѣла Маріорица, любимая цыганка куконы, а позади тащились на волахъ огромныя каруцы съ поклажею и многочисленной дворнею, первой, по своему богатству, Сорокинской барыни, Смарагды Хереско.

Digitized by Google

ГЛАВА VII.

Русское войско, подъ личнымъ начальствомъ Государя Петра Алексѣевича, пройдя въ пять дней Буджакскія степи, остановилось въ прекрасной, орошаемой Прутомъ, долинѣ. Рѣка Прутъ гораздо уже Днѣстра, но несравненно его быстрѣе. Въ своемъ излучистомъ теченіи, она очень часто отрываетъ отъ берега огромныя глыбы и сильнымъ напоромъ воды производитъ берговыя осыпи и провалы, весьма опасные для запоздалыхъ путешественниковъ.

27 іюня, то есть въ день Полтавскаго сраженія, рано поутру, шли по берегу этой рѣки, разговаривая межъ собою, двое Молдаванъ. Одинъ изъ нихъ былъ средняго роста, но весьма стройный и прекрасный мужчина. Другаго описывать мнѣ нѣчего: вы ужъ его знаете. Первый былъ господарь Молдавскій, князь Кантемиръ, второй—бояръ Алеско Палади. Они шли къ небольшой рощицѣ, на опушкѣ которой стоялъ арнаутъ, держа въ поводу двухъ красивыхъ турецкихъ коней.

— Да точно-ли ты увѣренъ, бояръ, — говорилъ князь Кантемиръ, — что только небольшая часть Турецкой арміи переправилась черезъ Дунай и что самъ визирь не прежде будущей недѣли тронется со всѣмъ войскомъ?

— Я это навѣрно знаю, — отвѣчалъ Палади.

— Полно, такъ-ли, бояръ? Для чего, кажется, визирю мѣшкать за Дунаемъ, когда войско Русскаго Царя стоитъ ужъ на Прутѣ?

— Для чего!.... Да развѣ ты, Домне господарь, не знаешь Турковъ? Они всегда такъ: гдѣ надо поспѣшить, они тутъ примутся разсуждать; да и теперешній-то визирь, Ахметъ-паша, говорятъ, очень трусоватъ. Чай онъ сидитъ въ своей палаткѣ, пьетъ шербетъ, да думаетъ про себя: что, дискать, мнѣ идти на встрѣчу къ Русскимъ? Можетъ быть, они постоятъ мѣсяцъ другой на Прутѣ, а тамъ и сами уйдутъ домой!

Digitized by Google

— Нѣтъ, бояръ, на это полагаться нѣчего. Ахметъ-паша человѣкъ не глупый и вѣрно не станетъ думать, что Русскіе пришли сюда для того только, чтобъ вернуться ни съ чѣмъ домой. Ну если, Боже сохрани, онъ переправится въ тихомолку гдѣ-нибудь черезъ Прутъ и отрѣжетъ насъ отъ дивизіи генерала Рене, такъ дѣло-то будетъ худо.

— Да какъ-же это можно, свѣтлѣйшій Домне? Вѣдь стотысячная армія не одинъ человѣкъ. Какъ бы она ни шла осторожно, а вы ужъ вѣрно объ этомъ узнаете.

— Въ томъ-то и дѣло, бояръ, что есть слухи, будто бы визирь не только переправился черезъ Дунай, но ужъ нѣсколько дней идетъ безостановочно къ Пруту.

— Не вѣрь этому, Домне господарь: это сказки. Я ѣздилъ до самой Журжи, а теперь прямехонько изъ Бухареста. Ну, можетъ быть, гдѣ-нибудь въ Валахіи передовые Татары сожгли деревню или ограбили проѣзжихъ, такъ и пошли всѣ говорить, что визирь идетъ. Да вотъ я сейчасъ ѣду опять въ Бухарестъ, и если узнаю, что визирь тронулся съ мѣста, такъ или самъ къ тебѣ пріѣду, или пришлю къ тебѣ гонца.

— Такъ по твоему, бояръ, намъ нѣчего опасаться нечаяннаго нападенія?

— Да, свѣтлѣйшій Домне! Что будетъ впередъ — не знаю, а теперь вы можете здѣсь спать и веселиться также спокойно, какъ у себя дома.

— Смотри же, бояръ: послужи мнѣ и Русскому Царю. Будь увѣренъ, Палади, ты въ этомъ раскаяваться не станешь.

— Конечно не стану,—перервалъ бояръ: — да только не такъ, какъ ты думаешь: я не наемникъ и не прошу никакихъ наградъ. Ты знаешь, свѣтлѣйшій Домне, какъ я тебѣ преданъ, но ты еще не знаешь, какъ я люблю Русскихъ. Чтобъ доказать имъ это на самомъ дѣлѣ, я готовъ на все рѣшиться. Не пожалѣю головы своей, лишь только бы послужить имъ такъ, какъ душѣ моей угодно.

Digitized by Google

Еслибъ господарь хотя нѣсколько сомнѣвался въ преданности бояра Палади, то, вѣроятно, обратилъ бы вниманіе на странную противоположность этихъ словъ съ угрюмымъ и злобнымъ взоромъ Молдаванина; но князю Кантемиру нельзя было и подумать, чтобъ человѣкъ, осыпанный его милостями, рѣшился на какую-нибудь измѣну или предательство. Въ продолженіе этого разговора они подошли къ рощѣ. Палади махнулъ арнауту, и когда тотъ подвелъ къ нему осѣдланную лошадь, онъ простился съ господаремъ, вскочилъ на коня и пустился рысью по дорогѣ, ведущей въ селеніе Рушешти. Князь Кантемиръ возвратился въ лагерь.

Желая какъ можно скорѣе увѣдомить Государя о полученномъ извѣстіи, онъ пошелъ къ его ставкѣ. Передъ нею, на обширномъ лугу, Преображенскіе солдаты, подъ надзоромъ нѣсколькихъ офицеровъ, ставили длинный столъ, за которымъ могло свободно помѣститься человѣкъ двѣсти. У дверей палатки стоялъ царскій денщикъ; онъ пригласилъ Кантемира войдти, сказавъ ему, что Государь Петръ Алексѣевичъ принимаетъ поздравленія отъ всѣхъ начальныхъ людей и будетъ сегодня праздновать вмѣстѣ съ ними вторую годовщину знаменитой Полтавской викторіи. Чрезъ полчаса Его Величество, въ провожаніи первыхъ чиновъ, отправился къ обѣднѣ въ походную артиллерійскую церковь, подлѣ которой выстроены были въ боевомъ порядкѣ всѣ пѣхотные полки. Они составляли три стороны огромнаго каре, котораго четвертую сторону занимала артиллерія. По окончаніи литургіи, извѣстный проповѣдникъ тогдашняго времени, Ѳеофанъ Прокоповичъ, произнесъ длинное поучительное слово, потомъ сталъ служить благодарственный молебенъ, и когда запѣли: «Тебе Бога хвалимъ,» началась безпрерывная стрѣльба: бѣглый ружейный огонь и пальба изъ всѣхъ орудій не умолкали нѣсколько минутъ сряду. Изъ церкви всѣ отправились за Государемъ къ обѣденному столу. Его Величество помѣстился въ самой срединѣ стола; по правую его руку сидѣлъ Молдавскій господарь, князь Кантемиръ, по лѣвую графъ Головкинъ, баронъ Шафировъ и Савва Рагузинскій. Всѣ генералы, бригадиры, полковники и прочіе

Digitized by Google

начальные люди размѣстились сообразно ихъ званію и *табели о рангахъ*. Преображенскіе и Семеновскіе капитаны разносили вино; каждый изъ нихъ прислуживалъ шести особамъ, имѣя въ своемъ распоряженіи трехъ служителей для перемѣны стакановъ и бутылокъ. Пированье было на славу и лучшее вѣнгерское вино лилось рѣкою. Это царское угощеніе продолжалось цѣлый день и кончилось не прежде одиннадцати часовъ ночи.

На другой день, послѣ обѣда, въ палатку старшаго Нѣмецкаго генерала Януса сошлись покурить трубки и побесѣдовать также все Нѣмцы: генералъ-лейтенанты баронъ Аларть, Брюсъ, Денебергъ, Остенъ, Берхгольцъ, Адамъ Вейде, генералъ-Маіоръ Бушъ и бригадиръ Французъ Мороде-Бразе. Всѣ они сидѣли за большимъ круглымъ столомъ, на которомъ стояли серебряная чаша съ пуншемъ, нѣсколько стакановъ, тарелка съ лимонами и два картуза гамбургскаго табаку: одинъ съ вакштафомъ, другой съ кнастеромъ. Благодаря неутомимой болтовнѣ Француза Моро-де-Бразе, это общество вовсе не походило на тихую бесѣду важныхъ Нѣмцевъ, которые, какъ извѣстно, курятъ безпрестанно табакъ, мало говорятъ, много думаютъ и, по большой части, сходятся вмѣстѣ для того только, чтобъ кой о чемъ помолчать. Разговоръ шелъ о вчерашнемъ угощеніи.

— Надобно отдать справедливость поварамъ Его Царскаго Величества, — говорилъ Моро-де-Бразе: — столъ былъ отлично скверенъ; эти Русскіе супы, эта жареная и вареная баранина, эти пироги, однимъ словомъ, все было такъ дурно, что еслибъ не подали подъ конецъ стола голландскаго сыра, такъ я умеръ бы съ голоду.

— Да! — пробормоталъ толстый генералъ-маіоръ Бушъ: — то-ли дѣло наша Нѣмецкая кухня!

Французъ поморщился. Вѣроятно онъ подумалъ: хороша и ваша!

— А какъ вамъ показалось вино? — спросилъ генералъ Брюсъ.

Digitized by Google

— О, что касается до вина, — воскликнулъ Моро-де-Бразе съ восторгомъ истиннаго знатока, — такъ я вамъ скажу!.... Намъ подавали такое вино, какого я въ жизнь мою не пивалъ!

— Да, вино доброе! — промолвилъ генералъ Янусъ, выпустивъ носомъ двѣ густыя струи табачнаго дыму. — Оно мало чѣмъ уступитъ нашему хорошому рейнвейну.

Французъ опять поморщился

— Конечно, — сказалъ онъ — ваши Нѣмецкія вина хороши, господинъ генералъ, но они немного кисловаты; а это старое токайское, которое намъ подавали, настоящій нектаръ!.... И нечего сказать: Его Величество не поскупился!.... Вотъ ужъ истинно, какъ говорится: пили такъ пили! Не знаю какъ вы, господинъ генералъ, а вы, господинъ баронъ, кажется, по моему — не отказывались

— Да, господинъ бригадиръ,—отвѣчалъ баронъ Аларть, вытряхивая свою трубку, — я пилъ довольно.

— Хорошо бъ очень, — сказалъ баронъ Остенъ, — еслибъ Его Величество такъ же былъ не скупъ и во всемъ.... Вы понимаете, что я хочу сказать, господинъ генералъ?

— Понимаю, господинъ генералъ-лейтенантъ, — отвѣчалъ Янусъ, — и я давно объ этомъ думаю. Теперь не время, но когда кончится, я буду непремѣнно просить о значительной прибавкѣ жалованья.

— Просить-то можно, — замѣтилъ Брюсъ, — да врядъ-ли вы что-нибудь выпросите.

— А не выпрошу, такъ пусть дадутъ мнѣ абшидъ.

— И я послѣдую вашему примѣру, — сказалъ Остенъ.

— И я! — примолвили въ одинъ голосъ генералъ Берхгольцъ, Аларть, Денебергъ и Бушъ.

— Эхъ, господа! — перервалъ Брюсъ: — намъ грѣшно на это жаловаться: посмотрите, что получаютъ Русскіе генералы.

Digitized by Google

— Русскіе! — повторилъ Французъ. — Русскіе обязаны и даромъ служить своему Царю. Да если правду сказать, такъ стоютъ-ли они и того, что имъ даютъ?

— Стоютъ или нѣтъ, — сказалъ Берхгольцъ, — а очень изволятъ обижаться, что мы больше ихъ получаемъ жалованья, и даже такъ дерзки, что говорятъ, будто бы они служатъ изъ чести, а мы, Нѣмцы, изъ однѣхъ только денегъ.

— Ахъ они варвары! — вскричалъ Моро-де-Бразе. — Желалъ бы я, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ сказалъ это при мнѣ

— Что жъ бы вы сдѣлали? — спросилъ Брюсъ.

— Я отвѣчалъ бы этому Русскому, что онъ точно правъ, что мы иностранцы дѣйствительно служимъ изъ денегъ, а Русскіе изъ чести. Да это потому, что каждый старается добыть то, чего у него нѣтъ.

Глубокомысленные Нѣмцы взглянули другъ на друга и призадумались. Они подозрѣвали, что въ словахъ Француза скрывается какая-нибудь обидная насмѣшка; однакожъ не вдругъ поняли смыслъ этой эпиграммы.

— То, чего у него нѣтъ, — повторилъ наконецъ Янусъ. — А! понимаю, господинъ бригадиръ, понимаю!.... Ну, это зло — очень зло!....

— И совершенно справедливо, — примолвилъ Берхгольцъ.

— Фу! какъ остроумны эти Французы! — шепнулъ Бушъ, толкнувъ локтемъ Остена.

— Конечно, конечно! — сказалъ Остенъ. — Это очень остро, да только не совсѣмъ справедливо. Ну можно-ли говорить, что мы служимъ изъ денегъ? Вотъ хоть я, напримѣръ: третій годъ служу все на одномъ трактаментѣ — да еще на какомъ?.... стыдно сказать: триста рублей въ мѣсяцъ!

— То есть, — перервалъ Моро-де-Бразе, — на наши Французскія деньги осмнадцать тысячь ливровъ въ годъ.

Digitized by Google

Конечно, это мало, но все еще сносно. А я — представьте себѣ! — получаю всего на все двѣнадцать тысячь ливровъ жалованья.

— А гдѣ бы вамъ дали больше этого, господинъ бригадиръ? — спросилъ Брюсъ, выпивъ однимъ духомъ полстакана пуншу. — Ужъ не во Франціи-ли?

— Да, господинъ генералъ-лейтенантъ! — возразилъ Моро-де-Бразе: — да, во Франціи! Деньгами я получилъ бы гораздо менѣе, но въ замѣнъ ихъ мнѣ дали бы то, чего никакой Русской Царь дать не можетъ, то есть: прекрасный климатъ, просвѣщенное общество, любезныхъ женщинъ, хорошее вино и превосходный театръ, о которомъ — не прогнѣвайтесь! — и вы, господа Нѣмцы, не имѣете никакого понятія. Вы думаете, господинъ Брюсъ, что если я отказался отъ этихъ высокихъ наслажденій просвѣщеннаго человѣка, если я закопалъ себя живаго въ эту снѣжную могилу, которую мы называемъ Московскимъ царствомъ, такъ я ужъ вознагражденъ съ избыткомъ за это необъятное пожертвованіе тѣмъ, что получаю въ годъ какихъ-нибудь ничтожныхъ двѣнадцать тысячь ливровъ жалованья?

— Да развѣ вамъ обѣщали больше этого, или заставили насильно служить Русскому Царю?

— Конечно, не насильно; но вы знаете, господинъ Брюсъ, что въ жизни встрѣчаются разныя обстоятельства: я былъ молодъ, любилъ пожить и, натурально, прожилъ все мое состояніе. Мой дядя, старикъ лѣтъ семидесяти пяти, послѣ котораго доставалось мнѣ большое имѣнье, женился на молодой дѣвушкѣ; у его жены родился сынъ.... однимъ словомъ, я былъ въ такомъ положеніи, что мнѣ должно было выбрать одно изъ двухъ: или всадить себѣ пулю въ лобъ, или идти въ Русскую службу. Къ несчастію, я выбралъ послѣднее....

— Ну это еще небольшое несчастіе! — сказалъ Брюсъ. — Конечно, Россія не Франція, но, не прогнѣвайтесь, въ ней жить можно, и вы, господинъ бригадиръ, на-

Digitized by Google

прасно называете Русскую землю могилою. Вотъ я ужъ давно живу въ этой могилѣ, а, кажется, на мертвеца вовсе не похожъ, — примолвилъ Брюсъ, допивъ свой стаканъ пуншу.

— Я это сказалъ, — возразилъ Французъ, — относительно ея умственнаго состоянія и совершеннаго отсутствія всякой человѣческой жизни. Разумѣется, въ этомъ смыслѣ, въ ней все мертво, какъ въ могилѣ. Пошлюсь на всѣхъ: скажите, господа, есть-ли гдѣ-нибудь, не говорю въ Европѣ, но въ цѣломъ мірѣ, земля скучнѣе этой Московіи и народъ невѣжественнѣе этихъ грубыхъ, необразованныхъ *Московитовъ*?

— Да, да! — пробормотали въ одинъ голосъ всѣ Нѣмецкіе генералы, исключая Брюса и Вейде.

— Вы, вѣроятно, читали, — продолжалъ Французъ,— въ книгѣ знаменитаго путешественника Адама Олеаріуса, что онъ пишетъ о Русскихъ? Помните-ли то мѣсто, гдѣ онъ приводитъ мнѣніе нѣкоторыхъ Шведскихъ и Ливонскихъ ученыхъ, которые доказываютъ, что Русскіе вовсе не христіане, да и людьми-то могутъ назваться только потому, что имѣютъ даръ слова?

— То-ли еще вы найдете въ этой книгѣ! — перервалъ Брюсъ. — Помните-ли, какъ этотъ Олеаріусъ, описывая Русскую свадьбу, говоритъ, что во время вѣнчанія, и молодые и всѣ приглашенные на свадьбу, пляшутъ въ церкви, подъ пѣнье псалмовъ, какой-то особеннаго рода танецъ, похожій на Французскій *branle*. Ну скажите, господа: можно-ли имѣть какую-нибудь довѣренность къ путешественнику, который разсказываетъ такія нелѣпости?

— Вы, господинъ Брюсъ,—сказалъ хозяинъ, — всегда заступаетесь за Русскихъ.

— Не за Русскихъ, господинъ генералъ, а за правду. Еслибъ вы говорили, что Русскіе народъ еще необразованный, что они начинаютъ только просвѣщаться, такъ я не сталъ бы съ вами спорить; но вы ихъ даже и за людей почитать не хотите.

Digitized by Google

— Извините, господинъ Брюсъ! — перервалъ Морде-Бразе: — я первый этого не думаю. Русскіе говорятъ и пьютъ иногда хорошее вино, слѣдовательно они люди.

— Ваши шуточки, — возразилъ Брюсъ,—доказываютъ только, что вы Французъ, господинъ бригадиръ, и любите пошутить; такъ ужъ посмѣйтесь и надо мною. Я думаю вотъ что о Русскихъ: они еще дѣти, но дайте имъ возмужать, такъ у васъ пройдетъ охота смѣяться надъ ними. Что Русскіе народъ самобытный, этого, я думаю, и вы оспоривать не станете. Ихъ не могли стереть съ лица земли ни Татары, ни Поляки; напротивъ, послѣ каждаго народнаго бѣдствія Россія становилась все сильнѣе и сильнѣе. До Татарскаго ига, она была вся раздроблена на мелкія княжества, Татары исчезли, и всѣ эти отдѣльныя части слились въ одно огромное, мочное тѣло. Послѣ междуцарствія и, хотя минутнаго, однакожъ тяжелаго владычества Поляковъ, Россія, безъ всякой посторонней помощи стряхнувъ съ себя постыдныя оковы, двинулась впередъ и стала на ряду всѣхъ Европейскихъ государствъ. Вы, я думаю, слыхали, что здоровыя и сильныя дѣти почти всегда хвораютъ къ росту? Вотъ точно также Россія: она часто бывала больна и, казалось, больна смертельно, а въ самомъто дѣлѣ это была только болѣзнь къ росту. Да вотъ хоть въ наше время, что можно было ожидать послѣ Нарвскаго сраженія? Ужъ конечно если не порабощенія и совершенной гибели, такъ по крайней мѣрѣ совершеннаго униженія Россіи, а вышло напротивъ: Россія точно также, какъ прежде, прихворнула, да вдругъ и выросла на цѣлую Лифляндію. И объ этомъ-то, исполненномъ жизненной силы и самобытномъ народѣ, вы говорите съ такимъ презрѣніемъ! Нѣтъ, господа, не знаю, будетъ-ли когда Россія предписывать законы другимъ народамъ, но я убѣжденъ въ душѣ моей, что лѣтъ черезъ пятдесятъ, она займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ всѣхъ просвѣщенныхъ государствъ Европы.

— Срокъ-то очень длиненъ, — сказалъ Моро-де-Бразе, — а то бы я побился съ вами объ закладъ, что ваши

Digitized by Google

Русскіе и чрезъ пятдесятъ лѣтъ будутъ точно такими же варварами, какіе они теперь.

— То есть мы, иностранцы, станемъ называть ихъ варварами? Да это можетъ быть и черезъ полтораста лѣтъ. Извѣстное дѣло: мы всегда не жалуемъ и позоримъ тѣхъ, которыхъ боимся.

— Охота вамъ объ этомъ спорить!.... перервалъ Янусъ. — Поговоримте-ка лучше о Туркахъ. Что бы это значило, господа: мы заняли всю Молдавію, перешли Прутъ, а визирь, какъ слышно, все еще стоитъ за Дунаемъ? Чегожъ онъ дожидается?

— Чтобъ мы подошли къ нему поближе, — отвѣчалъ Остенъ.

— А можетъ быть, и раздумье беретъ, — сказалъ Брюсъ. — Вѣдь съ Русскими ладить не легко.

— И, полноте! — вскричалъ Моро-де-Бразе.—Турки народъ храбрый, станутъ они трусить вашихъ Русскихъ. А вотъ развѣ что: не узналъ-ли визирь, что при Русской арміи находится много иностранныхъ генераловъ—это всего вѣрнѣе. По неволѣ призадумаешься, когда надобно имѣть дѣло съ знаменитымъ генераломъ Янусомъ!....

Янусъ улыбнулся и кивнулъ головою.

— Съ такимъ необычайнымъ стратегикомъ, какъ вы, господинъ Аларть.

Аларть поклонился.

— Съ такими испытанными тактиками, — продолжалъ Французъ, — каковы генералы Денсбергъ, Остенъ, Брюсъ, Вейде.

— Позвольте мнѣ прибавить, — сказалъ Остенъ: — и съ такимъ храбрымъ начальникомъ кавалеріи, какъ вы, господинъ Моро-де-Бразе.

— Да ужъ если вамъ, господа, не угодно сказать ни слова о фельдмаршалѣ Шереметевѣ, — перервалъ Брюсъ,—

Digitized by Google

такъ не забудьте хоть самого Государя Петра Алексѣевича. Кто разбилъ на-голову перваго полководца нашего времени, Карла Двѣнадцатаго, съ тѣмъ шутить нельзя.

— Разбилъ! — повторилъ Французъ. — Да конечно, разбилъ, по милости фельдмаршала Гольца и другихъ иностранныхъ генераловъ.

— Мы всѣ только исполняли приказанія Русскаго Царя, господинъ Моро-де-Бразе. — продолжалъ Брюсъ, — а всѣмъ распоряжалъ и былъ душею всего самъ Государь Петръ Алексѣевичъ. Вы не были подъ Полтавой, такъ можете говорить все, что вамъ угодно; но мнѣ грѣшно бы было не отдать справедливости не только самому Царю, но также и князю Меншикову и многимъ изъ Русскихъ генераловъ.

— А позвольте спросить, господинъ Брюсъ, — сказалъ Янусъ: — ктожъ по вашему эти Русскіе генералы?.... Вотъ, напримѣръ, хоть оба фельдмаршала, которыми такъ хвастаются Русскіе, — Шереметевъ и князь Меншиковъ, — неужели вы назовете ихъ хорошими генералами? Меншиковъ, конечно, человѣкъ способный; но имѣетъ-ли онъ свѣдѣнія, необходимыя для искуснаго полководца? А вы сами знаете, что одной практики для этого недостаточно. Я отдаю также полную справедливость необычайной храбрости Шереметева, но онъ вовсе не тактикъ и, вѣроятно, не понимаетъ даже, что̀ значитъ слово: стратегія.

— А почти всегда билъ Шведовъ! — перервалъ Брюсъ.

— Случай, господинъ генералъ-лейтенантъ, счастье — и больше ничего.

— А надобно сказать правду, — подхватилъ Моро-де-Бразе: — старикъ Шереметевъ въ дѣлѣ молодецъ! Чтобы спасти простаго солдата, онъ готовъ самъ кинуться съ саблею на непріятеля.

— Это, господинъ бригадиръ, храбрость, приличная оберъ-офицеру, а Шереметевъ фельдмаршалъ.

Digitized by Google

— Такъ, господинъ генералъ, такъ! Только вы ужъ слишкомъ строго судите и князя Меншикова и Шереметева. Не забудьте, что они Русскіе, такъ чего же вы отъ нихъ хотите?

— Чего! — повторилъ Брюсъ. — Да я увѣренъ, что Шереметевъ, князь Меншиковъ и князь Репнинъ, не смотря на то, что они Русскіе, были бы вездѣ отличными генералами.

— Въ самомъ дѣлѣ! — перервалъ Французъ. — Такъ зачѣмъ же Русской Царь окружаетъ себя иностранцами? Нѣтъ, господинъ Брюсъ: хотя и онъ также Русской человѣкъ, но у него много природнаго ума. Онъ очень понимаетъ, что безъ насъ ему нельзя шагу сдѣлать, и что только при помощи иностранцевъ онъ можетъ — не просвѣтить свой народъ, это, я думаю, дѣло невозможное! — но придать ему, по крайней мѣрѣ, хотя наружность и физіогномію просвѣщеннаго народа. Однимъ словомъ, я убѣжденъ, что Русской Царь, какъ человѣкъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, геніальный, не можетъ уважать своихъ Русскимъ, и охотно бы промѣнялъ ихъ на иностранцевъ, которые одни могутъ понимать его.

— Полно такъ-ли? — прошепталъ генералъ-лейтенантъ Адамъ Вейде, который во все время слушалъ другихъ, а самъ молчалъ и курилъ трубку. — Я думаю, что Царь Петръ Алексѣевичь ни на кого не промѣнялъ своихъ Русскихъ, потому что онъ, кажется, ихъ очень любитъ.

— А насъ, господинъ генералъ-лейтенантъ? — спросилъ Моро-де-Бразе, бросивъ на полъ лимонъ, который лежалъ подлѣ него на столѣ.

Адамъ Вейде затянулся, выпустилъ въ одинъ пріемъ цѣлое облако табачнаго дыму и не отвѣчалъ ни слова.

— Чтожъ вы не отвѣчаете на мой вопросъ? — продолжалъ Французъ, прихлебывая пуншъ изъ своего огромнаго стакана.

Digitized by Google

— Вы, кажется, всегда любили свѣжіе лимоны, господинъ бригадиръ? — промолвилъ наконецъ Вейде, пріостановясь курить.

— Да, господинъ баронъ, я ихъ люблю.

— Такъ чтожъ вы бросили вашъ лимонъ на полъ?

— А на что онъ мнѣ? Я выжалъ изъ него весь сокъ.... Да дѣло не объ этомъ; вы отвѣчайте на мой вопросъ: если, по вашему, Царь Петръ Алексѣевичь, не смотря на свою страсть къ просвѣщенію, очень любитъ этихъ Русскихъ варваровъ, такъ какъ же онъ любитъ насъ, образованныхъ иностранцевъ?

— Да я думаю точно также, какъ вы любите свѣжіе лимоны, господинъ бригадиръ! — сказалъ Вейде, принимаясь снова курить свою трубку.

Въ палатку вошелъ адъютантъ и доложилъ Янусу, что Царь требуетъ къ себѣ его и генераловъ Брюса и Аларта.

— Извините, господа! — сказалъ Янусъ. — Я пригласилъ васъ къ себѣ, полагая, что насъ сегодня не потревожатъ, а, кажется, безъ нашего совѣта и сегодня дѣло не обойдется. Что, господинъ баронъ,—примолвилъ онъ, взглянувъ съ насмѣшливой улыбкою на Вейде, — видно въ лимонахъ-то соку еще довольно?

Всѣ гости откланялись хозяину, и онъ, накинувъ плащъ, отправился, вмѣстѣ съ Брюсомъ и Алартомъ, въ ставку Государя Петра Алексѣевича.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НЕОБХОДИМОЕ ПРИТВОРСТВО.

Я въ душѣ огорчена глубоко,
Я готова горько зарыдать;
Но сейчасъ ко мнѣ пріѣдутъ гости,
Я должна ихъ весело встрѣчать.

Не сказать же имъ что̀ душу мучитъ,
Не сказать, какъ я оскорблена;
Я должна предъ ними улыбаться,
Я при нихъ любезной быть должна.

Какъ мнѣ быть веселой, улыбаться,
Когда грудь моя тоски полна,
Когда ловко, тонко и прилично,
Но глубо̀ко я оскорблена?

Когда всѐ во всемъ мнѣ измѣняетъ,
Всюду вижу пошлость и обманъ....
О, какъ трудно, грустно и обидно
Мнѣ скрывать всю боль сердечныхъ ранъ!

Какъ-то справлюсь я съ моею ролью,
Какъ-то слезы, горе утаю?
Какъ-то скрою отъ людей и свѣта
Я печаль душевную мою?

Ничего.... немножко только воли,
И исчезнутъ слезы на глазахъ.
Ничего.... еще одно усилье,
И появится улыбка на устахъ!

Ю Жадовская.

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ.

Вечеръ ... этотъ вечеръ
Чудной негой дышетъ ...
Золотой зарею
Ярко западъ пышетъ.
Наклонивъ головки,
Розы сладко дремлютъ....
Но печаль и горе
Душу мнѣ объемлютъ.
О погибшемъ счастьи
Я въ тиши тоскую;
Тщетно вопрошаю
Будущность нѣмую....
Впереди темнѣетъ
Жизнь безъ наслажденья,
Въ сердце проникаетъ
Скорбное сомнѣнье....
Мало ли ихъ было
Чистыхъ упованій....
Ни одно изъ жаркихъ
Не сбылось желаній!
Безпощадной волей
Всѣ они разбиты....
Не было участья
Не было защиты!
Гдѣ-жъ, для новой жизни,
Гдѣ возьму я силы?
Знать, не будетъ больше
Счастья до могилы!
Зажигайтесь звѣзды
Въ небѣ поскорѣе!
Раздавайтесь звуки
Соловья сильнѣе!
Заглушайте въ сердцѣ
Горе и сомнѣнье, —
Пусть струей отрадной
Льется мнѣ забвенье....

Ю. Жадовская.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1849.

№ 4. Февраль. Кн. 2.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РУССКІЕ

ВЪ НАЧАЛѢ ОСМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЕДИНОДЕРЖАВІЯ ПЕТРА ПЕРВАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА VIII.

Вѣроятно, многіе изъ нашихъ читателей не знаютъ всѣхъ подробностей Турецкой войны 1711 года; слѣдовательно вовсе будетъ не излишнимъ, если я скажу нѣсколько словъ о положеніи, въ которомъ находилась Русская армія въ теченіе первыхъ чиселъ іюля мѣсяца. Обманутый ложными извѣстіями, Государь Петръ Алексѣевичъ узналъ весьма поздно о приближеніи всей Турецкой арміи. Генералъ Янусъ, посланный съ сильнымъ отрядомъ для того, чтобъ помѣшать непріятелю переправиться черезъ Прутъ и зайдти въ тылъ Русской арміи, не исполнилъ какъ слѣдуетъ своей обязанности: столкнувшись нечаянно съ Турецкимъ авангардомъ, который только что началъ переправляться черезъ рѣку, генералъ Янусъ не только не задержалъ его, но отступилъ немедленно съ своимъ отрядомъ,

Digitized by Google

и донесъ Государю, что визирь со всѣми войсками перешелъ черезъ Прутъ. Въ слѣдствіе этого невѣрнаго донесенія, ему приказано было идти назадъ и присоединиться къ арміи. Визирь воспользовался этой ошибкою: не встрѣчая никакого сопротивленія, онъ перевелъ бо́льшую часть своего войска на Бессарабскій берегъ Прута, занялъ всѣ высоты и совершенно отрѣзалъ этимъ движеніемъ Русскую армію отъ войскъ, находящихся подъ начальствомъ генерала Рене. Дивизіи генераловъ Вейде и князя Репнина находились также не въ близкомъ разстояніи отъ главной арміи. Ночью, на девятое число іюля, она выступила изъ лагеря, и къ разсвѣту, соединясь съ этими дивизіями, продолжала идти вдоль Прута, избирая удобное мѣсто, на которомъ могла бы, не смотря на неравенство силъ, вступить въ бой съ непріятелемъ. Поутру, когда армія была въ походѣ, Турки напали на нашъ аріергардъ, состоящій изъ одного Преображенскаго полка; этотъ храбрый полкъ не только не допустилъ себя отрѣзать отъ войска, которое продолжало идти впередъ, но послѣ пяти часовъ безпрерывнаго сраженія, откинувъ назадъ непріятеля, примкнулъ къ обозу главной арміи. Въ тотъ же день, визирь, полагая, что ему вовсе не трудно съ двумя-стами тысячь войска уничтожить сорокъ тысячь Русскихъ, напалъ со всѣми своими силами на нашу армію; но послѣ упорнаго сраженія былъ отбитъ съ большимъ урономъ, и Русскіе, дойдя до урочища, извѣстнаго подъ названіемъ Рябая могила, остановились на берегу Прута. Наше войско выстроилось въ каре, въ срединѣ котораго былъ весь обозъ и нѣсколько палатокъ. Пока одна часть солдатъ укрѣпляла по возможности этотъ со всѣхъ сторонъ открытый лагерь, другая перестрѣливалась съ отдѣльными Турецкими партіями, которыя продолжали тревожить Русскихъ до самой глубокой ночи. Межъ тѣмъ визирь расположился на противоположномъ гористомъ берегу Прута; онъ развернулъ свое безчисленное ополченіе огромнымъ полукругомъ, котораго концы, упираясь въ Прутъ, обхватывали съ трехъ сторонъ Русскій лагерь, а съ четвертой, то есть съ тылу, всѣ высоты были заняты Буджак-

Digitized by Google

скими и Крымскими Татарами. Въ этомъ затруднительномъ положеніи Государь Петръ Алексѣевичь не щадилъ, какъ и всегда, своей собственной жизни. Вотъ что разсказываетъ очевидецъ, человѣкъ не Русскій и вовсе не преданный Русскому Царю: «Могу засвидѣтельствовать, говоритъ онъ, что Царь не болѣе себя берегъ, какъ и храбрѣйшій изъ его воиновъ. Онъ переносился повсюду, и подъ непріятельскимъ огнемъ говорилъ съ генералами, офицерами и рядовыми ласково и по дружески, разспрашивая о томъ, что происходило на ихъ постахъ.»

Надобно прибавить, что Русскимъ угрожало еще новое бѣдствіе, несравненно ужаснѣе всего остальнаго: имъ предстояла голодная смерть. Волошскій господарь Бранкованъ, который вызвался продовольствовать наше войско, измѣнилъ своему слову. Въ Русскомъ лагерѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, едва-ли оставалось на нѣсколько дней провіанта, и не смотря на то, что вода была подъ руками, многіе умирали отъ жажды, потому что днемъ Турецкіе стрѣлки не давали никому подойдти къ рѣкѣ и даже ночью осыпали пулями весь берегъ, вдоль котораго тянулись наши лагерныя укрѣпленія, составленныя изъ деревянныхъ рогатокъ, засыпанныхъ землею. Однимъ словомъ, гибель Русскаго Царя, а съ нимъ всего войска, казалась неизбѣжною. 10 числа іюля Турки, не возобновляя своего нападенія на Русскій лагерь, открыли по немъ сильный огонь изъ всѣхъ своихъ орудій. Весь день прошелъ въ этой безпрерывной и, къ счастію, почти безвредной для насъ стрѣльбѣ. Вечеромъ Государь Петръ Алексѣевичь, собравъ военный совѣтъ, объявилъ Фельдмаршалу Шереметеву и всѣмъ генераламъ, что, по совершенному недостатку продовольствія, нельзя было оставаться долѣе въ оборонительномъ положеніи, что всей арміи предстояло одно изъ двухъ: или сдаться военноплѣнными, или пробиться сквозь непріятеля и, соединясь съ дивизіею генерала Рене, отступить къ своимъ границамъ; что это послѣднее средство одно могло спасти, если не армію, то по крайней мѣрѣ славу нашего оружія, и что

Digitized by Google

онъ, Русскій Царь, желаетъ лучше идти на вѣрную смерть, чѣмъ сдаться безусловно на волю непріятеля. Фельдмаршалъ, вмѣсто отвѣта, подалъ Государю бумагу, подписанную имъ и всѣми генералами еще за нѣсколько часовъ; содержаніе этой бумаги было совершенно согласно съ настоящей волею Русскаго Царя. Государь Петръ Алексѣевичь, приказавъ, чтобъ рано поутру всѣ полки были готовы къ бою, распустилъ совѣтъ и заперся одинъ въ своей палаткѣ, строго наказавъ не пускать къ себѣ никого.

Эта рѣшительная мѣра, конечно, не спасла бы Русскихъ. У визиря было слишкомъ двѣсти тысячь свѣжаго, неизнуреннаго войска; а у насъ, за исключеніемъ безконныхъ казаковъ и плохо вооруженной Молдаванской сволочи, всего двадцать двѣ тысячи, почти безъ конницы и съ артиллеріею, которая, въ сравненіи съ Турецкою, могла назваться ничтожною. Еслибъ Русская армія, ударивъ дружно, и прорвалась сквозь Турецкія полчища, то могла ли она уцѣлѣть и дойдти до границы, неся на плечахъ своихъ въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля? Туркамъ очень легко было заслонить отъ насъ Яссы и заставить идти назадъ тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ мы пришли къ Пруту; а тогда что могло спасти Русскихъ? Нѣсколько дней усиленнаго похода по безводнымъ степямъ Буджакскимъ, вѣроятно, довершили бы совершенное истребленіе арміи; Турки не стали бы и драться съ нами: имъ пришлось бы только забирать въ плѣнъ отсталыхъ и прирѣзывать умирающихъ отъ усталости, жажды и голода. Супруга Русскаго Царя, Екатерина Алексѣевна, узнавъ объ этомъ отчаянномъ намѣреніи, собрала всѣ свои драгоцѣнныя вещи, поручила Шереметеву доставить ихъ къ визирю, а сама, не смотря на запрещеніе, рѣшилась войдти въ палатку Государя и просить его, чтобъ онъ дозволилъ фельдмаршалу вступить въ мирные переговоры съ непріятелемъ. Шереметевъ получилъ это позволеніе не прежде ночи, и тотъ же часъ отправилъ съ трубачемъ въ Турецкій лагерь гвардейскаго унтеръ-офицера Шепелева.

Digitized by Google

Теперь, любезные читатели, познакомивъ васъ съ ходомъ дѣлъ и положеніемъ нашей арміи, я отказываюсь отъ важной обязанности историка, которая мнѣ вовсе не по плечу, и превращаюсь снова въ смиреннаго разсказчика, отъ котораго вы вправѣ требовать только того, чтобъ онъ не вовсе надоѣдалъ вамъ своей болтовнею.

Въ небольшой походной палаткѣ, раздѣленной на́-двое нарусиннымъ занавѣсомъ, за простымъ деревяннымъ столомъ, на которомъ догарали двѣ свѣчи, сидѣлъ, погруженный въ глубокую думу, Государь Петръ Алексѣевичъ. Передъ нимъ лежалъ листъ исписанной бумаги. Облокотясь на столъ, онъ поддерживалъ руками свою поникшую голову. Какъ пасмурныя осеннія небеса, туманно и мрачно было высокое чело вѣнценоснаго владыки; но въ задумчивыхъ его взорахъ не замѣтно было ни страха, ни тревоги: въ нихъ выражалась только одна глубокая, душевная грусть. Много было грустныхъ минутъ въ твоей жизни, Русскій Царь, но никогда мочная душа твоя не страдала такъ, какъ въ эту ужасную ночь. Что̀ думалъ ты, Великій Петръ, ожидая рѣшенія гордаго визиря, отъ котораго зависѣла не жизнь твоя, — о ней ты мало заботился, — но вся будущность твоей великой державы, твоей православной родины, которую ты хотѣлъ, какъ милое дитя твое, вынянчить и взлелѣять на рукахъ своихъ? Ты возвеличилъ твою Россію, двинулъ ее впередъ, поставилъ на чреду могучихъ и великихъ царствъ. И вотъ всѣ заботы, всѣ труды твои, всѣ надежды, все могло погибнуть въ одну минуту! На кого оставлялъ ты свою святую Русь? Кто сталъ бы продолжать послѣ тебя начатое? И кто окончилъ бы то, что было уже почти приведено къ концу?.... О! конечно, въ этотъ горькій часъ, ты долженъ былъ вспомнить и могъ повторить проникнутыя неизъяснимой грустію слова Спасителя: «прискорбна есть душа моя до смерти!»

Поодаль отъ Государя, въ темномъ углу палатки, сидѣла на складномъ лагерномъ стулѣ Царица Екатерина Алексѣевна. Она смотрѣла молча на своего державнаго супруга и робкимъ взоромъ слѣдила за каждымъ его движеніемъ.

Digitized by Google

— Катенька! — сказалъ наконецъ Государь Петръ Алексѣевичь, обращаясь къ своей супругѣ: — послушай, я прочту тебѣ то, что написалъ въ сенатъ. Это мое духовное завѣщаніе:

— Ахъ, Петръ Алексѣевичь! — перервала Царица: — да почемужъ намъ не надѣяться, что визирь....

— Пойдетъ на миръ? Можетъ быть и пошелъ бы: онъ знаетъ, что мы живые въ руки не дадимся; да вотъ что худо: Бендеры не далеко отсюда. Я чаю, мой братецъ, Шведскій король, давно ужъ въ гостяхъ у визиря и вѣрно не то ему совѣтуетъ. Я ужъ сказалъ тебѣ, что не сдамся ни за что на дискрецію. Можетъ быть, мнѣ посчастливится, и я умру съ оружіемъ въ рукахъ; а коли Господь меня не помилуетъ, коли я попаду въ Турецкій плѣнъ, чтожъ тогда?....

— Избави Богъ! — вскричала Екатерина Алексѣевна. — Да нѣтъ, этого не будетъ!

— Что будетъ послѣ предстоящей отчаянной акціи, про то знаетъ одинъ Господь, мой другъ! И вотъ для чего я написалъ этотъ, можетъ быть, послѣдній указъ моему сенату. Слушай, Катенька!

Государь Петръ Алексѣевичь взялъ со стола исписанный листъ бумаги и началъ читать:

«Господа сенатъ! Извѣщаю вамъ, что я со всѣмъ свои«мъ войскомъ, безъ вины или погрѣшности нашей, но «единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, «въ семь кратъ сильнѣйшею Турецкою силою такъ окру«женъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, «и что я, безъ особливыя Божія помощи, ничего инаго «предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или «что я впаду въ Турецкій плѣнъ. Если случится сіе по«слѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ Царемъ «и Государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы «то по собственноручному повелѣнію отъ насъ было тре«буемо, покамѣсть я самъ не явлюсь между вами въ лицѣ

Digitized by Google

«моемъ; но если я погибну и вы вѣрныя извѣстія полу-«чите о моей смерти, то выберете между собою достойнѣй-«шаго мнѣ въ наслѣдники.»

— Какъ, Петръ Алексѣевичь! — сказала съ удивленіемъ Царица: — если ты попадешь въ плѣнъ, такъ подданные не должны ужъ тебя и слушаться?

— Да, мой другъ! Вѣдь я человѣкъ, и почему знать, на что̀ могу рѣшиться, когда буду въ неволѣ у Турковъ. Чтобъ выручить себя изъ плѣну, я, можетъ быть, соглашусь, на все, что отъ меня потребуютъ, не пожалѣю ничего и разорю въ конецъ мое царство. Нѣтъ, Катенька, Русскіе должны слушаться меня, своего законнаго Государя, пока я свободенъ, а коли я въ плѣну, такъ я самъ не хочу, чтобъ мнѣ повиновались: вѣдь тогда ужъ не я стану приказывать, а Турецкій султанъ.

— Да зачѣмъ же такъ отчаяваться, Петръ Алексѣевичь? Богъ милостивъ! Ну, конечно, выгоднаго мира намъ ожидать нельзя....

— Вѣстимо, Катенька! Теперь намъ объ этомъ и думать нѣчего, да лишь только бы миръ-то намъ заключить не позорный.... Я охотно возвращу Туркамъ Азовъ, разорю построенную на нхъ землѣ Троицкую крѣпость, заплачу всѣ военныя издержки....

— Я думаю, — сказала Царица, — визирь прежде всего потребуетъ, чтобъ ты выдалъ ему князя Кантемира....

— Князя Кантемира! — перервалъ съ жаромъ Государь. — Ни за что̀ на свѣтѣ!.... Вотъ тогда-то подлинно я заключилъ бы позорный миръ!.... Молдавскій господарь положился на мое обѣщаніе, былъ вѣрнымъ моимъ союзникомъ, и я выдамъ его Туркамъ — допущу умереть на плахѣ!.... Нѣтъ, Катенька! скорѣй уступлю я Туркамъ Русскія земли по самый Курскъ: Господь поможетъ мнѣ воротить ихъ назадъ; но если я измѣню моему царскому слову, такъ этого ужъ ничѣмъ не воротишь!

Въ палатку заглянулъ царскій денщикъ.

Digitized by Google

— Что ты? — спросилъ Государь.

— Прапорщикъ Симской, Ваше Величество.

— Хорошо. Позови его сюда.

Симской вощелъ въ палатку.

— Господинъ прапорщикъ! — сказалъ Петръ Алексѣевичь: — мнѣ рекомендовалъ тебя генералъ Бейде какъ отлично хорошаго и расторопнаго офицера. Я хочу послать съ тобою въ Москву указъ нашему сенату. Надѣешься ли ты довезти его?

— Если Богъ поможетъ, Ваше Величество, — отвѣчалъ Симской, — такъ довезу.

— Знакома-ли тебѣ здѣшняя сторона?

— Меня часто посылали фуражировать, Ваше Величество, такъ я всѣ окольныя дороги знаю.

— Хорошо. А по какой дорогѣ ты поѣдешь?

— Надобно дать кругъ, Ваще Величество, и ѣхать на Яссы.

— Такъ!.... Ступай же не мѣшкая ни минуты. Турки далеко не посылаютъ своихъ разъѣздовъ; и если ты успѣешь отъѣхать ночью верстъ пятнадцать, такъ авось, съ Божьей помощью, доберешься благополучно до Яссъ, а тамъ ужъ тебѣ никакой остановки не будетъ. На всякой случай вмѣстѣ съ тобою поѣдетъ казакъ, который хорошо говоритъ по-Молдавански и по-Турецки. Ну, теперь погоди немного, господинъ прапорщикъ: я сейчасъ тебя отправлю.

Государь Петръ Алексѣевичь сложилъ свой указъ, запечаталъ его и, отдавая Симскому, сказалъ:

— Отправляйся скорѣе! Я чаю, до разсвѣта и трехъ часовъ не осталось. Прощай, молодецъ! — примолвилъ Государь, поцѣловавъ Симскаго въ лобъ. — Господь съ тобою!... Только смотри, не забывай Русской пословицы: на Бога надѣйся, а самъ не плошай!

Симской, выходя изъ царской палатки, повстрѣчался съ Шереметевымъ.

Digitized by Google

— Ну что, господинъ генералъ-фельдмаршалъ, — спросилъ Петръ Алексѣевичь: — есть-ли какой отвѣтъ отъ визиря?

— Никакого, Государь! — сказалъ Шереметевъ.

— Да вѣдь онъ долженъ же что-нибудь отвѣчать.

— Шепелевъ не воротился, Ваше Величество. И коли его убили на непріятельскихъ форпостахъ, такъ можетъ быть, визирь и не знаетъ, что мы желаемъ начать съ нимъ переговоры.

— Да, конечно, дѣло статочное. Такъ пошлите, господинъ фельдмаршалъ, сей же часъ другаго парлемантёра; прикажите ему требовать немедленнаго отвѣта, и объявить визирю, что если онъ не хочетъ вступать съ нами въ переговоры, то мы, съ Божіей помощью, постараемся проложить себѣ дорогу съ оружіемъ въ рукахъ и ляжемъ всѣ до единаго, но ни за что не сдадимся на дискрецію.

Фельдмаршалъ, отправивъ въ Турецкій лагерь своего адъютанта, возвратился опять въ царскую палатку.

Прошло болѣе двухъ часовъ — отвѣту не было. Вотъ облака зардѣлись на востокѣ. Раскинутый въ долинѣ Русскій станъ былъ еще покрытъ ночною тѣнью, но на гористомъ берегу Прута начинали уже бѣлѣться верхи Турецкихъ палатокъ. Вотъ первый лучь восходящаго солнца отразился на позолоченной лунѣ великолѣпнаго шатра визирскаго; на передовой Турецкой батареѣ сверкнулъ огонекъ, раздался пушечный выстрѣлъ и непріятельское ядро просвистѣло надъ царской палаткою.

— Вотъ намъ и отвѣтъ отъ визиря! — сказалъ Шереметевъ. — Слышишь Государь?

— Слышу, Борисъ Петровичь!.... Ну, какъ ты думаешь?

— Да о чемъ тутъ думать?.... Дѣлать-то нѣчего — потѣшимся въ послѣдній разъ.... Что, въ самомъ дѣлѣ: умирать такъ умирать!.... Да не легко же и Туркамъ-то

Digitized by Google

будетъ! — примолвилъ фельдмаршалъ, нахмуривъ свои сѣдыя брови

— А если мы не пробьёмся?.... спросилъ Петръ Алексѣевичь.

— Такъ чтожъ, надёжа Государь! — перервалъ старикъ Шереметевъ, помолодѣвъ двадцатью годами: — мертвымъ срама нѣтъ. А мы всѣ готовы умереть съ тобою.

— Спасибо, добрый и вѣрный слуга мой! — сказалъ Петръ, обнимая Шереметева. — Спасибо, братъ Борисъ!

Вотъ снова раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій; всѣ непріятельскія батареи вспыхнули и Турецкія ядра посыпались въ Русскій лагерь.

— Экъ они, проклятые! — проговорилъ Шереметевъ: — видно пороху-то у нихъ много!....

— Господинъ фельдмаршалъ! — сказалъ Государь Петръ Алексѣевичь твердымъ и спокойнымъ голосомъ: — прикажите строиться войску въ каре; обозъ, понтоны и артиллерія въ срединѣ. Въ переднемъ фасѣ полки Преображенскій и Семеновскій; кавалерія въ аріергардѣ; всѣ генералы и штабъ-офицеры по своимъ мѣстамъ.

— Слушаю, Ваше Величество!

— Катенька! — сказалъ Государь: — палатку сейчасъ снимутъ, ступай, садись въ карету и посади съ собой князя Кантемира.

— Петръ Алексѣевичь! — вскричала Царица, обнимая съ слезами Государя.

— Полно, Катенька, полно! Теперь не до того. Господь съ тобою!

Государь Петръ Алексѣевичь вышелъ изъ палатки. Весь лагерь былъ въ движеніи. Быстро, но стройно и спокойно становилось войско въ боевый порядокъ; полки примыкали одинъ къ другому, и въ нѣсколько минутъ, подъ непріятельскими ядрами, вокругъ всего стана образовалась сплошная стѣна изъ Русскихъ воиновъ.

Digitized by Google

Фельдмаршалъ подошелъ къ Государю

— Ну что́ нашъ парлемантёръ ? — спросилъ Петръ Алексѣевичь.

— Все еще въ Турецкомъ лагерѣ, — отвѣчалъ Шереметевъ: — а можетъ статься и его также убили, какъ Шепелева. Да ужъ что̀, батюшка Петръ Алексѣевичь, одинъ бы конецъ!

— И то правда, Борисъ Петровичь: коли визирь упрямится и молчитъ, такъ пора намъ заговорить. Прикажи бить походъ!....Съ Богомъ!

Государь и всѣ генералы сѣли на коней. Черезъ полминуты раздался по всему войску барабанный бой, и вотъ, какъ стальная нива, заволновались на солнышкѣ Русскіе штыки: огромное каре двинулось съ мѣста

— Да что̀ это — прошепталъ Шереметевъ: — ни-какъ Турки-то не стрѣляютъ ?

Въ самомъ дѣлѣ, непріятельскія батареи замолкли, и отъ противоположнаго берега Прута отчалила лодка.

— Стой!— скомандовалъ Шереметевъ.—Государь Петръ Алексѣевичь, —продолжалъ онъ:—у тебя глаза-то помоложе моихъ — видишь ?

— Вижу!.... Это оба наши парлемантёра.... и съ ними Турецкій офицеръ; они машутъ платками....

— Вотъ что́!.... Такъ, знать, визирь-то надумался?

— Видно, что такъ.

— Ну, слава тебѣ Господи !— сказалъ Шереметевъ, перекрестясь.—Я что̀! я ужъ мой вѣкъ отжилъ; а куда бы жаль было всѣхъ этихъ молодцовъ !

— Да, другъ сердечный! — сказалъ Петръ Алексѣевичь, пожавъ крѣпко руку фельдмаршала: — да, слава Богу ! мы увидимъ еще съ тобой святую Русь !

Digitized by Google

ГЛАВА IX.

Теперь, любезные читатели, мы возвратимся опять къ Симскому.

Ночь была темная, порывистый вѣтеръ гналъ отъ запада густыя тучи, и на мрачныхъ небесахъ изрѣдка только проглядывали звѣзды. Два всадника, одинъ закутанный въ широкій плащъ, другой въ черкесскую бурку, ѣхали шагомъ по узенькой тропинкѣ, которая вела то берегомъ Прута, то, отбѣгая въ сторону, терялась въ глуши мелкаго дубоваго лѣса, поросшаго густымъ кустарникомъ. Эти ночные путешественники ѣхали почти рядомъ и оба молчали. Одинъ изъ нихъ былъ Василій Михайловичь Симской, другой—казачій урядникъ, Никита Фроловъ. Вдали слышны еще были оклики Русскихъ часовыхъ, а до разсвѣту оставалось ужъ не болѣе двухъ часовъ.

— Да чтожъ мы этакъ плетемся нога за ногу? — промолвилъ наконецъ Симской. — Фроловъ! пойдемъ рысцею....

— Нѣтъ, сударь, теперь рысью не далеко уѣдешь, — отвѣчалъ урядникъ.—Вижь какая темь; хоть глазъ выколи!.... Мы же ѣдемъ берегомъ, а тутъ мѣстами есть такіе провалы, что не приведи Господи!....

— Да вѣдь этакъ мы и десяти верстъ не проѣдемъ до разсвѣта.

— Проѣдемъ, сударь, и всѣ пятнадцать, лишь только бы Господь Богъ отъ встрѣчи помиловалъ.... Что ты.... что ты, гнѣдко! .... чего испугался?.... Экой чортъ! иль нагайки захотѣлъ?....

— А что, Фроловъ, мы долго этимъ лѣсомъ-то поѣдемъ?

— Вотъ скоро долженъ быть поворотъ направо, въ деревню Кутъ-Маре; мы примемъ лѣвѣе, да и выѣдемъ въ чистое поле; и кабы намъ добраться только по добру по здорову до села Германешти, такъ дѣло-то было бы въ

Digitized by Google

шапкѣ: тамъ пойдетъ дремучій лѣсъ верстъ на десять, вплоть до помѣстья Будешти, а за Будештами прямая дорога до самыхъ Яссъ.

— Да ты, видно, Фроловъ, хорошо знаешь здѣшнюю сторону?

— Какъ не знать, сударь: меня раза три въ Яссы посылали; дорога знакомая.

— Постой-ка, братъ, постой! — сказалъ въ полголоса Симской, пріостановя свою лошадь.

— Ничего, Василій Михайловичь,—молвилъ Фроловъ:— это вѣтеръ шумитъ по лѣсу. Здѣсь намъ и днемъ опаски большой бы не было, а вотъ какъ выберемся въ чистое поле, такъ ужъ тутъ держи ухо востро!.... Благо ночь-то темна, а то проклятые басурманы какъ разъ бы насъ подозрили, а пуще эти Буджакскіе Татары: они, словно волки, такъ вездѣ и рыщутъ.

— Неужели ты, Фроловъ, испугаешься Татарина?

— И двухъ, сударь, не испугаюсь, да вѣдь ихъ здѣсь видимо не видимо!.... Всѣхъ не перебьешь, а на утёкъ не думай: у нихъ кони знатные!.... Вотъ не такъ чтобы давно, этихъ поганыхъ Татаръ вовсе здѣсь не было, да вдругъ какъ полая вода нахлынули — вовсе простору не даютъ!.... А что, сударь, правду ли говорятъ, что Государь Петръ Алексѣевичь хочетъ съ Туркомъ-то миръ учинить?

— Можетъ статься.

— Такъ чтожъ велѣно всему войску готовиться къ сраженію?

— Видно, такъ надобно.

— Знать по пословицѣ: миру проси, а камушекъ съ собой носи!....

— Ну, разумѣется. Почему знать, коли визирь не пойдетъ на мировую....

— Такъ придется съ нимъ роспить круговую?.... такъ, сударь!.... Да и пора чѣмъ ни есть порѣшить съ Туркомъ-то:

Digitized by Google

вѣдь нашимъ скоро перекусить нѣчего будетъ. Что, въ самомъ дѣлѣ: миръ такъ миръ, а не то перекрестясь да и пошелъ на удалую. Вынесетъ Господь хорошо, не вынесетъ — Его святая воля! Лишь только бы нашъ батюшка уцѣлѣлъ, а наши головы что!... Вѣдь Царство-то Русское не нами стоитъ!

— Да, братъ Фроловъ! за нашего Государя не жаль своей головы положить.

— Чего жалѣть, батюшка! Да вѣдь такихъ Царей, какъ нашъ Государь Петръ Алексѣевичь, сродясь ни гдѣ не бывало. И собой молодецъ, и удаль вся Русская. Какъ теперь смотрю: подъ Полтавою летаетъ себѣ соколомъ на своей лошадкѣ; вокругъ его народъ такъ варомъ и варитъ, а ему и горюшки мало! Гдѣ погуще, тутъ и онъ! а ужъ заботливый-то какой! Подумать: кому бы, кажется и понѣжиться, какъ не Царю? ему никто не указъ ... Такъ нѣтъ! говорятъ, ночи не спитъ; да за то ужъ у него и другіе не дремлютъ. Вотъ иноземные то государи—фу, батюшки! чай къ нимъ и приступу нѣтъ! А къ нашему Царю, коли ты правъ или за дѣломъ идешь—ступай прямо! Онъ, нашъ кормилецъ, со всѣми милосливъ; простаго лапотника не погнушается. Да вотъ я, сударь, разскажу тебѣ, что слышалъ отъ одного крестьянина, у котораго, года два тому назадъ, стоялъ постоемъ. Забылъ, какъ село-то прозывается.... ну, да это все равно. Вотъ что онъ разсказывалъ: «Ѣду, дискать, я однажды порожнякомъ съ ба«зару по большой дорогѣ; зазѣвался маленько, попалъ въ «рытвину, задняя ось-то и пополамъ! а до села еще версты «четыре оставалось. Что дѣлать! на одномъ передкѣ далеко «не уѣдешь! Со мною былъ парнишка: я послалъ его за «осью на село, а самъ остался подлѣ воза. Вотъ, гляжу, «ѣдетъ на тройкѣ въ телѣгѣ какой-то баринъ, а съ нимъ «служивый; поровнялся со мною и велѣлъ остановиться. Я «шапку долой. — Что, дискать, мужичекъ, стоишь ты здѣсь «съ возомъ праздно?—Да вотъ, молъ, батюшка, притча сдѣ«лалась: ось лопнула. — Такъ чтожъ! у тебя, кажись, за «поясомъ топоръ? — Да, кормилецъ, купилъ на базарѣ. —

Digitized by Google

Ну такъ чего же ты сложа руки стоишь? иль ужъ ты и «оси-то сдѣлать не съумѣешь? Лѣсокъ здѣсь есть, срубилъ «бы деревцо, да и за работу. — Нельзя кормилецъ! злѣсь «лѣсъ рубить Царемъ заказано. — Экой ты какой! да кто «про это узнаетъ? я ни кому не донесу. — А Богъ-то на «что, батюшка? — Вотъ, гляжу, баринъ спрыгнулъ съ те«лѣги, подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за виски и поцѣло«валъ въ маковку. — Добрый ты мужикъ, говоритъ, до«брый! и Бога боишься и Царя слушаешься. — Да ко«гожъ намъ и слушаться? молвилъ я. — А видалъ ли ты «когда нибудь Царя-то? — спросилъ баринъ. — Нѣтъ, ба«тюшка, сродясь не видывалъ. — Ну такъ посмотри на «меня: вѣдь я-то и есть Царь Петръ Алексѣевичь. — Я »въ ноги, а онъ поднялъ меня, и говоритъ: за то что ты, «мужичекъ, присягу помнишь и царскій указъ хранишь, я «самъ тебѣ послужу и сдѣлаю тебѣ ось моими руками. — «Вотъ онъ взялъ у меня топоръ, срубилъ деревцо, да въ «два мига такую смастерилъ ось, что любо-дорого посмо«трѣть! Приладилъ какъ быть надо, сѣлъ опять въ телѣгу «и покатилъ. Я пріѣхалъ на село да прямехонько къ бать«кѣ. — Вотъ, дискать, отецъ Ѳедоръ, како дѣло со мною «было. — Батька выслушалъ, подивился и говоритъ мнѣ: «не подобаетъ тебѣ, Гаврила, ѣздить на оси, которую дѣ«лалъ своими ручками помазанникъ Божій: отдай ее въ «церковь! (*) Ну, вѣстимо, я отдалъ, и ее поставили на па«перти, у самыхъ церковныхъ дверей!» — Вотъ что, су-дарь, Гаврила мнѣ разсказывалъ, а ось-то я самъ видѣлъ: она и теперь все тамъ же на паперти стоитъ. Такъ вотъ онъ каковъ, нашъ батюшка! И разной мудрости иноземной обученъ и царствомъ править, да и въ мужичьемъ-то дѣлѣ всякаго за поясъ заткнетъ!

Въ продолженіе этого разсказа, наши путешественники доѣхали до опушки лѣса.

(*) Теперь эта ось перенесена на паперть соборнаго храма города Волоколамска.

Digitized by Google

— Вотъ и поле пошло, — сказалъ Фроловъ. — Теперь зѣвать не надо.... Постой-ка сударь....

Урядникъ слѣзъ съ лошади, нагнулся, къ землѣ и сталъ слушать.

— Ну что? — спросилъ Симской.

— Тихо, батюшка, ничего не слышно.

— Да за то скоро видно будетъ. Посмотри-ка, Фроловъ: всѣ облака разошлись.

— Да, сударь, да!.... Мѣшкать нечего — съ Богомъ!

Симской и Фроловъ выѣхали на изрытую колеями дорогу, которая, судя по частымъ насыпямъ и гатямъ, шла низкими и болотными мѣстами.

— Вотъ, кажись, и поворотъ, — прошепталъ урядникъ. — Два дубка.... столбъ.... ну, такъ и есть!.... Эхъ, больно свѣтло становится!.... Пронеси Господи!.... Сюда, батюшка, сюда, налѣво!.... Ну! что это? — примолвилъ въ полголоса Фроловъ, осадивъ свою лошадь. — Слышишь, сударь, что вѣтромъ-то наноситъ?....

— Да не близко ли мы къ рѣкѣ?.... Можетъ быть, это шумитъ Прутъ?

— Какой Прутъ!.... Рѣка должна быть правѣе, а это прямехонько противъ насъ.... Нишни-ка, батюшка!.... Такъ и есть — конскій топотъ!... Ѣдутъ къ намъ на встрѣчу.... слышишь?

— Теперь слышу. Это должны быть Татары, или Турецкій разъѣздъ.

— Полуночники, проклятые!.... Вотъ ихъ чортъ несетъ!

— Думать-то нечего, Фроловъ: свернемъ съ дороги въ сторону, а какъ они проѣдутъ....

— Вотъ то-то и бѣда, сударь! Здѣсь по сторонамъ вовсе ѣзды нѣтъ — трясинникъ да болота! днемъ бы еще, можетъ статься, проѣхали, а ночью какъ попадешь въ какую-нибудь трущобу, такъ и сиди до утра, а тамъ тебя

Digitized by Google

руками возьмутъ. Нѣтъ, батюшка! ужъ лучше ѣхать на Кутъ-Маре, хоть и дадимъ крюкъ, да авось ли какъ-нибудь доберемся проселками до села Германешти. Намъ въ Кутъ-Маре проводника дадутъ.

— Кутъ-Маре!—повторилъ Симской. — Кутъ-Маре!.... Вѣдь это, кажется, помѣстье Молдаванской барыни Хереско?

— Да, сударь. Въ Германешти лошадей вовсе нѣтъ, такъ я у нея часто подводы бралъ и сѣнцомъ не разъ поживлялся. Такая ласковая.... Чу, слышишь?.... Близехонько и, кажись, ихъ много.... Ну, сударь, дѣлать-то нѣчего — на утекъ!

Путешественники приняли направо и пустились по дорогѣ, которая вела въ деревню Кутъ-Маре. Проѣхавъ шибкой рысью версты двѣ, они выѣхали на берегъ Прута. Кругомъ все было тихо; вдали передъ ними мелькалъ огонекъ.

— Вотъ, немного полѣвѣе, долженъ быть мостъ, — сказалъ Фроловъ,—а за нимъ какъ разъ господская усадьба.

— Такъ по этому, — спросилъ Симской, — и огонекъ-то свѣтится....

— Должно быть въ барскихъ хоромахъ. Тамъ есть у меня пріятели: одинъ дѣтина по имени Димитраки, сирѣчь Дмитрій, и любимая сѣнная дѣвушка куконы, цыганка.... помнится, Маріорицею зовутъ. Она всѣмъ домомъ заправляетъ. Кабы намъ до нея только добраться, такъ барыни и тревожить нѣчего: Маріорица дѣвка добрая, Русскихъ любитъ, и ужъ вѣрно дастъ намъ проводника.

— Постой-ка, Фроловъ! — перервалъ Симской. — Что это? мнѣ кажется, какъ будто бы....

— Да, сударь, что-то шумитъ!.... или это такъ вѣтеръ чтоль шелеститъ!... Кажись, вѣтеръ.... Вотъ опять затихло!.... Чу! на господскомъ-то дворѣ собаки залаяли!.... Видно, насъ почуяли... Слышишь, сударь?.... вонъ ворота заскрыпѣли.... Чтожъ это ни свѣтъ, ни заря?.... Ужъ не дожидаются-ли они кого-нибудь?....

Digitized by Google

— А вотъ увидимъ! — сказалъ Симской, пріударивъ нагайкою свою лошадь.

Чрезъ нѣсколько минутъ наши путешественники, переѣхавъ черезъ мостъ, въѣхали на господской дворъ, обнесенный высокимъ тыномъ, и остановились шагахъ въ десяти отъ барскаго дома. Прямо, въ глубинѣ двора, тянулось длинное зданіе, покрытое соломою, налѣво чернѣлся густой садъ, а направо разбросаны были по двору отдѣльныя, выбѣленныя известью, мазанки. Симской и Фроловъ спѣшились. Къ нимъ подошелъ съ фонаремъ дюжій дѣтина въ овчинномъ кожухѣ.

— Ты, пріятель, караульщикъ чтоль? спросилъ его по-Молдавански Фроловъ.

— Караульщикъ, отвѣчалъ Молдаванинъ.

— Э! здравствуй, братъ Димитраки!

— Здравствуй!.... Да ты кто?

— Иль не узналъ казачьяго урядника Никиту.... помнишь?

— Помню.... Такъ это ты?.... А твой товарищъ?

— Русскій офицеръ?

— Русскій офицеръ.... Да какъ это васъ сюда чортъ занесъ?

— Ужъ это не твое дѣло. Поди, разбуди Маріорицу и вышли ее къ намъ. Ну чтожъ ты ротъ-то разинулъ?

— Да какъ же это вы сюда пріѣхали?

— Говорятъ, не твое дѣло — ступай!

Молдаванинъ почесалъ затылокъ, поглядѣлъ съ удивленіемъ на Фролова и отправился. Минуты черезъ двѣ сѣни господскаго дома освѣтились и Димитраки вышелъ на крыльцо вмѣстѣ съ женщиною, закутанною въ длинную коцавейку.

— Ну вотъ и Маріорица! — прошепталъ Фроловъ.

— Да, это, кажется, она, — сказалъ Симской.

— Такъ и ты, сударь, ее знаешь?

— Знаю.

Digitized by Google

Симской подошелъ къ крыльцу, и лишь только свѣтъ отъ фонаря отразился на его лицѣ, цыганка вскрикнула, всплеснула руками и кинулась опрометью назадъ въ домъ.

— Постой-, постой! — закричалъ Фроловъ. — Куда ты, Маріорица? ... Постой!.... Димитраки! чтожъ это она, чего испугалась?

— Да видно этого чорта,—отвѣчалъ Молдаванинъ, — вонъ что идетъ сюда изъ людскихъ-то. Онъ всю ночь шатается по двору, да за всѣми присматриваетъ, цѣпная собака этакая!

— А кто онъ такой?

— Янко, арнаутъ бояра Палади.

— Какого бояра? Вѣдь здѣшняя-то помѣщица кукона Хереско?

— Ну, да.

— Такъ видно этотъ бояръ къ ней въ гости пріѣхалъ?

— И не одинъ: съ нимъ гостей-то много наѣхало.

Огромнаго роста арнаутъ подошелъ къ караульщику, вырвалъ у него изъ рукъ фонарь, посмотрѣлъ молча на нашихъ путешественниковъ и, сказавъ въ полголоса нѣсколько словъ, отправился назадъ.

— Что этотъ долговязый съ тобой говорилъ?—спросилъ Фроловъ.

Вмѣсто отвѣта, Димитраки подошелъ къ воротамъ и началъ ихъ запирать.

— Эхъ, плохо дѣло! — шепнулъ урядникъ: — никакъ мы въ ловушку попались! ... Послушай-ка, пріятель,— продолжалъ онъ, обращаясь къ Молдаванину: — ты зачѣмъ вороты запираешь?

— А вотъ скоро опять отопру, — промолвилъ Димитраки. — Кажись, гости ѣдутъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ Симской: — конскій топотъ!

Digitized by Google

— Кто жъ это къ вамъ ѣдетъ? — спросилъ Фроловъ.

— Ночь-то больно темна, а то бы ты не сталъ меня спрашивать. Вонъ — посмотри! видишь ли ты тамъ что-нибудь подлѣ забору?

— Нѣтъ, не вижу.

— Подойди поближе.

Фроловъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и остановился.

— Чтожъ это? — сказалъ онъ: — никакъ осѣдланныя лошади?

— Ну, да!.... Вотъ ты бы днемъ тотчасъ увидѣлъ, что на нихъ Турецкая сбруя.

— Такъ здѣсь Турки?

— Другой день стоятъ. Ихъ привелъ бояръ Палади.

— Гдѣ онъ? гдѣ онъ? — раздался женскій голосъ.— Василій Михайловичь, гдѣ ты?

— Я здѣсь, Смарагда! — сказалъ Симской, идя на встрѣчу къ куконѣ.

— Боже мой! ты здѣсь и въ какую минуту!.... Маріорица! Димитраки!.... приберите куда-нибудь лошадей, а ты, Василій, и твой товарищъ ступайте комнѣ въ домъ.

На дворѣ замелькали огни.

— Скорѣй, скорѣй! — шепнула Смарагда, таща за собою Симскаго.

Но прежде, чѣмъ они добѣжали до крыльца, бояръ Палади съ цѣлой толпою Турковъ заступилъ имъ дорогу.

— Постой, кукона! — сказалъ онъ, схвативъ за руку Смарагду: — мы и безъ тебя угостимъ этихъ Русскихъ.

Симской и Фроловъ не успѣли вынуть своихъ сабель, ихъ схватили и тотчасъ обезоружили.

— Свяжите хорошенько этихъ бродягъ! — продолжалъ Палади, обращаясь къ Туркамъ. — Какъ вашъ ага

Digitized by Google

воротится, такъ мы разспросимъ ихъ порядкомъ, зачѣмъ они сюда пожаловали, и если они подосланы....

— О, нѣтъ! — вскричала Смарагда,—увѣряю тебя ... они заплутались.... заѣхали сюда нечаянно....

— Э, да какъ ты за нихъ заступаешься, кукона!.... Посвѣтите-ка сюда, — продолжалъ Палади, подходя къ Симскому. — Ну, такъ и есть! — сказалъ онъ, нахмуривъ свои густыя брови. — Милости просимъ, господинъ офицеръ!.... Теперь мы съ тобой разочтемся!.... Я далъ по тебѣ промаха, проклятый Русскій, да авось теперь не промахнусь! — примолвилъ онъ, вынимая изъ-за пояса пистолетъ.

— Такъ убей и меня вмѣстѣ съ нимъ! — вскричала Смарагда. Она обвила Симскаго обѣими руками и крѣпко прижалась къ груди его.

Въ эту самую минуту вороты распахнулись снова и видный собой Турецкій ага, въ провожаніи многочисленнаго отряда спаговъ, въѣхалъ на дворъ.

— Что у васъ такое? — спросилъ онъ, спрыгнувъ молодцемъ съ коня.

— Да вотъ, — отвѣчалъ Палади, опустивъ пистолетъ, — къ намъ заѣхали сюда Русскіе, такъ я хотѣлъ съ ними поскорѣй раздѣлаться.

— Русскіе.... хошъ халды! Добро пожаловать! — Гдѣжъ они?

— А вотъ здѣсь.

— И только двое? Да чтожъ эти Москови — съума чтоль сошли?

— Видно ихъ подослали нарочно.

— И ты хотѣлъ ихъ застрѣлить?

— А развѣ не прикажешь?

— Нѣтъ, не прикажу. Ну стоютъ ли эти собаки, чтобъ ты тратилъ для нихъ порохъ? — Хамидъ! — про-

Digitized by Google

должалъ ага, обращаясь къ одному изъ спаговъ: — возьми себѣ ихъ головы.

Хамидъ, пожилой Турокъ съ сѣдой бородою, спустился медленно съ коня.

— Ну, Василій Михайловичь, — молвилъ Фроловъ, — пришелъ нашъ конецъ!.... Я по Турецкому-то маракую: знаешь-ли, что̀ сказалъ этотъ Турка?

— А что̀? — спросила торопливо Смарагда.

— Онъ велѣлъ покончить съ нами.

Кукона вскрикнула, голова ея скатилась на грудь, руки опустились и она упала безъ чувствъ на землю. Маріорица подняла свою госпожу и', при помощи Димитраки, внесла ее въ домъ.

— Дѣлать нѐчего, Фроловъ, — сказалъ Симской: — воля Господня.... молись Богу!

— Поганые басурманы! — прошепталъ урядникъ: — экъ они намъ руки-то скрутили!... и перекреститься нельзя!

Хамидъ вынулъ изъ ноженъ свой булатный ятаганъ, обтеръ его полдю кафтана и, обращаясь къ своему начальнику, сказалъ:

— А что, эфенди, здѣсь чтоль, или тамъ за воротами?

— Да! сведи ихъ со двора. — Палади! продолжалъ ага: — ты спрашивалъ этихъ Московъ, что они за люди такіе?

— Одного изъ нихъ я знаю: онъ долженъ быть русской юзъ-баши.

— Юзъ-баши! — вскричалъ ага. — Аллахъ киримъ!.... и ты хотѣлъ застрѣлить его?.... Постой, Хамидъ, постой!.... Мы до сихъ поръ не могли еще захватить въ плѣнъ ни одного Русскаго юзъ-баши: они, проклятыя собаки, ни за что̀ живые въ руки не даются. Нашъ визирь Ахметъ-паша— да сохранитъ его Аллахъ и да утонетъ онъ въ морѣ милостей великаго падишаха! — дорого бы далъ, чтобы поразспросить хорошенько хоть Русскаго анъ-баши, а это юзъ-баши!.... Онъ отъ него все можетъ вывѣдать....

Digitized by Google

— Такъ ты отошлешь его къ визирю?

— Я самъ, послѣ утренней молитвы, отвезу этихъ плѣнныхъ въ лагерь и сдамъ съ рукъ на руки великому каймакану.... Ханухъ! Селимъ! заприте куда-нибудь до утра этихъ гяуровъ; да если они уйдутъ....

— Не заботься объ этомъ,—перервалъ Молдаванинъ:— не уйдутъ! За это я берусь.

— Ну, не говори, Палади! Этимъ Русскимъ — да истребитъ Аллахъ весь нечестивый родъ ихъ! — самъ шайтанъ помогаетъ: они въ мышиную щелку пролѣзутъ, проклятые! Смотри, не упусти ихъ!

— Чтобъ я ихъ упустилъ? Да застрѣли меня какъ собаку, если я выпущу изъ рукъ этихъ разбойниковъ Русскихъ!

— Хорошо, эфенди!.... Помни же, что ты теперь сказалъ!

— Не забуду. Я ихъ такъ припру, что къ нимъ и муха не влетитъ!.... А что ты думаешь, ага: визирь что съ ними сдѣлаетъ?

— Извѣстно что: разспроситъ обо всемъ

— Да! скажутъ они правду.

— Скажутъ. Вѣдь ихъ станетъ допрашивать визирскій палачь, Абдулъ-Мукиръ, а у него и мертвый заговоритъ.

— А какъ ихъ допросятъ?

— Такъ велятъ задушить. Кто побывалъ въ рукахъ у Абдулъ-Мукира, тотъ ужъ ни на что не годится.

— Вотъ что!.... Хорошо же, что я ихъ не застрѣлилъ. Алейкумъ саламъ эфенди!

Палади велѣлъ вести за собою Симскаго и Фролова. Всѣ Турки, убравъ лошадей, разбрелись въ разныя стороны, и на опустѣломъ дворѣ остался снова одинъ караульщикъ, Димитраки.

Digitized by Google

ГЛАВА X.

Въ небольшой комнатѣ, при слабомъ свѣтѣ лампады, которая висѣла передъ образомъ Божіей Матери, сидѣла на своей постелѣ, блѣдная, убитая горестью, кукона Хереско. Она молчала и по временамъ только удушливыя рыданія вырывались изъ груди ея. Подлѣ кровати стояла любимая ея цыганка.

— Маріорица! — промолвила наконецъ кукона, — не обманывай меня! Ты говоришь, что онъ живъ, но я сама слышала....

— Да, кукона! — перервала цыганка: — имъ хотѣли отрубить головы; но видно Турки передумали.

— Да точно ли это правда?

— Какъ же, кукона! Ужъ я тебѣ говорила, что ихъ отвели въ каменную кладовую. Димитраки видѣлъ, какъ ихъ туда заперли.

— А чтожъ нейдетъ ко мнѣ бояръ Палади?

— Кто его знаетъ! Когда я ему сказала, что ты зовешь его къ себѣ, такъ онъ поглядѣлъ на меня такимъ звѣремъ, что я и отвѣта не стала дожидаться.

— Боже мой! а межъ тѣмъ время такъ и летитъ!.... Что, Маріорица, посмотри, свѣтаетъ?

— Да, кукона! Вонъ ужъ тамъ, гдѣ изъ-за рощи-то солнышко выходитъ, звѣзды стали тухнуть.

— А Палади нейдетъ!....

— Чу! что-то стукнуло.... вонъ и въ дѣвичей зашумѣли.... Идетъ, кукона, идетъ!

Двери отворились и въ комнату вошелъ бояръ Палади. Онъ взглянулъ угрюмо на Смарагду; ея заплаканные глаза и помертвѣвшее лице, казалось, не возбудили въ немъ никакого сожалѣнія; напротивъ, взоръ его сдѣлался еще мрачнѣе,

Digitized by Google

— Проклятый! — прошепталъ онъ: — какъ она его любитъ!

— Садись, бояръ! — сказала тихимъ голосомъ Смарагда.

— Зачѣмъ, кукона! Мнѣ нѣкогда съ тобою долго разговаривать: я отвѣчаю головой за плѣнныхъ Русскихъ, такъ самъ ихъ караулю. Конечно, имъ уйдти не легко, да вѣдь здѣсь, пожалуй, и помогутъ.

— Бога ради, Палади! скажи мнѣ всю правду: что̀ съ ними будетъ?

— Извѣстно что̀. Ибрагимъ сказалъ мнѣ, что онъ, послѣ утренней молитвы, отвезетъ ихъ въ лагерь къ визирю; тамъ отъ нихъ допытаются, зачѣмъ они сюда пожаловали, разспросятъ о Русскомъ войскѣ. Турки на это молодцы; коли примутся пытать, такъ у нихъ всякой заговоритъ, по жилочкѣ вытянутъ изъ чѣловѣка! А тамъ, какъ узнаютъ отъ нихъ все, что̀ надо, такъ отмахнутъ имъ головы, или велятъ задушить. Вѣдь у нихъ расправа короткая!

— Милосердый Боже! — вскричала Смарагда. — А я еще радовалась, что Симской живъ!

— Вольно жъ тебѣ было мнѣ помѣшать: я сгоряча убилъ бы его непремѣнно. Теперь, не прогнѣвайся! и самъ ни за что̀ не трону этого красавчика: пусть онъ прежде побываетъ въ рукахъ у визирскаго палача. Посмотримъ тогда, каковъ-то онъ будетъ!

— Боже мой, Боже мой! да за что̀жъ ты его такъ ненавидишь?

— За что̀?.... и ты спрашиваешь объ этомъ!.... За что̀? Ты любила меня, Смарагда.... да, да! ты любила меня!.... и еслибъ не этотъ пришлецъ, не этотъ демонъ-соблазнитель, я былъ бы давно твоимъ мужемъ! Теперь онъ въ рукахъ моихъ, его ждетъ мучительная смерть, а знаешь ли, что я завидую ему? Онъ умретъ любимый тобою, а я останусь жить.... на что̀?.... для чего?.... Еслибъ я ненавидѣлъ тебя, какъ ненавижу этого Русскаго.... о, тогда бы я могъ еще жить! Я былъ бы счастливъ твоею

Digitized by Google

горестью, я упивался бы слезами твоими. Твое отчаяніе было бы моимъ блаженствомъ; но я люблю тебя!.... и еслибъ ты знала, Смарагда, какой адскій пламень обхатываетъ мое сердце, какъ рвется оно на части при одной мысли, что ты презираешь любовь мою, что этотъ злодѣй владѣлъ тобою!

— Ты ошибаешься, бояръ....

— Я ошибаюсь — я?.... Такъ онъ не для тебя пріѣхалъ въ Кутъ-Маре, не для тебя пошелъ на явную гибель?

— Онъ здѣсь въ первый разъ и заѣхалъ сюда нечаянно.

— Да не ты ли сама признавалась мнѣ, что любишь этого Русскаго?

— Да, я люблю его; но та, которую онъ любитъ не здѣсь, Палади: она Русская. Симской зоветъ меня сестрою и, можетъ быть, любитъ какъ сестру, но никогда не будетъ моимъ мужемъ.

— Еслибъ я тебѣ и повѣрилъ, — сказалъ Молдаванинъ, — такъ чтожъ отъ этого? Любитъ ли тебя этотъ Русскій или нѣтъ, но онъ сталъ между тобою и мною....

— Но развѣ Симской желалъ этого?.... О, повѣрь, Палади, онъ ни въ чемъ не виноватъ передъ тобою!....

— А въ чемъ виноваты передъ Турками солдаты Русскаго Царя? Они не сами пришли: ихъ привели на Прутъ; такъ по твоему падишахъ долженъ ихъ всѣхъ помиловать? Нѣтъ, кукона! если этотъ Русскій не виноватъ передо мною, такъ пусть кровь его будетъ на тебѣ: не я, а ты его убійца!

— Бояръ Палади! — перервала кукона: — время дорого, выслушай мою послѣднюю и непремѣнную волю: клянусь тебѣ Господомъ Богомъ, если Симской погибнетъ, такъ я никогда не буду твоей женою и умру проклиная тебя; а если ты спасешь его, то веди меня завтра же къ вѣнцу.

— Завтра.... тебя! — повторилъ съ удивленіемъ Палади. — Ты шутишь, кукона!

— Вотъ какъ я шучу, — сказала Смарагда, снимая со стѣны икону. — Гляди, Палади: я цѣлую ликъ Божіей Матери и повторяю мою клятву.

Digitized by Google

— Да подумала ли ты, Смарагда, что до завтрашняго дня осталось только нѣсколько часовъ и что въ Кутъ-Маре есть церковь и священникъ?

— Прикажи ему быть готовымъ.

— Такъ ты будешь моею? — прошепталъ Палади, устремивъ сверкающій взоръ на блѣдную, истерзанную горестью, но все еще прекрасную Молдаванку: — моею! — повторилъ онъ, схвативъ ее за руку.

— Да! — прошептала кукона, — если ты спасешь Симскаго

— Смарагда! — сказалъ, помолчавъ нѣсколько времени, бояръ: — я вѣрю, что теперь ты на все готова; но кто поручится мнѣ за будущее? Пройдетъ мѣсяцъ, другой...

— Но развѣ я тебѣ не сказала, что ты можешь завтра же вести меня къ вѣнцу?

— Завтра!.... Да вѣдь я отвѣчаю за этихъ плѣнныхъ головою, и чтобъ спасти ихъ, долженъ самъ уйдти вмѣстѣ съ ними, а ты останешься здѣсь.

— Нѣтъ, бояръ, я здѣсь не останусь, а поѣду къ моимъ роднымъ въ Кіевъ; ты можешь также туда пріѣхать, и если докажешь, что Симской доѣхалъ благополучно до Россіи....

— А чѣмъ я докажу это?

— Привези отъ него письмо.

— Письмо! — повторилъ Молдаванинъ, — письмо, въ которомъ, можетъ быть, онъ станетъ увѣрять тебя въ любви своей....

— Я ужъ сказала тебѣ, Палади, что онъ любитъ меня какъ сестру и никогда не будетъ моимъ мужемъ.

— Почему я знаю, — продолжалъ Молдаванинъ, — что у тебя на умѣ, кукона? Можетъ быть, вмѣсто Кіева, мнѣ придется ѣхать съ этимъ письмомъ въ Москву.

— Боже мой, Боже мой! да чѣмъ же я могу тебя увѣрить?.... Постой! — примолвила Смарагда, снимая съ

Digitized by Google

себя золотой крестъ. — Вотъ благословенье покойной моей матери: она завѣщала мнѣ никогда съ нимъ не разставаться; но ты мой женихъ, Палади, возьми его! И пусть благословеніе моей матери превратится въ вѣчное проклятіе, если я измѣню моему слову!.... Да! клянусь передъ Богомъ: только тотъ, кто возвратитъ мнѣ этотъ крестъ, будетъ моимъ мужемъ! — Ну, вѣришь ли теперь, что я тебя не обманываю?

— Хорошо, кукона! я постараюсь спасти этихъ Русскихъ. Помни только, что дѣло идетъ о головѣ моей и что съ этой минуты ты принадлежишь мнѣ навсегда. Погибну я или нѣтъ — все равно! Да, Смарагда: этого креста не возвратитъ тебѣ никто, кромѣ меня.... Прощай!

Палади вышелъ изъ дома. На дворѣ все было тихо. У дверей кладовой, въ которой заперты были плѣнные, стоялъ Янко, арнаутъ бояра Палади. У коновязи сидѣлъ, поджавши ноги, Турецкій часовой; онъ не курилъ даже трубки, потому что спалъ мертвымъ сномъ. Одинъ только Димитраки расхаживалъ подлѣ запертыхъ воротъ и мурлыкалъ про себя пѣсенку.

— Димитраки! — сказалъ Палади, подойдя къ караульщику, — что, все спокойно?

— Все, бояръ.

— Кажется, Турки-то всѣ спятъ?

— Да когда-жъ имъ соснуть, коли не теперь? Всю ночь прошатались.

— А ты что не спишь, Димитраки?

— Нѣтъ, бояръ, спасибо!.... Вижь какой! — примолвилъ онъ шепотомъ: — еще спрашиваетъ — чортъ этакой!

— Я вчера поколотилъ тебя за это, — продолжалъ Палади, — а сегодня, ужъ такъ и быть — жаль мнѣ тебя, ступай, спи!

— Да вонъ ужъ свѣтаетъ, бояръ: высплюсь днемъ.

— Ну пошелъ же, когда тебѣ говорятъ! Да возьми съ собою въ избу собакъ; надоѣли — все лаютъ.

Digitized by Google

— Да кто же дворъ-то станетъ караулить ?

— А вотъ кто ! — перервалъ Палади, ударивъ кулакомъ караульщика. — Когда приказываютъ, такъ слушайся !

Димитраки подкликалъ къ себѣ собакъ и отправился вмѣстѣ съ ними въ одну изъ мазанокъ, которыми уставленъ былъ весь дворъ, а Палади, поглядѣвъ внимательно вокругъ себя, пошелъ къ каменной кладовой. Минуты черезъ двѣ Димитраки высунулъ голову изъ дверей избы.

— Проклятый полуночникъ ! — прошепталъ онъ: — вчера приколотилъ меня за то, что я спалъ, сегодня за то, что нейду спать — разбойникъ этакой !....

— Да что̀жъ это такое ? — продолжалъ караульщикъ, выходя потихоньку изъ избы. — И меня прогналъ и собаки ему надоѣли !.... Это что-нибудь не даромъ.... Ужъ не пойдти ли мнѣ сказать объ этомъ Туркамъ ?.... Что, въ самомъ дѣлѣ ? вѣдь я и передъ ними также въ отвѣтѣ. Упаси Господи, коли грѣхъ какой сдѣлается, вѣдь тогда за меня перваго примутся !.... Ты, дискать, караульщикъ !....

Разсуждая такимъ образомъ, Димитраки пробрался стороною до длиннаго надворнаго строенія, въ которомъ помѣщался Турецкій ага съ своимъ отрядомъ. Въ одномъ окнѣ свѣтился огонекъ.

— Э ! — прошепталъ Димитраки, — да никакъ ага-то не спитъ !.... Ну такъ и есть ! Кажись, молится по своему Богу.... Не пойдти ли мнѣ сказать ему ?.... Нѣтъ ! дай прежде посмотрю, гдѣ этотъ чортовъ сынъ, Палади....

Между надворнымъ строеніемъ и заборомъ сада росъ высокій бурьянъ и разбросано было нѣсколько кустовъ смородины; Димитраки почти ползкомъ прокрался между ими до самой коновязи. При свѣтѣ утренней зари, которая стала уже заниматься, можно было различать довольно ясно всѣ предметы. Въ пяти шагахъ отъ Димитраки бояръ Палади и его арнаутъ Яшко суетились около лошадей.

— Проворнѣй, проворнѣй ! — шепталъ Палади. — Я все боюсь, что этотъ проклятый Турокъ.... Эхъ, лучше бы !....

Digitized by Google

— Да небойсь, бояръ, — перервалъ Янко: — я ему ротъ завязалъ платкомъ и скрутилъ такъ, что ему пошевелиться нельзя, а закричать и подавно; еще, пожалуй, задохнется. Да ништо ему: коли приставили караулить, такъ не спи!

— Ну, веди теперь лошадей садомъ, а тамъ задними воротами въ рощу — знаешь, гдѣ старая винокурня?

— Знаю, бояръ.

— Тамъ и дожидайся, а я пойду къ Русскимъ.

— Эге! — подумалъ Димитраки: — и Турка связали и лошадей ведутъ украдкою, такъ дѣло-то не ладно, надо сказать агѣ. Ну, бояръ, какъ-то ты съ нимъ раздѣлаешься: вѣдь онъ не нашъ братъ, его не поколотишь!

Межъ тѣмъ Палади подошелъ къ каменному небольшому зданію съ однимъ окномъ, въ которое вставлена была толстая желѣзная рѣшетка, отперъ ключемъ дубовую окованную дверь и вошелъ въ кладовую. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ изъ нея съ Симскимъ и Фроловымъ, и перерѣзалъ кинжаломъ веревки, которыми они были связаны.

— Теперь за мной, — сказалъ Палади.

Симской и Фроловъ, вслѣдъ за Молдаваниномъ, перелѣзли черезъ заборъ и пустились бѣгомъ по саду.

— Скорѣй, скорѣй! — прошепталъ бояръ. — Вонъ видите тамъ за воротами? эти кони приготовлены для насъ.

— Ты лжешь, Палади! — сказалъ кто-то по-Молдавански. Изъ-за кустовъ высыпали вооруженные спаги и Турецкій ага заступилъ дорогу бѣглецамъ.

— Ибрагимъ! — вскричалъ бояръ.

— Да, ты лжешь, Палади! — повторилъ ага: — эти кони приготовлены для меня. Возьмите Русскихъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Туркамъ, — и посадите ихъ на коней: я самъ съ ними поѣду; а ты, проклятый гяуръ, оставайся дома.

Digitized by Google

Вслѣдъ за этими словами раздался выстрѣлъ и бояръ Палади упалъ мертвый на землю. Ага продулъ спокойно затравку своего пистолета, заткнулъ его за кушакъ и пошелъ къ рощѣ, а два или три Турка, которые остались въ саду, принялись раздѣвать и обшаривать убитаго бояра.

Солнце начинало уже всходить, когда наши плѣнные выѣхали на дорогу, ведущую отъ помѣстья Кутъ-Маре къ Турецкому лагерю; онъ тянулся по высотамъ, которыя шли вдоль низкаго берега Прута, поросшаго густымъ камышемъ. Вотъ забѣлѣлись безчисленныя палатки и красивые намёты Турецкаго войска. Вдали, какъ бѣлоснѣжная, увѣнчанная золотой луною, гора, возвышался огромный шатеръ великаго визиря. Посреди обширнаго поля, отдѣлявшаго таборы Крымскихъ Татаръ отъ Турецкаго стана, гарцовали сотни лихихъ наѣздниковъ. Они крутились вихремъ по полю, гонялись другъ за другомъ, бросали свои джериды и на всему скаку подхватывали ихъ на воздухѣ. Эта необычайная быстрота движеній, этотъ восточный живописный нарядъ, это блестящее на солнышкѣ и залитое въ серебро оружіе, отъ котораго сыпались огненныя искры — все это вмѣстѣ было такъ прекрасно и такъ великолѣпно, что Фроловъ, не смотря на свою ненависть къ басурманамъ, не могъ удержаться отъ восторга и прошепталъ: Эхъ, жаль, что эти поганые Турки Христа-то не знаютъ!.... А нѣчего сказать, удалой народъ!

Не доѣхавъ шаговъ пятьдесятъ до визирской ставки, ага сошелъ съ коня; Русскіе плѣнные и ихъ провожатые также спѣшились. Сказавъ нѣсколько словъ янычарамъ, стоявшимъ у входа въ шатеръ, онъ вошелъ въ него и велѣлъ вести за собою плѣнныхъ. Пройдя два отдѣленія, въ которыхъ толпились Турецкіе аги и Татарскіе мурзы, они вошли въ третье; въ немъ, на низкомъ диванѣ или, вѣрнѣй сказать, широкомъ тюфякѣ, сидѣлъ каймаканъ, то есть намѣстникъ великаго визиря. Передъ нимъ стояли въ почтительномъ молчаніи пять или шесть бимбашей и сидѣли на коврѣ двое осанистыхъ пашей. Нѣсколько поодаль писалъ,

Digitized by Google

стоя на колѣнях, передъ низенькимъ столомъ, ада-баши,— по нашему оберъ-квартирмейстеръ. Въ углу, позади каймакана, стояла цѣлая толпа чаушей, готовыхъ по первому мановенію визиря, или его намѣстника, отколотить по пятамъ весь главный штабъ Турецкой арміи. Русскихъ остановили при входѣ, а Ибрагимъ, ставъ противъ каймакана, наклонилъ голову и, приложивъ къ губамъ правую руку, сказалъ обыкновенное привѣтствіе правовѣрныхъ: машъ-аллахъ! то есть: да благословитъ тебя Господь!

— Аллахъ-разола!—пробормоталъ каймаканъ, кивнувъ слегка головою. — Ну, что скажешь, Ибрагимъ?

— Я сегодня ночью,—отвѣчалъ ага,—захватилъ вотъ этихъ двухъ Русскихъ. Одинъ изъ нихъ юзъ-баши.

— Пекъ-эй, пекъ-эй!.... А который изъ нихъ юзъ-баши?

— Вотъ этотъ, что выше ростомъ.

— Какъ! этотъ мальчишка?.... И онъ юзъ-баши!.... Ну, видно у этихъ Московъ не по нашему! — примолвилъ онъ, поглаживая свою сѣдую бороду.

Занавѣска дверей, ведущихъ во внутреннія отдѣленія визирской ставки, зашевелилась. Всѣ Турецкіе чиновники встрепенулись, паши вскочили съ своихъ мѣстъ и самъ каймаканъ приподнялся. Но эта тревога тотчасъ же кончилась, потому что вмѣсто великаго визиря вошелъ Русскій подъканцлеръ Шафировъ съ своимъ переводчикомъ.

— Что я вижу! — вскричалъ онъ. — Симской!.... Ты какъ здѣсь?

— Въ плѣну, Петръ Павловичь.

— Въ плѣну!.... Да когдажъ ты попался?

— Сегодня ночью. Государь изволилъ отправить меня съ указомъ въ Московскій сенатъ.

— Съ указомъ?.... Такъ погоди же!....

Шафировъ подошелъ къ каймакану и началъ говорить съ нимъ черезъ переводчика. Турокъ слушалъ его съ боль-

Digitized by Google

шимъ вниманіемъ, улыбался, и когда Шафировъ пересталъ говорить, кивнулъ привѣтливо головою и сказалъ: пекъ-эй, пекъ-эй!

— Что это онъ говоритъ? — спросилъ Шафировъ.

— Хорошо, дискать, — отвѣчалъ переводчикъ.

Шафировъ поклонился каймакану, и, проходя мимо Симскаго, спросилъ, не отобрали ли у него царскаго указа?

— Нѣтъ, Петръ Павловичь, — отвѣчалъ Симской. — Указъ, слава Богу, при мнѣ.

— Такъ авось ты довезешь его благополучно до Москвы. Прощай!

Черезъ нѣсколько минутъ вынесли отъ визиря бумагу; каймаканъ прочелъ ее съ примѣтнымъ удовольствіемъ, повторяя безпрестанно свое пекъ-эй; потомъ передалъ ее адабаши и, проговоривъ съ набожнымъ видомъ: шюкюръ аллахъ! потребовалъ свою трубку; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ затянуться первымъ глоткомъ благовоннаго дюбека, вошелъ торопливо пожилой бимъ-баши и сказалъ ему что-то въ полголоса.

— Аллахъ киримъ! — вскричалъ Каймаканъ съ примѣтнымъ ужасомъ. — Что ты говоришь! онъ здѣсь?

— Здѣсь, и прямо идетъ сюда.

Передъ шатромъ послышался шумъ. Каймаканъ вскочилъ, паши также встали; шумъ приближился, и вдругъ въ палатку вошелъ или, лучше сказать, вбѣжалъ человѣкъ высокаго роста, не слишкомъ пріятной, но весьма значительной наружности. Этотъ, по-видимому, вовсе нежданный гость, не отличался ни чѣмъ отъ трехъ Шведскихъ офицеровъ, которые вошли вмѣстѣ съ нимъ въ палатку. На немъ была небольшая треугольная шляпа, однобортный зеленый мундиръ съ желтымъ подбоемъ, такого же цвѣта исподнее платье, ботфорты со шпорами, лосинная портупея съ мѣдной пряжкою и замшевыя перчатки съ широкими раструбами по самый локоть.

Digitized by Google

— Аллахъ не любитъ безначалія, — возразилъ визирь. Потомъ, взглянувъ изъ-подлобья на Шведскаго короля, примолвилъ еще нѣсколько словъ. Понятовскій видимымъ образомъ смутился.

— Что онъ еще тамъ бормочетъ? — спросилъ король. — Ну чтожъ ты молчишь, Понятовскій?

— Онъ говоритъ такой вздоръ, Ваше Величество, что, право, не стоитъ и переводить.

— Все равно! я хочу знать.... да смотри — не обманывай меня!

— Онъ говоритъ, Ваше Величестве, что не хорошо будетъ, если всѣ цари станутъ жить по чужимъ землямъ.

Карлъ Двѣнадцатый вспыхнулъ.

— Ваше Величество! — сказалъ торопливо Понятовскій, — не гнѣвайтесь на этого Турка: онъ не знаетъ самъ, что̀ говоритъ.

— Ты правъ, Понятовскій, — примолвилъ король: — съ этимъ болваномъ разсуждать нѣчего. Поѣдемъ!

Онъ вскочилъ съ дивана, зацѣпилъ шпорою за шубу визиря, разорвалъ ее, потомъ выбѣжалъ вонъ изъ палатки, вспрыгнулъ на своего коня и поскакалъ назадъ въ Бендеры.

— Собака! — прошепталъ Мехметъ-Паша, принимаясь снова курить свою трубку.

Спустя минутъ десять, каймаканъ вошелъ къ визирю.

— Что̀ ты, Османъ? — просилъ Мехметъ-паша.

— Я пришелъ донести твоему великолѣпію, — отвѣчалъ каймаканъ, что ага Ибрагимъ захватилъ въ плѣнъ двухъ Русскихъ; одинъ изъ нихъ юзъ-баши.

— А когда онъ взялъ ихъ въ плѣнъ?

— Ночью, за часъ до утренней молитвы,

— То есть прежде, чѣмъ мы заключили миръ съ Русскими?

— Прежде.

Digitized by Google

— Такъ пускай Ибрагимъ возьметъ ихъ себѣ.

— А я думаю, что ихъ лучше отпустить.

— Зачѣмъ?

— Да вотъ мнѣ сейчасъ Русскій рейсъ-эфенди говорилъ, что Московъ-султанъ послалъ ихъ съ фирманомъ въ свою землю за тѣмъ, чтобъ тамъ скорѣй сбирали подать, которую онъ долженъ положить къ ногамъ великаго падишаха.

— Ну, это другое дѣло! ты правду говоришь, Османъ: ихъ должно отпустить. Да ужъ, кстати, скажи Ибрагиму, чтобъ онъ взялъ съ собою человѣкъ двадцать спаговъ и проводилъ этихъ Русскихъ; а не то, пожалуй, ихъ захватятъ Крымскіе Татары. Вѣдь для этихъ разбойниковъ все равно, война или миръ: имъ только бы грабить.

Каймаканъ поклонился и вышелъ вонъ.

Черезъ полчаса Симской и Фроловъ, которымъ отдали оружіе, сидѣли уже на коняхъ.

— Ну, вотъ, сударь, — сказалъ Фроловъ: — Господь насъ помиловалъ! Насъ даже и въ плѣнъ не берутъ. Ага сказалъ мнѣ, что ѣдетъ съ нами для того только, чтобъ насъ не обидѣли Татары.

— Чтожъ это значитъ?

— Должно быть, перемиріе, сударь. Да видно за насъ очень просилъ и бояринъ Шафировъ, дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать!

— Хайде! — крикнулъ ага, и весь поѣздъ двинулся по дорогѣ, ведущей къ Яссамъ.

ГЛАВА XI.

Теперь мы должны возвратиться опять въ Москву; но вы не узнаете ея, любезные читатели:

Она *грустна*, она уныла,
Какъ мрачная осенняя ночь....

Дурныя вѣсти скоро доходятъ, да это бы еще ничего: что было, того не воротишь; но вотъ что худо: почти

Digitized by Google

всегда, какъ будто бы для того, чтобъ оправдать пословицу: пришла бѣда, отворяй ворота,—за каждой нерадостной вѣстью слѣдуютъ тысячи новыхъ, одна другой ужаснѣе. Есть люди, для которыхъ всякое народное бѣдствіе сущій кладъ. Въ спокойное время они обыкновенно сидятъ по домамъ, но случись какая-нибудь общая бѣда, и они, какъ зловѣщія птицы, появятся вездѣ, начнутъ всѣхъ пугать своимъ отвратительнымъ крикомъ; и надобно отдать справедливость этимъ вѣстовщикамъ горя: они вполнѣ обладаютъ непостижимымъ искусствомъ — изъ небольшой мухи сдѣлать огромнаго слона. На этотъ разъ для нихъ было настоящее раздолье: нашествіе Турковъ на святую Русь, погромъ Москвы, осквернѣніе храмовъ Божіихъ — было надъ чѣмъ уму разуму потрудиться; и нѣчего сказать — эти господа потрудились порядкомъ. Въ Москвѣ не знали ничего вѣрнаго о положеніи нашего войска: знали только, по слухамъ, что дѣла идутъ худо; но по милости этихъ зловѣщихъ птицъ и неробкіе люди стали призадумываться — о трусоватыхъ и говорить нѣчего; тѣ ужъ давно распорядились: одни припрятали подалѣе свое серебро и наличныя денежки, другіе уложились и держали наготовѣ лошадей, чтобъ, при первой опасности, ускакать изъ Москвы.

Семнадцатаго іюля, часу въ десятомъ утра, Данила Никифоровичь Загоскинъ бесѣдовалъ въ гостиной комнатѣ своего Московскаго дома съ Герасимомъ Николаевичемъ Шетневымъ.

— Да, батюшка Данила Никифоровичь! — говорилъ Шетневъ: — ты себѣ вѣрь или нѣтъ, а ужъ шила въ мѣшкѣ не утаишь — плохо дѣло!

— Да вѣдь это только слухи, — сказалъ Данила Никифоровичь.

— Какіе слухи! Говорятъ тебѣ: изо всего Русскаго войска ни одной живой души не осталось.

— Помилуй, любезный! да какъ же это можетъ быть? Вѣдь люди не мухи, а и тѣхъ всѣхъ не перебьешь. Рус-

Digitized by Google

ская-то рать была не маленькая. Ну, коли Турковъ было и впятеро больше....

— Впятеро! Нѣтъ, Данила Никифоровичь, ихъ пришло слишкомъ шестьсотъ тысячъ, а Татаръ-то собралось вдвое противъ этого. Говорятъ, весь Крымъ поголовно вышелъ на подмогу къ Туркамъ, такъ ужъ тутъ дѣлать нѣчего — на силу не возмешь!

— Воля твоя, Герасимъ Николаевичь, а я этому не вѣрю; не до конца же прогнѣвался на насъ Господь. Вѣдь по твоему и войско и Государь....

— Все погибло, любезный — все!.... Вотъ они, Нѣмецкіе-то кафтаны!.... Кабы жили да жили по старинѣ....

— А въ старину-то насъ, чай, никогда не бивали?

— Случалось, да только не этакъ. Бывало, Господь накажетъ, а тамъ и помилуетъ.

— Ну такъ, можетъ быть, и теперь тоже.

— Нѣтъ, любезный! Теперь мы сами отъ Господа отступились, такъ и Онъ насъ покинулъ. Послушалъ бы ты, что̀ говоритъ объ этомъ Лаврентій Никитичь Рокотовъ. Я третьяго дня былъ вмѣстѣ съ нимъ въ селѣ у Максима Петровича Прокудина.

— Такъ они помирились?

— Да, помирились, а вчера опять было поссорились.

— За что̀?

— А вотъ за что̀: Максимъ Петровичь также, какъ ты, не очень вѣритъ этимъ слухамъ. — «Какъ, дискать, мы «ни грѣшны, — говоритъ онъ, — а все-таки рабы Божьи, «и Онъ не предастъ помазанника своего и насъ, рабовъ «своихъ, на поруганіе язычникамъ.» — А Лаврентій Никитичь и скажи ему на это: «Коли, дискать, все правда, что «говорятъ, такъ тутъ есть и гнѣвъ и милость Божья. При«детъ разоренье на святую Русь — ну чтожъ? не впер-

Digitized by Google

«вые — авось какъ-нибудь оттерпимся, за то послѣ легко «будетъ. Вѣдь по мнѣ, дискать, Нѣмецкій-то погромъ хуже «Турецкаго.» — Батюшки! какъ Максимъ Петровичь расходился!.... Да нѣчего сказать — и я Лаврентія Никитича не похвалилъ. Ну коли какимъ ни есть чудомъ Государь Петръ Алексѣевичь вернется, да узнаетъ о такихъ рѣчахъ.... Господи Боже мой! пропадешь ни за денежку. Насилу, насилу ихъ помирилъ; да и то, что Лаврентій Никитичь догадался и сказалъ, что онъ это такъ.... пошутилъ, чтобъ поддразнить Максима Петровича.

— Здравствуйте Герасимъ Николаевичь! — сказала, входя въ комнату, Марѳа Савишна.

Щетневъ всталъ и поклонился.

— У тебя гости были, жена? — спросилъ Данила Никифоровичь.

— Да, батюшка: Аполинарья Степановна Бирдюкова да Нимфодора Алексѣевна Добрынская.

— То-то, чай, навезли тебѣ вѣстей!

— О, Господи! такія страсти, что и сказать нельзя!.... И что имъ за утѣха разсказывать?.... Держали бы про себя....

— Куда! Чай такъ и рвутся одна передъ другой!

— И добро бы еще слухи-то были хорошіе — такъ нѣтъ! Съ радостной вѣсточкой ни за что̀ не пріѣдутъ.

— Охота тебѣ, жена, ихъ слушать.

— А что̀ такое онѣ вамъ разсказывали? — сказалъ Щетневъ. — Сдѣлайте милость, сообщите намъ!

— Охъ, батюшка!.... Коли правда, что̀ онѣ говорятъ....

— А что̀ онѣ говорятъ такое?

— Да вотъ Аполинарья Степановна разсказывала мнѣ— она получила письмо отъ одной пріятельницы изъ Чернигова, и въ этомъ письмѣ къ ней пишутъ, что Турки-то ужъ въ Полтавѣ.

— Слышишь, Данила Никифоровичь? — перервалъ Щетневъ.

Digitized by Google

— Слышу, батюшка, слышу!

— Ну чтожъ они, Марѳа Савишна, съ Полтавой-то сдѣлали!

— Камня на камнѣ не оставили! И мѣсто, гдѣ она стояла, вспахали, проклятые, да солью посыпали, чтобъ трава не росла!

— А съ православными-то что они сдѣлали? Къ себѣ чтоль угнали?

— Нѣтъ, батюшка, перебили всѣхъ до единаго.

— И женщинъ также?

— Охъ, нѣтъ, кормилецъ!.... Говорятъ, молоденькихъ всѣхъ по рукамъ разобрали.

— А что, отъ Полтавы они назадъ чтоль пошли?

— Куда назадъ!.... Говорятъ, ужъ дошли до Кіева.

— Что ты, матушка! — перервалъ Данила Никифоровичь:—да вѣдь Кіевъ-то ближе къ Туркамъ, чѣмъ Полтава.

— Я этого, сударь, не знаю, а разсказываю тебѣ, что слышала. И Нимфодора Алексѣевна говоритъ тоже, и ей также пишутъ изъ Курска чтоль — не знаю, что кругомъ Полтавы нѣтъ деревца, на которомъ бы человѣкъ десяти не висѣло.

— Скажите пожалуйста! — вскричалъ Шетневъ — и рѣжутъ и вѣшаютъ!

— То ли еще они, душегубцы, дѣлаютъ съ православными! — продолжала Марѳа Савишна: — и подумать-то страшно!

— А что такое, матушка?

— А вотъ что, Герасимъ Николаевичь: возьмутъ человѣка, зароютъ его по самую голову въ землю, да такъ въ степи и оставятъ. Вотъ какъ онъ, голубчикъ, ротъ раскроетъ, такъ въ него и поползетъ всякой гадъ: и ящерицы, и змѣи, и козявки всякія ...

Digitized by Google

— Господи Боже мой! охота же была связываться съ такимъ народомъ!

— Охъ, батюшка, правду ты говоришь! Знаешь ли ты что̀ мнѣ сказывала Аполинарія Степановна—а она слышала это отъ людей бывалыхъ: гдѣ намъ воевать съ Турками! Они все народъ тучный, дородный—что̀ имъ дѣлается! Вотъ Турокъ ударитъ саблею Русскаго, такъ онъ тутъ же изойдетъ кровью, сердечный! А коли нашъ пырнётъ чѣмъ ни есть Турка, такъ ему это ни почемъ — тотъ часъ заплывётъ жиромъ.... Ну чтожъ ты смѣешься, Данила Никифоровичь?

— Да повеселѣе на сердцѣ стало, матушка. Коли и другія-то вѣсти также вѣрны, какъ эти, такъ еще слава Богу!

— Нѣтъ, Данила Никифоровичь, — перервалъ Шетневъ, — не говори этого. То, что изволила разсказывать Марѳа Савишна, само по себѣ, а то, что я тебѣ говорилъ, такъ это вѣрно, какъ Богъ святъ. Вотъ какъ и дѣло было: мы перешли за рѣку Днѣстръ, а за этой рѣкой пойдутъ арапскія пустыни.... Это, матушка Марѳа Савишна, должна быть та самая земля, въ которой живутъ мурины, сирѣчь арапы.

— Такъ, батюшка — такъ!

— Ну вотъ, сударыня моя, наши много нужды натерпѣлись; мѣста — знаете, этакъ безводныя, а жары такіе, что тамъ и огня вовсе не разводятъ.

— Да какъ же, Герасимъ Нниколаевичь, тамъ хлѣбы-то пекутъ?

— На солнышкѣ, матушка. Вотъ наши шли, шли, да и пришли на какой-то прудъ, а можетъ быть и озеро — навѣрно не знаю; говорятъ только, что рыба въ немъ такъ и кипитъ, и даже тюлени водятся.

— Такъ какой же это прудъ, батюшка?

— Да, Марѳа Савишна, должно быть озеро. Мы стали по сю сторону, а Турки по ту. Вотъ какъ они собрались всѣ воедино, такъ пошли въ обходъ, а мы стоимъ да стоимъ. Глядь-поглядь, а Турки-то ужъ и съ тылу зашли

Digitized by Google

да и ну палить въ нашихъ изъ пушекъ. Мы также, а тамъ въ рукопашную — и пошла жарня! Наши, сударыня, двое сутокъ стояли крѣпко, денно и ночно бились съ врагомъ. Въ первыя сутки перебили у него пятьдесятъ тысячь, на вторыя еще пятьдесятъ, а на третьи-то и силы ужъ не стало. Легко вымолвить! поди-ка, перебей сто тысячь человѣкъ— руки отмотаешь!.... Вотъ какъ Турки замѣтили, что наши вовсе изъ мочи выбились, такъ кинулись на нихъ гурьбою и пошли рѣзать какъ барановъ. Я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что всѣхъ до-тла перерѣзали. Ну, можетъ статься, сотни двѣ, три въ живыхъ и осталось; кто подъ кустомъ отлежался, кто успѣлъ тягу дать.... да это все какая-нибудь лагерная челядь; а настоящая-то рать и царская гвардія вся поголовно легла.

— Слышишь, Лаврентій Никитичь? — сказала Марѳа Савишна, заливаясь слезами. — А вашъ-то Васинька!

— Племянникъ вашъ, Симской? — перервалъ Шетневъ.—Да! вѣдь онъ служилъ въ Преображенскомъ полку.

— Охъ! не даромъ я тосковала, когда съ нимъ прощалась! — продолжала Марѳа Савишна, рыдая. — Голубчикъ ты мой, соколъ мой ясный! умереть въ такихъ годахъ, на чужой сторонѣ и, можетъ быть, безъ покаянія!... Батюшка Данила Никифоровичь! поѣду я, отслужу по немъ панихиду....

— Что ты, матушка, помилуй! Ну что хорошаго, коли ты о живомъ человѣкѣ панихиду отпоешь?

— Нѣтъ, Данила Никифоровичь,—сказалъ Шетневъ,— не мѣшай! Что, въ самомъ дѣлѣ, племянникъ твой за выскочка — одинъ изо всего полка уцѣлѣлъ! Вѣдь онъ у тебя, я слышалъ, молодецъ — такъ живой въ руки не дастся.

— Да, это правда, а за кустъ и подавно не спрячется.

— Такъ и думать нечего! Ступайте, матушка Марѳа Савишна: дѣло христіанское, богоугодное....

Въ столовой послышались шаги поспѣшно идущаго человѣка. Двери отворились и Симской вошелъ въ комнату.

Digitized by Google

— Съ нами крестная сила! — вскричала Марѳа Савишна. — Что это?... Васинька!

— Другъ сердечный, Василій! ты ли это? — сказалъ Данила Никифоровичь, обнимая племянника.

— Я, дядюшка, я!... Здравствуйте тетушка!

— Голубчикъ ты мой! — воскликнула Марѳа Савишна, осыпая поцѣлуями Симскаго. — Ты живъ.... тебя Турки не убили?

— А вотъ какъ видите.

— Ну, Герасимъ Николаевичь! — сказалъ хозяинъ, обращаясь къ Шетневу: — ты совѣтовалъ женѣ отслужить по немъ панихиду....

— Ну чтожъ, Данила Никифоровичь: теперь Марѳа Савишна, вмѣсто панихиды, отслужитъ благодарственный молебенъ!

— Отслужу, батюшка, отслужу!... Подлинно милость Божія! Подумаешь: одинъ какъ пёрстъ изо всего своего полка остался!

— Нѣтъ, тетушка, не одинъ: нашъ полкъ, благодаря Бога, цѣлехонекъ.

— Что вы говорите, батюшка? — перервалъ Шетневъ. — Такъ по этому вашъ только полкъ и уцѣлѣлъ?

— Нѣтъ, государь мой, всѣ цѣлы. Ну, конечно, въ иномъ полку народу гораздо поубыло, и нашъ поменьше сталъ, да безъ этого нельзя.

— Скажите пожалуйста!.... Охъ ужъ мнѣ эти вѣстовщики!.... И вѣдь выдумаютъ же, проклятые!

— А что, видно насъ всѣхъ похоронили?

— Чего, батюшка! у насъ слухи были, что изъ всего Русскаго войска ни души не осталось.

— И что Турки-то ужъ въ Полтавѣ! — подхватила Марѳа Савишна.

Digitized by Google

— Нѣтъ, тетушка, далеко отъ Полтавы, — сказалъ Симской, улыбаясь. — Да врядъ ли туда и пойдутъ.

— А что Государь? — спросилъ Данила Никифоровичъ.

— Слова Богу, здоровъ. На прошлой недѣлѣ онъ самъ изволилъ отправить меня съ именнымъ указомъ. Я сейчасъ былъ въ сенатѣ и вручилъ его господамъ сенаторамъ.

— Такъ, онъ, батюшка нашъ, живъ и здоровъ! — вскричалъ Шетневъ, сложивъ умильно руки. — Слава Тебѣ, Господи! Не отринулъ Ты грѣшныхъ молитвъ нашихъ.

— А что, племянникъ, — молвилъ Данила Никифоровичъ: — скажи по правдѣ: что, дѣла-то наши худо идутъ?

— Да, дядюшка, тѣсненько намъ приходило.

— Слышишь, любезный? — перервалъ Шетневъ.

— Турки обложили насъ со всѣхъ сторонъ....

— Слышишь? — повторилъ Шетневъ.

— И надобно сказать правду: наше дѣло было десперантное.

— Какое? — спросилъ Данила Никифоровичъ.

— Десперантное, то есть отчаянное.

— Слышишь, Данила Никифоровичъ?

— Слышу, любезный!.... А теперь?

— Теперь, кажется, пошло на мировую.

— Почему ты это думаешь?

— А вотъ почему, дядюшка: когда Государь изволилъ послать меня въ Москву, такъ съ визиремъ шли переговоры. Меня отправили ночью, за тѣмъ, что мнѣ надобно было пробираться сквозь всего Турецкаго войска. Сначала-то мнѣ не очень посчастливилось: Турки меня захватили....

— Господи! — вскричала Марѳа Савишна. — Такъ ты былъ у нихъ въ полону.

— Былъ, тетушка.

Digitized by Google

— И тебя не зарѣзали, не повѣсили, не закопали живаго въ землю!

— Нѣтъ, тетушка, Богъ помиловалъ. Напротивъ: они и въ плѣну меня не оставили, а отпустили съ честью и даже дали мнѣ проводниковъ. Вотъ потому-то я и думаю, что у насъ съ Турками положенъ штиль-штандъ.

— Штиль-штандъ! — повторилъ Данила Никофоровичь.

— Да, дядюшка, то есть армистиціумъ.

— Армистиціумъ. А это что такое?

— Сирѣчь перемиріе.

— Ну, такъ бы и сказалъ, братецъ. Да что это племянникъ, или у васъ въ Питерѣ-то всѣ такъ говорятъ?

— О, нѣтъ, дядюшка! какъ можно, чтобъ всѣ такъ говорили. Вѣдь и въ Петербургѣ много людей непросвѣщенныхъ.

— Вотъ что! Ну этого я еще не зналъ. Такъ по вашему просвѣщенный человѣкъ долженъ говорить по-Русски такъ, чтобъ его свои не понимали?... Охъ вы Петербургскіе! перехитрили вы, кажется.

— Ну, прощай, любезный!—сказалъ Шетневъ — Пора домой.

— Батюшка Герасимъ Николаевичь, — молвила Марѳа Савишна, провожая гостя: — ты поѣдешь мимо Нимфодоры Алексѣевны Добрынской, заверни къ ней на минутку, скажи о нашей радости и о томъ, что мы слышали отъ Васиньки....

— Извольте, Марѳа Савишна. Только она мнѣ не повѣритъ.

— Что ты, батюшка!

— Право, не повѣритъ. Да не прогнѣвайтесь, и я не вовсе вѣрю вашему племяннику. Человѣкъ служивый, говоритъ то, что ему приказано. Ну, да утро вечера мудренѣе: узнаемъ когда-нибудь всю правду. Прощайте, матушка!

Digitized by Google

— Долго ли ты у насъ пробудешь? спросилъ Данила Никифоровичь Симскаго.

— Не знаю, дядюшка. Коли миръ состоится, такъ, можетъ быть, мнѣ дадутъ здѣсь отдохнуть. Теперь позвольте на часокъ отлучиться....

— Куда?

— Я видѣлъ въ сенатѣ моего однополчанина, Андрея Степановича Мамонова, и обѣщалъ побывать у него сегодня до обѣда.

— Ну, ступай, мой другъ.... Да постой: я велю тебѣ заложить мою одноколку.

— Нѣтъ, дядюшка, мнѣ ѣзда до смерти надоѣла; пойду лучше пѣшкомъ.

— Только, пожалуйста, Басинька, — сказала Марѳа Савишна, — не замѣшкайся, дай мнѣ насмотрѣться на тебя, мое сокровище!

— Часа черезъ два непремѣнно ворочусь, тетушка.

Мамоновъ жилъ все тамъ же, то есть на Варваркѣ, въ домѣ своего родственника, Шеина. Симской, входя къ нему, повстрѣчался съ какимъ-то бариномъ, который, посторонясь, отвѣсилъ ему низкій поклонъ. Лице этого господина показалось Симскому знакомымъ, но онъ никакъ не могъ припомнить, гдѣ его видѣлъ.

— Спасибо, другъ сердечный,—вскричалъ Мамоновъ:— спасибо! Я думалъ, что ты не сдержишь своего слова. Чай, всѣ твои родные такъ за тебя и уцѣпились. И то сказать: выходецъ съ того свѣта!

— Да, любезный, тетушка сбиралась по мнѣ панихиду служить.

— Ну, Симской, хороша ваша бѣлокаменная! Вотъ сплетница-то, подумаешь!.... И всѣхъ васъ перебили, и Турки идутъ на Москву....

Digitized by Google

— Да за этимъ, Мамоновъ, дѣло не станетъ, и у насъ въ Петербургѣ. Конечно, тамъ поменьше праздныхъ людей, такъ и вздорныхъ слуховъ не такъ много, какъ здѣсь; а все, я думаю, тамъ вѣстей-то не оберешься.

— Судя по тому, Симской, что ты разсказывалъ мнѣ въ сенатѣ, у насъ съ Турками долженъ быть армистиціумъ, такъ надобно надѣяться, что скоро будетъ и миръ заключенъ.

— Да, Мамоновъ, коли пошло дѣло на переговоры, такъ авось какъ-нибудь поладятъ.

— Ахъ, дай-то Господи! Тогда, можетъ быть, и моя откомандировка кончится. Нѣтъ, Василій Михайловичъ, изъ мочи выбился! Такая скука, что я подъ-часъ съ ума схожу.

— А невѣсты-то, Мамоновъ?

— Что невѣсты! и онѣ надоѣли; пересмотрѣлъ я ихъ больше сотни — все одно и то же. Сначала это меня забавляло, а теперь нѣтъ. Да и Ѳедосья Игнатьевна перестала ко мнѣ жаловать. Видно догадалась, что я на бобахъ ее провожу. Была у меня здѣсь одна знакомая, Аграфена Петровна Ханыкова; съ ней можно было время проводить: барыня умная, съ хорошей эдюкаціей, да и та давно ужъ уѣхала въ Воронежъ, чтобъ быть поближе къ мужу, который на службѣ въ Азовѣ. Ягужинскіе уѣхали изъ Москвы, Стрѣшневы также; у Гутфеля умерла старуха теща, такъ ни кого не принимаетъ. Ну, тоска да и только!

— Однакожъ у тебя гости бываютъ. Вотъ я сейчасъ повстрѣчался въ дверяхъ съ какимъ-то господиномъ; лицо мнѣ знакомо, только не могу вспомнить, гдѣ я его видѣлъ.

— Это одинъ магистратскій чиновникъ, Ардаліонъ Михайловичъ Обиняковъ; онъ вездѣ шатается. Вотъ мошенникъ-то, братецъ, такъ ужъ я тебѣ скажу! Знаешь ли, зачѣмъ онъ у меня былъ? Да вотъ я разскажу все дѣло. Тебѣ извѣстно, что мнѣ поручено забирать на службу всѣхъ недорослей изъ дворянъ и новиковъ, которые не явились къ своей командѣ. Вотъ я почти всѣхъ забралъ: кто самъ явил-

Digitized by Google

ся, кого привезли насильно. Одинъ только, словно кладъ, мнѣ не дается: какой-то сорокалѣтніи новикъ, князь Шелешпанской. Охотился ли ты когда, Симской, съ борзыми собаками?

— Какъ же. Мой покойный батюшка любилъ псовую охоту.

— А случалось ли тебѣ травить лису?

— Случалось.

— Такъ ты знаешь, какъ она проводитъ и охотниковъ и собакъ. Ты думаешь: ну, настигли! — какъ бы не такъ! проклятая вильнетъ хвостомъ, собаки промечутся въ одну сторону, она шмыгнетъ въ другую и поминай какъ звали! Вотъ точно также и князь Шелешпанской: ужъ я ли, кажется, не давалъ этой лисѣ угонокъ. Провѣдаю, гдѣ онъ, нагряну ни свѣтъ, ни заря — не тутъ-то было! и слѣдъ простылъ. Теперь ужъ третій мѣсяцъ, какъ я ничего о немъ не слышу. Всѣ его отчины здѣсь кругомъ Москвы, а онъ какъ въ воду канулъ. Вотъ передъ тобой явился ко мнѣ этотъ Обиняковъ и объявилъ, что князь Шелешпанской скрывается верстъ за шестьдесятъ отсюда въ лѣсу, на хуторѣ богатаго помѣщика Рокотова, и что если я дамъ ему, Обинякову, команду, такъ онъ этого бѣглеца руками возьметъ и представитъ ко мнѣ въ Москву. Да это бы еще ничего, а вотъ что̀ скверно: я знаю доподлинно, что князя-то Шелешпанскаго этотъ самый Обиняковъ и уговорилъ отъ меня прятаться. Каковъ молодецъ!

— Да изъ чего же онъ это дѣлаетъ?

— Изъ чего! А вотъ прочти эту копію съ Царскаго указа, — сказалъ Мамоновъ, подавая Симскому исписанный листъ бумаги.

— Чтожъ это? — молвилъ Симской, читая: — тутъ рѣчь идетъ о томъ, что дозволяется всякому чину торговать съ платою пошлины.

— Это пунктъ первый — читай дальше.

Digitized by Google

— Пунктъ второй,—продолжалъ Симской: — съ семьсотъ перваго году выписать сколько какихъ выморочныхъ деревень роздано и кому. И это, кажется, къ дѣлу нейдетъ?

— Читай, читай!

— Пунктъ третій: кто скрывается отъ службы, объявить въ городѣ, кто такого сыщетъ или возвѣститъ, тому отдать всѣ деревни того, кто ухоранивался.

— Ну что, любезный, теперь понимаешь, изъ чего бьется Обиняковъ?

— Ахъ онъ разбойникъ!

— По мнѣ хуже разбойника. Подбилъ человѣка на дурное дѣло, да самъ же на него и въ доносъ.

— И этотъ мошенникъ получитъ все имѣнье князя Шелешпанскаго?

— Разумѣется. Завтра послѣ обѣда онъ отправится съ командою, сдѣлаетъ выемку, привезетъ сюда этого новика, получитъ отъ меня свидѣтельство, а тамъ представитъ его при своей челобитной въ сенатъ и отберетъ отъ этого бѣдняжки Шелешпанскаго все имѣнье; а вѣдь имѣнье-то какое: слишкомъ четыре тысячи душъ!

— Да чтожъ, это — спросилъ Симской, — тотъ самый князь Шелешпанской, который былъ помолвленъ на племянницѣ....

— Аграфены Петровны Ханыковой. Ну да, тотъ самый. Мѣсяца два тому назадъ, Аграфена Петровна, которая была еще здѣсь, увѣдомила меня, что родной ея братъ, Максимъ Петровичь, зоветъ ее на свадьбу племянницы въ подмосковное свое село. Надобно тебѣ сказать, что Ханыкова и слышать не хочетъ объ этой свадьбѣ. Вотъ я взялъ съ собою команду и отправился втихомолку къ Прокудину. Подъѣзжая къ селу, я узналъ отъ мужичковъ, что женихъ, то есть князь Шелешпанской, прибылъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ въ село Максима Петровича. Кажется, я хорошо

Digitized by Google

распорядился: одну часть моей команды оставилъ на карауле у самой околицы, другой приказалъ ѣхать съ обыскомъ на село, а самъ отправился прямо въ господской домъ. Свадьбѣ-то я помѣшалъ — это правда, а женихъ все-таки ушелъ. Что будешь дѣлать! сквозь пальцевъ просколзнулъ, проклятый!

— Такъ по этому онъ еще не женатъ? — спросилъ Симской такимъ страннымъ голосомъ, что Мамоновъ взглянулъ на него съ удивленіемъ и сказалъ:

— Что ты, братъ, поперхнулся нтоль?

— Да!... что-то такъ ... — промолвилъ Симской, чувствуя, что сердце его совершенно оледенѣло. — Такъ ты, Мамоновъ, — продолжалъ онъ, — помѣшалъ этому бѣдняжкѣ жениться на племянницѣ Прокудина?

— Да вѣдь жениться-то всегда можно. Чай ихъ давно ужъ обвѣнчали. Коли дѣло полажено, такъ долго ли отпѣть *Исаія ликуй*? Не на селѣ у своего дяди, такъ гдѣ-нибудь на погостѣ. Жаль мнѣ этой ... какъ бишь ее звали въ дѣвкахъ-то?... да, Запольская! такая хорошенькая, умненькая, танцуетъ прекрасно.... Бѣдняжечка! вышла за богатаго человѣка, а теперь что онъ будетъ? нищій!

— Да неужели въ самомъ дѣлѣ этотъ мошенникъ Обиняковъ отберетъ у него все имѣнье?

— А ты думаешь оставитъ что-нибудь.

— Послушай, Мамоновъ: нельзя ли какъ-нибудь этому пособить?

— Никакъ нельзя. Конечно, еслибъ онъ догадался, да прежде, чѣмъ его захватятъ на этомъ хуторѣ, явился ко мнѣ самъ — ну, это дѣло другое. Не зналъ, дискать, что меня требуютъ, ѣздилъ по моимъ отчинамъ, хворалъ.... мало ли что можно сказать.

— Чтожъ тогда съ нимъ будетъ?

— Ничего: поступитъ на службу, а все имѣнье при немъ останется. Куда жъ ты Симской?

Digitized by Google

— Прощай, мой другъ! меня дожидаются обѣдать. Э! да кстати!.... можешь ты мнѣ дать эту копію съ указа?

— На что тебѣ?

— Показать дядюшкѣ. Можетъ быть, онъ еще этого указа не читалъ.

— Пожалуй возьми, если хочешь.

— Ну, прощай Андрей Степановичъ!

— До свиданья, мой другъ!

Симской обнялъ Мамонова и отправился домой.

ГЛАВА XII.

На другой день послѣ разсказаннаго мною въ предъидущей главѣ, часу въ осьмомъ утра, Максимъ Петровичъ Прокудинъ сидѣлъ на рундукѣ своего сельскаго дома вмѣстѣ съ Ольгой Дмитріевною Запольскою. Максимъ Петровичъ читалъ любимую свою книгу «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго; племянница сидѣла подлѣ него и вышивала въ пяльцахъ.

— А! вотъ и Прокофій ѣдетъ изъ Москвы!—сказалъ Прокудинъ, закрывая книгу. — Что онъ везетъ намъ, горе или радость?

Черезъ нѣсколько минутъ Прокофій Сидорычъ стоялъ ужъ передъ своимъ господиномъ.

— Ну что, Кулага? — спросилъ Максимъ Петровичъ:— что слышно въ Москвѣ?

— Да мало ли что толкуютъ, батюшка! — отвѣчалъ Прокофій. — Одни говорятъ одно, другіе другое.

— Такъ есть и хорошіе слухи?

— Есть, Максимъ Петровичъ.

— Ну, слава тебѣ Господи!.... Ты былъ у Шетнева?

Digitized by Google

— Какъ же, сударь. Изволитъ тебѣ кланяться. Писать-де къ твоему барину не могу — дѣло опасное; а скажи ему на словахъ: начали, дискать, распускать по Москвѣ слухи, что въ нашемъ войскѣ все благополучно, что Государь Петръ Алексѣевичь живъ и здоровъ, и что теперь съ Турками замиреніе. Да ты, дискать, Максимъ Петровичь, этому не вѣрь — все это выдумки, и хоть оттолѣ и есть выходцы, да отъ нихъ правды не узнаешь; а все-таки и они проговариваютъ, что дѣло-то было сильно плоховато; такъ ты себѣ на усъ и мотай: коли было плохо, такъ отъ чегожъ теперь стало хорошо? Вѣдь къ нашему войску на выручку никто не подоспѣлъ! — Вотъ что, батюшка, приказалъ тебѣ сказать его милость, Герасимъ Николаевичь.

— Такъ Шетневъ думаетъ, что это все сказки? А ты что думаешь, Кулага?

Прокофій Сидоровичь началъ ухмыляться, почесалъ затылокъ, помялся и наконецъ промолвилъ:

— Не прогнѣвайся, государь Максимъ Петровичь! я думаю, Герасимъ Николаевичь изволитъ называть эти добрые слухи выдумкою ради того, что ему крѣпко бы хотѣлось, чтобъ слухи-то были дурные.

— Можетъ статься. Да ты-то самъ какъ думаешь?

— Я, батюшка, что! Я человѣкъ глупый. По мнѣ лучше вѣрить хорошему, чѣмъ худому.

— И я, видно, Прокофій, не умнѣй тебя. Ну, ступай съ Богомъ!... Тебѣ, чай, надо отдохнуть.... Постой-ка, постой!... Охъ, глаза-то у меня плохи стали!... Посмотри, Прокофій: вѣдь это къ намъ кто-то ѣдетъ.

— Ѣдетъ, батюшка.

— Кажись, тройкой въ телѣгѣ?

— Да, сударь.... У! да какъ задуваетъ! видно на разгонныхъ.

— Да, шибко ѣдетъ. Ступай, Прокофій, скажи, чтобъ закуска была готова. Кто бы это такой? — продолжалъ

Digitized by Google

Прокудинъ. — Э! да никакъ на немъ шляпа-то нѣмецкая?.. Или мнѣ такъ кажется.... Посмотри-ка, Олинька!... Да что ты, мой другъ?

— Ничего, дядюшка.

— Какъ ничего: ты вся поблѣднѣла.... и голосъ у тебя дрожитъ.... Что ты, что ты.... Господь съ тобою!

— Да!... — прошептала Ольга Дмитріевна: — это онъ.

— Онъ? кто?.... Этотъ гость, который къ намъ ѣдетъ?

— Дядюшка! — сказала Запольская вставая: — я пойду къ себѣ.... я не хочу его видѣть.

— Да кто жъ онъ такой? — спросилъ Прокудинъ.

Слезы брызнули изъ глазъ бѣдной дѣвушки; она закрыла руками лице и назвала едва слышнымъ голосомъ Симскаго.

— Симской! — повторилъ Прокудинъ. — Что ты, матушка, перекрестись! Да вѣдь онъ подъ Туркомъ....

— Такъ чтожъ, дядюшка? Видно пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ сдержать свое слово и жениться на Катенькѣ Юрловой.

— На Юрловой!.... Да это все вздоръ, Олинька.

— Какъ! — вскричала Запольская, и по блѣдному лицу ея разлился яркой румянецъ. — Такъ онъ не помолвленъ?

— Нѣтъ, мой другъ! Это все выдумки Рокотова. Ступай, моя душа, ступай! Мы послѣ поговоримъ объ этомъ съ тобою.

Межъ тѣмъ гость подъѣхалъ къ воротамъ и, не въѣзжая на дворъ, спрыгнулъ съ телѣги.

— Ну, такъ и есть! — молвилъ про себя Максимъ Петровичъ: — это точно Симской.... Экой бравый дѣтина! И въ этомъ-то дурацкомъ нарядѣ молодцемъ смотритъ!.... Да какой учливый парень: не въѣхалъ прямо на дворъ.... Вонъ и шляпу снялъ!.... Эхъ, кабы Нѣмцовъ-то онъ поменьше любилъ!

Digitized by Google

— Не прогнѣвайтесь, почтеннѣйшій Максимъ Петровичь, — сказалъ Симской, взойдя на крыльцо, — что я осмѣлился незваный къ вамъ пріѣхать!

— Ничего, батюшка, ничего! Добро пожаловать! Милости просимъ садиться!

Симской поклонился и сѣлъ подлѣ Прокудина.

— Прежде всего, батюшка, — сказалъ Максимъ Петровичь, — позволь спросить: ты пріѣхалъ изъ-подъ Турка?

— Да, Максимъ Петровичь.

— Давно-ли?

— Другой день.

— Такъ сдѣлай же милость, Василій Михайловичь.... такъ кажется, батюшка — Василій Михайловичь?

— Точно такъ, Максимъ Петровичь.

— Усердно прошу тебя, скажи мнѣ безъ утайки всю сущую правду, что̀ у васъ тамъ дѣлается.

— Теперь все кончено, Максимъ Петровичь. Вчера прибѣжалъ въ Москву гонецъ: съ Турками заключенъ вѣчный миръ.

— Вѣчный? Такъ авось годика два, три протянется. А что нашъ батюшка Петръ Алексѣевичь?

— Все славу Богу! Чай, идетъ теперь съ войскомъ къ нашимъ границамъ.

— Ну, спасибо тебѣ за добрыя вѣсти, молодецъ — спасибо!

— Теперь позвольте мнѣ доложить, Максимъ Петровичь, зачѣмъ я къ вамъ ѣхалъ: дѣло важное и требуетъ большой поспѣшности.

— А что̀ такое, Василій Михайловичь?

— Оно отчасти и до васъ касается.

— До меня?

Digitized by Google

— То есть, до человѣка очень вамъ близкаго. Ваша племянница, Ольга Дмитріевна Запольская, была помолвлена за князя Андрея Юрьевича Шелешпанскаго и, вѣроятно, теперь ужъ замужемъ.

— Такъ что̀жъ, батюшка?

— А вотъ что̀, Максимъ Петро́вичь: коли вы не поторопитесь сдѣлать, что̀ я вамъ скажу, такъ у вашего племянника, сирѣчь князя Шелешпанскаго, все имѣнье отберутъ.

— Племянника! — повторилъ Прокудинъ. Казалось, онъ хотѣлъ что̀-то вымолвить, но остановился и, поглядѣвъ пристально на Симскаго, сказалъ:—Да какъ же это у него отберутъ все имѣніе?

— А вотъ какъ, Максимъ Петровичь. Я думаю, вамъ не безъизвѣстно, что Государь Петръ Алексѣевичь приказалъ забирать на службу всѣхъ взрослыхъ недорослей изъ дворянъ и неслужащихъ новиковъ. Отъискивать ихъ и записывать въ полки поручено моему сослуживцу Преображенскаго полка господину поручику Мамонову.

— Знаю, батюшка, знаю! Онъ у меня былъ.

— Такъ вамъ должно быть извѣстно и то, что князь Шелешпанской нѣсколько уже мѣсяцевъ отбываетъ отъ службы и прячется по своимъ деревнямъ. Вчера я засталъ у Мамонова какого-то приказнаго чиновника, Обинякова....

— Ардаліона Михайловича?

— Точно такъ, Максимъ Петровичь. Этотъ Обиняковъ объявилъ Мамонову, что князь Шелешпанской скрывается верстъ за шестьдесятъ отъ Москвы въ лѣсу, на хуторѣ помѣщика господина Рокотова, и что онъ, Обиняковъ, коли дадутъ ему команду, изловитъ непремѣнно вашего племянника и доставитъ его къ Мамонову въ Москву.

— Вотъ что̀?.... А давноли, батюшка, этотъ мошенникъ Обиняковъ въ сыщики попалъ?

— Онъ не сыщикъ, Максимъ Петровичь, и дѣлаетъ это не по долгу службы, а по собственной охотѣ.

Digitized by Google

— Да чтòжъ ему за прибыль?

— Вотъ то-то и дѣло, что для него тутъ прибыль, превеликая: коли онъ доставитъ къ Мамонову князя Шелешпанскаго, такъ отберетъ у него все имѣнье.

— Все имѣнье!.... Да по какому же праву, Василій Михайловичь?

— А вотъ въ силу этого имяннаго указа. Извольте прочесть сами.... пунктъ третій....

— Ахъ онъ Іуда предатель! — вскричалъ Прокудинъ, прочтя этотъ третій пунктъ. — Да неужели онъ въ самомъ дѣлѣ завладѣетъ всѣмъ имѣньемъ князя Шелешпанскаго?

— Нѣтъ, Максимъ Петровичь! этому дѣлу пособить еще можно. Если ващъ племянникъ не дастъ себя захватить на хуторѣ и успѣетъ самъ явиться къ Мамонову, такъ прежнее отбывательство въ большую вину ему не поставятъ: его только примутъ въ службу, а имѣнье при немъ останется. Теперь — прошу прощенья, Максимъ Петровичь! Я мое дѣло сдѣлалъ, извольте дѣлать ваше.

— Постой, постой, любезный! — сказалъ Прокудинъ, схвативъ за руку Симскаго. — Дай мнѣ на тебя полюбоваться.... Да чтожъ ты за человѣкъ такой, Василій Михайловичь?

— А чтожъ, Максимъ Петровичь, я думаю, и всякой другой на моемъ мѣстѣ....

— Нѣтъ, молодецъ, не говори! Я все знаю: тебѣ нѣ за чтò любить Шелешпанскаго. И добро бы ты думалъ, что племянница моя не замужемъ — ну, это другое дѣло! Я, дискать, покажу себя добрымъ человѣкомъ, угожу Максиму Петровичу; а теперь изъ чего ты изволилъ себя тревожить?.... Ну, дай Богъ тебѣ здоровья, Василій Михайловичь, утѣшилъ ты меня старика! Видно еще не перевелись честные-то по булату, православные люди, на святой Руси!.... Вотъ посмотримъ, что-то скажетъ объ этомъ мой пріятель, Лаврентій Никитичь Рокотовъ. Послушаешь его, такъ вся

Digitized by Google

наша молодежь такъ набралась Нѣмецкаго духя, что въ ней Русской-то правды на волосъ не осталось.

— Да неужели и вы, Максимъ Петровичь, изволите думать, что между Нѣмцами нѣтъ добрыхъ и честныхъ людей?

— Какъ не быть, батюшка! И въ нечестивомъ Содомѣ нашелся праведный Лотъ, а Нѣмецкая-то земля, чай, побольше будетъ Содома и Гоморы... А! да вотъ намъ и завтракъ несутъ!.... Андрюшка! вели заложить мой возокъ, я сейчасъ поѣду къ Рокотову. Милости просимъ, гость дорогой! Покамѣстъ мнѣ запрягаютъ лошадей, мы съ тобой закусимъ, выпьемъ по чарочкѣ, а тамъ и съ Богомъ!

Въ продолженіе завтрака Максимъ Петровичь разспрашивалъ подробно своего гостя о Прутскомъ дѣлѣ, и когда выслушалъ его разсказъ, то, покачавъ головою, сказалъ:

— Эхъ, молодецъ! сплоховали ваши набольшіе! Какъ же они этакъ словно въ ловушку попали?

— Чтожъ дѣлать, Максимъ Петровичь! — отвѣчалъ Симской.—Государя обманули ложными донесеніями и Волошскій господарь намъ измѣнилъ.

— Такъ чтожъ смотрѣли ваши Нѣмецкіе генералы! Вѣдь ихъ тамъ, говорятъ, цеотолченая труба.

— Охъ, Максимъ Петровичь! ужъ не извольте говорить о Нѣмецкихъ генералахъ!...

— А что?

— Да главный-то изъ нихъ генералъ Янусъ все дѣло испортилъ: перепустилъ Турокъ черезъ Прутъ, далъ имъ зайдти къ намъ въ тылъ; а подержись онъ хоть съ полдня, такъ мы бы черезъ Прутъ переправились и не дали себя обойдти.

— Да чтожъ это такое! — промолвилъ съ удивленіемъ Прокудинъ: — этотъ Янусъ Нѣмецъ, а ты за него не заступаешься?

— Чего тутъ заступаться! Самъ Государь изволилъ сказать, что генералъ Янусъ не честно свой долгъ исполнилъ.

Digitized by Google

— Вотъ что! Такъ видно и Нѣмецкіе-то генералы со всячинкою: не всѣ съ неба звѣзды хватаютъ!

— Помилуйте, Максимъ Петровичь! да есть ли изо всѣхъ этихъ Нѣмецкихъ генераловъ хоть одинъ, котораго можно было бы сравнить съ нашимъ графомъ Шереметевымъ, съ княземъ Меншиковымъ и даже съ княземъ Репнинымъ? Я ужъ не говорю о Государѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, у котораго въ одномъ мизинцѣ больше ума, чѣмъ у всѣхъ этихъ Нѣмцевъ.

— Ахъ ты, мой голубчикъ! — вскричалъ Прокудинъ, всплеснувъ руками. — Такъ вотъ какъ ты изволишь поговаривать!.... А я думалъ, что ты вовсе погрязъ въ этой Нѣмецкой прелести!....

— Нѣтъ, Максимъ Петровичь, я вамъ и прежде докладывалъ, что намъ должно перенимать все полезное у нашихъ сосѣдей, но не ради того, чтобъ сдѣлаться самимъ Нѣмцами. Да развѣ Русскій человѣкъ не можетъ изучиться разнымъ наукамъ и всѣмъ заморскимъ хитростямъ, а межъ тѣмъ остаться такимъ же точно православнымъ Русскимъ, какими были его отцы и прадѣды? Вѣдь это вездѣ такъ, Максимъ Петровичь. Вотъ, примѣромъ сказать: Голландцы не уступятъ въ наукѣ Англичанамъ, Нѣмцы не меньше знаютъ Французовъ, а вѣдь не всѣ же за моремъ, сплошь да рядомъ, или Французы или Нѣмцы или Голландцы, — и тамъ также наука наукой, а каждый народъ самъ по себѣ. Однакожъ, Максимъ Петровичь, вамъ надо поспѣшить. Хоть кажется, время еще довольно, а вѣдь неровенъ часъ: коли этотъ Обиняковъ поторопится, да захватитъ вашего племянника....

— Племянника!—повторилъ Прокудинъ, улыбаясь. — Ну, а коли Шелешпанской вовсе мнѣ не племянникъ?

— Что вы говорите! — перервалъ Симской и глаза его заблистали радостію. — Такъ Ольга Дмитріевна не вышла за князя Шелешпанскаго?

— И никогда за нимъ не будетъ.

Digitized by Google

— Такъ она не замужемъ?....

— Покамѣстъ нѣтъ. Ну, прощай, другъ сердечный! Ты, чай, остановился въ Москвѣ у своего дяди?

— Да, Максимъ Петровичъ.

— Такъ мы послѣ завтра опять съ тобой увидимся. До свиданья, любезный!

Симской уѣхалъ. Прошло нѣсколько минутъ. Прокудинъ провожалъ глазами уѣзжающаго гостя и, казалось, размышлялъ въ эту минуту о чемъ-то пріятномъ. Онъ поглаживалъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ свою сѣдую бороду и улыбался. Вдругъ сѣнныя двери скрипнули и растворились до половины.

— А, это ты, Олинька! — сказалъ Максимъ Петровичъ. — Поди сюда, поди!.... сядь-ка вотъ тутъ.... поближе ко мнѣ ... Ну, племянница, глаза-то у тебя зорки: издалека ты узнала Симскаго!

— И, что вы, дядюшка! вѣдь онъ ужъ былъ близко, — отвѣчала Ольга Дмитріевна, покраснѣвъ какъ маковъ цвѣтъ.

— И то сказать, — продолжалъ Максимъ Петровичъ: — такого молодца за версту узнаешь. Не правда ли, мой другъ?

Вмѣсто того, чтобъ отвѣчать на вопросъ своего дяди, Ольга Дмитріевна придвинула къ себѣ пяльцы: нагнулась надъ ними, стала разбирать шелкъ и наконецъ промолвила едва слышнымъ голосомъ.

— А зачѣмъ онъ пріѣзжалъ къ вамъ, дядюшка?

— Да по дѣлу твоего жениха, князя Шелешпанскаго.

— Жениха! — повторила съ ужасомъ Запольская.

— То есть бывшаго, мой другъ! — перервалъ съ улыбкою Прокудинъ. — Ну чего ты испугалась? Ужъ я сказалъ, что скорѣй выдамъ тебя за Нѣмца, чѣмъ за этого бѣглаго новика. Вотъ, подумаешь, прошу узнать: этотъ воръ Ардаліошка Обиняковъ крѣпко стоитъ за нашу старину, позоритъ всѣхъ иноземцевъ, князь Шелешпанской также,

Digitized by Google

оба они слывутъ людьми Русскими, а что въ этомъ толку, коли душонки-то въ нихъ жидовскія. Одинъ мошенникъ, а другой, по мнѣ, и того хуже. Обиняковъ что? приказная строка! а Шелешпанской богатый баринъ, природный князь, да любова цыгана научитъ какъ обманывать добрыхъ людей. Живетъ хуже всякаго скареда, и чтобъ отвилять отъ царской службы, по овинамъ изволитъ прятаться. А вотъ этотъ Симской.... и я, грѣшный человѣкъ, думалъ, что онъ вовсе онѣмечился.... Да и какъ не подумать: хвалитъ всѣ заморскіе обычаи, любитъ Нѣмцовъ, и самъ-то говоритъ иногда ни дать, ни взять какъ Нѣмецъ; а какъ пришло дѣло на чистоту, такъ его честная Русская душа вотъ такъ изъподъ нѣмецкаго-то платья и рвется наружу!.... Ну, нечего сказать, славный малой!

— Такъ онъ вамъ нравится, дядюшка? — спросила робкимъ голосомъ Ольга Дмитріевна.

— Да, мой другъ, очень нравится; а тебѣ?.... Ну чтожъ ты молчишь, Олинька?.... А! вотъ что: ты не хочешь со мной спорить....

— Какъ, дядюшка?

— Да, мой другъ: я его хвалю, а тебѣ онъ видно не по-сердцу.

Ольга Дмитріевна кинулась на шею къ дядѣ и заплакала.

— И, полно, матушка! — сказалъ Прокудинъ, улыбаясь. — О чемъ ты плачешь?

Запольская хотѣла что-то сказать, но слезы не дали ей вымолвить ни слова.

— Да не бойся, мой другъ! Коли Симской тебѣ не нравится, такъ Богъ съ нимъ.

— А развѣ онъ что-нибудь вамъ говорилъ? — промолвила Ольга Дмитріевна.

— Теперь ничего. Да вѣдь онъ ужъ за тебя сватался.

— Что вы говорите!....

Digitized by Google

— Да, мой другъ. Вотъ когда ты жила еще у своей тетки, родной его дядя, Данила Никифоровичь, самъ пріѣзжалъ ко мнѣ сватомъ, а я какъ будто бы отгадалъ, что Симской тебѣ вовсе не по-сердцу, и слушать его не сталъ.

— Ахъ, дядюшка!....

— Что, племянница?

— Да вы, мнѣ кажется, смѣетесь надо мною.

— И, что ты, матушка!

— Вы говорите, что Симской мнѣ не нравится?

— А какъ же, Олинька? Когда я уговаривалъ тебя выйдти замужъ за Шелешпанскаго, ты плакала, и теперь также, лишь только я намекнулъ тебѣ о Симскомъ....

— Ахъ, дядюшка! — перервала Запольская потупивъ глаза. — Да вѣдь тогда я плакала съ горя....

— А теперь съ радости? Ага, смиренница, проговорилась!

— Съ радости!... — повторила Ольга Дмитріевна и въ глазахъ ея снова блеснули слезы. — Почему знать, можетъ быть теперь Симской....

— Нѣтъ, мой другъ, и теперь все то же. Вѣдь онъ пріѣхалъ сюда за тѣмъ, чтобъ выручить изъ бѣды твоего мужа ... да, да, Олинька! Симской думалъ, что ты давно уже княгиня Шелешпанская, и кабы ты видѣла, какъ онъ обрадовался, когда я сказалъ, что ты еще не замужемъ.... Ну, да что объ этомъ говорить! Видно пословица-то не даромъ: суженаго конемъ не объѣдешь. — Прощай, Олинька! Мнѣ пора ѣхать къ Рокотову, а завтра я отправлясь въ Москву, и если Данила Никифоровичь опять заговоритъ о своемъ племянникѣ, такъ чтожъ, матушка.... прикажешь ударить по рукамъ?

— Воля ваша дядюшка.

— А твоей-то воли нѣтъ?

— Ахъ, какіе вы!...

— Ну, добро добро!... Прощай, мой другъ!

Digitized by Google

ГЛАВА XIII.

— Чтожъ это Максимъ-то Петровичь не ѣдетъ? Вѣдь онъ сказалъ тебѣ, племянникъ....

— Да, дядюшка, онъ спросилъ меня, у васъ ли я живу, и сказалъ, что послѣ завтра непремѣнно со мной увидится.

— Ну, такъ и есть! ты былъ у него третьяго дня, и коли онъ выѣхалъ вчера, такъ долженъ быть сегодня къ обѣду. Ты не знаешь, гдѣ онъ остановится?

— Не знаю, дядюшка.

Разумѣется, эти вопросы дѣлалъ Данила Никифоровичь Загоскинъ племяннику своему Василью Михайловичу Симскому.

— Коли онъ пріѣдетъ сюда съ племянницей, — продолжалъ Данила Никифоровичь, — такъ вѣрно остановится въ домѣ у сестры; а если одинъ, такъ, можетъ статься, и ко мнѣ взъѣдетъ. Нѣчего дѣлать, надобно подождать его къ обѣду. Какъ ты думаешь, жена?

— Воля твоя, Данила Никифоровичь, — промолвила Марѳа Савишна.—Только я за гуся не отвѣчаю: пережарится, батюшка.

— Бѣда не большая. Мы съ Максимомъ Петровичемъ люди не привередливые. Ты говорилъ мнѣ, Василій, что онъ тебя ласково принялъ?

— Очень ласково.

— Очень ласково! Да это еще ничего: Максимъ Петровичь человѣкъ радушный, ты же пріѣхалъ къ нему съ добрымъ дѣломъ; на его мѣстѣ и всякой обошелся бы съ тобою ласково.

— Нѣтъ, дядюшка! Сначала онъ былъ только привѣтливъ со мною, а подъ конецъ такъ меня обласкалъ, что

Digitized by Google

я и словъ не нашелъ. Ужъ онъ хвалилъ, хвалилъ меня! а какъ сталъ прощаться со мною, такъ назвалъ другомъ сердечнымъ.

— Ну, это не дурно. А намекалъ ли онъ тебѣ что-нибудь.... знаешь, о томъ?..

— Какъ же, дядюшка, и очень намекалъ ...

— И это хорошо! Максимъ Петровичь не скажетъ слова на вѣтеръ—не такой человѣкъ. Да и ты не глупо сдѣлалъ, племянникъ: расхвалилъ Русскихъ генераловъ, а Нѣмецкаго-то генерала ругнулъ.... Умно, любезный, умно! потѣшилъ старика....

— Я говорилъ это, дядюшка, не ради его потѣхи: это сущая правда.

— И, Василій! ну хоть бы и душой-то немного покривилъ, что за бѣда! Вѣдь Нѣмцамъ отъ твоихъ словъ ни хуже, ни лучше не будетъ, а Максиму Петровичу это какъ масломъ по сердцу!.. Такъ ты, племянникъ, хочешь, чтобъ я съ нимъ опять рѣчь повёлъ объ Ольгѣ Дмитріевнѣ?

— Ахъ, сдѣлай милость, дядюшка!

— Ну такъ и быть! попытаемся еще разокъ. А вѣдь обидно будетъ, коли онъ и теперь также заломается....

— Дай-то Господи! — прошептала Марѳа Савишна.

— Что, что? — перервалъ Данила Никифоровичь.

— Да, сударь, не прогнѣвайся! кабы моя воля, такъ я бы ни за что не благословила Васиньку жениться на этой Запольской.

— Не благословила! А почему бы такъ, сударыня? Что, она невѣста бѣдная чтоль?

— Нѣтъ, батюшка, съ достаткомъ.

— Собой чтоль не хороша?

— И этого сказать нельзя: личико у нее смазливое и по годамъ она ровня Васинькѣ.

Digitized by Google

— Всѣ говорятъ, что она предобрая.

— И это можетъ быть.

— Такъ чегожъ еще тебѣ? рожна чтоль — прости Господи!

— Эхъ, Данила Никифоровичь! Да вѣдь жена должна быть хозяйкой въ дому, угождать мужу, заботиться о дѣтяхъ....

— А почему ты думаешь, что Ольга Дмитріевна....

— И, батюшка! чего ждать отъ такой дѣвицы, которая по Нѣмецкимъ асамблеямъ ѣздитъ, въ заморскіе робронты одѣвается и пляшетъ съ кѣмъ ни попало....

— Такъ чтожъ, тетушка? — перервалъ Симской:— Ольга Дмитріевна человѣкъ молодой, почсму ей не повеселиться?

— Охъ, Васинька! припомни мое слово: сядетъ тебѣ это веселье на маковку!

— Добро, добро! — перервалъ Данила Никифоровичь: — ты это, Марѳа Савишна, говоришь потому, что сама-то устарѣла.

— Ахъ, батюшка! развѣ я не была также молода?

— Была, мой другъ; да въ то время объ асамблеяхъ-то у насъ и рѣчи не было, и васъ всѣхъ, моимъ голубушекъ, за ключикомъ держали; а будь-ка ваша воля, такъ, можетъ статься, и ты бы поѣхала на вечеринку къ Нѣмцу Гутфелю.

— Сохрани Господи!

— И, Марѳа Савишна! такъ-то бы поѣхала, да отхватала минавею съ какимъ-нибудь аптекаремъ!.... Вѣдь мы всѣ подъ старость прежніе свои грѣхи забываемъ. У самихъ ноги плохо ходятъ, такъ и другіе не бѣгай.... Э! да вотъ никакъ и Максимъ Петровичь въѣхалъ на дворъ.... Ну, племянникъ коли ты хочешь, чтобъ я высваталъ тебѣ невѣсту, такъ убирайся вонъ!.... Максимъ Петровичь любитъ всѣ старинные

Digitized by Google

обычаи, а въ старину такія дѣла при женихѣ и невѣстѣ не дѣлались.

— Постарайтесь, дядюшка!

— Будемъ стараться, батюшка, а тамъ что Богъ дастъ!

Симской вышелъ вонъ, а Данила Никифоровичь пошелъ на встрѣчу къ своему гостю.

— Здравствуй старый другъ! — сказалъ Прокудинъ, обнимая Загоскина. — Давно мы съ тобой не видались.

— Давно, Максимъ Петровичь.

— Марѳа Савишна! какъ, матушка, ваше здоровье?

— Слава Богу, Максимъ Петровичь, Господь грѣхамъ терпитъ! — молвила очень сухо Марѳа Савишна, выходя вонъ изъ комнаты.

— Я, Данила Никифоровичь, и съ тобой хотѣлъ повидаться, — сказалъ Прокудинъ, садясь: — а коли правду молвить, такъ сегодня пріѣхалъ не къ тебѣ, а къ твоему племяннику.

— Все равно, любезный: мы съ нимъ не дѣлимся.

— Мнѣ хотѣлось еще разъ сказать спасибо Василью Михайловичу за то, что онъ не далъ мошеннику Обинякову ограбить князя Шелешпанскаго. Ты вѣдь, чай, объ этомъ знаешь?

— Да! Василій мнѣ сказывалъ.

— Ну, Данила Никифоровичь, можешь ты похвастаться своимъ племянникомъ: вотъ ужъ подлинно честный малой!....

— Да и какъ быть иначе, Максимъ Петровичь: его покойные родители были истинно честные и благочестивые люди; а вѣдь ты, чай, знаешь пословицу: недалеко яблочко отъ яблонки падаетъ.

— Такъ, такъ! Да какъ онъ это изъ-подъ Турка-то къ тебѣ пріѣхалъ? въ побывку чтоль отпустили?

— Нѣтъ, Максимъ Петровичь: Государь Петръ Алексѣевичь прислалъ его сюда гонцемъ.

Digitized by Google

— Вотъ что̀!

— Онъ привезъ сенату указъ отъ Его Царскаго Величества.

— Указъ! о чемъ?

— А вотъ изволишь видѣть.... Э! да кстати: помнишь, мы съ тобой спорили — я говорилъ, что нашъ батюшка Петръ Алексѣевичь паче всего любитъ и бережетъ свою святую Русь, а ты стоялъ въ томъ, что онъ любитъ не свой православный народъ, а Нѣмцевъ, и Голландцѣвъ, и всякихъ другихъ иноземцевъ.

— Помню, Данила Никифоровичь, помню! Что дѣлать, грѣшный человѣкъ! я и теперь тоже думаю.

— И думаешь это потому, что Государь жалуетъ заморскіе обычаи, хочетъ, чтобъ мы всѣ одѣвались по иноземному, и подписывается иногда не Петромъ, а Питеромъ?

— Да развѣ этого мало?

— Погоди, любезный, погоди — выслушай меня!.... Вотъ, примѣромъ сказать, еслибъ какой-нибудь царь велъ войну и ему бы не посчастливилось: войско его разбили, а его самого захватили въ полонъ — какъ ты думаешь, что бы онъ написалъ своему народу?

— Вѣстимо дѣло! онъ написалъ бы, чтобъ его какъ-нибудь выручили; а коли на силу взять нельзя, такъ выкупъ дали.

— Выкупъ! Да вѣдь за царя-то пожалуй и полцарства попросятъ, всю землю разорятъ....

— Чтожъ дѣлать, любезный! Коли ужъ такой грѣхъ приключился, такъ жалѣть нечего — все отдавай!

— Ну, а коли этотъ царь напишетъ своему народу: если вы узнаете, что я попалъ въ плѣнъ, сирѣчь нахожусь въ неволѣ, такъ вы ужъ не должны почитать меня своимъ царемъ и государемъ, и никакихъ указовъ моихъ не исполнять. Пусть, дискать, я пропаду, да вы-то останетесь цѣлы.

Digitized by Google

— Что̀ ты это говоришь? Да неужели Государь Петръ Алексѣевичь....

— На вотъ — прочти!

— Да это что̀ такое?

— Списокъ съ того указа, который привезъ сюда племянникъ.

— Господи Боже мой! — вскричалъ Прокудинъ, прочтя указъ. — Ну!!

— Что̀, любезный, кто изъ насъ правъ?

— Ты, Данила Никифоровичь — ты!.... Ахъ я окаянный ропотникъ!.... И я могъ говорить, что Государь Петръ Алексѣевичь промѣнялъ свой народъ на Нѣмцевъ, что онъ вовсе о насъ не думаетъ, а онъ, кормилецъ нашъ, себя не пожалѣлъ для своего царства!.... Ну, правду ты мнѣ говорилъ, Данила Никифоровичь: Господь послалъ намъ такого Царя, какого до сихъ поръ еще нигдѣ не бывало.

— Что, Максимъ Петровичь, будешь ли теперь гнѣваться на меня, что я, въ угоду такому Великому Государю, нѣмецкое платье на себя надѣлъ?

— Куда мнѣ гнѣваться, Данила Никифоровичь! Да мнѣ стыдно теперь на тебя смотрѣть.

— То-то же, любезный!.... А что, другъ сердечный, еслибъ Государь самъ лично тебѣ сказалъ: «послушай, голубчикъ Максимъ Петровичь, потѣшь меня: отмахни себѣ бороду?»

— Эхъ, полно, Данила Никифоровичь, не искушай!.... Да и на что̀ ему моя сѣдая борода? Я прожилъ съ нею весь мой вѣкъ, такъ пусть она при мнѣ и въ могилѣ останется!.... А коли я ему, отцу нашему, на что-нибудь надобенъ — прикажи только, такъ я, вмѣстѣ съ моей бородою, и голову за него положу!.... Такъ вотъ какой указъ привезъ твой племянникъ!

— Да, Максимъ Петровичь. И знаешь ли что̀? Вѣдь онъ самъ напросился ѣхать гонцемъ въ Москву, а это было все равно, что идти на явную смерть.

Digitized by Google

— Какъ такъ?

— Да развѣ ты не слышалъ, что Турки-то все наше войско кругомъ обложили и проѣзду никому не было?

— Такъ какъ же онъ проѣхалъ?

— А вотъ также, какъ Русскіе люди по вешнему ледку переходятъ: девятеро пойдутъ ко дну, а десятый кой-какъ доберется до другаго берега.

— Такъ чтожъ ему за охота была напрашиваться?

— Что за охота! Такъ ты не знаешь племянника? Онъ у меня такой молодецъ, что и сказать нельзя — вся Русская отвага! И хоть онъ въ нѣмецкомъ платьѣ ходитъ, а удали-то въ немъ на десятерыхъ Нѣмцевъ станетъ. Мало ли что съ нимъ было: попался было въ полонъ къ Туркамъ, голову ему срубить хотѣли, а все-таки Господь помиловалъ: и самъ остался невредимъ и Царскій указъ сберегъ.

— Да, нечего сказать, молодецъ!

— Вотъ то-то же, Максимъ Петровичь! Ты самъ изволишь говорить, что онъ и честный малой и молодецъ, а все-таки обраковалъ его.

— Да у меня тогда, любезный, не то въ головѣ было, и его-то я вовсе не зналъ.

— А теперь?

— Теперь иная рѣчь, Данила Никифоровичь! Теперь объ этомъ можно поговорить.

— А коли такъ, Максимъ Петровичь, такъ позволь мнѣ вторично сказать тебѣ, что я и моя Марѳа Савишна, имѣемъ великое желаніе породниться съ тобою.

— И я также, любезный другъ, не прочь отъ этого. Дай время подумать, поразмыслить....

— Да что тутъ размышлять? Коли мой племянникъ тебѣ по-сердцу....

— Кто говоритъ, онъ молодецъ прекрасный, да и Нѣмцевъ-то не такъ любитъ, какъ я прежде думалъ.

Digitized by Google

— Кто? Василій? Съ чего ты взялъ, что онъ любитъ Нѣмцевъ? Вѣдь это такъ, любезный, знаешь, этакъ— щегольство: мы, дискать, люди Петербургскіе, такъ у насъ все на Нѣмецкую стать!.... А попытайся кто-нибудь сказать при немъ непригожее слово о нашей матушкѣ святой Руси, такъ онъ на ножъ полѣзетъ! — Ну чтожъ, другъ сердечный, порѣши чѣмъ-нибудь!

— Экой ты проворный.... порѣши! Да вѣдь это не что̀ другое.... Иль, по твоему, невѣста, въ самомъ дѣлѣ, товаръ, а женихъ купецъ?

— А, понимаю!.... Ты хочешь прежде посовѣтоваться съ Ольгой Дмитріевной?

— Ну вотъ еще!... Ея дѣло дѣвичье, стану я съ ней объ этомъ говорить!

— Такъ чтожъ тебѣ за охота понапрасну меня маить? Вѣдь ужъ мы оба съ тобой каждый денёкъ считаемъ, и коли Господь посылаетъ радость, такъ откладывать нѣчего.

— Правда, Данила Никифоровичь, правда!

— А коли правда, такъ о чемъ и думать?.... Чтожъ, Максимъ Петровичь, по рукамъ что̀ль?

— Ну, по рукамъ, такъ по рукамъ!

Прокудинъ и Загоскинъ обнялись.

— Поздравляю тебя, любезный сватъ, съ племянникомъ! — сказалъ Данила Никифоровичь.

— А тебя, другъ сердечный, и сватью, съ племянницей!

— Ну что̀, Максимъ Петровичь: не прикажешь ли теперь позвать жениха?

— Зачѣмъ? Это дѣло между нами: чай, ты не станешь спрашивать у твоего племянника, хочетъ ли онъ жениться на моей племянницѣ?

— И, то правда! Я вѣдь ему вмѣсто отца роднаго, такъ онъ долженъ во всемъ меня слушаться. Я ему ска-

Digitized by Google

жу просто: племянникъ! мы ударили по рукамъ съ Максимомъ Петровичемъ: онъ выдаетъ за тебя свою племянницу; такъ хочешь или нѣтъ, а прошу идти съ нею подъ вѣнецъ! — Такъ-ли?

— Такъ, такъ! И я тоже скажу племянницѣ.

— Конечно, конечно! Ихъ дѣло сторона.

— Они знай только подъ вѣнцемъ стоять, а свадьбу уладить наше дѣло. Такъ ли, Данила Никифоровичь?

— Такъ Максимъ Петровичь, такъ! Станемъ мы ихъ спрашивать!....

— Вотъ еще!... Дѣлай что велятъ.... Да что жъ ты этакъ глазами-то поводишь, Данила Никифоровичь?

— А ты что ухмыляешься, Максимъ Петровичь?

Оба старика взглянули другъ на друга и засмѣялись.

— Эхъ, любезный сватъ! — сказалъ Прокудинъ, — что намъ другъ друга морочить? видно, что было, того не вернешь. Да ужъ хоть свадьбу-то справимъ по старинѣ; въ этомъ намъ никто не указъ

— Изволь, другъ сердечный, только, пожалуйста, не откладывай.

— Чего откладывать! Ужъ скоро Успенскій постъ. Милости прошу ко мнѣ съ женихомъ и со всѣмъ поѣздомъ въ село Воздвиженское, на будущей недѣлѣ во вторникъ.

— Будемъ, Максимъ Петровичь, будемъ!

— Да скажи Василью Михайловичу, что онъ увидитъ свою невѣсту тогда только, когда она будетъ Ольгой Дмитріевной Симскою. Чай у нихъ въ Питерѣ этого не водится, да вѣдь мы люди не Петербургскіе. Э! да пожалуста, любезный, пригласи на свадьбу господина Мамонова. Кабы не онъ, дай Богъ ему здоровье!... Да что объ этомъ говорить: помиловалъ Господь и меня и племянницу.... А! да вотъ и Марѳа Савишна!

Digitized by Google

— Жена! — сказалъ Загоскинъ: — мы сейчасъ покончили съ Максимомъ Петровичемъ; онъ выдаетъ за Василья свою племянницу; на будущей недѣлѣ свадьба.... Ну чтожъ ты стоишь? Поцѣлуйся съ нашимъ дорогимъ сватомъ!

Марѳа Савишна поцѣловалась, молча, съ гостемъ.

— Прошу меня любить и жаловать, — молвилъ Прокудинъ, — и не оставлять вашей милостью мою Олиньку!

— Помилуйте, Максимъ Петровичь! — проговорила наконецъ Марѳа Савишна: — родня всегда родня. Жаль только, что я ужъ стара и хила стала, батюшка Что дѣлать! не могу во всемъ замѣнить ея тетушку, Аграфену Петровну, та, бывало, съ ней по асамблеямъ ѣздитъ....

— А вы, матушка, пріучите племянницу хозяйничать, заниматься домашними дѣлами: вѣдь ей стоитъ только у васъ перенимать!

— И, батюшка! ученаго учить, лишь только портить!

— Хорошо, хорошо! — перервалъ Данила Никифоровичь, которому этотъ разговоръ начиналъ не нравиться.— Вели-ка, Марѳа Савишна, закуску подавать. Да милости просимъ, дорогой сватъ, чѣмъ Богъ послалъ!

— Благодарю покорно! Я ужъ обѣдалъ.

— Гдѣ?

— У сестры, Аграфены Петровны.

— Какъ! да развѣ она пріѣхала?

— Вчера поутру. Азовъ сдаютъ опять Туркамъ, такъ и мужъ ея скоро вернется въ Москву. Прощай, сватъ! — продолжалъ Прокудинъ, вставая. — Поѣду отдохнуть немного, а тамъ и домой.

— Такъ ты здѣсь и дня не пробудешь?

— Когда теперь! Надо о свадьбѣ подумать. Вѣдь это дѣло не шуточное, около пальца не обведешь. До свиданья! Жду васъ, любезные сваты, во вторникъ.

Digitized by Google

— Будемъ, будемъ, Максимъ Петровичь! — сказалъ Загоскинъ, провожая своего гостя. — Ну что̀ жена, — спросилъ онъ, воротясь въ гостиную: — каково я дѣломъ-то повернулъ — а?

— Ухъ, батюшки! — промолвила Марѳа Савишна: — отлегло отъ сердца!

— А! то-то же! Только что говорила, а, небойсь, теперь сама радехонька!

— Слава тебѣ Господи! То-то бы срамъ былъ!

— Срамъ не срамъ, а нѣчего сказать—обидно бы было.

— Ну, кабы Максимъ Петровичь остался обѣдать!....

— Такъ чтожъ?

— Какъ что̀? Вѣдь я тебѣ говорила, батюшка: гусь пережарился, похлебка простыла, а пирогъ такъ подгорѣлъ, что стыдно на столъ поставить.

— Вотъ о чемъ толкуетъ!... Пойдемъ-ка обѣдать; да вели позвать нашего заворника—чай, онъ теперь ни живъ, ни мертвъ. Вотъ мы съ нимъ на радости выпьемъ по чарочкѣ, да закусимъ твоимъ подгорѣлымъ пирогомъ!

Чрезъ нѣсколько дней въ селѣ Воздвиженскомъ повторилось опять то же самое, о чемъ я разсказывалъ вамъ, любезные читатели, во второй главѣ этой части моего расказа, съ тою только разницею, что послѣ дѣвишника на другой день была свадьба и что на этотъ разъ, всѣ безъ исключенія были счастливы и довольны... ахъ, нѣтъ! ошибся. Помните вы старуху Потапьевну, которая щуняла молодую бабу за то, что она не плакала на своемъ дѣвишникѣ? Эта старуха осталась очень недовольною. Во время дѣвишника она смотрѣла въ окны и, къ крайнему своему прискорбію, замѣтила, что ненаглядное ея солнышко, боярышня Ольга Дмитріевна, не только не плакала, но безпрестанно улыбалась и была такъ весела, какъ будто бы ие ее замужъ выдавали. »Охъ, худо!« — говорила она: — »не плачетъ теперь, такъ

Digitized by Google

«наплачется вдоволь замужемъ!« — Я думаю, вовсе не нужно вамъ сказывать, любезные читатели, что это пророчество не сбылось.

Разумѣется, Рокотовъ не былъ на свадьбѣ и поссорился съ Шетневымъ за то, что онъ не отказался отъ приглашенія. — Года черезъ три Лаврентій Никитичь умеръ преспокойно на своей постелѣ. Вѣроятно, онъ кончилъ бы свою жизнь совсѣмъ другимъ образомъ, если бы времена смутъ и мятежей не прошли безвозвратно. По смерти его, Шетневъ одѣлся въ нѣмецкое платье, но это ему не пошло въ прокъ: онъ не получилъ мѣста, для котораго принесъ въ жертву свою великолѣпную, окладистую бороду. Впрочемъ, Шетневъ перенесъ эту невзгоду гораздо великодушнѣе, чѣмъ Ардаліонъ Михайловичь Обиняковъ, у котораго четыре тысячи душъ »по усамъ текло, да въ ротъ не попало.« Отправясь съ командою, чтобъ захватить князя Шелешпанскаго, Обиняковъ началъ мечтать о будущемъ своемъ барскомъ бытѣ. «Шелешпанской глупъ,» — думалъ онъ, — «и коли онъ получалъ до осьми тысячь рублей съ своихъ «четырехъ тысячь душъ, такъ я получу вдвое. Построю «себѣ на Ильинкѣ каменныя палаты, заживу бариномъ и не «стану ни передъ кѣмъ шапки ломать!» Представьте же себѣ его ужасъ, когда онъ не нашелъ никого на хуторѣ и и узналъ, что князь Шелешпанской поѣхалъ въ Москву явиться Мамонову. Эта неудача, которой онъ никакъ не могъ предвидѣть, до того его поразила, что онъ слегъ въ постелю; потомъ сталъ попивать съ горя, началъ заговариваться и кончилъ тѣмъ, что сошелъ съ ума — разумѣется на томъ, что у него четыре тысячи душъ крестьянъ и огромныя каменныя палаты на Ильинкѣ.

Предсказаніе Мамонова сбылось: военная служба принесла большую пользу князю Шелешпанскому. Конечно, онъ не поумнѣлъ, но за то изъ неуклюжаго увальня сдѣлался такимъ расторопнымъ молодцомъ, что черезъ два года махнулъ изъ рядовыхъ прямёхонько въ сержанты.

Можетъ быть, вы желаете знать, любезные читатели, что сдѣлалось съ Молдаванской куконою, Смарагдой Херес-

Digitized by Google

ко? Въ такомъ случаѣ я прошу васъ прочесть слѣдующее письмо Андрея Степановича Мамонова, который, года два спустя послѣ свадьбы Симскаго, былъ откамандированъ, по дѣламъ службы, въ Кіевъ.

«Любезный другъ Василій Михайловичь!

«Не удивись, что я пишу къ тебѣ такое длинное письмо. Я знаю, что ты меня любишь, такъ вѣрно съ истинной сатисфакціею узнаешь, что твой другъ и сослуживецъ помолвленъ. Я пишу къ тебѣ одному объ этомъ, а ты потрудись увѣдомить всѣхъ общихъ нашихъ пріятелей, а къ отсутствующимъ напиши универсалы — пусть всѣ знаютъ, что я счастливъ! Но я еще не сказалъ тебѣ, кто эта персона, которая въ столь короткое время успѣла меня совершенно заполонить. Да вотъ, постой! я разскажу тебѣ все по порядку. Пріѣхавъ въ Кіевъ, я недѣли три прожилъ совершеннымъ сиротою. Первое мое знакомство было съ отставнымъ полковникомъ Артамономъ Никитичемъ Голушкою. Онъ живетъ безвыѣздно въ Кіевѣ, потому что всѣ его отчины въ Чигиринскомъ повѣтѣ, по Днѣпру. Жена его природная Молдаванка, женщина безъ большой эдукаціи, но очень ласковая и обходительная. У нея гоститъ родная сестра ея, молодая и богатая вдова, Смарагда Хереско. Въ жизнь мою я не видывалъ такой красавицы. Представь себѣ.... да ты не поймешь меня! Ты, любезный другъ, живешь теперь почти всегда въ Москвѣ, такъ ужъ вѣрно сталъ человѣкомъ старозавѣтнымъ; чай, по твоему та только и хороша, про которую можно спѣть:

«Круглолица,
«Бѣлолица,
«Красная дѣвица.

«А моя невѣста смугла, блѣдна и лице у нея продолговатое. Для тебя, чай, краше нѣтъ твоей Ольги Дмитріевны. Кто и говоритъ: она, конечно, пригожа, да это все не то. Какъ бы тебѣ сказать? Ну вотъ, примѣромъ: твоя Ольга Дмитріевна хороша какъ прекрасное весеннее утро, а моя

Digitized by Google

«Смарагда какъ жаркій ясный полдень. Голубые глаза твоей «жены тихи и спокойны какъ свѣтлый мѣсяцъ на чистыхъ «небесахъ, а черныя очи моей Молдаванки вотъ такъ и «жгутъ какъ лѣтнее солнышко. Надобно тебѣ сказать, что «у нея былъ женихъ, какой-то бояринъ Палади; его убили «Турки, и она, изъ любви къ покойнику, дала обѣщаніе «не выходить никогда замужъ. Много у нея было жени- «ховъ въ Кіевѣ, да всѣ они какъ не солоно хлебали! Лишь «только кто посватается, такъ и вороты на запоръ. Иной «не могъ даже добиться того, чтобъ она съ нимъ сло- «вечко перемолвила. Со мной обошлась она гораздо ласко- «вѣе, чѣмъ съ другими — и знаешь ли почему? Ты вѣкъ «не отгадаешь. Она любитъ безъ памяти Преображенскій «полкъ, въ которомъ мы съ тобою служимъ. Ты спросишь: «за что? А Богъ вѣсть! — Я думаю, такъ! женскій кап- «ризъ. Въ первый разъ, какъ она со мной объ этомъ гово- «рила, такъ разспрашивала, какъ зовутъ моихъ товарищей «и кто изъ нихъ женатъ. Ну, разумѣется, въ числѣ жена- «тыхъ я назвалъ и тебя; разсказалъ ей, какъ ты былъ влюб- «ленъ въ Ольгу Дмитріевну, какъ ее хотѣли выдать замужъ «за князя Шелешпанскаго, а выдали наконецъ за тебя. Вотъ «этакъ недѣльки черезъ двѣ, я началъ ей говорить обини- «ками, пытался завести амурную рѣчь, не тутъ-то было, и «слушать не хочетъ! Что, братъ Василій, тебѣ, какъ другу «сердечному, скажу всю правду! Не прошло мѣсяца, какъ «я исхудалъ такъ, что на себя не сталъ походить. Сна нѣтъ, «ѣда на умъ нейдетъ, только и думаю что о ней! А она «все та же — ни лучше, ни хуже. Однажды, поутру, при- «шелъ ко мнѣ жидъ съ разными товарами: съ колечками, «сережками, запонками; въ числѣ этихъ вещей былъ у него «золотой крестъ съ Молдаванской надписью, который, по «его словамъ, достался ему отъ какого-то Турка. Онъ усту- «пилъ мнѣ этотъ крестъ очень дешево, и я въ тотъ же день «повезъ его показать Смарагдѣ. Ты не можешь себѣ пред- «ставить, что съ ней сдѣлалось, когда она его увидѣла. Я «думалъ, что моя Молдаванка съ ума сошла: ужъ она его «цѣловала, цѣловала, прижимала къ груди! Разумѣется, я

Digitized by Google

«сталъ просить позволенія благословить ее этимъ крестомъ. «Сначала она какъ будто позамялась, подумала минутки двѣ, «а тамъ взяла его, да такъ на меня взглянула, что я со- «вершенно ожилъ. Съ этой поры пошло все лучше, да «лучше, и вотъ теперь она моя невѣста. Я было, любезный «другъ, сначала и возгордился. Думаю про себя: ну, видно, я «молодецъ не дюжинный и знаю, какъ съ женщинами обхо- «диться, когда такая непобѣдимая фортеція сдалась мнѣ на «дискреціо! Только вчера моя Смарагдушка спѣси-то во мнѣ «поубавила. Она была со мною очень ласкова, приголубила «меня, да вдругъ и говоритъ: хорошъ ты и пригожъ, мой «суженый, а всего-то для меня милѣе то, что ты носишь «Преображенскій мундиръ. — А еслибъ я скужилъ въ Се- «меновскомъ полку? — спросилъ я шутя. — Такъ врядъ «ли была бы я твоей невѣстою, — примолвила съ улыбкою «Смарагда. — Да развѣ ты любишь не меня, а мой мун- «диръ? сказалъ я. — О, нѣтъ! — отвѣчала Смарагда. — «Теперь я и тебя люблю: вѣдь ты мой женихъ! — И тебя!! «Вотъ толкуй послѣ этого! Подумаешь, какъ женщины-то «причудливы! Ну скажи самъ, Василій Михайловичь чѣмъ «нашъ Преображенскій мундиръ красивѣе Семеновскаго?

«Прощай, другъ сердечный! Поклонись отъ меня своей «барынѣ, и коли встрѣтишь гдѣ-нибудь Ѳедосью Игнатьевну «Перепёкину, такъ скажи ей, чтобъ она обо мнѣ не хлопо- «тала. Онъ, дискать, нашелъ ужъ себѣ невѣсту.«

М. Загоскинъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗЕМЛЯ И АНГЕЛЪ.

Ангелъ неба, вѣстникъ міра
Надъ землею пролеталъ;
Житель горняго эѳира
Сквозь воздушный куполъ міра
Долу трепетно взиралъ.

Тучи плыли надъ землею,
Отъ морей вставалъ туманъ,
Океанъ ревѣлъ грозою,
Пламя горъ рвалося къ бою,
Степью мчался ураганъ!

И небесный, съ дней созданья
Не видавъ лица земли,
Внявшій только отъ преданья
Слухъ паденья, слухъ изгнанья,
Изумясь, стоялъ вдали.

«Что за міръ?.— міры другіе
Не состарѣли жъ вѣка!
Этихъ тучь пары густые,
Эти взрывы огневые,
Не они ли плодъ грѣха?....

Что сковало эти льдины,
Изсушило скалъ чело?
Эти голыя вершины,
Этихъ пропастей морщины,
Не проклятье ли нажгло?....

Помню утро я созданья!
Какъ свѣтла была земля!
Лучь рубина — дня сіянье,
Блескъ сапфира — волнъ дыханье,
Изумрудъ — ея поля!

Digitized by Google

Горы къ небу восходили,
Какъ торжественный алтарь,
Волны гимны возносили,
И возникъ, сынъ бренной пыли,
Человѣкъ — творенья царь!

Помню дни земли младые,
Помню первую чету,
Какъ дивясь, склонились выей
Мы безплотные, впервые
Видя тѣла красоту!

Но Едема слѣдъ забытый
Средь потопныхъ водъ исчезъ!
Гдѣ же вѣрою омытый
Новый родъ, отъ волнъ укрытый,
Для разсадника небесъ?

Здѣсь ли тѣ шатры и кущи
Были позднихъ праотцовъ,
И Мамврійскій дубъ цвѣтущій,
Гдѣ, какъ путникъ, самъ Могущій
Посѣщалъ земли сыновъ?....

И на что, и чьей десницей
Камень къ камню взгромоздятъ?
Мы летаемъ горней птицей;
Имъ и такъ ихъ міръ темницей:
Что жъ стѣнами замкнутъ онъ!»

Безотвѣтно надъ землею
Тучи шли, вставалъ туманъ,
Океанъ ревѣлъ грозою,
Пламя горъ кидалось къ бою,
Степью мчался ураганъ!

И небесный взоръ смиренья
Тихо къ груди преклонилъ,
И слезою сожалѣнья,
Видя бѣдствія творенья,
Ликъ впервые оросилъ.

Digitized by Google

«Прежній братъ нашъ красотою!
Вотъ онъ гдѣ отъ насъ сокрытъ,
Искаженъ своей виною
И тяжелой пеленою,
Этимъ воздухомъ повитъ!

Прежде свѣтлый, тусклый нынѣ,
Отъ общенья отчужденъ,
Чуденъ онъ небесъ въ пустынѣ!
День и жизнь на половинѣ,
На другой и ночь и сонъ!

Солнце въ силѣ животворной
Льетъ какъ прежде блатодать;
У земли лишь непокорной
Нѣдро скупо и упорно,
Клятвы древняя печать!

Стройны звѣздныхъ струнъ движенья!
Неба музыка звучна!
Или съ древняго паденья
И гармонія творенья
Оглушенной неслышна?....

Седмицвѣтной лентой свѣта
Опоясанъ міръ лучей;
Или радуга завѣта
Знамя мирнаго обѣта
Только Бога, не людей!

Нѣтъ имъ мира! — Вонъ ихъ рати:
Громъ и пламя! стонъ и кровь!
Человѣкъ казнитъ собратій!
О міръ бѣдствій и проклятій!
Улечу! не здѣсь любовь!»...

Брызнулъ съ крылій свѣтомъ рая
Онъ въ прощальный даръ земли,
И въ лазури утопая,
Долго, долго, улетая,
Какъ звѣзда блисталъ вдали!

11 Окт. 1844.

Мих. Дмитріевъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

АВГУСТА ГАУСМАНА, ВЪ 1844 — 1846 ГОДАХЪ.

МЫСЪ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ. — ОСТРОВЪ БУРБОНЪ. — МАДАГАСКАРЪ. — ЦЕЙЛАНЪ. — ПОНДИШЕРИ.

Выѣхавъ изъ Бреста, 20-го февраля 1844 года, мы достигли до Мыса Доброй Надежды 2-го мая, и послѣ 72-хъ-дневнаго пути, пристали на оконечной точкѣ юга. Передъ нами открылись новыя моря; за ними Индія и Китай. Все на этой битой стратегической и коммерческой дорогѣ становится занимательнымъ предметомъ изслѣдованія. Мы вступали въ обширное поле, гдѣ рѣшится со временемъ судьба цѣлой Азіи.

Съ высоты мыса, которымъ кончается Южная Африка, съ высоты крутой и плосковерхой горы, называемой *Столовой горою* и оканчивающей собою предѣлъ земли, пошлемъ послѣднее прости родинѣ, которая на противоположной сторонѣ материка выработываетъ новое бытіе. Теперь раздѣляютъ насъ съ нею пустыни, куда не проникъ еще слѣдъ человѣческій. Отъ насъ къ сѣверу лежитъ обширная, невѣдомая земля, а къ югу обширное и невѣдомое море!

Архимедъ бросилъ якорь въ Фолсъ-Бей, вѣрномъ убѣжищѣ для судовъ въ продолженіе бурнаго времени года, времени порывистыхъ гибельныхъ вѣтровъ. Ступивъ на берегъ, мы вошли въ Симонсъ-таунъ, чистенькій городокъ, состоящій изъ одной улицы, съ единственной церковью,

Digitized by Google

больницей, городскимъ садомъ и школой. Его окрестности чрезвычайно живописны, обставлены декораціею горъ, покрытыхъ богатой зеленью, густымъ кустарникомъ, роскошными цвѣтами кактуса и другихъ тучныхъ растеній.

4 мая *Архимедъ* снялся съ якоря и взялъ пелингъ на Капъ за каменнымъ угломъ. Мы разсудили ѣхать туда же сухимъ путемъ, по берегу моря. Негодный маленькій шарабанъ, въ четыре лошади, и Готентотъ-возница представились къ нашимъ услугамъ; но, къ общему удивленію пассажировъ-европейцевъ, мы ринулись на колесахъ въ волны, по которымъ бѣжали привычные кони, придерживаясь земли на близкое разстояніе. Причина этого страннаго способа ѣзды та, что колеса въ водѣ не такъ глубоко врѣзаются въ топкій песокъ, которымъ покрытъ весь безплодный берегъ, усѣянный китовыми скелетами, изъ которыхъ поселенцы и рыбаки городятъ иногда заборы жилищъ и садовъ своихъ. Отъ времени до времени наѣзжаешь на небольшія заведенія, устроенныя для приготовленія рыбьяго жира.

Китъ показывается на этихъ берегахъ несравненно рѣже прежняго; но все еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производится ловля его.

Миновавъ топкіе бугры песку, мы своротили наконецъ на пріятнѣйшую дорогу. Цвѣтущая равнинка скоро привела насъ къ небольшому притону, гдѣ замѣчательная въ пустыняхъ Африки вывѣска на латинско-англійско-французскомъ нарѣчіи привлекла наше вниманіе:

Life's but a journey. Let us live on the road
Says the gentle shepherd
The gentle shepherd of Salisburi plain.

—

Multum in parvo pro bono publico.
Entertainment for men and beast all of a row
Lekker kost as much as you please;
Excellent beds, without any fleas....

—

Digitized by Google

Nos patriam fugimus! Now we are here.
Vivamus, let us live by selling beer.
On donne a boire et a manger,
Come in and try it, wherever you are.

—

«Жизнь есть ничто иное какъ путь. Поживемъ же мы «весело на этомъ пути, говоритъ милый пастухъ Сализ-«бургской долины.»

Подъ этой надписью портретъ милаго пастуха и подъ нимъ продолженіе въ стихахъ:

«Много здѣсь всего собрано для разныхъ удовольствій «публики въ этой тѣсной гостинницѣ. Въ ней пріютъ для «людей и скота, и сколько потребуется хорошихъ посте-«лей вовсе безъ блохъ. Мы покинули родину нашу, и жи-«вемъ теперь здѣсь продажею пива: войди и отвѣдай всякъ, «кто бы ты ни былъ.»

Прочитавъ такое приглашеніе, невозможно было отказать себѣ въ удовольствіи отвѣдать пива и познакомиться съ подобнымъ филологомъ.

Далѣе встрѣтили мы на одной изъ станцій проявленіе Европейской образованности: фортепьяно, нѣсколько картинъ, изображающихъ эпизоды изъ жизни Бонапарте, и ученую обезьяну.

Виды *Столовой горы* и *Львинаго хребта* рисовались передъ нами, и мы скоро прибыли въ поселеніе *Винебергъ*, гдѣ дикая Африканская наружность внезапно превращается въ просвѣщенную, роскошную Европу: англійскіе сады, искусственныя крытыя аллеи, въ которыхъ мелькаютъ прекрасныя амазонки и щегольскіе экипажи. Можно было вообразить себя на гуляньѣ Булонскаго лѣса.

Къ вечеру мы подъѣхали къ Капу, лежащему въ 21-й мили отъ Симонсъ-тауна и защищеннаго укрѣпленіемъ. Этотъ городъ — первое гнѣздо Голландцевъ, основанъ въ 1652 году, былъ отнятъ Англичанами; возвращенъ въ послѣдствіи на короткій срокъ, и въ 1806 году снова усвоенъ Англичанами въ прочное владѣніе.

Digitized by Google

Городъ Капъ красивъ, улицы широки и правильны, домы низки, подъ плоскими крышами, всѣ выбѣлены известкой; въ нихъ просторные чистые покои и порядочная меблировка.

Множество церквей католическаго, англиканскаго, кальвинистическаго и лютеранскаго исповѣданія, простой наружности, наполняются въ каждый воскресный день исповѣдниками всѣхъ оттѣнковъ религій. Эти дни путешественникъ проводитъ въ грустномъ расположеніи духа, потому что улицы пусты и двери домовъ заперты.

Предмѣстья, заселенныя Малайцами, не такъ чисты и далеко не столько удобны.

Въ недальномъ разстояніи отъ пристани, находится *Марсово поле*, прекрасная площадь, усаженная густою аллеею, которой деревья растутъ наклонно отъ безпрерывно дующаго сѣверо-западнаго жгучаго вѣтра. Надъ этой площадью господствуетъ биржа; тутъ же отрада путниковъ, кабинетъ чтенія, гдѣ лишеннымъ Богъ знаетъ съ которыхъ поръ всякаго извѣстія, предлагаются газеты, журналы и обозрѣнія всѣхъ частей свѣта. Широкая улица ведетъ съ этой площади на другую, гдѣ возвышается зданіе пѣхотныхъ казармъ (the barracks), а оттуда къ крѣпости, построенной иррегулярнымъ многоугольникомъ на берегу моря.

Прекрасный ботаническій городской садъ вмѣщаетъ жилище губернатора мыса. Этотъ садъ служитъ для публичныхъ гуляній; къ нему примыкаетъ юго-Африканское училище, гдѣ имѣется богатое собраніе предметовъ по части естественныхъ наукъ.

Столовая гора находится въ самомъ близкомъ отъ города разстояніи. Дорога на вершину (если ее можно назвать дорогою) ужасна, усѣяна, какъ на зло, обрывами и острыми камнями. Безъ большаго труда можно подняться только на половину возвышенія, ведущаго къ источнику, гдѣ ландшафтъ оживленъ городскими прачками, полощущими бѣлье; далѣе надо ползти и карабкаться почти на стѣну, цѣпляясь кой-какъ и обливаясь потомъ, до самой вершины, предста-

Digitized by Google

вляющей обширную площадку, посреди которой отражаетъ небеса зеркало озера, образованнаго изъ скопленія дождевой воды.

Эта знаменитая гора служитъ городскимъ барометромъ для жителей Капа. Если ясная атмосфера осѣняетъ ее, можно смѣло разсчитывать на продолженіе ясной погоды; но чуть нахмурилось чело великана, чуть подернулось темнымъ туманомъ, слѣдуетъ готовиться къ ненастью и къ повороту вѣтра, который, какъ будто сорвавшись съ цѣпи, понесетъ съ юго-востока страшныя бури, вырывающія съ корнемъ деревья, потрясающія зданія и срывающія съ якорей суда.

Въ сосѣдствѣ Столовой горы поднимается *Львиный хребетъ*, какъ будто возвѣщая странникамъ отчизну гордаго животнаго. Когда грива этого изваяннаго самою природою колосса исчезаетъ подъ облаками, никто не пытаетъ подниматься въ поднебесные предѣлы: густой молочный туманъ можетъ внезапно окутать неосторожнаго, и погрузивъ его въ этотъ бѣлый мракъ, отнять всякую возможность воротиться домой до слѣдующаго утра.

Климатъ Капа здоровъ и умѣренъ. Лѣтніе мѣсяцы этого полушарія: декабрь, январь и февраль; съ іюня зима начинаетъ являться въ томъ грозномъ видѣ, отъ котораго мысъ получилъ свое первое названіе *Бурнаго*. Эти зимнія бури невообразимо дождливы, но едва прохладны. Судя по географическому положенію, страна эта должна быть чрезвычайно плодородна; однако же, на самомъ дѣлѣ она вовсе не такова. Лишь только отдалишься на нѣкоторое разстояніе отъ окрестностей Капа, гдѣ трудъ произвелъ искусственную растительность, повсюду встрѣчаешь неблагодарную и увялую природу. Цѣпи шероховатыхъ и пустынныхъ горъ, равнины, покрытыя сыпучимъ пескомъ, усѣянныя скалами и дикимъ кустарникомъ, не дающимъ тѣни, безводныя ложа рѣкъ и рѣдкіе мутные источники, вотъ печальная картина этой страны. Только одно пріютное гнѣздо—мыза *Винебергъ*, въ близкомъ разстояніи отъ Капа, составляетъ утѣшительное исключеніе. Тамъ собраны вкупѣ всѣ произ-

Digitized by Google

растенія земнаго шара: близъ померанцевой и банановой рощи зеленѣетъ виноградъ Италіи и Франціи; знаменитая констанская лоза, составляющая славу юго-африканскихъ виноградниковъ, доставлена туда, за два столѣтія, изъ окрестностей Бордо, промышленными Голландцами. Симонъ Ван-дер-Стиль, губернаторъ Капа, почитаемый, по справедливости, благодѣтелемъ края, въ 1679 году, извѣдавъ почву земли и признавъ годнымъ берегъ, которому далъ имъ супруги своей Констанціи, засадилъ его виноградниками.

Замѣчательно то, что если бы окружность этихъ не обширныхъ виноградниковъ увеличила въ десять разъ объемъ свой, то и тогда не была бы въ состояніи доставить десятой доли вина, продаваемаго въ Европѣ за констанское; но мы спѣшимъ прибавить въ утѣшеніе любителей, что поддѣльное трудно отличается отъ настоящаго. Нынѣ существуетъ четыре разряда этого знаменитаго по достоинству вина: констанское, цонтакъ, фронтиньякъ и мускатель. Почитаемое превосходнѣйшимъ отличается темно-краснымъ цвѣтомъ; $2\frac{1}{2}$ дюжины констанскаго стоютъ на мѣстѣ 3 фун. стерлинговъ. Лоза, дающая это вино, необыкновенно высока и производитъ сладчайшій плодъ. Сборъ винограда бываетъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Устройство винныхъ погребовъ удивляетъ путешественниковъ, которые пишутъ въ нихъ имена свои.

Европейскія фруктовыя деревья и овощи удобно роднятся съ почвой и климатомъ, но край не производитъ ничего туземнаго для потребы человѣка.

Изумительна противоположность жалкаго состоянія растительнаго царства передъ роскошью, по количеству и качеству, животнаго. Порода быковъ тамъ необыкновенна и овцы мыса не менѣе замѣчательны. Жители странствуютъ въ особеннаго рода возахъ, запряженныхъ восьмью и десятью парами воловъ, которыхъ энергическая поступь никогда не измѣняется, несмотря на сыпучія топи раскаленнаго песку и на безпрерывныя крутизны горъ.

Народонаселеніе Англійскихъ юго-Африканскихъ поселеній состоитъ изъ трехъ породъ туземцевъ: Негровъ, Го-

Digitized by Google

тентотовъ и Малайцевъ,—и изъ Европейцевъ, Боэровъ-колонистовъ Голландскаго происхожденія, которые проникли уже на значительное пространство въ глубь земли и находятся въ безпрерывномъ возстаніи.

Готентоты покрыты бронзоваго цвѣта кожей; борода и виски ихъ образуютъ треугольникъ; носъ сдавленъ, обликъ продолговатъ, губы толсты, скулы выпуклы, волоса похожи болѣе на звѣриную шерсть; лѣность, плотоядность, прожорливость и трусость, ставятъ ихъ на послѣднюю степень рода человѣческаго. Кажется, однакоже, что умственная способность ихъ не на столько тупа, какъ то вообще разумѣютъ.

Нынѣ племя чисто Готентотское совершенно уничтожилось по близости Капа; настоящіе Готентоты отодвинулись въ дальнія поселенія, и тамъ находятся въ маломъ количествѣ. Дороговизна скота, изсякнувшіе источники, значительно убавившіеся въ числѣ въ продолженіе послѣдняго столѣтія, загнали этихъ скотоводовъ далеко внутрь земли, гдѣ бѣдное существованіе ихъ препятствовало размноженію.— Помѣсь же Готентотовъ повсюду распространилась на мысѣ; это смѣшеніе Малайской, Мозамбикской и Голландской крови. Они утратили нравы своихъ предковъ, сохранивъ только неодолимую лѣность ихъ.

Порода еще менѣе человѣческая населяетъ лѣса къ сѣверу отъ мыса, и извѣстна подъ именемъ Бошмановъ или Боссимановъ, лѣсныхъ людей. Они бродятъ небольшими шайками и промышляютъ звѣроловствомъ и воровствомъ.

Негры Мозамбикскіе, почитаемые въ торговлѣ лучшимъ племенемъ, представляютъ въ наружности высшую степень нравственнаго развитія нежели прочіе чернокожіе обитатели Африки. Самые Малайцы на этомъ берегу выражаютъ болѣе кротости и привѣтливости, нежели въ своемъ Индо-Китаѣ Ихъ отличаютъ красныя и соломенныя остроконечныя шапки

Народонаселеніе бѣлокожихъ города Капа большею частію Голландскаго происхожденія. Всѣ почти великорослы, плотнаго сложенія, гостепріимны и обходительны. Они не

Digitized by Google

имѣютъ ни какого притязанія на остроуміе, за то отличаются здравымъ смысломъ. Привязанные къ родной почвѣ, которая составляетъ для нихъ весь міръ, они вовсе не занимаются судьбами Европейской братіи, воздѣлываютъ сады свои и, не имѣя значительнаго состоянія, пользуются достаткомъ. Эти Голландцы чрезвычайно попечительны другъ объ другѣ. Въ прошломъ столѣтіи, въ жизни ихъ былъ образецъ чистоты патріархализма, но въ наши времена посѣщеніе Европейскихъ, и особливо Французскихъ войскъ, ввело вкусъ къ Европейской роскоши и Европейскимъ забавамъ. Французы выучили ихъ своимъ плескамъ и образовали въ Капѣ танцовальныя собранія. Прибытіе въ портъ военнаго судна подаетъ вѣсть къ разнымъ увеселеніямъ; жители предлагаютъ новопріѣзжимъ за весьма незначительную сумму дома свои со всевозможными удобствами, пріятностями и развлеченіями. Но хозяева такихъ счастливыхъ притоновъ начинаютъ чувствовать сиротство свое, которому обрекаетъ ихъ легчайшій для Европейцевъ путь въ Индію чрезъ Суезскій перешеекъ и Чермное море.

Голландскія и Англійскія семейства, живущія на югѣ Африки, мало имѣютъ другъ съ другомъ сообщенія. Первые, люди тяжелые, сидячіе и спокойные, мало представляютъ занимательности для подвижнаго и суетливаго народа, а Англичане, въ свою очередь, слишкомъ не по нраву Голландцамъ своей надменной сухостью и побѣдоноснымъ видомъ. Съ распространеніемъ Британскаго владычества первобранцы стали терпѣть всякаго рода утѣсненія и отстраненія отъ выгодныхъ ремеслъ и должностей, что и поддерживаетъ обоюдное нерасположеніе.

Поселеніе мыса дѣлится на двѣ провинціи: на восточную и западную. Первая заключаетъ въ себѣ: Капъ, Стеленбокъ, Ворчестеръ, Клайвильямъ, Свелендамъ, Георгъ и Бофортъ; вторая: Албанъ, Графъ-Рейнатъ, Сомерсетъ, Колесбергъ, Крадокъ и Уйтенгагенъ. Въ нихъ исповѣдаются религіи: протестантская, католическая, магометанская и языческая.

Боэры, или владѣтели стадъ, поселенцы Голландскаго происхожденія, долго не рѣшались перестушить за хребетъ,

Digitized by Google

отдѣляющій смежныя съ мысомъ земли, отъ остальной Африки. Но умноженіе народонаселенія на южной точкѣ подвинуло завоевателей къ сѣверу. Эти Боэры живутъ въ бѣдныхъ шалашахъ, разбросанныхъ по равнинамъ. Безплодіе почвы не дозволяетъ имъ разпространять хлѣбопашество и вынуждаетъ жить однимъ скотоводствомъ. Они отличаются угрюмымъ нравомъ и тяжелымъ тѣлосложеніемъ; ихъ можно назвать гостепріимными, но не слишкомъ общительными съ иностранцами. Бошманы и Кафры въ отношеніи къ нимъ тоже, что̀ Арабы въ отношеніи къ Алжирцамъ. Всегда на сторожѣ противу грабительства, владѣльцы стадъ должны защищать скотъ свой отъ похитителей — людей и хищныхъ животныхъ. Разореніе Боэровъ отъ освобожденія невольниковъ вынудило ихъ переселиться далѣе на берегъ *Натала*, и даже соединить силы свои съ Кафрами, которые не перестаютъ безпокоить Британское правительство, не могущее противопоставить имъ слабый гарнизонъ свой.

Въ городѣ Капѣ находится нѣсколько денежныхъ банковъ и безчисленное множество страховыхъ обществъ.

Торговля собственно мыса ограничивается сбытомъ констанскаго и простаго вина и шерсти. По близости рѣки Оранжа открыты мѣдные пріиски, и можетъ быть, современемъ они послужатъ источникомъ промысловъ. Нынѣ же поселенія мыса ни богатствомъ, ни плодородіемъ, ни числомъ жителей не представляютъ ничего лестнаго для корыстолюбивыхъ видовъ метрополіи, и потому она не слишкомъ объ нихъ заботится, предавая ихъ горестному забвенію, которое заставляетъ сожалѣть о счастливомъ владычествѣ Голландцевъ.

Нашъ непродолжительный отдыхъ на мысѣ далъ намъ случай познакомиться съ краемъ, съ городомъ, съ жителями, почтившими пріѣзжихъ нѣсколькими балами, съ маленькими тайнами враждующихъ партій общества, съ тяжелою степенностію мужчинъ, и съ живымъ, неизмѣнно веселымъ расположеніемъ женщинъ.

Digitized by Google

14 мая мы снова вступили на бортъ нашего Архимеда и снялись съ якоря на юго-востокъ. По обычаю плавателей этихъ странъ, мы занялись ловлею на удочку прибрежныхъ птицъ. Албатросы (albatros) и петрели (petreles) ловятся такимъ же образомъ. Это занятіе самое эксцентрическое изъ всѣхъ удовольствій, которыя достаются въ удѣлъ морскихъ странниковъ.

4 іюня мы опять перешли тропикъ козерога, и 5-го къ вечеру завидѣли свѣтъ изверженія волкана Бурбонскаго. 6-го утромъ земля открылась передъ нами, и миновавъ хорошенькій городокъ Сан-Поль, мы вошли въ пристань Сан-Дени, столицу колоніи. Эта пристань не служитъ защитой отъ бурь и порывистыхъ вѣтровъ того климата, и потому, при малѣйшемъ признакѣ непогоды, суда необходимо должны сниматься съ якорей и выходить въ открытое море. Торговля колоніи терпитъ постоянно уронъ отъ такого неустройства. Этотъ вопіющій безпорядокъ препятствуетъ развитію торговли и причиняетъ частые и значительные убытки.

Дебаркадеръ Сан-Дени нисколько не лучше гавани. При благопріятной погодѣ выгрузка не представляетъ еще большихъ затрудненій; за то малѣйшая зыбь требуетъ бѣдовой веревочной лѣстницы; женщинъ возносятъ посредствомъ укрѣпленнаго на блокѣ кресла; но и этотъ способъ не всегда безопасенъ.

Сан-Дени со стороны гавани кажется деревней. Большая королевская улица тянется какъ будто посреди огромнаго сада, по которому разбросаны красивенькіе домики, укрывающіе свои бѣлыя колоннады надъ густою зеленью пальмъ, банановъ и розовыхъ кустовъ, благовоніе которыхъ наполняетъ очаровательныя *касы*, гдѣ жизнь протекаетъ среди лѣни, беззаботности и сладострастія, подъ свѣтлымъ небомъ Бурбона, атмосфера котораго поддерживаетъ постоянно сладостное расположеніе духа.

Королевская улица ведетъ къ королевскому саду, который вмѣщаетъ въ себѣ всѣ богатства туземной почвы. Мангаліи, кокосы, тысячи родовъ пальмъ, являютъ тамъ во

Digitized by Google

всемъ блескѣ свою роскошную растительность. Климатъ острова пріятенъ и здоровъ, не смотря на зной. Безпрестанный вѣтерокъ освѣжаетъ воздухъ, и лѣто почти не смѣняется зимою.

Произведенія Бурбона изобильны и разнообразны; обработка сахарнаго тростнику, кофе и гвоздики занимаетъ почти всѣ руки. Плоды въ немъ превосходны; наилучшими считаются: мангаліи, мандаринскій апельсинъ, вѣроятно уроженецъ Китая, *атта* съ благовоннымъ бѣлымъ сокомъ, кокосовый орѣхъ, стручки банана, мангустанъ, тропическій фруктъ и пальмовая капуста, которую можно причислить къ разряду плодовъ, хотя въ употребленіи она представляетъ болѣе овощь.

Въ недальномъ отъ города разстояніи пользуется извѣстностію сахарное заведеніе Новой надежды. Плантаціи сахарнаго тростника тянутся во всѣ стороны, качая по дуновенію вѣтра высокіе стебли свои съ падающими внизъ широкими листьями. Вездѣ слышенъ запахъ цвѣтущей гвоздики, вездѣ разбросаны кучки дерева кактуса, пальмъ, алое, акаціи, кофе и маніака.

Каждый путешественникъ поставляетъ себѣ долгомъ посѣтить непремѣнно Салазійскую долину, предметъ общаго восторга и удивленія. Мулъ или маленькая лошадка Батавіи доставитъ туда сѣдока на хребтѣ своемъ благополучно, по узкой тропинкѣ, пробитой въ живописной, дикой трущобѣ, среди густой зелени, покрывающей крутизны горъ, съ которыхъ катятся пѣнистые водопады. Промежь этой богатой зелени выглядываетъ иногда черный утесъ угліеватаго свойства, свидѣтель скрытаго въ нѣдрахъ земли горючаго состава.

Въ углубленіи долины замѣчательны нѣсколько цѣлебныхъ теплыхъ ключей и еще далѣе жерло угасшаго стараго волкана; — къ сожалѣнію намъ не удалось посѣтить кратеръ, который свѣтилъ намъ съ моря. Во время ночи изверженіе пламенной лавы представляетъ огненную рѣку раскаленнаго металла, отраженіе которой багровитъ море.

Управленіе острова Бурбона, какъ и всѣхъ Французскихъ колоній, ввѣрено губернатору и состоящей при немъ свитѣ.

Digitized by Google

Бѣлокожіе жители Бурбона носятъ на себѣ особенный отпечатокъ. Въ нихъ господствуетъ алчность чувственныхъ наслажденій, роскоши и шумливыхъ удовольствій; въ нихъ соединеніе въ странной степени мятежности и страстности полуденныхъ народовъ съ щеголеватостію обращенія и съ знаніемъ общежитія Французовъ. Исключительные въ мнѣніяхъ и предразсудкахъ, они составили себѣ особенный кодексъ нравственности, примѣняя все на свѣтѣ къ своей мѣстности и личности, и не умѣя или не желая понять того, что метрополія можетъ имѣть различное съ ними воззрѣніе. Пристрастіе мужчинъ къ лошадямъ и игрѣ, а женщинъ къ нарядамъ и удовольствіямъ соперничаютъ другъ передъ другомъ. Бѣлая креолка и смуглая мулатка равно преданы всѣмъ существомъ своимъ балямъ и увеселительнымъ зрѣлищамъ. Наблюденіе чистоты крови обратилось въ Бурбонѣ въ какое-то помѣшательство. Съ невообразимою тщательностію разглядываютъ тамъ цвѣтъ кожи, анализируютъ во всѣхъ подробностяхъ, и горе тому, чьи ногти, синеватостію маленькой дуги, изобличатъ въ пятомъ поколѣніи совершенно выбѣлѣвшейся кожи послѣдній атомъ черной крови въ жилахъ. Тотъ, кто не въ состояніи представить полной родословной совершенной бѣлизны, не допускается въ порядочныя общества, потому что такое нарушеніе этикета разогнало бы всѣхъ уважающихъ собственное достоинство, и для которыхъ идея дышать однимъ воздухомъ съ двоюроднымъ братомъ орангъ-утанга невыносима.

Предметомъ толковъ, предметомъ стяжательныхъ помысловъ и заботъ умствователей Бурбона служитъ Мадагаскаръ, одинъ изъ величайшихъ острововъ міра. Онъ представляетъ неисчерпаемый источникъ промышленности и торговли. Уже болѣе двухъ столѣтій Европейскія державы тщетно домогаются водворенія въ этомъ эльдорадо. Нынѣ царствующая королева Ранавало, ознаменовавшая свое восшествіе на тронъ кровавыми дѣяніями, нарушила трактатъ съ Англіею. Независимое, владычествующее племя, населяющее островъ, вышло

Digitized by Google

изъ Полинезіи; оно размножилось, какъ говоритъ преданіе, изъ горсти людей выброшенныхъ на берегъ бурей.

Климатъ Мадагаскара довольно разнообразенъ. Возвышенныя мѣста пользуются умѣренной теплотой, низменныя же и береговыя палимы тропическимъ зноемъ. Злокачественность климата происходитъ отъ непостоянства температуры. Быстрые переходы отъ сильныхъ дождей къ сильному зною, который сушитъ самые болота, наполняетъ воздухъ вредными испареніями. Впрочемъ, болѣзни свирѣпствуютъ только на окружности десяти миль отъ берега: средина острова, болѣе возвышенная, наслаждается здоровьемъ и благорастворенiемъ воздуха.

Опредѣлительнаго счисленія народонаселенія острова нѣтъ. Три смѣси крови тамъ наиболѣе извѣстны: смѣсь Негритянская, Арабская и Малайская.

Столица Мадагаскара какъ извѣстно, Тананарифъ. Произведенія страны необыкновенно богаты; ни гдѣ не процвѣтаютъ такъ плантаціи сахарнаго тростника; кофе, табакъ, индиго, хлопчатая бумага и виноградъ приносятъ обильное вознагражденіе труда. *Орсель*, или красильный мохъ, доставляетъ огромный сборъ. Шелковичные черви возрастаютъ тамъ съ успѣхомъ; желѣзо добывается въ большомъ количествѣ. Кромѣ того, каменный уголь и другія сокровища ископаемаго царства щедро являютъ дары свои; а вѣковые лѣса снабдили бы цѣлый флотъ необходимымъ деревомъ.

Нѣсколько дней нашего пребыванія въ Бурбонѣ, точно также какъ и на Капѣ, составляли пріятное и полезное препровожденіе времяни. На пышномъ балѣ простились мы съ красавицами острова, неуступающими Европейскимъ, а 5-го іюля перешли снова экваторъ и вступили въ сѣверное полушаріе. 4-го минули Малдивскую группу, не видавъ берега, и 7-го утромъ подошли къ Цейлану.

Еще наканунѣ повѣяло на насъ благовоніями съ благословенной земли; но цѣлые сутки мы огибали берегъ, покуда бросили якорь на Flag-Point, при вступленіи въ губу Триникемале, гдѣ и остановились за новымъ запасомъ угля.

Digitized by Google

Прежде нежели скажемъ слово о Тринкемале, бросимъ общій взглядъ на Цейланъ, одну изъ прекраснѣйшихъ колоній Великобританіи. Трудно вообразить себѣ мѣстоположеніе живописнѣе и разнообразнѣе. На полуденной сторонѣ острова, приближаясь къ центру, подымается цѣпь картинныхъ горъ, которыя растекаются лучами во всѣ стороны и сглаживаются къ краю моря. Сѣверная часть стелется долиной. Портъ Колумбскій, центръ Англійской торговли, лежитъ на западномъ берегу моря, Пунта де Гале (Point de Galles) къ югу, а Тринкемале къ сѣверу. Канди, древняя столица, занимаетъ центръ.

Цейланъ лежитъ между 6 и 10° сѣверной широты, и потому тамъ неизвѣстны невыгоды зимняго времени года. Юго-западный вѣтеръ и сѣверо-восточный муссонъ, или вѣтеръ Индійскаго океана, освѣжаютъ воздухъ постоянно въ продолженіе полугода. Первый, когда солнце въ Сѣверномъ полушаріи, второй когда оно въ Южномъ.

Дожди тамъ чрезвычайно сильны. Они поддерживаютъ растительность и свѣжесть. Въ сѣверную часть острова наносятъ ихъ сѣверо-восточные муссоны, а въ южную юго-западные. По берегамъ дождливая погода не тянется долѣе двухъ мѣсяцевъ; остальное время года очень сухо; но въ горахъ дожди почти постоянны, и потому большое число рѣкъ получаетъ обильную воду, которою орошаютъ всю страну.

Близъ Тринкемале есть нѣсколько теплыхъ цѣлебныхъ источниковъ, также какъ и въ провинціи Канди.

Климатъ острова умѣренный; впрочемъ температура по мѣстности разнообразна; воздухъ на возвышенныхъ мѣстахъ довольно благопріятенъ, въ долинахъ же таитъ въ себѣ источникъ безчисленныхъ болѣзней. Произведенія Цейлана, разумѣется, отвѣчаютъ его счастливому положенію; съ одинаковымъ успѣхомъ обработываются въ немъ: кофе, корица, какао, сахарный тростникъ и гвоздика. Хлопчатая бумага по качеству превосходнѣе произрастающей на Индійскомъ материкѣ.

Digitized by Google

До владычества Англичанъ, Цейланъ имѣлъ своего повелителя. Начало монархіи этого острова теряется во мракѣ неизвѣстности. Преданіе говоритъ, что за 2000 лѣтъ, Цейланъ имѣлъ трехъ главныхъ владѣтелей, имѣлъ правителей областей, воеводъ, главы кастъ и главы храмовъ. Право наслѣдства престола переходило въ мужескую линію. Возведеніе монарха на престолъ и его погребеніе ознаменовывались назидательными обрядами. Пышность двора и величіе царственной особы являлись въ торжественные дни во всемъ блескѣ. Сановники двора простирались передъ тропомъ, и только уста монарха могли изрекать уголовные приговоры. Подданные обязывались доставлять и содержать войска и платить повинности, которыя состояли, исключая положенной оброчной платы, въ опредѣленной части съ годовой жатвы.

Повелители Цейлана и народъ его принадлежали буддической религіи. Съ той поры, какъ брамины возымѣли снова свое вліяніе въ Индіи, самостоятельность Цейлана стала колебаться; но въ XIII вѣкѣ, во время Марко-Поло, извѣстнаго Венеціанскаго путешественника, этотъ островъ былъ еще въ благоустроенномъ состояніи.

Въ 1506 году, Португальцы, причаливъ къ берегу, просили у короля позволенія занять укромный уголокъ въ Коломбо. Легко сдавшись на такую просьбу, основные жители мало по малу возымѣли подозрѣніе и должны были предпринять противу пришельцевъ мѣры. Скоро дѣло дошло до рукъ; но Португальцы съумѣли однако удержаться въ трехъ точкахъ острова: въ Пунта де Гале, въ Коломбо и въ Тринкемале, до самаго того времени, покуда Раджа-Сингъ, храбрый и энергическій владѣтель Цейлана, не заключилъ союза съ Голландіей, давно уже алчнымъ окомъ смотрѣвшей на великолѣпныя поселенія Португальцевъ. Въ 1658 году, ихъ вытѣснили опасные союзники. Однако гостепріимные туземцы скоро поняли невыгодную мѣну, которая не упрочила ихъ безопасности. Новые пришлецы завладѣли Канди, столицей острова, и съ той поры начались борьбы чужестранцевъ,

Digitized by Google

оспоривавшихъ другъ у друга присвоенное владѣніе, нокуда не пересилила всѣхъ Англія.

Настоящее населеніе Цейлана дѣлится на два племени: на уроженцевъ земли и на пришлецовъ, оклиматизированныхъ съ давняго времени. Къ первому принадлежатъ Сингалезы, или собственно Цейланцы; ко второму Арабы и Малабры.

Чистые Сингалезы представляютъ прототипъ Индійскій. Цвѣтъ кожи ихъ золотисто-свѣтлый; тѣлосложеніе уступаетъ въ силѣ и объемѣ тѣлосложенію Европейцевъ; черты ихъ тонки и выразительны; одежда состоитъ изъ передника или бѣлой туники, головной уборъ изъ легкаго повоя, или чалмы, оставляющей маковку непокрытой. Ихъ волосы смолянаго, чернаго цвѣта; они носятъ ихъ неостригая, иногда заплетаютъ въ долгія косы; тѣ, которые исповѣдуютъ магометанскую религію, не брѣютъ бороды. Глядя на сѣдовласыхъ старцевъ, кажется, видишь патріарховъ ветхаго завѣта. Женщины сложены необыкновенно стройно; лица ихъ однако не такъ пріятны, какъ лица мужчинъ. Тѣ и другіе безпрерывно жуютъ *бетель*, растеніе, которое чернитъ зубы, что составляетъ у нихъ особеннаго рода наслажденіе.

Поліандрія тамъ болѣе въ обычаѣ, нежели полигамія. Въ Цейланѣ женщины имѣютъ по семи и болѣе мужей; но это, какъ увѣряютъ, собственно не мужья, а братья. Обыкновенно родители, и болѣе отецъ, заботятся о выборѣ женъ для сыновей своихъ, и въ Цейланѣ мало встрѣчается неженатыхъ и незамужнихъ.

Раздѣленіе кастъ существуетъ у нихъ въ меньшей однако степени, нежели въ Индіи. Четыре главныя касты составляютъ тѣло ихъ общества: каста правительственная, браминическая или каста священства, каста промышленно-земледѣльческая и пастушеская, и наконецъ каста *судра*, составляющая послѣднее сословіе общества. Каждая изъ этихъ кастъ подраздѣляется еще на многія.

Digitized by Google

Языкъ ихъ отличается отъ языка береговыхъ Индійцевъ; каждое сословіе имѣетъ еще свое собственное нарѣчіе. Начальное образованіе очень распространено въ Цейланѣ, гдѣ есть изрядное число и поэтовъ. Бумагу замѣняютъ у нихъ листы пальмоваго дерева, которое наклеиваютъ на деревянныя доски; связка такихъ дощечекъ представляетъ книгу.

Цейланцы очень наклонны и способны къ музыкѣ; но инструменты ихъ крайне не искусны и ограничиваются самыми простыми духовыми и струнными орудіями, которыя напоминаютъ Китайскія.

Живопись въ Цейланѣ находится въ состояніи совершеннаго варварства. Въ Тринкемале попались намъ самыя странныя изображенія божествъ ихъ. Это несовершенство живописи необъяснимо при ихъ весьма порядочномъ искусствѣ ваянія и пластики.

Какъ у всѣхъ народовъ Азіи, тамъ изобилуютъ всякаго рода предразсудки, и астрологія имѣетъ великое множество послѣдователей.

Не имѣя ни какихъ рѣзкихъ недостатковъ, ни замѣчательныхъ добродѣтелей, Цейланцы довольно общительны, очень разговорчивы и чрезвычайно церемонны.

Они страстно предаются игрѣ во все время досуговъ. Жены ихъ прекрасныя хозяйки. Обитатели среди острова живутъ въ отдѣльныхъ шалашахъ, потому что поселенія очень рѣдки въ Цейланѣ, и громкимъ именемъ столицы Канди названо большое село. Такое разобщеніе семействъ вынуждаетъ ихъ имѣть дома запасъ всего нужнаго для потребленія, и эти нужды ограничиваются у нихъ самымъ необходимымъ: рисъ, молоко, плоды, овощи и кокосовое масло составляютъ все заготовленіе богатѣйшихъ кладовыхъ. Меблировка жилищъ ихъ также не сложна: станокъ, за которымъ сидитъ хозяйка въ тѣ часы, которые можетъ удѣлить отъ полевыхъ и домашнихъ работъ своихъ, занимаетъ главное мѣсто въ покоѣ и доставляетъ грубую ткань, служащую для домашняго обихода.

Digitized by Google

Одно изъ блаженствъ Цейлана — *бетель*, и его приготовляютъ съ особеннымъ тщаніемъ.

Тринкемале, пользующійся названіемъ города по праву нѣсколькихъ кучекъ шалашей, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, расположенъ по цвѣтущему берегу моря, въ двухъ миляхъ отъ Тринкемальскаго укрѣпленія, надежнѣйшаго изъ всѣхъ портовъ Англійскихъ укрѣпленій на востокѣ. Проходя по этой дорогѣ, тягостной подъ тропическимъ зноемъ, я отдыхалъ нѣсколько разъ подъ густой зеленью старыхъ деревъ, по стволу которыхъ снуютъ огромныя ящерицы. Эта дорога привела меня въ порядочный домъ, назначенный для морскихъ офицеровъ, и мы почли себя совершенно счастливыми, добившись такого пріюта послѣ душныхъ каютъ нашего Архимеда.

Улицы всякаго Индійскаго города составляютъ пальмовыя аллеи, изъ-за которыхъ выглядываютъ хижины довольно бѣдной наружности. Они строются обыкновенно изъ сплетеныхъ пальмовыхъ листьевъ, поддерживаемыхъ кольями. Двери ихъ такъ низки, что иногда нѣтъ другаго способа проникнуть внутрь, какъ ползкомъ. Ограды большею частію состоятъ изъ наваленаго вокругъ колючаго кустарника, въ которомъ трудно отличить калитку, и новопріѣзжій принужденъ перескакивать черезъ такія преграды. Изцарапавшись и изпачкавшись, онъ является на четверенькахъ во внутренность касы, гдѣ убогія скамьи, покрытыя тростниковыми рогожами на земляномъ полу, и станокъ трудолюбивой хозяйки, составляютъ все убранство.

Гуляя однажды вечеромъ по пустыннымъ улицамъ Тринкемале, мы замѣтили во всѣхъ шалашахъ сильное освѣщеніе; семейства, собранныя вокругъ огня, читали молитвы. Любопытство привлекло насъ къ самымъ дверямъ; но, замѣтивъ, что наше присутствіе безпокоило отправляющихъ свое богослуженіе, мы должны были отретироваться.

Одной изъ замѣчательностей города почитается базаръ, состоящій изъ двухъ рядовъ разнородныхъ лавокъ. Здѣсь главное сборище продавцовъ раковинъ, драгоцѣнныхъ и

Digitized by Google

безцѣнныхъ камней. Можно почесть настоящимъ испытаніемъ для путешественника эту навязчивость, съ которою преслѣдуютъ его торгаши, разсыпая передъ нимъ изумруды, сапфиры и яхонты. Хитрые Сингалезы знаютъ славу камней своего острова, древняго Тапробана, извѣстнаго Грекамъ и Римлянамъ, и пользуются этимъ знаніемъ на счетъ довѣрчивыхъ путешественниковъ, отдавая имъ кристаллъ за настоящій алмазъ.

Но тѣмъ не менѣе истинно то, что Цейланъ богатѣйшая въ мірѣ страна по части драгоцѣнныхъ камней, сапфировъ, яхонтовъ и топазовъ. Этотъ островъ изобилуетъ гранитными скалами, въ которыхъ неистощимы самоцвѣтныя окаменѣлости разнообразнаго топаза; въ областяхъ Матуры и Сафрогама синій, желтый, бѣлый и красный сапфиръ. Зирконъ находится въ Цейланѣ въ большомъ количествѣ. Мелочные торговцы продаютъ зеленый зирконъ за турмалинъ, красный за яхонтъ, желтый за топазъ, а сѣрый за брилліантъ. Всѣхъ сортовъ хрустали, кварцъ, доломитъ и гранитъ отыскиваются почти повсемѣстно.

Цейланъ представляетъ неисчерпаемый источникъ изслѣдованій для натуралиста. Растительная природа является тамъ во всей красотѣ и силѣ; ни гдѣ зоологія не можетъ представить такого обширнаго и сложнаго труда. Тутъ большое стадо слоновъ идетъ спокойно утолять жажду въ источникѣ; тамъ лѣнивый буйволъ погружается въ любимое ложе, а дальше ехидный антилопъ или кривляка-обезьяна. Чего ищутъ эти толпы Индійцевъ вооруженныхъ дротиками? Они гонятся за толпою слоновъ; страшный бой готовъ завязаться между человѣкомъ и звѣремъ, бой невѣрный, повергающій столько жертвъ. Пики летятъ. Слонъ зашатался, и алчный человѣкъ колетъ его какъ можетъ, и добивая его, трепещетъ, потому что не всегда стадо бѣжитъ въ испугѣ, ищетъ спасенія, и оставляетъ на жертву своего раненаго: случается, что великаны нападаютъ съ страшнымъ мщеніемъ и сѣютъ по слѣдамъ своимъ смерть.

Digitized by Google

Змѣи всѣхъ родовъ извиваются по цвѣтистому ложу Цейлана. Ихъ встрѣчаешь всюду въ лѣсахъ, на дорогѣ и въ жилищахъ. По дорогѣ отъ гавани къ городу безпрестанно попадаются эти опасные гады. Какъ тревоженъ и осмотрителенъ долженъ быть охотникъ, рискующій ежеминутно ступить на смерть! Однако, вѣроятно, въ самой сущности опасность не такъ велика, потому что несчастные случаи довольно рѣдки. *Тикъ-полонго* считается самой ядовитой змѣею въ Цейланѣ; длиною она отъ 2 до 2½ аршинъ, сѣраго цвѣта и съ желтымъ брюхомъ. Другая, которую жители называютъ *каравиллой*, отличается красноватымъ цвѣтомъ, бѣлымъ подбрюшіемъ и двумя рядами черныхъ пятнышекъ по бокамъ. Индійцы-фокусники ловятъ много *найя*, или очковыхъ змѣй, магнитизируютъ ихъ, лишая такимъ образомъ возможности вредить. Не мало удивлятъ путешественника неожиданное явленіе непрошеннаго Цейланца, который врывается въ его комнату, и молча вынимаетъ изъ мѣшка или изъ закрытой коробки нѣсколькихъ красивыхъ, блестящихъ змѣй, которыя извиваются очень мило, но вовсе не забавно для непривычнаго къ такимъ зрѣлищамъ. Магнитизеръ начинаетъ размахивать руками, кривляться и ломаться, устремляя неподвижный взоръ, которымъ цѣпенитъ пресмыкающихся. Потокъ гремучихъ, быстро произносимыхъ заклинаній, какъ будто оглушаетъ ихъ, и безчувственныя, окованныя животныя падаютъ подъ силою чаръ. Тогда фокусникъ безопасно дотрогивается до головы змѣи языкомъ, носомъ и губами. Недовѣрчивость, свойственная человѣку, заставляетъ подозрѣвать магнитизера въ томъ, что онъ предварительно лишаетъ какимъ-нибудь средствомъ своихъ воспитанниковъ способа жалить и выучиваетъ ихъ змѣиной пляскѣ, ужасающей неопытныхъ зрителей. Однако испытаніе надъ смертельно уязвленной курицей оправдало его.

Индійцы имѣютъ суевѣрное уваженіе къ нѣкоторой породѣ птицъ. Съ восходомъ солнца раздаются въ Тринкемале пронзительные крики несмѣтныхъ стай воронъ, и къ

Digitized by Google

полудню налетаютъ ихъ цѣлыя тучи на рынокъ и на окрестности жилищъ, гдѣ оказываютъ они совершенную безцеремонность и безстрашіе, о которомъ не имѣютъ никакого понятія ихъ Европейская братія; дерзость ихъ выходитъ изъ границъ. Они разхищаютъ плоды даже съ лотковъ, носимыхъ продавцами на головѣ. Такая снисходительность Тринкемалайцевъ къ этимъ птицамъ объясняется тѣмъ, что онѣ очищаютъ ограды жилищъ ихъ отъ всякой нечистоты. Но бѣдняжки страдаютъ отъ зноя: они летаютъ съ открытымъ носомъ и припадаютъ къ крышамъ въ совершенномъ изнеможеніи.

Народонаселеніе Тринкемале не многочисленно и вовсе не промышленно. Восточная сторона острова пустынна. Торговля этого порта ничтожна, а сообщеніе съ Коломбо очень затруднительно. Жители Тринкемале оглашаются недоброй славой: въ нихъ замѣтна общая наклонность къ воровству. Не смотря на осторожность нашу, мы имѣли ночное посѣщеніе, отъ котораго впрочемъ счастливо отдѣлались.

Европейцы обречены на скудную трапезу въ приморской гостинницѣ Рестъ-гаузъ. Буйволовое мясо, приготовленное съ игнамомъ, овощью въ родѣ картофеля, приторнаго вкуса, замѣняющею хлѣбъ, составляетъ весь сервизъ; за то фрукты вознаграждаютъ недостатокъ.

Единственное достойное примѣчанія зданіе въ Тринкемале — маленькая пагода или Индійскій храмъ, котораго архитектура замѣчательна и оригинальна. Фасадъ его необыкновенно красивъ, но продолженіе представляетъ уродливый навѣсъ, подъ которымъ стоитъ колесница, назначенная для идоловъ во время торжественныхъ шествій ихъ по городу. Не въ дальномъ разстояніи отъ пагоды струится басейнъ, въ которомъ правовѣрные совершаютъ свое омовеніе. Тринкемалайцы не охотно допускаютъ чужестранцевъ во внутренность храмовъ.

Покидая портъ Тринкемале, посвятимъ нѣсколько строкъ памяти Францины Ванъ-Рецъ, которой обелискъ возвы-

Digitized by Google

шается на берегу моря, въ воспоминаніе героическаго подвига любви. 14-го апрѣля 1687 года она бросилась со скалы въ море, вслѣдъ за возлюбленнымъ своимъ который, отчаливая отъ берега въ Европу, отказался взять ее съ собою.

14-го іюля мы вышли въ море, а 16-го бросили якорь въ туземной рейдѣ Пондишери, представляющей тысячи затрудненій. Вмѣсто Европейскихъ лодокъ, на которыхъ обыкновенно подъѣзжаютъ къ берегу, тамъ употребляютъ упругіе плоты изъ пакли кокосоваго дерева. Это устройство гибкихъ эластическихъ корзинъ представляетъ единственную возможность переправиться по опасному переѣзду. Перевощики обладаютъ искусствомъ ремесла своего въ высочайшей степени. Пусть не пугаетъ путешественника дикій крикъ ихъ, которымъ прерываютъ они иногда народную пѣснь, запѣваемую въ привѣтъ гостямъ: этотъ крикъ служитъ къ дружному напряженію силъ; пусть не пугаютъ также чувствительные толчки, которыми встрѣчаетъ его берегъ. Причаливая, гребцы еще ужаснѣе, оглушатъ пріѣзжаго гамомъ для возбужденія необходимой полной энергіи и крайней ловкости, которыми одолѣваютъ наконецъ отпоръ волны. Послѣ невѣроятныхъ усилій плотъ врѣжется въ набережный песокъ, и пассажиры ступятъ на землю; но тутъ имъ не дастъ опомниться другаго рода шумная суета. Толпы услужниковъ всякаго рода рекомендуютъ себя пріѣзжимъ. Многіе изъ нихъ принадлежатъ высшимъ разрядамъ коммиссіонеровъ и факторовъ, другіе же исполняютъ должность слугъ. Они берутъ на свою отвѣтственность благосостояніе и храненіе паціента. Слѣдуютъ за нимъ какъ тѣнь, бодрствуютъ о его безопасности, заботятся о его покоѣ, сглаживаютъ передъ нимъ всякое затрудненіе. Они даютъ высокую цѣну свидѣтельствамъ ихъ способности и совершенствъ, полученнымъ отъ удовлетворенныхъ господъ; эти документы служатъ имъ магическимъ средствомъ для пріобрѣтенія довѣренности.

Длинныя улицы Пондишери разсѣчены правильными углами. Городъ перерѣзанъ по срединѣ каналомъ, который дѣлитъ его на двѣ половины. Западная сторона, прилежащая къ

Digitized by Google

берегу, вмѣщаетъ въ себѣ городъ бѣлыхъ, восточная содержитъ жилища туземныхъ чернокожихъ. Городъ Европейцевъ состоитъ изъ 432 домовъ щеголеватой архитектуры и блистательной бѣлизны, но, по обычаю жаркихъ странъ, чрезвычано низкой постройки. Всѣ эти дома имѣютъ террасы, пріятное вечернее убѣжище для жителей знойнаго пояса. Мѣсто дверей по большой части замѣняетъ повѣшенная рогожа. Широкая колоннада тянется съ другой стороны дома и выходитъ въ садъ, котораго цвѣтущія богатства зелени проникаютъ во внутренность сладостнымъ благовоніемъ. Въ столовой комнатѣ привѣшено къ потолку вѣтвистое опахало, колеблемое во время обѣда служителемъ надъ головами сидящихъ за трапезой.

Сторона черныхъ жителей вмѣщаетъ болѣе 3,800 маленькихъ грязныхъ домиковъ, гнѣздящихся по обѣимъ сторонамъ густой пальмовой аллеи. Замѣчательны еще въ этомъ городѣ рынокъ, двѣ пагоды и двѣ католическихъ церкви. Латинскіе священнослужители должны скликать свое стадо на совершеніе молитвы звукомъ трубъ и барабановъ; это примѣненіе къ обычаямъ туземцевъ считается необходимымъ.

Королевскій садъ, запущенный съ давняго времени, еще напоминаетъ о былomъ роскошномъ своемъ состояніи, хотя вмѣсто прежнихъ посѣтителей, блестящихъ офицеровъ и знатныхъ красавицъ которыя щеголяли въ цвѣтущихъ аллеяхъ ловкостію и пудрой, прогуливаются теперь гіенны и шакалы, наводящіе тоску ночнымъ своимъ воемъ.

По части науки, Пондишери можетъ похвалиться богатой библіотекой, училищемъ для Европейскихъ дѣтей, институтомъ для молодыхъ дѣвицъ, подъ распоряженіемъ сестеръ св. Іосифа, первоначальной школой для дѣтей Малабрійцевъ всѣхъ религій, безплатнымъ училищемъ для парій христіанскихъ и Индійскихъ, и кромѣ того достаточнымъ числомъ другихъ народныхъ учебныхъ заведеній.

Правитель Пондишери имѣетъ подъ своимъ вѣдѣніемъ прочія владѣнія Франціи въ Индіи.

Digitized by Google

Почва земли въ окрестностяхъ города глинистая, смѣшанная съ пескомъ. Единственно трудолюбіе жителей и обиліе источниковъ поддерживаютъ тамъ плодородіе. Сборъ опіума и вывозъ соли отданъ на откупъ Англичанамъ, которые платятъ за то Франціи ежегодно милліонъ. Изъ красильныхъ веществъ наиболѣе извѣстны индиго и кіаія-веръ (oldenlandia inubenata); послѣднее вещество, соединенное съ корнемъ *ноны*, замѣняетъ Индійцамъ марену.

Обработка сарацинскаго пшена составляетъ основную питательную статью для жителей.

Въ XVII-мъ столѣтіи, до 1624 года, Португалія, Голландія и Англія были единственными обладателями богатой торговли Индіи. 20 лѣтъ спустя, Ришельё озаботился учредить компанію Восточной Индіи; но Франція лишилась, въ 1672, своей конторы на берегу Короманделя и основала колонію Пондишери, купленную у владѣтеля земли въ 1683 году. Это новое поселеніе возбудило зависть Голландцевъ, которые поспѣшили присвоить его себѣ на четыре года; но въ 1697 году Франція возвратила свою принадлежность. Въ началѣ XVIII столѣтія поселенія Англіи, Мадрасъ и Калькутта стали достигать своего благоденственнаго состоянія и превзошли всѣ Европейскія колоніи. Мало по малу Португалія и Голландія были отстранены, и въ состязаніе вступили Французы и Англичане; нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки право на драгоцѣнныя владѣнія. Знаменитый Типпо-Саибъ погибъ въ Серингапатамѣ, и наконецъ миръ 1814 года возвратилъ Франціи ея утраты. Нынѣ принадлежатъ ей на берегахъ Коромандельскихъ: Пондишери, Кариканъ и Іанонъ; въ Бенгаліи Кандернагоръ, и Маге на берегу Малабріи.

Парижскій трактатъ воспретилъ Франціи предпринимать работы на укрѣпленіе своихъ колоній въ Индіи, и даже содержать тамъ войска. Милиція Пондишери состоитъ изъ туземцевъ. Равнымъ образомъ запрещено имѣть ей тамъ болѣе 10 орудій, крайне необходимыхъ для защиты. Эти всѣ предосторожности держатъ Индійскія владѣнія Фран-

Digitized by Google

ціи въ совершенной зависимости отъ Англичанъ. Но отъ политическаго взгляда перейдемъ къ физіологическому

Индіецъ Пондишери роста средняго и сложенъ пропорціонально; взглядъ его полонъ живости, выраженіе лица умно и пріятно. Черты его почти вообще нѣжны и часто замѣчательной красоты. Его непринужденная и достойная осанка не похожа на жеманную поступь Негровъ, и цвѣтъ кожи его не такъ черенъ; впрочемъ оттѣнки ея весьма разнообразны.

Волосы свои они или брѣютъ или собираютъ въ косы. Мусульмане носятъ бороды, а другіе Индійцы одни усы. Также какъ въ Цейланѣ, женщины показались мнѣ уступающими въ статности тѣлосложенія мужчинамъ. Бетель и здѣсь въ не мѣньшемъ употребленіи. Женщины напитываютъ волоса и тѣло свое кокосовымъ масломъ и шафраномъ, полагая тѣмъ придать кожѣ пріятный цвѣтъ и запахъ. Одежда ихъ чрезвычайно легка: она состоитъ изъ длиннаго полотнища прозрачной ткани, которымъ окутываютъ средину тѣла, накидывая конецъ этого шарфа на плечо. Волосы женщины подбираютъ къ верху, заплетаютъ въ косы и прикалываютъ золотыми булавками. Уши, а иногда и носы увѣшиваютъ кольцами. Тѣ, которыя богаче, носятъ браслеты и цѣпи.

Одежда мужчинъ разнообразится по ихъ званію. Нисшій классъ довольствуется окутывающимъ поясницу и низходящимъ едва до колѣна кускомъ бумажной ткани и повоемъ изъ той же ткани на головѣ. Среднее сословіе носитъ бѣлую кисейную тунику, такіе же шаравары, изящно завитую чалму и обувь папуши. Высшее общество окутывается длиннымъ кисейнымъ платьемъ, рядится въ шаравары изъ шелковой матеріи, подвязывая ихъ богатымъ поясомъ. Всѣ они щеголяютъ золотыми и серебряными кольцами.

Индійцы язычники раскрашиваютъ себѣ лобъ кабалистическими знаками, какимъ-то страннымъ составомъ, въ который входятъ коровій навозъ, толченая сапань, или японское дерево, и тина рѣки Ганга, окрашенные въ различные цвѣта.

Digitized by Google

Они мѣняютъ узоръ и оттѣнки этихъ рисунковъ по значенію суевѣрныхъ предохраненій отъ болѣзней и религіозныхъ предразсудковъ.

Религія Индійцевъ составляетъ непроницаемый предметъ усердныхъ изслѣдованій. Въ основаніи своемъ она глубока и проста. Она признавала существованіе божества, отъ котораго все имѣетъ свое начало и въ нѣдра котораго все должно возвратиться. Это духъ безконечный и всемогущій, наполняющій вселенную, и причастный матеріи въ существахъ одушевленныхъ. Это верховное существо, духъ міра, есть Брама. Онъ, посредствомъ Ману, начерталъ книги Веды, которыя, спустя долгое время, были приведены въ порядокъ Віадзой (Viadsa) *.

Три великія силы: творческая, хранительная и разрушительная, олицетворили собою тройственное божество Брамы, Вишну и Сивы, которые составляютъ Индійское Тримурти или Тритвамъ.

Брама, божество верховное, отецъ боговъ и людей, творецъ всего, не имѣетъ своего храма. Имъ, кажется, менѣе всего занимаются люди его, которые полагаютъ его утомленнымъ отъ труда созданія, жаждущимъ покоя и не удостоивающимъ обращать взоръ свой на бѣдное созданіе **. Его изображеніе встрѣчается однако же въ храмахъ, посвященныхъ другимъ божествамъ. Его представляютъ о четырехъ лицахъ, сидящаго на гусѣ, держащаго въ одной рукѣ чашу, а въ другой жезлъ.

Вишну, божество охраняющее, изображается чернолицымъ, съ четырьмя руками, лежащимъ на чудовищѣ получеловѣкѣ и полу-птицѣ, держащимъ палицу, раковину, зе-

---

* Віаса.

** Всѣ вообще путешествующіе Европейцы по Индіи повторяютъ въ описаніяхъ религіи Индійской старыя басни своихъ предшественниковъ. *Ред.*

Digitized by Google

младѣльческую косу и цвѣтокъ. Многочисленная секта Вишну-бактеровъ отличается двумя чертами, проведенными по лбу. Исповѣдники этой религіи приносятъ жертвы отъ плодовъ, цвѣтовъ и елея. Вишну приписываютъ 10 воплощеній и несчетное множество превращеній; говорятъ, что, принявъ видъ получеловѣка и полульва, онъ низвергнулъ противниковъ неба и земли.

Сива, богъ разрушенія и возрожденія, представляется подъ видомъ упоеннаго виномъ человѣка, черноголовый, покрытый пепломъ, о трехъ очахъ, сидящій верхомъ на тельцѣ. Иногда ему даютъ также четыре руки и пять головъ, изъ которыхъ каждая украшена полумѣсяцемъ. Нерѣдко обожаютъ его подъ видомъ лингама, священной эмблемы возрожденія. Передъ нимъ горитъ неугасимая лампада, которой свѣтильникъ служитъ символомъ неизсякаемости рода человѣческаго. Замужнія женщины носятъ лингамъ изъ золота или серебра, въ маленькихъ медаліонахъ, для полученія дара плодородія. Жрецы, посвятившіе себя служенію лингама, также носятъ его знаки, но они обрекаютъ себя безбрачію.

Послѣдователи Сивы отличаются тремя линіями на лбу, начертанными въ видѣ полумѣсяца надъ носомъ.

Двѣ великія богини Индійцевъ: Лакшми и Дурга. Первая, супруга Вишну, богиня счастія и всѣхъ благъ, изображается сидящей на листкѣ лотоса съ гитарою въ рукѣ. Вторая, супруга Сивы, жестокая и воинственная, дѣйствуетъ сотнею рукъ, попираетъ ногами великана, котораго пронзаетъ пикой. Индійцы боготворятъ еще великое множество другихъ втораго разряда божествъ.

Брамины, или брамы, суть жрецы и философы Индіи. Ихъ религія возвышеннѣе и духовнѣе народной.

Храмы, посвященные браминическому служенію, которымъ Европейцы дали имя пагодъ, называются Индійцами *девали*. Эти храмы представляютъ четырехъугольное зданіе, окруженное галлереей изъ столбовъ; при каждомъ храмѣ есть бассейнъ, гдѣ совершаютъ омовенія.

Digitized by Google

Одна изъ замѣчательнѣйшихъ пагодъ въ Индійскихъ владѣніяхъ Франціи находится въ двухъ миляхъ отъ Пондишери. Она посвящена богу Сивѣ. Мы посѣтили этотъ храмъ, по обычаю тамошней ѣзды, въ *паланкинахъ*, носилкахъ, устроенныхъ изъ бамбуковой трости, въ видѣ ящика съ дверцами, устланнаго мягкими подушками, подъ навѣсомъ богатаго балдахина, убраннаго бахрамой и кистями. Этотъ способъ ѣзды довольно быстръ, но чрезвычайно непріятенъ для непривычныхъ. Потрясенія отъ бѣга носильщиковъ причиняютъ тошноту въ родѣ морской болѣзни. Эти ребяты носильщики (boys) означаютъ мѣру хода крикомъ: хо-хо, хо-хо! Ихъ ремесло принадлежитъ къ самымъ тяжкимъ. Можно себѣ представить, что̀ такое бѣжать подъ тяжелой ношей, обливаясь тропическимъ зноемъ.

Двѣ широкія четырехъугольныя двери ведутъ во внутренность храма. Эти двери украшены зубчатыми карнизами и головой о трехъ рогахъ, встрѣчаемой на всѣхъ Индійскихъ храмахъ. Весь фасадъ украшенъ великолѣпными барельефами изображеній боговъ и фантастическихъ животныхъ, самой отчетливой, тончайшей и прочнѣйшей работы, сохранившейся въ продолженіе несчетныхъ вѣковъ.

Сколько думъ наводятъ величіе, древность и безмолвіе этихъ памятниковъ временъ, о которыхъ самое сказаніе уже стерто, но которые устояли нерушимыми и нѣмыми свидѣтелями столькихъ переворотовъ на землѣ!

Странныя изваянія на внутренней сторонѣ дверей сохранились не до такой степени, какъ снаружи. Пластика представляетъ женщинъ или богинь, всѣхъ болѣе или менѣе искаженныхъ. Фигура самая замѣчательная и наиболѣе уцѣлѣвшая представляетъ стоящую женщину, которая смѣло подпираетъ бокъ рукою, въ другой рукѣ держитъ огромнаго змѣя, съ силой сжимая его, и животное описываетъ въ воздухѣ большой кругъ надъ ея головою. Лице женщины сіяетъ веселіемъ, волосы лежатъ прядями на лбу, цѣпи обвиваютъ шею. Высокая дѣвственная грудь ея обнажена, вы-

Digitized by Google

сокія бедра рисуются подъ короткой туникой; во всей постановкѣ ея дышетъ нѣга и сладострастіе.

На вершинѣ храма поставленъ высокій шестъ, на которомъ выкидывается флагъ во время празднества. При входѣ стоитъ бронзовая телица — стража пагоды, животное священное для Индійцевъ. Но болѣе всего поражаетъ пятиголовое изображеніе Сивы, бросающее грозные взгляды на униженныхъ своихъ обожателей. Не въ дальнемъ отъ святилища разстояніи находится неизбѣжный очистительный бассейнъ, въ глубь котораго ведетъ прекрасная каменная лѣстница.

Нашъ вожатый — полу-Индіецъ, полу-Французъ — провелъ насъ подъ навѣсъ таинственнаго сарая, гдѣ тщательно сберегаютъ деревянныхъ лошадей и телицъ, на которыхъ путешествуютъ боги въ дни великихъ празднествъ. Наше появленіе перепугало стаи летучихъ мышей, которыя стали сновать во всѣхъ направленіяхъ, укрываясь подъ защиту фантастическихъ животныхъ.

Внѣ храма указали намъ на огромную колесницу Сивы. Эта махина подымается двумя тысячами человѣкъ. Весь кузовъ экипажа покрытъ рѣзьбой, изображающей большею частію неприличные предметы, потому что Сива представляетъ не только символъ разрушенія, но и символъ возникновенія или возрожденія.

Намъ оставался осмотръ внутренности святилища. Наше посѣщеніе возбудило любопытство браминовъ и баядерокъ, ихъ миленькихъ спутницъ. Двѣ или три изъ этихъ прекрасныхъ подругъ подошли къ статуѣ Сивы. Онѣ смѣялись и болтали между собой очень привѣтливо, красуясь передъ нами; но строгій и недовѣрчивый взглядъ одного изъ старцевъ заставилъ ихъ удалиться. Намъ позволено было ступить на порогъ святой обители, и оттуда мы старались проникнуть взоромъ какъ можно глубже; но кромѣ нѣсколькихъ деревянныхъ и бумажныхъ телицъ не могли ни чего видѣть. Изрѣдка мелькали передъ нами служители храма,

Digitized by Google

и, разумѣется, вниманіе наше сугубо обращалось на служительницъ — баядерокъ.

Нельзя себѣ представить ничего эѳирнѣе и граціознѣе костюма этихъ хорошенькихъ созданій. Легкій газовый шарфъ обвиваетъ облакомъ ихъ тѣло, закидывается на плечо и опускается назадъ. Короткая и узкая юбка, обшитая золотыми галунами, обнимаетъ гибкій станъ. Шелковые шаравары опускаются до щиколотки, открывая ногу — драгоцѣннѣйшее украшеніе баядерки, которой танцы составляютъ религію, славу и жизнь.

Смоляныя пряди волосъ ихъ, собранныя на затылкѣ головы, украшены золотыми бляхами и ароматными цвѣтами. Руки ихъ обнажены до плеча и покрыты браслетами, а шея цѣпями; на ушахъ и на носу навѣшаны золотыя кольцы. Всѣ эти частности, начиная отъ металлическихъ украшеній, отъ прозрачнаго газа, полускрывающаго смуглое упругое тѣло, до пламенныхъ черныхъ глазъ, все это роскошное соединеніе представляетъ роскошное цѣлое.

Пляска баядерокъ не имѣетъ отчетливыхъ движеній и прыжковъ нашихъ странъ, но медленныя, полныя граціи и нѣги движенія, страстные порывы, огненные взгляды и неописанные перегибы стана, даютъ этой пляскѣ жизнь, непонятную въ нашихъ классическихъ танцахъ. Эти тысячи различныхъ положеній, эта сладострастная пантомима невообразимы; это языкъ желаній, томленія страсти и ревности даже до отчаянія. Пляска *кинжала* и пляска *голубя* занимаютъ первое мѣсто въ ихъ репертуарѣ. Послѣдняя состоитъ изъ быстраго кружка, отъ котораго легкія юбки танцовщихъ надуваются пузыремъ.

Баядерки раздѣляются на два класса: однѣ принадлежатъ храму и посвящены служенію, другія служатъ увеселеніемъ на пиршествахъ, за условную плату. Первыя отдаются своему назначенію съ дѣтскаго возраста; ихъ выбираютъ изъ ремесленныхъ классовъ. Каждое семейство, въ которомъ четыре дочери, обязано отдать одну храму

Digitized by Google

Находятся родители, которые посвящаютъ дочерей своихъ и безъ этого условія; тогда жрецы выбираютъ изъ нихъ прекраснѣйшихъ. Ихъ послушничество состоитъ въ исполненіи безпрерывныхъ плясокъ въ честь боговъ. Если брамины почему-нибудь бываютъ недовольны плясуньями, то отдаютъ ихъ обществу. Онѣ поступаютъ подъ присмотръ назначенной для того женщины, которая нанимаетъ ихъ на торжественныя празднества. У набабовъ и раджей почитается роскошью имѣть на жалованьѣ множество баядерокъ.

Одежда браминовъ не многосложна. Тѣло ихъ обнажено по поясъ, кусокъ бѣлаго полотна обвертываетъ ихъ до пятъ. Лобъ, руки и грудь ихъ размалеваны бѣлыми полосами. Они брѣютъ голову и покрываютъ ее во время служеній. Многіе изъ нихъ носятъ *лингамъ*, какъ символъ возрожденія.

Мы попали на празднества *Гелама*, торжествуемыя въ продолженіе девяти ночей пышными процессіями. Это самыя эффектныя сценическія представленія въ огромныхъ размѣрахъ. Въ главѣ шествія идутъ два слона подъ пестрою группою народа съ яркими знаменами. Слоны поминутно движутъ ушами и грознымъ хоботомъ. Они идутъ медленной поступью впереди двухъ безобразныхъ картонныхъ болвановъ, изображающихъ идоловъ, которыхъ заставляютъ исполнять самый странный мимическій смыслъ. По обѣимъ сторонамъ улицы течетъ толпа народа въ бѣломъ одѣяніи, съ священными трофеями надъ головой; за толпой идутъ трубачи. Этотъ общій хаосъ народа представляетъ истинную вакханалію.

На долгихъ носилкахъ, подымаемыхъ шестью человѣками, горитъ кокосовое масло, смѣшанное съ коровьимъ навозомъ. Въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи поставлены факельщики, окружающіе виновника празднества, несомаго подъ богатымъ балдахиномъ. Въ первые дни процессій это божество сокрыто отъ глазъ правовѣрныхъ; оно является видимымъ въ послѣдній день Гелама.

Digitized by Google

Эта одна процессія можетъ разплодиться въ поразительныхъ декораціяхъ различнаго рода.

По вѣрованію Индійцевъ душа съ самаго рожденія назначается добру или злу. Въ часъ смерти она предстаетъ предъ правосуднаго духа Ямо, который присуждаетъ ей по достоинству, или обратиться въ божественную эссенцію, которой она составляетъ собою отблескъ, или низвергнуться въ преисподнюю, въ послѣдовательное превращеніе въ различныхъ животныхъ, чтобы по очищеніи войти опять въ душу человѣка для новыхъ испытаній.

Есть въ Индіи особенный классъ фанатиковъ, которые созерцательною, безстрастною жизнію домогаются вѣчнаго блаженства. Они обрекаютъ себя совершенному забвенію міра сего и удаленію въ пустыни, гдѣ питаются одними кореньями и становятся въ разныя неловкія и трудныя положенія, въ которыхъ пребываютъ какъ можно долѣе и всю даже жизнь, если только станетъ силы, полагая тѣмъ приблизиться къ душѣ всемірнаго божества. Этихъ фанатиковъ называютъ *факирами*. Встарину встрѣчалось ихъ по разнымъ трущобамъ великое множество; нынѣ жъ число ихъ гораздо уменьшилось, и вообще Индійскій набожный фанатизмъ остылъ въ наше время.

Долго считалось священной обязанностію женщины не переживать своего мужа, и въ духѣ религіознаго предразсудка сжигать себя на его прахѣ. Этотъ ужасный обычай былъ введенъ брамінами, которые употребляли всѣ средства для возбужденія фанатической привязанности жены къ мужу и храненія въ святости чистоты семейныхъ нравовъ, служащей основою храненія чистоты и святости общественной, слѣдовательно обще-человѣческой. Жертва сожженія себя не была постановлена закономъ, но поддерживалась предразсудкомъ. Такіе подвиги любви уже почти вышли изъ употребленія; однако, за нѣсколько дней до нашего прибытія въ Пондишери, сказывали намъ, что будто какая-то вдова рѣшилась войти на костеръ.

Digitized by Google

Съ приближеніемъ кончины, каждый Индіецъ, живущій въ окрестностяхъ Ганга, желаетъ видѣть передъ смертію воды этой священной рѣки. Обитатели другихъ странъ влекутся къ другимъ рѣкамъ, почитаемымъ благословенными свыше. Тѣла ихъ сжигаютъ, но иногда и погребаютъ.

Правила религіи и нравственности хранятся въ книгахъ *Веды*, писанныхъ мудрымъ Ману, по вдохновенію самого Брамы. Изъ этого источника произошли четыре *упаведы*, шесть *анья*, *упаны* и *пураны*.

Законы Ману непреклонно строги. Они приговариваютъ каждаго вора быть посаженнымъ на колъ, прелюбодѣя на растерзаніе псамъ и на сожженіе на маломъ огнѣ; оказавшаго неуваженіе брамину на изъязвленіе языка острымъ раскаленнымъ желѣзомъ.

Брамины представляютъ главу, мыслительную силу общества. Имъ принадлежитъ право и знаніе духовнаго смысла книгъ священныхъ, служеніе божеству и посвященіе другихъ кастъ общества въ тайны религіи. Они присутствуютъ въ храмахъ, при тронахъ царственныхъ, въ совѣтахъ государства, въ верховныхъ судилищахъ и правительственныхъ мѣстахъ. Они наблюдаютъ изящную простоту въ жизни и въ одеждѣ, питаются овощами, молокомъ и зерномъ, имѣютъ отвращеніе къ яству мясъ. Но эта каста, когда-то высокая по достоинству, переродилась.

Чатріямъ была ввѣрена исполнительная власть, приведеніе въ дѣйствіе закона мысли.

Вайсіи заправляли торговлей.

Судры обречены были заботамъ трудовъ земледѣльческихъ, ремесленному промыслу и домашнимъ работамъ. Въ цѣлости своей члены этой касты исполняли свое назначеніе по долгу; нынѣ они требуютъ за то платы. Судрамъ, допускаемымъ къ обрядамъ наружнаго богослуженія и богопочтенія, было возбранено чтеніе и объясненіе законовъ.

Ослушники или преступники кастъ, посягающихъ на права другой касты или нарушающіе ея постановленія, вы-

Digitized by Google

кидывались изъ тѣла общественнаго въ особенный отдѣлъ *парієвъ*, вообще презираемыхъ.

Индіецъ исключался изъ касты своей за общеніе съ другою кастою, за употребленіе упоительныхъ напитковъ и за тьмы проступковъ, на которыя теперь смотрятъ очень снисходительно. Изгнаніе изъ касты своей почитается для Индійца высочайшимъ наказаніемъ.

Кромѣ главныхъ отдѣловъ сословій, каста судровъ подраздѣляется еще на многія другія, которыя классифируютъ ремесла.

Въ настоящее время всѣ эти раздѣлы послѣдней касты, *судра*, ограничиваются двумя сословіями: лѣвой и правой руки, и въ нихъ всѣ рабочіе классы народа.

Въ общежитіи Индійцы кротки, сносливы и замѣчательно вѣжливы. Умъ ихъ живъ и проницателенъ. Ихъ бесѣда всегда одушевлена, не смотря на спокойствіе темперамента. Ни что не можетъ уподобиться ихъ воздержности: сарацинское пшено, плоды и овощи составляютъ ихъ пищу, вода почти единственное ихъ питье, вино и водка имъ неизвѣстны. Они очень наклонны ко всякаго рода сценическимъ представленіямъ; фокусники и балдерки составляютъ ихъ любимое развлеченіе.

Гуни или *малла* — фокусникъ-магнитизеръ змѣй, исполняетъ въ тоже время должность врача и отводчика глазъ, обморочивающихъ зрѣніе. Гуни начинаетъ свои чарованія воззваніемъ къ богамъ и краткой рѣчью къ обществу; потомъ произноситъ скороговоркою кабалистическія слова. Искусно крадетъ изъ-подъ колпаковъ положенные на столъ шары, глотаетъ камни и возвращетъ ихъ съ усиліями и натугами, не слишкомъ сообразными со вкусомъ изящества. Такія и подобныя штуки заключаютъ первый отдѣлъ представленія. Гуни беретъ волынку и, наигрывая странную арію, вызываетъ изъ корзины змѣй и заговариваетъ ихъ звуками и магнитизмомъ.

Digitized by Google

Славные испытатели наукъ, астрономіи и математики, составлявшіе въ древности славу Индійцевъ, совершенно изсякли. Архитектура пала, музыка находится въ непонятномъ состояніи варварства, живопись представляетъ безобразную путаницу. Уроженцы этого края, кажется, созданы для созерцательной жизни. Одни ремесленники и хлѣбопашцы одарены дѣятельностію, и эти послѣдніе классы необыкновенно искусны въ своихъ занятіяхъ.

Ручныя работы запрещены браминамъ, которымъ разрѣшено испрошеніе подаянія. Индіянки не имѣютъ права учиться грамотѣ. Обязанности супруги, матери и хозяйки дома составляютъ для нихъ все. Хотя обычаи и законы допускаютъ многоженство, но Индійцы обыкновенно довольствуются одной женою.

Французское общество Пондишери отличается гостепріимствомъ, которое свято наблюдалось креолами всѣхъ нашихъ колоній. Мы почитали себя счастливыми въ этомъ кругу, въ которомъ мы перенеслись мысленно за нѣсколько тысячь миль, на родину.

Страшные враги Европейцевъ въ Пондишери — мошки, которыхъ безпрерывное уязвленіе обращается въ настоящее бѣдствіе, и зной, доходящій въ тѣни до 40°. Наши соотечественники не покидаютъ укрытыхъ жилищъ своихъ ранѣе вечера, выѣзжаютъ на лошадяхъ или на буйволахъ. Европейцы весьма трудно свыкаются съ климатомъ. Въ первые полгода запасныя силы поддерживаютъ ихъ, но далѣе начинаются всѣ страданія отъ зноя, отъ мошекъ, отъ ослабленія, доходящія до отчаянія. Инымъ восьми и десяти лѣтъ бываетъ недостаточно на привычку къ климату, а инымъ нѣтъ возможности свыкнуться съ враждебной температурой во всю жизнь.

Произведенія Индійскія уже вычислены были выше. Индиго, кожи и бумажныя ткани составляютъ основу ихъ промышленности. *Гвинейское* бумажное полотно частію, окра-

Digitized by Google

шенное въ синюю краску, имѣетъ сбытъ въ Африку и Антильскіе острова. Въ Англійскихъ колоніяхъ Короманделя производятъ ткани тончайшей доброты, подъ названіемъ *салампуръ*, и платки краснаго цвѣта подъ названіемъ *мазулипатамъ*. Бенгалія производитъ кисеи (nansouques) конечнаго совершенства. *Mallemoles* называются кисеи мальдскія. Индіянки наиболѣе употребляютъ этотъ родъ. *Doreas* такой же доброты вывозятся въ Америку и въ Антильскіе острова. *Сирсака*, *систресай*, *канадари* — матеріи шелково-бумажныя, производимыя на фабрикахъ на Угли и въ Баласорѣ. Платки *burgos* на фабрикахъ Коромандельскихъ. Тамъ производятся также ткани полушелковыя. Шелковыя Бенгальскія ткани считаются лучшими въ Индіи. Оттуда посылаетъ она свои произведенія въ Коромандель, и получаетъ въ замѣнъ голубое гвинейское полотно, платки, соль и кораблестроительный лѣсъ. Съ береговъ Короманделя отправляютъ въ Цейланъ гвинейское полотно и платки, на обмѣнъ кокоса и *арека* (arek).

Монеты, употребляемыя въ Пондишери: *рупіи* въ цѣну 2 фр. 77 сентимовъ. Золотая *пагода* есть сравнительная монетная единица, цѣнностію въ 8 франковъ и 31 сантимъ. Пагодъ уже очень мало въ оборотѣ въ Индіи. Пагода Пондишери подраздѣляется на *рупію*, сереб. монету, *фанонъ* и *кажъ*. 24 фанона составляютъ пагоду, 8 фановновъ рупію; въ фанонѣ 60 кажъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ЛИЦИНУ *.

ОДА X. КНИГА II.

Счастливѣй проживешь, Лицинъ, когда спѣсиво
Не станешь вдоль пучинъ прокладывать слѣдовъ,
Иль, устрашаясь бурь, держаться болязливо
Невѣрныхъ береговъ.

Златую кто избралъ посредственность на долю,
Тотъ будетъ презирать — покоенъ до конца —
Лачугу грязную и пышную неволю
Завиднаго дворца.

Грозней дыханье бурь для исполинской ели,
И башни гордыя съ отвѣсной высоты
Тяжелѣ рушатся. Громамъ нѣтъ ближе цѣли,
Какъ горные хребты.

Мудрецъ надѣется, коль удрученъ судьбою,
И слѣпо счастію не станетъ довѣрять;
Юпитеръ, посѣтя суровою зимою,
Помилуетъ опять.

Коль плохо намъ теперь, не тоже обѣщаетъ
Грядущее: подъ часъ подъемлетъ цитры звонъ
У музы смолкнувшей, и лукъ свой напрягаетъ
Не вѣчно Аполлонъ.

Отваженъ и могучъ, не бойся ты несчастій,
Но мудро убирай, хоть ясны небеса,
Хотя попутенъ вѣтръ, да не подъ силу снасти,
Тугіе паруса.

Н. Фетъ.

---

* Лицинъ, по мнѣнію толкователей, Lizinius Varro Muraena, братъ супруги Мецената (Terentia) и всадника (Proculejus Varro Muraena), раздѣлившаго вторично съ братьями отцовское наслѣдство. Его-то поэтъ укоряетъ въ неровности характера и въ неумѣніи сообразоваться съ обстоятельствами.

Digitized by Google

НОЧЬ ВЪ КАЮТѢ.

ФАНТАЗІЯ.

(*Изъ Гейне*).

Есть въ морѣ свой жемчугъ блестящій,
И въ небѣ есть звѣзды свои;
А сердце мое сохраняетъ
Свой кладъ драгоцѣнный — любовь.

Богаты и море, и небо,
Но сердце богаче мое,
И ярче, чѣмъ жемчугъ и звѣзды,
Горитъ въ немъ и свѣтитъ любовь.

О милая дѣва-малютка!
Тебя мое сердце зоветъ!
И сердце, и море, и небо —
Всѣ полны любовью одной.

—

Къ своду неба голубому
Гдѣ такъ чудно блещутъ звѣзды,
Крѣпко, пламенно устами
Я прильнулъ бы и заплакалъ,

Эти звѣзды — очи милой;
Тамъ онѣ въ лучахъ игривыхъ,
Такъ привѣтно мнѣ сверкаютъ
Съ голубаго небосвода.

Къ своду неба голубому;
Къ милымъ глазкамъ дѣвы милой,
Страстно руки простираю,
И прошу, и умоляю:

Digitized by Google

Прелесть очи! радость очи!
Душу мнѣ воспламените!
Пусть умру я, но достану
Васъ самихъ и ваше небо.

—

Изъ очей небесныхъ сверху
Искры падаютъ, мерцая,
И душа въ восторгѣ млѣетъ,
Ихъ съ любовью принимая.

О небесныя! излейте
Въ сердце мнѣ участья слезы:
Пусть отъ нихъ душа скитальца
Благотворно оживится.

Убаюканный волнами
И мечтательною думой,
Я лежу, качаясь въ койкѣ,
Будто въ темной колыбели.

И любуюсь въ люкъ открытый
Неподвижными звѣздами —
Дѣвы сердца пенаглядной
Лучезарными очами.

Очи милыя сверкаютъ
Надъ моею головою,
И звучатъ онѣ и манятъ
Къ своду неба голубому.

Часъ за часомъ улетаетъ;
Долго я на сводъ лазурный
Все гляжу, пока туманомъ
Очи милыя подернетъ.

—

Digitized by Google

Въ досчатую стѣну фрегата,
Куда я лежу головой,
Бьютъ съ ревомъ сердитыя волны,
И слышу ихъ говоръ глухой:

«Мечтатель! оставь свои грезы:
До неба тебѣ далеко;
Прекрасны желанья и слезы, —
Тѣ звѣзды стоятъ высоко;

Оставь свои глупыя грезы
Съ безумной любовью своей!
Усни, безпокойный мечтатель,
Усни, — это будетъ умнѣй!»

И снилось мнѣ: въ пустынѣ отдаленной
Лежатъ снѣга глубокіе кругомъ,
И въ тѣхъ снѣгахъ лежу я погребенный,
И тихо сплю могильнымъ, хладнымъ сномъ,

И надъ моей пустынною могилой,
Какъ свѣточи небесные, горятъ
Лазурные глаза подруги милой,
И на меня съ любовію глядятъ.

Ѳ. Миллеръ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЖЕНЩИНА-БАРОМЕТРЪ.

ПОВѢСТЬ КСАВЬЕ САНТИНА.

I.

Эдуарду Люге Кипріяну Фурнье.

Оксеръ, 15 марта 184.... года.

Любезный другъ!

Читаю и перечитываю въ послѣднемъ письмѣ твоемъ слѣдующія строки: «Женни Буронъ, говорятъ, выходитъ скоро замужъ; свадьба будетъ весной, въ замкѣ Невиль, въ Нормандіи; говорятъ, что женихъ очень хорошъ.»

Спасибо за твое заботливое сообщеніе всѣхъ слуховъ, которые носятся въ великомъ градѣ; могу ли я быть равнодушенъ ко всему, что̀ тамъ дѣлается, я, бѣдный Парижанинъ, котораго г. министръ держитъ въ постоянномъ изгнаніи въ продолженіе осьми мѣсяцевъ въ году.

За эту новость я угощу тебя другою, нѣсколько попространнѣе твоей, но вѣроятно не менѣе для тебя любопытной, потому что она касается до лучшаго изъ друзей твоихъ, то есть, до меня самого.

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ первый объѣздъ мой по новой должности помощника инспектора финансовъ, во время довольно продолжительнаго пребыванія въ маленькомъ городкѣ одной изъ богатѣйшихъ нашихъ провин-

Digitized by Google

цій, пришла мнѣ на память живущая по близости премилая старушка, искренній другъ матери моей, и которая знавала меня еще ребенкомъ.

Ея помѣстье было не далѣе, какъ въ двухъ миляхъ. Позавтракавши, я отправился въ ней въ гости.

Погода была безподобная; тучи показались было съ юга, но онѣ только погрозили, и я, здравъ и невредимъ, добрался до доброй знакомки, которая встрѣтила меня радостно, какъ роднаго сына, и первымъ требованіемъ ея было, чтобъ я остался у нее на цѣлую недѣлю. Мы поторговались, и кончили на томъ, что она пошла готовить мнѣ комнату на одни сутки; таково было мое твердое намѣреніе.

Пользуясь ея отсутствіемъ, я развалился на диванѣ въ маленькой гостиной нижняго этажа, окна которой выходили въ цвѣтникъ и на обширный огородъ.

Окружающее меня безмолвіе этого тихаго убѣжища быстро подѣйствовало на раздражительные мои нервы.

Намъ, Парижанамъ, необходимы шумъ и движеніе, — это наши элементы; уединеніе и тишина понятны намъ только въ минуту внутренней тревоги, при помыслахъ любви или при грезахъ славы; безмолвное созерцаніе можетъ преобладать нами только въ тѣ мгновенія, когда глаза наши обращаются на предметъ, волнующій и возбуждающій мысль, а ухо слышитъ между тѣмъ, по долетающимъ звукамъ, что жизнь не далека отъ насъ. Въ ту пору я не думалъ ни о любви, ни о славѣ, ни о созерцаніи; въ головѣ моей составлялся только рапортъ окружному инспектору; а для развлеченія отъ этой недвижной идеи, взоры мои блуждали по грядамъ артишоковъ и капусты, слуха же моего не щекоталъ ни малѣйшій отголосокъ, ни мычаніе стадъ, ни щебетаніе птички, ни звукъ отдаленной пѣсни. Я вскочилъ съ мѣста, вышелъ на воздухъ и сталъ осматривать наружность дома; и тутъ не было ни малѣйшаго движенія. Сторы въ окнахъ были опущены, окрестности пустынны, ни облачка, ни ла-

Digitized by Google

сточки въ небѣ. Чтобъ укрыть себя отъ полуденнаго зноя, который становился нестерпимымъ, я своротилъ въ крытую аллею парка.

Но и тамъ какъ-будто воцарилось безмолвіе. Ни малѣйшаго шороха въ кустахъ, ни шелеста листьевъ, ни стрекотанья кузнечика, ни стона голубки. Каждая травка и каждая вѣточка торчали неподвижно, какъ копья. Можно было принять всю эту растительность за окаменѣлую или искусственную. Двадцать разъ покушался я схватить какую-нибудь вѣтку, чтобъ, потормошивъ ее съ досадою, доставить себѣ наслажденіе хоть какимъ-нибудь шумомъ. Это была такая пошлая, исключительная тишина, какой не случается испытывать даже въ обители отшельниковъ.

Тоска овладѣла мной до отчаянія, и я вдругъ принялъ насильственную мѣру. «Нѣтъ, сказалъ я самъ себѣ: ни за что не останусь здѣсь цѣлыхъ сутокъ, ни одного часа долѣе! Я умру, если тотчасъ отсюда не уѣду.» Сказавши это, я сталъ искать средства, чтобъ вывести себя изъ этого непріятнаго положенія, въ которое попалъ по собственному произволу.

Однако средство не давалось, не смотря на усиліе моего воображенія, которое подъ конецъ такъ истощилось, что въ бѣдной головѣ моей опять остался одинъ проклятый рапортъ, источившій мнѣ весь мозгъ.

Я исчисляю эти подробности, милый другъ, для того, чтобъ дать тебѣ понятіе о расположеніи моего духа, вовсе не приготовленнаго на приключеніе, которое непосредственно за тѣмъ послѣдовало.

Покуда думалъ я и передумывалъ, старушка неожиданно явилась передо мною. Она пришла со мной побесѣдовать. Побесѣдовать съ пріѣзжимъ, на языкѣ деревенскихъ жителей, значитъ наложить на него повинность всеобщаго обзора, отъ погребовъ до чердаковъ, отъ хлева до кабинета. Дѣлать было нечего, — я отдалъ себя на жертву.

Мы обошли паркъ, огородъ, скотный дворъ, коровникъ и паствы; хозяйка моя соединяла въ себѣ два совершен-

Digitized by Google

ства — любезной владѣтельницы замка и опытной хуторянки, что̀ и взбѣсило меня до крайности, потому что осмотръ нашъ распространился не только по обширности ея владѣній, но и по обширности ея прикладныхъ свѣдѣній. Увѣряю тебя, милый мой, что, не смотря на глубокое уваженіе къ достойной женщинѣ, одолѣвшая меня скука и досада дошли до неистоваго, изступленнаго состоянія; слушая разсказы ея о шпалерахъ, о стрижкѣ овецъ, объ утучненіи скота, и отвѣчая не впопадъ, я не переставалъ думать о побѣгѣ, однако ни какъ не находилъ къ тому порядочнаго предлога. Инспекторскій докладъ становился мнѣ поперегъ каждаго добраго соображенія, и вдругъ самъ окружный инспекторъ вдохновилъ меня внезапно. Прекрасно! — сказалъ я самъ себѣ, увѣрю ее, что получилъ письмо въ самую минуту моего отъѣзда, и въ торопяхъ не успѣлъ прочесть его до конца. Этимъ письмомъ извѣщаютъ меня о проѣздѣ инспектора, къ которому, не медля ни минуты, я долженъ выѣхать на встрѣчу.

Мы уже подходили къ дому, и вдругъ представился мнѣ длинный рядъ покоевъ, безконечныя лѣстницы и переходы. Собравшись съ духомъ, я схватилъ рѣшительнымъ движеніемъ за руку мою собесѣдницу, и, переступая порогъ, сказалъ ей:

— Мнѣ надо вамъ довѣрить затрудненіе, въ которомъ нахожусь я.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала она, — и прекрасно: я очень люблю довѣренности всякаго рода; говори, мой милый.

— Окружный инспекторъ.... началъ я, но раздавшійся звонокъ прервалъ готовую рѣчь.

— Слышишь ли зовъ къ обѣду?—перебила моя спутница: — веди меня къ столу, а подкрѣпивъ силы, ты довѣришь мнѣ свою тайну.

Мы такъ много ходили въ это утро, что изъ всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ способностей моихъ я почувствовалъ голодъ сильнѣе прочихъ. Обѣдъ представился мнѣ облегченіемъ самой скуки, — и подалъ привѣтливо руку своей дамѣ.

Digitized by Google

При входѣ въ столовую насъ встрѣтилъ чопорный старичекъ. Онъ подошелъ по старинному обычаю къ ручкѣ хозяйки. Она представила меня ему, какъ другу дома и близкому сосѣду. Слава Богу, подумалъ я, насъ будетъ трое. Я терпѣть не могу за столомъ быть глазъ на глазъ. Столъ былъ однако же накрытъ на четыре прибора.

Надобно тебѣ сказать, любезный другъ, что я давно уже излечился отъ немощей первой молодости, давно уже прошло то время, когда я уносился воображеніемъ на срѣтеніе безумной любви, когда я создавалъ ее и вѣрилъ ей, тогда какъ она существовала только въ головѣ моей. Я былъ великій мечтатель; нынѣ же я человѣкъ самый положительный во всей Франціи. Я могу мечтать только о моемъ служебномъ повышеніи, заботиться только о *хлѣбныхъ* свѣдѣніяхъ и наукахъ. Ужъ конечно не физика и не астрономія могутъ повергнуть насъ въ сумазбродство.

Однако не смотря на то, Богъ знаетъ, почему этотъ четвертый приборъ навелъ на меня мечтательное раздумье, какъ-будто головокруженіе. Скука, уничтожавшая меня за минуту предъ тѣмъ, замѣнилась чувствомъ необъяснимаго удовольствія, которое я по сію пору не могу истолковать иначе, какъ предчувствіемъ и сочувствіемъ.

Никто не вымолвилъ мнѣ ни слова объ особѣ, ожидаемой на мѣсто четвертаго прибора, и ужъ я сажалъ на него мысленно статное, красивое существо, окутанное газомъ, кисеей, летучими лентами; я уже видѣлъ прикасающуюся прозрачную розовую ручку къ лежащимъ на бѣлой скатерти ножу и вилкѣ. Каково же было мое удивленіе, когда, въ самомъ дѣлѣ, изъ отворенной двери показалась дѣвушка блѣдная, но прекрасная собой и стройная.

Ты, пожалуй, подумаешь, что я влюбился съ перваго взгляда; напротивъ того, эта прекрасная дѣвица произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе. Суровое и угрюмое лице ея отталкивало и охлаждало. Она едва поклонилась маленькому нашему собранію, которое давно уже ожидало

Digitized by Google

ее, и во все продолженіе обѣда сидѣла согнувшись небрежно, съ полузакрытыми глазами, въ совершенномъ отсутствіи отъ всего, что происходило вокругъ нее. Напрасно хозяйка наша, по праву бабушки, — потому что красавица была ея внучка, — значительно кивала ей головою: она не замѣчала ни чего; въ ея какомъ-то нерасположеніи духа было не только невниманіе ко всему, но даже презрѣніе и досада.

Сосѣдъ, какъ привычный къ домашнимъ обычаямъ и какъ истинный деревенскій житель, занимался единственно существенными удовольствіями обѣда. Старушка, утомленная тщетными усиліями, молчала, и трапеза наша становилась довольно незанимательна. Я задумалъ оживить ее: присутствіе хорошенькой женщины, хоть и причудливой и вовсе не милой, легко располагаетъ меня къ болтливости. Я разговорился и, кажется, довольно удачно; за нѣсколько счастливыхъ словъ сосѣдъ изъявилъ мнѣ свое удовольствіе, старушка улыбнулась, а *она* продолжала смотрѣть холодно презрительно, и — опротивѣла мнѣ совершенно.

Кажется, что отъ такого впечатлѣнія до страстной любви цѣлая вѣчность. Не такъ ли, другъ? — Анъ нѣтъ.

Я и не замѣчалъ, что вступилъ уже на путь. Мнѣ было суждено выйти изъ этой столовой комнаты не иначе, какъ уязвленному такой искренней, сильной страстію, которая теперь и жжетъ, и счастливитъ меня, и преисполняетъ надеждой. Уже поданы были плоды и лакомства, какъ вдругъ гроза, которая съ утра хмурила небо и парила электрическимъ зноемъ, разразилась страшнымъ громовымъ ударомъ. Вѣтеръ заревѣлъ, гоняя облака. Деревья парка крутились подъ огненнымъ небомъ, горизонтъ воспламенился. Зрѣлище было великолѣпное.

Чтобы полюбоваться имъ удобнѣе, я подбѣжалъ къ окну: дождь началъ лить ливнемъ, и вся свѣжесть воздуха, всѣ благовонія лѣсовъ и полей, сладко упояли мнѣ душу и обвѣвали меня, а молнія, разсѣкая отдаленныя тучи, ослѣпляла моремъ золота, усыпаннымъ искрами.

Digitized by Google

Я стоялъ въ безмолвномъ изумленіи, забывая собесѣдниковъ, и вдругъ выведенъ былъ изъ восторженной забывчивости тревожнымъ звукомъ голоса, который произнесъ надъ моимъ ухомъ:

— «Боже, мой, Боже!»

Я оглянулся: это была она! Но съ трудомъ узналъ я въ одушевленной ея наружности горделивую причудницу.

Щеки ея разгорѣлись, нахмуренное чело прояснилось, взоръ сіялъ, — въ немъ было сочувствіе къ таинственому, доступное только избраннымъ душамъ; въ немъ было страстное и разумное изумленіе предъ великими зрѣлищами природы.

Недвижно и молча смотрѣли мы долго, но это молчаніе было взаимно понятно. Потомъ нѣсколько восклицаній вырвалось съ устъ нашихъ, потомъ помѣнялись мы нѣсколькими словами, въ которыхъ звукъ голоса и выраженіе взгляда имѣли наиболѣе смысла.

Мы были почти наединѣ, потому что хозяйка, не дожидаясь вторичнаго удара грома, ушла въ комнату, гдѣ затворили ставни; сосѣдъ остался за столомъ, безстрашно и философски допивая, подъ громомъ бури, бутылку бордо, въ ожиданіи кофе и ликеру; и мы на свободѣ и безъ развлеченія предались созерцанію бури.

Но гроза прошла, прародительница возвратилась изъ своего убѣжища, сосѣдъ всталъ изъ-за стола. Послѣ дождя не возможно было выйти на воздухъ, — мы пошли въ гостиную.

Старики усѣлись за пикетъ, а я подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, которая принялась за рукодѣлье. Предметы разговора о небѣ, облакахъ и молніи изсякли; шерсть, шелки и нитки заступили ихъ мѣсто; но дѣвушка вывела меня изъ затрудненія, спросивъ о новостяхъ столицы.

Она знаетъ Парижъ, проводитъ въ немъ обыкновенно зиму у тетки, богатой и милой женщины, послѣ которой она единственная наслѣдница; лѣто же дѣлитъ она между

Digitized by Google

отцемъ своимъ, отставнымъ инвалидомъ, живущимъ въ ближнемъ городкѣ, и бабушкой, которая отъ нея въ восторгѣ.

Вотъ все, что узналъ я отъ нея и вмѣстѣ отъ старушки, которая, считая свои взятки, участвовала въ нашемъ разговорѣ.

Ты, можетъ быть, вообразишь что я всю ночь пробредилъ красавицей: напрасно! я спалъ крѣпкимъ сномъ, и, проснувшись, намѣревался отправиться, не видавъ ни кого и представивъ законныя необходимости долга службы; но хозяйка — ранняя птичка, прислала звать меня къ себѣ.

Ей надо было удержать меня еще на одинъ день; у нее назначено было собраніе новыхъ арендаторовъ и торговцевъ скота, которымъ намѣревалась она сбыть своихъ питомцевъ. Весь этотъ народъ долженъ былъ у нее завтракать; по обычаю страны, меня приглашала она въ помощь переговоровъ, — не могъ же я отказать ей въ этомъ требованіи.

Торговцы скота и арендаторы, въ сопровожденіи необходимаго маклера съѣхались въ назначенный часъ, и я очертя голову ринулся въ роль, которую на себя принялъ; но я соразмѣрилъ силы свои только по желанію угодить ей, и, будучи присяжнымъ счетчикомъ, на этотъ разъ, какъ и часто случалось, ошибся въ разсчетѣ. Я не понималъ ничего изъ всѣхъ толковъ о кормленомъ скотѣ, и языкъ хлѣбопашества былъ для меня языкомъ неизвѣстнымъ. Хорошенькая дѣвушка своевольно смѣнила меня. Она посмотрѣла на меня вызывающимъ на состязаніе взглядомъ, и обращаясь по одиначкѣ къ каждому изъ гостей, съ большей частію которыхъ она была знакома, заговорила объ отдачѣ въ наемъ скота за половину прибыли, о повинностяхъ денежныхъ и хлѣбныхъ, о заливныхъ лугахъ, о цѣлинѣ, объ нови, низала въ рѣчь непонятную для меня условную терминологію, и говоря обо всемъ просто, естественно, и разсудительно, показала себя свѣдущей хозяйкой. Кто бы узналъ ее въ этомъ превращеніи! Впрочемъ, она должна была знать идіомы, на которыхъ говорили вокругъ нее съ самаго дѣтства; но ей издумалось блеснуть передо

Digitized by Google

мною своимъ знаніемъ, затмить меня своимъ превосходствомъ. Это было мнѣ досадно.

Старушка, арендаторы и маклеръ, переговоривъ все, что̀ слѣдовало, отправились сочинять и заключать условія.

— Вотъ каково общество, въ которомъ мы проводимъ часто время, сказала мнѣ дѣвушка, оставшись наединѣ со мною.—Прибавьте къ тому вчерашняго сосѣда и толпу охотниковъ, которая набѣгаетъ сюда къ осени; только и видимъ ихъ сборъ на охоту и возвращеніе къ обѣду. Хорошо, что въ деревнѣ есть цвѣты и книги. Одни требуютъ заботъ и труда, другія составляютъ развлеченіе.

Я взялъ попавшуюся подъ руку книгу, — это были *Поэтическія раздумья*, Ламартина; но едва прочелъ я нѣсколько строкъ, едва совпадающія чувства чтеца и слушателя стали приходить въ стройное согласіе, насъ перебилъ посланный отъ бабушки, которая звала къ себѣ молодую помощницу свою.

— Мы докончимъ послѣ, — сказала она, уходя: — вы вѣрно не уѣдете отсюда, не дочитавъ книги до конца?

Этихъ словъ ея и взора я не съумѣю передать тебѣ, мой милый. Я влюбился въ нее страстно, и раскаявался, что строго осудилъ ее съ перваго взгляда. Ея разположеніе, ея тоска были не то ли же самое болѣзненное чувство скуки, которое томило и меня въ то самое утро. Это утомленіе пламенной души, которая должна сосредоточиваться въ себѣ самой. Теперь только я понялъ ея страданіе; для души и сердца такое состояніе — смерть.

Но лишь только другая, соотвѣтствующая природа приблизилась къ ней, она ожила.... Иначе какъ же могъ я истолковать такое мгновенное перерожденіе?

Разсуждая такимъ образомъ, я сталъ искать предлога не сокращать, а продлить мое пребываніе. Старушка, какъ будто подслушавъ мысль мою, подкралась ко мнѣ, и взявъ меня тихонько подъ руку, спросила весьма кстати о тайнѣ, которую я намѣревался довѣрить ей.

Digitized by Google

— Мы теперь одни,—сказала она ласково:—скажижъ, мой другъ, въ чемъ дѣло? — Ты, кажется, заговорилъ объ окружномъ инспекторѣ.

Холодный потъ выступилъ на лбу моемъ при этомъ нежданномъ нападеніи; не зная къ чему приведетъ меня конецъ рѣчи, я началъ въ замѣшательствѣ распутывать мелькнувшую въ головѣ мысль.

— Окружной инспекторъ,—сказалъ я,—далъ мнѣ на нѣсколько дней отпускъ.

— Ну!

— Время этого отпуска я намѣревался провести съ вами.

— Такъ за чѣмъ же ты такъ оттоваривался, когда я упрашивала тебя остаться на одни лишнія сутки?

— За тѣмъ.... за тѣмъ, что я не смѣлъ.... что со мной не было достаточно платья и бѣлья.

— Только за тѣмъ, — вскрикнула радостно добрая старушка: — такъ мы пошлемъ въ городъ за бѣльемъ и платьемъ.

Я поцѣловалъ ея руку.... Но я не намѣренъ передѣлывать тебя на свой ладъ, ежечасный *Памятникъ Св. Елены*; будетъ съ тебя знать и то, что я провелъ осемь дней, осемь браманическихъ дней упоенія и блаженства.

Хозяйка моя, зная меня съ дѣтства, не почитала меня опаснымъ, и благодаря свободѣ, которою пользуются обыкновенно въ деревнѣ, мы почти не разставались съ прекрасной подругой. Она выходила въ дверь, я въ другую; она поворачивала вправо, я влѣво; но, бравши противоположныя направленія, мы тотчасъ сходились вмѣстѣ.

Въ этихъ встрѣчахъ повторились всѣ *поэтическія раздумья* Ламартина, усиленныя собственными нашими чувствами.

Но мало по малу, для того чтобъ быть вмѣстѣ, мы перестали расходиться въ разныя стороны. Старушка сопровождала насъ иногда, однако очень рѣдко. Сосѣдъ присутствовалъ только за обѣдомъ.

Digitized by Google

Ты, другъ недовѣрчивый и безпощадный, насмѣшливо пожмешь плечами, читая это письмо. Но любовь, мой милый другъ, не проявляется иначе, какъ простодушными глупостями, и они такъ упояютъ меня при воспоминаніи, что я не могу удержать пера, точно также какъ не могъ бы удержать языка, разсказывая тебѣ всѣ подробности.

Послушай сдѣлай одолженіе далѣе.

Не спуская ни глазъ, ни сердечнаго взора съ милаго предмета, я сталъ замѣчать въ ней продолженіе странной измѣнчивости, которая поразила меня съ перваго взгляда и которая въ вечеру дѣлала ее вовсе не похожею на то, что она была утромъ. Когда солнце блистало при восходѣ, птички оглашали воздухъ и поля разстилались передъ нами, подъ блескомъ росы, испещренныя цвѣтами, она какъ-будто вмѣщала въ себѣ отраженіе свѣтлой природы, и она щебетала весело и беззаботно, и ни одинъ нервъ сердца ея не болѣлъ въ ней болью жизни. Но вечернее небо подъ сіяніемъ луны располагало ее къ мечтательности.

Однажды просила она меня назвать ей главныя созвѣздія неба. Я былъ радъ, что имѣю нѣкоторыя астрономическія свѣдѣнія для удовлетворенія ея любопытства. Указывая пальцемъ на небо, я толковалъ ей, по возможности, отношенія свѣтилъ, называлъ Колесницу Давида, Полярную звѣзду, Кассіопею съ пятью блистательными точками.

— Говорятъ, что каждый изъ насъ рожденъ подъ вліяніемъ звѣзды своей,—сказала она мнѣ:—я выбрала себѣ вотъ эту незамѣтную звѣздочку; ея сіяніе очень скромно, и потому, можетъ быть, она милѣе мнѣ всѣхъ прочихъ.

И она указала на востокѣ на звѣздочку 3-й величины.

— Знаете ли вы ее? Удостоила ли ее наука хотя самаго неблистательнаго имени?

— Я знаю ее,—отвѣчалъ я съ сердечнымъ трепетомъ,—потому что она носитъ одно изъ именъ моихъ: это *сердце Карла*, а меня зовутъ Эдуардъ-Карлъ.

Digitized by Google

— Странно!— промолвило милое созданіе, и послѣ минутнаго молчанія, какъ-будто желая отклонить разговоръ въ другую сторону: — Карлъ-Эдуардъ—сказала она — это, кажется, имя *претендента.* — Она думала втянуть меня въ обозрѣніе Англійской исторіи; но я былъ вовсе не расположенъ къ педагогическимъ толкованіямъ. Минута была роковая. Исторія и астрономія натолкнули меня на рѣшительное признаніе, которое сорвалось съ устъ моихъ, и я высказалъ ей мое сердце.

— Другъ мой! — сказала она мнѣ, стоявшему передъ ней, преклонивъ колѣно и ожидавшему приговора:—мы готовимъ себя много горя.

Въ этомъ словѣ, въ слезахъ, которыя выкатились изъ прекрасныхъ глазъ ея, во вздохѣ, вырвавшемся изъ груди, въ голосѣ ея былъ отвѣтъ на мое чувство, и небо освѣтило его и записало въ одномъ изъ свѣтилъ своихъ.... Знай же, другъ, что эта дѣвушка, осчастливившая меня на вѣки любовью, есть та самая Женни Буронъ; этотъ замокъ есть тотъ самый замокъ Нёвиль, о которомъ ты пишешь мнѣ. И такъ, мой милый, прошу тебя торжественно опровергать слухъ о ея замужствѣ.

Твой преданнѣйшій
Карлъ-Эдуардъ.

P. S. (Впредь я не буду подписывать иначе моего имени.)

Извини, что я не сообщилъ тебѣ ранѣе о дѣлахъ моего сердца: я хранилъ ихъ какъ святыню; но теперь почелъ себя обязаннымъ разрушить клевету.

Прощай.

Второй post-scriptum. Хоть я совершенно спокоенъ на счетъ сердца моей Женни, однако былъ бы очень доволенъ, узнавъ, какое было основаніе слухамъ о ея замужствѣ. Такъ какъ ты находишься на мѣстѣ, то будь добръ, возьми на себя трудъ доставить мнѣ кой-какія о томъ свѣдѣнія. Если ты не знакомъ съ теткой Женни де Нёфлисъ, ты можешь попросить Маркура ввести тебя въ домъ. Женни теперь у нее. Сдѣ-

Digitized by Google

лай дружескую услугу, повидайся съ ней, произнеси при ней мое имя,—съ тебя и этого будетъ довольно, чтобы основать вѣрное сужденіе; да позаботься о свѣдѣніяхъ на счетъ несправедливыхъ слуховъ. Я жду твоего отвѣта съ нетерпѣніемъ.

II.

Кипріанъ Фурнье Эдуарду Люге.

Парижъ, 14 апрѣля, 18....

Поздравляю тебя, любезный другъ, съ твоими успѣхами по сердечной части, съ твоимъ двойнымъ инспекторствомъ, съ каламбуромъ, извлеченнымъ изъ Англійской исторіи, а главное, съ прекраснымъ употребленіемъ астрономіи. Приложеніе астрономіи къ потребностямъ сердца для меня имѣетъ смыслъ очень важнаго открытія.

Теперь, прежде всего, позволь и мнѣ въ свою очередь избрать тебя въ свои повѣренные.

Ego in Arcadiam.

И-я былъ также пастушкомъ въ Нормандіи! Пять лѣтъ тому назадъ, я посланъ былъ правленіемъ Музеума въ эту очаровательную землю, для изученія тамошнихъ растеній. Пріѣхавъ въ Аржантонъ, я, также какъ ты, вспомнилъ, что въ окрестностяхъ живетъ одинъ изъ старыхъ моихъ знакомыхъ, товарищъ по училищу. Точно также какъ ты, я пустился въ путь пѣшкомъ; потому что разстояніе было не болѣе четырехъ или пяти выкуренныхъ сигаръ, а время было прекрасное.

Избѣгая знойнаго жара, и полагаясь на полученныя мною свѣдѣнія о дорогѣ по разспросамъ, я вдался въ безконечныя поперечныя тропинки, обнесенныя двойнымъ плетнемъ изъ терновника, который такъ разросся, что совершенно иногда загораживалъ дорогу. То зацѣпишься полой, то

Digitized by Google

колючка сдернетъ съ головы шляпу; нагнешься за ней, глядь, точно какъ амадріада, вцѣпится въ волоса, и того и гляди что повиснешь, какъ Авессаломъ.

Въ этихъ мѣстахъ богатыхъ источниками, я набрелъ на маленькій ручей, который какъ разъ проложилъ себѣ путь посереди тропинки, и я походилъ на идущаго Колосса Родосскаго по колѣно въ грязи; солнце рѣдко освѣщало эти борозды, обросшія терніемъ. Наконецъ, хорошо или худо, скорѣе худо нежели хорошо, я выбрался кое-какъ изъ кустарниковъ, оставивъ, разумѣется, какъ овцы Ѳеокрита, часть своей одежды на жертву колючкамъ.

Въ этомъ истерзанномъ нарядѣ, съ исколотыми руками, съ исцарапаннымъ лицомъ, съ взъерошенными волосами, въ измятой, изломанной шляпѣ, весь въ грязи, разя табакомъ на десять шаговъ въ окружности, я прибылъ въ обитель моего соученика. Его не было дома; но его сестра, молоденькая вдова, посредственной наружности, приняла меня съ такимъ радушіемъ, какого я съ роду не испытывалъ.

Когда возвратился братъ, мнѣ, также какъ и тебѣ, пришлось осматривать его владѣніе и всѣ принадлежности. Видя, что я собираю травы, сестра объявила мнѣ, что она ужасно какъ любитъ ботанику, и желаетъ воспользоваться моими свѣдѣніями.

Съ этой цѣлью она сопутствовала мнѣ въ моихъ ученыхъ прогулкахъ, вмѣстѣ съ братомъ, и одна.

На другой же день она показалась мнѣ очень миленькой, на третій я въ нее влюбился, на четвертый день я уже пылалъ страстію.

Казалось, и я пришелся ей по сердцу, не смотря на царапины и странное мое появленіе въ домъ.

Когда пришло время разставаться, наши сердца были уже одинаково воспалены, и мы дали другъ другу торжественную клятву какъ можно скорѣе свидѣться.

Оставляя ее, я въ первый разъ въ жизни подумалъ о женидьбѣ безъ содраганія. И вотъ уже пять лѣтъ, какъ

Digitized by Google

воспоминаніе объ этой встрѣчѣ обратилось для меня, а разумѣется и для нее, въ сновидѣніе пастушка и пастушки.

Послѣ этого Атей ли я въ любви? нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Но въ какой страсти, кромѣ любви, столько мечты, призраковъ, миражей?

По своему собственному опыту и по опыту другихъ, я долженъ вывести слѣдующее общее правило для подобныхъ данныхъ обстоятельствъ: невозможно провести недѣли въ деревнѣ подлѣ какой бы то ни было женщины, не влюбившись въ нее безъ памяти. Но, возвратясь въ городъ, каждый изъ влюбленныхъ принимается за свои привычки, и всѣ изступленные восторги испаряются, какъ благовонный запахъ душистыхъ цвѣтовъ полей.

Избави меня Богъ, любезный другъ Эдуардъ, — Карлъ-Эдуардъ, если тебѣ это имя такъ дорого, — чтобъ я хоть одну минуту подумалъ, что твоя любовь къ Женни Буронъ походила на тѣ безумныя и быстро проходящія страсти, о которыхъ я тебѣ говорю. Ты исключеніе изъ правила, я это признаю.

Впрочемъ, страсть твоя, преходящая или нѣтъ, но обстоятельства никогда не были къ тебѣ такъ благосклонны, чтобъ избавлять тебя отъ нее, по общему обычаю. Ты оставилъ деревню; но вмѣсто того, чтобъ возвратиться въ вихрь Парижа, ты погребъ себя въ провинціальномъ городишкѣ. Любовь твоя, возникшая подъ сѣнію Нёвилля, ростетъ и развивается въ тишинѣ кабинета. Пусть такъ, я вѣрю ей: тѣмъ болѣе вѣрю, что, противъ обычая, ты былъ въ отношеніи меня непостижимо откровененъ. Но не нуженъ ли былъ тотъ толчекъ, который я далъ тебѣ, чтобъ ты торжественно признался, какъ будто въ восторгѣ ясновидѣнія?

Теперь остается мнѣ отдать тебѣ вѣрный отчетъ о возложенномъ тобою на меня деликатномъ посольствѣ.

По твоему повелѣнію, вчера, 3-го апрѣля, я поѣхалъ вмѣстѣ съ Марикуромъ къ тетушкѣ Нёфлисъ. Тамъ я ви-

Digitized by Google

дѣлъ Женни, которую знавалъ ребенкомъ. Она очень мила; но, любезнѣйшій другъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нисколько не по хожа на составленный тобою портретъ ея.

Ты описалъ ее надутой и угрюмой, по твоему она оживляется только подъ вліяніемъ грозы, торгуется съ скотоводами: эта поселянка, Нормандская пастушка, по моему, милый мой, царица, волшебница гостиной, настоящая Парижская львица.

Марикуръ представилъ меня этимъ дамамъ въ самый разгаръ пышнаго бала. Посмотрѣлъ бы ты на Женни подъ сіяніемъ люстръ, въ ослѣпительномъ туалетѣ, посмотрѣлъ бы, какъ вторила она любезностямъ хозяйки дома, принимая на себя половину ея обязанностей, и исполняя ихъ въ самомъ совершенствѣ. Свободное и достойное ея обращеніе, естественное или крайне изученное, изумило меня, и если бы я не былъ твердъ и вѣренъ твоему порученію, я бы самъ влюбился въ нее въ этотъ вечеръ; но успокойся, мой Эдуардъ, или Карлъ-Эдуардъ, —какъ тебѣ-угодно величать себя, — я не забылъ, что находился тамъ въ качествѣ твоего лазутчика.

Больше по долгу, нежели по тщеславію, Женни сѣла за фортепьяно. Она аккомпанировала нѣсколькимъ слабымъ и дрожащимъ голоскамъ молоденькихъ барышенъ; это были робкія дебютантки свѣта. Ты знаешь, что я заклятой врагъ фортепьяно, настоящаго орудія пытки, котораго звуки, грянувъ посреди веселаго вечера, охлаждаютъ самое живое собраніе и прерываютъ всѣ разговоры. Мнѣ кажется, что фортепьяно обязано успѣхомъ въ свѣтѣ единственному преимуществу своему быть красивой мебелью.

Я удалился по возможности, и сосредоточившись, по привычкѣ моей, внутрь себя; былъ внезапно вызванъ изъ этого лучшаго въ мірѣ убѣжища, сочетаньемъ двухъ плѣнительныхъ голосовъ какіе только можно себѣ представить.

Это былъ *дуэттино*; пѣла молодая женщина, которую скрывала отъ меня толпа слушателей, и высокій бѣлокурый франтъ, подкатывающій подъ лобъ самые страстные

Digitized by Google

и нѣжные взоры. Онъ пѣлъ: *твой взоръ, мой взоръ, твое сердце, мое сердце, вѣчность* и *безконечность*, и все тому подобное до безконечности.

Теперь готовься къ неожиданному пораженію, пріятель: пѣвица кончила и встала — это Женни, а пѣвецъ очень порядочный и пріятной наружности малой, имѣющій приличное состояніе, и до фанатизма распѣвающій романсы, этотъ пѣвецъ, какъ узналъ я, по долгу обязанности моей, называется Бопре.

Послѣ фортепьяно опять раздались звуки вальса; Женни и пѣвецъ понеслись въ два темпа. Ты не имѣешь понятія объ этомъ безнравственнѣйшемъ изъ всѣхъ вальсовъ; и твоя мнимая пастушка, огласивъ насъ голосомъ сирены, съ такимъ же превосходствомъ кружится подъ быстрые звуки. Прижавшись къ груди своего вальсёра, склонивъ въ утомленіи голову, опершись сладострастно на плечо, скрывая до половины милыя черты въ огромномъ букетѣ, она какъ-будто вдыхаетъ угаръ благовоній и уносится въ вихрѣ гармоніи.

Я думалъ, что твое дѣло проиграно.

«Вещи ясны какъ нельзя болѣе, это женихъ», подумалъ я, — и мнѣ остается возвратиться домой и послать другу приговоръ, запечатанный черной печатью.»

Но утѣшься мой, Пиладъ. Послѣ того Женни пѣла и вальсировала съ другими, съ тѣмъ же одушевленіемъ и съ тою же нѣгой.

Какъ бы то ни было, ревностно посвящая себя на пользу твою, я собрался съ духомъ, выпрямился, поправилъ галстухъ, и ангажировалъ Женни танцовать.

Да, мой другъ, да, я, извѣстный тебѣ ловкостію танцовщикъ, я осмѣливаюсь, рискую изъ одной преданности къ тебѣ, съ цѣлію сказать ей о тебѣ нѣсколько словъ.

Межъ двухъ фигуръ кадрили, съ врожденнымъ моимъ соображеніемъ, я спросилъ ее: не внучка ли она госпожи Буронъ, съ которой я давно уже имѣю честь быть знакомымъ, и что недавно много слышалъ объ ней отъ пріятеля, который гостилъ у нее прошлой осенью? Не правда ли, что искреннѣе нельзя было заставить ее спросить о тебѣ?

Digitized by Google

— А какъ зовутъ вашего пріятеля? спросила она.

— Эдуардъ Люге. Но я полагаю, что вы его не знаете.

— О, напротивъ того, я видѣла его въ Нёвилѣ: это очень любезный молодой человѣкъ,

Я устремилъ все вниманіе на выраженіе лица ея при этомъ словѣ, но досадный avant deux прервалъ разговоръ нашъ, а возобновить его было уже не возможно; она безпрерывно обращалась съ разными распоряженіями, какъ церемоніймейстеръ бала; однако, въ ту минуту, какъ я отводилъ ее на мѣсто, она спросила меня: продолжаетъ ли вашъ пріятель заниматься астрономіей?

Предоставляю тебѣ взвѣсить и осмотрѣть со всѣхъ сторонъ этотъ вопросъ; я же объявляю тебѣ, что не берусь за то, потому что она, не успѣвъ еще его вымолвить, порхнула съ мѣста на встрѣчу пріѣзжимъ подругамъ.

Мнѣ оставалось только собрать надлежащія свѣдѣнія о слухахъ предполагаемаго супружества. Отъ Марикура я не добился толку, онъ скрытенъ и молчаливъ какъ квакеръ.

— Странное созданіе! проворчалъ онъ только сквозь зубы.

Я обратился къ одному деревенскому сосѣду, съ которымъ не разъ уже сталкивался въ буфетѣ.

— Ба! отвѣчалъ онъ, — она богата и разборчива.

Я принялъ это къ свѣдѣнію.

Но тѣмъ не кончилось мое шпіонство. Я подслушалъ, что молоденькій пансіонеръ назвалъ ее кузиной, уловилъ удобную минуту, и подсѣлъ къ этому родственнику.

— Вамъ сродни хозяйки дома? — спросилъ я.

— Сродни; а что? — отвѣчалъ мнѣ двоюродный братецъ, съ этой классической оттѣнкой, которая отличаетъ учениковъ 8-го класса.

— Это очень пріятно. Когда она будетъ выходить замужъ, васъ выберутъ вѣроятно дружкой.

— Какая важность!

— А какъ вы думаете: скоро она выйдетъ замужъ?

— Почему я знаю: она такая чудачка. Нѣсколько дней тому назадъ, она было пошла въ монастырь.

Digitized by Google

Я записалъ и это. Отъ двоюроднаго братца я обратился рѣшительно къ теткѣ.

— Ваша племянница чрезвычайно мила, сказалъ я: — вѣроятно, отъ жениховъ нѣтъ отбоя.

Признайся, что велико было желаніе мое угодить тебѣ, иначе я не осмѣлился бы произнести такой глупости.

— Племянница моя молода; время терпитъ.

Это послѣднее золотое слово я оставилъ тебѣ на закуску.

Нынѣшнимъ утромъ я обсудилъ всѣ вышесказанные пункты.

1-е. *Она богата* — это не дурно для тебя, который вовсе не богатъ.

2-ое. *Она разборчива*; но въ отношеніи тебя она, не показала этой разборчивости; судя по твоему убѣжденію, она любитъ тебя.

Однако не будемъ входить въ заблужденіе. Слухъ о скоромъ замужствѣ не былъ же совершенно безъ основанія, гостинные газетчики и болтуны не всегда же распространяютъ ложные слухи. Я думаю, что въ нихъ есть нѣкоторая степень правды. Можетъ быть, ее къ тому вынуждали, и потому, вѣроятно, она возымѣла намѣреніе идти въ монастырь, что и значится въ 3-мъ пунктѣ.

Наконецъ 4-й, драгоцѣнный отвѣтъ тетки, долженъ быть отголоскомъ самой племянницы. Она будетъ ждать, кого? Тебя, счастливый смертный; по крайней мѣрѣ ты на столько самонадѣянъ, что такъ думаешь.

Спѣши достигнуть титула инспектора финансовъ, съ которымъ есть уже возможность попытать подобнаго счастія. Если я не ошибаюсь въ постепенности вашего чиноначалія, тебѣ предстоятъ двѣ ступеньки до товарища инспектора, три до инспектора и огромный прыжокъ до окружнаго. Для этого потребуется только 15 годковъ.... Чортъ возьми, это немножко затруднительно; да впрочемъ у тебя воображеніе сильное: подумай!

Твой довѣренный адвокатъ

Кипріанъ.

Digitized by Google

III.

Эдуардъ Кипріану.

Авальонъ, 19 апрѣля 184.... года.

Милый другъ!

По двухнедѣльномъ мучительномъ ожиданіи, во время котораго я странствовалъ изъ Оксера въ Ронси, изъ Ронси въ Мальи-Шато, изъ Мальи-Шато въ Везлей, письмо твое, испещренное клеймами, нагнало меня наконецъ въ Авальонѣ, гдѣ я остановилъ бѣгъ свой.

Это письмо, какъ голубка Ноева ковчега, возстановило во мнѣ надежду. Ты правъ, слухи были вѣроятно основаны на какомъ-нибудь предположеніи супружества, на которое вынуждала Женни родня ея. И она отказала! бѣдняжка!.... Она предпочитала монастырскую келью ненавистному браку!..... Она почерпнула твердость въ воспоминаніи нашихъ клятвъ. Она обратила взоръ на *сердце Карла*!

Ты не повѣришь, какъ умилило меня это свидѣтельство ея постоянства; и теперь мысли мои находятся отъ того въ необъяснимомъ смущеніи; но меня смущаетъ радость, потому что и сквозь неизбѣжную насмѣшливость твоего слога я усматриваю твое искреннее одобреніе. Ты видѣлъ ее, другъ: не правда ли, что она прекрасна? Ты видѣлъ ее блистательной въ свѣтѣ, я видѣлъ ее плѣнительной и простодушной. Въ замкѣ Нёвиль не было общества, не было бала, не было даже фортепьяно, на которомъ она показала бы свое искусство, но въ этомъ не было нужды, для того чтобъ очаровать меня совершенно. Я влюбленъ какъ никогда, какъ никто!.... И я не думаю, чтобъ мнѣ досталось ожидать много лѣтъ для формальнаго объясненія. Въ скоромъ времени мнѣ назначено званіе инспектора; съ такимъ преимуществомъ, съ остатками наслѣдства послѣ дядюшки, съ моей молодостію и рвеніемъ къ дѣятельности.... Рѣшено! конецъ холостой жизни! Не пройдетъ мѣсяца, какъ я буду у ногъ старой, доброй покровительницы моей; она замолвитъ обо мнѣ доброе слово старому полковнику Бурону,

Digitized by Google

отцу Женни и тетушкѣ ея Нёфлисъ.... Мѣсяцъ! это цѣлая вѣчность. За чѣмъ же откладывать на мѣсяцъ то, что̀ можно сегодня же привести въ исполненіе?....

....О, Боже милосердый! Какой неожиданный ударъ!.... Рука дрожитъ, не могу опомниться. Сію минуту я получилъ изъ Нёвиля письмо отъ старухи Буронъ, которая извѣщаетъ меня о предположеннюмъ бракосочетаніи Женни и Бопре.

Стало быть, молва огласила правду!.. Они вынудили ее на согласіе! И эта безумная старуха приглашаетъ меня на сговоръ!.., Она пишетъ, что разсчитываетъ на мою *веселую увлекательность*, которая позабавитъ общество, она дастъ мнѣ и тутъ роль въ сборищѣ арендаторовъ — спасибо!

Но я принимаю приглашеніе и, божусь тебѣ, другъ, ѣду на сговоръ!

Эдуардъ.

IV.

Кипріанъ Эдуарду.

Парижъ, 24 апрѣля 184.... года.

Ради неба, мой милый, не надѣлай глупостей, не надѣлай шуму. Я опять видѣлъ Женни. Вотъ тебѣ объ ней вѣсти.

Видишь ли: по моему обыкновенію, я пропустилъ столько времени, не побывавъ въ домѣ госпожи Нёфлисъ, что не смѣлъ показать къ ней глазъ безъ какой-нибудь опоры; я просилъ Марикура ѣхать со мною вмѣстѣ.

Покуда онъ одѣвался, я опять сталъ разспрашивать его о дѣвицѣ Буронъ, которую онъ знаетъ коротко.

— Странная дѣвка! проворчалъ онъ.

Ты знаешь, что̀ языкъ Марикура всегда на привязи. Не легко заставить его разболтаться. Однако настойчивость и смѣтливость моя превозмогла его скромность. Онъ разсказалъ мнѣ, что въ прошлую зиму на балѣ, у графа Поццоли,

Digitized by Google

маскированномъ только для женщинъ и костюмированномъ для мужчинъ, онъ нелѣпо скитался по заламъ, въ испанской или турецкой одеждѣ, не зная, что начать съ собою; какъ вдругъ *розовое домино*, повертѣвшись около него въ перѣшимости, повисло наконецъ на рукѣ его.

Рѣзвое созданіе смотрѣло лукавымъ взглядомъ, глаза его искрились изъ-подъ черной маски. Маленькая ручка, маленькая ножка, возбудили любопытство Марикура, дошедшее скоро до крайней степени изумленія, отъ ловкихъ намековъ на прошлое, ни кому не вѣдомое. *Розовый демонъ* раскапывалъ поросшую и заглохшую старину, и весело, плѣнительно возобновляя минувшее, вызывалъ новыя чувства и жегъ на двойномъ огнѣ. Когда въ столовой комнатѣ маски были сняты, Марикуръ узналъ Женни Буронъ.

Не обращая на нее до той минуты никакаго вниманія, какъ случается обыкновенно съ холодными и разсудительными людьми, особенно расположенными влюбляться въ полоумныхъ женщинъ, Марикуръ привязался къ Женни въ воспоминаніе этой бальной ночи.

Онъ сталъ часто посѣщать ея тетку; но барышня въ бальномъ платьѣ не походила на барышню въ домино, и благоразумный, умозрительный человѣкъ соблаговолилъ потушить пламень до его разгара.

— Странная дѣвка! повторилъ онъ въ заключеніе разсказа. Мы отправились; но войдя въ гостиную, повѣришь ли, другъ, я испыталъ, взглянувъ на нее то же, что Марикуръ въ слѣдствіе перваго впечатлѣнія, то же, что ты при первомъ на нее взглядѣ.

Холодная, накрахмаленная, несносная, сидѣла она за работой; это былъ *хорошенькій кусокъ льду*, по выраженію Ловеласа. Она продолжала путать какую-то работу, и даже я, лучшій изъ друзей твоихъ, не произвелъ на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія. Нѣтъ, милый, воля твоя, въ ней не замѣтно того чувства, которое обольщаетъ твое воображеніе. Какая-то непонятная задача таится въ ее сердцѣ, и я обязываюсь разгадать ее, на томъ условіи, что ты не сдѣлаешь покуда ни какой опрометчивости; заклинаю, умоляю тебя нашей дружбой. Кипріанъ.

Digitized by Google

V.

Кипріанъ Марикуру.

Парижъ, 8-го мая.

Я не могу обѣдать у тебя сегодня: почтовые кони готовы. Эдуардъ не послушалъ меня, онъ поѣхалъ въ Нёвиль, гдѣ Бопре занялъ уже мѣсто. Я лечу, чтобъ стать между двухъ шпагъ.

Прощай.

VI.

Кипріанъ Марикуру

Нёвиль, 11-го мая.

Экипажъ мой сломался за двѣ мили отъ Нонана; не было средства замѣнить его даже телѣгой, тогда какъ отъ малѣйшаго замедленія зависѣла жизнь человѣка.... Богъ знаетъ, чего не передумалъ я въ продолженіе трехъ смертныхъ часовъ, покуда чинили мой локомотивъ. Я ужъ видѣлъ обоихъ соперниковъ мѣряющихъ шпаги, скрежетъ желѣза раздиралъ слухъ мой, и невѣроятные, ужасные призраки гнались за мной во весь остальной путь.

Въ Нонанѣ, покуда перепрягали лошадей, промчался по большой дорогѣ наѣздникъ, въ которомъ, не смотря на сумерки, я тотчасъ узналъ де Бопре. Боже! нѣтъ болѣе сомнѣнія: Эдуардъ убитъ! И я такъ утвердился въ моемъ убѣжденіи, что молилъ только объ одной милости застать его при послѣднемъ издыханіи, чтобы онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ отраду испустить духъ, сжимая дружную руку.

Подъѣзжая къ Нёвилю, я могъ съ высоты берега обнять взглядомъ весь замокъ. Видъ его утвердилъ меня въ моемъ роковомъ заключеніи. Зловѣщая тишина царствовала вокругъ него. Гостиная въ нижнемъ этажѣ была освѣщена;

Digitized by Google

но занавѣсы опущены и за ними не мелькало ни одной тѣни; остальная часть зданія была темна, кромѣ одной угловой комнаты втораго этажа, въ которой зажженныя свѣчи двигались съ мѣста на мѣста, какъ-будто вокругъ постели больнаго.

Мы своротили съ дороги въ аллею, ведущую къ замку, и вдругъ человѣкъ остановилъ насъ вопросомъ: «не докторъ ли?«

— Нѣтъ это я! отвѣчалъ ямщикъ, щелкая кнутикомъ, — я, Жерменъ, изъ Нонана!

— Убирайся къ чорту! — возразилъ встрѣтившій насъ и побѣжалъ далѣе.

Въ домѣ, кто-то изъ домашнихъ бросился ко мнѣ, но остановился въ изумленіи. «Нѣтъ, это не докторъ», произнесъ онъ.

Я хотѣлъ разспросить. Но какъ-будто внезапное удушье схватило мнѣ горло, изъ котораго исходили только хриплые, непонятные звуки. Одинъ изъ людей, котораго я видѣлъ въ домѣ тетки Женни, узналъ меня и, видя мое смущеніе, сказалъ мнѣ:

— Такъ вамъ, сударь, ужъ извѣстно! а какой былъ славный баринъ! сегодняшнимъ утромъ пожаловалъ мнѣ 10 франковъ ни за что ни про что.

Что могъ думать я при этомъ стеченіи обстоятельствъ: соперникъ въ бѣгахъ, нетерпѣливое ожиданіе врача, безпорядокъ, смущеніе, которое сообщилось даже слугѣ, плачевная благодарность человѣка, получившаго 10 франковъ,— все это ясно говорило мнѣ, что Эдуарда уже не было на свѣтѣ.

— Беди меня!—промычалъ я моимъ хриплымъ голосомъ. И человѣкъ указалъ мнѣ на дверь.

Въ такую минуту была ли возможность дожидаться доклада: я ринулся въ первую комнату: направо дверь въ гостиную, налѣво въ корридоры.... я взялъ налѣво, руководимый инстинктомъ, вошелъ въ другія двери, вбѣжалъ по лѣстницѣ, завидѣлъ отдаленный свѣтъ, и вступилъ въ полуосвѣщенный покой, въ глубинѣ котораго стояла подъ занавѣсомъ кровать, подлѣ нее столикъ, уставленный стклянками.

Digitized by Google

Въ комнатѣ не было никого. Ноги мои задрожали, кровь застыла; до слуха моего коснулся шепотъ голосовъ изъ сосѣдней комнаты, который какъ-будто сказалъ мнѣ, что все кончено. Не имѣя болѣе силъ оставаться въ этомъ невѣдѣніи, я отдернулъ рѣшительной рукой занавѣсь, я хотѣлъ видѣть, прижать къ сердцу друга, живаго или мертваго.... Но передо мной лежала спящая женщина; я убѣдился въ томъ несомнѣнно даже въ мигъ отчаянія. Розовое плечо и упругія округлости тѣла не обличали признаковъ опасной болѣзни. — Это была Женни!

Испугавшись своей невольной дерзости и неожиданнаго счастія, я обратился вспять; не понимая уже ровно ничего изъ того, что происходило вокругъ меня, безсмысленно дошелъ я до гостиной, гдѣ, отыскивая понапрасну глазами хозяйку дома, я увидѣлъ только нѣсколькихъ незнакомыхъ мнѣ мужчинъ, которые не обратили на меня ни малѣйшаго вниманія.

Всѣ они казались мнѣ въ какомъ-то торжественно-мрачномъ состояніи. Одинъ изъ нихъ, опершись ногами на поперечникъ стула, облокотясь на собственныя колѣни и поддерживая подбородокъ кулакомъ, сдвинувъ брови и устремивъ неподвижный взоръ, представлялъ окаменѣлую статую въ черномъ галстухѣ и синемъ фракѣ съ металлическими пуговицами; по нѣкоторому сходству чертъ лица, я узналъ въ немъ отца Женни, Нормандскаго полковника Бурона.

Я учтиво поклонился ему; но онъ не отвѣчалъ ни малѣйшимъ движеніемъ на поклонъ мой.

Другой, развалившись въ креслахъ, съ важностію поворачивалъ табакерку свою, прихлопывая по временамъ пальцемъ по крышкѣ.

Я поклонился и ему; но въ эту самую минуту, отворотясь, онъ вдыхалъ ноздрями щепоть табаку, и не замѣтилъ моего поклона.

Третій читалъ журналъ какого-то департамента, но мысли его были далеко, глаза безпрестанно подымались въ умиленіи къ потолку.

Digitized by Google

На мой привѣтъ, онъ отвѣчалъ только вздохомъ

Такимъ образомъ, кланяясь понапрасну, я обошелъ всѣхъ, ожидая отъ каждаго изъ длинныхъ лицъ какъ-будто смертнаго приговора; вдругъ, обернувшись, я увидѣлъ—кого бы ты думалъ?.... Именно его, нашего покойнаго друга Эдуарда, Карла-Эдуарда Люге, который бросился ко мнѣ на шею и шепнулъ одно слово:

— Побѣда!

Минуту спустя, мы были наединѣ, шли подъ руку по одной изъ отдаленныхъ аллей парка.

— Да, другъ, побѣда! говорилъ онъ:—она любитъ меня и не любила никогда никого кромѣ меня. Побѣда! соперникъ долженъ былъ обратиться въ бѣгство. Онъ уѣхалъ за два часа передъ тобою.

— Такъ это въ самомъ дѣлѣ я встрѣтилъ его?

— Ты встрѣтилъ его? гдѣ?

— Въ Нонанѣ.

— Добрый путь! Его отъѣздъ, непонятный ни для кого кромѣ меня, причинилъ всю эту суматоху.

— Стало быть разрывъ?

— О, разрывъ совершенный. Она, безъ сомнѣнія, объявила ему, что любитъ другаго, иначе и быть не могло. Я писалъ къ старой знакомкѣ своей о моемъ пріѣздѣ; Женни узнала, что я долженъ пріѣхать сегодня; скорое со мной свиданіе придало ей духу и она рѣшилась.... О, какъ велика сила истинной любви!

— Она сама объяснила тебѣ все это?

— Нѣтъ, не она. Да и когда жъ было ей объясняться: я пріѣхалъ только за нѣсколько часовъ передъ тобою. Я узналъ, что были семейныя объясненія, молодой человѣкъ разгорячился и бѣжалъ. Отецъ, бабка и тетка пустились въ переговоры, бѣдняжка упала въ обморокъ и ее уложили въ постель.

Послѣ этого я выслушалъ дополненное и исправленное повтореніе всѣхъ надеждъ Эдуарда. Онъ отложилъ намѣреніе свое объясниться тотчасъ же, онъ понималъ не-

Digitized by Google

обходимость нѣкотораго промежутка между обрученіемъ Бопре и его предложеніемъ; онъ хотѣлъ предварительно переговорить съ Женни.

Когда Эдуардъ наговорился до-сыта, поблагодаривъ и побранивъ меня за предпринятое въ его пользу путешествіе изъ Парижа въ Нёвиль, онъ остановился подъ открытымъ небомъ, указывая мнѣ на туманную звѣздочку въ небесной лазури.

— Вотъ она!—сказалъ онъ,—вотъ *сердце Карла*! Вотъ нетлѣнный свидѣтель любви нашей: этотъ свидѣтель обратится въ вѣчнаго мстителя, на которомъ всегда будетъ останавливаться взоръ ея, если когда-нибудь она измѣнитъ мнѣ!

— Я снялъ шляпу и поклонился звѣздѣ; она, какъ и всѣ люди, которымъ я кланялся въ тотъ вечеръ, не отдала мнѣ поклона.

Вотъ тебѣ наши вѣсти, для сообщенія которыхъ я не полѣнился послѣ вчерашней дороги встать въ 6 часовъ утра. Эдуардъ напѣваетъ уже побѣдную пѣснь, не вставая еще съ постели. Да будетъ ему нынѣшній день также благодатенъ, какъ и вчерашній; а я, не смотря на всѣ усилія мои вѣровать въ звѣзду его, сомнѣваюсь, самъ не знаю почему. Прощай, вѣроятно я не замедлю послѣдовать за этимъ письмомъ по дорогѣ въ Парижъ.

Кипріанъ.

Эдуарду Маринкуру.

11 мая.

(Эта приписка слѣдуетъ при письмѣ.)

Оба мы испытали одну любовь. Если ваша страсть не имѣла ни силы ни прочности моей, то это вѣроятно потому, что время и обстоятельства воспрепятствовали ей развиться. Нынѣ она любитъ одного меня. Я надѣюсь, что наша старая дружба не потерпитъ отъ моего счастія, и что когда я представлю вамъ мою жену, вы обоимъ намъ подадите дружественно руку.

Вашъ Э. Л.

Digitized by Google

VII.

Кипріанъ Марикуру.

Гавръ, 13 мая.

Я хотѣлъ быть на дняхъ въ Парижѣ, а меня занесло въ Гавръ. Причина тому заключается въ грустномъ повѣствованіи, которое предстоитъ мнѣ докончить.

Третьяго дня, отправивъ письмо мое къ тебѣ, мы сошли съ Эдуардомъ въ гостиную. Мы нашли въ ней вчерашнее общество, которое пришло въ нѣкоторое движеніе и тѣмъ укротило свою назидательность. Отецъ Женни, Нормандскій полковникъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Опустя голову, перегнувши спину, съ взъерошенными бровями, съ заложенными въ карманы штановъ руками, онъ былъ не только похожъ на полковника, сколько на Нормандца. Владѣтель табакерки привѣтливо подчивалъ любителей табаку. Читатель журнала глядѣлъ менѣе сентиментально, благодаря рюмкѣ мадеры, въ которую онъ обмакивалъ бисквитъ, въ ожиданіи завтрака. Г-жа Нёфлисъ пригласила гостей садиться за столъ, а вошедшая за ней старушка объявила, что больная чувствуетъ себя лучше и сегодня же выйдетъ изъ своей комнаты.

Эта вѣсть заставила просіять всѣ лица, Эдуардъ встрепенулся, и рука, измѣнивъ его произволу, занесла вилку вмѣсто рта въ узелъ его галстуха.

Понемногу осмѣлились всѣ обмѣняться нѣсколькими замѣчаніями о случившемся:

«Это несчастье такого рода, что не трудно его поправить, — говорилъ одинъ. — Если приходятся не по вкусу, одинъ другому, такъ лучше разстаться теперь, чѣмъ послѣ. За женихами дѣло не станетъ, — подтверждалъ другой. — Найдутся и не хуже де Бопре.» При каждомъ изъ такихъ пошлыхъ утѣшеній, другъ нашъ Эдуардъ смущался, краснѣлъ и съ усиліемъ удерживался отъ благодарнаго поклона. Однимъ словомъ, все, казалось, шло къ лучшему, и Эдуардъ выросталъ въ собственныхъ своихъ глазахъ.

Digitized by Google

Послѣ завтрака, хозяйка заставила меня подать ей руку и повела вмѣсто гостиной въ огородъ. Я было думалъ, что и меня ожидаетъ участь всеобщаго обозрѣнія хозяйства; но, къ счастію, влюбленный нашъ пришелъ ко мнѣ на помощь. Онъ желалъ имѣть болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о здоровьи Женни, и вмѣстѣ съ тѣмъ видимо покушался взглянуть глубже въ тайну разрыва. Добрая старушка, не отвѣчая, покачала сперва головою и лукаво посмотрѣла ему въ глаза; потомъ, погрозивъ ему пальцемъ, замѣнила привычное *ты* мѣстоименіемъ множественнаго числа, исполненнымъ упрека. Въ этомъ короткомъ, односложномъ *вы*, была незамѣтная черная точка, которую моряки со страхомъ усматриваютъ на горизонтѣ и которая предвѣщаетъ страшную бурю.

Эдуардъ очень удачно представилъ изумленнаго, вскользь бросилъ на меня двусмысленный взглядъ, которому я могъ дать только слѣдующее толкованіе:

«Она все знаетъ; мое положеніе становится затруднительнымъ; спѣши ко мнѣ на помощь.»

Я вмѣшался въ разговоръ и просилъ объясненія. Старушка не заставила насъ долго добиваться; она взяла съ насъ предварительно слово держать про себя слышанное, и усадивъ по обѣ стороны, на ближней скамейкѣ, начала повѣрять намъ тайну:

— Послушайте, друзья мои, сказала она, — во всей вчерашней исторіи много страннаго. Я вовсе не имѣла ни какого понятія объ этомъ Парижскомъ обожателѣ, и признаюсь, не слишкомъ довѣряю Парижскимъ произведеніямъ, въ какомъ бы они родѣ ни были, и потому готова была взнести на него всю вину; но надобно также сказать по справедливости, что Женни подъ часъ бываетъ ни на что не похожа!.... Вчера, во время истерическаго ея припадка, отъ нее не было возможности добиться ни одного слова; сегодня она во всемъ искренно мнѣ созналась.

Тутъ опять посмотрѣлъ на меня значительно другъ нашъ, какъ-будто говоря: «слышишь? Правду ли я сказалъ тебѣ?»

Digitized by Google

Разскащица продолжала:

— Это искренное сознаніе облегчило ее и какъ-будто совершенно излечило. Разумѣется, чтобъ не измѣнить обязанности бабушки, я поворчала на нее порядкомъ. И знаете ли, продолжала она, обращаясь ко мнѣ,—по какому случаю это сватовство такимъ глупымъ образомъ состроилось и разстроилось внезапно? Вотъ истинная причина всей бѣды. И съ этимъ словомъ старушка указала пальцемъ на Эдуарда.

— Я! вскричалъ обвиненный, голосомъ самодовольнаго удивленія.

— Да, ты! Ты единственный виновникъ всему. Въ протекшую осень, въ ту пору, какъ ты гостилъ у меня, въ то же время какъ и она жила здѣсь со мною, ты ей внушилъ Богъ знаетъ какія мысли, Богъ знаетъ какія сумазбродныя идеи!

— Я надѣюсь что ни одной такой идеи, за которую бы я не могъ принять на себя полной отвѣтственности, — вымолвилъ нашъ пріятель съ важностію законника.

— Ну конечно, мой милый, я знаю, что ты добрый, честный малой ... Я и не слишкомъ тебя обвиняю. Не велика бѣда, что молодая дѣвушка взяла урокъ въ астрономіи; но бѣда та, что у этой молодой дѣвушки воображеніе заносчиво и черезъ-чуръ живо. Ты, кажется, сказалъ ей, что звѣзда, которую она избрала себя въ путеводительницы, называется *господиномъ Карломъ*?

— *Сердцемъ Карла*. Точно.

— Ну такъ оно и есть, *ты* и *сердце Карла* всему виною!

Въ эту минуту Эдуардъ готовъ былъ громко произнести свое признаніе. Онъ всталъ. На челѣ его была торжественность, въ глазахъ вдохновеніе, въ тѣлодвиженіи нѣга.

— Послушайте и посудите, — продолжала хозяйка, не обращая никакого вниманія на значительную мину молодаго человѣка и снова заговоривъ со мною. — Въ нынѣшнюю зиму, въ Парижѣ, послѣ этого урока въ астрономіи, Женни встрѣчала на многихъ вечерахъ этого блистательнаго де Бопре. Она прыгала, танцовала съ нимъ также какъ и съ другими, позволяя себѣ иногда насмѣшливое словцо на счетъ неотвяз-

Digitized by Google

ныхъ его взглядовъ. Онъ продолжалъ однако постоянныя свои ухаживанія, которыхъ она, какъ благовоспитанная дѣвица, казалось, не замѣчала, хотъ и не была совершенно къ нимъ равнодушна. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи оставались дѣла, покуда въ одно прекрасное утро, Бопре явился въ домъ, въ такой часъ, когда не принимали посѣтителей, и визитная карточка его, по роковому опредѣленію, попала въ руки сумазбродной Женни. Она прочла на ней обаятельныя слова: Карлъ Бопре!

Эдуардъ, который продолжалъ стоять въ нетерпѣливомъ ожиданіи удобной минуты открыть свое сердце, почувствовалъ, какъ-будто земля дрогнула подъ его ногами.

— Да, она прочла: *Карлъ Бопре*, продолжала повѣствовательница. — По мнѣ это имя вовсе не лучше всякаго другаго; но для причудницы оно показалось предвѣщаніемъ. Она забрала себѣ въ голову, что этотъ Карлъ былъ назначенный судьбою суженый; обратила на него болѣе снисходительное вниманіе, и удостовѣрилась, что наружность его была не безъ пріятности, и что, не смотря на излишнее движеніе глазъ во время пѣнія романсовъ, въ его голосѣ было выраженіе. Порядочная осанка, не безвкусный выборъ галстуховъ и булавокъ, произвели достаточное впечатлѣніе. Она какъ-будто полюбила его, начавъ съ имени. Что̀ дѣлать съ легкомысліемъ молодости: такая малость шатаетъ ее вправо и влѣво! Видишь ли, милый другъ, какимъ образомъ твой урокъ въ астрономіи, твое *сердце Карла*, надѣлали намъ столько хлопотъ!

И при этихъ словахъ, добрая ста рушка, не понимая, какую тяжкую рану наносила сердцу влюбленнаго, заключила свой разсказъ маленькимъ раскатистымъ смѣхомъ.

Вертикальное положеніе какъ-будто стало нестерпимо для Эдуарда: ноги его подгибались. Блѣдный, разстроенный, уничтоженный, онъ опустился на скамью, бросивъ взглядъ аспида на невинную старую женщину. Съ намѣреніемъ помочь ему, я спросилъ: почемужъ дѣвица, имѣвшая передъ собою всѣ надежды на счастливое взаимное чувство, такъ еще недавно рѣшалась вступить въ монастырь?

Digitized by Google

— Та, та, та! воскликнула бабушка. Вздоръ и ребячество — больше ничего. Женни ѣздила въ обитель повидаться съ крестной своей матерью, настоятельницей монастыря; поэзія тишины, можетъ быть одежда послушницъ, церковная музыка и пѣнье, все это обворожило ея чувства. Дочь моя, тетка Женни, увѣряла меня, что въ этой великой рѣшимости церковный органъ былъ главнымъ побужденіемъ; но первый вальсъ разрушилъ эту затѣю.

— Однакожъ, перебилъ я настойчиво, — какъ ни мимолетно было это намѣреніе, оно не предвѣщало ничего добраго въ пользу де Бопре.

— Разумѣется, — подхватилъ, проникнутый истиной моего замѣчанія, Эдуардъ.

— Къ тому же, прибавилъ я, — этотъ быстрый отказъ служить доказательствомъ взаимнаго равнодушія.

— Вы очень ошибаетесь, мой милый; вы ее вовсе не знаете; да это и не мудрено: я сама, хоть взростила ее, можно сказать, на рукахъ, заступая ей мѣсто матери, но плохо ее разумѣю. И теперь, не смотря на то, что она объяснила мнѣ, какъ нельзя болѣе, всѣ причины разрыва, я не совсѣмъ понимаю ихъ. Вы, господа, поученѣе меня, не растолкуете ли положительнѣе эти причины.

И старушка передала намъ послѣдовательно и подробно эти причины. Изъ всего слышаннаго и видѣннаго я вывелъ психологическое разрѣшеніе задачи, и представляю ее тебѣ, какъ философу, на подтвержденіе; но пройдемъ всѣ данныя по порядку, не будемъ смѣшивать начала съ концемъ, что позволительно только въ изображеніи эмблемы вѣчности — змѣи, которая поглощаетъ хвостъ.

Де Бопре, желая ревностно сохранить всѣ свои преимущества, явился въ замокъ въ ослѣпительномъ галстухѣ, въ лаковыхъ сапогахъ, въ перчаткахъ цвѣта *свѣжаго масла*, съ лорнетомъ въ глазу, въ завиткахъ и, однимъ словомъ, *побѣдителемъ*. Въ первый день онъ три раза перемѣнялъ туалетъ свой, къ неописанному удивленію полковника, который не зналъ другой перемѣны въ одеждѣ своей, какъ застегнутый или разстегнутый рядъ металлическихъ пуговицъ сертука.

Digitized by Google

Глядя на Парижскаго щеголя, сосѣдъ, привычный обѣденный гость, почелъ себя обязаннымъ явиться къ столу въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками, невидавшими свѣта ужъ около полутора десятка лѣтъ.

Женни своимъ инстинктомъ изящнаго почувствовала, что это щегольство, умѣстное въ городѣ, было неприлично въ деревнѣ, и дала замѣтить свое негодованіе.

Въ угоду ей, обожатель облекъ себя въ тиковую куртку, надѣлъ широчайшія шаравары безъ подтяжекъ, башмаки съ щиблетами, летучій галстухъ, соломенную шляпу съ широкими полями, — и Женни наградила его ласковымъ взглядомъ за добрую покорность. Но, не смотря на то, нашла его не слишкомъ интереснымъ.

Въ этой, по его собственному выраженію, сельской одеждѣ, онъ захотѣлъ войти въ духъ своей роли. Не имѣя возможности достать оранжерейнаго букета для возлюбленной, онъ вздумалъ самъ составить его изъ полевыхъ цвѣтовъ, но, будучи плохимъ садовникомъ, соорудилъ такой безобразный вѣникъ, что красавица разсмѣялась невольно; и онъ смѣялся вмѣстѣ съ ней, но чувствовалъ, что этотъ смѣхъ продолжался до излишества.

По обычаю, они посѣтили вмѣстѣ всѣ отдѣлы хозяйства старушки. Де Бопре нашелъ, что въ коровникѣ дурно пахнетъ, и не отымалъ во все время стекляночки отъ носа; даже духъ сѣна былъ ему также антипатиченъ.

Жуки мѣшали ему гулять подъ сѣнью деревъ, и отвращеніе, которое питалъ онъ къ безчисленнымъ жильцамъ злаковъ, лишало его удовольствія отдохнуть на травѣ.

Общество сговорилось взойти на гору, полюбоваться вечернимъ закатомъ солнца; онъ отказался, опасаясь росы.

Женни задала себѣ естественный вопросъ: *что дѣлать ей съ такимъ мужемъ, въ лѣтнее время года?*

Де Бопре, съ своей стороны, скучая деревенскими наслажденіями, рѣшился поспѣшить, послѣ переговоровъ съ родными, окончательнымъ переговоромъ съ Женни.

Онъ уловилъ минуту утренней одинокой прогулки Женни по цвѣтнику, прилежащему къ дому. Эта минута каза-

Digitized by Google

лась ему благопріятною; но, къ несчастію, онъ жестоко ошибся: Женни провела безпокойную ночь. Подъ вліяніемъ собиравшейся на небѣ грозы воздухъ былъ наэлектризованъ, барометръ опускался; а бабушка объявила намъ, въ скобкахъ, что съ давняго времени она замѣтила сочувствіе расположенія духа внучки ея съ пониженіемъ барометра.

Не упусти этого обстоятельства изъ вида.

Такимъ образомъ, въ недобрый часъ приступилъ нашъ обожатель къ нѣжному признанію, затрудняясь въ первомъ словѣ, какъ обыкновенно случается съ пѣвцами романсовъ, которые не понимаютъ, какъ сказать женщинѣ: «я люблю тебя, я тебя обожаю,» безъ необходимаго аккомпанимента фортепьяно.

Для первоначальнаго возбужденія воображенія своего, де Бопре освѣдомился о ея здоровьѣ. Въ эту минуту они шли рядомъ по узенькой дорожкѣ; Женни, огибая куртинку, усаженную фіалками, и боясь помять ихъ легкими своими стопами, отшатнулась къ противоположной сторонѣ; поклонникъ не преминулъ истолковать такое движеніе невольнымъ влеченіемъ къ любимому предмету.

Полагая, что время объясненія настало, онъ торопливо выжималъ изъ головы приличное вступленіе, и между тѣмъ нечувствительно топталъ роскошную плантацію Ирисовъ.

Женни, настроенная на дурное и бранчивое расположеніе духа вліяніемъ атмосферы, видя такое святотатство, свойственное впрочемъ уроженцамъ городовъ, вышла изъ себя, и въ ту самую минуту, какъ влюбленный началъ рѣчь:

— Замолчите, замолчите! крикнула она ему сухо и съ досадой, бросившись оборонять обиженныхъ питомцевъ своихъ.

Но потому ли, что смыслъ этого приказанія не былъ усвоенъ Бопре, или разогнавшись, въ пылу, не могъ уже остановиться, онъ продолжалъ свое изъясненіе, заговорилъ о золотой и лазурной будущности, о дерзости своихъ домогательствъ, о нѣжныхъ ожиданіяхъ, которыя однимъ ея словомъ могутъ обратиться въ сладостную дѣйствительность, и, не сомнѣваясь въ предназначенномъ ему благополучіи, онъ одушевился, слова и движенія его стали выра-

Digitized by Google

зительнѣе, краснорѣчивѣе, страстнѣе; но внезапный возгласъ Женни прервалъ ихъ неожиданно.

— Это невыносимо! вскрикнула она: — перестаньте!

Влюбленный ораторъ, разгорячившись до ослѣпленія, сбился съ дорожки и безпощадно ступалъ по цвѣтамъ. Однакоже, ожидая совершенно противнаго отвѣта, онъ вспыхнулъ.

— Такимъ-то образомъ принимаете вы мои чувства? сказалъ онъ.

— Оставьте пожалуста, не объ вашихъ чувствахъ, а о моихъ цвѣтахъ я забочусь, — отвѣчала Женни, съ сердцемъ.

— Такъ-то платите вы мнѣ за чистѣйшую привязанность?

— О, бѣдныя мой гвоздики! да подите пожалуйста прочь!

— Чтожъ это все значитъ, — вскрикнулъ наконецъ и Бопре: — шутки, насмѣшки, кокетство?....

— Кокетство, соотвѣтственное вашему невѣжеству!

— А! теперь я понимаю, что долженъ сію же минуту удалиться!

— Какъ вамъ угодно, мнѣ все равно.

— Прощайте же, и на вѣкъ!

И по роковой привычкѣ къ романсамъ, онъ повторилъ трижды: *на вѣкъ! на вѣкъ! на вѣкъ!*

Изъ этого разговора послѣдовалъ отъѣздъ претендента, обморокъ дѣвушки, упреки тетушки, заступничество бабушки, и въ заключеніе гнѣвъ полковника за оскорбленіе дочери.

Таково, мой другъ, содержаніе этого романа, который я передаю тебѣ въ томъ видѣ, въ которомъ изложился онъ въ моемъ разсудкѣ; я нашелъ не только смыслъ его, но и, канувъ на дно истиннаго источника, разрѣшилъ смыслъ загадки.

«Это ссора влюбленныхъ, которая кончится сама собою» — сказала, оставляя насъ, разболтавшаяся хозяйка.

Эдуардъ, какъ всѣ и люди, одаренные пылкимъ воображеніемъ, почитая себя за пол-часа на верху блаженства, низринулся съ гордой увѣренности своей въ крайнее разочарованіе.

Онъ дослушалъ довольно спокойно окончаніе разсказа, и когда мы остались наединѣ, онъ попробовалъ усомниться въ заключеніи старушки, и положилъ въ свою очередь объ-

Digitized by Google

яснится съ Женни. Ирисы и гвоздики казались ему предлогомъ, а не поводомъ.

Къ полудню красавица сошла въ гостиную. Увидѣвъ цвѣтущую ея наружность, Эдуардъ воскресилъ и свою надежду.

— Это все игра и притворство, — сказалъ онъ самъ себѣ.

Когда же она поклонилась ему съ улыбкою, всѣ его сомнѣнія исчезли, онъ опять залетѣлъ на седьмое небо.

Пошли гулять въ паркъ. Эдуардъ подалъ руку Женни. Но, увы, возвратился съ блѣднымъ лицемъ, шатаясь вошелъ въ свою комнату; я послѣдовалъ за нимъ.

— Это не женщина, а чудовище! — сказалъ онъ: — она отреклась отъ всего, все забыла! Такъ спокойно, такъ естественно говорила со мной, что я едва не усомнился въ самомъ себѣ.

— «А *сердце Карла*?»—спросилъ я, полагая поразить ее.

— «Помню, — отвѣчала она, — но васъ зовутъ Эдуардомъ, а имя Карла принадлежитъ де Бопре.»

— Что ты объ этомъ думаешь?— прибавилъ онъ: — знаешь ли что? поѣдемъ въ Гавръ. Мы сядемъ на пароходъ въ Каэнѣ.

Я понялъ, что онъ разсчитывалъ на долгій путь, для излеченія отъ любви, и надѣясь, что морская немощь поможетъ ему, согласился.

Не долго сбирались мы, и со вчерашняго дня уже расположились въ Гаврѣ, въ Испанской гостинницѣ, которой содержательница очень мила.

Во время переѣзда Эдуардъ, какъ герои Гомера, пасмурный и недвижный, глядѣлъ на волны и плакалъ. Теперь онъ уже больше не плачетъ; онъ даже вовсе не пасмуренъ.

Займемся же, на досугѣ, физіологическимъ толкованіемъ измѣнчивости Женни. Изъ трехъ влюбленныхъ каждый, разставаясь съ нею, высказалъ на счетъ ея невыгодное мнѣніе.

Бопре назвалъ ее кокеткой; Эдуардъ чудовищемъ, фальшивой и скрытной женщиной; ты капризной и причудливой.

Она не кокетка. Кокетство есть тактика, искусство; а она слѣдуетъ необдуманно первымъ движеніямъ сердца.

Digitized by Google

По тому же самому она не можетъ быть ни фальшива, ни скрытна.

Причуды и капризы точно также не могутъ быть ей приписаны. Капризъ и причуда есть желаніе безъ силы, воля безъ убѣжденія. Всѣ причуды и капризы исходятъ изъ внутренняго міра человѣка, въ то время какъ въ ней все происходитъ отъ наружнаго вліянія.

Еслибъ была возможность поставить ее въ среду неизмѣняемую, подъ давленіе однихъ и тѣхъ же наружныхъ вліяній, Женни вѣроятно сохранила бы одно и то же состояніе духа.

Для тѣхъ, которые встрѣчали ее только въ свѣтѣ, она осталась свѣтской женщиной, пріятнаго обращенія, достойной и безукоризненной осанки, взвѣшивающей каждое слово.

Для другихъ, которые видѣли ее въ деревнѣ, въ цвѣтникѣ и коровникѣ — это была милая, простая дѣвочка; потому что обстановка и самая одежда дѣйствуетъ на нее непосредственно. Полусумракъ монастыря и звукъ органа располагаютъ ее къ набожности; но эта же богомолка, посреди упоительнаго угара маскараднаго бала, становится кокеткой. Она говоритъ съ поселянами какъ поселянка, щебечетъ съ утренними пташками, хмурится при вечерней зарѣ. И солнце и мѣсяцъ и звѣзды имѣютъ на нее вліяніе. Перемѣна погоды измѣняетъ ея нравственное состояніе. Гроза приближается и кровь прихлынетъ къ ея сердцу; но буря пронеслась, атмосфера очистилась, и пульсъ ея приходитъ въ естественное состояніе, духъ возстаетъ, какъ ртуть въ стеклянной трубочкѣ. Эта женщина не кокетлива, не фальшива, не капризна, — она хуже всего этого — она женщина-барометръ.

Да, женщина-барометръ. Мнѣ нравится это выраженіе; сама бабушка ея натолкнула меня на него. Женщина-барометръ, то есть женщина *чрезвычайно воспріимчивая* и одаренная единственно физическою чувствительностію

Начиная съ этого открытія, я берусь развить цѣлую теорію вліянія атмосферической тяжести на одушевленныя тѣла.

Digitized by Google

Рыба *енюсъ*, суринамскій угорь, тетраодонъ и многія другія рыбы имѣютъ электрическое свойство. Но это свойство неужели принадлежитъ однѣмъ рыбамъ? Неужели человѣческій родъ совершенно отъ него избавленъ? Слабѣйшій и нѣжнѣйшій полъ, съ его впечатлительностію и нервностью, не подлежитъ ли этому закону?

Я почти осмѣливаюсь утверждать, что это свойство заключается въ селезенкѣ, въ органѣ, котораго отправленія неизвѣстны еще анатоміи. Въ скоромъ времени я надѣюсь сообщить свои наблюденіи ученому г. Фаредэй, котораго разсужденія объ электричествѣ должны заключиться объясненіемъ тайны положительнаго и отрицательнаго полюса женщины. Благодаря мнѣ и дѣвицѣ Буронъ, наука сдѣлаетъ гигантскій шагъ впередъ.

Когда я прочелъ Эдуарду мое описаніе, онъ улыбнулся, и я почитаю эту улыбку добрымъ знакомъ.

— Однако, не смотря ни на что, я утверждаю, что Женни любила меня, — сказалъ онъ.

— Да, ты внушилъ ей сельскую страсть, точно также какъ Бопре городскую. Эти враждебныя вліянія произвели въ ней реакцію, можетъ быть къ твоему счастію, мой мечтатель. Ты не смыслишь ничего въ вальсѣ въ два темпа и въ романсахъ; что бы, скажи, *въ такимъ мужемъ начала она дѣлать зимою?*

Въ ту пору, какъ разсуждали мы такимъ образомъ, набѣжавшія тучи обняли мгновенно небосклонъ, готовилась буря, и Эдуардъ, пройдясь по комнатѣ, безсознательно подошелъ къ висящему на стѣнѣ, въ видѣ украшенія, барометру, коснулся пальцемъ до стекла, и ртуть, какъ-будто отвѣчая ему, опустилась.

— О, какъ она должна быть несносна въ эту минуту! — сказалъ онъ. — Этимъ словомъ онъ призналъ и исповѣдалъ мое вѣрованіе!

Система моя торжествуетъ!

Прощай другъ, до свиданія. Завтра мы пускаемся по желѣзной дорогѣ.

Кипріанъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПУТЕШЕСТВІЕ АВГУСТА ГАУСМАНА.

(Продолженіе.)

СИНГАПУРЪ. — МАКАО. — КАНТОНЪ.

Мы выѣхали изъ Пондишери 26 іюля, въ 6 часовъ вечера, въ Мадрасъ, который находится въ разстояніи 30 миль оттуда. На другой день мы бросили якорь въ пристани, такъ же открытой всѣмъ непогодамъ, какъ и пристань Пондишери, что̀ не препятствуетъ однако же отчаяннымъ пловцамъ съ опасностію жизни бросаться въ море на утлыхъ лодкахъ, въ надеждѣ выручить нѣсколько рупій за коммиссіи пассажировъ.

Къ несчастію, краткость срока нашего пребыванія въ Мадрасѣ воспрепятствовала намъ посвятить на столько вниманія, сколько заслуживаетъ этотъ городъ.

1 августа, Архимедъ снова вышелъ въ море; прошелъ мимо Никобара, и 8-го вступилъ въ гавань острова Сингапура, лежащаго къ югу отъ Малакки. Почва Сингапура песчана и мѣстами глиниста; срединныя земли покрыты холмами чрезвычайно плодоносными. Треть острова обработана, остальная часть поросла густымъ лѣсомъ и кустарникомъ, гдѣ водится множество лютыхъ тигровъ. Это предательское животное не предупреждаетъ о своемъ приближеніи ни малѣйшимъ звукомъ голоса, и проникаетъ иногда на самыя мызы и даже въ предмѣстья городовъ. Достойная довѣренности особа разсказывала намъ, что огромный тигръ во-

Digitized by Google

шелъ однажды въ гостиную епископа Сингапурскаго, встрѣтилъ хозяина лицемъ къ лицу; но къ счастію, удалился, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда. По сдѣланному вычисленію, въ окрестностяхъ города тигры пожираютъ ежедневно по одному гражданину поднебесной имперіи; впрочемъ это вычисленіе въ нынѣшнее время становится преувеличеннымъ. Достовѣрно то, что тигры Сингапура — настоящіе, такъ называемые царскіе тигры, самой крупной породы.

Присоединеніемъ Сингапура къ Британскимъ владѣніямъ обязано правительство геніальной предусмотрительности Сира Стамфорсъ Ральфа, прежняго губернатора Явы, который, сообразивъ выгоды положенія острова, предложилъ Голландіи мѣну на Англійскій портъ Бенколенъ. Нынѣ Сингапуръ служитъ главнымъ складомъ торговли Европы съ Индіей, Китаемъ и Малайскимъ архипелагомъ. Цвѣтистые флаги всѣхъ народовъ развѣваются въ его пристани.

Климатъ Сингапура почитается здоровымъ, не смотря на зной. Народонаселеніе, торговля и процвѣтаніе города возрастаютъ очевидно.

Обработка земли производится Китайцами. Множество плантацій кофейнаго, мускатнаго и бумажнаго дерева, также гвоздики и какао, встрѣчается повсюду на островѣ.

Видъ пристани Сингапура великолѣпенъ, особливо утромъ, когда солнечные лучи освѣщаютъ его сквозь туманъ, которымъ часто покрытъ весь городъ. Самая пріятная сторона его находится близъ возвышенія холма, на которомъ водруженъ шестъ и флагъ. Этотъ холмъ окруженъ красивыми зданіями Англійскихъ негоціантовъ, Англійскихъ властей и иностранныхъ консуловъ. Два моста перекинуты черезъ рѣку. Лѣвая набережная застроена порядочными домами, по правой тянется рядъ грязныхъ лавокъ. Не далеко оттуда рынокъ и часть, заселенная Китайцами, вытѣсненными изъ отечества всякаго рода недостатками. Они переселяются въ эту новую и цвѣтущую колонію, гдѣ распространяютъ свои искусства и ремесла и размножаются невѣроятно. Двѣ трети

Digitized by Google

народонаселенія состоятъ нынѣ изъ этихъ произвольныхъ изгнанниковъ. Ежегодно прибываютъ они толпами въ такомъ жалкомъ положеніи, что рѣдко имѣютъ возможность заплатить за переѣздъ свой. Изнуренные, въ нищетѣ, они гнѣздятся въ зловонныхъ вертепахъ, дающихъ понятіе о грязномъ, бѣдномъ классѣ народа въ Китаѣ.

Нигдѣ нельзя встрѣтить такой пестроты одеждъ, какъ въ Сингапурѣ. Тутъ Кантонцы съ длинными чубами, въ кафтанахъ съ широкими рукавами, въ широкихъ шараварахъ; Фо-кіенцы въ черныхъ чалмахъ; Малайцы, которыхъ красивый станъ обрисовывается ужой курткой, въ щеголеватой на одну сторону фескѣ, изъ-подъ которой разсыпаются ихъ густые черные волосы. Рядомъ съ Арабомъ, въ бѣлой чалмѣ и короткой туникѣ, идущимъ важной поступью, шагаетъ Индійскій воинъ въ красной униформѣ, въ древней каскѣ, которая уцѣлѣла отъ вліяній Британскаго вкуса. Бѣлокурые сыны Альбіона снуютъ въ прекрасныхъ экипажахъ, покрывая пылью орлино-носыхъ Армянскихъ Жидовъ. Бенгальцы и Малабры въ бѣлыхъ туникахъ, и всѣ чада знойной Азіи, черной и бронзовой кожи, обритые и съ чубами, въ тогахъ и въ чалмахъ, нагіе и одѣтые въ пестрыя ткани, перетасованы вмѣстѣ.

Такое же разнообразіе въ исповѣданіяхъ религій. Въ Сингапурѣ есть храмы Вишну и Сивы, Брамы и Будды, синагоги, мечети, церкви протестантскія, каплицы католическія. Самое замѣчательное изъ этихъ зданій, безъ сомнѣнія, Китайская пагода, наружность которой представляетъ изхитрившуюся роскошь въ украшеніяхъ и живописи; однакоже очерки стѣнъ и куполовъ очень красивы. Въ пагоду ведетъ маленькій дворикъ, на который выходятъ главныя двери святилища. Въ этихъ дверяхъ навѣшано множество фонарей, странныхъ, разнообразныхъ, съ удивительными изображеніями. По обѣ стороны богатаго алтаря возвышаются два деревянныхъ божества, вооруженныхъ копьями; грозные, выпученные глаза этихъ божествъ почти выходятъ изъ вѣкъ; безобразныя уста ихъ представляютъ Римскую цифру V. Эти двѣ особы кажутся блюстителями другаго зна-

Digitized by Google

чительнѣйшаго божества. На слабомъ огнѣ алтаря курятся благовонія; повсюду украшенія изъ прекрасныхъ изваяній, между которыми повторяется чаще всего драконъ.

Проводники наши, Китайскіе бонзы или священники, показали намъ нѣсколько принадлежащихъ къ храму зданій. Въ однихъ мы видѣли фарфоровыхъ драконовъ, въ другихъ священныя вазы и алтари. Пронзительный крикъ привлекъ наше вниманіе: мы увидѣли несчастную собаку, которая спала неестественнымъ сномъ у подножія алтаря; ея судорожныя движенія проявляли какъ-будто дѣйствіе опіума; на головѣ у нея была огромная шишка, вѣроятно въ слѣдствіе удара. Была ли то жертва, приготовленная богамъ, или само животное представляло божество, мы не могли дознаться. Въ кухняхъ, принадлежащихъ къ храму, мы замѣтили двухъ довольно неопрятныхъ трапезующихъ, которые съ необыкновенной быстротой и ловкостію, съ помощію палочекъ, замѣняющихъ у Китайцевъ вилки, бросали въ ротъ какое-то рисовое яство. Европеецъ не съумѣлъ бы удовлетворить голода своего такимъ образомъ; но Китайцы для сокращенія пути держатъ чашку подъ самымъ ртомъ

Простившись съ бонзами, мы посѣтили нѣсколько Индійскихъ пагодъ и магометанскую мечеть. Довольно длинная колоннада, увѣшанная лампадами для ночныхъ служеній, ведетъ ко вратамъ храма. Мѣсто, гдѣ магометанинъ снимаетъ обувь, назначается предѣломъ, за который не переступаютъ исповѣдники другихъ религій. Первый обрядъ молящихся есть омовеніе въ ближнемъ бассейнѣ; послѣ того они входятъ въ обширный покой, гдѣ нѣтъ никакихъ священныхъ изображеній, и гдѣ только читаются нѣкоторыя правила Корана. Правовѣрные, послѣ перваго преклоненія встаютъ, подымая руки наравнѣ съ ушами, и, послѣ непродолжительнаго киванія головою, склоняются челомъ до земли. Эта пантомина довольно продолжительна.

Большая часть Сингапурскихъ Малайцевъ исповѣдуютъ магометанскую религію. Выходцы Архипелага, этого разбойничьяго гнѣзда — они принесли съ собою навыки воровства и убійства. Такого рода преступленія вовсе не рѣдки

Digitized by Google

въ Сингапурѣ. *Крисъ* — ихъ народное оружіе, родъ витаго кинжала, — всегда за поясомъ. Они безпрерывно жуютъ *бетель*, и отличаются мрачнымъ, хитрымъ взглядомъ и лицемѣрною личиною.

Европейское общество не многочисленно въ Сингапурѣ, и живетъ тамъ довольно скучно. Нецомѣрный зной лишаетъ всякóй возможности ходить пѣшкомъ; надо непремѣнно отправляться въ экипажѣ. Этотъ экипажъ — длинные и узкіе четырехъ-угольные ящики, называемые *паланкинами*. Въ нихъ впрягаютъ лошадку, за которой бѣжитъ черный возница, управляя возжами и подгоняя ее голосомъ и тѣлодвиженіями. Ввечеру, когда въ воздухѣ ощущается маленькая свѣжесть, выѣзжаютъ гулять въ этихъ же самыхъ паланкинахъ на берегъ моря, по прекрасному битому шоссе.

9-го августа мы распрощались съ Сингапуромъ, сдѣлавъ запасъ угля, и пустились въ путь къ Филиппинской группѣ.

13-го одинъ изъ пассажировъ Архимеда заболѣлъ холерою, и въ тотъ же вечеръ тѣло его предано было волнамъ въ холщевомъ мѣшкѣ, въ который положили ядро. Ничего не можетъ быть проще и грустнѣе похоронъ на водномъ походѣ. Человѣкъ умретъ; парусный мастеръ получитъ приказаніе сшить саванъ, служащій гробомъ, и — съ наступленіемъ ночи, четыре матроса выносятъ усопшаго на палубу и, не говоря ни слова, выбрасываютъ за бортъ.

18-го октября мы подошли къ Манильи, имѣя возможность посвятить только полсутки столицѣ Филиппинскихъ острововъ. Но мысль, что на возвратномъ пути мы посѣтимъ его снова, успокоила наше любопытство. Такимъ образомъ, откладывая до времени все, что могу сказать объ этомъ городѣ, я упоминаю только объ одномъ обстоятельствѣ, которое вѣроятно никогда не повторится: — это недѣля, на которой было двѣ субботы. Когда Испанцы ступили на Филиппинскіе острова, они утратили одни сутки во время пути, по случаю обращенія земли въ противную сторону ихъ направленія. Эта утрата дня и сохранялась въ

Digitized by Google

календарѣ Манильи до 1-го января 1845 года. Такимъ образомъ, пріѣхавъ на островъ въ воскресенье, мы еще застали на немъ субботу.

Намъ предсказывали усиленіе южныхъ *муссоновъ*, что̀ и оправдалось въ первые дни нашего плаванія.

19-го Архимедъ взялъ рѣшительное направленіе къ Китаю. 24-го подъ сильнымъ дождемъ мы вошли въ Макао — мѣсто нашего назначенія. Этотъ городъ лежитъ на маленькомъ полуостровѣ, при входѣ въ рѣку Кантона, окруженный каменистыми островками, заграждающими устье.

Макао, уступленный Китайцами Португаліи, имѣетъ не болѣе 8 миль окружности и занимаетъ почти весь маленькій полуостровъ, отдѣленный отъ Срединнаго царства, какъ всѣ доступные Европейцамъ порты его, крѣпкой стѣною, оберегаемой военной стражей. Три бѣдныхъ селенія: Монга, Патань и Лапа, населенная прокаженными, составляютъ его принадлежности. Климатъ Макао здоровъ, мѣстоположеніе чрезвычайно живописно. Съ пристани городъ представляется амфитеатромъ, уставленнымъ линіею красивыхъ домовъ, которыхъ симметричныя окна и колоннады тянутся по набережной *Praia-Grande*.

Макао дѣлится на двѣ части, Португальскую и Китайскую. Первая отличается опрятностію, правильностію постройки и красивыми зданіями. Въ нынѣшнее время лучшія улицы большею частію опустѣли, прекрасные дома окружены одичалыми садами, въ которыхъ царствуетъ нарушимое безмолвіе. Въ Китайскомъ городѣ только одинъ порядочный домъ подъ двумя флагами; не вдалекѣ отъ него обширный рынокъ, обставленный лавками, заваленный рыбной, овощной продажею. Тутъ же находятся бойни. Грязныя, шумныя, многолюдныя улицы этой стороны представляютъ рѣзкую противоположность съ чистотой и безлюдьемъ Португальской.

Близъ церкви св. Антонія, въ прекрасномъ саду одного изъ жителей, склепъ Камоэнса. Тутъ великій поэтъ, изгнанный изъ отечества, кончалъ свою Лузіаду и кончилъ жизнь.

Digitized by Google

Подъ сводомъ, который называютъ гротомъ, стоитъ монументъ и бюстъ почившаго.

Народонаселеніе Макао состоитъ изъ 40 до 50,000 Китайцевъ, и отъ 5 до 6,000 бѣлыхъ, метисовъ и черныхъ. Настоящіе Макайцы представляютъ смѣсь Португальской, Китайской, Малайской и Индійской крови.

Ничего не можетъ быть страшнѣе Макайскаго пауперизма. На каждомъ шагу встрѣчаются нищіе, пугающіе разноголоснымъ воемъ и отвратительными движеніями. Они бьютъ головой о мостовую улицы и обнажаютъ гніющія раны свои. Женщины вторятъ имъ заунывнымъ пѣніемъ и рыданіями. Разумѣется, что одежда этихъ несчастныхъ неизобразима. У большей части изъ нихъ нѣтъ другаго жилища, кромѣ городской больницы прокаженныхъ св. Лазаря, гдѣ средоточіе всѣхъ язвъ человѣчества.

Три баркадера Praia-Grande служатъ вертепами старымъ Китайскихъ лодочныхъ перевощицъ, которыхъ зовутъ *tankas*.

Путешественникъ не можетъ пристать къ мелкому берегу, вынужденный бросить якорь въ довольно отдаленномъ отъ него разстояніи, и тутъ оглушаетъ его пронзительный вопль нападающихъ, подобно хищнымъ птицамъ, визгливыхъ *танкасъ*, повторяющихъ хоромъ: «my boat, my boat, captain» (мою лодку, мою лодку, капитанъ). Каждая изъ нихъ наперерывъ хватаетъ пожитки пріѣзжаго, который въ одинъ мигъ лишается своего расхищеннаго имущества. За перевозъ его *танкасъ* тотчасъ просятъ платы. Впрочемъ эти бѣдныя женщины смотрятъ такъ добродушно, что нѣтъ ни какой возможности на нихъ сердиться, особливо когда знаешь ихъ несчастное существованіе и трудъ, которымъ онѣ добываютъ хлѣбъ свой. Лодки служатъ имъ единственнымъ убѣжищемъ днемъ и ночью и во всѣ времена года. Предки этихъ перевощицъ, эмигрантки ост. Формозы, испросили нѣкогда у Китайскаго правительства позволеніе поселиться на берегахъ провинціи Куанъ-Туангъ, съ тѣмъ только, чтобъ не основывать тамъ постоянныхъ жилищъ. И потому-то въ подвижной обители *танкасъ* имѣ-

Digitized by Google

щается все ея хозяйство: маленькая печь, ложе и скамейка; по рогожнымъ стѣнкамъ начерчены имена и надписи, наклеены картинки; тутъ же маленькій запасъ прѣсной воды, дровъ и самой бѣдной пищи. На кормѣ лодки устроенъ этотъ тростниковый шатеръ, и кормчій женскаго пола правитъ кормиломъ, какъ рыба хвостомъ; на носу лодки сидитъ вооруженная весломъ *танкасъ*. Иногда за спиной ея пищитъ ребенокъ. Мать, оберегая безпрестанно это сокровище отъ опасности, удвоиваетъ ловкость и силу.

Одежда *танкасъ* самая странная. Голова ихъ по обыкновенію окутана платкомъ, темнаго цвѣта, нахлобученнымъ на подобіе капишона, такъ, что изъ-подъ него почти не видать смуглаго, загорѣлаго лица женщины. Какой-то балахонъ съ широкими и короткими рукавами покрываетъ тѣло до колѣна. Шаравары, также изъ темной ткани, надѣты на босыя ноги ихъ, никогда не знающія обуви, и такъ же какъ руки, всегда украшенныя браслетами изъ бѣлаго, прозрачнаго камня. Безсмѣнная улыбка ихъ осклабляетъ бѣлые зубы, которые эффектно отдѣляются на смугломъ лицѣ.

Типъ этого земноводнаго созданія нынѣ весьма нарушенъ: въ лицахъ *танкасъ* замѣтно смѣшеніе Китайскаго, Португальскаго и Малайскаго образца — естественное слѣдствіе безнравственной жизни. Бурливость ихъ рѣзко противорѣчитъ тихому характеру другихъ Китайскихъ женщинъ.

Довольно замѣчательны изъ жителей Макао *Парси*, потомки древнихъ Персовъ, которые изъ Англійскихъ Индійскихъ владѣній доходятъ съ торговлею своей до Китая. Ботъ въ короткихъ словахъ исторія этого кочующаго племени: побѣды калифа Омара въ Персіи, въ седьмомъ столѣтіи по Р. Х., вынудили послѣдователей Зороастра для свободнаго отправленія своего богослуженія покинуть родину. Они взяли различныя направленія, и большая часть изъ нихъ удалилась къ заливу Ормусъ; но и тамъ не находя желаемой свободы, они должны были переселиться въ Діу. Угнетенія, причиняемыя имъ Португальцами, послѣ 17-лѣтняго пребыванія, снова отодвинули ихъ въ Санжанъ, кото-

Digitized by Google

раго властитель принялъ ихъ очень хорошо, требуя однако же покорности, сложенія оружія, оставленія народной одежды и своего языка. *Парси* согласились говорить по-Санскритски и пожертвовать многими своими обычаями. Они стали жить спокойно, и въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ распространились по Индіи.

Со времени водворенія Англичанъ на Азіатской почвѣ, *Парси* появились во множествѣ въ Бомбаѣ, въ Калькуттѣ и въ Мадрасѣ. Нынѣ считается ихъ, въ Англійскихъ владѣніяхъ, до 50,000.

Они продолжаютъ исповѣдывать религію Зороастра, но имѣютъ не всѣ книги этого законодателя. Они обожаютъ огонь. Пять разъ въ день читаютъ свои молитвы и дѣлаютъ частыя омовенія. Жизнь ихъ очень порядочна. Они дѣятельны, воздержны и дружелюбны. Тѣ, которые по какому-нибудь несчастію лишаются своего достоянія, тотчасъ получаютъ вспомоществованіе.

Парси наиболѣе занимаются торговлей и оказываютъ въ этомъ промыслѣ большое искусство. Они дѣлаютъ значительные обороты чаемъ, опіумомъ, бумагой и шелкомъ. Они очень хорошо владѣютъ Англійскимъ языкомъ и почитаютъ себя Британскими подданными даже въ Китаѣ. Одежда ихъ странна и не красива: широкая бѣлая туника, нисходящая до половины икры, не обрисовываетъ стана и даетъ свободу животу, почти всегда обширному, произвольно распространяться. Зимняя одежда дѣлается изъ темнаго сукна. Головной уборъ ихъ состоитъ изъ плоской кожаной шляпы безъ полей. Не смотря на это безобразное одѣяніе, мирятъ съ ними прекрасныя восточныя черты ихъ, орлиные носы, блѣдный цвѣтъ лица, густые смуглые усы и брови и выразительные блестящіе глаза. *Парси* брѣютъ голову. Ихъ можно встрѣтить бродящими толпами по набережной или на кладбищѣ — любимой прогулкѣ почти всѣхъ восточныхъ народовъ.

Въ Макао множество Ласкаровъ и Малайцевъ. Это разнообразіе жителей очень занимаетъ путешественниковъ. Къ

Digitized by Google

этой пестротѣ надо прибавить шумъ, частый трескъ ракетъ и блескъ огней, которыми сопровождаются почти всѣ Китайскіе религіозные обряды. Стукотня ночныхъ стражей, вѣчный шумъ на гавани, безпрерывно раздающіеся звуки музыкальнаго Китайскаго орудія *гонги*, суета лодокъ въ заливѣ, частыя тревоги отъ ожиданія бури при южныхъ *муссонахъ*, и всѣ новые обычаи этой, совершенно отличной отъ Европейской, гражданственности, дѣлаютъ необъяснимое впечатлѣніе при вступленіи на землю Китая. Здѣсь я не рисую еще портрета Китайской народности, которая не отличается въ Макао отъ Кантонской, — объ ней буду говорить далѣе; теперь дамъ понятіе о родѣ управленія.

Въ главѣ этого управленія стоятъ: губернаторъ, или правитель, именующій себя вице-королемъ; *увидоръ* или представитель правосудія, носящій званіе министра и имѣющій товарища; епископъ и его *коаджуторъ*; прокуроръ, казначей, актуарій и главный сборщикъ податей.

Тзо-тангъ есть единственный представитель Китайской власти въ Макао.

Помѣстная дань (la rente foncière), платимая Португаліей Китаю, состоитъ изъ 4,000 франковъ ежегодно. Китайское правительство сохранило права свои въ Макао, предоставленной Португальцамъ въ наемное владѣніе. Гарнизонъ Макао состоитъ изъ 400 черныхъ солдатъ, набираемыхъ въ Индіи, которыми командуютъ Европейскіе офицеры.

Великолѣпныя зданія, разсѣянныя по разнымъ частямъ города, свидѣтельствуютъ о прежнемъ его величіи, но запретительная система Португаліи, которая казалась процвѣтающею въ 1840—41 годахъ, изгнала Англійскихъ негоціантовъ, которые переселились въ Гон-Конгъ и пріѣзжаютъ теперь въ Макао только для излеченія себя отъ лихорадки.

1 октября было первое свиданіе Французскаго министра Лагрене съ вице-королемъ Ки-ингъ, имѣющимъ пребываніе въ Кантонѣ. Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ минуты, когда Франція и Китай впервые встанутъ другъ передъ другомъ въ лицахъ своихъ уполномоченныхъ пословъ.

Digitized by Google

Съ самаго утра густая толпа Китайцевъ окружила домъ Французскаго посланника, гдѣ собраны были всѣ офицеры Французской морской дивизіи и члены торговаго отдѣленія и посольства.

Пушечные выстрѣлы возвѣстили о томъ, что прибывшій Ки-ингъ вышелъ изъ пагоды, и тотчасъ получены были большія красныя визитныя карточки, за которыми слѣдовалъ самъ представитель Китайскаго двора. Раздался звукъ литавръ, или гонговъ, употребляемыхъ при торжественныхъ ходахъ, при духовныхъ празднествахъ и въ воинскихъ маршахъ. Впереди показались несущіе на шестахъ значки — красныя дощечки, на которыхъ начертаны страшныя слова: *«отсторонись и молчи.»* Вице-король приближается. За этими вѣстниками шли палачи въ красной одеждѣ, съ цѣпями, кольями и плетями. Эти страшныя особы подъ странными головными уборами своими представляли самыя смѣшныя и глупыя фигуры. У одного изъ нихъ вмѣсто шляпы была на головѣ проволочная клѣтка, гдѣ сидѣли плѣнники — разныя птички: это былъ символъ участи, ожидавшей непокорныхъ; у другихъ головы обвиты были вѣнцами съ павлиными перьями, придававшими какой-то воздушный видъ. Эти спутники высокой особы держали наготовѣ бамбуковыя палки на ослушныхъ. Труппа изъ 30 Монгольскихъ Татаръ, вооруженныхъ саблями и стрѣлами, сидящихъ на тощихъ лошадяхъ, ѣхала за ними въ безпорядкѣ, на разноцвѣтныхъ и разнокалиберныхъ сѣдлахъ. Всадники были въ голубыхъ туникахъ, поддернутыхъ сзади, и въ большихъ берейторскихъ сапогахъ. За этой кавалеріей слѣдовала пѣхота изъ 150 человѣкъ, какъ-будто снабженная чѣмъ попало: ружьями, пиками, стрѣлами, алебардами и дреколіемъ; но почти всѣ имѣли у пояса двѣ маленькія шпажки въ одной ножнѣ. Въ рядахъ замѣтно было много знаменъ, исписанныхъ начертаніями. Форменный нарядъ ихъ состоялъ изъ поношенныхъ красныхъ полукафтаньевъ съ широкими рукавами, шляпы изъ чернаго войлока, съ приподнятыми полями, и низпадающимъ съ маковки краснымъ шелковымъ или волосянымъ султаномъ.

Digitized by Google

Самое замѣчательное въ снарядѣ этой плачевной милиціи были щиты, изображающіе страшныя головы тигра или дракона, которыхъ разинутыя пасти и грозные глаза ужасаютъ зрителя.

За султанами шли держащіе зонтики и служители вице-короля. За ними носильщики паланкина, осѣняющаго самую особу посланника, окруженнаго многочисленной свитой. Весь поѣздъ остановился передъ крыльцомъ уполномоченнаго Французскаго министра, который вышелъ на лѣстницу на встрѣчу Ки-ингу.

Этотъ высокій Китайскій сановникъ кажется 60 лѣтъ; въ немъ очевиденъ Татарскій типъ: выдвинутыя скулы, сплющенный носъ, маленькіе живые глаза. Ки-ингъ средняго роста и плотнаго сложенія. Онъ носитъ чубъ, усы и долгую прядь волосъ подъ бородою. Онъ былъ одѣтъ въ голубое шелковое платье, сверхъ котораго было надѣто другое, темнаго цвѣта, съ широкими рукавами; на головѣ его была лѣтняя соломенная шляпа, остроконечной формы, украшенная павлинымъ перомъ, низпадающимъ назадъ и прикрѣпленнымъ красной пуговицей перваго разряда.

Ки-ингъ занимаетъ постъ вице-короля провинцій Куангтунгъ и Куанг-си; онъ же главный блюститель пяти портовъ, въ которыхъ исправляетъ должность правителя иностранныхъ дѣлъ и военнаго начальника, какъ помощникъ наслѣдника трона и родственникъ императора. Этотъ послѣдній титулъ кажется ему всѣхъ дороже. Онъ имѣетъ славу человѣка обширнаго и образованнаго ума и высокихъ достоинствъ. Онъ одаренъ силой воли и здравымъ смысломъ еще болѣе, чѣмъ способностями. Это человѣкъ болѣе всего практическій, умѣющій примѣнить себя къ обстоятельствамъ и свободный отъ предразсудковъ. Этотъ тонкій дипломатъ былъ прежде военачальникомъ и исправлялъ тяжелое ремесло солдата съ тѣмъ же отличіемъ, съ какимъ дѣлалъ обширныя политическія соображенія.

Свиту вице-короля составляли нѣсколько замѣчательныхъ сановниковъ: Гуангъ-ньятунгъ, бывшій казначеемъ,

Digitized by Google

нынѣ вице-губернаторъ Кантона. Его литературныя заслуги, доставивъ ему славу во всей имперіи, возвели его на степень государственнаго вельможи, но рожденіе его было темное. Онъ членъ Пекинской академіи, пользуется титуломъ *ганлина*, то есть, «вознесеннаго на вершину древа познанія»; гражданственныя и правительственныя занятія не совершенно отвлекли его отъ поэзіи. Онъ обладаетъ полной довѣренностію Ки-инга, который не предпринимаетъ ничего важнаго безъ его совѣта, и предоставляетъ ему право оспоривать самые тонкіе вопросы, зная силу его краснорѣчія. Въ Китаѣ ожидаютъ, что въ скоромъ времени золотая печать императорскаго коммиссара достанется Гуангу, и что Ки-ингъ получитъ мѣсто правителя внутреннихъ дѣлъ, которое занималъ много лѣтъ отецъ его.

Гуангу, говорятъ, 46 лѣтъ отъ роду; онъ имѣетъ уже внучатъ, но лице его кажется очень юнымъ. Черты его тонки и пріятны, улыбка не сходитъ съ устъ его, продолговатый подбородокъ его обозначаетъ энергическую волю. Взглядъ его чрезвычайно кротокъ, высокій лобъ его обозначаетъ живой умъ и блестящее воображеніе. Одинъ плосковатый носъ его можетъ не нравиться Европейцамъ; но пріятность и свобода его обращенія обворожительны. Можно было бы желать нѣкотораго сокращенія частыхъ его наклоновъ головы, слишкомъ громкихъ восклицаній о! и а! черезъ-чуръ театральныхъ всплескиваній рукъ, если бъ это не были непремѣнныя принадлежности высокато Китайскаго этикета.

Въ числѣ свиты вице-короля замѣтенъ былъ также толстый Пун-тинг-куа, могучій богачь, не слишкомъ любимый соотечественниками, которымъ онъ внушаетъ нѣкотораго рода зависть. Его денежная значительность возвела его на степень почетнаго мандарина третьяго класса и доставила ему титулъ пан-ге-чека, равняющагося съ Европейскимъ превосходительствомъ; но въ торговомъ классѣ Китая, Англіи и Америки, имѣющемъ съ нимъ сношенія, онъ извѣстенъ просто подъ именемъ купца Пун-тинг-куа.

Digitized by Google

Послѣ него обращаетъ на себя вниманіе академикъ *Тзао*, существо отмѣнно долгое и сухое, непріятной наружности, изрытое оспой и носящее огромныя очки, которыя дополняютъ его педагогическую личность.

Всѣ эти господа были одѣты довольно скромно, изукрашены павлиными перьями, которыя служатъ у нихъ знаками отличія, какъ наши Европейскіе ордена и звѣзды. Всѣ они носятъ на большомъ пальцѣ руки кольцо, которымъ въ прежнее время выдергивались удобно стрѣлы, точно такъ же, вѣроятно, какъ Черкесы отгибаютъ кольцомъ курокъ пистолета; но нынѣ это кольцо служитъ только преданіемъ старины.

Вице-король сѣлъ на кресло между министромъ Лагрене и контръ-адмираломъ Сицилійскимъ. Уполномоченный посолъ сдѣлалъ чрезъ переводчика императорскому коммиссару нѣсколько вопросовъ о Китаѣ; Ки-ингъ въ свою очередь освѣдомился о географическомъ положеніи Франціи и Россіи, о способѣ путешествій въ Европѣ; его, казалось, крайне изумляло толкованіе о нашихъ пароходахъ.

Послѣ непродолжительнаго разговора, Французскій министръ просилъ Китайскаго вице-короля къ столу. Все Китайское общество было весело и любезно. Ки-ингъ при прощаніи съ сожалѣніемъ объявилъ Французамъ, что, не говоря на языкѣ ихъ, онъ не могъ высказать десятой доли всего, что желалъ бы передать. За тѣмъ былъ данъ сигналъ отъѣзда, и тѣмъ же порядкомъ тронулся поѣздъ къ квартирѣ Португальскаго губернатора, которому вице-король сдѣлалъ короткое посѣщеніе до отбытія своего обратно.

3-го октября, по приглашенію вице-короля, Французскій министръ со свитою своего посольства, съ Французскимъ консуломъ и морскими офицерами отправился въ пагоду Китайскаго сановника.

Мы перешли нѣсколько длинныхъ коридоровъ, которые привели насъ на четырехъ-угольную площадку, на половину возвышенную нѣсколькими ступенями; одна часть, за исклю-

Digitized by Google

ченіемъ множества фонарей, напоминала Европейскую гостиную, а другая была во вкусѣ совершенно Китайскомъ, украшенная маленькими карликами-деревцами и цвѣтами. Мы усѣлись въ каре вдоль по стѣнамъ, и намъ подали чай на маленькихъ столикахъ. Послѣ чаю насъ провели въ обширную столовую, гдѣ посадили за огромный столъ, уставленный фруктами, лакомствами и вареньями. Вмѣсто двухъ Китайскихъ палочекъ хозяинъ, прославленный гостепріимствомъ, приготовилъ для насъ Европейскіе приборы. Послѣ вареньевъ, которыми обыкновенно начинается Китайская трапеза, подана была похлебка изъ *салангановъ* — птичьихъ гнѣздъ,— это самое утонченное блюдо кухни Срединнаго царства, и оно, по нашему мнѣнію, вполнѣ заслуживаетъ такое предпочтеніе. Эти гнѣзда, вывозимыя изъ острововъ Малайскаго архипелага, испытываютъ цѣлый рядъ очищеній и приготовленій до своего появленія въ томъ видѣ, въ которомъ подаются они на столахъ Лукулловъ Китая. Они представляютъ отмѣнно вкусную, бѣловатую, клейкую массу. За саланганами слѣдовали рыбьи перышки, поджаренныя въ маслѣ, піявки подъ сочной приправой, которыя заслужили одобреніе многихъ гостей, *голотурисъ*, извѣстныя подъ именемъ морскихъ ланей — отвратительныя зеленоватыя улитки, которыхъ Китайцы почитаютъ сильнымъ афродисіакомъ, и которыя приготовляются множествомъ различныхъ способовъ. Блюда же, принесенныя на закуску вмѣсто десерта, состояли изъ ветчины, разныхъ птицъ, жареной цѣликомъ свиной туши и бычачей грудины.

Въ продолженіе всего обѣда веселость и любезность Ки-инга, Гуанга и другихъ мандариновъ были неистощимы. Казалось, что шампанское гораздо болѣе было по вкусу Китайцевъ, нежели *сам-шу*, которымъ они насъ подчивали, было по вкусу намъ. Это сам-шу приготовляется изъ настоя рисовой водки на разныхъ плодахъ, подслащеннаго сахаромъ. Они безпрерывно предлагали намъ новые заздравные кубки и, осушивъ, опрокидывали ихъ въ знакъ великой пріязни, которая оказывалась также удѣленіемъ какого-нибудь лакомаго кусочка съ собственной тарелки. Отъ ча-

Digitized by Google

стаго повторенія такихъ учтивостей академикъ *Тзао* закачался на стулѣ и скользнулъ на полъ; двое слугъ вывели его въ другую комнату.

Ки-ингъ занималъ между тѣмъ самыми лестными рѣчами своего гостя. «Я императорскій коммиссаръ Китая, вы императорскій коммиссаръ Французовъ, говорилъ онъ, но мы оба не два, а одинъ, потому что у насъ обоихъ одно сердце.»

Вице-король довольно тщеславится родствомъ своимъ съ царствующимъ императоромъ. Во время обѣда онъ показалъ намъ ладонку, надѣтую на четки, которую всегда носитъ на шеѣ. Онъ объяснилъ намъ, что этого цвѣта подобныя ладонки имѣютъ право носить только члены царской фамиліи.

Французскій министръ поручилъ спросить вице-короля, настало ли время императорскихъ охотъ въ Татаріи? По оживленію лица Ки-инга, при утвердительномъ отвѣтѣ, министръ замѣтилъ, что узнаетъ въ немъ охотника; и въ самомъ дѣлѣ, за нѣсколько дней до пріѣзда своего, по порученію императора, въ Кантонъ великій сановникъ собственноручно затравилъ оленя.

Любезный Гуангъ былъ также очень оживленъ въ продолженіе обѣда. Лагрене, освѣдомясь о его поэтическомъ талантѣ, просилъ его написать нѣсколько стиховъ, въ память ему, на вѣерѣ. Казначей отвѣчалъ, что ему пріятнѣе будетъ начертить какое-нибудь правило Конфуція. «Я желаю имѣть ваши стихи, а не догматы священныхъ книгъ, сказалъ министръ; мы имѣемъ на Французскомъ языкѣ полнаго Конфуція.» Тогда поэтъ согласился написать что-нибудь собственное, и пожелалъ знать, какое мнѣніе имѣютъ Французы о Китайскомъ философѣ. На что поспѣшили тотчасъ увѣрить его, что во Франціи умѣютъ цѣнить и уважать высокое во всѣхъ религіяхъ. «Всѣ люди, обожающіе Бога, отвѣчалъ Гуангъ, суть братья; они должны любить и понимать другъ друга.»

Digitized by Google

Послѣ обѣда общество перешло въ прекрасную маленькую комнатку, обитую красной тканью. Послѣ непродолжительнаго разговора уполномоченный министръ возвратился домой.

Нѣсколько такихъ и подобныхъ обѣдовъ было обмѣнено въ продолженіе переговоровъ, покуда былъ подписанъ трактатъ, 24 октября 1844 года, въ день Ніаіа-тзъ, почитаемый Китайцами добрознаменательнымъ для совершенія бракосочетаній. Этотъ день былъ избранъ ими для торжественнаго соединенія двухъ имперій.

Архимедъ нарядился во всѣ лучшія свои убранства. Драпировка изъ разноцвѣтныхъ флаговъ раздѣлила палубу на два обширныхъ покоя, уставленныхъ импровизированной мебелью. Залпъ пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстилъ, въ половинѣ 6-го часа утра, что вице-король выступилъ изъ дому, и другой, оглушившій окрестность въ 6 часовъ, далъ знать о его прибытіи на *Праіа-Гранде*, гдѣ на дебаркадерѣ были по этому случаю воздвигнуты тріумфальные ворота. Французскій министръ и контръ-адмиралъ Сесиль вышли на палубу. Около 8 часовъ Ки-ингъ вступилъ на бортъ; ему салютовали тремя пушечными выстрѣлами, предписываемыми строгимъ Китайскимъ этикетомъ. Лагрене и контръ-адмиралъ взяли его подъ руки, довели до дивана, и усадивъ, заняли мѣста по обѣимъ сторонамъ. Въ 10 часовъ въ каютъ-компаніи былъ поданъ завтракъ. Ки-ингъ удивлялся роскоши, которой Китайскіе мореходцы мало пользуются. Къ полудню опять общество вышло на палубу; послѣ чая вице-король отдохнулъ немного, и потомъ отправился осматривать машину и устройство парохода.

Военныя суда, стоявшія на дорогѣ, извѣщенныя о проѣздѣ Ки-инга, салютовали ему тремя пушечными выстрѣлами. Противный вѣтеръ замедлялъ ходъ нашъ, и только къ 5 часамъ мы поравнялись съ Bocca-Tigris (пастью тигра), отстоящей на равномъ разстояніи отъ Кантона и Макао. Этимъ именемъ называется устье Жемчужной или Кантонской рѣки.

Digitized by Google

Дрянныя Китайскія укрѣпленія, плохо защищенныя, безъ труда повергаютъ ихъ во власть осаждающихъ. Война за опіумъ, 1841 года, несомнѣнно доказала безсиліе Бокка-тигрисъ и состояніе совершеннаго невѣжества и варварства, въ которомъ находится до сихъ поръ военное искусство въ Китаѣ. Въ продолженіе одного дня, всѣ эти укрѣпленія, которыми гордились Китайцы, пали; Британское знамя развилось на всѣхъ возвышеніяхъ, и горсть Англійскаго войска, которое Китайцы имѣли повелѣніе отъ императора вырѣзать до-тла, обрѣла огромныя выгоды, не потерявъ ни одного человѣка.

Послѣ обѣда пущенныя ракеты отвѣчали на иллюминацію и салютацію съ укрѣпленій, расположенныхъ по берегамъ рѣки Кантона. Скоро настала торжественная минута: трактатъ былъ подписанъ въ каютѣ капитана, послѣ чего вице-король и Французскій министръ дружественно поцѣловались.

При повторенныхъ тостахъ Архимедъ дошелъ до островка Вампу, гдѣ повторились пушечные выстрѣлы; вице-король пересѣлъ на военное судно, на которомъ въ ту же ночь отправился въ Кантонъ.

На слѣдующее утро уполномоченный министръ отправился въ Макао, а мы съ прочими путешественниками, въ нетерпѣніи видѣть Кантонъ, сошли на Китайскую лодку, которая шла въ городъ.

Хорошенькое селеніе Вампу расположено на склонѣ зеленаго, покрытаго лѣсомъ холма, въ довольно близкомъ разстояніи отъ Кантона. Къ этому островку пристаютъ иностранныя суда съ товарами, которымъ воспрещенъ ввозъ въ Кантонъ.

Окрестности Вампу чрезвычайно плодородны; много сахарныхъ плантацій, очень обширныхъ и прекрасно обработанныхъ, окружаютъ его. Дорога отъ Вампу къ Кантону живописна. Группы долголиственныхъ банановъ, померанцевыя рощи, бамбуковыя и рисовыя плантаціи слѣдуютъ одна за другою по берегамъ рѣки. Тамъ и сямъ женщины,

Digitized by Google

по колѣно въ водѣ, собираютъ раковины. На правой сторонѣ видно нѣсколько девятиэтажныхъ башень, воздвигнутыхъ на возвышеніяхъ, на подобіе памятниковъ. Эти зданія называются по-Китайски *Та-тзе*. Многіе почитаютъ ихъ музеями для храненія святынь буддизма. Но мнѣ было сдѣлано другое толкованіе о ихъ назначеніи однимъ Китайскимъ христіаниномъ, служившимъ при Французскомъ министрѣ толмачемъ, во время его странствованія на сѣверѣ.

Китайцы полагаютъ, что *земля есть одушевленное существо*. По ихъ мнѣнію, она, какъ тѣло человѣческое, съ которымъ они ее сравниваютъ, имѣетъ артеріи, по которымъ струится духъ жизни. Мѣста прилива этого тока отвѣчаютъ человѣческому пульсу, и такъ какъ перевязка на тѣлѣ сосредоточиваетъ теченіе крови, то Китайцы строятъ свои башни въ мѣстахъ, гдѣ хотятъ сосредоточить животворящую силу земли. И такія точки почитаются приносящими всякое благоденствіе всему окружающему.

На нѣкоторыхъ разстояніяхъ мы встрѣчали обширныя рыболовли. Искусство ловить рыбу наиболѣе усовершенствовано въ Китаѣ. Мы вступали въ Кантонъ, сквозь безчисленную флотилію лодокъ, которыя здѣсь составляютъ какое-то необычайное предмѣстье города. Число этихъ лодокъ, отъ Кантона до Бокка-тигрисъ полагаютъ до 84 тысячъ, а вмѣщаемое ими народонаселеніе до 300 тысячъ человѣкъ. Нельзя дать понятія о движеніи въ этомъ водяномъ городѣ. Тутъ рынки овощные и рыбные, тамъ продаютъ скотъ, далѣе обширные дровяные плавающіе дворы. Межъ нихъ разнообразятъ видъ военныя суда съ пестрыми флагами, и купеческія, пришедшія съ сѣвера Китая, окрашенныя въ черный, бѣлый и красный цвѣта, имѣющія на носу два огромные глаза—символы бдительности и ловкости, которыми украшаются всѣ Китайскія суда. Парусы Кантонскихъ лодокъ дѣлаются изъ тростниковыхъ цыновокъ, распущенныхъ вѣеромъ на кольяхъ. Сѣверные Китайскіе плаватели употребляютъ паруса изъ бумажной ткани темнаго цвѣта.

Лѣвый и сѣверный берега этой части Кантона, въ которой лодки построены улицами, представляютъ рядъ бам-

Digitized by Google

буковыхъ домиковъ ничтожной наружности. Подымаясь вверхъ по рѣкѣ, наѣзжаешь на два островка, извѣстные подъ именами »Folie française« и «Folie hollandaise». Далѣе развѣваются флаги Британскіе, Французскіе и Американскіе. Подвигаясь впередъ, проходишь мимо линіи игорныхъ лодокъ и подступаешь къ линіи цвѣточныхъ лодокъ — притоновъ разнороднаго восточнаго сладострастія. Лодки имѣютъ между собой удобное сообщеніе и уставлены параллельно и плотно, на самомъ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Въ нихъ ведетъ общая дверь, всегда открытая для приходящихъ, украшенная позолотою и рѣзьбою, представляющей аллегорическія фигуры и знаки, смыслъ которыхъ, объясненный блестящими надписями, не оставляетъ, вѣроятно, никакого недоумѣнія для Китайцевъ. Цвѣточныя лодки съ золоченными дверьми, съ изукрашенными окнами, служатъ въ одно и тоже время рестораціями, концертными залами и притонами разврата. Кажется, что Китайцы, движимые тонкимъ чувствомъ нравственности, соединяютъ всѣ земныя наслажденія и всю человѣческую безнравственность въ этомъ водномъ жилищѣ, чтобы домы и города ихъ были чисты отъ постыдныхъ зрѣлищъ.

Мирный странникъ, котораго, приведетъ въ эти предѣлы единственная цѣль — любознаніе, посѣтивъ цвѣточную лодку днемъ, не найдетъ въ ней ничего зазорнаго, потому что только къ вечеру эти храмы Венеры наполняются веселыми жрицами. Переступивъ черезъ порогъ, входишь въ комнату, увѣшанную люстрами, украшенную картинами, букетами и корзинами, наполненными цвѣтами. Ступивъ нѣсколько ступеней ниже, входишь въ покой, гдѣ даются ночныя празднества. Множество зеркалъ и фонарей составляютъ его убранство; посрединѣ маленькій алтарь посвященъ богамъ наслажденій. Кухни и людскія находятся отдѣльно при каждой лодкѣ. Комнаты освѣщены двумя рядами оконъ, которыя закрываются подвижными *жалузи*. Палуба замѣняетъ террасу или балконъ, куда посѣтители выходятъ въ сумерки курить трубки опіума. Цвѣточныя лодки стоятъ также недвижно, какъ дома. Необычаенъ видъ

Digitized by Google

порядка и правильности этихъ кварталовъ, улицъ и площадей, устроенныхъ на поверхности рѣки. Многіе Европейскіе города не перещеголяютъ этого плывучаго города. И какая ловкость и смѣтливость, какой вѣрный глазъ у лодочниковъ, которые лавируютъ промежъ легіоновъ челноковъ, снующихъ во всѣхъ направленіяхъ.

Въ противоположность цвѣточнымъ лодкамъ стоятъ въ отдаленіи бѣдныя лодки нищихъ и прокаженныхъ.

Недалеко оттуда возвышается укрѣпленіе Ша-минъ, все-таки на лѣвомъ берегу рѣки. Тутъ разбросано нѣсколько дрянныхъ, полуразрушенныхъ хижинъ, устроенныхъ на водѣ, на сваяхъ, изъ бамбуковыхъ жердей, покрытыхъ цыновками. Эти хижины служатъ временными тюрьмами для преступниковъ, которые въ нихъ не укрыты ни отъ холода, ни отъ дождя. Минуя укрѣпленія, подходишь къ кварталу Ша-минъ, въ которомъ живетъ грубая и дерзкая чернь. Тамъ дѣти и женщины кричатъ, при встрѣчѣ съ иностранцемъ: *фан-куай* (что значитъ: чортъ-пріѣзжій), и дѣлаютъ знаки, что ему слѣдуетъ отрѣзать голову. Не смотря на это, берутъ въ милостинку *со-пекъ*, мѣдную монету. Этотъ грустный кварталъ — послѣднее съ той стороны господство города надъ водою. Отсюда слѣдуетъ выступить на берегъ, гдѣ растительность свѣжа, богата и пріятна для глазъ. Рѣка представляетъ живое зрѣлище: множество лодокъ съ произведеніями внутреннихъ странъ государства ждутъ мѣны груза своего на произведенія чужеземныя. Не менѣе оживляютъ видъ плывущіе по рѣкѣ плоты сплавленнаго бамбука и другаго строеваго лѣса.

Таковъ видъ лѣваго берега. На правомъ и полуденномъ прежде всего бросается въ глаза буддическая пагода. Тутъ пересѣкаетъ рѣку ведущій въ Макао каналъ. Еще очень недавно каждый иностранецъ долженъ былъ имѣть позволеніе Китайскаго правительства, для свободнаго проѣзда по этому каналу.

Въ одной милѣ отъ этого канала, находится другой, который ведетъ къ садамъ, называемымъ Фа-ти. Въ этихъ

Digitized by Google

садахъ производится обработка цвѣтовъ, рѣдкихъ растеній и плодоносныхъ деревъ. Цвѣты разводятся въ горшкахъ страннаго вида, представляющихъ маленькихъ слоновъ, буйволовъ и бегемотовъ, вылѣпленныхъ изъ черной глины. Въ спинѣ этихъ животныхъ продѣланы скважинки, въ которыя выходитъ наружу стебель растенія.

Чу-гуа, или *царская желтая астра*, растетъ въ изобиліи въ Фа-ти, такъ же какъ и въ другихъ садахъ Китая. Вѣтви этого цвѣтка разпяливаются вѣеромъ или опрокинутымъ конусомъ, на маленькихъ палочкахъ, что̀ и придаетъ растенію искусственную форму. *Камеліи* Фа-ти великолѣпны и растутъ въ грунтѣ. Тамъ замѣтили мы множество апельсинныхъ деревъ-карликовъ; плоды ихъ довольно пріятны; но вкуснѣе всего въ этихъ апельсинахъ ихъ кожа.

Мы дали уже достаточное понятіе о предмѣстьяхъ и окрестностяхъ Кантона; описали оба берега Чо-кіанга. Время ступить на землю. Европеецъ, подъѣзжая къ Кантону, выгружается въ кварталѣ Факторіи, гдѣ встрѣчаютъ его, также какъ и въ Макао, стаи *танкасъ*, которыя налетаютъ на судно, бросившее якорь, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пристани.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СИЛЬСФИЛЬДЪ.

Имя Сильсфильда (Charles Sealsfield), кажется, еще до сихъ поръ не пріобрѣло у насъ извѣстности, хотя этотъ писатель, безъ сомнѣнія, рѣдко замѣчательное явленіе въ теперешней литературѣ. Современникъ Дикенса, можетъ быть, ему не уступающій, онъ вдвойнѣ соперникъ знаменитаго Англійскаго сочинителя, онъ художникъ Американскій. Быстро идетъ впередъ эта Америка; вотъ ужь и писатели ея становятся наравнѣ съ Европейскими.

Чарльсъ Сильсфильдъ явился неожиданно на литературномъ поприщѣ; безъ подписи имени, безъ помощи, безъ приверженцевъ, издалъ онъ въ Филадельфіи, въ 1828 г., свой первый романъ: *Tokeah, or the white rose*, передѣланный и перепечатанный потомъ подъ другимъ названіемъ; за нимъ послѣдовалъ, въ Ньюйоркскомъ журналѣ, *The mirror*, отрывокъ: *Ночь на берегахъ Тенесси* (*A night on the banks of the Tenessee*), и въ 1834 году написанный на Нѣмецкомъ языкѣ: *Вирей и аристократы, или Мексика 1812 года.* Съ тѣхъ поръ Сильсфильдъ сталъ уже постоянно писать по-Нѣмецки. Явился въ печати его *Мортонъ*; въ немъ дѣйствіе перенесено въ Европу, и романъ, можетъ быть, по этой причинѣ, слабѣе другихъ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ опять рядъ разсказовъ подъ общимъ названіемъ: *Картины жизни Западнаго полушарія* (*Lebensbilder aus der westlichen Hemisphäre*); ихъ заключаетъ превосходная повѣсть *Натанъ*, за которой еще послѣдовали *Каютная книга* (*Das Cajütenbuch*) и *Югъ и Сѣверъ* (*Süd und Nord*). Всѣ эти постепенныя произведенія да-

Digitized by Google

ровитаго писателя распространились неимовѣрно быстро въ его обширномъ отечествѣ, и обратили на себя, хотя нѣсколько медленнѣе, общее вниманіе Германскихъ читателей; изумила и поразила ихъ свѣжесть колорита этой живой и полной характеристики Американскаго быта во всѣхъ его оттѣнкахъ. Диккенсъ, посѣщая Америку, видѣлъ только темную сторону могучаго народа, и схватилъ ее мѣтко, съ радостію Англійской своей ненависти, которая становится уже нѣсколько смѣшна. Мистриссъ Троллопъ ужаснулась Американской привычки плевать вокругъ себя и жевать табакъ; оно и въ самомъ дѣлѣ непріятно; но Американецъ не только грѣшитъ противъ хорошаго тона, и не только считаетъ доллары; въ немъ есть еще другое, въ немъ есть та желѣзная воля, тотъ неустрашимый и непреклонный духъ, который побѣждаетъ природу, и населяетъ ужасныя пустыни Луизіаны. Да, Сильсфильдъ правъ: въ этомъ безлюдьи, гдѣ бродитъ лишь волкъ, медвѣдь, катуаръ и трапперъ, чья человѣческая свирѣпость хуже всякой звѣрской, близъ этого неистоваго Миссисипи, который усѣянъ имъ вырванными, вѣковыми корнями, который несется мимо не какъ плодотворитель, но какъ дикій, разрушающій завователь, въ этой сторонѣ, гдѣ все путаетъ пришлеца, гдѣ лягушка реветъ какъ быкъ * и сова хохочетъ какъ дьяволъ, среди этихъ безконечныхъ болотъ, гдѣ гнѣздятся милліоны змѣй и голодныхъ аллигаторовъ, гдѣ вѣтеръ приноситъ смерть, — да, поселиться на этихъ берегахъ, идти на встрѣчу безчисленнымъ бѣдствіямъ и ежечасной опасности, съ холодомъ и зноемъ, съ землей и волнами вынесть борьбу, о которой не разскажетъ никакая газета, — да, это подвигъ, выше побѣдъ какого-нибудь Гунна или Татарина, и тотъ, кто первый построилъ свою хижину въ этой страшной глуши, былъ великій человѣкъ.

И теперь, по этому могучему Миссисипи носятся сотни пароходовъ, мимо безконечнаго ряду великолѣпныхъ жи-

---

* Лягушка эта называется по реву своему *Bullfrog*.

Digitized by Google

лищъ и цвѣтущихъ плантацій, и Американецъ можетъ взглянуть съ гордостью на богатые берега: вдоль нихъ онъ ребенкомъ видѣлъ лишь одно необъятное болото.

Все это сдѣлано имъ только изъ корысти, съ цѣлью обогатиться, возразите вы. — Нѣтъ, безнравственное начало не имѣетъ такихъ счастливыхъ послѣдствій; корысть не въ состояніи поддерживать силу народа; корысть не сдѣлаетъ его побѣдителемъ въ кровавой и упорной войнѣ; корысть не обогащаетъ края, а разоряетъ его; корысть Англіи лишила ее Америки, и лишитъ ее, можетъ быть, когда-нибудь Индіи и Китая. Нѣтъ, не корысть главная причина изумительныхъ успѣховъ Американца; въ немъ есть другое чувство, другое стремленіе.....

Сильсфильдъ любитъ и знаетъ свой народъ; онъ знакомъ со всѣми его необходимыми недостатками и со всѣми его достоинствами Въ картинахъ геніальнаго художника изображены всѣ разнородныя дѣти этой молодой и сильной почвы, южный плантаторъ и сѣверный Янки, буйный Кентукецъ и легкомысленный креолъ, залѣсный скуаттеръ и Алабамскій разбойникъ; всѣ они обрисованы такъ живо, такъ отчетливо, что прочитать эти повѣсти значитъ почти съѣздить въ Америку. — Переводимъ два-три отрывка.

Ральфъ Доуби, молодой Кентукецъ, разсказываетъ друзьямъ за столомъ, на пароходѣ, какъ неожиданно разстроилась его свадьба.

.....

— Разскажу, все вамъ разскажу, честно признаюсь, какъ случилось, что миссъ Варренъ,— ну, услышите; въ первый разъ объ этомъ говорю, но пускай; хочу, чтобъ вы узнали и сообразили, и меня съ ней судили. Ну, такъ клянусь, услышите же.

Знайте жъ, это было въ іюнѣ, тому ровно осемь недѣль, да три дня; было это въ пятницу, какъ мы отправились. Терпѣть не могу пятницъ; никакой морякъ, никакой охотникъ ихъ не любитъ; проклятые дни! Всѣ мои несчастія

Digitized by Google

случались со мной по пятницамъ. Думалось мнѣ уже, какъ мы ступили на пароходъ Элленъ Макъ-Грегоръ; но смолчалъ, не поддаюсь суевѣрію; а морщилась ужь и тогда миссъ Эмилія Барренъ. А я былъ такъ веселъ, какъ мы всѣ вмѣстѣ отправились; я слѣдовалъ за ней на каждомъ шагу, такъ что мнѣ раза два случилось наступить на оборку ея платья.

— Это была ошибка, Доуби.

— Пустяки! что это значитъ! ничего. Сказалъ ей, чтобъ она объ этомъ не заботилась, что я ей цѣлую лавку такихъ тряпокъ куплю, когда прибудемъ въ Ньюйоркъ, или въ Цинцинати, или въ Луивиль, гдѣ ей угодно. — Она ничего не отвѣчала, но когда я ей въ третій разъ оборвалъ оборку, она замѣтила, что если это такъ пойдетъ дальше, то у ней до Луивиля не останется ни одного цѣлаго платья. Цѣлое или не цѣлое, вы все же такая красоточка, миссъ, сказалъ я, что васъ такъ бы и съѣлъ. — Болѣе вѣжливаго комплимента никто въ Кентукѣ не отпускалъ, но она словно и не слыхала.

На третій день говоритъ мнѣ старикъ Варренъ: мистеръ Доуби, говоритъ онъ тихонько, извините дражайшій мистеръ Доуби, но не думаете ли вы, что вы въ нѣкоторомъ отношеніи слишкомъ много крѣпкихъ напитковъ пьете, и этимъ не только вредите своему здоровью, но и вашимъ соотечественникамъ дурной примѣръ подаете, о чемъ должно жалѣть.

—Дурной примѣръ? говорю я, должно жалѣть?—слишкомъ пью? говорю я, мистеръ Варренъ? я слишкомъ много крѣпкихъ напитковъ пью? Не думаю этого, и если вы это думаете, то ошибаетесь. Еще не то увидите, увидите, что можетъ выпить Кентукецъ, не сваливаясь съ ногъ.—Думалъ я старику показать, съ какимъ онъ человѣкомъ говоритъ, что это не какой-нибудь тонконогій, дрянной Янки, который цѣлый день сидитъ, повѣсивъ носъ. — Увидите, сказалъ я; но онъ покачалъ головой, и отошелъ; а я поглядѣлъ, и покачалъ также головой. — Вотъ! узналъ потомъ, что

Digitized by Google

онъ предсѣдатель общества умѣренности; чортъ возьми ихъ всѣхъ!.... Общества умѣренности!.... Къ чему же и ромъ, коли его не пить?

.....

Было ровно два часа по полудни, въ седьмой день съ отъѣзда, какъ мы достигли Волчьяго острова, который, какъ знаете, находится недалеко отъ Новаго Мадрита, пониже втеченія Огіо въ Миссисипи. Взлетѣла съ тѣхъ поръ бѣдная Эяленъ Макъ-Грегоръ, какъ знаете, ровно у Новаго Мадрита, и спровадила полсотни пассажировъ на тотъ свѣтъ, ровно передъ Новымъ Мадритомъ. Поровнялись мы съ Волчьимъ островомъ, гдѣ догнали Плоубой, и Гунтресъ, и еще два-три парохода; былъ порядочный флотикъ. Сидѣлъ я съ миссъ Варренъ и старикомъ въ дамской комнатѣ; оба они очень были молчаливы; вдругъ говоритъ кто-то: идетъ Джорджъ Вашингтонъ. — Великолѣпный пароходъ этотъ Джорджъ; блеститъ и сверкаетъ издали этотъ пловучій дворецъ, и летитъ такъ легко, такъ ловко, словно утка. Просто прелесть! — Сидѣлъ я все еще возлѣ миссъ Варренъ, но признаюсь, сидѣлъ какъ на булавкахъ. Отчего это мы мужчины такъ боимся этихъ юбокъ? Вдругъ говорятъ: Вашингтонъ насъ опережаетъ. — Я прыгъ, бѣгу на верхъ; точно, несется онъ во всей красѣ, тарара! тарара! и шумя, и гремя, какъ Наполеонъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Славно было смотрѣть на этого Джорджа; шелъ посреди другихъ пароходовъ, догналъ ихъ всѣхъ; стояли мы и глядѣли, сколько насъ было, и у каждаго изъ насъ билось сердце. Позвонили къ обѣду, но никто не тронулся съ мѣста. — Капитанъ, закричалъ я, намъ нельзя пустить его впередъ, нельзя намъ отстать съ честью; мы должны показать, что мы Миссисипійцы. — Мистеръ Доуби, говоритъ онъ, это Джорджъ Вашингтонъ, силы двухъ-сотъ двадцати лошадей, говоритъ онъ. — И, все вздоръ, говорю я, нѣтъ въ немъ силы двухъ-сотъ двадцати лошадей; вы это только говорите, чтобы вывернуться; а если бъ въ немъ была сила и трехъ-сотъ лошадей, я все-таки укоротилъ бы стремена и пришпорилъ бѣгуна своего.

Digitized by Google

И капитану сдѣлалось такъ жарко, когда я это сказалъ; глаза его вперились въ приближающійся пароходъ, который ужъ всѣхъ другихъ оставилъ за собой и подходилъ къ намъ, какъ будто мы толстокожіе Англичане, а они молодцы Американцы, кому все ни почемъ. И покуда капитанъ смотрѣлъ, покраснѣлъ онъ, и посинѣлъ, и позеленѣлъ, и заскрежеталъ зубами, и такъ укусилъ губы, что кровь потекла. И ближе шумѣлъ Вашингтонъ, и сильнѣй свисталъ паръ, и раздирало намъ уши ихъ ура! — Капитанъ, закричалъ я, Вашингтонъ насъ опережаетъ; Элленъ Макъ-Грегоръ обезчещена! — Капитанъ стоялъ блѣдный, какъ известка, потъ выступилъ на лицѣ, глаза налились кровью. Вашингтонъ уже обогналъ всѣ остальные пароходы, и они ему кричали въ слѣдъ и радовались, что дѣло доходило до насъ. — Капитанъ, вскрикнулъ я опять, хотите ли уступить, не тронувшись? Корабль новъ, пустите его! — Онъ сбѣжалъ внизъ и гаркнулъ: Топи! топи! high pressure! high pressure! — Валяйте, ребята, закричалъ я, валяйте что есть духу! — И пошли они топить, да топить, что потъ съ нихъ градомъ лилъ, и въ нашихъ трубахъ поднялся свистъ на славу. Мы только что вплыли въ Огіо, обокъ съ Башингтономъ, вдругъ вбѣгаетъ къ намъ на палубу старикъ Варренъ съ Эмиліей, и кричатъ: мистеръ Доуби, ради Бога! мистеръ Доуби! капитанъ! ради самого Бога! мистеръ Доуби! капитанъ! и кричатъ: мистеръ Доуби! я требую отъ васъ — хотите ли вы себя, и пароходъ, и соотечественниковъ своихъ погубить? хотите ли идти въ запуски съ Джорджомъ Вашингтономъ?—Ради Бога, мистеръ Доуби! кричитъ Эмилія. — Мистеръ Доуби! кричитъ старикъ, я требую отъ васъ, употребите ваше вліяніе, чтобъ капитанъ отступился. — Пустяки! говорю я, ничего; мы не хотимъ идти въ запуски съ Башингтономъ, мы только хотимъ посмотрѣть, какой корабль идетъ скорѣй. — Этого нельзя допустить; я протестую, безопасность нашихъ согражданъ, наша собственная! если котелъ лопнетъ? — Э! безопасность согражданъ, говорю я; сограждане наши безопасны. Мы не идемъ въ запуски, мистеръ Варренъ, говорю я, мы только хо-

Digitized by Google

тимъ минутку посмотрѣть, кто идетъ скорѣй. — Мистеръ Доуби, кричитъ Эмилія внѣ себя, и бросается на меня, и тащитъ меня внизъ къ машинѣ, и виситъ на мнѣ, и проситъ, и умоляетъ: мистеръ Доуби! если вы меня мало-мальски любите, — уважаете, хотѣла я сказать, то употребите свое вліяніе, помѣшайте — и потомъ вырывается опять, и бѣжитъ къ капитану, который стоялъ возлѣ машиниста.

Вашингтонъ былъ вплоть за нами; мы, какъ сказано, вплыли въ Огіо. А вы знаете, что Миссисипи, катясь прямо съ верху, своимъ токомъ отгоняетъ Огіо нѣсколько миль назадъ, къ Тринити*. Лучшаго мѣста для такого бѣга на свѣтѣ нѣтъ. Обѣ рѣки ровно нужной ширины; токъ, если вы дошли до входа въ Огіо, чрезвычайно благопріятенъ, именно потому что Миссисипи съ верху напираетъ. Мы имѣли преимущество надъ противникомъ, который цѣлъ по сторонѣ Кентуки, и приближался съ удвоеннымъ шумомъ, а за нимъ другіе пять пароходовъ, которые также пришпорили. Но наша Эллень Макъ-Грегоръ была все еще впереди.—Чортъ бы тутъ не пустился! Воздухъ раскалялся, паръ, свистъ, шумъ, ревъ. — Вотъ непріятель былъ на волосъ отъ насъ.—Эллень Макъ-Грегоръ! держись храбро! кричу я: валяй! подкидывайте, ребята! десять долларовъ, если не полѣнитесь! — Ура! закричали всѣ пассажиры, ура! Вашингтонъ отстаетъ! — Капитанъ смотрѣлъ, но слова вымолвить не могъ, стиснулъ губы, стоялъ какъ истуканъ. — Мы шли двадцать узловъ, и уже должны были выдержать, или попасть въ кучу за нами слѣдующихъ пароходовъ. Всѣ доски трещали, машина дрожала и ревѣла; паръ шипѣлъ, вылъ. — Эллень Макъ-Грегоръ славная баба, крикнулъ я, храбрая Шотландка, съ душкомъ! — И точно, она неслась какъ молодой конь, которому въ первый разъ врѣзались шпоры въ бока; она уже не плыла, она летѣла какъ птица, какъ буря летѣла она; волны бѣлѣющаго Огіо катились передъ ней какъ изъ Фультонской машины; все не-

* Тринити построенъ въ пяти миляхъ отъ соединенія Огіо съ Миссисипи.

Digitized by Google

истовѣе становился ея бѣгъ; правый берегъ мчался мимо какъ бѣшеный; лѣса пролетали какъ въ паническомъ страхѣ; лѣвый берегъ уносился; огромныя деревья скакали какъ вѣдьмы на помелахъ. За нами исчезали высокіе края Миссури съ лѣсами въ глубинѣ и съ выдающейся плантаціей великаго Кентукца;* она становилась меньше съ каждой секундой, черезъ минуту казалась величиною съ голубятникъ; все текло и неслось спереди и сзади, все спѣшило, летѣло, гремѣло; мы себя не помнили; гулъ криковъ, семь пароходовъ, шипя, кипя, пылая—все сливалось и исчезало передъ нашими глазами. — Лѣсъ близъ Тринитѝ летѣлъ намъ на встрѣчу, мы мчались, колеса трещали, люди ревѣли со всѣхъ сторонъ: ура! ура! — Это былъ бой богатырскій, — Тринитѝ, наша цѣль передъ нами, мы почти побѣдители. — Вдругъ кричитъ капитанъ: онъ впереди! — и глядитъ, и хватается за перило, кусая губы. — Капитанъ, говорю я, онъ не впереди. — Смотрите, мистеръ Доуби, говоритъ онъ, смотрите. Я посмотрѣлъ, и у меня потемнѣло въ глазахъ. Шелъ на славу этотъ Вашингтонъ. Понялъ я, что онъ черезъ двѣ минуты заткнетъ насъ за поясъ. И не прошло двухъ минутъ. — Ей-Богу опередилъ, крикнулъ я. — Опередилъ, произнесъ капитанъ въ полголоса; онъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ, я не могъ говорить, а онъ, право, долженъ былъ держаться за перило, чтобъ не свалиться съ ногъ. — Нѣчего было дѣлать; настигъ онъ насъ; десять секундъ, и треть его длины поравнялась съ нашей; еще десять секундъ, двѣ трети, и черезъ полминуты пролетѣлъ онъ гордо мимо насъ, крича намъ въ уши свое ура! и остальные пароходы подхватили, и только и слышно было что ура, да ура! Я въ этотъ мигъ далъ бы тысячу долларовъ, еслибъ мы двѣ минуты прежде достигли Тринитѝ. Вдругъ съ низу кричатъ: лопнулъ котелъ!.... и взгремѣло — и въ тотъ же мигъ свистъ и клокотанье. — Счастливый путь къ вѣчности! сказалъ я. — Но все было

* Полковникъ Бунъ (*Boone*), первый поселенецъ въ Кентуки, извѣстенъ своими отчаянными битвами съ Индійцами.

Digitized by Google

вздоръ; закричали это два негра, вслѣдъ за миссъ Эмиліей и за ея отцемъ, и за старухами въ женскомъ покоѣ. — Сбѣжали онѣ къ машинисту, стали его просить, умолять, и всѣ эти бабы такъ вскружили ему голову, что онъ ихъ послушался и открылъ вентиляторъ; а мы были ужъ только въ полмилѣ отъ Тринити. Я увѣренъ, что если бы проклятый трусъ этого не сдѣлалъ, мы бы не отстали отъ Вашингтона, потому что онъ врядъ ли двѣ минуты прежде насъ прибылъ. — Я бросился на злодѣя: такъ былъ взбѣшенъ! когда бъ не капитанъ и пара знакомыхъ, я бъ его тутъ же приколотилъ, еслибъ мнѣ это и тысячу долларовъ стало. По дѣломъ было бы ему, безчестному мерзавцу.

И такъ мы прибыли въ Тринити, махнувъ пять миль менѣе чѣмъ въ двѣнадцать минутъ. Но миссъ Варренъ была такъ сердита, и старикъ такъ озлобленъ и сухъ. — Что жъ дѣлать? честь дороже всего.

— Но вы были же и безумно-отважны, замѣтилъ Ричардсъ.

— Безумно-отваженъ? возразилъ Доуби съ негодованіемъ; безумно отваженъ, когда дѣло идетъ о чести?

— Что жъ! честь парохода?

— Что жъ! говорите вы, Ричардсъ! Еслибъ я не зналъ что вы достойный уроженецъ нашей Виргиніи, клянусь, я бы васъ принялъ за какого-нибудь вялаго креола. Что жъ! говорите вы, честь парохода? А я вамъ говорю, пароходъ также корабль, и большой; да и къ тому Американскій корабль, чисто Американскій; нашъ онъ, мы его изобрѣли; старый міръ во вѣки вѣковъ этой штуки бы не выдумалъ, а мы такъ выдумали! Что жъ! говорите вы, продолжалъ онъ съ жаромъ. А еслибъ Перси сказалъ что жъ! у озера Эри, или Ларенсъ, или Роджерсъ, или Портеръ? Пожалуй, можно о всемъ сказать: чтожъ! — о чести парохода, корабля, края. А я говорю вамъ, тотъ, кто скажетъ: что жъ! когда опередятъ его корабль, тотъ скажетъ: что жъ! когда его и возьмутъ; и тотъ, кто не вспыхнетъ, видя, что мимо его корабля другой

Digitized by Google

гордо пролетаетъ, тотъ.... Я говорю вамъ, эта гордость есть соревнованіе, а въ этомъ соревнованіи состоитъ все.

— Но жизнь сколькихъ людей!

— Говорю вамъ, изо ста двадцати пассажировъ, которые были на пароходѣ, врядъ ли трое, исключая мерзлаго Варрена, да бабъ, не согласились бы быть сварены въ кипяткѣ, только бъ двумя минутами прежде прибыть въ Тринити.

Мы захохотали, но онъ говорилъ правду; какъ ни хладнокровно-спокоенъ, разсудительно-холоденъ бываетъ обыкновенно Американецъ, но въ подобныхъ случаяхъ согрѣвается его амфибическая кровь, и въ желаніи домчать свой корабль до цѣли прежде другихъ, онъ забываетъ,—что рѣдко съ нимъ случается, — жену, дѣтей и имущество; о собственной его жизни и рѣчи нѣтъ; онъ — бѣшеный, рискующій всѣмъ, и смерть пяти-сотъ или тысячи гражданъ, которой онъ ежегодно платится за такое безуміе, кажется, усиливаетъ только въ немъ эту горячку.

Очень забавно жалуется креолъ на безпрестанную дѣятельность Американцевъ.

.....

— Охъ! эти Американскіе джентльмены, продолжалъ маленькій monsieur Rideau,—что ни говори, неугомонные они джентльмены, покою не даютъ, а мы хотимъ покоя, и не добьемся его. Съ году на годъ все хуже, съ каждымъ днемъ какое-нибудь новое мученье, все работа, да забота. Вотъ собираются, и мы должны отправиться на *митингъ*. Нужна новая дорога, говорятъ они, дорога изъ Александріи въ Начитохесъ. Хорошо, говоримъ мы, дадимъ денегъ, исполнимъ ихъ волю, сдѣлаемъ дорогу въ Начитохесъ, и заставимъ работать своихъ негровъ, хотя наши отцы, которые тоже были не изъ послѣднихъ, обходились безъ дороги въ Начитохесъ. Даемъ мы и денегъ, и негровъ на дорогу въ Начитохесъ. Еще она не готова, какъ эти Американскіе джентльмены опять собираются на митингъ, и говорятъ, что дорога должна продолжаться отъ Начитохеса до Сабина.

Digitized by Google

Чортъ возьми Сабинъ, говоримъ мы; что намъ тамъ дѣлать, гдѣ водятся лишь волки, да медвѣди, да дикіе Индійцы? Торговля съ Мексикой, говорятъ они; иначе поселенцы у Миссури завладѣютъ всей караванной торговлею съ Мексикой и Санта-Фэ; мы должны здѣсь противодѣйствовать, имѣть дорогу до Сабина. — Хорошо, говоримъ мы; будь такъ, проведемъ мы дорогу до Сабина, но тогда ужь оставьте насъ въ покоѣ.

Дорога еще въ половину не кончена, они уже опять идутъ съ новымъ требованіемъ: дорогу должно проложить дальше, въ Накогдохесъ. Morbleu! говоримъ мы, къ какой намъ стати Накогдохесъ, который принадлежитъ къ Мексикѣ? Торговля съ Санта-Фэ, говорятъ они; что намъ поможетъ дорога къ Сабину, если мы остановимся между Сабиномъ и Накогдохесомъ? Надо вамъ брать акціи, чтобъ провести дорогу до конца, и приходится намъ брать акціи, чтобъ только отъ нихъ отдѣлаться; думаемъ, что насъ теперь оставятъ въ покоѣ. Въ покоѣ? Morbleu, messieurs! не тутъ-то было! Только что кончена дорога въ Накогдохесъ, глядь, опять другое; говорятъ, быстрины перерываютъ навигацію на нашемъ Редъ-Риверѣ, нуженъ намъ каналъ, какъ близъ Луивиля. Какъ! говоримъ мы; каналъ, джентльмены? Какой каналъ? Примите въ соображеніе: мы, слава Богу, въ продолженіе цѣлыхъ ста лѣтъ канала не имѣли, а все-таки жили; еслибъ нуженъ былъ каналъ, Богъ его бы сотворилъ. — Corbleu! они смѣются и трунятъ надъ нами; они говорятъ: нуженъ каналъ, а не то торговля пострадаетъ, и навигація пострадаетъ, и Богъ ихъ знаетъ что еще пострадаетъ.

Ожесточенный креолъ продолжалъ, возвыся пискливый голосъ:

— Мы слушаемся ихъ, и беремъ акціи на каналъ, чтобъ ужь кое-какъ добиться покоя. Покоя! Diable! когда вы слышали, чтобъ Американскіе джентльмены оставили кого-нибудь въ покоѣ? Имъ нужны новыя плотины, имъ нужно очищеніе рѣчнаго дна, имъ нужны церкви, рынки, въ Александріи, въ Начитохесъ, Богъ вѣсть гдѣ; имъ нужны деньги,

Digitized by Google

и опять деньги, для ихъ *improvements* *, имъ нужны милліоны, а мы все подавай да подавай; и конца нѣтъ! Diable! говоримъ мы, дайте намъ покой; но эти джентльмены не знаютъ покоя. Нѣтъ покоя подъ этимъ правленіемъ, продолжалъ онъ, сжимая кулаки; только что мы пріѣхали домой съ митинга, гдѣ мы согласились на дорогу, и на очищеніе рѣки, и на плотины; не успѣли еще переодѣться, — идетъ констабль: Господа, пожалуйте на Grande Jury, на Petite Jury. — Чортъ ихъ возьми! къ чему же мы платимъ деньги судьямъ, если должны сами возиться съ мошенниками? Какое намъ дѣло до засѣданій? Не помогаютъ наши жалобы, должны мы отправляться на жюри, или платить штрафъ, должны тамъ просидѣть двадцать четыре часа при кружкѣ воды, если толстоголовому джентлеману вздумается поупрямиться. Ахъ, Monsieur Dutang, помните, какъ мы прошлаго года съ вами такъ просидѣли, и лишились бала у Monsieur Leroux! И все новая скука, новая забота отъ проклятаго *selfgovernment*, какъ они его называютъ. Окаянное правленіе, которое намъ спать не даетъ, насъ заставляетъ все быть на скоку, отдавать свои деньги для проклятаго public good.** Чортъ возьми ихъ public good! Какое намъ дѣло до него? Мы хотимъ заботиться о своемъ собственномъ добрѣ, а пусть другіе заботятся о своемъ; мы хотимъ тратить свои деньги для собственнаго своего удовольствія, а не на удовольствіе другихъ.—Они смѣются, когда мы это говоримъ; этихъ господъ тѣшитъ только ихъ public good, ихъ improvements; они у нихъ ни днемъ, ни ночью не выходятъ изъ головы; это ихъ театръ, ихъ балы; они только и знаютъ, что public good. А намъ что до него? Дастъ ли оно намъ свѣжую рубашку лѣтомъ, или шинель зимой, или нашимъ женамъ новое платье? Все перемѣны, да улучшенія, все безпокойство и возня? Къ чорту! Если я имѣю покойный домъ, гдѣ мнѣ просторно и хорошо, зачѣмъ мнѣ его ломать, и промучиться

---

* Такъ называются всѣ улучшенія и постройки: каналовъ, городовъ, плотинъ.

** Общественное благо.

Digitized by Google

цѣлый годъ, потому что домъ моего сосѣда лучше моего?— Ah! Messieurs! продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ соотечественникамъ; on appelle ces gentlemens non sans raison des ames damnées. *

Креолы громко захохотали, услышавъ эту остроту, и негодующій ораторъ былъ совершенно правъ; есть въ нашемъ братѣ Американцѣ эта неугомонность, которая его заставила проникнуть въ холодныя пустыни Новой Англіи и перейти черезъ Аллеганскія горы, которая не давала ему отдыха, какъ тѣмъ неутомимымъ птицамъ Босфора, покуда онъ дикія пространства вдоль Огіо не обратилъ въ благословенные эдемы. И если вы теперь посѣщаете край на западной сторонѣ Аллеганскаго хребта, тотъ самый край, гдѣ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ обитали одни волки, медвѣди и олени, — вы находите милліоны мирныхъ, дѣятельныхъ гражданъ, населяющихъ штаты, которые превосходятъ нѣсколько вашихъ Европейскихъ королевствъ пространствомъ, благосостояніемъ, просвѣщеніемъ и нравственностью; вы видите дороги и рельсы, пересѣкающіе страну во всѣхъ направленіяхъ, и пароходы, носящіеся по всѣмъ рѣкамъ; и если вы спросите: кто это сдѣлалъ? то вамъ скажутъ: большей частью тотъ Янки съ наморщеннымъ лбомъ и туманными глазами, въ которомъ, по-видимому, нѣтъ теплаго человѣческаго влеченія, и который между тѣмъ приготовилъ и устроилъ убѣжище, гдѣ Нѣмецъ и Англичанинъ, Шотландецъ и Французъ собираютъ жатвы, не ими сѣянныя.— Разрѣшите эту загадку. — И если вы съ праваго берега прекраснаго Огіо взглянете на лѣвый, то найдете опять таки вовсе другаго члена великой Американской семьи, человѣка совершенно противоположнаго холодному Янки. — Это веселый, еще нѣсколько грубый товарищъ, въ памяти котораго остались свѣжи его недавнія битвы съ Индійцами, который любитъ, можетъ и слишкомъ, схватки, карты и буйныя забавы, который нѣсколько гордится своимъ происхожденіемъ отъ поселенцевъ старой Виргиніи, потомковъ,

(*) *Ames damnées* — названіе особеннаго рода птицъ, которыя надъ волнами Босфора безпрестанно летаютъ и никогда не отдыхаютъ.

Digitized by Google

какъ вамъ извѣстно, меньшаго сына знатнаго Англійскаго дома; и смотритъ онъ немного спѣсиво на болѣе плебейскихъ сосѣдей, и голова его не такъ разсудительна, какъ у спокойнаго Янки, но за то сердце теплѣе. Тому теперь семьдесятъ лѣтъ, какъ его предки, часть этихъ поселенцевъ Виргиніи, переступили черезъ западную ея границу, отправляясь въ неизвѣстныя страны. Тогда мгла лѣсовъ раскидывалась вдоль всего Огіо и Миссисипи; только въ самомъ низу безконечной рѣки нѣсколько Французовъ устроили себѣ кое-гдѣ пріюты, бѣдные оазы со скудною зеленью, въ безпредѣльности дикаго безлюдья. Когда смѣлые путники глубже проникли въ величественный мракъ лѣсной тысячелѣтней глуши, когда они приблизились къ ужасной Кровавой землѣ, какъ назывался теперешній Кентукъ, когда услышали они свирѣпый хоръ волковъ и каґуаровъ, ихъ невольно взялъ страхъ; однако они все еще шли впередъ въ радостной надеждѣ пробраться до Огіо; но когда вмѣсто того они еще глубже зашли въ средину Кровавой земли, и когда вдругъ раздался имъ на встрѣчу вой Индійцевъ — тогда они пали духомъ, съ трепетомъ повернулись назадъ, и возвратились полные страха, въ свою родную сторону.

Да, это было тому назадъ семьдесятъ лѣтъ; и среди этихъ вѣчныхъ лѣсовъ, столь ужасныхъ для первыхъ пришельцевъ, вы наткнетесь теперь на города съ пятью и десятью тысячами жителей, гдѣ опять разнородные Европейцы нашли себѣ пристанище, путешествуя по тѣмъ самымъ дорогамъ и каналамъ, столь ненавистнымъ нашимъ креоламъ. И это сдѣлалъ веселый, беззаботный, часто безразсудный Кентукецъ, вопреки своей грубости и спѣси; и то же сдѣлалъ сухой квакеръ Пенсильваніи, и надменный богачь Ньюйорка, и Каролинецъ, желающій возврата Англійскаго правленія; всѣ они позволяютъ другимъ жить подъ ихъ кровомъ, ѣздить по ихъ дорогамъ, всѣ они бѣднымъ, усталымъ даютъ мѣстечко, гдѣ пріютиться и поставить себѣ новый очагъ.

Digitized by Google

Необыкновенно живо и увлекательно вступленіе прекрасной повѣсти: *Натанъ*. Разсказываетъ Французскій графъ, какъ онъ въ концѣ прошедшаго столѣтія переселился въ Америку. Этотъ графъ Виньероль сдѣлался истиннымъ Американцемъ; онъ понялъ страну, принявшую его въ число своихъ гражданъ, и старается сообщить эти понятія молодымъ Французскимъ эмигрантамъ. Американцы, говоритъ онъ имъ, имѣютъ пословицу: «Европеецъ остается семь лѣтъ слѣпъ въ Америкѣ.» Вы убѣдитесь въ истинѣ этой пословицы, если пробудете здѣсь дольше. — Онъ описываетъ разныя свои приключенія, и какъ, отправясь на охоту съ другимъ молодымъ Французомъ и съ уроженцемъ Канады, они проникли далѣе и далѣе, пока наконецъ на третій день очутились въ безграничной степи. Канадецъ отправился за съѣстными припасами, а графъ остался одинъ съ товарищемъ своимъ. Онъ продолжаетъ слѣдующими словами:

.....

Намъ было какъ-то не по себѣ.—Затруби-ка въ рогъ, сказалъ мнѣ Гастонъ; я не могу, у меня языкъ прилипъ къ гортани.

И я затрубилъ; но рогъ мой издалъ короткій, глухой звукъ. Мы, какъ сказано, были у края огромнаго кипариснаго лѣса; за нами безпредѣльная, зеленая, свѣжая равнина, въ сторонѣ опять темный лѣсъ: такова была картина двадцать минутъ тому назадъ; но она начинала измѣняться: голубовато-сѣрые пары легли вдоль горизонта, и сгущались, и яркое солнце блѣднѣло, и лѣса начинали исчезать вдали, и воздухъ, доселѣ горячій, но эластическій, становился тяжелъ. Мы предчувствовали какую-то намъ неизвѣстную опасность.

—Выстрѣли-ка изъ ружья, сказалъ я Гастону, голосомъ, который меня самого испугалъ своей неестественностью. Онъ выстрѣлилъ; но звукъ былъ словно поглощенъ душной атмосферой.

— Что мѣшкаетъ этотъ глупый Канадецъ? проговорилъ я; эти люди, право, глупѣе.....

Digitized by Google

— Постой, перервалъ Гастонъ, посмотри-ка на нашихъ лошадей — что это значитъ?

Лошадей что-то безпокоило,—онѣ начали фыркать, вертѣться и дрожать, ихъ все болѣе бралъ испугъ, все упрямѣе протягивали онѣ шею въ сторону, противоположную свинцовымъ парамъ.

— Что дѣлать? сказалъ я.

— Ввѣрить себя лошадямъ, отвѣчалъ Гастонъ.

И только что мы прыгнули на нихъ и пустили поводья, какъ онѣ помчались слово бѣшеныя. — Вездѣ мертвое молчаніе; иногда только крикъ птицы, но крикъ рѣзкій, невольно пугающій.

— Что это значитъ? сказалъ опять Гастонъ; мнѣ такъ жарко, а пота нѣтъ; потруби-ка опять.

Я приставилъ рогъ ко рту, но звукъ не послышался; его словно вогналъ мнѣ назадъ въ горло разкаленный воздухъ.

— Смотри! вскрикнулъ опять Гастонъ. — Края горизонта, до этой минуты сѣроватые, начали съ южной стороны краснѣть.

— Слышишь? спросилъ я.

Мы стали прислушиваться.

Иногда проносился какой-то трескъ, какъ отъ пальбы войска въ туманную погоду. Каждый разъ при этомъ трескѣ наши лошади вздрагивали.

Дорога наша дѣлалась болотиста; мы остановились.

— Здѣсь намъ нельзя ѣхать, сказалъ Гастонъ; надо воротиться въ долину.

— Хорошо, поѣдемъ назадъ.

И мы доскакали опять до берега рѣчки, гдѣ отдыхали прежде.

— Посмотри, замѣтилъ Гостонъ, съ полчаса тому назадъ тростникъ былъ свѣжъ и зеленъ, а теперь — гляди.

Вдругъ онъ вскрикнулъ: что это?

Горизонтъ, равнина передъ нами, все было покрыто одной необъятной, густою массой дыма, сквозь которую

Digitized by Google

солнцé еще только мерцало, какъ блѣдно освѣщенный бумажный фонарь. Дымъ катился ближе; за его занавѣсью слышалось словно шипѣнье безчисленныхъ змѣй.

Мы были у края кипариснаго лѣса; красная полоса съ правой стороны сверкала все ярче сквозь промежутки огромныхъ деревъ; трескъ становился внятнѣе.

— Что это значитъ? повторилъ испуганный Гастонъ. — Помилуй насъ Богъ! — прибавилъ онъ: — это лѣсъ горитъ.

— Лѣсъ горитъ! повторили мы оба безсознательно, и взглянули тупо другъ на друга.

Дымъ валилъ все сильнѣе сквозь глушь кипарисовъ.

— Боже мой! что намъ дѣлать? вскрикнулъ опять Гастонъ съ ужасомъ.

Вдругъ наши лошади вздрогнули и прыгнули впередъ. Стая оленей промчалась мимо насъ и бросилась въ рѣчку; красная полоса приближалась; передъ ней вѣялъ вѣтерокъ, такой горячій, что едва замѣтный потъ на нашемъ лицѣ въ одинъ мигъ высохъ. Свистъ и шипѣнье усилились, и потомъ, посреди удушающаго дыма взвился яркій пламень, и потомъ вдругъ огненный столбъ, — что я говорю! — огненное море — все поле вспыхнуло. Воздухъ былъ до того разкаленъ, что мы опасались, чтобъ платья на насъ не загорѣлись. Лошади наши бросились въ воду и поплыли вдоль берега. Вновь трескъ въ кустарникѣ; медвѣдица съ медвѣжатами на спинѣ пробѣжала мимо насъ; вслѣдъ за ней опять стая оленей, которые въ десяти шагахъ отъ насъ прыгнули въ рѣку; за ними слѣдовали другія животныя, лошади, быки, волки; всѣ они искали прибѣжища въ одной стихіи, отъ угрозы другой.

Вдругъ услышали мы лай собакъ. — Собаки! вскрикнули мы радостно; люди вблизи.

Въ отвѣтъ на наше восклицанье раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ.

Но мы ничего не видѣли; доносился только глухо до нашихъ ушей недалекій звукъ.

Digitized by Google

— Что̀ это такое? спросили мы другъ друга.

Ближе раздались снова выстрѣлы, и мы услышали голосъ людей, говорящихъ полу-Французскимъ, полу-Индійскимъ нарѣчіемъ.

— Бей! бей! бросай на берегъ, живѣй! ревѣли они.

— Это поселенцы Канады, судя по ихъ выговору, сказалъ Гастонъ.

Опять пальба, и нѣсколько пуль пролетѣло мимо нашихъ головъ.

— Стой! крикнули мы; не стрѣляйте на удачу.

Послѣдовало мгновенное молчаніе, потомъ поднялся дикій хохотъ.

— Стрѣляй! стрѣляй! повторили два-три голоса.

— Если вы будете стрѣлять, то и мы выстрѣлимъ въ васъ, закричали мы съизнова.

— Morbleu! заревѣли они; кто это? кто намъ здѣсь отдаетъ приказанія? бей ихъ, собакъ!

Въ эту минуту послышался громкій голосъ: Стой!

— Стой! повторили другіе голоса, стой! что̀ тамъ?

— Къ чорту! это Американцы, закричали дикіе охотники.

— Стой! произнесъ опять кто-то громко и сурово; и мы увидѣли сквозь дымъ лодку, и въ ней нѣсколько человѣкъ.

На минуту все утихло, потомъ воскликнулъ знакомый голосъ:

— Графъ Виньероль?

— Здѣсь, отвѣчалъ я.

Лодка приблизилась; мы узнали нашего проводника; съ нимъ было пять Американцевъ.

При первыхъ признакахъ пожара полудикіе уроженцы окрестныхъ селеній поспѣшили на охоту; въ своихъ лодкахъ они поплыли вдоль рѣчки, стрѣляя въ густую толпу прибѣгавшихъ къ водѣ напуганныхъ животныхъ. Мы видѣли съ отвращеніемъ ихъ свирѣпую потѣху; то же дѣйствіе она,

Digitized by Google

казалось, производила на Американцевъ: старшій изъ нихъ обратился къ намъ: — Французы, хотите ли вы слѣдовать за этими людьми, или за нами?

— Кто вы, друзья мои? спросилъ я.

— Друзья! отвѣчалъ Американецъ, качая головой, вы скоро заводите дружбу. — Друзья! нѣтъ, мы вамъ еще не друзья, но вы можете отправиться съ нами, если хотите.

— Графъ, сказалъ нашъ проводникъ, эти господа согласились идти со мною васъ отыскивать.

— Видно еще немного побывали вы въ степяхъ нашего Опелузасъ, замѣтилъ старый Американецъ.

— Это такъ, другъ мой, подтвердилъ я.

— Сказалъ я уже вамъ, возразилъ онъ съ нѣкоторою гордостью, что мы еще съ вами не друзья; но если вы хотите ввѣриться Американскому гостепріимству, то мы рады. Мы взглянули на охотниковъ, которые все еще стрѣляли и бросали въ лодки свою добычу.

— Настоящіе варвары! проворчалъ старый Американецъ на Англійскомъ языкѣ, обращаясь къ одному изъ молодыхъ людей, сопровождавшихъ его; бьютъ, въ кровожадномъ своемъ Французскомъ бѣшенствѣ, болѣе, чѣмъ могутъ всѣ вмѣстѣ съѣсть въ продолженіе года.

— Соображаю я, отвѣчалъ молодой человѣкъ, что пора бы намъ прекратить ихъ дьявольскую охоту.

— Въ своей они землѣ, сказалъ старикъ; не наше дѣло.

— Далеко ли вы живете отсюда? спросилъ я съ нетерпѣніемъ, ибо духота становилась невыносима, и дымъ прерывалъ дыханіе.

— Не такъ далеко, какъ желалъ бы, молвилъ онъ съ презрительнымъ взглядомъ на охотниковъ; но довольно далеко, чтобъ заставить васъ поужинать съ аппетитомъ.

— Такъ мы принимаемъ ваше гостепріимное предложеніе, сказалъ я, и съ этими словами мы оба приблизились къ лодкѣ.

Онъ молча бросилъ на насъ пронзительный взглядъ.

Digitized by Google

— Такъ вы, стало быть, графъ? спросилъ онъ меня, осмотря насъ со всѣхъ сторонъ.

— Да, отвѣчалъ я нетерпѣливо, и если вы готовы оказать намъ услугу....

Лице его осталось такъ спокойно, какъ будто бы онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ за рюмкой водки.

— Такъ вы, знать, изъ тѣхъ, которыхъ называютъ аристократами? спросилъ онъ опять, послѣ короткаго молчанія.

Мы взглянули на него: какая была ему надобность знать объ этомъ?

— Зачѣмъ вы это спрашиваете? возразилъ я.

Онъ облокотился на свое ружье, вынулъ изъ жестянаго ящичка тонкій свитокъ табаку, откусилъ достаточный кусокъ, и отвѣчалъ:

— Зачѣмъ я спрашиваю? скажу вамъ, зачѣмъ я спрашиваю.

Все это говорилъ онъ такъ протяжно, что мы почти съ ума сходили. Представьте себѣ равнину въ двадцать миль длины, всю въ огнѣ, и этотъ огонь съ каждой минутой ближе, такъ что рѣчка становилась тепла; представьте себѣ это положеніе; кругомъ пламя и дымъ, и десятка два полудикихъ охотниковъ, стрѣляющихъ, какъ бѣшеные, со всѣхъ сторонъ; и передъ нами въ лодкѣ этотъ человѣкъ, заводящій длинный разговоръ, а мы по поясъ въ водѣ. Никогда нетерпѣливость Французская не была такъ жестоко испытываема. Мы вертѣлись и извивались словно змѣи; напрасно,— Американецъ стоялъ, какъ будто бы онъ замерзъ.

— Растолкую вамъ это; много на своемъ вѣку слыхалъ я про аристократовъ, продолжалъ онъ съ невыносимымъ спокойствіемъ; много слыхалъ за и противъ аристократовъ; имъ, кажется, теперь плохо приходится въ старомъ мірѣ; ихъ много къ намъ переселяется; но не имѣю еще яснаго понятія, что они именно за народъ: однако, скажу вамъ мое мнѣніе.

— Ради Бога! вскрикнули мы.

— Скажу вамъ мое мнѣніе, продолжалъ старикъ. Когда я еще жилъ въ Виргиніи и торговалъ скотомъ, то на дорогѣ

Digitized by Google

въ Фридрикстоунъ обыкновенно останавливался въ Булло-ковой тавернѣ — отличный домъ. Вотъ, какъ я разъ тамъ остановился съ порядочнымъ гуртомъ, прибыли туда два Француза: одинъ изъ нихъ пріѣхалъ въ почтовой повозкѣ, другой пришелъ пѣшкомъ, и это былъ молодой парень лѣтъ двадцати; тому, который пріѣхалъ, было около тридцати лѣтъ; ваши года — не такъ ли?.....

И досказываетъ старикъ исторію о томъ, какъ, въ его присутствіи, старшій Французъ пристыдилъ и обидѣлъ младшаго, который его въ упрекъ назвалъ аристократомъ.—И сообщивъ намъ все это, такъ продолжаетъ графъ свой разсказъ: старикъ поемотрѣлъ на насъ въ недоумѣніи.

— Скажите жъ мнѣ теперь, спросилъ онъ медленно, былъ ли это точно аристократъ?

Мы оба отвѣчали какъ можно поспѣшнѣе: нѣтъ, нѣтъ; это былъ не аристократъ, это былъ дурной человѣкъ, иначе бы онъ.....

И дальше мы говорить не могли; дымъ, духота и наше изнеможеніе достигли крайней степени; самъ старикъ отиралъ уже часто слезы съ лица, и съ трудомъ переводилъ духъ.

— Соображаю я, замѣтилъ онъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ, что пора намъ убираться отсюда, потому что огонь-то не попятится.

— Такъ это былъ не аристократъ? спросилъ онъ насъ вторично.

Мы не отвѣчали, не могли отвѣчать.

— Хорошо, продолжалъ онъ, такъ садитесь въ лодку. Джонъ, возьми лошадей; а мы отправимся, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

И съ этими словами онъ насъ втащилъ въ лодку, гдѣ мы упали безъ чувствъ.

Не могу сказать, сколько времени мы такъ пролежали. Наконецъ услышали мы голосъ старика, который насъ спрашивалъ: не хотимъ ли подкрѣпиться? У него въ рукахъ была бутылка водки; мы жадно, съ полузакрытыми еще гла-

Digitized by Google

зами, схватили ее и поднесли ко рту, — потомъ опомнились и оглянулись.

Передъ нами лежало необозримое болото, за нами разливы рѣчки, образующіе въ этомъ мѣстѣ довольно широкое озеро, надъ которымъ висѣлъ безконечный слой дыма; изъ-за него порою взвивалось пламя.

— Далеко ли мы отъ огня? спросилъ я, содрогаясь.

— Довольно далеко, отвѣчалъ старикъ; но становится поздно, солнце не пробудетъ часу на небѣ, а дорога наша еще длинна.

— Куда же ведетъ эта дорога?

— Куда ведетъ? Отъ васъ зависитъ, куда она ведетъ; она ведетъ черезъ болото, если вы не рѣшитесь обойти кругомъ.

— Ближайшій путь лучшій, отвѣчалъ я.

— Ближайшій путь лучшій! проворчалъ старикъ; вотъ каковы они, Французы! Пойдемъ ближайшимъ путемъ, имъ въ угоду. Джемсъ, обратился онъ къ одному изъ молодыхъ людей, вы отправляйтесь вдоль нижняго болота, мы пройдемъ здѣсь прямо.

— Но наши лошади? замѣтилъ я.

— Лошади ваши пойдутъ другой дорогой, то есть пока не утихнетъ пожаръ. Сдается мнѣ, что ночью будетъ дождь, тогда онѣ ногъ не обожгутъ.

— А мы куда пойдемъ? освѣдомился я опять.

— Слишкомъ много спрашиваете, сказалъ Американецъ сухо. Сами увидите, куда пойдемъ.

Мы стояли у края огромнаго болота; взглянувъ въ глубь его мрака, я почелъ нужнымъ снова спросить старика: Да есть ли тутъ какая-нибудь дорога?

— Дорога? отвѣчалъ онъ; разумѣется, это не господскій садъ; можете быть увѣрены. Дорога такая, какую Богъ далъ, продолжалъ онъ, прыгнувъ на корень, который торчалъ, покрытый мохомъ, изъ бездонной пучины. Видите, вотъ вамъ и дорога.

— Такъ мы лучше обойдемъ дальше съ нашими лошадьми, возразилъ я.

Digitized by Google

— Какъ хотите, сказалъ онъ, мы идемъ; однако я долженъ васъ увѣдомить, что если вы не привыкли ужинать травой и листьями, какъ ваши лошади, чуть ли не пробудете сутокъ безъ ѣды.

— Гмъ, теряемъ только время, пробормотали молодые парни.

Правду сказать, мнѣ становилось немного страшно среди этихъ спутниковъ, и ихъ обхожденіе начинало мнѣ не нравиться. Я не былъ пріученъ къ такой грубости со стороны подобныхъ людей. Мы не имѣли слишкомъ выгоднаго мнѣнія объ Американцахъ вообще и особенно объ этихъ скуаттерахъ, которые, какъ сказывали намъ, никого не боясь, надѣясь только на самихъ себя, съ топоромъ и ружьемъ глубоко проникали въ лѣса и поселялись въ безлюдьи.

Съ этими мыслями въ головѣ, я посмотрѣлъ пристальнѣе на старика.

Онъ былъ ростомъ болѣе шести футовъ, худощавъ, но тѣлосложеніе его обозначало необыкновенную силу; черты лица были рѣзки, глаза остры, со взглядомъ соколинымъ; вся его наружность высказывала сознаніе собственнаго достоинства; въ его обхожденіи съ нами проглядывало болѣе чувство неуваженія, чѣмъ почтенія; и между тѣмъ весь его нарядъ состоялъ изъ одежды кожаной, особаго покроя, кушака, въ который былъ заткнутъ длинный ножъ, соломенной шляпы уже оборванной, и обуви индійской.

Точно такъ были одѣты и товарищи его.

— Гдѣ же нашъ проводникъ? спросилъ вдругъ Гастонъ.

Старикъ указалъ на занавѣсь дыма.

— Вѣроятно тамъ; соображаю, что ихъ окаянная охота должна быть теперь кончена.

— Такъ мы лучше вернемся къ нему и къ нашимъ лошадямъ, сказалъ Гастонъ.

Digitized by Google

— Соображаю я, что этотъ Французъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

Мы съ Гастономъ между тѣмъ пристально наблюдали старика, и наконецъ объявили оба, что мы ему ввѣряемся.

— Хорошо дѣлаете, былъ короткій отвѣтъ. — Джемсъ, продолжалъ онъ, отправляйся же той дорогой. Джонъ пойдетъ съ тобой, а мы проберемся прямо; только не мѣшаетъ намъ здѣсь же запастись факелами.

— Факелами? спросили мы.

Взоръ старика высказалъ ясно: Да неужели вашъ языкъ не можетъ оставаться въ покоѣ? Потомъ онъ слегка промолвилъ: Ну, да, факелами; въ этомъ болотѣ они равной цѣны съ жизнію.

И съ этими словами онъ высѣкъ огонь, досталъ изъ лодки и зажегъ двѣ огромныя лучины, дѣлая все это съ такой медленной осмотрительностью, что заставилъ насъ улыбнуться; потомъ онъ еще разъ оглянулся и шагнулъ впередъ.

— Проклятое Испанское болото! заворчалъ онъ: честная Американская тина не уступала бы такъ предательски при каждомъ шагу; а тутъ вмигъ провалитесь, если бы голова ваша была и въ двадцати футахъ отъ ногъ. Ступайте за мной шагъ за шагомъ, продолжалъ онъ; а ты, Іона, примѣчай за Французами, и не дожидайся, покуда они завязнутъ по колѣна.

Намъ было не совсѣмъ весело при всѣхъ этихъ распоряженіяхъ; однако, собравшись съ духомъ, мы пошли вслѣдъ за старикомъ.

Такимъ образомъ прошли мы около пятидесяти шаговъ. До сихъ поръ намъ еще свѣтило солнце. Огромные вѣтвистые кипарисы стояли рядомъ по обѣ стороны въ десяти футахъ одинъ отъ другаго, такъ что болото походило на широкій, безконечный корридоръ, куда не могъ проникнуть ни одинъ солнечный лучь. Мы видѣли, какъ съ края впадающій косвенный свѣтъ перешелъ, блѣднѣя, въ сумерки, наконецъ потухъ въ темнотѣ. По мѣрѣ какъ онъ исчезалъ, болотистый воздухъ становился болѣе и болѣе

Digitized by Google

тяжелъ, удушливъ, наконецъ онъ сдѣлался почти невыносимъ. Наши факелы мерцали впереди, какъ блудящіе огоньки.

— Да, да, проворчалъ опять старикъ, провести одну ночь въ этомъ болотѣ значитъ схватить смерть: что я говорю, ночь? достаточно и получаса, если у васъ только три капли поту могутъ выступить на тѣлѣ. Но пожаръ принесъ свою пользу, высушилъ кожу.

И такъ ворчалъ онъ и подвигался впередъ, каждый корень, на который ступалъ ногой, прежде освѣщая и пробуя; но было замѣтно, что онъ уже не разъ прошелъ по этой опасной дорогѣ.

— За мной, повторилъ онъ, да старайтесь уменьшить свой вѣсъ; дышите какъ можно рѣже.

— Постой! — Эй! старикъ, молвилъ онъ самому себѣ; пришлось же тебѣ сбиться съ толку, и чуть чуть не принять аллигатора за дерево.

Онъ, идя впереди, уже поднялъ было ногу, но, къ счастію, прикладомъ ружья недовѣрчиво толкнулъ мнимое дерево; оно исчезло — и старикъ, отступивъ быстро назадъ, наткнулся на меня, такъ что я пошатнулся и едва не упалъ въ болото.

— Ахъ предатель! воскликнулъ онъ безъ малѣйшаго признака страха; думаешь ли честныхъ людей обмануть своими проклятыми хитростями?

— Что тамъ? спросилъ я.

— Да что, отвѣчалъ онъ, вынимая свой длинный ножъ, ничего нѣтъ, кромѣ аллигатора! да вотъ сами видите.

И пасть ужаснаго животнаго разинулась передъ нами; я поднялъ ружье.

— Не стрѣляйте, мусье, шепнулъ старикъ, не стрѣляйте, пока не нужно! Вы здѣсь не одни. Сладимъ и такъ; и нагнувшись, онъ вонзилъ свой ножъ аллигатору въ глазъ. — Вотъ тебѣ, да вотъ еще, да вотъ еще, сказалъ старикъ, нанося ревущему, извивающемуся звѣрю нѣсколько смертныхъ ударовъ.

Digitized by Google

Потомъ стеръ кровь съ ножа и посмотрѣлъ внимательно кругомъ.

— Соображаю я, продолжалъ онъ, что должно быть тутъ дереву; не впервой здѣсь прохожу — вотъ оно, но далеконько. Ну-тка, Французы!

И съ этими словами прыгнулъ онъ разомъ на отдаленный корень. Я, собравъ всѣ силы, послѣдовалъ за нимъ, Гастонъ также.

— Хорошо! сказалъ старикъ; теперь впередъ.

И мы продолжали подвигаться дальше, шагъ за шагомъ; болото было около пяти миль длины; вездѣ бездонная, черная тина, подернутая обманчиво зеленѣющимъ мохомъ и ліанами. Корни деревъ лежали посреди, хотя не правильно, но такъ, что замѣтенъ былъ трудъ руки человѣческой.

— Объясните мнѣ, спросилъ я, вѣдь тутъ, кажется, проложена таки какая-нибудь дорога.

— Молчите, перервалъ старикъ, молчите, пока выйдемъ отсюда. Не бойтесь змѣй, ступайте за мной.

И между тѣмъ, какъ я протягивалъ ногу, чтобы ступить на слѣды старика, высунулась вдругъ изъ тины, въ полушагѣ отъ меня, страшная пасть аллигатора, такъ быстро, что я едва успѣлъ выстрѣлить прямо въ сверкающій глазъ лютой твари; она откинулась назадъ, завыла, стала бѣшено биться, и провалилась. Старикъ оглянулся съ довольной улыбкой, но я не могъ слышать его словъ Со всѣхъ сторонъ, въ тотъ же мигъ, поднялась такая ужасная тревога, что я нѣсколько минутъ себя не помнилъ. Тысячи аллигаторовъ, уродливыхъ лягушекъ, змѣй, совъ, коршуновъ, закричали, засвистали, заревѣли, и, бунтуя, окружили насъ яростно. Мы выхватили ножи, защищая рукою голову и глаза; но сочли себя погибшими.

Среди ужаснаго мятежа бѣшеныхъ животныхъ раздался выстрѣлъ, потомъ другой. Неистовый шумъ перешелъ въ жалобный вой, удалился, замолкъ. Наши фа-

Digitized by Google

келы погасли, насъ окружила глубокая мгла. — Ради самого Бога! вскрикнули мы.

Эй! въ живыхъ ли вы? спросилъ старикъ съ такимъ страннымъ смѣхомъ, что я содрогнулся. Говорилъ я вамъ, что мы здѣсь не одни; защищаются эти гадины, когда ихъ тревожатъ, но образумятся потомъ, какъ замѣтятъ, что съ ними не шутятъ. Два-три выстрѣла какъ разъ докажутъ имъ, что онѣ всѣ глупыя, хвастливыя твари.

И принялся онъ спокойно высѣкать огонь, и опять зажигать лучины; потомъ продолжалъ идти впередъ медленно, но съ твердостью, съ рѣшимостью, которая насъ съ каждымъ шагомъ дѣлала довѣрчивѣе къ нему.

Прошло еще около получаса; намъ навстрѣчу началъ мерцать блѣдный свѣтъ.

— Мы тотчасъ дойдемъ до конца, сказалъ старикъ; но берегитесь: на краяхъ этого дьявольскаго болота всего больше водятся окаянные аллигаторы.

Въ нетерпѣніи добраться наконецъ до сухой земли, я не обратилъ вниманія на эти слова; деревья лежали тутъ чаще, я прошелъ впередъ. Вдругъ чувствую, что тону, и не успѣлъ еще вскрикнуть, какъ ужъ очутился по поясъ въ бездонной тинѣ.

— Ага! сказалъ старикъ, прыгнувъ впередъ и ухвативъ меня; хотѣлось вамъ идти своей собственной дорогой, мусье Французъ!

И онъ вытащилъ меня опять на корень дерева.

— Видите, прибавилъ онъ; и я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ нѣсколько аллигаторовъ, жадно выскочившихъ изъ болота. Я не могъ говорить; онъ подалъ мнѣ свою бутылку водки.

— Постойте, успокойтесь; выпейте немного; хорошо! Ей-ей! сдѣлаетесь совсѣмъ другимъ человѣкомъ, какъ прогуляетесь такъ-то со мной еще раза два.

И мы вышли изъ ужаснаго болота въ широкое поле, и перевели духъ.

Digitized by Google

Такъ начинается повѣсть, которую слѣдовало бы передать цѣликомъ. Чудесно обрисованъ весь бытъ стараго скуаттера, неутомимаго труженика, осушителя этихъ убійственныхъ болотъ, основателя колоній. — Люди, какъ Натанъ, должны показаться намъ странны, и даже не вовсе понятны. Можетъ быть, для ихъ развитія нужны другія условія и другая обстановка. Есть ли въ самомъ дѣлѣ тайная связь между могучими явленіями природы и силой воли человѣческой? Крѣпнетъ ли духъ при ревѣ Ніагары, въ просторѣ необозримыхъ степей, и, какъ сказалъ геніальный Англичанинъ, который сочувствовалъ Америкѣ:

«Должны ли быть жилищемъ этихъ душъ
Лишь тѣхъ пустынь невѣдомое лоно,
Лишь тѣхъ лѣсовъ пугающая глушь,
Гдѣ зрѣла мысль ребенка Вашингтона!» *

Изъ всего сказаннаго и выписаннаго можно, кажется, составить себѣ понятіе объ общемъ характерѣ произведеній Сильсфильда. Это спокойная, и между тѣмъ теплая объективность, которая все видитъ ясно, все понимаетъ вполнѣ. У него воображеніе не опасная сила, а дополнительная способность организма; у него влеченіе душевное не болѣзненное пристрастіе, а здоровая любовь. — Можетъ быть, его сердце бьется сильнѣе нашего при видѣ этой неустрашимой настойчивости, этой всепреодолѣвающей воли земляковъ своихъ: уважимъ его чувство, взглянемъ съ почтеніемъ на великое завоеваніе, совершеное не мечемъ бойца, а топоромъ скуаттера; не будемъ судить съ холодной строгостью, и упрекать въ ихъ недостаткахъ представителей труда; простимъ многое работнику, преклонимся передъ дѣятелемъ. Благородно мечтать о будущемъ счастіи всего человѣчества, но труднѣе стараться о благосостояніи хотъ нѣсколькихъ людей; и устроить, въ пòтѣ лица своего, цвѣтущее селеніе—лучше чѣмъ написать толстую книгу, полную великолѣпныхъ теорій. *П.*

* Чайльдъ-Гарольдъ.

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ГОРЕЛЬЕФЫ АЛЬТЕМПСКОЙ УРНЫ.

Въ 135 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Порѣчьѣ, принадлежащемъ Графу С. С. Уварову, есть прекрасный пріютъ искусства. Зная его, пожалѣешь только о томъ, что онъ не ближе къ Москвѣ и не доступенъ всякому любителю художества. Взошедъ въ огромную залу библіотеки, гдѣ заботливая рука хозяина приготовила богатую пищу для ума по всѣмъ областямъ знанія, словесности, и искусства, — подойдите къ мраморному бюсту Гомера, и облокотясь на него, взгляните изъ этого убѣжища науки на ту свѣтлую залу, которая манитъ васъ впередъ тремя большими входами. Свѣтъ, льющійся сверху, багряная краска стѣнъ, умѣряемая бѣлыми подъ мраморъ пилястрами, облики колоссальныхъ мраморовъ и бюстовъ, огромно-стройные размѣры зодчества — все это вмѣстѣ сливается въ одно изящное впечатлѣніе. Въ память Флоренціи зала названа трибуной, но ее можно назвать уголкомъ Ватикана. Даровитый художникъ Джиларди, въ ея архитектурныхъ размѣрахъ, какъ будто хотѣлъ напомнить вмалѣ о томъ, что тамъ дѣйствуетъ на васъ всею силою величія и неистощимаго богатства художественнаго. Всякой разъ, когда входите сюда, васъ обнимаетъ то чувство успокоенія, но не мертваго, а живаго, успокоенія, которое производить могутъ только предметы изящные, своею гармоніею приводящіе въ гармонію и вашу душу. Колоссальныя статуи Минервы, Цереры, четырехъ Временъ года, произведенія рѣзца Фенелли, украшаютъ съ четырехъ сторонъ эту трибуну. Бюсты Рафаэля и Микель-Анджело стоятъ на пьедесталахъ. Другія мѣста пригото-

Digitized by Google

влены для Данта, Тасса и Макіавелли. Но главное сокровище этой залы, за что она по праву можетъ быть названа уголкомъ Ватикана, есть овальная Альтемпская урна, превосходное произведеніе Греческаго рѣзца.

На пьедесталѣ, служащемъ ей подножіемъ, вы читаете: Ex aedibus Altempsianis. Romae 1843. Прочтемъ то, что владѣлецъ сокровища самъ говоритъ о немъ, вспоминая свое странствіе по Риму въ 1843 году и въ немъ особенно виллу Альбани, которой одно имя напоминаетъ уже безсмертнаго Винкельмана.

«Въ то время какъ пишу я эти строки, передо мною стоитъ плѣнительный трофей моего странствія по Италіи, прекрасная овальная урна Альтемпскаго дворца. Смотря на этотъ драгоцѣнный памятникъ Греческаго искусства, я убѣждаюсь, что Винкельманъ, упоминающій объ немъ въ своихъ произведеніяхъ, наблюдалъ его вмѣстѣ съ Кардиналомъ Альбани; что любопытные барельефы, окружающіе урну, предлагали обильный предметъ для размышленій обоимъ великимъ знатокамъ искусства, имена которыхъ всегда драгоцѣнны будутъ для друзей изящной древности. Когда Греческій художникъ ваялъ рѣзцомъ своимъ это совершенное произведеніе, думалъ ли онъ, что сначала достанется оно въ руки одного изъ тѣхъ Римлянъ, которые слыли у Грековъ порядочными варварами, а черезъ нѣсколько вѣковъ украситъ учено-рабочее убѣжище другаго варвара въ странѣ гиперборейской, имя которой даже неизвѣстно было Грекамъ. Странный жребій произведеній искусства! Переходятъ изъ страны въ страну, отъ племени къ племени, какъ эти бѣгуны у Лукреція, что, пустившись однажды въ бѣгъ, неуклонно передаютъ изъ рукъ въ рукн зажженный пламенникъ: и здѣсь-то особенно кстати можно повторить за поэтомъ: *et vitaï lampada tradunt* (и передаютъ свѣтильникъ жизни). Въ жизнь народа не входятъ ли обѣ стихіи: искусство и могущество политическое? Не будь одной изъ нихъ, неполна будетъ и жизнь общественная, а тѣ народы, которымъ обѣ измѣнили, не принадлежатъ исторіи.»

Digitized by Google

Русское спасибо Автору этихъ строкъ за то, что онъ овладѣлъ этимъ сокровищемъ и перевезъ его въ наше отечество, столько скудное дарами искусства. Много Русскихъ Язоновъ ѣздитъ въ южную Европейскую Колхиду прекраснаго; но, устилая золотымъ руномъ, разнообразные пути Италіи, какъ рѣдко привозятъ они оттуда въ замѣну для насъ того мраморнаго руна, которымъ она покрыта! Успокоимся отъ этихъ грустныхъ думъ, на той прекрасной овальной урнѣ, которая съ своими чудными горельефами стоитъ передъ нами.

Мастерской Греческій рѣзецъ изваялъ ихъ кругомъ, и конечно въ такую эпоху искусства, когда оно вполнѣ торжествовало надъ мраморомъ и достигло высшей степени выраженія. Мы прошли эти горельефы по весьма вѣрному и отчетливому описанію, которое помѣщено было въ Москвитянинѣ 1846 года *). Теперь постараемся разгадать художественный и таинственный смыслъ этого созданія.

Содержаніе произведенія взято изъ цикла сказаній о Вакхѣ или Діонисѣ. Поклоненіе Діонису происхожденія чувственнаго, какъ и вся религія языческой Греціи. Діонисъ съ своею свитою эгипановъ, фавновъ, вакханокъ, менадъ и Силена, богъ упоенія, само вино въ образѣ человѣка, веселье чувствъ, укрѣпленіе членовъ, возбужденіе духа, съ своими послѣдствіями въ крайностяхъ: чувственною веселостью, сладострастіемъ, безумiемъ, буйствомъ, опьянѣніемъ до потери силъ. Діонисъ прибылъ изъ Азіи въ Грецію, конечно вмѣстѣ съ виноградомъ. Но Грецiя, воспринявъ въ себя всю чувственную сторону религій древняго Востока, стремилась къ тому, чтобы своимъ художественнымъ духомъ облагородить и возвысить всю эту плотскую чувственность. Ни въ чемъ это такъ не видно, какъ въ поклоненіи Діонису, который изъ бога вина становится богомъ трагедіи. Въ самой исторіи изображеній его видно постепенное возвышеніе идеи Діониса. Древнѣйшіе Греки доволь-

*) См. N 9 и 10.

Digitized by Google

ствовались тѣмъ, что изображали его однимъ фалличе-скимъ гермомъ. Обычай ставить отдѣльныя головы Діо́ниса или даже маски, сохранился навсегда въ Греческомъ искус-ствѣ. Отсюда образовался величавый ликъ древняго Діо́-ниса, съ роскошными кудрями, сдержанными повязкою, съ цвѣтущими чертами лица, въ пышно-богатой женской одеждѣ востока, съ рогомъ вина въ рукѣ. Но Пракситель усовер-шенствовалъ типъ Діо́ниса: его рѣзцу принадлежитъ тотъ свѣтлый образъ, въ которомъ юношество и мужество сочета-лись воедино, гдѣ мужескія формы тѣла смягчены жен-ственною природою самого бога, и въ чертахъ лица бла-женное упоеніе слилось съ неяснымъ, неопредѣленнымъ же-ланіемъ. Въ городѣ Элисѣ славенъ былъ Вакхъ Праксителя; другой, его же, литой изъ мѣди, описанъ Софистомъ Калли-стратомъ. Въ женской одеждѣ является Вакхъ иногда и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ искусства.

Предметы, относящіеся къ миѳологіи Вакха, принадле-жатъ къ числу любимыхъ предметовъ, одушевлявшихъ рѣ-зецъ древнихъ ваятелей. Процессіи менадъ, пляшущихъ въ безумномъ упоеніи, колесницъ, запряженныхъ звѣрями, въ которыхъ ѣдутъ двѣ маски: трагическая и комическая, Си-ленъ и Вакхъ, и покорно идутъ свирѣпые звѣри; изступ-ленныя пляски фавновъ съ вакханками; оргіи и вакхическія жертвоприношенія; торжественный поѣздъ Вакха и Аріадны, и особенно первое свиданіе съ нею послѣ похода Индій-скаго — вотъ что весьма часто встрѣчается на горельефахъ древняго рѣзца. Двѣ тому причины: праздники Діо́ниса, большіе и малые, подавали поводъ къ торжественнымъ и шутливымъ процессіямъ народа. Искусство же въ Греціи простирало всегда дружелюбную руку жизни. А самые предметы пластическими формами приходились по мысли ваянія. Шумное упоеніе обнимало всѣ возрасты человѣка и оба пола. Младенцы, иногда безкрылые, иногда крылатые въ видѣ амуровъ, фавны отроки, юноши и мужи, и ста-рецъ Силенъ — все покоряется здѣсь могуществу веселья и вина. Звѣри свирѣпые и неукротимые: львы, тигры, барсы, быки, слоны, верблюды, смиряются на этихъ торжествен-

Digitized by Google

ныхъ шествіяхъ Діо́ниса. Но вотъ что̀ достойно вниманія и чего, кажется, не замѣтили до сихъ поръ изслѣдователи искусства. Самъ Діо́нисъ, виновникъ этого упоенія и шума, является середи веселыхъ торжествъ съ важною думою на челѣ; въ чертахъ его упоеннаго лица скорѣе выражается глубокая грусть, нежели безумная радость. Силенъ всегда представляетъ противоположность съ Вакхомъ, какъ грубое опьянѣніе чувствъ съ высокимъ возбужденіемъ духа, какъ пьяная веселость съ важною, скорѣе печальною думою. Въ доказательство взглянемъ на нѣкоторые горельефы Ватикана, относящіеся къ тому же предмету. Они послужатъ намъ средствомъ къ объясненію того произведенія, которое мы хотимъ изслѣдовать. Вотъ вакхическое жертвоприношеніе (*). Фавны его совершаютъ. Силенъ, на одномъ концѣ рельефа, упился и падаетъ, едва поддерживаемый двумя фавнами и эгипаномъ. На другомъ концѣ, грустный и задумчивый, стои́тъ самъ Вакхъ, опираясь на плечо Фавна. Дума и печаль склонили его голову. Онъ отворотился отъ фавновъ, которые варятъ ему на жертву свинью въ котлѣ и обдираютъ козленка. Вотъ торжественная процессія Вакха (**): впереди двѣ маски, трагическая и комическая, ѣдутъ въ колесницѣ, запряженной двумя барсами; пьянаго Силена тащутъ неровно два осла: одинъ упирается, другой рвется впередъ; Вакхъ ѣдетъ послѣдній, въ положеніи грустномъ и задумчивомъ, везомый двумя бодрыми тиграми. Вотъ еще поѣздъ Вакха съ Аріадною (***): впереди два Фавна тащутъ пьянаго Силена, который не въ силахъ идти; за нимъ ѣдетъ Аріадна, а Вакхъ, сидя на колѣнѣ у Семелы, грустно и важно закинулъ правую руку на голову, увѣнчанную богатыми кудрями и виноградомъ. Согласно съ этими художественными созданіями и самое имя Вакха, указывающее на его грустный характеръ. Имя Діо́ниса объясняютъ изъ Санскритскаго языка посредствомъ Deva nishi: богъ благодѣтельнаго напитка. Имя же Бакха, Греческое, отъ βάκχω, сте-

(*) Il Vaticano, illustrato da Pistolesi. Vol. III. Tav. XXVIII.
(**) Id. Vol. V. Tav. XIX. (***) Id. Vol. IV. Tav. CXII.

Digitized by Google

наю, плачу, и Вакхъ значитъ возбудитель плача. Древнѣйшее Греческое его имя, Zagreus (*) указываетъ на мрачный его характеръ, на Діониса подземнаго, адскаго, сына Зевса и Персефоны. Третье имя Іакха употребляемо было при мистеріяхъ и указываетъ на Вакха Элевзинскихъ таинствъ, въ которыхъ важное значеніе бога было уже совершенно возвышено (**).

Стремленіе Греческихъ художниковъ облагородить, возвысить чувственную идею Вакха, едва ли въ какомъ-нибудь другомъ произведеніи древняго ваянія выражено такъ ясно и превосходно, какъ въ тѣхъ горельефахъ, которые украшаютъ Альтемпскую, а теперь Порѣцкую урну. Содержаніе ихъ имѣетъ отношеніе къ миѳу о Вакхѣ и Аріаднѣ, но по всему замѣтно, что художникъ имѣлъ въ виду мысль, которая уяснится изъ самыхъ подробностей горельефа. По обѣимъ сторонамъ урны представленъ Вакхъ въ двухъ разныхъ видахъ. Но прежде чѣмъ изложить предметы двухъ главныхъ рельефовъ, взглянемъ на боковой рельефъ овала, въ которомъ содержится, такъ сказать, зерно мысли, подробнѣе развиваемой въ двухъ большихъ.

Фавнъ держитъ на плечѣ упившагося ребенка. Внизу, другой ребенокъ испугался змѣи, которая выползла изъ таинственной корзины (cista mystica) и шипитъ на него своимъ жаломъ. Змѣя посвящена была Вакху. Иногда встрѣчается и на другихъ рельефахъ таинственная корзина съ выползающею змѣею (***). Нерѣдко бываетъ она несома въ рукахъ или на головѣ. Катуллъ и Тибуллъ въ описаніяхъ вакхическихъ оргій упоминаютъ объ ней, а Валерій Флаккъ называетъ корзины полными таинственнаго страха (plenas tacita formidine cistas). Въ оргіяхъ и мистеріяхъ получили онѣ таинственное значеніе, но первоначально указываютъ на тѣ тростниковыя сквозныя корзины, въ которыхъ

(*) Etudes de Philologie et de Critique, par M. Ouvaroff стр. 127.
(**) Тамъ же, стран. 128.
(***) Il Vaticano. Vol. V. tav. XIX. Здѣсь ребенокъ открылъ корзину и изъ нея выползаетъ змѣя.

Digitized by Google

топтали виноградъ и которыя до сихъ поръ употребляются на югѣ. Въ винѣ таится змѣя, которая означала phallus. Группа эта имѣетъ отношеніе къ рожденію Вакха. (*) Мальчикъ упившійся означаетъ радость; мальчикъ, испуганный змѣею, сладострастіе и горе. Въ винѣ и то и другое. Здѣсь, можно сказать, зерно мысли, которая далѣе развита въ большихъ размѣрахъ. По обѣимъ сторонамъ двѣ группы: Фавнъ и Вакханка; слѣва выражаютъ они упоеніе страсти, напомнцая стихи Батюшкова:

Я за ней.... она бѣжала
Легче серны молодой;
Я настигъ; она упала —
И тимпанъ подъ головой.

Фавнъ, въ порывѣ желанія, простираетъ руки къ вакханкѣ; на ней поясъ, завязанный узломъ. Еще мигъ — и она будетъ въ его объятіяхъ. Но подъ ногою Фавна другая корзина, откуда выползла змѣя, готовая ужалить его въ подошву. Опять та же мысль: въ винѣ страсть, а въ страсти жало. Справа, Бакханка, безъ узла на поясѣ, и другой Фавнъ выражаютъ чувство грустнаго упоенія. Они не стремятся другъ къ другу, а расходятся. На груди Фавна перевязь изъ виноградныхъ вѣтвей и трагическихъ масокъ, весьма разнообразныхъ. Въ выраженіи лицъ, въ положеніи ихъ, видно упоеніе трагическое, упоеніе поэтической скорби. Внизу брошена козлиная голова, а на жертвенникѣ бычачья.

Здѣсь уже очевиднѣе и подробнѣе развито зерно мысли; но въ двухъ главныхъ группахъ урны, къ которымъ переходимъ теперь, она достигаетъ полнаго осуществленія. Съ той стороны, гдѣ Фавнъ и Вакханка выражаютъ негу сладострастія, изображено свиданіе Вакха съ Аріадною.

При взглядѣ на этотъ рельефъ, невольно вспомнишь стихи Катулла, которыми описано изображеніе ковра, по стланнаго на ложѣ Пелея и Ѳетиды.

(*) См. Описаніе Альтемпской урны въ Москвит. 1846, N 9 и 10, стран. 69.

Digitized by Google

At parte ex alia florens volitabat Jacchus,
Cum Thiaso Satyrorum et Nysigenis Silenis,
Te quaerens, Ariadna, tuoque incensus amore....

Но прочтемъ ихъ лучше въ переводѣ Н. В. Берга:

Съ другой же стороны, украшенный плющомъ,
Бѣжалъ цвѣтущій Вакхъ съ пылающимъ лицомъ,
Поспѣшно устремясь во слѣдъ за Аріадной;
За Бахусомъ неслись толпою кровожадной
Силены пьяные, вакханствуя, крича,
И тирсы длинные закинувъ на плеча.
Одни, обвивъ себя плющомъ или цвѣтами,
И опоясавшись шипящими змѣями,
Терзали буйвола на мелкіе куски;
Другіе, въ тѣсные собравшися кружки,
Справляли оргіи обычаемъ законнымъ,
Необъяснимыя сердцамъ непосвящённымъ,
И проносились тамъ съ кошницами въ рукахъ;
Иные-жъ, съ важною улыбкой на устахъ,
Взявъ рогъ, или тимпанъ, или тарелки въ руки,
Пускали рѣзкіе, пронзительные звуки;
И, занесенная Фригійцами сюда,
Тамъ флейта звонкая свистѣла иногда.
Коверъ, унизанный фигурами такими,
Подушку обнималъ, повиснувши своими
Концами до земли....

Вотъ Вакхъ, увѣнчанный виноградомъ, торжественно возвращается изъ Индіи, съ тирсомъ въ рукѣ, самъ полуобнаженный. Катулловъ эпитетъ: florens, здѣсь олицетворенъ рѣзцомъ: жизнью блещутъ всѣ члены его тѣла. Онъ облокотился рукой на Фавна, который склоняетъ его къ нѣгѣ. Особенно выразительно лицо этого Фавна: сама жизнь, черезъ рѣзецъ, очевидно вошла въ этотъ мраморъ. Амуръ указываетъ Вакху на лежащую Аріадну. Пламенникъ зажженъ, огонь горитъ и поджигаетъ крылья Амуру. Сатиръ около женщины, и лицомъ и всѣмъ тѣломъ, изображаетъ одну низкую чувственность. Но на верху, надъ Аріадною, въ высокомъ упоеніи, уже не чувственномъ, сидитъ Гиме-

Digitized by Google

ней, держась рукою за таинственное миртовое дерево. Чистое наслажденіе брака облекаетъ его какимъ-то свѣтлымъ торжествомъ. Тѣло его прекрасно и цѣломудренно. Аріадна полузакрыта. Ея положеніе сходно съ извѣстною статуею въ Ватиканѣ. Лицо ея, къ сожалѣнію несохранившееся, облечено покровомъ, въ знакъ стыдливости, но маленькой Фавнъ его приподнялъ. Вакхъ стоитъ, задумчивъ и важенъ, (*) Все кругомъ его раздражаетъ его чувства, но онъ выше того. По другую его сторону еще стоятъ два Фавна, изъ которыхъ одинъ съ перевязью изъ розъ. У спутника же его лежитъ поднятая на головѣ трагическая маска. Внизу живая чудная группа: Сатиръ занозилъ ногу, а Фавнъ вынимаетъ у него занозу. Кажется, рѣзецъ достигъ здѣсь крайнихъ предѣловъ совершенства. Сатиръ стиснулъ зубы отъ боли и сдѣлалъ гримасу какъ живой. Изъ-подъ камня, на которомъ онъ присѣлъ, выглядываетъ комическая маска, а возлѣ нея видна свирѣль. Между этой маской внизу, и той трагической, которая сверху на головѣ Фавна, есть замѣтное соотвѣтствіе. Этотъ предметъ нравился древнимъ. Въ Ватиканѣ встрѣчаемъ отдѣльную группу: Сатира, который вынимаетъ занозу изъ ноги Фавна (**). Группа на урнѣ, еслибы вынуть ее изъ рельефа, могла бы одна быть счастливымъ произведеніемъ рѣзца, а она только прекрасная часть въ многосложномъ цѣломъ. Горельефъ съ этой стороны заключается Вакханкой и Силеномъ. Одежды Вакханки развѣваются по вѣтру. Это лучшая статуя рельефа по драпировкѣ. Смотря на нее, припоминаешь стихи Батюшкова

Эвры волосы взвѣвали
Перевитые плющомъ;
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.

За нею Силенъ идетъ бодро, съ тирсомъ въ рукѣ. Между Сатиромъ, стоящимъ около Аріадны, и занозившимъ ногу,

(*) Въ Ватиканѣ есть горельефъ, въ которомъ Аріадна положеніемъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ группою Порѣцкой урны. Сатиръ приподнимаетъ съ нея покровъ. Но все прочее окруженіе совершенно иное. Il Vaticano. Vol. VI. Tav. IL.

(**) Il Vaticano Vol. VI. Tav. XX.

Digitized by Google

есть также очевидное соотвѣтствіе. Въ наслажденіи—заноза, грусть, а въ грусти начало Трагедіи. Вотъ почему Вакхъ, богъ вина, богъ чувственнаго упоенія, становится и богомъ высокаго трагическаго искусства.

И вотъ онъ таковъ, на другой сторонѣ овальной урны. Здѣсь онъ облеченъ уже въ таинственныя одежды іерофанта и препоясанъ. Его пеплосъ покрытъ барсовой кожей. На головѣ вѣнокъ изъ винограда и мирта. Лицо и одежды напоминаютъ музу Мельпомену въ Ватиканской залѣ Музъ. Фавнъ и Силенъ, первый съ свирѣлью, а второй съ тимпаномъ, идутъ за нимъ. Важны и печальны ихъ лица. Вакхъ отворотился отъ полуобнаженной женщины, которая простерта на полу и лицомъ выражаетъ чувственность. Барсъ лапою сдираетъ одежду съ ея колѣна. Но Вакхъ торжественно движется впередъ съ своимъ увѣнчаннымъ тирсомъ, а сосудъ съ виномъ обращаетъ на женщину. Возлѣ него, по лѣвую сторону, имъ какъ будто не замѣченный, лежитъ на горѣ пьяный Геркулесъ. Чудная фигура! Онъ упалъ на львиную кожу; булава выпала, а вмѣсто ея въ рукѣ пряжа съ тремя узлами. Фавнъ и два Сатира окружаютъ его съ чувствомъ изумленія и грусти. Маленькой Фавнъ показываетъ на пряжу, а другой пьетъ изъ мѣха, предлагаемаго ему Фавномъ постарше. Далѣе Фавнъ съ флейтою и Вакханка съ лирою заключаютъ группу: это самыя слабѣйшія фигуры, принесенныя въ жертву художникомъ повороту овала. Внизу козлиная голова на жертвенникѣ — символъ трагедіи. Фигура Вакханки сходится съ фигурою Силена, который съ той стороны замыкаетъ шествіе. Кругомъ группы Геркулеса миртовыя деревья.

По случаю этого пьянаго Геркулеса, Винкельманъ упоминаетъ объ Альтемпской урнѣ въ одномъ изъ своихъ сочиненій (*). Миртовыя деревья, нѣсколько разъ встрѣча-

(*) Вотъ слова его: Una si fatta immagine di Sileni in compagnia d'Ercole viene illustrata da un passo d'Euripide, ove Sileno discorre d'allegrie e di maneggiar le poppe alle femmine, siccome in un' urna del palazzo Altemps vedesi Ercole briaco assistito da' Sileni. Monumenti. antichi, Parte prima. 89.

Digitized by Google

ющіяся на этомъ памятникѣ искусства, имѣютъ отношеніе къ мистеріямъ. Изъ Аристофана видно, что сіи послѣднія совершались въ миртовыхъ рощахъ (*).

Сила чувственная, изображаемая здѣсь Геркулесомъ, отяжелѣла отъ вина и побѣждена имъ; но сила духа, сила художественная, въ лицѣ Вакха, восторжествовала надъ чувственностью, надъ виномъ и слѣдствіями упоенія, и выливъ чашу на предметъ своей нѣги, торжественнымъ шагомъ двинулась впередъ. Здѣсь на этомъ рельефѣ все относящееся къ Вакху исполнено высокой грусти и важности. Остатки оргіи пьяной всѣ отнесены къ Геркулесу.

Въ такой величавой полнотѣ предстаетъ намъ здѣсь та же самая мысль, которую сначала примѣтили мы въ одномъ маломъ зародышѣ. Въ винѣ зерно нѣги, въ нѣгѣ жало змѣи, зародышь грусти, въ грусти начало трагедіи. Многіе символы барельефа указываютъ на то, что художникъ имѣлъ здѣсь въ виду это искусство, какъ высокое произведеніе Греческихъ вакханалій.

Созданія древней живописи и скульптуры всегда скрываютъ въ себѣ глубокій, таинственный смыслъ. Надобно умѣть его разгадывать. Картины Геркуланума и Помпеи, украшающія студіи Неаполя, всѣмъ своимъ содержаніемъ доказываютъ это ясно.

(*) Лягушки Аристофана, ст. 154 — 158.

Ἐντεῦθεν αὐλῶν τίς σε περιέισιν πνοή,
ὄψει τε φῶς κάλλιστον, ὥσπερ ἐνθάδε,
καὶ μυρρινῶνας, καὶ θιάσους εὐδαίμονας
ἀνδρῶν γυναικῶν, καὶ κρότον χειρῶν πολύν.
Διόνυσος.
Οὗτοι δὲ δὴ τίνες εἰσὶν;
Ἡρακλῆς.
Οἱ μεμυημένοι —

«Потомъ окружитъ тебя дыханіе флейтъ, и ты увидишь прекраснѣйшій свѣтъ какъ здѣсь, и миртовыя рощи, и блаженные лики мужчинъ и женщинъ, и частыя рукоплесканія. *Діонисъ.* Кто же это такіе? *Геркулесъ.* Это посвященные.»

Digitized by Google

Глубокій смыслъ этого художественнаго созданія, указывая на значеніе того, почему Греческая трагедія произошла отъ Вакха, даетъ намѣкъ и на новое, незамѣченное до сихъ поръ отношеніе между жизнію Греческою и драмою. Кто, кажется, болѣе Грековъ, смотрѣлъ на жизнь, какъ на одну чувственную оргію, какъ на свѣтлую вакханалію, какъ на одно безсмѣнное пирщество и наслажденіе? А между тѣмъ, какой же народъ изъ этой жизни въ ту самую минуту, когда, казалось, она достигала полнаго разцвѣта, вынесъ въ міръ искусства самую тяжелую думу, самую высокую скорбь? Не легкомысленна была забава язычника Грека, не поверхностно и шутливо предавался онъ торжествамъ своего Діониса. Трагедію любилъ онъ созерцать середи своихъ буйныхъ оргій, ту трагедію, которую самъ же вынесъ изъ своей праздничной жизни, какъ высшій цвѣтъ своего искусства. Возвышенная скорбь — горькой плодъ его жизни — уступила потомъ уже мѣсто отчаянному хохоту Аристофана, который былъ поэтическимъ эхомъ предсмертныхъ стоновъ умиравшей Греціи.

Съ этою мыслію если взглянешь на Бакха, какъ изображается онъ на рельефахъ Греческихъ ваятелей, то поймешь, почему онъ всегда такъ грустенъ, важенъ и задумчивъ середи пьяныхъ Силеновъ, буйныхъ Фавновъ, неистовыхъ Менадъ, поймешь таинственное значеніе его имени, какъ бога плача и стенанія, и разгадаешь, почему въ честь его посвятили Греки тотъ высшій плодъ, которымъ заключилось развитіе ихъ Поэзіи, свою многодумную Трагедію *).

С. Шевыревъ.

*) Редакція надѣется впослѣдствіи представить рисунокъ съ Порѣцкой урны къ этому изслѣдованію.

Digitized by Google

ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ ФАУСТА.

I.

Въ той сценѣ, которая предшествуетъ явленію Мефистофеля, то есть, за минуту передъ тѣмъ, какъ овладѣла имъ враждебная сила, Фаустъ переводитъ изъ Св. Писанія I главу Іоанна. Онъ хочетъ поправить и выразить *по-своему* мысль Евангелиста; и такою гордостію становится доступенъ губительному искушенію. Недовольный выраженіемъ: *въ началѣ было* Слово, онъ сперва пишетъ: *въ началѣ была* Мысль (Sinn) — потомъ: *въ началѣ была* Сила (Kraft), — отвергаетъ и то и другое, и наконецъ останавливается на выраженіи: *въ началѣ было* Дѣло (That), которое кажется ему болѣе точнымъ, нежели Іоанново, но которое столь же недостаточно, какъ и оба первыя.

Никакой человѣческій умъ не придумаетъ ничего выше и всеобъятнѣе этого дивнаго Евангельскаго слова; съ нимъ наряду можно поставить только то, которое слышалъ Моисей изъ пламенной купины: *азъ есмь Сый*.. Въ семъ послѣднемъ изображенъ Богъ безъ всякаго отношенія къ созданію; а въ словѣ Евангелиста изображенъ Богъ Создатель, Которымъ все получило бытіе.

Подъ *словомъ* разумѣется не одно опредѣленное, языкомъ произносимое и слухомъ принимаемое слово; но слово *вообще*, то есть и слово, *духовное тѣло мысли*, вмѣстѣ съ мыслію въ минуту ея рожденія рождающееся въ душѣ нашей, и слово, *матеріальная одежда этого духовнаго тѣла, звукъ*, его выражающій. Слово человѣческое, раждаяся вмѣстѣ съ мыслію, мало по малу развивается, пріобрѣтаетъ болѣ и болѣ опредѣленную духовную форму, и наконецъ, чтобы перейти въ дѣйствіе *внѣшнее*, въ *сообщеніе*, изъ духовнаго образа переоблачается въ образъ матеріальный, въ звукъ: во всемъ этомъ есть опредѣленный ходъ: здѣсь есть

Digitized by Google

начало, развитіе, постепенность, здѣсь виденъ характеръ ограниченнаго, временнаго, человѣческаго. Слово Божіе, напротивъ, есть Богъ — Богъ Сынъ, отъ вѣка пребывающій въ Богѣ Отцѣ, изъ сущности Его рожденный, но съ Нимъ не сліянный и безначальный, ибо Онъ есть *непосредственное* Божіе рожденіе, а Богъ дѣйствуетъ въ вѣчности, въ которой *было*, *есть* и *будетъ* одно и тоже. Неудачная попытка Фауста исправить Евангельское выраженіе служитъ только къ тому, чтобы показать, сколь оно всеобъятно. Для всякаго произведенія нужны: *мысль* (намѣреніе, планъ и начало), *сила* (возможность и средство), *дѣло* (совершеніе и конецъ); по крайней мѣрѣ таковъ ходъ всякаго человѣческаго произведенія. Въ рожденіи Божіемъ нѣтъ этой постепенности. *Слово* Божіе — самъ Богъ и Его истина — не можетъ быть выражено *словами* человѣческими, также какъ цѣлое зданіе не можетъ быть заключено въ пылинкѣ, взятой изъ его мелкаго обломка, хотя пылинка сія и принадлежитъ къ его составу; всѣ наши слова, то есть, всѣ наши, невыраженныя и выраженныя, отдѣльныя и взятыя въ совокупности мысли, суть только отрывки чего-то цѣлаго; сколь бы ни была велика ихъ цѣпь и что бы она ни обнимала, все она будетъ одинъ отрывокъ, ни къ чему не принадлежащій, если первое звѣно ея не прикрѣпится къ вѣчному, все выражающему Слову, къ Богу. Въ семъ послѣднемъ случаѣ она уже не будетъ имѣть этого характера *отрывочности*; она будетъ прямымъ радіусомъ, исходящимъ изъ средоточія того круга, котораго центръ, по словамъ Паскаля, вездѣ, а окружность нигдѣ.

Слово Паскаля имѣетъ необъятное значеніе: этотъ центръ, который *вездѣ*, неуловимый нашимъ умственнымъ зрѣніемъ, но все наполняющій, всюду самобытно присутственный и живой, это средоточіе, изъ котораго выходятъ всѣ радіусы къ этой окружности, *нигдѣ* не существующей и представляющей, относительно къ Богу, *всеобъемлемость*, а, относительно къ человѣку, *границу*, безъ которой мы въ своей ограниченности ничего постигнуть не можемъ — не заключается ли во всемъ этомъ какого-то чуднаго, гіеро-

Digitized by Google

глифическаго образа, въ которомъ намъ таинственно и очевидно выражается и существо Бога (вѣчнаго *Слова*) и отношеніе къ нему разума человѣческаго? Главное и рѣшительное во всѣхъ дѣйствіяхъ нашего разума есть пунктъ отбытія (point de départ). Прикрѣпи первое звѣно твоей умственной цѣпи *къ центру* — она, потерявъ характеръ *отрывочности* и сдѣлавшись радіусомъ, то есть линіею ведущею прямо къ окружности, пріобрѣтетъ *по свойству радіуса* и его прямизну, его неуклончивость ни направо ни налѣво, его направленіе къ одному, вѣрному пункту. Напротивъ, начни цѣпь своихъ умствованій *не изъ центра* — она по натурѣ своей будетъ безъ направленія, и необходимо должна пріобрѣсть или ломкость или кривизну, которыя составляютъ характеръ всякой линіи, между центромъ и окружностію проведенной, но не изъ центра *исходящей*. Начиная не изъ центра, мы на каждомъ шагу должны сбиваться съ пути, ибо, не имѣя передъ собою опредѣленной точки, не имѣемъ и никакого стремленія, идемъ на угадъ и ни къ чему дойти не можемъ — *заблужденіе*. Начиная, напротивъ, изъ центра, мы, при необходимомъ движеніи впередъ по прямому радіусу, должны становиться на каждомъ пунктѣ его ближе къ окружности, и, хотя эта окружность для насъ недостижима, но стремленіе къ ней въ насъ существуетъ; и въ слѣдствіе этого стремленія, при каждомъ шагѣ впередъ, мы *сами въ себѣ* становимся къ ней приближеннѣе — *истина*. (*) Это стре-

(*) Можетъ быть сдѣланъ вопросъ: если этотъ центръ *вездѣ*, то, откуда бы ни начиналась наша умственная цѣпь, она все будетъ начинаться изъ центра, слѣдственно *заблужденіе* невозможно? Это справедливо, но только въ отношеніи къ Богу: Онъ вездѣ, а гдѣ Онъ, тамъ истина. Напротивъ въ отношеніи къ человѣку этотъ центръ, вездѣ существующій *самъ по себѣ*, можетъ существовать для человѣка только тамъ, гдѣ Откровеніе укажетъ его *Впрь* и гдѣ, повинуясь этому указанію, разумъ прикрѣпитъ къ нему первое звѣно своихъ умствованій. Это *прикрѣпленіе* не есть механическое, необходимое, несознательное — оно есть дѣйствіе человѣческой воли, свободно пріемлющей Откровеніе, вслѣдствіе чего и всѣ остальныя звѣнья сами собою изъ перваго въ смыслѣ его должны извиться.

Digitized by Google

мленіе по опредѣленной линіи къ опредѣленной границѣ есть наша жизнь *во времени*. Ибо что есть время? Невиди мая математическая линія, между двумя безднами идущая, между *безначальностію* и *безконечностію*; гдѣ останавливается стремленіе по ней земной нашей жизни, тамъ исчезаетъ и эта путеводная линія; и двѣ бездны, ею разграниченныя, сливаются въ одну, въ оное непостижимое, неизглаголанное *все*, заключенное между вездѣсущимъ центромъ и нигдѣ несуществующею окружностію, и котораго имя: *Божія* вѣчность.

II.

Извѣстны рисунки, сдѣланные Корнеліусомъ и Речемъ для Гётева Фауста. Речь строго держался истины: онъ удовлетворительно изобразилъ для глазъ то, что мы видимъ воображеніемъ, читая Фауста; въ его композиціи много разнообразія и живости; въ его сценахъ демоновъ и вѣдьмъ много фантазіи — но онъ не переходитъ за границу *простой истины*; въ этомъ отношеніи онъ долженъ уступить Корнеліусу, въ рисункахъ котораго есть *высшая*, идеальная истина, есть величавая значительность, составляющая характеръ среднихъ вѣковъ, къ которымъ принадлежитъ лице Фауста; они сначала покажутся не столь привлекательны, какъ рисунки Реча, но когда въ нихъ прилежнѣе всмотришься, то найдешь, что между ими и первыми такая же разница, какая между огромнымъ, бронзовымъ рыцаремъ, лежащимъ на гробницѣ съ сложенными на молитву руками, работы старинаго Нѣмецкаго скульптора, и мраморною, со вкусомъ отдѣланною статуйкою того же рыцаря, легкой работы геніяльнаго Французскаго художника временъ новѣйшихъ.

Но здѣсь дѣло идетъ не о сравненіи Корнеліуса и Реча, а о томъ, что они оба, изображая одну и ту же сцену изъ Фауста, сдѣлали одну и ту же ошибку.

Вотъ эта сцена: ночь; Фаустъ и Мефистофель скачутъ на черныхъ коняхъ мимо лобнаго мѣста, на которомъ съ наступленіемъ утра должна быть казнена Маргарита. Тамъ передъ глазами Фауста совершается видѣніе; онъ спрашиваетъ у спутника:

Digitized by Google

«Что это? за чѣмъ собрались они у висѣлицы?»

— Кто ихъ знаетъ, что они стряпаютъ!

«Взлетаютъ, слетаютъ, наклоняются, простираются.»

— Дрянь! ночная сволочь!

«Какъ будто готовятъ мѣсто, какъ будто его освящаютъ.»

— Мимо, мимо!

Весьма трудно сохранить въ переводѣ краткость и таинственную выразительность оригинала. Но какъ же Корнеліусъ и Речь перевели языкъ Поэта на языкъ живописи? У Реча (которому здѣсь надобно отдать преимущество передъ Корнеліусомъ) Фаустъ глядитъ изумленными глазами на мѣсто казни и хочетъ удержать бѣшенство коня своего; Мефистофель, съ пренебреженіемъ къ происходящему и какъ будто внутренно насмѣхаясь надъ своимъ сопутникомъ, безпечно покачивается на своемъ конѣ, бѣгущемъ во всю прыть. То же самое у Корнеліуса, у котораго однако въ изображеніи скачущихъ есть что-то выисканное и преувеличенное. Но и Речь и Корнеліусъ, оба равно ошибочно поняли таинственное видѣніе, о которомъ Поэтъ только намекнулъ, оставивъ воображенію читателя дополнить начатую картину; воображеніе живописцевъ не угадало мысли Поэта. И тотъ и другой собрали къ лобному мѣсту ту *сволочь*, о которой говоритъ Фаусту въ отвѣтѣ своемъ Мефистофель: мертвецы въ саванахъ, скелеты съ головами и безъ головъ бѣгаютъ, летаютъ, пляшутъ около эшафота, на которомъ (въ рисункѣ Реча) совершается призракъ казни: скелетъ держитъ въ рукѣ отрубленную голову женщины, другіе скелеты играютъ черепомъ ребенка, и тому подобное. Такая ли мысль Поэта? И то ли думаетъ Мефистофель, называя ночною *сволочью* тѣхъ, которые видятся Фаусту? Нѣтъ! Это не сволочь, не демоны тмы, а Ангелы свѣта; Мефистофель ихъ знаетъ; и онъ трепещетъ; онъ силится скрыть свою робость подъ тѣмъ ругательнымъ именемъ, которое даетъ имъ; онъ кричитъ Фаусту: мимо, мимо!

Если бы кругомъ лобнаго мѣста Поэтъ подлинно собралъ адскую сволочь, то его сцена не имѣла бы ника-

Digitized by Google

кого смысла — она была бы одно поэтическое украшеніе, ничего къ главному не прибавляющее. За чѣмъ пугать Фауста новымъ адскимъ видѣніемъ, когда онъ уже довольно насмотрѣлся всякихъ ужасовъ, и смѣшныхъ и въ трепетъ приводящихъ, на сходбищѣ вѣдьмъ, гдѣ, между прочимъ, и блѣдный образъ Маргариты съ кровавымъ рубцомъ вокругъ шеи довольно ясно предсказалъ ему то, что̀ будетъ? Но за чѣмъ же Ангелы собраны къ лобному мѣсту? Это понятно: въ маленькой сценѣ своей Гёте мимоходомъ разгадалъ главную загадку первой части Фауста: торжество смиренія и покаянія надъ силою ада и надъ богоотступною гордостію человѣческою. Чистые Ангелы своими руками уготовляютъ то мѣсто, на которомъ человѣческое правосудіе удовлетворитъ земной правдѣ, казнивъ преступное дѣло человѣка, а Божіе всевидящее правосудіе совершитъ правду небесную, принявши въ лоно милосердія покаяніе души человѣческой. Гдѣ человѣкъ будетъ скорбѣть и трепетать, тамъ Ангелъ будетъ веселиться; гдѣ будетъ передъ глазами человѣка ужасъ безпощадной казни, тамъ будетъ торжество примиренія передъ глазами Ангела, и съ нимъ вмѣстѣ восторжествуетъ все небо, въ жилищахъ котораго однимъ кающимся грѣшникомъ радуются болѣе, нежели десятью неискушенными праведниками. Въ ту минуту, когда губитель мчитъ за собою Фауста къ темницѣ Маргариты, уповая, что онъ, обольстивъ душу ея земнымъ спасеніемъ, отыметъ у нея спасеніе небесное, Ангелы пророческимъ видѣніемъ, приводящимъ въ ужасъ самого демона, хотятъ остеречь погибающаго; но, увлеченный адскою силою, онъ мчится мимо, и только тогда становится ему поцятно имъ видѣнное, когда онъ, насильно уведенный демономъ изъ темницы, слышитъ за собою напрасное призываніе Маргариты, произвольно себя предавшей суду небесному. *Она осуждена!* восклицаетъ губитель... *Она спасена!* отвѣтствуютъ съ высоты.... *За мной!* кричитъ Фаусту испуганный демонъ.... *Генрихъ! Генрихъ!* зоветъ изъ тюрьмы умоляющій голосъ.

В. Жуковскій.

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

МЕТЕОРОЛОГІЯ,

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ ЕЯ КЪ БОТАНИКѢ, ЗЕМЛЕДѢЛІЮ, ЛѢСОВОДСТВУ, ГЕОЛОГІИ, ПУБЛИЧНЫМЪ РАБОТАМЪ, ГИГІЭНѢ И МЕДИЦИНѢ.

Мы уже упомянули мелькомъ, что большая часть самыхъ необходимѣйшихъ наукъ для общественнаго благосостоянія людей находятся еще въ границахъ разрѣшенія *иксовъ* и *игрековъ* на бумагѣ. Разрѣшеніе же *неизвѣстныхъ* въ самой природѣ было почти до сихъ поръ дѣло частное. Изъ новѣйшихъ приложеній наукъ къ цѣли ихъ, было только приложеніе Химіи къ земледѣлію; но и это, кажется, начато съ конца, съ мелочныхъ опытовъ, безъ всякой основы на общихъ законахъ природы; и потому-то всѣ эти опыты на одномъ мѣстѣ съ его аттрибутами или условіями не приходились къ другому мѣсту съ другими условіями. Этотъ способъ частныхъ пытаній науки нарушалъ только вѣру въ цѣлость ея, и все обращалось къ своему исконному обычаю, основанному на преданіи, на безотчетныхъ примѣтахъ и гаданіяхъ. Исполнял обычай, человѣкъ по крайней мѣрѣ не обвинялъ самого себя въ неудачахъ, не обвинялъ ни совѣтниковъ своихъ, ни учителей. Здѣсь отвѣчала за все судьба. А надо помнить, что эта отвѣтственность слишкомъ велика. Наука можетъ взять ее на себя тогда только, когда вполнѣ сознаетъ свою зрѣлость, силы, и будетъ въ состояніи отвѣчать на всѣ частные запросы по законамъ общимъ, не запинаясь; тогда только, когда у нее будутъ въ рукахъ на разрѣшеніе всѣхъ задачъ *общія формулы*. Иначе всѣ сообщас-

Digitized by Google

мые научные свѣдѣнія и опыты, похожи на книги поваренаго искусства, въ которыхъ учатъ неумѣющихъ приступить къ печи, готовить тысячу различныхъ блюдъ. При подобныхъ наставникахъ не только первый блинъ, но и всѣ до послѣдняго выходятъ комомъ; кто жъ виноватъ, что поваренное искусство заключается до сихъ поръ только въ умѣньѣ изготовить такія-то и такія блюда, а не въ законахъ поваренной Химіи, посредствомъ знанія которой можно изготовить изъ данныхъ продуктовъ столько блюдъ, сколько можно сочинить варіацій на заданную тему.

Къ этой же категоріи можно отнести и Медицину, раздробившуюся на системы, и чрезъ это теряющую совершенно невинно довѣріе пацієнтовъ, за вину систематиковъ, которые удачный свой опытъ на одномъ субъектѣ, апоѳеозируютъ и распространяютъ на всѣхъ. Въ послѣднее время, Медицина особенно пристрастилась къ Анатоміи, и по мертвымъ тѣламъ думала проникнуть въ тайны даже духовныхъ двигателей организма. Бѣдныя животныя и бѣдные люди, попавшіе подъ страсть пытанія, научили только искусству разлагать самые тончайшіе составы. Эѳиръ и хлороформъ пришли на помощь бѣднымъ страдальцамъ, чтобъ лишаться чувствъ по крайней мѣрѣ во время ужаса операцій. Все пошло подъ ножъ, между тѣмъ какъ всякій согласится, что у природы есть средства отрѣшать отъ организма всѣ наросты и порчи, безъ ножа. Природа и не думаетъ таить своихъ благодѣтельныхъ средствъ; но на бѣду эти средства такъ иногда просты, и такъ простонародны, что благородная наука не хочетъ съ ними знаться. Но всѣ эти удачныя и неудачныя средства относятся только къ сборнику частныхъ опытовъ, изъ которыхъ думаютъ составить законы науки; между тѣмъ какъ источникъ законовъ науки заключается въ приложеніи свойствъ человѣческаго организма къ свойствамъ организма всей природы и аналогическихъ выводахъ. Для этого-то изученіе природы предшествуетъ изученію человѣка.

Теперь обращается вниманіе на предметъ очень важный для изученія природы и ея явленій — на Метеоро-

Digitized by Google

логію. Извлечемъ изъ «Annuaire météorologiques de la France pour 1849, par Haeghens, Ch. Martins et Berigny» о пользѣ этой науки и ея приложеніи къ Ботаникѣ, Земледѣлію, Лѣсоводству, Геологіи, общественнымъ работамъ, Гигіэнѣ и Медицинѣ.

«Успѣхъ и польза Метеорологіи, говоритъ Метеорологическій Ежегодникъ,—могутъ основаться только при учрежденіи общества наблюдателей, разсѣянныхъ по разнымъ частямъ свѣта, быстро сообщающихъ другъ другу всѣ замѣчаемыя ими явленія природы, и въ центральное заведеніе, для общихъ выводовъ. Эти выводы опредѣлятъ необходимыя условія приложеній ко всѣмъ родамъ познаній для государственнаго и частнаго хозяйства, а равно общественнаго и частнаго здоровья.

«*Приложеніе Метеорологіи къ Ботаникѣ.* Разселеніе растительнаго царства по земному шару зависитъ совершенно отъ условій метеорологическихъ, необходимыхъ для ихъ существованія. Прежде думали, что только познаніе *средней температуры* мѣста нужно для опредѣленія предѣловъ породъ растительныхъ. Потомъ увидѣли, что растительность зависитъ единственно отъ жаровъ лѣта: недостатокъ лѣтняго времени лишалъ растеніе возможности созрѣвать, и порода его исчезала. Такимъ образомъ въ гористыхъ мѣстахъ многолѣтность и долговѣчность породъ распространяется до снѣжныхъ вершинъ; а однолѣтняя растительность усиливается къ подошвѣ горъ. Нельзя не удивляться различію цвѣтовъ, усыпающихъ склоны Альповъ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ вѣчными снѣгами. Здѣсь, сравнительно съ однородностію климата и почвы земли, породы растеній гораздо многочисленнѣе, нежели на сѣверныхъ равнинахъ. Эту причину объясняетъ намъ Метеорологія. Во время лѣта, на возвышеніи Альповъ въ 2,080 метровъ надъ поверхностію моря, почва нагрѣвается на столько, что дневная средняя температура равна крайнему возвышенію (maximum) тепла атмосферы.

«Точное знаніе ежегодныхъ измѣненій температуры недостаточно для заключенія, что *такое-то* растеніе можетъ расти и содержаться въ такомъ-то и такомъ мѣстѣ. Задача

Digitized by Google

сложнѣе. Каждое растеніе заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, градусную термометрическую опредѣленность, для существованія своего.

«Этотъ градусникъ различенъ по различію свойствъ растеній; на немъ опредѣлена соотвѣтственная благотворная мѣра тепла, и границы, внѣ которыхъ оно не можетъ существовать.

«Когда сравнительная Климатологія и Физіологія различныхъ породъ будутъ достаточно изучены, тогда можно будетъ означить на картѣ предѣлы земныхъ поясовъ, которые для нихъ предназначены природой.

«*Приложеніе къ Земледѣлію.* Всѣ вопросы о переселеніи и водвореніи растеній относятся къ Метеорологіи. Большая часть хлѣбныхъ растеній, овощей, плодоносныхъ кустарниковъ и деревъ, составляютъ переселенцевъ изъ другихъ странъ, изъ другихъ частей свѣта. Земледѣліе совершенствуется улучшеніемъ способовъ и водвореніемъ новыхъ растеній. Когда климаты разныхъ странъ будутъ болѣе изслѣдованы, тогда узнаютъ положительно, какая метода воздѣлыванія земли болѣе соотвѣтствуетъ краю. Образованные владѣльцы земли будутъ подавать совѣты съ такимъ же убѣжденіемъ и увѣренностію, какъ часто наторѣвшіе въ земледѣліи, по одному опыту, безсознательно противятся введенію плодоперемѣнныхъ полей, несвойственныхъ климату.

«До сихъ поръ неизвѣстно еще, способны ли растенія къ аклиматаціи, или водворенію въ другомъ климатѣ, и возможно ли какими-нибудь средствами улучшать первобытную породу. Рѣшеніе этой задачи требуетъ разнообразнѣйшихъ познаній Метеорологіи, ибо всѣ атмосферическіе дѣятели имѣютъ вліяніе на организмъ растительный, и способствуютъ или вредятъ ему. То одна, то другая стихія противятся воздѣлыванію. Изъ числа многихъ примѣровъ, приводимъ слѣдующій: ячмень созрѣваетъ на Ферое; но всѣ предпріятія водворить его въ Исландіи были безуспѣшны. Нельзя полагать причиной разницу температуры, ибо ячмень удачно сѣется въ Альтенѣ, въ Лапоніи, которой средняя возвышенность гораздо ниже Ферое и Исландіи.

Digitized by Google

«Изслѣдуя эти неудачи, находимъ, что сильные, но непродолжительные дожди, недостатокъ солнечнаго свѣта, отъ постояннаго облачнаго неба, составляютъ въ Исландіи причину неурожая хлѣбныхъ растеній.

«Кромѣ опредѣленности въ распредѣленіи растеній по соотвѣтственнымъ ихъ природѣ климатамъ, сводъ метеорологическихъ изслѣдованій государства дастъ прочную возможность основаться на этихъ свѣдѣніяхъ застрахованію полей отъ засухи, отъ града и отъ наводненій.

«*Приложеніе къ Лѣсоводству.* Въ различныхъ климатахъ и въ различной мѣстности, одинъ и тотъ же родъ деревъ пріобрѣтаетъ различныя свойства. Опредѣляя свойства произрастительности края или мѣстности, Метеорологія будетъ способствовать разведенію лѣсовъ, по существеннымъ потребностямъ края.

«Сосна Швеціи идетъ на корабельныя строенія, и преимущественно на обмачтовку. Та же сосна въ другихъ мѣстахъ дрябла, поздревата и неудобна на потребленія, въ которыхъ необходима крѣпость дерева и упругость. Причины этой разницы заключаются въ толщѣ годовыхъ пластовъ почвы. Опредѣляя свойства почвы, зависящія отъ свойства температуры, Метеорологія опредѣлитъ и мѣста, удобныя для разведенія лѣсовъ потребнаго качества.

«*Приложеніе къ Геологіи.* Признано, что всѣ совершившіяся перемѣны на земномъ шарѣ, до появленія человѣка, произошли отъ тѣхъ же самыхъ дѣятелей природы, которые приводятъ законы ея въ исполненіе и въ настоящее время. Атмосфера есть главный дѣятель. Какой же былъ климатъ земнаго шара въ разныя эпохи его? Однообразенъ онъ былъ повсюду, или также дѣлился на полосы? Параллельны ли были эти полосы теперешнимъ? Склонялся ли климатъ постоянно къ охлажденію, или былъ въ постоянномъ равновѣсіи и колебаніи между тепломъ и холодомъ? Измѣнялся ли составъ атмосферы? Былъ ли воздухъ болѣе преисполненъ угольной кислотой до осадки каменнаго угля, и послѣ осадки, нежели въ настоящее время?

Digitized by Google

«Вотъ вопросы, которые задаетъ изученіе окаменѣлостей животныхъ и растительныхъ. Время ихъ разрѣшенія еще не близко, но уже предвидимо. Находимые въ Европѣ остатки животныхъ тропическихъ, осадки каменнаго угля въ сѣверныхъ странахъ, доказываютъ, что климатъ въ прежнія времена былъ жарче, нежели теперь. Существованіе однородныхъ окаменѣлостей въ однородныхъ земныхъ слояхъ Европы, Азіи и Америки, наводитъ на заключеніе, что и общая температура земнаго шара была однообразнѣе.

«Вообще всѣ измѣненія въ теченіи водъ, въ ихъ прибыли, убыли, изсякновеніи и проч. и проч. составляютъ предметы метеорологическаго изученія.

«*Приложеніе къ общественнымъ работамъ.* Содержаніе путей и учрежденіе судоходныхъ каналовъ зависятъ отъ количества ежегодной дождевой массы воды, въ разныя времена года, и количества испареній. Если эти условія будутъ изучены, тогда разчисленіе водъ, потребныхъ для каналовъ, будетъ основательнѣе, и случайные временные недостатки воды, останавливающіе ходъ судовъ, будутъ предвидимы и предупреждены запасами.

«*Приложеніе къ Медицинѣ.* Изложеніе этого предмета обширно; мы упомянемъ главное. Всѣ болѣзни дыхательныхъ органовъ и большая часть болѣзней органовъ желудочныхъ происходятъ отъ перемѣнъ атмосферическихъ. Большая часть недуговъ катарральныхъ и ревматическихъ раждаются отъ тѣхъ же причинъ. Всѣмъ практикамъ Медицины извѣстно, что осень и зима наносятъ ихъ; но до сихъ поръ не обратили еще основательнаго вниманія на отношенія измѣненій атмосферическихъ къ числу смертности. Это еще слѣдуетъ изучать, и основать на этомъ положительную Гигіэну; ибо посредствомъ только этого можно будетъ опредѣлить, какой климатъ болѣе свойственъ для излеченія такой-то и такой болѣзни.

«Испытано уже утвердительно, что морской воздухъ и умѣренный климатъ здоровы для чахоточныхъ; но больные, отправляемые въ Монпелье и въ Ницу, пользова-

Digitized by Google

лись жизнію не долѣе тѣхъ, которые оставались на сѣверѣ. Назначали предпочтительно климатъ Пизы и По; но и тамъ не лучше. Медицина не обратила еще вниманія, что, кромѣ равенства климата и сырости воздуха, можетъ быть, сильное барометрическое давленіе есть главное условіе для предупрежденія или излеченія нарывовъ на легкихъ. Разсчетъ на среднюю годовую температуру гораздо менѣе важенъ въ этомъ случаѣ; по этой-то причинѣ на сѣверѣ чахотка гораздо рѣже въ Норвегіи, подъ 70° широты, нежели въ Стокгольмѣ подъ 59°, между тѣмъ какъ средняя температура въ Каафіордѣ, близъ сѣвернаго мыса, составляетъ 0°,8; а въ столицѣ Швеціи 5°,6; но климатъ Норвегіи существенно ровенъ, а климатъ Швеціи переходитъ изъ крайности въ крайность.

«Явно, что различнымъ сложеніямъ соотвѣтственны и различные климаты; когда Гигіэна достигнетъ до такого совершенства, что въ состояніи будетъ опредѣлять для каждаго край, который онъ долженъ предпочтительнѣе избрать для своего здоровья, могущество Медицины, можно сказать, усугубится. Когда Гигіэна возведется на степень наукъ, необходимыхъ для благосостоянія народовъ, тогда она войдетъ въ составъ государственныхъ соображеній. Отъ здравія народнаго и органическаго совершенствованія породъ, зависитъ и нравственное совершенствованіе.

«Къ кому другому, какъ не къ Метеорологіи и Физикѣ земнаго шара обратится медикъ-философъ съ вопросами, о причинѣ страшныхъ эпидемій, которыя, отъ времени до времени, проносятся по міру, оставляя позади себя сиротство и вдовство, скорбь и отчаяніе. Какимъ причинамъ, кромѣ вліяній атмосферы и испареній земли, припишемъ мы эти ходы язвы, которая отъ предѣловъ Индіи переносится на оконечности Европы, проницаетъ всѣ преграды, усиливается, ослабѣваетъ, исчезаетъ, возникаетъ снова, оставляя насъ въ недоумѣніи и непостиженіи причинъ этихъ движеній и колебаній.

«Что за таинственныя силы, которыя назначаютъ ей путь, время, переходы, этапы, которые усиливаютъ ея силу, или

Digitized by Google

полагаютъ ей конецъ? Это вопросъ, который не рѣшитъ одна наука; это рѣшитъ совокупленіе познаній человѣческихъ. Но явно, что воздухъ и испаренія суть проводники зла; слѣдовательно Метеорологія въ совокупности съ Физикой земнаго шара, откроютъ намъ таинственность наносныхъ болѣзней, столь губительныхъ для человѣчества.»

Сознавая вполнѣ изложенное значеніе Метеорологіи въ кругѣ общихъ благотворныхъ познаній, мы прибавимъ въ заключеніе слѣдующее наше мнѣніе. Главная и первая причина болѣзненности атмосферы и испареній земли происходитъ отъ болѣзненнаго состоянія разумнаго члена земнаго шара — главы его — человѣка. Отъ невозмутимой жизни этого существа, которое облекаетъ собою міръ и хозяйничаетъ на немъ, зависитъ здравіе оболочки живаго планетнаго организма. Какъ наука лечебная не истребитъ частныхъ болѣзней, а можетъ истребить ихъ только наука охраняющая здравіе; такъ въ общемъ бытѣ всей планеты, можетъ истребить зло только разумный ея членъ — человѣкъ. Разумъ не даромъ требуетъ согласованія жизни человѣчества съ божественными законами, проявленными для человѣка въ Религіи.

А. В.

Digitized by Google

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЖИЗНЬ ПЛАТОНА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Имя Платона, какъ имя Филарета, есть имя народное, Всероссійское. Всякая строка ихъ для Русскихъ, для ревнителей славы отечества, драгоцѣнна, и потому я увѣренъ, что собственныя записки славнѣйшаго изъ прежнихъ Московскихъ Митрополитовъ, о своей жизни, теперь предлагаемыя, будутъ приняты публикою съ величайшимъ удовольствіемъ. О нихъ доселѣ и слыхомъ не было слыхано въ Русской Словесности; счастливый случай, среди моихъ безпрерывныхъ поисковъ о Русскихъ достопримѣчательностяхъ, доставилъ мнѣ въ руки ихъ списокъ, и я сообщу въ Москвитянинѣ нѣсколько отрывковъ, — сколько могу.

Скажу два слова вообще о запискахъ (mémoires): у насъ жалуются обыкновенно на ихъ недостатокъ. Это не правда: мы имѣемъ ихъ множество, но онѣ лежатъ большею частію подъ спудомъ. Назову теперь кромѣ напечатанныхъ: Желябужскаго, Матвѣева, Медвѣдева, Нащокина, Шаховскаго, Данилова, — Записки: Лопухина, Храповицкаго, Кн. Юрья Владиміровича Долгорукаго (въ моемъ музеѣ подлинныя), Князя И. М. Долгорукаго, Княгини Дашковой, Князя Н. В. Рѣпнина, Винскаго, Болотова, Графа Ростопчина, И. И. Дмитріева, Карамзина, Бенигсена, и проч. и проч. Вмѣстѣ съ записками должно обратить вниманіе на письма, кои часто характеризуютъ время очень живо. У меня собрано ихъ множество, и я прошу у кого есть что-нибудь въ этомъ родѣ, и кому угодно было бы уступить мнѣ оное, увѣдомлять меня съ опредѣленіемъ своихъ условій; я готовъ платить деньги или высылать книги по назначенію. *М. П.*

Родился 1737 года Іюня 29 дня, дня, посвященнаго празднованію Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, при самомъ восходѣ солнечномъ, и въ самый тотъ часъ, когда отецъ его, по должности своей причетнической, ударилъ въ колоколъ къ утренней службѣ, и услышавъ въ ту же минуту, что родился ему сей сынъ, оставивъ звонъ, потекъ отъ радости узрѣть родившагося. Сіе другіе услышавъ, то есть, что начался звонъ и вдругъ пересталъ, уди-

Digitized by Google

вились, и узнавъ тому причину, сорадовались обрадованному отцу; а можетъ быть, что-либо изъ того и заключали. Но по крайней мѣрѣ Петръ (ибо онъ, яко родившійся въ день празднуемыхъ Петра и Павла, Петромъ, по желанію отцовскому, наименованъ), а послѣ Платонъ, что онъ родился въ день великихъ Церкви Учителей и Проповѣдниковъ, что при самомъ восходѣ возсіявшаго солнца, что при звонѣ созывающемъ всѣхъ Христіанъ на службу Божію, и что послѣ онъ удостоился быть и Учителемъ Церкви, и Проповѣдникомъ Евангелія, и Пастыремъ Христова стада, съ нѣкоторыми противу другихъ отличными обстоятельствами, чрезъ всю жизнь свою почиталъ сіе особенно счастливымъ и благодатнымъ судебъ Божіихъ предзнаменованіемъ. А что притомъ отецъ его, услышавъ о его рожденіи, оставилъ звонъ и потекъ къ родившемуся; о семъ разсуждая часто, Платонъ уподоблялъ таковый случай *Отроковицѣ Роди*, въ Дѣяніяхъ упоминаемой, которая услышавъ у вратъ стояща Апостола Петра, не отверзла дверей отъ радости, но притекши въ домъ, возвѣстила о прибытіи его.

Родился же Петръ въ селѣ Чашниковѣ, которое отстоитъ отъ Москвы 40 верстъ, на большой Петербургской дорогѣ, отъ отца Георгія, который тогда былъ въ селѣ томъ при церкви причетникомъ, а послѣ въ другомъ селѣ, въ Клинскомъ уѣздѣ, Глуховѣ, Священникомъ, и отъ матери Татіаны.

Отецъ Платона, Георгій былъ свойства горячаго, но простосердечнаго и откровеннаго; лести не знающій и отвращающійся оной; также не корыстолюбивъ; особливо низкимъ образомъ корысть пріобрѣтать почиталъ себѣ противнымъ, и въ другихъ предосудительнымъ. А мать Татіана, бывъ благоразумна и разсудительна, была горяча къ дѣтямъ, и о добромъ ихъ воспитаніи и опрятномъ содержаніи весьма пеклася; наипаче бывъ сама набожна и благочестива, и дѣтей пріобучать богомолію и страху Божію первымъ долгомъ почитала. Была домостроительная хозяйка, и щадила малое дома содержаніе, чтобъ ничего не издержать на что-либо излишнее. Чрезъ что хотя домъ былъ и не богатый, однако ни въ чемъ нужномъ, что до пищи, питія и одѣя-

Digitized by Google

нія, не оскудный: почему и дѣтей своихъ въ лучшей содержала опрятности, нежели другіе, содержаніемъ бывъ богатѣе. Нравовъ была благородныхъ, не любила низкости, и чтобъ во всемъ сохранить свою честь, и отъ другихъ почитаніе заслужить, была всегда расположена. Службы Божіей почти никогда не оставляла; нищихъ по возможности всегда одѣляла, съ нѣкоторымъ своимъ удовольствіемъ, и едва когда просящему отказывала. Была трудолюбива и воздержна, а тѣмъ и здравіе хранила; и продолжила жизнь до 70 лѣтъ; и далѣе, можетъ быть, продолжилася бы жизнь ея, ежели бы свирѣпѣвшая въ 1771 году, въ Москвѣ, заразительная язва жизни ея не пресѣкла, и погребена въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. А отецъ Петра, Священникъ Георгій, погребенъ въ Москвѣ же, при Церкви приходской, у Спаса во Спасской.

Поминается здѣсь о свойствахъ родителей Платона, дабы изъявить, что оныя родителей свойства и во нравахъ рожденнаго отъ нихъ нѣкоторымъ образомъ были видимы: о чемъ послѣ будетъ помянуто.

Бывъ младенцемъ, какъ мать не однократно сказывала съ удовольствіемъ, всѣхъ взоры и любованія на себя привлекалъ. Ибо дитя было лицемъ красное, ласковое, миловидное, здравое и состава по всему самаго порядочнаго. Почему, когда мать на рукахъ его предъ людьми, или дома или на улицѣ держала, или кормила, или пѣстовала, всѣ привлекались брать его къ себѣ на руки, пѣстовали и имъ со услажденіемъ любовались; такъ что иногда мать приводило сіе въ опасность, чтобъ бравъ всѣ его на руки какого вреда по неосторожности ему не причинили; и для того остерегалась предъ людей всегда его выносить. Такимъ образомъ возрасталъ младенецъ, подъ заботливымъ воспитаніемъ матери, которая на него взирала, яко на даръ Божій; и какъ началъ онъ говорить, тотчасъ начала ему внушать имя Божіе, и научала молитвами, младенцу свойственными, отзываться къ общему Отцу всѣхъ тварей.

На шестомъ году отъ рожденія начали Петра обучать граматѣ: азбукѣ, Часослову и Псалтири; а потомъ писать;

Digitized by Google

каковый общій былъ тогда обученія порядокъ, для всѣхъ всякаго состоянія отроковъ. Петръ былъ весьма понятенъ; и удобно и скоро все изучивалъ. И хотя иногда къ отроческимъ играмъ и рѣзвостямъ былъ нѣсколько склоненъ, и отъ ученія за тѣмъ въ нѣкоторые часы удалялся: но за то отъ отца былъ наказыванъ, съ бо́льшею, можетъ быть, строгостію, нежели бы возрастъ лѣтъ и живость младенческаго свойства дозволяли; однако и сію строгость матернія ласковыя увѣщанія приводили въ умѣренность. Изучился младенецъ граматѣ и писать, чрезъ два года, и на осьмомъ году уже въ Церкви не только читалъ, но и пѣлъ Церковные обыкновенные стихи, ибо и въ пѣніи по одной наслышкѣ столько успѣлъ, что на томъ же году могъ уже одинъ, безъ помощи другаго, на клиросѣ отправить все пѣніе Божественныя Литургіи. Ибо и голосъ имѣлъ свѣтлый и пріятный, и къ пѣнію особую склонность, и въ Церкви, на всякой службѣ Божіей быть, его особенно веселило; о каковой его къ Церкви и къ службѣ ея отличной склонности послѣ не умолчу. И за таковое въ таковыхъ лѣтахъ преуспѣяніе, и охоту къ чтенію и пѣнію, и прибѣжище къ Церкви, а притомъ за свой всегда веселый и ласковый нравъ, и отъ родителей и отъ стороннихъ былъ любимъ и похваляемъ и выхваляемъ.

На десятомъ году отъ рожденія былъ онъ отданъ въ школу. — При семъ нельзя умолчать нѣкотораго особеннаго случая. Отецъ его, Священникъ Георгій, былъ потомъ, по нѣкоторымъ превратнымъ міра сего обстоятельствамъ, Священникомъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Липицахъ, что близъ рѣки Оки́, въ Коломенской Епархіи. Требовано было отъ Духовнаго Правительства, чтобъ всѣ священно и церковнослужители дѣтей своихъ приводили въ Семинарію въ Коломну. Отцу Петру крайне сего не хотѣлось. Ибо онъ въ Коломенскую Епархію, въ помянутое село переселился не по охотѣ своей, но по принужденію обстоятельствъ: и желалось ему, чтобъ изъ той Епархіи выйдти въ Москву, куда послѣ вышелъ, и былъ Священникомъ викарнымъ у Церкви Николая Чудотворца, что̀ слыветъ Красные Колокола.

Digitized by Google

А сынъ его бо́льшій, Тимоѳей, а братъ Петровъ, былъ ужѐ опредѣленъ въ Пономаря, въ Москвѣ, у Софіи Премудрости Божія, что на берегу Москвы рѣки; который Тимоѳей былъ послѣ Діакономъ въ Москвѣ, у Іакова Апостола, что въ Казенной; а потомъ у Спаса въ Спасской, гдѣ и умре и погребѐнъ. Отцу Петра желалось, чтобы и другой сынъ его, сей Петръ, и другой братъ его, Александръ, опредѣлены были въ Московскую Епархію, въ тамошнее училище, почему и просилъ Московскую духовную Консисторію, чтобъ дѣтей его, сего Петра и другаго бра́та его, Александра опредѣлить въ Московскую Академію, по причинѣ брата его, находящагося въ Москвѣ, помянутаго Тимоѳея. Но Секретарь сего прошенія не принималъ, говоря, что ему, яко находящемуся въ Коломенской Епархіи, надлежитъ своихъ дѣтей отдать въ Семинарію Коломенскую. Но отецъ неотступно просилъ: Секретарь два и три раза настоялъ сильно. Напослѣдокъ Секретарь, и утружденный и удивленный таковымъ настоя́ніемъ, предъ всѣми сказалъ: Ну! ты прямо отецъ дѣтямъ; здѣсь мы не можемъ обирать денегъ отъ Священниковъ, кои просятъ, чтобъ ихъ дѣтей въ школу не брали: а отъ тебя *не можемъ отвязаться, чтобъ дѣтей твоихъ въ школу опредѣлить.* И такъ принялъ прошеніе; доложилъ присутствующимъ. Послано сообщеніе въ Коломенскую Епархію, что увольняются ли они для обученія въ Московскую Академію. Тамъ охотно уволили и прислали въ сей силѣ соотвѣтствіе. И такъ Петръ и братъ его меньшій, Александръ (который послѣ былъ Діакономъ въ Москвѣ, у Спаса въ Спасской, а потомъ Священникомъ у Николая въ Хамовникахъ, а послѣ Протопопомъ у Спаса на Бору; а наконецъ Протопопомъ Большаго Успенскаго Собора, и Сунода Членомъ и Кавалеромъ, который тамъ и преставися, 1798 года), опредѣлены въ Московскую Греко-Латинскую Академію; а жительствовали при братѣ своемъ Тимоѳеѣ, при церкви Софіи Премудрости Божія.

По приведеніи въ Академію, предстали предъ Префекта, который тогда былъ Іоаннъ Козловичь, послѣ бывый Донскій Архимандритъ, и наконецъ Переяславскій Епископъ,

Digitized by Google

и тамо умре. Префектъ ободрилъ представшихъ предъ него отроковъ, сказавъ: «*дѣтки учитесь, послѣ протопопове будете.*» И сіе сбылось его пророчество: одинъ и подлинно сталъ Протопопомъ, а другой Протопоповъ начальникомъ.

По опредѣленіи въ Академію, изучился Петръ въ двѣ недѣли читать и писать по-Латынѣ. Потомъ переведенъ въ Ѳару, или низшій грамматическій классъ, гдѣ, бывъ годъ, переведенъ въ грамматику: по прошествіи года, въ Синтаксиму, или высшій грамматическій классъ, чрезъ годъ въ Піитику; по прошествіи года Реторику, гдѣ, бывъ два года, переведенъ въ Философію; а чрезъ два года уже и въ Богословію. Учители его были въ Ѳарѣ — Григорій Аѳанасьевичь Драницынъ, который въ монашествѣ Геннадій, послѣ былъ Академіи Префектомъ и Ректоромъ, и потомъ Суздальскимъ Епископомъ, гдѣ и преставися. Въ Грамматикѣ Іеродіаконъ Лаврентій Чепелевъ, который въ Иркутскѣ въ изгнаніи преставися. Въ Синтаксимѣ помянутый же Драницынъ. Въ Піитикѣ Іеромонахъ Амвросій Юматовъ, который послѣ былъ Архимандритомъ въ Китаѣ, въ Пекинѣ, гдѣ и преставися. Въ Реторикѣ Іеромонахъ Кириллъ Григоровичь, который окончилъ жизнь свою несчастливо. Въ Философіи и Богословіи помянутый же Драницынъ, или Геннадій.

Обучался Петръ Левшиновъ (ибо такъ онъ прозывался) Латинскому языку и помянутымъ наукамъ: Піитикѣ, Реторикѣ, Философіи и Богословіи. Притомъ обучился самъ собою Географіи; а знаніе Исторіи пріобрѣлъ всегдашнимъ читаніемъ историческихъ книгъ, къ чему прилежалъ чрезъ всю свою жизнь, и не было для него пріятнѣе упражненія, какъ чтеніе Исторіи, всей вообще и своей отечественной.

По тогдашнему въ Академіи порядку, Греческому языку обучались ученики особо, чрезъ два года, по окончаніи синтаксиса, и изъ Греческаго класса переводимы были въ піитическій; чрезъ что Латинскаго языка ученіе прерывалося. По желанію учителя піитическаго, чтобъ Петра имѣть у себя въ классѣ, Греческій классъ онъ миновалъ; а чрезъ то и лишился знанія Греческаго языка. Но дошедъ до Философіи, и увидѣвъ, что по многимъ встрѣчающимся Грече-

Digitized by Google

скимъ словамъ, языка сего знаніе нужно: а притомъ примѣтивъ, что нѣкоторые товарищи его, впрочемъ въ успѣхахъ ученія и худшіе его, но Греческій языкъ хотя нѣсколько знаютъ и тѣмъ предъ нимъ преимуществуютъ, симъ чувствительно тронутъ былъ Петръ, что онъ, товарищей въ наукахъ превосходнѣе, но знаніемъ сего языка предъ ними, яко унижался. Почему горячо принялся, чтобъ сіе желаніе свое выполнить. Но много встрѣчалось затрудненій. Не было грамматики Греческой, купить было не на что; да и учить некому. Но чего не преодолѣваетъ горячее прилежаніе и тщаніе? Выпросилъ на время у товарища грамматику Греческую, на Латинскомъ языкѣ, сочиненную Архимандритомъ Варлаамомъ Лащевскимъ, и оную всю переписалъ, а чрезъ то и писать по-Гречески изучился, какъ бы срисовывая буквы Греческія съ печатныхъ: почему и почеркъ его письма по-Гречески былъ сходенъ съ Греческимъ печатнымъ. Доставъ такимъ образомъ грамматику, началъ самъ себя по ней учить; самъ себѣ уроки задавать; самъ себя выслушивать; самъ себя или похвалять за прилежаніе, или осуждать за нерадѣніе. А какъ мѣста случались, кои онъ выразумѣть не могъ, о томъ приходя въ школу, у товарищей своихъ, знавшихъ Греческій языкъ, спрашивалъ; и чрезъ то вразумлялся. Потомъ и задачи къ переводу съ Россійскаго на Греческій самъ себѣ задавалъ: а о словахъ Греческихъ спрашивалъ у товарищей, и записывалъ; и потому дома сочинивъ, показывалъ товарищамъ, кои, прочетши, или похваляли, или поправляли, чрезъ что по малу и успѣвалъ Левшиновъ. Но какъ сего было не довольно, ибо затруднительно, то вздумалъ онъ ходить въ Греческій монастырь, близъ самой Академіи стоящій, на службу Божію, сколько время дозволяло; и со всѣмъ вниманіемъ прислушивался къ чтенію и пѣнію Грековъ: и сіе много Петра выпользовало. Ибо и слова нѣкоторыя понялъ, и нѣкоторое ихъ сложеніе примѣтилъ; а паче правильное ихъ произношеніе перенялъ; да и пѣнію ихъ нѣсколько научился. А потомъ, когда сталъ учителемъ въ Академіи, имѣлъ свободный случай съ Греками не рѣдко обходиться; а чрезъ обхожденіе, разговари-

Digitized by Google

вая съ ними, хотя худо, по-Гречески, но чрезъ то, себя поправлялъ, и нечувствительно бо́льшій успѣхъ пріобрѣталъ. Ибо уже могъ нѣкоторыя не трудныя на Греческомъ языкѣ книги читать и разумѣть, и съ Греками сколько-нибудь, хотя не совершенно, разговаривать, не по́просту, ἁπλᾶ, какъ Греки говорятъ, по по-Еллински. А потому уже, будучи въ Академіи Піитики учителемъ, обучалъ учениковъ Греческой грамматикѣ; и всегда, съ удовольствіемъ Петръ о себѣ говорилъ, что онъ въ Греческомъ языкѣ, αὐτοδίδακτος, то есть, самъ себѣ учитель; и сіе услажденіе была истинная награда за немалые его въ изученіи Греческаго языка труды.

Въ прочихъ же во всѣхъ наукахъ, въ Академіи преподаваемыхъ, былъ Левшиновъ отлично успѣшенъ, и изъ всѣхъ товарищей почитался первымъ. Почему и отъ учителей и отъ товарищей всѣхъ былъ особенно любимъ. Отъ учителей за прилежаніе, за всегдашнее въ школу хожденіе, за отличный во всемъ успѣхъ и за благонравіе. А притомъ, какъ онъ изучился партесному пѣнію, и имѣлъ голосъ пріятный, и зналъ въ пѣніи искусство, то и сіе любовь къ Петру учителей умножало. А товарищи его любили за добрый и веселый нравъ и словоохотливость, съ нѣкоторою всегда пристойною шутливостію. Но Богъ его сохранялъ, что никогда ни съ кѣмъ онъ не ссорился и не бранился. Ибо имѣлъ нравъ мягкосердечный, и въ случаѣ уступчивый, и стыдливый.

Но какъ между тѣмъ Петръ поступалъ въ домашнемъ обхожденіи, и въ чемъ упражнялся? Жилъ онъ при помянутомъ братѣ своемъ Тимоѳеѣ, который былъ Діакономъ у Спаса во Спасской, гдѣ вмѣстѣ жили и родители его. Петръ, исправивъ задачи, назначенныя отъ школы, дома упражнялся въ чтеніи книгъ и въ хожденіи въ Церковь на службу Божію. Всегда онъ, чрезъ всю жизнь, сожалѣлъ, что тогда въ Академіи другимъ наукамъ и языкамъ не обучали, въ коихъ онъ конечно сколько-нибудь предуспѣлъ бы. А паче сожалѣлъ, что превеликую имѣлъ охоту къ чтенію книгъ; но книгъ дома никакихъ не было; купить было не на что, изъ Академіи никакихъ книгъ не давали. Почему Петръ,

Digitized by Google

чтобъ утолить жажду свою, читалъ всѣ книги, какія въ Церкви могли найтиться, яко то: Четіи-Минеи, Прологи, Кіимень Вѣры, Маргаритъ, Обѣдъ Духовный, Вечерю, Исторію Баронія; а паче всего Посланія Ап. Павла, коими толико восхищался, что ихъ, можетъ быть, болѣе двадцати разъ прочиталъ; и никто ему столько не нравился, какъ сей великаго имени и духа мужъ и Св. Іоаннъ Златоустъ. А къ лучшему знанію въ Латинскомъ языкѣ много ему послужила книжка Цицеронова о должностяхъ: De officiis, которую мать, ходя по площади, и сама не зная, для него купила, а другая Исторія Курціева, которую онъ выпросилъ у товарища, для прочитанія. Онъ ихъ съ жадностію великою читалъ, и по особой склонности, и по неимѣнію другихъ книгъ, многократно ихъ чтеніе повторялъ; особливо услаждался пресладостнымъ и остроумнымъ слогомъ Курція; и казалось ему, что языкъ, коимъ говорилъ Курцій, есть яко выше человѣческаго; поелику подобной сладости и остроты и умныхъ переворотовъ, ни въ какомъ Россійскомъ писателѣ найти ему не случалось, или такъ вкусу его нравилось.

И такъ въ чтеніи книгъ Левшиновъ препровождалъ домашнее время: а притомъ никогда не оставлялъ ходить въ Церковь, когда отъ школъ было свободно; особливо во время вакацій ни единаго дня не упускалъ, чтобъ не быть на вечерни и на литургіи, а на утреняхъ въ воскресные и праздничные дни. Въ Церкви былъ первый изъ читающихъ и поющихъ; и какъ въ пѣніи былъ искусенъ, и ни въ чемъ исправнымъ церковникамъ не уступалъ, и уставъ Церковный не худо зналъ, то любимъ былъ до зѣла священно и церковнослужителями, и прихожанами, особливо кои также охотны къ пѣнію. И въ семъ было его любимое упражненіе; и можно по истинѣ сказать, что не зналъ кромѣ трехъ мѣстъ: *дома*, *Церкви и школы*. Ни куда, даже весьма рѣдко, и къ сродникамъ хаживалъ, и хотя и отъ прихожанъ нѣкоторыхъ былъ часто приглашаемъ, но по нѣкоторой врожденной стыдливости или застѣнчивости всегда отъ того отрицался. На гуляніе также рѣдко куда хаживалъ. Единственно находился въ домѣ, и вышепомянутыми

Digitized by Google

упражненіями себя занималъ; или урокъ училъ, или задачу сочинялъ, или читалъ, или что-нибудь писалъ, или съ домашними и съ гостьми разговаривалъ, или гулялъ лѣтомъ въ маленькомъ садикѣ, гдѣ почти и жилъ.

По сему свойству Петра могъ бы иной подумать, что былъ онъ нрава меланхолическаго, дикаго и грубаго и не словоохотнаго. Нѣтъ! никакъ! былъ онъ нрава веселаго, словоохотнаго, любилъ свои разговоры прикрашивать шутливыми или забавными словами; и въ разговорѣ своемъ всѣмъ всегда нравился, и находили всѣ удовольствіе его слушать, или съ нимъ разговаривать, тѣмъ болѣе, что и красота лица, и написанная на немъ живо неповинность и непорочность нравовъ каждаго привлекали: ибо былъ откровенень и искрененъ такъ, что, казалось, душа его на лицѣ его и на устахъ его. Но лукавствовать и хитрствовать не зналъ; а послѣ когда и узналъ, но всегда чувствовалъ къ тому ужасное отвращеніе.

Но при всемъ своемъ таковомъ свойствѣ, былъ крайній уединенія любитель, чтобъ находиться только у себя дома, или съ малымъ числомъ вѣрныхъ пріятелей и друзей обходиться, съ коими бы не иначе могъ разговаривать, какъ самъ съ собою, безъ всякаго принужденія, со всею откровенностію. И потому все то, что называется *церемоніею*, для него было несносно. И сію къ уединенію любовь сохранилъ онъ во всю жизнь: даже будучи въ важныхъ званіяхъ, Архіерейскомъ, и при Дворѣ, наиболѣе находился въ своемъ домѣ, и весьма рѣдко куда выѣзжалъ, развѣ куда его должность вызывала; чѣмъ отличался отъ всѣхъ почти въ его время бывшихъ знаменитыхъ духовныхъ особъ. Каковая къ уединенію склонность его побудила и пустыню Виѳанію устроить, и тамъ поселиться, о чемъ послѣ сказано будетъ.

На 15-мъ или 16-мъ году началъ онъ впервые чувствовать бореніе похоти плотскія: но Богъ отъ паденія сего его сохранилъ, и все проходило въ однихъ волненіяхъ и воображеніяхъ мысленныхъ. Также стала приходить въ мысль заботливость, какимъ образомъ впредь ему свое жи-

Digitized by Google

тіе устроить, и доставить себѣ собственное содержаніе, а не всегда отъ единыхъ родителей и сродниковъ въ томъ зависѣть.

Къ женитбѣ не только никогда склонности не имѣлъ, но даже, о томъ когда было напоминаемо, и слышать стыдился, — не извѣстно почему, по расположенію ли какому отъ природы, или по особенному какому Божію устроенію; а единственно былъ склоненъ къ духовному званію, а паче къ монашеству. И сія склонность въ немъ открылась еще, когда онъ былъ лѣтъ 20-ти. Ибо въ сіи отроческія лѣта часто въ шуткахъ представлялъ себя какъ бы монахомъ; иногда, какъ Архіерей, обѣими руками осѣнялъ; иногда четки перебиралъ, и прочее подобное. Что тогда принимаемо было не только домашними, но и имъ самимъ за шутку: но Богу угодно было тайными своими судьбами вести его къ самому дѣлу.

Сія наклонность была причиною, что, когда при открытіи въ Москвѣ Университета, былъ онъ выбранъ и назначенъ въ студенты въ Университетъ, и когда другіе не только того хотѣли, но и искали, Петръ никакъ на то не согласился, и совершенно отъ того отрекся, такъ и отъ другихъ свѣтскихъ ему предлагаемыхъ состояній. Но вотъ и начало его въ духовное званіе вступленія!

По окончаніи двухъ лѣтъ въ ученіи въ Богословіи, Левшиновъ Ректоромъ и Архимандритомъ и учителемъ его, Геннадіемъ, у коего онъ и жилъ, обучая племянниковъ его, представленъ былъ въ С. Сѵнодъ на піитическій классъ въ учителя въ Академію, вмѣстѣ съ правщикомъ типографіи, Петромъ Петровымъ, который нынѣ Митрополитомъ Новгородскимъ Гавріиломъ. И хотя указомъ велѣно его Петрова опредѣлить, но съ тѣмъ, ежели онъ въ монашество вступить пожелаетъ; но какъ онъ тогда отъ сего отрекся, то и палъ жребій на Левшинова; и онъ опредѣленъ учителемъ Піитики, 1757 года, съ полученіемъ жалованья по 170 рублей.

Префектомъ Академіи тогда былъ Каллиграфъ изъ Евреевъ, человѣкъ ученый, который послѣ былъ Архиманд-

Digitized by Google

ритомъ Спасоярославскимъ, а умеръ въ Троицкой Лаврѣ и погребенъ; проповѣдниками Иринѣй Братановичь, который послѣ былъ Епископомъ Вологодскимъ, и тамъ скончался; Ѳеофанъ Сулима, который былъ Архимандритомъ въ Костромѣ, и тамъ скончался; реторическимъ, Константинъ Борковскій, который былъ Архимандритомъ въ Казани, и тамъ скончался. Сіи здѣсь упоминаются: понеже они были всѣ друзья Левщинову, — по самую смерть ихъ.

Опредѣленный новый учитель обучалъ Піитикѣ и Греческому языку. Но при томъ возложена на него должность, по порядку, принятому въ Академіи, чтобъ толковать Катихизисъ публично, по воскреснымъ днямъ, въ собраніи Академіи и всѣхъ со стороны всякаго состоянія людей, для слушанія приходящихъ. Никогда, можно сказать, во всю жизнь не былъ столько счастливъ Петръ, какъ при семъ случаѣ. Собраніе всякаго состоянія людей столь было велико, что никогда еще въ Академіи того не случалось. Хотя палата была не мала, но тѣснота и духота была чрезмѣрная. Нѣкоторые изъ слушателей, малыхъ своихъ дѣтей приводя, повергали въ каѳедрѣ, къ ногамъ учителя, повторяя имъ, чтобъ они учителя слушали и помнили. Сіе умножало ревность въ Левшиновѣ: ибо онъ чрезъ два часа и болѣе толкованіе продолжалъ, обливаясь и измокнувъ весь отъ поту. Усердные слушатели изъ знаменитыхъ Московскихъ купцовъ въ воскресные дни его посѣщали; и всѣмъ не только нужнымъ, но и до изобилія, его снабжали; притомъ провозглашали его въ своихъ разговорахъ *Апостоломъ Московскимъ*.

По истинѣ Петръ, а послѣ Платонъ, симъ невидимымъ зрѣлищемъ столь пораженъ былъ, что не рѣдко говаривалъ, что онъ счастливѣе былъ въ Москвѣ, бывъ еще мірскимъ и по 20-му году, нежели, когда въ томъ же градѣ Богъ сподобилъ его быть Архіереемъ. Ибо бывъ Архіереемъ, хотя также проповѣдывалъ Слово Божіе не рѣдко, и хотя собранія были велики и ревностны: но не примѣтилъ онъ столь великаго усердія и жадности въ слушателяхъ, какъ въ то время, когда онъ юноша и мірской толковалъ Катихизисъ. Сіе приписывалъ онъ своимъ умножившимся грѣхамъ, коихъ, и то-

Digitized by Google

ликихъ, еще въ юности своей не имѣлъ; а потому и благодать тогда дѣйствовала болѣе, нежели послѣ. Ибо онъ всегда утверждалъ, что ученіе, дабы было дѣйствительно, не столько зависитъ отъ остроумія и краснорѣчія, сколько отъ чистоты и непорочности сердца учителева.

Успѣхъ и похвала учительства Петрова, по Москвѣ разнесшаяся, подвигла къ зависти нѣкоторыхъ, а особливо Преосвященнаго Амвросія, тогда бывшаго Епископа Переславльскаго, а послѣ Архіепископа Московскаго: и разглашено, что аки бы Левшиновъ учитъ многому, Церкви противному; а потому де надлежитъ его наказать и изъ Академіи изгнать. Сіе разглашеніе дошло и до Петра, и не мало его смутило. Но онъ ободрялъ себя не зазирающею въ томъ его совѣстію, и ректорскимъ изслѣдованіемъ, который ничего того не нашелъ; а паче ревностными слушателями, изъ которыхъ многіе знаменитые, услышавъ про то, ободряли Петра, чтобъ ни мало тѣмъ не смущался, говоря, что они православные Христіане и разумѣютъ ученіе; и ежели де что воспослѣдуетъ, они готовы предъ всякаго и вездѣ предстать, и его ученіе оправдывать. Но, по благодати Божіей, все то прошло въ однихъ слухахъ, безъ всякихъ дальнихъ слѣдствій.

И уже годовое теченіе толкованія Катихизиса къ концу приходило, то есть, къ вакаціямъ, къ 15 числу Іюля, какъ между тѣмъ нечаянный воспослѣдовалъ къ Левшинову изъ Петербурга письменный отзывъ отъ Архимандрита Троицкія Лавры, придворнаго проповѣдника и Сѵнода члена, Гедеона, коимъ онъ приглашалъ его благосклонно въ учителя на Реторику, въ Троицкую Семинарію; а немедленно по семъ о томъ же и указъ изъ Святѣйшаго Сѵнода присланъ. Сіе Петра не только удивило, но и смутило. Ибо онъ о томъ и въ мысли не воображалъ, да и не желалъ въ Лаврѣ быть, яко въ мѣстѣ дотолѣ совсѣмъ для него неизвѣстномъ. А желалъ въ вакацію постриженъ быть въ Академіи, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ; ибо на то уже и указъ изъ С. Сѵнода дозволительный воспослѣдовалъ. Да и Ректору, любящему Петра, отпустить отъ себя не хотѣлось. И потому онъ даже уговаривалъ отрещись отъ постриженія, чемъ де однимъ можно отъ Лавры свободиться; и обѣщалъ ему исходатайствовать

Digitized by Google

лучшее въ духовенствѣ свѣтскомъ мѣсто. Но Левшиновъ столь былъ приверженъ къ монашескому состоянію, что лучше захотѣлъ противу воли своей въ Лавру преселиться, нежели, чтобъ монашество оставить. И такъ, по окончаніи годоваго въ Академіи ученія, изъ Москвы въ Лавру отправился, Іюля 19 дня 1758 года.

Пріѣзжая къ Лаврѣ, нѣчто случилось съ нимъ внезапное и какъ бы нѣчто предзнаменующее. Предъ самыми стѣнами монастыря увидѣлъ онъ предъ собою на встрѣчу идущихъ всѣхъ Лаврскихъ властей, Іеромонаховъ и Іеродіаконовъ, въ облаченіи, съ хоругвями и со святыми иконами и со множествомъ народа. Былъ то крестный ходъ, 20 Іюля, къ приходской Ильинской Церкви. Сіе послѣ Петръ, ставъ Настоятелемъ Лавры, почиталъ предварительнымъ судебъ (Вышняго) прознаменованіемъ.

Преселився въ Лавру, хотя былъ принятъ отъ всѣхъ благосклонно и ласково, особливо отъ учителей, но крайняя грусть его почти обуяла, даже, что съ недѣлю непрестанно проливалъ слезы. Новость мѣста, новость людей и неизвѣстность будущаго тутъ жребія своего, въ таковое приводили его уныніе. Но мало по малу ободряясь, началъ привыкать, и наконецъ столь привыкъ, что по самую смерть не было для него милѣе и любезнѣе во всемъ свѣтѣ мѣста, паче Лавры. Скоро потомъ отъ Архимандрита пришелъ указъ о постриженіи Петра; и къ нему отъ негожъ благосклонное письмо, совершить предпріятіе увѣщавающее, да и предписано наречь его Платономъ. Почему Петръ, въ сходственность всегдашняго своего желанія, безъ унынія, съ радостію, и постриженъ въ Лаврѣ, Августа 14 дня 1758 года, на 21 году отъ рожденія, бывымъ тогда Намѣстникомъ, что нынѣ Митрополитъ Новгородскій, Гавріиломъ, и наименованъ Платономъ. А съ нимъ вмѣстѣ постриженъ учитель Греческаго и Еврейскаго языковъ, Петръ Постниковъ, нареченный Парѳеніемъ, коего Петръ, еще колеблющагося, всю нощь уговаривалъ къ постриженію; Парѳеній былъ послѣ въ той же Семинаріи Ректоромъ, и тутъ скончался.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ въ 1848 ГОДУ.

Русская словесность въ 1848 году, представляетъ намъ много явленій утѣшительныхъ и даже важныхъ. Мы напомнимъ объ нихъ нашимъ читателямъ въ слѣдующемъ краткомъ перечнѣ.

Въ духовной литературѣ сіяютъ *Слова и Рѣчи* Митрополита Московскаго Филарета, изд. 2, въ которомъ прибавлено нѣсколько новыхъ Словъ и Рѣчей, сокровище богословіи, философіи, нравоученія, языка [1].

Слова къ пастви Харьковской Архіепископа Иннокентія (ч. 2-я) отличаются удивительнымъ выборомъ текстовъ и предметовъ, сообразно мѣстамъ и случаямъ, при коихъ произнесены [2].

Паденіе Адамово. Бесѣды на Великій постъ, его же. Паденіе Адамово составляетъ тайну по ученію нашей Церкви. Въ этихъ бесѣдахъ оно изложено исторически для народа, съ присовокупленіемъ назидательныхъ разсужденій. [3]

Вслѣдъ за двумя этими свѣтилами нашей Церкви, явилось, въ послѣднее время, нѣсколько новыхъ проповѣдниковъ Слова Божія, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства: Высокопреосвященные Игнатій, Иліодоръ, Іаковъ; Архимандриты Израиль, Никодимъ, Ѳеофанъ.... Въ публикѣ, слава Богу, много желанія этой Боже-

[1] Подробная статья была помѣщена въ 1 N Москв. ва 1846 г., о 2-мъ изд. объявлено въ 9 N прошлаго года. [2] См. 9 N. [3] Тамъ же.

Digitized by Google

ственной пищи, но средства для ея полученія (мы говоримъ о книжной торговлѣ) недостаточно облегчены, и книги продаются дорого.

Бесѣды объ отношеніи Церкви къ Христіанамъ, превосходное сочиненіе Кіевскаго Профессора Амфитеатрова

Упомянемъ о полезномъ переводѣ на Русскій языкъ *Лимонаря* («Блаженнаго Іоанна Моха лугъ духовный»), который, съ изданнымъ прежде *Скитскимъ Патерикомъ*, скоро распространится въ народѣ, лишь бы продавался дешевле.

Переводомъ *Твореній Лактанція* мы обязаны тому же достойному переводчику, который въ прошломъ году подарилъ намъ Тертулліана, г. Корнееву.

Протоіерей Дебольскій, авторъ двухъ сочиненій: *Дни Богослуженія Православной Церкви* и *Полеченіе Прав. Церкви о спасеніи міра*, — издалъ очень кстати *Краткое обозрѣніе Богослуженія Православной Церкви*. Эта книга также должна распространиться въ народѣ. Мы пожелали бы только, чтобы въ новыхъ изданіяхъ ея почтенный авторъ постарался быть еще яснѣе и простѣе. Ее должны знать наизустъ всѣ ученики уѣздныхъ училищъ.

Съ благодарностію назовемъ также *Труды пресвитера по долгу приходскаго учителя св. христіанской вѣры*, свящ. Муретова, написанные очень хорошо.

Бесѣды историческія и нравственныя, А. А. Стурдзы, отличаются тѣмъ же краснорѣчіемъ и глубокомысліемъ, какъ и прочія его произведенія.

Къ числу назидательныхъ книгъ принадлежитъ сочиненіе г. Аргольдта: *О свиданіи загробномъ*, заключающее въ себѣ много замѣчательныхъ мыслей.

Трудолюбивый дѣлатель, Епископъ Рижскій (нынѣ Харьковскій) Филаретъ кончилъ изданіе своей прекрасной *Исторіи Русской Церкви*. Правда, она слишкомъ кратка, слишкомъ сжата, но все-таки заключаетъ въ себѣ множество новыхъ открытій, изслѣдованій, указаній, намековъ, и для

Digitized by Google

знающихъ преподавателей послужитъ надежнымъ руководствомъ, а для историковъ необходимымъ пособіемъ. Въ книгѣ видѣнъ авторъ, человѣкъ, принимающій живое участіе въ томъ, что онъ пишетъ. Въ глазахъ иныхъ—это недостатокъ, въ нашихъ — это достоинство: такъ надоѣла намъ принужденная, искусственная безличность. Словомъ, *Исторія* Еп. Филарета есть одно изъ важнѣйшихъ литературныхъ пріобрѣтеній прошедшаго года.

Архимандритъ Аполлосъ собралъ извѣстія о *Московскихъ Патріархахъ*, и дополнилъ нѣкоторыми новыми свѣдѣніями, такъ что въ этой одной книгѣ мы находимъ покуда обстоятельнѣйшее описаніе ихъ жизни. Періодъ этотъ ожидаетъ еще многихъ новыхъ изслѣдованій, а матеріаловъ множество.

Профессоръ Горскій выдалъ прекрасное изслѣдованіе: о жизни и трудахъ Митрополита *Кипріана*, въ «Твореніяхъ Св. Отцевъ.»

Г. Снегиревъ—любопытные *Очерки жизни Августина*[1].

Жизнь старца *Паисія*, великаго дѣлателя въ духовной жизни, вышла, къ удовольствію благочестивыхъ читателей, вторымъ изданіемъ.

Переходимъ къ *Филологіи*. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ *Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка*, составленный II отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ. Распространяться въ похвалахъ этому знаменитому памятнику словесности считаемъ излишнимъ; предложимъ три краткія замѣчанія: 1) для двухъ языковъ не должно быть одного словаря; что Русскій языкъ взялъ себѣ у церковнаго, то уже принадлежитъ ему и составляетъ его собственность; 2) встрѣчать одно слово въ десяти или двадцати его измѣненіяхъ, напримѣръ глаголъ со *всѣми* его предлогами и разными измѣненіями, увеличиваетъ безъ крайней нужды количество словъ; 3) слова иностранныя, принятыя въ Рус-

[1] См. N 11.

Digitized by Google

скій языкъ со времени Петра перваго, должны бы, по нашему мнѣнію, входить въ составъ особеннаго, дополнительнаго словаря [1].

Начатки Русской филологіи М. А. Максимовича, заключаютъ въ себѣ превосходныя изслѣдованія объ отношеніи Русской рѣчи къ западно-Славянской и о звукахъ первой. Это трудъ, достойный стоять наряду съ сочиненіями Павскаго и Востокова. Мы припомнимъ здѣсь еще замѣчательное разсужденіе г Каткова о подобномъ же предметѣ, написанное два года тому назадъ.

Г. *Буслаевъ* представилъ весьма важный опытъ для историковъ философскаго изученія языка, которому онъ далъ слѣдующее заглавіе: *О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ*. Обращаемъ вниманіе читателей на этотъ замѣчательный трудъ, плодъ необыкновеннаго усердія и начитанности.

Г. Билярскій, новый труженникъ науки, выступилъ на поприще ея съ весьма замѣчательнымъ опытомъ *о средне-Болгарскомъ вокализмѣ*.

Сочиненіе г Костыря: *Метода и способъ филологическаго изученія Русскаго языка*, — наполнено парадоксами, но не безъ мыслей, смѣло, но не отчаянно.....

Русскому синтаксису, не знаемъ, посчастливилось или нѣтъ отъ нѣсколькихъ сочиненій, которымъ нельзя, однакожъ, отказать въ благонамѣренности. Вслѣдъ за слишкомъ краткимъ синтаксисомъ г. Студитскаго, вышли синтаксисы гг. Баснстова, Перевлѣсскаго и *Учебникъ Русскаго языка*, составленный А. Смирновымъ. Грѣхъ на душѣ у Нѣмца Беккера, который у многихъ учителей завелъ умъ за разумъ. Беккеръ заключалъ у насъ догматы филологической вѣры, и безъ него не было спасенія ни одной христіанской душѣ. Беккеръ хорошъ, да для себя и Нѣмецкаго языка, въ которомъ глаголъ ставится позади, а у насъ подавай его

[1] О Словарѣ въ отношеніи къ горнымъ дѣламъ см. N 9.

Digitized by Google

впередъ. Мы говоримъ это, впрочемъ, не для поименованныхъ авторовъ, которые предлагаютъ намъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній и хорошихъ примѣровъ. Ихъ можно обвинить въ излишнемъ дробленіи понятій и отвлеченности опредѣленій, утомительной для дѣтей.

Г. Галаховъ издалъ *Историческую хрестоматію*, доведенную до 1500 года, но мы не знаемъ, какъ онъ будетъ отвѣчать за эти образцовыя сочиненія Отечеств. Записками, отвергающимъ существованіе не только литературы, но и Россіи до Петра I. И что скажетъ г. Милюковъ ?....

Изящная Русская Словесность обогатилась двумя томами стихотвореній нашего славнаго Жуковскаго — переводомъ *Одиссеи* и отрывками изъ *Шах-Наме*, которымъ посвящено будетъ нѣсколько статей въ Москвитянинѣ.

Двойная жизнь — блестящій, художественный очеркъ К. К. Павловой, которая, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу первыхъ поэтическихъ талантовъ нашихъ [1].

Князь Вяземскій издалъ свое превосходное изслѣдованіе о *Фонъ-Визинѣ*, гдѣ представилъ полную картину Русской жизни того времени, и разсыпалъ щедрою рукою множество новыхъ оригинальныхъ мыслей о Русскомъ человѣкѣ, о Русской жизни, о Русскомъ обществѣ, о многихъ Русскихъ писателяхъ и ихъ произведеніяхъ. Если бы онъ подарилъ насъ, — повторимъ наше желаніе, выраженное недавно и г. Гречемъ, — подобнымъ сочиненіемъ о Карамзинѣ!.... [2]

Неутомимый г. Муравьевъ, который даритъ литературу почти всякій годъ произведеніями своего краснорѣчиваго пера, издавшій въ концѣ 1847 г. *Прибавленіе къ Римскимъ письмамъ* (мы помнимъ свой долгъ и постараемся вскорѣ отдать должную справедливость этому прекрасному труду), въ нынѣшнемъ году издалъ: *Грузію* и *Арменію* (въ 3 ч.)

---

[1] См. 3 N. [2] См. N 6 и 7.

Digitized by Google

и *Письма о Магометанствѣ*. Въ первой книгѣ читатель находитъ множество новаго и любопытнаго, особенно читатель благочестивый и православный, ибо религія есть главный предметъ во всѣхъ сочиненіяхъ г. Муравьева. *Письма о магометанствѣ* очень хороши, но мы не можемъ понять, какъ вздумалось автору писать, «о превосходствѣ христіанской вѣры надъ магометанствомъ»: онъ могъ разбирать и показывать нелѣпости магометанства, но безъ всякаго сравненія. Слово «превосходство» здѣсь не можетъ быть употреблено. Мы не понимаемъ, какъ и другъ его могъ быть «въ затруднительномъ положеніи въ кругу магометанъ, надъ которыми поставленъ начальствовать, — когда между ними зайдетъ рѣчь о вѣрѣ.» Для вразумленія мусульманъ эта книжка принесетъ, разумѣется, несомнѣнную пользу.

О написанныхъ хорошо, занимательно, благонамѣренно — *Замѣткахъ и воспоминаніяхъ Русской путешественницы по Россіи* (г-жи Шишкиной) читатели найдутъ рецензію ниже.

Систематическое описаніе Помпеи, отличный трудъ В. Классовскаго, вполнѣ знакомитъ насъ съ самыми живыми остатками древности, вслѣдъ за г. Левшинымъ, отъ котораго мы имѣли удовольствіе прежде получить прекрасное описаніе Помпеи.

Въ *Лукахъ и Тѣняхъ* (стихотворенія И. Бороздны) много чувства и прекрасный языкъ. Особенно похвалить должно переложенія псалмовъ.

Бѣдные люди. Романъ Ѳ. Достоевскаго. *Обыкновенная исторія*. Романъ И. Гончарова. Съ обоими романами произошли самыя обыкновенныя исторіи. Много было шуму предъ ихъ появленіемъ, о чемъ постарались благопріятели. Наконецъ вышли они. Слишкомъ возбужденное и въ половину обманутое ожиданіе публики заговорило: «Бѣдные люди» не дурны, только черезчуръ утомительны; нѣтъ силъ дочитать до конца; и «Обыкновенная исторія» тоже хороша, даже лучше; только жаль, что оба главныя лица ея неестественны, Петербургскій человѣкъ выражаетъ собою положи-

Digitized by Google

тельность и говоритъ всегда одно и то же, какъ заведенные часы, а молодой провинціалъ идеальничаетъ и поетъ одну свою пѣсню; оба они служатъ автору какими-то машинами, въ уста которыхъ онъ влагаетъ рѣчи, необходимыя, по его мнѣнію, для развитія и доказательства старой мысли, что съ лѣтами человѣкъ утрачиваетъ пылъ юности, способность любить безкорыстно, безотчетно, — точно диссертація. Но всего непріятнѣе для хвалителей талантовъ гг. Достоевскаго и Гончарова было то, что авторы эти, въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ, оказались слабѣе; впрочемъ, мы не теряемъ на нихъ надежды.... *Господинъ Голядкинъ*, *Прохарчинъ*, *Хозяйка*, и др. повѣсти г. Достоевскаго были изъ рукъ вонъ посредственны (чтобы не сказать, плохи); юморъ ихъ состоялъ бо́льшею частію въ слѣдующемъ: «Эхъ плохо, плохо! говоритъ господинъ Голядкинъ: эхъ плохо, плохо! эхъ, дѣльце-то паше чего прихватило!» Г. Гончаровъ, послѣ «Обыкновенной исторіи,» напечаталъ только одно произведеніе: «Иванъ Савичъ Поджабринъ,» которое назвалъ очерками. Здѣсь страсть автора писать пародіи на людей, преувеличивать — дошла до крайнихъ предѣловъ, — и невольно вспоминались стихи Лермонтова:

Съ кого они потреты эти пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?.....

Отдѣльное изданіе «Бѣдныхъ людей» г. Достоевскій назвалъ *исправленнымъ*, вѣроятно потому, что догадался исключить изъ него нѣкоторыя длинноты и несносныя повторенія однѣхъ и тѣхъ же фразъ. И такъ, «Бѣдные люди» разбогатѣли оскудѣвъ....[1]

Москва и *Москвичи*. Выкодъ 3-й. Талантъ Богдана Ильича Бѣльскаго, записки котораго издаетъ М. Н. Загоскинъ, ни сколько не старѣется. Все та же мѣткая наблюдательность, тѣ же добродушіе и веселость въ разсказѣ, какими

[1] «Бѣдные люди» были подробно разобраны при первомъ ихъ появленіи (З N М. 1846 г.)

Digitized by Google

отличались первые два выпуска его записокъ. Мы не видимъ, впрочемъ, въ нихъ исключительныхъ признаковъ Москвы и Москвичей, и думаемъ, что авторъ правильнѣе бы назвалъ свою книгу: «Человѣкъ и его слабости».

Романы, повѣсти и разсказы Е. Гребенки. 8 частей. Французскіе романы въ такомъ ходу у насъ, что ихъ наперерывъ переводятъ и въ журналахъ, и печатаютъ отдѣльно, и даже издаютъ цѣлыми коллекціями, подъ именемъ *карманныхъ библіотекъ, музеевъ*, и проч. Русскіе романисты, повидимому, рѣшаются противодѣйствовать этому вторженію Александра Дюма съ компаніей, довольно губительному для нихъ. Возобновилась «Библіотека Русскихъ романовъ, повѣстей, записокъ и путешествій,» и возобновилась «Обыкновенной исторіей» И. Гончарова; г. Гребенка началъ издавать свои разсказы маленькими томиками въ родѣ Брюссельскихъ изданій.... Повѣсти его читаются. Ему нельзя отказать ни въ юморѣ, ни въ умѣньѣ живо рисовать иныя картины, особенно изъ природы юга. Лучшія, по нашему мнѣнію, между изданными досель разсказами, которые всѣ уже были напечатаны въ разныхъ журналахъ, *Чайковскій*, *Куликъ* и *Иванъ Ивановичъ*; только въ послѣдней повѣсти слишкомъ изысканъ характеръ Нѣмочки.

Воспоминанія Ѳаддея Булгарина. Ч. 4 и 5. Новые два тома «Воспоминаній» Г. Булгарина хотя уступаютъ интересомъ прежнимъ, потому что содержатъ въ себѣ, бо́льшею частію, описаніе Финляндской войны, уже извѣстной намъ по сочиненію Михайловскаго-Данилевскаго: но все-таки читаются съ удовольствіемъ, ибо авторъ, какъ самовидецъ описываемыхъ событій, передастъ множество извѣстій, вѣрно характеризующихъ то время.

Шекспиръ. Пер. П. Кетчера. Вып. 15-й. Коріоланъ. Послѣ продолжительной остановки, похвальное предпріятіе г. Кетчера снова пошло въ ходъ. Переводъ его хотя не художественный, но буквально вѣрный и ясный: достоинства, какими не всякій можетъ похвалиться.

Digitized by Google

Трудолюбивый г. Коссовичь издалъ переводъ весьма примѣчательный Санскритской драмы *Дгруве*, гдѣ онъ, между прочимъ, показалъ ужасные промахи Французскаго санскритолога Бюрнуфа. Бюрнуфъ — знаменитость, потому что онъ Французъ, а г. Коссовичь не Французъ и не Нѣмецъ.

«*Освобожденіе Москвы 1612 году*. Драма въ 5 д. К. Аксакова, примѣчательна какъ опытъ, хотя неудачный. [1]

Къ этому же отдѣленію слѣдуетъ причислить *Собраніе Русскихъ пословицъ*, изд. И. М. Снегиревымъ: драгоцѣнное наслѣдіе предковъ, книга народной мудрости, поучительнѣйшій дополнительный томъ къ его исторіи. Въ изданномъ собраніи много лишнихъ пословицъ, но излишекъ во всякомъ случаѣ лучше недостатка. Мосвитянинъ посвятитъ этому знаменитому памятнику нѣсколько статей, а теперь призываемъ соотечественниковъ засвидѣтельствовать глубочайшую благодарность трудолюбивому собирателю. Пожелаемъ, чтобъ онъ занялся систематическимъ разсужденіемъ о пословицахъ, т. е. издалъ вновь прежнюю свою книгу: *Русскіе въ своихъ пословицахъ*, дополнивъ ее тѣми мыслями, которыя внушала ему неутомимая его дѣятельность [2].

Второе знаменитое сочиненіе Русскаго народа есть его *пѣсни*, которыхъ первое отдѣленіе (такъ называемые *стихи*) Русскіе литераторы имѣли наслажденіе прочесть въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Нужно ли прибавлять, что продолженіе ожидается еще съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ.

---

[1] См. 5 N.

[2] Мы напомнимъ читателямъ, что В. И. Да́ль, котораго мы любимъ называть Далемъ-Луганскимъ, занимается собираніемъ и сочиненіемъ подобнаго рода. Тѣмъ лучше, чѣмъ больше народность наша будетъ находить подобныхъ дѣятелей, какъ названные, и тѣмъ *скорѣе узнаемъ мы самихъ себя*.

Digitized by Google

Обычаи и повѣрья — третье проявленіе народнаго духа, уже въ самомъ дѣйствіи, нашло себѣ новаго трудолюбиваго описателя, г. Терещенко, который, идя по слѣдамъ гг. Снегирева и Сахарова, представилъ о томъ замѣчательный сборникъ въ 7 ч., подъ заглавіемъ: *Бытъ Русскаго народа.*

Послѣ Словесности переводимъ къ *Исторіи* и *Археологіи.*

Прежде всего надобно упомянуть о великолѣпнѣйшемъ и изящнѣйшемъ изданіи: *Древности Россійскаго Государства*, — о которомъ см. ниже. Также и о достойномъ всякой похвалы изданіи г. Мартынова: *Русская старина*, коей въ нынѣшнемъ году вышло 2 тетради.

Обозрѣнію Кіева и *Описанію могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи*, изд. г. Гражданскимъ Губернаторомъ И. И. Фундуклеемъ, Москвитянинъ посвятилъ обширныя статьи [1]. Эти книги — пріобрѣтеніе науки.

Историческое повѣствованіе о Малой Россіи, Ригельмана, служитъ превосходнымъ комментаріемъ къ сочиненію Конисскаго о Малой же Россіи: какъ послѣднее сочиненіе написано по источникамъ Малороссійскимъ и съ Малороссійской точки зрѣнія, такъ первое составлено по источникамъ оффиціальнымъ, Московскимъ. О Малороссійскихъ лѣтописяхъ Москвитянинъ удерживался говорить до сихъ поръ, въ ожиданіи, чтобъ онѣ были кончены, а равно напечатана въ Кіевѣ знаменитая, самая обширная, лѣтопись Самуила Величка, секретаря Кочубея, а потомъ канцеляриста войсковой канцеляріи, найденная въ подлинникѣ М. П. Погодинымъ.

Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи отъ начала государства до кончины Имп. Екатерины II, Гр. Д. Толстаго, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ, заслуживаетъ похвалы, доказывая трудолюбіе, стремленіе къ основательности и хорошую школу автора, которому желаемъ дальнѣйшихъ, успѣховъ [2].

---

[1] См. II N. [2] Пространный, хотя нѣсколько строгій, разборъ этой книги былъ помѣщенъ въ 3 N.

Digitized by Google

Вотчины и помѣстья, А. Лакіера, заставляютъ жалѣть, что авторъ не воспользовался лучше матеріалами, которые онъ собралъ съ такимъ терпѣніемъ и тщаніемъ Пожалѣемъ еще, что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдовалъ за не слишкомъ надежными руководителями, напр. г. Соловьевымъ, которые завели его въ лѣсъ — мы употребляемъ это слово въ условномъ смыслѣ, знакомомъ охотникамъ до историческихъ изслѣдованій [1].

Взглядъ на исторію Западной Руси заключаетъ въ себѣ извѣстныя вещи, кои однакожъ многимъ не извѣстны, о принадлежности, испоконъ вѣка, Россіи губерній, возвращенныхъ отъ Польши [2].

Хронологическія таблицы П. Хавскаго (въ 3 кн.) — полезное пособіе при сравненіи и повѣркѣ годовыхъ указаній.

Важнѣйшее сочиненіе историческое есть — *Славянскія Древности* Шафарика, перевед. О. М. Бодянскимъ, въ 5 ч. Это цѣлый курсъ критики, филологіи и исторіи въ отношеніи къ восточной половинѣ Европы, какъ сказалъ въ послѣсловіи къ первому изданію ихъ М. П. Погодинъ. Теперь оно окончено, и послѣднія части для насъ еще любопытнѣе первыхъ. Языкъ переводчика тяжелъ, но въ такомъ сочиненіи главное — вѣрность, въ коей нельзя сомнѣваться.

Исторія Смоленска, изд. г. Никитинымъ, имѣетъ мѣстный интересъ [3].

Въ *Чтеніяхъ* Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, прошедшаго года, помѣщено нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ и разъисканій; назовемъ три: Еп. Филарета о *Димитріи Самозванцѣ*, г. Бѣляева о *при-Днѣпровскихъ городахъ* и г. Казанскаго о *исправленіи богослужебныхъ книгъ*. Переводы иностранныхъ свидѣтельствъ неважны.

---

[1] См. 6 N. [2] Тамъ же. [3] См. 12 N.

Digitized by Google

Укажемъ еще на *Исторію Университетскаго Пансіона* (изъ «Чтеній»), въ которой почтенный Н. В. Сушковъ собралъ много новыхъ интересныхъ свѣдѣній о этомъ знаменитомъ заведеніи.

Для исторіи образованія въ Россіи занимательные матеріялы доставятъ книжки С. А. Маслова *о грамотности*, которыя заключаютъ въ себѣ много мыслей и для будущаго времени. Мы поговоримъ о нихъ подробнѣе въ слѣдующей книгѣ.

Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, соч. А. Ашика, удовлетворительно знакомитъ насъ, равно какъ и «Воспоръ Киммерійскій,» ученое изслѣдованіе Г. И. Спасскаго, съ одною изъ классическихъ странъ нашего отечества.

По всеобщей Исторіи вышло одно прекрасное сочиненіе о двадцатипятилѣтіи *Аѳинской республики* (отъ убіенія Ипарха до смерти Мильтіада), Проф. Куторги.

Объ *Исторіи Наполеона*, соч. Полеваго, какъ произведеніи книжной промышленности, вмѣстѣ съ жизнеописаніями Петра, Суворова и всѣхъ полководцевъ, кажется, и говорить нѣчего.

Замѣтимъ еще двѣ хорошо переведенныя книги: *Исторія Евреевъ въ среднихъ вѣкахъ* (соч. Деппинга, пер. В. Модестова) и *Исторія морскихъ разбойниковъ* (соч. Архенгольца, пер. К. Вельсберга).

По части *Географіи и Статистики* назовемъ прежде всего почтенные труды Географическаго Общества, о которыхъ см. ниже; потомъ нѣсколько занимательныхъ статей въ *Новороссійскомъ календарѣ*, постоянно поддерживающемъ свое достоинство.

Просвѣщенно-щедрый П. В. Голубковъ продолжаетъ знакомить соотечественниковъ съ любимою страною своихъ желаній и надеждъ, для общей пользы, Среднею Азіею. Мы надѣемся со временемъ сообщить о нихъ подробныя извѣстія. Въ нынѣшнемъ году онъ издалъ: *Кабулъ, путевыя записки Борнса.*

Digitized by Google

Статистическіе очерки Россіи, К. И. Арсеньева, доставляютъ новыя и занимательныя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ [1].

Это еще болѣе должно сказать объ *отчетахъ* по разнымъ гражданскимъ вѣдомствамъ, министерствамъ и управленіямъ.

Военная литература. Со времени учрежденія Военной Академіи, то есть съ 1832 года, военная литература наша ежегодно обогащается произведеніями, имѣющими неоспоримое достоинство въ спеціальномъ отношеніи. За нынѣшній годъ мы замѣтили:

Первые опыты военной статистики, Д. Милютина. Кн. 2-я. *Записки стратегіи*, составленныя М. Богдановичемъ. *Очеркъ современнаго состоянія стратегіи*, Н. Неелова. *Руководство къ военной игрѣ.* Сост. А. Кузминскій. *О началѣ безпокойствъ въ сѣверномъ и среднемъ Дагестанѣ. Краткій взглядъ на сѣверный и средній Дагестанъ. Краткій историческій взглядъ на сѣверный и средній Дагестанъ. Истребленіе Аварскихъ Хановъ въ 1834 году.*

Всѣ четыре брошюры исполнены современнаго, живаго интереса, потому что касаются предмета близкаго сердцу каждаго Русскаго — военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. О малоизвѣстномъ и столь долго недоступномъ для насъ Дагестанѣ авторъ сообщаетъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній, которыя заставляютъ жалѣть, почему такой любопытный предметъ вмѣстился въ брошюру, а не въ объемистую книгу.

По части другихъ наукъ, должно упомянуть о слѣдующихъ сочиненіяхъ:

По *юриспруденціи*:

Записки по церковному законовѣдѣнію. Основательное руководство, и по возможности полное.

---

[1] См. в N.

Digitized by Google

Руководство къ Россійскимъ законамъ. Сост. Н. Рождественскій. Полезное пособіе, о коемъ рецензентъ Москвитянина [1] отозвался слишкомъ строго.

Уложеніе законовъ о наказаніяхъ и преступленіяхъ въ Германіи. Полезное, ясное сочиненіе, которое должно стоить автору огромныхъ трудовъ.

Рѣчь Московскаго Профессора Чивилева: *Политическая экономія и ея противники* — занимательна по своему предмету, примѣчательна по своей ясности, вѣрности и силѣ доказательствъ и точному языку.

По части *физики* и *естественныхъ наукъ*:

Космосъ. А. Фонъ-Гумбольдта. Перев. Н. Фроловъ. Ч. 1-я. Послѣднее сочиненіе знаменитаго ученаго было уже переведено (не вполнѣ только) въ двухъ Петербургскихъ журналахъ, но переведено, какъ водится, на основаніи тѣхъ же правилъ, по какимъ переводятся дюжинные романы, т. е. съ разными искаженіями. Слѣдовательно, нельзя не поблагодарить г. Фролова за его новый отчетливый переводъ, снабженный замѣчаніями самого переводчика, да кромѣ того, картами и рисунками, заимствованными имъ изъ другихъ сочиненій. Пожелаемъ, чтобъ Публика своимъ вниманіемъ поддержала это благонамѣренное безкорыстное предпріятіе почтеннаго переводчика.

О климатѣ Москвы. М. Спасскаго. Всѣ рецензенты отдали должную справедливость ученому достоинству этой полезной книги.

Русская Орнитологія, Кесслера.

По части *математики*:

Руководство къ варіаціонному исчисленію, г. Бруна. *Разсужденіе объ интегрированіи разностныхъ уравненій*, В. Перевощикова. *Теорія равновѣсій тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость*. Разсужд. А. Давидова.

---

[1] См. N. 11

Digitized by Google

Изъ *медицинскихъ* сочиненій:

О душевныхъ болѣзняхъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Соч. А. Пушкарева. *Взглядъ на уродливости.* П. Дубовицкаго. *Трактатъ о переливаніи крови,* сост. А. Филомаѳитскимъ. *Ученіе о болѣзняхъ личка,* излож. П. Заблоцкимъ. *Основанія ветеринарной фармакологіи.* О. Пашкевича. *Афоризмы Иппократа.* Пер. Шюца.

По случаю эпидеміи, постигшей Россію, явилось множество сочиненій, относящихся къ ней. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ:

Медицинскій Отчетъ о холерной эпидеміи въ Кіевѣ, сост. Проф. Козловымъ, Цыпуринымъ и Фонъ-Вильтеромъ. *Разсужденіе о холерѣ,* А. Полунина, основанное на собственныхъ наблюденіяхъ, что̀ очень важно, которому Московскій Врачебный Журналъ не отдалъ должной справедливости. Произведенія молодыхъ людей, выступающихъ на поприще и подающихъ такія прекрасныя надежды, должно бы встрѣчать съ большимъ участіемъ. *Совѣтъ оберегаться отъ болѣзни холеры.* П. Страхова, собраніе преполезныхъ совѣтовъ, писанныхъ съ опытовъ, какъ избѣгать холеры, и, встрѣтясь, какъ справляться съ нею; дай Богъ только не имѣть случая болѣе ими пользоваться.

Изъ хозяйственныхъ книгъ, стоитъ замѣтить: О *состояніи льняной промышленности въ Германіи, Голландіи,* и проч. *Устройство лѣсовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ,* А. Теплоухова. Руководство Г. Жукова.

Наконецъ, изъ *учебныхъ руководствъ* по разнымъ предметамъ, съ особенною похвалою должно упомянуть о слѣдующихъ:

Греческій Лексиконъ, трудовъ гг. Коссовичей. *Руководство къ скорому и легкому изученію Латинскаго языка,* изд. Н. Гречемъ; *Ovidii Nasonis metamorphoseon.* Curavit I. Smirnow [1].

[1] Издавшій прежде Басни Федра и Руководство къ переводамъ съ Русскаго языка на Латинскій.

Digitized by Google

Гимназическій курсъ переводовъ съ Русскаго языка на Нѣмецкій. Руководство Одесскаго учителя *Топорова. Прямолинейная и сферическая тригонометрія.* Сост. С. Зеленой. *Руководство къ математической и физической географіи.* Сост. М. Талызинымъ.

Кажется, мы не пропустили ничего важнаго въ нашемъ обзорѣ. Что же касается до тѣхъ эфемерныхъ явленій, которыя возникаютъ въ нашей литературѣ не десятками, а сотнями, и мѣтко заклеймены прозвищемъ *бумагопрядильныхъ*, то имъ мы посвятимъ особую статью, чтобы раздѣлаться съ этимъ предметомъ однажды навсегда. Говорить же о нихъ порознь, какъ дѣлаютъ иные рецензенты, доставляя забаву праздному досугу читателя и пищу своему дешевому остроумію, не считаемъ за нужное.

Заключимъ: сочиненія Филарета, Иннокентія, Исторія Русской Церкви, Сочиненія Стурдзы, Амфитеатрова, Словарь Академіи, Изслѣдованія Максимовича, Буслаева, Билярскаго, Одиссея и Рустанъ Жуковскаго, Фонъ-Визинъ Кн. Вяземскаго, Двойная жизнь, Павловой, Помпея Классовскаго, 150 великолѣпныхъ рисунковъ Древностей, Русская старина Мартынова, собраніе пословицъ, Снегирева, и пр. мы смѣло относимъ 1848 годъ, въ литературномъ отношеніи, къ числу самыхъ богатыхъ. Желаемъ, чтобы наступающій 1849 не уступилъ ему, и по нѣкоторымъ слухамъ надѣемся, что.... но за чѣмъ говорить впередъ!....

Digitized by Google

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Древности Россійскаго Государства, издаваемыя, по повелѣнію Государя Императора, Высочайше учрежденнымъ Комитетомъ. 1-й и 2-й выпускъ.*

Это великолѣпнѣйшее и драгоцѣнное изданіе для археологіи Россіи во всѣхъ ея отрасляхъ и для характеристическихъ художниковъ живописи и ваянія, изданіе, какого, по общему сознанію, не было еще въ другихъ государствахъ, составляетъ личную Монаршую заботу сохранить въ подробнѣйшихъ отчетливыхъ рисункахъ и описаніяхъ всѣ памятники древности Русской.

Два выпуска *Древностей Россійскаго Государства*, заключающіе въ себѣ 150 рисунковъ большаго формата, красками печатанныхъ, вышли уже въ свѣтъ, и можно повторить, что ни Англія, ни Франція, ни Германія, не могутъ похвалиться ни однимъ изданіемъ, подходящимъ къ этому, ни по объему, ни по количеству собранія отечественныхъ древностей, ни по достоинству и вѣрности рисунковъ, г. Академика Солнцева, ни по искусству литохроміи, которая, подъ руководствомъ художника Дрегера, превзошла произведенія Энгельмана, вышла изъ разряда du papier peint, и встала на отчетливомъ, высокомъ искусствѣ *живопечатанія*. Акварельные рисунки Академика Солнцева, отпечатанные масляными красками, принимаютъ еще бо́льшій блескъ и живость.

Digitized by Google

Все изданіе, котораго подробный текстъ выйдетъ въ слѣдъ за рисунками, раздѣляется на шесть слѣдующихъ отдѣленій:

I Отд. заключаетъ изображенія древнѣйшихъ иконъ, крестовъ, храмовой утвари и облаченій сана духовнаго.

Здѣсь, въ числѣ вышедшихъ уже рисунковъ, вы видите: чудотворный образъ Владимирской Божіей Матери, гвоздь Господень, облаченія Русскихъ Патріарховъ, драгоцѣнныя митры и панагіи.

Во II Отд. древній царскій чинъ, утвари и одежды, златая шапка и держава Мономаха, вѣнецъ Казанскаго царства, шапки алмазныя, слоновый тронъ Іоанна III, и пр. и пр.

III Отд. составляетъ древнѣйшая Русская броня и оружіе. Въ вышедшихъ рисункахъ, между прочимъ: шишакъ В. К. Ярослава, шлемъ Александра Невскаго, царскія зерцала, кольчуги, рогатина В. К Бориса Александровича Тверскаго, 1425 года, и пр.

Въ IV Отд. древнія великокняжескія, царскія, боярскія и мѣстныя народныя одежды; многія въ изображеніяхъ и портретахъ; между прочимъ, портреты Царя Ѳеодора Алексѣевича, Царицъ Евдокіи Лукьяновны, Натальи Кириловны.

V Отд. заключаетъ древнюю столовую и домашнюю царскую утварь: кубки, братины, кропили, ковши, стопы и пр. золотые, серебряные, раковинные, хрустальные, кокосовые, усыпанные драгоцѣнными камнями.

Въ VI Отд. памятники древняго Русскаго зодчества.

Подобное огромное собраніе изображеній древностей Русскихъ, и великолѣпное изданіе ихъ, стоющее нѣсколькихъ сотъ тысячь рублей, могло исполниться только по мысли и волѣ Государя Императора и по дарованнымъ Его Величествомъ средствамъ. Дарую исторіи и археологіи Россіи, искусствамъ и художествамъ этотъ Царскій подарокъ, Государь назначилъ изданіе его въ Москвѣ. Высочайшая довѣренность оправдывается: Московскій художникъ и въ помощь ему Русскіе мужички-печатальщики перегнали искусство заморское.

Digitized by Google

2. *Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества, — составлена А. Мартыновымъ, текстъ И. М. Снегирева. 1848 года.*

Предначертаніе этого прекраснаго изданія, въ большой листъ, съ отлично литографированными рисунками, видно изъ самаго заглавія. Продолжаясь уже третій годъ, трудъ г. Мартынова, въ соединеніи съ описаніями И. М. Снегирева, пріобрѣлъ извѣстность по достоинству; отзывы всѣхъ журналовъ воздали ему должное, всѣ любознательные и просвѣщенные люди, всѣ ученыя и учебныя заведенія, безъ сомнѣнія, украсили уже имъ свои библіотеки. — Смиренно говоритъ издатель во вторично напечатанномъ текстѣ, въ отдѣльномъ маломъ форматѣ, что »не безполезно и не излишне указывать на памятники церковнаго и храмоваго зодчества разныхъ эпохъ и стилей, разсѣянные по обширной Россіи, соединять съ ними историческія воспоминанія о владѣльцахъ, храмоздателяхъ и зодчихъ....» Ужъ очень не безполезно и не излишне, повторимъ и мы; потому что это памятники всѣхъ событій Россіи, это сооруженныя страницы исторіи. «Куда ты скрылъ свои сокровища?» — спросилъ Іоаннъ Грозный И. В. Шереметева. — «Чрезъ руки нищихъ переслалъ Богу,» — отвѣчалъ онъ. Если спроситъ: гдѣ Русскій народъ хранитъ свою славу? — можно отвѣчать: полагаетъ ее къ подножію Божьяго престола, и молитъ о благодати.

3. *Отчетъ Московскаго Комитета о просящихъ милостыни. За 1847 годъ. 1848.*

Съ особеннымъ удовольствіемъ читаемъ мы всегда эти дѣльные, основательные отчеты, въ коихъ всегда встрѣчаемъ новыя мысли и указанія, возбуждающія къ размышленіямъ.

Благодѣтельная цѣль Комитета — заботы о безпріютныхъ и добывающихъ ежедневное пропитаніе *Христовымъ*

Digitized by Google

именемъ, — ясна и важна сама по себѣ; но цѣль отдѣлить истинно нищихъ, отъ мнимыхъ, слабыхъ и безсильныхъ, отъ имѣющихъ силы, уклоняющихся отъ добыванія пропитанія трудомъ и произносящихъ всуе имя Христово, — это еще важнѣе и благодѣтельнѣе въ мірѣ гражданскомъ, гдѣ неизбѣжно образуется всегда столько нечистыхъ осадокъ, нарушающихъ чистоту, и, можно сказать, заражающихъ собою даже воздухъ.

Первое и главное, разумѣется, причины нищенства. Одну отчетъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Московская столица издревле изобиловала нищими. Положеніе ея въ самой срединѣ государства и въ мѣстахъ не весьма обильныхъ много къ тому способствовало, не говоря уже о пребываніи здѣсь Царей, высшаго духовенства и дворянства, у которыхъ всегда было правиломъ набожности — раздавать милостыню. Это обыкновеніе донынѣ существуетъ въ богатомъ здѣшнемъ купечествѣ, и вообще въ простомъ народѣ. Болѣе образованная часть общества желала дать лучшее направленіе сему потоку благотворительности; но, размножая заведенія для призрѣнія и воспитанія, и по чувству христіанскаго человѣколюбія не ограничиваясь въ своихъ попеченіяхъ одними жителями города Москвы, съ своей стороны, не мало содѣйствуетъ къ привлеченію сюда множества бѣдныхъ людей изъ мѣстъ отдаленныхъ.» Но важнѣйшее дѣло въ семъ отношеніи, какъ говоритъ отчетъ, наноситъ нашему народу общее у Славянскихъ племенъ пристрастіе къ хмѣльнымъ напиткамъ, и т. д.

Жизнь подаяніемъ богомольцевъ, во время пути, о коей говоритъ отчетъ, должно отдѣлить совершенно отъ презрѣннаго нищенства, какъ обычай, который часто проистекаетъ изъ добрыхъ источниковъ, а для бѣдныхъ неизбѣженъ; имѣя насущный хлѣбъ дома, но не имѣя денегъ, богомолецъ по обѣту не можетъ запастись пищею на путь; при томъ же, проходящимъ богомольцамъ благочестивый простой народъ нашъ не только не отказываетъ ни въ пріютѣ, ни въ

Digitized by Google

пищѣ, но еще поручаетъ имъ помолиться и за себя. Наши богомольцы представляютъ много утѣшительныхъ, прекрасныхъ явленій.

Пристрастіе къ хмѣльнымъ напиткамъ обобщено на всѣ Славянскія племена, но несовсѣмъ основательно. Это зло не племенное, а временное.

4. Сборникъ для свѣтскихъ людей. Томъ I-й, 10 тетрадей, въ 4-ку, заключающихъ 30 большихъ гравюръ и эсталпъ; 219 стр. текста. Томъ II, тетрадь 1. Изданіе Дейбнери и Хеліуса.

Была мода на альманахи. Каждый новый годъ привѣтствовался выходомъ множества *альманаховъ*. Сначала, по смыслу самаго слова *альманахъ*, это были ничто иное какъ календари; въ послѣдствіи эти календари украсились картинками, изображающими четыре времени года; потомъ стали прибавляться въ концѣ стихотворенія, анекдоты, въ родѣ: «одинъ панъ далъ служанкѣ два гроша и велѣлъ на одинъ грошъ купить луку, на другой чесноку. Служанка побѣжала на рынокъ; но вдругъ хватилась: ахъ, панья матка Бога! я и забыла спросить у пана, на который же грошъ купить луку и на который чесноку! — и бѣгомъ назадъ.»

Наконецъ альманахи обратились въ сборники изящной словесности. Очень естественно, что нигдѣ не выходило столько альманаховъ какъ въ Германіи. Не только что каждый Stadt, но и каждый форштатъ, выдавалъ къ новому году альманахъ на сѣрой бумагѣ, съ рѣзкими гравюрами. Явились наконецъ *кипсеки* англійскіе,—бумага—атласъ, бѣлая, какъ березовая плева, печать какъ бисеръ, картинки гравированныя на стали, какъ будто не руками человѣческими, а микроскопическими животными; обрѣзъ золотой, переплетъ рельефный. Англійскіе кипсеки подали примѣръ ро-

Digitized by Google

скоши Франціи, устыдили Германскіе Vergissmeinnicht, и всѣ прочіе цвѣты, звѣзды, Минерву, и прочихъ богинь. Вотъ и у насъ появились опи.

Пользоваться только однажды въ годъ какимъ-нибудь литературнымъ свѣтиломъ, или цвѣткомъ, или какой-нибудь Греческой граціей, нимфой, богиней, стало скучно; и вотъ альманахи и кипсеки также обратились въ періодическія изданія, сначала съ политипажами, а наконецъ съ микроскопической англійской гравировкой.

Изданіе Хеліуса и Дейбнера «Сборникъ для свѣтскихъ людей» и составляетъ собственно роскошный періодическій альманахъ или кипсекъ, съ тою только разницею, что къ прекраснымъ гравюрамъ на стали, текстъ пишетъ неизвѣстное лицо; но за выборъ статей и слогъ нельзя похвалить его безусловно. Все изданіе стоитъ и стоитъ 5-ти рублей серебромъ, за 10 тетрадей, особенно съ приложеніемъ безденежно большихъ прекрасныхъ эстамповъ.

5. ***Бренко, поэма*** (разумѣется въ стихахъ). ***Соч. С. Костарева. 1848 года.***

— Скажите пожалуйста,—спросилъ я однажды одного благопріятеля литерагора, — чьи это стихи:

Признаться должно безъ прибаски,
Читатель добрый предъ тобой,
Что въ этой пѣсни, ради сказки,
Высокъ немножко голосъ мой;
Пониже опускаю струны,
Стиховъ надутыхъ не люблю;
Гдѣ будутъ надобны перуны,
Гремушку тамъ употреблю;
Пріятенъ въ сказкѣ слогъ шутливый,
Но разноцвѣтенъ долженъ быть,

Digitized by Google

Лилеей, розою, крапивой,
То наставлять, то веселить.
Стихи великолѣпны, пышны,
Не рѣдко производятъ шумъ,
Но годъ пройдетъ, — совсѣмъ не слышны;
А простота прельщаетъ умъ.

Труба умолкла, — псы притихли;
Въ недоумѣньи витязь былъ;
Владѣтель, царскій сынъ, женихъ-ли,
Къ нему подъѣхавъ, говорилъ:
«Благодари судебъ десницу,
Хранящую тебя отъ бѣдъ,
Садись со мною въ колесницу,
Садись, и въ новый шествуй свѣтъ!
Не царствую, не обладаю
На тронѣ въ счастливой странѣ,
Семействомъ подданныхъ считаю;
Они друзья и дѣти мнѣ.»

Къ добру, не знаю, или къ худу,
Гдѣ стихъ ложится — риѳма тутъ
Кидается и льнетъ повсюду,
Какъ въ игрищахъ нарядный шутъ;
Не дѣлаютъ мнѣ риѳмы бремя;
Но я не ради риѳмъ пишу:
Пускай они придутъ въ то время,
Когда ихъ въ строку приглашу.

— Ну-съ, чьи эти стихи? — повторилъ я.

— Разумѣется, Пушкина, отвѣчалъ литераторъ.

— Нѣтъ, это стихи Хераскова; читали вы его волшебную повѣсть: *Бахарьяна, или неизвѣстный?*

— Неужели Хераскова? не можетъ быть!

— Можетъ быть.

Digitized by Google

Такимъ-то образомъ ухо такъ прислушалось къ стихамъ Пушкина, къ четырехъ-стопному ямбу его поэмъ, что какую ни возьми въ руки древнюю повѣсть, или современную поэму, написанную легкими стихами, все кажется, что это писалъ Пушкинъ, или если не самъ писалъ, такъ невидимо нашептывалъ въ уши.

Тоже случилось и съ *Бренко*; только что я началъ:

Хвалилась Тверь передъ Москвою
Не множествомъ святыхъ церквей,
Не древней славою своей....

а стихи Пущкина и зазвенѣли въ памяти:

Богатъ и славенъ Кочубей....
Его луга необозримы,
Тамъ табуны его коней....

Начнешь читать про Тверскаго князя, а видится Гирей; описаны приключенія Бренко и Людмилы, а представляется Русланъ и Людмила; только что начнетъ Бренко умолять Людмилу, чтобъ она съ нимъ ушла, такъ и мерещется Черкешенка.

Забудь отца, бѣги со мною!

Такъ и хочется продолжать:

Склонись главой ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь!

Черкешенка: Умолкла. Слезы и стенанья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.....

А Людмила: Умолкла, долгое молчанье
Не прерывалось....
И чуть чуть
Замѣтно будто подражанье....

Но это совсѣмъ не подражаніе, а только бѣдовая память сталкивается то съ Полтавой, то съ Бахчисарайскимъ фонтаномъ, то съ Русланомъ и Людмилой. А между тѣмъ въ сочинителѣ «Бренко» свободно и ловко движеніе стихо-

Digitized by Google

творнаго пера, явно видна способность писать поэмы четырехъ-стопнымъ ямбомъ; но на романическія, трубадурныя поэмы прошла мода; да и то сказать: никто не сочинялъ ихъ лучше трубадуровъ. Пожелаемъ успѣха и развитія молодому таланту.

6. *Дѣтскія книги. Изданія Ѳ. Наливкина.*

1. Новѣйшій букварь Рускаго языка.

2. Дѣтство знаменитыхъ людей, съ картинами.

3. Сцены изъ жизни великихъ людей.

4. Прогулка въ Ренси и занимательные разсказы для дѣтей.

5. Генералъ Томъ-Пусъ и знаменитые карлы и карлицы, съ картинами.

6. Историческія животныя, съ картинами.

7. Забавный звѣринецъ или ученыя животныя. — La ménagerie comique ou les bêtes savantes.

8. Alphabet des petits enfants, orné de gravures.

Всѣ эти дѣтскія книги, неуступающія по изданію всѣмъ роскошнымъ Французскимъ Etrennes pour les enfants, есть плоды усердной заботливости г. Наливкина о маленькихъ существахъ, которыя современемъ будутъ читателями и всей Русской литературы, въ его *Кабинетѣ чтенія*.

Въ послѣдствіи мы обратимъ особенное вниманіе на разсмотрѣніе ихъ достоинствъ, но главное, на благое предпріятіе г. Наливкина посвятить всѣ возможныя свои средства на изданіе дѣтскихъ книгъ.

Digitized by Google

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Записки Русскаго Географическаго Общества. Книжка I. 1846. — Книжка II. 1847.

2. Географическія извѣстія, издаваемыя Русскимъ Географическимъ Обществомъ, подъ редакціею П. Н. Надеждина. 1848. Выпускъ 1-й, 2-й и 3-й.

3. Карманная книжка для любителей Землевѣдѣнія, на 1848 годъ. Изд. Россійскаго Географ. Общества.

Материкъ Россіи почти вдвое противъ Африки, почти равенъ Америкѣ и составляетъ едва ли не четвертую часть материка всего земнаго шара, если исключить полярныя неизвѣстныя еще страны.

Богатства всего этого необъятнаго пространства Россіи существенны и только что по́чаты: съ одной стороны, обширныя поля родятъ хлѣбъ, съ другой, горы даютъ золото, серебро, желѣзо и другіе металлы; въ срединѣ пространства вѣковые лѣса, рыбныя ловли, звѣриные промыслы. Такое государство, составляя само по себѣ что-то полное, независимое въ своихъ потребностяхъ отъ прочихъ частей свѣта, требуетъ особенной разработки познаній о своемъ значеніи и своихъ богатствахъ. Съ этой цѣлью и учреждено *Русское Географическое Общество*, подъ покровительствомъ Монаршимъ и предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Великаго Князя Константина Николаевича. Цѣль эта изложена въ уставѣ Общества и прояснена въ рѣчи помощника Предсѣдателя, Генералъ-Адъютанта, Вице-Адмирала Ѳ. П. Литке. «Географическія общества, говоритъ онъ, между прочимъ: существуютъ издавна въ Англіи, Франціи, Пруссіи и другихъ земляхъ. Работы сихъ обществъ имѣютъ предметомъ преимущественно географію общую; домашняя географія остается для нихъ предметомъ какъ бы второстепеннымъ. Наше отечество, простираясь отъ южнѣйшаго пункта Закавказья до сѣвернаго края Таймурской земли, на 40° по широтѣ, и по долготѣ слишкомъ на

Digitized by Google

200°, т. е. болѣе нежели на полуокружность земли, отечество наше, говорю я, представляетъ намъ само по себѣ особую часть свѣта, со всѣми свойственными такому огромному протяженію различіями въ климатахъ, отношеніяхъ геогностическихъ, явленіяхъ органической природы и проч. съ многочисленными племенами, разнообразными въ языкахъ, нравахъ, отношеніяхъ гражданственныхъ, и т. д. и, прибавимъ, часть свѣта, сравнительно еще мало изслѣдованную. Такія совершенно особенныя условія указываютъ прямо, что главнымъ предметомъ *Русскаго Географическаго Общества*, должно быть изслѣдованіе *Географіи Россіи*, принимая названіе географіи въ обширнѣйшемъ его значеніи.

«Хотя такимъ образомъ географія общая становится для насъ предметомъ второстепеннымъ, но изъ того не слѣдуетъ, чтобы и этотъ предметъ не имѣлъ для насъ своей важности, и даже большой важности. Не говоря уже объ общемъ интересѣ, который эта наука представляетъ для всякаго образованнаго человѣка, ни о пользѣ, которую она приноситъ со стороны образованія народнаго, укажемъ только но то, сколь важно для Россіи изслѣдованіе въ географическомъ отношеніи земель съ нею сопредѣльныхъ. Турція Персія, Хива и другія Туркестанскія области, Китай, Японія, владѣнія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ и Гудсонской Компаніи, вотъ наши близкіе сосѣди (не говоря уже объ Европейскихъ), состоящіе съ Россіею въ безпрестанныхъ торговыхъ, общественныхъ и политическихъ сношеніяхъ, — сношеніяхъ, которыя, по естественному ходу вещей, съ каждымъ днемъ должны становиться и чаще и многообразнѣе. Согласитесь, Мм. Гг., что поле, которое вамъ предстоитъ воздѣлывать, довольно обширно, и жатву обѣщаетъ богатую; будемъ надѣяться, что въ дѣлателяхъ не будетъ недостатка.»

Скажемъ и мы съ своей стороны, что для достиженія предположенной цѣли, трудъ Общества необъятенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть и быстръ, чтобъ составить полную и единовременную картину Россіи, особенно въ отно-

Digitized by Google

шеніи статистическомъ. Но сочетаніе дѣятельнѣйшихъ ученыхъ подъ высокимъ покровительствомъ составляетъ уже прочную основу и даетъ устройство и полное соображеніе къ единому движенію всего объема занятій Общества.

До учрежденія Русскаго Географ. Общества, географическія и статистическія описанія Россіи относились къ обязанностямъ Топографическаго Депо, какъ предметы почти нераздѣльные съ планами и картами, и одно безъ другаго неудовлетворительные. Но Топографическое Депо производило съемки, составляло планы, карты и описанія преимущественно въ значеніи военномъ. При этой главнѣйшей его цѣли учрежденія, оно не могло обнять подробностей всего государства. Содѣйствіе географическаго ученаго общества становилось неизбѣжною необходимостію, когда изученіе Россіи содѣлалось положительною потребностію.

Труды Императорской Академіи Наукъ, обнимающей весь кругъ познаній человѣческихъ, доставляли богатѣйшіе матеріялы и по части географіи, а преимущественно по части ученыхъ путешествій для открытій и изслѣдованій; но эти труды, со времени основанія Академіи, хотя и составляли драгоцѣнные матеріялы, но разновременность ихъ для свода не представляла никакой возможности, тѣмъ болѣе, что при энциклопедической дѣятельности, Академія должна была употреблять свое вниманіе на предметы первыхъ и главныхъ необходимостей.

По этой причинѣ, какъ богатство матеріяловъ Топографическаго Депо, такъ и Академіи, въ протяженіе времени, теряли свое значеніе и достоинство, какъ плоды трудовъ, не имѣвшихъ между собой связи ни во времени, ни въ исполненіи.

Мы считаемъ учрежденіе Русскаго Географическаго Общества одушевленіемъ матеріяльнаго богатства, которое заключено въ архивахъ Депо, и очень естественно, что они необходимо должны образовать одинъ живой, дѣятельный

Digitized by Google

организмъ, изъ котораго военная часть будетъ почерпать необходимые для себя матеріалы и обработывать ихъ соответственно своимъ потребностямъ.

Мы представляемъ себѣ эту обширную дѣятельность, которая быстро раскидываетъ по всему пространству сѣть свою, сосредоточиваетъ свѣдѣнія по части географіи, статистики и этнографіи, распредѣляетъ ихъ и образуетъ сводъ для описанія необъятной Россіи, на сколько даетъ возможность современное просвѣщеніе и знаніе дѣла частныхъ, довѣренныхъ обществомъ исполнителей ея предположеній и распоряженій. Въ дѣятельности общей выборъ исполнителей — главное; взаимно понять существенныя способности каждаго, взаимно распредѣлить занятія и по способностямъ и по охотѣ, и въ то же время взаимно устранить распри легкаго энциклопедиста съ тяжелымъ формалистомъ, умствующаго съ дѣятелемъ, нѣмаго знатока дѣла съ говоруномъ о дѣлѣ. Въ Географическомъ Обществѣ эти затрудненія устраняются достоинствомъ лицъ, предложившихъ себя на трудъ и избранныхъ въ его составъ.

Какъ ни трудно, какъ ни сложно кажется все, трудность исчезаетъ передъ простотой пріемовъ, безхитростною стройностію и особенно передъ могучимъ двигателемъ.

Занятія Общества, по отчету, съ августа 1845 года по августъ 1846 г., состояли въ дѣйствіяхъ распорядительныхъ и собственно въ ученыхъ трудахъ, которые сообщены въ изданныхъ имъ запискахъ.

Въ 1-й части записокъ Р. Г. О. кромѣ замѣчательной статьи Академика Струве, составляющей обзоръ географическихъ работъ въ Россіи, статья Академика Бера: «*Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ вообще и въ Россіи въ особенности*» касается до распорядительной части дѣйствій Общества, и особенно важна по разсужденію: какой предметъ преимущественно долженъ занять дѣятельность Общества. Хотя въ этомъ случаѣ, на вопросъ: что лучше? мы бы отвѣчали: все лучше; но замѣчаніе, что «*этнографиче-*

Digitized by Google

скіе матеріялы съ каждымъ днемъ уменьшаются, въ слѣдствіе распространяющагося просвѣщенія, которое сглаживаетъ различіе племенъ,» должно принять къ соображенію, какъ предметъ поспѣшнѣйшихъ и положительнѣйшихъ изслѣдованій. Упомянемъ, напримѣръ, о племени *Кревинговъ*, изъ котораго, по донесенію въ Русск. Геог. Общ. Академика Шегрена, въ настоящее время осталось уже только не болѣе 11 человѣкъ (3 мужчины и 8 женщинъ).

Какъ важенъ этотъ остатокъ для объясненія исторіи, мы постараемся объяснить по крайней мѣрѣ чрезъ наше поверхностное наведеніе.

80-лѣтній Кревингъ сообщилъ г. Шегрену, о существованіи преданія, что *Кревинги* пришли въ этотъ край (Курл. губ.) съ острова *Самеу-Земме*. Это названіе по-готски будетъ Самеу-ландъ, въ которомъ мы узнаемъ Сомаландію или Смоландію.

Готы вообще прозывали земли или области по населявшимъ ихъ племенамъ народовъ: Готаландъ — земля Готовъ; Ризаландъ — земля Руссовъ, Финналандъ — земля Финновъ, Лапландъ — земля Лаповъ, Лифландъ — земля Ливовъ, такъ и Курландъ значитъ — земля Куровъ (древніе Hirri).

По Финское племя Krevingi Іорнандомъ названо Кре-Феннами; Адамомъ Бременскимъ—Скрите-Фингами; по Прокопію обитатели Туле—Скридъ-Финны; слѣдовательно, собственно племя называлось *Кре* и безъ сомнѣнія *Kreews*, названіе, которое и приняло на Латышскомъ языкѣ значеніе *иноплеменный*, или Kreving — переселенецъ. Что Кре-финны, Скрид-финны, считавшіеся и въ древности колдунами, есть именно Кревинги, которые и теперь считаются колдунами и приглашаются Латышами для гаданій и леченія больныхъ (Этногр. Эксп. Ак. Шегрена), въ этомъ не можетъ быть спора; слѣдовательно и обитель ихъ въ этихъ мѣстахъ не со времени переселенія съ острова Эзеля, о которомъ разсказывала г. Ватсону старая старуха, — но гораздо прежде.

Digitized by Google

Если же мы примемъ, что племя Кревиновъ, или Kreews — исчезло посреди Леттовъ и Славянъ, то нѣтъ причины не согласиться, чтобъ *Кревесы* не были Кривичи, которыхъ населеніе могло простираться до вершинъ Днѣпра. Самое названіе ихъ города Смоленска, очень естественно, происходитъ не отъ *смолы* и не отъ колодца Смолигова, но скорѣе отъ бывшаго въ немъ областнаго правленія Смоландіи: Smolandska Herad. Финны вообще называютъ себя *Суомами* (озеряками) и землю свою *Суома* (болото, озеро); хотя это значеніе, данное прозванію, кажется готское, но во всякомъ случаѣ, какъ въ Швеціи озерныя, болотныя мѣста могли быть названы Смоландіею, такъ и древнее населеніе Кривичей, покрытое озерами, могло называться Сомаландіею или Смоландіею. Не думаю, чтобъ нашлась необходимость стоять горой за кривое мнѣніе, что Кривичи Славяне, и не уступить ихъ Финнамъ, тѣмъ болѣе, что еслибъ они были Славяне, то, со временъ историческихъ, посреди Руси они не переобразовались бы ни въ Латышей, ни въ Финновъ.

Статья Д. Ч. К. Н. Арсеньева «Историко-статистическое обозрѣніе монетнаго дѣла въ Россіи», сообщаетъ любопытныя изслѣдованія по этому предмету, въ періодахъ развитія монетной системы.

Этотъ предметъ идетъ рука объ руку первоначально съ развитіемъ промысла и торговли, а потомъ съ условіями государственнаго образованія. Начиная отъ взаимныхъ потребностей мѣны произведеній природы и человѣка, слѣдуютъ степени: 1, опредѣленіе количества посредствомъ существенной цѣнности хлѣбнаго зерна, и установленіе хлѣбной мѣры и вѣса; 2, принятіе золота и серебра въ знаменатели цѣнности; 3, введеніе въ употребленіе иностранной монеты; 4, частная произвольная чеканка монеты, и наконецъ 5, правительственное образованіе монетной системы.

Во 2-й книжкѣ записокъ Рус. Геог. Общ. помѣщенъ отчетъ начинаніямъ общества за 1845—46 годъ.

Статьи научныя: О средствахъ достиженія полюса. Д. Ч. Ф. П. Врангеля. — О средствахъ къ опредѣленію

Digitized by Google

климата. Д. Ч. В. С. Порошина. — Объ этнографическомъ изученіи народности Русской. Д. Ч. Н. И. Надеждина. — Взглядъ на исторію развитія статистики въ Россіи. А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. — Статьи, какъ новые матеріялы: О Туркменскихъ поколѣніяхъ: Ямудахъ и Гокланахъ. Барона К. Боде. — Извлеченіе изъ дневника Лейт. Загоскина, веденнаго въ экспедицію по материку С. З. берега Америки. — Объ этнографической экспедиціи въ Лифляндію и Курляндію. Акад. Члена-сотрудника А. М. Шегрена. — Поѣздка на полуостровъ Мангышлакъ, въ 1846 году. М. Иванова.— Очеркъ состоянія внутренней Киргизской орды, въ 1841 году. Д. Ч. Я. В. Ханыкова.

Сверхъ издаваемыхъ записокъ, выходящихъ не въ опредѣленные сроки, Общество, въ собраніи своемъ 7-го мая 1847 года, рѣшило выдавать, для сообщенія текущихъ извѣстій и новостей по предметамъ его занятій, *прибавленія*, подъ названіемъ *Географическихъ извѣстій*, которыхъ изданіе принялъ на себя Н. И. Надеждинъ. Вышедшіе три выпуска даютъ уже нѣкоторое понятіе о пользѣ и интересности этого изданія, которое заключаетъ въ себѣ: а) свѣдѣнія и занятія Р. Г. О. и членовъ его; б) извѣстія о трудахъ иностранныхъ обществъ; в) разныя геогр. новости отечественныя и заграничныя, и пр.

Въ смѣси 1-го выпуска упомянуто объ этнографическомъ чудѣ, Ашантійскомъ * королевичѣ *Аквасси-Боахи*. Этотъ новый Бова-королевичь изучаетъ и науки и Евро-

---

* Королевство Ашантіевъ лежитъ на *Золотомъ берегу* Африки, и заключаетъ до мильона жителей. У нихъ существуетъ еще обычай при погребеніяхъ значительныхъ лицъ, убивать слугъ и домочадцевъ. Правленіе у нихъ наслѣдственное; но по смерти короля наслѣдуетъ братъ; за нимъ право переходитъ къ сыну сестры, а потомъ уже къ сыну королевскому. Тѣ же права наслѣдія и въ частныхъ имуществахъ. Одно изъ преимуществъ короля есть право имѣть 3,333 жены.

Digitized by Google

нейскую образованность не по днямъ, а по часамъ. Покойный Голландскій король выпросилъ его ребенкомъ у отца, короля Ашантіевъ, и далъ средства къ образованію. Теперь этотъ юноша въ Фрейбергѣ изучаетъ горныя науки, и въ семь мѣсяцевъ пребыванія въ Германіи, говоритъ по-нѣмецки какъ Нѣмецъ. *А. В.*

Скажу и я нѣсколько словъ о Географическомъ Обществѣ. Самую большую хвалу, самую горячую благодарность заслуживаетъ оно отъ всѣхъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія за то, что издаетъ свои труды на Русскомъ языкѣ.

Ни къ одной наукѣ нельзя приложить лучше, какъ къ географіи, Латинскаго изреченія: major et longinque reverentia. Европейскіе географы стараются безъ памяти узнать внутренность Африки, радуются безъ ума, открывая какой-нибудь безплодный островъ на отдаленномъ океанѣ, а Европы не знаютъ! Какъ не знаютъ Европы? Да не передъ нашими ли глазами только Банъ Іелачичъ могъ растолковать имъ, уже подъ Вѣною, что Славянъ въ Австріи 20 милліоновъ а Нѣмцевъ 5? Да не передъ нашими ли глазами Венгрія низпала съ высоты своего сеймоваго величія, и на всѣхъ углахъ ея очутились враждебныя племена: на сѣверозападѣ Словаки, на сѣверовостокѣ Русины, на юговостокѣ Волохи, на югозападѣ Кроаты — со всѣхъ сторонъ Славяне? Да не передъ нашими ли глазами закричали въ уши удивленныхъ Европейцевъ Галичане: мы Русскіе, а не Поляки?

Такъ точно и внутри Россіи представится богатая жатва Географическому Обществу. Мы не знаемъ еще предѣловъ нашихъ главныхъ нарѣчій, мы не знаемъ еще отмѣнъ частныхъ въ образѣ жизни, одежды, пищи, питья, произношенія, словоупотребленія многочисленныхъ обитателей Россійской Имперіи. Этнографія, разумѣется, есть любопытнѣйшая часть географіи. Давно ли принялись мы за свою геологію, странствуя до сихъ поръ по Альпамъ и Аппенинамъ? Что намъ *пока* за прибыль, если отыщется какая рѣчецка, или островишка, или попадется новая какая

Digitized by Google

порода жуковъ, металловъ, которыхъ такъ любятъ крестить наши натуралисты, а послѣ окажется, что это всѣ старыя погудки, лишь на новый ладъ:

Отдаленныя ученыя экспедиціи очень дороги. Лучше всего осмотрѣть что̀ поближе и понужнѣе. И во всякой губерніи найдется человѣкъ, который на одной вакаціи натаскаетъ вамъ столько свѣдѣній, что не оберетесь. Лишь надо умѣть его найдти, поддержать, ободрить, и все это будетъ стоить всотеро дешевле. Географическое Общество превосходно поступаетъ, собирая мѣстныя свѣдѣнія всѣхъ родовъ о разныхъ частяхъ Русскаго Государства.

Желаемъ, усердно желаемъ успѣховъ Географическому Обществу — да знакомитъ оно насъ болѣе и болѣе съ любезнымъ отечествомъ, и заслужитъ прямую признательность всѣхъ друзей его.

М П.

2. *Замѣтки и воспоминанія Русской путешественницы по Россіи, въ 1845 году. 1848, 2 части съ картинами и планами.*

Ровно за 62 года, никому и въ голову не приходило, чтобъ по Россіи можно было путешествовать дамамъ; и вдругъ, въ 1786 году, отчаянная уроженка Шотландіи, милади Кравенъ, является въ Россію, восхищается Петербургомъ, замѣчаетъ, что намъ, вообще, ни сколько не слѣдуетъ подражать иностраннымъ обычаямъ, а Русскимъ красавицамъ, въ особенности, не слѣдуетъ украшаться дымкой и поддѣльными французскими цвѣтами, и скачетъ въ кибиткѣ въ Москву, дорогою удивляется бѣлизнѣ зубовъ и нитямъ самаго лучшаго восточнаго жемчуга, которымъ украшены лбы, шеи и руки Русскихъ крестьянокъ. Въ торопяхъ о Москвѣ, *превеликомъ городѣ*, не успѣваетъ сказать слова, ставитъ кибитку на колесы, ѣдетъ въ Полтаву, потомъ Кременчугъ, и замѣтивъ, что оберъ-комендантъ женатъ но весьма прекрасной женщинѣ, несется далѣе, въ Херсонъ, въ Ка-

Digitized by Google

расубазаръ.... и тутъ только рѣшается на отдыхъ. «Вчера, говоритъ, ввечеру (3-го апрѣля 1786 года), около половины 11-го часа, я приказала людямъ своимъ не запрягать еще лошадей: мнѣ очень хотѣлось отдохнуть, я, говоритъ, имѣю такую дурную привычку, что никакъ не могу заснуть ѣдучи въ каретѣ.» Въ Карасубарѣ же, въ удовлетвореніе отечественной страсти, милади Кравенъ садится верхомъ, и ѣдетъ осматривать вершину рѣки Карасу. Старый казацкій начальникъ удивляется ея ухорской ѣздѣ, цѣлуетъ подолъ амазонки, говоритъ что-то по своему, »чего я не поняла, замѣчаетъ милади, и что значило, по переводу одного генерала: «вы, сударыня, настоящая казачка.»

Довольная этой похвалой, она ѣдетъ далѣе, осматриваетъ Бахчисарайскій дворецъ, *приготовленный для Государыни, которая проѣзжала чрезъ этотъ городъ.*

Но какимъ же это образомъ? Милади Кравенъ, которая путешествовала въ 1786 г., говоритъ о бытности Императрицы Екатерины II въ Крыму? Извѣстно, что Императрица путешествовала въ 1787. Это непонятно; послѣ этого мы милади въ сторону, и скажемъ, что Императрица первая подала примѣръ путешествія по Россіи.

Послѣ этого благаго примѣра не много было и Русскихъ путешественниковъ, не только что путешественницъ, которые бы повѣдали намъ любопытныя замѣтки свои объ обширной Руси. Иностранцы—дѣло другое: отъ нихъ мы узнали много интереснаго, узнали, что Русскіе крестьяне называются *мужиками*, что въ Россіи есть нѣкоторый родъ voituriers de louage, которые называются извощиками, и что-то въ родѣ экипажа, называемаго дрожками; что эти извощики добываютъ себѣ извозомъ на пропитаніе не болѣе 6 шиллинговъ (9 франковъ) въ мѣсяцъ, но если встрѣтятъ знакомца или пріятеля, то тотчасъ же ведутъ его въ кабакъ и угощаютъ *шампанскимъ, въ 12 шиллинговъ* (около 15 франковъ) бутылка (*); отъ нихъ узнаёмъ мы также, что

(*) «Un moujik, conducteur de traineau ou de *drochki*, vit avec 6 schel. (9 franc, 50 cent) par mois; cependant, s'il rencontre par hazard un

Digitized by Google

Русскіе мужики, для предохраненія глазъ отъ мороза и снѣга, носятъ *снѣжныя очки* (Schneebrillen) съ окрашенными стеклами, и что эти очки во всякой деревнѣ, во всякой избѣ можно купить за дешевую цѣну (*). Можетъ быть, путешественникъ видѣлъ у какого-нибудь мужика *фонари подставленные подъ глазами*, и принялъ ихъ за очки съ раскрашенными стеклами; но не наше дѣло опровергать подобныя достовѣрныя свѣдѣнія, а равно и то, что у насъ, встрѣчая кого-нибудь съ бѣлымъ отмороженнымъ носомъ, всѣ произносятъ непремѣнно обычное выраженіе: «Batiuschka, wasche nos!» а если у кого замерзнутъ глаза, тотъ ощупью входитъ въ ближайшій домъ, говоритъ: «Iswinite,» и безъ церемоній остается въ немъ, покуда глаза оттаютъ.

Очень естественно, что подобныя свѣдѣнія имѣютъ свой высокій интересъ — для многихъ; и никогда путевыя замѣтки Русской путешественницы не прочтутся съ такимъ удовольствіемъ, какъ путевыя впечатлѣнія какого-нибудь маркиза, какой-нибудь милади. Мы, признаемся, также по привычкѣ къ легкимъ, воздушнымъ vaut rien de voyages, съ трудомъ взялись за два большихъ тома замѣтокъ и воспоминаній Русской путешественницы по Россіи, и — прочли. Что же сказать про нихъ? какое же путешествіе по Россіи любопытнѣе и дѣльнѣе? развѣ то, которое надѣнетъ намъ на носъ снѣжныя очки, заставитъ на все смотрѣть чужими глазами, а потомъ сдѣлаетъ носъ и скажетъ: «batiuschka, wasche nos!»

Читая путевыя замѣтки нашей путешественницы, мы быстро пронеслись отъ Петербурга, чрезъ Смоленскъ, Могилевъ на Днѣпрѣ и Черниговъ до Кіева; потомъ чрезъ

---

parent, une vielle connoissance, ou un voisin de son village (situé peut-etre à six cent lieux de la) il le menera dans un *tractirs* ou cabaires pour le traiter avec du champagne (à 12 schellings 15 francs) la bouteille!....

(*) См. Die Erde und ihre bewohner, von K. T. Vollrath Hofman. Dritte ausgabe. 310 и 317 s.

Digitized by Google

Умань въ Одессу; изъ Одессы чрезъ Николаевъ и Херсонъ въ Крымъ. Вездѣ путешественница обратила вниманіе на замѣчательное, на остатки древностей, на мѣстныя историческія событія; — чего же еще больше? Остается благодарить путешественницу, что она путешествовала не для одной себя, но и для людей, которые любятъ вездѣ побывать, на все посмотрѣть, не трогаясь съ мѣста.

изданія одесскія, харьковскія, казанскія, и проч.

Десятидневная поѣздка на южный берегъ Крыма. Одесса 1848 г.

Это маленькое путешествіе въ Крымъ на пароходѣ, написанное очень мило, но перелетнымъ взглядомъ, заставляетъ однакожъ желать, чтобъ авторъ еще съѣздилъ куда-нибудь, и описалъ свое путешествіе со взглядомъ болѣе вникающимъ въ любопытные предметы:

Альціона, учено-литературный сборникъ, изданный Конст. Зеленецкимъ. Выпускъ 1-й. Одесса, 1848 г.

Сборникъ этотъ еще невеличекъ, говоря въ риѳму, въ 80 страничекъ; когда выростетъ, мы посвятимъ на обзоръ его полное вниманіе и выскажемъ признательность издателю за учено-литературныя его статьи.

---

5. ***Путевыя замѣтки. Соч. Т. Ч. Одесса.***

Неизвѣстная писательница, Т. Ч. довольно однакоже извѣстна уже публикѣ по ея повѣстямъ: *Три варіаціи*, *Поздно* и *Гувернантка*, — которыя помѣщались въ Петербургскихъ журналахъ. Первая повѣсть *Три варіаціи*, на тему:

....Bolesé przypomnienia
Nas samych trawi, a nic w kolo nas nie zmienia!

Первая варіація Лёля, вторая Alexis, по-Русски Алексѣй, а третья Алексѣй Петровичь. Все это одно и то же существо, которое является, въ видѣ игриваго ребенка, потомъ

Digitized by Google

страстнаго юноши, а наконецъ въ видѣ важнаго человѣка, статскаго совѣтника и vrai homme d'état, который, промотавъ весь огонь души, женился, и, встрѣтясь въ заключеніе бала, съ предметомъ давней страстной любви своей, называетъ ее допотопной знакомой, которую однакоже Кювье пропустилъ въ своей Discours sur les révolutions de la surface du globe, et sur les changements qu'elles ont produit dans le règne animal.

Такимъ образомъ тема исполнена по методѣ обычныхъ варіацій жизни, хотя не обращено вниманія на то, что въ сѣмени заключается вся идея растенія; а вѣдь бываетъ же и гнилое сѣмя и пустое сѣмя, и даже, по Русскому повѣрью, чортово сѣмя.

Путевыя записки есть сборникъ упомянутыхъ повѣстей, съ предисловіемъ сочинительницы, въ которомъ она говоритъ, что мы всѣ туристы, что, подобно всѣмъ, она путешествуетъ, подобно всѣмъ встрѣчаетъ людей, на которыхъ стоитъ посмотрѣть. Но вѣдь надо же и себя показать по Русскому обычаю. Зачѣмъ скрываться — это не хорошо.

6. *Южный Русскій сборникъ. Изданіе Амвросія Метлинскаго.*

Много чувства и души въ пѣсняхъ малороссійскихъ! Наши современные поэты южной Россіи полны этимъ свойствомъ народнымъ. — Переведемъ для примѣра изъ сборника и изъ числа *думокъ* и *спѣвовъ* М. Н. Петренко, подъ заглавіемъ: *Недугъ*.

Ходитъ волна по Осколу,
На крутъ-берегъ скачетъ.
Ходитъ по́-берегу голубь,
По голубкѣ плачетъ.
Какъ ударитъ волна въ берегъ,
Берегъ такъ и взмоетъ;
Какъ застонетъ сизый голубь,
Сердце такъ и взноетъ.

Digitized by Google

Стонетъ стонетъ сизый голубь;
Бьется надъ рѣкою;
Хочетъ, бѣдный, свое горе
Затопить волною.
«Гдѣ ты, моя голубонька,
Гдѣ другъ, сизокрылый?
За что меня покинула,
За что разлюбила?
Но любила-ль, не любила-ль,
Того я не знаю:
Приди, сердце, подивися
Какъ я погибаю.
Болитъ моя головонька,
Серденько опало.
Охъ, придется вѣрно сгинуть —
Тебѣ горя мало!
Горько, грустно безъ тебя мнѣ,
Въ очахъ потемнѣло;
Слезы льются, сердце рвется,
Сгорѣло, истлѣло!
Увядаетъ моя младость,
Какъ цвѣтъ на морозѣ.
Поди, взгляни, мое сердце,
Хоть на мои слезы!
Волна, волна, разгуляйся,
Раскатись по груди,
Горько стало жить на свѣтѣ,
Не легче ли будетъ!»
Раскатилась волна буйно
На желтый песочикъ;
Гдѣ жъ ты милый, свѣтлоокой,
Сизый голубочикъ!

Южный Русскій Сборникъ заключаетъ въ себѣ: 1. Думки и пѣсни самого издателя; 2. Думки и спѣвы, М. Н. Петренко; 3. Воркулакъ, украинское повѣрье, въ стихахъ, С. Александрова; 4. Наталя, или двѣ доли разомъ, поэма М. Макаровскаго. 5. Гараська або таланъ и виеволи, повѣсть въ сти-

Digitized by Google

хахъ М. Макаровскаго. 6. Щира любовь, или милый дороже счастья, драма Грицка Основьяненки.

7. Постепенныя бесѣды о различныхъ предметахъ, составленныя А. де Пляномъ, лекторомъ Казанскаго Университета. Казань. 2 Части. 1847 и 1848. (Entretiens gradués sur divers sujets, etc).

Подъ этимъ заглавіемъ вышло въ Казани очень полезное сочиненіе, составленное для среднихъ учебныхъ заведеній. До сихъ поръ всѣ такъ называемые разговоры были очень бѣдны содержаніемъ, и своею скудною фразеологіею, вертѣвшеюся около однихъ и тѣхъ же выраженій, мало знакомили съ духомъ Французскаго языка; содержаніе же «Бесѣдъ» очень разнообразно, изложеніе ясно, и учащійся имѣетъ случай узнать множество предметовъ и особенностей Французскаго языка. Раскроемъ на удачу 2-ю часть, стр. 218, и мы читаемъ: les peaux sont préparées par le mégissier, qui les blanchit, les ratisse, avec un fer tranchant, et enfin au moyen d'une préparation leur conserve le moelleux et la souplesse qu'elles avaient étant fraiches. C'est alors que le gantier les emploie; mais il faut encore les dégrossir, les humecter pour les rendre plus souples et les étirer, etc. Этихъ нѣсколькихъ словъ достаточно для того, чтобъ видѣть, какъ различны «Бесѣды» отъ обыкновенныхъ Французскихъ разговоровъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ простыхъ привѣтствій и разговоровъ «съ слугою, съ прачкою, съ портнымъ» и пр. Богатство выраженій, идіотизмовъ, и притомъ полезное, наставительное содержаніе составляютъ отличительныя свойства разбираемой книги, на которую мы обращаемъ вниманіе. Желательно, чтобъ авторъ, который, судя по Русскому тексту его книги, хорошо знакомъ съ нашимъ языкомъ, составилъ Французскую грамматику, гдѣ бы особенно разсмотрѣлъ синтаксисъ члена и временъ, который представляетъ для иностранца чрезвычайную трудность. Чрезъ это онъ пополнилъ бы существенный недостатокъ нашихъ учебниковъ. *N. N.*

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ В. ЖУКОВСКАГО. ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ. ТОМЪ ОСЬМОЙ.

ОДИССЕЯ.

I—XII ПѢСНИ.

С.-Петербургъ. 1849. Въ 8-ку. 455 стран.

Посвящена Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу.

(Статья I-я.)

За 2800 лѣтъ тому назадъ создана была Одиссея; сказана устами великаго поэта поэту-народу; сохранена вѣрно симъ послѣднимъ; позднѣе записана, очищена, приведена въ порядокъ; наконецъ устроена въ одно полное цѣлое, данное первоначально самимъ художникомъ. Народъ, у котораго явилось это произведеніе, исчезъ; оно же осталось и перешло въ собственность иныхъ народовъ. Другой народъ, прямѣе всѣхъ его наслѣдовавшій отъ Грековъ, Римляне, также сошелъ съ лица земли. Измѣнился образъ міра. Вѣрованія, связывавшія Одиссею съ человѣчествомъ, совершенно исчезли. Новая Вѣра озарила людей. Явились новыя племена, языкомъ, жизнію, законами, обычаями чуждые Грекамъ. А между тѣмъ произведеніе не умерло. Каждый народъ, не чуждавшійся образованія человѣческаго, сочувствовалъ Гомеру и пытался прочесть его на своемъ языкѣ.

Исторія этого всеобщаго состязанія въ переводахъ Гомера замѣчательна. У Римлянъ литература началась съ перевода Одиссеи, который сдѣланъ былъ Ливіемъ Андроникомъ. Арабы переводили Гомера въ половинѣ VIII вѣка. Ѳеофилъ Эдесскій, Маронитъ, астрономъ, перевелъ Гомера на Сирійскій языкъ около 770 года. Леонцій Пилатъ, ученый Грекъ, по желанію Боккаччіо, переложилъ Иліаду и часть Одиссеи Латинскою прозою, около 1360 года. Жакъ Миле, Французъ, перевелъ Иліаду въ 1430 году. Францискъ Филельфъ, по настоянію Папы Николая V, передалъ всего Гомера по-Латыни около 1450 года. Кромѣ того, Латинскихъ переводовъ въ Италіи явилось тогда множество. Мануилъ Хрисолорасъ перевелъ Одиссею Латинской про-

Digitized by Google

зой; какой-то Горацій стихами, по желанію Николая V, и получилъ за то мѣсто Папскаго секретаря. Гонзальво Перецъ, ученый секретарь Филиппа II, Короля Испанскаго, передалъ Гомера по-Испански бѣлыми стихами. Есть историческое преданіе у Французовъ, не совсѣмъ вѣрное, что какой-то Муссе, около 1530 г., перевелъ Иліаду и Одиссею Французскими экзаметрами. Гюгъ Салель, камердинеръ Франциска I., получалъ пенсію отъ Короля за то, что переводилъ Иліаду стихами. Онъ кончилъ только 11 пѣсень. Его трудъ довершилъ Амадисъ Жаминъ (Jamyn), секретарь Карла IX, и прибавилъ къ тому еще три первыя пѣсни Одиссеи. Саломонъ Сертонъ трудился надъ Иліадою александрійскими стихами, но трудъ остался совершенно неизвѣстенъ. Г-жа Дасье, при Людовикѣ XIV, передала Гомера Французскою прозою, но въ извѣстномъ сравненіи Аякса съ осломъ никакъ не осмѣлилась назвать осла по-Французски иначе, какъ animal patient et robuste; царя же Агамемнона воображала себѣ въ кабинетѣ. Другіе же цари Гомерова времени у нея посылаютъ запечатанныя письма (des lettres cachetées). Потомъ Французскими стихами переводили: Ламотъ-Гударъ Иліаду (1714), Вильгельмъ де Рошфоръ Иліаду и Одиссею (1781), Добремесъ и баронъ де Бомануаръ одну Иліаду. Кабанисъ отдыхалъ отъ своихъ философскихъ занятій за подобнымъ трудомъ. Стихотворный переводъ Иліады Эньяна (1814) у Французовъ считается самымъ лучшимъ. Выходили у нихъ еще переводы въ прозѣ, между прочимъ Лебрюна, но до сихъ поръ они предпочитаютъ Г-жу Дасье, и недавно еще выдали трудъ ея пересмотрѣнный.

Англійскій поэтъ Чапманъ издалъ Иліаду въ Англійскомъ стихотворномъ переводѣ, тотчасъ по вступленіи на престолъ Іакова I (1603), а Одиссею въ 1614 году. Александръ Попъ переводилъ Иліаду за подрядъ, по 50 стиховъ на день, и получилъ за первое изданіе (1720) 100,000 франковъ; Одиссею же издалъ въ 1725 году. Позднѣе по-Англійски переводилъ Гомера Куперъ. Сальвини, поэтъ Итальянскій, переложилъ Иліаду и Одиссею бѣлыми пятистопными стихами, въ половинѣ XVIII вѣка, довольно просто.

Digitized by Google

Чезаротти, въ слѣдъ за нимъ, болѣе коверкалъ Гомера, чѣмъ переводилъ и вздумалъ даже поправить его. Впрочемъ, мысль его назвать Иліаду *Смертію Гектора* довольно оригинальна. Одиссея избѣжала его руки, а вытерпѣла пытку одна Иліада. Монти, не зная по-Гречески, перевелъ Иліаду стихами. Итальянцы восхищаются его переводомъ. На Одиссею онъ не посягнулъ.

У Нѣмцевъ, въ школѣ поэтовъ Гёттингенскихъ, семь рапсодовъ-переводчиковъ состязались о переводѣ Гомера, подобно тому, какъ въ Греціи семь городовъ спорили о мѣстѣ его рожденія. Бюргеръ силился передать Иліаду ямбами, но объ экзаметрѣ и не осмѣливался думать. Бодмеръ выдалъ переводъ внезапный. на скорую руку. Штольбергъ и Фоссъ соревновали о переводѣ экзаметрами, но Фоссъ побѣдилъ всѣхъ. Онъ началъ съ Одиссеи, а кончилъ Иліадой. Надъ стихотворнымъ переводомъ Иліады трудились еще многіе Нѣмцы, какъ напримѣръ: Вобезеръ, Кюттнеръ, Бломъ, Гризъ, но на Одиссею они не посягали. Основательные Нѣмцы старѣйшаго поколѣнія говорятъ, что, за исключеніемъ Лютеровой Библіи, нѣтъ ни на одномъ языкѣ и ни въ какой литературѣ такого мастерскаго перевода, который можно бы было даже поставить въ сравненіе съ переводомъ Фоссовымъ! Но Нѣмцы молодаго поколѣнія не такъ думаютъ, и нѣкто Моніе представилъ не такъ давно новый опытъ перевода Иліады экзаметромъ.

Исторія Гомеровыхъ произведеній у Грековъ и потомъ у другихъ племенъ, двигателей всемірнаго образованія, принадлежитъ къ числу самыхъ занимательныхъ и утѣшительныхъ явленій въ исторіи человѣчества. Столько народовъ, каждый на своемъ языкѣ и по своимъ понятіямъ, въ разныя эпохи соревнуютъ о томъ, какъ бы лучше передать Гомера, высшее искусство Греческаго слова!

И вотъ наконецъ, чередъ этого благороднаго состязанія доходитъ и до насъ! Черезъ 2800 лѣтъ, Гомеръ, котораго заставляли говорить на столькихъ языкахъ, долженъ наконецъ заговорить и на томъ языкѣ, о которомъ если что-нибудь и знали Греки, то развѣ, какъ догадываются ученые, въ звукахъ самыхъ грубыхъ нарѣчій Ѳрако-пелаз-

Digitized by Google

гическаго племени!. Костровъ и Гнѣдичъ, первый александрійскимъ стихомъ, второй экзаметрами, вступили отъ имени Русскихъ въ это прекрасное всемірное состязаніе. Иліада была его предметомъ. Но на второе произведеніе Гомерово, на Одиссею, не покушался еще никто изъ нашихъ художниковъ-поэтовъ, за исключеніемъ малаго отрывка, переведеннаго Мерзляковымъ, въ размѣрѣ амфибрахія, еще не вполнѣ отличенномъ отъ экзаметра. Въ 1788 году вышелъ прозаическій переводъ Одиссеи Петра Соколова, и въ 1815 году вторымъ изданіемъ. Въ 1826—1828 годахъ явился другой прозаической переводъ Г. Мартынова, занимавшагося дѣятельно переводами всѣхъ Греческихъ классиковъ на Русскій языкъ и, къ сожалѣнію, не нашедшаго подражателей. Одинъ молодой человѣкъ, питомецъ Петербургскаго Университета, взялся было за переводъ Одиссеи экзаметрами, но не продолжалъ его.

И вотъ, въ наше время выступаетъ на этотъ подвигъ тотъ поэтъ, который, одинъ только у насъ, и могъ совершить его. Старѣйшій представитель Русской Поэзіи, устроитель или пересоздатель Русскаго, вполнѣ художественнаго стиха послѣ опытовъ Ломоносовской школы, первый объявитель между Русскими всеобъемлющаго сочувствія къ поэзіи всѣхъ народовъ міра въ томъ, что она имѣетъ чистѣйше-прекраснаго, Жуковскій, всѣ зрѣлые плоды своей пятидесятилѣтней опытности въ Русскомъ языкѣ и стихѣ приноситъ на то, чтобы перевести Одиссею. Мы сказали, что онъ одинъ и могъ совершить въ наше время такой подвигъ. Да, это сущая правда — и вотъ причины. Онъ одинъ былъ въ состояніи почувствовать внутреннюю красоту Одиссеи, потому что воспиталъ себя до той тишины полнаго и яснаго міросозерцанія, середи коей захотѣлось ему, какъ самъ онъ говоритъ, «повеселить душу *первобытною* поэзіею, которая такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ.» Онъ одинъ упростилъ и, такъ сказать, уцѣломудрилъ языкъ Русской музы до той степени воздержанія, на которой онъ долженъ стоять для того, чтобы передать вѣчныя красоты спокойно-разумной поэзіи Гомеровой, въ которой всякой оттѣнокъ времени, всякое слово съ яркою краскою текущей ми-

Digitized by Google

нуты, было бы анахронизмомъ. Онъ одинъ могъ понять, что «часто самое поэтическое, живописное, *заносчивое* слово по-«тому именно и не годится для Гомера; все, *имѣющее видъ но-«визны, затѣйливости нашего времени*, все необыкновенное — «здѣсь не у мѣста.» Но недовольнобъ было только понять столь истинное и высокое требованіе: Жуковскій могъ и удовлетворить ему. Наконецъ онъ одинъ былъ въ силахъ перевести Одиссею, еще и потому, что во внутреннемъ мірѣ души его видно какос-то дивное, гармоническое настроеніе, безъ котораго не могла бы Гомерова Одиссея ницкакъ сдѣлаться Русскою Одиссеею подъ перомъ Жуковскаго. Это настроеніе было виною дѣйствительнаго чуда, о которомъ онъ самъ пересказываетъ. Жуковскій не знаетъ по-Гречески. Гармоническій подлинникъ былъ отъ него заслоненъ *нестройнымъ*, хотя вѣрнымъ, *хаотическимъ*, *недоступнымъ читателю* переводомъ въ Нѣмецкой прозѣ. Онъ долженъ былъ, какъ самъ говоритъ, «изъ даннаго нестройнаго выга-«дывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтиче-«скимъ отыскивать красоту въ безобразіи и творить гармо-«нію изъ звуковъ, терзающихъ ухо.«

Поле изученія, которое предлагаетъ намъ Одиссея Жуковскаго, велико. Сначала мы выскажемъ только первыя впечатлѣнія, какія она производитъ на насъ при современномъ состояніи литературы.

Первое впечатлѣніе освѣжительное. Путникъ, по большому шоссе, украшенному красивыми верстами, столбиками и мостами, наполненному множествомъ скачущихъ блестящихъ и разновидныхъ экипажей, покрытый пылью и зноемъ солнца самаго яркаго, вдругъ сворачиваетъ въ сторону, на мирный сельскій проселокъ, и середи самаго цвѣтущаго поля внезапно встрѣчаетъ свѣтлую, глубокую рѣку; онъ бросается въ ея волны, пыли на немъ какъ не бывало, и новою бодростію освѣжились и укрѣпились его члены. Пыльное и быстрое шоссе — современная изящная Словесность, какъ западно-Европейская, такъ и наша; свѣтлая рѣка въ сторонѣ — Одиссея Жуковскаго; путникъ мы, или всѣ тѣ, которыхъ освѣжитъ Одиссея, а разумѣется, освѣжитъ она не всѣхъ, и не можетъ никакъ освѣжить тѣхъ, которые не

Digitized by Google

охотно разстаются съ пылью шоссе и не любятъ сельской природы. Замѣчательно, что эту силу освѣжающую въ поэзіи современной сообщаетъ Гомеръ, поэтъ языческій, и переводчикъ его тотъ изъ поэтовъ Русскихъ, который давно уже болѣе чѣмъ кто-нибудь устранилъ себя отъ движенія современной Словесности.

Второе впечатлѣніе, производимое на насъ Одиссеею, есть впечатлѣніе успокоительное. Оно то самое, которое ощущалъ переводчикъ, совершая свой трудъ. Поэзія Гомерова, по его собственному свидѣтельству, не тревожитъ, а покоитъ и мирно украшаетъ все насъ окружающее. Но это покой не мертвящій, ни даже сонный. Гомеръ, по мнѣнію Жуковскаго, не только покоитъ, но и животворитъ. Эта сила величаваго и животворнаго успокоенія принадлежитъ подлиннику: ее умѣлъ постигнуть поэтъ Русскій по причинамъ, нами прежде выраженнымъ, и сообщить своему переводу, а черезъ переводъ сообщаетъ ее и намъ.

Спокойствіе, заключающееся въ самомъ поэтическомъ міросозерцаніи Гомера, разлито на весь его эпосъ и сообщается всякой его части, всѣмъ предметамъ, которые выводитъ Гомеръ, одушевленнымъ и неодушевленнымъ.

Особенно замѣчательно оно въ рѣчахъ благороднѣйшихъ лицъ его. Какъ разумно-величавы, какъ разсудительно-спокойны рѣчи Одиссея, Телемака, Пенелопы, Навзикаи, Алкиноя, Нестора, Менелая, Елены и другихъ! Какъ отходитъ отъ нихъ страстная рѣчь нашего времени! Всѣ лучшіе ораторы нашего вѣка, и въ парламентахъ и въ гостиныхъ, говорящіе изустно и печатно, могли бы поучиться у людей Гомеровыхъ той ясной тишинѣ и разумности слова, съ какими говорятъ они.

Но отъ чего же мы замѣтили это успокоительное впечатлѣніе, производимое на насъ Одиссеею? Отъ того, что оно совершенно противоположно тѣмъ впечатлѣніямъ, какія производитъ на насъ большая часть современныхъ произведеній изящной Словесности. Поэзія нашего времени, какъ произведеніе жизни самой раздраженной, по большей части раздражительна. Поэтъ вѣка, если бы вздумалъ животворно насъ успокоить, какъ Гомеръ, не достигнулъ бы цѣли. Почти

Digitized by Google

всѣ западные творцы и дѣятели въ изящной Словесности раздражены обществомъ, для котораго пишутъ, раздражены сами въ себѣ, и обратно, стараются раздражить и самое общество. Между тѣмъ должно сказать, что такое состояніе атмосферы жизненной для поэзіи и для всего изящнаго чрезвычайно неблагопріятно, потому что назначеніе искусства, какъ міра гармоническаго, водворять гармонію, а гармонія въ изящномъ есть не что иное, какъ животворное успокоеніе духа и тѣла. Если же поэзія въ наше время раздражаетъ, значитъ, что она нарушаетъ законъ изящнаго. Виновата, разумѣется, западная жизнь, которая сбила ее съ толку.

Возразятъ, можетъ быть, защитники раздражительнаго направленія изящной Словесности, что всякая современная поэзія раздражительна для своего времени. Такова была, могутъ сказать, и поэзія временъ Гомеровыхъ. Пѣсни о возвратѣ Ахейцевъ приводили въ слезы тѣхъ, кого задѣвали за живое. У Пенелопы замираетъ сердце, когда она слышитъ современную пѣсню изъ устъ Фемія. Одиссей два раза плачетъ, внимая Демодоку, поющему рапсодію объ его борьбѣ съ Ахилломъ и другую о снаряженіи коня. Но *трогать*, задѣвать за живое, не значитъ *раздражать*. Поэзія не можетъ оторвать себя отъ современной жизни. Она должна касаться и живыхъ ранъ и недуговъ современнаго человѣчества, но не съ тѣмъ, чтобы раздражать ихъ и увеличивать, а чтобы врачевать и успокоивать тою волшебною силою, которую и она можетъ имѣть, если призоветъ еще другую. Телемакъ справедливо замѣчаетъ Пенелопѣ, что она не только найдетъ печаль въ пѣсни Фемія, но и усладу своей печали. А Одиссей въ другой разъ проситъ пѣсни Демодоковой, потому конечно, что въ слезахъ, ею возбужденныхъ, есть и отрада, и сила на новые подвиги. Раздраженіе непріятно, а слезы Одиссею сладки: потому-то раздраженіе и противно изящному, а слезы ему не противны.

Есть и такіе, конечно, между производителями изящной Словесности, особенно же между нашими, которые, сами будучи раздражены, безсильны къ тому, чтобы раздражать другихъ, а между тѣмъ домогаются того изо всѣхъ силъ своихъ. Они, правда, достигаютъ цѣли, но только безсиліемъ

Digitized by Google

своего дарованія, искаженіемъ вкуса и языка. Есть и такіе, которые думаютъ, что успокоиваютъ, примпрясь съ дѣйствительностію въ самомъ грубомъ ея матеріализмѣ. Они переносятъ сей послѣдній въ міръ искусства весьма хладнокровно. Они наружно-спокойны, но это не спокойствіе высшаго сознанія силъ, присущихъ внутренней жизни: это хладнокровіе апатіи, которая есть ничто иное какъ смерть заживо.

Третье впечатлѣніе, произведенное на насъ Одиссеею, есть полная, торжественная радость за языкъ нашъ. Это пиръ ему, свѣтлый праздникъ. Славу подвига поэтъ долженъ конечно раздѣлить пополамъ съ Русскимъ языкомъ, но слава отъ такого дѣлежа только что увеличивается, потому что такъ овладѣть да и такимъ языкомъ, прямо великое дѣло. Экзаметръ у Жуковскаго уже давно походитъ на проволоку, которая вытягивается такъ, что онъ дѣластъ изъ нея все что захочетъ. Но языкъ въ Одиссеѣ похожъ болѣе на самый чистый Каррарскій мраморъ безъ жилокъ, а искусство Жуковскаго на вдохновенный и самый опытный рѣзецъ ваятеля. Свѣжесть слова безъ новизны, точность и красота эпитета, сила и текучесть періода по ёмкой и покорной формѣ стиха, стихъ всеобъемлющій и всепобѣждающій своимъ могуществомъ, очаровательны. Такая зрѣлость силъ въ языкѣ и художникѣ соединенно — чудное зрѣлище.

Когда видишь, какъ нашъ языкъ подъ перомъ Жуковскаго духовно завоевываетъ высочайшее Греческое произведеніе въ собственность нашей Словесности, сближающую насъ съ первымъ народомъ-художникомъ въ мірѣ, то какъ Русскій чувствуешь радость, побѣду, и радость эта умножается, когда прозираешь въ перспективу будущаго, смотря отъ Одиссеи. Но для того, чтобы сія послѣдняя радость осуществилась, надобно молодому поколѣнію, выступающему на поприще Словесности, скрѣпить какъ можно тѣснѣе связи съ самымъ старшимъ ея представителемъ, — и тогда языкъ, имъ созданный, перейдетъ въ ихъ собственность и совершитъ завоеванія, еще чуднѣе, у всѣхъ народовъ міра, во славу нашего народа и отечества.

С Шевыревъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ГОМЕРОВА ОДИССЕЯ.

ПЕРЕВОДЪ В. ЖУКОВСКАГО. ТОМЪ I-Й.

I—XII ПѢСНИ. 1849.

(Статья II-я.)

Исчисляя переводы Гомеровыхъ произведеній на разныхъ языкахъ, мы могли замѣтить, что Одиссея не имѣла такого счастія какъ Иліада. Не мудрено: Иліада гораздо блистательнѣе Одиссеи. Она прямо бросается въ глаза всѣмъ величіемъ своихъ изображеній, всѣмъ блескомъ внѣшней силы и энергіи, всею славою подвиговъ, мужествомъ героевъ, выходящихъ другъ за другомъ съ постепенностію разсчитанной, наконецъ этой чудною картиной войны, которая отъ перваго единоборства двухъ ея виновниковъ: Александра и Менелая, до заключительнаго единоборства двухъ главныхъ героевъ Эпопеи: Ахилла и Гектора, развивается передъ вами, какъ кровавый свитокъ, съ дивнымъ возрастающимъ могуществомъ, и забираетъ въ волшебную цѣпь свою всѣ силы, и человѣческія, и божественныя по понятіямъ язычниковъ, и всю природу съ ея стихіями, и горы, и море, и рѣки, и воду, и огонь. Вспомнимъ волны потока Ксанѳа, разъяреннаго убійствами Ахилла, и огонь Ифеста, ихъ смиряющій.

Одиссея скромнѣе, но внутреннимъ значеніемъ и содержаніемъ она глубже, чѣмъ Иліада, какъ внутренняя жизнь глубже внѣшней. Одиссея представляетъ намъ разгадку тому, что происходитъ въ Иліадѣ. Въ ней узнаемъ тотъ бытъ первоначальный, изъ котораго могли выйти мужи силы, дѣйствующіе въ Иліадѣ. Поэтъ, обращаясь назадъ, изобра-

Digitized by Google

жаетъ намъ крѣпость древней семьи, воспитаніе, состоявшее изъ всевозможныхъ лишеній: таковъ домъ Лаэрта и Антиклеи, родителей Одиссея. По главнымъ содержаніемъ своимъ Поэма отвѣчаетъ эпохѣ, наступившей послѣ войны Иліонской. За упоеніемъ славы, за блистательнымъ пиршествомъ брани, послѣдовали разстройство жизни гражданской и домашней и необходимость возстановить то, что было въ ней потрясено или разрушено. Это стремленіе къ родинѣ, это благоговѣніе передъ святынею ея жизни и стяжаніе благъ внутреннихъ, не имѣютъ такой пышной наружности какъ исканіе славы въ бояхъ, но они прочнѣе и многосмысленнѣе. Потому и сказали мы, что Одиссея скромнѣе Иліады. Сія послѣдняя требовала генія, кипѣвшаго всею силою молодости; Одиссея, напротивъ, зрѣлой опытности многодумнаго старца. Въ Иліадѣ блещетъ фантазія, въ Одиссеѣ сіяетъ мудрость. Снискать вѣнецъ славы въ гибели Иліона могъ неукротимый, бурный, блистательный Ахиллъ; возвратиться на родину и возстановить ее во всей силѣ, могъ только благоразумный, умѣющій владѣть собою, и пламенно любящій отечество, Одиссей.

Въ то время, когда создана была Одиссея, двоякаго рода были пѣсни у Грековъ, какъ мы это узнаёмъ изъ содержанія самой поэмы. Однѣ касались «судьбы Аргивянъ и «Данаевъ, судьбы Иліона, которую устроили боги и пред«назначили погибель людямъ для того, чтобы потомкамъ «была объ нихъ пѣсня.» (Одисс. П VIII. ст. 577—580). Объ этихъ пѣсняхъ сказано въ другомъ мѣстѣ, что «слава ихъ въ то время до широкаго неба возносилась.» (П. VIII ст. 74). Такія пѣсни поетъ Демодокъ въ чертогахъ царя Алкиноя передъ Одиссеемъ, излагая

По порядку, что было съ Ахейцами въ Трое,
Что совершили они и какія бѣды претерпѣли;
Можно подумать, что самъ былъ участникъ всему или отъ вѣрныхъ
Все очевидцевъ узналъ.... (ст. 489—492 П. VIII).

Замѣчательно, что одна изъ рапсодій Демодока содержаніемъ своимъ предшествуетъ всему тому, что есть

Digitized by Google

въ Иліадѣ, а именно: распря Одиссея и Ахилла (VIII, 75); другая же рапсодія: снаряженіе коня (VIII, 492), содержаніемъ своимъ послѣдуетъ за всѣмъ тѣмъ, что заключается въ Иліадѣ.

Другія пѣсни касались «печальнаго возврата Ахейцевъ, который учредила Паллада Аѳина» (П. I. 326, 7). Такія пѣсни поетъ пѣвецъ Фемій въ чертогахъ Одиссея, въ его отсутствіи, и отъ нихъ-то замираетъ сердце въ груди Пенелопы, когда она ихъ слышитъ. Телемакъ же замѣчаетъ, что «ту пѣсню всего болѣе и славятъ люди, которая слушателямъ кажется самою новою,» изъ чего можно справедливо заключить, что пѣсни о возвратѣ Ахейцевъ на родину были пѣснями самыми новыми, или, лучше сказать *модными* въ то время, когда создана была Одиссея. Видно, что онѣ касались не одного Одиссея, но и другихъ героевъ Иліона, которые «погубили день своего возврата» (I, 354, 8).

Изъ народныхъ Греческихъ пѣсенъ перваго рода, которыя, судя по приведеннымъ рапсодіямъ, обнимали всю Троянскую войну, одинъ великій художникъ создалъ одно цѣльное произведеніе, одну полную Эпопею, сосредоточивъ все около гнѣва Ахиллова, какъ главнаго дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, если вы прослѣдите всю Иліаду въ отношеніи къ этому дѣйствію, то найдете, что Иліада началась тамъ, гдѣ вспыхнулъ въ первый разъ гнѣвъ Ахилла, и кончилась, гдѣ онъ затихъ. Въ этомъ смыслѣ и Платонъ называлъ Гомера первымъ изъ трагическихъ поэтовъ, и Аристотель говоритъ, что Иліада и Одиссея потому совершеннѣе всѣхъ прочихъ эпическихъ поэмъ, что изъ каждой выйдетъ одна только трагедія или много двѣ.

Точно также изъ Греческихъ народныхъ пѣсенъ, которыя обнимали возвращеніе всѣхъ Ахейскихъ героевъ къ роднымъ очагамъ, тотъ же геніальный творецъ-художникъ, вѣроятно, уже на закатѣ мудрой и опытной жизни своей, создалъ одну великую, цѣльную Эпопею, сосредоточивъ все около одного главнаго дѣйствія, около возвращенія Одиссея на родину.

Digitized by Google

Ничто такъ не убѣждаетъ въ присутствіи единаго художника въ этихъ произведеніяхъ и слѣдовательно въ существованіи Гомера, какъ наблюденіе этой единой мысли, которая проходитъ сквозь нихъ и связываетъ все въ одно стройное органическое цѣлое. Здѣсь нельзя не припомнить кстати парадоксъ Вольфа о Гомерѣ, въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX-го надѣлавшій столько шуму въ западной Европѣ. Вольфъ оказалъ незабвенную услугу Гомеровымъ произведеніямъ относительно изданія текста; но изъ-за буквы онъ ужь никакъ не могъ видѣть и понять художника. Гомеръ разсыпался передъ нимъ въ грамматическихъ формахъ; филологія буквы затьмила въ немъ вовсе эстетическое сознаніе, — и когда уничтожилась передъ нимъ художественная, творческая личность Гомера, а пришлось ему рѣшить вопросъ о единствѣ поэмы, котораго отвергнуть совершенно онъ не могъ, Вольфъ отдѣлался такими словами: «Счастливымъ почтешь народъ, и безъ того богатый великими подвигами, у котораго почти сами собою рождаются такія стихотворныя произведенія, какія у другихъ народовъ великимъ изученіемъ и искусствомъ не возникаютъ.» Вольфъ чувствовалъ однако, что сказанное имъ можетъ возбудить смѣхъ, и потому прибавилъ простодушно: «Смѣйся пожалуй (rideas licet).» Правда, Вольфъ предполагалъ возможность такого геніальнаго случая, замѣнившаго разумное творчество, только у народа-художника, у Грековъ. Но вы конечно знаете весьма забавную игру умныхъ людей писать на какую-нибудь тему вмѣстѣ, другъ за другомъ: вѣроятно, она была извѣстна и Вольфу. Самое умное и даровитое общество не могло однако никогда произвести соединенными силами ни одного складнаго сочиненія, ни одной маленькой повѣсти. Замѣтимъ мимоходомъ, что мнѣніе Вольфа о томъ, что Иліада и Одиссея въ ихъ органической цѣлости могли возникнуть середи Греческаго народа безъ участія личности художника, сами собою, совершенно одного происхожденія съ мнѣніемъ тѣхъ матеріалистовъ-философовъ, которые воображали созданіе міра случайнымъ скопленіемъ атомовъ. Система Вольфа была не инымъ чѣмъ, какъ примѣненіемъ того же начала къ филологіи и эстетикѣ.

Digitized by Google

Все что только можно было найти у древнихъ въ пользу своего скептическаго парадокса, Вольфъ и его послѣдователи отыскали и произвольно обратили въ подкрѣпленіе мечтѣ своей. Семь городовъ спорили у Грековъ о колыбели Гомера. Скептики готовы были уже извлечь отсюда предположеніе о существованіи семи Гомеровъ. Сенека, въ разсужденіи своемъ о кратковременности жизни, упоминаетъ о ненужныхъ преніяхъ, какія въ старину занимали Грековъ, и къ числу пустыхъ вопросовъ относитъ слѣдующіе: какая поэма была сочинена прежде, Иліада или Одиссея? и одинъ ли творецъ обѣихъ поэмъ, или разные? Скептики не согласились съ мнѣніемъ Сенеки, въ томъ отношеніи, чтобы это было пустымъ вопросомъ, а обрадовавшись такому поводу со стороны Греческихъ спорщиковъ, завели споръ ихъ такъ далеко, что ужь не только Иліаду и Одиссею захотѣли приписать двумъ разнымъ лицамъ, но и каждую поэму отдѣльно приписали многимъ поэтамъ вмѣстѣ, или даже игрѣ случая, понятнаго впрочемъ, по мнѣнію Вольфа, только у художниковъ-Грековъ. Нашли также въ Венеціянскихъ схоліяхъ, открытыхъ Виллуазономъ, извѣстіе объ особенныхъ критикахъ, называемыхъ (χωρίζοντες) *раздѣлителями*, которые относили обѣ поэмы къ двумъ разнымъ лицамъ и считали многія мѣста вставками или позднѣйшими придѣлками. Относительно Одиссеи, особенно обрадовались скептики указанію комментатора Евстафія, который говоритъ, что первѣйшіе грамматики Александрійскіе, Аристархъ и Аристофанъ, полагали конецъ Одиссеи на 290 стихѣ 23-ей пѣсни, именно, когда Одиссей и Пенелопа отправляются въ опочивальню, а весь конецъ 23-й пѣсни и 24-ую считали подложными. *. Мы знаемъ однако, что слѣ-

---

* Ἱστέον δὲ ὅτι κατὰ τὴν τῶν παλαιῶν ἱστορίαν Ἀρίσταρχος καὶ Ἀριστοφάνης, οἱ κορυφαῖοι τῶν τότε γραμματικῶν, εἰς τὸ, ὡς ἐῤῥέθη,

Ἀσπάσιοι λέκτροιο παλαιοῦ θεσμὸν ἵκοντο,

περατοῦσι τὴν Ὀδύσσειαν, τὰ ἐφεξῆς ἕως τέλους τοῦ βιβλίου νοθεύοντες. Eust. Comm. Lips. 1825. 308.

Digitized by Google

дующее за тѣмъ окончаніе Одиссеи извѣстно было Аристотелю и что онъ упоминаетъ объ немъ подъ особеннымъ названіемъ: τὰ ἐπὶ Λαέρτῃ (происходившее у Лаэрта). Бернгардъ Тиршъ, братъ извѣстнаго Фридриха Тирша, издалъ въ 1821 году книжку подъ заглавіемъ: «*Первоначальный образъ Одиссеи*, или доказательство, что пѣсни Гомеровы по большей части наполнены различными вставками.»

Должно сказать, что всѣ эти изслѣдованія принесли пользу относительно исторіи Гомерова текста, и что они были бы еще полезнѣе, если бы ученые не вдавались въ вопросы посторонніе главной цѣли и не воображали въ своей гордости, что они лучше могутъ постигнуть первоначальный образъ изящныхъ Гомеровыхъ созданій, нежели какъ постигла его сама Греція, воспитанная на Гомерѣ.

Предметомъ настоящей статьи нашей будетъ прослѣдить единство мысли или задачу поэта въ Одиссеѣ, несомнѣнный признакъ того, что это произведеніе принадлежитъ одному великому художнику. Единая мысль, конечно, не можетъ быть дѣломъ случая. Если она очевидно сама выкажется въ произведеніи и послужитъ къ объясненію разнообразныхъ частей этого стройнаго и прекраснаго цѣлаго, то само собою будетъ ясно присутствіе въ ней одного творца, создателя великой мысли.

Мы уже сказали, что все дѣйствіе въ Одиссеѣ сосредоточено около одного главнаго предмета — возвращенія Одиссея на родину. Это возвращеніе на родину не должно принимать въ тѣсномъ, ограниченномъ смыслѣ прибытія вновь Одиссея на островъ Итаку: въ такомъ случаѣ Эпопея кончилась бы началомъ XIII пѣсни. Надобно глубже понять это возвращеніе, какъ понялъ его самъ художникъ.

Есть два рода возвращенія на родину для тѣхъ, которые отъ нея на долгое время удалились: одно возвращеніе наружное, т. е. соединеніе съ нею, свиданіе послѣ разлуки, другое — возвращеніе внутреннее, гораздо важнѣйшее. Въ то время когда Одиссей отсутствовалъ, пожи-

Digitized by Google

ная лавры на поляхъ Иліона и странствуя по далекимъ землямъ извѣстнаго тогда міра, на его родинѣ произошли великія перемѣны: потрясена была семья его, разрушенъ домашній миръ, взошла въ домъ стихія постороннял, выросло новое поколѣніе съ иными понятіями, поколеблены законы и обычаи, внесена стихія враждебная въ городъ. Надобно было Одиссею узнать родину въ новомъ ея видѣ, возстановить семью, изгнать изъ нея все пришлое, утвердить законы и нравы въ городѣ, освободиться отъ всего враждебнаго и примириться съ народомъ. Вотъ что мы разумѣемъ подъ именемъ внутренняго возвращенія на родину, которое гораздо важнѣе наружнаго.

Если съ этой точки зрѣнія взглянемъ на вторую эпопею Гомерову, то увидимъ, что она во всѣхъ частяхъ своихъ есть удивительно стройное, цѣльное созданіе и что она кончается именно тамъ, гдѣ должна была окончиться, т. е. гдѣ мысль художника достигла всей полноты своего развитія, гдѣ она усовершилась. По этому вся Одиссея дѣлится собственно на двѣ ровныя части, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ наружное возвращеніе Одиссея на родину, а вторая внутреннее. Первую часть мы будемъ изучать въ переводѣ Жуковскаго, и кстати приводить тѣ превосходнѣйшіе отрывки изъ образцоваго перевода, которыми предварительно приготовимъ матеріалы для оцѣнки сего послѣдняго; къ сожалѣнію, не можемъ прибѣгнуть къ нему же для изученія второй. Для полноты должны будемъ взяться за подлинникъ. Мы увѣрены однако, что изученіе второй части, по содержанію своему болѣе значительной чѣмъ первая, внушитъ намъ еще сильнѣйшее желаніе видѣть какъ можно скорѣе конецъ прекраснаго перевода.

Многіе Ахейскіе вожди съ полей Трои возвращались къ очагамъ. О многихъ, какъ видно, сложены были пѣвцами пѣсни, частію взошедшія въ самую Одиссею. Но изо всѣхъ героевъ для возврата предпочтенъ былъ Гомеромъ Одиссей, потому вѣроятно, что его возвращеніе было самое трудное, самое продолжительное, самое опасное, и съ

Digitized by Google

тѣмъ вмѣстѣ самое благоразумное, подъ конецъ же совершенно успѣшное. Возвратъ Агамемнона былъ скоръ, и злополученъ же. Возвратъ Нестора и Менелая сопряженъ съ небольшими препятствіями, и счастливъ. Всѣхъ полнѣе, всѣхъ многосложнѣе былъ возвратъ Одиссея.

Для того, чтобы совершить этотъ возвратъ съ тою славою, съ какою совершилъ его Одиссей, надобно было такъ пламенно любить родину, какъ онъ любилъ ее, и соединить эту любовь съ самымъ осторожнымъ и дальновиднымъ разумомъ, который умѣряетъ чувство тамъ, гдѣ оно можетъ повредить дѣлу, но и хранитъ его, и противится всякому ослѣпленію, могущему чувство довести до пристрастія. Эти двѣ черты: любовь къ родинѣ и разумная хитрость, суть двѣ основныя черты въ нравственномъ образѣ героя Эпопеи. Для Одиссея родина и отечество сливаются въ одно: въ этомъ особенное счастіе, возможное для одного Грека по мѣстной особенности его малой земли. Но отъ того любовь сильнѣе. Одиссей въ древней поэзіи представляетъ для насъ идеалъ истинной любви къ отечеству. Любовь даетъ ему силы на то, чтобы преодолѣть всѣ огромныя препятствія, какія судьба воздвигаетъ ему противъ завѣтной любви его. Съ любовію сочеталась въ немъ и разумная хитрость: это черта Греческая въ Одиссеѣ. Снарядитель коня, погубившаго Трою, былъ хитеръ. Мы такимъ видимъ Одиссея въ циклѣ Иліонскихъ пѣсенъ. Хитрость свойственна была Грекамъ во всѣ времена. Это свойство замѣтили въ нихъ и наши предки. Одинъ Русскій лѣтописецъ выражается такъ объ Грекѣ духовнаго сана, что онъ лесть въ душѣ таилъ, потому что былъ Грекъ. Но хитрость въ Одиссеѣ служитъ великому, прекрасному чувству и руководитъ его въ похвальномъ подвигѣ, въ возвращеніи на родину, наружномъ и внутреннемъ: потому и восходитъ она здѣсь на степень свѣтлаго, высокаго разума.

С. Шевыревъ.

(*До слѣд. книжки.*)

Digitized by Google

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Русскія народныя пословицы и притчи, изданныя И. Снегиревымъ. 1848. Въ 8-ку, стр. XLV и 503.

Русская Исторія, археологія, и вообще Русская литература обязаны И. М. Снегиреву за разработку самой труднѣйшей и основной своей части: народнаго быта, Русскаго ума и души, въ исконныхъ пословицахъ и обрядахъ празднествъ. За такой трудъ всѣ и каждый ученый и любитель родной старины, поклонятся ему не разъ съ благодарностію.

Около десяти тысячь собранныхъ имъ Русскихъ пословицъ, съ замѣтками различій въ употребленіи, источниковъ и сравненій съ пословицами не только прочихъ Славянскихъ племенъ, но и другихъ народовъ, можно исполнить только по страстной любви къ изъисканіямъ и къ доброй, умной старинѣ. Такимъ трудомъ положено начало къ дальнѣйшему разработанію столь многосторонняго предмета.

Тружениковъ на этомъ полѣ вообще не много бываетъ, а у насъ еще меньше: они извѣстны на перечетъ; а между тѣмъ нѣтъ стези неблагодарнѣе. Кому дѣло до зарывшихся въ книги, въ хламъ древности, въ развалины прошедшаго, подъ самые корни быта народнаго, подъ спудъ жизни современной? А между тѣмъ, они выносятъ на себѣ изъ-подъ спуда то, безъ чего не образуется коренная сила, свойство и самобытность древа народнаго.

«Жизнь человѣчества и народовъ, говоритъ Г. Снегиревъ въ предисловіи: — мы читаемъ въ памятникахъ ихъ бытія; но одни безгласные камни, тлѣнныя хартіи не могутъ передать намъ задушевныхъ его мыслей, завѣтныхъ вѣрованій и преданій. Есть еще не писанные, не изваянные изъ мрамора и металла, но живущіе, безсмертные памятники души и сердца народовъ, которые преемственно переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому въ пѣсни, сказкѣ и пословицѣ. Это умственное наслѣдство досталось народамъ изъ тѣхъ патріархальныхъ временъ, когда

Digitized by Google

устами праведныхъ и мудрыхъ говорила сама вѣковѣчная правда и непреложная истина, когда одна съ обязательною силой указывала человѣку необходимое, должное и возможное; а другая открывала ему дѣйствительное и подлинное въ жизни. Сіи заповѣди истины и правды, обратившіяся въ житейскую мудрость, усвоились человѣчеству и народности въ видѣ пословицъ, кои заключали въ себѣ судьбы его; ибо, по изреченію Соломона, въ притчахъ *мысли праведныхъ судьбы*, т. е. уставы, законы. *

«Кажется, нигдѣ столь рѣзко и ярко не высказывается внѣшняя и внутренняя жизнь народовъ всѣми ея проявленіями, какъ въ пословицахъ, въ кои облекаются его духъ, умъ и характеръ. Летучее слово, проникнутое и одухотворенное живущей мыслію, получаетъ самобытность и вѣковѣчность. *Все минется, одна правда остается.*

«И такъ, не безъ основанія, пословицы сами себя опредѣляютъ *правдивыми, истинными, непреложными, неизбѣжными, неподсудными: Пословица правдива; Пословица не мимо (дьла) молвится; Старая пословица не сломится; На пословицу суда нѣтъ.* Но ни *глупая*, ни *пьяная рѣчь не пословица*, слѣдственно только умная, трезвая, здравая.

«Отъ присутствія въ пословицахъ вѣчной правды, соединяющей въ себѣ разумность, свободу и нравственность, имъ приписывали божественное происхожденіе, а по незапамятной, предъисторической давности, возводили начало ихъ къ младенчеству рода человѣческаго, искали въ колыбели народовъ, окруженной мракомъ древности. Дѣйствительно, истинная мудрость и правда проистекаютъ отъ сближенія духа человѣческаго съ духомъ Божіимъ. Сродна ей и младенческая одежда, какъ знакъ ея чистоты и простоты. Вотъ почему сама небесная правда и возсіявшая отъ земли истина ** облекались въ одежду притчи и пословицы, когда благоволили притти въ явленіе человѣчеству.

«Какъ искони все истинное, праведное, преизящное называлось божественнымъ: то и народъ всякое убѣжденіе въ сущей правдѣ и непреложной истинѣ почитаетъ внушеніемъ свыше, *гласомъ Божіимъ: Гласъ народа—гласъ Божій; Совѣсть добрая—гласъ Божій.* Этотъ живой голосъ, по сущности своей,

* Притч. Соломон. XII, 5.

** „И правда съ небесе приниче, истина отъ земли возсія.“ Псал. 82, 12

Digitized by Google

столь внятный сердцу человѣческому, столь согласный съ его совѣстью и умомъ, раздается отъ начала міра во всѣхъ племенахъ и языкахъ, въ ихъ жизни и пословицѣ. Онъ живетъ съ народами и переживаетъ ихъ. Доказательство тому найдемъ въ пословицахъ, выражающихъ вѣчныя, неизмѣнныя истины, уставы естественнаго разума; онѣ у разныхъ народовъ одинаковы; потому что происхожденіе ихъ общечеловѣческое. Сущностію своей онѣ различаются отъ собственно народныхъ пословицъ, сихъ отголосковъ своего вѣка и мѣстности, нравовъ и обычаевъ, вѣрованій и мнѣній, духа и направленія у той или другой націи. Какъ первыя выражаютъ по преимуществу общечеловѣческія, религіозныя, нравственныя, естественныя отношенія, такъ въ другихъ отпечатлѣваются случайныя и частныя отношенія жизни народной. Однѣ пребываютъ неизмѣнны, непреложны, а другія, подъ мѣстнымъ колоритомъ, нерѣдко входятъ въ употребленіе и выходятъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ быта и духа народнаго.

«Столь высоко происхожденіе пословицъ! Исходя изъ устъ пророковъ, оракуловъ, мудрецовъ, патріарховъ, царей и сивиллъ древняго міра, онѣ сообщались народу, какъ изреченія мудрости, какъ правила жизни. Разсадникомъ ихъ были храмы, стогны городскія и судилища. Долгое время мудрость передавала плоды своего размышленія въ простыхъ, краткихъ и складныхъ изреченіяхъ, благозвучныхъ для слуха, доступныхъ для ума и ёмкихъ для памяти. Наконецъ въ пословицу обращалось всякое выраженіе яснаго сознанія, глубокаго ума, мѣткаго остроумія, которое открывало какую-нибудь полезную и важную для жизни истину. Случайно высказанное однимъ и подтвержденное большинствомъ голосовъ, переходило въ общее достояніе: имена молвившихъ исчезли, рѣчь ихъ осталась. Аристотель называетъ пословицы «священными остатками древнѣйшей философіи, безъ коихъ она «была бы для насъ совершенно потерянною.»

«Потомки жили наслѣдственною мудростью предковъ; немногія правила и наблюденія, высказанныя въ пословицахъ, замѣняли письменные уставы и законы, до тѣхъ поръ, пока мудрость не перешла изъ дѣйствительной жизни въ умозрѣніе, пока дѣйственныя, живыя ея слова не облечены были въ мертвыя письмена.

«Хотя съ пословицы и совлекли ея царственно-жреческое облаченіе, хотя одѣли ее въ рубище простолюдина и вмѣшали

Digitized by Google

ее въ толпу черни; но и тамъ она совершенно не утратила внутренней своей силы и вліянія, по своему тайному сродству съ жизнію народной и по первобытному свойству съ вѣчною *правдою*, которая, по старой пословицѣ, *свѣтлѣе солнца*.

«И такъ, удаленная отъ первоначальнаго своего назначенія въ человѣчествѣ, оставленная въ удѣлъ простолюдью, пословица неумолкно живетъ въ устахъ народа, обращается въ кругу его мыслей, пользуется его уваженіемъ и довѣренностью, служитъ ему свидѣтельствомъ, порукою, уликою, оправданіемъ, руководствомъ и вообще веселымъ и полезнымъ спутникомъ въ жизни. Предъ нею, какъ предъ закономъ, всѣ равны; а она никому не подсудима, потому что безъименна, безлична и нелицепріятна. *На пословицу суда нѣтъ*. Всякій народъ, возрастъ, всякое званіе и состояніе, свобода и рабство, богатство и бѣдность, счастіе и несчастіе, мудрость и простота — все составляетъ предметъ ея сужденій искреннихъ и смѣлыхъ, строгихъ и безпристрастныхъ, такъ что *отъ пословицы не уйдешь. Надъ кѣмъ пословица не сбывается*!

«Въ пословицѣ встрѣтите вопросы о цѣляхъ жизни, о характерѣ и духѣ народа, о нравственныхъ и юридическихъ его отношеніяхъ, о господствующихъ началахъ внѣшняго и внутренняго быта народнаго. Принимая живѣйшее участіе во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, она всегда беретъ сторону разсудка и справедливости, славитъ добродѣтель и нещадно клеймитъ порокъ укоризной, позоромъ и насмѣшкой; но снисходитъ человѣческой слабости и оплошности. *Кто Богу не грѣшенъ, а Царю не виноватъ? Кто бабѣ не внукъ? Кто поживетъ и не согрѣшитъ? Грѣхъ да бѣда на кого не была*?

«Пословицы, какъ естественныя сужденія, почерпнутыя изъ жизни, легко и сами собою прилагаются къ ней, тогда какъ ученыя мнѣнія и правила не рѣдко остаются чуждыми въ мірѣ, безъ приложенія къ насущному быту.

«Не смотря на внѣшнюю свою разрозненность и отрывочность, пословицы въ жизни народной составляютъ невидимую, внутреннюю, органическую связь, нѣчто цѣлое, какъ и самый народъ. Даже противорѣчія въ нихъ иногда представляютъ намъ различныя стороны предмета и различные взгляды, принадлежащіе своему вѣку, мѣсту и лицамъ, напр: *Вольному воля; Воля заведетъ*

Digitized by Google

въ неволю; Воля въ человѣкѣ или рай, или дьяволъ, Правда свѣтлѣе солнца; Правда ходитъ по міру; Сильна правда, а деньги сильный.

«Разсматривая въ такихъ отношеніяхъ и съ такихъ сторонъ отечественныя наши пословицы, мы найдемъ въ нихъ то, что принадлежитъ человѣчеству вообще и что народности—возможное, должное и дѣйствительное въ жизни общечеловѣческой и народной; въ первомъ случаѣ мысль общая проявляется подъ общею или особенною формою; въ другомъ—особенная мысль подъ особенною формой. Изъ этого начала объясняется намъ сходство многихъ пословицъ у разныхъ народовъ, выключая тѣ, кои очевидно заимствованы и буквально переведены. Произведенія же самого народа отличаются своимъ складомъ и характеромъ.

«Такъ въ собственно Русскихъ пословицахъ выражается свойственный народу складъ ума, способъ сужденія, особенность воззрѣнія; въ нихъ Русскій *умъ* находитъ *любимой* свой *просторъ*. Коренную ихъ основу составляетъ многовѣковой, наслѣдственный опытъ, этотъ *задній умъ*, которымъ *крѣпокъ Русскій* и который *съ лѣтами приходитъ, бѣдою и нуждой прикупается*. Но пословица тѣмъ не ограничивается; она соединяетъ практическій умъ съ высшею его силою—разумомъ; потому что *умъ безъ разума бѣда*. Если же нарушается постепенность и порядокъ къ дѣйствіяхъ того и другаго: то *умъ заходитъ за разумъ*. Кромѣ ума и разума, пословица еще указываетъ намъ на особую способность, повидимому, дѣйствующую независимо отъ того и другаго и быстро обхатывающую сущность дѣла: это *догадка*, которая, по Русской пословицѣ, *лучше разума*. Русской, отъ природы догадливый и смѣтливый, *беретъ себѣ на умъ*, *мотаетъ себѣ на усъ*, что видитъ и слышитъ. Хотя, съ одной стороны, изъ пословицъ обнаруживаются въ Русскомъ нѣкоторая опрометчивость и неразсчетливость вѣроятностей удачи и неудачи, дѣйствованіе на *авось (была не была)*; но съ другой—смѣтливая простота и осмотрительность, которая учитъ: *Десять разъ отмѣрить и однажды отрѣзать* и *Не спросясь броду, не бросаться въ воду*. Такая противоположность выводится 1) отъ исконнаго вѣрованія въ предопредѣленіе, судьбу, *авось*, отъ коихъ родились пословицы: *Чему быть, тому не миновать; Суженаго на конь не объѣдешь; Двухъ смертей не будетъ,*

Digitized by Google

а одной не миновать; и 2) отъ опытнаго благоразумія и смѣтливости, сродной Русскому народу.

«Въ Русскихъ пословицахъ замѣчательны также многозначительность и разносторонность; восходя отъ чувственнаго къ нравственному, духовному, отъ простаго, обиходнаго къ высшему, нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть принимаемы то въ тѣсномъ, то въ обширномъ смыслѣ, въ собственномъ и переносномъ. Такъ напр. извѣстная пословица: *Знай самого себя*, можетъ выражать «самую узкую исключительность, самую наивную и смѣшную самостоятельность» и вмѣстѣ основное начало истинной мудрости, сознанное и высказанное мудрецами древняго міра. По указанію Фишарта, одно Греческое γνῶθι σεαυτὸν, знай себя, выражается сорока различными пословицами. Сколько встрѣтите въ нихъ намековъ и загадокъ, основанныхъ на аналогіи предметовъ изъ міра вещественнаго и духовнаго! Какой обширный смыслъ въ приложеніи къ жизни заключаютъ въ себѣ обиходныя пословицы: *Каково аукнется, таково и откликнется; На всякое чиханье не наздравствуешься; Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки; По одежкѣ протягивай ножки; Тише ѣдешь, дальше будешь!*» *В.*

Мы говорили о богатой жатвѣ 1848 года. Къ ней присоединяются еще нѣсколько книгъ, да какихъ! капитальныхъ! Читатели, надѣемся, согласятся съ нами, услышавъ, что въ Декабрѣ вышелъ каталогъ библіотеки И. Н. Царскаго, подъ заглавіемъ:

2. Рукописи Славянскія и Россійскія.... разобраны и описаны Павломъ Строевымъ. Москва, въ тип. Гетье. 1848, въ 8-ку стр. V и 916.

Тысяча почти страницъ! Тѣни Монфоконовъ и Мураторіевъ, возрадуйтесь: и на далекомъ Сѣверѣ являются вамъ *достойные* подражатели, послѣдователи и преемники! Написалось имя Монфокона и подало мнѣ новую мысль. Монфоконъ издалъ Библіотеку Библіотекъ (Bibliotheca Bibliotecarum etc.), въ двухъ огромнѣйшихъ фоліантахъ. Что еслибъ Г. Строевъ, посвятивъ тридцать лѣтъ трудамъ, по большой части, библіографическимъ, описавъ библіотеку Толстаго,

Digitized by Google

Царскаго, Московскаго Общества и многихъ монастырей, получилъ средства и возможность описать библіотеки Софійскую, Патріаршую, Кирилловскую ... вотъ тогда воздвигнулъ бы онъ себѣ памятникъ, вотъ тогда наука поставила бы его изображеніе въ своемъ святилищѣ! Мнѣній Г. Строева о древней Русской Исторіи я не только не раздѣляю, но всегда осуждалъ и осуждать буду, если онъ отъ нихъ не откажется, готовъ преслѣдовать при всякомъ случаѣ, ревнуя пользѣ науки, — слѣдовательно голосъ мой въ этомъ отношеніи совершенно безпристрастенъ, и произносится во имя той же науки. Г. Строевъ можетъ сдѣлать это дѣло лучше всѣхъ. Скажу болѣе: Русская Исторія становится теперь на такую степень, что не можетъ довольствоваться поверхностнымъ знакомствомъ съ своими источниками. Бредни нѣкоторыхъ молодыхъ людей позабудутся, прозвучавъ въ воздухѣ, и явятся достойные дѣлатели, даже изъ нихъ, для которыхъ необходимы полныя указанія, гдѣ что они могутъ найдти для своихъ основательныхъ изслѣдованій.

Но возвратимся къ Каталогу.

Я прочелъ и просмотрѣлъ его отъ доски до доски. Прочесть его—трудъ! Что же стоило написать его? Что стоило его напечатать? И какой скучный, утомительный неблагодарный трудъ! Только особаго рода, особаго темперамента, особаго характера, труженики могутъ посвятить ему себя Вообразите какой-нибудь сборникъ въ тысячу и болѣе листовъ, съ 200 статьями. Каково выписать одни начала изъ этихъ статей!.... Только тридцать лѣтъ постоянныхъ занятій могутъ нѣсколько облегчить его, научивъ разнымъ пріемамъ, о коихъ новичекъ, не только верхоглядъ, и не можетъ имѣть понятія.

Каталоги Строевскіе обвиняютъ въ сухости, сравнительно съ каталогами Востокова. Вотъ краткое и совершенно полное его оправданіе, съ коимъ я вполнѣ согласенъ: «Я держался правилъ библіографіи самыхъ строгихъ: въ каталогахъ рукописей выписки, особенно длинныя, не могутъ имѣть мѣста; замѣтки филологическія и грамматическія, безъ связи и доказательствъ, малополезны; сравненіе между собою

Digitized by Google

книгъ огромныхъ (Хронографовъ, Прологовъ, и проч.) выйдетъ только поверхностное; всѣ подобные предметы, въ полномъ ихъ развитіи, принадлежатъ къ области ученыхъ трактатовъ и монографій.» Каталогъ Востокова читать пріятнѣе, поучительнѣе, это правда, но потому, что Востоковъ вышелъ изъ предѣловъ библіографіи, и не только описывалъ свои рукописи, но и прилагалъ изслѣдованія объ нихъ.

Рукописи расположены по алфавиту названій. «Всякое другое распредѣленіе невозможно,» говоритъ Г. Строевъ. Но я докажу ему, что возможно, когда выйдетъ мой каталогъ. А когда онъ выйдетъ — увы! не могу сказать навѣрное. Г. Бѣляевъ трудится, трудится усердно, но, какъ Востоковъ, онъ не можетъ удерживаться отъ изслѣдованій, и до сихъ поръ описалъ только 750 рукописей (количество библіотеки Г. Царскаго), а у меня давно уже перешло это число за 1500.

Вотъ статистическое обозрѣніе библіотеки Г. Царскаго: «Изъ числа 749 рукописныхъ книгъ, 15 четырнадцатаго столѣтія, 28 пятнадцатаго, 161 шестнадцатаго, 251 семнадцатаго, 232 осмнадцатаго, 62 новаго времени. Рукописей пергаминныхъ 44, на бомбицинѣ 1.»

Мы возвратимся къ драгоцѣнной библіотекѣ Г. Царскаго, когда будемъ говорить о примѣчательнѣйшихъ его рукописяхъ, и въ статьѣ о торговлѣ древностями Русскими въ Москвѣ, очень примѣчательной; а теперь заключимъ наше краткое извѣстіе изъявленіемъ глубочайшей благодарности, отъ имени науки и ея служителей, преимущественно по части Русской Исторіи и Словесности, достопочтенному собирателю, который удѣлялъ во всю жизнь часть своихъ избытковъ не на мраморныя стѣны, не на бархатныя подушки, не на золотые карнизы, не на лихихъ рысаковъ и златокованную сбрую,— но на собраніе и сохраненіе драгоцѣннѣйшихъ отечественныхъ памятниковъ, во славу отечества. Возблагодаримъ и достопочтеннаго Ученаго, который посвящаетъ свое время съ такимъ самоотверженіемъ и съ такою ревностію этой Египетской работѣ.

М. Погодинъ.

Digitized by Google

3. Поучительныя слова.... проповѣданныя Гавріиломъ, Архіепископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ, 2 ч. 1848 г. Въ 8 д., стр. 200—150.

Москвитянинъ радуется появленію всякой благочестивой книги, въ твердой увѣренности, что она принесетъ много пользы своимъ читателямъ. Высокопреосвященный Гавріилъ, одинъ изъ старшихъ Іерарховъ Церкви Россійской, которому и Исторія обязана прекраснымъ матеріаломъ о казачествѣ (повѣствованіе Запорожца Коржа), издалъ нѣсколько своихъ поучительныхъ словъ. Простота смиреніе, добродушіе безпритязательность, — принадлежатъ къ ихъ достоинствамъ.

4. Рѣчи и отчетъ Московской 1-й гимназіи за 1847-48 учебный годъ. Въ 4 д., 43 стр.

«Не красна изба углами, красна пирогами», говоритъ Русская пословица· Слава Университета — Профессоры; честь Гимназіи — Учители. Первая Московская Гимназія можетъ выставить нѣсколько именъ, внушающихъ публикѣ уваженіе и довѣренность. Мы говорили уже о прекрасныхъ трудахъ Г. Смирнова, которымъ можно пожелать только хорошаго сбыта, для пользы учащихся: теперь является Г. Богоявленскій. Его рѣчь: «О преподаваніи Древней Исторіи» написана очень хорошо, и заключаетъ въ себѣ много основательныхъ мыслей. Мы скажемъ однакожъ, что самая лучшая метода изъ устъ плохаго учителя, точно какъ самые лучшіе законы въ рукахъ злаго судьи, не принесетъ никакой пользы, и наоборотъ, плохую методу хорошій учитель съумѣетъ сдѣлать полезною. Толкованіе о методахъ принадлежитъ къ остаткамъ старой схоластики. Для древней Исторіи, вмѣсто всѣхъ методъ, я совѣтовалъ бы всего лучше читать дѣтямъ *съ объясненіями* Плутарха, Плутарха и Плутарха, прибавляя къ нимъ и другія жизнеописанія или повѣствованія изъ Ливія, Тацита, Светонія, Прокопія. Вниманіе учениковъ ничѣмъ, думаю, нельзя такъ привлечь, какъ подобнымъ живымъ чтеніемъ, а во вниманіи главное! Связать послѣ быти, такъ пріобрѣтенныя, хронологическими и синхронистическими узами,

Digitized by Google

не мудрено. Не мѣшаетъ тогда выучить кое-что и наизустъ. Карты древняго міра, изображенія памятниковъ — вотъ еще на что не обратилъ вниманія почтенный наставникъ, а это наиважнѣйшее пособіе. Какъ можно болѣе сначала для глазъ, для воображенія, для памяти, для сердца, а умъ принадлежитъ уже Университету. Въ послѣднее время много болтали у насъ о методахъ, но все люди ограниченные, посредственные, непризванные, и много вреда причинили они юношеству! Педагогика искусство великое, а за нее, какъ за медицину, хватается у насъ всякой.

Напрасно отвлекся авторъ древними языками — они не составляютъ предмета его рѣчи, а иначе и другимъ гимназическимъ предметамъ слѣдовало бы посвятить по нѣсколько словъ, — но это лишнее. За то онъ и наказанъ: онъ сказалъ здѣсь много невѣрнаго: напр. отъ какого гимназиста можно требовать, чтобъ онъ далъ отчетъ «о поэтическихъ образахъ Софокла?»

Или: «Первое и главное преимущество древнихъ языковъ есть то, что они совершенно намъ *чужды*. Знакомясь съ ихъ формами, ученикъ въ то же время знакомится и съ тѣми понятіями и воззрѣніями на міръ, которыя служатъ имъ основаніемъ; такимъ образомъ онъ воспринимаетъ цѣлый кругъ новыхъ идей; отъ того его умственное развитіе получаетъ большій объемъ, и его духовная сила пріобрѣтаетъ ту твердость и разносторонность, которой не даютъ новые языки«. Это, съ позволенія сказать, софизмы, натолкованные намъ Нѣмцами и принятые на-вѣру: ни какой ученикъ не знакомится и не можетъ знакомиться по формамъ съ понятіями и воззрѣніемъ древнихъ на міръ, которыя служатъ ему основаніемъ. Дай Богъ этого кандидату или магистру-филологу!

Авторъ, вооружаясь противъ бытей(фактовъ), говоритъ «Обременяя безсознательно память множествомъ фактовъ безжизненныхъ, и, по своей внѣшности, во всѣ времена однообразныхъ, не убиваютъ ли въ самомъ началѣ свѣжаго и плодоноснаго любопытства ума, жадно требующаго разумѣнія и постоянно тревожимаго вопросомъ: *почему?* Не наводятъ ли наконецъ притупляющей всѣ способности, скуки и

Digitized by Google

привычки къ механическому труду?« Мнѣ кажется, все это гораздо справедливѣе можно приписать сухому, мертвому изученію формъ и вокабулъ, по примѣру Нѣмцевъ. Во всякомъ случаѣ, учитель Исторіи не долженъ измѣнять фактамъ, и для кого же? для вокабулъ и формъ!

Отчетъ составленъ очень дѣльно: все заведеніе видите какъ-будто предъ собою. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ послѣдній мастерской отчетъ о состояніи Педагогическаго Института. За то тамъ помѣщена была такая рѣчь профессора Штекгарда, что, просто, читать страшно. Онъ уже покойникъ, и потому можно здѣсь удивиться, какъ подобныя пришлыя посредственности, а иногда ничтожности, могутъ получать славу ученыхъ людей и служить авторитетами. *М. П.*

5. *Воспоминанія о Московскомъ Университетскомъ благородномъ Пансіонѣ. Соч. Н. Сушкова. 1848.*

Нельзя не благодарить Н. В. Сушкова за эти воспоминанія. Каждый, кто только былъ питомцемъ У. Б. Пансіона, воспоминаетъ объ немъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ гордости. Изъ этого Московскаго разсадника любви къ наукѣ и стремленія къ дѣятельности на славу и пользу отечества, вышло столько знаменитыхъ и замѣчательныхъ людей, которыхъ такъ сладко и лестно для самолюбія называть своими соучениками. Даже самолюбіе бывшихъ *парнасскихъ жителей* и постоянныхъ нахлѣбниковъ *краснаго стола* *, не стыдится припоминать юношескіе годы своей лѣни.

Имя А. А. П. Антонскаго нераздѣльно и съ самимъ заведеніемъ и съ воспоминаніемъ объ немъ. Самъ воспитанникъ Московскаго Университета, онъ, въ продолженіе 36 лѣтъ, былъ опытнымъ руководителемъ, главнымъ и непо-

* Въ У. Б. П. лавки въ классахъ устроены были горой, и самая верхняя называлась *Парнассомъ*. Въ столовой залѣ для отличныхъ воспитанниковъ устроенъ былъ *отличный* столъ, а для лѣнивыхъ, въ углу, *ослиный столъ*; на немъ угощали ихъ огромной чашей щей.

Digitized by Google

средственнымъ дѣятелемъ въ образованіи воспитанниковъ Моск. Унив. Благороднаго Пансіона. По всѣмъ отраслямъ знанія, по всѣмъ путямъ отечественной дѣятельности, пошли они, и Антонъ Антоновичъ часто въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ радовался, встрѣчая кого-нибудь изъ бывшихъ питомцевъ въ кругу знаменитостей, и произносилъ: *это-то мой!* Воспоминанія Г. Сушкова заключаютъ въ себѣ: *Посвященіе* товарищамъ дѣтскихъ лѣтъ, соученикамъ М. Б. П.; *предисловіе*; историческій очеркъ У. Б. П. отъ основанія его до переименованія въ *Московскій Дворянскій Институтъ*; Нѣкоторыя свѣдѣнія о службѣ и трудахъ А. А. Прокоповича-Антонскаго; Слово Богоявленскаго Архимандр. Митрофана на погребеніе А. А. П. Антонскаго; Нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ умершихъ воспитанниковъ У. Б. П., и о профессорѣ Мерзляковѣ; Законы собранія воспитанниковъ У. Б. П. 1799 года; Списокъ отличныхъ воспитанниковъ; *Торжественный Актъ* въ Моск. Унив. Благ. Пане. 11 Ноября 1798 года, — историческое представленіе.

6. Москва, съ топографическимъ указаніемъ всей ея мѣстности и окрестностей. Подробная справочная книжка для пріѣзжающихъ и живущихъ въ столицѣ. Сост. М. Рудольфъ. Изд. его же и Н. Смирнова. 3 части съ планомъ Москвы.

По старой дурной общей привычкѣ обращать прежде всего вниманіе на недостатки, а потомъ уже познакомиться и найдти хорошее, мы привязываемся, во-первыхъ, къ заглавію предлежащей книжки. Заглавіе въ переводѣ значитъ: «Москва, съ мѣстоописательнымъ указаніемъ всей ея мѣстности и окрестностей.» Слѣдуютъ вопросы: для чего это топографическое заглавіе къ книжкѣ, исчисляющей храмы, зданія и заведенія Московскія, азбучнымъ порядкомъ, съ планомъ, разбитымъ на квадраты для отысканія этихъ подробностей? Къ чему это подражаніе старинным указателямъ разстоянія городовъ? Не лучше ли бы было сдѣлать подробное описаніе Москвы по ея подраздѣленіямъ на части? — По наставленію книги, напримѣръ, я ищу 2-ю

Digitized by Google

Мѣщанскую въ квадратѣ «13—38,» а между тѣмъ она тянется и черезъ квадраты 13—37 и 14—37, и далѣе. И что̀ за улица тянется между 2-й и 3-й Мѣщанской, отъ церкви Филиппа Митрополита къ старой Екатерининской больницѣ? вѣрно предполагаемая? Зачѣмъ вымышленнымъ названіемъ замѣнять историческое, называть Лизинымъ прудомъ прудъ Сергіевскій, ископанный, по преданію, Препод. Сергіемъ?

Вотъ всѣ привязки наши къ справочной книжкѣ и плану Москвы, которые исполнены трудолюбиво и добросовѣстно, и очень удобны для первоначальныхъ справокъ о мѣстности подробностей.

7. *Тревога раздумья. Стихотворенія К. Соважъ.*

Незьзя не любить поэзіи, не возможно не любить поэзіи: кто не любитъ ее въ стихахъ, тотъ любитъ ее въ чемъ-нибудь: въ чудесахъ природы, въ красотѣ созданія, въ свѣтѣ, въ звукахъ, въ чувствахъ, въ чужихъ и своихъ причудахъ, даже въ безобразіи и безсмысліи. Поэзія собственно и заключается не въ стихахъ, не въ риѳмахъ, но въ одушевленности смысла, въ созвучіи со стройностію видимой природы, въ отголоскѣ со всѣмъ внутреннимъ міромъ, въ сочувствіи съ божественностію созданія. Когда не было еще стиховъ и риѳмъ, они существовали уже въ природѣ. Что̀ такое стихъ? — мѣрность движенія. Что̀ такое риѳма? — созвучіе. Вся вселенная течетъ плавно какъ стихъ. Все въ природѣ соотвѣтственно одно другому въ риѳму. Этимъ плавнымъ теченіемъ, этимъ созвучіемъ, изяществомъ выраженія, передается смыслъ всего созданія. А что̀ такое смыслъ? — высказываемая, объясняемая законная истина самой природы, а не просто вымыслъ человѣка.

Сказать: я не люблю поэзіи, все равно что сказать: я люблю довременный хаосъ, въ которомъ все бродило безъ мѣры, безъ созвучія, безъ отголоска.

И такъ, не только въ стихахъ, но вообще въ дѣлахъ человѣческихъ, гдѣ нѣтъ поэзіи, и именно мѣры и созвучія съ цѣлымъ созданіемъ міра, со всѣмъ организмомъ общества, тамъ таится лукавая, бездушная ложь, и нѣтъ тамъ добра.

Digitized by Google

Что̀ сказать теперь о той поэзіи, которую передаютъ намъ въ стихахъ? Во всемъ мы хотимъ смысла, и если не прозаически-послѣдовательнаго смысла, а передаваемаго въ игривомъ, мерцающемъ свѣтѣ, въ бьющихъ ключомъ искрахъ, но все-таки смысла, а не риѳмованной болтовни, не дѣтской путаницы, хотя часто и очень милой, бросающейся отъ ахъ! къ охъ! — не противорѣчій самому себѣ, не пустословій, не плоскостей, и не горъ, на которыя не взберешься.

Что̀жъ сказать теперь о «Тревогѣ раздумья?» Мы сами въ раздумьѣ, для чего авторъ думалъ о чемъ-то и раздумывалъ, началъ романъ въ 2-хъ частяхъ: «*Старое время славное время*,» и раздумалъ его кончить, началъ «Недоконченную быль,» и раздумалъ ее не кончить.

Не говоря о всѣхъ начатыхъ въ «тревогѣ раздумья» поэмахъ, романахъ, разсказахъ и былях̀ъ, всѣ мелкія стихотворенія — грустный отзывъ тоскливаго состоянія души, постоянное соболѣзнованіе о жизни и ропотъ на жизнь.

8. Опыты натуральной магіи и волшебный кабинетъ Карла Боско, или полное собраніе удивительныхъ фокусовъ, представленныхъ имъ во время пребыванія его въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, заключающее въ себѣ 116 волшебныхъ штукъ, изъ натуральной магіи, съ картами, игральными костями, монетами, кольцами, шарами, и пр. и пр. 1849.

И мы повторимъ: и прочее и прочее; но гдѣ же это прочее? гдѣ карты, *игральныя* кости, монеты, кольцы, и пр. и пр.? Посредствомъ какого фокуса удивительные фокусы, представленные Карломъ Боско въ Москвѣ и Петербургѣ, очутились на Нѣмецкомъ языкѣ? Не посредствомъ ли «открытыхъ таинъ древнихъ магиковъ» они перевелись на Русскій языкъ? и кто такой этотъ Боско — переводчикъ?

Но какъ бы то ни было, теперь мы знаемъ, какъ оживлять мертвыхъ лягушекъ, жарить каплуна въ мѣшкѣ, и какъ ѣсть огонь, для возбужденія аппетита.

Digitized by Google

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Альманахъ предсказаній на 1849 годъ, съ предварительнымъ объясненіемъ искусства угадывать будущее.

Теперь въ ходу предсказанія; говорятъ, что во Франціи теперь только хватились за *Almanack de Nostradamus*, и увидѣли, что Нострадамъ, извѣстный предсказатель шестнадцатаго столѣтія, предрекъ, въ своихъ центуріяхъ, всѣ событія, совершившіяся въ прошедшемъ году въ Европѣ, которыя впрочемъ можно было предвидѣть и безъ оракуловъ. Но «Альманахъ предсказаній» не касается до косметико-политическихъ событій; онъ предсказываетъ только:

Какова будетъ погода въ Петербургѣ въ продолженіе 1849 года;

Каковъ будетъ урожай;

Каково будетъ состояніе здоровья въ Россіи въ 1849 г.;

Какова будетъ торговля;

Пріятна ли будетъ общественная жизнь, и наконецъ:

Какіе успѣхи окажетъ Русская Литтература въ 1849 г.

Г. предсказатель предобрый; онъ, какъ поздравляющій съ новымъ годомъ, не только желаетъ, но и предвѣщаетъ счастіе. Мы будемъ отвѣчать на это, обычной Русской пословицей: *дай Богъ вашими устами медъ пить.*

Если бы, въ самомъ дѣлѣ, обратили большее вниманіе на существенныя предсказанія, полезныя, даже необходимыя, было бы во всемъ болѣе прочности и осторожности. О возможности этихъ хозяйственныхъ предсказаній даетъ намъ примѣръ исторія. У Индійцевъ, мудрые брамины, глубоко изучавшіе законы природы, обязаны, были, въ началѣ новаго года, предсказывать всѣ перемѣны погоды, которыя произойдутъ въ теченіе года: засухи, дожди, направленіе вѣтровъ, вліянія, происходящія отъ атмосферическихъ причинъ на различные роды посѣвовъ, на урожай, на общественное здоровье, и наконецъ, все, что составляетъ предвидѣніе необходимое для земледѣльца и необходимую гигіэну на цѣлый годъ. — За неосновательныя предсказанія,

Digitized by Google

ученый браминъ лишался навсегда права составлять впредь альманахъ предсказаній на новый годъ.

Что существуютъ средства предузнавать планетныя вліянія на атмосферу, по взаимному положенію и отношенію планетъ въ продолженіе круга солнечнаго, это почти не подлежитъ сомнѣнію. Переселенія животныхъ и перелеты птицъ, по предчувствію этихъ вліяній, доказываютъ, что и человѣкъ можетъ постигать впередъ будущія событія въ границахъ атмосферы земнаго шара; но на это еще не обращено вниманія: наукой завѣдываютъ еще одни механики.

На счетъ успѣховъ литературы въ 1849 году предсказатель сообщаетъ слѣдующее:

«Число дѣльныхъ, хорошихъ Русскихъ сочиненій — увеличится.

«Число переводовъ уменьшится.

«Больше всего процвѣтутъ и усовершенствуются *Русскіе журналы*. Они представятъ удивительные образцы оригинальности и занимательности.

«Всѣ они будутъ имѣть по нѣсколько тысячь подписчиковъ. Два или три изъ нихъ поотстанутъ отъ собратовъ, за то....

Предсказатель не говоритъ за что; но можно догадаться: ужъ вѣроятно не за то, чего Баба Яга не любила.

Повторимъ предсказателю: дай Богъ вашими устами медъ пить!

2. Краткая исторія главныхъ изобрѣтеній и открытій по части наукъ, искусствъ и общежитія, сдѣланныхъ въ Европѣ отъ начала христіанской эры до XIX вѣка. Сочиненіе, одобренное Обществомъ первоначальнаго обученія (во Франціи). Перев. съ Французскаго. 1848.

При переводѣ подобныхъ книгъ, предлагаемыхъ *для первоначальнаго обученія*, главное дѣло въ томъ, что, кромѣ умѣнья хорошо переводить и понимать предметы, которые переводишь, необходимо, до нѣкоторой степени, быть критикомъ того, что переводишь, для избѣжанія передачи безполезныхъ свѣденій и ложныхъ понятій.

Digitized by Google

Возьмемъ, напримѣръ, слова автора этой книги, *одобренной Обществомъ первоначальнаго обученія*: «кто знаетъ, быть можетъ, самому *этому изобрѣтенію*, мы (то есть Французы, говорящіе въ переводѣ по-Русски) одолжены настоящимъ смягченіемъ нравовъ?» Какое же, думаете вы, благодѣтельное изобрѣтеніе смягчило Французскіе нравы?— изобрѣтеніе доктора Гильетена — машина рѣзать удобнѣе головы безчисленнымъ жертвамъ Французской революціи, въ 1791—93 годахъ. Какой же смыслъ восторженнаго восклицанія автора? — вотъ какой: когда гіенна напьется досыта крови, тогда она смягчится нравомъ. Да на долго ли?

Изъ этой Французской книги должно бы сдѣлать выборку достовѣрныхъ открытій, а вмѣстѣ съ тѣмъ присоединить и то, что открыто въ Россіи. Безъ чего эта книга не совсѣмъ годна *для первоначальнаго обученія*.

Въ отношеніи вѣрности нѣкоторыхъ свѣдѣній, мы скажемъ свое мнѣніе: то что̀ *перенято* не называется *изобрѣтеніемъ*; напримѣръ: сказано, что компасъ изобрѣлъ Флавіо Джіойо, гражданинъ Амальфи, въ 1300 году; между тѣмъ, какъ компасъ былъ извѣстенъ Китайцамъ въ самой глубокой древности, и изобрѣтенъ Чеу-конгомъ, за 1000 лѣтъ до Р. Х. Вывезъ его въ Европу Венеціянецъ Марко-Поло въ 1269 г.; но вѣроятно кто-нибудь кромѣ его вывезъ еще ранѣе; потому что Hugues de Bersi, въ стихахъ своихъ, писанныхъ въ 1260 году, сравнивая Папу съ звѣздой Трамонтаной (путеводной), упоминаетъ о магнитной стрѣлкѣ и компасѣ:

«Мореходцы Трамонтаной ее называютъ,
И по ней путь направляютъ,
Посредствомъ искусства неложнаго
И камня черноватаго и ничтожнаго,
Къ которому желѣзо легко пристаетъ,
И на одну точку *указуетъ*,
Когда, иглу къ нему *прикоснувъ*,
И потомъ въ соломенку воткнувъ,
Кладутъ ее на воду,
И она на водѣ держится
И концомъ къ звѣздѣ обращается,

Digitized by Google

И ни сколько отъ нея не отклоняется,
И мореходцы на нее полагаются,
Въ самую темную ночь,
Когда не видно ни звѣздъ, ни луны, и т. д.

Зрительныя трубы изобрѣтены также не Сальвано, не Пизанцемъ Спина: онѣ были уже извѣстны въ Константинополѣ. Въ нашихъ рукописныхъ лѣтописяхъ, заключающихъ въ себѣ отрывки изъ Греческихъ Хронографовъ, замѣчательно сказаніе: «Хитрый въ философахъ Левъ добролюбивому Василію Македонскому, родителю и Царю, *страненъ содѣла сосудъ зерцало*, имъ же подаваше видѣти Царевѣ на вся часы, посреди живущу ему царскихъ домовъ, аще нѣчто начинашеся ново въ Аравіи или въ Сирехъ:» то есть посредствомъ этого сосуда-зеркала онъ видѣлъ все, что происходило за Босфоромъ. Это явно намекаетъ на зрительную трубу.

Изобрѣтеніе пороха также не Европейское изобрѣтеніе. На востокѣ извѣстны были давно: и квадратура круга, и магнетизмъ, и артезіанскіе колодцы, и зрительныя трубы, и — все не ново подъ луною; вѣроятно и желѣзныя дороги были извѣстны Индійцамъ, Китайцамъ и Египтянамъ; но они, помня старую пословицу: «тише ѣдешь дальше будешь,» не обратили вниманія не это открытіе.

3. *Пріятный и веселый собесѣдникъ. Новое собраніе острыхъ словъ и анекдотовъ. 1849.*

До сихъ поръ мы думали, что фракъ по крайней мѣрѣ есть еракійская одежда; но «Пріятный и веселый собесѣдникъ» говоритъ, что «фракъ изобрѣлъ Жанъ-Жакомъ *Фракасъ*, за что и былъ гильетинированъ.» Не смотря на это, великое изобрѣтеніе не погибло и носится теперь во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, въ память великаго изобрѣтателя.

Что же еще выбрать изъ веселаго собесѣдника? острыя слова? но боимся, чтобъ не притупить ихъ; новые анекдоты? но боимся чтобъ не попасть на что-нибудь старое, хотя и извѣстно, что repetitia est mater studiorum. Выберемъ же, въ дополненіе предыдущаго открытія, лучше *риторафическое* свѣдѣніе, что «у знаменитаго скрипача Пага-

Digitized by Google

нини былъ такой носъ, какого природа не произведетъ, можетъ быть чрезъ нѣсколько столѣтій: длиною носъ равнялся всему лицу;» слѣдовательно такой носъ, который можно было закладывать за ухо.

4. Плащъ, поэма Василья Алферьева. 1848.

Съ этимъ плащемъ случился анекдотъ, который мы, въ свой чередъ, разскажемъ веселому собесѣднику:

Одинъ пріятель прибѣжалъ къ другому пріятелю, съ связкой подъ мышкой.

— Это что у тебя?

— Плащь, братецъ.

— Плащь? чтожъ такой маленькой?

— Это не просто плащь, это поэма, братецъ.

— А! а это еще что?

— Калоши.

— Также поэма?

— Нѣтъ, братецъ, это просто резинныя калоши, которыя я купилъ себѣ.

Поэтъ поэмы «Плащь» давно извѣстенъ уже, въ печатномъ мірѣ, многими прекрасными произведеніями въ своемъ родѣ. Ему принадлежитъ *очеркъ Демона*, который далъ одному молодому человѣку, вмѣсто денегъ, колпакъ-невидимку и коверъ-самолетъ. Ему принадлежитъ также романъ, въ которомъ описано, какъ Карлъ Ивановичь ушелъ въ картину, и что съ нимъ тамъ случилось. Теперь поэтъ разсказываетъ въ новой поэмѣ, какъ

Жилъ человѣкъ, онъ боленъ былъ
Болѣзнью странной; онъ грустилъ,
Грустилъ вездѣ — на пышныхъ балахъ,
И въ бурномъ обществѣ друзей,
Гдѣ пѣнится вино въ бокалахъ
При шумѣ искреннихъ рѣчей,
И въ долгихъ умственныхъ занятьяхъ,
И въ женскихъ сладостныхъ объятьяхъ....

Посреди этой грусти, однажды, вдругъ черный плащь, обнявъ его сзади, чуть-чуть не задушилъ длинными кистями, и повелъ къ нему рѣчь:

Digitized by Google

Прости меня, я нарушитель
Твоей могильной тишины;
Но не страшись, я твой хранитель,
Твой плащь, сошедшій со стѣны, и т. д.

Плащь долго разсказывалъ ему свою жизнь, свои страданія и любовь свою къ нему; но кончивъ рѣчь, вдругъ умолкъ; а юноша, проникнутый взаимной любовью, воскликнулъ:

Издай еще хотя два звука,
Дай вновь услышать голосъ твой;
Я былъ такъ счастливъ, вдругъ, о мука!
Ты замолчалъ передо мной
И такъ я жилъ, я жилъ не даромъ;
Я неожиданно любимъ
Плащомъ таинственнымъ своимъ, и т. д.

Плащь однакоже продолжалъ молчать, не смотря на то, что юноша повторялъ:

И я узналъ, вотще привѣта
У душъ безчувственныхъ ища,
Что есть душа и у плаща,
И нѣтъ бездушнаго предмета.

Одушевленный плащь ни слова больше; юноша, въ отчаяніи обнявъ себя плащомъ, *одушевилъ* пистолетъ, выстрѣлилъ въ сердце плаща, свалился съ утеса въ море, и поплылъ въ его непзмѣнныхъ объятіяхъ.

Такова новая поэма, которую и слѣдуетъ отнести къ натуральной нижеслѣдующей магіи, въ статью подъ заглавіемъ: *говорящій плащь*.

5. *Волшебный Кабинетъ Карла Боско, или гародъ молодости. Посвящено для пользы и удовольствія юношеству. 1849.*

Удивительная вещь! Вы слышали, что Пинетти, когда въѣзжалъ въ какой-нибудь городъ, то всегда въѣзжалъ не иначе какъ во всѣ заставы вдругъ, и сосредоточивался только въ своемъ Волшебномъ Кабинетѣ. Если же выѣзжалъ откуда-нибудь, то также выѣзжалъ во всѣ заставы, и ѣхалъ въ одно и то же время въ Москву, въ Петербургъ, въ Вѣну,

Digitized by Google

въ Лондонъ, въ Парижъ, словомъ, расходился по всѣмъ направленіямъ, какъ лучи. Это удивительный фокусъ; но печатный Волшебный Кабинетъ Карла Боско еще удивительнѣе. Представьте себѣ: въ одинъ и тотъ же годъ, день и часъ, вдругъ выходитъ онъ въ свѣтъ, во всѣхъ городахъ, на всѣхъ языкахъ, для всѣхъ возрастовъ, на пользу, на удовольствіе и на продажу взрослымъ людямъ, молодежи и юношеству.

Въ Московскомъ изданіи *Волшебный Кабинетъ* явился въ переводѣ, а въ Петербургскомъ, безъ перевода — прямо на Русскомъ языкѣ. Въ переводѣ: «фокусъ изжарить каплуна въ мѣшкѣ»; а безъ перевода: «каплунъ, зажаренный въ мѣшкѣ» а на Нѣмецкомъ, вѣроятно: «зажаренный каплунъ, въ мѣшкѣ» — что̀ гораздо легче.

Въ Петербургскомъ Карлѣ Боско, есть сверхъ всего введеніе, въ которомъ очень много благихъ совѣтовъ, какъ быть чародѣемъ, не походя на балаганнаго фигляра—и тому подобное, и между прочимъ сказано, что «теперь, благодаря просвѣщенію, каждый мало-мальски воспитанный и острый мальчикъ знаетъ, что колдовство не существуетъ, какъ въ старину, а существуетъ только обманъ.» Въ введеніи изложено также, каковы должны быть свойства тайнаго помощника въ *невинныхъ* обманахъ; напримѣръ: помощникъ долженъ быть человѣкъ со вкусомъ;.... долженъ быть всегда внимательнымъ, а не хладнокровнымъ къ производимымъ фокусамъ. Излишняя восторженность также для него не годится, и т. д

ДѢТСКІЯ КНИГИ.

1. Ближній Боярин Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Историческая повѣсть для дѣтей. Соч. П. Р. Фурмана. 2 части съ 20 карт. рисованными Жуковскимъ. 1848.

2. Ермакъ, историческій разсказъ для дѣтей П. Н. Небольсина; съ картинками, рисованными Жуковскимъ. 1849.

Не знаю, существовало ли у насъ собственное свое правило, что *надо все начинать сначала*, или оно переведено съ

Digitized by Google

Французскаго; только ужъ оно, признанное всѣми народами, теперь существуетъ и у насъ; и потому надо ему слѣдовать, особенно въ образованіи дѣтей; тѣмъ болѣе, что они сами есть начало человѣка. Слѣдуя законамъ начальнаго образованія дѣтей, должно, чтобъ понятія и познанія ихъ утвердились въ религіозно-семейномъ центрѣ, и отъ этого центра развивались, по спирали, до окружности государства, котораго они будутъ членами; потомъ, далѣе, до познанія всего окрестнаго, до окружности земнаго шара; а наконецъ хоть до окружности вселенной, смотря по способностямъ, силѣ ихъ развитія и потребностямъ.

Обычай однакоже былъ противный; вмѣсто своего центра ставили ихъ внѣ сферы, въ міръ древнихъ Греческихъ добродѣтелей и великихъ людей, описанныхъ Плутархомъ; потомъ на юной почвѣ сѣяли древнія Римскія добродѣтели; а наконецъ ставили имъ въ образецъ дѣтство знаменитыхъ людей: Гассенди, Биньона, Витта, Лонгрю, Рамюса, и проч. проч., о которыхъ я, сознаюсь въ невѣжествѣ, только что сію минуту узналъ изъ *дѣтства знаменитыхъ людей*. Особенно показался мнѣ очень великъ и знаменитъ *Рамюсъ*, который родился въ 1602 году, въ дѣтствѣ былъ боленъ чумою; осьми лѣтъ прибылъ въ Парижъ, поступилъ въ услуженіе въ Наварскій Коллегіумъ, пріобрѣлъ стипендію въ Пресльскомъ Коллегіумѣ, объявилъ войну Аристотелю, перешелъ изъ католической вѣры въ протестантскую, и былъ, въ заключеніе, убитъ въ Варѳоломеевскую ночь.

Чегожъ больше и для примѣра и для наставительнаго чтенія дѣтямъ? Таковъ былъ путь дѣтей — черезъ пень въ колоду. Сколько переломано было на немъ и ногъ и понятій, сколько разбито головъ и душъ, сколько убито времени, чтобъ отыскать какую-нибудь цѣль жизни; сколько скитанія чувствъ и души, чтобъ отыскать насущное, близкое, родное сердцу!

Посмотримъ же, что будетъ далѣе; какую пищу, соотвѣтственную возрасту и понятіямъ, дадутъ добрые родители дѣтямъ. Давно уже ведется жалоба, что у насъ совсѣмъ нѣтъ дѣтскихъ книгъ; хоть эта жалоба почти все тоже,

Digitized by Google

что сказать: у насъ нѣтъ Русскаго языка, и потому, по неволѣ, говоришь по-Французски; но мы не будемъ отыскивать виноватаго, скажемъ только, что свои родные кормильцы нашли бы и свои книги, необходимыя для воспитанія дѣтей; а въ дополненіе скажемъ, что жалоба на недостатокъ дѣтскихъ книгъ заставила взяться за перо очень умныхъ и дѣльныхъ писателей, чтобъ пополнить этотъ недостатокъ, и теперь эти жалобы—совершенный анахронизмъ.

Двѣ вышеупомянутыя, вновь вышедшія книги, *для дѣтскаго чтенія*, также описываютъ знаменитыхъ, но Русскихъ, людей, и для дѣтей, которыхъ начинаютъ учить съ начала, гораздо полезнѣе и занимательнѣе, нежели жизнь какого-нибудь Биньона — *старика въ 12 лѣтъ и совершенно ученаго въ дѣтствѣ.* Ни довременныхъ стариковъ, ни совершенно ученыхъ въ дѣтствѣ, намъ совершенно не нужно.

Г. Фурманъ, кромѣ повѣсти Бояринъ Матвѣевъ, издалъ уже повѣсти для дѣтей: Александръ Даниловичъ Меншиковъ, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій и Альманахъ для дѣтей.

Въ прекрасномъ разсказѣ о Ермакѣ, Г. Небольсина, мы замѣтили только довольно странную филологическую выходку: »Да, кстати! — говоритъ Г. сочинитель (а мы скажемъ напротивъ) — *атаманъ* слово не Русское, а слово уже испорченное (?); настоящая его форма у насъ, на Руси, была: *ватаманъ* (?) и, впервые, оно перенято было, еще въ древнія времена, Новгородцами у Нѣмцевъ: оно означало предводителя или начальника на рыболовномъ суднѣ (?), начальника ватаги, и нынче слово ватаманъ существуетъ у Англичанъ и у Голландцевъ; у послѣднихъ *Watterman* значитъ — шкиперъ, управляющій судномъ: и такъ, корнемъ нашего слова *атаманъ* служатъ два Нѣмецкія слова: *watter*, *wasser* вода и *mann* — человѣкъ.«

Вотъ оно и рѣшено, что *атаманъ* значитъ *водяной человѣкъ* или, все равно, шкиперъ!

Г. авторъ очень хорошо, можетъ быть, производитъ имя *Ермакъ* отъ значенія *таганъ*; но что̀ касается до слова *атаманъ*, то пусть извинитъ, если мы скажемъ, что

Digitized by Google

оно значитъ тоже, что Славянское *главарь*, hauptman, headmen, *Хатманъ* по-Молдавски, *Гетманъ* по-Малороссійски, и атаманъ и ватамашъ по простонародному произношенію.;

Памятникъ Ермаку на картинкѣ совсѣмъ другой нежели въ натурѣ. Странная ошибка!

*8. **Разсказы изъ жизни славныхъ соотечественниковъ. Дитя и поэтъ. Разсказъ I. Изд. А. И. Попова. 1849.***

«Дитя и поэтъ,» 1-го разсказа, есть одно и то же лицо, въ чемъ и предупреждаемъ, чтобъ не подумали, что это разговоръ какого-нибудь дитяти съ какимъ-нибудь поэтомъ. Это дитя и поэтъ *суть* Гаврило Романовичъ Державинъ; слѣдовательно эту *малюсенькую* книженочку слѣдуетъ присоединить къ прочимъ изданіямъ *повѣствованій изъ жизни нашихъ славныхъ соотечественниковъ*, которыя обѣщаетъ Г. Поповъ издать. Онъ говоритъ въ предисловіи, что если его читателямъ понравится первая книжечка, то въ слѣдъ за нею появится вторая, третья, и — до безконечности. Желаемъ всякаго успѣха.

*9. **Дѣтская библіотека полезныхъ свѣдѣній. Естественная Исторія извѣстнѣйшихъ животныхъ. Изданіе М. Ольхина. 1848, въ больш. 8-ку, стр. 55.***

Предлагаемъ съ похвалою, читателямъ (намъ не хочется употребить слово рекомендовать), эту прекрасную книжку, со множествомъ отлично раскрашенныхъ картинокъ. Это лучшій подарокъ, какой могутъ они сдѣлать къ новому году, къ свѣтлому празднику, на именины, и проч. Описаніе кратко, но ясно. Цѣна дешевая, по изяществу изданія.

ИЗДАНІЯ КІЕВСКІЯ, ОДЕССКІЯ И ПРОЧІЯ.

Лѣтопись событій въ Юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ. Самоила Величка. Издана Временною Комиссію для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1848. стр. VIII, 454 и XXX, въ 8-ку.

Драгоцѣннѣйшая, достовѣрнѣйшая, полнѣйшая Малороссійская лѣтопись, на 800 листахъ мелкаго письма, въ коей

Digitized by Google

описано 50 лѣтъ отъ 1650 г., т. е. отъ времени Хмѣльницкаго до Мазепы, съ приложеніемъ подлинныхъ документовъ.

Вотъ что говоритъ о себѣ самъ сочинитель: «Сего же въ 1690 року, на самомъ початку его, между святи Рождества Господня, начахъ я сихъ лѣтописныхъ дѣяній графъ и сказатель (въ килконядцать лѣтъ будучи), служити войску Запорожскому въ поважномъ дому зъ пановъ Мало россійскихъ, благородного его милости пана Василія Леонтовича Кочубія, писара на тотъ часъ войскового енаральаго за пречоного гетманства Мазепового; служилемъ же вѣрне и тщаливе, якъ моя мнѣ повелѣвала цнота, не тилко въ домашнихъ пана моего дѣлехъ всякихъ, а найбарзей писарскихъ; але и войсковихъ нужнѣйшихъ и секретнихъ на тотъ часъ, такъ до самого Пресвѣтлѣйшого Монарха Всероссійского Петра Алексѣевича, яко и въ цѣфѣрнихъ въ его жъ Монаршихъ дѣлехъ, отъ Гетмана тогда бывшихъ до Господаровъ Волоского и Мултанского, за исправленіемъ пана моего корреспонденціяхъ, которіи канцеляріи не были явними. Послуживши зась въ такихъ премногихъ и неусипнихъ трудахъ чрезъ лѣтъ 15-ть, зосталемъ за тую мою службу вправленъ до канцеляріи войсковой енаралной, на початку року 1705; въ которой зъ между худшихъ братіи моей былемъ не послѣднимъ въ дѣлехъ писарскихъ, сполна черезъ лѣтъ 4; нимъ за тую мою долговременную и вѣрную службу моя недоля крайнимъ мнѣ, на самомъ концу рока 1708, заплатила несчастемъ, *которое впредь въ пришломъ помененомъ року припомнѣтися можетъ*» — «Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаетъ издатель Лѣтописи, — что несчастіе, постигшее Величка, находится въ связи съ бѣдственною участію Василія Кочубея, погибшаго въ томъ же 1708 году; а потому мы тѣмъ болѣе должны жалѣть, что Величко не успѣлъ довести свою лѣтопись по крайней мѣрѣ до этого времени, или же, что продолженіе ея, если оно существовало, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ, а, можетъ быть, и утрачено навсегда.»

Множество новыхъ, неизвѣстныхъ доселѣ извѣстій заключаетъ эта важнѣйшая Малороссійская лѣтопись, о коихъ

Digitized by Google

Москвитянинъ будетъ говорить въ свое время. Здѣсь скажемъ, что авторъ ея пользовался сочиненіемъ Самуила Зорки, бывшаго секретаремъ у самого Хмѣльницкаго. (Странно, что для составленія этой книги сошлось четыре Самуила: Самуилъ Пуффендорфъ, Самуилъ Твердовскій, Самуилъ Зорка и Самуилъ Величко!)

Изданіе превосходное во всѣхъ отношеніяхъ и дѣлаетъ честь издателю, избранному Кіевской Коммиссіей. Ни одна Малороссійская лѣтопись до сихъ поръ не была такъ издана. Печатанными въ нашихъ «Чтеніяхъ» произвольно и безотчетно, можно было довольствоваться только ad interim, пока, впредь до лучшихъ изданій, кои теперь и начинаются. Это сокровище нашелъ я, и первое извѣстіе объ немъ сообщилъ ученому свѣту нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а одну страницу изъ предисловія издалъ въ своихъ Образцахъ древлеписанія. Я не знаю только, о какихъ трехъ томахъ говоритъ издатель: сочиненіе одно, но я, для удобства употребленія, раздѣлилъ его на три переплета. Сколько мнѣ помнится, о томахъ нѣтъ въ подлинникѣ ни слова. Мы совѣтуемъ перепечатать относящіяся сюда страницы предисловія.

Я хотѣлъ было разсказать теперь, какимъ страннымъ образомъ эта драгоцѣнная лѣтопись уцѣлѣла и попалась мнѣ въ руки, но предметъ увлекъ меня, распространился, — мнѣ пришло на память много другихъ случаевъ, не менѣе странныхъ, — и я рѣшился оставить все до другой статьи, которую сообщу читателямъ вскорѣ подъ заглавіемъ: Археологическія приключенія. *М. П.*

2. Записки по Церковному Законовѣдѣнію. Изданіе первое. Кіевъ. 1848. Въ 8-ку, стр. 266.

По предмету нашего Церковнаго Права писано очень мало, или почти ничего. До сихъ поръ можно указать только на замѣчательные труды Митр. Евгенія, на «Обозрѣніе Кормчей Книги» Розенкампфа, на статью Г. Калачова «О значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго Права» (Чтенія, годъ 3-й, N 4) и на статью Г. Неволина «О пространствѣ

Digitized by Google

церковнаго суда до Петра Великаго» (Ж. М. Н. П. 1847). На недостатокъ матеріяловъ нельзя пожаловаться: монастыри въ древности были лучшими нашими архивами, а потому наиболѣе сохранилось актовъ, касающихся церковнаго управленія и устройства. Стоитъ только просмотрѣть изданія Археографической Коммиссіи и Экспедиціи, чтобъ удостовѣриться въ этомъ. А между тѣмъ, особенно въ древней Россіи, вліяніе Церкви было такъ сильно и благодѣтельно, Право Церковное, какъ наиболѣе опредѣленное, такъ много содѣйствовало движенію нашего законодательства, что невозможно найти ни одного памятника, гдѣ бы все это не бросалось ярко въ глаза. Къ сожалѣнію, у насъ еще мало объизслѣдованъ вопросъ о томъ, что перешло въ наше Право изъ Греческаго и Римскаго, чрезъ посредство Церкви; въ этомъ отношеніи нельзя не указать на замѣчательную рѣчь (1837 г.) профессора Московскаго Университета, Н. И. Крылова.

Новое руководство къ Церковному Законовѣдѣнію, названное авторомъ очень скромно «Записками», много облегчаетъ изданіе предмета, который изложенъ здѣсь въ первый разъ систематически, въ формѣ науки. Въ небольшомъ объемѣ авторъ умѣлъ помѣстить все необходимое, не упустилъ изъ виду почти ни одного важнаго обстоятельства, каждое учрежденіе разсмотрѣлъ исторически и догматически, и всѣ свои изслѣдованія основываетъ на источникахъ, указывая ихъ вездѣ, и давая такимъ образомъ каждому возможность собственными трудами дополнить все, что не могло войти въ составъ краткаго руководства. Особенно хорошо обработана догматическая часть сочиненія; историческая слабѣе нѣсколько, можетъ быть и потому, что авторъ, какъ кажется, нисколько не довѣряетъ чужимъ изслѣдованіямъ и основываетъ все на коренныхъ источникахъ; вы не найдете у него ссылки ни на одно изслѣдованіе.

Правильная оцѣнка источниковъ и полное указаніе ихъ весьма важны въ систематическомъ учебномъ руководствѣ. О церковныхъ постановленіяхъ отечественныхъ авторъ говоритъ: «Ихъ можно находить въ древнѣйшихъ церковныхъ

Digitized by Google

Уставахъ (Св. Владиміра и Ярослава *), въ древнихъ Уложеніяхъ (Улож. Іоанна III Вас., Судебникъ Іоана IV Вас. и Улож. Алексія Мих.) и въ общемъ Собраніи Законовъ, а особенно въ Регламентѣ Петра I-го, и въ уставѣ для Духовныхъ Консисторій» (стр. 7). Такое исчисленіе слишкомъ кратко и неполно; здѣсь пропущены весьма важные источники, какъ-то: ** Уставъ Святослава Ольговича, соборныя постановленія, жалованныя и несудимыя грамоты, поученія іерарховъ, отчасти Русская Правда и наконецъ Ханскіе ярлыки. Вопросъ о значеніи и достовѣрности этихъ источниковъ даже не тронутъ авторомъ; а между тѣмъ, имъ занимались и Митр. Евгеній и Карамзинъ, а объ ярлыкахъ есть отдѣльное сочиненіе Г. Григорьева: «О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ Ханами Золотой Орды Русскому духовенству.»

Противъ раздѣленія Церковнаго Права, принятаго авторомъ, нельзя ничего сказать, потому что подъ него искусно подведено все, входящее въ составъ науки. Авторъ дѣлитъ все Церковное Право на 2 части: 1) составъ и благоустройство Церкви и 2) кругъ и образъ дѣйствія Церкви. Обратимся къ частностямъ.

Первая часть дѣлится на 4 отдѣла.

1. *О власти и управленіи Церкви вообще.* Въ параграфѣ о дѣйствіяхъ Церкви въ союзѣ съ государствомъ, авторъ напрасно не прослѣдилъ отношенія церковной власти къ свѣтской у насъ, въ древней Руси, а между тѣмъ онъ раскрылъ бы намъ замѣчательное явленіе, что у насъ власть духовная всегда зависѣла отъ свѣтской, Митрополитъ отъ Князя: это особенность нашей Исторіи, дающая оттѣнокъ всему нашему Церковному Праву. — Прекрасно, кратко, но вѣрно опровергнуты неправильныя мнѣнія объ отношеніи Церкви къ государству, мнѣнія, принадлежащія ученымъ Запада. (стр. 33—34).

---

* Есть еще уставъ и Всеволода. *М. П.*

** Грамота Мстислава Юрьеву монастыру, грамоты Ростислава Смоленскаго и Всеволода. *М. П.*

Digitized by Google

Во второмъ отдѣлѣ авторъ говоритъ *О Церковномъ Правительствѣ* и разсматриваетъ власть епископскую и соборную, а именно: избраніе и поставленіе епископовъ, права и обязанности ихъ. Здѣсь, если авторъ коснулся нашей Исторіи, то долженъ бы былъ сказать объ обрядѣ избранія и силѣ его нѣсколько болѣе сихъ неопредѣленныхъ словъ: «Подобное участіе было у насъ В. Князей въ избраніи Митрополитовъ, Царей въ избраніи Патріарховъ» (стр. 38). Авторъ оговорился указаніемъ на Акты Арх. Эксп. Т. I, N 375; но въ этомъ актѣ содержится только церковный обрядъ избранія и поставленія епископовъ, а объ отношеніи ихъ къ свѣтской власти нѣтъ и помину; въ формулѣ, произносимой епископомъ, мы читаемъ слѣдующее. «Понеже преосвященный нашъ господинъ и владыко, Митрополитъ Кіевскій и всея Руси, имрекъ, и еже о немъ божественный и священный Соборъ судиша и мене достойна быти въ таковую службу, благодарю и пріимаю, и нимало вопреки глаголю» (А. Э. Т. I, стр. 468). О Князѣ здѣсь ни слова. Укажемъ на выраженіе лѣтописца: «Нѣсть бо достойно наскакати на святительскій чинъ на мздѣ, но его же Богъ позоветъ, *Князь восхочетъ* и людье.» (Карамз. Т. III, пр. 81). Объ отношеніяхъ епископовъ между собою въ «Запискахъ» также довольно кратко. У насъ были весьма замѣчательныя отношенія Митрополита къ епископамъ, или напр. епископа Псковскаго къ Владыкѣ Новгородскому и проч.; объ этомъ можно прочесть прекрасное разсужденіе въ вышедшей недавно книгѣ Еп. Филарета (Ист. Русск. Цер., періодъ II, стр. 124—127). Не должно упускать также изъ виду то обстоятельство, что у насъ Митрополитъ управлялъ своею епархіею точно такъ же, какъ епископъ своею, слѣд. соединялъ двѣ должности въ лицѣ своемъ. Власть его надъ епископами проявлялась, кромѣ поставленія, въ судѣ и въ извѣстныхъ *подъѣздахъ*. Какъ эти обязанности были тяжелы для епископовъ и монастырей, можно судить изъ множества несудимыхъ грамотъ, которыми монастыри освобождались отъ подсудности монастырскихъ людей митрополичьимъ намѣстникамъ. Для примѣра укажемъ на жалованную

Digitized by Google

грамоту Митрополита Геронтія Благовѣщенскому и Константино-Еленскому монастырямъ (Акты Эксп. Т. I, N 105); здѣсь читаемъ слѣдующее: «Не надобѣ тому Архимандриту, ни его попу Никольскому ихъ монастырского Доброго сена, что въ ихъ селѣ въ Володимерской десятинѣ, ни которая моя дань, ни Сборное, ни Петровское, ни Рожественое, ни къ старостѣ поповскому съ тяглыми попы тянути, ни иная ни которая пошлина; а намѣстници мои Володимерскіе и тіуны.... ни судятъ его, ни его попа, ни его черцовъ тѣхъ монастырей, ни черницъ, ни слугъ монастырскихъ, ни христіанъ,» и проч. Какъ велики были эти подати, можно судить по тому, что при Алексѣѣ Михайловичѣ доходъ Монастырскаго Приказа простирался до 20,000 руб. (О Россіи, Кошихина, стр. 87). Кстати замѣтимъ, что въ исчисленіи Приказовъ авторъ упустилъ изъ виду Приказы Патріаршій, Печатный и Патріаршій Судный.

Впрочемъ, все 2-е отдѣленіе отличается большими достоинствами; авторъ умѣлъ очень искусно соединить полноту содержанія съ краткостью объема. Вся статья о соборахъ и соборномъ управленіи совершенно удовлетворительна.

Еще бо́льшими достоинствами отличается отдѣлъ третій — *О службахъ, званіяхъ и должностяхъ церковныхъ*. Причина такой отчетливости, можетъ быть, заключается въ томъ, что здѣсь авторъ меньше вдается въ исторію, излагаетъ предметъ болѣе догматически; только на стр. 87 мы замѣтили одинъ недосмотръ, а именно: авторъ говоритъ: «за безчестье духовнымъ наказаніе полагается степенью выше противъ лицъ обыкновенныхъ.» И при этомъ ссылка на 2010 статью Улож. о Наказ.; но въ этой статьѣ сказано, что увеличивается одною степенью наказаніе за обиду, причиненную въ церкви. Авторъ смѣшалъ термины «обида» и «безчестье»; безчестье есть гражданское взысканіе, которое за обиду духовныхъ полагается вдвое противъ безчестья свѣтскому лицу. (Св. Зак. X, 549).

Отдѣлъ четвертый — *О вещественныхъ средствахъ Церкви* — конечно, представлялъ автору наиболѣе трудностей,

Digitized by Google

а потому обработанъ менѣе. Такъ, на стр. 138 авторъ только вскользь намекнулъ на секуляризацію церковныхъ имуществъ, не провелъ ее подробно по источникамъ. Извѣстно, что у насъ Церковь владѣла огромными имѣніями; по указанію Кошихина (о Россіи, стр. 114 и 115), за Патріархомъ, Митрополитами, Архіепископами и монастырями было 118,000 дворовъ крестьянъ; извѣстно также, что обычай давать извѣстную часть имѣнія «по душѣ» былъ такъ общъ въ древней Руси, что государство, дѣлаясь наслѣдникомъ выморочнаго имѣнія, удѣляло часть его Церкви. По этому секуляризація церковныхъ имуществъ, начатая Іоанномъ III и оконченная Екатериною Великою, — явленіе весьма замѣчательное въ нашей Исторіи. Въ этомъ отношеніи особенно рѣшительны были мѣры Іоанна Грознаго. Укажемъ на указы 1557 г. авг. 6, 1581 г. генв. 15, 1584 г. іюля 20. Указомъ 1581 года (а не 1580-го, какъ показано въ »Запискахъ,» стр. 138) опредѣлено: «А съ сего дни впередъ, Генваря мѣсяца съ 15 числа вотчинникомъ вотчинъ своихъ по душамъ не отдавати, а давати за нихъ въ монастыри денги, которые села чего стоятъ, а села имати вотчинникамъ, хотя кто и далече въ роду..... а кто послѣ сего уложенья купитъ землю или закладную учнетъ за собою держати, и тѣ земли имати на Государя» (А. А. Э. Т. I, N 308, стр. 373). Мѣры Петра I были еще рѣшительнѣе. (Дѣян. Петра Вел. Т. 10, стр. 4 — 22). Приведемъ здѣсь еще мнѣніе Св. Кипріана, заимствованное нами изъ превосходнаго сочиненія Преосв. Филарета. «Если ты съ братіею своею уповаешь на Бога, — писалъ Кипріанъ къ игумену Аѳанасію, — и Богъ пропиталъ тебя доселѣ, и безъ села пропитаетъ и напередъ: то за чѣмъ обязывать себя попеченіемъ мірскимъ, и вмѣсто того, чтобы помнить о Богѣ, служить Ему единому, поминать о селахъ и заботахъ мірскихъ? Когда чернецъ обяжется селами и мірскими попеченіями, тогда нужда заставляетъ ходить и къ князьямъ, и къ властелинамъ, искать судилищъ, стоять за обиженныхъ, ссориться и мириться, и чтобы не выдать своихъ людей въ обиду, не хотя надобно принимать труды и оставлять свое правило....» (Ист. Рус. Цер. пер. 2-й, стр. 137).

Digitized by Google

Намъ кажется, что вопросъ о секуляризаціи недвижимыхъ церковныхъ имуществъ такъ важенъ и занимателенъ, что изслѣдованіе его стоило бы трудовъ и могло бы составить весьма замѣчательную монографію. Пишущій эту статью надѣется представить со временемъ результаты своихъ трудовъ по этому предмету.

Пятое отдѣленіе — *О Церковномъ ученіи* — совершенно во всѣхъ отношеніяхъ. То же должно сказать и о шестомъ отдѣлѣ: *Богослуженіе и священнодѣйствіе.* Замѣтимъ нѣкоторые недосмотры: стр. 192: «Престарѣлые, коимъ нельзя вступать въ бракъ, разумѣются тѣ, коимъ болѣе 80 лѣтъ.» Этотъ срокъ назначенъ для мужчинъ, для женщинъ онъ короче — 60 лѣтъ (Св. Зак. X, 3). Стр. 205: «Былъ по мѣстамъ обычай при совершеніи вторичныхъ браковъ не налагать на сочетавающихся вѣнцы». У Кошихина, на котораго ссылается авторъ, сказано, что въ такихъ случаяхъ вѣнецъ полагался на правое плечо (О Рос., стр. 123). На стр. 211, говоря о церковномъ судѣ въ древней Руси, авторъ не полонъ въ исчисленіи, не воспользовался монографіею Г. Неволина; напр. пропущена умычка, брань извѣстнаго рода, и проч. — Наконецъ послѣднее, 7-е отдѣленіе говоритъ о дѣйствіяхъ Православной Церкви въ отношеніи къ иновѣрцамъ.

М. К.

Руководство къ варіаціонному исчисленію, составленное Г. Брунномъ. Одесса. Въ типографіи Нейлана и ком. 1848. Въ 8 долю, 195 стр.

Эта книжка содержитъ въ себѣ три главы и прибавленіе: Основанія варіаціоннаго исчисленія (гл. I); Приложеніе варіаціоннаго исчисленія къ отысканію признаковъ, по коимъ узнается возможность интегрировать функціи многихъ перемѣнныхъ (гл. II); Приложеніе варіаціоннаго исчисленія къ ученію о величинахъ наибольшихъ и наименьшихъ (гл. III); Историческій очеркъ варіаціоннаго исчисленія (прибав).

Digitized by Google

Сочинитель этой книжки доказалъ, что онъ человѣкъ начитанный, но изложеніе его весьма темно. Можетъ быть, это происходитъ отъ излишней краткости и отъ несовершеннаго знанія Русскаго языка, который упрямится и не слушаетъ Г. Бруна, какъ хорошо выученный конь подъ неискуснымъ сѣдокомъ. Да и знаки препинанія почти вездѣ разставлены весьма неправильно, что̀ нетерпимо въ печатной книгѣ, назначенной для руководства учащихся. Для примѣра, выпишемъ нѣсколько строкъ, взятыхъ безъ выбора:

«Интегрируя урав. (*s*) получимъ;

$$\int \delta d\upsilon = \delta \upsilon$$

положимъ $d\upsilon = u$, $\upsilon = \int u$

$$\delta \int u = \int \delta u \ldots \ (^2)$$

откуда очевидно что и

$$\delta \iint u = \iint \delta u \ldots \ (^3)»$$

Но главную причину затрудненій, которыя непремѣнно встрѣтятъ учащіеся, мы полагаемъ въ томъ, что Г. Брунъ начинаетъ свое «Руководство» съ крайне-общихъ выраженій, за которыя надобно приниматься не вдругъ, но послѣ объясненія ихъ простѣйшихъ видовъ. Надобно твердо помнить, что руководство не академическая диссертація.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Въ «историческомъ очеркѣ варіаціоннаго исчисленія,» на стр. 190 и 191, читатели найдутъ два весьма важныхъ указанія: «наконецъ въ особенно«замѣчательной статьѣ привелъ (Эйлеръ) варіаціонное исчис«леніе къ началамъ дифференціальнаго исчисленія.» — «Дѣй«ствительно, если привыкнуть къ способу изученія Лагран«жа, или, еще лучше, привести этотъ способъ означенія къ «обыкновенному языку дифференціальнаго исчисленія, то «непремѣнно должно согласиться, что доказательства Лаг«ранжа просты и ясны, и что его начала имѣютъ строгое

Digitized by Google

«основаніе.» * За чѣмъ же Г. Брунъ не послѣдовалъ примѣру такихъ великихъ учителей? За чѣмъ онъ старался представить варіаціонное исчисленіе какъ особенную теорію, а не какъ распространеніе дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій на частные вопросы изъ высшаго анализа? — Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ тѣхъ математиковъ, которые думаютъ, что, по причинѣ отвлеченности варіаціоннаго исчисленія, какъ особенной теоріи, нельзя основать его на очевидномъ началѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать всю простоту и ясность методы, предположенной Лагранжемъ.

4. Историческій и статистическій взглядъ на успѣхи умственнаго образованія въ Новороссійскомъ краѣ, сост. Ф. Ляликовымъ. Одесса. 1848. Въ 4 д. л. стр. 29.

Изъ этой исполненной любопытныхъ и важныхъ подробностей брошюры читатели найдутъ извлеченіе въ другомъ отдѣлѣ нашего журнала. Одесса, не смотря на свое полувѣковое существованіе, усердно заботится о своей исторіи, и желательно, чтобы другіе города, старѣйшіе лѣтами, слѣдовали ея примѣру.

* Этотъ періодъ можетъ показать, какъ неправильно объясняется Г. Брунъ на Русскомъ языкѣ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ГОМЕРОВА ОДИССЕЯ.

ПЕРЕВОДЪ В. ЖУКОВСКАГО. ТОМЪ I-Й.

I—XII ПѢСНИ. 1849.

(Статья II-я.)

(Окончаніе.)

Изложивъ главную мысль произведенія, прослѣдимъ же теперь ее во всѣхъ подробностяхъ развитія.

Съ самыхъ первыхъ стиховъ Одиссеи мы видимъ, что все вниманіе поэта обращено относительно времени жизни Одиссея на

> Годъ, въ который ему возвратиться назначили боги
> Въ домъ свой, въ Итаку....

Аѳина въ бесѣдѣ своей съ Зевсомъ устремляетъ его взоръ на Одиссея, который задержанъ нимфою Калипсо на островѣ Огигіи и враждою Посидона. Самъ же

> Напрасно желая
> *Видѣть хоть дымъ*, отъ родныхъ береговъ вдалекѣ
> восходящій,
> Смерти единой онъ молитъ.

Нельзя, кажется, сильнѣе выразить ту думу, въ которой одной сосредоточены всѣ мысли и чувства Одиссея. Аѳина проситъ Зевса отправить Эрмія за тѣмъ, чтобы разрѣшить его отправленіе, а сама нисходитъ на Итаку, чтобы возбудить въ Телемакѣ доброе намѣреніе искать отца своего.

Digitized by Google

Первыя четыре пѣсни такимъ образомъ посвящаются вовсе не Одиссею, а сыну его Телемаку, и какъ будто бы удаляютъ поэта отъ той задачи, которую онъ только что себѣ задалъ. Но такое заключеніе было бы совершенно поверхностно и несправедливо. Первыя четыре пѣсни служатъ, напротивъ, прекраснымъ, необходимымъ преддверіемъ къ великолѣпному зданію: это перистиль съ фронтономъ, откуда мы можемъ уже отчасти загляпуть и во внутренность самого зданія, которое намъ должно открыться. Въ разсудительномъ и примѣрномъ сынѣ мы уже предварительно узнаемъ премудраго отца, какъ по доброй лѣторасли корень дерева, на которомъ она распустилась.

Аѳина сошла съ Олимпа на землю, и въ образѣ Ментеса, царя Тафійцевъ, отворяетъ намъ двери въ самый домъ Одиссея, и первая пѣсня раскрываетъ передъ нами тотчасъ же все внутреннее разстройство дома, лишеннаго хозяина. Женихи вторглись въ чужую семью и пируютъ, приглашая Пенелопу къ браку. Хозяйской сынъ, безсильный сдержать ихъ наглость, занятъ только одною мыслію объ отцѣ. Мудрый гость Ментесъ, или сама Аѳина, внушаетъ ему мысль съѣздить въ Пилосъ къ Нестору и къ Менелаю въ Спарту, чтобы узнать объ немъ. Между тѣмъ, середи буйныхъ пировъ, раздается пѣсня Фемія о возвратѣ Ахейцевъ. Эта пѣсня, въ первый разъ, очень кстати вызываетъ передъ нами Пенелопу, которая занята одною и тою же мыслію о своемъ мужѣ. Но здѣсь уступимъ мѣсто Русскому излагателю Гомера и приведемъ эти прекрасные стихи:

Тутъ къ женихамъ онъ, божественный мужъ, подошелъ; передъ ними
Пѣлъ знаменитый пѣвецъ и съ глубокимъ вниманьемъ сидѣли
Молча они; о печальномъ Ахеянъ изъ Трои возвратѣ,
Нѣкогда имъ учрежденномъ богиней Аѳиною, пѣлъ онъ.
Въ верхнемъ покоѣ своемъ вдохновенное пѣнье услышавъ,
Внизъ по ступенямъ высокимъ поспѣшно сошла Пенелопа,
Старца Икарія дочь многоумная: вмѣстѣ сошли съ ней
Двѣ изъ служанокъ ея; и она, божество межъ женами,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,

Digitized by Google

Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ;
Справа и слѣва почтительно стали служанки; царица
Съ плачемъ тогда обратила къ пѣвцу вдохновенному слово:
Фемій, ты знаешь такъ много другихъ, восхищающихъ душу
Пѣсней, сложенныхъ пѣвцами во славу боговъ и героевъ;
Спой же изъ нихъ, предъ собраніемъ сидя, одну; и въ молчаньи
Гости ей будутъ внимать за виномъ; но прерви начатую
Пѣсню печальную; сердце въ груди замираетъ, когда я
Слышу ее: мнѣ изъ всѣхъ жесточайшее горе досталось;
Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшемъ,
Столь преисполнившемъ славой своей и Элладу и Аргосъ.
Милая мать, возразилъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Какъ же ты хочешь пѣвцу запретить въ удовольствіе наше
То воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ? Виновенъ
Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше
Людямъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенье.
Нѣтъ, не препятствуй пѣвцу о печальномъ возвратѣ Данаевъ
Пѣть — съ похвалою великою люди той пѣсни внимаютъ,
Всякой разъ ею, какъ новою, душу свою восхищая;
Ты же сама въ ней найдешь не печаль, а печали усладу:
Былъ не одинъ отъ боговъ осужденъ потерять день возврата
Царь Одиссей, и другихъ знаменитыхъ погибло немало.
Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,
Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ
Были своей: говорить же не женское дѣло, а дѣло
Мужа, и нынѣ мое: у себя я одинъ повелитель.
Такъ онъ сказалъ; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
Къ сердцу слова многоумныя сына принявъ и въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.

Телемакъ, ободренный словомъ Ментеса, грозитъ женихамъ, что перенесетъ тяжбу свою съ ними на судъ вѣча. И вотъ, если первая пѣсня познакомила насъ съ положеніемъ семьи Одиссея въ его отсутствіи, то вторая за нею тотчасъ же знакомитъ съ состояніемъ города, лишеннаго царя своего.

По зову Телемака собирается вѣче въ первый разъ послѣ отбытія Одиссея. Сынъ, надѣясь на любовь народа къ отцу, говоритъ ему о своей напасти, о женихахъ, разоряющихъ домъ его; но люди Итаки остаются равнодушны

Digitized by Google

къ его жалобѣ и принимаютъ сторону жениховъ, услышавъ оправданіе Антиноя, ссылающагося на хитрость Пенелопы. Весьма немногіе поддерживаютъ Телемака. Другая просьба его къ мужамъ Итаки, чтобы они снарядили ему корабль для поисковъ отца, также отринута. Отсюда мы видимъ, что связь между народомъ и сыномъ Одиссея ослабла, и что сторона чужая, пришлая, взяла уже верхъ надъ прежними преданіями. Эти обстоятельства указываютъ намъ напередъ на всѣ тѣ препятствія и опасности, какія встрѣтитъ Одиссей, когда возвратится въ домъ свой. Но съ другой стороны, есть и добрые признаки, подающіе надежду. Однимъ изъ такихъ служитъ кладовая Одиссея, которая хранится крѣпка и неприкосновенна въ его отсутствіи, и бережетъ въ глиняныхъ кувахъ сладкое и многолѣтнее вино на случай его возврата. Вотъ она.

Телемакъ же пошелъ въ кладовую отцеву,
Зданье пространное; злата и мѣди тамъ кучи лежали;
Много тамъ платья въ ларяхъ и душистаго масла хранилось;
Кувы изъ глины съ виномъ многолѣтнимъ и сладкимъ стояли
Рядомъ у стѣнъ, заключая божественно-чистый напитокъ
Въ нѣдрѣ глубокомъ, на случай, когда Одиссей возвратится
Въ домъ, претерпѣвши тяжелыхъ скорбей и превратностей много.
Двери двустворныя, дважды замкнутыя, въ ту кладовую
Входомъ служили; почтенная ключница, денно и нощно
Тамъ съ многоопытнымъ, зоркимъ усердьемъ въ порядкѣ держала
Все Эвриклея, разумная дочь Певсенóрида Опса.

Другая надежда—неизмѣнный спутникъ и другъ Одиссея, Менторъ, въ образъ котораго воплощается сама Аѳина и которому Одиссей при отплытіи ввѣрилъ домъ,

Быть покорнымъ
Старцу Лаэрту и все сберегать повелѣвши.

Онъ будетъ и спутникомъ Телемака. Нашелся и охотникъ дать корабль Телемаку—Ноэмонъ. И вотъ отъѣзжаетъ онъ въ Пилосъ, скрывъ отъѣздъ свой отъ нѣжной матери, какъ и слѣдовало нѣжному сыну.

Въ слѣдующихъ двухъ пѣсняхъ мы видимъ двухъ вождей, счастливо возвратившихся въ отечество и мирно отды-

Digitized by Google

хающихъ послѣ войны. Сначала является передъ нами въ Пилосѣ премудрый старецъ Несторъ, окруженный шестью сыновьями и благочестиво приносящій вмѣстѣ съ народомъ и семействомъ своимъ жертвы царю Посидону. Съ трепетомъ благоговѣнія является къ старцу юный Телемакъ и не смѣетъ зачать съ нимъ рѣчи, не зная,

«Прилично ли младшимъ разспрашивать старшихъ.»

Немногія подробности объ отплытіи вождей изъ-подъ Трои узналъ Телемакъ отъ Нестора, но объ отцѣ своемъ не узналъ ничего. Въ сопутствіи Пизистрата, сына Несторова, Телемакъ отправляется въ Спарту къ Менелаю, который празднуетъ свадьбу сына и дочери. Воспоминанія о вождяхъ-товарищахъ составляютъ главный предметъ думъ и бесѣдъ царя Менелая, и слово объ Одиссеѣ и печальномъ семействѣ его пробуждаетъ неумышленно скорбь въ Телемакѣ, и

Крупная пала съ рѣсницы сыновней слеза при отцевомъ
Имени; въ обѣ схвативши пурпурную мантію руки,
Ею глаза онъ закрылъ; то увидя, Атридъ догадался.

Прекрасно является здѣсь Елена, уже скромная, уже благоразумная, возвратившаяся къ своимъ обязанностямъ жены, матери и хозяйки дома. Она узнаётъ Телемака по сходству съ отцомъ и хвалитъ сыну доблести отца его. Трогательно воспоминаніе Пизистрата о братѣ его Антилохѣ, падшемъ на поляхъ Трои. Менелай, разсказывая о своемъ возвращеніи на родину, передаетъ разсказъ морскаго царя Протея о томъ, какъ въ бурѣ погибъ Аяксъ Оилеевъ, какъ палъ Агамемнонъ на порогѣ дома рукою Эгиста и какъ это убійство вызвало мщеніе Орестово; наконецъ узналъ Телемакъ и объ отцѣ своемъ, что онъ находится на островѣ Огигіи, печальный льетъ слезы у нимфы Калипсо, овладѣвшей имъ произвольно. Пенелопа, между тѣмъ, съ грустью узнала объ отъѣздѣ Телемака, а коварные женихи приготовили засаду на одномъ островѣ ближнемъ къ Итакѣ, намѣреваясь убить Телемака на его возвратномъ пути.

Digitized by Google

Нельзя во всѣхъ этихъ подробностяхъ не замѣтить мысли одного великаго мастера и хозяина поэмы, который такъ искусно выводитъ свое огромное зданіе и такъ стройно распредѣляетъ всѣ его части. Мы узнали уже семью Одиссея, городъ Итаку, судьбу большей части Ахейскихъ вождей, состояніе нѣкоторыхъ государствъ Греціи. Мы, вмѣстѣ съ Нестеромъ, Менелаемъ и Еленою, помянули кстати великое прошлое Иліона, и такимъ образомъ поэтъ связалъ начало Одиссеи съ Иліадою. Мы видѣли благородныя покушенія достойнаго сына, который не могъ же оставаться въ бездѣйствіи и не искать отца своего, чтобы, по словамъ же поэта или Аѳины, «въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава».

Такимъ образомъ, кстати, четыре пѣсни о Телемакѣ предшествуютъ пѣснямъ объ Одиссеѣ.

Телемакъ узналъ, гдѣ отецъ его, узналъ, что нѣтъ у него ни корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы онъ возвратиться, и не смотря на то, не счелъ за нужное ѣхать на островъ Огигію, къ нимфѣ Калипсо. Цѣломудренному Гомеру не пришло въ голову отправить Телемака туда и поставить его въ столь фальшивое и непріятное положеніе. Здѣсь сынъ счелъ уже всѣ свои обязанности оконченными. Онъ остался еще въ Лакедемонѣ, и только въ XV пѣсни соединится съ Одиссеемъ у Эвмея.

Но не такъ думалъ, какъ Гомеръ, Архіепископъ Римско-католической церкви, Фенелонъ, и для того, чтобы сочинить Приключенія своего Телемака, написанныя имъ съ цѣлію наставительною для Дофина Франціи, онъ воспользовался именно этимъ промежуткомъ, о которомъ вовсе Гомеръ умолчалъ, и сочинилъ бурю, которая принесла Телемака на островъ Огигію, съ двоякою цѣлію, во-первыхъ, чтобы утѣшить Калипсо въ томъ отчаяніи, въ какомъ она была по отъѣздѣ Улисса, во-вторыхъ, чтобы имѣть предметъ для своей особенной поэмы, которая объемлетъ все пространство времени отъ самаго отъѣзда Телемака изъ Лакедемона до соединенія его съ отцомъ своимъ въ хижинѣ Эвмея.

Digitized by Google

Въ пятой пѣсни наконецъ долженъ выступить передъ нами самъ Одиссей. Зевесъ, по настоянію Аѳины, велитъ Эрмію объявить нимфѣ Калипсо отъ имени боговъ,

Что отчизну увидѣть
Срокъ наступилъ Одиссею, въ бѣдахъ постоянному.

Вотъ какъ поэтъ изображаетъ намъ съ перваго раза своего героя, котораго Эрмій не встрѣтилъ у нимфы:

Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ и плакалъ;
Горемъ и вздохами душу питая, тамъ дни проводилъ онъ,
Взоръ, помраченный слезами, вперивъ на пустынное море.

Черезъ нѣсколько стиховъ, поэтъ повторяетъ ту же самую картину, развивая ее передъ нами еще подробнѣе, а именно, когда сама нимфа идетъ къ Одиссею съ тѣмъ, чтобъ передать ему волю боговъ.

Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ, и очи
Были въ слезахъ; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него въ непрестанной тоскѣ по отчизнѣ; и, хладный
Сердцемъ къ богинѣ, съ ней ночи свои онъ дѣлилъ принужденно
Въ гротѣ глубокомъ, желанью ея непокорный желаньемъ.
Дни же свои проводилъ онъ, сидя на прибрежномъ утесѣ,
Горемъ и плачемъ и вздохами душу питая, и очи,
Полныя слезъ, обративъ на пустыню безплоднаго моря.

Здѣсь мы съ перваго раза видимъ уже главную черту въ характерѣ Одиссея, его любовь къ отчизнѣ, наполняющую всѣ его думы. Но за нею сейчасъ же является намъ и другая черта, съ нею соединенная: его осторожность и хитрость. Когда нимфа объявляетъ ему волю боговъ и позволяетъ соорудить плотъ для отплытія, первое чувство въ Одиссеѣ, испытанномъ столькими бѣдствіями, не радость, но недовѣрчивость къ предложенію. Онъ говоритъ:

Въ мысляхъ твоихъ не отъѣздъ мой, а нѣчто иное, богиня....
Нѣтъ! противъ воли твоей не взойду я на плотъ ненадежный
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ великой
Клятвы, что мнѣ никакого вреда не замыслила нынѣ.

И богиня даетъ ему клятву.

Digitized by Google

Строится плотъ. Мы приведемъ это мѣсто, какъ одно изъ прекраснѣйшихъ въ переводѣ. Здѣсь Жуковскій долженъ былъ одолѣть въ языкѣ многія трудности, сопряженныя съ техникою судостроительнаго искусства. Онъ побѣдилъ ихъ превосходно. Русской языкъ у него достойно состязался съ Греческимъ. Вообще должно сказать о пятой пѣсни, что она торжество переводчика.

Кончивъ, она собирать начала Одиссея въ дорогу;
Выбрала прежде топоръ, по рукѣ ему сдѣланный, крѣпкій,
Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ изощренный, насаженный плотно,
Съ ловкой, красиво изъ твердой оливы сработанной ручкой;
Острую скобель потомъ принесла и пошла съ Одиссеемъ
Вмѣстѣ во внутренность острова: множество тамъ находилось
Тополей черныхъ и ольхъ и высокихъ, дооблачныхъ сосенъ,
Старыхъ, изсохшихъ на солнечномъ зноѣ, для плаванья легкихъ.
Мѣсто ему показавъ, гдѣ была та великая роща,
Въ гротъ свой глубокій Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
Началъ рубить онъ деревья и скоро окончилъ работу;
Двадцать онъ бревенъ срубилъ, ихъ очистилъ, ихъ острою мѣдью
Выскоблилъ гладко, потомъ уравнялъ, по снуру обтесавши.
Тою порою Калипсо къ нему съ буравомъ возвратилась.
Началъ буравить онъ брусья и, всѣ пробуравивъ, сплотилъ ихъ,
Длинными болтами спивъ и большими просунувъ шипами;
Дно жъ на плоту онъ такое широкое сдѣлалъ, какое
Мужъ, въ корабельномъ художествѣ опытный, строитъ на прочномъ
Суднѣ, носящемъ товары купцевъ по моримъ безпредѣльнымъ.
Плотными брусьями крѣпкія ребра связавъ, напослѣдокъ
Въ гладкую палубу сбилъ онъ дубовыя толстыя доски,
Мачту поставилъ, на ней утвердилъ поперечную райну,
Сдѣлалъ кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плотъ окружилъ для защиты отъ моря плетнемъ изъ ракитныхъ
Сучьевъ, на дно же различнаго грузу для тяжести бросилъ.
Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
Крѣпкой ему принесла. И, устроивши парусъ (къ нему же
Всѣ, чтобъ его развивать и свивать, прикрѣпивши веревки),
Онъ рычагами могучими сдвинулъ свой плотъ на священное море.
День совершился четвертый, когда онъ окончилъ работу.
Въ пятый его снарядила въ дорогу богиня Калипсо.
Баней его освѣживъ и душистой облекши одеждой,
Нимфа три мѣха на плотъ принесла: былъ одинъ драгоцѣннымъ

Digitized by Google

Полонъ напиткомъ, другой ключевою водою, а третій
Хлѣбомъ, дорожнымъ запасомъ и разною лакомой пищей.
Кончивъ, она призвала благовѣющій вѣтеръ попутный.
Радостно парусъ напрягъ Одиссей и, попутному вѣтру
Ввѣрившись, поплылъ.

Ревнивый Посидонъ насылаетъ бурю на плывущаго Одиссея. Здѣсь опять въ двухъ случаяхъ обнаруживается его осторожность и хитрость. Когда Ино Левкотея, сжалившись надъ несчастнымъ, предлагаетъ ему оставить плотъ и броситься въ волны моря, ввѣривъ себя чудотворному покрывалу, который съ себя она даетъ ему, — Одиссей и тутъ не довѣряетъ богинѣ и говоритъ:

Горе! не новую ль хитрость замысливъ, желаетъ богиня
Гибель навлечь на меня, мнѣ совѣтуя плотъ мой оставить?

Эта неоднократная недовѣрчивость естественна въ человѣкѣ, который такъ много испыталъ горя и такъ часто обманутъ былъ судьбою.

Хитрость же Одиссея въ этой пѣсни особенно выказывается тѣмъ, какъ хитритъ онъ съ моремъ. Оно, будто бы на зло, примчало его къ такимъ неприступнымъ скаламъ, которыя не давали никакой возможности выйти на берегъ. Ухватившись за утесъ, Одиссей выждалъ волну, которая, отбѣгая назадъ въ море, унесла и его съ собою, что̀ дало ему средство поплыть въ сторону и достигнуть устья рѣки. Но и здѣсь мы уступимъ мѣсто искусному переводчику, который разскажетъ намъ о̀ хитромъ поступкѣ Одиссея съ волною и о томъ, какъ онъ достигъ наконецъ желаннаго берега.

Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ отъ такъ колебался,
Быстрой волною помчало его на утесистый берегъ;
Тѣло бъ его изорвалось и кости бъ его сокрушились,
Еслибъ онъ своевременно свѣтлой богиней Аѳиной наставленъ
Не былъ ружами за ближній схватиться утесъ; и къ нему
прицѣпившись,
Ждалъ онъ, со стономъ на камнѣ вися, чтобъ волна пробѣжала
Мимо; она пробѣжала, но вдругъ, отразясь, на возвратѣ
Сшибла съ утеса его и отбросила въ темное море.
Если полипа изъ ложа вѣтвистаго силою вырвешь,

Digitized by Google

Множество крупинокъ камня къ его прилѣпляется ножкамъ:
Къ рѣзкому такъ прилѣпилась утесу лоскутьями кожа
Рукъ Одиссеевыхъ; вдругъ поглощенный волною великой,
Въ безднѣ соленой, судьбѣ вопреки, неизбѣжно бъ погибъ онъ,
Еслибъ отважности въ душу его не вложила Аѳина.
Вынырнувъ въ бокъ изъ волны, устремившейся прянуть на камни,
Поплылъ онъ въ сторону, взоромъ преслѣдуя землю и тщася
Гдѣ-нибудь берегъ отлогій иль мелкое мѣсто примѣтить.
Вдругъ онъ увидѣлъ себя передъ устьемъ рѣки свѣтловодной.
Самымъ удобнымъ то мѣсто ему показалось: тамъ острыхъ
Не было камней, тамъ всюду отъ вѣтровъ являлась защита.
Къ мощному богу рѣки онъ тогда обратился съ молитвой:
Кто бы ты ни былъ, могучій, къ тебѣ, столь желанному, нынѣ
Я прибѣгаю, спасаясь отъ грозъ Посидонова моря.
Вѣчные боги всегда благосклонно внимаютъ молитвамъ
Бѣднаго странника, кто бы онъ ни былъ, когда онъ подобенъ
Мнѣ, твой потокъ и колѣна объявшему, много великихъ
Бѣдъ претерпѣвшему; сжалься, могучій, подай мнѣ защиту.
Такъ онъ молился. И богъ, укротивъ свой потокъ, успокоилъ
Волны и, на море тишь наведя, отворилъ Одиссею
Устье рѣки. Но подъ нимъ подкосились колѣна; повисли
Руки могучія: въ морѣ его изнурилося сердце;
Вспухло все тѣло его; извергая и ртомъ и ноздрями,
Воду морскую, онъ палъ наконецъ, бездыханный, безгласный,
Память утративъ, на землю; безчувствіе имъ овладѣло.

Когда память и чувство возвратились къ Одиссею, первымъ движеніемъ его было исполнить приказаніе богини Ино и отдать ей чудотворное покрывало, облекавшее грудь его. Онъ бросилъ его въ широкую рѣку, сліянную съ моремъ, и

Быстро помчалася ткань по теченью назадъ, и богиня
Въ руки ее приняла.

Разсматривая Одиссею въ отношеніи къ устроенію частей и тому порядку, въ какомъ одна пѣсня слѣдуетъ за другою, замѣтишь руку великаго мастера. Пятая, бурею, крушеніемъ плота, новыми несчастіями Одиссея, немилосердо гонимаго Посидономъ, наполнила сердце ваше всевозможными ужасами. Какъ кстати идетъ за нею шестая пѣсня, которая успокоиваетъ, услаждаетъ васъ прелестнымъ образомъ Навзикаи. Сонъ, посланный ей Аѳиною, дума ея о

Digitized by Google

женихѣ, поѣздъ на рѣку съ подругами, мытье домашняго платья — занятіе, возможное только для царевны временъ Гомеровыхъ, игра въ мячь, внезапная встрѣча съ Одиссеемъ, мудрая бесѣда царевны съ нимъ, ея доброта и гостепріимство, и наконецъ возвращеніе въ городъ: все это вмѣстѣ рисуетъ намъ Навзикаю и даетъ понятіе о томъ прекрасномъ семействѣ и о томъ счастливомъ городѣ, откуда она вышла. Грація этого чуднаго созданія Гомерова такъ была привлекательна для Грековъ, что и въ эпоху драматическаго искусства однимъ изъ любимыхъ представленій у нихъ была сатирическая драма Навзикая, въ которой отличался самъ авторъ ея, Софоклъ, граціознымъ бросаньемъ мяча.

Прочтемъ въ переводѣ описаніе, въ которомъ пластика Русскаго стиха достигаетъ Греческой.

Были устроены тамъ водоемы: вода въ нихъ обильно
Свѣтлой струею лилася, нечистое все омывая.
Къ мѣсту прибывъ, отвязали отъ дышла онѣ утомленныхъ
Муловъ и ихъ по зеленому брегу потока пустили
Сочно-медвяной травою питаться; потомъ съ колесницы
Сняли всѣ платья и въ полные ихъ водоемы ногами
Крѣпко втоптали, проворнымъ усердіемъ споря другъ съ другомъ.
Начали платья онѣ полоскать и потомъ, дочиста ихъ
Вымывъ, по взморью на мелкоблестящемъ хрящѣ, наносимомъ
На́ берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ разостлали.
Кончивъ, онѣ искупались въ рѣкѣ и, натершись елеемъ,
Весело сѣли на мягкой травѣ, у рѣки, за обѣдъ свой,
Влажныя платья оставивъ сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытивъ себя и подругъ и служанокъ, царевна
Вызвала въ мячъ ихъ играть, головныя сложивъ покрывала;
Пѣсню же стала сама бѣлорукая пѣть Навзикая.
Такъ стрѣлоносная, ловлей въ горахъ веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгетъ и крутой Эримантъ обѣгаетъ,
Смерть нанося кабанамъ и лѣснымъ легконогимъ оленямъ;
Съ нею, прекрасныя дочери Зевса эгидодержавца,
Бѣгаютъ нимфы полей — и любуется ими Латона;
Всѣхъ превышаетъ она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны онѣ, распознать въ ней богиню Олимпа.
Такъ красотою дѣвичьей подругъ затмѣвала царевна.
Стали онѣ наконецъ собираться домой; въ колесницу
Муловъ опять заложили и въ коробъ уклали одежды.

Digitized by Google

Тутъ свѣтлоокая дѣва Паллада придумала средство,
Какъ пробудить Одиссея, чтобъ, съ нимъ повстрѣчавшись, царевна
Въ городъ людей Феакійскихъ ему указала дорогу:
Бросила мячъ Навзикая въ подружекъ, но, въ нихъ не попавши,
Онъ, отраженный Аѳиною, въ волны шумящія прянулъ;
Громко онѣ закричали; ихъ крикъ пробудилъ Одиссея.

Полунагой, едва покрывъ вѣтвями тѣло свое, въ мокрой засохшей тинѣ, долженъ предстать Одиссей скромнымъ, благовоспитаннымъ, цѣломудреннымъ дѣвамъ. Чистая Муза Гомерова извлекла отсюда нравственно-прекрасный образъ. Пристойная рѣчь Одиссея, исполненная благоговѣнія къ дѣвственной стыдливости, облекаетъ такимъ покровомъ цѣломудрія его тѣлесную наготу, что вы подъ конецъ забываете вовсе о томъ неприличномъ видѣ, въ какомъ нужда приневолила его подойти къ прекраснымъ дѣвамъ.

Такъ Одиссей вознамѣрился къ дѣвамъ прекраснокудрявымъ
Нагъ подойти, приневоленъ къ тому непреклонной нуждою.
Былъ онъ ужасенъ, покрытый морскою засохшею тиной:
Въ трепетѣ всѣ разбѣжалися врозь по высокому брегу.
Но Алкиноева дочь не покинула мѣста. Аѳина
Бодрость вселила ей въ сердце и въ немъ уничтожила робость.
Стала она передъ нимъ; Одиссей же не зналъ, что приличнѣй:
Оба ль колѣна обнять у прекраснокудрявыя дѣвы?
Или, въ почтительномъ ставъ отдаленьи, молить умиленнымъ
Словомъ ее, чтобъ одежду дала и пріютъ указала?
Такъ размышляя, нашелъ наконецъ онъ, что было приличнѣй
Словомъ молить умиленнымъ, въ почтительномъ ставъ отдаленьи
(Тронувъ колѣна ея, онъ прогнѣвалъ бы чистую дѣву).
Съ словомъ пріятно-ласкательнымъ онъ обратился къ царевнѣ:
Руки, богиня иль смертная дѣва, къ тебѣ простираю.
Если одна изъ богинь ты, владычицъ пространнаго неба,
То съ Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станомъ высокимъ;
Еслижъ одна ты изъ смертныхъ, подъ властью судьбины живущихъ,
То несказанно блаженны отецъ твой и мать, и блаженны
Братья твои, съ наслажденіемъ видя, какъ ты передъ ними
Въ домѣ семейномъ столь мирно цвѣтешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда въ хороводахъ ты весело пляшешь.
Но изъ блаженныхъ блаженнѣйшимъ будетъ тотъ смертный, который
Въ домъ свой тебя уведетъ, одаренную вѣномъ богатымъ.
Нѣтъ! ничего столь прекраснаго между людей земнородныхъ

Digitized by Google

Взоры мои не встрѣчали донынѣ; смотрю съ изумленьемъ.
Въ Делосѣ только я—тамъ гдѣ алтарь Аполлоновъ воздвигнутъ—
Юную стройновысокую пальму однажды замѣтилъ
(Въ храмъ же зашелъ, окруженный толпою сопутниковъ вѣрныхъ,
Я по пути, на которомъ столь много мнѣ встрѣтилось бѣдствій).
Юную пальму замѣтивъ, я въ сердцѣ своемъ изумленъ былъ
Долго: подобнаго ей благороднаго древа нигдѣ не видалъ я.
Такъ и тебѣ я дивлюсь. Но, дивяся тебѣ, не дерзаю
Тронуть колѣней твоихъ: несказанной бѣдой я постигнутъ.
Только вчера, на двадцатый мнѣ день удалося избѣгнуть
Моря: столь долго игралищемъ былъ я губительной бури,
Гнавшей меня отъ Огигіи острова. Нынѣ жъ сюда я
Демономъ брошенъ для новыхъ напастей — еще не конецъ имъ;
Вѣрно немало еще претерпѣть мнѣ назначили боги.
Сжалься, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
Первую здѣсь я съ молитвою встрѣтилъ; никто изъ живущихъ
Въ этой землѣ незнакомъ мнѣ; скажи, гдѣ дорога
Въ городъ, и дай мнѣ прикрыть обнаженное тѣло хоть лоскутъ
Грубой обвертки, въ которой сюда привезла ты одежды.
О! да исполнятъ безсмертные боги твои всѣ желанья,
Давши супруга по сердцу тебѣ съ изобиліемъ въ домѣ,
Съ миромъ въ семьѣ! Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу.

Исполнить наконецъ разумное желаніе Одиссея — возвратить его на родину — боги назначили такому царю и народу, которые въ своемъ прекрасномъ, благоустроенномъ городѣ представляютъ плодъ новаго развитія Эллады: оно совершилось со временъ Троянской войны, сблизило города и острова, связало ихъ цѣпью мореходства, торговли, взаимныхъ сношеній. Такимъ-то народомъ являются Феакійцы. Аѳина говоритъ объ нихъ, что

Ихъ корабли скоротечны, какъ легкія крылья иль мысли.

А царь Алкиной такъ хвалится кораблями своего народа, что у нихъ нѣтъ и кормщиковъ, что руля они не знаютъ, а

Сами они понимаютъ своихъ корабельщиковъ мысли;
Сами находятъ они и жилища людей и поля ихъ
Тучнообильныя; быстро они всѣ моря обтекаютъ,
Мглой и туманомъ одѣтые; нѣтъ никогда имъ боязни
Вредъ на волнахъ претерпѣть иль отъ бури въ пучинѣ погибнуть.

Digitized by Google

Феакійцы — народъ извозный. Не было еще ни одного странника, которому бы отказали они въ кораблѣ, котораго бы не доставили куда надобно. Море имъ покорно; но Посидонъ недоволенъ ими за то, что они всѣхъ по морямъ безопасно развозятъ.

Наружность города, домъ и садъ царя, соотвѣтствуютъ дѣятельной промышленности Феакійцевъ. Безконечный рядъ кораблей въ пристаняхъ, народная площадь, крѣпкія стѣны чудной красы, приводятъ въ изумленіе Одиссея, который хотя и много странствовалъ, а не видалъ подобнаго развитія гражданственности. Вотъ домъ и садъ царя Алкиноя:

Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ,
Было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя;
Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали;
Входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ чистаго злата;
Притолки ихъ изъ сребра утверждались на мѣдномъ порогѣ;
Также и князь ихъ серебряный былъ, а кольце золотое.
Двѣ — золотая съ серебряной — справа и слѣва стояли,
Хитрой работы искуснаго бога Иѳеста, собаки
Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя:
Были безсмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не старѣли.
Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога
Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ;
Мужи знатнѣйшіе града садилися чиномъ на этихъ
Лавкахъ питьемъ и ѣдой наслаждаться за царской трапезой.
Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые
Отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя
Ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многославныхъ.
Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ рукодѣльныхъ невольницъ:
Рожь золотую мололи одни жерновами ручными,
Нити сучили другія и ткали, сидя за станами
Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя; ткани ихъ
Были такъ плотны, что въ нихъ не впивалось и тонкое масло.
Сколь Феакійскіе мужи отличны въ правленіи были
Быстрыхъ своихъ кораблей на моряхъ, столь отличны ихъ жены
Были въ тканьѣ: ихъ богиня Аѳина сама научила
Всѣмъ рукодѣльнымъ искусствамъ, открывъ имъ и хитростей много.
Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесятинный богатый
Садъ, обведенный отвсюду высокой оградой; росло тамъ

Digitized by Google

Много деревъ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершинныхъ,
Яблонь и грушъ, золотыми плодами обильныхъ,
Такъ же и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, роскошно цвѣтущихъ;
Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лѣто
Видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ
Теплый зефиръ, зараждая одни, наливая другіе;
Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой,
Гроздъ пурпуровый за гроздомъ сѣнялися тамъ, созрѣвая.
Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ,
Частію ждали, чтобъ срѣзалъ ихъ съ лозъ виноградарь; иные
Были давимы въ чанахъ; а другіе цвѣли, иль, осыпавъ
Цвѣтъ, созрѣвали и сокомъ янтарногустымъ наливались.
Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ
Овощъ и вкусная зелень весь годъ собирались обильно.
Два тамъ источника были; одинъ обтекалъ, извиваясь,
Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева жилища
Свѣтлой струею бѣжалъ и граждане въ немъ черпали воду.
Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Алкиноевъ.
Долго, дивяся, стоялъ передъ нимъ Одиссей богоравный.

Въ этомъ дворцѣ и саду обитаетъ семья, которой отношенія показываютъ также плоды образованія Греческаго въ лучшую сторону. Положеніе Ареты гораздо выше, чѣмъ положеніе Пенелопы или Елены до ея похищенія. Это жена не рабыня. Высокое уваженіе къ ней царя и всего народа показываетъ уже, что понятіе о женщинѣ возвысилось у этихъ достойныхъ гражданъ. Алкиной

Такъ почитаетъ ее, какъ еще никогда не бывала
Въ свѣтѣ жена, свой любящая долгъ, почитаема мужемъ;
Нѣжную сердца любовь ей всечасно являютъ въ семействѣ
Дѣти и царь Алкиной; въ ней свое божество Феакійцы
Видятъ, и въ городѣ съ радостно-шумнымъ всегда къ ней тѣснятся
Плескомъ, когда межъ народа она тамъ по улицамъ ходитъ.
Кроткая сердцемъ, имѣетъ она и возвышенный разумъ,
Такъ, что нерѣдко и трудные споры мужей разрѣшаетъ.

Отъ Ареты зависитъ рѣшеніе участи Одиссея. По благоразумному совѣту Навзикаи, онъ прежде всего обратился къ ней. Арета и Алкиной обѣщали содѣйствіе. Царь предлагаетъ это дѣло на вѣчѣ гражданамъ и устроиваетъ пиръ.

Въ VII пѣсни мы познакомились съ домомъ и внутреннимъ бытомъ семьи царя Алкиноя. Осьмая открываетъ

Digitized by Google

намъ внутренность города, вѣче, отношеніе царя къ народу, общественную жизнь Феакійцевъ. Послѣ гостепріимнаго пира народъ отличается въ играхъ, любимой забавѣ Эллиновъ: въ бѣгѣ, въ бросаніи диска, въ борьбѣ, въ кулачномъ бою, въ пляскѣ. На пиру два раза и еще во время пляски, поетъ прекрасныя пѣсни слѣпой пѣвецъ Демодокъ. Онѣ касаются Иліонской войны, и самого Одиссея. Но послушаемъ поэта, какъ онъ о томъ говоритъ.

Скоро по волѣ царя пятьдесятъ два гребца, на отлогомъ
Брегѣ безплодносоленаго моря собравшися, вмѣстѣ
Къ ждавшему ихъ на пескѣ кораблю подошли, совокупной
Силою черный корабль на священныя сдвинули воды,
Подняли мачты, устроили всѣ корабельныя снасти,
Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя весла,
Должнымъ порядкомъ потомъ паруса утвердили. Отведши
Легкій корабль на открытое взморье, они собрались
Всѣ во дворцѣ Алкиноя, царемъ приглашенные. Скоро
Всѣ переходы палатъ и дворы и притворы и залы народомъ
Сдѣлались полны — тамъ были и юноши, были и старцы.
Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ криворогихъ и осемь
Остроклычистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ имъ зарѣзать;
Ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили гости.
Тою порой съ знаменитымъ пѣвцемъ Понтоной возвратился;
Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.
Стулъ среброкованный подалъ пѣвцу Понтоной, и на немъ онъ
Сѣлъ предъ гостями, спиной прислонясь къ колоннѣ высокой.
Лиру слѣпца на гвоздѣ надъ его головою повѣсивъ,
Къ ней прикоснуться рукою ему — чтобъ ее могъ найти онъ—
Далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и подвинулъ
Столъ, и вина приготовилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаетъ.
Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Муза внушила пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ,
Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ,
Какъ между ними однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ
Распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась, и какъ веселился
Въ духѣ своемъ Агаме́мнонъ враждой знаменитыхъ Ахеянъ:
Знаменьемъ добрымъ ему ту вражду предсказалъ Аполлоновъ
Въ храмѣ Пиѳійскомъ оракулъ, когда черезъ каменный прагъ онъ
Бога спросить перешелъ — а случилось то въ самомъ началѣ

Digitized by Google

Бѣдствій, ниспосланныхъ богомъ боговъ на Троянъ и Данаевъ.
Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же, своею
Сильной рукою широкопурпурную мантію взявши,
Го́лову ею облекъ и лице благородное скрылъ въ ней.
Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать Феакійцамъ. Когда же,
Пѣнье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ пѣснопѣвецъ,
Слезы отерши, онъ мантію снялъ съ головы и, наполнивъ
Кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возліянье безсмертнымъ.
Снова запѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему Феакіянъ,
Гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью вторично:
Голову мантіей снова облекъ Одиссей, прослезился.
Были другими его незамѣчены слезы, но мудрый
Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.

Мало было Одиссею разъ выслушать пѣвца. Послѣ бани, на другомъ пиру, онъ уже самъ пригласилъ Демодока къ пѣнію, и задалъ ему предметъ, снаряженіе коня, его собственный подвигъ. Тогда тайна слезъ Одиссеевыхъ побудила царя Алкиноя къ вопросамъ: кто онъ, откуда, и какія видѣлъ земли?

Четыре слѣдующія пѣсни отъ девятой до двѣнадцатой посвящены разсказамъ самого Одиссея, которые отличаются отъ разсказовъ Гомеровыхъ еще бо́льшею чудесностію и волшебствами. Конечно, въ это время торговаго и мореходнаго развитія Греціи много было искателей приключеній, которые ѣзжали повсюду. Это породило сказки между Греками о странахъ отдаленныхъ. Сами же хвастуны-странствователи, вѣроятно, ихъ и сочиняли. Объ такихъ людяхъ упоминается въ Одиссеѣ. Несторъ, (П. III ст. 71), обращаясь къ Телемаку и Ментору съ вопросами, говоритъ:

Ктожъ вы, скажите? Откуда къ намъ прибыли влажной дорогой?
Дѣло ль какое у васъ? Иль *безъ дѣла скитаетесь всюду,*
Взадъ и впередъ по моря́мъ, какъ добычники воль-
ные, мчася,
Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?

Стра́ны, по мѣрѣ отдаленія своего отъ Греціи, возбуждали болѣе любопытства и подавали поводъ къ чудеснымъ росказнямъ. Еще Робе́ртъ Вудъ замѣтилъ, что все касаю-

Digitized by Google

щееся до Италіи исполнено такихъ чудесъ у Гомера, какихъ нѣтъ въ самой Эллядѣ.

Поэтъ, вѣроятно, для волшебныхъ разсказовъ Одиссея воспользовался сказками современниковъ. Но эти сказки въ его глубокомысленномъ эпосѣ получили другое значеніе, а получить это значеніе могли онѣ конечно въ слѣдствіе той идеи, которая озаряетъ все произведеніе Гомерово. Если читать разсказы Одиссея какъ хвастливыя сказки какого-нибудь искателя приключеній, то это будутъ страницы изъ «*Не любо не слушай, а лгать не мѣшай*,» разсказанныя конечно великимъ художникомъ. Но если взглянуть на нихъ, какъ на огромныя препятствія, которыя судьба воздвигла Одиссею, чтобы затруднить возвратъ его на родину, то будетъ иное дѣло: все тогда предстанетъ волшебною драмою, въ которой любовь къ родинѣ Одиссея есть главный двигатель дѣйствія, торжествующій надъ всѣми препятствіями. Это чувство, которое должно управлять всѣмъ дѣйствіемъ и надъ всѣмъ возвышаться, какъ сила одолѣвающая все, выражаетъ Одиссей въ самомъ началѣ своего разсказа.

Я Одиссей, сынъ Лаэртовъ, вездѣ изобрѣтеньемъ многихъ
Хитростей славный и громкой молвой до небесъ вознесенный.
Въ солнечносвѣтлой Итакѣ живу я; тамъ Нéріонъ, всюду
Видимый съ моря, подъемлетъ вершину лѣсистую; много
Тамъ и другихъ острововъ, недалекихъ одинъ отъ другаго:
Замъ, и Дулихій, и лѣсомъ богатый Закинеъ; и на самомъ
Западѣ плоско лежитъ окруженная моремъ Итака
(Прочіе жъ ближе къ предѣлу, гдѣ Эосъ и Геліосъ всходитъ);
Лоно ея каменисто, но юношей бодрыхъ питаетъ;
Я же не вѣдаю края прекраснѣе милой Итаки.
Тщетно Калипсо, богиня богинь, въ заключеніи долгомъ
Силой держала меня, убѣждая, чтобъ былъ ей супругомъ;
Тщетно меня чародѣйка, владычица Эи, Цирцея,
Въ домѣ держала своемъ, убѣждая, чтобъ былъ ей супругомъ—
Хитрая лесть ихъ въ груди у меня не опутала сердца;
Сладостнѣй нѣтъ ничего намъ отчизны и сродниковъ нашихъ,
Даже когда бъ и роскошно въ богатой обители жили
Мы на чужой сторонѣ, далеко отъ родителей милыхъ.

Digitized by Google

Послѣ борьбы съ Киконами, первымъ препятствіемъ Одиссею къ возвращенію на родину служитъ гостепріимная ласка Лотофаговъ и жадность товарищей къ «сладко-медвяному» лотосу.

Лишь только
Сладко-медвянаго лотоса каждый отвѣдалъ, мгновенно
Все позабылъ, и, утративъ желанье назадъ возвратиться,
Вдругъ захотѣлъ въ сторонѣ Лотофаговъ остаться, чтобъ вкусный
Лотосъ сбирать, навсегда отъ своей отказавшись отчизны.

Третьимъ сильнымъ препятствіемъ къ возвращенію на родину служитъ борьба съ народомъ грубымъ и дикимъ — съ Циклопами. Они не знаютъ ни вина, ни земледѣлія. Овцы и козы — весь ихъ промыселъ. Имъ чуждо понятіе о правдѣ и законѣ. Главный же источникъ ихъ дикости — отсутствіе вѣры въ боговъ. Когда Одиссей вздумалъ убѣждать Циклопа именемъ Зевса, бога гостелюбца и заступника странниковъ, тотъ отвѣчалъ ему:

Видно, что ты издалека, иль вовсе безуменъ, пришелецъ,
Если могъ вздумать, что я побоюсь иль уважу безсмертныхъ.
Намъ Циклопамъ нѣтъ нужды ни въ богѣ Зевесѣ, ни въ прочихъ
Вашихъ блаженныхъ богахъ; мы породой ихъ всѣхъ знаменитѣй;
Страхъ громовержца Зевеса разгнѣвать — меня не принудитъ
Васъ пощадить; поступлю я, какъ мнѣ самому то угодно.

Такое безвѣріе соединено въ Циклопѣ съ отсутствіемъ всякаго понятія о личности человѣческой. Человѣкъ ему ни по чемъ. Онъ считаетъ его наравнѣ съ бараномъ. Такое безуміе объясняетъ намъ, почему Циклопъ, правда пьяный, повѣрилъ тому, что человѣкъ можетъ называться *Никто* и не имѣть никакого личнаго имени. Разумная хитрость Одиссея здѣсь вполнѣ торжествуетъ надъ грубою дикостью людоѣда, не признающаго личности человѣческой. При этомъ кстати нельзя не вспомнить, что нѣкоторые мнимые мыслители наши, увлекшись Нѣмецкою философіею, вздумали было навязать такія циклопическія понятія объ личности человѣческой народу древней Руси, иные умышленно съ неуваженіемъ къ ея значенію, другіе же съ добродушнымъ отсутствіемъ всякаго умысла, а принося отъ чистой Русской

Digitized by Google

души безсознательную жертву Русскою же непонятою ими народностію, въ пользу Германскаго любомудрія.

Четвертымъ препятствіемъ Одиссею къ возвращенію на родину служитъ корыстолюбіе его товарищей. Когда отправлялись они съ острова Эоліи, Эолъ далъ Одиссею мѣхъ, въ которомъ заключены были буреносные вѣтры. Берегъ отчизны сталъ уже виденъ; можно было различать огни на ней. Одиссей, утомленный безсонными ночами и вѣря въ возвратъ свой, заснулъ, какъ можетъ заснуть при видѣ конца дѣла человѣкъ, не дающій воли тревожному чувству. Товарищи вообразили, что въ мѣхѣ заключено серебро и золото, данное Эоломъ на прощаніи. Корыстолюбіе ихъ воздвигло бурю, которая еще удалила возвратъ Одиссея.

Послѣ краткаго эпизода о великанахъ, людоѣдахъ, называемыхъ Лестригонами, еще сильнѣйшимъ препятствіемъ Одиссею служитъ волшебница Цирцея, которая посредствомъ разныхъ зелій превращаетъ людей въ животныхъ: символъ конечно той животной жизни, которую вели они на волшебномъ островѣ, «потѣшаясь питьемъ и ѣдою.» Ученые путешественники догадываются, что поводомъ къ этой сказкѣ послужилъ гористый островъ, у береговъ Италіи, теперь извѣстный подъ именемъ Monte Circello, гдѣ находится много ядовитыхъ растеній и, между прочимъ, противоядіе ихъ, allium moly, то самое растеніе, съ чернымъ корнемъ и съ цвѣтомъ млечной бѣлизны, которое Эрмій даетъ Одиссею противъ чарующихъ отравъ Цирцеи. Хотя Одиссей, воздержный на пищу, и сохранялъ свой человѣческій образъ въ очарованномъ ея жилищѣ, — однако и онъ долженъ былъ уступить насильственнымъ требованіямъ волшебницы. Мысль объ родинѣ одна только спасла его отъ коварныхъ ея объятій. Но возвращеніе стало труднѣе; препятствія возникли новыя и несравненно бо́льшія.

Для того, чтобы возвратиться въ Итаку, Одиссей долженъ еще проникнуть въ область Ада и вопросить тамъ душу Тирезія Ѳивскаго, слѣпца, одареннаго даромъ пророческимъ, который разскажетъ ему о всѣхъ его будущихъ странствіяхъ.

Digitized by Google

Адская область помѣщена Гомеромъ на землѣ, въ странѣ Киммеріянъ, вѣчно покрытой влажнымъ туманомъ и мглою облаковъ. Много было толковъ о томъ, что̀ такое страна Киммеріянъ: судя по признакамъ, какіе предлагаетъ Гомеръ, это должна быть одна изъ тѣхъ сѣверныхъ странъ, которыя безпрерывно покрыты туманами. Страбонъ прибавилъ къ тому еще подробность, бросающую свѣтъ на Гомерово сказаніе: онъ говоритъ, что Киммеріяне живутъ подъ землею, сообщаются другъ съ другомъ черезъ подземные проходы и занимаются рудокопствомъ. Видно, что подъ именемъ этого народа разумѣлся во времена Страбоновы какой-нибудь изъ сѣверныхъ народовъ, достававшій изъ земли руду желѣзную.

Грубость вѣрованій языческихъ всего болѣе выказывается въ этой пѣсни изъ того способа, какимъ Одиссей вызываетъ души мертвыхъ изъ ада. Здѣсь ясно то чувственное понятіе, какое имѣлъ о душѣ грубый Грекъ язычникъ, развивавшій преимущественно тѣло. Души усопшихъ такъ и рвутся къ черной крови зарѣзаннаго барана и овцы. Одиссей мечемъ отгоняетъ ихъ и дастъ пить только тѣмъ, бесѣда съ которыми нужна для его цѣлей. Таковъ прорицатель Тирезій: онъ предсказываетъ ему будущія приключенія, борьбу на родинѣ съ женихами, конецъ его странствій и вражды Посидона съ нимъ. Послѣднее предсказаніе Тирезія чрезвычайно важно. Оно съ виду загадочно, какъ всѣ пророчества древнихъ оракуловъ, но разгадывается весьма просто, какъ мы увидимъ въ изложеніи конца Одиссеи. Эту разгадку оставимъ до той поры, а теперь только предложимъ для памяти самое предсказаніе Тирезіево. Слѣпецъ говоритъ Одиссею, что, воротясь домой и отмстивъ женихамъ, онъ возметъ корабельное весло и будетъ странствовать до тѣхъ поръ, *пока зайдетъ къ людямъ, которые вовсе не знаютъ моря, ѣдятъ хлѣбъ безъ соли, кораблей не видаютъ, ни веселъ; что̀ слывутъ крыльями у кораблей.* Знакомъ же совершеннаго конца странствію вотъ что̀ полагаетъ гадатель: Одиссей долженъ встрѣтить дорогою путника — и путникъ скажетъ ему, что у него на свѣтломъ плечѣ *лопата.* Здѣсь слово Греческое: ἀθηρηλοιγὸς, гораздо

Digitized by Google

значительнѣе нашего: *лопата*, потому что означаетъ именно ту лопату, которую земледѣлецъ употребляетъ для вѣянія молоченнаго хлѣба, т. е. для очищенія его отъ мякины. Тогда Одиссей возможетъ водрузить весло и принести примирительную жертву Посидону, состоящую изъ барана, быка и вепря. Значеніе всей этой, съ виду мудреной, загадки будетъ намъ совершенно понятно въ концѣ Одиссеи, ибо съ нею тѣсно связано самое развитіе цѣлаго, — а потому и отлагаемъ ее до конца.

Трогательно-прекрасно свиданіе Одиссея съ матерью Антиклеею, но кромѣ того что оно трогательно, оно здѣсь и разумно-необходимо, потому что знакомитъ насъ короче съ Одиссеемъ черезъ бытъ той семьи, откуда онъ вышелъ. По обычаямъ отца его Лаэрта, по матери, умершей отъ горя въ разлукѣ съ сыномъ, мы узнаёмъ, какъ въ этомъ крѣпкомъ семейномъ бытѣ могъ воспитаться такой мужъ силы и разума, готовый на всѣ бѣдствія, и вынести оттуда непобѣдимую любовь къ своей отчизнѣ. Вотъ отецъ Одиссея по описанію жены его:

Лаэртъ же не ходитъ
Болѣе въ городъ; онъ въ полѣ далеко живетъ, не имѣя
Тамъ ни одра, ни богатыхъ покрововъ, ни мягкихъ подушекъ;
Дома въ дождливое зимнее время онъ вмѣстѣ съ рабами
Спитъ на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
Въ лѣтнюю жъ знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находитъ себѣ на землѣ онъ въ саду виноградномъ
Ложе изъ листьевъ опалыхъ, насыпанныхъ мягкою грудой.
Тамъ онъ лежитъ, и вздыхаетъ, и сердцемъ крушится, и плачетъ,
Все о тебѣ помышляя; и старость его безотрадна.

Вотъ какъ разсказываетъ мать Одиссея о своей кончинѣ, и въ этомъ разсказѣ мы узнаёмъ всю силу любви материнской, которая, конечно, всего способнѣе, воспитывать чувство любви и къ семьѣ и къ родинѣ.

Кончилось такъ и со мной; и моя совершилась судьбина.
Но не сестра Аполлонова съ лукомъ тугимъ Артемида
Тихой стрѣлою своею меня безъ болѣзни убила,
Такъ же не медленный, мной овладѣвшій недугъ, растерзавши
Тѣло мое, изъ него изнуренную душу исторгнулъ:

Digitized by Google

Нѣтъ; но тоска о тебѣ, Одиссей, о твоемъ миролюбномъ
Нравѣ и разумѣ свѣтломъ до срока мою погубила
Сладостномилую жизнь. И умолкла она. Увлеченный
Сердцемъ, обнять захотѣлъ я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои къ ней, любовью стремимый, простеръ я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тѣнью иль сонной мечтой, изъ меня вырывая стенанье.

Сильныя слова утѣшенія принялъ Одиссей отъ матери, услышавъ о вѣрности жены, его упорно ожидающей, и о сынѣ, который правитъ домомъ въ отсутствіи отца.

Послѣ встрѣчи съ матерью, особенно прекрасны встрѣчи Одиссея съ его товарищами въ битвахъ, отшедшими въ темныя области ада. Тѣнь великаго вождя Агамемнона возбуждаетъ въ немъ состраданіе.

Тяжко, глубоко вздохнулъ онъ; заплакали очи; простерши
Руки, онъ ими ко мнѣ прикоснуться хотѣлъ, но напрасно:
Руки не слушались: не было въ нихъ ужъ ни силъ, ни движенья,
Нѣкогда члены могучаго тѣла его оживлявшихъ.
Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье проникло мнѣ душу....

Агамемнонъ, разсказавъ о коварной смерти, его постигшей обманомъ жены и Эгиста, даетъ такой совѣтъ Одиссею:

Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть про себя, что скажу я:
Скрой возвращенье свое, и войди съ кораблемъ неприметно
Въ пристань Итаки: на вѣрность жены полагаться не можно.

Ахилла въ аду не можетъ утѣшить уже та безсмертная слава, за которую онъ продалъ жизнь свою. Онъ говоритъ:

Лучшебъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать, мертвый.

Его можетъ радовать одно еще: извѣстіе объ сынѣ и отцѣ. Такъ разспрашиваетъ Ахиллъ Одиссея объ своемъ Неоптолемѣ:

Ты же о сынѣ извѣстіемъ душу теперь мнѣ порадуй.
Былъ ли въ сраженьи мой сынъ? Впереди ли у всѣхъ онъ сражался?

И вотъ какъ отвѣчаетъ ему Одиссей на его разспросы, и радуется душа Ахилла подвигамъ его сына.

Digitized by Google

Самъ я его въ кораблѣ крутобокомъ моемъ отъ Скироса
Моремъ привезъ къ мѣднолатнымъ Данаямъ въ Троянскую землю;
Тамъ на совѣтахъ вождей о судьбѣ Иліона всегда онъ
Голосъ свой прежде другихъ подавалъ, и въ разумныхъ суженьяхъ
Мною однимъ лишь и Несторомъ мудрымъ бывалъ побѣждаемъ.
Въ полѣ жъ Троянскомъ широкомъ, гдѣ гибельной мѣдью мы бились,
Онъ никогда близъ дружинъ и въ толпѣ не хотѣлъ оставаться;
Быстро впередъ выбѣгалъ онъ одинъ, упреждая храбрѣйшихъ;
Много враговъ отъ него въ истребительной битвѣ погибло;
Я жъ не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
Въ краѣ Троянскомъ побилъ онъ, гдѣ грудью стоялъ за Аргивянъ.
Такъ Эврипила, Телефова сына, губительной мѣдью
Онъ ниспровергъ, и кругомъ молодаго вождя всѣ Кетейцы
Пали его, златолюбія женскаго бѣдственной жертвой.
Послѣ Мемнона, подобнаго богу, былъ всѣхъ онъ прекрасѣй.
Въ чрево коня, сотвореннаго чудно Эпеосомъ, скрыться
Былъ онъ съ другими вождями назначенъ; а двери громады
Мнѣ отворять, затворять, и стеречь поручили Ахейцы.
Всѣ, при вступленіи въ конскія нѣдра, вожди отирали
Слезы съ лянитъ и у каждаго руки и ноги тряслися;
Въ немъ же единомъ мои никогда не подмѣтили очи
Страха; не помню, чтобъ онъ отъ чего поблѣднѣлъ, содрогнулся,
Или заплакалъ. Не разъ убѣждалъ онъ меня изъ затвора
Дать ему выйти, и, стиснувъ одною рукою двуострый
Мечъ, а другой обитое мѣдью копье, порывался
Въ бой на Троянъ. А когда былъ разрушенъ Пріамовъ великій
Градъ, онъ съ богатой добычей, съ дарами почетными полнымъ
Въ край свой, ни издали мѣткимъ, ни вблизи длинноострой
Мѣдью меча не пронзенный ни разу, какъ часто бываетъ
Въ жаркомъ бою, гдѣ убійство кипитъ и Арей веселится.
Такъ говорилъ я; душа Ахиллесова съ гордой осанкой
Шагомъ широкимъ, по ровному Асфодилонскому лугу,
Тихо пошла, веселяся великою славою сына.

За Ахилломъ слѣдуетъ Аяксъ Теламоновъ, все еще гнѣвный на Одиссея за то, что ему Аргивяне присудили доспѣхи Ахилловы.

За чѣмъ, о! зачѣмъ одержалъ я побѣду,
Мужа такого низведшую въ нѣдра земныя?

восклицаетъ благородный и великодушный Одиссей.

Великія тѣни героевъ заключаются исполинскими тѣлами Титановъ: Титія, Тантала, Сизифа, страдающихъ въ аду

Digitized by Google

Ираклъ замыкаетъ видѣніе. Не могу не выписать казни Сизифа, гдѣ стихъ Жуковскаго такъ пластически прекрасенъ.

Видѣлъ я также Сизифа, казнимаго страшною казнью;
Тяжкій камень снизу обѣими влекъ онъ руками
Въ гору; напрягши мышцы, ногами въ землю упершись,
Камень двигалъ онъ вверхъ; но едва достигалъ до вершины
Съ тяжкою ношей, назадъ устремленный невидимой силой,
Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый камень.

Возвратясь отъ Киммеріянъ опять къ Цирцеѣ, Одиссей принялъ отъ нея новые совѣты на дальнѣйшій путь. Еще три препятствія къ возвращенію на родину составляютъ содержаніе XII пѣсни и конца разсказовъ Одиссеевыхъ. Первое — славолюбіе и Греческая страсть къ пѣснямъ. Островъ Сиренъ, сладко поющихъ, есть чисто созданіе Греческой фантазіи. Замѣчательно, что Сирены поютъ о войнѣ Троянской. Такъ онѣ говорятъ о себѣ:

Знаемъ мы все, что случилось въ Троянской землѣ, и какая
Участь по волѣ безсмертныхъ постигла Троянъ и Ахеянъ.

За прекрасною картиною поющихъ слѣдуютъ ужасы водоворота Скиллы и Харибды, которыя глотаютъ спутниковъ Одиссея. Послѣднимъ подвигомъ его разсказовъ было воздержаніе. Онъ съ товарищами пристalъ къ острову Тринакріи, гдѣ паслись быки и бараны Геліоса. Богъ, а всего вѣроятнѣе жрецы бога, запретили эту вкусную пищу Одиссею и товарищамъ подъ угрозою погибели. Одиссей выдержалъ постъ, на него наложенный, и побѣдилъ самое искушеніе голода. Но товарищи не устояли. Буря за то разбила корабль ихъ — и всѣ погибли, кромѣ Одиссея, который волнами былъ выброшенъ на островъ Огигію, къ нимфѣ Калипсо. Здѣсь новыя опасности ожидали одинокаго странника: но мы объ нихъ уже знаемъ.

Разсказы Одиссея произвели самое благопріятное впечатлѣніе на царя Алкиноя и всѣхъ его окружавшихъ. Царь, въ перерывѣ повѣсти, сказалъ ему дружелюбно:

Царь Одиссей, мы, внимая тебѣ, не имѣемъ обидной
Мысли, чтобъ былъ ты хвастливый обманщикъ, подобный
Многимъ бродягамъ, которые землю обходятъ, повсюду

Digitized by Google

Ложь разсѣвая въ нелѣпыхъ разсказахъ о видѣніяхъ ихъ.
Ты не таковъ; ты возвышенъ умомъ и плѣнителенъ рѣчью.
Повѣсть прекрасна твоя; какъ разумный пѣвецъ, разсказалъ ты
Намъ объ Ахейскихъ вождяхъ и о собственныхъ бѣдствіяхъ....

Этими словами поэтъ хотѣлъ отличить своего героя отъ тѣхъ сказочниковъ и искателей приключеній, которые, видно, хвастались въ его время. Онъ называетъ его пѣвцомъ, но *пѣвцомъ разумнымъ*, вѣроятно потому, что разсказы его соединяютъ волшебное очарованіе фантазіи съ истиною дѣйствительности, какую дастъ всѣмъ приключеніямъ стремленіе къ родинѣ, носящейся надъ нимъ повсюду.

Здѣсь и оканчиваются разсказы Одиссеевы, — а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ нити нашего изложенія, насъ оставляетъ и прекрасный спутникъ, нашъ сладкозвучный переводчикъ. Съ намѣреніемъ украсили мы превосходнѣйшими отрывками изъ перевода, наше изложеніе, хотя признаёмся, что вынимать прекрасныя части изъ такого цѣлаго трудно, гдѣ все прекрасно. Дошедши до конца XII пѣсни, мы скажемъ, что желаніе наше прочесть вторую половину Русской Одиссеи Жуковскаго можетъ равняться развѣ только другому желанію видѣть самого переводчика середи нашей Москвы. Мы увѣрены, что онъ и самъ, разсказывая по-Русски похожденія Греческаго героя, безпрерывно сочувствуетъ ему въ томъ главномъ стремленіи сердца, которое одушевляло всѣ его дѣйствія. Для поэта, окруженнаго со всѣхъ сторонъ чужбиною, родину и отечество составляетъ одно — языкъ, да еще тѣ задушевныя вѣрованія и убѣжденія, которыя на всякомъ пространствѣ соединяютъ его съ его народомъ и государствомъ. Для насъ, живущихъ здѣсь, есть еще возможность видѣть и чувствовать отчизну въ городѣ, гдѣ живешь, въ лицѣ народа, который насъ окружаетъ, въ его одеждѣ, въ природѣ нашей страны: для поэта же, разлученнаго съ отчизною, вся она сосредоточилась въ одномъ, въ языкѣ, который для него и земля, и народъ, и цвѣтъ неба, и бѣлизна снѣговъ, и шумъ рѣкъ, и раздолье полей нашего дивнаго отечества. Въ его стихахъ слышна его неизсякаемая любовь

Digitized by Google

къ ней, гораздо болѣе, чѣмъ въ возгласахъ театральнаго патріотизма, который хотя и на родинѣ, но отдалился отъ нея и духомъ и словомъ своимъ, и до того отказался отъ всего Русскаго, что не въ силахъ понимать прекраснаго языка Русской Одиссеи. Можно жить въ Германіи, и носить въ себѣ родину, въ убѣжденіяхъ своего ума и сердца, и въ языкѣ, какъ носитъ ее Жуковскій. Можно жить на родинѣ, и все таки быть иностранцемъ и по образу мыслей, и по языку своему.

Въ наше время не внѣшнія формы составляютъ отчизну, но духъ, вѣрованія, убѣжденія, мысли, чувства, языкъ. Удаленіе отъ отчизны тѣломъ есть уже великое лишеніе для человѣка: оно ведетъ часто къ тому, что удаленный силится еще болѣе укрѣпить отчизну въ своемъ духѣ. Въ наше время можно быть на чужбинѣ тѣломъ и на родинѣ духомъ, и обратно: тѣломъ на родинѣ, а духомъ на чужбинѣ. Все зависитъ отъ образа мыслей.

Опредѣлимъ сначала Русской образъ мыслей, усвоимъ себѣ его во всей силѣ, выразимъ его по-Русски на такомъ языкѣ, какимъ такъ чудно, хотя и на чужбинѣ, выражаетъ всемірную поэзію Жуковскій, и тогда, тѣлесное соединеніе наше съ народомъ и отечествомъ будетъ полнымъ выраженіемъ внутренняго, важнѣйшаго соединенія съ ними, въ духѣ.

С. Шевыревъ.

Digitized by Google

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. О всенародномъ распространеніи граматности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основаніи. Книжка I, II, III. Изданы отъ Императорскаго *Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, 1848, въ 8, стр. 269.*

Мысль о распространеніи граматности въ народѣ — на религіозно-нравственномъ основаніи, прекрасная, высокая, святая! Всѣ наши мудрѣйшіе Государи питали ее: и Петръ, и Екатерина, и Александръ; въ нынѣшнее царствованіе сдѣлано для нея еще болѣе, чѣмъ во всѣ прежнія. Всѣ наши знаменитѣйшіе писатели дорожили ею, и употребляли съ своей стороны зависящія отъ нихъ средства убѣждать въ ней публику. Учить народъ, воспитывать его въ правилахъ Святой Вѣры, въ преданности Престолу и Отечеству, — вотъ наша обязанность, и вмѣстѣ единственное средство предохранить праправнуковъ нашихъ отъ тѣхъ страшныхъ явленій, коими исполнена теперь несчастная Европа. Государи Европейскіе содержали войска, пеклись о правосудіи, покровительствовали наукамъ и художествамъ, строили дворцы, и пр. и пр. — а о простомъ народѣ кто изъ нихъ думалъ? Онъ былъ предоставленъ на произволъ судьбы, стѣснялся, бѣднялъ, дичалъ, и вотъ теперь яростнымъ звѣремъ грозитъ пожрать всѣ плоды долговременной Европейской цивилизаціи! Положимъ, дѣйствуетъ еще большею частію чернь городская, но ядъ началъ разливаться на Западѣ уже и по деревнямъ! — Возвратимся къ нашей Граматности.

Мы разумѣемъ подъ нею не одно умѣнье читать и писать, а воспитаніе въ страхѣ Божіемъ, по кореннымъ Русскимъ началамъ. Трактирное, лавочное, лакейное умѣнье читать не приноситъ никакой пользы, а развѣ вредъ. Стара-

Digitized by Google

ніе нашихъ филантроповъ разтолковать мужикамъ, что земля около солнца движется, а не солнце около земли, также мало значитъ, а распространеніе въ народѣ книгъ Священнаго Писанія, книгъ Богослужебныхъ, книгъ Чети-Минейныхъ, отеческихъ, однимъ словомъ, книгъ, къ которымъ онъ всегда былъ преданъ, которыхъ и теперь онъ ищетъ и любитъ — съ объясненіями, съ толкованіями, — вотъ что для него нужно и полезно; религіозная основа — вотъ объ чемъ должны всѣ друзья добра заботиться, а не колебать ее. Примѣръ передъ глазами, и примѣръ разительный. До чего дошелъ умъ въ Европѣ? Сердце — вотъ на что должно быть обращаемо главное вниманіе: въ простомъ сердцѣ Богъ почиваетъ. Знанія житейскія пріобрѣтутся современемъ, и послужатъ прекраснымъ дополненіемъ къ первому сокровищу. Главнымъ представителемъ мысли о такомъ распространеніи граматности является въ наше время Московское Общество Сельскаго Хозяйства съ своимъ Непремѣннымъ Секретаремъ, С. А. Масловымъ: хвала и честь достойнымъ друзьямъ добра и просвѣщенія! Многіе пастыри Церкви содѣйствуютъ имъ святыми молитвами, словами участія и ободренія, какъ то видно изъ писемъ, напечатанныхъ въ этой книжкѣ. Помѣщики по всѣмъ концамъ Россіи заводятъ у себя школы, и принимаютъ мѣры для обученія крестьянъ своихъ и крестьянокъ. Усладительно читать ихъ отчеты и донесенія Обществу! (Впрочемъ эти извѣстія для бо́льшей гласности лучше бы печатать и перепечатывать во всѣхъ газетахъ, столичныхъ и губернскихъ.)

Разсужденія, входящія въ составъ книжекъ о граматности, исполнены дѣльныхъ замѣчаній и мыслей. Укажемъ на главныя.

Въ I-й книжкѣ сочинитель, показавъ, какъ развилась мысль о всенародномъ распространеніи граматности въ Обществѣ С. Хозяйства, въ послѣдующихъ двухъ статьяхъ старался убѣдить, во-1-хъ, въ томъ,

«Что *пришла пора обратить вниманіе на религіозно-нравственное образованіе крестьянокъ, какъ матерей*, изъ-

Digitized by Google

ющихъ гораздо большее вліяніе на благосостояніе семействъ, нежели самые отцы. Это истина. Мать неразлучна съ дѣтьми; примѣръ ея болѣе всего дѣйствуетъ на ихъ умъ и сердце.

«Отцы и граматные сыновья скорѣе зовутся на внѣшнюю дѣятельность, и расходятся изъ селеній какъ промышленники, какъ фабриканты, какъ писари и конторщики. Отъ ихъ граматности можетъ быть семейству денежная польза лучшими заработками, но нравственной очень мало; мать же всегда остается съ дѣтьми, и если она сама знаетъ заповѣди Божіи, сама умѣетъ читать молитвы утреннія и вечернія, то она непремѣнно выучитъ тому и дѣтей своихъ; сама будетъ нравственнѣе и благочестивѣе, и подастъ въ томъ примѣръ дѣтямъ.

Во 2-хъ, какую избрать грамату для распространенія въ народѣ: *церковную или гражданскую*? Онъ отдаетъ преимущество церковной.

«При отвѣтѣ на этотъ вопросъ, надобно принять въ соображеніе то, что народъ Русскій, со времени введенія Христіанства въ Кіевѣ, весь воспитывался въ *общей* школѣ православной Вѣры, которую усердно принялъ, хранилъ и сохранилъ доселѣ, любя Церковь и все святое. Къ этому чувству, господствующему въ народѣ, ближе грамата церковная. Она дѣйствуетъ на сердце, согрѣвая его вѣрою въ Бога, учитъ молитвамъ и всему доброму; а добрыя чувства, возбуждаемыя этою граматою, подкрѣпляются религіею. Эта граматность ведетъ прямо къ познанію закона Божія и обязанностей христіанскихъ. Она, безъ всякаго прекословія, будетъ принята крестьянками-матерями охотнѣе, нежели граматность гражданская, содѣйствующая развитію разумичныхъ способностей. Распространеніе въ народѣ церковной граматности не можетъ не содѣйствовать и распространенію граматности гражданской, но имѣетъ то предъ нею преимущество, что прежде знакомитъ съ религіозно-нравственными основаніями жизни и дѣйствуетъ на сердце, смягчая, его грубость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и освѣщая темныя понятія разума о важнѣйшихъ предметахъ настоящей и будущей жизни. Говоря агрономически, это есть лучшій способъ приготовленія земли для принятія благихъ сѣменъ нравственности и просвѣщенія.

Авторъ рекомендуетъ три *книги*, изстари употреблявшіяся для наученія граматѣ: церковную азбуку, издаваемую Св. Сунодомъ, показывая ее преимущество передъ другими

Digitized by Google

гражданскими азбуками, въ которыхъ вмѣсто А. *Ангелъ, Ангельскій* Б. *Богъ, Божество* — приводятъ такіе примѣры произношенія: А. *Арапъ, Ананасъ* Б. *Быкъ, Барабанъ*, — потомъ *часословъ*, содержащій въ себѣ молитвы, употребляемыя въ церкви при богослуженіяхъ, и *псалтырь*.

Далѣе разбираетъ: *какой возрастъ приличнѣе для ученія граматъ крестьянокъ* и сколько времени должно учиться въ день чтенію, чтобъ оно не надоѣло и не сдѣлалось *мученьемъ*; онъ дѣлаетъ слѣдующій вопросъ;

«*Надобно ли учить граматѣ крестьянскихъ дѣвушекъ каждый день передъ обѣдомъ и послѣ обѣда*, какъ это водилось въ старину, когда *ученье* называли *мученьемъ*, и отводили дѣтей въ школу, или къ мастеру не иначе, какъ въ слезахъ и горѣ?» и отвѣчаетъ:

«По моему мнѣнію, *не надобно*, а довольно посылать дѣвочекъ учиться чтенію три раза въ недѣлю, по утрамъ, и не болѣе, какъ на два, а уже много на три часа въ день. Это, во-первыхъ, потому, что въ крестьянскомъ быту дѣвочка 10—12 лѣтъ уже помогаетъ матери въ мелочномъ хозяйствѣ. Слѣдовательно и первое противодѣйствіе ученію встрѣтится отъ матери — этого надобно избѣгать. Напротивъ, когда дочь будетъ ходить только три раза въ недѣлю учиться граматѣ, и только до обѣда, то это ученье, какъ говорится, будетъ шутя, непримѣтно, и примется въ крестьянскомъ быту безъ слезъ и огорченія. Во-вторыхъ, небольшой урокъ, заданный для изученія, или повторенія на дому, внесетъ въ каждую избу мысль о граматности, а съ нею и постоянное убѣжденіе въ ея необходимости, а потомъ и въ пользѣ подчиниться этому требованію. Въ-третьихъ, 10, или 12-лѣтняя дѣвушка, пришедши домой и твердя урокъ, можетъ заохотить и младшихъ себя сестеръ и братьевъ, вмѣстѣ съ нею, смотрѣть въ азбуку и учиться. Все это будетъ содѣйствовать къ распространенію мысли о пользѣ граматности въ народѣ. Далѣе: когда онѣ выучатъ молитвы и псалмы, помѣщенные въ Азбукѣ и Часословѣ, читаемые въ Церкви, то могутъ ихъ прочесть вслухъ и для отца и матери безграматныхъ, а это, конечно, доставитъ имъ утѣшеніе.

Авторъ полагаетъ, что граматѣ можетъ учить всякой грамотный, а священники сельскіе должны уже объяснить учащимся и подготовленнымъ ученицамъ заповѣди Божіи.

Digitized by Google

«Здѣсь нуженъ будетъ только примѣръ собственной ихъ жизни къ подкрѣпленію истинъ, уже изученныхъ въ дѣтствѣ. Этотъ примѣръ, безъ сомнѣнія, будетъ благотворно дѣйствовать на нравственность народную; ибо народъ учится примѣрами болѣе, нежели книгою. Примѣры трезвости, безкорыстія, сострадавія, къ чему призываются всѣ, особенно служители Церкви, проникаютъ народъ довѣренностію и уваженіемъ къ своимъ пастырямъ. Желаніе подкрѣпляться примѣрами жизни христіанской производитъ особенное расположеніе Русскаго народа къ чтенію описавій житія Святыхъ въ Четьи-Минеяхъ, собранныхъ благочестивымъ и просвѣщеннымъ трудолюбіемъ Св. Димитрія Ростовскаго. Изъ этихъ книгъ, *не всѣмъ доступныхъ по дорогой ихъ цѣнѣ, могли бы быть изданы, для домашняго чтенія народа, житія Святыхъ особыми книжками, и въ такомъ порядкѣ, чтобы самые примѣры святой жизни — апостоловъ, мучениковъ и мучениць первыхъ вѣковъ, потомъ великихъ святителей Церкви, потомъ, по принятіи Россіею Христіанства, житія святыхъ Великихъ Князей, святителей и подвижниковъ Россійскихъ* до нашихъ временъ, — составили, такъ сказать, *живую исторію нашей* православной Вѣры и разсажденія ея въ Россіи. Такіе примѣры и житія святыхъ несомнѣнно ближе бы касались сердца народа Русскаго, нежели переводимые съ иностранныхъ языковъ, нравственные впрочемъ, повѣсти и разсказы о разныхъ предметахъ и лицахъ. Мы все *ищемъ подъ лѣсомъ*, не примѣчая того, что у насъ *подъ руками* великій запасъ источниковъ для народнаго, нравственнаго воспитанія.

«*Съ чего же начать?* Съ самаго дѣла, въ которомъ, какъ я убѣжденъ, вся мудрость состоитъ въ томъ, *чтобъ взяться за него просто*, не дожидаясь ни отличныхъ учителей, ни новыхъ букварей, а воспользоваться тѣми средствами для ученія грамотѣ, какія уже есть и у каждаго помѣщика; а тѣмъ болѣе въ *удѣльныхъ* и *государственныхъ имѣніяхъ*, гдѣ заведены школы для мальчиковъ, гдѣ есть уже и приличныя помѣщенія, есть и учители и книги. Стоитъ только, *въ тѣхъ же классахъ и при тѣхъ же учителяхъ, три раза въ недѣлю, поутру учить чтенію дѣвочекъ, а три раза въ недѣлю учить мальчиковъ*. Какая бѣда, если бы ученіе дѣвочекъ продолжилось нѣсколько мѣсяцевъ болѣе? Куда и къ чему торопиться *во всеобщемъ* народномъ, и притомъ нравственно-религіозномъ образованіи? Чѣмъ оно глубже укоренится, чѣмъ оно болѣе

Digitized by Google

сольется съ сердечными вѣрованіями и войдетъ въ нравы и жизнь народа, тѣмъ оно полезнѣе, плодотворнѣе, и тогда только оно будетъ нравственнымъ оплотомъ противъ грубаго, чувственнаго и даже противъ утонченнаго развращенія семейныхъ нравовъ.

Во II-й книжкѣ авторъ повторяетъ и болѣе развиваетъ эти основныя мысли.

«Грамотность есть первая ступенька въ образованіи нашемъ; ниже ея — одно невѣжество, способное заглушить сѣмена вѣры и добрыхъ началъ, вошедшихъ въ нравы народные, при вѣковомъ его, религіозномъ воспитаніи. То несомнѣнно, что общее всѣмъ чувство вѣры есть лучшій и единственно прочный узелъ, связующій не только различныя сословія въ одномъ государствѣ, но и цѣлые единовѣрные народы. Чѣмъ этотъ узелъ крѣпче, тѣмъ крѣпче взаимная любовь и довѣренность ихъ другъ къ другу. Борьба корысти, при утонченномъ и холодномъ эгоизмѣ, разъединяетъ людей и дѣлаетъ ихъ врагами. Это мы видимъ ежедневно въ малыхъ и большихъ размѣрахъ. Это источникъ всѣхъ явленій безнравственной жизни: въ торговлѣ, промышленности, и пр. и пр.

«Вглядитесь пристальнѣе въ общество людей безъ правилъ христіанской нравственности — и вы не отнимете у народа религіознаго уваженія къ Церкви, къ отцу и матери, любви къ роднымъ, словомъ: не отнимите у него того, чего вы не въ состояніи иногда внушить собственнымъ вашимъ дѣтямъ, при всѣхъ добрыхъ вашихъ желаніяхъ. Лоскъ просвѣщенія и людскости прикрываетъ иногда гораздо худшее внутреннее искаженіе, нежели грубо проявляющееся въ необразованномъ, пьяномъ крестьянинѣ. — Но пьяный проспится, необразованный просвѣтится, — не уничтожьте только чувства его вѣры во все святое, во все Божественное. Дайте пищу этому народному чувству посредствомъ ученія матерей церковной грамотѣ, онѣ передадутъ ее дѣтямъ, и вы увидите лучшее поколѣніе и въ промышленникахъ и въ земледѣльцахъ — и, кто знаетъ? можетъ быть, сами учители получатъ пользу, когда увидятъ необходимость подавать собою добрый примѣръ въ томъ, *чему учатъ дѣтей крестьянскихъ*. То несомнѣнно, что человѣколюбивое чувство, побуждающее содѣйствовать добру, дѣлаетъ насъ самихъ и добрѣе и человѣчнѣе.

«*Паче всего остерегитесь поспѣшности въ этомъ дѣлѣ.* Если воспитаніе каждаго изъ насъ требовало постепенности и осто-

Digitized by Google

рожнаго развитія способностей, сообразно съ возрастомъ; то тѣмъ болѣе это нужно во *всенародномъ образованіи*, имѣющемъ также свои возрасты. Изучаемое народомъ должно входить въ его нравы, въ его обычаи и приносить плоды въ практической его жизни. Это цѣль общаго народнаго воспитанія.

«*Но что будетъ читать народъ, выучившись грамотѣ?* спрашиваютъ нѣкоторые. *То, что вы ему приготовите.* — Для первоначальнаго чтенія у него есть много книгъ Божественнаго Писанія, приготовленныхъ уже для него Святыми отцами, любившими духовныхъ чадъ своихъ. Одинъ Св. Димитрій Ростовскій, указавши на Житія святыхъ въ Четьи-Минеяхъ, имъ составленныхъ, на свой Розыскъ и Проповѣди, на свой Алфавитъ духовный и на Лѣтопись Россіи, уже послужитъ живымъ примѣромъ трудолюбія для народнаго образованія. Если къ тому присоединить труды Тихона Воронежскаго и нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ, то остается только забота: *какъ бы сдѣлать доступнѣе народу писанія Святыхъ отцевъ?* И народъ, слушая Слово Божіе въ Церкви, и читая его по домамъ, будетъ довольствоваться давно изготовленною для него библіотекою, если ее соберутъ при каждой сельской Церкви для народнаго чтенія.

Въ этой книжкѣ уже много представлено примѣровъ о началѣ ученія граматѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ разныхъ губерніяхъ: Калужской, Харьковской, Тверской, Рязанской, Полтавской, Кіевской и Таврической.

Изъ III-й книжки видно, что мысль всенароднаго распространенія граматности удостоена и Высочайшаго благоволенія особъ Царскаго семейства, и благословенія Архипастырей, и участія въ ней правительственныхъ лицъ, — нашла сочувствіе въ членахъ Вольнаго Экономическаго Общества и начальницахъ двухъ Петербургскихъ Институтовъ. — Въ ней представлены подлинныя отношенія помѣщиковъ, помѣщицъ и священниковъ, доказывающія совокупное ихъ стараніе о водвореніи и распространеніи граматности въ селахъ.

Представляя примѣры того, что помѣщицы сами начали учить крестьянокъ граматѣ, сочинитель высказываетъ слѣдующую мысль о воспитанницахъ Институтовъ:

«Сколько добрыхъ и воспитанныхъ наставницъ будетъ умножаться ежегодно, если во всѣхъ Институтахъ для дѣвицъ, будутъ ихъ учить читать не одну гражданскую, но и Славянскую печать, для того во-первыхъ, что стыдно Россіянкамъ Православной Вѣры, не умѣть чи-

Digitized by Google

тать молитвъ на языкѣ Богослуженія, а потомъ и для того, что если судьба приведетъ ихъ жить въ деревняхъ, то онѣ могутъ передавать свое ученіе и крестьянскимъ дѣтямъ по церковной азбукѣ, часослову и пр.. — Предубѣжденіе противъ Славянскаго церковнаго языка неприлично Россіянкамъ, и, смѣемъ думать, что, въ наше время, имъ стыдно не знать того языка, который долженъ быть общимъ для всѣхъ сословій при изученіи основаній Вѣры Православной и Заповѣдей Божіихъ. Сколько отрады въ деревенской жизни найдутъ молодыя институтки, занявшись ученіемъ и воспитаніемъ крестьянскихъ дѣтей, при совѣтѣ и помощи отцовъ духовныхъ!

Въ этой III-й книжкѣ помѣщены: мнѣніе Г. Лошкарева о пользѣ введенія граматности между помѣщичьими крестьянами, читанное и одобренное въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, и статья знаменитаго Стурдзы, подъ названіемъ: Русскій помѣщикъ, или о приспособленіи крестьянскихъ училищъ къ сельскому быту; въ ней онъ говоритъ:

«Изъ опытовъ уже дознано, что въ училищахъ, основанныхъ и управляемыхъ по сему образцу, — въ училищахъ, гдѣ учитель исполнялъ только свое дѣло, а приходскій священникъ также свое, — въ училищахъ, гдѣ, кромѣ Св. Исторіи и православнаго катихизиса, пастырь села, каждую субботу, объясняетъ дѣтямъ Евангельское зачало слѣдующаго воскреснаго дня простыми словами, требуя притомъ отчета въ поведеніи малютокъ за протекшую недѣлю — тамъ, подъ осѣненіемъ милующей благодати Христовой, являлись и ежедневно являются хорошіе успѣхи по уму и по душѣ малолѣтныхъ. Не споримъ въ томъ, что и надъ нѣкоторыми изъ нихъ сбывается Русская пословица: *семья не безъ урода*; что, по мѣстнымъ препятствіямъ и недостатку способныхъ къ дѣлу сему тружениковъ, сельскія школы не вездѣ достигаютъ цѣли: за то и приближеніе къ ней не бездѣлица. Установите въ сельскомъ училищѣ для дѣтей неразрывную связь съ училищемъ для взрослыхъ, т. е. Святою Церковію; искореняйте всячески въ крестьянахъ предубѣжденіе, будто школа есть не что иное, какъ заводъ, или питомникъ для будущей господской дворни, конторы и прислуги; устройте непремѣнно для дѣвочекъ особые классы — тогда попеченія ваши благословятся свыше: Церковь и отечество обязаны будутъ вамъ, или потомкамъ вашимъ, обильною нравственною жатвою.»

Digitized by Google

Въ концѣ III-й книжки помѣщены двѣ статьи Г. Маслова: *о приложеніи ученія грамоты къ жизни* и *о народныхъ сельскихъ библіотекахъ*.

«Изъ писемъ, напечатанныхъ въ этой книжкѣ, ясно видно, что народъ Русскій сохранилъ основанія своего воспитанія вѣрою Христіанскою, и хочетъ учиться грамотѣ, чтобъ знать Заповѣди Божіи и молитвы Церкви; видно, что, гдѣ попечительные помѣщики и помѣщицы и отцы духовные умѣли взяться за дѣло просто, съ искреннимъ желаніемъ добра народу, тамъ ни отцы, ни матери, ни дѣти обоего пола не стали упрямиться и отвергать добраго ученія. Они понимаютъ, что *ученье есть свѣтъ, а неученье тьма*, особенно, когда видятъ, что ихъ учатъ тому, чего не знать — и грѣшно и стыдно. Какъ не грѣшно не знать Заповѣдей Божіихъ, по которымъ мы исповѣдуемся? Какъ не стыдно Христіанину не знать Символа и основаній своей Православной Вѣры? Это основаніе доброй жизни, добрыхъ дѣлъ и поступковъ. На этомъ основаніи надежно можно строить — и зданіе устоитъ въ дни опытовъ и искушеній.

Какое должно быть первое примѣненіе грамотности къ жизни, спрашиваетъ авторъ, и отвѣчаетъ: во 1-хъ, оно должно быть направлено на семейную жизнь народа.

«Если дѣти будутъ научены, прежде всего, свое знаніе граматы употреблять на молитву къ Богу въ домѣ и въ храмѣ Божіемъ, и имъ строго будетъ запрещено понапрасну божиться, или *всуе употреблять имя Божіе*, а тѣмъ паче сквернословить, и это войдетъ въ ихъ привычку, а съ нею укоренится въ сердцѣ и нравѣ: то вотъ первое примѣненіе къ жизни граматы и знанія первыхъ четырехъ Заповѣдей Божіихъ.

«Второе примѣненіе должно быть въ постоянномъ исполненіи пятой Заповѣди Божіей: »*Чти отца и матерь твою, да благо тебѣ будетъ и долголѣтенъ будеши на земли.*« Эта Заповѣдь есть основаніе семейнаго счастія, есть первый признакъ благословенія Божія и надъ родителями и надъ дѣтьми. Почитая родителей, дѣти должны быть пріучаемы къ почтенію и ко всѣмъ старшимъ въ семействѣ и родствѣ, какъ это впрочемъ издавна водилось и теперь еще сохраняется въ народѣ Русскомъ. И теперь молодые старыхъ людей съ уваженіемъ называютъ въ разговорѣ: *дѣдушка*, или *бабушка*, среднихъ лѣтъ человѣка: *дядюшка*, *тетушка*, равныхъ себѣ: *братъ*. Ясное свидѣтельство семейнаго, добраго начала въ общественной Русской жизни.

Digitized by Google

Представляя этому примѣръ въ школѣ заведенной для бѣдныхъ дѣтей намѣстникомъ Сергіевой Лавры авторъ заключаетъ:

«Если, при этихъ основныхъ началахъ хорошей жизни, научатъ дѣтей опрятности около себя, не допуская приходить въ школу съ непричесанными волосами, неумытыми лицемъ и руками, въ изорванныхъ платьяхъ, научатъ всегда *говорить правду* и *никогда не лгать*, и если все это будетъ проявляться въ ихъ семейной жизни, то сего уже и довольно для дѣтей, выучившихъ азбуку, часословъ и псалтырь. Дальнѣйшее ученіе и примѣненіе его къ обязанностямъ и потребностямъ взрослой жизни должны начертать тѣ, которые призваны къ руководству взрослыхъ,» и проч.

За тѣмъ, въ разрѣшеніи вопроса: *что будетъ читать народъ выучившись грамотѣ, и какъ предупредить распространеніе чтенія книгъ безполезныхъ и даже вредныхъ*, сочинитель предлагаетъ свою мысль объ учрежденіи при каждой церкви сельскихъ библіотекъ, во 1-хъ, изъ книгъ, издаваемыхъ Св. Сѵнодомъ для назиданія народа въ Вѣрѣ и Христіанской нравственности; во 2-хъ, изъ книгъ, издаваемыхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, именно для образованія народа, въ той мѣрѣ, какая для него нужна и одобрена; въ 3-хъ, изъ книгъ, издаваемыхъ по предметамъ сельскаго хозяйства, разныхъ промысловъ и народной медицины, что̀ полезно было бы и для сельскихъ священниковъ, учащихся въ семинаріяхъ с. хозяйству и медицинѣ народной.

«Книги эти должны быть предназначены въ пользу сельскихъ жителей и раздаваемы имъ по выбору и указанію священниковъ. Крестьяне, зная, что у нихъ въ сельской библіотекѣ есть для нихъ нужныя и полезныя книги, не будутъ покупать вздорныхъ и пустыхъ. — Такимъ образомъ открылось бы въ Россіи свыше 20,000 народныхъ сельскихъ библіотекъ.»

Тогда можно было бы издавать дешево народныя книги, чему авторъ приводитъ и примѣръ, и это особенно важно для меня въ сей книжкѣ: Г. Масловъ предлагаетъ разсчетъ печатанія, на оберткѣ. Изъ него видно, что книжка въ 17 листовъ, отпечатанная въ числѣ 6,000 экз., можетъ продаваться у насъ по 15 к. сер., **или не дороже копѣйки серебромъ за листъ.** *М. П.*

Digitized by Google

2. Русская Старина, въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества, составлена (не лучше ли издаваемая?) *А. Мартыновымъ. Тетрадь 6.*

Въ этой тетради помѣщены: 1) церковь Грузинской Богоматери въ Москвѣ; 2) образъ и дверь, находящіеся въ этой церкви; 3) церковь при домѣ Графа Шереметева; 4) церковь въ селѣ Бесѣдахъ; 5) Введенская и 6) Пятницкая церкви въ Троице-Сергіевомъ посадѣ.

Приглашаемъ всѣхъ нашихъ читателей поддерживать болѣе и болѣе это прекрасное предпріятіе Г. Мартынова. Рисунки улучшаются со всякою тетрадью; текстъ Г. Снегирева исполненъ презанимательныхъ свѣдѣній. Посмотрите, какъ хороша церковь Грузинская! А сколько любопытнаго въ ея описаніи! Но мы не станемъ дѣлать извлеченій. Замѣтимъ только, въ дополненіе къ извѣстію объ Иванѣ Хабаровѣ, создателѣ Введенской церкви въ Троицкомъ посадѣ, что въ 1521 году, онъ спасъ Русскую честь, отбивъ подъ Рязанью грамоту, данную Царемъ Васильемъ Іоанновичемъ Крымскому Хану Мегметъ-Гирею на подданство. (Покойный С. Н. Глинка сочинилъ откуда-то его портретъ, который былъ приложенъ къ древнему Русскому Вѣстнику, 1810, кажется, года, и доставлялъ тогда большее удовольствіе юнымъ ревнителямъ Русской славы.) Пятницкая церковь, слѣдовательно, становится для насъ еще болѣе драгоцѣнною по воспоминанію о своемъ строителѣ.

Русская Старина должна идти впередъ, и для этого едва ли ей нужна рекомендація Петербургскихъ журналовъ, на которую издатель такъ простосердечно ссылается! *М. П.*

3. Русское стихосложеніе П. Перевлѣсскаго. Изданіе второе. 1849, въ 32 д., 88 стр.

Незнаніе математики, то есть счисленія, мѣры и взаимнаго отношенія вещей, есть великая причина многихъ неудачь въ житейскомъ бытѣ, въ хозяйствѣ, во всемъ, даже въ стихахъ. Хотите вы знать различіе стиховъ отъ прозы,— безъ умѣнья математически опредѣлять *разстоянія* вы въ этомъ не успѣете, по крайней мѣрѣ по словамъ автора «Русскаго Стихосложенія».

Digitized by Google

По его мнѣнію (§ 2), различіе состоитъ въ томъ, что «въ каждомъ стихѣ одно удареніе *отстоитъ* отъ другаго *на извѣстномъ опредѣленномъ разстояніи*, и это составляетъ его размѣръ, или мѣру; напротивъ, *каждая строка прозы* пользуется совершенной свободой относительно *разстоянія* ударе-ній, и *не подчинена одному господствующему ударенію*».

Изъ этого можно понять, что проза подраздѣляется только на *строки*, а стихи на ударенія, *въ извѣстномъ опредѣленномъ разстояніи* одно отъ другаго, и сверхъ того, въ соразмѣрномъ и *одинаковомъ* разстояніи, прибавляетъ § 3-й; слѣдовательно эту соразмѣрность и одинаковость *разстояній* надо опредѣлять и прикидывать на бумагѣ посредствомъ циркуля, по масштабу.

А что̀ такое стихъ.

§ 11. Соединеніе стопъ въ одной строкѣ образуетъ стихъ, который иначе называется *піитической строчкой*.» (!!!)

Отъ измѣренія прямыхъ линій стиховъ перейдемъ, мимо ударе-ній, то есть *силы* или *тона* стиховъ (?), къ значенію *риѳмы*.

Риѳма, по мнѣнію автора, есть только *роскошь стиха* (§ 19). А извѣстно ли вамъ, для чего употребляется риѳма?

«Риѳма употребляется *для слуха*, а *не для глазъ*.» Чтобъ обратить особенное вниманіе на это употребленіе, авторъ его подчеркнулъ; курсивная отмѣтка принадлежитъ ему.

§ 22-й извѣщаетъ, что риѳмы мужскія и женскія «*у насъ приняты*, для избѣжанія однообразія въ окончаніяхъ стиховъ, хотя, сказано въ скобкахъ, не безъ счастливыхъ исключеній.»

§ 23. Образуются риѳмы слѣдующимъ образомъ:

«Въ стихахъ ямбическихъ и анапестическихъ, которые по свойству стопъ (?) должны всегда оканчиваться мужеской риѳмою, для образованія риѳмы женской *прибавляется къ одному стиху слогъ лишній*.»

Digitized by Google

Надо, слѣдовательно, поэту имѣть въ запасѣ *лишніе слоги*, для прибавленія къ стихамъ ямбическимъ и анапестическимъ.—Но откуда жъ взять этотъ запасъ? вотъ откуда:

«Въ стихахъ же хореическихъ для образованія рѳмы мужеской, *отнимается одинъ слогъ*.»

Изъ этихъ отнимаемыхъ слоговъ у хорея и составляется запасъ *лишнихъ слоговъ*.

Довольно. Въ заключеніе скажемъ, что все замѣченное нами мы не принимаемъ за ошибки, а думаемъ, что это Греческія, Латинскія и вообще древнія правила стихосложенія, приспособленныя въ переводѣ къ Русскому стихосложенію. При этихъ условіяхъ книжечка имѣетъ все достоинство, во-первыхъ, какъ посильный трудъ, а во-вторыхъ, если «Русское стихосложеніе» напечатано для юношества, то юношество узнаетъ изъ этой книжечки, что̀ значитъ: *Поливакхій*, *Молоссъ*, *Дипиррихій*, *Антиспастъ*, *Епитритъ*, и пр. и пр., узнаетъ, къ какому древне-Греческому или Латинскому правилу относятся какіе угодно Русскіе стихи.

А. В.

4. Отвѣтъ Доктора Алексѣя Полунина на разборъ его разсужденія о холерѣ, написанный Докторомъ А. Блументалемъ. 1844, 8 д. 16 с.

Молодой Докторъ доказалъ убѣдительно, что онъ понимаетъ хорошо свое дѣло, говоритъ не наобумъ, и что сбить его не такъ легко. Всѣ возраженія своего рецензента онъ опровергнулъ болѣе или менѣе,—просто, ясно, отчетливо и скромно, хотя и съ сознаніемъ своего достоинства. Языкъ Русскій — прекрасный. Поздравляемъ нашу бѣдную медицинскую литературу съ новымъ дѣйствователемъ, желаемъ ему успѣха, и вмѣстѣ пожалѣемъ, что для нея нѣтъ у насъ органа. Лѣтъ пятнадцать назадъ, издавались Университетомъ Ученыя Записки, Вѣстникъ Европы, Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ, Политическій Журналъ, — не говоря уже о многихъ литературныхъ. Они разрушились, а какіе создались? Но теперь ученая жизнь вновь возвращается къ дѣятельности.

Digitized by Google

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Акты, относящіеся къ Исторіи Западной Россіи, т. II. 1848, въ 4-ку, с. III, 405, 15, 14; т. III, с. VIII, 317, 17, 13.*

2. *Дополненія къ Актамъ Историч., т. III, с. VII, 539, 7, 7.*

3. *Supplementum ad historica Russiae monumenta, ex archivis extraneis, c. XV, 542.*

4. *Письма Русскихъ Государей, томъ I, с. VIII, 326, 2[illegible]*

5. *Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, томъ 4. Новгородскія и Псковскія лѣтописи, с. VIII, 360.*

Ни одно общество въ Европѣ, ни одна Академія, ни одинъ Институтъ, не представляютъ ученому свѣту, въ такіе краткіе періоды, по стольку важныхъ трудовъ, какъ наша Археографическая Коммиссія. И между тѣмъ работаютъ въ ней преимущественно три человѣка: Гг. Бередниковъ, Григоровичъ и Коркуновъ. Непосредственный наблюдатель— Князь Шихматовъ, и двигатель, ободритель, Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Уваровъ. Честь и слава достойнымъ труженикамъ! Благодарность соотечественниковъ, почетное имя въ лѣтописяхъ науки, просвѣщеннымъ начальникамъ и меценатамъ!

Въ Актахъ Западныхъ, снабженныхъ дорогими примѣчаніями, * особенно примѣчательны «уставныя и другія граматы, объясняющія законодательство, судопроизводство, управленіе, и внутренній бытъ Литовской Руси; акты, поясняющіе исторію Православной Церкви въ Галичѣ, или Черной Руси; сношенія Сигизмунда съ Дмитровскимъ Княземъ Георгіемъ Ивановичемъ, 1507, противъ Великаго Князя Московскаго, уставы, объясняющіе Литовскую систему волостной управы въ XVI вѣкѣ,» и проч. и проч.

---

* Не знаю, кому именно принадлежатъ они — но въ нихъ ясенъ знатокъ и мастеръ своего дѣла.

Digitized by Google

Въ Историческихъ Актахъ — матеріалы для исторіи постепеннаго открытія и покоренія Сибири, и управленія тамошнимъ краемъ, 1645—1655 годовъ. Сюда относятся: отписки о плаваніи по рѣкѣ Амуру и военныхъ дѣйствіяхъ Хабарова, 1650—1654 г.; акты, объясняющіе исторію Русской торговли съ Англичанами, Голландцами и проч., 1648 — 1654; наказы о должностяхъ воеводъ и Архангельскаго стрѣлецкаго головы, 1646 — 1647 г.; жалованныя грамоты Московскимъ гостямъ и гостиной сотнѣ, торговымъ людямъ, и акты о состояніи гостиной и суконной сотенъ въ XVII столѣтіи, 1648 — 1649 г.; наказы и другіе акты о обращеніи крестьянъ Старорусскихъ, Заонѣжскихъ и Лопскихъ волостей въ солдаты, 1649 г.

Въ дополненіяхъ къ Иностраннымъ Актамъ замѣтимъ важныя бумаги Поссевина, пріобрѣтенныя Графомъ С. С. Уваровымъ въ Римѣ, въ 1844 году; грамоты Грознаго и сына его къ Папѣ Григорію XIII, Имп. Рудольфу, переписка его съ Баторіемъ, 1581 г.; акты, относящіеся къ борьбѣ православныхъ съ католиками и уніатами съ 1632—1764 г.; матеріалы для исторіи Ганзейской торговли.

О письмахъ предлагаемъ слѣдующее замѣчаніе ихъ редактора, Князя М. А. Оболенскаго, которому любители отечественныхъ древностей обязаны за это изданіе, вмѣстѣ со многими другими, важными для Русской Исторіи: «Большая часть писемъ, напечатанныхъ въ первомъ томѣ сего изданія, содержитъ въ себѣ, кромѣ привѣтственныхъ выраженій, извѣщеніе о здоровьѣ, о пріѣздахъ въ разныя мѣста Царственныхъ особъ, во время путешествій ихъ для поклоненія святымъ мѣстамъ, и проч. Не отличаясь богатствомъ содержанія и ограничивалсь краснорѣчіемъ, свойственнымъ этому роду переписки, которая, съ нѣкоторыми исключеніями, приготовлялась дьяками по оффиціальной формѣ, эти письма драгоцѣнны по отношенію ихъ къ Царственнымъ особамъ, отъ лица которыхъ они происходили; но не имѣютъ той занимательности, которую возбуждаютъ памятники Исторіи въ собственномъ смыслѣ. Въ этомъ исключаются многія

Digitized by Google

письма, дополняющія біографію особъ Царскаго семейства и проливающія свѣтъ на современныя событія. Въ нихъ наиболѣе примѣчательны: а) отписки Царя Михаила Ѳеодоровича, Патріарха Филарета и посланника Амвросія Ладыженскаго о политическихъ сношеніяхъ съ Крымомъ, и о пріемѣ въ Москвѣ Крымскихъ пословъ, 1619 г.; б) того же Царя и Патріарха о переговорахъ съ Поляками, касательно опредѣленія границъ между Россіею и Польщею, 1619 г., и о непропускѣ Литовскихъ посланниковъ чрезъ Вязьму въ Москву, 1629 г.; того же Патріарха Царю о заготовленіи въ Новгородѣ продовольствія для наемныхъ Нѣмецкихъ полковъ, по случаю войны съ Польшею, 1631 г., и г) Патріарха Никона Царю Алексѣю Михайловичу, о переѣздѣ на пути въ Москву изъ Соловецкаго монастыря въ г. Онѣгу съ мощами св. Филиппа Митрополита, 1652 г., и объ опустошеніи Москвы моровымъ повѣтріемъ, 1655 г., и проч.»

Во второмъ томѣ сего изданія будутъ заключаться письма Петра Великаго, особъ его семейства и нѣкоторыхъ историческихъ лицъ, жившихъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Что касается до изданія лѣтописей, при всемъ почтеніи къ труду, мы довольны имъ по прежнему не вполнѣ. Не говорю уже о томъ, что мы не видимъ, почему такая-то лѣтопись называется четвертою (вопросъ, который относится и къ прежнимъ: почему тѣ называются первою, второю, третьей), мы не видимъ здѣсь и четвертой лѣтописи передъ собою (какъ не видѣли и первыхъ трехъ): когда она писана, была ль продолжаема, съ чего начинается? Въ первой строкѣ ея мы читаемъ: Годъ 6721, *см. въ Новогородской второй лѣтописи, стр.* 122. Слова: *побѣди.... дворъ*. Что это значитъ, я рѣшительно не понимаю. Такъ начинается 4-я лѣтопись? Не можетъ быть, ибо выставлено 5 списковъ. Все предъидущее одинаково со 2-ю лѣтописью? Такъ для чего это не сказано ни гдѣ, ни въ примѣчаніяхъ, ни въ предисловіи? Повторяю: по этимъ изданіямъ не только не видишь состава лѣтописей, но не можешь и добраться до него, потому что всѣ нужнѣйшіе концы, *швы*, признаки, скрадываются по методѣ избѣгать повтореній, которая ни-

Digitized by Google

какъ не можетъ быть исполнена безъ ущерба для многихъ вопросовъ.

Въ предисловіи сказано о главномъ спискѣ: начинается Русскою лѣтописью, входящею въ составъ средняго текста временника Нестора! Что это за средній текстъ?

Лѣтописи должны быть изданы какъ онѣ суть, безъ мудрствованій лукавыхъ, на кои будемъ мы имѣть право тогда, когда увидимъ ихъ всѣ сполна. Ни Шлецеръ, ни Карамзинъ, не имѣли объ этомъ надлежащаго понятія, потому что не доходили до тѣхъ вопросовъ, которые теперь намъ представляются. Вторая просьба — печатать въ два столбца, ибо путешествовать изъ одной строки въ другую иногда за однимъ слогомъ — затрудненіе и отягощеніе весьма утомительное. Для индексовъ такія длинныя строки и такія огромныя страницы представляютъ также великое неудобство.

Замѣчу еще, что первый списокъ 4-й Новогородской лѣтописи, равно какъ и списокъ Псковской, принадлежатъ мнѣ, а не П. М. Строеву. *М. П.*

6. Историческіе разсказы. Соч. А. Ишимовой. 1849. 324 стр. въ 8 дол.

Не помнимъ кто-то началъ очень умно повѣсть свою слѣдующимъ образомъ: «У нѣкоихъ родителей было три сына и три дочери; сыновья были все мальчики, а дочери дѣвочки....» Эта риторическая фигура *усиленія* почти необходима въ настоящее время, когда изъ сыновей выходятъ часто дѣвочки, а потомъ бабы, а изъ дочерей, смѣлыя юноши и отчаянныя мужчины. Въ юной Франціи это перерожденіе уже вполнѣ совершилось и дало свои плоды: дамы, встрѣчаясь другъ съ другомъ, съ восторгомъ повторяютъ: «Il y en a qui demandent à remplacer notre costume par des habits d'homme, comme ça sera joli!....

Однакоже, съ этимъ перерожденіемъ мужчинъ въ женщинъ, а женщинъ въ мужчинъ, большая часть и мужчинъ и женщинъ несогласны, и стоятъ на томъ, что это *неесте-*

Digitized by Google

ственно. Довольствуясь этимъ простымъ убѣжденіемъ бо́льшей части, мы также думаемъ, что надо непремѣнно заботиться о томъ, чтобъ сыновья были мальчиками, а дочери дѣвочками, и сообразно съ этимъ условіемъ воспитывались, пріобрѣтали навыки и свѣдѣнія, соотвѣтственныя полу.

Здѣсь слѣдуетъ размежеваніе: женщины должны воспитываться женщинами, а мужчины мужчинами. Изъ этого слѣдуетъ: какъ не должно быть общей *дѣтской* для сыновей — мальчиковъ, и дочерей — дѣвочекъ; такъ не слѣдуетъ быть и общей дѣтской библіотеки для чтенія. Пусть ужъ одну сочиняютъ мужчины, а другую женщины. Одно только общее и одинаковое для тѣхъ и другихъ основаніе: религія. На этихъ условіяхъ мы будемъ разбирать *дѣтскія книги*, не смотря на то, что всѣ прекрасныя наши писательницы дѣтскихъ книгъ пишутъ взаимное чтеніе для обоихъ половъ.

Передъ нами лежитъ теперь презанимательный сборникъ прелюбопытныхъ статеекъ, подъ заглавіемъ: «Историческіе разсказы,» сочиненіе А. О. Ишимовой. Эта прекрасная книга, однакоже, не посвящена собственно дѣтямъ: А. О. обращается въ ней къ милымъ читателямъ и читательницамъ; и потому, всякой, кто хочетъ воспользоваться названіемъ милаго, можетъ читать ее съ любопытствомъ, и пріобрѣсти свѣдѣнія о Виѳлеемѣ, Неаполѣ и Помпеѣ, о Крезѣ, Валлисѣ, Дофинѣ, Орлеанской дѣвѣ, Рубенсѣ, Дмитревскомъ, карликѣ Бебе, о Казани, Академіи Художествъ, Петрѣ Великомъ и о страстной недѣлѣ въ Іерусалимѣ. *А. В.*

7. Руководство къ изученію формъ и порядка дѣлопроизводства, составленное К. З. 1848. Стр. VI и 318. въ 8 д.

Конечно, непростительно кому бы то ни было, не знать тѣхъ законовъ, подъ покровительствомъ которыхъ онъ живетъ: это настоятельная необходимость не только юристовъ, но и всякаго образованнаго человѣка. Не всѣ могутъ пользоваться въ этомъ случаѣ Сводомъ Законовъ по его обширности, а потому для удовлетворенія вновь явившейся потребности хотя ограниченнаго знанія отечественныхъ законовъ стали появляться у насъ съ нѣкотораго времени

Digitized by Google

весьма часто извлеченія изъ Свода. Таковы: «Указатель законовъ для Сельскихъ Хозяевъ,» Дегая, «Указатель законовъ для купечества,» Колоколова, «Руководство къ Россійскимъ законамъ,» Рождественскаго, и проч.

Къ этому же разряду относится и Руководство Г. К. З....; самъ авторъ въ предисловіи говоритъ: «Мнѣ оставалось извлечь эти правила и формы изъ Свода Законовъ и изъ другихъ уставовъ и положеній, не вошедшихъ въ Сводъ, и привести ихъ въ учебную систему» (стр V). Нельзя не пожалѣть объ одномъ: формы дѣлопроизводства, чрезвычайно разнообразныя, не вполнѣ исчерпаны авторомъ; онъ ограничился формами, обнародованными въ Сводѣ. Но у насъ, какъ и вездѣ, существуютъ ѣще юридическіе обычаи судебныхъ мѣстъ, — и на нихъ-то Г. К. З.... не обратилъ никакого вниманія. Жаль также, что онъ нигдѣ не дѣлаетъ ссылокъ на статьи Свода; намъ кажется, что было бы весьма удобно означать въ началѣ каждой главы томъ и статьи Свода Законовъ, которыя опредѣляютъ извѣстное учрежденіе. Это было бы особенно полезно для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ какимъ-либо предметомъ.

За исключеніемъ этихъ, по нашему мнѣнію, недостатковъ, Г. К. З. оказалъ большую услугу весьма многимъ. Чтобы показать, въ какой степени полноты онъ очертилъ свой предметъ, довольно сказать, что все Руководство дѣлится на двѣ части: въ первой, послѣ предварительныхъ понятій, разсматривается общее управленіе, гражданское, военное и духовное; во второй — порядокъ и формы дѣлопроизводства: общія правила производства дѣлъ и формы и порядокъ сношеній. Говоря о каждомъ установленіи, авторъ показываетъ составъ его и предметъ вѣдомства. Нельзя не отдать полной справедливости такому способу изложенія. Конечно, многіе будутъ благодарны автору за его изданіе, стоившее ему трудовъ, потому что въ Руководство вошли и тѣ учрежденія, которыхъ нѣтъ въ Сводѣ.

М. К.

Digitized by Google

8. Очеркъ современнаго состоянія Стратегіи. Соч. Генеральнаго Штаба капитана Н. Непълова.

Хотя это прекрасное, коротко и ясно изложенное, сочиненіе вышло въ свѣтъ уже болѣе года; но мы не считаемъ излишнимъ изложить нѣкоторыя наши мнѣнія по этому предмету, особенно въ отношеніи военнаго искусства древнихъ народовъ.

Мы не согласны съ объясненіемъ слова *стратегія* по разумѣнію Грековъ, какъ излагаетъ авторъ; не согласны съ опредѣленіемъ стратегіи, и главное, съ тою мыслію, что значеніе стратегіи въ древности было ничтожно.

Слово *стратегія* у Грековъ никогда не означало *военной хитрости*: для этого у нихъ было слово *стратагема*. Отъ слова στρατία — войско, στρατηγός — воевода и στρατηγεία — стратегія — *воеводство*, и слѣдовательно въ приложеніи къ познанію воеводства — наука или искусство воеводства; однородное слово съ Греческимъ *стратіа*, Русское *строй*; въ этомъ смыслѣ совѣщанія Владиміра Великаго «*О устрои земнемъ и о ратѣхъ и о уставѣ земнемъ*» значили: объ учрежденіяхъ войсковыхъ, сраженіяхъ и земскихъ законахъ.

Это именно *искусство*; слово *стратигъ* значитъ военачальникъ, воевода.

Авторъ опредѣляетъ: *стратегія есть наука вести войну*; но это почти то же, что сказать: стратегія есть военная наука; между тѣмъ какъ въ этой наукѣ заключается весь объемъ военныхъ познаній. *Стратегія* же собственно въ смыслѣ науки есть наука военныхъ соображеній; *тактика* — военныхъ дѣйствій. Въ организмѣ войска — *стратегія* есть движеніе мысли къ опредѣленной цѣли; тактика — движеніе и дѣйствіе членовъ къ исполненію этой мысли.

Такимъ образомъ, сознательно или безсознательно, но съ образованіемъ организма присутствуетъ уже въ немъ и душа. Стратегія и есть именно та разумная душа, безъ которой и древніе не могли вести войны.

Digitized by Google

Не говоря уже о стратегическихъ правилахъ Вегеція, соотвѣтственныхъ способу Римлянъ вести войну, мы углубимся далѣе въ исторію и найдемъ правила стратегіи тысячи за три лѣтъ до нашего времени. Найдемъ рядомъ и стратегію, и тактику, и регулярное войско, въ законахъ Ману, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, вкратцѣ только упоминались военныя правила, существовавшія уже въ то время.

«Отъ предводителя зависитъ войско; отъ благоразумнаго распредѣленія трудовъ зависитъ порядокъ.

«Онъ (Раджъ, военачальникъ) обезпечитъ свое мѣстопребываніе, отъ нашествія непріятеля, непроходимой пустыней, непроницаемымъ лѣсомъ, горой, стѣнами изъ камней или кирпичей, рвомъ, наполненнымъ водой, и вооруженными силами.

«Крѣпость должна быть снабжена оружіемъ, деньгами, продовольствіемъ, бойнымъ скотомъ, крѣпостными рабочими, орудіями, сѣномъ и водой.

«Его войско должно постоянно упражняться воинскимъ ученіемъ. Онъ внушаетъ мужество, сохраняетъ въ тайнѣ, то что должно быть тайной, и развѣдываетъ слабѣйшую сторону непріятеля.

«Раджархъ, котораго войско въ постоянномъ воинскомъ упражненіи, страшенъ для всѣхъ, ибо содержитъ народовъ въ благоуваженіи посредствомъ военныхъ силъ своихъ.

«Да дѣйствуетъ онъ благочестно и, не прибѣгая къ ухищреніямъ, да будетъ всегда на-сторожѣ къ открытію коварныхъ замысловъ враговъ.

«Раджархъ долженъ смотрѣть на ближайшаго сосѣда своего, какъ на постояннаго непріятеля, равно и на его союзниковъ; на сосѣда своего непріятеля, какъ на постояннаго своего союзника; а на всякаго раджу, внѣ этихъ отношеній сосѣдства, какъ на посредниковъ, принадлежащихъ и непринадлежащихъ къ той или другой сторонѣ.

«Постоянно долженъ онъ обдумывать шесть предметовъ: выгоды мира и союзовъ, цѣли войны, движеніе силъ, раздѣленіе ихъ, удобства стана и обезпеченіе помощи отъ союза съ сильнымъ.

«Онъ долженъ знать, что есть два рода союзовъ и военныхъ дѣйствій, два рода расположеній станомъ, два рода движеній и два рода дѣйствія вспомогательныхъ силъ.

Digitized by Google

«Два рода союзовъ имѣютъ цѣлью: выгоды неотлагаемыя, или выгоды въ послѣдствіи; условія дѣйствовать соединенно, или врозь.

«Два рода военныхъ дѣйствій: война за себя, или за обиду своего союзника.

«Два рода движенія силъ: движеніе отдѣльное и движеніе соединенное.

«Два рода укрѣпленій станомъ: при ослабленіи собственныхъ силъ, или въ споспѣшествованіе союзника.

«Для обезпеченія удачи военнаго предпріятія, войско раздѣляется на двѣ части.

«Принявъ надлежащія мѣры для охраненія своего владѣнія, изготовивъ все для похода и всѣ потребности для содержанія войска въ непріятельской землѣ, разославъ лазутчиковъ, обозрѣвъ *три* пути и устроивъ *шесть* родовъ силъ своихъ (слоны, конница, пѣхота, колесницы, начальники отрядовъ и обозъ), сообразно *правиламъ* военнаго искусства, онъ двинется къ столицѣ непріятельской.

«Во время движенія силы устраиваетъ: въ порядокъ *столбовой*, порядокъ *колесницы*, *борова*, порядокъ Мáкара, порядокъ клина и Гарура (раскинутый какъ крылья).

Столбовой строй — колонна; въ головѣ *Баладхіакша* * *предводящій*, вожатый; въ срединѣ—военачальникъ-раджархъ; въ хвостѣ — *Сенапати*, *командующій*, повелѣвающій гласно **. По сторонамъ слоны, подлѣ нихъ кони, потомъ пѣхота. Это строй похода во время опасеній нападенія со всѣхъ сторонъ.

Строй колесницы (*съ дышломъ*). Это строй колонны съ разширеннымъ и усиленнымъ хвостомъ, при опасеніи нападенія сзади.

Строй борова — есть строй колонны, въ которой усиленъ и разширенъ центръ, на случай атаки съ боковъ.

Строй рыбы Макара — напротивъ, центръ съуженъ, а голова колонны и хвостъ усилены, на случай опасенія нападенія спереди и сзади.

Строй клина — когда отборныя войска впереди и колонна устроена конусомъ, идущимъ основаніемъ впередъ.

---

* *Баладхіакша* — Великія очи пути.

** *Сенапати* — генералъ.

Digitized by Google

Строй Гаруда или Гарура (птица) есть раскинутый фронтъ и уподобляющійся птицѣ съ распростертыми крыльями.

«Во время похода онъ (Раджъ-военачальникъ) сосредоточиваетъ силы свои въ ту сторону, откуда предвидитъ опасность, самъ же находится въ средѣ, въ отрядѣ устроенномъ въ видѣ *лотоса* (треугольникомъ).

«Онъ учредитъ со всѣхъ сторонъ *посты* (сторожевые отряды), составленные изъ надежныхъ воиновъ, знающихъ всѣ сигналы, способныхъ воздерживать нападеніе (атаку) и затруднять непріятеля, мужественныхъ и вѣрныхъ.

«Завязывать сраженіе должно небольшой массой, которую по соображенію усиливать, и устроивъ войско *клиномъ*, или *еромовой стрѣлой*, вступать въ сраженіе.

«Въ равнинахъ употреблять слоновъ и конницу; въ мѣстахъ водныхъ — слоновъ и вооруженныя суда; въ лѣсистыхъ мѣстахъ и покрытыхъ кустарниками — стрѣльцовъ; въ открытыхъ мѣстахъ — мечниковъ, щитниковъ и другіе роды оружія,» и пр.

Въ этихъ краткихъ отрывкахъ обязанностей воеводы, мы видимъ, что въ Индіи была военная наука, въ которой заключались и стратегическія и тактическія, фортификаціонныя и кастраметаціонныя правила; была наука въ полномъ объемѣ, тѣмъ болѣе неизбѣжная уже въ то время, что правительственное — охранительное сословіе кшатріевъ заключало въ себѣ *раджановъ*, или сословіе урожденныхъ, постоянныхъ воиновъ.

Такимъ образомъ, если говорить объ образованныхъ древнихъ народахъ, то положенія автора, на счетъ древнихъ, не вполнѣ справедливы, будто бы у нихъ не было ни военныхъ тягостей, ни запасовъ, ни огнестрѣльнаго, или, лучше сказать никакого оружія кромѣ рукопашнаго; будто бы имъ угрожать тылу непріятеля, обходить его фланги не было ни цѣли, ни времени.

Въ замѣну даже современнаго огнестрѣльнаго оружія у нихъ было свое: *каменобросцы*, эти колесницы, бросавшія камни; *стрѣлы ядовитыя*, а наконецъ *огнеметныя*, о которыхъ упоминается въ законахъ Ману, хотя тѣ и другія признаются *оружіемъ безчестнымъ*. *А. В.*

Digitized by Google

ИЗДАНІЯ ОДЕССКІЯ.

1. Новороссійскій календарь на 1849 годъ, изд. отъ Ришельевскаго Лицея. Одесса, въ город. тип. 1848. стр. 413, 33 и V въ 8-ку.

Въ теченіе десяти лѣтъ Новороссійскій календарь пріобрѣлъ такую заслуженную извѣстность, что не нуждается ни въ какихъ похвалахъ. Первыя три отдѣленія его имѣютъ преимущественно мѣстный интересъ, дѣлая его необходимою справочною книжкою для жителей всего края; послѣднее всегда заключаетъ въ себѣ прекрасныя любопытныя статьи, составляющія пріобрѣтеніе статистики и географіи. На этотъ разъ главнѣйшія статьи въ немъ:

«О внѣшней торговлѣ Новороссійскаго края и Бессарабіи въ 1848 году,» *Б. Ф.* Отсюда узнаёмъ, что общая цѣнность оборотовъ заграничной торговли при Одесскомъ портѣ простиралась въ прошедшемъ году слишкомъ *до тридцати милліоновъ рубл. сереб.* (по отпуску за границу почти на 21 милл., по привозу оттуда болѣе нежели на 9 милл. р. с.) По различнымъ причинамъ цѣнность эта значительно менѣе (почти на 16 милл. р. с.), въ сравненіи съ 1847 годомъ. *Хлѣба въ зернѣ*, важнѣйшаго продукта Новороссійскаго края, вывезено было изъ Одессы болѣе *двухъ милліоновъ четвертей* (въ 1847 г. слишкомъ *три милл.*).—Вторая статья: «Пространство и народонаселеніе Новороссійскаго края,» *А. Скальковскаго.* Вотъ главныя данныя изъ нея: Новороссія и Бессарабія занимаютъ болѣе *двадцати одного милліона десятинъ*; число жителей простирается за *три милліона душъ* обоего пола. Самое бо́льшее населеніе находится въ Одесскомъ градоначальствѣ (гдѣ не придется и $\frac{1}{2}$ десятины земли на одну душу), самое мѣньшее въ Таврической

Digitized by Google

губ. (болѣе 10½ дес. на одного жителя). Во всемъ этомъ числѣ считается: христіанъ болѣе 2,750,000 д., не-христіанъ—съ небольшимъ 375 т. — Прочія статьи «Календаря,» суть: «Историко-статистическій очеркъ Бахчисерая,» *Ф. Домбровскаго*; «О холерѣ въ Одессѣ, въ 1848 г.;» «Одесская городская публичная библіотека» (изъ которой пріятно узнать возрастающее процвѣтаніе этого прекраснаго заведенія*); «Объ учрежденіи въ Одессѣ 2-й гимназіи,» и наконецъ—«Описаніе гербовъ главныхъ городовъ Новороссійскаго края и Бессарабіи,» рисунокъ которыхъ приложенъ при началѣ книги.

Замѣтимъ еще, что вся сумма, выручаемая отъ изданія «Новороссійскаго календаря,» обращается на содержаніе и образованіе бѣдныхъ воспитанниковъ при Ришельёвскомъ Лицеѣ.

---

* Въ 1830 г. въ ней было книгъ 5000 томовъ, а въ 1848 это число болѣе чѣмъ удвоилось; посѣтителей для чтенія въ 1843 г. было 400, а въ прошедшемъ болѣе 2½ тысячъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

МОСКОВСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Параша дочь сельскаго священника. Часть I. X, 192. Часть II. 217. Москва. Въ Сунодальной типографіи. 1848.

Между добродѣтелями, которыя съ самыхъ древнихъ временъ украшали Русскихъ Царицъ и Царевенъ, сіяла постоянно одна: сердобольное попеченіе о воспитаніи прекраснаго пола. Въ послѣднее время мысль Царской Дочери, внимательная къ духовнымъ нуждамъ Русскаго народа, какъ Ангелъ любви, проникла въ смиренныя жилища сельскихъ священниковъ, — и вотъ, подъ сѣнью этого Ангела, возникло прекрасное учрежденіе для образованія бѣдныхъ дочерей ихъ и для приготовленія достойныхъ сопутницъ жизни служителямъ алтарей Господнихъ. Нашлись примѣрныя исполнительницы воли Высокой Основательницы этого учрежденія, а въ числѣ талантовъ Русскихъ открылось и прекрасное, живое перо, одушевленное всею любовію къ добру святому, перо, которое начертало образецъ питомицы заведенія. Авторъ скрылъ свое имя; но, кромѣ женскаго рода, который употребляетъ Авторъ, говоря о себѣ, и чувствомъ отгадали бы мы, что это цѣломудренное произведеніе въ наше время могла создать только чистая душа женщины. Здѣсь изображенъ не отвлеченный идеалъ дѣвушки, но живое существо, подверженное слабостямъ и искушеніямъ свѣта, которыя сопряжены съ самимъ образованіемъ. Повѣсть назначена для сестеръ, для подругъ Параши. Всякое слово въ этой книгѣ исполнено для нихъ жизни и значенія, и трогаетъ ихъ за живое. Къ нимъ обращаясь, говоритъ Авторъ: «Вы, милыя мои, готовитесь здѣсь для великой цѣли — соединить впо-

Digitized by Google

слѣдствіи судьбу вашу съ людьми, предстоящими алтарю; вы готовитесь быть ихъ помощницами, какъ въ облегченіи скорбей братій нашихъ во Христѣ, такъ и въ распространеніи чистѣйшей христіанской любви и нравственности въ странѣ будущаго вашего жительства.»

Релизіозно-практическая мысль, состоящая въ томъ, чтобы начертать живымъ примѣромъ обязанности жены священника, особенно ясно выражена слѣдующими словами:

«Если непремѣнно должно быть истинно честнымъ, справедливымъ и благонамѣреннымъ, для точнаго исполненія обязанностей своихъ къ Царю земному, то каковъ же долженъ быть человѣкъ, посвятившій себя служенію Царя небеснаго?

«А потому и жена его, данная ему въ помощницы самимъ Богомъ, неминуемо должна уподобляться ему во всемъ, раздѣляя съ нимъ попеченія и тѣмъ облегчая трудную его обязанность, и не только, сохрани Боже! не мѣшать ему какою-нибудь недосмотрительностью или легкомысліемъ, но еще всѣми силами стараться подкрѣплять и поддерживать его въ тяжкомъ подвигѣ самоотверженія, и усиливать еще, а не ослаблять въ немъ состраданіе и любовь ко всѣмъ несчастнымъ. Священникъ долженъ забывать себя и свои выгоды тамъ, гдѣ ближній требуетъ отъ него этой жертвы; а жена его не только не препятствовать въ этомъ и не сокрушаться, ссылаясь на собственные недостатки, а напротивъ, всѣми силами поддерживать благое чувство; онъ поставленъ на то, чтобы помогать своимъ ближнимъ, и питая ихъ духовною пищею, выискивать способы снабдить и тѣлесною въ случаѣ нужды. Вотъ тутъ жена его должна удвоить свою дѣятельность и неусыпными трудами, порядкомъ и бережливостію въ хозяйствѣ, доставить ему къ тому возможность.

«Священникъ, приносящій великую, святую жертву о спасеніи, есть исполнитель христіанскаго закона, основаннаго на одной любви; слѣдственно долженъ быть самъ истинное милосердіе и любовь, и тогда только можетъ безъ осужденія носить на себѣ это великое званіе.

«Жена его, какъ другая его половина, должна замѣнять его; напримѣръ: если ему некогда ходить за больнымъ, гдѣ часто неусыпное стараніе необходимо; тутъ жена его должна исполнять все, что отъ нея зависитъ; также навѣстить скорбнаго, провести съ нимъ нѣсколько времени, посмотрѣть, есть ли кому ходить за дряхлымъ старикомъ, приготовить ему что-нибудь полегче обыкновенной пищи; при себѣ перевязать рану больнаго, или подать другія пособія простыми, извѣстными всѣмъ, средствами; позаботиться, чтобы ему было лучше и покойнѣе лежать; чтобы воздухъ былъ очищенъ, и прочее, на что женщины вообще болѣе способны, нежели мужчины; вотъ непремѣнная обязанность жены священника.

Digitized by Google

«И вотъ та благая цѣль, къ которой готовитъ васъ Высокая Покровительница ваша, милые друзья мои, воспитанницы благотворительнаго училища въ Царскомъ Селѣ! Не правда ли, какое высокое, какое святое назначеніе ваше! Не только быть исполнительницами повелѣній Святыя Церкви, что требуется и вообще отъ всѣхъ насъ, для спасенія души каждаго; но отъ васъ ожидаютъ еще гораздо болѣе, именно спасенія не одной своей, а многихъ постороннихъ душъ чрезъ подаваемый благій примѣръ собственной вашей жизни: какое высокое предназначеніе, какая награда тамъ, гдѣ воздается за все свыше мѣры, и такъ, что мы, слабые смертные, и вообразить не можемъ!» (Ч. 2., стран. 97 — 99.)

Параша, главное лицо повѣсти, вышла изъ прекрасной, благочестивой семьи: Отецъ ея, священникъ села Никольскаго, Гавріилъ Степановичь, представляетъ образецъ исполненія своихъ духовныхъ обязанностей.

Сѣмя добра уже вложено въ сердце Параши ея бабушкой, матерью и особенно отцемъ. Это положеніе весьма разумно придумано Авторомъ. Сравнивая Парашу съ дочерью Графини, помѣщицы села, Авторъ говоритъ о воспитаніи сей послѣдней: «Воспитаніе это было основано на однихъ приличіяхъ свѣта, и самое пустое препровожденіе времени занимало несчастную дѣвочку; при изобиліи, ее окружающемъ, при всѣхъ способахъ къ образованію души, она однако не слыхала ни одного слова о настоящей цѣли, къ которой должны мы стремиться; и отъ того вышло, что простая бѣдная дочь сельскаго священника, Параша, была гораздо возвышеннѣе въ чувствахъ души своей, нежели эта жалкая Графиня.... Елена (имя Графини) не только Славянскій, но даже и Русскій языкъ не совсѣмъ понимала и не любила его.»

Параша семи лѣтъ лишается матери. Отцу нѣтъ возможности, при обязанностяхъ пастыря, воспитывать дѣтей. Такимъ образомъ, сама собою возникаетъ необходимость помочь ему въ этомъ священномъ дѣлѣ. Параша, 12-ти лѣтъ, въ благотворительномъ заведеніи Царскаго Села, окружена подругами-сестрами и нѣжными заботами самаго милосердаго и разумнаго объ ней попеченія.

Digitized by Google

Здѣсь по днямъ разсказаны ея занятія. Мы входимъ во всѣ подробности училища. Она за уроками изъ Закона Божія, изъ Русскаго языка, изъ Географіи. Она въ огородѣ, въ полѣ, на кухнѣ. Она въ дневальныхъ. Она въ хорѣ дѣвицъ, согласно поющихъ во храмѣ Божіемъ. Все это воспитаніе и ученіе основано не на пустомъ блескѣ, не на пріобрѣтеніи знаній ненужныхъ, но на томъ, что составляетъ сущность внутренней нашей жизни, и что необходимо для внѣшней. Во время ученія, связи между школою и семьею нисколько не прерваны, а напротивъ, подкрѣпляются и питаются перепискою, въ которой дочь отдаетъ отцу подробный отчетъ обо всѣхъ своихъ успѣхахъ, и сама, получая письма отъ отца, бережетъ ихъ какъ сокровище.

Осмнадцатилѣтняя дѣвушка, изъ свѣтлыхъ и чистыхъ залъ Царскосельскаго училища, возвратилась въ простую крестьянскую избу отца своего. Трогательная, наставительная рѣчь священника-родителя встрѣтила ее здѣсь и запечатлѣла въ душѣ ея живымъ словомъ уроки, вынесенные изъ школы. Авторомъ предусмотрѣны всѣ обстоятельства, какія ожидали ее въ деревнѣ и въ домѣ отца. Исполненная свѣжихъ силъ и воспоминаній обо всѣхъ добрыхъ внушеніяхъ училища, сначала она побѣждаетъ препятствія. Все идетъ прекрасно. Но вотъ Парашу, получившую образованіе не совсѣмъ обыкновенное въ ея званіи, встрѣчаютъ искушенія свѣта. Графиня, сосѣдка села, съ своею вертлявою дочкою, привлекла Парашу къ себѣ. Наружный блескъ свѣтской жизни подѣйствовалъ на воображеніе молодой дѣвушки. Пустые разговоры, наряды, развлеченія, удовольствія, все это привлекло ее, и она стала уже находить домъ свой очень для нея скучнымъ. Ей захотѣлось и Французскаго языка, и платья поцвѣтнѣе, и наконецъ танцовальныхъ уроковъ. Пустота свѣтской жизни, закрадываясь мало по малу въ чистую душу Параши, приводитъ ее наконецъ къ тому послѣдствію, что она отклоняетъ отъ себя даже и то назначеніе, для котораго была воспитана. Семинаристы ей противны, и въ искренней бесѣдѣ съ отцомъ она объявляетъ, что съ такимъ воспитаніемъ, какое получила, можетъ выйти за чиновника или за офицера.

Digitized by Google

Но само Провидѣніе двумя ударами спасаетъ несчастную. Въ то время, когда она повторяла урокъ изъ галопа, которому выучилась въ домѣ Графини, пожаръ вспыхнулъ въ хижинѣ отца ея. Это несчастіе открыло ей глаза на тѣхъ людей, въ которыхъ она полагала свою надежду, и познакомило ее съ другими, которыхъ она не знала. Свѣтская ласка Графини спала какъ личина, при видѣ несчастной, которая своимъ горемъ докучно разстроивала ея веселье. «Дайте ей серебряный рубль, терпѣть не могу попрошаекъ!» отвѣчала на голосъ скорби ложная женщина, въ которой всякое живое чувство было убито свѣтскою суетою. Несчастіе сблизило ее съ другою женщиной, съ помѣщицею Анною Васильевною, которая не покрывалась румянами фальшивой свѣтскости, а соединяла истинное образованіе съ жизнію простою, сельскою и богоугодною. Анна Васильевна представляетъ типъ той доброты, радушія и христіанскаго сердоболія, который вы встрѣчаете въ глуши нашей православной земли, но который слишкомъ рѣдко останавливаетъ взоры нашихъ повѣствователей, изображающихъ будто бы дѣйствительность. Въ одной повѣсти Г. Григоровича прошлаго года мы замѣтили намѣреніе изобразить такой типъ, довольно удачное. — У доброй барыни есть подобная ей служанка. «Такіе-то есть люди на святой Руси! восклицаетъ Авторъ, и ими-то держится весь міръ.» И точно, есть они, такіе люди! Въ ихъ простыхъ душахъ, недоступныхъ ни для какой лжи свѣтской, дѣйствуетъ благодать того свѣта истины, который въ наше время мы должны называть началомъ древней Руси, ибо оно есть лучшее сокровище, ею намъ завѣщанное и немногимъ въ ней открытое. Мы, увлекаемые наружнымъ блескомъ поставленныхъ на всеобщемъ виду дѣйствій, не примѣчаемъ тѣхъ героевъ, которые скрываются во внутренней нашей жизни. Дѣломъ искусства было бы обнаруживать ихъ сокровенное бытіе; но искусство еще не доросло до нихъ.

За пожаромъ слѣдуетъ другое несчастіе — болѣзнь отца. Душа Параши, въ которой воспитаніе возрастило добрыя сѣмена вѣры, послѣ сильныхъ ударовъ судьбы, окрѣп-

Digitized by Google

ла рѣшительно, и тогда-то снова воскресла въ ней мысль о томъ назначеніи, для котораго она была воспитана. Она соединяетъ судьбу свою съ судьбою священника, который наслѣдуетъ больному отцу ея, и вся жизнь ея, отнынѣ, посвящена одной святой цѣли.

Разсказавъ вообще соодержаніе повѣсти, мы обратимся къ внутреннему характеру произведенія, которому глубоко сочувствуемъ. Здѣсь разсѣяно много мыслей, относящихся къ человѣку вообще, къ Русскому народу, его воспитанію, къ нашей древней жизни, къ нашей Вѣрѣ, Церкви, обрядамъ, нравамъ, одеждѣ, предразсудкамъ. Всѣ они связаны единствомъ прекраснаго духа, состоящаго въ уваженіи къ человѣческому достоинству и въ любви къ народу Русскому. Мы выпишемъ нѣсколько такихъ мыслей; онѣ лучше познакомятъ насъ съ тѣмъ внутреннимъ содержаніемъ книги, котораго разсказать нельзя.

Вотъ какъ Авторъ въ предисловіи разумѣетъ человѣческое достоинство, не гордясь за человѣка, какъ язычники гордились, и какъ въ подражаніе имъ гордятся гуманисты новаго времени, но сознавая его величіе съ христіанской точки зрѣнія еще выше, нежели какъ могъ сознавать его язычникъ.

«Человѣкъ малъ, очень малъ, друзья мои, въ сравненіи съ вещественнымъ міромъ, но онъ великъ, чрезмѣрно великъ Тѣмъ, по чьему образу и подобію сотворенъ, и что обитаетъ въ душѣ его! Ни объ одномъ свѣтилѣ Господь не изрекъ: «*Сотворимъ его по образу Нашему и по подобію.*» (Ч. I. стран. VIII.)

Это чувство человѣческаго достоинства въ настоящемъ его смыслѣ проникаетъ всю книгу и соединяется съ чувствомъ любви къ своему народу и особенностямъ его жизни въ томъ, что онѣ имѣютъ въ себѣ истинно прекраснаго.

Вотъ какъ говоритъ Авторъ о любви народа Русскаго къ духовному образованію и назидательному чтенію.

«Народъ нашъ въ душѣ своей привержекъ къ Богу, и только по недостатку средствъ къ просвѣщенію себя въ дѣлѣ спасенія невольно остается въ своемъ грубомъ невѣжествѣ; эти простые люди сильно желаютъ слышать, понимать и научиться великому дѣлу спасенія души;

Digitized by Google

но по незнанію, безъ различія, прибѣгаютъ какъ къ истиннымъ учителямъ, такъ и къ противникамъ истины, и впадаютъ неминуемо въ заблужденіе. Вотъ причина, отъ чего хитрые раскольники такъ часто увлекаютъ неопытныхъ въ свои сѣти.

• «*Кто бы ни началъ читать, или толковать, народъ нашъ готовъ слушать; конечно по чистотѣ своихъ неисporченныхъ душъ онъ сохраняетъ это стремленіе къ Слову Божію, и, не любя никакихъ нововведеній, онъ съ восторгомъ принимаетъ все, что касается до духовныхъ познаній; слѣдственно эти люди не такъ грубы, какъ многіе объ нихъ думаютъ*, они равнодушны, они холодны къ какимъ-нибудь политическимъ вѣстямъ, хотя бы самымъ занимательнымъ и понятнымъ для нихъ, даже и веселымъ; читайте имъ газеты, новости, они не станутъ слушать и навѣрное всѣ разойдутся, сказавъ вамъ откровенно: а что намъ до этого, пусть себѣ Нѣмцы живутъ какъ хотятъ! но *попробуй же прочесть житіе Святаго, всякой готовъ слушать, всякой станетъ просить васъ разтолковать*, что показалось ему непонятно; явное доказательство, что желаетъ вникнуть въ подлинный смыслъ и воспользоваться примѣромъ; или со слезами на глазахъ, будутъ креститься и говорить: *вотъ какъ жили Святые Угодники Божіи!* — Охъ! гдѣ намъ грѣшнымъ угодить такъ Господу Богу! — а посмотришь, и точно не рѣдко бывали примѣры, что угодитъ, да такъ угодитъ, какъ никакой глубокомысленный мудрецъ этого міра и вообразить не въ состояніи; такую высокую добродѣтель, такое совершенное самоотверженіе совершитъ этотъ грубый, непросвѣщенный слушатель тѣхъ истинъ, которыя умудряютъ младенцевъ.

»Слѣдственно, худо дѣлаютъ тѣ, которые пренебрегаютъ въ этомъ случаѣ простыхъ слушателей всегдашнею отговоркою: что имъ толковать, или читать, они ничего не поймутъ?

»Учености человѣческой? это правда; но въ томъ, что касается до истинъ Евангельскихъ, тутъ простые, безхитростные люди назидаются скорѣе, такъ называемыхъ, просвѣщенныхъ. Божественная благодать скорѣе дѣйствуетъ на сердца смиренныя, не зараженныя гордою кичливостію пытливаго разума.» (Ч. II. стран. 108—111.)

Такъ разумѣетъ Авторъ набожность Русскаго народа въ нѣкоторыхъ обрядахъ Церкви и домашней жизни.

«Пріятно видѣть, съ какимъ усердіемъ мужичекъ зажигаетъ и ставитъ свѣчку, купленную иногда на послѣднія свои выработанныя деньги; какъ молится предъ образомъ и сколько кладетъ земныхъ поклоновъ; старушки, молодыя дѣвушки, парни, даже и ребятишки съ большимъ благоговѣніемъ это исполняютъ.» (Ч 2. стран. 129.)

Digitized by Google

«Это первое и лучшее украшеніе дома сельскаго священника и всякаго другаго хозяина, привлекая взоръ, радуетъ и успокоиваетъ душу посѣтителя, своею святостію и неизмѣннымъ покровительствомъ Угодниковъ Божіихъ, которыхъ лики представлены на иконахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, производитъ невольный, внутренній страхъ въ душѣ недоброжелательнаго гостя, пробуждая въ немъ уснувшую совѣсть! Добрый человѣкъ, перекрестясь съ усердіемъ, дѣлается еще добрѣе, а злой невольно смягчается въ душѣ, бросивъ взоръ на Св. иконы, предъ которыми нерѣдко теплятся восковыя свѣчки, и отъ того, какъ бы опасаясь, что преступные его замыслы могутъ быть видимы, содрогается въ душѣ и становится лучшимъ.

«Точно, предки наши ничего не дѣлали безъ намѣренія высокаго и святаго; вездѣ была одна нравственная набожная цѣль.

«Но мы отдалились отъ нашей повѣсти, виновата: всегда увлекаютъ меня незабвенные обычаи православной Руси.» (Ч. 1 стран. 76.)

Такъ, по мнѣнію Автора, велика сила вѣры Русскаго народа въ изцѣленіяхъ.

Въ деревнѣ негдѣ взять лекаря; некого просить о помощи; и точно уже одинъ Богъ остается прибѣжищемъ больнаго; отъ того-то между простыми, но благочестивыми людьми чаще случаются чудеса и въ нашъ вѣкъ; много не думая о помощи человѣческой, они съ истинной вѣрой прибѣгаютъ къ единственному ихъ Врачу—Господу Богу! и за то по вѣрѣ ихъ и дается имъ! У нихъ часто съ одра неизцѣлимой, смертной болѣзни поднимается больной, именно одною горячею, сердечной молитвой, что рѣдко уже можетъ случиться въ городахъ, гдѣ надежда на мнимое просвѣщеніе, если не доводитъ до невѣрія, то весьма ослабляетъ и безъ того уже малую вѣру въ людяхъ. (Ч. II. стран. 51.)

Не можемъ не привести одного мѣста, изъ котораго видно сочувствіе Автора къ народной Русской одеждѣ.

«Старуха, будущая свекровь Параши (такъ говоритъ Анна Васильевна) терпѣть не можетъ Нѣмецкаго платья и землю деретъ, за чѣмъ сынъ ея женится на *боярышнѣ!* представь какая безмозглая голова! но закоренѣлая въ своихъ предразсудкахъ до того, что пожалуй не взлюбитъ Парашу, за одинъ покрой ея платья; что ты будешь съ ними дѣлать? Вотъ я съѣздила къ моей милой невѣстѣ, разсказала ей все это, и она, какъ бы ты думала? тотчасъ, ни минуты не остановясь, отвѣчала мнѣ, что готова надѣть сарафанъ, если этого желаетъ мать будущаго ея мужа, которую она должна любить и уважать, и потому желаетъ ей понравиться чѣмъ бы то ни было; а носить Нѣмецкое или Русское платье для нея все равно; даже послѣднему отдаетъ преимущество какъ собственному своему предъ чужимъ, иноземнымъ, и что съ этой

Digitized by Google

минуты даетъ слово, никогда не шить себѣ платья, а носить сарафаны, душегрѣйки и все что угодно будетъ ея будущей свекрови. Какова же моя Параша? я не даромъ твержу, что она необыкновенная дѣвушка; и когда я было стала говорить, что не надобно повиноваться всякимъ глупостямъ, то она остановила меня, сказавъ: не говорите такъ, моя благодѣтельница! вспомните, что Марья Ивановна мать моего будущаго мужа, и потому я не должна примѣчать ея глупостей, какъ вамъ назвать было угодно; а по мнѣ такая приверженность къ прежнимъ обычаямъ очень похвальна; она *любитъ Русскую одежду, стало быть она любитъ Россію;* слѣдственно не осуждать, а хвалить ее надобно за это, и мнѣ ли, которая должна пріучать себя къ исполненію всѣхъ ея прихотей, идти противъ такого простаго, сроднаго всякому человѣку требованія? Напротивъ, я еще болѣе люблю за это Марью Ивановну, и сегодня же единственное мое платье перекрою на сарафанъ.» (Ч. 2. стран. 81 и 82.)

«Какъ пристали ей эти алыя штофныя ферязи съ блестящими галунами, какъ хорошо шелъ къ лицу ея унизанный бусами кокошникъ съ жемчужною поднизью и накрытый тонкимъ блестящимъ покрываломъ, какъ великолѣпно обхватывала стройный станъ ея синяя бархатная шубейка. Какое-то величіе было во всей ея осанкѣ.» (Ч. 2. стр. 89.).

Но сочувствуя народу во всемъ его прекрасномъ, Авторъ умѣетъ видѣть и его недостатки, и особенно вооружается противъ предразсудковъ. Таковы встрѣча съ священникомъ, примѣты о дняхъ въ недѣлѣ. Признаюсь, трудно повѣрить, чтобы свекровь Параши уже въ старыхъ лѣтахъ отвыкла отъ нихъ; образованіе скорѣе будетъ дѣйствовать на новыя поколѣнія и въ нихъ конечно можетъ уничтожить суевѣріе, вкореняющееся въ насъ вмѣстѣ съ жизнію. Приведемъ мѣсто о дняхъ въ недѣлѣ.

«Для насъ, Христіанъ, ни *тяжелыхъ*, ни *несчастныхъ* дней быть не можетъ; это пагубное суевѣріе осталось еще отъ идолопоклонства; судите же, какой грѣхъ этому вѣрить! Вы же знаете, что по нашему закону, всѣ дни недѣли распредѣлены такъ, что *понедѣльникъ* посвященъ Ангеламъ, Архангеламъ и всѣмъ небеснымъ силамъ; *вторникъ* Св. Іоанну, Пророку, Предтечѣ и Крестителю Господню; *среда* и *пятокъ* Кресту, которымъ побѣдилъ Господь смерть и адъ, и даровалъ намъ животъ вѣчный; *четвертокъ* Св. Апостоламъ и Св. Николаю Чудотворцу; *суббота* Мученикамъ и всѣмъ Святымъ. *Воскресенье* Самому Господу Іисусу Христу, который тридневно воскресъ изъ мертвыхъ.»

Digitized by Google

Такими чистыми, вѣрными и возвышенными мыслями усѣяно это сочиненіе. Приведемъ еще два мѣста о нашихъ Славянскихъ духовныхъ книгахъ и о силѣ примѣра, дѣйствующаго отъ высшихъ на низшихъ.

«Что же касается до нравоучительныхъ и духовныхъ сочиненій, то къ чему намъ искать ихъ далеко, когда мы имѣемъ на своемъ природномъ языкѣ столько истинныхъ сокровищъ, такъ писанныхъ, что точно никакія умственныя разсужденія иностранныхъ писателей сравниться съ ними не могутъ? Наши Славянскія духовныя книги заключаютъ въ себѣ такое краснорѣчіе, такой высокій слогъ, при изображеніи столь неоспоримыхъ истинъ, что неоспоримо является въ нихъ все свыше ума человѣческаго; это такая чистѣйшая нравственность, такія высокія добродѣтели, которыя не могли быть постигнуты иначе, какъ Духомъ Святымъ.» (Ч. 2. стран. 103.)

»Вотъ какъ много значитъ примѣръ того, кто поставленъ выше другихъ! и потому начальники, господа и госпожи, также отцы, матери и старшіе въ семействѣ должны строже всѣхъ смотрѣть сами за собою, и прежде исправленія другихъ стараться исправить свои поступки; потому что *ни строгость, ни приказаніе никогда не произведутъ того добра, что совершитъ можетъ хорошій примѣръ; никакое наставленіе не подѣйствуетъ такъ сильно на подвластныхъ вамъ людей, какъ образецъ собственной вашей жизни.*»

Форма и стиль этой повѣсти напоминаютъ намъ подобныя произведенія Англійской Словесности, которая, какъ извѣстно, изобилуетъ нравоучительными романами для всякаго сословія, пола и возраста. Пріемы Автора иногда похожи на прекрасную манеру Миссъ Эджеворть. Но есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прелесть чувства женскаго, собственно принадлежащая Автору. Этого чувства вы не найдете въ аристократическомъ романистѣ Англіи, которая не питаетъ къ простому народу той любви, какую питаетъ Авторъ Параши. Только любя народъ можно было такъ изучить его бытъ и прежде увидѣть его достоинства, а потомъ уже его недостатки, да и тѣ съ глубокимъ объ нихъ сожалѣніемъ. Авторъ входитъ въ избу Русскаго крестьянина, какъ Русская, и прежде съ благоговѣніемъ молится въ ней святымъ иконамъ, ее духовно украшающимъ, а уже послѣ

Digitized by Google

замѣчаетъ нечистоту избы; прежде указываетъ на живое сѣмя Вѣры въ сердцѣ народа, а уже послѣ сѣтуетъ о его предразсудкахъ, мѣшающихъ развитію добраго сѣмени. Картины изъ простаго Русскаго быта, изъ жизни нашихъ селъ, изъ жизни духовнаго сословія, чрезвычайно какъ оживляютъ разсказъ, который читается легко, просто, свободно, и занимаетъ умъ, согрѣвая сердце. Прекрасное человѣческое чувство проникаетъ всю повѣсть — и его прелесть рисуется живыми образами. Припомнимъ картину дѣтей, идущихъ за гробомъ матери, гнѣздо съ птичками, новый домъ послѣ пожара, отстроенный крестьянами для отца Гавріила, и особенно сановитый, всегда величавый и спокойный образъ этого священника, который одинаковъ и въ радостяхъ семейныхъ, и въ скорбяхъ жизни.

Порадуемся за литературу нашу, на женской ея половинѣ. Въ то самое время когда литераторъ-мужчина обращается у насъ по большей части къ мрачной сторонѣ нашей дѣйствительной жизни, и даже иногда съ какимъ-то страннымъ къ ней сочувствіемъ, виднымъ изъ направленія искусства и неяснымъ для самого литератора, — чистое, непорочное чувство женское устремляетъ наше вниманіе въ другую сферу, гдѣ отдыхаетъ душа и живетъ сердце. Пріятно замѣтить, что эта гармонія души, составляющая главную черту внутренняго содержанія женскихъ произведеній нашей Словесности, отзывается такою же гармоніею и въ самомъ слогѣ. Намъ особенно понравились въ разбираемой повѣсти простые разговоры лицъ, а въ слогѣ самого Автора нерѣдко поражало насъ сильное, живое слово, изъ котораго видно и рѣдкое знаніе языка, и не совсѣмъ обыкновенное искусство править родною рѣчью. Пожелаемъ этой полезной и пріятной книгѣ многихъ и многихъ читателей. Ее можно рекомендовать также, какъ одно изъ лучшихъ сочиненій въ небогатой нашей литературѣ относительно воспитанія.

С. Шевыревъ.

Digitized by Google

2. Указатель Законовъ о Дворянствѣ. Сост. Колоколовъ. 1849. Стр. 417 и XV въ 8-ку.

Въ предъидущей книгѣ Москвитянина мы говорили о томъ, что съ нѣкотораго времени появился у насъ особый разрядъ юридическихъ сборниковъ, составляющихъ извлеченіе изъ Свода Законовъ; въ числѣ ихъ мы назвали и «Указатель Законовъ для Купечества,» Г. Колоколова. И вотъ тотъ же авторъ является съ новымъ сборникомъ, назначеннымъ для дворянъ.

Остановимся сначала на названіи новой книги. Намъ кажется, что правильнѣе было бы назвать ее сборникомъ законовъ, а не указателемъ. Притомъ, въ сборникъ Г. Колоколова вошли и тѣ законы, которые относятся не къ однимъ дворянамъ исключительно, а приложимы ко всѣмъ гражданамъ; таковъ напр. по большей части 4-й раздѣлъ его книги. Названіе книги имѣетъ своего рода важность: имъ опредѣляется содержаніе. Въ чемъ же состоитъ содержаніе Указателя?

Г. Колоколовъ дѣлитъ свой сборникъ на 4 раздѣла: въ первомъ помѣщены узаконенія о правахъ, обязанностяхъ и преимуществахъ дворянства вообще; во 2-мъ — о правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности дворянства по владѣнію населенными имѣніями и крѣпостными людьми; въ 3-мъ — о службѣ по дворянскимъ выборамъ и въ 4-мъ тѣ законы изъ Уложенія о наказаніяхъ, которые прямо относятся къ дворянству. Въ эту раму вошли всѣ законы о дворянахъ. Мы замѣтимъ только, что 3-й отдѣлъ долженъ бы, кажется, предшествовать 2-му, и что напрасно опущены узаконенія, касающіяся до крестьянъ помѣщичьихъ, тѣсно связанныя съ законами о дворянствѣ; такъ напр. указъ 3 марта 1847 года. Ясно, что новый сборникъ написанъ съ цѣлью практическою; поэтому намъ кажется, что

Digitized by Google

напрасно также въ немъ упущены изъ виду постановленія межеванія, столь необходимыя для дворянъ. Наши требованія не могутъ показаться строгими, потому что въ сборникахъ такого рода, каковъ Г. Колоколова, главная и исключительная заслуга составителя состоитъ въ правильномъ порядкѣ и полнотѣ; все остальное сдѣлано прежде — матеріалъ готовъ.

Для устраненія всѣхъ недостатковъ, могущихъ вкрасться въ порядокъ изложенія, составитель приложилъ къ своей книгѣ «Ключь» или «Алфавитъ», по которому легко найти все нужное. Кромѣ того приложены къ «Указателю» формы отчетовъ, вѣдомостей, табелей, граматъ и проч. — Вообще новый Указатель — трудъ полезный, которому нельзя не желать успѣха.

Мы хотѣли было сказать еще о цѣнѣ книги: 5 руб. сер. кажется намъ дорого для такого труда. Впрочемъ, если были охотники платить за «Указатель Законовъ для Сельскихъ Хозяевъ» ту же цѣну, то найдутся они и для новой книги, тѣмъ болѣе, что она полнѣе и имѣетъ то же содержаніе: дворяне большею частію суть вмѣстѣ и сельскіе хозяева. *М. К.*

3. Жемчужный Фонтанъ. Романъ Поля Феваля. 1849. въ 12 д. въ 4 ч. I — 135. II — 155. III — 167. IV — 132.

Поль Феваль принадлежитъ къ категоріи новыхъ Французскихъ романистовъ, которые подъ начальствомъ Дюма и К°. еще недавно господствовали на Европейскихъ книжныхъ рынкахъ. Это новое реставрированное искусство. Оно безъискуственнѣе всего, что до сихъ поръ писалось; никакое искусство въ мірѣ такъ глубоко не презирало законы искусства; съ другой стороны, оно самое искусственное, потому что все въ немъ на ходуляхъ: «словечка въ простотѣ не скажетъ, все съ ужимкой.»

Digitized by Google

Въ искусствѣ какомъ бы то ни было, классическомъ или христіанскомъ, главное дѣло было въ идеѣ, въ художественномъ выполненіи. Но вѣдь это и трудно, и иногда не выполнимо. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, провести идею, если ея не существуетъ ни въ романѣ, ни въ головѣ автора? Какъ выдержать характеры, если это одинъ легкій эскизъ, и характеры выступаютъ изъ какой-то волшебной дали, представляются смутно даже взорамъ своихъ творцевъ? Надо было найти новыя машины, придумать новыя средства, изобрѣсти новые законы. Все это сдѣлали современные Французскіе романисты. Задана работа типографическимъ станкамъ; летучія созданія воспаленнаго воображенія понеслись по всѣмъ концамъ земли. Но внесены ли новые элементы въ искусство? Открыты ли новыя дороги къ сердцу человѣка? Указана ли новая цѣль искусству? Да, все это сдѣлано новыми романистами, новые элементы ихъ искусства — трескучіе эффекты, безпрерывная нескончаемая цѣпь самыхъ неправдоподобныхъ, самыхъ невозможныхъ событій, между которыми общаго — только произволъ автора. Новые пути къ сердцамъ людей — это щекотанье раздраженныхъ, болѣзненныхъ нервовъ разными наркотическими средствами; правда, что это ядъ — но ядъ пріятный, онъ нравится не только Китайцамъ, но и Европейцамъ. Новая цѣль ихъ искусства—быть забытымъ завтра же, тотчасъ же по прочтеніи.

Къ такому-то искусству принадлежитъ и Жемчужный Фонтанъ, Поля Феваля. Для большинства онъ, конечно, многимъ хуже Монте-Кристо, Записокъ врача и т. п., потому что онъ очень бѣденъ основой романовъ этой руки, событіями. По нашему же мнѣнію это гораздо лучше, потому что проще.

Что касается до перевода, то нельзя не замѣтить крайней небрежности, съ которою онъ исполненъ. Мало того, что языкъ не чистъ, не строго правиленъ, но даже просто небреженъ. Вотъ доказательства:

Digitized by Google

«Чернило лилось рѣкой. У гусей не стало перьевъ, такъ что, говорятъ, знаменитый Шалоне Мемуаръ, очень краснорѣчивый впрочемъ, писалъ» (т. 2. с. 34). Или: «крестьянинъ нѣсколько секундъ лежалъ на землѣ, потомъ тихонько *всталъ* (?) возлѣ маркиза (,) но въ почтительномъ отдаленіи» (т. III. с. 37). Или «возлѣ нея *сидѣлъ на колѣняхъ* (?) молодой человѣкъ»..... (ib. с. 167). Или: «*мнѣ самому* пробѣгала дрожь по тѣлу, я сильно страдалъ»..... (т. IV. 22).

Разговорный языкъ переводчика нестерпимо вялъ, и, читая Жемчужный Фонтанъ, сдается, что попалъ въ гостинный дворъ.

Эпитеты, которыми другъ друга величаютъ Бретонскіе дворяне, ни чѣмъ не лучше тѣхъ, которые предшествуютъ или слѣдуютъ непосредственно за звонкими быстролющимися восклицаніями: «атласъ, канифасъ, щетки, помочи, сапоги,» и пр. и пр. и пр. Но эти восклицанія мы получаемъ даромъ, а за книги надо платить. *Д. Т.*

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ИЗДАНІЯ.

1. Умѣнье побѣждать, твореніе Генералиссимуса, Князя Италійскаго Графа Суворова-Рымникскаго. Новое изданіе. 1848. Съ портретомъ.

«Хорошо быть великимъ орудіемъ времени, а еще лучше быть записаннымъ, въ книгѣ судебъ человѣчества, свѣтлыми чертами.» Не знаемъ, кто изъ великихъ полководцевъ кромѣ Суворова, уподобился болѣе Побѣдоносному Вождю силъ, кто болѣе его сохранилъ законъ чести и христіанскаго благочестія? Когда военная наука, обратилась на Западѣ въ искусство, и стала преподавать военныя ухищренія, обманы и фокусы, Суворовъ былъ послѣдній, великій представитель истинной, *прямой* побѣды; но онъ первый приложилъ къ военной наукѣ физическій законъ, что настоящая сила заключается не въ количествѣ силы, а въ

Digitized by Google

быстротѣ ея движенія, и что отъ степени быстроты движенія, одна и та же сила удвоивается, утроивается, удесятеряется и т. д. соразмѣрно полету. На этомъ-то законѣ и основана его *наука побѣждать*. Въ ней каждое слово возбуждаетъ духъ къ движенію быстрѣе и быстрѣе. Все коротко, ясно. Это необходимый катехизисъ для солдата; тутъ всѣ правила сжаты въ одно слово, и это одно слово для Русскаго солдата понятнѣе длинныхъ рѣчей, которыя, толкуя что-нибудь, требуютъ сами на себя толкованій.

До Суворова, въ Европѣ, великимъ образцомъ полководцевъ былъ Фабій-медлитель. Это медлительство, основанное на выжиданіи собственнаго паденія силы непріятеля, составляетъ отрицательную сторону военнаго дѣла, плодъ ея не побѣды надъ врагомъ, но избавленіе отъ врага. Эта система, какъ исключеніе, также необходима; но эта система не побѣдоносная, не Суворовская, а наконецъ не Русская. Образецъ Русской системы Суворовъ. Безъ этого образца, Наполеонъ, можетъ быть, давилъ бы массой войскъ Германію, какъ артиллеристъ поражалъ бы громами артиллеріи; но не поднялъ бы на крылья своихъ легіоновъ: въ этомъ случаѣ онъ былъ ученикъ Суворова.

Всеобъемлющій военный геній Наполеона, усвоивъ Суворовскую быстроту, и усиливъ ее массой и артиллеріей, не усвоилъ себѣ правила, что *коренной народъ* не покоришь ни уничтоженіемъ войска, ни взятіемъ столицы. Для этого нужно было обратить ему вниманіе на тщетный походъ Дарія Гистаспа, на древнюю Русь, извѣстную еще подъ названіемъ Скиѳіи. Ему покоряется только пустое пространство.

Наполеонъ повторилъ въ Россіи роль Дарія, не обративъ вниманія на то, что духъ народа не измѣняютъ вѣки.

Упоминая о Суворовѣ и объ его «*умѣньи побѣждать*», не льзя умолчать о Русскомъ солдатѣ вообще. Духъ Суворова истекаетъ изъ свойствъ Русскаго солдата. Суворовъ былъ именно душа, свойственная организму Русскихъ военныхъ силъ, и никогда эти могучія мышцы и члены не ослабѣвали при сильныхъ, порывистыхъ *движеніяхъ* руководящаго ими духа, никогда не роптали, не противились ему,

Digitized by Google

и нельзя не благодарить *«стараго воина»*, который въ разсказахъ своихъ о Суворовѣ оправдалъ Русскаго солдата, отъ ложнаго анекдота, помѣщеннаго даже въ «Исторіи Суворова,» соч. Е. Б. Фукса: будто бы Русская рать, при переходѣ черезъ Сен-Готардъ, *не хотѣла идти на нее, стала*, и Суворовъ принужденъ былъ воскликнуть для возбужденія духа: *«копайте мнѣ могилу! похороните меня въ ней! вы уже не дѣти мои! Я вамъ не отецъ!»* Это ложь, клевета, умышленная, или неумышленная, безъ сомнѣнія сочиненная невѣжествомъ, которое преукрасило силу духовную полководца на счетъ его *силы* вещественной.

»Разсказы стараго воина о Суворовѣ» * любопытнѣйшая книга; она пополняетъ многія страницы Исторіи, и этотъ простодушный, прямой отъ души разсказъ полонъ занимательности, для каждаго кто любитъ вспомнить о Суворовѣ. *В.*

2. Историческое обозрѣніе общихъ законоположеній въ Пруссіи. К. Лебедева. 1848. Стр. 46 въ 8-ку.

Сочиненіе это принадлежитъ къ числу немногихъ изслѣдованій, знакомящихъ насъ съ состояніемъ иностраннаго права; только взглядъ на него Русскаго ученаго, не помраченный пристрастіемъ, спокойный взглядъ на дѣло чужое, можетъ быть вполнѣ истиннымъ, а историческое изложеніе предмета еще нагляднѣе представляетъ всѣ его стороны, знакомитъ насъ съ движеніемъ кодификаціи. Нельзя не поблагодарить автора за его трудъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что сочиненіе о томъ же предметѣ въ отношеніи къ Россіи: «О кодификаціи въ Россіи,» Ѳ. Л. Морошкина до сихъ поръ не явилось въ свѣтъ. «Сѣверное Обозрѣніе,» въ которомъ оно обѣщано было, внезапно прекратилось еще въ прошломъ году, и, Богъ вѣсть, когда возобновится.

Книга Г. Лебедева, не обширная въ объемѣ, богата содержаніемъ; мы представимъ главнѣйшіе выводы его, прослѣдимъ въ общихъ чертахъ исторію составленія общаго законодательства въ Пруссіи.

---

* Изданіе Москвитянина, въ 8-ю долю. 480 стр., цѣна 1 р. 50 к. с.

Digitized by Google

Единство нашего права установилось давно; еще въ 1649 году Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича издано съ тѣмъ, чтобы «людямъ Московскаго Государства судъ и правда были всѣмъ равны.» Не такъ было въ Пруссіи. «Здѣсь, говоритъ авторъ, ещѣ не могло быть связи нравственной, основанной на единствѣ и соотвѣтствіи частей: ибо не было ни единства языка и науки, ни даже единства историческихъ событій, и отношенія преграждались своеземною отдѣльностью каждой части.» Не смотря однако на всѣ благопріятныя обстоятельства, въ 1747 г. былъ изданъ для Пруссіи Corpus juris Fridericiani; Трибоніаномъ Фридриха былъ извѣстный ученый Самуилъ фонъ Кокцей, и самое Уложеніе было сколкомъ съ Римскаго. По смерти Кокцея, въ 1775 г. была окончена и утверждена верховною властью общая Прусская книга законовъ, которая, послѣ нѣсколькихъ измѣненій, введена въ дѣйствіе въ 1794 г. подъ названіемъ: «Общее туземное право для Прусскихъ Государствъ.» Это донынѣ дѣйствующій общій законъ Прусскаго Королевства. — Новыя обстоятельства потребовали измѣненія законовъ, которое и совершилось подъ редакціею Ф. Кампца, потомъ Мюллера и наконецъ Савиньи; послѣдній, какъ представитель исторической школы, самъ не увѣренъ былъ въ возможности составить уложеніе въ наше время.

Таковъ, въ общемъ очеркѣ, историческій ходъ кодификаціи въ Пруссіи. Сравнивая его съ исторіею нашего законодательства, нельзя не замѣтить нашего преимущества: Сводъ Законовъ изданъ у насъ тогда, когда ни одно государство западное не имѣло такого собранія, когда въ Пруссіи шли толки ученыхъ, отъ которыхъ выигрывала, можетъ быть, наука, но не практика и государственная жизнь народа. Вотъ какъ ученый авторъ разбираемой нами книги опредѣляетъ вліяніе науки и общественнаго мнѣнія на законодательство Прусское:

«Наука и, общественное мнѣніе показываетъ несомнѣнное вліяніе на составъ и содержаніе новыхъ мѣръ и положеній въ Пруссіи. Послѣднее ихъ вызываетъ, а первая обработываетъ.

Digitized by Google

«Если справедливо требовать сближенія науки съ жизнью, то, конечно, нигдѣ это требованіе не имѣетъ столь прямаго основанія, какъ въ дѣлѣ права законодательства, и особенно въ судѣ и расправѣ, руководящихъ (?) и ограждающихъ жизнь. Но для сего необходимо, чтобы наука отвлекалась отъ умозрѣній и не потакала возрожденію ихъ въ дѣловыхъ требованіяхъ. Вліяніе науки и ученаго министра-правовѣда ощутительно въ предначертаніяхъ закона о разводѣ. Исполненіе совершающагося пересмотра законовъ, по главнымъ раздѣламъ законодательства, представитъ тому еще болѣе поводовъ.

Вліяніе общественнаго мнѣнія ощутительно въ принятіи, хотя неполномъ, началъ гласности, изустности и новомъ порядкѣ доказательствъ. Оно ощутительно въ предъявленіи и другихъ требованій и въ стремленіи къ уновленіямъ, возбужденномъ еще во времена прошедшихъ событій. Въ какой мѣрѣ принятыя начала оправдаютъ ожиданіе, покажетъ опытъ: при участіи науки, требованія сіи могли возникнуть только подъ вліяніемъ подражанія; наука очевидно уступила шагъ общественному мнѣнію. Опытъ же докажетъ и справедливость предостереженія, завѣщаннаго покойнымъ королемъ, прошедшимъ тернистое поприще жизни съ 1797 по 1840 годъ:

«Воздержаніе отъ столь сильно распространившейся страсти къ нововведеніямъ; предохраненіе отъ непрактическихъ теорій, безчисленное множество которыхъ теперь въ такомъ ходу; но вмѣстѣ съ тѣмъ предохраненіе отъ столь же почти вреднаго излишняго пристрастія къ старинѣ, ибо тогда только, когда съумѣютъ избѣжать обоихъ этихъ подводныхъ камней, тогда только удаются истинно полезныя улучшенія.» (Стр. 41 и 42).

Изъ этого отрывка читатели могутъ видѣть чистоту языка автора: онъ нигдѣ не употребляетъ иноземныхъ словъ, даже говоря объ иностранномъ правѣ. Такъ, слово *коллегіальность* онъ замѣняетъ словомъ совмѣстность, *внѣшнее право* — обрядное, *практика* — обычность, *реформа* — уновленіе, *документы* — подлинники, *практическое* — дѣловое, *официальный* — присутственный, и проч. Пора наконецъ оставить странную привычку считать обиліе иностранныхъ словъ признакомъ страшной учености; нѣтъ спора, что съ перваго раза трудно отстать отъ нихъ, и мы далеки отъ того, чтобъ выдавать всѣ замѣненія Г. Лебедева непо-

Digitized by Google

грѣшительными; но нельзя не встрѣтить съ участіемъ всякую новую попытку къ очищенію нашего языка отъ наплыва чуждыхъ словъ. Такъ и мы должны поблагодарить за это автора. О слогѣ должны замѣтить: въ жертву точности часто приносится легкость, бываютъ видны какъ будто слѣды перевода, отъ чего книга читается иногда не безъ затрудненія. Въ слѣдующей книгѣ Москвитянина мы познакомимъ читателей съ другимъ важнымъ сочиненіемъ Г. Лебедева. *М. К.*

3: Естественная Исторія для юношества. Млекопитающія. Изданіе Кораблева и Сирякова. 1849. Съ 60 листами рисунковъ.

При воспитаніи дѣтей всѣ чувствуютъ недостатокъ въ Русскихъ руководствахъ по естественной исторіи, и особенно такихъ руководствахъ, которыя бы можно было дать дитяти для обыкновеннаго чтенія. Ничто не можетъ быть полезнѣе и сроднѣе съ любопытствомъ юнаго возраста, какъ сочиненія, знакомящія его съ окружающими предметами, съ предметами природы. Но такія сочиненія должны быть написаны съ большимъ знаніемъ дѣла.

Естественная Исторія для юношества, отчасти пополняетъ этотъ недостатокъ. Къ сожалѣнію, изъ всей естественной исторіи въ этой книжкѣ, весьма опрятно изданной, описанъ одинъ только классъ животныхъ, которыя въ системѣ извѣстны подъ названіемъ *млекопитающихъ*, или *звѣрей*, если исключимъ человѣка.

Въ описаніи этого класса животныхъ авторъ слѣдовалъ системѣ извѣстнаго зоолога Кювье. Въ началѣ, при разсматриваніи каждаго разряда, семействъ и рода обыкновенно излагаются общіе существенные ихъ признаки, потомъ означаются мѣста, гдѣ водятся животныя, и наконецъ описывается образъ ихъ жизни.

Вообще книга, изданная Кораблевымъ и Сиряковымъ, представляетъ довольно хорошую выборку изъ разныхъ руководствъ, преимущественно написанныхъ на Французскомъ

Digitized by Google

языкѣ (*Мильнъ Эдвардсъ, Салякру* и др.). Объясненіемъ тексту служатъ 60 таблицъ съ рисунками животныхъ, большею частію чисто и отчетливо сдѣланными.

Жаль, что при составленіи этого, во всякомъ случаѣ весьма полезнаго труда, вкрались нѣкоторыя ошибочныя понятія.

Способъ воззрѣнія или точка, съ которой авторъ смотрѣлъ на излагаемый имъ предметъ, выражена имъ самимъ такимъ образомъ:

1. «Предлагаемое сочиненіе написано ни съ цѣлію ученою, ни съ цѣлію учебною; поэтому онъ не входилъ въ подробности анатомическаго строенія животныхъ и физіологическихъ процессовъ ихъ природы, что необходимо для полноты науки, излагаемой въ строгой системѣ.

2. «Назначая свое сочиненіе преимущественно для того, чтобы пробуждать въ юношахъ охоту внимательно разсматривать и изучать окружающіе ихъ предметы, авторъ старался оживлять свои описанія рѣзкими чертами нравовъ, животныхъ и картинами мѣстности (для чего онъ присоединилъ много анекдотовъ, почерпнутыхъ имъ изъ разсказовъ путешественниковъ и естествоиспытателей).»

Дѣйствительно, чтобы заставить дѣтей полюбить естественную исторію, необходимо облечь ее сколько возможно въ ясную и заманчивую форму, или, лучше сказать, передать ее такъ, какъ она есть, со всею *жизнію* природы, ею описываемой. Но странно, почему авторъ анатомическое и физіологическое, или *жизненное* описаніе животныхъ исключаетъ изъ этого заманчиваго изложенія, и почитаетъ его несовмѣстнымъ съ книгою, назначаемою для дѣтской библіотеки? Напротивъ, анатомія и физіологія животныхъ, предложенныя въ извѣстномъ объемѣ, придали бы его книгѣ большую занимательность. Кому не любопытно знать напр. устройство сердца, легкихъ, пищеваго канала, и тѣ функціи, для которыхъ эти органы назначены, именно, кровообращеніе, дыханіе и пищевареніе? Это не только любопытно, но даже необходимо для ясности самаго описанія животныхъ по той системѣ, которую авторъ избралъ, и которая основана на различіи органическаго устройства. Незнакомый

Digitized by Google

съ этими предварительными свѣдѣніями во многихъ мѣстахъ не поймете автора. Возьмите для примѣра первую страницу, описаніе человѣка. Авторъ говоритъ: «Мозговыя полушарія у человѣка, въ сравненіи съ полушаріями животныхъ, имѣютъ бо́льшій объемъ, гораздо бо́льшее развитіе и бо́льшее число выдающихся и углубляющихся извилинъ, которыя покрываютъ поверхность мозга. Задняя мозговая доля такъ далеко простирается назадъ, что покрываетъ собою мозжечёкъ. Высота передней части мозговыхъ полушарій также замѣчательна: отъ нея зависитъ высота и выпуклость нашего лба, и въ то же время мѣньшій, въ сравненіи съ прочими млекопитающими, размѣръ нашего лица. Отъ этихъ двухъ обстоятельствъ происходитъ, что *нашъ личной уголъ* болѣе отверстъ, нежели у животныхъ, самыхъ близкихъ къ намъ по физическому строенію, и т. д.» Кому не покажется страннымъ и дикимъ такое подробное описаніе мозга безъ предварительнаго общаго обзора нервной системы и черепа? Оно какъ будто съ горы свалилось. Неужели авторъ думаетъ, что эти подробности о полушаріяхъ и извилинахъ мозга доступнѣе для дѣтскаго понятія, нежели общія анатомическія и физіологическія свѣдѣнія, которыми обыкновенно начинаются всѣ зоологическіе курсы? Такими описаніями онъ противорѣчитъ самъ себѣ, своему намѣренію не входить въ подробности анатомическаго устройства, дабы не пугать дѣтей сухою и холодною характеристикой. Противорѣчіе это, очевидно, зависитъ отъ того, что авторъ не далъ себѣ отчета, на что собственно изъ анатоміи и физіологіи ему слѣдовало обратить преимущественное вниманіе. Это особенно замѣтно изъ того, что нѣкоторые предметы, которые бы можно было опустить, безъ всякаго ущерба для ясности и занимательности, у него стоятъ на первомъ планѣ, а другіе, существенно необходимые, остаются въ тѣни. Такъ въ приведенномъ описаніи мозга объ однѣхъ частяхъ говорится очень подробно, о другихъ же, напр., о *лицевомъ* (не личномъ) *углѣ*, такъ мимоходомъ, безъ всякаго поясненія. Прочтешь и не знаешь, что называется лицевымъ угломъ, между тѣмъ какъ величина лицеваго угла составляетъ племенное

Digitized by Google

различіе между народами и различіе человѣка отъ всѣхъ животныхъ, слѣдовательно необходимо было опредѣлить, какія линіи составляютъ лицевой уголъ.

Кромѣ этого, при частномъ описаніи животныхъ встрѣчаются выраженія: *защечные мѣшки*, *зимняя спячка* или *летаргическій сонъ* и пр., и выраженія эти оставлены безъ всякаго анатомическаго и физіологическаго объясненія. Быть можетъ, авторъ скажетъ: зачѣмъ объяснять то, что понятно для каждаго? Кому не извѣстны эти названія болѣе или менѣе? Такъ, согласенъ; но многіе ли изъ лицъ знакомыхъ съ этими названіями имѣютъ надлежащее понятіе о предметахъ, которые разумѣютъ подъ сими названіями? Многіе ли понимаютъ значеніе зимней спячки животныхъ, этого важнаго физіологическаго явленія? Многіе ли знаютъ, что спячкѣ этой подвергаются и животныя тропическія? Безъ надлежащаго объясненія подобныхъ предметовъ, юные читатели останутся съ понятіями простолюдина, или, что еще хуже, привыкнутъ думать поверхностно, оставляя безъ всякаго вниманія самые важные предметы, и довольствуясь одними только ихъ названіями.

Впрочемъ, не смотря на указанные недостатки, справедливость требуетъ благодарить издателей, гг. Кораблева и Сирякова, за пріумноженіе Русской дѣтской библіотеки новою, и полезною книгою. При слѣдующихъ изданіяхъ Естественной Исторіи авторъ, безъ сомнѣнія, самъ увидитъ необходимость пополнить свой трудъ анатомико-физіологическою пропедевтикою. Недостатокъ ея особенно будетъ ощутителенъ при описаніи другихъ классовъ животныхъ, птицъ, рыбъ, гадовъ, молюсковъ, насѣкомыхъ, и т. д. Весь интересъ этихъ и другихъ болѣе низшихъ животныхъ, по преимуществу, состоитъ въ ихъ анатомическомъ устройствѣ и зависящихъ отъ того жизненныхъ или физіологическихъ процессовъ. Недостатокъ этого интереса нельзя уже будетъ замѣнить анекдотами и разсказами путешественниковъ.

Въ заключеніе я желалъ бы сдѣлать еще одно замѣчаніе, которое впрочемъ будетъ относиться не къ одной книгѣ Кораблева и Сирякова. Большая часть руководствъ,

Digitized by Google

изданныхъ на Русскомъ языкѣ по части зоологіи, имѣетъ тотъ общій недостатокъ, что при обозначеніи мѣстопребыванія животныхъ, не рѣдко съ большою подробностію исчисляются въ нихъ всѣ отдаленныя государства, а забываютъ свои, отечественныя мѣста. Недостатокъ этотъ, безъ сомнѣнія, есть слѣдствіе того, что учебники большею частію представляютъ только буквальную выписку изъ иностранныхъ книгъ, а не результатъ самобытнаго труда и знанія всего того, что писано разными лицами въ Россіи. Конечно, собрать всѣ эти свѣдѣнія, разсѣянныя въ монографіяхъ, въ академическихъ актахъ и различныхъ періодическихъ изданіяхъ, трудъ довольно тяжкій, но за то чрезвычайно полезный и заслуживающій полную благодарность. Дѣти, перелистывая такую книгу, будутъ правильно судить о произведеніяхъ своего собственнаго отечества. *Г. Щ.*

3. Есть ли гдѣ конецъ свѣту? Сочиненіе Н. Данилевскаго и А. Оссовскаго. Вторая часть перваго курса чтеній изъ Географіи, и прибавленіе къ этому курсу. 1848. Въ 12 д., съ политипажными рисунками. 144 стр.

Чтобъ узнать поскорѣе гдѣ конецъ свѣта, мы начали читать предлагаемую книгу по-Еврейски, съ конца; но нашли въ концѣ опечатки: напечатано: *весной*, слѣдуетъ читать: *осенью*. Потомъ видя, что послѣднія страницы нисколько не относятся къ концу свѣта, мы заглянули въ примѣчаніе на стр. 141; но и примѣчаніе относится къ опечаткамъ, если не ошибаемся; по крайней мѣрѣ, по толкованію авторовъ книги, будто бы «когда государи принимаютъ важныхъ иностранныхъ посланниковъ, то садятся на богатое кресло, въ парадномъ (ой) залѣ, во дворцѣ, *поставленное на престолъ*,» и что будто бы *престолъ* или *тронъ* не иное что, какъ» возвышенное мѣсто на полу залы, на которое надо всходить по нѣсколькимъ ступенямъ.»

Отъ этихъ опечатокъ, продолжая переворачивать листы книги поЕврейски, мы добрались до заглавія: «Рѣчь преосвященнаго Митрополита Платона при коронаціи Императора Александра Павловича.»

Digitized by Google

Но это, какъ оказалось, составляетъ прибавленіе къ первому Курсу чтеній изъ Географіи.

Будемъ читать далѣе.

Далѣе, на 133 страницѣ видимъ политипажъ въ родѣ доски съ вырѣзаннымъ въ серединѣ кругомъ. Что жъ представляетъ этотъ политипажъ? прочтемъ текстъ. Но тексту нѣтъ дѣла до политипажа. Далѣе другой политипажъ: доска съ такимъ же кругомъ, но прикрытымъ. Не понимаемъ!

Перекинемъ нѣсколько страничекъ. Открывается статья: «*Французская революція*». Начинается съ толкованія, что *революція* не Русское слово.

Тредьяковскій подумалъ бы и сказалъ, что это значитъ *рево-людзи*, т. е. ревутъ люди; но мы продолжаемъ отыскивать, гдѣ конецъ свѣту. Проходимъ 122 страницу, гдѣ сказано, что «къ числу особенно жалкихъ уродовъ принадлежитъ *живой мертвецъ*....»

Проходимъ 121, гдѣ сказано, что во всѣхъ пяти племенахъ рода человѣческаго бываютъ еще *карлы и великаны*...

Проходимъ 120, гдѣ сказано, что замѣчательнѣе всѣхъ прочихъ людскихъ племенъ: «Альбиносы (т. е. по-Русски, по переводу автора — бѣляки), *дондосы* (*бѣлые негры*), *блафорды* (*бѣлые кроты*) (?) и *какерлаки* (большіе бѣлые тараканы) (?).

Изъ этихъ строкъ мы узнаемъ, что бѣлые кроты и большіе бѣлые тараканы относятся къ замѣчательнымъ племенамъ людей. Примемъ къ свѣдѣнію, и посмотримъ на заглавіе статьи: (стр. 117). «Откуда взялись черные люди, Арабы?« Заключаемъ, что, разрѣшая вопросъ, откуда они взялись, нельзя было избѣжать, чтобъ не говорить о карликахъ и великанахъ, о живомъ мертвецѣ, и особенно о альбиносахъ, дондосахъ, блафордахъ и какерлакахъ.

Перевертываемъ далѣе.

На страницѣ 100 стоитъ *паровозъ*, а подъ нимъ вопросъ: «*Все ли уже люди придумали?*»

Авторы отвѣчаютъ, что «*все* придумать человѣку не возможно.»

Digitized by Google

О Боже мой! вѣрно не придумаешь и гдѣ конецъ свѣту! Вздохнемъ, и продолжаемъ далѣе. Вотъ уже страница 71. Опять вопросъ! «*Какъ жили прародители наши — Адамъ и Евва, въ гражданскомъ обществѣ или нѣтъ?*

Этимъ вопросомъ и разрѣшеніемъ его: «Какое жъ гражданское общество — двое», вопросы кончаются; слѣдуетъ на 49 стр. политипажъ, изображающій группу дворянъ въ пальто и круглыхъ шляпахъ. Всѣ они глядятъ на читателя книги съ удивленіемъ. Этотъ политипажъ рисовалъ *Hemi*, a Birouste sculpsit, — неизвѣстно по чьему заказу, и для какой Французской книги.

На 37 стр. изображенъ пѣтухъ съ указкой въ лапѣ и лежащей передъ нимъ книгой, на которой видны А. В. С. Д.; подъ пѣтухомъ слѣдуетъ текстъ: «Письмо, грамота, тоже плодъ вѣковъ и тысячелѣтій. Изобрѣтено оно (письмо и грамота?) чуть ли не за три тысячи лѣтъ назадъ»....

На 29 стр. слѣдуетъ извѣстіе объ открытіи пороха. «Если хорошенько всмотрѣться, говорятъ авторы, легко примѣтить можно и то, что селитра горитъ всегда тѣми *только мѣстами, гдѣ до нея дотрогивается уголь*: по этому, если ее и уголь растереть въ мелкую *муку*, смѣсь эта должна сгорѣть вся въ одинъ мигъ (!) Вотъ Нѣмецъ Шварцъ и попробовалъ разъ такъ сдѣлать: только и самъ перепугался. Горсть муки этой *съ какимъ-то бѣшенствомъ* вспыхнула и вся въ одну секунду сгорѣла.—Это и есть порохъ.»

Вотъ оно что; примемъ же къ свѣдѣнію, что едва только до селитры дотронется уголь, то селитра тѣмъ мѣстомъ, до котораго уголь дотронется, тотчасъ же горитъ.

Политипажъ представляетъ Шварца и вспыхнувшую муку.

Этотъ политипажъ слѣдовательно съ текстомъ; всѣ прочіе взяты изъ «Образцовъ шрифтовъ и виньетовъ, находящихся въ типографіи Карла Крайя.»

Увы! дочитали до самой первой страницы, дочитали до заглавія и не нашли конца свѣта, въ сочиненіи Гг. Данилевскаго и Оссовскаго. Не нашли ничего; а если ничего, такъ стало быть нѣтъ въ немъ и худаго, а этого уже и довольно для успѣховъ *Перваго курса чтеній изъ Географіи.*

Digitized by Google

Сокращенная физика, или объясненіе видимыхъ явленій въ природѣ, приспособленное къ понятію всѣхъ возрастовъ обоего пола. 1848. 100 стр. въ 8-ку.

Авторъ этой небольшой брошюры хочетъ, какъ видно изъ предисловія, познакомить съ законами физическаго міра людей не приготовленныхъ къ этому постепеннымъ образованіемъ. А между тѣмъ, замѣчаетъ онъ: «правильныя понятія объ окружающей насъ природѣ, сколько любопытны и полезны, столько же и необходимы въ нашъ образованный вѣкъ, для людей всѣхъ состояній и возрастовъ обоего пола» (стр. 1.) Прекрасное намѣреніе, но посмотримъ, какъ оно выполнено.

Всякое руководство, ученое или популярное, требуетъ выполненія двухъ главныхъ условій: полноты и особено ясности. Безъ этихъ условій никакое руководство не достигаетъ своей цѣли. Конечно, большой полноты, рѣшенія всѣхъ вопросовъ, отвѣта на всѣ сомнѣнія, могущія родиться въ пытливомъ умѣ популярное руководство представить не можетъ. Есть вопросы, которые требуютъ знанія другихъ соприкосновенныхъ наукъ. Такъ физика условливаетъ математику. При такихъ вопросахъ руководство должно удовольствоваться только послѣдними результатами, окончательными выводами.

Сокращенная физика дѣлится на 17 главъ. 6 первыхъ посвящены ученію о землѣ и небесныхъ тѣлахъ, стихіяхъ, движеніи, водѣ и воздухѣ; 2 свѣту, 1 зрѣнію, 1 звуку, 3 электричеству, гальванизму и магнетизму, и. т. д. — Въ каждой главѣ изложены самыя основныя положенія физики, самыя общеизвѣстныя истины — аксіомы. Не отличаясь, системой, какъ видно изъ распредѣленія предметовъ, авторъ сообразуется, кажется, болѣе съ естественными запросами простаго ума и спѣшитъ отвѣчать скорѣе на то, что первое можетъ представиться человѣку. Такъ, онъ непосредственно за главой о газахъ, ставитъ свѣтъ, далѣе зрѣніе, слухъ и пр. Мы не можемъ не согласиться съ авторомъ относительно такого выбора порядка предметовъ. Хотя строгая наука слѣдуетъ иному дѣленію, болѣе сообразному съ сущностью

Digitized by Google

предмета; но въ популярномъ руководствѣ, какимъ, напримѣръ, образомъ можно объяснить газъ, не сказавъ, что онъ то же, что воздухъ? Что же касается до того, исчерпанъ ли весь предметъ то отвѣтъ на это даетъ уже самый объемъ книги.

Но если отъ популярныхъ руководствъ нельзя требовать полноты руководствъ ученыхъ, то тѣмъ болѣе должно требовать ясности, потому что, какъ ученое руководство, краткое или неполное, не удовлетворяетъ своей цѣли, такъ не годится и худо изложенное популярное. Здѣсь языкъ долженъ быть легкимъ, даже, если можно, изящнымъ. Руководство имѣетъ дѣло не съ человѣкомъ уже закаленнымъ въ научномъ трудѣ; оно должно вмѣстѣ и учить и заохочивать. Но именно въ этомъ отношеніи и слабо руководство, и особенно шатко въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ. Такъ напр. что такое физика? «Физика есть наука о вещественноть мірѣ. Она разсматриваетъ и наблюдаетъ виды, свойства и законы тѣлъ, *впечатлѣнные* въ нихъ Творцомъ природы, изслѣдываетъ причины явленій или феноменовъ, производимыхъ тѣлами въ нашихъ чувствахъ» (стр. 5). Согласитесь, что подобное опредѣленіе темнѣе очень многихъ *ученыхъ*, и что изъ него немного пойметъ непосвященный. Или § 29 — что такое тѣло? «Всякое тѣло или вещество, подверженное нашимъ чувствамъ, состоитъ изъ частей однородныхъ или разнородныхъ, соединенныхъ между собою съ бо̀льшей или ме́ньшей твердостію, и потому тѣла бываютъ *твердыя, мягкія, жидкія, течучія и воздухообразныя.* * Или § 139. Что такое *видѣніе*? «Видѣніе есть *идея*, производимая *впечатлѣніемъ* въ нашихъ глазахъ предметовъ посредствомъ свѣта. Способность видѣть внѣшніе предметы называется *зрѣніемъ*.»

Изложеніе же каждой отдѣльной главы отчетливо и удовлетворительно. *Д. Т.*

5. Очерки современной жизни. Томъ IV. «Удачная перемѣна.» Соч. М. Корсини. 1849. Въ 18 долю, 160 стр.

До сихъ поръ еще нѣтъ очень важнаго «*Руководителя*» или «*Самоучителя*», какимъ образомъ барствовать, не бывъ

* Это скорѣе раздѣленіе, чѣмъ опредѣленіе.

Digitized by Google

бариномъ, или барыней. Такъ какъ это стремленіе распространилось въ родѣ болѣзни, нарушающей спокойствіе духа, то и очень полезно было бы изложить грамматически всѣ правила, потребныя для этого. Подобной книги — *Наставника*, или *Руководителя* — нѣтъ. Но вотъ передъ нами 4-й томъ сочиненій Г-жи Корсини, заключающій въ себѣ: «Удачную перемѣну», которая, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ пренаставительную вещь, что возвратиться изъ чужаго быта въ свой бытъ, столь же пріятно, какъ изъ далекаго странствованія по *чужи* возвратиться подъ родной кровъ. Исторія въ томъ, что мѣщанинъ Лазарь Пахомычь, претерпѣвъ кораблекрушеніе въ мѣщанскомъ быту, и не смотря на умѣнье писать, и *ходить по дѣламъ*, принужденъ былъ возвратиться къ пахотному состоянію, гдѣ и обрѣлъ рай. Въ этомъ и заключается «*Удачная перемѣна.*» Хотя авторъ и заставилъ Лазаря Пахомовича пахать землю и возить навозъ для удобренія, но мы увѣрены, что если помѣщикъ, или правленіе деревни, въ которой онъ поселился, прочтутъ его письма къ Трифону Трифоновичу, то немедленно же помѣстятъ на первую открывшуюся ваканцію сельскаго писаря.

6. Иванъ да Марья, народная драма, въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Таирова. 1849. Въ 12 дол., 110 стр.

Эта драма относится къ отдаленнымъ временамъ, когда еще существовалъ на свѣтѣ князь Сельскій, и при немъ ключница Олимпіада, Линевъ—буфетчикъ, а Ѳомка—лакей. Въ настоящія времена такого истинно-драматическаго происшествія не случилось бы, не только въ 5 дѣйствіяхъ, но и въ одномъ и томъ же.

Въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ заключается драматическая *иллюзія*, что Иванъ Мироновъ сынъ и Марья Савельева дочь, должны со временемъ составить изъ себя цвѣтокъ *Ивана да Марью*. Тутъ, между прочимъ, есть и колдунъ Еремей, котораго однакожъ слѣдовало бы назвать Ерофеемъ, потому что онъ колдуетъ наборомъ пользительныхъ травъ, для состава ерофеичу: шалфеемъ, ромашкой и звѣробоемъ

Digitized by Google

Первыя три дѣйствія кончаются какъ слѣдуетъ: «*уходятъ, занавѣсъ опускается.*»

Въ четвертомъ дѣйствіи является лакей Линевъ съ своимъ желаніемъ жениться на Марьѣ. Слѣдуетъ представленіе невѣсты князю. Князь смотритъ на Марью и говоритъ про себя:

«Да это точно рѣдкость!»—Потомъ спрашиваетъ ее, хочетъ ли она выйдти замужъ за лакея? Марья говоритъ: нѣтъ!

«*Князь*: Да развѣ тебѣ не сказали, мой другъ, что онъ первый (?) мой буфетчикъ, и хочетъ на тебѣ жениться?»

Марья отнѣкивается. Отецъ ея, Савельевъ, хочетъ ее приколотить; но князь удерживаетъ его, и предлагаетъ ей свою руку.

Марья отказывается и отъ руки княжеской.

Князь однакоже не отчаявается; поручаетъ ее своей ключницѣ, и заключаетъ 4-е дѣйствіе монологомъ:

«Ахъ, какая находка для меня! странно, что я до сихъ поръ не замѣтилъ ее! Это удивительная рѣдкость не только по красотѣ и стройности формъ, но и по величію характера! *Ее можно образовать, и тогда она будетъ настоящею княгинею!*» и т. д. Между тѣмъ занавѣсъ опускается.

Въ 5 дѣйствіи, изъ богато-убранной комнаты, въ которой однѣ двери по срединѣ, другія слѣва, Марья уходитъ въ среднія, поливать любимые цвѣты *Иванъ да Марья.*

Князь совѣщается съ своей ключницей и узнаетъ отъ нее тайну драмы.

Между тѣмъ Иванъ узнаетъ, что князь хочетъ жениться на Марьѣ, собирается идти въ солдаты; но князь призываетъ его и Марью, и составляетъ изъ нихъ вышеупомянутый цвѣтокъ.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЕНГРІЯ.

Историческій обзоръ.

Славный Абу л'Гази Бал'кадеръ Ханъ Хаварезма, пишетъ въ своей исторіи, что Александръ Великій оградилъ границы своихъ владѣній стѣною, построенной изъ разныхъ металловъ, противъ набѣговъ нечестиваго племени Яджуджъ-маджуджъ, то есть Гог-Магога. Восточные писатели однакоже отличаютъ Александра Македонскаго отъ Искендера Гумейри, построившаго въ Ширванской области стѣну и Дербентъ, или *Демиръ-Капу*, т. е. *желѣзныя врата*, извѣстныя древнимъ подъ именемъ Caspiae Portae.

Дѣло въ томъ, что Гогъ-Магогъ, отъ котораго произошелъ Аттила и всѣ магнаты Венгріи, обиталъ нѣкогда на сѣверъ отъ Желѣзныхъ вратъ, именно тамъ, гдѣ было Mithridatis Regio, гдѣ была древняя Команія и Хазарія, гдѣ жили Бѣлые Ногаи, Беязъ-Ногэ, или Беш-Ногэ, т. е. Печенѣги.

Въ исходѣ IX столѣтія семь потомковъ Магога, владѣтелей племенъ Маджарскихъ, отъ тѣсноты народонаселенія и недостатка земли для пропитанія, учинили совѣтъ, рѣшились идти въ Панноніо, которая, по сказаніямъ, была покорена ихъ предкомъ Аттилой, и слѣдовательно должна была по праву принадлежать его потомкамъ, — и пошли.

И вотъ: «въ лѣто 6406-е (898-е) идоша Угре мимо Кіева горою, еже есть нынѣ зовется Угорское, и пришедше къ Днѣпру, сташа вежами, бѣша бо ходяще, яко и Половцы, и пришедше отъ встока, и устремишась чрезъ горы великія, яже прозвашась горы Угорскія (Карпатскія). И начаша воевати на живущія ту Волохи и Словены: сѣдяху бо

Digitized by Google

ту Словени преже; и Волоховѣ преяша землю Словенскую. По семъ же Угре прогнаша Волохи и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша со Словенами, *покорившe и подъ ся*, и оттолѣ прозвася *земля Угорская*.»

Объ этомъ событіи дьякъ короля Бѣлы, писавшій исторію Венгріи, говоритъ, что Альмъ, прибывъ подъ Кіевъ, пожелалъ покорить Русь; но что Русскій князь призвалъ на помощь семерыхъ владѣтелей Куманскихъ; но Хету-Могеръ, т. е. семь Маджаръ, разбили *Хету-Куни*, т. е. семерыхъ Кумановъ, и отсѣкли тьму бритыхъ головъ. Русскій князь заперся въ Кіевѣ; а потомъ заключилъ миръ съ Альмомъ, и совѣтовалъ ему, пройдя Галицію и лѣсъ Hovos (вѣроятно Буковину), занять Панноніо, землю необыкновенно плодоносную, въ которой много рѣкъ богатыхъ рыбою, и гдѣ живутъ Славяне, Булгары, Влахи и Римскіе пастухи.

Альмъ, по совѣщаніи съ прочими изъ Хету-Могеръ, рѣшился оставить Русскихъ въ покоѣ, и послушавъ ихъ совѣта, идти въ Панноніо.

Семь главъ Куманскихъ, плѣнившись, вѣроятно разсказами о богатыхъ пажитяхъ на Дунаѣ и на Тейсѣ, послѣдовали за нимъ, со всѣми своими женами, дѣтьми и множествомъ народа, и заняли двѣ области, извѣстныя въ Венгріи подъ именемъ Большой и Малой Куманіи.

Такимъ образомъ на небольшомъ пространствѣ земли, произошло смѣшеніе языковъ; и не даромъ удивляется Г. E. de Langsdorff этому различію поколѣній, населяющихъ Венгрію.

«Ни гдѣ нѣтъ, говоритъ онъ, такого типическаго разнообразія лицъ, одеждъ, невѣдомыхъ языковъ, противоположностей въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ нравахъ. Въ Венгріи вы среди какого-то сборища людей изъ разныхъ странъ, и нисколько не среди народа образовавшагося изъ сочетанія родственныхъ племенъ, составляющаго могущество государства. Тамъ вы видите во-первыхъ Венгровъ, давшихъ свое имя землѣ. Переселясь въ IX вѣкѣ, изъ Скиѳіи, они сохраняютъ еще въ своихъ чертахъ, языкѣ и

Digitized by Google

обычаяхъ живой типъ ихъ происхожденія. Смѣлые и умные, они скрываютъ подъ спокойной и мыслящей наружностію восточныхъ народовъ, пылкое сердце и живой восторженный умъ. Богатѣйшіе замѣнили только бурку предковъ гусарской шубкой.

«Потомъ слѣдуютъ Славяне, первые населенцы земли, племя многочисленное, самобытное, смышленое, хитрое и способное болѣе послѣдовать, нежели идти въ главѣ; но недопускающее никого превзойти себя, говоритъ Лангсдорфъ. Потомъ Нѣмцы, которыхъ нанесли волны Дуная до самыхъ предѣловъ Венгріи, дебелые и искусные земледѣльцы, обдумчивые, экономные, представители западнаго просвѣщенія, обычаевъ и привычекъ. Въ прекрасныхъ Саксонскихъ селеніяхъ Баната и Трансильваніи, вы встрѣчаете свѣженькія и улыбающіяся, Германскія личики, бѣлокурые волоса, живой румянецъ, которымъ вы удивлялись на берегахъ Рейна; вы слышите одинъ и тотъ же языкъ отъ Страсбурга до Орсова и Германсштадта.

«Число Валаховъ, гордящихся именемъ Румыновъ, также значительно. Когда спускаетесь по Дунаю, вы замѣтите около Орсова, слѣды Римскаго моста, и вырѣзанную на одной изъ скалъ, между которыми пробивается Дунай, латинскую надпись съ именами Нерва и Траяна. Здѣсь стоялъ 13-й легіонъ. Если въ эту минуту, замѣчаетъ г. Лангсдорфъ, какой-нибудь Валахскій пастухъ, съ орлинымъ носомъ, съ очеркомъ лица какъ на медали, появится на вершинѣ скалы, въ своемъ овчинномъ саянѣ, покроя Римской туники, вы вообразите, что это стоитъ центурьонъ на часахъ.»

Такъ воображаетъ г. Лангсдорфъ; но мы его вообразимъ не иначе, какъ древнимъ Римскимъ пастухомъ.

«Изъ рода Валаховъ, считающихъ себя потомками воиновъ Цесаря и Траяна, происходили однакоже два великихъ мужа Венгріи: Янъ Хуніадъ и король Матвѣй Корвинъ. Нельзя забыть между населителями Венгріи Грековъ и длиннополыхъ Армянъ, также съ орлиными Римскими носами, Итальянцевъ и Жидовъ, болѣе нежели гдѣ-нибудь

Digitized by Google

презираемыхъ, и приносящихъ здѣсь болѣе нежели гдѣ нибудь пользу. Всѣ эти народы хранятъ неизмѣнно и костюмъ свой и языкъ. Нельзя забыть и Французовъ, которые въ эпоху Маріи Терезіи, переселились въ Банатъ изъ Лотарингіи и Шампаніи, и основали селенія Шарлевиль, de Saint-Hubert, и другія, которыхъ имена привлекаютъ путешествующихъ ихъ соотечественниковъ. Наконецъ, самую послѣднюю примѣсь въ амальгаціи Палатинатства Венгерскаго составляютъ Цыгане, до сихъ поръ еще бродящее, таинственное племя, которое, можно полагать, занесено на почву Европейскую изъ Африки Маврами. Они, какъ паріи Индіи, отъ которыхъ ихъ производятъ, живутъ и тутъ отверженниками общества, въ землянкахъ около селеній, или скитаются таборами, промышляя наслѣдственными ремеслами: колдовствомъ, ворожбой, пѣньемъ, пляской, кузнечнымъ мастерствомъ, живодерствомъ, конокрадствомъ и прибираніемъ къ рукамъ всего, что плохо лежитъ.

«Такимъ образомъ Венгрія составилась изъ наноса во время варварскихъ наводненій Готовъ, Галловъ, Турокъ и Татаръ, осѣвшаго на почву населенную искони Славянами. Потоки крестовыхъ походовъ оставили новую осадку, и вся эта разнородная смѣсь, весь этотъ Венгерскій настой не вязался: господствующіе потомки благорожденныхъ (Nemesség) завоевателей-гусаръ продолжали до настоящихъ временъ стоять станомъ посреди покоренныхъ и посельныхъ обитателей, всѣхъ возможныхъ вѣрованій и сектъ: католиковъ, лютеранъ, кальвинистовъ, грековосточныхъ, уніатовъ, талмудистовъ, анабаптистовъ, магометанъ, и наконецъ язычниковъ, приносящихъ въ трущобахъ лѣсовъ, въ жертву покровительствующимъ божествамъ, рыжую корову.

«Статистическій обзоръ Австрійской Монархіи, изданный въ 1846 году, исчисляетъ въ Венгріи 10,500,000 жителей. Изъ нихъ:

Венгровъ, или Маджаръ.....	4,200,000
Славянъ.....	4,260,000
Валаховъ.....	1,000,000

Digitized by Google

Нѣмцевъ	700,000	
Цыганъ	40,000	
Французовъ, Итальянцевъ,		
Грековъ, Албанцевъ.....	150,000	
Евреевъ.....	150,000	
	10,500,000	

По религіозному раздѣленію:

Католиковъ	5,000,000	преимущ. изъ
Грекоуніатовъ.....	800,000	Славянъ.
Грековосточной религіи....	1,350,000	преим. Валахи.
Лютеранъ	800,000	
Кальвинистовъ.....	1,670,000	Безъ исклю-
Соцініановъ.....	40,000	ченія Мад-
Евреевъ.....	150,000	жары.
Различныхъ сектаторовъ. ...	50,000	
Цыганъ.....	40,000	
	10,500,000	

Изъ этого числа 8,000,000, составляютъ собственно поселянъ.

Почва Венгріи, какъ по плодородію, такъ и по своему разнообразію, совершенно соотвѣтствуетъ разнородности жителей. На сѣверъ — Карпатскія горы, съ страшными ущельями, съ богатѣйшими Европейскими рудокопнями золота и серебра. На южномъ скатѣ *токайскіе* виноградники, которые даютъ *рyйное вино*, и на цвѣтъ и на вѣсъ — золото, по пѣснямъ народнымъ. Потомъ Оденбургское озеро и Балатонъ замѣняютъ внутреннія моря страны. Тейсъ и Дунай, истекающій по Скимну Хіосскому изъ отдаленныхъ мѣстъ, гдѣ покоится солнце, клубятъ волны чрезъ зеленыя степи (puztas — пустыни), безпредѣльныя пажити, съ безчисленными стадами и табунами, гдѣ пастухи, какъ мореходцы посреди океана, держатъ путь по звѣздамъ. На югѣ, климатъ и растительность какъ въ Италіи; далѣе, за порогами, Дунайская *Швейцарія*, теплицы Мегадіи. Посреди этой роскошной природы, не позавидуешь ни Пиринеямъ ни Альпамъ.

Digitized by Google

Пшеница, вино, золото, желѣзо — все есть въ Венгріи, — и не даромъ была старая пословица: «Extra Hungariam non datur vita»—и Святославъ говорилъ: «на Дунаѣ, среда земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ паволоки и злато, и вина и овоща, изъ Чехъ и изо Угръ сребро и кони, изъ Руси же скора, воскъ и медъ.»

Но существенно, Венгрія состоитъ изъ двухъ главныхъ, чуждыхъ другъ другу, по происхожденію, языку и по всему, племенъ: изъ покоренныхъ и покорителей. Покоренные — это тотъ «plebs misera, egens, contribuens aut potius nulla, о которомъ упоминали не иначе хроники. И потому Венгерцы, въ продолженіе столькихъ вѣковъ, существовали одни и въ исторіи и въ законодательствѣ. Богатство — Архимедовъ рычагъ, своротившій съ мѣста феодализмъ, этотъ каменный фундаментъ, воздвигнутый на живыхъ тѣлахъ, ничего не успѣлъ въ Венгріи, какъ въ древнемъ Римѣ: мильонщикъ Servus трепеталъ предъ нищимъ гражданиномъ Рима.

Изъ этого удушливаго положенія подъ спудомъ, возгорѣлась та распря и задача, которую теперь рѣшаетъ время.

Переселяясь на берега Тейса и Дуная, Угры отправили посла осмотрѣть мѣста. Посолъ осмотрѣлъ и принесъ съ собою въ сулеѣ воды Дунайской, клокъ сѣна и горсть земли, въ знакъ, что есть «гдѣ быть, что пить и что ѣсть.»

Арпадъ, наслѣдникъ Альма и глава переселенцевъ, безъ особеннаго сопротивленія занялъ землю. Вѣкъ спустя св. Стефанъ принялъ уже христіанскую религію, и получилъ, по обычаю, отъ Папы Сильвестра II, *золотую* корону, какъ признакъ утверждаемаго преобладанія надъ землею. Стефану и обязана Венгрія своимъ государственнымъ существованіемъ.

Участіе Венгерскихъ магнатовъ въ крестовыхъ походахъ было заплачено правами, дарованными имъ *золотой буллой* Андрея II (въ 1222 г.), по которымъ, неприкосновенные въ правахъ владѣній, они изъяты были отъ всѣхъ возможныхъ, десятинъ, податей, пошлинъ. Обязанность ихъ

Digitized by Google

составляла только военная служба на защиту государства и единственно внутри его. Въ утвержденіи этихъ привилегій на вѣки вѣчные, сказано было: «Если кто-нибудь изъ наслѣдниковъ королевства посягнетъ на эти права, то каждый магнатъ имѣетъ право возстать противъ него, и не считать себя измѣнникомъ.»

Эта-то статья *золотой буллы* и была причиной всѣхъ возмущеній и бѣдъ Венгріи, до 1687 года, когда неограниченность правъ магнатовъ была уничтожена.

Династія Арпада, въ продолженіе четырехъ вѣковъ наслѣдовала золотую корону; но кончилась въ лицѣ Андрея III-го. Магнаты Венгріи воспользовались этимъ и основали систему избирательную, и такимъ образомъ предали королевство на жертву честолюбію, искательству и посягательству сосѣднихъ державъ на пріобрѣтеніе Владомаго яблока Венгріи. *Владомое яблоко* стало яблокомъ раздора, смутъ и самой романической эпохи Венгріи, которая кончилась тѣмъ, что одна часть королевства подпала подъ иго Турокъ, а другая подъ владычество Австріи. Однѣ партіи избирали Вѣнцеслава, сына Вѣнцеслава Богемскаго, другіе Оттона, сына Генриха Баварскаго, Папа настаивалъ на избраніи Карла Роберта Анжуйскаго, и его выборъ превозмогъ; но возникнувшія права на вмѣшательство въ дѣла Венгріи, права по наслѣдію, притязанія Австріи и Польши, внутреннія борьбы, истекавшія изъ постоянной противоположности духа Венгровъ и Славянъ, терзали народъ. Наконецъ на престолъ возсѣлъ 12-ти лѣтній Людовикъ II, сынъ Владислава. Онъ родился безъ кожи, оброс бородой на 15-мъ году, посѣдѣлъ на 18-мъ, возсталъ противъ Турокъ на 22-мъ, посадилъ султанскихъ пословъ въ садокъ, гдѣ ихъ съѣла рыба, вступилъ съ непріятелемъ въ сраженіе при Могачѣ, погубилъ тьму народа, и въ заключеніе, увязъ въ болотѣ, — и этимъ кончилась исторія собственно Венгріи.

Подъ владычествомъ Австріи Венгрія не могла уже оставаться безъ положительнаго законодательства. Въ 1514 году, составленъ былъ уже сводъ законовъ, подъ назва-

Digitized by Google

ніемъ *Opus tripartitum*; а въ 1580-мъ изданъ *Corpus juris hungarici*, отъ временъ Стефана, съ послѣдовательнымъ присоединеніемъ постановленій новыхъ *діэтъ*, или сеймовъ. Очень естественно, что основная часть, древнѣе законы этого собранія, старыя постановленія, права и преимущества, составляли уже ничтò иное, какъ достояніе исторіи, пройденныя ступени, на которыя можно было только оглядываться; но магнаты эту историческую часть и пожелали сдѣлать юридической; прошедшія времена, когда каждый мужался за себя и могъ силой мышіцъ опровергнуть доводы смысла и встать въ главѣ Венгріи, приняли за палладіумъ всякаго nemesseg, и противъ Австрійской власти, и противъ защищаемаго ею plebs misera.

Кровавыя возмущенія Венгріи въ продолженіи XVII столѣтія были, можно сказать, причиною, что Турки едва не взяли Вѣны въ 1683 году; но во всякомъ случаѣ, въ 1699 подѣлились съ Австріей Венгріею. Народъ велъ страдальческую жизнь. Въ 1587-мъ году сама діэта признала, что козни ея навели наказаніе Божье на Венгрію. Голодныя, полунагія толпы возмущеннаго и озвѣроображеннаго до кровожадности народа, скитались повсюду, грабили магнатовъ, и раззоряли ихъ замки. На базарахъ, вмѣсто обыкновеннаго мяса, продавалось мясо человѣческое: humana caro in nundinis vendebatur....

(Окончаніе впредь).

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Лордъ Джонъ Руссель, первый министръ Англіи, — есть вмѣстѣ и литераторъ, какъ Брумъ, Каннингъ, Бурке, и проч. Англійскіе государственные люди вообще отличаются изстари высокимъ образованіемъ. Руссель извѣстенъ своими эпиграммами, политическими брошюрами, стихотвореніями, біографическими, историческими сочиненіями, которыя даже собраны и стоятъ въ каталогахъ: Opera omnia.... Первое сочиненіе онъ выдалъ въ 1820 году: «Очерки.... Джентельмена, покинувшаго свое жилище..» Раумеръ сказалъ объ немъ, что онъ пишетъ какъ будто до изобрѣтенія всякой риторики. Самая неудачная его попытка была въ трагедіи: Донъ-Карлосъ его не получилъ ни одного одобрительнаго голоса.

Къ числу дѣйствующихъ лицъ въ Европѣ, или только въ Франкфуртѣ, принадлежитъ теперь Генрихъ фонъ *Гагернъ*, Президентъ національнаго Германскаго собранія. Онъ родился въ 1799, учился въ военной школѣ въ Мюнхенѣ, на шестнадцатомъ году сражался въ первый, впрочемъ и въ послѣдній, разъ подъ Ватерлоо, и былъ раненъ. Учился послѣ въ Геттингенѣ и участвовалъ въ учрежденіи общаго Нѣмецкаго сотоварищества (allgemeine Deutsche Burschenschaft) въ Гейдельбергѣ, Геттингенѣ и Іенѣ. Въ 1826 г. онъ выступилъ на политико-литературное поприще, и вскорѣ послѣ того избранъ былъ въ депутаты, переходилъ нѣсколько разъ къ хозяйственнымъ занятіямъ, вообще шелъ очень быстро впередъ, но теперь уже считается отсталымъ!

Царь желѣзныхъ дорогъ, *Гудсонъ*, какъ называютъ его въ Англіи, распространяетъ болѣе и болѣе предѣлы,

Digitized by Google

или лучше сказать *линіи* своихъ владѣніи, и съ согласія директоровъ Іоркъ-Нюкестль-Бервикской линіи, взялъ на откупъ Стоктопъ-Дарлинтонгскій участокъ. Въ Англіи переѣзжаютъ теперь изъ города въ городъ, какъ у насъ съ Пречистенки въ Лафертово, или изъ Мѣщанской на Ордынку.

Славяне заставили говорить о себѣ теперь Европу, и всѣ Нѣмецкія газеты стараются уменьшить показанія о количествѣ ихъ народонаселенія въ Европѣ, и особенно въ Австріи. Мы обращаемъ вниманіе читателей на сочиненіе Шафарика, помѣщенное въ 1-й книгѣ Москвитянина, на 1846 годъ. Его числа — можно обвинять не въ преувеличеніи, а въ преуменьшеніи, но не такомъ, разумѣется, на какое рѣшаются Нѣмцы.

Европейскій некрологъ въ 1848 году заключаетъ въ себѣ, къ прискорбію, много примѣчательныхъ именъ:

Гормайеръ, одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ бытописателей. Работалъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, и написалъ 135 томовъ. Скончался въ Мюнхенѣ начальникомъ Государственнаго Архива, 67 лѣтъ. Сорокъ лѣтъ сряду издавалъ онъ *Историческіе альманахи* (готовъ и на 1849), въ которыхъ всегда находилось много любопытнаго. Біографіей Князя Меттерниха хотѣлъ Гормайеръ увѣнчать свое историческое поприще, но не успѣлъ, хотя и написалъ уже много.

Другой знаменитый труженикъ науки это Сиръ Джонъ *Барро*, извѣстный наиболѣе своей Исторіей открытій и изслѣдованій въ полярныхъ странахъ; впрочемъ онъ пожилъ на землѣ: слишкомъ 80 лѣтъ, — и участвовалъ еще въ Китайской экспедиціи Лорда Маккертнея. Количествомъ трудовъ не уступитъ Гормайеру.

Шванталеръ, знаменитый Нѣмецкій ваятель, бывшій однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ покровителя искусствъ, Баварскаго короля Лудвига. Дворцы, церкви и площади въ Германіи, особенно Баваріи, украшаются про-

Digitized by Google

изведеніями его рѣзца. Недавно еще поставилъ онъ Жанъ Поля въ Байрейтѣ и Моцарта въ Зальцбургѣ; 25 лѣтъ работалъ онъ неутомимо (жилъ 47). Извѣстна его колоссальная Баварія. Послѣднія его работы — статуи Чешскихъ великихъ людей (и Чехи думаютъ о своихъ великихъ людяхъ), изъ коихъ Либуша выставлена была недавно и заслужила одобреніе знатоковъ.

Росси, профессоръ уголовнаго права въ Женевѣ, политической экономіи въ Парижѣ, другъ доктринеровъ, перъ и посланникъ Франціи при Римскомъ дворѣ, первый министръ Папы, — палъ подъ ударами убійцы.

Воспоминаніе о Росси. Женева, 24 ноября. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ здѣсь находились два дружные между собою иностранца изъ южныхъ странъ, богатые духомъ и познаніями, но вслѣдствіе политическихъ происшествій оставившіе свою политическую дѣятельность, жившіе здѣсь какъ будто въ отчужденіи, искренно преданные городу, и высоко уважаемые отъ тогдашнихъ жителей. Одинъ Грекъ—Графъ Каподистрія, который содѣйствовалъ столько освобожденію и возрожденію Греціи. Уволясь отъ Русской службы, жилъ онъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, и потомъ, когда отдѣленіе Греціи отъ Турціи было объявлено высокими державами, отправился Президентомъ въ свое отечество, сдѣлалъ тамъ въ короткое время много добра, и наконецъ былъ умерщвленъ отъ своихъ соотечественниковъ. Другой иностранецъ былъ Италіянецъ Росси, который въ 1821 году считался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ начальниковъ карбонаризма, а послѣ укрылся въ Женевѣ, когда возстаніе было подавлено. Здѣсь онъ сдѣлался профессоромъ академіи, взялъ за себя дочь однаго отличнаго семейства; служилъ Женевскимъ депутатомъ въ сеймѣ, представилъ хорошій планъ для устройства Союза, который однако не былъ принятъ. Впослѣдствіи значительныя потери побудили его основать журналъ le Federal, между тѣмъ какъ его друзья въ Парижѣ за него дѣйствовали. Вскорѣ онъ оставилъ Женеву, чтобъ ѣхать туда, и покровительство Гизо и Брольо поднимало его съ одной высокой ступени на другую въ государственной службѣ. Онъ пожалованъ

Digitized by Google

былъ перомъ, и наконецъ посланникомъ Французскимъ въ Римѣ. Вслѣдствіе Февральской революціи потерялъ онъ мѣсто, но вскорѣ сдѣлался первымъ министромъ Папы; твердымъ своимъ поведеніемъ привлекъ къ себѣ ненависть Римлянъ, и былъ умерщвленъ ими 15-го Декабря н. с. Какое удивительное сходство въ печальной судьбѣ, жизни и смерти двухъ мужей, павшихъ подъ ударами своихъ соотечественниковъ, для освобожденія которыхъ они трудились столь много. Но и Женева, гдѣ они оба жили въ дружбѣ, упала очень глубоко. Она находилась тогда на блистательной степени: ея академія, представительный совѣтъ, значеніе на сеймѣ, ея законодательство, ея конституціонная и общественная жизнь процвѣтали. Это было время Дюмоновъ, Сисмонди, Декандолей, Деларивовъ, Беллотовъ и другихъ отличнѣйшихъ мужей государства и церкви, которыхъ теперь уже нѣтъ въ живыхъ или въ дѣйствующихъ. Какъ Каподистрія и Росси пали подъ ударами неблагодарныхъ своихъ соотечественниковъ, такъ и Женеву постигла подобная участь.

Цшокке, меньшая звѣзда изъ того великаго созвѣздія, которое сіяло въ Германіи въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, — современникъ Шиллера, Гёте, Шеллинга, Гердера, Шлегелей и проч., пріятный повѣствователь, послѣдовалъ недавно за товарищемъ своимъ Тикомъ. Онъ родился въ 1771 г. Его «Часы благоговѣнія» разошлись въ 25 изданіяхъ, и только въ 1842 г. извѣстно стало, что написалъ ихъ Цшокке. Повѣстей его 10 томовъ. Изъ драматическихъ его сочиненій назовемъ Желѣзную маску, которая и у насъ имѣла такое дѣйствіе во время оно, Абеллино, великій бандитъ, и проч. Онъ писалъ много о лѣсной части и естественной исторіи, и наконецъ занимался исторіей. Извѣстна его Исторія Баварскаго народа. Сочиненія его въ 1825 г. состояли уже изъ 40 томовъ. Цшокке въ среднихъ своихъ лѣтахъ дѣйствовалъ много на поприщѣ политики, и служилъ усердно Швейцаріи, особенно въ Наполеоново время: тамъ онъ жилъ, тамъ и умеръ.

Донизетти — сочинитель многихъ оперъ.

Digitized by Google

Шатобріанъ, родоначальникъ новаго періода во Французской литературѣ, о которомъ писано было уже много въ Москвитянинѣ.

Но главнѣйшая утрата — *Берцеліусъ*, отецъ новѣйшей химіи.

Лордъ Мельбурнъ, бывшій очень долго первымъ министромъ и главою кабинета Виговъ — лѣтъ шесть (отъ 1835 до 1841), умеръ достигши 70-лѣтняго возраста.

Мельбурнъ началъ свое поприще еще при Питтѣ и Фоксѣ. Между парламентскими его современниками, кромѣ этихъ двухъ великихъ министровъ, блистали Персеваль, Кастельригъ, Тирней, Шериданъ. Бругамъ, Каннингъ, Гускиссонъ, Пиль, Виндгамъ, Мекинтошъ, Вильберфорсъ, Плункетъ и Ваитбридъ. Между мужами такихъ дарованій и испытанныхъ силъ почтенный Вилліамъ Ламбъ могъ быть звѣздою только десятой величины. Въ качествѣ оратора нельзя было быть несчастнѣе его. Выговоръ его былъ невнятенъ, и пока мозгъ вырабатывалъ у него новую мысль, или память гонялась за позабытой фразой, онъ помогалъ себѣ тѣмъ, что повторялъ раза по три и по четыре одну и ту же рѣчь. Такимъ образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ мѣшался онъ съ великой толпой людей неспособныхъ, и отъ обыкновенныхъ наблюдателей почитаемъ былъ молодымъ человѣкомъ безъ надеждъ; только немногіе, знавшіе его короче, говорили, что Ламбъ принадлежитъ къ такимъ людямъ, которые не любятъ заниматься мелочами. Дайте ему палицу въ руки, говорили они, и онъ будетъ Геркулесомъ; дайте ему прялку, и онъ напрядетъ очень плохо.

Однакожъ, ни строгіе критики, ни пристрастные друзья не предвѣстили о немъ правды. Говоря строго — онъ никогда не предводительствовалъ своей партіей, но и она не предводительствовала имъ. Онъ былъ спутникомъ и помощникомъ. Онъ всегда любилъ откладывать до завтра, и сказалъ однажды въ палатѣ лордовъ нешутя: «главное правило въ службѣ ничего не дѣлать, прежде чѣмъ возможнымъ образомъ нельзя уже станетъ отъ того уклониться.»

Digitized by Google

Лордъ Мельбурнъ женатъ былъ на миссъ Понсонби, и почивалъ съ нею не на розахъ. Между многими flirtations этой умной эманципаціонной дамы извѣстна связь ея съ Лордомъ Байрономъ, который былъ гораздо ея моложе. Онъ хотѣлъ увезти ее, но леди однакожъ не согласилась. Забавно очень замѣчаніе Сиръ Генри Бульвера въ біографіи Лорда Байрона, что письма молодаго поэта къ его возлюбленной были переводимы имъ изъ извѣстнаго Французскаго романа: Les liaisons dangereuses. Послѣ они разсорились, и леди Ламбъ издала повѣсть Гленарвонъ, гдѣ она не слишкомъ лестнымъ образомъ написала портретъ своего невѣрнаго друга. Мадамъ Сталь спросила его однажды, похожъ ли этотъ портретъ. Суетный поэтъ отомстилъ за себя своей возлюбленной вереницею самыхъ горькихъ эпиграммъ, а въ Донъ Жуанѣ сказалъ: Some play the devil, and then write a novel (иныя играютъ чорта, а потомъ напишутъ сказку).

Въ такой же старости умеръ и послѣдній братъ Веллингтоновъ, Докторъ *Веллеслей*. Это семейство примѣчательно своимъ долголѣтіемъ. Изъ четырехъ братьевъ, умершихъ въ глубокой старости, остался теперь только одинъ желѣзный Герцогъ.

Лордъ Бентинкъ, глава партіи протекціонистовъ, нѣкогда герой всякихъ охотъ, погибъ, напротивъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, отъ внезапнаго удара, на прогулкѣ къ другу.

Александръ Беринъ, Лордъ Ашбуртонъ, банкиръ и денежныхъ дѣлъ мастеръ, т. е. финансіеръ.

Фельдмаршалъ Прусскій фонъ *Бойенъ*, который былъ начальникомъ Штаба у Пруссаковъ, въ войнахъ 1813 и 1814 г. 74 лѣтъ (у Австрійцевъ — начальникомъ Штаба былъ Радецкій).

Другой ветеранъ Прусской арміи скончался — фонъ *Цитенъ*.

Ибраимъ Паша. Кто бы подумалъ, что старый Мегеметъ-Али переживетъ своего сына, знаменитаго покорителя Сиріи, который грозилъ всей Оттоманской Портѣ. Онъ умеръ 58 лѣтъ.

Digitized by Google

Получено извѣстіе отъ Копенгагенскаго Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, что работы его по изданію Древностей Русскихъ идутъ успѣшно. Первой части ихъ напечатано уже 40 листовъ, и такъ какъ большая часть извлечена и обработана, то печатаніе можетъ продолжаться безостановочно. Изъ рисунковъ, назначенныхъ для сочиненія, 18 выгравировано, и одно изъ важнѣйшихъ отдѣленій — этнографическое и географическое разсужденіе значительнаго объема, съ принадлежащими къ нему картами, также готово. Въ Запискахъ Общества 1845—1847, разосланныхъ въ сентябрѣ этого года всѣмъ находящимся въ Россіи членамъ Общества, помѣщены подробныя свѣдѣнія. Будущимъ лѣтомъ сообщится, вѣроятно, всякому участнику прямо извѣстіе касательно окончанія всего изданія.

Редакція съ своей стороны считаетъ долгомъ напомнить всѣмъ Русскимъ общникамъ и членамъ Копенгагенскаго Общества, дабы они благоволили отправить слѣдующія отъ нихъ деньги коммиссіонерамъ Общества. Она также съ удовольствіемъ будетъ принимать порученія этого рода.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ послѣдней книжкѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, за прошлый годъ, напечатанъ краткій обзоръ правительственныхъ дѣйствій сего Министерства за 1847 г. Придавая всегда особую важность этимъ матеріаламъ для статистики нашего отечества, заимствуемъ изъ него любопытнѣйшія данныя.

Народное здоровье. Болѣзни свойственныя климату и другимъ обыкновеннымъ вліяніямъ, въ 1847 году ни гдѣ въ Имперіи не отличались особенною злокачественностію и губительностію. Но за то годъ сей имѣлъ несчастіе быть постигнутымъ холерою, которая, проникнувъ къ Закавказскія области Имперіи еще въ 1846 г., перешла весною 1847 года по сю сторону Кавказа. Разливъ ея отселѣ внутрь Россіи шелъ двумя главными, отдѣльными потоками: однимъ — чрезъ Астрахань, на сѣверо-востокъ, другимъ — на сѣверо-западъ, чрезъ Ставрополь. Въ этомъ постоянномъ стремленіи къ сѣверу, съ бо̀льшей или мѐньшей силой, она касалась 39 губерній. Всѣхъ заболѣвшихъ холерою въ теченіе года было около 300 т. человѣкъ *, умерло же изъ нихъ слишкомъ 100 т. Въ отношеніи къ числу умершихъ, больше всѣхъ пострадала губернія Саратовская (болѣе 16 т. челов.), и въ ней главнѣйше губернскій городъ (болѣе 3 т. чел.). Въ Москвѣ, сравнительно съ народонаселеніемъ, болѣзнь дѣйствовала слабѣе (заболѣло почти 3,500, умерло 1,780 чел.).

Число лицъ, коимъ въ 1847 г. привита предохранительная оспа, простиралось по всей Имперіи слишкомъ до 1,200,000 ч.

Лечебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдѣніи Министерства, считалось къ 1848 г. 566, а всѣхъ лицъ занимающихся въ государствѣ леченіемъ, значилось: съ полнымъ правомъ врачебной практики — слишкомъ 8 т., съ правомъ практики ограниченной (то есть врачей глазныхъ, зубныхъ, и проч.) около 700. Вольныхъ аптекъ, къ 1848 г. состояло до 700. Больныхъ, прибѣгавшихъ къ пособію отечественныхъ минеральныхъ водъ,

---

* Мы берем самыя круглыя числа.

Digitized by Google

естественныхъ и искусственныхъ, также пользовавшихся домашними морскими ваннами (за исключеніемъ Кавказа, о которомъ въ Министерствѣ не получено извѣстій), было болѣе 5 т.; изъ нихъ выздоровѣло около 3 т. чел. Наибо́льшее число было на Сергіевскихъ водахъ (въ Оренбургской губ.), именно почти 1700 ч.

Народное продовольствіе. Въ общей по государству сложности, урожай хлѣба, озимаго и яроваго, былъ въ 1847 году самъ-третей съ $\frac{3}{7}$. По губерніямъ распредѣлялся онъ слѣд. образомъ: весьма хорошій въ 6 губ., довольно удовлетворительный въ 13, посредственный въ 18, недостаточный въ 5, и совершенно скудный въ 4 (Астраханской, Воронежской, Таврической и области Бессарабской). — Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и вообще сословіями подвѣдомственными М. В. Д. посѣяно было хлѣба около 40,000,000 четв., а собрано 140,000,000 четв. Цѣны на предметы первой необходимости для продовольствія были слѣд.: за куль ржаной муки, отъ 1 р. 46 к. (по губ. Оренбургской) до 10 р. 53 к. сер. (по Енисейской); за четверть овса — отъ $89\frac{1}{2}$ к. (въ Оренбургской) до 3 р. с. (тоже по Енисейской); за пудъ сѣна — отъ 6 к. (по Оренбургской и Тобольской) до $52\frac{1}{2}$ к. с. (опять въ Енисейской).

Общественное призрѣніе. Въ теченіе года, всѣхъ пожаровъ по государству исчислено болѣе 8 т. случаевъ. Ими истреблено 48 церквей и 198 разныхъ казенныхъ зданій; частныхъ же домовъ и другихъ хозяйственныхъ и промышленныхъ строеній слишкомъ 40 т. Сверхъ того, погибло при нихъ людей разнаго пола и возраста 575 чел. Наиболѣе опустошительные пожары были въ городахъ Архангельскѣ и Костромѣ: въ первомъ пламя истребило 400 домовъ и 1 церковь; въ послѣднемъ сгорѣла почти четвертая часть всего города. Отъ наводненій, вслѣдствіе разлива рѣкъ, въ особенности пострадали Сибирскіе города: Петропавловскъ и Тобольскъ. Въ первомъ залито было 500 домовъ, въ послѣднемъ 531. Бурь, сопровождавшихся значительными опустошеніями было въ теченіе года 68.

Капиталовъ въ Приказахъ Общественнаго Призрѣнія состояло къ 1848 году: собственныхъ около 20 мил., вкладныхъ для обращенія изъ процентовъ болѣе 50 м., и того около 70 мил. р. с. Доходовъ всѣми Приказами получено было слишкомъ 4 м. р. с., употреблено на содержаніе богоугодныхъ и учебныхъ заведеній

Digitized by Google

около 4½ м. р. с. Число всѣхъ таковыхъ заведеній, содержимыхъ Приказами, простиралось въ 1847 г. до 780; всѣхъ же призрѣнныхъ въ нихъ было слишкомъ 200 т. чел. Наибо́льшее число сихъ заведеній находилось въ губерніи Полтавской (31), наименьшее въ Тифлисской (1).

Изъ многихъ подвиговъ благотворительности особенно достойны памяти слѣдующіе. Еще въ 1846 г. въ градскія думы Коломны и Дмитрова (Моск. г.) присланы были отъ неизвѣстнаго лица, въ каждый городъ по одному, два билета Сохранной Казны Моск. Опекунскаго Совѣта на 60 т. сер., положенныхъ на вѣчныя времена, съ тѣмъ, чтобы ежегодные проценты съ сихъ суммъ обращать на вспомоществованіе бѣднѣйшимъ жителямъ изъ мѣщанскаго сословія обоихъ городовъ. Послѣ того, въ концѣ 1847, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, въ пользу тѣхъ же двухъ городовъ, прислано было опять, отъ неизвѣстнаго лица, по билету на таковую же сумму: по 30 т. р. с. для каждаго города.

Охраненіе общественной безопасности. Грабежи и разбои въ губерніяхъ внутреннихъ встрѣчались въ 1847 г. рѣже, чѣмъ въ предшествовавшіе годы, повторялись преимущественно въ тѣхъ же самыхъ губе́рніяхъ, гдѣ бывали и прежде: по восточной границѣ Имперіи — въ Астраханской, Оренбургской и отчасти Саратовской; по западной — въ Ковенской и прилегающихъ къ ней уѣздахъ Курляндской, Виленской и Витебской губ., а также въ области Бессарабской. По обыкновенію, хищники появлялись здѣсь больше или меньше многочисленными, вооруженными шайками, изъ коихъ одна, въ Астраханской губ., состояла изъ 50 челов., а одна въ Витебской изъ 30. Причины укорененія зла въ помянутыхъ губерніяхъ заключаются преимущественно въ пограничномъ ихъ положеніи, причемъ особенное вліяніе имѣютъ: на восточной границѣ—сосѣдство съ Сибирью и хищническими ордами Средней Азіи, а по западной — приманка и привычка къ контрабандѣ. — На Волгѣ, гдѣ этотъ родъ разбойничества укорененъ издревле, въ навигацію 1847 г. ограблены 2 лодки въ Нижегородской губ. и 7 разшивъ съ 2 тихвинками въ Симбирской. Грабители появлялись на суда вооруженные, но грабили только деньги и нѣкоторыя вещи, а не самую кладь. — Вообще грабежа и разбоя было всего 576 случаевъ; наибо́льшее

Digitized by Google

число произошло въ губ. Тифлисской (81) и Шемахинской (57). Случаи всякаго рода кражи происходили преимущественно въ губ. Оренбургской и Московской (болѣе 2 т.), области Бессарабской (слишкомъ по тысячѣ), и проч. Отъ поджога происшедшихъ пожаровъ въ теченіе года дознано 36. Изъ прочихъ преступленій: а) убійствъ, которыхъ виновники извѣстны, было болѣе 1 т. (въ томъ числѣ 651 умышленныхъ); наибольшее число случаевъ принадлежитъ губ. Тифлисской (87); б) самоубійствъ обнаружено 461; наибольшее число въ Полтавской губ. (104); в) младенцевъ подкинуто до 3 т.

Попеченіе объ общественномъ хозяйствѣ. Въ 625 городахъ и другихъ пользующихся городскими правами мѣстностяхъ Имперіи, было въ 1847 году: доходовъ слишкомъ 8 милл. расходовъ болѣе $7\frac{1}{2}$ м. запасные капиталы городовъ простирались около 7 м. р. с.

Дѣла состояній. Число всѣхъ прибывшихъ въ 1847 г. изъза границы въ Россію иностранцевъ простиралось слишкомъ до 30 т.; наиболѣе прибыло ихъ въ губ. Волынскую (почти 10 т.) наименѣе въ Шемахинскую (6). На подданство приняли присягу 540 человѣкъ.

Управленіе иностранными исповѣданіями. Послѣдователей всѣхъ иновѣрныхъ исповѣданій въ Имперіи считалось въ 1847 г. около 9 м. об. п. души. Въ томъ числѣ: римско-католиковъ около 3 м.; армяно-григоріанскаго исповѣданія около 400 т.; Армянъ-католиковъ слишкомъ 20 т.; принадлежащихъ къ исповѣданіямъ евангелическимъ: протестантовъ болѣе 1 м., реформатовъ 13 т. * Евреевъ слишкомъ 1 м.; магометанъ болѣе 2 м.; послѣдователей ламизма слишкомъ 200 т. разныхъ инородцевъ не просвѣщенныхъ свѣтомъ христіанства, болѣе 170 т. душъ.— Въ теченіе 1847 года къ Православной Церкви пріобщилось: изъ христіанскихъ исповѣданій до 60 тысячъ, изъ нехристіанскихъ болѣе 3 т.

---

* Религіозныя заблужденія, проявлявшіяся въ прежнее время съ особенною силою въ колоніяхъ иностранныхъ поселенцевъ сихъ исповѣданій, видимо ослабѣваютъ. Въ 1847 г. цѣлая колонія Розенфельдъ отказалась отъ своего упорнаго до тѣхъ поръ сепаратизма. Въ Спб. губ., появившаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ сельскихъ Финскихъ приходахъ безнравственная секта «скакуновъ,» имѣвшая многихъ послѣдователей, также истребляется.

Digitized by Google

Особые предметы. Въ Калугѣ Высочайше разрѣшено учредить музеумъ для собиранія и храненія древностей. Дворянство Владимірской губ. положило: пріобрѣсть изъ доходовъ съ своихъ имѣній, за 27 т. р. с., помѣщичье селеніе Васьково, въ Переяславскомъ уѣздѣ, гдѣ находится ботикъ Петра Великаго, съ тѣмъ чтобы этотъ драгоцѣнный памятникъ сохранять достойно подъ своимъ совокупнымъ надзоромъ.

Вина садовъ Князя М. С. Воронцова.

Имя Князя Воронцова гремитъ славою съ вершинъ Кавказа, пробуждаетъ великія воспоминанія во всѣхъ сослуживцахъ его; бывшихъ подъ начальствомъ его въ предѣлахъ Франціи, радуетъ жителей Одессы и вообще Новой Россіи; портреты его вы видите во всѣхъ заведеніяхъ, которыя онъ основалъ, или которымъ подалъ силу возникнуть. Довѣренный Царя, полководецъ, правитель цѣлой страны, соревнователь просвѣщенія, Князь М. С. Воронцовъ намѣревается издать историческіе матеріялы своей огромной библіотеки, изъ которой мы имѣемъ уже драгоцѣнную Псковскую грамату; на Кавказѣ учреждена уже библіотека восточныхъ матеріяловъ и журналъ, сообщающій драгоцѣнныя свѣдѣнія о древнемъ историческомъ краѣ; теперь мы видимъ плоды его участія въ совершенствованіи винодѣлія въ Крыму — вина изъ собственныхъ его садовъ. Приглашаемъ же нашихъ читателей выпить его здоровье, его же винами, на выборъ: лозы прославленныхъ виноградниковъ Европы, сохраняя свое имя, дали въ Крыму вина, нисколько не уступающія въ достоинствѣ винамъ родины своей; но приняли въ себя особенность новоселья, его собственные ароматы; и потому надо сравнивать ихъ по сходству достоинства, а не по сходству вкуса. Весь первый транспортъ винъ изъ садовъ Князя Воронцова былъ разобранъ говорятъ, въ нѣсколько дней. Повсюду, въ Москвѣ, на обѣдахъ, на пирахъ, гости пьютъ уже съ удовольствіемъ, смотрятъ рюмку на свѣтъ и похваливаютъ вина изъ новаго источника богатствъ Россіи и благосостоянія Крыма.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НОВЫЙ ИМПЕРАТОРСКІЙ КРЕМЛЕВСКІЙ ДВОРЕЦЪ почти уже готовъ. Золотая крыша купола и золотой гребень вдоль всей кровли свѣтятся уже и напоминаютъ златоверхія палаты древнихъ Русскихъ Великихъ Князей, а все зданіе великолѣпный Августеумъ Царяграда. Въ Георгіевской Орденской залѣ, въ этой чудной гридницѣ Царской, Св. Георгій на конѣ поражаетъ уже змѣя. 18 побѣдъ, знаменующихъ покореніе царствъ и областей, вошедшихъ въ составъ Россіи, стоятъ уже вооруженныя, со щитами, на которыхъ означены эпохи. Зала Андреевская, или Тронная, такъ и пышетъ великолѣпіемъ золоченыхъ рельефовъ; розовый мраморъ Александровской залы, украшенный всѣми узорочьями архитектоники, отражается въ зеркальной внутренней стѣнѣ. Но трудно достойно описать и необъятную величину залъ, и изящность внутренней отдѣлки, и всѣ подробности Дворца: въ созиданіи его осуществилась желанная и предначертанная мысль Государя Императора.

Ждемъ съ нетерпѣніемъ окончанія этихъ новыхъ золотыхъ Царскихъ палатъ, и той минуты, когда онѣ освятятся, а Москва придетъ съ поклономъ, съ хлѣбомъ и солью, къ Державному хозяину на новоселье. *В.*

ПРИЗРѢНІЕ СИРОТЪ ПОСЛѢ ХОЛЕРЫ ВЪ МОСКВѢ.

Въ прошедшемъ году Москву посѣтило испытаніе; вѣрная завѣтамъ и православнымъ обычаямъ предковъ, она возложила свое упованіе на милосердіе Божіе, укрѣпила себя молитвою. Какъ существа смертныя, мы принимали земныя, вещественныя мѣры противъ болѣзни; какъ хри-

Digitized by Google

стіане, особенно памятуя высокое слово нашего Архипастыря, мы искали духовнаго врачеванія, прибѣгали къ утѣшительному покрову любвеобильной Церкви нашей. Древнее благочестіе, никогда не угасавшее въ сердцѣ земли Русской, выразилось съ умилительною полнотою въ эти «минуты жизни трудныя.» Многочисленные храмы Божіи едва вмѣщали въ себѣ православныхъ; пѣніе молебное не умолкало предъ чудотворными иконами; двѣ изъ нихъ, Иверской Божіей Матери и Владимирской, иконы наиболѣе чтимыя Москвитянами, обтекли весь городъ; рѣдкій домъ не удостоился видѣть въ стѣнахъ своихъ эти святыни, приносившія съ собою облегченіе или надежду и утѣшеніе; по многимъ приходамъ учреждены были крестные ходы; почти ни одинъ день не проходилъ безъ того, чтобы площади и главныя улицы не оглашались общественными молебствіями.

По прекращеніи болѣзни обнаружились ея несчастныя слѣдствія, и вмѣстѣ съ ними возблистала другая сторона Московской жизни. Попечительное правительство, какъ всегда и вездѣ, спѣшило содѣйствовать этому стремленію благотворительности, и открыло пріемъ доброхотныхъ приношеній при Биржевомъ Комитетѣ. Въ первые же дни собраны были значительныя суммы, и отрадно было видѣть въ спискѣ жертвователей участіе всѣхъ сословій, наряду съ щедрыми даяніями богачей скромныя приношенія убогаго мѣщанина или крестьянина, лепты вдовицы ..

Что̀ сдѣлало Правительство, тому не представитъ ничего подобнаго ни одно государство въ Европѣ. Для приведенія въ дѣйствіе Высочайшихъ повелѣній, въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года, о призрѣніи осиротѣвшихъ отъ холеры дѣтей, по всеподданнѣйшимъ докладамъ Г. Военнаго Генералъ-Губернатора и Опекунскаго Совѣта, открытъ при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, временной пріютъ на 240 сиротъ, въ трехъ помѣщеніяхъ: 1) на 140 обоего пола малолѣтныхъ до 8-лѣтняго возраста, при грудныхъ отдѣленіяхъ, 2) на 50 мальчиковъ отъ 8 до 12 лѣтъ, на мужской половинѣ въ корделожи, и 3) на 50 того же воз-

Digitized by Google

раста дѣвочекъ, на женской половинѣ, въ квадратѣ. Въ пріютъ назначаются дѣти дворянъ, чиновниковъ и художниковъ и артистовъ, также священническія и дьяконскія дочери; дѣти же мѣщанъ, вольноотпущенныхъ и вообще разночинцевъ, также дочери нижнихъ воинскихъ чиновъ, назначаются на воспитаніе въ ближайшія отъ Столицы селенія, съ платою отъ Воспитательнаго Дома; мальчики же изъ сихъ сословій, достигшіе 10-лѣтняго возраста, и имѣющіе надлежащія способности, помѣщаются пансіонерами Воспитательнаго Дома въ Ремесленное Учебное Заведеніе, школу Садоводства и Маріинскую больницу, для обученія на практикѣ фельдшерскому искусству, не зачисляя однакожъ никого изъ нихъ въ число воспитанниковъ. Назначеніе сиротъ къ пріему, по сообщаемымъ Его Сіятельствомъ Г. Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ спискамъ, производится Комитетомъ, изъ Гг. Директоровъ подвѣдомственныхъ Московскому Опекунскому Совѣту заведеній, подъ предсѣдательствомъ Г. Главнаго Надзирателя, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника И. А. Штрика, котораго неутомимому усердію и горячей любви къ ближнему приписать должно — мало сказать быстрое—но невѣроятное учрежденіе пріюта, въ исполненіе распоряженій высшаго Начальства, и преимущественно Г. Генерала-Губернатора Графа Арсенія Андреевича Закревскаго, которому угодно было принять личное, непосредственное участіе во всѣхъ сихъ благодѣтельныхъ дѣйствіяхъ. Съ 18-го августа по настоящее число назначено къ пріятію въ пріютъ при грудныхъ отдѣленіяхъ 137, на мужскую половину 24 и на женскую 33 сироты, къ отправленію въ деревни 180, а къ помѣщенію въ вышесказанныя заведенія 17 сиротъ. Многимъ изъ нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, стало здѣсь лучше, чѣмъ въ родительскихъ домахъ, разумѣется кромѣ сиротства.

Предложивъ краткое извѣстіе объ отеческой заботливости Правительства и ея дѣйствіяхъ, напомнимъ читателямъ о замѣчательномъ подвигѣ частной благотворительности.

Почетный Гражданинъ Алексѣй Ивановичъ Лобковъ пзъявилъ Московскому Военному Генералъ-Губернатору го-

Digitized by Google

товность пожертвовать, на призрѣніе бѣдныхъ сиротъ, принадлежащій ему въ Серпуховской Части, деревянный домъ, съ приспособленіемъ онаго къ помѣщенію заведенія, и сверхъ того представилъ *тридцать тысячь рублей серебромъ* единовременно, и обязался вносить по *тысячь рублей* въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ.

Съ такими средствами оказалось возможнымъ основать въ Москвѣ постоянный домъ призрѣнія для пятидесяти бѣдныхъ сиротъ, оставшихся послѣ умершихъ отъ холеры родителей. Заведеніе это уже устроено, подъ названіемъ *Варваринскаго Сиротскаго Дома Почетнаго Гражданина Лобкова*, и положеніе объ немъ удостоилось, въ 5-й день минувшаго ноября, Высочайшаго утвержденія.

Цѣль учрежденія Сиротскаго Дома состоитъ въ томъ, чтобы доставить сиротамъ необходимое содержаніе, и нравственное, на правилахъ христіанскаго ученія основанное воспитаніе, и также обучить ихъ разнымъ рукодѣліямъ и домашнему хозяйству, дабы въ послѣдствіи они могли собственными трудами пріобрѣтать себѣ средства къ содержанію. Когда воспитаніе сихъ дѣтей кончится, мѣста ихъ замѣщаются также бѣдными дѣтьми, тѣхъ же лѣтъ и званій, родители коихъ умерли внезапно, или отъ болѣзней, преимущественно эпидемическихъ. Въ Сиротскій Домъ могутъ быть принимаемы на общихъ правилахъ пансіонерки отъ посторонныхъ лицъ, и за содержаніе ихъ вносится опредѣленная плата, соразмѣрная суммѣ, употребляемой на содержаніе каждой штатной воспитанницы. *И. К—въ.*

Digitized by Google

НЕКРОЛОГЪ.

Князь Алексѣй Григорьевичь Щербатовъ.

Въ Москвѣ, 15-го Декабря, въ исходѣ 3-го часу пополудни, скончался Князь Алексѣй Григорьевичь Щербатовъ, послѣ тяжкаго недуга, на 73 году своей жизни, окруженный заботами горестной супруги и дѣтей своихъ и сожалѣніями всѣхъ его знавшихъ близко и неблизко. Пять лѣтъ правилъ онъ древнею столицею. Имя его, какъ храбраго воина, красуется на страницахъ военной Исторіи нашего Отечества въ самыхъ достопамятныхъ ея событіяхъ. Имя его, какъ добраго человѣка, записано въ памяти жителей Москвы. Принесемъ же усопшему послѣднюю дань, воспоминаніе о дѣлахъ, которыми была украшена жизнь его.

Князь Алексѣй Григорьевичь родился въ Москвѣ, 1776 года Февраля 23-го, и на шестомъ году возраста записанъ былъ, по тогдашнему обыкновенію, въ Гвардію унтеръ-офицеромъ. Воспитаніе его совершилось въ домѣ родительскомъ. Высшее дворянство, по предубѣжденіямъ, не воспитывало тогда дѣтей своихъ ни въ Кадетскомъ корпусѣ, ни въ Московскомъ Университетѣ. Оно или отсылало ихъ за границу, или приглашало къ себѣ иностранныхъ наставниковъ. Умный Французъ, съ нѣкоторыми познаніями, пламенный обожатель Руссо, былъ наставникомъ Князя. Нѣжная заботливость родителей была причиною того, что иныя ложныя правила наставника не сильно подѣйствовали на питомца. Сознавая впослѣдствіи недостатки ученія, переданнаго поверхностнымъ Французомъ, Князь самъ старался восполнить ихъ чтеніемъ и собственными занятіями.

Digitized by Google

Шестнадцати лѣтъ, въ 1792 году, Князь А. Г. произведенъ былъ въ Прапорщики Гвардіи Семеновскаго полка. Но по обычаю того времени, жилъ первые годы службы въ отпуску. Застѣнчивость его нрава удаляла его отъ свѣта, куда, съ другой стороны, привлекала молодость. Ученіе продолжалось по собственному влеченію. Дѣйствительная, непрерывная служба его началась послѣ смерти Императрицы Екатерины II, съ 1796 года. Строгость дисциплины, введенной въ то время, его не устрашила. Быстро совершалось тогда возвышеніе тѣхъ, которые исполняли обязанности службы. Въ 1798 году, Князь Щербатовъ былъ уже въ числѣ немногихъ кавалеровъ Мальтійскаго ордена, а черезъ два года пожалованъ въ Генералъ-Маіоры, на 25-мъ году своего возраста, и начальникомъ полка въ сѣверной столицѣ.

Маленькая непріятность была причиною того, что молодой воинъ долженъ былъ на время разстаться съ службою; но когда загорѣлась война съ Франціею, онъ пожелалъ заслужить свои генеральскіе эполеты на полѣ битвы, и снова вступилъ въ службу. Въ 1805 году стоялъ онъ съ полкомъ своимъ въ Слонимѣ. Здѣсь разстался онъ съ меньшимъ братомъ Княземъ Владиміромъ, который поѣхалъ въ походъ за границу. Свѣча догорала на столѣ — и вдругъ погасла передъ разлукою грустныхъ братьевъ, которые поцѣловали другъ друга въ темнотѣ. Тяжкое предчувствіе стѣснило сердце старшаго. Оно сбылось. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ исходѣ Аустерлицкой битвы, Князь Щербатовъ получилъ вѣсть о смерти брата, который былъ слегка раненъ въ сраженіи, но умеръ отъ горячки въ Краковѣ. Печальнымъ вѣстникомъ этой утраты поѣхалъ онъ въ Москву къ своимъ родителямъ, которые въ то время, не зная о несчастіи, готовились праздновать свадьбу дочери.

Въ 1806 году объявленъ былъ всѣмъ войскамъ заграничный походъ. Князь Щербатовъ, въ началѣ осени, перешелъ границу съ полкомъ своимъ, который только что сформировалъ непрерывными своими заботами. Французы, поразивъ Пруссаковъ при Іенѣ, стремительно двигались на Рус-

Digitized by Google

скихъ. Быстрый въ дѣйствіяхъ своихъ Графъ Каменскій смѣнилъ на время медлительнаго Беннигсена. Полкъ Князя Щербатова состоялъ въ отрядѣ, бывшемъ подъ командою Князя Д. В. Голицына. Война свела вмѣстѣ обоихъ воиновъ, которыхъ послѣ сблизило и родство. Они всегда уважали другъ друга. Первое дѣло, въ которомъ К. Щербатовъ участвовалъ, была битва Голоминская, гремѣвшая въ одинъ день съ Пултускою. Неопытность воина, въ первый разъ выступавшаго на поле сраженія, могла быть для него опасна въ дѣлѣ довольно трудномъ; но неустрашимость взяла верхъ надъ неопытностью. Полкъ, состоявшій изъ молодыхъ рекрутъ, пришелъ было въ замѣшательство отъ сильнаго огня непріятельскаго; но Князь Щербатовъ, схвативъ передовое знамя, двинулся впередъ и вложилъ бодрость въ молодое войско, которое снова пришло въ боевой порядокъ и до вечера сдерживало стремленіе врага. Георгій 3-го класса, послѣ Голоминскаго дѣла, украсилъ грудь главнаго вождя битвы, Князя Голицына. Князь Щербатовъ получилъ Георгія 4-го класса. Голомино было первымъ изъ 33-хъ сраженій, которыя составляютъ главное содержаніе его военной жизни.

Сраженіе при селеніи Гофъ у города Лансберга и знаменитая битва при Прейсишъ-Эйлау, гдѣ Русскіе, послѣ страшнаго кровопролитія, удержали мѣсто битвы, хотя и отступили потомъ, видѣли также труды тридцатилѣтняго генерала.

Прусской крѣпости Данцигу угрожала осада отъ Французовъ. Генералъ Беннигсенъ послалъ туда на помощь отрядъ, подъ начальствомъ Кн. Щербатова. По невозможности сухимъ путемъ достигнуть крѣпости, они отправились моремъ. Немедленно началась осада, послѣ прибытія Русскихъ войскъ. Высочайшій рескриптъ Императора Александра (1807 года, 21 Апрѣля) свидѣтельствовалъ о «твердости и дѣятельности» Кн. Щербатова въ стѣнахъ осажденнаго Данцига. Но осьмитысячный гарнизонъ, отрѣзанный отъ всякой внѣшней помощи, не могъ состязаться съ 50-тысячною

Digitized by Google

арміею Наполеона, которая громила Данцигъ. Крѣпость сдана на капитуляцію, но честь оружія Русскаго спасена. Гарнизонъ вышелъ изъ Данцига со всѣми военными почестями, но съ условіемъ: не служить годъ противъ Франціи и ея союзниковъ. Кн. Щербатовъ не могъ равнодушно видѣть себя осужденнымъ на бездѣйствіе при самомъ началѣ войны, и рѣшился остаться плѣннымъ, въ надеждѣ скораго размѣна. Слова Высочайшаго рескрипта (1807 года, 20 Маія) свидѣтельствовали вновь, что Генералъ-Маіоръ Кн. Щербатовъ, «истощивъ всѣ зависѣвшія отъ него сред-«ства къ спасенію означенной крѣпости, увеличивъ, по ко-«лику обстоятельства это позволили, славу нашего оружія, «и наконецъ сдавшись тогда только, когда никакого уже не «оставалось способа къ защитѣ, соблюлъ все то, что отъ «Россійскаго воина требовать можно было.» Аудіенція Наполеона Кн. Щербатову въ Дрезденѣ принадлежитъ также къ числу достопамятныхъ событій его жизни. Великій Полководецъ отдалъ справедливость храброму Русскому Генералу и отпустилъ его съ честію.

Въ Москвѣ ожидало его, въ 1809 году, первое счастіе въ жизни — бракъ. Онъ повезъ въ армію молодую жену, нѣжно любимую, которая согласилась дѣлить съ нимъ труды войны. Но и году не продлилось это счастіе. Внезапная смерть похитила ее въ Москвѣ, вмѣстѣ съ нерожденнымъ младенцемъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, еще два удара разразились надъ отчаяннымъ мужемъ. 74-хъ лѣтній отецъ его и престарѣлая мать, другъ за другомъ, сошли въ могилу. Одинокій воинъ, помиая милыхъ сердцу, бродилъ по кладбищамъ: но между тѣмъ гремѣла война за Дунаемъ. Не за славою поѣхалъ онъ въ армію, но чтобы найти конецъ своимъ мученіямъ. Осаждали Шумлю. Кн. Щербатовъ проситъ товарища уступить ему мѣсто впереди при началѣ приступа, желая найти скорѣе конецъ жизни. Лишь только хотѣлъ онъ спуститься въ крѣпостной ровъ, какъ пуля ранила его въ грудь у лѣваго плеча. Храбрый товарищъ, только изъ признн уступившій ему первое мѣсто, немедленно его занялъ.

Digitized by Google

Стихи, которыми Жуковскій прославилъ Кн. Щербатова въ своемъ Пѣвцѣ, имѣютъ отношеніе къ утратѣ, томившей его сердце и въ 1812 году.

Хвала, Щербатовъ, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, онъ сѣтуетъ душой
О тратѣ незабвенной.

Вылечившись отъ раны, весьма опасной, Кн. Щербатовъ принялъ въ Бухарестѣ начальство надъ 18-ою дивизіею, по смерти Кн. Долгорукаго. Зимнія квартиры въ Хотинѣ, а потомъ бездѣйствіе въ Каменцѣ-Подольскомъ, тяготили его. М. Л. Голенищевъ-Кутузовъ смѣнилъ умершаго Графа Каменскаго. Кн. Щербатовъ просился у новаго Главнокомандующаго въ дѣйствующую армію и получилъ лестное для него приглашеніе. Но Турки, утомленные войною, бездѣйствовали.

Между тѣмъ приближался 1812 годъ. Дѣла съ Франціею клонились къ разрыву. Дивизія Кн. Щербатова, при открытіи компаніи 1812 года, находилась въ 3-ей западной арміи. Первымъ дѣломъ его было взятіе Бреста-Литовскаго, занятаго Саксонцами. Потомъ участвовалъ онъ во взятіи Кобрина, гдѣ цѣлая бригада Саксонская сдалась въ плѣнъ. Орденъ Анны 1-й степени былъ ему наградою за оба эти дѣла. При селеніи Поддубьѣ онъ командовалъ всѣмъ правымъ крыломъ и удерживалъ силу непріятеля. Георгій 3-го класса украсилъ тогда грудь его, а Владиміръ 2-й степени при осадѣ Торна, гдѣ онъ начальствовалъ надъ войскомъ, открывавшимъ первую траншею. Но особенно счастливо было дѣло его при Кенигсвартѣ. Весь Итальянскій корпусъ былъ совершенно разбитъ одною 18-ою дивизіею. Взято въ плѣнъ нѣсколько Генераловъ (*). Чинъ Генералъ-Лейтенанта, бриллiантовые знаки ордена Св. Анны, и начальство надъ 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, состоявшимъ изъ 7 и 18-й ди-

(*) Описаніе войны 1813 года. Соч. Михайловскаго-Данилевскаго. Ч. I, стран. 197.

Digitized by Google

визій, были ему наградою. На другой же день по утру участвовалъ онъ и въ Бауценской битвѣ, гдѣ пуля сильно окоитузила ему грудь.

По усильной просьбѣ отклонивъ отъ себя формированіе новой арміи въ Польшѣ (порученіе, которое уже само собою доказывало всеобщее къ нему уваженіе въ арміи) и оставшись въ дѣйствующемъ войскѣ, Князь Щербатовъ, въ 1813 году, состоялъ въ Силезской арміи подъ командою Блюхера. (*) Изъ сраженій, въ которыхъ онъ въ теченіе этого времени участвовалъ, особенно важно дѣло при г. Левенбергѣ, гдѣ, при содѣйствіи Генерала Рудзевича, уничтожена имъ Французская дивизія и Генералъ ея, Пюто, взятъ въ плѣнъ. Орденъ св. Александра Невскаго свидѣтельствовалъ объ успѣхѣ этой битвы.

До Лейпцигскаго сраженія Кн. Щербатову поручено было прикрывать Силезію. Онъ, вмѣстѣ съ Австрійскимъ Генераломъ Бубною, сдерживалъ Французовъ въ Дрезденѣ. Но потомъ, когда главная союзная армія, поразивъ Французовъ подъ Лейпцигомъ, быстро пошла къ Рейну, къ ней присоединилась и Силезская армія. Торжественна была переправа Русскаго войска черезъ Рейнъ, при громѣ военной музыки, барабановъ и восклицаніяхъ побѣдоноснаго войска.

Въ 1814 году, когда Блюхеръ продолжалъ движеніе къ Бріенну, гдѣ готовилось славное наше дѣло, онъ отрядилъ Кн. Щербатова туда же, только правѣе отъ себя, по дорогѣ на Линьи и Сенъ-Дизье. 14-го Января, Блюхеръ безпрепятственно прибылъ въ Бріэннъ; но Кн. Щербатовъ встрѣтилъ у Линьи арріергардъ Маршала Викто́ра, и тотчасъ атаковалъ его. Не давая непріятелю времени собраться, онъ приказалъ штурмовать Линьи полкамъ Псковскому и Софійскому по большой дорогѣ, а двумъ егерскимъ съ правой стороны. Артиллерія, съ выгодныхъ мѣстъ, громила городъ, куда Французы сбѣгались изъ окрестностей. Наши пѣхот-

(*) Тамъ же, стран. 266 и 290.

Digitized by Google

ные полки ворвались на площадь, ударили въ штыки и обратили непріятеля въ бѣгство. Въ Сенъ-Дизье Французы также покушались держаться, но послѣ довольно жаркой перестрѣлки отступили. Князь Щербатовъ принялъ влѣво, по степнымъ и пустынным мѣстамъ, и у Бріенна присоединился къ Силезской арміи (*).

Наконецъ наступило и знаменитое Бріенское дѣло. У того самаго города, гдѣ была военная школа, въ которой воспитывался Наполеонъ, суждено было ему претерпѣть пораженіе отъ Русскаго войска и потерять 80 пушекъ и 5000 плѣнныхъ. 20-го Января совершилось сраженіе.

Вотъ какъ происходила съ нашей стороны аттака, въ которой Кн. Щербатовъ принималъ значительное участіе. Графъ Ливенъ пошелъ на Ла-Ротьеръ; правѣе отъ него, Кн. Щербатовъ двинулся на центръ непріятельскій, защищаемый двадцати-осьми пушечною батареею; Олсуфьевъ оставался въ резервѣ. Не смотря на жестокій огонь Французовъ, наша пѣхота ни на секунду не останавливалась, и, не дѣлая ни одного выстрѣла, стройно подвигалась впередъ; Днѣпровскій пѣхотный полкъ, бывшій въ головѣ колонны Кн. Щербатова, шелъ съ пѣсенниками. Ланской съ третьею гусарскою дивизіею ударилъ на непріятельскую конницу, опрокинулъ ее, и погнался за нею, но въ преслѣдованіи былъ обращенъ назадъ. Васильчиковъ подкрѣпилъ его; Французская кавалерія была опрокинута, побѣжала и оставила безъ прикрытія 28-ми пушечную батарею; Князь Щербатовъ и Васильчиковъ овладѣли сими орудіями. Описываемыя здѣсь дѣйствія сначала происходили въ виду Государя, но отъ взоровъ Его вскорѣ скрылись войска, сражавшіяся въ густомъ дыму, изъ-за котораго только былъ слышанъ грохотъ орудій. Нѣсколько минутъ не видно было съ высотъ при Траншѣ, что дѣлалось во мракѣ дыма; вскорѣ пріѣхалъ

(*) Изъ Описанія похода во Франціи въ 1814 году, Генералъ-Лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго. Изданіе 2-ое, стран. 26 и 27.

Digitized by Google

адъютантъ, съ донесеніемъ о взятіи орудій. Послѣ сего подвига Князь Щербатовъ, подъ которымъ лошадь была ранена въ голову, съ одною дивизіею остановился на взятой батареѣ, а другую послалъ влѣво на подкрѣпленіе Графа Ливена, къ Ларотьеру (*).

Радостно билось Русское сердце побѣдоноснаго воина, когда на другой день утромъ, Государь, осматривая поле сраженія, обнялъ его передъ войскомъ. Наслѣдный Принцъ Биртембергскій, Васильчиковъ, Князь Щербатовъ и Графъ Бреде получили тогда орденъ Св. Георгія второй степени. (**)

Мѣстечко Ла-ферте и городъ Мери были свидѣтелями новыхъ его подвиговъ. При послѣднемъ оплакалъ онъ потерю своего храбраго адъютанта, Подполковника Лопухина, который погибъ жертвою неустрашимости и великодушія.

Сдача Суассона, чему содѣйствовалъ и Кн. Щербатовъ, спасла Силезскую арміо, которая подъ предводительствомъ Сакена, шла впереди всѣхъ Русскихъ войскъ, и была всѣхъ ближе къ Парижу, но получила приказаніе возвратиться въ городъ Мо для охраненія тыла всей арміи. Вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ Генераломъ Сакеномъ, Кн. Щербатовъ, въ свитѣ двухъ Вѣнценосцевъ, вступилъ въ Парижъ. 21-го Марта и весь корпусъ Сакена былъ уже тамъ. Середи шумной жизни Парижа, куда будто волшебствомъ войны перенесены были Русскіе воины изъ бивачной жизни, лестное вниманіе Императора принадлежало къ числу счастливѣйшихъ воспоминаній Кн. Щербатова, особенно же слова, сказанныя Его Величествомъ Маршалу Серюрье, начальнику Инвалиднаго дома: Je vous présente le Prince Scherbatoff, général de division, celui qui a emporté la porte de la Rotière. Тутъ же записалъ онъ въ памяти другое слово Императора Александра. Проходя мимо воротъ внутри замка, на которыхъ надпись: Porte d'Austerlitz, Императоръ сказалъ ему по Русски: «безъ этого и мы не были бы теперь здѣсь.» Апрѣля 1-го дано Кн. Щербатову на-

(*) Тамъ же, стран. 63 и 64. (**) Тамъ же, стран. 67.

Digitized by Google

чальство надъ 3-мъ отдѣльнымъ корпусомъ, какъ старшему подъ Генераломъ Сакеномъ, который назначенъ былъ Генералъ-Губернаторомъ Парижа.

Когда уже воинъ отдыхалъ на лаврахъ своихъ въ Петербургѣ, послѣдній стодневный пиръ Наполеона снова двинулъ было наши войска. Жажда битвъ загорѣлась опять въ груди того, кто уже свыкся съ ними. Онъ просился у Барклая де Толли въ дѣйствующую армію, но Ватерлоо положило конецъ бранной тревогѣ. Начальство надъ 6-мъ корпусомъ пѣхоты и санъ Генералъ-Адъютанта были новыми знаками Монаршихъ къ нему милостей.

Второе счастливое супружество, благословенное прекраснымъ семействомъ, путешествіе по Италіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, предпринятое для возстановленія силъ супруги и совершенное съ просвѣщеннымъ сочувствіемъ ко всему что примѣчательнаго представляетъ образованіе западной Европы, встрѣчи и свиданія съ товарищами по битвамъ, точное исполненіе обязанностей служебныхъ по возвращеніи въ Россію, и чистыя радости семейныя, иногда прерываемыя горькими утратами, наполняютъ время жизни Кн. Щербатова, протекшее отъ 1817 года до 1828-го. Въ 1823 году онъ произведенъ въ Генералы отъ Инфантеріи. Въ 1826 получилъ начальство надъ 2-мъ корпусомъ; въ 1827 году, послѣ маневровъ у города Вязьмы, бриллiантовые знаки Ордена Св. Александра.

Въ 1828 году, когда открылся Турецкій походъ, ему приказано было двинуться съ своимъ корпусомъ къ Силистріи. Но тяжкая болѣзнь отвлекла его отъ дѣятельнаго участія въ этой войнѣ. Счастливѣе былъ онъ во время Польской компаніи, за дѣла въ которой получилъ Владиміра 1-й степени, особенно же при «оборонѣ Жолтковской переправы, гдѣ, явивъ новый опытъ блистательной храбрости и неизмѣннаго хладнокровія, примѣромъ своимъ одушевлялъ воиновъ, въ дѣлѣ семъ бывшихъ.» Такъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ. По взятіи Варшавы, были ему наградою шпага, украшенная бриллiантами съ надписью: *за хра-*

Digitized by Google

брость, равно какъ и Высочайшій рескриптъ (1831 года 6-го Октября), которымъ Государю Императору благоугодно было въ доказательство «отличной признательности за достохвальное служеніе въ продолженіе благополучно окончанной войны противъ Польскихъ мятежниковъ,» назначить Князя Щербатова шефомъ Костромскаго полка. Случай хотѣлъ, чтобы онъ получилъ извѣстіе объ этомъ назначеніи въ томъ же самомъ городѣ Слонимѣ, гдѣ за 26 лѣтъ передъ тѣмъ онъ сформировалъ этотъ полкъ. Польскій орденъ первой степени за военное достоинство заключилъ награды, полученныя имъ во время Польской компаніи.

Званіе Предсѣдателя во вновь учрежденномъ Генералъ-Аудиторіатѣ правилъ онъ согласно съ обязанностями службы и чувствами своего человѣколюбиваго сердца. Въ 1835 году вышелъ въ отставку, послѣ 43-хъ лѣтней службы. Шесть войнъ, 33 сраженія и двѣ раны записаны были въ его послужномъ спискѣ. Но въ 1839 году, волею Государя Императора, вновь призванъ на службу и назначенъ шефомъ Костромскаго полка, а вскорѣ Членомъ Государственнаго Совѣта. Въ Бородинскую годовщину, 1839 года, выводилъ онъ свой полкъ церемоніальнымъ маршемъ, вмѣстѣ съ другими славными сподвижниками войны 1812 года. Въ 1840 назначенъ Предсѣдателемъ Комитета объ Инвалидахъ.

Въ 1843 году, когда незабвенный Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, почти наканунѣ своего двадцатипятилѣтняго служенія на чредѣ Московской, уже страдавшій смертельнымъ недугомъ, отправлялся въ Парижъ, Князю Щербатову поручено было временное управленіе Москвою. Древней столицѣ не удалось отпраздновать вмѣстѣ съ Княземъ Голицынымъ его славное двадцатипятилѣтіе. Она встрѣтила его во гробѣ — и единодушною скорбію и молитвами проводила до Донскаго кладбища. 17-е, 18-е и 19-е Маія 1844 года записаны въ лѣтописяхъ Москвы, какъ три дни, исполненные одного прекраснаго благодарнаго чувства, еще до сихъ поръ не выраженнаго мыслію.

Digitized by Google

Князь Щербатовъ былъ назначенъ тогда Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, и, въ знакъ особеннаго благоволенія Государя Императора, украшенъ Орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Въ то время, когда другіе отходятъ къ покою, усталые отъ трудовъ жизни, 68-ми-лѣтній воинъ и государственный мужъ принесъ еще послѣднія пять лѣтъ своей дѣятельности древней столицѣ, честно и добросовѣстно, сколько ему позволялъ то его силы. Достойная супруга его возбудила въ столицѣ прекрасные порывы общественной благотворительности и сблизила въ этомъ чувствѣ высшее сословіе съ низшимъ. Но угрожавшій недугъ требовалъ отдыха. Спокойно и благородно сошелъ Князь Щербатовъ съ своего блистательнаго мѣста въ тишину уединенія. Государь Императоръ возобновилъ ему Свою признательность Высочайшимъ Рескриптомъ, въ которомъ сказано, что управленіе Кн. Щербатова «ознаменовано было примѣрнымъ рвеніемъ и неусыпною дѣятельностію по исполненію обширныхъ и важныхъ обязанностей, на него возложенныхъ.» Дворянство и купечество Московское, на двухъ прощальныхъ обѣдахъ, 16 и 18 Маія, обнаружили ему любовь, которую успѣлъ онъ снискать въ теченіе краткаго срока. Дворянство назвало время, проведенное подъ его управленіемъ, «незабвеннымъ.» Купечество изъявляло благодарность за его снизхожденіе, справедливость и человѣколюбіе. (*) Свѣтское общество Москвы видѣло въ послѣдній разъ Кн. Щербатова, по торжественному случаю. 20-го Ноября, въ день восшествія на Престолъ Государя Императора, на блистательномъ балѣ у новаго Градоначальника, явился Князь Алексѣй Григорьевичь скромнымъ гостемъ въ тѣхъ самыхъ залахъ, гдѣ такъ недавно былъ еще хозяиномъ.

18-го Декабря, погребенъ усопшій въ Донскомъ монастырѣ, вблизи отъ своего предмѣстника, сослуживца и род-

(*) Московскія Полицейскія Вѣдомости. 1848, N 109.

Digitized by Google

ственника. Богослуженіе совершалъ Митрополитъ Московскій Филаретъ. Слово, приличное памяти покойнаго, говорилъ даровитый нашъ проповѣдникъ С. Г. Терновскій. Сослуживцы К. Щербатова, его бывшіе подчиненные, старѣйшіе представители Московскаго общества, дворяне и купцы, отдали ему послѣдній долгъ нелицемѣрно.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ мы упоминали и не упоминали въ этой краткой біографіи, Князь Алексѣй Григорьевичъ постоянно обнаруживалъ вѣрную и нелицемѣрную службу и преданность Царю и Отечеству, и чувство собственнаго достоинства, что̀ уважали въ немъ два Брата-Вѣнценосца. Это чувство онъ умѣлъ признавать и цѣнить во всякомъ, кто къ нему приближался. Правда и разумная законность были начертаны въ его душѣ. Человѣколюбіе и дѣвственная чистота души составляли двѣ особенныя прекрасныя черты его личнаго характера: къ добру влеклось само собою его кроткое сердце. Снисхожденіе, доброжелательство и любезность сопровождали всѣ его поступки. Неустрашимаго воина помнитъ въ немъ военная Исторія нашего Отечества, доброжелательнаго и снисходительнаго начальника помнятъ подчиненные, а добраго человѣка не забудутъ люди.

С. Шевыревъ.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЕНГРІЯ И КРОАЦІЯ.

Историческій обзоръ.

(Статья II.)

Мы уже сказали, что сраженіе при Могачѣ рѣшило судьбу самобытной до того времени Венгріи. Въ Темесварѣ, въ Будѣ, сидѣли уже паши Турецкіе; а на престолъ королевства или, лучше сказать, Верхней Венгріи, избранъ Фердинандъ I, эрц-герцогъ Австріи, братъ Карла V и наслѣдникъ имперіи. Съ этого времени до разбитія Турокъ Собіесскимъ, въ 1683 году, и возвращенія изъ-подъ ихъ власти Нижней Венгріи, магнаты надѣялись еще возстановить свою прежнюю самобытность. Но времена и условія древнихъ войсковыхъ общинъ посреди покоренныхъ народовъ прошли. 600,000 воинственныхъ потомковъ Маджарской Орды, переселившейся изъ Скиѳіи, съ пространства между Дономъ и Волгой, въ Паннонію, въ древній *Хунниваръ*, гдѣ селились уже нѣкогда предки ихъ, войсковыя орды Аттилы: Торскаго племени—Авары, Хазары, и Монгольскаго — Куманы или Куны, не могли уже жить кочевыми завоевателями посреди гражданскаго порядка. Не осѣдлому, мирному народу слѣдовало примѣняться къ ихъ Хазарскимъ и Угорскимъ обычаямъ; но скорѣе имъ самимъ слѣдовало смирить древнюю кичливость свободныхъ воиновъ. Если воинственный духъ укоренилъ въ нихъ то врожденное благородство, которое они называютъ по-

Digitized by Google

своему nemesseg, то каждый Nemes (урожденный, земанъ, благородный) Маджаръ могъ бы уже въ XVII столѣтіи понять разницу между игомъ Турецкимъ, налагаемымъ на весь народъ, и преобладаніемъ Австріи, которое сковывало только его личныя, не современныя уже права. Но цѣли личныхъ выгодъ Маджарской общины, посреди преобладаемаго ею народа, превозмогли общія выгоды королевства, и магнаты Венгріи, смотря по надеждамъ своимъ, пристовали то къ тому, то къ другому берегу.

Возмущенія подъ предводительствомъ Бетлена, Ракоція и comes Tekeli, qui pro. Deo. et patria pugnat, тщетно клонились къ замыслу освободить Венгрію отъ династіи Австрійской. Текели особенно интересенъ; его возстаніе pro Deo et pro patria, было существенно pro Helena Rakotzy, съ которой императоръ не дозволилъ ему сочетаться бракомъ, изъ опасенія усиленія его чрезъ этотъ союзъ и наущеній Ракоціевой мстить за смерть отца. Текели обратился къ Туркамъ, обѣщая султану подданство всей Венгріи, съ 80,000 червонцевъ дани, если онъ дастъ ему средства освободить отечество отъ Австрійцевъ. Султанъ очень былъ радъ этому. Паша Буды надѣлъ на Текели вмѣсто венгерской шапки чалму, осыпанную драгоцѣнными камнями, перепоясалъ мечемъ, вручилъ ему буздыханъ и знамя, и, посадивъ на богато-убраннаго коня, объявилъ отъ имени султана королемъ Венгерскимъ. Удовлетворивъ честолюбіе свое, Текели тотчасъ же озаботился удовлетворить и любовь свою. Женился на дочери Ракоція, соединился съ Турками, выбилъ монету съ своимъ изображеніемъ и надписью: Emericus comes Tekeli, princeps Hungariae, издалъ манифестъ и понесъ Турецкое знамя противъ Австріи; успѣха однако же не было, и онъ принужденъ былъ бѣжать въ Константинополь, гдѣ и умеръ.

Леопольдъ I положилъ конецъ всѣмъ надеждамъ магнатовъ. Пресбургская діэта, въ 1687 году, рѣшаетъ безвозгласно наслѣдственное право Австрійскаго дома на корону Венгріи. Золотая булла Андрея II поступаетъ въ архивъ.

Digitized by Google

Вскорѣ однако же, послѣ прокламаціи о наслѣдіи престола, оказывается еще новый поджогъ, замышленный Ракоціемъ, внукомъ перваго Ракоція и зятемъ Текели. Упованія его на успѣхъ были велики. Людовикъ XIV, по собственнымъ отношеніямъ къ Австріи о наслѣдіи Испанскаго престола, поддерживалъ его деньгами и войскомъ; но дѣла Франціи приняли другой оборотъ и заставили забыть своего союзника; а главное, вызванные императоромъ Хорваты и Сербы погасили пожаръ, какъ выражаются лѣтописи, и Ракоцій также принужденъ былъ бѣжать подъ кровъ Султанскаго Величества. А между тѣмъ, въ 1723 году, въ царствованіе императора Карла VI (Карла III въ Венгріи), права наслѣдія по мужескому колѣну распространены и на женское, и сверхъ того утверждены всѣ права магнатовъ, кромѣ того, которымъ они болѣе всего дорожили; постановлено быть діэтамъ въ опредѣленное время, и чтобъ въ нихъ магнаты разсуждали о дѣлахъ „cum moderamine et sub silentia.“ При водвореніи наслѣдія Австрійскаго дома положено однако же быть *палатину* или намѣстнику короля изъ родовыхъ магнатовъ; но въ сущности, съ эпохи Маріи Терезіи, при которой были палатинами Пальфи и Батіани, палатинатъ также предоставлялся членамъ королевской фамиліи. Оно иначе и не могло быть; потому что обязанности, возложенныя на палатина, слишкомъ были царственны:

«Палатинъ есть посредникъ и судья между королемъ и королевствомъ.

«Во время отсутствія короля или его небреженія въ дѣлахъ королевства, онъ принимаетъ бразды правленія.

«Палатинъ есть опекунъ и кормилецъ короля во время его малолѣтства.

«Онъ природный предсѣдатель діэты.

«Король долженъ совѣщаться съ нимъ при всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ,» и т. д.

По всѣмъ этимъ статьямъ можно понять, что палатинъ Венгерскій былъ скорѣе соперникъ короля, нежели намѣстникъ.

Digitized by Google

Во время Маріи Терезіи (1741 — 1780) союзъ Венгріи съ Австріей былъ искрененъ. При ней Венгерцы оказали чудеса храбрости и преданности престолу Австріи; но это относилось болѣе къ личности императрицы, какъ и любимые возгласы: moriamur pro rege nostro Maria-Theresa! за ея уступки, за возстановленіе правъ магнатовъ, за исполненіе ихъ задушевныхъ желаній: эта любовь не такъ была безкорыстна. Во вступительной рѣчи діэты 1765 года, сказано было: «Ея Величество, проникнутая царственными заботами о своихъ вѣрныхъ подданныхъ, или лучше сказать, материнской нѣжностію къ своимъ дѣтямъ, соизволяетъ снизойти къ удовлетворенію ихъ желаній. Большую часть времени присутствіе ея будетъ въ Венгріи. Діэты будутъ впредь имѣть свои собранія въ Будѣ. Банатъ Темесварскій и другія области королевства снова присоединятся къ нему; всѣ должности гражданскія и военныя довѣрятся природнымъ Венграмъ.»

Марія Терезія учредила военную школу для магнатовъ, составила блистательную гвардію изъ Венгерскаго дворянства, и довѣрила ей храненіе своей особы; издала *Urbanium*, законъ правъ Венгерскаго дворянства въ отношеніи поселянъ; и слѣдовательно магнаты Венгріи были любимыя ея дѣти. Эта предпочтительная любовь могла, какъ говорится въ семейномъ быту, избаловать дѣтей, возгордить ихъ предъ прочими, дать излишнюю волю; что̀ и было. И это объяснилось тотчасъ же со вступленіемъ на престолъ Іосифа II.

«Марія Терезія, — говоритъ Лангсдорфъ, — оставила сыну государство въ цвѣтущемъ состояніи, и, главное, преданность Венгерцевъ.» Это понятно при той волѣ и попущеніяхъ, которыми они пользовались. Но Іосифъ II не могъ уже сносить этой вольницы и ея привилегій. Онъ желалъ уравнять права всѣхъ подданныхъ имперіи; и въ этомъ онъ правъ. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ требовалъ, чтобъ въ правленіи Нѣмецкой имперіи и ходѣ правительственныхъ дѣлъ былъ повсюду Нѣмецкій языкъ; но не того ли же требовали въ недавнемъ времени и сами Венгерцы, вынуждая Славянъ, населяющихъ королевство, да-

Digitized by Google

же молиться Богу по-Венгерски? — Безмятежныя Славянскія племена имѣли болѣе права пользоваться обычными и не возмутительными своими правами, тѣмъ болѣе, что ихъ храбрости постоянно обязана была Австрія погашеніемъ смутъ и возстаній Венгерскихъ, какъ въ прежнемъ, такъ и въ новомъ времени; а въ дополненіе, желѣзная грудь храбрыхъ Венгерскихъ полковъ, заслужившихъ славу при Маріи Терезіи, была Славянская.

Всѣ цѣли Іосифа II, клонившіяся къ водворенію единства государственнаго, рушились съ его смертію. Леопольдъ II наслѣдовалъ съ престоломъ Австріи войну съ Турціей, возстаніе въ Бельгіи, развивающійся духъ возмущеній готовой вспыхнуть Французской революціи, и Венгрію, готовую отложиться. Леопольдъ собралъ діэту въ Пештѣ, похерилъ всѣ постановленія Іосифа II, возстановилъ прежнее раздѣленіе королевства на Комитаты, возстановилъ прежнюю юридическую систему и употребленіе Венгерскаго языка въ училищахъ и судопроизводствѣ. Заслуживъ прозваніе отца отечества, онъ передалъ Венгрію Францу II съ правами конституціонными и съ полнымъ замысломъ отложиться. Пропаганда якобинцевъ развела своихъ лазутчиковъ и въ Венгріи. Демагогъ Мартыновичъ образовалъ тайныя общества, сносившіяся съ Франціей и Германіей. *Демократическій катехизисъ*, переведенный на Венгерскій языкъ, распространенъ былъ въ народѣ. Но ужасъ злодѣйствъ якобинскихъ подѣйствовалъ на умы, какъ противоядіе отъ ихъ же соблазна, и Венгрія сохраняла всѣ признаки вѣрности императору. Въ 1796 году, эрцгерцогъ Іосифъ былъ избранъ въ палатины. Ему было не болѣе 20 лѣтъ; но онъ уже пріобрѣлъ добрую славу подъ командой старшаго своего брата, эрцгерцога Карла, заклятаго врага Франціи. Подъ его началомъ Венгры готовы были снова на всѣ жертвы, которыя они приносили Маріи Терезіи. Въ 1809 году онъ былъ въ головѣ поголовнаго возстанія Венгріи противъ Французовъ,

Внукъ Маріи Терезіи, братъ императора Франца, онъ любилъ Венгрію. Ни одинъ *Немецъ*, уроженецъ береговъ

Digitized by Google

Дуная или подножій Карпата, не владѣлъ такъ, какъ онъ, Маджарскимъ языкомъ, этимъ бобылемъ языковъ, «lingua sine matre et sororibus,» какъ называютъ его лингвисты. Ни кто не походилъ столько на усатаго Венгерца, горделиваго и суроваго, высокаго и худощаваго, въ его праздничномъ гусарскомъ нарядѣ, шитомъ золотомъ и жемчугомъ, или въ будничной черной венгеркѣ, называемой *аттила*, въ тщеславную память истиннаго или мнимаго родоначальника Маджаровъ, перепоясанной тяжелой саблей, волочащейся по землѣ.

Мы не будемъ описывать внутреннихъ событій Венгріи послѣ Европейско-Наполеоновскаго періода; замѣтимъ только, что во все время духъ подражанія Франціи велъ ее также къ желанію *возродиться* и *порыть*, хотя эти попытки всего устарѣвшаго и отжившаго суть, ни что иное, какъ возгласы косметическихъ объявленій: plus de têtes chauves! plus d'hemorroydes!

Не смотря на это, *діэта переродена* была въ 1825 году, съ извѣстными ея послѣдствіями. 13 января 1847 года палатинъ эрцгерцогъ Іосифъ умеръ; палатинатство наслѣдовалъ его сынъ Стефанъ.

Послѣ долговременныхъ усилій, Венгры добились согласія Австріи на введеніе Маджарскаго языка въ обоюдныхъ сношеніяхъ, вмѣсто существовавшихъ Латинскаго и Нѣмецкаго. Это была побѣда и торжество; но желали ли раздѣлять это торжество съ Венграми всѣ различныя племена, населяющія край? Отсюда начинаются жестокости и преслѣдованія. Маджары, раздраженные нѣкогда вынужденіемъ употреблять чуждый имъ языкъ вмѣсто своего, не отреклись однако же возложить эту обязанность на племена Славянскія, составляющія большую часть населенія Маджаръ-орчака. Во всѣхъ школахъ селеній, не разбирая, населены они Венграми или другими племенами, повелѣно было учить Маджарскому языку; священникамъ, какого-бы они исповѣданія ни были, говорить проповѣди на Маджарскомъ языкѣ. Всѣ другіе языки должны были искорениться вдругъ, безъ большихъ церемоній; всѣ различныя

Digitized by Google

племена — тотчасъ же обратиться въ Маджаръ, безъ всякихъ отговорокъ, не только на родномъ языкѣ, но даже и на предписанномъ. Не смотря на это, Славяне заговорили еще болѣе по-Славянски, нежели когда-нибудь. Начало Славянскому движенію положилъ Гай, который завелъ типографію, началъ газету, основалъ журналъ, сталъ издавать множество книгъ, старыхъ и новыхъ, и содѣйствовалъ образованію новаго поколѣнія, изъ котораго вскорѣ явились ему преемники, пошедшіе гораздо далѣе.

Имя Кроатовъ давно извѣстно въ исторіи. Заслуги храбрыхъ полковъ Кроатовъ и Пандуръ, славою прославившихся и извѣстныхъ подъ именемъ безсмертныхъ гусаръ, вписаны въ побѣдныхъ лѣтописяхъ цесарскихъ. Кроація составляетъ южную часть Венгріи, такъ называемой отъ Дравы до крутаго поворота Дуная, близъ Бѣлграда, на востокъ. Пространство Кроаціи заключаетъ въ себѣ 950,000 квадратныхъ миль; народонаселеніе простирается, съ пограничными Кроатскими полками, до 800,000 душъ. Подъ именами Славоніи и Кроаціи, эта область управлялась своими обычными постановленіями. Условія соединенія ея съ Венгріей никогда не нарушали ея независимости отъ обрядовъ Маджарскихъ. Въ отношеніи Венгріи это было regnum in regno, какъ самая Венгрія regnum in regno въ отношеніи имперіи. Кроація имѣетъ свои собственные правительственные сеймы въ Аграмѣ; правитель, носящій имя Бана Кроатскаго, третье лицо послѣ Палатина и Верховнаго судьи королевства.

Въ самое то время, когда Венгры замышляли отложиться отъ имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поработить себѣ Славянскія области, не предвидя въ нихъ ни силы, ни духа противоборствовать могуществу Венгріи, Славяно-Кроатскій сеймъ избралъ въ Баны Барона Іеллашича Букчинскаго (de Bucszin), сына генералъ-лейтенанта Барона Іеллашича, умершаго въ 1810 году. Іосифъ Іеллашичъ родился въ 1801 году въ Петервайденѣ, воспитывался въ Терезіанской академіи въ Вѣнѣ; 18 лѣтъ вступилъ подпоручикомъ въ драгунскій полкъ дѣда своего, генерала отъ кавалеріи

Digitized by Google

и Вице-Бана Кроатскаго, барона Княжевича; въ 1830 году перешелъ въ огуланскій пограничный полкъ, былъ съ нимъ въ Италіи; а потомъ, произведенный въ 1837 году въ маіоры, назначенъ былъ старшимъ адъютантомъ при Далматскомъ военномъ губернаторѣ, фельдъцейгмейстерѣ графѣ Феттеръ фонъ Лиліенбергѣ. По смерти Лиліенберга перешелъ въ пограничный полкъ подполковникомъ, и въ 1842 году назначенъ командиромъ полка, съ производствомъ въ полковники. Среднихъ лѣтъ, средняго роста, взглядъ быстрый, брови густыя, наружность мужественная, выраженіе лица живое, движимое сильнымъ духомъ, Іеллашичь созданъ былъ стоять въ головѣ своего народа. Выборъ Іеллашича утвержденъ императоромъ. Онъ назначенъ Баномъ трехъ королевствъ: Кроаціи, Далмаціи и Славоніи, съ званіемъ тайнаго совѣтника и чиномъ генералъ-лейтенанта. Это назначеніе подрываетъ всѣ замыслы діэты Венгерской, предводимой Кошутомъ. Діэта возстаетъ противъ имперіи, а Іеллашичь съ Славянами возстаетъ на крамолы магнатовъ.

Кошутъ, воображая уже себя верховнымъ владыкой Венгріи, а Кроатовъ подвластными только ей въ діэтѣ 11-го іюля объявляетъ ихъ мятежниками: «они думаютъ воспользоваться смутами Европейскими, хотятъ безнаказанно и явно возстать на Венгерскую монархію! Но мы покажемъ, что банъ Іеллашичь не равенъ королю Венгріи: король можетъ прощать, а долгъ Іеллашича повиноваться.»

Не смотря на это, Іеллашичь дѣйствовалъ уже противъ Венгровъ, какъ противъ мятежниковъ, и предвидѣніемъ оправдалъ слова свои императору: «Государь, простите меня, но я дѣйствую во спасеніе имперіи....»

B.

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАГРАНИЧНАГО ПИСЬМА.

(Дуэль между гг. Финке, Юнгомъ и Бюло. Левъ выскочившій изъ клѣтки. Смерть Германа. Удаленіе Евреевъ изъ Праги).

Лейпцигъ, 12-го Декабря. Очень забавно дѣло между членомъ Франкфуртскаго парламента, г. фонъ-Финке, и членомъ уничтоженнаго Берлинскаго парламента, г. Юнгомъ. Первый, въ одной парламентской рѣчи съ презрѣніемъ и даже съ бранью отзывался о членахъ Берлинской Constituante, протестовавшихъ противъ рѣшеній короля. На возраженіе, что бранить общество, не существующее больше, вовсе не рыцарское достоинство, г. Финке изъявилъ *рыцарскую* готовность дать сатисфакцію всякому, кто потребуетъ; въ слѣдствіе чего онъ вызванъ былъ на дуэль г. Юнгомъ и принялъ вызовъ. Рѣшено было стрѣляться въ Эйзенахѣ, куда оба противника и пріѣхали въ послѣднихъ числахъ Декабря. Но секунданты г. Финке объявили, какъ дошло до ихъ свѣдѣнія, что г. Юнгъ, названный въ газетахъ отставнымъ полковникомъ *Бюло* лгуномъ, не требовалъ отъ него сатисфакціи, а поэтому г. Финке не можетъ и не долженъ съ нимъ стрѣляться. Надо знать, что этотъ г. Бюло — причудливый старикъ, безпрестанно печатающій въ Voss. Zeitung маленькія задорливыя статейки, не щадя денегъ. Напрасно г. Юнгъ возражалъ, что онъ не могъ требовать сатисфакціи отъ г. Бюло, по извѣстному характеру его статеекъ. Но г. Финке настоялъ на своемъ. и уѣхалъ изъ Эйзенаха. Тѣмъ однако же дѣло не кончилось. Полковникъ Бюло требуетъ отъ г. Юнга объясненія словъ: «извѣстный характеръ статеекъ,» и въ противномъ случаѣ хочетъ съ нимъ стрѣляться. Но г. Юнгъ отказалъ ему и въ томъ и въ другомъ.

Въ зоологическомъ саду въ Берлинѣ на дняхъ случилось несчастіе. Изъ одной клѣтки, недовольно крѣпко запертой сторожемъ звѣринца, вдругъ вырвались левъ и львица; первый бросился на стоявшую вблизи дѣвушку, дочь профессора, и началъ терзать ее. Но прибѣжавшій сторожъ, небрежность котораго была виною несчастія, съ отчаяньемъ схватилъ льва за гриву, и тутъ началась удиви-

Digitized by Google

тельная борьба между четырьмя сторожами и обѣими звѣрьми, которые однако же были побѣждены и заключены въ клѣтку.

Въ Лейпцигѣ, 31 Декабря скончался знаменитый филологъ, Профессоръ *Готфридъ Германъ*, на 77 году отъ рожденія. Болѣе 50 лѣтъ онъ дѣйствовалъ при Лейпцигскомъ Университетѣ, и до послѣдняго времени не только блестящее имя его, но и бодрость и свѣжесть его духа глубина его мысли, необъятное богатство ученыхъ знаній, которое соединялось у него къ удивительнымъ даромъ слова, привлекали множество слушателей изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ. Старость не коснулась ни до памяти его, ни до души, истинно прекрасной и благородной. Онъ умеръ внезапно, куря трубку и читая Гаммера. *

Евреи, бывшіе въ Прагѣ жертвою ужасныхъ гоненій, въ многочисленности оставляютъ этотъ городъ и переселяются въ Америку, чему не всѣ жители рады, ибо замѣтны уже вредныя послѣдствія въ торговой жизни.

Къ некрологу 1848 года присоединилось, къ сожалѣнію, еще одно почтенное имя: *Летронъ*, одинъ изъ достойнѣйшихъ ученыхъ археологовъ Франціи, гдѣ рядъ ихъ не прерывается, не смотря ни на какія потрясенія, скончался въ Декабрѣ, на 61 г. отъ роду. Послѣдній трудъ его, приготовленный къ печати: Собраніе Греко-Египетскихъ надписей, въ подлинникѣ и переводѣ, состоитъ изъ 5 томовъ. Летронъ наслаждался всегда отличнымъ здоровьемъ, и не давно еще хвалился передъ друзьями, что проживетъ не меньше 85 лѣтъ, и что онъ заготовилъ себѣ работы на все это время. Но вдругъ случился съ нимъ катаръ, на который онъ не обращалъ даже вниманія, а катаръ оборотился водяною въ груди, и Летронна не стало, прежде чѣмъ друзья узнали объ его болѣзни. Онъ былъ благороденъ, простъ, говорилъ всегда свое мнѣніе откровенно, терпѣть не могъ шарлатановъ и гналъ ихъ безъ милосердія, что̀ очень нужно въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ (говоритъ Французскій корреспондентъ), не любилъ общихъ теорій, и довольствовался строжайшимъ разборомъ частностей, въ чемъ былъ мастеръ: остроуменъ, строгъ, ясенъ. Разсужденіе его о Мемноновой статуѣ почитается образцовымъ.

---

* Германъ у насъ извѣстенъ былъ своимъ преніемъ о Гомеровомъ періодѣ съ С. С. Уваровымъ (нынѣшнимъ Министромъ).

Digitized by Google

ФРАНЦУЗСКІЕ МИНИСТРЫ.

Англійская газета «Times» сообщаетъ слѣдующія замѣтки о членахъ настоящаго Французскаго министерства. Министръ юстиціи, Одиллонъ-Барро, — человѣкъ съ характеромъ достойнымъ уваженія и замѣчателенъ какъ ораторъ. Но ему недостаетъ энергіи, рѣшительности и нравственнаго мужества; по своимъ душевнымъ качествамъ онъ болѣе Нѣмецъ, чѣмъ Французъ. Онъ обыкновенно живетъ въ мірѣ туманныхъ теоретическихъ отвлеченностей, и для Французовъ вообще слишкомъ метафизическитеменъ. Такой человѣкъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ долженъ «издержаться» для своей должности. «Дородный идеологъ,» употреблю выраженіе Наполеона, — раньше года исчезнетъ, сдѣлается худымъ, морщиноватымъ, подобно Шекспировскому бѣдному рыцарю (apple-johns). Министръ иностранныхъ дѣлъ, съ трудно выговаривающимся именемъ — Друйнъ де Люйи (Drouyn de Lhuys), — человѣкъ 54 лѣтъ, первоначально приготовлялъ себя для адвокатскаго званія. Бывши, съ 1842-го года, членомъ палаты депутатовъ, онъ хотя и не отличался какъ ораторъ, но все-таки имѣетъ преимущество передъ такимъ нулемъ, каковъ Бастидъ, который объ иностранной политикѣ смыслитъ столько же, какъ и пень о положеніи своего лѣса. Равнымъ образомъ мы почитаемъ и г. Люйи, въ такія времена, каковы настоящія, не доросшимъ до своей должности, хотя онъ и могъ бы быть хорошимъ младшимъ секретаремъ. Г. Леонъ де Мальвиль, министръ внутреннихъ дѣлъ, 47 лѣтъ, есть Французскій лордъ Нугентъ или Паттесонъ, и жаркій приверженецъ Тьера. У него нѣтъ недостатка ни въ дарованіи, ни въ опытности, ни въ знаніи дѣлъ, но все же онъ не выдержитъ сравненія съ г. Дюфоромъ, которому онъ наслѣдовалъ, если не подставилъ ногу. Лучшій выборъ сдѣланъ въ лицѣ г. Ипполита Пасси, министра финансовъ, — и особенно лучшій съ прошедшаго Февраля. Но настоящія финансовыя затрудненія столь страшны, что г. Пасси долженъ будетъ вооружиться всѣмъ своимъ остроуміемъ и всею своею ловкостію. Портфейль министерства народнаго просвѣщенія получилъ г. де Фаллу, человѣкъ 38 лѣтъ, происходя цій изъ ново-выпеченнаго дворянства. Онъ легитимистъ и самый усердный католикъ, очень любимый духовенствомъ за свои хорошо

Digitized by Google

написанныя біографіи Людовика XII и Пія VI, но, какъ государственный человѣкъ, почти безъ всякой опытности. Г. де Трасси, морской министръ, человѣкъ очень достойный уваженія. Назначенный для департамента публичныхъ работъ, г. Леонъ Фошэ, человѣкъ впрочемъ почтенный и трудолюбивый, называется въ Парижѣ *великимъ убійцею журналовъ* (le grand tueur des journaux). Его вялыя статьи погубили «Temps», «Courier français» и почти «Constitutionnel», и повергли въ смертельную болѣзнь «Siècle» и «Revue des deux mondes.» Онъ столь же утомительно скучный ораторъ, какъ и писатель.

ВѢНСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

Въ концѣ прошедшаго года Вѣнская Академія Наукъ выказала большую дѣятельность. Особенно же въ этомъ отношеніи отличились г. Этингаузенъ и Ферд. Вольфъ, ея секретари. Гаммеръ-Пургсталь, президентъ Академіи, въ одно изъ послѣднихъ засѣданій, при окончаніи занимательной статьи объ Арабской литературѣ, именно о поэзіи, предложилъ нынѣшнимъ членамъ, Грильпальцеру и Мюнху читать отъ времени до времени произведенія своей музы. Далѣе — докторъ Леттерисъ, сочинитель «Вѣстей съ Востока, обработанныхъ по источникамъ,» извѣстный основательнымъ изученіемъ своего предмета, представилъ сочиненіе, относящееся къ исторіи эпической поэзіи Евреевъ въ XIII и XIV вѣкахъ. Но наибольшаго вниманія заслуживаютъ, по своему предмету, статьи Хмеля, изъ средневѣковой Австрійской исторіи.

Изъ этого извѣстія мы видимъ, что Вѣнская Академія принимаетъ характеръ Восточный, по характеру своего президента Гаммера, а Славянскаго участія все-таки нѣтъ!

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Успѣхи образованности въ Новороссійскомъ краѣ. — Въ соотвѣтствіе свѣту Евангельскому, озарившему равноапостольнаго Князя Владиміра въ нынѣшнихъ предѣлахъ Новороссійскихъ, и первыя святилища наукъ возродились въ нихъ подъ непосредственнымъ кровомъ Церкви. Исторія сохранитъ навсегда имя ученаго Евгенія Булгариса, архіепископа Славянскаго и Херсонскаго, и преемника его Никифора Ѳеотоки: первый изъ нихъ еще въ 1776 г. учредилъ духовное училище въ Полтавѣ. Вскорѣ (1779) открыты были два гражданскія училища въ Кременчугѣ, главномъ городѣ Новороссійской губ., а въ Херсонъ предполагалось перевести изъ Петербурга Греческую гимназію, учрежденную для дѣтей единовѣрныхъ съ нами иностранцевъ. Предположеніе это не состоялось, также какъ и обширный планъ всесильнаго князя Таврическаго — основать въ Екатеринославѣ университетъ съ академіею художествъ, для чего назначено было болѣе 300 т. рублей и уже опредѣлено нѣсколько лицъ для занятія разныхъ должностей. Потемкинъ думалъ, кромѣ того, учредить медико-хирургическое училище въ Симферополѣ. Войны и другія обстоятельства помѣшали исполненію всѣхъ этихъ предположеній,—и въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Новороссійскомъ краѣ было открыто лишь нѣсколько народныхъ училищъ. Съ увеличеніемъ народонаселенія и вмѣстѣ потребности къ образованію, уже болѣе существенные и болѣе надежные къ тому способы открылись въ достославныя царствованія Императоровъ Александра и Николая. Въ Одессѣ учреждены: институты женскій, мужескій и коммерческая гимназія; въ Екатеринославѣ, Таганрогѣ, Симферополѣ, Херсонѣ и Кишиневѣ—гимназіи; во всемъ

Digitized by Google

краѣ множество различныхъ училищъ.—Основанный въ Одессѣ (1805 г.) герцогомъ Ришелье мужескій институтъ замѣненъ въ 1817 году нынѣшнимъ Лицеемъ, который, получивъ характеръ высшаго учебнаго заведенія, вполнѣ соотвѣтствующаго начертаніямъ правительства по духу и направленію истинно Русскому, оказывается въ обширномъ значеніи благотворнымъ для всего края. Институтъ восточныхъ языковъ, состоящій при немъ, приготовилъ уже довольно способныхъ переводчиковъ, необходимыхъ при разнородномъ населеніи Новороссіи. * Семинаріи съ духовными училищами также распространились въ разныхъ городахъ: въ Екатеринославѣ Кишеневѣ и Одессѣ. Въ послѣдней, какъ и въ Лицеѣ, осуществлена мысль Екатерины II, чтобы въ предположенномъ Екатеринославскомъ Университетѣ могли учиться не только Россійскіе подданные, но и народы сосѣдственные, преимущественно единовѣрные съ нами: нынѣ въ здѣшнихъ высшихъ заведеніяхъ (духовномъ и гражданскомъ) получаютъ образованіе, между другими единоземцами, единовѣрные намъ Болгаре, и шестеро изъ нихъ, по Высочайшему повелѣнію, содержатся средствами самой семинаріи. По окончаніи курса наукъ, они поступаютъ въ званіе духовныхъ учителей и проповѣдниковъ свова Божія въ своемъ отечествѣ. Замѣчательно еще дѣвичье училище для 60 сиротъ духовнаго званія, учрежденное при Одесскомъ Михайловскомъ монастырѣ. — Вообще, на воспитаніе дѣвицъ въ Новороссійскомъ краѣ обращаемо было особенное вниманіе Правительства. Кромѣ многихъ частныхъ пансіоновъ, тамъ существуютъ: Институтъ благород-

* Въ 1847 г. считалось учащихся въ Лицеѣ и состоящей при немъ гимназіи до 900 челов. Многіе изъ преподавателей Лицея извѣстны своими учеными и литературными трудами, и въ числѣ ихъ особенно: Гг. К. Брунъ, В. А. Линовскій, Г. Г. Михневичъ (редакторъ Новороссійскаго календаря), Н. Н. Мурзакевичъ (авторъ «Исторіи Генуезскихъ поселеній въ Крыму») и А. Д. Нордманъ. Кромѣ ученаго сословія Лицея, исторія просвѣщенія Новороссійскаго края можетъ гордиться именемъ А. С. Стурдзы; Г-жа А. П. Зонтагъ и А. А. Скальковскій также извѣстны въ лѣтописи мѣстной литературы. Полезными трудами по части объясненія памятниковъ отдаленной древности извѣстны: Бларамбергъ, Стемпковскій и Панагіодоръ-Никовулъ.

Digitized by Google

ныхъ дѣвицъ, училища городское и сиротское дѣвичье, и школа при лютеранской церкви, въ Одессѣ, институтъ въ Керчи, Маріинское училище въ Таганрогѣ, приходское училище въ Николаевѣ, училище для матросскихъ дочерей въ Севастополѣ, сиротскій домъ въ Херсонѣ. Достойно упоминанія училище для глухонѣмыхъ дѣвицъ въ Одессѣ.

Для Евреевъ, составляющихъ значительную часть населенія многихъ мѣстъ, также открыты средства къ образованію обоего пола. Въ Одессѣ, на иждивеніи Еврейскаго общества, основаны училища мужское и женское, а въ Кишиневѣ мужское. Сверхъ того, въ Одессѣ и Херсонѣ находится по пансіону для дѣвицъ Еврейскаго происхожденія. — Для Караимовъ также существуетъ нѣсколько училищъ.

Не смотря на природную неподвижность Татаръ, попечительное о благѣ ихъ Правительство открыло и имъ всѣ средства къ ученію. Сверхъ довольнаго числа *медресовъ* и *мектебовъ*, существовавшихъ еще во время ханскаго владычества въ Крыму, и нѣсколькихъ дополнительныхъ классовъ при училищахъ, — открыты: при Симферопольской гимназіи Татарское училищное отдѣленіе, и въ Ногайскѣ воспитательно-учебное заведеніе для Ногайцевъ.

Такимъ образомъ, число всѣхъ учебныхъ заведеній въ Новороссійскомъ краѣ простирается слишкомъ до 1000, а учащихся въ нихъ считается болѣе 72 т. (что при слишкомъ 3 м. народонаселенія составляетъ отношеніе 1 къ 48). Да кромѣ того, въ колоніяхъ состоитъ около 300 училищъ болѣе чѣмъ съ 22 т. учащихся.

Упоманемъ еще о публичныхъ библіотекахъ, находящихся въ Одессѣ, Кишиневѣ, Симферополѣ, Керчи, Таганрогѣ и Екатеринославѣ; потомъ о двухъ обществахъ: Исторіи и Древностей * и Сельскаго Хозяйства Южной Россіи; укажемъ на прекрасную мѣстную газету — «Вѣстникъ,» издаваемую на двухъ языкахъ, на календарь, на губернскія вѣдомости въ Херсонѣ, Екатеринославѣ и Симферополѣ, — и заключимъ, что все это факты утѣшительные и многообѣщающіе впереди!

---

* При первомъ находится богатый музей. Подобныя же собранія мѣстныхъ достопримѣчательностей находятся въ Ѳеодосіи и Керчи.

Digitized by Google

Новый подвигъ благотворительности. — Въ прошедшей книжкѣ (Вн. Из. стр. 18) мы говорили о двухъ щедрыхъ пожертвованіяхъ (по 60 т. р. с.) въ пользу бѣдныхъ жителей Коломны и Дмитрова. Съ душевною отрадою присоединяемъ къ нимъ и слѣдующее извѣстіе. Въ Октябрѣ прошлаго года присланъ былъ изъ Москвы въ Дмитровскую Городскую Думу ломбардный билетъ въ 15 т. р. серебромъ, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы раздавались ежегодно, 15 Декабря, въ пособіе бѣднымъ мѣщанамъ города Дмитрова. Подобные подвиги, совершаемые, по слову Евангельскому, въ тайнѣ — составляютъ явленія весьма утѣшительныя....

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Московскія частныя хранилища древностей и рѣдкостей по части наукъ, искусствъ и художествъ.

Москва искони есть хранилище Русской святыни и драгоцѣнныхъ памятниковъ прошедшаго. Живя въ ней мыслящей, любознательной жизнію, какъ-то невольно проникнешься благоговѣйными чувствами ко всему былому, какъ къ основѣ всего великаго зданія Россіи, невольно становишься любителемъ древностей. Здѣсь не изъ подражанія основались многія хранилища старины, но изъ внутренней потребности народной души, любящей свое прошедшее, питающій корень и настоящаго и будущаго развитія, для котораго, разумѣется, необходимо и солнце и воздухъ — питаніе внѣшнее.

Кромѣ Патріаршей ризницы и ризницъ Соборовъ Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго, гдѣ хранятся драгоцѣннѣйшія древности святыни Русской; кромѣ Теремнаго Дворца и Оружейной Палаты, гдѣ хранятся памятники Великихъ Князей и Царей, Москва богата частными хранилищами древностей. Исчислимъ ихъ, увѣренные, что для многихъ это будетъ новостью, а со временемъ опишемъ подробно.

По части древней Русской иконописи. Собранія Г. Т. Молошникова, И. В. Стрѣлкова, Графа С. Г. Строганова, (куда поступило бывшее Папуринское въ Судиславлѣ), А. А. Рахманова, С. Н. Тихомирова.

Собраніе древнихъ рукописей: у И. Н. Царскаго, Князя М. А. Оболенскаго, И. А. Гусева (доставшееся, говорятъ, А. Т. Солдатенкову), А. И. Лобкова, Г. И. Романова, и пр.

Digitized by Google

Собранія старопечатныхъ книгъ: у И. Н. Царскаго, А. А. Рахманова, В. М. Ундольскаго, и проч.

Собраніе древнихъ монетъ: у А. Д. Черткова, Графа С. Г. Строганова, Гг. Раковыхъ, и проч.

Собраніе древнихъ вещей П. Ѳ. Карабанова. — Это можно сказать дополненіе къ древностямъ и рѣдкостямъ Оружейной Палаты. У него же единственное собраніе Русскихъ портретовъ (сюда вошли собранія А. В. Олсуфьева, П. П. Бекетова и Ѳ. В. Каржавина) и монетъ царскаго періода.

Русское книгохранилище, А. Д. Черткова, заключающее въ себѣ собраніе всѣхъ Русскихъ и иностранныхъ книгъ и рукописей, касающихся до древней и новой Россіи и сплеменныхъ ей народовъ.

Наконецъ Собраніе М. П. Погодина, заключающее въ себѣ *весь объемъ* древностей: древнѣйшія иконы — живописныя, литыя, рѣзныя, изъ кости, изъ камня, дерева, шитыя; кресты, рѣдчайшія старопечатныя Славяно-церковныя книги, рукописи, монеты, различную утварь, оружіе, грамоты и судебныя дѣла древности, автографы, эстампы, лубочныя картины, курганныя вещи, первыя изданія, и пр. и пр.

По части живописи. Огромное собраніе живописи разныхъ временъ и всѣхъ извѣстныхъ школъ — Е. Д. Тюрина, заключающее въ себѣ болѣе 300 картинъ: Гвидо-Рени, Рубенса, Вандика, Ванбалена, Бергема, Вувермана, Праувера-Брита, Эльшейнера, Блемарта, Брюгеля, Вандеръ-Неера, Тримальера, Гольбейна, и другихъ.

Огромное, единственное въ Европѣ, прежде Голицынское собраніе рисунковъ и эстамповъ первѣйшихъ мастеровъ живописи, принадлежащее наслѣдникамъ Князя И. А. Долгорукаго, продается.

Собраніе драгоцѣнныхъ эстамповъ Н. Д. Иванчина-Писарева (которому досталась значительная часть изъ Власовской коллекціи), Д. А. Ровинскаго, Г. Маковскаго, Новосильцева, и проч.

Digitized by Google

Не льзя не припомнить и не упомянуть о драгоцѣнныхъ картинныхъ галлереяхъ Московскихъ Русскихъ вельможъ; но эта любовь къ истиннымъ искусствамъ и художествамъ какъ-будто погорѣла вмѣстѣ съ Москвой въ 1812 г. Теперь хранится она еще въ домашнихъ собраніяхъ: Князя С. М. Голицына, Графа Шереметева, Князя М. А. Оболенскаго, Г. Мосолова, Д. П. Голохвастова, и проч.

Магазины древностей и рѣдкостей. Въ Москвѣ особенно замѣчателенъ великолѣпный магазинъ древностей и рѣдкостей Г. Г. Волкова, гдѣ нѣсколько залъ драгоцѣнныхъ вещей, произведеній искусствъ и художествъ. Все это нѣкогда составляло украшеніе дворцовъ Русскихъ вельможъ.

Замѣчательны также магазины древностей и рѣдкостей А. Д. Лухманова и П. П. Родіонова. Послѣдній преимущественно посвятилъ себя собранію рѣдкихъ живописныхъ произведеній, но кромѣ того, въ немъ много рѣдкихъ старинныхъ вещей, которыя напоминаютъ древніе вкусы различныхъ народовъ. — Упомянемъ еще о мѣньшихъ магазинахъ Зайцевскаго, Бардина. Древними рукописями и старопечатными книгами торгуютъ преимущественно Д. В. Пискаревъ, В. Я. Лопухинъ, Т. Ѳ. Большаковъ.

О всѣхъ упомянутыхъ нами археологическихъ собраніяхъ Москвитянинъ представитъ со временемъ подробный отчетъ.

Digitized by Google

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

Антонъ и Николай Рубинштейны.

Московскіе уроженцы братья Рубинштейны, прославленные уже наши виртуозы на фортепьяно, развиваютъ болѣе и болѣе и таланты свои и успѣхи. Старшій братъ, Антонъ Рубинштейнъ, возвратившійся изъ-за границы, теперь въ Петербургѣ; тамъ онъ участвовалъ на многихъ музыкальныхъ вечерахъ, удостоился приглашенія играть на вечерѣ у Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны, и счастія посвятить концертъ своего сочиненія Е. И. В. Великому Князю Константину Николаевичу. Декабря 20-го далъ съ блистательнымъ успѣхомъ публичный концертъ. Его игра дѣйствительно блистательна, а главное—сочиненія его не принадлежатъ къ тѣмъ произведеніямъ новой школы, которыя составляютъ иллюстрированныя экзерциціи и этюды, страшныя супружескія распри между гармоніей и мелодіей. Въ его сочиненіяхъ видно дружное сочетаніе мелодическаго смысла съ великолѣпной гармонической обстановкой.

Успѣхи младшаго, Николая Рубинштейна, быстро возрастаютъ; 15-го числа мы услышимъ его на музыкальномъ вечерѣ у С. А. Корсакова, въ концертѣ Г. Дидриха, перваго флейтиста Императорскаго Московскаго Театра,—гдѣ Николай Рубинштейнъ будетъ играть фантазію соч. Prudent, и гдѣ, между прочимъ, исполнитъ большой септуоръ es-dur, соч. Бетховена; Г. Дидрихъ будетъ играть на флейтѣ; а дѣвица Рудольфъ пѣть романсъ, соч. Іоганниса, и Русскую пѣсню: Ты душа ль моя», соч. Львова.

Вскорѣ послѣ этого концерта, Н. Рубинштейнъ отправится въ Тверь, по приглашенію многихъ тамошнихъ особъ, любителей музыки и таланта нашего отрока-виртуоза.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗОЛОТЫЕ ПРІИСКИ ВЪ КАЛИФОРНІИ.

Кто страстный охотникъ до золота, до чистаго золота,—бросай все, лети летомъ за Океанъ-море, въ Калифорнію, на берега Сакраменто, и — греби золото лопатой. Но! for California! раздаются теперь крики въ Филадельфіи, Новомъ Іоркѣ, во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, въ обѣихъ Америкахъ и на островахъ *Тихаго* дотолѣ Океана. За мѣсяцъ было еще только 50 тысячь, теперь—сто, двѣсти, триста тысячь, мильонъ жаждущихъ золота, которые плывутъ, ѣдутъ, идутъ, ползутъ, чрезъ воды, чрезъ горы, пустыни, степи и лѣса въ новую Софалу, въ новый Офиръ, въ новое Эльдорадо. Ремесленникъ бросаетъ свой верстакъ, земледѣлецъ свою соху, купецъ свою контору, всѣ — бросаютъ свою семью, и торопятся къ истоку земнаго блага. Въ Лондонѣ образовались уже десятки обществъ золотыхъ пріисковъ, наняты всѣ корабли: ho! for California! Пять мѣсяцевъ опаснаго пути, съ одной стороны чрезъ пропасти Андовъ, съ другой чрезъ пучины морскія, мимо мыса Горна; морскія болѣзни, климатерическія,— все ничего передъ страхомъ, чтобъ не перегнали, не забрали все золото, не разнесли всей Калифорніи.

Откуда же, съ чего взялась эта *золотая* лихорадка, это стремленіе хоть умереть на золотой почвѣ?

Въ теченіе прошлой еще зимы, на покоренныя земли отъ Мексики, понеслись промышленники-поселенцы. Одинъ изъ нихъ, Соттеръ, полувоенный, полупромышленникъ, какъ и большая часть колонистовъ, въ Сентябрѣ 1847 года, вздумалъ, на одномъ изъ притоковъ рѣки Сакраменто, впадающей въ Великій Океанъ у Сан-Франциско, и которой истокъ въ горахъ еще тайна для географіи,—построить пильную мельницу. При устройствѣ става, вода размываетъ берега, и что же? — берега золотые. Соттеръ съ строителемъ мельницы, Маршалемъ, пользуются нѣкоторое время въ тайнѣ этимъ благополучіемъ; но золота, этого свѣта солнца, не скроешь. Свѣдѣнія доходятъ до Калифорнскаго гу-

Digitized by Google

бернатора, полковника Масона, не ранѣе Августа 1848 года, и онъ торопится обозрѣть открытіе пріисковъ. Пріѣхавъ въ Сан-Франциско, онъ не находитъ уже тамъ жителей, — все бросилось на золотые пріиски, городъ пустъ. Ѣдетъ далѣе, чрезъ *Бодегу* и *Сономy*, — по всему пути домы опустѣли, фермы покинуты, поля и жатвы оставлены на произволъ стадамъ и дикимъ звѣрямъ.

Добравшись до ущелья, названнаго *нижніе пріиски*, Масонъ открываетъ наконецъ невиданный станъ всего населенія Калифорніи: холмы усѣяны палатками, шалашами, лавками, шинками; по рѣкѣ *золотоношѣ*, по ручьямъ, по рытвинамъ, подъ палящимъ солнцемъ, бродятъ толпы *черпателей* и промывателей золотаго песку. Дѣятельность, движеніе необычайное — точно какъ рой роится.

Какъ не ѣхать въ Калифорнію, ho! for California! Тамъ каждый лѣнтяй набираетъ въ сутки отъ 2 до 3 унцій золота; а унція стоитъ 20 руб. 44 коп. серебромъ! Тамъ два промышленника добыли въ нѣсколько дней на 17,000 піастровъ—на 25,000 руб. серебромъ! Тамъ одинъ счастливецъ въ четверть часа набралъ два съ половиной фунта!

Такимъ-то образомъ совершилось *открытіе* новаго источника злата, о которомъ однакоже еще при покореніи Мексики Испанцы имѣли свѣдѣніе. Тутъ въ XVII столѣтіи селились іезуиты и знали тайну. Потомъ, посланный Испанскимъ дворомъ, для изслѣдованій края, Донъ Іосифъ Галвесъ доносилъ, что тутъ находится золотая руда; но готовыя богатства Мексики довольствовали на столько Испанію, что все добываемое трудомъ казалось уже лишнимъ.

Теперь, на р. Сакраменто, все дорого кромѣ золота, и искателямъ его придется скоро умирать надъ его грудами. Вся свита губернатора Масона и его команда, состоящая изъ 300 человѣкъ, разбрелись пріискивать золото, и онъ не знаетъ что дѣлать, самъ себѣ служитъ, самъ себѣ готовитъ кушанье.

Въ этомъ станѣ, цѣна съѣстныхъ припасовъ дошла до невѣроятной дороговизны. Тамъ все уже продается на вѣсъ золота. Пудъ муки стоитъ до 50 руб. серебромъ; за бутылку бранди (горѣлки), за коробочку соды, за связку табаку, надо платить не менѣе унціи золота, или слишкомъ 20 рублей серебромъ. Но! for California!

Digitized by Google

Первый Лордъ Адмиралтейства, Графъ Аукландъ, родившійся въ 1784 г. скончался въ Лондонѣ, 1-го Января н. с. Онъ, какъ второй сынъ, предназначенъ былъ сначала для судебнаго поприща, но старшій братъ его утонулъ, и ему открылись виды въ Палату Перовъ. Онъ не былъ никогда особеннымъ парламентскимъ человѣкомъ, какъ говорится, однакожъ былъ всегда ораторомъ достойнымъ уваженія. Много здраваго смысла, общія свѣдѣнія, умѣренность, тонкое образованіе, кроткій образъ дѣйствія съ противниками и вѣрное подкрѣпленіе друзей, доставили ему общую любовь. Это былъ добрый вигъ, говоритъ Times, но отнюдь не принадлежалъ къ сильнѣйшимъ, или опаснѣйшимъ членамъ этой партіи: онъ былъ болѣе полезенъ на совѣтѣ, чѣмъ отличенъ въ преніи. Высшая публика почти ничего не знала о Лордѣ Аукландѣ, какъ вдругъ онъ сдѣлался министромъ торговли въ Греевомъ кабинетѣ. Потомъ, когда власть опять досталась вигамъ, онъ получилъ морское министерство, и управлялъ имъ, по всеобщему суду, отлично. Не такъ счастливо былъ онъ генералъ-губернаторомъ въ Индіи. Вскорѣ по его прибытіи въ Калькутту (1835), началась тамъ война, и Лордъ Аукландъ поддерживалъ шаха Суджу, жившаго долго бѣглецомъ у Англіи, противъ могучаго Достъ-Могаммеда, въ убѣжденіи, что нельзя было ожидать мира Англичанамъ до тѣхъ поръ, пока Кабулъ будетъ повиноваться этому владѣтелю. Лордъ Аукландъ предпринялъ походъ, который кончился очень несчастливо. Англичане были поражены, и отмщеніе послѣдовало уже въ лицѣ его преемника, Лорда Элленборо. Возвратившись въ отечество съ разстроеннымъ здоровьемъ, онъ посѣщалъ парламентъ постоянно, подкрѣплялъ своихъ друзей съ жаромъ, и говорилъ иногда рѣчи о предметахъ, относившихся къ торговлѣ, флоту, или Индіи. Когда нынѣшніе министры, въ 1845 году, приняли опять въ свои руки бразды правленія, Лордъ Аукландъ, разумѣется, не былъ забытъ, и получилъ опять морское министерство, которымъ до самой смерти управлялъ достойнымъ образомъ.

Отрывокъ изъ письма изъ Константинополя къ М. П. Погодину, отъ 24 Окт. 1848 г....* «Получивъ фирманъ, 22 Марта, отправился я чрезъ Адріанополь въ городъ Ески-Захрѣ, гдѣ еще въ 1844 году основано центральное училище для всей Болгаріи. Оно по-

---

* Отъ одного Болгарина, воспитывавшагося въ Одесской Семинаріи.

Digitized by Google

строено на превосходномъ мѣстѣ, имѣетъ обширнй дворъ и садъ, на дворѣ два обильные фонтана съ холодной и сладкой (?) водою. Въ нижнемъ жильѣ помѣщено училище взаимнаго обученія, а въ верхнемъ находится осемь комнатъ для классовъ. Здѣсь преподаются языки: Славянскій, Греческій, Турецкій и Латинскій. Предметы всѣ преподаются на живомъ Болгарскомъ языкѣ. Осмотрѣвъ училище, я отправился въ дальнѣйшій путь, намѣреваясь обозрѣть всѣ церкви, монастыри и училища, и собрать матеріалы для географіи и статистики Болгаріи. Едва успѣлъ я въ два съ половиною мѣсяца объѣхать за-Балканскую и по-Дунайскую Болгарію, какъ начались Европейскія смятенія, коснувшіяся и Валахіи.... Я долженъ былъ воротиться въ Константинополь, разбираю теперь собранные матеріалы, и готовлюсь занять должность учителя въ Эски-Захрѣ. Нашелъ много древностей. Прошу васъ высылать мнѣ Москвитянинъ, чрезъ Одессу. Нельзя ли присоединить къ нему пословицы Г. Снегирева,» и проч. *К.*

СЛАВЯНСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ. Ни одинъ изъ Русскихъ журналовъ не имѣлъ случая доставлять такихъ любопытныхъ свѣдѣній о Славянахъ, какъ Москвитянинъ, потому что издатель его, М. П. Погодинъ, пятнадцать лѣтъ находился въ самыхъ короткихъ сношеніяхъ со всѣми корифеями Славянской Словесности; но онъ, по личнымъ своимъ, бывшимъ, обстоятельствамъ, не могъ дѣлиться этими свѣдѣніями съ соотечественниками, какъ ему хотѣлось. По крайней мѣрѣ теперь, хоть и поздно, онъ будетъ стараться вознаградить невольное упущеніе. Пока перепечатаемъ замѣчаніе Сѣверной Пчелы (подъ буквою С. *).

«Упорство нашихъ сочинителей и переводчиковъ непостижимо: какъ возможно этимъ высокоученымъ господамъ исправить свои ошибки по книгѣ Булгарина или по «Славянской Народописи» Шафарика, переведенной Бодянскимъ? Личныя имена государей и полководцевъ Славянскихъ до нынѣ еще терпятъ двойную муку, сперва подъ перомъ Французскаго или Нѣмецкаго автора, а потомъ и Русскаго *прелагателя* (какъ у насъ говорили встарину). Раскройте любое историческое руководство, изданное *для поученія* Русскаго юношества, вотъ хоть бы недавно напечатанную Исторію Германа: Чешскій государь Боривой превращенъ въ Борживога, Святой Вячеславъ (причтенный къ лику Святыхъ и нашею Православною Церковію) измѣненъ въ Вѣнцеслава, герой Гусситскихъ войнъ, Жижка явился Цишкою или Зишкою

---

* Мы встрѣчали очень много дѣльныхъ статей подъ этой буквою.

Digitized by Google

и проч. Подобныхъ ошибокъ можно набрать, изъ Исторіи Гг. Германа, Смарагдова, и проч., цѣлыя сотни. Географическіе учебники, по большой части передѣлываемые съ Нѣмецкихъ, наполнены точно такими же искаженіями именъ городовъ и мѣстечекъ Славянскихъ; если бы хоть въ скобкахъ ставили настоящее имя, какъ оно произносится тамъ Славянскими туземцами, наприм. Лембергъ (Львовъ), Аграмъ (Загребъ), Эссекъ (Осѣкъ) и т. д., но и того нѣтъ! Славянскій міръ, начинающій занимать любопытство всей Европы, остается совершенно неизвѣстнымъ нашему юношеству, поучающемуся изъ учебныхъ книжекъ всякаго рода ошибкамъ историческимъ и географическимъ.» Сколько разъ твердилъ это Москвитянинъ!

Въ этой же статьѣ авторъ напоминаетъ о мнѣніи Г. Булгарина, что Св. Кирилъ и Меѳодій были Славяне, а не Греки. Это мнѣніе раздѣляется и другими; оно вѣроятно, но не имѣетъ строгихъ критическихъ доказательствъ. Примѣръ же, что Болгаринъ Априловъ назывался Грекомъ — отнюдь не можетъ служить доказательствомъ.

Въ Allgemeine Zeitung было напечатано будто бы оффиціальное исчисленіе жителей Австрійской Имперіи. Для знающаго тамошнія дѣла этотъ Kunststück очевиденъ: первое мѣсто предоставлено Нѣмцамъ, безъ всякаго вниманія къ племенамъ: и Саксонцы, и Тирольцы и Австрійцы, собраны въ кучу, а Славяне раздѣлены на десять почти племенъ и отродій, чтобъ сумма ихъ не показалась страшною. Впрочемъ все-таки Нѣмцевъ въ Австріи, собирая даже ихъ изъ всѣхъ Славянскихъ городовъ, и присоединяя всѣхъ Славянскихъ апостатовъ, не наберется 7 милліоновъ, а Славянъ, безъ сомнѣнія, около 20.

Почитайте Русскія лѣтописи: въ продолженіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ вы будете встрѣчать Галичь, Галичь и Галичь, прилагательное отъ Галича—Галицкой. Нѣмцы переводятъ нашъ Галичь Gallicien; но какъ же намъ-то не стыдно это Русское имя переводить съ Нѣмецкаго перевода и писать Галиція, и наконецъ, что еще хуже, Галиційскій!

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Пожертвованіе въ пользу г. Коломны. — Вотъ и еще христіанскій подвигъ неизвѣстнаго благотворителя: въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года присланъ былъ имъ въ Коломенскую Градскую Думу билетъ Опекунскаго Совѣта, въ *пятнадцать тысячъ рублей сер.*, для выдачи изъ процентовъ сей суммы пособій бѣднымъ семействамъ жителей Коломны, каждогодно 15 Декабря.... Душевно радуемся, что такъ часто представляется намъ случай вносить въ нашу лѣтопись подобные подвиги.

Отдѣленіе для снабженія бѣдныхъ пищею въ С.-Петербургѣ. — 1-го Января 1839 года, при Демидовскомъ Домѣ призрѣнія трудящихся открыто было особое отдѣленіе для снабженія бѣдныхъ пищею, новое въ отечествѣ нашемъ учрежденіе. Первоначальному устройству его особенно содѣйствовалъ П. И. Пономаревъ, пожертвовавшій на устройство кухни 2,300 руб. сер. Пища бѣднымъ сперва раздавалась только при самомъ Домѣ; но вскорѣ найдено было необходимымъ открыть столовыя комнаты и въ другихъ мѣстахъ Петербурга; таковыхъ нынѣ, кромѣ главной, находится *пять*.— Пища для бѣдныхъ состоитъ изъ двухъ горячихъ кушаньевъ: щей или супа и каши, съ достаточнымъ количествомъ хлѣба, и раздается ежедневно. Право пользоваться сю имѣютъ всѣ бѣдные, которые явятся съ билетомъ для сей цѣли даннымъ. Билетъ этотъ на цѣлый мѣсяцъ стоитъ *одинъ рубль сер.*, на недѣлю 25 коп., на одинъ день 3½ к. с. Билеты раздаются всѣмъ благотворительнымъ лицамъ, желающимъ, вмѣсто денежной милостыни, доставить бѣднымъ, нуждающимся въ дневномъ пропитаніи, возможность имѣть готовую пищу.

Со времени открытія Отдѣленія, въ продолженіе десяти лѣтъ (1839—1849 гг.), во всѣхъ столовыхъ его роздано бѣднымъ болѣе *двухъ милліоновъ четырехъ-сотъ тысячъ* порцій кушанья. Расходы по Отдѣленію въ это время составляли слишкомъ 145 т. рубл. сер. *

---

* Подобные *обѣденные столы* временно существовали и въ Москвѣ, въ 1839 году.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

АЛЕКСѢЙ МАТВѢЕВИЧЪ ФИЛОМАФИТСКІЙ.

(некрологъ.)

25 Января, въ церкви Троицы, что въ Вишнякахъ, совершенъ печальный обрядъ погребенія Доктора Медицины, Профессора Физіологіи и Общей Патологіи, Алексѣя Матвѣевича Филомафитскаго. Товарищи, родственники и многочисленные ученики покойнаго простились съ нимъ, кажется, съ искренней грустью.

Мы знали покойнаго какъ земляка и дальняго родственника, какъ ученаго, какъ Профессора, и всего болѣе какъ человѣка, и тѣмъ грустнѣе было такъ рано проститься съ нимъ. Наука могла ждать отъ него еще многаго, и тѣмъ больше, что отъ природы онъ былъ одаренъ способностью смотрѣть ясно на предметы. Онъ никогда не увлекался какимъ-нибудь опредѣленнымъ мнѣніемъ, умѣлъ слушать и дослушивать возраженія и замѣчанія, не считалъ за безусловную истину гипотезъ, хотя бы онѣ принадлежали и ему. Въ особенности онъ всегда былъ врагъ рутины и эмпиризма. Замѣчательно, что онъ всегда былъ горячимъ противникомъ лекарствъ, въ особенности сложныхъ. Естественныя науки не были ему чужды: онъ очень охотно читалъ и слушалъ все, что относилось къ физикѣ, химіи и анатоміи. Изъ литературныхъ его трудовъ намъ извѣстны три сочиненія:

Digitized by Google

1. *Курсъ Физіологіи*, въ двухъ томахъ. Здѣсь онъ слѣдовалъ преимущественно Мюллеру, однако жъ не принимая мнѣній послѣдняго безъ разбора. Изложеніе довольно тяжело, но нѣкоторыя части обработаны превосходно. Таковы, по нашему мнѣнію, статьи объ отдѣленіяхъ и о нервной системѣ.

2. *Рѣчь о жизни*, въ которой авторъ преимущественно хотѣлъ приложить физіологическія начала къ физическому воспитанію дѣтей.

3. *О переливаніи крови*. Этотъ вопросъ былъ любимымъ вопросомъ ученаго. Онъ сдѣлалъ касательно этого предмета множество опытовъ, разумѣется, надъ животными, и эти опыты показали ясно по крайней мѣрѣ то, что кровь, выпущенная изъ животнаго, лишенная фибрина, и потомъ перелитая въ другое животное, безвредна для послѣдняго. Очень можетъ быть, что современемъ эта операція примѣнится къ дѣлу. Впрочемъ, въ трактатѣ заключается вся исторія переливанія крови, въ продолженіе трехъ или четырехъ столѣтій.

Какъ Профессоръ, Филомаѳитскій имѣлъ большія достоинства и значительные недостатки. Онъ лучше говорилъ, чѣмъ писалъ, въ лекціяхъ былъ живъ, иногда до излишества; каждое чтеніе было проникнуто мыслію; но, съ другой стороны, онъ не умѣлъ обработывать своихъ чтеній на Нѣмецкій ладъ. Въ нихъ всегда было что-то недодѣланное, и отъ того случалось, что они пропадали для большинства. Впрочемъ мы слушали его давно; въ послѣдствіи, можетъ быть, это было иначе.

Но мы никогда не забудемъ Филомаѳитскаго, какъ человѣка. Рѣдко можно найти въ комъ-нибудь такую ласковость, такую готовность сдѣлать добро каждому, такое желаніе поддержать каждаго молодаго человѣка, особенно студента, въ какомъ-нибудь трудѣ и даже въ какой-нибудь нуждѣ. Библіотека его всегда была открыта; мы не пом-

Digitized by Google

нимъ, чтобъ когда-нибудь онъ не сказался дома, не помнимъ также, что бъ отказалъ въ какой-нибудь просьбѣ. Самъ былъ откровененъ, и это располагало другихъ къ откровенности. А такимъ образомъ студенты, по крайней мѣрѣ въ наше время, любили его отъ всего сердца.

Воспитывался онъ сначала въ Ярославской Семинаріи, потомъ въ Харьковскомъ Университетѣ, откуда посланъ былъ путешествовать. Пробылъ нѣсколько лѣтъ въ Дерптѣ, вмѣстѣ съ прочими своими товарищами, въ Профессорскомъ Институтѣ, и наконецъ три года въ чужихъ краяхъ. Въ наше время онъ началъ и продолжалъ свое дѣланіе со всею ревностью; послѣ, какъ Профессора, мы его потеряли изъ виду.

Не знаемъ, такъ ли думаютъ другіе,—что до насъ, давно мы не чувствовали такой грусти, какую почувствовали при извѣстіи о потерѣ этого человѣка. Но такъ угодно Богу, и теперь остается только пожелать ему въ той жизни мира и спокойствія, которыхъ, кажется, онъ заслужилъ, но которыми здѣсь пользовался не долго.... Sit tibi terra levis!

А. Студитскій.

Января 29,
1849.

Digitized by Google

КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ Г. ТЮРИНА.

ПИСЬМО ВЪ КИЕВЪ.

Спѣшу сообщить тебѣ, любезный другъ мой, новость, къ которой ты, вѣрно, не будешь равнодушенъ. Я знаю, что хотя ты живешь уже много лѣтъ за границею, но твоему сердцу всегда были близки успѣхи всего изящнаго, совершающагося въ твоей родинѣ. Почти въ каждомъ твоемъ письмѣ ко мнѣ, ты сѣтуешь на то, что у насъ, кромѣ Петербурга, нигдѣ почти нельзя образоваться художнику, какъ должно. За границею ты встрѣчаешь въ каждомъ почти городкѣ (не говорю уже о большихъ городахъ) картинныя галлереи, а въ Россіи, даже и Москва, до сихъ поръ, не имѣетъ картинной галлереи. — Да, тамъ возможно сдѣлаться хорошимъ художникомъ гдѣ передъ глазами его произведенія великихъ мастеровъ, а у насъ.... Конечно и у насъ есть собранія замѣчательныхъ картинъ, но они принадлежатъ частнымъ лицамъ; а потому доступъ къ нимъ или крайне труденъ, или вовсе невозможенъ. Теперь порадуйся, открывается, наконецъ, возможность къ основанію картинной галлереи въ Москвѣ.

Ты помнишь, я думаю, что предъ отправленіемъ твоимъ въ чужіе краи, мы были у Г-на Тюрина. Всѣ мы тогда были пріятно изумлены, нашедши у него рѣдкую для частнаго, и притомъ небогатаго, человѣка весьма замѣчательную коллекцію картинъ. Мы единодушно подивились любви почтеннаго собирателя къ изящнымъ искусствамъ и глубокому знанію его въ этомъ дѣлѣ. Карлъ Павловичь, разсматривая картину К. Марата, сказалъ, что онъ не видалъ никогда ничего лучшаго изъ произведеній этого славнаго живописца. Много восхищался онъ также отличными произведеніями Корреджіо и С. Эспаньолета. Ты и самъ, я помню, былъ въ восторгѣ отъ картинъ Мурильо, Фанъ-Дейка, Рубенса, Дюрера, Голбейна и другихъ.

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ я постоянно живу въ Москвѣ, и имѣлъ возможность основательнѣе оцѣнить картины, собранныя Г. Тюринымъ. Я часто посѣщалъ его галлерею, и всегда съ новымъ наслажденіемъ. Для меня коллекція картинъ Г. Тюрина имѣетъ еще особенный личный интересъ. Ты знаешь, что я 10 лѣтъ служилъ при картинной галлереѣ Императорскаго Эрмитажа; потомъ много лѣтъ занимался исправленіемъ картинъ, принадлежащихъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу, и другихъ, принадлежащихъ Императорской Академіи Художествъ; и потому я имѣлъ возможность изучить всѣ школы живописи: это занятіе превратилось у меня въ потребность и этой потребности я могъ удовлетворить и здѣсь въ Москвѣ, благодаря Г. Тюрина.

Притомъ Г. Тюринъ, съ тѣхъ поръ какъ ты видѣлъ его коллекцію, въ послѣднія 14 лѣтъ, прикупилъ еще много новыхъ картинъ. Теперь можно найти у него произведенія Корреджіо, К. Марата, Рубенса, А. Дюрера, Фанъ-Болена, Фанъ-Дейка, Тиціана, Гольбейна, Страдамуса, Фра-Бартоломео, Веронеза, Мурильо, Веласкеса, Теньера, Вувермана, Брегеля, Бергема, и многія другія превосходныя произведенія, всѣхъ извѣстныхъ школъ.

Но главное вотъ въ чемъ: на дняхъ почтенный собиратель открылъ мнѣ свою задушевную мысль.

Онъ сказалъ мнѣ, что, собирая картины, постоянно имѣлъ въ виду открыть въ Москвѣ публичную картинную галлерею. Онъ порадовалъ меня этимъ общеполезнымъ предположеніемъ. Москва есть центръ, сердце Россіи, гдѣ образуется большая часть Русскаго юношества; но въ молодости образованія его давно многіе замѣчали недостатокъ эстетическихъ познаній. Картинная галлерея пополнила бы этотъ недостатокъ. А какихъ плодовъ можно ожидать отъ этого, о томъ тебѣ нечего толковать: ты хорошо знаешь, какъ впечатлителенъ, воспріимчивъ Русскій чело-

Digitized by Google

вѣкъ, какія богатыя, многостороннія способности заключаются въ немъ. Если отъ картинной галлереи велика будетъ польза для всего Московскаго общества, и даже для большей части государства, то еще плодотворнѣе подѣйствуетъ она на художниковъ.

Ты болѣе, чѣмъ многіе, знаешь, какъ важны для развитія художника благопріятныя обстоятельства. Важно — поощреніе, матеріяльное обезпеченіе; но, по моему мнѣнію, еще важнѣе наглядное знакомство съ образцовыми произведеніями. Важно оно не только для посредственнаго таланта, но даже и для сильнаго. Всякому живописцу необходимо изучать произведенія славныхъ мастеровъ, подражать имъ. Посредственный талантъ на этомъ подражаніи и остановится. Геніальныя произведенія будутъ для него идеаломъ, къ которому онъ болѣе и болѣе будетъ стараться приблизиться. Сильный же талантъ, рано или поздно, сознаетъ свои силы, сознаетъ свою личность, опредѣлитъ себя. Но чтобы *опредѣлить* что-нибудь, прежде всего нужно *отдѣлить* опредѣляемое отъ всего прочаго. Такъ и художникъ, если есть въ немъ самобытный талантъ, то тогда только онъ сознаетъ, опредѣлить его, когда отличитъ отъ другихъ. Притомъ, изучая чужія произведенія, художникъ знакомится съ разными механическими пріемами, которые такъ значительно облегчаютъ его трудъ. Конечно, сильный, крѣпкій талантъ, если почувствуетъ призваніе, и самъ по себѣ можетъ развиться, (встрѣчались такія исключенія); но за то, какихъ трудовъ будетъ это ему стоить! Да и едва ли онъ разовьется такъ, какъ могъ бы развиться при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Вотъ почему и Римъ считается страною, въ которой только и можетъ, во всей полнотѣ, развиться художникъ. Не знаю, развились ли бы наши теперешніе знаменитые художники, до такой высокой степени, еслибъ Италіянское солнце не согрѣло ихъ таланта.

Но не всякому художнику суждено окончить свое образованіе въ Италіи; да и чтобъ быть въ Италіи, на-

Digitized by Google

добно таланту художника обозначиться на столько, чтобы или Правительство сочло его достойнымъ отправленія, или (если онъ самъ имѣетъ на то средства), чтобы цѣль открывающагося таланта понудила его къ поѣздкѣ въ Италію, и родила въ душѣ его потребность окончательнаго образованія. То и другое, очевидно, возможно только тогда, когда онъ еще въ Россіи будетъ имѣть средства хотя къ удовлетворительному образованію. Отсюда понятна необходимость и важность картинной галлереи въ Москвѣ — центрѣ Россіи. Начало картинной Московской галлереи намѣренъ положить Г. Тюринъ. Онъ неутомимо стремился къ осуществленію этого благороднаго намѣренія 30 лѣтъ! Нельзя надивиться твердости и постоянству его. Подобныя явленія рѣдки; начинать мы всѣ большіе охотники, а доводить до конца — не позволяетъ намъ извѣстно что; не говорю о другихъ препятствіяхъ. Конечно, высокое, благородное предпріятіе Г. Тюрина можетъ быть выполнено только при пособіи другихъ. И я надѣюсь, что въ Россіи найдется много благомыслящихъ людей, которые примутъ живое участіе въ этомъ общеполезномъ дѣлѣ.

Твой А. С—ъ.

Москва.
16 Января, 1849.

А еслибъ присоединились къ этой картинной галлереѣ единственное въ Европѣ Голицынское собраніе рисунковъ, а потомъ Карабановскій Музей, Погодинское Древлехранилище, Царскаго библіотека, то Москва имѣла бы что показать и въ этихъ отношеніяхъ Европейскому путешественнику! Будемъ надѣяться.

Digitized by Google

Первая лекція Профессора Орнатскаго.

Всѣ явленія въ жизни Московскаго Университета носятъ на себѣ какой-то характеръ величія, ему одному свойственный. Экзамены, вступительныя лекціи, диссертаціи, диспуты, рѣчи,— все это возбуждаетъ особенное вниманіе не только дома, но и въ публикѣ, и во всемъ нашемъ ученомъ свѣтѣ. 15-го Января явился въ первый разъ на каѳедрѣ Энциклопедіи Законовѣдѣнія, Харьковскій Профессоръ С. Н. Орнатскій. Весь Университетъ пришелъ въ движеніе. Студенты всѣхъ курсовъ юридическаго факультета, множество посторонніихъ, математиковъ, медиковъ, филологовъ, собралось въ аудиторіи за долго еще до опредѣленнаго часа. Ректоръ, всѣ Деканы, Профессоры изо всѣхъ отдѣленій, сочли своимъ долгомъ познакомиться на поприщѣ дѣйствія съ новымъ дѣятелемъ, и явить ему знакъ своего вниманія и уваженія. Г. Попечитель почтилъ его также своимъ посѣщеніемъ. Предметомъ лекціи были общія понятія о наукѣ права, обозрѣніе всѣхъ отраслей ея и замѣчанія о порядкѣ, въ какомъ юридическія науки должны быть преподаваемы. Съ первыхъ словъ уже можно было увидѣть, что новый Профессоръ отличается положительностію своего взгляда, твердостію своихъ понятій, опытностію въ преподаваніи, и что онъ не любитъ уклоненій, или, какъ говорятъ нынѣ по-варварски, эксцентричностей. По нашему мнѣнію, это важныя достоинства для каѳедры Энциклопедіи, которую должны слушать студенты перваго курса, только что кончившіе курсъ гимназическаго ученія: имъ нужно слѣдовательно получить опредѣленныя и ясныя понятія о первыхъ элементахъ науки, объ ея языкѣ, облегчительную азбуку для слушанія прочихъ факультетскихъ лекцій, надежный ключь къ главнымъ ея сокровищамъ. Это вступленіе—покажите имъ сперва прямую дорогу, а когда они установятся на ней крѣпко, и пойдутъ твердо, тогда уже спокойно можете имъ показывать какіе угодно виды. Г. Орнатскій принадлежитъ къ числу первыхъ воспитанниковъ незабвеннаго Сперанскаго, вмѣстѣ съ Гг. Невольинымъ и Богородскимъ. Изъ вторыхъ, т. е. поступившихъ позднѣе въ его вѣдомство, остались Гг. Крыловъ и Баршевъ.

Digitized by Google

ЭВАПСЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи начали учиться, много нахлынуло на нее иностранцевъ-воспитателей. Часто, вмѣсто знаній, они приносили съ собою невѣжество, прикрытое лоскомъ условной образованности. Въ обществѣ царствовало убѣжденіе, что человѣкъ, рожденный не подъ Русскимъ небомъ, говорящій не Русскимъ языкомъ, непремѣнно долженъ быть и уменъ, и ученъ, и благовоспитанъ. Негодованье на иныхъ учителей и на слѣпую вѣру учениковъ выразилось сильно въ нашей литературѣ. Она осмѣяла, опозорила тѣхъ и другихъ, но, въ жару страсти, схватила только одну сторону вопроса. Не смотря на ея горькія насмѣшки, обычай продолжался. Отсутствіе всякихъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ, полное отрицанье надобности знать его, презрѣнье къ нашимъ нравамъ, потребностямъ и къ нашей Исторіи — все прощалось выписнымъ воспитателямъ, во имя обаянія, овладѣвшаго цѣлымъ обществомъ. Но была же причина такого явленія, иностранцы-воспитатели, даже невѣжды, пополняли же собою какой-то существенный недостатокъ, вносили какую-то необходимую стихію. Она-то и ускользнула отъ вниманія нашей литературы, она-то не была оцѣнена съ разумнымъ спокойствіемъ. Здѣсь не время входить въ дальнѣйшія размышленія объ этомъ предметѣ. Я взялъ перо за тѣмъ только, чтобъ нѣсколькими строками почтить память человѣка, который принадлежалъ къ числу иностранцевъ-воспитателей, но котораго уже конечно нельзя было обвинить ни въ недостаткѣ любви къ Россіи, его второму отечеству, ни въ недостаткѣ обширнаго просвѣщенія, составляющаго нашу вторую, благороднѣйшую природу.

Digitized by Google

Въ 1804 или 1805 году пріѣхалъ въ Москву Томасъ Эвансъ, молодой Англичанинъ. Онъ родился не отъ богатыхъ родителей, и не ожидалъ получить въ наслѣдство титулъ и замокъ. Его нравственное и умственное образованіе зависѣло не отъ исключительныхъ средствъ, находящихся въ рукахъ у немногихъ: этимъ образованіемъ онъ былъ обязанъ, съ одной стороны, своимъ личнымъ способностямъ, своему рвенію; съ другой, общему достоянію, т. е. почвѣ, на которой выросъ, воздуху, въ которомъ созрѣлъ, историческому народу, отъ котораго принялъ его взглядъ на Божій міръ и на отношенія къ людямъ. Эвансъ любилъ музыку и живопись, самъ былъ живописцемъ и музыкантомъ, говорилъ по-Французски, какъ Французъ, по-Нѣмецки, какъ Нѣмецъ, основательно выучился по-Русски. Эту любовь почерпнулъ онъ въ себѣ самомъ и эти знанія пріобрѣлъ въ силу собственнаго стремленія. Англія дала ему аналитическій умъ, по мнѣніямъ сдѣлала изъ него Тори, заставила изучить древнія литературы, Греческую и Римскую, какъ свою родную, внушила вражду къ Французамъ, по скольку могла враждовать его чистая, непорочная душа, развила чувство законности, строгость въ исполненіи обязанностей, поселила непреклонную, ни чѣмъ несокрушимую вѣру въ прочность своихъ государственныхъ учрежденій, въ возможное совершенство своего историческаго хода, въ истину своихъ воззрѣній; великолѣпными парками, чудной зеленью и растительностью возбудила въ немъ страсть къ природѣ, а наконецъ, что̀ едва ли не важнѣе многихъ знаній, образовала независимость характера. Его разнообразныя, глубокія свѣдѣнія въ Филологіи, Ботаникѣ, въ другихъ наукахъ и искусствахъ, его любознательный умъ и мягкое чувство, открывали ему однако же глаза на великія идеи, возникшія внѣ Британскаго міра. — Онъ высоко цѣнилъ въ Русскомъ

Digitized by Google

народѣ его доброту, его способность все понять, его благотворительность. Обычай радушно подавать милостыню едва ли не былъ ему болѣе по сердцу, чѣмъ филантропическія учрежденія Англіи. Но не смотря на уступки, дѣланныя имъ иногда очевидности явленій и своему просвѣщенному разуму, Эвансъ послѣ сорока-лѣтняго пребыванія въ Россіи остался Англичаниномъ, и до какой степени печать національности сохранилась на немъ, можно замѣтить изъ слѣдующаго: въ 1827 году онъ ѣздилъ въ чужіе края. Зимою пріѣхалъ въ Парижъ. Мы пріучили его къ теплу, къ двойнымъ окнамъ, къ печамъ, шубамъ и шапкамъ; онъ не могъ бы уже ночевать въ Англійской спальнѣ, гдѣ утромъ должно было ему съ усиліемъ разгибать пальцы, сведенные холодомъ, а потому онъ остановился передъ гостинницей, закутанный въ шубу, въ сѣверной шапкѣ. Была ночь, никто не видалъ его лица, никто не разговаривалъ съ нимъ, но на другой день рано онъ слышитъ, что въ сосѣдней комнатѣ спрашиваютъ у служителя гостинницы: кто этотъ Англичанинъ, который остановился у васъ вчера? — Съ какимъ остроуміемъ, съ какой насмѣшливой улыбкой, и между тѣмъ съ какимъ сердечнымъ удовольствіемъ, разсказывалъ этотъ случай добрый Эвансъ!

Въ то же время, въ Германіи было съ нимъ другое происшествіе, совершенно ничтожное по наружности, важное по внутреннему значенію. Тутъ столкнулись въ пустякахъ жизни два народа, два направленія, двѣ образованности, изъ которыхъ каждая объявляетъ огромныя права на признательность человѣчества. Кому отдать перевѣсъ? По пріѣздѣ въ Дрезденъ, Эвансъ отправился къ Профессору Рейхенбаху. Дома ли г. Профессоръ? спросилъ онъ какого-то старика, отворившаго дверь. Старикъ, изумился непринужденности и простотѣ вопроса

Digitized by Google

Съ Профессоромъ совершилось важное событіе; Профессоръ у всѣхъ на языкѣ, весь городъ полонъ Профессоромъ, и вотъ явился откуда-то неизвѣстный человѣкъ, на кого это событіе не имѣетъ, кажется, ни малѣйшаго вліянія; вѣроятно, онъ не знаетъ.... а потому старикъ счелъ необходимымъ просвѣтить странное невѣдѣнье Эванса. «Er iſt Hofrath geworden,» * сказалъ онъ добродушно-наставительнымъ тономъ. Но и это увѣдомленье не нарушило спокойствія въ Англичанинѣ. Онъ только въ удовольствіе своему собесѣднику повторилъ тотъ же вопросъ, съ прибавленіемъ новаго титула. Какъ ни мало наблюдательны Нѣмцы, но этотъ замѣтилъ, что не произвелъ никакого дѣйствія на каменное сердце, и, чтобъ окончательно достигнуть цѣли, произнесъ съ благоговѣйнымъ ужасомъ: «Er iſt zum König gegangen. **» «Bleibt er lange beym König?» *** спросилъ Англичанинъ. Нѣмецъ взглянулъ на него, какъ на человѣка безнадежнаго, махнулъ рукою и ушелъ.

Хотя въ продолженіе этого путешествія живо возобновились въ Эвансѣ впечатлѣнія юности, хотя онъ опять увидѣлъ свою old merry England, **** а съ нею все, чему сочувствовала его душа и что дало ему извѣстный образъ мыслей, извѣстныя убѣжденія, но уже въ Россіи составилъ онъ связи, пріобрѣлъ привычки, въ Россіи пріютнѣе стало его сердцу. Онъ смотрѣлъ на Англію, какъ на вѣчный предметъ удивленія для человѣчества, и между тѣмъ не согласился бы жить въ ней. Этотъ страшно наполненный день, эта судорожная дѣятельность должны были ис-

---

* Онъ произведенъ въ Надворные Совѣтники.

** Онъ пошелъ къ Королю.

*** Долго ли онъ будетъ у Короля?

**** Старая веселая Англія.

Digitized by Google

пугать человѣка, отвѣдавшаго приволье Московскаго кейфа. Эвансъ избралъ для себя поприще воспитателя, прекрасное, можетъ быть, лучшее по цѣли, тяжелое для исполненія. Онъ былъ преподавателемъ Англійской литературы въ Московскомъ Университетѣ, членомъ Общества натуралистовъ въ Москвѣ и секретаремъ его. Изъ всего сказаннаго выше читатель давно уже понялъ, что въ этой некрологіи не льзя и не должно ожидать изложенія, какъ развивался послужной списокъ покойника. Замѣчательные люди въ Европѣ цѣнили его знанія. Онъ былъ коротко знакомъ съ Гольдбахомъ, Робертомъ Броуномъ, Линдли, Рейхенбахомъ, Бентамомъ, и велъ съ ними переписку. О его статьѣ: Notices sur les coprolites, напечатанной въ запискахъ Общества натуралистовъ, упоминаетъ Букландъ, Профессоръ Геологіи при Оксфордскомъ Университетѣ, въ своемъ сочиненіи, и Англійскій журналъ Edinburgh Review отзывается о ней съ большимъ уваженіемъ. Онъ собиралъ матеріялы для Философской грамматики, но болѣзнь глазъ, которою началъ рано страдать, помѣшала ему составить что-нибудь цѣлое и издать въ свѣтъ. Много мыслей, много статей, много филологическихъ и другихъ разсужденій, пропавшихъ безъ явнаго слѣда, въ бѣглыхъ разговорахъ, обнародовалъ бы онъ на Англійской землѣ, въ туманахъ своей родины; но мы, оказавъ ему радушное гостепріимство и, въ лицѣ знавшихъ его, отдавъ ему полную справедливость, перенесли его въ такую сферу, гдѣ, можетъ быть, ослабѣла въ немъ жажда все напечатать и все сказать, что выработала душа и чего доискался умъ. Только съ знакомыми, друзьями, воспитанниками подѣлился онъ своими знаньями и представилъ имъ образецъ безукоризненной жизни, исполненной просвѣщенныхъ занятій. Въ тѣ лѣта, какъ ужс у насъ потухаетъ внутренній жаръ и матеріялизируется мысль,

Digitized by Google

онъ еще крѣпко отстаивалъ свою незабвенную Англію. Горько было ему, когда вызывали передъ нимъ изъ гроба тѣнь Гастингса, когда указывали на Ирландію, на войну за опіумъ, на несчастныхъ пролетаріевъ. Если, въ защиту Французовъ, говорили: отъ чего же ихъ языкъ, а не Англійскій сдѣлался общимъ, то это приписывалъ онъ вѣчному торжеству безумія надъ разумомъ. Долго не могъ онъ помириться съ Байрономъ, котораго, вмѣстѣ съ разными критиками, обвинялъ въ безнравственности направленія; но потомъ, доступный современнымъ понятіямъ, былъ увлеченъ геніальнымъ поэтомъ. Первый романъ Дикенса: the Pickwick оскорбилъ въ немъ аристократическое чувство, свойственное каждому Англичанину, и чувство литературнаго приличія, развившееся подъ вліяніемъ пристойныхъ романовъ Англіи; но наконецъ и Дикенсу отдалъ онъ справедливость.

Воспитатель! это слово, это званіе ставитъ часто человѣка въ страшную зависимость отъ другаго. — Научи нашихъ дѣтей всей премудрости, какая накопилась съ сотворенія міра, а ты, сосудъ этой премудрости, мы тебѣ заплатимъ деньги; для нашихъ слугъ ты будешь мусье, для насъ ничто иное какъ учитель.—Многіе, будучи поставлены въ какое бы то ни было зависимое положеніе, допускаютъ въ себѣ развиваться любви къ зависимости, и въ этомъ развитіи находятъ особенное удовольствіе. Иные, отдавая другому свое время, свой трудъ, не оставляютъ уже ничего для себя, ни одного упругаго чувства, на которое не должна посягнуть никакая зависимость. Англичанинъ понялъ это по своему. — Я подѣлюсь съ вами моими знаньями, я отдаю вамъ часть моего времени, и эту обязанность выполню честно, по крайнему разумѣнію. Но мои привычки, мой складъ, мои мнѣнія остаются при мнѣ. Я не

Digitized by Google

уступлю вамъ изъ моей духовной собственности ни одной мысли, ни одного чувства. Не думайте, чтобъ, снискивая трудами насущный хлѣбъ, я когда-нибудь поднялъ на васъ глаза съ умиленіемъ. То, что я получу, не важнѣе того, что дамъ. — И этотъ характеръ, этотъ нравственный составъ человѣка былъ оцѣненъ. Никто никогда не посягнулъ на его святыню, всѣ уважили благородство его души, и посреди Московскаго общества онъ не являлся *учителемъ*.

Умѣренной, воздержной, тихой жизни, Эвансъ берегъ очень свои глаза, боялся возвращенія продолжительной болѣзни, но впрочемъ былъ здоровья хорошаго и ни сколько не казался такъ близокъ къ смерти. По неисповѣдимымъ законамъ вдругъ занемогъ онъ безъ всякой видимой причины, и чѣмъ занемогъ? Размягченіемъ мозга. Всѣ пособія, какія можетъ оказать наука въ этой отчаянной болѣзни, все участіе, на которое способны искреннее уваженіе и безкорыстная дружба, были употреблены его докторами-друзьями. Умиралъ холостой старикъ, небогатый, безъ важнаго имени, ни одного роднаго человѣка, ни одного товарища юности. Но хозяинъ дома, гдѣ въ послѣднее время жилъ Эвансъ на покоѣ, не принимая уже на себя прежнихъ обязанностей, создалъ ему міръ семьи, и семьи любящей; но его соотечественники, ни днемъ, ни ночью не отходившіе отъ смертной постели, оживили ему далекую, милую Англію, и ея звуки услаждали его слабѣющій слухъ. Знакомые, пріятели, друзья, ученики, ученицы, отдѣленные отъ времени ученья длиннымъ поприщемъ жизни, всѣ являлись къ больному узнавать ежедневно о ходѣ болѣзни, и являлись безъ всякой надежды, что шумный свѣтъ или какой-нибудь наслѣдникъ приметъ къ соображенію ихъ тревожное безпокойство.

Digitized by Google

Эвансъ скончался 16-го Января, 1849 года, въ два часа съ четвертью по полудни, на 64-мъ году отъ рожденія. Похоронный обрядъ совершенъ въ Англиканской церкви. Церковь была полна, и въ ней были искреннія слезы.

Прими же здѣсь дань уваженія къ независимости твоего характера, благородный Англичанинъ! Прими отъ одного изъ твоихъ учениковъ глубокую благодарность за ту чистую любовь, съ какою ты передавалъ намъ нѣкогда сокровища твоего роднаго языка!....

Ты не сочинялъ себѣ убѣжденій, а органически вынесъ ихъ изъ жизни твоего народа; ты былъ Англичанинъ не въ слѣдствіе насильственной работы надъ самимъ собой, не въ силу теоріи, болѣе или менѣе искусно доказанной, но Англичанинъ цѣльный, сердцемъ, умомъ, съ ногъ до головы. Твое сочувствіе къ Исторіи твоего отечества возбуждало жаркіе споры своимъ суевѣріемъ, и со всѣмъ тѣмъ разумъ отдыхалъ съ тобою отъ такъ называемыхъ обще-человѣческихъ понятій и отъ оранжерейной національности.

Павловъ.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВѢЙШІЯ ЦЕРКОВНЫЯ СОБЫТІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Съ тѣхъ поръ, какъ отношенія Римскаго двора къ Турецкому правительству приняли видъ новый небывалаго доселѣ взаимнаго дружелюбія, приверженцы латинства на Востокѣ, отъ Константинополя до Іерусалима, двинулись на поприще мечтательныхъ завоеваній. Прибытіе въ Константинополь прелата Ферріери, посланнаго Піемъ IX къ преемнику калифовъ, съ особеннымъ порученіемъ, многіе привѣтствовали какъ залогъ усиленнаго преобладанія латинства въ странахъ восточныхъ, гдѣ съ давнихъ временъ длится жалкая борьба западныхъ христіанъ съ православными. Картину этихъ враждебныхъ движеній мы уже представили въ главныхъ чертахъ и въ немногихъ страницахъ, подъ названіемъ: *Взглядъ на церковныя событія въ Сиріи и Палестинѣ*, помѣщенныхъ въ 6 N Москвитянина 1848. Теперь постараемся ознакомить нашихъ читателей съ дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ современныхъ происшествій, которыя, — среди разгрома политическихъ установленій на Западѣ, колебанія царствъ и волненія народовъ, — пройдутъ, можетъ быть, незамѣченными, но не останутся безплодными.

Признаки жизни новой въ нѣдрахъ Православія, — проявившіеся въ возсоединеніи по мѣстамъ уніатовъ, въ открытіи небольшихъ училищъ и въ изданіяхъ на разныхъ языкахъ церковныхъ книгъ, — по необходимости возбудили опасенія поборниковъ латинства и другихъ иновѣрцевъ. Вотъ почему посольству прелата Ферріери общее мнѣніе приписывало важную цѣль. Вскорѣ догадки оправдались событіемъ: въ ноябрѣ прошлаго 1847 года посланникъ Римскаго двора издалъ въ свѣтъ и разослалъ по всему Востоку окружное посланіе Пія IX къ восточнымъ христіанамъ, напечатанное на Греческомъ живомъ языкѣ—

Digitized by Google

явленіе, съ незапамятныхъ временъ неслыханное: призывъ къ соединенію всѣхъ и каждаго съ Римскимъ престоломъ. Минуя пастырей и всякую вообще духовную власть, Римскій первосвященникъ обратилъ увѣщательное слово безразлично ко всѣмъ, исповѣдующимъ на Востокѣ вѣру Христову, предложилъ народу кое-какіе поверхностные доводы въ пользу духовнаго самодержавія Рима, и въ замѣнъ неукоснительной покорности обнадежилъ ихъ въ сохраненіи всѣхъ обрядовъ восточнаго богослуженія. При чтеніи сего страннаго воззванія, ярко выказывается убѣжденіе западныхъ ученыхъ въ томъ, что между православными господствуетъ крайнее и безотчетное невѣжество, даже въ отношеніи къ истинамъ вѣры. Однакоже самонадѣянность Римская совершенно обманулась въ своихъ соображеніяхъ и разсчетахъ. Вскорѣ послѣ объявленія папской граматы вышло изъ печати, въ Смирнѣ, на Греческомъ же языкѣ, сильное, смѣлое и основательное возраженіе противъ содержащихся въ ней доводовъ и увѣщаній. Сочинитель назвался клирикомъ Православной Церкви; но свѣдущіе люди приписываютъ трудъ сей маститому іерарху, давно извѣстному и внѣ отечества, по своему благочестію и учености. Примѣру его послѣдовали и другіе ревнители Православія, издавъ нѣсколько опроверженій, болѣе или менѣе систематическихъ, но всегда дѣльныхъ и заключающихся въ предѣлахъ законной обороны. Наконецъ въ маѣ 1848 года, вслѣдствіе предварительныхъ письменныхъ совѣщаній между четырьмя Восточными Патріархами, вышла изъ печати и разослана по всему Востоку соборная грамата, подъ заглавіемъ: *Окружное посланіе единой, святой, соборной и Апостольской Церкви къ повсюду Православнымъ* (*Ἐγκύκλιος τῆς μιᾶς, Ἁγίας, Καθολικῆς Ἐκκλησίας Ἐπιστολὴ πρὸς τοὺς ἁπανταχοῦ Ὀρθοδόξους*). Не можемъ издали судить о дѣйствіи, какое произвелъ голосъ Церкви въ сердцахъ христіанъ; должно однакоже думать, что ея увѣщанія не остались безплодными, — въ чемъ удостовѣряетъ насъ немалое число отголосковъ, которыми ученые и благочестивые мужи не въ одной Турціи, но даже въ самой Италіи

Digitized by Google

отозвались ей *. Такимъ образомъ покушеніе кичливаго, недальновиднаго Запада — нарушить спокойствіе совѣсти въ православныхъ странахъ Востока оказалось безуспѣшнымъ и едвали не обратилось во вредъ самихъ нарушителей. Чувствуютъ ли они свою неудачу и не замышляютъ ли какой-нибудь мести за претерпѣнное пораженіе, — этотъ вопросъ отчасти уже разрѣшается недавнею смѣною Константинопольскаго Патріарха Аѳѳима, при святительствѣ котораго происходила духовная борьба. Его низвели съ престола Златоустаго; но прочіе Патріархи: Меѳодій Антіохійскій, Іероѳей Александрійскій и Кириллъ Іерусалимскій, съ Аѳѳимомъ подписавшіе соборную грамату, остались на своихъ каѳедрахъ, и воинствующая Церковь стоитъ по прежнему непоколебимо на своей стражѣ ночной.

Но, какъ мы уже замѣтили, эта долгая, многовѣковая ночь мало по малу смѣняется занимающимся, благодатнымъ разсвѣтомъ. Не входя здѣсь въ подробное обозрѣніе отрадныхъ признаковъ возрожденія церковнаго, укажемъ только на одно, мало кѣмъ замѣченное событіе въ столицѣ Турецкой Имперіи.

Назадъ тому 4 года восточные Патріархи, вмѣстѣ съ членами Константинопольскаго Сѵнода, основали общими силами первую духовную семинарію на небольшомъ островкѣ Константинопольскаго пролива Халки. Для помѣщенія учащихся избрали полуразрушенный монастырь, основаніе коего приписывается знаменитому Патріарху Фотію, слѣдственно восходитъ до IX вѣка. Тамъ, около древняго храма Пресв. Троицы, пріютилось не болѣе 40 учениковъ, большею частію взрослыхъ, даже молодыхъ иноковъ, движимыхъ желаніемъ облечься во всеоружіе Божіе, для служенія слову и защиты правовѣрія. Имъ-то Богъ послалъ благонадежнаго руководителя и наставника въ лицѣ архимандрита Константина (Типальда), уроженца Кефалоній-скаго. Выходецъ благочестивый и ученый, повинуясь зову

* Въ сонмѣ защитниковъ православія явился Георгій Маркоранъ, издавшій свое разсужденіе на Италіянскомъ языкѣ, съ коего Греческій переводъ напечатанъ въ Константинополѣ.

Digitized by Google

Константинопольской Церкви, принялъ на себя должность схоларха (ректора), и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя образованію духовнаго юношества. Кромѣ неусыпныхъ трудовъ — въ семъ первомъ восточномъ разсадникѣ богословія, архимандритъ Константинъ не замедлилъ ознаменовать управленіе своё мыслію новою и свѣтлою: онъ въ Халкійскомъ училищѣ ввелъ постоянное преподаваніе Церковно-Славянскаго языка, и ввѣрилъ важную должность сію ученому Сербу. Стоитъ только взглянуть на карту Турецкихъ владѣній, и обратить вниманіе на духовныя сношенія Востока съ Православною Русью, чтобы оцѣнить вполнѣ мудрое распоряженіе прозорливаго наставника. И вотъ прошло не болѣе 4-хъ лѣтъ, — а заботливость его уже приноситъ желанные плоды. Въ «Телеграфѣ Воспорскомъ,» издаваемомъ на Греческомъ языкѣ среди Турецкой столицы, напечатано подробное извѣстіе о публичномъ испытаніи, которое производилось въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ сего года. Богословскій классъ юной семинаріи выдержалъ испытаніе въ присутствіи самого Патріарха и Синодальныхъ Митрополитовъ. Четыре іеродіакона, въ награду за успѣхи, удостоены степени проповѣдника, и посылаются уже на дѣло проповѣди по разнымъ направленіямъ. Въ нижнихъ классахъ успѣхи оказались не менѣе удовлетворительными по церковной исторіи и свѣтской, по словесности Греческой и Латинской и по Славянскому языку. Питомцы уже свободно читаютъ наши церковныя книги, какъ бы въ залогъ будущей дѣятельности на поприщѣ служенія и проповѣди въ Болгарскихъ и Сербскихъ областяхъ. Отрадно было видѣть быстрые ихъ успѣхи въ знаніи языка Славянскаго, котораго звуки во время испытанія смѣнялись рѣчами и стихотвореніями Греческими. Въ тѣсной оградѣ древней обители, недавно возникшей изъ запустѣнія, явились первые начатки духовнаго просвѣщенія, осѣняемаго духомъ единенія Православныхъ Церквей. Для утвержденія правовѣрныхъ въ спасительномъ духовномъ единствѣ остается только молить и желать, чтобы свѣтильникъ, зазженный на маломъ Воспорскомъ островкѣ, не угасъ отъ бурнаго дыханія страстей человѣческихъ,—чтобы это

Digitized by Google

скромное убѣжище *истиннаго вѣдѣнія по вѣрѣ* сдѣлалось со временемъ свѣтоноснымъ маякомъ, сіяющимъ во мракѣ варварства и невѣжества по всему пространенію Восточной Церкви. Сколько вѣковъ протекло, въ продолженіе которыхъ восточные христіане, по недостатку въ учебныхъ заведеніяхъ и пособіяхъ, уподоблялись чадамъ древняго Израиля, насыщаемымъ пятью хлѣбами въ пустынѣ! А преграда разноязычія, постоянно разобщая Востокъ съ Сѣверомъ, лишала Грековъ и Асійскихъ христіанъ всякой возможности восполнять собственную скудость займами умственными у тѣхъ, которые приняли отъ Востока всѣ сѣмена вѣры и образованности христіанской. Видно, настаютъ времена лучшія, времена общенія и воскресающаго духовнаго просвѣщенія. Въ явленіяхъ сего рода обнаруживается теперь многообѣщающая взаимность; ибо съ недавняго времени Церковь Россійская имѣетъ своихъ представителей въ Іерусалимѣ, въ древнемъ монастырѣ св. Ѳеодора, въ которомъ питомцы нашихъ духовныхъ училищъ изучаютъ языкъ Сирійскихъ христіанъ, подъ руководствомъ достойныхъ иноковъ. Какъ же намъ, Русскимъ, не порадоваться первымъ успѣхамъ въ дѣлѣ христіанскаго сближенія, какъ не понадѣяться, что начатое совершится во славу Божію и на пользу первороднаго человѣчества?

Для тѣхъ изъ читателей нашихъ, которымъ желательно знать всѣ подробности событія намъ нечуждаго мы присовокупляемъ къ настоящему обзору болѣе отчетливое извѣстіе объ испытаніяхъ въ Халкійскомъ духовномъ училищѣ по тѣмъ свѣдѣніямъ, кои помѣщены въ «Воспорскомъ Телеграфѣ.» *

А. Стурдза.

Одесса. Ноября 15-го дня.
1848.

(*) Надѣемся видѣть его въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. *Ред.*

Digitized by Google

ОПИСАНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ПОСЛѢДНЕЙ АВСТРО-ИТАЛІЯНСКОЙ КОМПАНІИ И НѢЧТО О ГРАФѢ РАДЕЦКОМЪ.

При главномъ штабѣ Фельдмаршала Графа Радецкаго, по подлиннымъ документамъ, составляется и выдается въ свѣтъ это описаніе, выпусками, но не въ хронологическомъ порядкѣ. Сначала вышелъ 2-й выпускъ — обозрѣніе движеній Австрійскихъ войскъ послѣ сраженія у с. Луціи, т. е. похода на Куртеноне, взятія находившихся тамъ непріятельскихъ окоповъ, движенія на Гойто, побѣды при Виченцѣ и сдачи всѣхъ силъ, находившихся подъ командою Генерала Дурандо, вообще до возвращенія въ Верону, или отъ 7-го мая по 13-е іюня. Недавно вышедшее продолженіе, или 3-я тетрадь, содержитъ описаніе военныхъ дѣйствій отъ сраженія при Сомма-Кампаньѣ и Кустоццо до взятія Милана, или отъ 15-го іюня по 9-е августа. Содержаніе этого сочиненія, какъ и вообще всѣхъ оффиціальныхъ и полу-оффиціальныхъ Австрійскимъ изданій, сухо, и ограничивается строго однимъ разсказомъ событій; нѣтъ возгласовъ, ни самолюбивыхъ похвалъ собственному мужеству, ни пристрастнаго искаженія событій, какими достоинствами особенно отличались бюллетени Кошута и Итальянской арміи, гдѣ пораженіе является въ размѣрахъ побѣды; передъ ними извѣстные бюллетени Наполеоновой арміи суть образцы исторической вѣрности и добросовѣстности. Чтобы выйдти Австріи изъ отчаяннаго положенія со славою, надо было побѣдить трудности, раждавшіяся на каждомъ шагу, и одержать знаменитыя побѣды; надо было солдатамъ развить въ себѣ необыкновенное постоянство, мужество, бодрость, повиновеніе и ловкость маневровъ, а со стороны начальниковъ, быстрое соображеніе и разумную находчивость. Всѣ эти доблести такъ ясно обнаруживаются при простомъ чтеніи событій, что вѣрно никто въ Европѣ не откажетъ въ сочувствіи храброму Радецкому и его мужественнымъ сподвижникамъ; развѣ только лѣвая, лже-патріотическая сторона Вѣнскаго сейма, пріобрѣтшая себѣ печальную извѣстность, столь отличную отъ

Digitized by Google

достохвальной извѣстности побѣдителя при Сомма-Компаньи. Для каждаго образованнаго человѣка и знатока военнаго дѣла, это сочиненіе, хоть и неназначенное въ продажу, составляетъ, по важности содержанія и ясности изложенія, сущій кладъ. Недостаетъ только одного: число дѣйствующихъ войскъ при каждомъ военномъ дѣйствіи показано въ батальйонахъ, ротахъ, эскадронахъ, а не числомъ людей, находившихся въ дѣйствіи.

Недостающій первый выпускъ скоро выйдетъ; въ немъ содержится описаніе военныхъ дѣйствій періода отъ начала Миланскаго возстанія до сраженія при с. Луціи. Хотя все въ сочиненіи до такой степени отличается тѣми же достоинствами, что трудно извлечь что-нибудь лучшее, однако мы постараемся воспользоваться имъ для того, чтобы дать понятіе о почтенной личности славнаго 84-лѣтняго Фельдмаршала. О ней всего лучше судить можно по жару, съ какимъ онъ отдаетъ справедливость заслугамъ другихъ; вотъ что говоритъ онъ, напримѣръ, въ донесеніи Военному Министерству: «Прежде всего съ истинною благо«дарностью упоминаю имя храбраго моего сослуживца, уби«таго чернью, Графа Латура; онъ мнѣ болѣе чѣмъ кто«либо служилъ твердою опорою, онъ мнѣ существенно по«собилъ покорить снова власти моего Государя Импера«тора мятежемъ отъ него отторгнутыя земли. Земная «оболочка Графа Латура подверглась неистовствамъ зло«дѣевъ, среди взбунтовавшейся черни въ глазахъ его «сослуживцевъ, казнь которыхъ была позднее возмез«діе его памяти; народъ столицы, зараженной лже«ученіями, не имѣлъ мужества отмстить его убійцамъ; «но и въ могилу Графа Латура, я сопровождаю глубо«чайшую признательность за всѣ его дѣйствія, выразив«шія участіе ко мнѣ и къ моей арміи, которую онъ съ ве«личайшею готовностью снабжалъ всѣмъ нужнымъ, слава «и успѣхи которой столь дороги были его сердцу, бивше«муся любовью къ родинѣ до послѣдней минуты, когда «оно было пронзено его же ослѣпленными соотечествен«никами.» Съ большою похвалою и воодушевленіемъ отзывается еще Графъ Радецкій о Генералѣ отъ кавалеріи,

Digitized by Google

Графѣ Вальмоденѣ и о прочихъ генералахъ, офицерахъ и рядовыхъ, отличившихся во время компаніи особенными заслугами. Какъ отцу находящейся подъ его начальствомъ арміи, Графу Радецкому одинаково пріятна заслуга каждаго изъ членовъ его семейства.

ВИНДИШГРЕЦЪ. Вѣнскій корреспондентъ Кельнской газеты изображаетъ такъ знаменитаго Виндишгреца, побѣдителя Вѣны и Венгровъ: Онъ не высокаго роста, но красивая величественная наружность, подъ которою едва замѣтны преклонныя лѣта, и привычка держать себя по военному, скрадываютъ этотъ недостатокъ; коротко обстриженные посѣдѣвшіе волосы, еще очень густые, прикрываютъ это чело, жилище непреклонной думы. Выраженіе глазъ, лежащихъ довольно глубоко во лбу — строгое, гордое, неумолимое; повелительное выраженіе лица увеличивается Греческимъ носомъ; морщины вокругъ рта могутъ служить вмѣстѣ признакомъ и строгости и глубокоподавленнаго горя. Вообще первый взглядъ на Фельдмаршала Виндишгреца производитъ на зрителей различное, пріятное и отталкивающее впечатлѣніе; но кто видѣлъ его разъ, тотъ никогда его не забудетъ; во всей наружности его сказывается непреклонная воля и убѣжденіе, кои могутъ окончиться лишь съ жизнью.

ПРОЕКТЪ ПОСЕЛЕНІЙ НѢМЕЦКИХЪ ВЪ ВЕНГРІИ. Любимою темою въ Германіи дѣлаются слѣдующія слова Гагерна: «Австрія должна быть разсадницею Нѣмецкаго образованія, духа, языка и нравовъ по обширнымъ плодоноснымъ странамъ отъ Адріатическаго и Чернаго моря, представляющимъ готовый рынокъ для сбыта произведеній трудолюбія внутренней Германіи, готовое мѣсто для пріема избытка ея народонаселенія.... Чѣмъ переселяться въ Канаду и Австралію, не лучше ли Нѣмцамъ селиться на богатыхъ берегахъ Дуная. Мало по малу Австрія станетъ совершенно Германскою, и будетъ служить клиномъ, вбитымъ въ Славянскую грудь, передовымъ постомъ Герман-

Digitized by Google

скаго образованія. Опираясь на Австрію, Германія смѣло займетъ довлѣющее ей мѣсто между могущественнѣйшими державами міра!»

Венгрія есть страна, искони чистая Славянская. Венгры въ ней пришельцы, гости. (Въ Русскихъ лѣтописяхъ записано даже, когда они шли мимо Кіева вежами, и имя ихъ осталось въ названіи одной Кіевской горы: идоша мимо Кіева горою, яже ея нынѣ зовется Угорское). Гости оттѣснили вскорѣ хозяевъ къ краямъ, въ горы, а сами, племя кочевое, остановились съ своими конями по долинамъ. Если есть теперь лишняя земля въ Венгріи, то, кажется, препервое или предпервое право имѣютъ на нее Славяне, кои въ ней нуждаются, напр. Словаки, которые своимъ скитаньемъ въ нищенской одеждѣ такъ знакомы всѣмъ путешественникамъ.

— Недавно умеръ на 57 г. отъ роду, Чехъ Вацлавъ *Свобода*; онъ былъ учителемъ гимназіи въ Прагѣ; имя его какъ отличнаго филолога и переводчика Краледворской рукописи извѣстно не въ одной Чехіи; онъ былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Латинскаго языка во всей Австрійской монархіи, какъ видно изъ его переводовъ стихотвореній Шиллера и другихъ Нѣмецкихъ поэтовъ на Латинскій языкъ; Свобода отлично владѣлъ и Чешскимъ языкомъ; въ гимназіи онъ составлялъ безъ приготовленія отличнѣйшіе метрическіе переводы съ Латинскаго на Нѣмецкій и Чешскій языки; какъ Чешскій поэтъ, онъ извѣстенъ по комедіи *Скрета* и по мелкимъ стихотвореніямъ. Въ бумагахъ Свободы послѣ его смерти нашли отлично-обработанный Нѣмецкій переводъ одъ Горація съ основательными и дѣльными къ нимъ примѣчаніями, которыя онъ располагалъ было издать по-Латыни, и Латинскій переводъ *Ифигеніи* Гёте.

— По поводу новаго сочиненія Гизо *о демократіи во Франціи*, одна изъ лучшихъ Англійскихъ газетъ, Morning Post, сдѣлала большой промахъ. Надобно знать, что 10 лѣтъ тому назадъ Гизо помѣстилъ въ Revue Française статью *о*

Digitized by Google

вліяніи демократическаго начала во Франціи на общественное устройство; ее перевелъ на Англійскій языкъ нѣкто *Вильсонъ*. Видя, что *Times*, *Chronicle* и др., много говорятъ о новомъ сочиненіи Гизо, и Morning Post представилъ разборъ статьи переведенной Вильсоной, въ твердомъ убѣжденіи, что это одно и то же!!

— Говорятъ, что *Моле* назначенъ былъ Президентомъ Франц. республики — на постъ посланника въ Мадритѣ, и что, по этому случаю онъ имѣлъ такой непродолжительный разговоръ съ нимъ: «Г. Президентъ, вы возвращаете мнѣ мою молодость?» — Что вы хотите этимъ сказать Графъ? — «А то, что я 40 лѣтъ тому назадъ занималъ этотъ же постъ въ качествѣ представителя вашего дяди» (Императора Наполеона).

— Профессоръ Фальмерайеръ получилъ Турецкій орденъ *Нишана*, честь, какой въ ряду ученыхъ людей онъ удостоился первый; но въ томъ бѣда, что ордена въ Германіи уничтожаются, и самъ Фальмерайеръ подавалъ голосъ въ пользу этого закона.

—. Газета M. Chronicle, органъ сэра Р. Пиля, безпрестанно нападаетъ на Виконта Пальмерстона; газета Globe его защищаетъ; разъ послѣдняя назвала Пальмерстона *достойнымъ ученикомъ Каннинга*. Да! замѣтила на это M. Chronicle, если только Фаэтонъ, едва не обратившій въ пепелъ цѣлаго свѣта, можетъ быть названъ *достойнымъ ученикомъ Аполлона*.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ,

Производители Одесской торговли въ 1848 году. — Всѣхъ купцевъ, участвовавшихъ въ заграничной торговлѣ Одессы въ прошедшемъ году было до *ста* человѣкъ. Обороты, произведенные ими, простирались на сумму слишкомъ до *тридцати милл. руб. серебр.* Въ этомъ числѣ обороты 7 домовъ превышали милліонъ р. с., 21 дома составляли отъ 300 тысячъ до милліона р. с.; прочіе представляютъ меньшія цифры. Когда мы просматривали списокъ всѣхъ этихъ производителей, намъ показалось болѣе чѣмъ страннымъ слѣд. обстоятельство: главные торговые дѣйствователи Одессы: Гг. *Родоконаки* (обороты его превышаютъ сумму болѣе 3 м. р. с.), *Папудовъ*, *Корро*, *Ралли*, *Масъ*, *Зарифи*, *Ираклиди*, *Казаретто*, *Вучина*, *Мавро*, *Росси*, *Цициніи*, *Рокка*, *Деазарта*, *Рафаловичъ*, *Ленгнихъ*, *Севастопуло*, *Гальперсонъ*, *Калояни*, *Буба*, *Шейнсъ*, *Перкинсъ*, и проч., имена все чужеземныя, и въ числѣ почти 100 человѣкъ, мы встрѣтили только *пятерыхъ* Русскихъ, обороты которыхъ, въ сложности, едва составляютъ *девяностую* часть общей суммы Одесской торговли. Въ спискахъ производителей заграничной торговли при портахъ Петербургскомъ, Рижскомъ, Архангельскомъ, представляются почти тѣ же самыя данныя.

Свеклосахарное производство въ Россіи. — Эта новая отрасль промышленности развивается у насъ болѣе и болѣе. Въ 1846 году свеклосахарныхъ заводовъ считалось, въ 22 губерніяхъ, до 220; бо́льшее число существуетъ въ губерн. Кіевской (43) и Черниговской (23). Собрано было ими свекловицы слишкомъ милліонъ полтораста тысячъ берковцевъ; а выдѣлано изъ этого количества: сахару рафинаду, мелиса и лумпа до 200 тысячъ пудовъ, да сахарнаго песку болѣе 400 тыс.; всего на сумму около *четырехъ милл. р. сереб.*

Digitized by Google

Ростовскія древности. — Одинъ изъ корреспондентовъ Москвитянина, житель Ростова, увѣдомляетъ насъ, что начальникъ губерніи, А. П. Бутурлинъ, посѣтивъ недавно этотъ городъ, обратилъ вниманіе на древнія его зданія, и обѣщалъ свое ходатайство у высшаго начальства для поддержанія оныхъ; а между тѣмъ предложилъ добровольную подписку на этотъ предметъ, и, благодаря примѣру Н. Х. Быкова, который первый пожертвовалъ 500 р. сер., собрано было до *четырехъ тысячъ р. с.*

Пожертвованіе въ пользу Армянской націи. — Тифлисскій гражданинъ Иванъ Мнацакановъ внесъ на вѣчныя времена въ Московскій Опекунскій Совѣтъ *пятнадцать тысячъ р. с.*, для воспитанія, изъ процентовъ съ этой суммы, постоянно двухъ мальчиковъ изъ бѣдныхъ Армянъ Закавказскаго края, въ Московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, а потомъ въ Московскомъ Университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ они должны поступать на службу въ Закавказскомъ краѣ.

Богадѣленный домъ Чихачева.—На иждивеніи покойнаго Генералъ-Маіора Чихачева учрежденъ Московской губерніи, Богородскаго уѣзда, въ селѣ Сергіевскомъ (Алмазово тожъ) * богадѣленный домъ, который носитъ имя своего основателя. Въ немъ положено призрѣвать 30 человѣкъ мужескаго и 70 женскаго пола. Сверхъ того при богадѣльнѣ находятся больница и начальное училище.

---

* Въ этомъ селѣ провелъ послѣдніе годы своей жизни и умеръ незабвенный въ исторіи нашего образованія Новиковъ.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

КАНУНЪ АНДРЕЯ КРИТСКАГО, ВЪ ЧУДОВѢ МОНАСТЫРѢ.

Кто бывалъ въ Римѣ, во время Великаго Поста, тотъ знаетъ, съ какимъ тамъ рвеніемъ всѣ иностранцы—Русскіе, Англичане, Нѣмцы, слѣдятъ за всѣми движеніями Папы, съ какимъ любопытствомъ читаютъ они и выучиваютъ почти наизустъ особую книжку обо всѣхъ его служеніяхъ. А многіе ли изъ насъ знакомы съ подробностями Архіерейскаго служенія? Я хочу теперь напомнить читателямъ о чтеніи покаяннаго Кануна Святаго Андрея Критскаго Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Филаретомъ въ понедѣльникъ, вторникъ и середу, на первой недѣлѣ Поста, въ Чудовѣ монастырѣ. Я слушалъ его прошлаго года....

Тишина всесовершенная, народъ стоитъ съ благоговѣніемъ, и, кажется, не дышетъ, или едва переводитъ дыханіе. Среди этого безмолвія слышится тихій, но внятный голосъ Митрополита, выражающаго, изъ глубины души, священные глаголы христіанской скорби и раскаянія, боговдохновеннаго поэта, которые прерываются безпрестанно молитвами ликовъ: помилуй насъ, Боже, помилуй насъ! Впечатлѣніе особенное, глубокое!

Наше чтеніе, скажу здѣсь кстати, безъ всякой католической декламаціи, имѣетъ свой особенный характеръ, точно какъ и наше пѣніе церковное, и наша церковная живопись, и наша церковная архитектура. Но все это еще скрывается въ тайнѣ творчества..... *М. П.*

Digitized by Google

ИМПЕРАТОРСКІЙ КРЕМЛЕВСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Въ 1-й книгѣ Москвитянина мы извѣстили, что новый дворецъ почти готовъ, и высказали въ короткихъ словахъ общее впечатлѣніе свое при взглядѣ на это величественное зданіе. Теперь дворецъ уже готовъ; готовъ съ полной великолѣпной внутренней обстановкой для Высочайшаго пріѣзда Государя и Государыни, на новоселье.

За 500 лѣтъ, на этомъ мѣстѣ Св. Митрополитъ Петръ освятилъ новоселье Великаго Князя Іоанна Даниловича. На этомъ же мѣстѣ, въ пятнадцатомъ столѣтіи, Іоаннъ III положилъ основаніе дворцу каменному, и все зданіе было готово не прежде, какъ чрезъ 20 лѣтъ отъ начала постройки. Въ 1508 году В. К. Василій Іоанновичъ перешелъ изъ деревяннаго дворца въ новый, заключавшій въ себѣ Грановитую или большую Золотую Палату, среднюю Золотую, малую Золотую, или Царицыну, и кромѣ того столовую избу и жилыя Царскія хоромы.

Строителемъ дворца Іоанна былъ Алевизъ, уроженецъ Милана. Но по всей уцѣлѣвшей части зданія, мы не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ архитектуры древне-Греческой и Римской. Тамъ составляли главное портики и колоннады; здѣсь, напротивъ, колонны были только опорой сводовъ, а украшеніе зданія составляли террасы—принадлежность вкуса восточнаго. Барельефныя, изсѣченныя изъ камня украшенія были: двуглавые орлы, и кромѣ того левъ, грифъ, орелъ и единорогъ — символы Греческой Имперіи, которые мы видимъ на хранящихся въ Оружейной Палатѣ державѣ, налучникѣ и колчанѣ, и на серебряномъ тронѣ, который мы относимъ ко времени Іоанна III.

Дворецъ Іоанна, обнимавшій собою основной камень Москвы—«*Храмъ Спаса на Бору, что на Царскомъ дворѣ*», въ XVIII столѣтіи пришелъ уже въ ветхость. Императрица Елисавета опредѣлила разобрать его и построить дворецъ новый. Въ то время владычествовалъ Итальянскій вкусъ, и посреди завѣтнаго Кремля соорудилось зданіе, чуждое ему; но не на долго. Императрица Екатерина II намѣрена была пересоздать его.

Digitized by Google

Смѣлый Баженовъ сдѣлалъ модель для предполагавшейся новой постройки *; какъ ни прекрасна архитектура его; но исполнить этотъ проэктъ значило стереть съ лица земли завѣтныя ограды Кремля, подавить всѣ древности его. Проэктъ не состоялся.

Въ 1812 году огонь выжегъ дворецъ, въ которомъ помѣщался Наполеонъ въ бытность свою въ Москвѣ.

Для пріѣзда блаженной памяти Императора Александра Павловича на пепелище Москвы, погорѣвшій дворецъ былъ возобновленъ на-скоро съ *полудеревянной, полукаменной* надстройкой верхняго этажа; но это непрочное послѣ пожара зданіе не могло уже ни поддерживаться долго, ни соотвѣтствовать присутствію Государя Императора въ Москвѣ. Государь Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ строить новый дворецъ, и препоручилъ всѣ распоряженія по этому предмету главному вѣдѣнію Его Свѣтлости Г. Министра Двора, довѣривъ начальствованіе, выборъ строителей и исполненіе Высочайшей мысли Г. Гофмаршалу Л. К. Боде.

Государь Императоръ лично начерталъ свои мысли о созиданіи дворца, съ условіемъ, чтобъ новый дворецъ сродпился съ завѣтными остатками дворца Іоанна III; и чтобъ зданіе, сочетавъ въ себѣ успѣхи современной архитектуры, не вдалось въ современную вычурность.

По Высочайше изложенному желанію, составлены чертежи. Государь ихъ утвердилъ, и построеніе возложено на извѣстнаго художника-архитектора К. Тона, при помощи архитекторовъ Рихтера, Чичагова и Бакарева. И вотъ не болѣе, какъ въ десять лѣтъ, Кремль украсился вновь Золотыми Царскими Палатами.

Посмотрите на необычайные размѣры торжественныхъ залъ: Владимирской, Георгіевской, Александровской и Тронной Андреевской. Георгіевская зала, какъ святилище Св. Георгія, покровителя Москвы, — 85½ арш. длины, 29 арш. ширины, и 24½ вышины, украшена 18-ю столпами, подно-

* Эта модель хранится въ Оружейной Палатѣ.

Digitized by Google

жіями статуй, изображающихъ побѣды Россіи, которыми она очертила и закрѣпила неизмѣримыя границы свои.

Александровская зала, во имя Александра Невскаго, — 44 арш. длины, 29 ширины и 29 вышины. Эта зала, красивѣйшая по отдѣлкѣ, веселая по наружности, отражающая въ зеркалахъ своихъ сама себя и свои украшенія, какъ будто шитыя золотомъ по розовому мрамору: своды и карнизы, гербы и знаки, ордена Александра Невскаго, кажется игрою очаровательной фантазіи, — подходишь къ окну и все Замоскворѣчье съ разнообразными храмами, зданіями, тянется, какъ будто на безконечность.

Тронная, Андреевская зала, во имя Св. Андрея, покровителя Россіи, 68 арш. длины, 29 ширины и 24½ высоты — горитъ золотомъ. Столбы, какъ кованые изъ золота, граненыя пальмы, сочетаясь въ вышинѣ раскинувшимися листьями, образуютъ сводъ, и во всемъ этомъ нѣтъ тягости металла. Въ капителяхъ — знаки ордена; въ украшеніи карнизовъ — гербы областей Россіи; стѣны обтянуты тканью голубой ленты ордена. У южной стѣны золотой Императорскій тронъ, устроенный по подобію Царскаго Мономахова трона, съ кровлей, увѣнчанной короной; надъ тропомъ всевидящее око въ лучахъ.

На мѣстѣ Андреевской залы, на сѣняхъ Іоаннова дворца, былъ нѣкогда соборъ Срѣтенія Господня съ придѣломъ св. Николая.

Всѣ эти залы въ два свѣта. Рисунки паркетовъ, работа золотыхъ дверей съ украшеніями рѣзьбы — необыкновенны.

Вправо отъ Андреевской залы слѣдуетъ кавалергардская; а за ней —

Екатерининская зала, — Тронная Государыни Императрицы, — основана во имя ордена Св. Великомученицы Екатерины, украшенная орденскими знаками, съ девизомъ: «Боже, Царя храни.»

Слѣдуетъ Парадная опочивальня. Ее украшаютъ столбы драгоцѣннаго зеленаго мрамора — монолиты verd-antique. Отсюда, чрезъ боковыя комнаты, выходъ въ коридоръ и зимній садъ.

Digitized by Google

Жилые покои Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ нижнемъ этажѣ, заключаютъ въ себѣ: переднюю, столовую, гостиную, проходную комнату, пріемную Ея Величества, дежурную, камеръ-юнгферскую, уборную Ея Величества, опочивальню, уборную Его Величества, кабинетъ, пріемную и переднюю съ выходомъ къ подъѣзду со стороны Императорской площади въ воротахъ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда были *»царскія, гербовыя, золотыя врата.»*

Не возможно въ краткихъ словахъ описать удобства расположенія, пріютности и великолѣпія жилыхъ Императорскихъ покоевъ. Весь дворецъ требуетъ подробнаго отчета въ своей красотѣ. На ограниченномъ пространствѣ его помѣщенія, занимающаго то же пространство, какъ и древній, вы удивляетесь и необъятной обширности трехъ залъ, и простору, и всѣмъ удобствамъ хозяйственнаго помѣщенія; а главное, той прочности, обдуманности и красотѣ, съ которой все устроено. Дворецъ какъ будто вычеканенъ изъ слитка гранита, разноцвѣтныхъ мраморовъ, золота и драгоцѣнныхъ камней. *В.*

АНГЛІЯ И РОССІЯ.

Праздникъ 9-го Февраля въ Москвѣ.

Время зимнихъ удовольствій столицы, довольно скудныхъ въ этомъ году, подъ конецъ оживилось и всѣ они какъ будто сосредоточились въ одномъ великолѣпномъ, чудномъ праздникѣ, которому Московское общество было изумленнымъ свидѣтелемъ, въ ночь съ 9 на 10 Февраля, въ домѣ у Его Сіятельства Графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Праздникъ, и своею прекрасною мыслію, и художественнымъ характеромъ, и совершенною удачею исполненія, привелъ всѣхъ его видѣвшихъ въ единодушный восторгъ. По единогласному приговору, Москва въ своихъ общественныхъ увеселеніяхъ не запомнитъ подобнаго зрѣлища. Лѣтописи Мо-

Digitized by Google

, сковской пріятно сохранить память объ этой свѣтлой минутѣ, тѣмъ болѣе, что она вся проникнута была живою мыслію.

Праздникъ удался, но какія причины успѣха? Многія: первая — ожиданіе, волновавшее сердца всѣхъ жителей Москвы, и къ сожалѣнію, не сбывшееся; потомъ, добросердечное радушіе хозяйки, которая устроила это веселье, готовность всего избраннаго круга принять въ немъ просвѣщенное, художественное участіе, вкусъ къ изящному, который мало по малу распространяется въ нашемъ обществѣ — и наконецъ мысль праздника, принадлежащая его устроительницѣ. Безъ этой мысли, вся красота и выразительность лицъ, все великолѣпіе, роскошь, разнообразіе, игривость и пестрота одеждъ, всѣ парчи, бархаты, шелковыя ткани, драгоцѣнные соболи, жемчуга, брилліанты, алмазы, яхонты безъ числа, не слились бы въ одно дивное цѣлое, не произвели бы того полнаго впечатлѣнія, какое осталось на душѣ зрителей.

Въ наше время, въ образованной Европѣ, есть два великія государства, которыя могутъ понимать другъ друга въ своей непоколебимой и самостоятельной народности. Они оба остаются вѣрны мудрымъ началамъ своего политическаго устройства, оба вѣрятъ въ успѣхъ человѣческаго образованія и никакъ не думаютъ, чтобы можно было его достигнуть путемъ насилія, безначалія и крови. Оба, въ большинствѣ массы народа, уважаютъ свою исторію, свои отечественныя преданія, свою вѣру, законы, нравы и обычаи. Оба равно огромны, и какъ будто раздѣлили между собою планету на сушѣ и на водахъ: одно царица твердой земли, другое царица моря. Эти государства Россія и Англія.

Прекрасно было въ праздникѣ осуществить эту мысль, представить ее въ живыхъ образахъ, въ характерныхъ лицахъ, въ безконечномъ разнообразіи самыхъ живописныхъ и богатѣйшихъ нарядовъ. Для того чтобы изобразить Англію, выбранъ былъ дворъ Елисаветы, какъ представилъ его Вальтеръ-Скоттъ въ своемъ Кенильвортскомъ замкѣ. Россія же была

Digitized by Google

олицетворена во всемъ величіи и красотѣ своихъ древне-Русскихъ и теперешнихъ народныхъ одеждъ, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ по мѣстностямъ, областямъ и племенамъ. Русское шествіе представляло намеки на исторію и географію Россіи, на движеніе столицъ, на постепенное возникновеніе и присоединеніе княжествъ, городовъ, царствъ, на все многовѣковое возрастаніе исполинскаго народа и Государства.

Отъ общей мысли праздника перейдемъ къ ея исполненію, и постараемся, чтобы всѣ его образы прошли въ памяти нашей, какъ они проходили на яву. Припомнить все трудно и невозможно: сдѣлаемъ что̀ по силамъ.

Съ девяти часовъ вечера стали наполняться гостями ярко освѣщенныя залы Генералъ-губернаторскаго дома. До тысячи гостей вмѣстилось въ нихъ. Всѣ нетерпѣливо ожидали зрѣлища. Оно готовилось въ теченіе всего Января мѣсяца и составляло главный предметъ толковъ и пересудовъ свѣта. Устроить всякое дѣло общими силами довольно трудно, и даже веселье.

Москва всегда подавала примѣръ въ благотворительности. Ея милостыня не оскудѣваетъ. Она недавно доказала это богатыми приношеніями въ пользу сиротъ холерныхъ. Москвѣ, непрерывно благотворящей, можно иногда и повеселиться. Торговля оживлялась. Магазины и лавки не наготовлялись товару. Фабрики приходили въ дѣятельность. Заработная плата умножалась. Портные и другіе ремесленники не находили времени. Около богатѣющаго купца, около довольнаго ремесленника, сытнѣе былъ и бѣдный. Признано экономами за лучшее средство благотворенія народу и обществу, возбуждать трудъ, дѣятельность, давать поводъ къ работѣ. Всякое сильное движеніе въ торговлѣ, обращается въ пользу всѣмъ и дойдетъ непремѣнно до тѣхъ, которые нуждаются.

Но какъ же обществу не подвергнуться осужденіямъ за стремленіе къ удовольствіямъ, когда оно подвергается ему даже и за стремленіе къ благотворительности, будто бы производящей произвольную нищету, любовь къ праздности и ложную бѣдность?

Digitized by Google

Кончимъ эти размышленія — и перенесемся въ залы, наполненныя гостями, которые ждутъ того, о чемъ давно и столько говорили. Вотъ музыка заиграла: God save the queen. Идетъ Королева Англіи съ блистательнымъ дворомъ своимъ. Впереди шли тридцать четыре пары кавалеровъ и дамъ двора Елисаветы. Брилліанты, жемчугъ, серебро и золото, блистали по бархату разноцвѣтныхъ мантій, которыя спадали съ плеча мужскаго. Бѣлый шелкъ превращалъ въ лоснистый живой мраморъ, пластическую красоту ноги, что̀ составляло особенное отличіе этой одежды. Перья развѣвались съ бархатныхъ токовъ. Нерѣдко разнообразная физіогномія Русская приходилась и по западной одеждѣ. Дамы, въ длинныхъ робахъ XVI вѣка, въ пышныхъ кружевныхъ и блондовыхъ фрезахъ, во Французскихъ шапочкахъ съ буклями, сіяли шелкомъ и бархатомъ разноцвѣтныхъ тканей, драгоцѣнными каменьями, но всего болѣе Русскою красотою. Это была одна половина цвѣта новаго поколѣнія, выпадшая на долю Англіи; другая отдана Россіи. Милые пажики, въ голубомъ нарядѣ, цвѣтущіе дѣтскою прелестью, шли передъ Королевою, и вотъ явилась она, давно желанная, въ той одеждѣ, о которой ходили по Москвѣ баснословныя вѣсти. Сокровища Голконды свѣтились на ней — и по темнокоричневому бархату робы гербъ Великобританіи разсыпался золотыми звѣздами. Это была помолодѣвшая Елисавета. На ней сіяло все богатство, достойное Англіи, а надъ нимъ все величество красоты Русской. При ней былъ пышный, великолѣпный, стройный Графъ Лейчестеръ. За нею слѣдовалъ Сюссексъ, достойный кисти художника по внѣшнему виду, по отчетливости и вкусу его костюма. Съ нимъ рядомъ шелъ Ралей, мрачною одеждой болѣе походившій на мелáнхолика, на мыслящаго Гáмлета чѣмъ на того живаго и ловкаго Ралея, который сбросилъ съ плеча свой яркій плащъ на грязное мѣсто, гдѣ шла Елисавета, чтобы угодить Королевѣ и обнаружить съ тѣмъ вмѣстѣ всю стройность своего стана. Шествіе замыкалось группою придворныхъ дамъ Королевы.

Когда Англичане протанцовали экоссезъ, музыка заиграла скоро Русскій маршъ изъ Жизни за Царя, и всѣ узнали,

Digitized by Google

что двинулось Русское шествіе. Нетерпѣніе ожиданія возрасло въ зрителяхъ. Вотъ показались и наши; вотъ, передъ Русскими въ Нѣмецкихъ платьяхъ, явилась въ очію, въ своей народной одеждѣ, наша древняя и новая Россія.

Двое Рындъ открывали царственное ея шествіе. Они были въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, въ бѣлыхъ атласныхъ платьяхъ съ золотыми цѣпями; сами, красотой юношескаго лица, напоминали выраженіе, заимствованное Карамзинымъ у иностранныхъ писателей, которые, видя Рындъ у трона Царей нашихъ, находили въ нихъ подобіе небесныхъ Ангеловъ.

За рындами шелъ Варяго-Русскій Витязь въ полномъ вооруженіи. Его колоссальный видъ намекалъ на тѣхъ Варяго-Руссовъ, которые открыли шествіе Русской Исторіи. Исполинскій ростъ и строй тѣла были закованы въ желѣзныя латы, изъ-подъ которыхъ виднѣлась кольчуга на Русскомъ кафтанѣ. Копье въ одной рукѣ и щитъ въ другой. Остроконечный шишакъ вѣнчалъ голову. При этомъ видѣніи такъ и снились времена Святослава и Владиміра. Казалось, самъ богатырь Добрыня Никитичъ изъ древней сказки выступалъ передъ нами, живой, — и мы кстати переносились въ Кіевъ, и въ гридницу свѣтлую Князя Владиміра краснаго-солнышка, и слышалась намъ издалека древняя Русская пѣсня о немъ и о богатыряхъ его.

И вотъ шли за Витяземъ двое Гридней, двое Отроковъ Княжескихъ, прекрасныхъ и цвѣтущихъ: одинъ, въ парчевомъ кафтанѣ, напоминалъ лицомъ племя Грузіи; другой въ бархатномъ, съ золотыми петлицами, миловиднымъ личикомъ и свѣтлыми черными глазками, напоминалъ красоту своей Русской матери.

А вотъ за гриднями, и самъ Кіевъ, открывалъ шествіе Русскихъ паръ, изображавшихъ нашу Исторію, города и народы. Ему въ столицахъ, Исторія сама дала первое мѣсто. Его древнія пѣсни народныя всегда величали *стольнымъ городомъ*. Его сама лѣтопись назвала *матерью городовъ Русскихъ*.

Digitized by Google

Великолѣпная Малороссійская одежда сановитой Кіевской Боярыни и бархатный охабень на распашку Боярина съ драгоцѣннымъ отложнымъ воротникомъ, на золотномъ зипунѣ съ жемчужными пуговицами, и воротникъ рубашки съ драгоцѣннымъ ожерельемъ: все было кстати, чтобы напомнить о той столицѣ, которой пиры славитъ пѣсня и лѣтопись, которой богатствомъ хвалился Святославъ Кіевскій передъ Нѣмцами и которое изумило восточнаго Батыя.

За Кіевомъ шелъ Владиміръ—вторая столица Великаго Княженія, переходная къ Москвѣ. Онъ былъ достойно представленъ мужественною выразительностью типа чисто Русскаго на лицѣ мужчины и очаровательной красотою Боярыни Княгини. Бархатная малиновая ферязь съ золотыми петлицами на золотномъ зипунѣ, изъ-подъ котораго виднѣлась красная рубаха, облекала величавый станъ Боярина. Золотой парчевой сарафанъ съ малиновый бархатной душегрѣйкою, брилліантовая повязка съ прозрачною, отлетавшей своенравно, фатою, такъ хорошо приходились къ нѣжной красотѣ нашего добраго сѣвера.

За Владиміромъ шествовала въ порядкѣ Исторіи Москва — первопрестольная столица Царства и Царей Русскихъ. Боярыня Княгиня, ее представлявшая, глубокою думой яснаго лица своего изображала лучшія свойства Москвы: мысль, чувство и душу. Великолѣпная одежда Боярина, его парчевая шуба съ соболями, его зипунъ съ брилліантовыми застежками и кушакомъ, его шапка вся въ драгоцѣнныхъ камняхъ, жезлъ въ рукѣ, задумчивая и важная физіогномія, сѣдовласая окладистая борода, степенная поступь и историческое имя, напоминавшее намъ Москву двѣнадцатаго года— все, все соединялось здѣсь, чтобы достойно представить нашу древнюю столицу.

За нею слѣдовалъ Петербургъ. Живой, веселый, рѣзвый, легкій, блестящій городъ Невы выпалъ на долю той, которая сама, во всемъ блескѣ весенней юности, только что прилетѣла оттуда въ нѣжныя объятія нетерпѣливыхъ родителей. Все на ней было пышно, свѣжо, блистательно, но

Digitized by Google

все на гостьѣ Москвы принимало уже Русскій характеръ. Это былъ какой-то переходъ отъ Русской одежды къ западной, это было какое-то недаромъ придуманное сближеніе. Одежда Боярина не уступала великолѣпіемъ одеждѣ Московской. По золоту парчи на шубѣ разсѣяны были шелковыя розы, какъ будто въ знакъ тѣхъ розъ, которыми усѣяна роскошная жизнь нашей сѣверной Пальмиры. Лицомъ Боринъ былъ молодъ, какъ столица, которую онъ представлялъ. Отсутствіе бороды имѣло также значеніе. Имя напоминало славный родъ въ женскомъ колѣнѣ Того, Кѣмъ основана наша юная столица. Но отъ чего же Петербургъ явился у насъ въ древне-Русской одеждѣ? Отъ чего не въ Нѣмецкомъ кафтанѣ начала XVIII вѣка? Отъ того, что мы въ Москвѣ любимъ знать и видѣть его какъ Русскій городъ; отъ того, что онъ намъ приходится по̀ сердцу, по мѣрѣ того какъ самъ русѣетъ и сближается съ жизнію Россіи; отъ того, что хотя мы и называемъ его иностраннымъ именемъ, а признаёмъ Петровымъ городомъ.

За столицами шли города́. Порядокъ ихъ назначался Исторіей. Впереди тѣ два го́рода, гдѣ общинное древне-Славянское устройство оставалось долго, безъ того-соединяющаго начала, которымъ только могли возникнуть Княженія, какъ члены великаго Царства, а потомъ и самое Царство, два го́рода, очевидныя доказательства того, что предки наши еще въ 862 году разумнѣе сознавали положительные законы государственнаго устройства, чѣмъ созна̀ли это просвѣщенные народы Запада въ 1848 году. Тутъ было мѣсто Новгороду, не могшему сдѣлаться столицею, и за нимъ Искову, его меньшому брату. За тѣмъ шли древніе наши города, бывшіе Княженіями, по мѣрѣ ихъ возникновенія въ нашей Исторіи; за ними Царства, за ними города младшіе; за ними области по мѣрѣ ихъ присоединенія и возрастанія Государства. Не всѣ города, не всѣ области, не всѣ племена прислали своихъ представителей; но кто же исчислитъ ихъ и исчерпаетъ въ безконечномъ Русскомъ Царствѣ?

Въ городахъ одежда Боярская мѣшалась съ одеждою другихъ сословій, между которыми, благодаря Богу, Царямъ

Digitized by Google

и духу нашего народа, нѣтъ и не бывало никогда такого враждебнаго раздѣленія, какое губило и губитъ Западъ.

На Новгорожанкѣ была блистательная корона дѣвъ и женъ Бѣлозерскихъ, снятая съ образца чрезвычайно вѣрно, и бархатная шубейка какой-нибудь знатной посадницы. Новгорожанинъ походилъ на Новгородскаго гостя. Псковъ былъ представленъ щеголемъ посадскимъ человѣкомъ: черный бархатный кафтанъ его, подпоясанный цвѣтнымъ кушакомъ, и шляпа, перевитая лентами, такъ показывали. Легкій бѣлый суконный зипунъ на распашку, шитый золотомъ, красная рубашка, золотой поясокъ, свободно повисшій, бѣлая легкая шапка мурмолка съ золотыми петличками на русыхъ кудряхъ, оттѣнявшихъ румяное живое лицо: все это было очень красиво и живописно на Смольянинѣ. Рязанское княженіе изображалось Княземъ-Бояриномъ въ богатой бархатной однорядкѣ.

Сановитый Тверитянинъ въ яркопунцовомъ становомъ кафтанѣ; такой же Костромичь въ глазетовомъ; Архангелогородецъ въ зипунѣ, чрезвычайно вѣрномъ русунку въ сочиненіи Висковатого; Казанецъ въ чалмѣ и восточной одеждѣ; Воронежскій дворянинъ въ кафтанѣ, будто вылитомъ изъ золота; Царскій Сокольничій, по рисунку Солнцева; Тамбовскій Дворянинъ, съ чертами Русскаго Сѣвера; Пензенскій Жилецъ, и другіе, были всѣ разнообразно красивы.

Мужской полъ, согласно народному обычаю. въ противность западному, шелъ по правую сторону и подавалъ свою руку прекрасному полу.

Но гдѣ же найти перо, чтобы описать женскій нарядъ, который такъ разнообразно блисталъ и красовался на цвѣтущей половинѣ женской, занимавшей лѣвую сторону? Смотря на эти сарафаны, душегрѣйки, тѣлогрѣйки, шубейки, паневы, фаты, смотря на эти кокошники, снизки, повязки, кички, вѣнцы, блиставшіе жемчугомъ и каменьями, невольно говорилось въ душѣ: мила красота Русская во всѣхъ нарядахъ, какъ душенька, но еще милѣе въ своемъ народномъ. При

Digitized by Google

видѣ пышнаго убранства Русскихъ женъ и дѣвъ, припоминались стихи Пушкина:

Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

Все было прекрасно, но иное отличалось мастерскимъ исполненіемъ. Такъ, напримѣръ, сарафанъ и кокошникъ Калужской губерніи были просто художественнымъ произведеніемъ, приносившимъ честь вкусу той, которая занялась такъ старательно своимъ нарядомъ и соблюла всю вѣрность мѣстности. Узоры на рисункѣ кокошника какъ будто проводила рука живописца.

Тоже слѣдуетъ сказать и о двухъ нарядахъ, Рязанскомъ и Тамбовскомъ, которые были обдуманы съ удивительной точностію, съ художественнымъ вкусомъ и съ особенной любовью ко всѣмъ прихотямъ нашей народной одежды. Исполнить это было можно, потому что въ художественномъ училищѣ есть образцы, съ которыхъ нарядъ точно скопированъ. Онъ богатъ, пышенъ, роскошенъ, но тотъ же по формѣ и малѣйшимъ подробностямъ. Такой нарядъ вѣдь цѣлая поэма или по крайней мѣрѣ, картина, которую надобно тщательно отдѣлать. Бѣлизна Русскаго лица, голубые глаза и томное выраженіе, исполненное нѣжной прелести, при немъ еще болѣе выдавались. Нельзя не припомнить также особой формы остроконечнаго кокошника Галицкихъ женъ, который блисталъ на Костромитянкѣ. Но какая же память возьмется назвать все прекрасное и замѣчательное, что̀ было тутъ? Неописанно плѣнителенъ былъ Воронежъ, очарователенъ Архангельскъ, цвѣтущъ Саратовъ, милы Симбирскъ и Тула, и всѣ прекрасны, потому что во всѣхъ и цвѣла, и сіяла, и дышала наша чудная Россія. Сарафанъ служилъ общею одеждою для всѣхъ тѣхъ, которыя не могли достать образца болѣе мѣстнаго. Гербы на плечахъ, въ видѣ украшенія, означали губернію. Жаль, очень жаль, что нѣтъ у насъ при Училищѣ живописи полнаго собранья мѣстныхъ одеждъ народныхъ. Члены Обще-

Digitized by Google

ства имѣли благое намѣреніе это устроить, но оно цока еще не исполнилось.

Разнообразіе мѣстностей у насъ всего болѣе выражается женскою одеждой. Жена домосѣдка въ простонародномъ быту остается ей вѣрна. Въ мужской же одеждѣ гораздо меньше разнообразія. Должно думать, что въ древнія времена одежда женщинъ низшаго сословія нисколько не разнилась по формѣ отъ одежды сословія высшаго, за исключеніемъ богатства тканей и другихъ украшеній. Боярыня Рязани одѣвалась, конечно, точно по тому же покрою, какъ и крестьянка.

За Малороссійскими губерніями слѣдовали Остзейскія. Ливонскій рыцарь, весь закованный въ желѣзо, съ пунцовымъ шарфомъ черезъ плечо, со щитомъ, изображавшимъ гербы трехъ губерній, въ шлемѣ, съ котораго развѣвались бѣлыя строусовыя перья, самъ статный, высокій и красивый мужчина, не Русскаго плотнаго, но воздушнаго Германскаго стана, изображалъ историческое происхожденіе высшаго сословія, покорно и разумно признавшаго власть Россіи. За нимъ слѣдовала чета Эстонцевъ. Особенно мила, и видомъ и игривымъ нарядомъ, была живая Эстонка. Волшебно-прекрасна, воздушна, своенравна Польша въ своей легкой Славянской, по убору головы мужеподобной одеждѣ. Ловкій и красивый Полякъ былъ ея кавалеромъ. Бѣлоруссія, Крымъ шли по порядку. Послѣдній изображенъ Греческимъ костюмомъ, указывая на древнѣйшее, болѣе образованное населеніе этой Греческой колоніи. Грузія счастливо представлена прекрасной четой, въ великолѣпныхъ Грузинскихъ одеждахъ. Князь Имеретинскій списанъ съ настоящаго рисунка. Мингрелію олицетворялъ красавецъ горнаго Востока. Чета Черкесская шла за ними. Середи этихъ воинственныхъ, вооруженныхъ племенъ Азіи, бросалась въ глаза мирная, добрая чета сѣверныхъ Финновъ, въ ихъ живописной и красивой одеждѣ. Великолѣпна была Шемаха въ богатомъ нарядѣ Персіи. Какъ шла борода къ Персіанину и какія драгоцѣнныя оплечья огибали бархатъ восточнаго кафтана. Не одинъ агатъ, по выраженью Пущ-

Digitized by Google

нарядовъ Англіи, на изящныхъ образахъ древней Руси, вспомнить наше великое былое, полюбоваться на него. Счастливъ народъ, у котораго мирны веселья и возможны праздники свѣтлые. Кого намъ благодарить за то? Во-первыхъ Провидѣніе, во-вторыхъ Того, Который правитъ Россіею, который стоитъ недреманнымъ стражемъ у бурныхъ движеній Европы, и одною рукой поводя воинственныя силы Отечества, грозитъ взволнованному морю Европы, чтобы не коснулось нашихъ предѣловъ, а другою охраняетъ нашу необъятную, нашу безконечную Россію.

Февраля 11.

P. S. Присоединяемъ списки лицъ, участвовавшихъ въ Англійскомъ и Русскомъ шествіи.

I.

Порядокъ, въ которомъ слѣдовали лица, представлявшія дворъ Королевы Елисаветы, изъ романа Кенильвортъ.

ДВОРЪ КОРОЛЕВЫ.

Кн. А. Ѳ. Волконская.
А. П. Мартынова.
Е. А. Акинфова.
Е. А. Дашкова.
Кн. Е. С. Мещерская.
М. А. Ребиндеръ.
Кн. Е. Н. Абамелекъ.
Е. А. Васильчикова.
Е. А. Дюклу.
Кн. А. А. Долгорукая.
Н. Я. Теплова.
Е. И. Болдырева.
Н. И. Писарева.
Е. К. Сафонова.
С. И. Рахманова.
Е. А. Хлопова.

Кн. А. Д. Абамелекъ.
Кн. В. А. Волконскій.
Баронъ Л. Л. Боде.
А. И. Даниловъ.
П. И. Базилевскій.
Кн. М. Б. Черкасскій.
Н. Н. Волковъ.
Н. С. Римскій-Корсаковъ.
А. М. Салтыковъ.
И. С. Пашковъ.
А. Д. Сталыпинъ.
Н. Н. Бабарыкинъ.
Н. Д. Масловъ.
А. Д. Шелиховъ.
Л. Н. Волковъ.
П. А. Хлоповъ.

Digitized by Google

П. А. Козлова.	А. А. Турчаниновъ.
Н. Н. Пушкина.	Б. М. Маркевичъ.
Ѳ. М. Савина.	И. В. Кошелевъ.
А. И. Аникѣева.	П. А. Жихаревъ.
С. В. Ладомірская.	В. Ѳ. Самаринъ.
Е. А. Черткова.	Г. А. Чертковъ.
Н. А. Ивинская.	А. А. Дурново.
Н. Н. Васильчикова.	Н. А. Жихаревъ.
А. П. Неболсина.	В. А. Бонлярлярской.
Т. Г. Орфано.	П. А. Скуратовъ.
Е. Д. Хрущова.	Н. П. Денисьевъ.
В. А. Богдановская.	В. В. Зубковъ.
Кн. М. А. Львова.	Кн. А. А. Салтыковъ.
Л. Н. Ховрина.	А. Ѳ. Панютинъ.
П. В. Зубкова.	Кн. М. М. Долгорукой.
М. А. Хлопова.	А. Н. Тиньковъ.
С. А. Олсуфьева.	В. А. Олсуфьевъ.
Кн. А. В. Голицына.	Н. А. Бахметевъ.

ПАЖИ.

В. И. и	Л. И. Лужины.
А. С. Мельгуновъ.	А. А. Талызинъ.
Князья: Г. О. и	П. О. Грузинскіе.

Королева Елисавета и Графъ Лейчестеръ.

Графиня Н. А. Орлова-Денисова и Князь В. Б. Четвертинскій.

СВИТА КОРОЛЕВЫ.

С. М. Сухотинъ.	Н. П. Ермоловъ.
(Сюссексъ)	(Ралей)

Н. А. Назимова. — С. А. Пономарева. — Н. К. Аверкіева. — М. А. Талызина. — Графиня В. П. Толстая. — Баронесса М. Л. Боде. — Е. П. Ермолова. — М. А. и О. А. Могилевскія.

Digitized by Google

II.

Порядокъ, въ какомъ слѣдовали лица, представлявшія столицы, города, области и народы Русской Имперіи.

ДВОЕ РЫНДЪ.
А. А. Кирѣевъ и А. С. Кирѣевскій.

ВИТЯЗЬ ВАРЯГО-РУССКІЙ.
(ДОБРЫНЯ)
Н. М. Дашковъ.

ДВОЕ КНЯЖЕСКИХЪ ОТРОКОВЪ.
Кн. П. О. Грузинскій и Н. С. Киселевъ.

КІЕВЪ.
С. Н. Козакова и М. А Писаревъ.

ВЛАДИМИРЪ.
Княгиня Н. В. Оболенская и М. А. Волковъ.

МОСКВА.
Княгиня С. В. Мещерская и Графъ А. Ѳ. Ростопчинъ

С.ПЕТЕРБУРГЪ.
Графиня Л. А. Нессельродъ и С. К. Нарышкинъ.

НОВГОРОДЪ.
А. И. Пашкова и В. К. Рѣшетовъ.

ПСКОВЪ
Е Д. Хрущова и М. А. Квицинскій.

СМОЛЕНСКЪ.
М. А. Лачинова и Н. А. Мамоновъ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Е. Ф. Денисьева и И. М. Мацневъ.

РЯЗАНЬ.
Баронесса М. Ѳ. Розенъ и Князь М. Б. Черкасскій.

КУРСКЪ.
Е. Н. Хитрово и К. Н. Хитрово.

ТВЕРЬ.
В. Н. Берингъ и Н. Н. Гордѣевъ.

Digitized by Google

КОСТРОМА.

М. Д. Черевина и А. Ѳ. Ладыженскій.

НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ.

Княжна Е. С. Горчакова и П. А. Коробьинъ.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.

П. Н. Рахманова и Ѳ. П. Корниловъ.

КАЗАНСКОЕ ЦАРСТВО.

Княжна Л. Н. Гагарина и Н. И. Тарасенко-Отрешковъ.

АСТРАХАНСКОЕ ЦАРСТВО.

Княгиня А. Н. Гагарина и П. С. Киселевъ.

ТУЛА.

Н. К. Сафонова и Князь С. П. Вадбольскій.

КАЛУГА.

М. А. Новосильцова и Князь Е. О. Грузинскій.

ОРЕЛЪ.

Е. С. Стрекалова и Н. Ѳ. Крузе.

ВОРОНЕЖЪ.

С. В. Толстая и С. С. Смирновъ.

СИМБИРСКЪ,

С. П. Бестужева и О. Д. Шеппингъ.

САРАТОВЪ.

Княжна Е. Н. Голицына и В. Г. Высотскій (Сокольничій).

ПЕНЗА.

А. П. Демидова и И. А. Веловзоръ.

ТАМБОВЪ.

Княгиня А. Д. Оболенская и В. Б. Казаковъ.

НОВОЧЕРКАСКЪ.

Княжна В. И. Грузинская и Князь В. Н. Гагаринъ.

ПОЛТАВА.

Княжна П. Д. Хилкова и С. И. Деспотъ-Зеновичъ.

ХАРЬКОВЪ.

Л. А. Хрущова и Д. Н. Батюшковъ.

Digitized by Google

ОСТЗЕЙСКІЯ ГУБЕРНІИ.
(Ливонскій Рыцарь.)
Л. И. Тарасенко-Отрѣшковъ.

ЭСТЫ.
Е. Г. Гежелинская и Н. С. Кологривовъ.

ВИТЕБСКЪ (БѢЛОРУССІЯ).
Княжна В. Д. Хилкова и И. А. Мамоновъ.

КРЫМЪ.
Ю. Д. Давыдова и В. Д. Шлыковъ.

ПОЛЬША.
Княгиня Н. Б. Шаховская и Князь С. А. Оболенскій.

ГРУЗІЯ.
А. А. Калачева и В. В. Калачевъ.

ИМЕРЕТІЯ.
Е. П. Безобразова и С. Н. Мыкыртычьянцъ.

МИНГРЕЛІЯ.
М. М. Міансаріанъ.

КАРАБАХЪ И ШИРВАНЪ.
Княгиня О. Н. Четвертинская и С. П. Сушковъ.

ФИНЛЯНДІЯ.
Княжна О. С. Горчакова и А. В. Панинъ.

ШЕМАХА.
Княжна Е. Н. Трубецкая и Н. Ѳ. Самаринъ.

ДЕРБЕНТЪ.
А. С. Цурикова и Ѳ. В. Алябьевъ.

ЕРМАКЪ,
Покоритель Царства Сибирскаго.
А. Е. Мерлинъ.

За нимъ дикія племена Сибири.

Digitized by Google

РУССКОЕ ЦАРСТВО ВЪ ЛИЦАХЪ.

Посреди образованныхъ гражданственныхъ обществъ, не много теперь острововъ, гдѣ празднуются миръ и довольствіе: Швеція, Англія, вокругъ которой клокочутъ волны океана, и Русская твердь, за гранитными предѣлами которой взволновались народы, взмелись какъ волны, пѣнятся, хотятъ раздробиться на капли, каждая думаетъ выбиться изъ береговъ, отразить въ себѣ солнце, и — напрасно: всѣ опадаютъ въ ту же пучину, въ тѣ же завѣтные берега, которыхъ предѣлъ измѣняетъ только время.

Будни и праздникъ — мудрыя условія общественной жизни, условія каждаго благаго, какъ самый міръ, дѣла. Простая истина: безъ *буденъ* * нѣтъ праздника. Праздникъ есть плодъ довольствія, пріобрѣтаемаго только трудомъ, заданнымъ человѣчеству предвѣчнымъ закономъ міротворенія. Гдѣ стройная жизнь организма нарушена, мысль не управляетъ имъ, цѣли жизни потеряны, надежды погублены, тамъ нѣтъ праздника, и не думаемъ, чтобъ на карнавалахъ, нѣкогда безумно-веселыхъ, раздавались теперь радостные клики: — какіе карнавалы посреди разгрома? Это болѣзненное состояніе западной Европы, болѣе нежели когда-нибудь, внушаетъ въ насъ благодарное чувство къ Провидѣнію, охраняющему міръ нашего духа и здравіе нашего тѣла.

Мы встрѣтили нашу Русскую масляницу по обычаю, провели весело отъ души, и слагая съ себя праздничную одежду, благоговѣйно встрѣчаемъ наступающіе дни смиренія и раскаянія въ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ.

Не собственно къ торжеству масляницы готовилось великолѣпное Русское празднество, но въ надеждѣ пріѣзда всегда РАДОСТНО ОЖИДАЕМАГО Москвой.

Никогда еще Москва не порадовалась такъ на праздникѣ масляницы обычнымъ *ряженьемъ*, какъ въ эту ма-

---

* По-Санскр. *Будх-дина* — день ученія, труда, промысла.

Digitized by Google

сляницу, въ домѣ Градоначальника своего, Графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Москва нарядилась въ прадѣдовскую, богатую, великолѣпную одежду, — и какъ это было къ лицу, по сердцу ей!

Тысячи гостей собрались въ домъ — скажемъ по-Русски, по старинному, — въ домъ Московскаго Посадника и Воеводы. Все встрѣчено радушіемъ и привѣтомъ хозяина и хозяйки; все ждетъ чего-то; и вотъ, является первоначально великолѣпный дворъ Англійской королевы Елизаветы. Представительница Елизаветы была истинной Царицей морей. Пѣнистый жемчугъ, бриллiантовые брызги, напитавшіеся лучами свѣта, озаряли ея очаровательную наружность. Одно было не согласно съ исторической вѣрностью: настоящая Елизавета не составила бы дворъ свой изъ красавицъ: она боялась бы въ себѣ чувства соперничества.

Въ слѣдъ за дворомъ Елизаветы въ лицахъ, — явилось въ лицахъ все Русское Царство; каждая пара была представительницею областей и племенъ Россіи. Это явленіе было верхъ очарованія. Въ первый разъ древняя Русская одежда, устроенная по вѣрнымъ рисункамъ, усовершенствованная вкусомъ времени, *показала себя*, не просто костюмомъ маскарадным, но всей своей красотой, всѣмъ разнообразіемъ, отъ великолѣпія до щеголеватой простоты, удобства и соотвѣтственности. Она такъ хорошо *пристала* къ Русскимъ красавицамъ, что не налюбуешься на нихъ, не нарадуешься. И нельзя не любить: свое, родное! *В.*

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЗНАЧЕНІИ РУССКОЙ ОДЕЖДЫ ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ.

Никогда Русская одежда, мужская и женская, не являлась въ такомъ-блистательномъ, великолѣпномъ изящномъ видѣ, какъ 9-го Февраля, на вечерѣ у Графа А. А. Закревскаго.

Въ рисункахъ Солнцева, Каменскаго, Чернецовыхъ, Свиньина, и другихъ нашихъ путешественниковъ, художниковъ нельзя было не любоваться ею, но восхититься можно было только тогда, какъ Русскій духъ *въ очью совершился*, какъ нарядились по-Русски наши красныя дѣвицы, наши добрые молодцы, какъ явились передъ нашими глазами въ дѣдовскихъ кафтанахъ степенные бояре и величавыя боярыни. Что за прелесть, что за пышность, что за разнообразіе, что за красота, что за поэзія! Въ какой прахъ падаютъ, какому справедливому презрѣнію подвергаются предъ нею всѣ Европейскіе костюмы, древніе, средніе и новые, даже до послѣдняго ихъ явленія — самаго моднаго фрака, сшитаго на Кузнецкомъ мосту, «Нѣмецкимъ портнымъ изъ Петербурга,» какъ хвастаютъ Московскія вывѣски....

Разсмотрите Русскую одежду съ какой вамъ угодно стороны. Начнемъ, напримѣръ, со стороны *значенія*, *смысла*, *характерности*. Не сознаетесь ли вы, что нарядъ дѣвицы, женщины, юноши, пожилаго человѣка, рѣзко, явственно у насъ отличается, и что съ перваго взгляда всѣхъ ихъ разпознать легко? Сколько невинности, скромности, кротости, граціи, выражается одеждой дѣвичьей! А красота во второмъ своемъ фазѣ, красота замужней женщины, со всѣми ея прелестными формами, какъ выгодно выставляется въ Русскомъ, особенномъ ея убранствѣ! Отвагу, энергію, живость юноши, какъ характеризуетъ этотъ легкій, коротенькій зипунъ, съ узкими рукавами, при открытой шеѣ! Сколько важности, степенности, величія въ одѣяніи старческомъ! У Европейцевъ этихъ различій не существуетъ: одинакой фракъ и одинакое круглое платье для всѣхъ возрастовъ!

И такъ Русская одежда *умнѣе*, — вотъ первое наше заключеніе.

Digitized by Google

Теперь скажемъ объ ней нѣсколько словъ въ отношеніи къ ея улучшеніямъ, къ ея будущности. Она можетъ украшаться, измѣняться, совершенствоваться, до безконечности, оставаясь однако же собою. Во-первыхъ вы можете употреблять на нее какія угодно матеріи — бумажныя, шерстяныя, шелковыя, бархатъ, парчу; во-вторыхъ вы можете пользоваться всѣми цвѣтами, отъ небесной лазури до полевой зелени. Вы можете строчить, вышивать ее всякими шерстями, шелками, серебромъ, золотомъ; объ узорахъ, разводахъ и говорить нечего, на рукавахъ, на полахъ, по краямъ, на сколько станетъ воображенія.*

А какъ легко и удобно употребить здѣсь кисти, бахромы, каймы, галуны, позументы, блестки, запонки, пуговицы,** — серебряныя, золоченыя, вороненыя, подъ чернью, съ эмалью, изъ драгоцѣнныхъ и искуственныхъ камней. Что можно сдѣлать съ кушаками и поясами, съ ихъ длиною, шириною, концами, узлами, петлями. Все сказанное относится одинаково къ сарафану и къ кафтану.

А что сдѣлаете вы изъ фрака? Какъ ни ломаютъ себѣ голову наши заморскіе артисты и артистки, — и поуже, и пошире, и покороче, и подлиннѣе, — нѣтъ, не выходитъ ничего, кромѣ такой нелѣпой, мизерабильной фигуры, для которой есть слова и имена только у Гоголя.

И такъ Русская одежда способнѣе *для украшеній и улучшеній*, — вотъ второе наше заключеніе.

Вмѣсто доказательствъ о *разнообразіи* довольно мнѣ исчислить, хотя вкратцѣ, наши названія:

Кафтаны, однорядки, плащи, епанчи, платна, опашни, ферязи, полушубки, зипуны, полукафтанья, поддѣвки, сарафаны, тѣлогрѣйки, шубки, шубейки, душегрѣйки, и пр. и пр.

---

* Напомнимъ ихъ древнія имена по выходамъ Царскимъ Строева: городы, деревца, копыты, короны, косы, кречатье перо, круги, кубы, кустики, листы, лучи, люди, облачка, птички, репьи, рѣки, струи, травы, цвѣты, челночки, черепки, чешуя, шахматы, и проч.

** Въ моемъ музеѣ есть до ста древнихъ формъ пуговицъ, а новое искусство увеличитъ ихъ легко до тысячи.

Digitized by Google

О живописности — спросите у художниковъ, какъ они мучатся, когда имъ надо бываетъ писать картину, или, еще болѣе, взять статую въ Европейской одеждѣ, къ какимъ хитростямъ прибѣгаютъ, чтобъ какъ-нибудь пособить ея безобразію! Попытайтесь вообразить себѣ статую, напримѣръ, во фракѣ. И тутъ уже отвѣчаютъ за все про все Греки, которые даже нашему Нижегородскому посадскому человѣку Минину удѣлили тогу изъ своихъ запасныхъ магазиновъ, хоть его кафтановъ, вѣроятно, досталось въ роду поколѣнія на три.

И такъ Русская одежда *разнообразнѣе и живописнѣе* Европейской, — наше третье и четвертое заключеніе.

А соотвѣтствуетъ ли Русская одежда климату — это одно изъ важнѣйшихъ условій одежды?

На этотъ вопросъ пусть отвѣчаетъ вамъ сперва нашъ франтъ, который въ 30 градусовъ мороза развозитъ визиты въ круглой шелковой шляпѣ,—наша модная дѣвица, которая, опасаясь измять свою прическу или наколку, ѣдетъ пять верстъ на балъ съ непокрытой почти головой,—и нашъ бѣдный мальчикъ, который съ голой шеей гуляетъ, плача отъ стужи, по Тверскому бульвару, въ сопровожденіи Французскаго гувернера, укутаннаго въ енотовую шубу. Спросите ихъ по совѣсти, какъ они довольны Европейской одеждой.

А соотвѣтствуетъ ли Русская одежда Русскому характеру? Обратимся опять къ фраку, этой курткѣ съ фалдами, этой одеждѣ Европейскаго пролетарія par excellence, — гдѣ все такъ узко, такъ тѣсно, такъ коротко, обтянуто и натянуто. Такъ и кажется, что ее выдумалъ голодный сынъ Германіи, предчувствуя свою нужду, — чтобы не истратить ни одного лишняго вершка, и не продѣть ни одного лишняго шва. Но вотъ предъ вами Владимірскій бояринъ въ своемъ аломъ кафтанѣ изъ рытаго бархата: онъ вѣрно позвалъ къ себѣ заморскаго портнаго, и выкинувъ передъ

Digitized by Google

имъ ширенку бархата или поставъ лундыша *, сказалъ ему: «вотъ тебѣ, Нѣмецъ, кусокъ багреца; сшей, да смотри, чтобъ было вездѣ просторно, пошире и подлиннѣе, а не то я тебя....» Вы скажете, можетъ быть, что за варварство, что за дикость, употреблять лишнее безъ нужды? Конечно, не надо, да таковъ ужъ Русскій характеръ. Земли у насъ пятнадцать тысячъ верстъ въ длину, да семь что ли въ ширину, лишней также много, — такъ мы только по одежкѣ протягиваемъ ножки.

И такъ Русская одежда гораздо *соотвѣтственнѣе* Европейской Русскому *климату* и Русскому *характеру*, — вотъ наше пятое и шестое заключеніе.

Говоритъ ли объ ея приличіи? Надѣюсь,—всѣ согласятся со мною, что Русская одежда соотвѣтствуетъ всѣмъ правиламъ и требованіямъ благопристойности, а Европейская такова, что даже и разсуждать объ ней въ этомъ отношеніи *не прилично*.

И такъ доказывать это седьмое положеніе мнѣ не нужно, но я обращу вниманіе читателей, и еще болѣе читательницъ, на осьмое: Русская одежда *возвышаетъ*, *увеличиваетъ красоту*, а Европейская ее уменьшаетъ и скрадываетъ.

Пока довольно этихъ осьми достоинствъ и преимуществъ — изъ осьмидесяти, въ коихъ убѣдились осязательно и единодушно всѣ гости Графа А. А. Закревскаго, отдавая впрочемъ полную справедливость великолѣпію, искусству, роскоши и всѣмъ украшеніямъ Англійскихъ костюмовъ на балѣ Елизаветиномъ. За то вѣрно и сама гордая Королева Англіи, выглянувъ духомъ изъ Исторіи, была очень довольна этимъ праздникомъ, и подумала про себя: ахъ, какъ я была хороша! Въ такомъ пріятномъ расположеніи духа она, безъ сомнѣнія, примирилась съ новыми своими знакомцами изъ «Московскаго государства,» о которыхъ нагородилъ-было ей всякаго вздора опрометчивый и желчный ея посланникъ Флетчеръ.

А что сказать о внутреннемъ народномъ чувствѣ, этой тайной симпатіи, которая хранится во глубинѣ душѣ всякаго

---

* Лондонское сукно.

Digitized by Google

Русскаго человѣка, какъ бы онъ ни былъ онѣмеченъ, офранцуженъ или англизированъ, и которая пробудилась теперь во всѣхъ такъ сильно и радостно, при видѣ славныхъ и добрыхъ предковъ? Ходя по обширнымъ заламъ и видя передъ собою Добрыню Никитича, Ермака Тимоѳеевича, Московскаго Рынду, Сокольничаго, удалыхъ рослыхъ Варяговъ, какъ описываютъ ихъ Арабскіе писатели, мы встрѣчались какъ будто съ старыми своими знакомыми, родными, и Исторія оживала передъ нами въ лицахъ; такъ и хотѣлось толковать о вчерашней потѣхѣ съ Сокольничимъ, который держалъ своего сокола по уставу: «честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно, къ видѣнію человѣческому и ко красотѣ кречатьей», * или спросить Рынду: а въ какой церкви изволитъ Царь Алексѣй Михайловичь слушать нынѣ заутреню: у Похвалы Пресвятой Богородицы, или у Спаса за Золотой Рѣшеткой?

Что, если бы еще, когда-нибудь, въ подобномъ обществѣ раздались звуки родной Русской пѣсни, которая захватываетъ за сердце еще глубже! Что, еслибъ вмѣсто кадрили заплелся плетень или закружился хороводъ, и какая-нибудь красавица выступила павою, и поднявъ правую руку, подпираясь лѣвою, стала манить къ себѣ суженаго! Вѣдь у всѣхъ забилось бы сердце, всѣмъ стало бы веселѣе и радостнѣе, не смотря ни на какое различіе мнѣній—такъ отъ чего же мы не хотимъ веселиться, и сами себя произвольно обрекаемъ на Европейскую скуку и монотонность? За чѣмъ мы, здоровые, напрашиваемся въ чахотку, и хотимъ чваниться худобою, когда намъ Богъ далъ столько хлѣба-соли!

Европейскіе рауты, балы и маскерады лишились всей своей прелести: онѣ обветшали со многими другими учрежденіями, и жизни въ нихъ не осталось; они снизошли на степень театральныхъ спектаклей, и все общество, особенно высшее, раздѣлилось только на актеровъ и зрителей. Одни собираются смотрѣть, другіе показываться, а общаго участья, и слѣдовательно, общаго веселья, жизни, тамъ уже нѣтъ и

* Слова изъ Устава Царя Алексѣя Михайловича.

Digitized by Google

быть не можетъ. Искусство съ своимъ лицемѣріемъ взяло верхъ; если есть еще гдѣ природа съ своей искренностью, то это у Славянъ. Въ запрошломъ году я былъ на одномъ большомъ празднествѣ въ Бѣлградѣ, столицѣ Сербіи, гдѣ присутствовали владѣтельный Князь, его семейство, всѣ его министры и высшіе сановники.... Послышались звуки національной музыки.... въ ту же минуту первые двое, которымъ случилось стоять рядомъ и услышать музыку, хватаютъ другъ друга за руку и начинаютъ пляску, *коло*. Эта пляска состоитъ изъ болѣе или менѣе мѣрныхъ движеній и шаговъ впередъ, назадъ, направо, налѣво; къ двоимъ пристаютъ на ходу еще двое съ обѣихъ сторонъ, потомъ четверо, десятеро, десятеро.... вотъ уже сто, и вотъ всѣ присутствующіе держатъ уже другъ друга за руку, и составляютъ одинъ незамыкаемый кругъ, одно коло, въ нѣсколько рядовъ; вся зала движется, одни направо, другіе налѣво, эти впередъ, тѣ назадъ, гдѣ тѣснѣе, гдѣ рѣже, въ разныхъ направленіяхъ. А музыка между тѣмъ раздается громче и громче, быстрѣе и быстрѣе, она уже гремитъ, движеніе увеличивается. Вылетаетъ красавица, молодецъ, или выступаетъ почтенный старецъ, беретъ крайняго или крайнюю за руку, и начинаетъ *водить коло*. При мнѣ явился вдругъ Симичъ, Президентъ Совѣта Министровъ, весь серебряный, еще рослѣе и массивнѣе нашего Ермолова, который дрался, можетъ быть, въ девяносто девяти сраженіяхъ, считаетъ ранъ больше, чѣмъ волосъ, который пережилъ пять революцій, котораго знаетъ всякой Сербъ, и которому всякой кланяется.... зажегшись огнемъ молодости, онъ *повелъ коло*.... а потомъ, чрезъ нѣсколько времени, другая знаменитость, Петроніевичъ, который слыветъ Сербскимъ Талейраномъ, — можете себѣ представить, какой тутъ разливается восторгъ!

Для исторической вѣрности замѣчу впрочемъ: и въ патріархальную, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже дикую, Сербію начинаетъ прокрадываться западная цивилизація, злотворной своей стороной, чрезъ Австрійскую границу. Когда я вошелъ въ залу, тамъ раздавался Нѣмецкій вальсъ, и черноволосыя, чернобровыя Сербянки кружились съ по-

Digitized by Google

граничными офицерами. Я подошелъ; не помню къ Вучичу или къ Симичу, и сказалъ ему: что, еслибъ блаженный Царь Лазарь * всталъ изъ своего гроба въ Раваницѣ, и вдругъ явился здѣсь? Что сказалъ бы онъ, услышавъ такую вражью музыку?— «Коло, коло,» закричалъ старикъ,—и началась эта живая, веселая, національная пляска.

Для той же исторической вѣрности замѣчу, что и на вечерѣ у Графа А. А. Закревскаго Французскій языкъ, вдругъ раздававшійся изъ устъ какой-нибудь прелестной, кровь съ молокомъ, Русской дѣвушки, съ заплетенными косами, въ лентахъ и кружевахъ, или пышной, великолѣпной боярыни въ золотомъ повойникѣ, разрушалъ иногда, ненавистный, мое очарованіе.

Да, у насъ есть все свое—прекрасное, высокое, удивительное, чудесное, душевное, сердечное, чего нѣтъ нигдѣ, или что уже на Западѣ устарѣло, или ослабѣло, замерло. — Я сказалъ нѣсколько словъ выше о Русскомъ чтеніи, о Русскомъ пѣніи, о Русской живописи, о Русскомъ зодчествѣ: мы имѣемъ и должны имѣть свою музыку, свою поэзію, свою философію, потому что мы народъ древній, самобытный, своеобразный, потому что Богъ далъ намъ такой языкъ, какого не имѣетъ никто, потому что Онъ велъ насъ по какому-то особому пути, котораго мы разобрать еще не можемъ, потому что у насъ была своя особая исторія.

Почему же мы не пользуемся до сихъ поръ всѣми своими сокровищами? Потому что мы все еще гоняемся за чужими Европейскими призраками, за Нѣмецкими привидѣніями, за Французскими блудящими огнями, за Италіянской фатой морганой, за Англійскими причудами, однимъ словомъ, потому что мы не знаемъ еще самихъ себя. Господи! при наступленіи Великаго поста, произнесемъ сердечную молитву, чтобъ Онъ далъ намъ зрѣти наши прегрѣшенія.

М. Погодинъ.

12-го Февраля.

---

* Послѣдній Сербскій Царь, разбитый Турками въ сраженіи на Коссовомъ полѣ, 1389 года, послѣ котораго Сербія подпала игу Турокъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

«Новый годъ, новое счастье,» говорятъ. За чѣмъ же новое, когда и старое хорошо? Однакожъ, ожиданіе этого счастія повсемѣстно; вездѣ этому нетерпѣливо-ожидаемому гостю двери настежъ; а онъ, злодѣй, любитъ приходить нежданый и незваный, и не въ новый годъ, а когда ему вздумается.

Въ Грузіи, напримѣръ, заготовляютъ для встрѣчи новаго года и для приманки новаго счастія, разныя сладкія яства, и между прочимъ, *бассилъ* — хлѣбъ счастія, *гоминахи*—орѣхи, вареные въ меду, и *алвахи* — топленый медъ. Двери вездѣ растворены, во всю ночь по улицамъ выстрѣлы. Въ день новаго года, старѣйшіе въ семьяхъ угощаютъ своихъ домочадцевъ сушеными фруктами; къ нимъ приходятъ родные и знакомые, каждый поздравляетъ привѣтомъ: «да благословитъ васъ Богъ, я пришелъ къ вамъ въ домъ по-стопамъ ангела.» Поздравляющихъ также угощаютъ сластями, приговаривая: «дай Богъ вамъ такъ сладко состарѣться,» — и дарятъ чѣмъ-нибудь на счастье.

Не тотъ ли же самый обычай и вездѣ? Но какъ все теряетъ свой смыслъ! И у насъ, и въ Грузіи, и вездѣ, новый годъ, въ старину, наступалъ съ 1-го сентября, когда природа, принося новые плоды, давала новую *часть* урожая своего каждому. Тогда понятны были взаимныя угощенія дарами ея и новое счастіе или соучастіе въ дѣлежѣ этихъ даровъ. И искони это былъ *дѣтскій* праздникъ: дѣти толпились около матери-природы, принимая отъ нея дары.

Digitized by Google

Но у дѣтей природы были два празднества: возбужденіе матери-природы — начало весны, и плодородіе — начало осени. Съ этихъ празднествъ и считался годъ; у однихъ съ марта-апрѣля, у другихъ съ сентября.

Когда же астрономія объяснила кругъ солнечный и вліяніе этого свѣтила на землю, тогда учредились новыя два миѳическія празднества: въ іюнѣ — поворотъ солнца на зиму, въ декабрѣ — поворотъ солнца на лѣто. Астрологи, высчитавъ день, когда свѣтило обратитъ свой взоръ къ землѣ, торжественно ожидали съ народомъ его восхода; а въ іюнѣ мѣсяцѣ провожали его, какъ будто въ далекій путь, до послѣдняго луча захожденія. Со времени астрономическаго опредѣленія новаго года положено начало ему въ генварѣ. Двуликій Janus Римлянъ есть Annus — годъ, символъ, или изображеніе вѣчнаго лика времени, граница между прошедшимъ и будущимъ.

Такимъ образомъ четыре празднества, перемѣщаясь изъ одного времени въ другое, смѣшались въ обычаяхъ древности, и наконецъ потеряли смыслъ.

У Евреевъ два новыхъ года: храмовой въ мѣсяцѣ *нисанъ*, соотвѣтствующій концу марта, и гражданскій, собственно годъ лѣтосчисленія. Поздравляя другъ друга, они произносятъ: *Бора гезере дихъ лешана дофа* — «да переселитъ тебя Господь Богъ въ новый годъ». Угощая свѣжимъ виноградным сокомъ и сладкими яствами, обмакивая хлѣбъ въ медъ, они произносятъ: *какъ сладокъ этотъ хлѣбъ, да будетъ такъ сладокъ и новый годъ*. Въ старину, ставили на столъ баранью голову: это, безъ сомнѣнія, собственно по значенію, что солнце вступаетъ въ знакъ овна, какъ въ весенній *невруз* Персовъ.

У древнихъ Персовъ представителемъ новаго года избирался самый цвѣтущій и красавецъ юноша. Онъ являлся къ шаху съ возвѣщеніемъ новаго года. Другой юноша подносилъ на серебряномъ блюдѣ разныя сласти, хлѣбныя зерна, сахаръ и золотую монету. Изъ смолотыхъ новыхъ зеренъ пекли для шаха хлѣбъ, и онъ, вкусивъ его, раздавалъ потомъ всему своему двору, и въ то же время дарилъ

Digitized by Google

почетныя одежды. Въ послѣдній день празднества, которое продолжалось нѣсколько дней, дары приносились шаху. Теперь у Персовъ *неврузъ*, или новый годъ, начинается по объявленію астрологовъ о вступленіи солнца въ знакъ овна, и эта новость встрѣчается выстрѣлами и звуками трубъ. Это сближается съ Еврейскимъ названіемъ торжества новаго года *праздникомъ трубъ*. Въ числѣ необходимыхъ подарковъ *золоченыя и крашеныя яицы*. Всѣ правительственныя лица областей шлютъ къ шаху въ даръ — коней, шали, шелковыя матеріи, оружіе, ароматы и пр.

У Римлянъ Strenae, подарки на новый годъ, состояли прежде также изъ сушеныхъ плодовъ, и монетъ. Въ послѣдствіи, когда развилась роскошь, Марціалъ, напримѣръ, посылалъ въ даръ вѣтвь съ золочеными финиками. Золото, серебро, драгоцѣнныя вещицы замѣнили плоды первыхъ временъ.

Это, однакоже, нельзя назвать собственно замѣной или плодомъ роскоши: это продолженіе тѣхъ *новинокъ*, но не даровъ уже природы, а даровъ искусствъ и художествъ. У насъ литература даритъ въ этотъ день альманахами, какъ своими *початками*, хотя очень часто и не зрѣлыми.

Китайцы встрѣчаютъ новый годъ празднествомъ *фонарей*, во время котораго весь народъ кочуетъ подъ открытымъ небомъ, въ освѣщенныхъ палаткахъ изъ масленой бумаги, и это празднество соотвѣтствуетъ осеннему Еврейскому новому году и празднику *кущей*, когда Евреи должны бы были выходить на цѣлую недѣлю въ лагерь, но въ замѣнъ этого живутъ подъ открытымъ небомъ, въ шалашахъ изъ вѣтвей, построенныхъ при домахъ и освѣщенныхъ люстрами. Въ это время они освящаютъ *адамово яблоко*, и шлютъ его изъ синагоги вмѣстѣ съ пальмовой вѣтвію по домамъ, до чего нельзя принимать пищи, какъ до звѣзды. Въ это время раздаютъ также подарки, а дѣтямъ плоды. По снятіи кущей, они разводятъ изъ вѣтвей, составлявшихъ ихъ, огонь, и, поднявъ всѣ книги Завѣта, хранящіяся въ скиніи, обносятъ ихъ три раза вокругъ пламени, и пляшутъ съ ними.

Digitized by Google

Китайскій праздникъ фонарей соотвѣствуетъ и Еврейскому празднику свѣчь—*канука*. Въ этотъ только праздникъ позволяется Евреямъ торжественно, чрезъ объявленіе въ храмѣ, играть въ кости и въ карты.

У Калмыковъ новый годъ — *сулла*, приходится также въ декабрѣ. Ввечеру затепливаютъ они въ своихъ храмовыхъ наметахъ огни, въ лампахъ сдѣланныхъ изъ тѣста, и каждый зажигаетъ столько свѣтиленъ, сколько ему лѣтъ отъ роду.

Но какимъ бы церемоніаломъ ни встрѣчать двуликаго гостя, у котораго одна сторона плачетъ, а другая смѣется — все равно: дѣло въ томъ, что дай Богъ хоть съ новаго года, чтобъ молодые не старѣлись, а старики не молодились, и никто бы не брался за чужую ролю и не за свое дѣло. Что же касается до счастія, то кто посѣялъ его, тотъ и пожнетъ.

ПОРТНЯГА ТЕРЕНТІЙ.

ИРЛАНДСКАЯ БЫЛЬ,

разсказанная мнѣ миссъ О'Боби, слово въ слово какъ, она читала въ какой-то книгѣ.

Ну, извольте же подержать языкъ на привязи, я разскажу вамъ преудивительную исторію, случившуюся съ рыжимъ портнягой Терентіемъ О'Плуберти, который жилъ въ Дублинѣ. Я разскажу вамъ, какъ онъ, понюхавъ табаку и выпивъ бутылку визки, бесѣдовалъ съ дьяволомъ, какъ сшилъ ему лосинныя штаны, какъ избавился отъ своей жены Джюди, которая измучила его сварливымъ нравомъ, и какъ послѣ того былъ счастливъ до самой смерти, если только онъ умеръ; чего утвердить не могу, потому что, можетъ быть, онъ еще по сію пору живъ и здоровъ.

Вотъ видите ли, однажды зимой, часу въ одиннадцатомъ вечера, Джюди сбиралась спать; а Терентій, сидя на своемъ верстакѣ, чинилъ шаравары аббата О'Фелимъ. Передъ тѣмъ,

Digitized by Google

какъ лечь въ постель, Джюди по обычаю побранилась съ мужемъ, и въ удовлетвореніе своего справедливаго гнѣва шваркнула ему въ голову огромную картофелину, и ловко попала въ бровь надъ правымъ глазомъ. У бѣднаго Терентія выступили слезы: отъ удачнаго ли удара въ бровь (отъ чего впрочемъ посыплются скорѣй искры), или отъ пріема порціи визки, которою онъ хотѣлъ вознаградить полученный ударъ — трудно было рѣшить.

— Э! — проговорилъ онъ, выворачивая шаравары аббата О'Фелимъ наизнанку: — бѣдовая моя судьба! да еще дьяволъ знаетъ, какъ отъ нея избавиться!

— Въ самомъ дѣлѣ бѣдовая судьба! — сказалъ кто-то подлѣ него.

Терентій приподнялъ голову и увидѣлъ, что передъ нимъ, на лавкѣ, облокотясь на верстакъ и подставивъ подъ подбородокъ ладони, сидѣлъ какой-то господинъ, почтенныхъ лѣтъ, предобрѣйшей наружности, въ черной одеждѣ, смуглый собою, и уставилъ на него глаза.

— Да, конечно, — отвѣчалъ Терентій, нѣсколько смутясь: — именно судьба моя бѣдовая; а хуже всего то, что нѣтъ ни какого средства отъ нея избавиться!

— Это мы увидимъ послѣ, — сказалъ господинъ: — а что нѣтъ ни одного человѣка въ Ирландіи, который бы былъ такимъ мученикомъ, какъ ты — это вѣрно. Твоя жена....

— Тсъ! — она спитъ подлѣ въ комнатѣ.... и услышитъ что вы говорите! — прошепталъ съ испугомъ Терентій.

— Эхъ Терентій, ты право долженъ стыдиться самого себя: есть у тебя что-то на душѣ, да не смѣешь сказать. Перестань трусить, стыдно быть бабой! Ну, что жъ ты молчишь?

Но Терентій былъ нѣмъ какъ рыба; вмѣсто отвѣта, онъ началъ покачивать головой и вздыхать, какъ квакеръ.

— Слышишь, что я говорю тебѣ? — сказалъ почтенный господинъ.

Digitized by Google

— Да.... но жена моя....

— Ну, что твоя жена, пошли ее къ чорту!

— Да я бы.... желалъ даже, чтобъ она ужъ была тамъ, у него.... у чорта, — проговорилъ тихо Терентій.

Когда онъ произнесъ эти слова, надо было видѣть пріятное впечатлѣніе, которое они произвели на неизвѣстнаго господина. Онъ взялъ Терентія за руку, и такъ сильно и дружески встряхнулъ, что изъ глазъ выступили слезы, и бѣдный портняга вообразилъ, что провалился сквозь землю.

— Браво, Терентій О'Плуберти! я въ восторгѣ отъ твоихъ словъ! Будь я не я, если не избавлю тебя отъ Джюди!

Такъ воскликнулъ неизвѣстный господинъ, а Терентій, проникнутый до глубины сердца чувствомъ благодарности, обнялъ его признательно и нѣжно, какъ роднаго отца.

— О, — вскричалъ онъ, — если въ самомъ дѣлѣ вы пришли съ этой цѣлью, то вы самый достойнѣйшій и великодушнѣйшій изъ всѣхъ господъ нашего города Дублина. Я готовъ слѣдовать за вами на край свѣта, и пить за ваше здоровье въ каждый день года и въ каждый часъ дня.

Какъ думаете вы, что сдѣлалъ почтенный господинъ? Онъ вытащилъ изъ своего боковаго кармана листъ бумаги, перо и пузырекъ съ кровавыми чернилами; подалъ ихъ портнягѣ и сказалъ, чтобъ онъ приложилъ свою руку, указывая пальцемъ на мѣсто подписи.

Терентій намѣренъ былъ уже безпрекословно исполнить требованіе господина, взялъ было перо поперекъ, но вспомнилъ, что не умѣетъ писать. — Это ничего, — сказалъ господинъ: — приложи только руку и черкни какую, нибудь каракулю.

Терентій черкнулъ каракулю, и очень довольный собою, продолжалъ держать перо на готовѣ, и спросилъ: что еще слѣдуетъ дѣлать?

— Ничего, кромѣ пары штановъ для меня; но какъ можно скорѣе.

Digitized by Google

— Какихъ штановъ? — спросилъ портняга съ удивленіемъ.

— Какъ какихъ, любезный, съ ума что ли ты сошелъ: развѣ не ты подписалъ это обязательство сшить мнѣ немедленно пару лосинныхъ штановъ, и въ случаѣ неисполненія условія отдать навсегда мнѣ душу?

— О, вы, хитеръ господинъ! — сказалъ Терентій, качнувъ головою и усмѣхаясь: — ну, да что мнѣ, я пожалуй сошью вамъ пару славныхъ лосинныхъ штановъ, такихъ штановъ, что самъ господинъ совѣтникъ О'Коннель возгордился бы, просунувъ въ нихъ пару ногъ. Однакожъ, извольте припомнить и ваше обѣщаніе на счетъ Джюди; потому что, если вы меня отъ нея не избавите, то не получите ни штановъ, ни души.

— Будь спокоенъ, Терентій О'Плуберти, будь я не я, если не исполню обѣщанія.

— Дай Богъ, чтобъ это такъ было, дай Богъ! я побожусь.....

— Тсъ! закуси языкъ! — сказалъ господинъ, вспыхнувъ: — если ты будешь божиться, то прощай, я сейчасъ же уйду, и жена твоя Джюди повиснетъ у тебя на шеѣ какъ жерновъ.

Терентій такъ испугался отъ одной мысли, что Джюди повиснетъ у него на шеѣ, что упалъ на колѣни предъ господиномъ, просилъ извиненія, и потомъ, молча вынувъ изъ шкафа три лосинныхъ кожи, купленныхъ имъ у купца Мурфи О'Леири, снялъ мѣрку, и принялся за работу.

Между тѣмъ какъ Терентій кроилъ и шилъ, неизвѣстный господинъ, сидя по прежнему противъ него, то разбарабалъ о томъ о сёмъ, то курнякалъ пѣсню на какомъ-то непонятномъ языкѣ. Голова бѣднаго Терентія была не въ надлежащемъ порядкѣ, и потому, противъ обыкновенія, онъ не былъ расположенъ къ разсужденію; но, устремивъ все свое вниманіе на работу, онъ однакоже подумалъ: что за диковинка, какимъ образомъ вошелъ этотъ неизвѣстный господинъ въ домъ, не отворивъ и не затворивъ дверей?

Digitized by Google

И другое обстоятельство также удивляло его: что за чудо такое: не прошло часа, а ужъ лосинные штаны почти кончены; но что было всего удивительнѣе: нитка, которою онъ тачалъ швы, ни на сколько не уменьшалась, такъ что можно было ею стегать штаны для всего населенія Ирландіи. Не смотря, однакоже, на это удивленіе, Терентій нисколько не смущался, помня выраженіе бабушки: «и, да это что за чудеса, такія ли чудеса бываютъ на бѣломъ свѣтѣ!»

Между тѣмъ какъ онъ разсуждалъ самъ съ собою такимъ образомъ, неизвѣстный господинъ предложилъ ему понюхать табачку, и спросилъ: что, каковъ табакъ? — Безподобный! — отвѣчалъ Терентій: — только право, онъ какъ будто.... что-то сѣрой пахнетъ!..

Этимъ не кончилась любезность господина: онъ вынулъ изъ боковаго кармана походную фляжку съ стаканомъ, поставилъ на столъ и предложилъ Терентію выпить по чарочкѣ. Терентій не изъ такихъ былъ, чтобъ отказываться отъ подобныхъ предложеній,—не прихлебнувъ хватилъ залпомъ полный стаканъ, и не ошибся: такой славной водки онъ съ роду не пивалъ.

— Ну, теперь продолжай свою работу, — сказалъ господинъ.

— Ужъ какъ примусь! — отвѣчалъ Терентій.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ принялся тачать, что всѣ швецы и швеи Эрина, со временъ О'Брина до настоящихъ временъ, пришли бы въ изумленіе. Иголка, какъ будто по навожденію нечистой силы, такъ быстро шныряла, что онъ, смотря въ оба глаза, не могъ ужъ самъ ее разсмотрѣть. Происходило ли это отъ славной водки, или само по себѣ, неизвѣстно; но достовѣрно то, что когда Терентій, подивясь этому, взглянулъ на неизвѣстнаго господина, у этого послѣдняго черные глаза раскалились какъ два красныхъ угля.

— Что это значитъ? — проговорилъ Терентій съ изумленіемъ: — у вашей милости въ глазахъ-то огонь!

— Молчи, перестань врать, дѣлай свое дѣло, — сказалъ господинъ.

Digitized by Google

Терентій замолкъ, сталъ продолжать работу и въ нѣсколько минутъ лосинные штаны были готовы.

— Теперь Терентій, примѣрь на себя эти штаны, а потомъ выпьемъ еще по стакану.

— Что касается до водки, то я выпью съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Терентій: а что касается до этихъ штановъ — ни за что не надѣну, хоть избейте въ прахъ!

— Однакожъ ты надѣнешь ихъ, я этого требую.

— Ни за что, чортъ ихъ возьми, я въ нихъ увязну по горло!

— Ну, не хочешь, какъ хочешь,—сказалъ неизвѣстный гнѣвно: — пусть же при тебѣ остается жена и мучитъ тебя и на этомъ и на томъ свѣтѣ. Прощай Терентій О'Плуберти! — Эта угроза подѣйствовала: Терентій натянулъ штаны, и прйнялся допивать съ неизвѣстнымъ его благодѣтелемъ фляжку.

Стаканъ за стаканомъ наполнялись, водка била изъ фляжки, какъ изъ родника — только подставляй. Можно было упоить наповалъ не только всѣхъ Ирландцевъ, но и заставить улечься бродящія тѣни всѣхъ героевъ Оссіана. Головы собутыльниковъ такъ разгорѣлись, что они принялись пѣть во все горло, заговорили такъ громко, подняли такой гамъ, что надо было удивляться, какимъ образомъ храпящая въ сосѣднемъ покоѣ Джюди не проснулась. Терентій забылъ, что она существуетъ, чего не случалось съ нимъ съ самаго дня бракосочетанія. У него совсѣмъ другое было въ головѣ; онъ посматривалъ на чудную водку, и заботливо помышлялъ, чтобъ она не изсякла въ стаканѣ его до скончанія вѣка.

Не смотря однакоже на это помышленіе, Терентію все-таки казалось, что въ неизвѣстномъ господинѣ есть какая-нибудь дьявольщина. Глаза его, на которыя онъ невольно обратилъ вниманіе, разгорѣлись уже до того что, просто пылали какъ жупелъ, и портной не могъ выносить ихъ взора. И это еще не все: каждый разъ, когда неизвѣстный господинъ изъявлялъ какое-нибудь удовольствіе, подъ столомъ точно какъ будто что мело полъ помеломъ.

Digitized by Google

— Ваша милость! скажите пожалуйста, — спросилъ Терентій: — что у васъ тамъ за шорохъ подъ ногами?

— Тсъ! это хвостъ мой, — сказалъ неизвѣстный: — я перенялъ у кого-то преглупую привычку мотать имъ, когда чувствую какое-нибудь удовольствіе.

— Хвостъ? — вскричалъ Терентій, захохотавъ: — а! такъ я знаю теперь, кто вы, ваша милость. Такъ какъ у васъ есть хвостъ, то бьюсь объ закладъ, что у вашей милости и ноги копытомъ!

— Разумѣется, безъ всякаго сомнѣнія, — отвѣчалъ веселымъ голосомъ неизвѣстный господинъ: — на-ко, посмотри.

И онъ поднялъ обѣ ноги къ самому носу Терентія, который и удостовѣрился, что дѣйствительно вмѣсто ступней были у него копыты въ родѣ коровьихъ.

Не подумайте, чтобъ это испугало сколько-нибудь Терентія, — ни мало; напротивъ: — Да это презабавная вещь, — сказалъ онъ, и приложивъ палецъ къ носу, усмѣхнулся, моргнулъ глазомъ, кивнулъ головой: — знаемъ дескать вашу милость, кто вы такой! Потомъ захохоталъ; и неизвѣстный господинъ захохоталъ; и оба они долго хохотали, уставясь другъ на друга.

— О-го, да какой вы хитрый! — сказалъ наконецъ Терентій: — я съ самаго начала догадался, тотчасъ догадался!.... Теперь ужъ прошу извененія: до тѣхъ поръ не выпущу отсюда, покуда ваша милость не сыграетъ мнѣ какую-нибудь штучку на скрипкѣ.... ужъ я знаю, что и скрипка должна быть тутъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ; я думаю даже и проплясать не мѣшаетъ, не правда ли? Поднимемъ-ко Джюди; ты пропляшешь съ ней, а я подыграю.

— Ну, прошу извинить: нѣтъ ужъ я пожалуй пропляшу что-нибудь одинъ; а ваша милость покружитесь съ Джюди; да такъ ужъ и кружитесь вмѣстѣ съ ней вихремъ до самой преисподней; это будетъ ладнѣе.

— Ну, хорошо, Терентій, — сказалъ неизвѣстный: — быть такъ; я увѣренъ, что ты будешь поминать меня добромъ.

Digitized by Google

И съ этимъ словомъ онъ вытащилъ изъ-подъ полы скрипку, началъ играть котильонъ; а Терентій началъ выплясывать и выводить ногой узоры, и такъ расходился, что вскочилъ на верстакъ и такъ ловко подперъ головой потолокъ, что весь домъ заходилъ. Между тѣмъ неизвѣстный господинъ, продолжая наигрывать на скрипкѣ, билъ такту копытомъ, и, приподнявъ хвостъ, крутилъ его, завивалъ и развивалъ въ воздухѣ змѣей. И это еще не все. Только что Терентій началъ плясать, ножницы, иголки, щипцы, пустились въ слѣдъ за нимъ, верстакъ туда же. Ихъ примѣру послѣдовали бутылки, стаканы, посуда и вся утварь, которая была въ комнатѣ. Все, и живое и мертвое, такъ и ходитъ, такъ и скачетъ во всѣ стороны.

Но увы! вдругъ праздникъ прерывается появленіемъ Джюди. Отворивъ внезапно двери изъ своей комнаты, она уставила на все происходившее глаза, которые какъ будто выкатились изъ длиннаго и кислаго лица. Музыка немедленно смолкла, испуганный Терентій присѣлъ на корточки къ верстаку; а ножницы, лопата, щипцы и вся прочая утварь съ разлету такъ и грохнулись о земь. Все вдругъ притихло отъ ужаса; только неизвѣстный господинъ нисколько не потерялся, сохранилъ бодрость и присутствіе духа и не изъявилъ ни малѣйшаго страха.

Нѣтъ никакой необходимости говорить, что Джюди вышла изъ себя отъ гнѣва. Долго стояла она, сложивъ руки, молча, и смотрѣла съ изумленіемъ на все происходившее; но наконецъ надумалась, что пора приступать къ дѣйствію, и тотчасъ же, схвативъ щипцы, бросилась на Терентія, вѣроятно съ намѣреніемъ потушить свѣтъ его очей. Терентій, какъ человѣкъ догадливый, вскочилъ и всталъ за спиной неизвѣстнаго господина; это посредничество спасло его кожу отъ уготованныхъ ласкъ. Но Джюди, не имѣя возможности удовлетворить справедливый свой гнѣвъ на одномъ, рѣшилась неотлагательно вымѣстить его на другомъ. И въ слѣдствіе этого рѣшенія нанесла ужаснѣйшій ударъ съ правой стороны чела неизвѣстнаго. Но неизвѣстный господинъ, даже не поморщившись, захохоталъ; его примѣру послѣдовалъ и Терентій, увидя, что на томъ

Digitized by Google

самомъ мѣстѣ лба, куда пришелся ударъ, выступилъ преогромный черный рогъ. Слѣдующій нанесенный Джюди ударъ неизвѣстному, по другой сторонѣ лба, образовалъ на немъ другой рогъ, совершенно соотвѣтствующій первому и по величинѣ и по цвѣту. Не удовольствуясь этимъ, Джюди, въ изступленіи гнѣва, начала изо всѣхъ силъ осыпать неизвѣстнаго ударами, безъ разбора, во что попало. Но трудъ былъ напрасный: онъ хохоталъ, какъ будто его только щекотали подъ бока, или водили кончиками пера подъ носомъ.

Джюди поняла, что связалась не съ своимъ братомъ, и задумала, какъ бы отретироваться на попятный дворъ. Бѣдная женщина! она дрожала всѣмъ тѣломъ. Да и немудрено: у противника ея была пара роговъ, сквозь очки свѣтились два огненные глаза, на ногахъ копыты, и въ дополненіе ко всему этому предлинный хвостъ.

— Владыко ты мой, огради меня отъ этого навожденія! — воскликнула она: — не будь я Джюди О'Плуберти, если это не самъ дьяволъ во плоти! — И съ этими словами она бросилась въ свою комнату, чтобъ запереться тамъ отъ нечистой силы; но неизвѣстный господинъ предупредилъ ее, всталъ въ дверяхъ и заигралъ на скрипкѣ valse infernal. Джюди, совершенно противъ охоты и желанія плясать, прихлопнула руками — разъ-два-три, разъ-два-три, потомъ прищелкнула, притопнула и начала кружить по комнатѣ. Терентій пустился въ слѣдъ за ней; а за нимъ поднялись, какъ будто на ноги, щипцы, лопата, и посуда, и начались скачки, прыжки и выверты. Напрасно Джюди, работая ногами какъ на заказъ, проклинала музыканта, бранилась, кричала, рвала на себѣ волосы: почтенный неизвѣстный господинъ продолжалъ играть, какъ будто не его дѣло.

— Ну, теперь,—сказалъ онъ наконецъ: — отворяй Терентій двери, мы съ Джюди пропляшемъ на чистомъ воздухѣ.

— Не отворяй, не отворяй! — вскричала Джюди умоляющимъ голосомъ, обратясь съ испугомъ къ мужу и

Digitized by Google

приближаясь къ нему въ припляску, закидывая ножку за ножку: — не отворяй во спасеніе души твоей бѣдной жены!

Но Терентій вѣроятно мало заботился о спасеніи души бѣдной жены; онъ очень ловко прошелся отъ нея, отмахиваясь руками и склонивъ голову въ сторону, и мигомъ отворилъ двери.

Неизвѣстный господинъ, продолжая наигрывать плясовую Ирландскую пѣсню, прискакивая, первый выбрался въ двери; за нимъ, отчаянно выплясывая вавилоны и охая въ ладъ, понеслась Джюди.

Когда они выбрались изъ комнаты, Терентій остановился въ дверяхъ и любопытствовалъ знать: куда ихъ понесло? — Ночь была ясная, лунная, и онъ увидѣлъ, что они проплясали сперва въ маленькомъ садикѣ, за домомъ, потомъ въ переулкѣ за садомъ, а потомъ исчезли вмѣстѣ съ луной, и въ темнотѣ нельзя было разсмотрѣть, куда они плясали далѣе. — Вскорѣ и звуки скрипки и вскрикиванія Джюди затихли.

— Эхъ! штаны-то свои онъ и забылъ!.... Эй! ваша милость! штаны то забыли! — крикнулъ въ двери Терентій.

— Ничего, ничего, — послышался издали голосъ неизвѣстнаго господина: — носи ихъ во здравіе и въ память мою!

Таковъ былъ отвѣтъ почтеннаго господина, который, безъ сомнѣнія, по сію пору танцуетъ съ женой Терентія О'Плуберти.

Терентій долго стоялъ въ дверяхъ, всматриваясь въ темноту и вслушиваясь въ шумъ вѣтра; потомъ принялся хохотать до уморы; потомъ бросился во всемъ платьѣ на постель и заснулъ въ полномъ удовольствіи. Спалъ онъ крѣпкимъ сномъ до самаго восхода солнца, которое сквозь окно ударило ему прямо въ глаза. Проснувшись, осмотрѣлся кругомъ, не воротилась ли Джюди домой, вдоволь напляса вшись на чистомъ воздухѣ. Но, благодаря судьбѣ, ея не было, ни живой, ни мертвой. Потомъ, взглянулъ онъ на верстакъ, тутъ ли лосинные штаны, которые онъ сшилъ

Digitized by Google

по заказу неизвѣстнаго господина. И штановъ нѣтъ. Къ величайшему своему удивленію замѣтилъ онъ-однакоже, что шаравары аббата О'Фелимъ лежатъ совершенно конченные, какъ будто онъ проработалъ ихъ въ продолженіи всей ночи. Подлѣ нихъ стояла пустая бутылка и стаканъ.

Какимъ образомъ все это случилось — трудно рѣшить, и никто во всемъ Дублинѣ не брался рѣшить этого. Не менѣе того это правда; потому что самъ Терентій разсказывалъ всѣмъ и каждому, съ какимъ участіемъ къ судьбѣ его явился къ нему самъ дьяволъ, и какимъ удивительнымъ образомъ избавилъ его отъ жены. Вѣрь не вѣрь, а чудо!

Нельзя однакоже умолчать, что въ сосѣдствѣ утверждали, будто спустя мѣсяца три послѣ происшествія, видѣли Джюди съ капраломъ фланкёровъ, который въ то самое время, когда она пошла плясать съ неизвѣстнымъ господиномъ, бродилъ около дома. Но этому нельзя вѣрить, и для чего вѣрить, когда самъ Терентій божился и готовъ былъ дать клятву, въ томъ, что видѣлъ своими собственными глазами, какъ нечистая сила выплясала жену его изъ дому. Если это была дѣйствительно нечистая сила, то, безъ сомнѣнія, Джюди назадъ не вернется, чего даже не грѣхъ и желать для спокойствія души и тѣла бѣднаго портнягн Терентія.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ПО СОБСТВЕННЫМЪ ОТЗЫВАМЪ. «Литература еще не пришла въ себя; на театрѣ представляется одно старье; книгопродавцы принуждены сбывать свои печатныя богатства посредствомъ лоттерей. Одинъ *издатель* осмѣлился однакоже напечатать какой-то романъ въ 4 тома, но, разумѣется, на счетъ сочинителя. Критика сторожитъ на вѣстовой башнѣ; но на вопросъ, по пословицѣ: «что, голубушка Аннушка, не видать ли чего? — отвѣчаетъ: пыль столбомъ по дорогѣ, а и стада барановъ не видать.»

ДЕСЯТЬ НОВЫХЪ ПЛАНЕТЪ. Индійцы, Китайцы, Вавилоняне, Египтяне, Эллины, Римляне и вообще всѣ древніе народы довольствовались, въ продолженіе нѣсколькихъ тысячь лѣтъ, Солнцемъ самъ-сёмъ, исключая, разумѣется,

Digitized by Google

землю, которая, по ихъ мнѣнію, была ничто иное какъ исподъ вселенной, заточеніе грѣшныхъ поклонниковъ Солнца, Луны, Марса, Меркурія, Юпитера, Венеры и Сатурна.

До исхода осмнадцатаго столѣтіи и новые народы не воображали, чтобъ семейство солнца когда-нибудь увеличилось. Вдругъ, въ 1781 году, астрономъ Гершель открываетъ въ небѣ, за 2,786 мильоновъ верстъ отъ солнца, міръ, въ которомъ рѣдкій изъ земнородныхъ прожилъ бы одинъ годъ; потому что годъ этого міра, названнаго *Ураномъ*, заключаетъ въ себѣ 84 нашихъ года, каждое мгновеніе тянется тамъ почти полтора часа, — невыносимо долго для мгновенія.

Послѣ счастливой руки, или счастливаго глаза Гершеля, семейству солнечному, съ 1801, по 1807 годъ, Богъ далъ еще четырехъ дочерей: Цереру, Юнону, Палладу и Весту.

Но этимъ не ограничилась прибыль: въ три послѣднихъ года Солнце какъ будто вновь наплодило: Нептуна, Флору, Ирису, Метису, Гебу и Астрею.

И теперь Солнце самъ-осмнадцать садится (выражаясь по семейному) за столъ!

СЕЛЬСКАЯ ПОДВИЖНАЯ ТРУППА НѢМЕЦКИХЪ АКТЕРОВЪ. Походные комедіанты въ старину были не рѣдкость. Въ повѣстяхъ забавнаго Скаррона можно читать ихъ біографію. Времена странствующихъ рыцарей прошли, походныхъ комедіантовъ проходятъ; но странствованія шарлатановъ и трубадуровъ увеличились. Германія, по преимуществу, всегда была разсадникомъ этого скитающагося народа, живущаго на счетъ потѣхи, забавы и общей любви глазѣть. Между Лейпцигомъ и Борномъ, поселилась въ деревняхъ и кормится теперь труппа комедіантовъ, подъ началомъ директора Крузіуса. За залу представленія платитъ директоръ еженедѣльно по талеру, а за свое жилище 6 грошей. Всѣ актеры разселены по окрестнымъ деревнямъ на постоѣ, и содержаніе ихъ баснословно дешево. Плата за билеты сбирается натурой: мѣсто въ партерѣ — по яйцу, въ стульяхъ — по колбасѣ, въ первыхъ рядахъ — по штофу пива, и такъ далѣе.

Digitized by Google

ИЛЛЮСТРАЦІИ И КАРРИКАТУРЫ. Страсть все иллюстрировать и каррикатурить теперь въ большой модѣ. Замѣчательные по талантамъ люди посвящаютъ себя на это.

Альбертъ Шмитъ издалъ періодически исторію Англіи, въ пародіяхъ.

Вригтъ и Файрхольтъ издаютъ конституціонную исторію Англіи въ современныхъ эпохамъ каррикатурахъ.

Что это — такъ, для забавы дѣтей, смѣются они надъ прахомъ своихъ отцовъ и надо всѣмъ отшедшимъ въ вѣчность? — Нѣтъ, это плодъ истощенія литературы.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

СЛАВЯНО-НОРМАНСКАЯ ПЕРЧАТКА. Въ исторіи нашей литературы часто происходятъ явленія удивительныя. Иногда производятъ они досаду, иногда смѣхъ, а иногда наводятъ грусть. Пускай себѣ Коперникъ опредѣляетъ движеніе земли, пускай Ньютонъ представляетъ подтвержденіе его системы; но у насъ все еще послышится иногда: «Птоломей доказалъ, что земля неподвижна, Тихо-де-Браге».. а другіе такъ и сами, съ Гоголевымъ судьею, доходятъ до того же. Русская Исторія подвергается этой участи по преимуществу. Долго толковали ученые о происхожденіи Руси, написали библіотеку, и наконецъ кончили дѣло; въ послѣднія двадцать лѣтъ нашлись, къ счастію, еще новыя неожиданныя свидѣтельства, и вопросъ этотъ, казалось, рѣшенъ былъ окончательно. Ученые пошли впередъ....

Нѣтъ, время отъ времени, появляются новые атлеты, которые заводятъ старую пѣсню на новый ладъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ Спб. Вѣдомостей являются опять *Славяне*, которые говорятъ, что они доказали «яснѣе солнца (смерче солнце) нѣкоторыя свои положенія, — «что за нихъ есть доказательствъ много (!) весьма ясныхъ и убѣдительныхъ (!!). Скандинавоманы опровергнуть ихъ не могутъ (!!!), но все-таки имъ не вѣрятъ (!!!!). Что дѣлать?»

Поиграемте въ шахматы, милостивые государи! Предлагаю эту игру всей честной компаніи Славянофиловъ, какъ вы себя называете. Уступаю вамъ право перваго хода, даю впередъ двухъ слоновъ, двухъ коней, сколько угодно пѣшекъ. Выступайте же соединенными силами чрезъ Пе-

Digitized by Google

тербургскіе журналы, т. е. предлагайте мнѣ сообща какое угодно доказательство въ пользу Славянскаго происхожденія Варяговъ-Руси, или какое угодно опроверженіе мнѣнія о Норманскомъ происхожденіи. А я предложу вамъ свой отвѣтъ въ ближайшемъ нумерѣ Москвитянина. Потомъ выступайте вы со вторымъ, третьимъ своимъ доказательствомъ, до послѣдняго. Такимъ образомъ переберемъ мы всѣ доказательства и опроверженія, одно за другимъ.

Толковать объ этомъ вопросѣ много — для публики скучно, для ученыхъ не нужно, а прочесть по страничкѣ въ Смѣси никому не будетъ въ тягость. Мое условіе одно — ступать по одному шагу, какъ требуетъ правило шахматной игры.

Я говорю, кажется, ясно, но во избѣжаніе недоразумѣній, поясню свое предложеніе примѣромъ. Положимъ, вы отказались бы начинать, и пожелали бы, чтобъ это сдѣлалъ я — извольте. Я скажу тогда: 1, опровергните мнѣ Норманнскія имена Рюрика, Трувора, Олега, Игоря, Свѣнельда, Руалда, Карла.... Вотъ мой первый ходъ.

Этого мало: я предложу вамъ, если хотите, двадцать своихъ ходовъ, и позволяю избрать изъ нихъ какой *вамъ*, а не мнѣ, угодно. Велите мнѣ, напримѣръ, начать, съ Нестора, или съ Арабовъ, или съ Русскихъ названій Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго, и проч.

Точно также прошу я теперь и васъ — дайте мнѣ, коротко и ясно, одно какое-нибудь *ваше* доказательство, или опроверженіе, и я немедленно представлю вамъ мой отвѣтъ; послѣ представите вы второе, и такъ далѣе; но, повторяю, для ясности и противъ скуки, по одному.

Противники, разумѣется, никогда не соглашаются, такъ не согласимся и мы; мы вѣроятно будемъ даже трубить побѣду, каждый въ своемъ станѣ, но читатели, по крайней мѣрѣ, увидятъ, на чьей сторонѣ больше истины, если даже не вся.

Арена открыта, перчатка, брошена ожидаю противниковъ!

Скандинавоманъ.

Digitized by Google

О РЕЦЕНЗІИ Г. КАВЕЛИНА КРУГОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ. Меня упрекали въ строгости приговоровъ нѣкоторымъ трудамъ молодыхъ Русскихъ ученыхъ по части Русской Исторіи. Можетъ быть, эта строгость происходила частію отъ моего отношенія къ нимъ, какъ Профессора; непремѣнно надо пройдти нѣсколько времени, чтобъ Профессоръ отвыкъ видѣть въ такомъ авторѣ своего студента: иначе, читая его, почти невольно пишешь или даешь категорическую аттестацію — пять, четыре, или менѣе. За то ничего не бываетъ пріятнѣе обязанности похвалить какой-нибудь прекрасной, примѣчательный трудъ ихъ или опытъ, впослѣдствіи. Прочтите рецензію Г. Кавелина Сочиненій Круга въ Отечественныхъ Запискахъ: любо читать! А мнѣ еще вдвое, потому что я давно предсказалъ о немъ, отвѣчая на его рецензію моихъ Изслѣдованій: «на успѣхъ Г. Кавелиная надѣюсь, лишь только оставь онъ предубѣжденія». Напомню кстати объ его прежней системѣ: вся Исторія въ личности, личности до Петра у насъ нѣтъ, слѣд. и въ Исторіи искать нечего. Напомню и свой отвѣтъ: личность бываетъ различна; если нѣтъ одной, то есть другая. Ее-то и надо искать, и опредѣлять въ нашей Исторіи. Въ лицѣ, напримѣръ, Филиппа Митрополита нѣтъ западной личности, а кто же осмѣлится отказать ему въ особенной личности? Такъ личность западная и исключительность, сепаратизмъ, отражаются во всѣхъ явленіяхъ и учрежденіяхъ гражданскихъ, а у насъ начало общинное; потому-то западный человѣкъ и снизшелъ на степень пролетарія, а на Святой Руси никто съ голоду не умиралъ, и умереть не можетъ. Но возвратимся къ рецензіи Г. Кавелина. Послушаемъ какъ прекрасно, напримѣръ, онъ описываетъ ожиданіе Кругомъ суда отъ Шлецера: «не нужно предполагать въ немъ непомѣрное самолюбіе, тщеславіе, или излишнее преклоненіе передъ авторитетами, чтобъ найдти эту озабоченность весьма естественной и понятной. Кто знаетъ и умѣетъ цѣнить высокія заслуги Шлецера въ критической Русской Исторіи, кто когда-нибудь самъ выступалъ впервые съ новымъ взглядомъ — результатомъ добросовѣстныхъ трудовъ и мысли, вскормленной и взлелѣянной съ любовью — передъ

Digitized by Google

судъ людей, составившихъ себѣ заслуженное имя въ наукѣ, уже много для нея сдѣлавшихъ и опытныхъ, тотъ не обвинитъ Круга.» Или: «Мы не имѣемъ никакого понятія о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми должны были бороться наши ученые, какихъ-нибудь тридцать лѣтъ назадъ.» Еще одну выписку объ Исторіи мы отлагаемъ до слѣдующей книги.

Въ рецензіи Круговыхъ разсужденій Г. Кавелинъ ограничился по большой части, только изложеніемъ ихъ содержанія. Но онъ прочелъ внимательно книгу, и слѣдовательно пріобрѣлъ много для будущихъ своихъ рецензій. Мы возвратимся скоро къ его статьѣ. *М. П.*

АВТОРУ ЛИДІИ И МАРКИЗЫ ЛУЙДЖИ.

Кто бъ ни былъ ты, иль кто бъ ты ни была,
Привѣтъ тебѣ, мечтатель вдохновенный,
Хотя привѣтъ безвѣстный и смиренный
Не обовьетъ вѣнцомъ тебѣ чела.
Впередъ, впередъ безъ страха и сомнѣній;
Темна стезя, но твой вожатый геній!

—

Ты не пошелъ избитою тропой,
Не послужилъ ты прихоти печальной
Толпы пустой и мелочной,
Новѣйшей школы натуральной;
До пресыщенья не ласкалъ
Голядкина любезный идеалъ.

—

Но прожилъ ты, иль прожила ты, много,
И много безднъ душа твоя прошла,
И смутная живетъ въ тебѣ тревога;
Величіе добра и обаянье зла

Digitized by Google

Равно извѣданы душей твоей широкой.
И образъ Лидіи, мятежный и высокой,
Не изъ себя ль самой она взяла?

—

Есть души пре́дъизбра́нныя судьбою:
Въ добрѣ и злѣ предѣловъ нѣтъ для нихъ;
Отмѣченъ помыслъ каждый ихъ
Какой-то силой роковою.
И имъ покоя нѣтъ, пока не изольютъ
Онѣ иль въ образы иль въ звуки,
Свои таинственныя муки.
Но ихъ не многіе поймутъ.
Толпѣ неясны ихъ желанья,
Тоска ихъ — слишкомъ тяжела
И слишкомъ смутны ожиданья.

—

Пусть такъ! Кто бъ ни былъ ты иль кто бъ ты ни была,
Впередъ, впередъ, хоть по пути сомнѣній,
Кто бъ ни былъ твой вожатый, духъ ли зла,
Или любви и мира геній!

1848. Декабрь.

Редакція помѣщаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ это посланіе, но считаемъ долгомъ замѣтить поэту, что напрасно онъ смѣшиваетъ двухъ вожатыхъ: мы желаемъ ему, чтобъ онъ слѣдовалъ внушеніямъ только послѣдняго, а въ авторѣ Лидіи и Маркизы Луиджи ни сколько не сомнѣваемся.

Въ статьѣ о горельефахъ на с. 11, послѣ 2-й строки сверху, пропущены слова: на томъ свѣтѣ, по мнѣнію Грековъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ГАЛЛЫ ДРЕВНЕЙ, СРЕДНЕЙ И НОВОЙ ИСТОРІИ.

I.

НРАВЫ ГАЛЛОВЪ ДО Р. Х.

Вотъ что говоритъ объ нихъ *Picot* въ Histoire de Gaulois, по преданіямъ историковъ.

«Галлы были дебелы, но вялы и лѣнивы; они не могли переносить тягостей труда. Историкъ Флоръ сравниваетъ ихъ съ снѣгами Альповъ: «въ жаркой битвѣ, они какъ-будто таютъ, обливаясь потомъ.» Полибій говоритъ, что первый напоръ ихъ мужественъ, а второй женообразенъ. Галлы предаются охотно разврату и упоенію. Они малодушны, любопытны до крайности, измѣнчивы, непостоянны въ своихъ рѣшеніяхъ, жадны на новости, рѣшаются на все по первому порыву. Наклонность къ измѣнчивости и малодушіе ихъ переходятъ часто въ предательство; непостоянство ихъ вошло въ пословицу, какъ коварство Карѳагенцевъ.

«Галлы были тщеславны и самохвальны. Когда удавалось имъ одерживать побѣду, молодечество ихъ и похвальба другъ передъ другомъ доходили до варварства. Пируя побѣды, они предавались безчинству, мягкой ихъ нравъ превращался въ звѣрство, жестокость и преступленія становились забавой; варварство ихъ съ плѣнниками было невообразимо; они ихъ мучали, не было пощады ни женамъ, ни старцамъ, ни дѣтямъ.

Digitized by Google

Quin etiam ingenio fluxi (говоритъ Silius Italicus), sed primo feroces vaniloquum, Celtae, genus ac mutabile menti respectare domos; macrebant coede sine ulla (insolitum sibi) bella geri, siccasque cruore inter tela siti Mavortis hebescere dextras. «Ихъ жадность и подкупность были причиной кровавыхъ войнъ въ землѣ, куда они были переселены. Стоитъ только взглянуть на исторію ихъ поселеній въ Азіи, чтобъ убѣдиться. Они вступали въ союзъ только съ государями богатыми и щедрыми, и по истинѣ заслужили эпитетъ *продажныхъ душъ* (d'ames vénales), который имъ дали древніе. Эта жадность къ пріобрѣтеніямъ была вредна и для нихъ самихъ: они не понимаютъ своихъ собственныхъ выгодъ....»

II.

ПОЭТЪ МАРИНО И ПАРИЖЪ ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

12 іюня, 1624 года, долговязый, сухой тріумфаторъ, въ родѣ героя Сервантеса, въѣзжалъ торжественно въ Неаполь. Въ великолѣпной одеждѣ, съ золотой цѣпью на груди, съ довольствіемъ на длинномъ смугломъ лицѣ, съ короткимъ носомъ, съ выдавшимся подбородкомъ, онъ кланялся вправо и влѣво, на клики народа: evviva! и на посылаемые ему со всѣхъ сторонъ поцѣлуи, изъ каретъ, съ балконовъ, изъ оконъ домовъ. Вокругъ него, задыхаясь бѣжали смуглые лазарони, и бросали подъ ноги коня его розы Пестума. Сопровождаемый благородными Неаполитанцами, которые шли, шляпы въ рукахъ и возбуждали восторгъ толпы, онъ пріостанавливался подъ каждымъ балкономъ, съ котораго, при громѣ восклицаній, цвѣты сыпались на всклокоченную его голову.

Передъ конемъ тріумфатора шелъ молодой человѣкъ, размахивая краснымъ знаменемъ, на которомъ горѣли отъ солнца вышитыя золотыя слова:

Al nome
Del cavalier Gio Baptista Marino
Mare
D'incomparabile dottrina,
Di feconda erudizione,
Anima della poesia, spirito
Delle lettere,

Digitized by Google

Norma de'poeti, scopo delle penne,
Materia degli inchiostri,
Facondissimo, fecondissimo
Tesoro di preziosi concetti,
Miniera di peregrine invenzioni,
Felice fenice de letterati,
Miracolo degl'ingegni
Stupore delle muse,
Decoro del lauro, gloria di Napoli,
Degli oziosi cigni prencipe meritissimo,
Dell'italiche muse Apollo non favoloso,
Dalla cui gloriosa penna
Il poema riceve i proprii fregi,
L'orazione i naturali colori,
Il verso la vera armonia,
La prosa il perfetto artifizio,
Ammirato da'dotti, honorato da'regi,
Acclamalo dal modno
Celebrato dall'istessa invidia
Questi pochi inchiostri,
Picciolo tributo di povero rivoli
Donato faciuti,
Debitamente dona e meritamente
Consecra. *

Такъ возвратился изъ Франціи на родину, и торжественно встрѣченный ѣхалъ въ свой палаццо, поэтъ Марино, литературная шумиха XVII вѣка; ловкій на выборъ обстоятельствъ для

* Имени кавалера Ж. Б. Марино, глубокой учености, богатѣйшихъ познаній; душѣ поэзіи, духу письменъ, кормилу поэтовъ, острію пера, потоку чернилъ, краснорѣчивѣйшему, сокровищницѣ драгоцѣнныхъ соображеній, источнику чудныхъ изобрѣтеній, диву въ геніяхъ, счастливѣйшему фениксу въ литераторахъ, изумленію въ музахъ; украшенію лавра, славѣ Неаполя, достойнѣшей главѣ „безпечныхъ лебедей," не баснословному Аполлону музъ Италіи, котораго славное перо даетъ поэмѣ настоящее достоинство, рѣчи естественный ходъ, стиху гармонію, прозѣ совершенное искусство; приводящему въ изумленіе ученыхъ, возвеличенному государями, превознесенному всѣми, прославленному даже завистію, сіи краткія строки, ничтожная дань „малаго источника", Доната Фачіути, приношеніе и даръ достойно посвящаемый.

Digitized by Google

декорацій и на обстановку себя въ живыхъ современныхъ картинахъ общества; носясь между пошлостями, пустотою и пустословіемъ, риѳмуя ко всѣмъ и ко всему, выплетая изъ словъ узоры, вооружаясь и возставая на древнихъ и на всѣ авторитеты, приправляя свои поэмы остротами и выходками, Марино, восторгами своихъ современниковъ, за свою пѣсню i Basi (поцѣлуи), поставленъ былъ выше Данта и Тассо.

Вкусы Испаніи и Италіи царствовали въ это время во Франціи. Анна Австрійская, дочь Филиппа III, короля Испанскаго, и кардиналъ Ришельё, заботились о водвореніи Испанскихъ, а Марія Медицисъ, Мазарини и Пизани — Итальянскихъ.

Въ 1610 году адепты круга Итальянскаго возрадовались слухамъ, что величайшій Итальянскій поэтъ Марино, вызванный маршаломъ д'Анкръ, ѣдетъ въ Парижъ.

Представитель новаго общества, лишеннаго энергіи, національности и достоинства, смѣшеніе разномыслія, Венеціянской нѣги и Мавро-Испанской узорочности, бренчащей словами и звучными фразами, Жанъ-Баптисто-Марино, дѣйствительно пріѣхалъ, взволновалъ умы Французовъ и сдѣлался предметомъ подражанія, руководителемъ литературной моды.

Какъ нельзя лучше умѣлъ онъ воспользоваться своимъ талантомъ льстить самолюбію и обольщать воображеніе. Онъ не щадилъ диѳирамбовъ въ честь націи, правительницы Франціи Маріи Медицисъ, ея сына Людовика XIII, маршала д'Анкръ, Кончино-Кончини и всѣхъ *великихъ* того времени.

Воспѣвая «le bellezze corporali de la reina» и получая двѣ тысячи червонныхъ пенсіи и всѣ возможныя почести, Марино потѣшался общимъ къ нему восторгомъ, и писалъ о Парижѣ и Французахъ, въ письмахъ къ своему другу Лоренцо Ското, слѣдующее:

«Вотъ я и въ Парижѣ, отчаянно вдался во Французскій языкъ, а изучилъ только два слова: *oui* и *non*. Это однако же большой успѣхъ: это все чѣмъ можно высказать свое согласіе или отрицаніе. Чтожъ повѣдать тебѣ объ этой землѣ? Это особенный міръ по величинѣ, разнообразію и населенію, особенный міръ и по нелѣпостямъ. Онъ дышетъ противоположностями, и совокупленіе этихъ крайностей его поддерживаетъ. Именно: Франція есть одно только государство въ мірѣ, гдѣ противорѣчія, несоотвѣтственности

Digitized by Google

и нестройности во всемъ, образуютъ ту несвязность, разладицу, дисгармонію, какъ условіе, на которомъ все держится. Одежда шутовская, глупости ужасныя, измѣненія безпрестанныя, внутреннія междоусобія безконечныя, безпорядки вонъ изъ рукъ, крайности безмѣрныя, распри, поединки, насилія, путаница, суматоха — словомъ, все, что должно уничтожать всякое другое государство, даетъ Франціи возможность существовать. Говорю тебѣ, что этотъ міръ, или, лучше сказать, мірище, чуднѣе самого міра. Тамъ женщины мужчины, а мужчины женщины. Тамъ женщины управляютъ, мужчины же, напротивъ, присвоили женское кокетство, напыщенность и щегольство. Дамы употребляютъ всѣ средства, чтобъ казаться блѣдными, и можно подумать, что онѣ страдаютъ перемежающейся лихорадкой. Чтобъ казаться красивѣе, онѣ наклѣиваютъ на лицо мушки и разные пластыри, пересыпаютъ волоса какой-то мукой, отъ чего кажутся сѣдыми; съ непривычки я принималъ всѣхъ за старухъ. Что же касается до костюма, то онѣ окружаютъ себя чѣмъ-то въ родѣ обручей, называемыхъ *vertugadins*; это придаетъ имъ важности и объему. Мужчины, даже во время сильнаго холода, ходятъ въ рубашкахъ; правда, что многіе озабочиваются о томъ, чтобъ подъ этими исподницами носить верхнюю одежду; у нихъ грудь и шея открыты, воротъ раздутъ какъ парусъ; манжеты рубашекъ длиннѣе рукавовъ одежды, и потому они отворачиваютъ ихъ къ локтю, такъ, что во всякомъ случаѣ, они носятъ исподницы поверхъ платья. Мужчины носятъ сапоги со шпорами, и эта странность считается у нихъ за важную вещь и достоинство. Я видѣлъ многихъ, у которыхъ не только нѣтъ клячи на конюшнѣ, но которые даже съ роду не ѣзжали верхомъ, а между тѣмъ иначе не являлись въ обществѣ, какъ всадниками, въ сапогахъ, вооруженныхъ шпорами. Право, они очень справедливо избрали эмблемой своей Гальскаго пѣтуха, у котораго всегда есть шпоры на лапахъ. Пѣтухи по шпорамъ, они кардиналы по краснымъ шапкамъ и краснымъ плащамъ. Вся остальная одежда состоитъ изъ смѣшенія цвѣтовъ, такъ что можно ее принять за палитру. На шляпахъ носятъ они перья длиннѣе лисьяго хвоста, а на головѣ другую голову, которая называется парикомъ. И вотъ каково одѣяніе, которое я долженъ носить, слѣдуя модѣ. Если бы ты видѣлъ меня въ этомъ нарядѣ мамелюковъ, ты бы расхохотался. Мои штаны едва дер-

Digitized by Google

жатся на поясницѣ. Глубину ихъ едва ли бы опредѣлилъ великій Евклидъ. И это все поддерживается серебряными булавочками, которыя меня ставятъ иногда въ затруднительное положеніе. Мнѣ надо было 2 локтя кружевъ, чтобъ закрыть ноги до половины икръ, по которымъ они хлещутъ при каждомъ движеніи. Такимъ образомъ архитектура этого украшенія ногъ дорическая, со всѣми принадлежностями. Не забудь при этомъ, что голова посреди накрахмаленной кисеи точно въ чашѣ, и торчитъ неподвижно какъ гипсовая. Что касается до обуви, то это что-то такое вмѣстѣ и сапоги, и чулки, и паголенки, и похожа на ботинки господина Энея на нѣкоторыхъ старыхъ гравюрахъ. Чтобъ надѣвать ихъ на ногу, не нужно большихъ усилій: отверстіе такъ широко, что въ нихъ ходишь какъ полуобутый. На сгибѣ ноги розовые банты, или, лучше сказать, кочни капусты, составленные изъ лентъ, и я совершенно похожъ на мохноногаго голубя. Подъ пятой подставка въ два или три дюйма, которая возвышаетъ меня. Моя огромная лiонская шляпа, изъ сураго войлока, затмила бы императора Марокскаго; она острѣе сельской колокольни. Здѣсь, впрочемъ, все остро: шляпы, плащи, чеботы, прическа, мозгъ и даже крыши домовъ. Дворяне проводятъ и ночь и день въ прогулкѣ, и за жужжащую въ ухо муху вызываютъ другъ друга на поединокъ — тутъ же, на мѣстѣ, шпаги наголо. А что всего хуже, такъ это то, что кавалеръ, которому придетъ подобная фантазія въ голову, избираетъ обыкновенно въ секунданты перваго встрѣчнаго, знакомаго и незнакомаго; отказываться нельзя — безчестно; и вотъ одна изъ нелѣпостей.... Очень легко, что на дняхъ же ты услышишь, что я парировалъ tierce и quarte, за честь какого-нибудь неизвѣстнаго, и дозволилъ убить себя изъ учтивости. Между пріятелями и друзьями здѣсь въ обычаѣ столько учтивостей и привѣтствій, что для достиженія познанія дѣлать ловкіе поклоны, надо итти въ науку къ танцовальному учителю. Разговоръ между двумя особами здѣсь начинается всегда съ балета.

«Дамы не на столько застѣнчивы, чтобъ отказаться отъ поцѣлуевъ въ обществѣ, и съ ними обходятся такъ свободно, что пастушокъ торжественно можетъ изъясняться съ своей пастушкой очень спокойно. Въ заключеніе, здѣсь только и видно, что игры, балеты, пиры, разговоры, маскарады и обѣды. Здѣсь болѣе уби-

Digitized by Google

ваютъ скота въ одинъ день, нежели природа производитъ въ годъ. Каплуны, заднія части баранины и ребрышки (котлеты), въ продолженіе цѣлаго дня жарятся на вертелѣ, передъ пылающимъ, какъ адъ, огнемъ, и доказываютъ вѣчное движеніе.

«Здѣсь вода продается точно такъ же, какъ капорсы, сыръ и каштаны. Что же касается до плодовъ, то ихъ и въ поминѣ нѣтъ. Надо дать цѣлый мѣшокъ золота за лимонъ или апельсинъ. Вино течетъ потокомъ, и бутылка, переходящая изъ рукъ въ руки, безпрестанно предъ глазами. И все это ничто передъ непостоянствомъ здѣшней погоды, которая, какъ-будто сообразуясь съ нравомъ жителей, непостоянна и ненадежна. Четыре времени года взяли въ привычку здѣсь являться попеременно ежедневно. И потому надо имѣть въ запасѣ всегда четыре плаща, по крайней мѣрѣ, чтобъ перемѣнять ихъ каждый часъ, — первый отъ дождя, второй отъ града, третій отъ вѣтра, четвертый отъ солнца. Сверхъ того, солнце имѣетъ здѣсь обычай показываться не иначе, какъ замаскированнымъ, какъ дамы. Дождь очень полезенъ для добраго града Парижа; онъ обмываетъ улицы, безъ чего онѣ покрыты такой дьявольской грязью, которая липнетъ хуже смолы. На Новомъ мосту (Pont Neuf) у нихъ подъ часами статуя Самаританки, вѣроятно для того, чтобъ всѣ здѣшнія женщины, въ подражаніе ей, снабжали себя пятью мужьями. Языкъ Французскій также сумазброденъ: то, что мы называемъ золотомъ, у нихъ серебро (argent), полдникъ называется завтракомъ, *городъ* (cité) *виллой* (villa). — Они заняли у Готфрида *Бульонскаго* часть имени для названія навара говяжьяго. Когда я возвращусь въ Туринъ, пожалуйста приготовь мнѣ хорошій балконъ, на которомъ я покажусь во Французской одеждѣ, на забаву маленькимъ дѣтямъ, во время масляницы.»

III.

ГАЛЛЫ СОВРЕМЕННЫЕ, ПО СОБСТВЕННЫМЪ СЛОВАМЪ. *

«Еслибъ мы рѣшились писать исторію измѣнъ и предательствъ, то намъ стоило бы только изложить содержаніе исторіи Франціи.

---

* Изъ Illustration.

Digitized by Google

«Во всѣ времена предательство было у насъ въ ходу и въ почестяхъ. Нѣтъ ни одного народа въ Европѣ, который бы представлялъ въ своей исторіи такой непрерывный рядъ коварства и вѣроломства. У насъ патріотизмъ плохо укоренен ъ: личная выгода всегда брала верхъ надъ обязанностію гражданской.

«Ясно возчувствовали мы это послѣ событій февральскихъ. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ жадность частнаго честолюбія начала торговать общественнымъ благомъ, и, для наслѣдія власти, задумывать гибель націи.

«Во всѣхъ другихъ государствахъ, каждый гражданинъ подчиняется общественнымъ условіямъ. Патріотизмъ совокупляется съ религіознымъ вѣрованіемъ, и если кто не преданъ душою какой-либо сторонѣ, тотъ по крайней мѣрѣ отказывается служить ей, а не притворяется защитникомъ, для того, чтобъ удобнѣе погубить ее.

«Это матеріальное начало наклонности духа къ предательству, даже въ самыхъ образованнѣйшихъ лицахъ, проистекаетъ изъ нашего философскаго образованія: Франція есть отчизна скептицизма. *Сомнѣваться*—значитъ у насъ быть благоразумнымъ; *сомнѣться* — значитъ быть образованнымъ; *сомнѣваться* — значитъ стоять выше предразсудковъ и невѣжества простонародія.

«Три вѣка, предшествовавшіе нашему, преобладаемые скептицизмомъ Монтаня и Петра Шаррона, водворили и душу и тѣло этой философіи сомнѣнія во всемъ и невѣрія ко всему. Царствованіе Людовика XV и Вольтеръ утвердили печатью дѣло рушенія религіи и разтлѣнія нравственнаго. Философія замѣнила религію, пренія о вѣрованіи замѣнили самое вѣрованіе; частное своевольное умствованіе замѣнило вѣру — единую и неизмѣнную.

«Скептицизмомъ мы напитались, онъ управляетъ событіями, нравами, литературой, обществомъ и семействомъ.

«Время подумать о перемѣнѣ общественнаго образованія, съ основанія до вершины, если мы желаемъ, чтобъ наша республика не продалась наконецъ съ молотка.

Digitized by Google

«Когда изгладимъ въ себѣ матеріализмъ общественныхъ нравовъ и ученій коммунизма, подозрительность не будетъ раждаться въ душахъ, потому что *о чужой совѣсти мы судимъ по своей собственной.*»

Какъ много жалкаго въ этомъ собственномъ сознаніи; но какъ давно порча въ этомъ организмѣ! *

«Если бы дозволено было когда-нибудь, — говоритъ Шатобріанъ, — нарушать законъ справедливости подъ видомъ цѣлей блага-общественнаго, то посмотрите, куда это ведетъ: сегодня власть въ твоихъ рукахъ, и ты убиваешь во имя свободы, равенства и терпимости; а завтра власть переходитъ въ другія руки, и тебя убьютъ во имя рабства, неравенства и фанатизма.»

«Благодареніе Богу, что преступленіе не приноситъ добраго плода, и несправедливость пользы.»

---

* Не говоря о рѣзнѣ Варѳоломеевской, когда въ одну ночь, въ одномъ Парижѣ, избито Французами 80,000 Французовъ, революція 1793 г. пожрала:

Ноблей мужескаго пола	1,278
—— женскаго	750
Женъ поселянъ и ремесленниковъ	1,467
Монастырокъ	350
Духовныхъ лицъ	1,130
Людей различнаго состоянія	13,633
Женщинъ, умершихъ отъ страха преждевр. родами	3,400
Женщинъ беременныхъ	348
Женщинъ, убитыхъ въ Вандеѣ	15,000
Дѣтей	22,000
Казненныхъ въ Вандеѣ	900,000
Жертвъ въ Нантѣ	32,000
——— въ Ліонѣ	31,000
	1,022,356

Digitized by Google

ДРЕВНІЯ ТѢЛЕСНЫЯ ЗАПИСИ, ПРИ СОВЕРШЕНІИ АКТОВЪ ВЪ РИМѢ, ВО ФРАНЦІИ И ГЕРМАНІИ.

За 3000 лѣтъ до нашего времени памятные акты и свидѣтельства совершались просто, какъ видно изъ законовъ Ману. Собравшіеся, напримѣръ, свидѣтели какого-нибудь размежеванія, взявъ горсть земли и держа надъ головой, клялись въ вѣрности показанія, имена ихъ записывались и тѣмъ дѣло кончалось. За ложныя показанія виновный платилъ *двѣсти пана*.

Въ послѣдствіи, неизвѣстно, сама ли память вышла изъ головы, или выбили ее, только она поселилась на оконечности уха, по крайней мѣрѣ по утвержденію натуралиста Плинія, который говоритъ, что «оконечность уха есть сѣдалище памяти; и потому-то мы, избирая кого-нибудь въ свидѣтели, тянемъ его за ухо.» И дѣйствительно, Римляне, для свидѣтельства въ тяжбахъ, тянули свидѣтелей за ухо. Въ *Перса*, комедіи Плавта, Дордалъ удивляется, что Сатуріонъ вызываетъ его на судъ безъ свидѣтелей. Сатуріонъ отвѣчаетъ: неужели ты думаешь, мошенникъ, что изъ-за тебя я захочу драть уши честному человѣку? — Горація заговорилъ одинъ несносный знакомецъ на улицѣ; «къ счастію, говоритъ Горацій, что попался на встрѣчу его заимодавецъ, и крикнувъ: куда ты, бездѣльникъ?—обратился ко мнѣ, и просилъ позволенія взять меня въ свидѣтели. — Я съ удовольствіемъ протянулъ ухо.»

Франки, овладѣвшіе Галліей, издавна были матеріалисты, и не надѣясь на умственную память, учредили тѣлесную слѣдующимъ постановленіемъ: «кто купитъ землю, виноградникъ или иное имущество, тотъ долженъ явиться на мѣсто, гдѣ совер-

Digitized by Google

лось *преданіе* (tradition), съ тремя, шестью, или двѣнадцатью свидѣтелями, смотря по значительности пріобрѣтенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приведетъ съ собой такое же число ребятъ, и заплативъ условленную плату, онъ озаботится дать имъ всѣмъ по нѣскольку оплеухъ и выдрать уши, чтобъ они впредь помнили что̀ свидѣтельствовали.»

Въ законодательствахъ Германіи акты пріобрѣтеній совершались такимъ же образомъ. Въ концѣ различныхъ актовъ Баварскихъ, одиннадцатаго и двѣнадцатаго столѣтія, приписано: «свидѣтелямъ сего акта, такимъ-то, драли уши.»

По акту 12 апрѣля 1126 года, которымъ Папа Гонорій II утвердилъ права аббатства Альтагъ, тридцати осьми благороженнымъ выдрали уши. Порода и званіе не мѣшали этому: между подобными свидѣтелями встрѣчаются значительныя лица, напримѣръ Генрихъ, герцогъ Каринтіи, Генрихъ, герцогъ Саксоніи, и тьма графовъ, маркизовъ, префектовъ; но замѣчательно, что духовныя лица, присутствовавшія при совершеніи подобныхъ актовъ, не подвергались этой церемоніи.

Во Франціи оплеухи взяли верхъ насъ драніемъ ушей. Вклады Гюи Монфокона въ церковь Аутунскую утверждены въ 1122 году, Понсомъ, каноникомъ Ребельскимъ, который былъ свидѣтелемъ ихъ въ дѣтствѣ, и «*получилъ оплеуху для памятованія.*» Въ 1034 году, Робертъ, герцогъ Нормандіи, послалъ юнаго сына своего Вильгельма, положить на престолъ храма св. Петра Преосскаго актъ, по которому онъ уступалъ аббатству владѣніе Тюрстинвиль. Три юноши присутствовали при этой церемоніи: сынъ Гумфрида Преосскаго, Гугъ де Валеранъ и Ричардъ де Лильбонъ. Когда условія были совершены, Гумфридъ кинулся на нихъ и началъ тузить.

— Что ты это? — спросилъ, по точнымъ словамъ хроники, изумленный Ричардъ: — для чего ты влѣпилъ мнѣ оплеуху?

— Любезный другъ, — отвѣчалъ Гумфридъ, — за то что ты моложе меня, безъ сомнѣнія дольше проживешь, и при случаѣ будешь свидѣтельствовать это условіе.

Digitized by Google

Во время рыцарства всѣ вновь принимаемые въ ордена получали непремѣнно въ задатокъ заушины, подзатыльники и оплеухи. Это былъ неизбѣжный обрядъ.

Во Франціи, при заключеніи условій былъ также обычай сѣчь или пороть дѣтей для памяти и свидѣтельствованія. Въ народѣ, по выраженію »битье не мука, впередъ наука,» во многихъ департаментахъ по сію пору продолжается обычай *наказывать* впередъ съ *наказомъ* не дѣлать худаго. — По смыслу словъ этотъ обычай былъ и у насъ. Какъ онъ ни страненъ, но старики не для удовольствія же дѣлали это; вѣроятно, во времена эпидеміи безнравственности не знали другаго средства, кромѣ прививанія наказанія для предупрежденія отъ заразы, какъ мы, въ предупрежденіе отъ оспы повальной, по сію пору не знаемъ благороднѣе средства, какъ прививать оспу коровью.

УВЕСЕЛЕНІЯ И КОСТЮМЫ ВРЕМЕНЪ ШЕКСПИРА.

(Изъ сочиненія Натана Дрэка „Shakspeare and his times.“)

Шекспиру былъ двѣнадцатый годъ, когда, лѣтомъ 1575 года, случилось одно происшествіе, сдѣлавшее сильное впечатлѣніе на его умъ; это было посѣщеніе королевою Елисаветою великолѣпнаго графа Лейчестера въ замкѣ Кенильвортъ. О томъ, что молодой Шекспиръ былъ зрителемъ празднествъ, данныхъ по этому случаю, упоминается впервые епископомъ Перси, въ его «Опытѣ о происхожденіи Англійской сцены.»

Изъ слѣдующаго краткаго очерка можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о блистательномъ великолѣпіи и изысканной пышности этого царственнаго Кенильвортскаго праздника.

Графъ встрѣтилъ королеву въ субботу, 9-го іюля 1575 года, въ городѣ Лонгъ-Ичингтонѣ, лежащемъ въ семи миляхъ отъ

Digitized by Google

Кенильворта; здѣсь онъ, для принятія ея величества, велѣлъ выстроить столь великолѣпную бесѣдку, которая, «по своему изяществу,» говоритъ Лэнгэмъ, «справедливо можетъ быть сравнена съ прекраснымъ дворцемъ, а по своей величинѣ и пространству съ городомъ или, лучше, цитаделью,» и, чтобы дать своимъ читателямъ болѣе вѣрное понятіе о ея величинѣ, прибавляетъ, что «на нее употреблено семь возовъ однихъ гвоздей.» При вступленіи королевы въ замокъ графа, передъ нею явился плавучій, блестящій огнями островъ, на которомъ сидѣла владычица озера съ двумя нимфами; она обратилась къ ея величеству со стихами, въ которыхъ разсказывалось о древности и владѣтеляхъ замка; эта рѣчь была заключена звуками роговъ и другихъ подобныхъ музыкальныхъ инструментовъ. На главномъ дворѣ, для прохода королевы, былъ построенъ величественный мостъ въ двадцать футовъ шириною и семьдесятъ длиною; по обѣимъ его сторонамъ стояли колонны, и на нихъ приношенія королевѣ отъ боговъ. Сильванъ предлагалъ ей клѣтку съ дикими птицами, а Помона разныхъ родовъ плоды, Церера — хлѣбъ, а Бахусъ — вино; Нептунъ представлялъ морскую рыбу, Марсъ вооруженіе, а Фебъ всякіе музыкальные инструменты. Во все время пребыванія ея въ замкѣ, увеселенія и представленія смѣнялись ежедневно. На охотѣ являлся дикарь, покрытый плющемъ и сопровождаемый сатирами; были медвѣжьи травли, фейерверки, италіянскіе фигляры, деревенскія брачныя празднества, военныя игры, мавританскіе танцы, и, чтобы не было недостатка ни въ какихъ увеселеніяхъ, сюда прибыли ковентрійскіе актеры, и съиграли старинную комедію «Гоккъ Тувздв, — нѣчто въ родѣ турнира, въ которомъ представлялось пантомимами, какъ Англичане, въ царствованіе короля Этельреда, разбили Датчанъ. Сверхъ этого на прудѣ плавалъ Тритонъ на сиренѣ въ осмнадцать футовъ длиною, а Аріонъ на дельфинѣ. — Объ издержкахъ, употребленныхъ на этотъ праздникъ, можно судить потому, что одного простаго пива было здѣсь выпито триста двадцать боченковъ. Однимъ словомъ, онъ былъ столь великолѣпенъ, что, по словамъ епископа Гёрта, «заслуживаетъ быть упомянутымъ въ лѣтописяхъ Англіи.»

Набросавши очеркъ праздника временъ Шекспира, переходимъ къ костюмамъ того времени.

Digitized by Google

«Нѣтъ, можетъ быть, періода въ нашихъ лѣтописяхъ, говоритъ Дрэкъ, въ которомъ бы одежда представляла предметъ столь любопытный для изъисканій, какъ время царствованій Елисаветы и Іакова I.

«Сверхъ того, какъ говоритъ Гаррисонъ, непостоянство было такъ велико, что сегодня одѣвались по-Испански, завтра по-Французски, нынче предпочитали платье на манеръ верхне-Нѣмецкаго, а тамъ всѣмъ нравился только костюмъ Турокъ, который смѣняло платье Мавровъ, варварійскіе рукава, лакейскіе сертуки и короткіе Французскіе штаны, такъ что ни гдѣ нельзя было встрѣтить такого переодѣванья, какъ у Англичанъ, у которыхъ непостоянство модъ было всего постояннѣе. Прически были столь же различны: волосы стригли то подъ гребенку, то завивали, то отращивали на подобіе женскихъ, или, наконецъ, подрѣзывали выше или ниже ушей, въ кружокъ, на подобіе чашки. Бороды носили также очень разнообразныя—длинныя и короткія, круглыя и острыя, смотря потому, какая лучше шла къ лицу. Такимъ образомъ длиннолицые носили короткую бороду, а круглолицые длинную, и, наконецъ, если вѣрить Корнелію Чамерсфорду, многіе старики вовсе не носили бороды. Нѣкоторые придворные, а также и военные носили въ ушахъ золотыя, осыпанныя каменьями и жемчугомъ серьги.

Перейдемъ теперь къ одеждѣ дамъ, начиная съ королевы, которую описалъ Поль Ненцнеръ, видѣвшій, какъ онъ проходила въ дворцовую церковь въ Гринвичѣ. Упомянувъ о процессіи бароновъ, графовъ, кавалеровъ и пр., онъ продолжаетъ:

«Наконецъ появилась королева, которой, какъ намъ сказывали, было шестьдесятъ пять лѣтъ отъ роду, и которая, не смотря на это, была очень величественна. Лице ея продолговато, красиво, но въ морщинахъ; глаза у ней небольшіе, черные и пріятные; носъ немного загнутый внизъ, губы узкія и зубы черные (недостатокъ, которымъ, какъ кажется, страдаютъ Англичане отъ слишкомъ большаго употребленія сахару); въ ушахъ у ней висѣли богатыя жемчужныя серьги; она носила накладные волосы; на головѣ у ней была небольшая корона; грудь ея была

Digitized by Google

открыта, какъ и у всѣхъ замужнихъ Англичанокъ; на шеѣ у ней было прекраснѣйшее ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней; руки у ней малы, пальцы длинны; ростомъ она ни велика, ни мала; видъ ея величественъ, рѣчь пріятна и ласкова. Въ этотъ день на ней было бѣлое шелковое платье, украшенное по краямъ жемчугомъ величиною съ бобъ, — а сверхъ него черная шелковая съ серебромъ мантилія; шлейфъ ея платья былъ очень длиненъ, — его несла одна маркиза; вмѣсто цѣпи, на ней было другое, довольно длинное, золотое съ драгоцѣнными камнями ожерелье. Придворныя дамы, за нею слѣдовавшія, были прекрасны, хорошо сложены, и одѣты большею частію въ бѣломъ.»

Не многіе предметы изъ обыкновеннаго наряда Елисаветы, опущенные Ненцнеромъ, а особенно характеристическіе — стоячій воротничекъ (ruff) и душегрѣйка (stomacher) непремѣнно должны быть упомянуты. Первый часто обшитый кружевами и заглаженный въ складки, повидимому расходился съ затылка, какъ бы изъ центра; онъ былъ очень широкъ и стоялъ по обѣимъ сторонамъ лица; концы его лежали на груди, отъ которой и поднимались эти два батистовыя крыла, украшенныя драгоцѣнными каменьями, поддерживаемыя проволокою и доходившія до вершины головы, на которой волосы были взбиты въ видѣ подушки и богато покрыты драгоцѣнными каменьями. Душегрѣйка дѣлалась въ обтяжку и широкая, съ открытою грудью и длинною таліей; она была усѣяна дорогими каменьями и вся блестѣла золотомъ.

Англійскія красавицы наперерывъ соперничали другъ съ другомъ въ роскоши, разнообразіи и великолѣпіи. Указанія нѣкоторыхъ писателей могутъ пояснить намъ этотъ предметъ.

Бенедиктъ, описывая женщину, которую бы онъ выбралъ, говоритъ: «пусть волосы ея будутъ такого цвѣта, какъ угодно Богу;» — и въ этихъ словахъ заключается косвенный намекъ на господствовавшую во времена Шекспира моду красить волосы, которая, по своему всеобщему распространенію, вызывала не только что стрѣлы сатиры, но и порицанія проповѣдниковъ. Дамы не довольствовались обезображеніемъ своихъ собственныхъ волосъ, но вообще распространяли его и на чужіе, такъ что

Digitized by Google

тогда было самымъ обыкновеннымъ промысломъ заманивать въ скрытныя мѣста дѣтей, у которыхъ были прекрасные волосы, съ тѣмъ чтобы лишить ихъ локоновъ, возбуждавшихъ зависть. Шекспиръ, въ 68-мъ сонетѣ, говоритъ, что часто остригали самыхъ мертвецовъ. Полученные такимъ образомъ волосы красили въ песочный цвѣтъ, изъ лести къ королевѣ, локоны которой были этого цвѣта, и эти ложныя украшенія названы были париками.

Парики вошли въ Англію въ употребленіе около 1572 года, — и ихъ можно было имѣть всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Впрочемъ, въ ношеніи волосъ, также какъ и въ другихъ частяхъ наряда, было различіе между замужними женщинами и дѣвицами. Платья дѣвицъ, по замѣчанію Мориссона, дѣлались въ обтяжку, а передники изъ тонкаго полотна; онѣ ходили съ открытою головою и въ собственныхъ волосахъ, красиво завязанныхъ и поднятыхъ на лбу; но многія изъ нихъ (отъ холоду, какъ онѣ говорили) носили шапочки изъ чужихъ волосъ.

Къ числу различныхъ головныхъ уборовъ Шекспиръ относитъ *чепецъ-корабликъ* (ship-tire), *чепецъ-великанъ* (tire-voliant) * и чепецъ венеціянскій.

Чепецъ-корабликъ былъ, какъ кажется, открытый пышный головной уборъ съ шарфами или лентами, развѣвавшимися по воздуху, на подобіе флаговъ.

Чепецъ-великанъ (если текстъ Шекспира правиленъ) долженъ означать какой-нибудь головной уборъ, еще болѣе блистательный и пышный: вѣдь мы знаемъ, что въ эти времена великолѣпныхъ нарядовъ — перья, дорогіе камни, золото и серебро были обыкновенными украшеніями. Нашъ, въ 1594 году, говоритъ о «батистовыхъ чепцахъ съ бѣлоснѣжными серебряными кудрями» (curlings).

Венеція и Парижъ были источниками моды, и отъ времени до времени снабжали болѣе приличными и изящными дамскими головными уборами, чѣмъ тѣ, о которыхъ сказано выше.

---

* Признаемся, что лучше мы не могли перевести этихъ названій головныхъ уборовъ, тѣмъ болѣе, что и Дрэкъ описываетъ ихъ форму только предположительно.

Примѣч. переводч.

Digitized by Google

Французская наколка, любимый головной уборъ того времени, состоявшая просто изъ газу или кисея, шла отъ затылка ко лбу и оставляла волосы открытыми съ обѣихъ сторонъ. — Съ большимъ вкусомъ также надѣвались сверхъ приглаженныхъ волосъ серебряныя и золотыя сѣточки.

Другое удачное украшеніе состояло изъ граціозно-прикалываемыхъ къ волосамъ искусственныхъ стручьевъ, которые дѣлались открытыми, и въ которыхъ, вмѣсто горошинъ, вставлялись ряды жемчужинъ.

Утреннимъ головнымъ уборомъ былъ обыкновенно чепчикъ, завязывавшійся подъ бородою. Горожанки носили или великолѣпную бархатную шапочку, или такъ называемую «шапочку изъ сѣрой бѣлки» (Minever cap), съ тульею въ три дюйма вышины и объ трехъ углахъ.

Всѣ румянились и бѣлились явно. Маски и покрывала были во всеобщемъ употребленіи. Первыя дѣлались изъ бархата. Дамы, выѣзжая со двора, закрывали ими все лицо; только для глазъ прорѣзывались отверстія, черезъ которыя онѣ смотрѣли. Послѣднія закрывали только нижнюю часть лица не выше носа, и казались какою-то перевязкою,

Брыжи, или воротникъ, частію уже описанныя въ числѣ предметовъ, составлявшихъ нарядъ Елисаветы, равно употреблялись мужчинами и женщинами. Но подъ материнскимъ попеченіемъ дамъ они, по своей стоячести, тонкости, и величинѣ, достигли до величайшей степени нелѣпости. Сзади они доходили до самой верхушки головы, а батистъ, изъ котораго ихъ дѣлали, былъ такъ тонокъ, что Стовъ пророчествовалъ, что ихъ скоро станутъ дѣлать изъ паутины. Чтобы укрѣпить столь нѣжное зданіе, необходимо понадобилось множество крахмалу, употребленіе котораго было введено въ 1564 году, г-жею Дингенъ-фанъ Плессъ, продавшею свое искусство за нѣсколько гиней. Крахмаленіе было въ послѣдствіи усовершенствовано введеніемъ разныхъ красокъ.

Таліи носили тогда чрезмѣрно длинныя; корсетъ оканчивался внизу мысомъ; спереди его былъ карманъ для денегъ, шитья или записокъ.

Digitized by Google

Верхнія платья дѣлались тогда изъ богатѣйшихъ матерій съ бархатными, вышитыми капишонами и щегольски выкроенными рукавами. Модною юбкою былъ шотландскій фардингалъ, сдѣланный изъ сукна, тафты, атласа или другой какой шелковой матеріи; эта юбка обыкновенно была необъятной ширины, такъ что наружность дамы Елисаветинскихъ временъ была истинно ужасна, когда она одѣвалась въ одну изъ нихъ, да еще въ верхнее платье, и въ брыжи по самой послѣдней модѣ. Сверхъ всего, часто набрасывали какую-нибудь мантилью или накидку, съ капишономъ или безъ капишона, сдѣланную изъ бархата или другой шелковой матеріи и богато обшитую кружевами.

Шелковые чулки, которые королева надѣла первый разъ въ 1560 году, когда г-жа Монтагю подарила ей одну пару, скоро вошли почти во всеобщее употребленіе, и сдѣлались одною изъ самыхъ разорительныхъ частей ихъ наряда.

Башмаки съ высокими каблуками, въ подражаніе венеціанскимъ chopine (родъ ходулей, дѣлавшимся иногда выше фута), были въ большой модѣ и доходили до самаго смѣшнаго излишества; ихъ носили съ тою цѣлію, чтобы увеличить ростъ.

Всѣ вообще дамы носили вѣеры изъ страусовыхъ перьевъ, вставленные въ золотыя, серебряныя или костяныя ручки, и дѣлавшіеся съ большимъ искусствомъ и въ разныхъ изящныхъ видахъ. Серебряныя и костяныя ручки употреблялись только щеголихами средняго сословія; но въ высшихъ классахъ онѣ часто украшались драгоцѣнными камнями. Королева не разъ въ день новаго года получала въ подарокъ вѣеры, которыхъ ручки были осыпаны алмазами.

Раздушенные браслеты, воротнички и перчатки были любимыми предметами, — и перчатки эти, по словамъ поэта, «были благовонны, какъ дамасская роза.» Королева въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ предметахъ роскоши, служила образцомъ. Гаусъ говоритъ, что на пятнадцатомъ году ея царствованія графъ Оксфордскій подарилъ ей пару благовонныхъ перчатокъ, которыя были украшены четырьмя пучками розовыхъ лентъ, и которыя такъ ей понравились, что на портретахъ ее всегда изображали съ этими перчатками на рукахъ. Духи, которыми отъ нихъ пахло, были такъ необыкновенно-хороши, что ихъ назвали духами графа Оксфордскаго.

Digitized by Google

Къ этому еще можно прибавить, что небольшое зеркало, висѣвшее у пояса, носовой платокъ, богато вышитый золотомъ и серебромъ, и любовный локонъ (love lock), небрежно спускавшійся къ плечу, обыкновенно выставлялись на показъ тогдашними щеголихами.

Въ началѣ этой статьи было сказано вообще о щегольствѣ мужчинъ; слѣдующія подробности покажутъ, что они, — чему едва можно повѣрить, — въ суетности и нелѣпости, съ которыми заботились объ украшеніи своихъ особъ, далеко превосходили женщинъ.

Хотя есть причины думать, что склонность къ мотовскому и легкомысленному щегольству начала распространяться съ царствованія Елисаветы; но эта склонность была еще болѣе ободряема Іаковомъ; онъ, хотя самъ собою и не подавалъ примѣра расточительности этого рода, но страстно любилъ ее въ лицѣ своихъ придворныхъ. Эта страсть Іакова къ щегольству другихъ, кажется, была врожденною не только его придворнымъ, но и всѣмъ его молодымъ подданнымъ, оттого что, — повторяемъ, — въ его особѣ ничто, отъ головы до пятъ, не подавало примѣра къ тому фантастическому наряду, которымъ отличались щеголи того времени. Они носили длинные волосы; шляпы ихъ съ высокою и узкою кверху тульею дѣлались изъ бархата, тафты или бобра, — послѣднія были самыя дорогія. Поля, а иногда и вся шляпа, вышивались золотомъ и серебромъ; къ этому еще обыкновенно прибавляли дорогую перевязку, блестящую драгоцѣнными камнями, и пышный пукъ перьевъ.

О бородахъ и ихъ многообразныхъ формахъ мы уже говорили; здѣсь остается только прибавить, что ихъ обыкновенно красили въ разные цвѣта и придавали имъ различный видъ, сообразно званію, возрасту или прихоти тѣхъ, кто ихъ носилъ. Красный цвѣтъ былъ одинъ изъ самыхъ модныхъ. — Форменная стрижка бороды отличала судью; всклокоченная, щетинистая борода обозначала жителя деревни; острая, клинообразная борода была принадлежностью военнаго. Замѣчательно, говоритъ г. Малёнъ, что покровитель Шекспира, графъ Сауамптонъ всегда изображается съ первою, а несчастный другъ его, лордъ Эссексъ, — съ послѣднею.

Digitized by Google

Изъ женоподобныхъ мужскихъ модъ этого времени, была, можетъ быть, самая женоподобная носить дорогіе камни и розы въ ушахъ или около шеи, а за лѣвымъ ухомъ длинный локонъ волосъ, называвшійся любовнымъ локономъ. Розы были почти всегда необходимою принадлежностью къ локону; только эти розы большею частію дѣлались изъ лентъ. Но Бёртонъ говоритъ, что однажды была мода вдѣвать въ уши настоящіе цвѣты.

Мужскія брыжи никогда не доходили до огромнаго размѣра женскихъ; но и они постепенно до того увеличились, что не понравились Елисаветѣ, и она въ одномъ изъ своихъ законовъ, противъ роскоши, повелѣваетъ обрѣзывать ихъ, если они переступятъ извѣстную мѣру.

Кафтаны и нижнее платье, около осьмаго года царствованія Елисаветы, были непомѣрнаго объема, а особенно послѣднее, которое дѣлали со складками и набивали шерстью и волосами, достигло такой огромной толстоты, что, какъ говоритъ Стрютъ, основывался на одной рукописи, «тогда въ парламентѣ сдѣлали нарочныя мѣста, для удобства тѣхъ членовъ, которые носили такое платье, и что эти мѣста были уничтожены только тогда, какъ нелѣпость эта вышла изъ моды.»

Кафтанъ значительно уменьшился тогда въ объемѣ, но все еще былъ такъ твердъ и стоячъ, что носившій его никакъ не могъ наклониться до земли. Онъ дѣлался изъ сукна, бархата или другой шелковой матеріи, и такъ плотно обхватывалъ тѣло, словно корсетъ; воротникъ у него былъ широкій, а рукава длинные и узкіе, или очень широкіе, называвшіеся датскими рукавами. Штаны или панталоны, ограниченные теперь въ своемъ объемѣ, дѣлались или плотно по ногѣ, или умѣренно скруглялись посредствомъ подбиванья. Первые, которые оканчивались выше колѣна, часто дѣлали изъ краснаго атласа съ шитьемъ; послѣдніе нерѣдко бывали очень неблаговидной формы. Сверхъ всего надѣвался плащъ изъ богатѣйшей матеріи, обыкновенно разшитый золотомъ или серебромъ; онъ застегивался на плечѣ. Лисьи, барашковые и собольи мѣха употреблялись на опушку; но право носить послѣднія, по ихъ дороговизнѣ, предоставлялось только дворянству — и то не ниже степени графа. Соболи были такъ дороги, что опушка изъ нихъ платилась иногда по

Digitized by Google

тысячѣ дукатовъ. Слѣдовательно, прибавляетъ Малёнъ, платье, обшитое соболями, было самое дорогое, какое только носили Англичане во время Шекспира.

Чулки были шелковыя тканыя, или шились портными изъ бархата, камки или другой драгоцѣнной шелковой матеріи. Ихъ подвязывали ниже колѣна столь дорогими подвязками, что, по словамъ Гауэна, мужчины средняго класса носили подвязки и башмачныя пряжки цѣною болѣе, чѣмъ въ пять фунтовъ стерлинговъ. Подвязки дѣлались изъ золота и серебра, или изъ атласа и бархата съ густою золотой бахромою. Простые люди довольствовались галуномъ.

Столь же необыкновенно изъисканны были сапоги и башмаки того времени. Башмаки съ каблуками придавали росту на два дюйма и болѣе; они бывали разныхъ цвѣтовъ, и при томъ рѣзные и сшивные. Не рѣдко ихъ дѣлали изъ бархата и вышивали дорогими металлами, и если у нихъ были завязки, то эти послѣднія покрывались огромными бантами изъ лентъ, искусно украшенными и дорогой цѣны. Замѣчательно еще то, что башмаки и тогда, какъ нынѣ, дѣлались на одну ногу.

Сапоги были — если возможно — еще необыкновеннѣе и дороже башмаковъ, и походили нѣкоторымъ образомъ на театральные котурны среднихъ вѣковъ. Они дѣлались изъ краснаватаго сукна или кожи и свободно висѣли складками около ноги; у нихъ были огромные загнутые внизъ отвороты съ бахромою; каблуки украшались золотыми или серебряными шпорами. Но и этимъ не были довольны тѣ, которые стремились достигнуть высшей степени щегольства. Стёббесъ говоритъ, что сапоги часто дѣлались изъ довольно тонкаго сукна и столь широкіе, что матеріи, на нихъ употребленной, достало бы на рубашку. На нихъ вышивали золотомъ и серебромъ птицъ, животныхъ и разныя фигуры разноцвѣтными шелками, такъ что одно шитье стоило отъ четырехъ до десяти фунтовъ стерлинговъ.

Нижнее платье тогдашняго щеголя было великолѣпно и дорого, не менѣе верхняго платья; сорочки изъ голландскаго полотна и батиста, отлично сшитыя, стоили иногда по десяти фунтовъ стерлинговъ.

Digitized by Google

Джентльменъ не почитался одѣтымъ, если на немъ не было кинжала и рапиры. Первый, богато вызолоченный и украшенный, носили сзади. Рапира, сдѣлавшаяся извѣстною въ Англіи со временъ Генриха VIII, при Елисаветѣ совершенно вытѣснила прежній мечъ. Хотя рапира употреблялась иногда и въ дѣло, и была гораздо опаснѣе своего предшественника, но главное, ее носили какъ блестящій нарядъ, — оттого что ефесъ и ножны ея были богато и изящно украшены. Рапиру, по тогдашнему обычаю, не снимали даже и во время танцевъ.

Скоро вошло въ моду носить рапиры такой необыкновенной длины, что правительство должно было обратить на это вниманіе, и закономъ повелѣно было ограничить длину ихъ тремя футами.

Въ заключеніе статьи нашей о костюмахъ временъ Шекспира, скажемъ, что одежда мѣщанъ, будучи менѣе щеговатою, была столь же великолѣпна, а иногда и также цѣнна, какъ одежда знатнаго щеголя.

ВОСПОМИНАНІЕ О ЗАМКѢ КЕНИЛЬВОРТѢ.

Въ нашъ вѣкъ торопливости, паровыхъ машинъ и электрическихъ телеграфовъ, всѣ стремятся впередъ, опережая другъ друга, и вчерашній день быстро удаляется и упадаетъ за горизонтъ. Нѣкогда оглянуться назадъ ни на минуту; и если придется къ слову вспомнить старое, то объ немъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, говорить какимъ-нибудь новымъ, неслыханнымъ образомъ.

Въ такой вѣкъ, какъ рѣшиться раскрыть одинъ изъ пятитомныхъ романовъ, уже стараго, Вальтеръ-Скотта, вступившаго въ категорію преданій, извѣстнаго едва ли только не по имени новому поколѣнію. Въ Москвѣ, по особому случаю, говорятъ много *о замкѣ Кенильвортѣ*, и Москвитянинъ посвящаетъ нѣсколько страницъ воспоминанію объ этомъ романѣ.

Время, изъ котораго почерпнуто описанное происшествіе, есть время царствованія Елисаветы, дочери Генриха VIII; мѣсто дѣйствія — дворъ королевы.

Завязка, по обычаю Вальтеръ-Скотта, открывается въ тавернѣ. Тамъ въ собраніи гулякъ толкуютъ, за кружками пива и

Digitized by Google

канарскаго вина, о сосѣдственномъ замкѣ, въ которомъ томится прекрасная невольница подъ стражею, извѣстнаго въ околодкѣ злодѣя, задумавшаго прикинуться строгимъ пуританиномъ. Въ отдаленіи отъ прочихъ гостей сидитъ таинственный, молчаливый незнакомецъ, который уже въ продолженіе нѣсколькихъ дней щедро расплачивается и упорно безмолвствуетъ.

Въ горячей головѣ одного изъ собутыльниковъ рождается мысль изобличить Тони Форстера, неусыпнаго стража, и тотчасъ же итти къ замку. Къ изумленію содержателя таверны, смиренный гость вызывается сопутствовать ему, единственно, какъ говоритъ онъ, изъ любви къ опаснымъ приключеніямъ.

Тресильянъ (имя незнакомца), въ сопровожденіи Михаила Ламбурна, коновода гулякъ, отправляется на смѣлое предпріятіе. Михаилъ дерзко нападаетъ на Тони Форстера, котораго старыя дѣла ему извѣстны, и тотъ, чтобы закупить его, предлагаетъ ему выгодное мѣсто въ услуженіи знатнаго вельможи. Покуда Аргусъ объясняется съ неожиданнымъ посѣтителемъ, Тресильянъ проникаетъ во внутренніе покои, гдѣ встрѣчается съ предметомъ давняго обожанія своего, прекрасной Ами Робзартъ, которая отвергнула любовь его, и, противъ воли отца, бѣжала съ обольстителемъ. Тресильянъ объявляетъ, что онъ далъ слово умирающему отцу ея спасти ее отъ позора; онъ предлагаетъ ей бѣжать; но Ами, не смотря на горе, которое чувствуетъ отъ печальнаго извѣстія, не соглашается. Она обѣщаетъ навѣстить отца, выпросивъ на то позволеніе, оскорбляется упреками, говоритъ, что ихъ не заслуживаетъ, — что она никогда не переставала быть достойной дочерью отца своего, но что въ судьбѣ ея хранится тайна, которой открыть она еще не смѣетъ. Тресильянъ, видя тщетность убѣжденій, рѣшается употребить насиліе. Ами вскрикиваетъ. Тони Форстеръ и пріѣхавшій въ ту минуту Ричардъ Варней прибѣгаютъ на помощь. Послѣдній обнажаетъ шпагу, Тресильянъ слѣдуетъ его примѣру; но Михаилъ Ламбурнъ удерживаетъ руку Тресильяна, готовую пронзить противника, и тѣмъ заключается вступленіе.

Ричардъ Варней, котораго Тресильянъ почитаетъ похитителемъ Ами, на самомъ дѣлѣ есть только клевретъ великолѣпнаго Лейчестера, любимца Елисаветы, который, опасаясь потерять

Digitized by Google

милость королевы, содержитъ въ тайнѣ бракъ свой съ Ами. Этотъ клеврета — злобный демонъ патрона своего, подстрекающій его самолюбіе. Какъ ядовитый паукъ, онъ силится возвыситься, прицѣпившись къ хвосту парящаго орла. Народъ находится въ ожиданіи, что скоро дѣвственная королева изберетъ себѣ супругомъ благороднаго лорда, изъ которому очевидно для всѣхъ ея пристрастіе.

Тресильянъ находится въ свитѣ лорда Суссека, соперника сильнаго Лейчестера. Отвергнутый обожатель Ами рѣшается просить защиты у королевы, обвиняя, въ невѣдѣніи своемъ, Ричарда Варнея въ обольщеніи дѣвушки.

«Елисавета, говоритъ авторъ, любила держать въ равновѣсіи интересы противоположныхъ партій, предоставляя себѣ дѣлать, по усмотрѣнію своему, наклоненія въ ту или въ другую сторону. Она обуадывала такимъ образомъ того, кто почиталъ себя на высшей степени въ ея мнѣніи, опасеніемъ, которое естественно внушалъ идущій рядомъ составитель, которому оказывалось то же самое довѣріе, если не то же самое чувство. Во все царствованіе свое она не переставала употреблять это средство, и тѣмъ избѣжала пагубныхъ слѣдствій ея пристрастія къ личностямъ.

«Лордъ Лейчестеръ, лордъ Суссекъ, говорила она соперничествующимъ царедворцамъ, — я повелѣваю вамъ быть друзьями, или, клянусь короной, которую ношу, что оба вы обрѣтете врага, слишкомъ для васъ сильнаго.»

Лейчестеръ былъ ея любимецъ по сердцу, Суссекъ по разуму; перваго отличала она по выбору чувства, втораго по его высокимъ государственнымъ достоинствамъ; но привеженцамъ Лейчестера предстояла гибель съ открытіемъ тайнаго брака его съ Ами Робзартъ.

На такихъ придворныхъ интригахъ вертится весь романъ, съ прикрасою эффектной обстановки: тутъ являются изъ подземелій непонятныя лица; выходитъ на свѣтъ составитель необыкновенныхъ цѣлебныхъ средствъ Ванлей, который спасаетъ жизнь лорду Суссеку. Онъ способствуетъ побѣгу Ами, утомленной затворничествомъ и скучающей въ пышной темницѣ своей, въ обществѣ прекрасной, строгой пуританки, дочери Тони Фор-

Digitized by Google

отера, Жаннеты. Эта подруга-прислужница, убѣдившись въ томъ, что партія Лейчестера, для которой существованіе Ами служитъ угрожающей ежеминутно бѣдою, что она рѣшается отравить несчастную жертву; — помогаетъ ей скрыться, и Ами бѣжитъ въ Кенильвортъ—замокъ супруга своего, въ которомъ королева намѣревается провести нѣсколько дней, и гдѣ по этому случаю готовятъ пышныя празднества. Ами хочетъ видѣть королеву и молить ее о признаніи правъ ея, какъ законной супруги лорда Лейчестера: бѣдняжка не понимаетъ истинной причины, по которой Лейчестеръ обязанъ скрывать свое супружество. Ами увѣрена въ томъ, что королева должна одобрить выборъ графа, если она сама будетъ просить о томъ у ногъ Елисаветы.

Съ труппою бродящихъ актеровъ, призванныхъ для разыгрыванія мистерій, Ами входитъ въ замокъ, и въ саду бросается къ ногамъ гуляющей Елисаветы. Ричардъ Варней ограждаетъ собою готоваго подпасть подъ опалу королевы лорда Лейчестера. Онъ удостовѣряетъ ее въ томъ, что Ами безумна и признаетъ ее женою своей. Бѣдная женщина тутъ только понимаетъ опасность, въ которую едва не ввергнула супруга своего, и покорно слѣдуетъ за Варнеемъ. Лейчестеръ, по внушенію Варнея, ревнуетъ Тресильяна. Въ самый разгаръ праздника маскарадная бала (который описанъ въ особой статьѣ этого N Москвитянина, взятой съ подлинника, откуда его заимствовалъ сочинитель) Лейчестеръ вызываетъ на поединокъ мнимаго соперника, но въ ту минуту, какъ наноситъ ему смертный ударъ, онъ получаетъ письмо Ами, писанное ему до сцены съ королевой, изъ котораго видитъ ясно свое заблужденіе, и въ пылу раскаянія исповѣдуетъ вину свою передъ Елисаветой. Между тѣмъ Варней, не зная этихъ обстоятельствъ, думаетъ только о томъ, чтобъ избавиться отъ опаснаго обличителя, и готовитъ бѣдной Ами смерть. Обманутая звукомъ конскаго топота, несчастная жертва выбѣгаетъ на встрѣчу любимаго супруга, но, наступивъ на западню, обрушивается въ подземелье, гдѣ находитъ смерть.

Digitized by Google

ЯРОСЛАВЦЫ ВЪ МОСКВѢ.

Въ Царствѣ, гдѣ солнце не знаетъ заката, земли столько, что будь въ немъ народу вдвое, втрое болѣе, чѣмъ есть теперь, переходи въ него сколько хочетъ Европа — для всѣхъ станетъ мѣста. Но и при этомъ раздольи, у насъ въ иныхъ мѣстахъ тѣсно, то есть, впрочемъ только для нашей охоты до простора, а вершковому Нѣмцу какъ разъ было бы по мѣркѣ. Да въ добавокъ и земля-то иногда не мать родная, а хуже мачихи, не даетъ никакихъ угодьевъ. Что́ тутъ дѣлать, какъ быть? Перешелъ бы на другое мѣсто, разумѣется, если есть на то́ законъ; да легко сказать — покинь свою сторону! Здѣсь я родился, здѣсь привелъ бы Богъ и кости въ землю сложить, на томъ же погостѣ, гдѣ лежатъ мои кро́вные; здѣсь я выросъ, знаю почитай всю округу, какъ свои пять пальцевъ; вездѣ у меня есть люди близкіе, свои — кто сватъ, кто названый братъ, кто просто дружище.... А тамъ, на чужѣ, ну что́ я буду? Отъ одного берега не отстану, къ другому не пристану. Засядешь, какъ курица на насѣсти. Мнѣ еще мила своя изба. Богъ небезъ милости; авось промаячимся и на старомъ, насиженомъ гнѣздѣ. Я не безъ рукъ, здоровья и силъ не занимать стать. Коли здѣсь нѣтъ работы, поищемъ ее; земля не клиномъ сошлась. — «Слушай, батюшка! благослови меня идти на чужую сторону, въ Москву, али въ Питеръ, на заработки: тамъ много нашего брата живетъ, а я изъ твоей воли не выйду нигдѣ. На подмогу тебѣ остается братъ, Ванюшка мой подростаетъ; да и я, по́ силѣ, по́ мочи, стану присылать что́ заработаю. Отпусти, родной!» — «Съ Богомъ, сынокъ; на дурное не благословлю, а на хорошее самъ Богъ велитъ. Да смотри: Питеръ бока повытеръ, а въ Москвѣ толсто звонятъ, да тонко ѣдятъ, говаривали старики: такъ ты глазъ-то не распускай, не сшибись какъ-нибудь!»

И пошелъ мужичекъ, примѣрно къ намъ въ Бѣлокаменную, пошелъ съ одной котомкой да съ тою смышленностію и умѣнь-

Digitized by Google

емъ приноравливаться всюду, куда ни поверни, — этими двумя способностями, которымъ мы сами въ себѣ не надивимся. Такимъ гостямъ всегда есть мѣсто въ Москвѣ. Владиміецъ принялся за плотничество, въ офени или въ кулаки пошелъ, а то «по ягоду, по клюкву» сталъ распѣвать; Ярославецъ сдѣлался каменьщикомъ, разнощикомъ, сидѣльцемъ въ гостиномъ дворѣ и наконецъ трактирщикомъ; Ростовецъ поступилъ на огороды; Тверитянинъ съ Рязанцемъ явились, какъ простые чернорабочіе, поденщики *; Тулякъ принесъ съ собою ремесло коновала, а Костромичь и Галичанинъ бондарное мастерство, или кровельное со стекольнымъ; Корчевецъ началъ точать сапоги; подмосковный — искусникъ на всѣ руки: и въ извозѣ ѣздить и съ лоткомъ на головѣ ходить; Коломенецъ, сверхъ того, печетъ калачи и на барки нанимается; Можаецъ съ Звенигородцемъ — лѣтомъ мостовщики, а зимою ледовозы, пильщики, дровоколы. Изъ широкихъ степныхъ губерній, гдѣ человѣку только-что въ пору управиться съ благодатною землею, къ намъ не ходитъ никто. Съ недавнихъ поръ стали похаживать бѣлорусскіе крестьяне, да они бо́льшею частію работаютъ *на чугункѣ* **, такъ поэтому и нейдетъ имъ быть въ счету Московскихъ пришельцевъ ***.

Но ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ нѣтъ гостей многочисленнѣе Ярославцевъ, и никто такъ сразу не бросается въ глаза, какъ они. Не подумайте, однако, чтобы ихъ выказывало высокое *о*, на которое усердно напираетъ Ярославецъ у себя дома: нѣтъ; благодаря своей переимчивости, онъ, живя въ Питерѣ, съумѣетъ объясняться и съ Чухною и съ Нѣмцемъ; а свести понемногу, какъ пообживется, свое родное *о* на московское *а* ему ужь не трудно. Отличіе его совсѣмъ не то. Взгляните на этого парня: кудрерусый, кровь съ молокомъ, смотритъ такимъ молодцомъ, что хоть бы сейчасъ поздравить его гвардейцемъ; повернется, пройдетъ — всѣ суставы говорятъ; скажетъ слово — рублемъ подаритъ; а одѣтъ точно какъ-будто про него сложена пѣсня: «По мосту, мосту, по калиновому» — и кафтанъ

---

* Первый нерѣдко и торгуетъ; напримѣръ, всѣ мороженики — Тверитяне.

** Т. е. на желѣзной дорогѣ.

*** О фабрикахъ и заводахъ я тоже не говорю: на нихъ рабочіе приходятъ еще подростками.

Digitized by Google

синяго сукна, и кушакъ алый, и красная александрійская рубашка, и шелковый платокъ на шеѣ, а другой въ карманѣ, и шляпа поярковая набекренъ, и саноги козловые со скрипомъ. Такъ бы и обнялъ подобнаго представителя Славянской красоты! Это и есть Ярославецъ бѣлотѣльный, потомокъ тѣхъ самыхъ людей, которые три пуда мыла извели, заботясь смыть родимое пятнышко.

Да вотъ вопросъ: откуда же взялась у него — конечно не молодцоватая выправка, съ которою онъ, знать, родился, — а та щеголеватая одежда, что́ далеко не по карману и обычаю крестьянскому? А вотъ откуда. Между всѣми столичными пришельцами и съ огнемъ не найдешь никого смышленѣе Ярославца. Примется онъ, положимъ, за розничную торговлю съ единственнымъ рублемъ въ карманѣ, поторгуетъ мѣсяцъ, много два, сѣрымъ товаромъ, а потомъ у него заведутся и деньжонки и кредитъ, и пойдетъ онъ разнашивать «пельсины, лимоны хорошіе, коврижки сахарны, игрушки дѣтски, семгу малосольну, икру паюсну, арбузы моздокскіе, виноградъ астраханскій» — товаръ все благородный, отъ котораго и барышъ не копеечный. Наймется ли Ярославецъ въ сидѣльцы, и тутъ онъ умѣетъ зашибить копейку, не пренебрегая, впрочемъ, выгодами своего хозяина. А что́ за ловкость у него въ обращеніи съ покупателями, что́ за умѣнье всучить вещь, которая или не показалась вамъ или нужна не къ спѣху, но къ которой вы попробовали прицѣниться! Что́ за видъ простосердечія въ божбахъ и истины въ увѣреніяхъ, насчетъ доброты товара! Какое мастерство въ знаніи съ кого можно взять лишнее, кому слѣдуетъ уступить, съ кѣмъ необходимо поторговаться до-упаду! Какъ разъ примѣнится къ нему поговорка: *ласковое телятко двѣ матки сосетъ.* — Прошу не считать этихъ похвалъ преувеличенными: Ярославецъ мнѣ не сродни, взятокъ я съ него не бралъ, и говорю чистую правду. Не угодно ли сравнить его съ любымъ разнощикомъ, вотъ хоть съ этимъ яблочникомъ, котораго по ухваткѣ сейчасъ видно, что не Ярославской породы.

— Почемъ за десятокъ? спрашиваете вы у мѣшковатаго продавца.

Онъ объявляетъ цѣну, вы торгуетесь, онъ подается упрямо, какъ медвѣдь, цѣдитъ слова сквозь зубы, чуть-чуть не грубитъ; настоящій мужичина.

Digitized by Google

— Пропадай ты и съ яблоками! говорите вы въ заключеніе, не поладивъ съ разнощикомъ.

— Сами, баринъ, дорого оченно покупали, отвѣчаетъ онъ въ свое оправданіе, котораго, разумѣется, вы и знать не хотите, желая, вопреки пословицѣ, купить *дешево и мило*. Этими качествами всегда готовъ услужить Ярославецъ.

Подходитъ къ нему покупатель мало-мальски почище одѣтый, онъ и шапку долой, и благородіемъ повеличаетъ, если не довольно ходячаго «сударя.» Запроситъ онъ безсовѣстно, но за то можете торговаться съ нимъ сколько душѣ угодно. У него на все есть *резоны*.

— Сами изволите видѣть, какой товаръ. Дадите дороже, такого не купите. Во рту таетъ словно ананасъ, хоть бы королю на столъ. Закушайте, сударь, опро́буйте, и денегъ не возьму, коли не одобрите.

— Хороши да дороги....

— Повѣрьте честному слову, одинъ грошъ на десятокъ, наживаю. Какъ передъ Богомъ, сударь, торговля такая стала, хоть въ деревню ступай.... А ужъ какихъ яблокъ отберу я для вашей милости, что ни на есть самыхъ лучшихъ. Только лишь для почина, не за продажею дѣло стало.

Неловко не купить у такого славнаго парня. А „починъ, который дороже денегъ,“ и уваженіе къ вашей милости продолжаются у Ярославца цѣлый день; подъ исходъ же товара онъ начнетъ продавать „*для* вечера.“ И благодаря своей догадливости, онъ всякій день возвращается домой съ порожнимъ лоткомъ, между тѣмъ какъ нерасторопный его сотоварищъ, который виноватъ лишь тѣмъ, что природа отказала ему въ дарѣ слова и лисичьей натурѣ, приходитъ на ночлегъ усталый, нагруженный— только не деньгами, а нераспроданнымъ товаромъ.

Тайна превосходства Ярославца заключается главнѣйше въ томъ, что онъ вполнѣ смекнулъ торговую аксіому: „отнюдь не должно упускать покупателя, если навернулся онъ.“ Поэтому онъ чрезвычайно учтивъ и низкопоклоненъ не съ одними „сударями,“ но со всякимъ, даже съ своимъ братомъ, сѣрокафтанникомъ. Онъ кланяется не кафтану, а карману. Одного онъ чествуетъ „купцомъ“ (преимущественно дородныхъ покупателей),

Digitized by Google

другаго „почтеннѣйшимъ,“ третьяго „добрымъ молодцемъ;“ покупательницы у него — кто „умница“ кто „красавица,“ и ужъ ни какъ не ниже «тетеньки.» Политичный человѣкъ нашъ Ярославецъ!

Нерѣдко выручаетъ его и прибаутка. Послушайте присказки блинника, звонко выкрикивающаго свой товаръ:

Съ самаго жару,
По грошу за пару!
Вались народъ,
Отъ всѣхъ воротъ,
Обирай блины,
Вынимай мошны!

И народъ окружаетъ весельчака предпочтительно предъ другими разнощиками, потому что для рабочаго человѣка слу̀чай посмѣяться отъ души стоитъ въ ину пору рюмки водки; клюква и патока любезны ему не столько сами по себѣ, какъ по тому, что всегда сопровождаются пѣснями и прибаутками.

Не гнѣвайтесь, читатель, что я осмѣливаюсь занимать ваше вниманіе такимъ ничтожнымъ человѣкомъ, какъ блинникъ, который и самъ, чувствуя свое незавидное положеніе, не дерзаетъ показываться въ порядочномъ уличномъ обществѣ. Не знаю, случится ли вамъ когда услыхать, что, въ старинные годы, одинъ Ярославецъ, начавшій свое торговое поприще съ блиннымъ лоткомъ, передалъ наслѣдникамъ до полумилліона рублей капитала, а другой, торговавшій сперва яблоками-мякушками, добился подъ конецъ своей жизни до трехъ-сотъ тысячъ годоваго дохода: для меня же эти два *факта* служатъ лучшимъ оправданіемъ и даютъ законное право продолжать бесѣду о Ярославцахъ.

Конечно, не всякому такъ прытко повезетъ судьба: кому какая *линія*. Ужъ если на роду написано тебѣ ходить день деньской съ лоткомъ, гранить мостовую, распѣвать что есть мочи, грѣхъ ежечасно брать на душу кривой божбой, то и въ гробъ пойдешь съ этимъ. Но и тутъ не слѣдуетъ Бога гнѣвить: большому кораблю большое и плаваніе, и просторъ совсѣмъ другой требуется а ты маленькій человѣкъ, и долженъ мотать себѣ на усъ поговорку: *всякъ сверчокъ знай свой шестокъ*. Вѣдь тоже живешь, по милости

Digitized by Google

Создателя, не хуже людей: сытъ и безъ разносоловъ, безъ соусовъ; чай, въ складчину съ товарищами, пьешь почесть всякій день; и рюмку нашему брату позволительно хватить въ праздникъ, лишь бы дѣла она не портила; на гуляньяхъ на всѣхъ бываешь даромъ; на ночлегъ придешь не куда-нибудь въ нехорошее мѣсто, а на свою *фатеру*; сочтешь торговлю, смекнешь барышъ, да и за ужинъ, — а стрпаетъ тебѣ кухарка, на то́ и нанимаемъ ее всею артелью. Денежка про черный день тоже не переводится у тебя; оброкъ съ подушными платишь какъ слѣдуетъ, да кромѣ того, домой, въ семью, рублей съ полсотни перешлешь. Все слава Богу!.... Эхъ, братцы-землячки! подхватывай дружно:

Распрекрасная сторонка
Ты, нашъ городъ Ярославль!....

Хороша пѣсня, да нѣкогда слушать ея. До сихъ поръ мы только въ половину познакомились съ Ярославцемъ, видѣли его лишь на улицахъ: взглянемъ же теперь на блистательнѣйшую сторону его дѣятельности, — на Ярославца-трактирщика.

Здѣсь прежде всего поражаетъ елѣдующій замѣчательный фактъ: между разнощиками встрѣтите многихъ и не съ Ярославской стороны, но трактирщики всѣ оттуда. Трактирщикъ не Ярославецъ — явленіе странное, существо подозрительное. И не въ одной Москвѣ, а въ цѣлой Россіи, съ незапамятныхъ временъ, бѣлотѣльцы присвоили себѣ эту монополію. Гдѣ есть заведеніе для распиванья чью, тамъ непремѣнно найдутся и Ярославцы, и наоборотъ, куда бы ни занесло ихъ желанье заработать деньгу, вездѣ норовятъ они завести хоть *растеряцыю*, коли не трактиръ. Не диво, что при такомъ сочувствіи къ чаю, въ Ярославской губерніи найдется множество семействъ, въ которыхъ отъ подростка до старика съ бородою всѣ трактирщики; не диво, что иной Ярославецъ три четверти жизни своей проведетъ въ трактирѣ: мальчугой онъ поступитъ въ *заведеніе*, сперва на кухню, для присмотра за кубомъ, за чисткою посуды, и въ это время ходитъ чрезвычайнымъ замарашкой, въ ущербъ своему лицу бѣлому; потомъ, за выслугу лѣтъ, за расторопность, переводится въ залу, гдѣ пріучается къ исполненію многосложныхъ обязанностей половаго, бѣгаетъ на посылкахъ,—и на-

Digitized by Google

конецъ, послѣ пятилѣтняго, или болѣе, искуса, дѣлается полнымъ *молодцемъ*; возмужалый, онъ нерѣдко повышается въ званіе буфетчика, а на закатѣ дней отправляетъ важную службу прикащика — и часто все въ одномъ трактирѣ. За то ужъ какимъ мастеромъ своего дѣла становится онъ и какъ кипитъ это дѣло у него въ рукахъ! Разнощикъ часто изъ корыстныхъ видовъ умасливаетъ покупателя, озабочиваясь сбытомъ своего товара: напротивъ, побужденія трактирщика къ услугѣ гостю гораздо благороднѣе. Въ заведеніи на все существуетъ опредѣленная цѣна, запросовъ нѣтъ; всякій приходитъ съ непремѣннымъ желаніемъ подкрѣпить чѣмъ-нибудь свои силы; слѣдовательно, половому остается лишь оправдать довѣріе, оказанное его заведенію гостемъ, послужить вамъ — если не всегда вѣрою и правдою, то по крайней мѣрѣ, усердно и ловко. Если гость почетный, Ярославецъ ведетъ его чуть-чуть не подъ руки, на избранное мѣсто; «что прикажите, чего изволите, слушаю-съ, сударь» — не сходятъ у него съ языка при выслушаніи распоряженій посѣтителя. Воля ваша исполняется въ мгновеніе ока, и Ярославецъ отходитъ на почтительное разстояніе, или спѣшитъ встрѣчать новыхъ гостей, готовый однако живо явиться на первый вашъ призывъ. И надобно имѣть такіе же зоркіе глаза и слухмѣные уши, какъ у него, чтобы среди говора посѣтителей, звона чашекъ и нерѣдко звуковъ музыкальной машины, отличить призывный стукъ или повелительное — *человѣкъ*, произносимое извѣстнаго рода гостями; надобно обладать его ловкостью, достойною учителя гимнастики, чтобы сновать, со скоростью семи верстъ въ часъ, и взадъ и впередъ, то по залѣ, то къ буфету, то на кухню, сновать среди безпрестанно входящихъ и выходящихъ гостей, и не задѣть ни за кого. Ярославецъ, когда онъ несетъ на отлетѣ грузный подносъ въ одной рукѣ и пару чайниковъ въ другой, несетъ, едва касаясь нагими до пола, такъ что не шелохнется ни одна чашка, — потомъ, когда бросаетъ (ставитъ — тяжелое для него слово) этотъ подносъ на столъ и заставляетъ васъ бояться за цѣлость чашекъ, — онъ въ эти минуты достоинъ кисти Теньера....

Впрочемъ, доскональная причина чрезвычайнаго усердія Ярославскаго половаго, если раскусить его хорошенько, окажет-

Digitized by Google

ся не такъ безкорыстною, какъ показалась съ перваго разу, при сравненіи его съ разнощикомъ. Предположимъ, что вы почитатель народности, рады всякому случаю ознакомиться съ подробностями быта простолюдиновъ: очень естественно, что пріятно-изумленные ловкостью мужичка, взятаго отъ сохи, но который понатерся до того, что заткнетъ за поясъ любаго офиціанта, вы не преминуете потолковать съ нимъ. Разспросите, откуда онъ, чей, женатъ ли, и проч.; слово за словомъ, дойдете и до вопроса: «какъ идутъ дѣла?» — «Да что, сударь, отвѣтитъ Ярославецъ: — дѣла какъ сажа бѣла. Жалованье небольшое, туда сюда все изойдетъ, еле-еле натянешь концы съ концами: оброкъ надобно заплатить, въ деревню что-нибудь послать, на сапогахъ да на рубашкахъ сколько проносишь — сами изволите знать, что съ насъ чистота спрашивается. Сказать правду, живешь въ этой должности больше по одной привычкѣ. Не что какъ въ Городѣ, у Бубнова, у Морозова, у Печкина—тамъ нашему брату житье разлюли. Хозяева солидные, двадцать лѣтъ у одного прослужишь, и за услугу онъ всегда тебя наградитъ; на волю сколькихъ откупаютъ. Жалованье вдвое супротивъ здѣшняго, а дохода втрое супротивъ жалованья. Народъ ходитъ все первый сортъ, на чай даютъ по малости полтинникъ; городскіе купцы ситцами, матеріями дарятъ служителей. Вотъ это житье, и умирать не надобно.... А здѣсь голо, голо, да посинѣло. Какіе гости ходятъ? Трое три пары спрашиваютъ, чайниковъ шесть воды выдуютъ, да еще норовятъ своего сахара принести, чтобъ и четвертому было что пить. Все голь перекатная, мастеровщинка, или выжиги-торговцы — кто пыль въ проходномъ ряду продаетъ, кто колоніальные товары — капусту да свеклу развозитъ. Тутъ взятки гладки; на масляницѣ развѣ на пряникъ что-нибудь изъ глотки вырвешь. Только слава лишь одна, что заведеніе стоитъ на бою: а рынокъ какъ есть рынокъ. Хорошіе господа, примѣрно какъ вы, оченно рѣдко ходятъ. Вотъ, сударь, къ слову пришлось: на чай бы, если милость будетъ, Ярославцамъ пожаловали; напились бы мы за ваше здоровье....»

Расщедритесь, посѣтитель, примите во вниманіе покорную просьбу половаго: право, не раскаетесь. Вѣдь онъ не протранжиритъ пожалованныхъ денегъ, а запишетъ ихъ въ дѣлежную книжку и употребитъ на дѣло; чай хозяйскій, и безъ того, онъ пьетъ

Digitized by Google

два раза въ день. Сухая ложка ротъ деретъ, а какъ смажете ее, то встрѣчать и провожать васъ станутъ съ поклонами, и прислуживать будутъ вдвое усерднѣе, и трубку Жукова подадутъ даромъ, и Пчелку на днѣ моря отыщутъ, и сливокъ принесутъ съ пѣнками; мало того: если васъ посѣтитъ безденежье, благодарный Ярославецъ поручится за вашу добросовѣстность предъ хозяиномъ, приметъ трактирный долгъ на себя. И хотя при этомъ онъ часто дѣлается жертвою обмана, но деликатность его въ отношеніи къ хорошему гостю все-таки не прекращается.

Число Ярославцевъ, временно живущихъ въ Москвѣ, можно опредѣлить приблизительно: трактирныхъ заведеній въ ней считается болѣе 300; слѣдовательно, полагая кругомъ по десяти человѣкъ служителей, на каждое, выйдетъ слишкомъ три тысячи однихъ трактирщиковъ; да навѣрно столько же наберется разнощиковъ и лавочниковъ. Эти шесть тысячъ человѣкъ составляютъ здѣсь промышленную колонію, и какъ ни привольна жизнь въ Столицѣ, а все дома кажется лучше. И Ярославецъ какъ можно чаще навѣщаетъ свою родину — разнощикъ каждогодно, а трактирщикъ, смотря по обстоятельствамъ, черезъ два-три года. Пріѣзжаютъ они домой въ рабочую пору, и сгоряча, въ охотку, работаютъ на славу; привозятъ съ собою и гостинцевъ, и денегъ, и разныя прихоти цивилизованнаго быта, къ которымъ пріучились въ Москвѣ; поживутъ себѣ какъ гости, да и возвращаются опять наживать копейку. И наживаютъ они ее до сѣдыхъ волосъ, а все кажется мало, и все не знаютъ они, когда пойдутъ на окончательный отдыхъ въ дѣдовскую избу, да станутъ, полеживая на теплыхъ палатяхъ, вспоминать старину, и учить внуковъ какъ слѣдуетъ вести себя въ матушкѣ Москвѣ....

Впрочемъ не одни Ярославцы, всѣ мы, даромъ что временные жильцы на сёмъ свѣтѣ, а хлопочемъ и волнуемся до самой гробовой доски, не вѣдая и не предвидя, когда начнемъ приготовляться къ отъѣзду на вѣчную квартиру.

И. Кокоревъ.

Digitized by Google

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Московскія Вѣдомости явились въ новомъ форматѣ. Радуемся со всѣми читателями этому необходимому улучшенію: прежній форматъ былъ безобразенъ и неудобенъ до крайности. Шрифтъ новый, очень красивый, но для глазъ тяжеленекъ. Статьи фельетона, который издается подъ именемъ Смѣси, дѣлаются съ каждымъ нумеромъ занимательнѣе.

Въ заграничной перепискѣ *Сѣверной Пчелы* встрѣчается очень много любопытнаго. Замѣтимъ умное нововведеніе: фельетонъ ея названъ Пчелкою. Это прекрасно! На силу избавились мы, хоть въ одной газетѣ, отъ иностраннаго *фельетона*, который очень странно было читать въ Русскихъ Вѣдомостяхъ. Неловко перевести его,— такъ называйте по своему: кто пчелкой, кто колокольчикомъ, кто отголоскомъ, фонаремъ, лишь только не былобъ собакъ и шмелей.

Нѣкоторые Петербургскіе журналы стараются изъ всѣхъ силъ *отнять* Гоголя. Сынъ Отечества, напримѣръ, объявляетъ въ 1-й книгѣ, что онъ «пересталъ писать, не окончивъ даже знаменитой поэмы Мертвыя Души.» Спрашивается, откуда эти господа берутъ свои извѣстія, и по какой логикѣ они разсуждаютъ? Жуковскій издалъ 12 пѣсень Одиссеи: слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ пересталъ переводить ее?

Тотъ же журналъ увѣдомляетъ, что Г. Вельтманъ не кончилъ »Приключеній, почернутыхъ изъ житейскаго моря,« и будетъ оканчивать ихъ въ Москвитянинѣ. Опять неправда: Г. Вельтманъ окончилъ эти Приключенія въ Библіотекѣ, гдѣ и составляютъ они свое цѣлое. Въ Москвитянинѣ будетъ помѣщено особое сочиненіе, которое составитъ вмѣстѣ и продолженіе перваго, потому только, что дѣйствующія лица останутся большею частію тѣ же.

Между Петербургскими *натуралистами* произошелъ расколъ. Вотъ уже какъ Современникъ отзывается объ Отечественныхъ Запискахъ: »Мы начнемъ, говоритъ онъ въ своемъ обозрѣніи

Digitized by Google

прошлаго года, съ Отечественныхъ Записокъ, гдѣ образовался кругъ *молодыхъ* писателей, *создавшій* уже довольно давно, какой-то фантастически-сентиментальный родъ повѣствованій.... Ожидаемъ теперь, какъ Отечественныя Записки назовутъ родъ, созданный *пожилыми* писателями Современника: матеріально-трагическій? Да здравствуетъ Русская Словесность!

Сотрудникъ Сына Отечества не прочелъ »*Семи* смертныхъ грѣховъ« (которые тянутся въ Отечественныхъ Запискахъ), не потому, чтобъ боялся совершить *осьмой*, а потому, что отвлекся Замогильными записками Шатобріана. Пять переводовъ ихъ печатается!

Въ Отечественныхъ Запискахъ прошлаго года тянулась также исторія завоеванія Мексики, Прескотта. Теперь печатается въ Современникѣ его же Исторія завоеванія Перу. Это книги хорошія, не споримъ; но что же за мѣсто имъ въ журналахъ?

Изъ первой книги *Сына Отечества* 1849 г. стóитъ замѣтить развѣ составъ совѣта Императрицы Екатерины II въ 1769 г. Но что же есть въ немъ сочиненія Г. фонъ Эттингера!

Въ первой книгѣ *Современника*, которую мы успѣли только осмотрѣть и даже не просмотрѣть, самая лучшая статья принадлежитъ Г. Боткину—»Письма объ Испаніи,« кои доставили намъ много удовольствія и въ запрошломъ году, хотъ мы и не соглашаемся съ авторомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Шуйскій Г. Соловьева также скученъ и длиненъ, какъ его Самозванецъ и Борисъ.

Первая книга *Отечественныхъ Записокъ* не вышла, какъ слышно, въ Петербургѣ 1-го числа. Отечественныя Записки объявляли всегда съ торжествомъ о прежнемъ запаздывавшемъ Москвитянинѣ. Мы не хотимъ платить зломъ за зло, и не повторимъ неблагопріятнаго для нихъ слуха.

Замѣтимъ дѣльную статью *Г. Боричевскаго* въ предпослѣдней книгѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія: о Губернскихъ Вѣдомостяхъ, съ указаніемъ, гдѣ и что въ нихъ есть о церквахъ и монастыряхъ. Желательно, чтобъ особые оттиски такихъ статей пускались въ продажу для охотниковъ.

Мы замѣтили о Пчелкѣ. Скажемъ кстати о нашихъ вывѣскахъ — онѣ преисполнены ошибокъ граматическихъ, логиче-

Digitized by Google

скихъ и всяческихъ. Надобно знать хорошо языкъ, надобно хорошо понимать духъ его, чтобъ сдѣлать вполнѣ правильную надпись. Недавно случилось намъ увидѣть на одномъ домѣ: *наемъ*. Вотъ это чисто по-Русски, совершенно въ Русскомъ духѣ, а «здѣсь отдаются въ наемъ покои», и т. п., правильно, но не по-Русски.

Москвитянинъ печатаетъ романъ М. Н. Загоскина: *Русскіе въ Нѣмецкихъ кафтанахъ* (подъ такимъ именемъ объявленъ онъ былъ сначала). Какой-то неизвѣстный авторъ прислалъ въ редакцію очень остроумную повѣсть, подъ заглавіемъ: *Нѣмцы въ Русскихъ кафтанахъ*. Мы не можемъ однако напечатать ея, не зная имени автора.

При Москвитянинѣ раздаются »Прйключенія почерпнутыя изъ моря житейскаго. «Одинъ острякъ замѣтилъ (!!): «берегись, Москвитянинъ, чтобъ не утонуть тебѣ въ житейскомъ морѣ!»

Статья покойнаго *Графа Ростопчина* очаровала всѣхъ читателей Москвитянина. Въ самомъ дѣлѣ, Русскій умъ, острота, иронія, бьютъ въ ней живымъ ключемъ. Считаемъ нужнымъ напомнить читателямъ, что автору былъ тогда только 21 годъ! А что всего пріятнѣе будетъ услышать литературной публикѣ, такъ это вотъ что: Графъ Андрей Ѳедоровичь отыскалъ огромную черневую тетрадь путешествія, которое покойный началъ было переписывать самъ, и дописалъ до 33 главы (что напечатано). А въ ней осталось еще не переписаннаго бо́льшая половина! Я имѣлъ уже удовольствіе получить ее, пересмотрѣлъ, и увидѣлъ множество любопытнаго; напр. Графъ Ростопчинъ встрѣтилъ въ Берлинѣ Мирабо, тогда агента отъ Французскаго двора, и излагаетъ о немъ свое мнѣніе! Не интересно ли будетъ узнать читателямъ, какъ Русскій молодой человѣкъ понималъ будущаго великаго агитатора! Почеркъ въ тетради ужасный, разбирать очень трудно, но я надѣюсь вскорѣ приготовить ее къ печати и доставить удовольствіе читателямъ Москвитянина! *М. П.*

Представляемъ вторую выписку изъ рецензіи г. Кавелина Круговыхъ сочиненій. (Москвитянинъ, кн. I, стр. 18):

Digitized by Google

»Оспоривать важность и необходимость критической исторіи было бы странно въ наше время. И русская и иностранная историческія литературы слишкомъ убѣдительно доказываютъ, какое огромное значеніе она имѣетъ въ развитіи историческаго смысла, и какъ, посредствомъ мелочной критики, по-видимому, ничтожныхъ подробностей, открываются цѣлыя историческія эпохи и возстановляется настоящій смыслъ событій, искаженныхъ вольной и невольной ложью современныхъ и послѣдующихъ сказателей и писателей. Но, отдавая въ полной мѣрѣ должную справедливость критической разработкѣ исторіи, нельзя не согласиться, что она только половина и даже, какъ мы осмѣливаемся думать, второстепенная половина великой науки исторіи. Это ея подножіе, прочный фундаментъ, * если хотите, ея внѣшняя оболочка, но еще не она сама. Разработка данныхъ то же въ исторіи, что техническая сторона въ художествахъ, выработанный слогъ или стихъ въ изящной литературѣ. Ихъ взаимная связь и вліяніе другъ на друга не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, но они не одно и то же. Художественная техника никогда не была еще доведена до той высоты, на какой теперь стоитъ — а искусство въ упадкѣ; у насъ много людей, владѣющихъ стихомъ и прозой не хуже первоклассныхъ русскихъ поэтовъ и прозаиковъ — а нѣтъ великихъ писателей. То же и въ исторіи. Можно съ величайшею подробностью изучить всѣ историческіе факты и не быть историкомъ. Это потому, что исторія не собраніе данныхъ въ ихъ хронологической послѣдовательности и фактическомъ сцѣпленіи, такъ же какъ художественное произведеніе не есть одно правильное сочетаніе тѣней, красокъ, звуковъ или словъ: она живое откровеніе народнаго духа, его характера и наклонностей, достоинствъ и недостатковъ, какъ они опредѣлились въ дѣйствительности, подъ вліяніемъ тысячи внѣшнихъ условій. Исторія въ этомъ высшемъ значеніи есть не только повѣсть о бывшемъ, но разумѣніе настоящаго, чаяніе будущаго. Это физіологія историческихъ типовъ, изученіе человѣка въ его опредѣленномъ дѣйствительномъ бытіи. Она даетъ непосредственное сознаніе народности, и потому воспитываетъ, развиваетъ, укрѣпляетъ и освѣжаетъ народный духъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ исторія въ пер-

* Вотъ объ этомъ-то и хлопочу я: Г. Соловьевъ построилъ свои новые города не на этомъ фундаментѣ, — они уже и развалились. *М. П.*

Digitized by Google

воначальной формѣ пѣсни, сказки, преданія, до ея теперешнихъ колоссальныхъ величественныхъ размѣровъ, она вездѣ и всегда, сознательно и безсознательно имѣла это значеніе. Правда, степень развитія, потребности времени, господство разныхъ философскихъ школъ, наконецъ, бо́льшая или меньшая даровитость писателей, нерѣдко искажали и затемняли это призваніе исторіи. Въ ней искали прямыхъ уроковъ, но она не наставница съ указкой въ рукѣ; изъ нея черпали доказательства непреложной справедливости самыхъ различныхъ мнѣній, системъ, началъ, поправленій: она опровергаетъ и подтверждаетъ всѣ и потому ни одного не отстаиваетъ, ни одного не исключаетъ, какъ-бы смѣясь надъ ограниченностью и узкостью людей. Ее строили по готовымъ схемамъ, любимымъ мыслямъ, дѣлали ее ареной и судьей всѣхъ литературныхъ, философскихъ и политическихъ споровъ: но она выше всего этого. Исторія не даетъ готовой формулы на вѣчные вѣки, не создаетъ опредѣленной системы, не вмѣшивается въ пренія и распри людей, не снабжаетъ кодексомъ нравственныхъ правилъ; какъ созданіе искусства, она настроиваетъ, вырабатываетъ непосредственную основу человѣческой дѣятельности, изъ которой выходятъ мысли и дѣйствія, даетъ смыслъ и тактъ, питаетъ живительными источниками нравственную природу человѣка, не стѣсняя его дѣятельности, не связывая его ума и воли. Исторія возвращаетъ мысль изъ области отвлеченностей, въ которыя она охотно вдается, стремясь безпрерывно впередъ, въ міръ дѣйствительности, уравновѣшиваетъ ея порывы съ условіями данной среды, которыми мышленіе слишкомъ часто пренебрегаетъ, въ ущербъ цѣльности, гармоничности человѣческой природы, во вредъ плодотворной и энергической дѣятельности.

«Написать исторію въ этомъ высшемъ ея значеніи, и критическую исторію — двѣ вещи разныя. Повторяемъ, первая не можетъ быть совершенна безъ второй, но вторая ея не замѣнитъ ни въ какомъ случаѣ. Каждая изъ нихъ идетъ, развивается своей дорогой, имѣетъ своихъ дѣятелей и поборниковъ; обѣ дополняютъ, развиваютъ другъ друга, но не сливаются. То вѣрно, что блистательная роль въ жизни и судьбѣ народовъ не предстоитъ критической исторіи: она такъ спеціальна, суха, такъ строга, что не можетъ быть предметомъ общаго благоговѣнія.

Digitized by Google

Ей въ удѣлъ заслуженное уваженіе небольшаго числа ученыхъ, исключительно занимающихся предметомъ. Всеобщность, нравственное дѣйствіе и вліяніе всегда будутъ принадлежать исторіи художественно-написанной, и только она можетъ быть «священной книгой народовъ,» по выраженію Карамзина. Напрасно говорятъ нѣкоторые ученые: погодите писать такую исторію; вотъ неизслѣдованный вопросъ, вотъ необъяснимое событіе; ихъ нужно сперва обработатать критически, и уже потомъ приняться за цѣлое. Въ живой литературѣ никогда не бываетъ и не можетъ быть такой постепенности. Никто не ждетъ другаго: всѣ дѣлаютъ свое, потому что задача разная. Исторія въ ея высшемъ, національномъ значеніи, есть складалище народныхъ вѣрованій, цвѣтъ умственнаго и нравственнаго развитія народа, его послѣднее слово въ данное время. Это нѣчто больше вѣрнаго разсказа фактовъ, и потому-то она не можетъ быть отложена до полнаго ихъ возстановленія и обработки.»

Къ намъ пишутъ, что въ городѣ Семеновѣ, Нижегородской губ., осталось въ ужасномъ положеніи, послѣ пожара, 25 Сентября, семейство Надворнаго Совѣтника и ордена Св. Владиміра 4-й степени кавалера, имѣющаго знакъ отличія за 35-лѣтнюю службу, Матвѣя Ивановича Иванова. Благотворители могутъ относиться прямо къ нему съ своею помощію.

МОСКВА. ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было, въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Января 14-го 1849 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

Digitized by Google

Что сдѣлалось съ старичками, спрашиваетъ удивленный читатель, и какъ одинъ ударъ могъ поразить троихъ въ одно время? Что это значитъ? Сейчасъ узнаете.

Получивъ однажды нумеръ газетъ, они принялись по обыкновенію читать; прочли, но не такъ бойко, откашливались по нѣскольку разъ, и какъ будто устали. Они поговорили послѣ чтенія, однако съ бо́льшими промежутками, и наконецъ разошлись ранѣе обыкновеннаго. Имъ было какъ-то не по себѣ, а отъ чего, они не догадывались.

Наступаетъ четвергъ. Новое собраніе и новое чтеніе — нѣтъ, не клеится дѣло, остановки безпрестанныя, кашель, перхота, — и вообще не тотъ вкусъ въ газетахъ, не тотъ запахъ, не то удовольствіе; да и новости, кажется, не имѣютъ уже такого интереса: и любезный Іелачичъ не шибко идетъ на Венгерцевъ, и Виндишгрецъ ослабѣлъ, и Парижское собраніе не такъ шумно, и Швейцарцы ни гу-гу. «Что такое случилось въ Европѣ, говорятъ они между собою, всѣ какъ будто осовѣли, — даже Французы!» — Старички все еще не догадываются, что причина остановки въ Европейскихъ дѣлахъ происходитъ отъ нихъ самихъ!

Суббота рѣшила дѣло. Пришелъ чередъ читать газеты третьему старичку, который слишкомъ простудился во время послѣднихъ морозовъ, — онъ усталъ на первомъ столбцѣ, не могъ продолжать, и передалъ своему товарищу. Товарищу посчастливилось еще хуже, — тотъ увязъ на половинѣ втораго столбца, и ни какъ не могъ выѣхать изъ Парижа съ Германскимъ посланникомъ Раумеромъ, котораго не хотѣло признать Французское правительство. Пять разъ начиналъ онъ фразу, и пять разъ оставлялъ ее безъ конца—такъ и бросилъ. Третій чтецъ, всѣхъ ихъ старше, похрабрился было кончить нумеръ, но нѣтъ — не взяло и у него. «Помилуйте, господа», закричалъ онъ вдругъ, какъ будто озаренный внезапнымъ свѣтомъ,—«да что мы читаемъ: посмотрите, какая печать! совсѣмъ не та, что была прежде».—«Какъ не та?» закричали его товарищи, удивленные неожиданнымъ открытіемъ. «Покажите! Въ самомъ дѣлѣ не та. Дайте старыя газеты для сравненія.» Подали, сравнили, — не та, не та, гораздо мельче и тоньше. «Такъ вотъ отъ чего не могъ я дочесть Франціи,» воскликнулъ первый старичекъ. — «Такъ вотъ отъ чего я усталъ такъ скоро,» закричалъ второй.... И пошли, и пошли!

Точно, — въ Московскихъ газетахъ въ началѣ этого года перемѣненъ былъ шрифтъ, шрифтъ, знакомый старичкамъ столько лѣтъ, къ

Digitized by Google

которому привыкли ихъ глаза, къ которому прилажены были ихъ очки, шрифтъ крупный, любезный, родной, который такъ легко читался, прямо съ листовъ несся къ нимъ на языкъ, чуть-чуть не выговаривался самъ собою....

«Да что это такое? восклицали старики: да что дѣлаютъ съ нами? Да за кого принимаютъ? Да что значатъ эти нововведенія? Чего хотятъ эти господа? Мы подписывались на газеты извѣстныя, а это, чортъ знаетъ, какія. Мы будемъ жаловаться! Отдайте намъ деньги назадъ».... И пошли, и пошли. Это было засѣданіе самое бурное, точь-въ-точь какъ во Франкфуртѣ или въ Липпе-Шаумбургѣ, во время Ministeriel-Krisis. Крикамъ, проклятіямъ не было конца! Старички разходились, шумѣли, шумѣли, такъ что и домашніе всѣ переполошились; слуги проснулись, оторопѣли; въ полночь уже разстались они другъ съ другомъ, встревоженные, раздраженные, злые.

Новый вторникъ. Собрались друзья. Принесены газеты. Никто читать не берется! «Какъ можно читать,» слышатся восклицанія, «вотъ какимъ вздоромъ насъ подчуютъ. Это просто злоумышленіе. И Иванъ Петровичь замѣтилъ это.» — «А я видѣлся съ Андреемъ Ѳедоровичемъ, тотъ сбирается съ жалобой.» Послѣ этихъ восклицаній воцарилось молчаніе. Одинъ подойдетъ къ газетамъ, поворочаетъ въ рукахъ листы, и прочь пойдетъ, улыбнувшись; подходитъ другой, посмотритъ и плюнетъ. Подходитъ третій — и вдругъ въ неистовствѣ, побагровѣвъ, раздираетъ онъ листъ отъ края и до края! «Вотъ это такъ, восклицаютъ два остальные старичка, вотъ это такъ! Благодаримъ васъ, Григорій Ѳедоровичь, вы исполнили нашу мысль. Дадимте слово другъ другу не читать газетъ, рвать ихъ вмѣстѣ всякой вторникъ, четвергъ и субботу.» Рѣшеніе принято, и весь вечеръ прошелъ въ наслажденіяхъ удовлетвореннаго мщенія. Старички даже развеселились, шутили, смѣялись, швыряли листы вверхъ, какъ лоскутья отбитыхъ знаменъ у побѣжденнаго непріятеля, разбрасывали по сторонамъ, топтали ногами. «А, ты Барбесъ, пошелъ же къ чорту!» «Давайте-ка сюда Пульскаго, Пульскаго.» «А я раздѣлаюсь вотъ съ Нѣмцами, — вишь, затѣяли что! Вы позабыли наши благодѣянія; вы позабыли, какъ мы васъ высвободили изъ желѣзныхъ когтей Бонапарта?» (этотъ старичекъ былъ раненъ подъ Кульмомъ). Постой же, вотъ мы васъ!» — Однимъ словомъ, веселье было хоть куда. Они выпили по лишнему стаканчику пуншу и простились съ новымъ удовольствіемъ, при мысли, какъ они будутъ рвать газеты въ слѣдующій четвергъ; каждый сбирался придумать преоригинальную штуку и позабавить товарищей.

Digitized by Google

Въ четвергъ затопленъ каминъ. Слуга подалъ новыя газеты. Они взяли по листу, произнесли по рѣчи, и бросили торжественно въ огонь. Листы свернулись, запылали, и вскорѣ черный ихъ пепелъ унесся въ трубу, при восклицаніяхъ гнѣвнаго общества.

Настало молчаніе. Газеты сгорѣли — а что же имъ дѣлать, какъ провести вечеръ, и что ожидаетъ ихъ въ слѣдующую субботу, и потомъ во вторникъ, въ четвергъ? Скука, праздность, горе, параличь, смерть.....

— «Знаете ли что,» воскликнулъ самый бойкій между ними,—«станемте читать старыя газеты!»—Прекрасно, прекрасно, отвѣчали въ одинъ голосъ оба остальные. Чего же лучше! Станемъ читать именно тѣ, которые выходили по этимъ числамъ. Онѣ для насъ еще интереснѣе, потому что мы будемъ знать про себя, чѣмъ произшествія окончились, какія новости оказались справедливыми, какія нѣтъ. Браво, браво! Вынимайте же поскорѣе изъ вашего шкапа, Иванъ Григорьевичь!» — Старичекъ, откуда взялась прыть, вскочилъ, приставилъ стулъ къ шкапу, взгромоздился и вынулъ съ верхней полки цѣлую кипу. «Вотъ онѣ, вотъ наши любезныя!» воскликнули всѣ собесѣдники въ одинъ голосъ, и принялись разбирать ихъ по листочкамъ, бережно, благоговѣйно.

Разобрали, усѣлись, и начали читать, — какъ Абдель-Кадеръ борется съ Французами, какъ Лудовикъ Бонапарте томится въ крѣпости Гамѣ, какъ Пій IX носится на рукахъ въ Римѣ, какъ жители Вѣны наслаждаются вальсами Штрауса, какъ Славяне подвергаются безпрестанно подозрѣніямъ и клеветамъ Нѣмцевъ, насиліямъ Венгровъ.

Читаютъ старички, переносятся въ прошлое время, и даже спорятъ между собою заднимъ числомъ. Вообразите же, что приходитъ къ нимъ иногда на бесѣду какой-нибудь свѣжій человѣкъ, слушаетъ ихъ долго, не можетъ ничего понять, вступается въ ихъ рѣчь, вообразите, какъ старички сердятся на него, совѣстясь объяснить свою тайну....

Къ счастію, такое замѣшательство, продолжалось не долго на Конюшенной улицѣ. Жалобъ въ самомъ дѣлѣ университетское начальство получило столько на перемѣну шрифта, что, въ удовлетвореніе большинства своихъ подписчиковъ, рѣшилось печатать газеты такимъ шрифтомъ, который еще гораздо разборчивѣе стараго.

Можете себѣ представить радость нашихъ политиковъ, когда они, сбираясь однажды бросать, по обыкновенію, газеты въ огонь, нечаянно увидѣли, что другой шрифтъ, близнецъ ихъ милому другу, возвращается въ ихъ объятія. Они долго не вѣрили глазамъ своимъ, вглядывались, вглядывались:... Это онъ, онъ! и остолбенѣли.... Изобрѣтательный

Digitized by Google

старичекъ предложилъ–было какую–то торжественную инаугурацію, но двое закричали вдругъ: «читайте, читайте поскорѣе!» И началось чтеніе, и пошло, какъ по маслу....

Я не берусь описывать этого вечера, а скажу только, что въ заключеніе выбранъ былъ депутатъ благодарить Ректора Университета, которому онъ, предъ моими глазами, поклонился до земли. И вотъ историческая быль (чтобъ не сказать по–варварски фактъ), со многими изъ вышеописанныхъ подробностей въ моемъ разсказѣ. Да здравствуетъ Москва и ея патріархальные нравы! *М. П.*

Кстати о политикѣ. И у насъ въ Москвѣ появились свои жестокіе Сентембризеры (Septembriseurs). Это изслѣдователи, которые изъ всѣхъ силъ стараются доказать, что годъ въ лѣтописи Нестора и его продолжателей начинался *сѣ Сентября*. Но у насъ есть еще и Мартіалы, которые стоятъ твердо на томъ, что древній Русскій гражданскій годъ начинался *сѣ Марта*. Военачальникъ первыхъ есть Петръ Васильевичъ Хавскій. Войско его — три огромныхъ квартанта Хронологическихъ таблицъ, которыя онъ съ великимъ трудомъ и изнуреніемъ теперь только что выдалъ въ свѣтъ. Предводитель Мартіаловъ, къ дружинѣ которыхъ, вслѣдъ за Карамзинымъ, принадлежу и я— Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ, нынѣшній Секретарь Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ день послѣдняго засѣданія Общества, въ субботу, Января 22, когда чтеніе кончилось, одинъ изъ дружинниковъ, В. М. Ундольскій, вдругъ объявилъ, какъ будто пустяся на воротъ, что по таблицамъ Петра Васильевича этотъ день, субботу, должно считать Воскресеньемъ. Мы всѣ остолбенѣли отъ удивленія; самъ авторъ смутился. Можетъ быть опечатка, сказалъ онъ запинаясь, и между тѣмъ принялся разсматривать таблицу. Мы также, — и оказалось, что Г. Ундольскій указалъ на задній, другой Январь, въ году. Какой же другой задній Январь есть въ году? спрашиваютъ читатели, непосвященные въ наши таинства: тріодь, недѣля Мытаря и Фарисея, начинается, по времени Пасхи, въ нынѣшнемъ году ранѣе, а въ будущемъ позднѣе, потому что Пасха придется позднѣе, слѣдовательно въ нынѣшней тріоди 1849 года собираются два Января, по обоимъ краямъ, изъ коихъ Г. Ундольскій указалъ на второй.

Кромѣ шутокъ, Таблицы Г. Хавскаго—трудъ почтенный, составляютъ теперь у насъ въ Москвѣ яблоко раздора и предметъ изысканій. Главный споръ состоитъ въ томъ, что по мнѣнію Г. Хавскаго,

Digitized by Google

въ настоящую минуту идетъ Январскій годъ 1849-й, равно Мартовскій и Сентябрскій; а съ Марта Мартовскій пойдетъ уже пятидесятый, Сентябрскій же пятидесятый съ Сентября. Г. Бѣляевъ и проч. думаютъ иначе.

Г. Уидольскій написалъ, слышно, превосходное разсужденіе о Хронологіи, по всѣмъ источникамъ, Греческимъ и Русскимъ.

Что до меня, Хронологическія таблицы Г. Хавскаго замедлили изданіе моихъ Изслѣдованій. Я оставлялъ прежде хронологію въ сторонѣ, не считая важнымъ *слишкомъ точное* опредѣленіе времени въ происшествіяхъ однообразныхъ. Однако же у меня выписаны были всѣ показанія изъ лѣтописей, гдѣ, *вмѣстѣ* съ числомъ мѣсяца и года, означенъ недѣльный день и празднуемый Святый. Когда я получилъ Таблицы, я провѣрилъ ихъ по этимъ выпискамъ: однѣ подошли, а другія нѣтъ. Между тѣмъ я убѣжденъ былъ, по другимъ изслѣдованіямъ, что лѣтописи писались часто, не только изъ года въ годъ, но изо дня въ день, и ошибки быть здѣсь не могло. Съ другой стороны, не могло быть ошибки въ Таблицахъ: если нынѣшній день, напримѣръ, поставленъ въ 1849 году во вторникъ, подъ 25 числомъ, правильно, то вчерашній также, и прошлогодніе, и застолѣтніе, и такъ далѣе. Откуда же разница? Это подстрекнуло любопытство и повело меня къ другимъ соображеніямъ. Я заключилъ, что дни и мѣсяцы должны быть въ лѣтописи вѣрны, а годы могутъ въ одной лѣтописи быть вѣрны, а въ другой нѣтъ; извѣстіе должно принадлежать той лѣтописи, гдѣ оно подъ вѣрнымъ годомъ, а гдѣ подъ невѣрнымъ, тамъ оно заимствовано изъ другой, чужее, и лишь только поставлено не на своемъ мѣстѣ; а это повело къ новымъ мыслямъ о заимствованіяхъ извѣстій отъ одной лѣтописи въ другую, слѣдовательно объ ихъ генеалогіи, о коей были уже соображенія, основанныя на другихъ данныхъ; надо все это сравнить; въ резервѣ у меня записаны годы затмѣній солнечныхъ и лунныхъ, за коими обращусь я къ Д. М. Перевощикову. Сличивъ всѣ эти показанія, можетъ быть, удастся добраться до любопытныхъ результатовъ. Концы, кажется, я держу уже въ рукахъ. На все это потребуется много времени: конечно, прибавится лишняя глава въ 4 томѣ Изслѣдованій, но печатаніе его замедлилось, за что все-таки я долженъ благодарить Таблицы Г. Хавскаго. *М. П.*

Digitized by Google

М-ЛЬ РАШЕЛЬ И ТУРКИ ВЪ МАРСЕЛИ. Славная трагическая актриса Еврейка Рашель, или просто Рахиль, нигдѣ не пріобрѣла столько злата и сребра, вѣнцовъ и пальмъ тріумфальныхъ, какъ на югѣ Франціи, говоритъ Гекторъ Берліозъ.

«Возвращаясь однажды въ Марсель, говоритъ онъ, съ купанья въ морѣ, я сѣлъ, по недостатку мѣстъ въ омнибусѣ, съ кучеромъ. Между мной, охотникомъ разспрашивать, и автомедономъ Марсельскимъ, охотникомъ разсказывать, тотчасъ же завязался разговоръ.

— Да, да, знаю я васъ всѣхъ,—сказалъ онъ,—и Дюма съ сыномъ, и Фелиціана Давида, и Ребуль, и Мери; знаю и Рашель.... да ужъ и она будетъ меня помнить!

— Какую Рашель? трагическую актрису?

— Ну да; что въ комедіяхъ играетъ. Я былъ въ комедіи, когда она играла; и ужъ такую сказалъ рѣчь славную, что мнѣ всѣ хлопали....

— Какую же рѣчь ты сказалъ? въ публикѣ?

— Ну, конечно; мнѣ что публика, я при четырехъ публикахъ скажу, какъ пойдетъ дѣло на правду. Да нельзя; изволите видѣть, господинъ: эта госпожа Рашель пріѣхала въ Марсель и напечатала, чтобъ всѣмъ было извѣстно, что она будетъ играть Баязета, съ четырьмя Турками....

— Ну?

— Ну, вотъ, нельзя не посмотрѣть; Турокъ мы съ роду не видывали. Я и пошелъ съ товарищами въ комедію. Пришли, а она, глядь, вышла только съ тремя.. — Чтожъ, братцы, говорю я, смѣяться что ли будетъ Француженка надъ Марсельцами? Стой! — Вотъ всѣ и замолкли, слушаютъ, что я буду говорить. Я и влѣзъ на скамью, да и крикнулъ къ ней: «четвертый-то гдѣ? четвертаго Турка подавай!» Послѣ этой рѣчи, еслибъ вы изволили посмотрѣть на публику-то: ужасъ! Рашель видитъ, что плохо: пошла поскорѣй за четвертымъ Туркомъ, и ужъ не знаю гдѣ она его взяла; можетъ статься, поддѣлала; а тоже вышелъ въ чалмѣ съ огромными усищами, не хуже самого султана.

— Скажи пожалуйста! да вы не шутите въ Марсели?

— А какъ же! У насъ загрязалось было дѣло и съ Фелиціаномъ Давидомъ, который объявилъ, что будетъ играть «*Пустыню*» да маршъ каравана. Мы и бросились въ театръ посмотрѣть на пустыню и на караванъ верблюдовъ. Ждемъ, ждемъ, не тутъ-то было; надулъ! ни одного верблюда не вывелъ!

Digitized by Google

— Что жъ, ты такъ же славную рѣчь сказалъ по этому случаю?

— Ну нѣтъ, я ничего не сказалъ: я бы и сказалъ, и ужъ какъ бы сказалъ, еслибъ Давидъ-то былъ Французъ; а то онъ землякъ нашъ, изъ провинціи (Provence) родомъ; ну, такъ ужъ такъ и быть; а все не хорошо: играть маршъ каравана, безъ верблюдовъ, — хоть бы одного поставилъ!»

МОНМАРТРСКІЙ БУЛЬВАРЪ. Одинъ пріѣзжій въ Парижъ, встрѣтивъ издателя «Журнала для смѣха», на углу Монмартрскаго бульвара, спросилъ его:

— Позвольте васъ, милостивый государь, спросить: какая это улица?

— Это Монмартрскій бульваръ, милостивый государь,— отвѣчалъ онъ,— это тотъ бульваръ, который г-жа Сталь назвала поэтически *Венериными полсомъ Парижа.*

— Это бульваръ? Какой же это бульваръ,— это улица.

— Вы удивляетесь, что на немъ нѣтъ ни одного дерева? но это ужъ такой обычай въ Парижѣ: всякой разъ когда Франція перемѣняетъ правленіе, всѣ деревья рубятъ съ корня долой.

— Для чего это?

— Изъ нихъ насаждаютъ на перекресткахъ такъ называемыя *деревья свободы.*

— Да гдѣ жъ они?

— Да они что-то не принимаются.

НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ УНИВЕРСАЛЬНЫЯ ЛЕКАРСТВА. *L'eau Rogers* pour embaumer ses dents soi même. Составлена дантистомъ W. Rogers. Употребленіе этой воды, говоритъ онъ, не только легко и пріятно, но и *не портитъ зубовъ, какъ всѣ прочія средства!*

Dégénétais trésor de la poitrine, ou pâte pectorale et sirop pectoral de Dégenétais, pharmacien. — Это сокровище излечаетъ простуды, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ болѣзни грудныя.

Sirop de Bourgeons de sapin au Beaume de Talu. Излечаетъ всѣ maladies de la vessie et des voies urinaires, и также лечитъ воспаленія грудныя, простудныя, катарры временные и хроническіе.

Paulinia de E. Fournier, pharmacien. — По его объявленію лечитъ мигрени (neyralgies) и желудочныя болѣзни.

Digitized by Google

Pinceau chimique contre les hémorrhoides, qui les fait passer à volonté, en les faisant fluer au besoin. Il dure des années, invent. Duvignau pharm.

Nouvelle injection Sampso, infaillible, guérit en trois jours les maladies opiniâtres. Pharm. rue Rambouteau.

Pommade de Dupuytren. — Роститъ волосы, заращиваетъ лысины и ни за что не позволяетъ сѣдѣть.

МЕЛОЧИ.

СКОРОСТЬ ТЕЛЕГРАФА. Американскій журналъ New-York-Express извѣщаетъ, что огромное сообщеніе извѣстій президента Полька, заключавшее въ себѣ 50,000 словъ, было передано въ 24 часа электрическимъ телеграфомъ изъ Балтимора въ Сен-Луи, доставивъ копіи 17 городамъ Соединенныхъ Штатовъ, находящимся на пути телеграфическаго проводника.

ОБЕЗЬЯНА ШИМПАНЗЕ, которую пріобрѣлъ le Jardin-des-plantes, околѣла, а съ нею умерли и надежды сдѣлать испытаніе умственныхъ способностей большой породы обезьянъ. Ее вывезли трехмѣсячную съ острова Явы; но она не могла климатизироваться съ Европой, не смотря на всѣ предосторожности. Ее одѣвали въ пальто, въ панталоны изъ тартана, поселили въ теплую ротонду, гдѣ жили строфокамилы Африки; но ни что не помогло. Полагаютъ, что неумѣренное употребленіе чая и ликёровъ было причиной ея смерти.

ПОЖАРЪ. 8 числа Января (нов. стиля) случилось въ *Историческомъ театрѣ*, въ Парижѣ, ужасное происшествіе: посреди втораго акта *Лондонскихъ Тайнъ*, главный проводникъ газа въ люстру лопнулъ. Пламень обнялъ люстру. Вопли испуга раздались со всѣхъ сторонъ. Вся публика бросилась къ дверямъ и такъ столпилась, что едва не передавили многихъ. Съ трудомъ ее успокоили. Представленіе драмы остановилось на полчаса; загорѣвшійся газъ люстры потушили; и, когда плавильщики исправили проводникъ газа — представленіе возобновилось.

ОТРАВА. Газета «Эхо Орана» (въ Алжирѣ) увѣдомляетъ, что въ началѣ Января, Евреи Мостаганема похоронили женщину, отравившую себя страннымъ образомъ: сынъ ея, 23 лѣтъ, былъ боленъ лихорадкой. Ей посовѣтовали дать ему желтаго мышьяку, который, сказали, дѣйствуетъ точно также, какъ хининъ. Пріемъ, вѣроятно, былъ не въ мѣру: больной умеръ. Когда стали упрекать мать, что она отравила сына, «чтобъ доказать вамъ, что это не ядъ, — сказала Еврейка, — я сама приму это лекарство». И приняла; но мышьякъ произвелъ свое дѣйствіе: въ страшныхъ конвульсіяхъ она умерла.

Digitized by Google

АЛЬМАНАХЪ НАПОЛЕОНОВЪ. Въ Парижѣ, въ центральномъ депо альманаховъ, объявлено о выходѣ въ свѣтъ этого истинно Наполеоновскаго подарка на новый годъ народу, арміи и 5 милліонамъ 500 тысячамъ избирателей Людовика-Наполеона. Альманахъ заключаетъ въ себѣ 120 страницъ, въ двѣ колонны, *цѣлый огромный томъ текста и на 20,000 франковъ гравюръ.* Цѣна ему 50 сантимовъ (около 12 коп. сереб.). Въ немъ помѣщены: полная біографія и полная исторія Наполеона, отъ колыбели его до смерти и даже до апоѳеоза; всѣ его походы и побѣды; біографія Людовика-Наполеона отъ рожденія до избранія въ президенты; подробное описаніе избранія; воспоминанія народа, и наконецъ *номенклатура* тьмы рисунковъ, кончающаяся словами: и пр. и пр. Альманаха напечатано милліонъ экземпляровъ,—очень мало для народа, для арміи и 5 милліоновъ избирателей.

Газета la Presse извѣщаетъ, что одинъ книгопродавецъ какого-то департамента подписался на 10,000 экземпляровъ.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Попалась подъ руки Исторія Наполеона, соч. покойнаго Полеваго, томъ 3, и вотъ на стр. 161 какой періодъ прочитали мы: «Такимъ образомъ противъ 80,000-ной Беннигсеновой арміи у Наполеона было подъ рукою гораздо менѣе, не говоря о томъ, что Русская армія, уступая въ числѣ солдатъ, превосходила Наполеонову числомъ пушекъ.» Просимъ понять!

Г. Теряевъ намѣренъ издать Некрологъ 1848 года, съ краткими біографическими извѣстіями и указаніями, какъ то узнаемъ изъ Сѣверной Пчелы. Всему, что увеличиваетъ гласность, возбуждаетъ любопытство, питаетъ любознательность, распространяетъ предѣлы литературы, Москвитянинъ радъ всегда содѣйствовать, и предлагаетъ Г. Теряеву всѣ свои извѣстія въ полное распоряженіе, готовъ сообщать и другія свѣдѣнія, по его требованію.

Во 2 нумерѣ Москвитянина говорено было о словахъ Архіепископа Тверскаго Гавріила. Желательно, чтобъ они были напечатаны церковными буквами. Они нашли бы себѣ еще больше читателей, да и языку ихъ церковная печать приличнѣе.

Digitized by Google

Въ Пчелѣ встрѣтили мы любопытное извѣстіе объ очень хорошемъ обществѣ въ Петербургѣ, которое не дурно бы перенять и Москвѣ. Жаль только, что оно называется танцовальнымъ. Почему не назвать его, напримѣръ, пріятельскою бесѣдою? Вообще слово бесѣда во многихъ случаяхъ надо ввести вмѣсто общества. Это будетъ и правильно и понятно. Члены, средняго сословія, платятъ по 15 р. сер. въ годъ, обѣдаютъ по 40 коп. серебромъ, и однажды въ недѣлю пріѣзжаютъ съ своими семействами. Укажемъ на выгодную сторону такихъ бесѣдъ. Молодые люди могутъ видѣть и знакомиться здѣсь между собою. Сватовство обветшало и уничтожилось, а чѣмъ у насъ замѣнено оно! Уничтожать легко, основывать трудно. Сватовство пропало съ своимъ вредомъ, но унесло съ собою и свою пользу.

Нѣкоторые изъ нашихъ корреспондентовъ жалуются, что имъ нечего описывать, потому что въ ихъ городахъ нѣтъ ни баловъ, ни концертовъ, ни спектаклей. Редакція проситъ покорнѣйше не извѣщать объ этихъ общихъ мѣстахъ, еслибъ они гдѣ и бывали; для нея гораздо интереснѣе, напр. новыя вольныя почты между Казанью и Оренбургомъ, число посѣтителей въ Карамзинской библіотекѣ въ Симбирскѣ, жизнь иноковъ въ Козельскѣ, пожертвованіе капиталовъ на вѣчныя времена въ пользу бѣдныхъ мѣщанъ въ Дмитровѣ, Коломнѣ, тысяча рублей вкладу отставнымъ унтеръ-офицеромъ въ церковь, по умершей женѣ, въ Петербургѣ, и проч. Вотъ какого рода извѣстій просимъ мы отъ своихъ корреспондентовъ.

На дняхъ полученъ въ Москвѣ портретъ незабвеннаго *Николая Михайловича Языкова*, гравированный нашимъ извѣстнымъ художникомъ Іордановымъ. Сходство необыкновенное. Это онъ, съ задумчивымъ взоромъ, истомленный болѣзнію, но бодрый духомъ, какъ юноша!.... Издатель портрета достойно почтилъ память покойнаго: вся сумма, которая будетъ выручена продажею портрета, назначена имъ на учрежденіе стипендіи въ Московскомъ Университетѣ, для одного бѣднаго студента *.

---

* Портретъ можно получать въ Конторѣ Москвитянина, по 1 рублю серебромъ за экземпляръ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

КОРЫСТОЛЮБІЕ РУССКАГО НАРОДА. — Иностранцы, а съ ихъ голосу и сами Русскіе, не понимая дѣла, представляли иногда корыстолюбіе, какъ народный Русскій недостатокъ. Въ отвѣтъ на это обвиненіе мы приведемъ недавній случай, въ истинѣ котораго совершенно ручаемся.

Московской губерніи, въ сельцѣ Милетѣ, принадлежащемъ Княгинѣ М. Д. У–ой, крестьянинъ Сидоръ Кузминъ принялъ въ свою семью малютку Григорія, оставшагося сиротой: отецъ его пошелъ въ солдаты, а мать умерла; на рукахъ добрыхъ крестьянъ, въ христіанской Русской семьѣ Григорій достигъ 18–ти лѣтняго возраста. Во время послѣдняго набора, когда на призывъ Русскаго Царя всѣ съ готовностью шли исполнять его верховную волю, очередь въ поставкѣ рекрута дошла и до семьи Кузмина. Бобыль вызвался самъ идти вмѣсто сына своего благодѣтеля, и, не смотря на представленіе всѣхъ, что онъ за это могъ бы взять деньги съ другихъ, Русскій человѣкъ не соглашался ни на какія условія, радуясь случаю, который давалъ ему возможность хотя отчасти уплатить неоплатный долгъ за всѣ благодѣянія, оказанныя ему сердобольнымъ семействомъ. Кто знаетъ, что за рекрута есть много охотниковъ заплатить большія деньги (и эти охотники были и въ настоящемъ случаѣ) тотъ пойметъ, какъ велико было чувство корыстолюбія въ Григоріѣ и перестанетъ голословно обвинять въ немъ всѣхъ Русскихъ. А вѣдь этотъ недостатокъ былъ когда-то даже темою для одной повѣсти. Когда же мы узнаемъ самихъ себя?

Кстати напомнимъ читателямъ, что подобный разсказанному нами случай послужилъ содержаніемъ прекрасному очерку И. Т. Кокорева «Сибирка,» помѣщенному въ Москвитянинѣ 1847-го года. *М. К.*

Digitized by Google

Кстати и я разскажу анекдотъ, который я слышалъ года три тому назадъ, но не улучилъ записать въ свое время. Жилъ прикащикъ у одного овощнаго торговца въ Охотномъ ряду лѣтъ десять; служилъ усердно, денегъ бралъ мало на счетъ, и хозяинъ былъ имъ всегда доволенъ. Вздумалъ онъ наконецъ жениться и завести собственное хозяйство. Приходитъ онъ къ хозяину, и объявляетъ о своемъ намѣреніи, проситъ его *разсчесть*. Ладно, отвѣчаетъ хозяинъ, приди ко мнѣ въ воскресенье. Прикащикъ приходитъ въ воскресенье. Пойдемъ къ обѣднѣ, говоритъ хозяинъ. Пошли. Послѣ обѣдни возвращаются вмѣстѣ домой. Хозяинъ идетъ къ себѣ въ спальню, оставляетъ прикащика одного, чрезъ минуту выходитъ оттуда съ образомъ и хлѣбомъ съ солью, благословляетъ прикащика образомъ, отдаетъ хлѣбъ-соль, и вручаетъ кипу ассигнацій: «вотъ твои семь тысячь рублей, которыя слѣдуютъ тебѣ по нашему договору, а вотъ тебѣ двадцать тысячь, которыя накопились отъ моихъ прибавокъ. Я не сказывалъ тебѣ объ нихъ, опасаясь, чтобъ ты не зазнался и не избаловался. Ступай же теперь съ Богомъ, живи и пожинай, а на меня всегда надѣйся; я тебѣ во всемъ помощникъ.» *М. П.*

отцовскій долгъ. Происшествіе, на которомъ основалъ я свой разсказъ: *Сибирка* *, не вымышленное. Въ послѣдствіи я услыхалъ, отъ достовѣрныхъ людей, о другомъ подобномъ ему. Случилось оно Московской губерніи, кажется, въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Жилъ былъ одинъ крестьянинъ, не то чтобъ зажиточный, а хорошимъ домомъ, человѣкъ работящій и честный. Кромѣ жены, семья его состояла изъ трехъ дочерей да сына-молодца. Въ животѣ, въ смерти Богъ воленъ: кажись, крѣпокъ былъ нашъ Захаръ Антиповъ, а вдругъ свалился и отдалъ Богу душу. Новая изба, которую началъ онъ было строить, сбираясь женить своего Ваню, осталась недоконченною, и долговъ нашлось на немъ не мало: сосѣдямъ — кому пять, кому десять рублей, а одному городскому купцу, у котораго забиралъ онъ кое-какой товаръ, безъ малаго пять-сотъ. Деньги браты были, какъ водится у простаго народа, на честномъ слобѣ, безъ векселей и заемныхъ писемъ; должникъ умеръ; кажется, и дѣлу бы конецъ: анъ нѣтъ, по

---

* Одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ ней ремесленникъ, который, ополовѣвъ, идетъ охотою въ солдаты за своего друга, безъ всякаго вознагражденія.

Digitized by Google

крестьянскому разумѣнію отдать надобно; честное имя должно остаться незапятнаннымъ. Пристаютъ кредиторы ко вдовѣ; одинъ даже грозитъ пожаловаться начальству.... «Пообождите, кормильцы, молитъ она: — вотъ управлюсь маленько съ дѣлами, къ Петрову дню телятъ пару да лошадь продамъ....» Куда — и слышать не хотятъ. Что̀ дѣлать? Словно ножъ въ сердце слышать Ивану Захарову, какъ корятъ память отца; такъ и думается ему, что при всякомъ попрекѣ ворочаются въ могилѣ старыя кости.... Эхъ-ма!... задумалъ онъ что-то.

По губерніи объявленъ былъ рекрутскій наборъ. Въ деревнѣ, гдѣ жилъ Иванъ, чередъ выставлять рекрута палъ на одинъ семьянистый, но богатый домъ. Приходится отдавать одного ихъ троихъ взрослыхъ парней. Рады бы они нанять охотника, да негдѣ взять: время горячее, спѣшное. Какъ ни перекаютъ старики, а все бѣда не отходитъ отъ воротъ. — «Да не купишь ли меня?» спрашиваетъ вдругъ Иванъ Захаровъ у кручинаго сосѣда. — «Иль шутитъ вздумалъ, Ванюха?» проговорилъ тотъ съ сердцемъ. — «Какія шутки. Говори что̀ дашь, и пойду я за твою семью служить Богу и великому Государю.» — «Да какъ же любезнякъ ты-мой, мать-то твоя.... тово.... вѣдь ты одинъ у нея какъ пёрстъ....» — «Ну ужъ это мое дѣло, ты знай свое, да покупай товаръ. Сколько же дашь?» — «Ахъ родной! выручи! Тысячу рублевъ новенькими бумажками тебѣ отсчитаю; избу достроюю.» — «Эва, дешево больно! Мнѣ непремѣнно надо двѣ, и копейки не уступлю.» — «Побойся Бога, Ваня, разорить хочешь.» — Вотъ то-то и есть дядя Гарасимъ: за пару хорошихъ коней, что̀ ѣздятъ у тебя въ Москвѣ, заплатилъ почесть тысячу, а тутъ.... Не приходится жидоморничать при такой невзгодѣ. Небойсь, не оскудѣешь!» И какъ ни жался Гарасимъ, а долженъ былъ порѣшить съ охотникомъ на двухъ тысячахъ.

Иванъ Захаровъ немедленно же отправился въ городъ, къ главному кредитору своего отца. — «Что̀, привезъ деньги?» спрашиваетъ тотъ. — «Со мной теперь нѣтъ, а извольте завтрашній день придти вотъ въ такой-то домъ и получите что слѣдуетъ. Только лишь расписочку изготовьте.» — «Ладно.» — И прочимъ кредиторамъ повѣстилъ онъ то же самое.

На другой день всѣ они явились въ рекрутское присутствіе. Глядь — Иванъ, въ чемъ мать родила, стоитъ ужъ въ пріемѣ: дошла очередь и до охотника. Присутствующіе начали разсматривать списокъ.

Digitized by Google

— Какъ же, братъ, ты одинъ сынъ у матери, а продаешься въ солдаты? спросилъ у Ивана одинъ изъ членовъ присутствія.

— Такъ слѣдуетъ, ваше благородіе.

— Какъ слѣдуетъ? Что-нибудь да не такъ! Позвать сюда мать.

Старушка вошла, вся въ слезахъ; за нею три дочери, тоже расплаканныя.

— Вѣрно, забубенная голова твой сынъ, что идетъ охотой? говорятъ ей.

— Избави Богъ, батюшка, ваше осіятельство! Онъ у меня послушливѣе овечки....

— Ну, такъ знать, дѣло не спорится у него?

— Да работящѣе его во всей деревнѣ нѣтъ....

— Такъ для чего жъ ты позволяешь ему продаваться въ солдаты? Кто станетъ управлять домомъ, поить кормить тебя и дочерей?

— Да я бы, ваше благородіе, скорѣе живая легла въ могилу, чѣмъ разсталась съ нимъ.... да вотъ долгъ-то.... Вижь, онъ не хочетъ, баитъ — успокою батюшку....

— Какой долгъ?

— Машушка! крикнулъ Иванъ, прерывая мать, которая начала было свой разсказъ: — полно плакать-то! А вы, ваше благородіе, не извольте безпокоиться насчетъ энтого. Матренѣ, сестрѣ моей, вотъ что стоитъ, передъ вашей милостью, сёмнадцатый годъ пошелъ, а къ Красной горкѣ она и невѣста. Мы ужъ и ударили по рукамъ съ однимъ бобылемъ, принимаемъ его къ себѣ въ домъ, онъ малой знатный, у кого хотите извольте спросить. Такъ ужъ и не безпокойтесь.... А я, осмѣлюсь доложить, по усердію иду на Царскую службу.

Дѣлать нечего. Поставили охотника въ мѣру, и крикнуло нѣсколько голосовъ: лобъ!

Получивъ отъ покупщика деньги, Иванъ Захаровъ позвалъ къ себѣ отцовскихъ кредиторовъ.

— «Вотъ тебѣ, Степанъ Кузьмичъ, пятъ-сотъ рублевъ, ты сватъ Андрей получай свои безъ четверти двадцать пять....» тому столько-то, этому столько, и расплатился со всѣми до послѣдней копейки. Поняли тогда несговорчивые заимодавцы, откуда взялись у него деньги; иные стали отговариваться, не брать; кто предлагаетъ ихъ ему на дорогу. «Ничего не надо мнѣ родимые; деньги не мои, а батюшкины, не поминайте же его лихомъ, не говорите, что забылъ чужое добро.... А ужъ коли кто хочетъ наградить меня, такъ пусть запишетъ имя раба

Digitized by Google

Божія Захара въ свое поминанье, да отслужитъ по немъ панихиду. Это дороже всего. Больше ни о чемъ и не прошу. Да вотъ если матушкѣ случится какая нужда....» — «Не покинемъ сиротъ,» отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ заимодавцы.

Послѣ расплаты, остается у молодаго рекрута только два полуимперіала. Одинъ отдаетъ онъ матери, другой сестрѣ, на новую шубку, какъ пойдетъ замужъ.

— Голубчикъ, Ваня, съ чѣмъ же ты самъ-то останешься? со слезами промолвливаетъ мать.

— Меня будетъ кормить самъ надёжа-Государь. Съ деньгами, пожалуй, еще избалуешься. Да не плачь же, родимая! Помнишь уговоръ? Въ побывку скоро приду.... Благослови меня, родная!

Рыдая, сняла съ груди своей осиротѣлая мать мѣдный крестъ и надѣла его на своего ненагляднаго. Святая материнская слеза прошибла и Ваню: не вытерпѣло ретивое, заплакалъ и онъ, и замерли оба, обнявъ другъ друга.

Вѣсть о необыкновенномъ доказательствѣ сыновней любви тотчасъ же дошла до присутствующихъ; начальству сдѣлано было особое представленіе, и молодцоватый собою Иванъ Захаровъ поступилъ въ Царскую гвардію.

Живъ ли ты, благородный сынъ земли Русской? Если еще здравствуешь, прими низкій поклонъ и сердечный поцѣлуй отъ своего тёзки, и прости меня, что посмѣлъ я разсказать православному люду о твоемъ поступкѣ, и, можетъ быть, переиначилъ нѣкоторыя подробности.

Храни же въ себѣ навсегда, добрый Русскій народъ, высокія доблести предковъ, и въ простотѣ сердца будь такъ же здоровъ духомъ, какъ крѣпокъ ты тѣломъ! А вы, господа говоруны о народности, собирающіеся преобразовывать, *цивилизовать* его, подумайте о подобныхъ, нерѣдкихъ у насъ, явленіяхъ, и не колите глазъ нашему люду, будто бы лишенному чувства *гуманности*, которою такъ богаты вы, только не на дѣлѣ, а на словахъ. *И. Кокоревъ.*

ВОЗВРАЩЕНІЕ Г. ЛАМАРТИНА НА ПАРНАССЪ. Французскія газеты извѣщаютъ о благополучномъ возвращеніи Г. Ламартина въ Парнасскую область. Сложивъ съ себя тяжкія обязанности оратора, министра иностранныхъ дѣлъ и даже мечту на президентство, онъ отказался отъ политики, и изъ Hôtel-de-Ville переселился въ свой Hôtel-des-Muses. Но покуда не настроились еще ни душа, ни лира, для

Digitized by Google

одъ, гимновъ, утреннихъ и вечернихъ размышленій, для эпопеи въ величину древней Махабгараты, и эпизодовъ въ 80,000 стиховъ, онъ теперь разсказываетъ мелодраматически свое былое, свое младенчество, юность и *мужество*, подъ заглавіемъ: Confidences, Raphaël— pages de la vingtième année. Онъ почелъ необходимымъ, говорятъ журналы, при жизни своей издать въ свѣтъ: свою исповѣдь, свои задушевныя тайны, повѣсти любви своей, портретъ и письма своей возлюбленной Эта откровенность выше откровенности Ж. Ж. Руссо.

Г. Ламартинъ, онъ же и Рафаэль, накопивъ къ двадцатому году жизни своей и душевнаго горя, и притупленія чувствъ, и тѣлесныхъ недуговъ, отправляется на воды въ Э, въ Савоію. Тамъ, для разсѣянія себя, прогуливается съ ранняго утра до поздняго вечера, а иногда и обратно; прогуливается уединенно по долинамъ, по горамъ и по озеру, влюбляется въ природу, заключаетъ съ ней вѣчный союзъ, и вдругъ встрѣчаетъ существо, которое лучше самой природы. Какъ быть, надо измѣнить природѣ, для Юліи, юной креолки, которая также тоскуетъ, за неимѣніемъ дружной души, которая бы ее *поняла*, главное: *поняла*. Но Юлія замужемъ. Мужъ ея — членъ Института, мужъ ученый, добрый старикъ, который женился на ней, на сироткѣ, даетъ ей пріютъ, имя и богатство, за то только, чтобъ она приласкала иногда старика, понянчилась съ нимъ. Но Юліи этотъ житья не по сердцу; она тоскуетъ на смерть. Добраго старика мучатъ ея страданія, онъ вполнѣ *понимаетъ* ее и говоритъ ей съ отеческимъ чувствомъ: — Милая моя Юлія, ты бы полюбила кого-нибудь немножко: твое счастіе составило бы и мое счастіе. — Чего бъ, казалось, больше: Юлія нашла въ мужѣ человѣка, который ее совершенно понялъ, и не скоро найдешь мужа понятливѣе его; но вѣрно слово *понялъ* значило что-нибудь другое; ей нуженъ былъ Рафаэль. Онъ явился къ ней высказать то счастіе, которому порадовался и мужъ.

«Долго, говоритъ Ламартинъ, онъ же и Рафаэль, мы были безгласны другъ для друга; но наконецъ, со вздохомъ, вырвавшимся изъ глубины души: я понялъ тебя! — воскликнулъ я, и предупреждаю обѣтъ въ той непорочности, которой ты желаешь, клятвою моей!»

Рафаэль и не измѣнилъ этой клятьѣ, и не одинокій уже обратился къ красотѣ природы и къ прогулкамъ по горамъ, по долинъ и по озеру.

Въ это-то блаженное время, Рафаэль прочелъ *всѣхъ древнихъ философовъ, всѣхъ древнихъ ораторовъ и историковъ*, на

Digitized by Google

мнѣ родномъ языкѣ. Здѣсь-то онъ обратился въ поэта, переведъ Феокрита, написалъ *Аннибала*, и явился къ издателю Дидоту. Firmin Didot внимательно прослушалъ его, и—какъ оселъ сказалъ соловью:

Сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
Да жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ;
Еще бъ ты больше навострился,
Когда бы у него немножко поучился.

О. ЛАБОАНЪ, *новая колонія Англичанъ близъ острова Клематана (Борнео) въ Индійскомъ Архипелагѣ.* По старому повѣрью колонизацій, занимая новыя земли — Испанцы *тотчасъ же* строятъ церковь, Французы театръ, а Англичане *таверну.* Это повѣрье какъ нельзя лучше обрисовываетъ нравы: одни, водворяясь, вносятъ съ собою религію, другіе искусства и художества, третьи промышленность.

Вмѣстѣ съ таверной, Англичане немедленно учреждаютъ и редакцію газеты, хотя бы число читателей и не превосходило числа редакторовъ.

Изъ новой газеты Laboan Gazette, новой колоніи Англичанъ при островѣ Борнео, мы узнаемъ, что Сиръ Джемсъ Брукъ, котораго прозываютъ Раджей Саравака, и который управляетъ новою колоніею, имѣлъ свиданіе съ сосѣдомъ своимъ, султаномъ главной области *Варуни*, Баруни, Бурни, или Бруни, по которой Европейцы прозвали островъ *Клематанъ* — Борнео. Это свиданіе, какъ водится, имѣло цѣлью, со стороны Сира Брука, «размѣнъ *ратификацій* договора о торговлѣ, въ слѣдствіе заключеннаго мира въ прошедшемъ году», а со стороны султана, пріемъ даровъ отъ проклятаго потомства *Дипы*, скитающагося по міру.

Сопровождаемый свитой, составленной изъ морскихъ офицеровъ Сиръ Брукъ поднесъ султану великолѣпный пунцово-бархатный ящикъ, обдѣланный въ золото, съ заключающимся въ немъ спискомъ договора, утвержденнаго королевой Викторіей, при чемъ сказалъ надлежащую рѣчь, что «таковымъ образомъ утверждается вѣчный и нерушимый миръ между его султанскимъ высочествомъ и королевой Викторіей; и что ея величество дозволяетъ себѣ при семъ торжественномъ случаѣ

Digitized by Google

представить его султанскому высочеству подарокъ въ 3,000 испанскихъ піастровъ, въ знакъ признательности, за дружественную уступку островка Лабоана коронѣ Англіи....»

Султанъ обратилъ полное свое вниманіе на прекрасный и искусно сдѣланный ящикъ и былъ имъ очень доволенъ; на заключающійся же въ немъ листъ пергамена, не смотря на автографъ королевы Викторіи, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, какъ на вещь пустую, составляющую списокъ поздравительной оды, которую Сиръ произнесъ ему наизустъ.

ТЕРЕЗА МИЛАНОЛЛО, *виртуозъ-скрипачъ въ юбкѣ, и 1800 данныхъ ею концертовъ.* Да извинятъ насъ, что мы такъ называемъ великаго *скрипача* Терезу Миланолло. Русскій языкъ не допускаетъ *скрипача* въ женскомъ родѣ, точно также какъ слово мужчина не имѣетъ женскаго рода: какъ не говорятъ *мужчинища*, такъ же, безъ сомнѣнія нельзя сказать и *скрипачка* — что-то странно, неестественно, Но если уже существуетъ скрипачь Тереза Миланолло, [то] слѣдуетъ про нее писать. Посреди шуму политическаго, она въ свою очередь надѣлала много шуму музыкальнаго, и всѣ любящіе consommé, и желающіе de la république consommée, единогласно кричатъ, что Тереза Миланолло ни болѣе, ни менѣе какъ virtuose consommé. Особенно собственная ея аранжировка темъ изъ «*Чортовой доли*» (La part du diable), привела всѣхъ внѣописанный восторгъ.

Тереза Миланолло родилась въ 1829 году, въ Савилліано, маленькомъ городкѣ Піемонта. Неизвѣстно, какимъ образомъ попались ей въ младенчествѣ смычекъ и скрипка, вѣроятно *de la part du diable*; но извѣстно, что *ce part** къ семи лѣтамъ былъ уже виртуозъ, осыпанъ рукоплесканіями на публичныхъ концертахъ въ Туринѣ и во всѣхъ главныхъ городахъ Сардинскаго королевства. Въ 1837 году, Тереза была въ Парижѣ, потомъ объѣхала Бельгію, Германію, Англію, Францію, Швейцарію и Италію — и дала счетомъ *тысячу осемьсотъ концертовъ*, до наступленія девятнадцатой своей весны.

Это, можетъ быть, скажутъ *неестественно*, но все *неестественное* и происходитъ отъ *неестественности*, de la part du diable.

---

* Новорожденный младенецъ.

Digitized by Google

ПОДАТЬ НА ФРАКИ, СЕРТУКИ И ШЛЯПЫ. Смѣясь сами надъ собой, Французы совершенно отнимаютъ охоту смѣяться надъ ними у другихъ. Это становится не смѣшнымъ, но жалкимъ. Въ подобномъ отсутствіи человѣческаго достоинства, люди становятся не людьми, а собратьями *Шимпанзэ*, для которой «Журналъ *на смѣхъ*» подготовилъ эпитафію: «Cet homme était le plus habile des singes; ce singe était le plus heureux des hommes!» Теперь Парижъ забавляетъ насъ своими финансами. Смѣшна каррикатура, бѣгущаго М-г Пасси въ Калифорнію, съ огромными пустыми ящиками: caisse de l'état и cofre de l'état; съ подписью: M-r Passy, désespérant de rétablir les finances de l'état, se décide à partir pour la Californie et à profiter des avantages qu'offre (coffre) ce pays pour remplir ceux de la France.

Къ этому положенію дѣлъ кстати подошла бы шарада:

La France — Sansouci,
La France sans souci;

и наконецъ La France sans sou. — Si!

Въ этомъ положеніи дѣлъ надо же заботиться о поправленіи дѣлъ. Вся забота лежитъ на Національномъ Собраніи. И вотъ, членъ его, Іосифъ *Антуанъ*, предложилъ собранію, для поправленія финансовъ постановить закономъ подать на роскошь въ одеждѣ: всѣ желающіе носить фракъ, шляпу и сертукъ, платятъ ежегодно: за право на фракъ сто франковъ, за право на круглую шляпу — 20 фр., а за сертукъ 5 франк. — Милостивый Государь, — возразили ему, — какая же роскошь во фракѣ? фракъ изобрѣла бѣдность, фракъ есть бѣднѣйшая одежда, какую только можно выдумать. Круглая шляпа есть глупѣй-

---

* Кстати вспомнить и экспромтъ Пушкина о Французахъ, который сохранился въ памяти у одного изъ нашихъ знакомыхъ:

Французъ — дитя,
Онъ такъ шутя
Разрушитъ тронъ,
И дастъ законъ.
И быстръ какъ взоръ,
И пусть какъ вздоръ,
И удивитъ,
И насмѣшитъ.

Пушкинъ сказалъ тогда нѣсколько стиховъ и объ Англичанахъ, — къ сожалѣнію, припомнить ихъ трудно.

Digitized by Google

шій покровъ головы; redingote есть нелѣпѣйшій sur-tout. Наложите подать, и мы завтра же крикнемъ: à bas l'habit qui est fait pour les hommes qui ont cent francs à donner au fisc! à bas le chapeau, ce chapeau digne des jours de l'âge d'or! à bas la redingote! vive la blouse, la blouse, le vêtement gaulois! Такимъ образомъ, предложенный законъ о подати, не составляющей собственно подати, а конечное уничтоженіе *бѣдной одежды* — фраковъ, шляпъ и рединготовъ, отвергнутъ и не состоялся.

ВНЕЗАПНАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ. Въ Чантибонѣ, небольшомъ, но процвѣтающемъ торговлею городѣ Сіамскаго королевства, и въ окрестностяхъ, случилось въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года необыкновенное явленіе природы: послѣ полудня, вдругъ земля потряслась съ шумомъ и подземнымъ грохотомъ, и въ то же самое время внезапно выступила изъ земли и въ городѣ и въ окрестностяхъ, по улицамъ и полямъ, не разбирая почвы, какая-то растительность въ видѣ волосистыхъ волоконъ, различной и довольно значительной длины.

Это произведеніе внезапнаго напряженія поровъ земныхъ, возбужденныхъ токомъ электричества, жители Чантабона, состоящіе преимущественно изъ Китайцевъ, приняли за волосы, которые отрасли вдругъ на темени земли.

Говорятъ уже, что *ученые полагаютъ*, что эти волокна произошли отъ электричества. Видите: главное заключеніе *учеными* уже сдѣлано; посмотримъ что-то заключатъ изъ изслѣдованій надъ высланными образцами новой растительности.

НОВЫЙ ЛЕГЧАЙШІЙ (!) СПОСОБЪ ПРЕПОДАВАНІЯ ГЕОМЕТРІИ Г. ШАТЕЛЕНА. — Вся задача этого способа состоитъ въ томъ, чтобъ изъ геометріи, этой науки *трудной*, *скучной* (разумѣется, для незнающихъ и тупыхъ) сдѣлать что-нибудь пріятное, занимательное, игрушку для дѣтей, и если угодно, даже для дамъ. Г. Шателенъ придумалъ эту геометрическую забаву; учитъ вырѣзывать изъ бумаги прямыя линіи, перпендикуляры, параллели, треугольники, квадраты, полигоны и даже теорему, извѣстную подъ названіемъ Пиѳагоровыхъ штановъ. Не зная теоріи геометріи, по этому способу преподаванія, можно въ двѣнадцать занимательныхъ уроковъ (douze leçons amusantes) изучить всю пріятную коллекцію (ensemble gracieux) фигуръ геоме-

Digitized by Google

трическихъ и быть великимъ практикомъ. Парижское «*Общество поощренія*» подъ предсѣдательствомъ Президента Дюма приняло это открытіе благосклонно, и получило уже благодарность отъиздателя газеты «la Presse.» Мы однакоже удивляемся, что изобрѣтеніе Г. Шателена рѣзать изъ бумаги геометрическія фигуры ставится такъ высоко. У насъ давно уже извѣстно искусство дѣлать изъ четвертушки бумаги, не вѣдая теоріи геометріи, не только всѣ геометрическія фигуры, полигоны и штаны Пиѳагоровы, но даже, не зная теоріи кораблестроенія, строить изъ того же клочка бумаги корабль. Полагаемъ, что эти открытія однозначительны по приносимой пользѣ. Наше еще хитрѣе; но для него не нужно ни 12 уроковъ, ни платы учителю за наученіе обращать дѣло въ забаву и игрушку. Эти методы учить всему, забавляя, наплодили много *всезнаекъ*, ни къ чему неспособныхъ, и вѣчныхъ ребятъ, для которыхъ нѣтъ ничего святаго, — все игрушка. *В.*

КРАЖА МУКИ. Строгія мѣры правительствъ Европейскихъ почти вывели разбои; насилія при воровствахъ также почти прекратились; — но мошенничество поднялось на демонскія ухищренія и уловки; оно дѣйствуетъ также шайками, и этотъ родъ грабителей самый опасный и самый трудный для искорененія. Недавно въ департаментѣ Сены и Марны, въ селеніи Монтевренъ, случилось слѣдующее происшествіе.

Въ концѣ весны прошедшаго года, прибылъ подъ именемъ Луи въ Монтевренъ нѣкто среднихъ лѣтъ, съ женой и ребенкомъ; нанялъ цѣлый домъ, съ конюшней и сараемъ, въ которыя онъ помѣстилъ большую телѣгу съ тремя возовыми лошадьми.

Сказавшись, что онъ прежде торговалъ лошадьми, этотъ Луи спокойно проживалъ въ деревнѣ, занимался охотой, платилъ за все щедро и исправно и прослылъ хорошимъ человѣкомъ. На довольно частыя поѣздки, по словамъ его, въ Парижъ или въ Мо, искать подрядовъ для перевозки какихъ-нибудь тяжестей, никто не обращалъ вниманія; жители деревни, привыкнувъ къ нему, хотѣли уже дать ему мѣсто въ своихъ мірскихъ сходкахъ; но вдругъ явилась къ меру селенія женщина, жившая съ нимъ, съ жалобами на его жестокость съ ней, объявила, что она не жена его, что онъ бѣглый рекрутъ, и просила взять его подъ стражу, но не сказывать что она донесла на него; иначе онъ убьетъ меня, — говорила она.

По этому объявленію Луи былъ схваченъ; въ амбарѣ дома занимаемаго имъ, найдено 70 кулей муки. На допросахъ онъ ни въ чемъ не сознался; успѣлъ бѣжать, бросился отъ преслѣдованій въ рѣку и утонулъ.

Digitized by Google

По справкамъ оказалось, что этотъ мошенникъ разъѣзжалъ съ своимъ возомъ по сосѣднимъ городамъ, и предлагая перевозить муку дешевле обыкновенной цѣны за перевозъ, находилъ охотниковъ, пропадалъ съ мукой, и свозилъ ее въ свой амбаръ.

ПЕРЕВОДЫ РУССКИХЪ СОЧИНЕНІЙ СЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ НА РУССКІЙ. — Въ Вѣстникѣ Европы помѣщенъ былъ Каченовскимъ переводъ съ Нѣмецкаго, изъ журнала Zuschauer повѣсти Г. Панаева. Во Франціи перевелъ и напечаталъ, кажется, Шарпантье, подъ своимъ именемъ *Перелогова Французскую грамматику для Русскихъ*. Въ Москвѣ ее перевели на Русскій. Но судьба опредѣлила Профессора Перелогова быть цензоромъ этой рукописи. Во Владимирскихъ Вѣдомостяхъ 1847 г. N 51, переведена съ Французскаго на Русскій, изъ L'artiste russe, статья о *Спасопреображенскомъ соборѣ въ Переславлѣ Залѣсскомъ*, которая сочинена И. М. Снегиревымъ и напечатана въ *Русской Старинѣ*, М. 1846, тетр. I.

Также одинъ изъ Русскихъ туристовъ, прочитавъ съ восторгомъ во Французскомъ журналѣ *слово о библейскихъ обществахъ Архіепископа Амбруаза*, хотѣлъ было переводъ этого сочиненія напечатать въ Россіи, какъ образецъ духовнаго краснорѣчія въ Европѣ. Наконецъ кто-то ему объяснилъ, что это слово сочинено на Русскомъ Архіепископомъ Казанскимъ *Амвросіемъ Протасовымъ*, котораго краснорѣчивыя и глубоко-назидательныя сочиненія, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не собраны и не изданы. Такъ мало еще въ насъ самопознанія. Не довѣряя себѣ, мы совершенно полагаемся на оцѣнку иностранцевъ. Не покупаемъ ли мы иногда дорогою цѣною отечественныхъ издѣлій за Англійскія и Французскія, отъ того, что они продаются въ иностранной оберткѣ! *И. С.*

ПИСЬМО И. М. СНЕГИРЕВА КЪ РЕДАКТОРУ.—....Вѣрно вы знаете о кончинѣ ревностнаго вашего сотрудника, патріота, И. Д. Иванчина-Писарева, ум. на 55 г. отъ рожденія. Благочестивый по душѣ, поэтъ и аристократъ, онъ посвящалъ труды свои отечественной церкви, описалъ монастыри Симоновъ, Новоспасскій, Андроньевскій и Троицкую Лавру (тамъ *Утро*, тутъ *День*, здѣсь *Вечеръ*), гдѣ между словоизвитіями есть довольно дѣльныхъ замѣчаній. У него мысль подчинена выраженію, по Карамзинской формѣ. Поѣздка по Коломенскому уѣзду любопытна и важна. Дай Богъ, чтобы подобные дѣятели у насъ не переводились!

Digitized by Google

Недавно осматривая произведенія славнаго нашего портретиста, Василія Андреевича Тропинина, я почувствовалъ наше невниманіе къ отечественному, и, простите, упрекнулъ въ этомъ перваго — Москвитянина. Пріѣзжай изъ чужихъ краевъ какой художникъ — всѣ заговорятъ и будутъ ему платить вдесятеро противъ Русскаго; а свой, доморощенный, въ забвеніи. Какъ мастерски умѣетъ Тропининъ схватывать черты лица и характеръ, давать имъ рельефность и живучесть; кажется, что лица у него выходятъ изъ полотна! Я восхищался у него портретомъ Брюлова, который самъ былъ въ восторгѣ отъ него, Графа С. Г. Строганова и самого художника. На 65-мъ году жизни, онъ считаетъ въ ней главныя эпохи: 1) съ 1823 г. отъ Свиньина, который на него сильно подѣйствовалъ, и 2) отъ сближенія съ Брюловымъ, который хочетъ написать съ него портретъ. Я просилъ его сдѣлать списокъ своимъ произведеніямъ, особливо тѣмъ, которыми онъ самъ очень доволенъ. Обѣщалъ. Зная искреннюю, закоренѣлую любовь вашу къ отечественнымъ талантамъ, я прошу васъ, и просилъ Г. Вельтмана, обратить вниманіе на этого художника. Дѣльная объ немъ статья будетъ украшеніемъ вашего журнала. * Ее переведутъ на Нѣмецкій и Французскій языки, а потомъ съ Нѣм. и Фран. опять переведетъ на Русскій какой-нибудь любитель отечественной словесности!! ** Если мы не будемъ *познавать самихъ себя* въ умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ отношеніи, то никогда не достигнемъ самооцѣненія и самоуваженія, которое должно служить основою народности.

ЕЩЕ О ЛОТО.—Въ 3-мъ N Москвитянина напечатано было голосъ науки о лото. Мы думали подать его въ утѣшеніе печальныхъ о запрещеніи этой азартной игры. Къ величайшему нашему удовольствію, мы услышали, что печали никакой и не было. Напротивъ, всѣ почти игроки были въ восторгѣ, услышавъ о запрещеніи. Давно не выпито было столько шампанскаго, какъ въ тотъ день и слѣдующіе, отъ радости, что искушеніе отнято. Полное удовольствіе и полная благодарность! (О ликованіяхъ въ семействахъ и говорить нечего.) Представьте себѣ заклятыхъ игроковъ, которые играли день и ночь, которые ни за что на

---

* Желаніе это будетъ исполнено. *Ред.*

** Можетъ быть, даже съ упрекомъ, что Русскіе не умѣли оцѣнить такого художника, а иностранцы отдали ему справедливость.

Digitized by Google

свѣтѣ не могли отстать отъ этой несчастной страсти, не смотря на просьбы и слезы женъ, матерей, дѣтей, въ продолженіе многихъ лѣтъ. Они сидятъ съ пяти часовъ за своими картами, вдругъ слышатъ, въ 8 часовъ, что игра возпрещается, — кажется, такой громовой ударъ долженъ былъ поразить ихъ жестоко; нѣтъ, они встаютъ, какъ ни въ чемъ не бывалые, какъ встрепанные, и въ одинъ почти голосъ, отъ души благодарятъ за отеческій указъ. Да здравствуетъ Русскій толкъ! Видите ли здѣсь отличіе Русскаго человѣка отъ Западнаго? Найдите подобное явленіе въ Европѣ! Анализируйте его потоньше, и вы получите объясненіе многихъ явленій въ нашей Исторіи, безъ того непонятныхъ!....

Литературныя новости. — Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ вступаетъ въ новую фазу своей дѣятельности, и намѣрено издавать свои труды, подъ заглавіемъ: *Временникъ*. Въ первой книгѣ будутъ помѣщены: изслѣдованіе *И. Д. Бѣляева* о дружинѣ и земщинѣ; *М. П. Погодина* о посадникахъ, тысяцкихъ и тіунахъ; *П. С. Казанскаго* вопросъ о Несторѣ; *Д. П. Голохвастова* Домострой XVI вѣка, съ изслѣдованіемъ о сочинителѣ. Въ числѣ матеріаловъ появятся въ первый разъ: Разрядная книга 1615 года, въ полномъ своемъ составѣ, Руководство къ познанію Сѣверныхъ Древностей, пер. *А. С. Клеванова*, и проч.

Скоро долженъ выйдти въ свѣтъ *Дневникъ Гордонова*, служащій однимъ изъ важныхъ матеріаловъ для исторіи Петра I, переведенный съ Англійскаго языка на Нѣмецкій знаменитымъ Стриттеромъ. Подлинникъ его находится въ музеѣ М. П. Погодина. Г. Поссельтъ, извѣстный своимъ сочиненіемъ о сношеніяхъ Петра I съ Лейбницомъ, принялъ на себя трудъ издать его, на иждивеніи почтеннаго ревнителя Русской Исторіи, Кн. М. А. Оболенскаго. Предъ Дневникомъ помѣщено подробное изслѣдованіе о жизни Гордона и всѣхъ его родственниковъ (одиннадцати), служившихъ въ Россіи трудъ ученаго издателя.

А. С. Хомяковъ съ давнихъ лѣтъ занимается большимъ сочиненіемъ о Всеобщей Исторіи. Разумѣется, ученый свѣтъ (не только нашъ, но и Европейскій) найдетъ тамъ множество новаго, оригинальнаго, остроумнаго, глубокаго; но когда нашъ славный поэтъ и ученый

Digitized by Google

окончитъ свой многотрудный подвигъ? Впрочемъ, важнѣйшія части его обработаны; изслѣдованія относятся теперь ко второй уже половинѣ среднихъ вѣковъ.

М. Н. Загоскинъ неутомимъ: онъ началъ новое собраніе разсказовъ, подъ заглавіемъ: «Осенніе вечера,» которые будутъ печататься въ Москвитянинѣ.

К. К. Павлова подаритъ скоро публику новымъ прекраснымъ сочиненіемъ: «Кадриль,» гдѣ она разсказываетъ, въ стихахъ, и какихъ стихахъ! исторію четырехъ женщинъ.

Говорятъ о превосходной поэмѣ: «Бродяга,» *И. С. Аксакова*, котораго піитическій талантъ Москвитянинъ привѣтствовалъ, говоря о Московскомъ сборникѣ, гдѣ помѣщены были первые его опыты.

Послѣ *Князя Шаховскаго* нашлось одно большое посланіе въ стихахъ и письмо о Петрѣ I и нашемъ времени, въ коемъ многое предугадано. И. Е. Бецкій, получивъ эти статьи отъ покойнаго Князя для «Молодика», передалъ ихъ теперь въ редакцію Москвитянина.

Только что получены въ Москвѣ превосходныя изданія заслуженнаго нашего археолога, *И. П. Сахарова*: Изслѣдованія о иконописаніи; Славяно-Русская Библіографія и 2-й томъ Сказаній Русскаго народа. Надѣемся вскорѣ представить подробные разборы ихъ.

Изъ Петербурга слышно о комедіи *Графа Сологуба*, имѣющей предметомъ мѣстничество.

Изъ Одессы увѣдомляютъ, что 2-й томъ трудовъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей не замедлитъ выходомъ.

Изъ Журнала «Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» узнаёмъ о новомъ достопочтенномъ трудѣ бывшаго Виленскаго Губернатора, Н. Н. Семенова, который, переведенный въ Минскъ, издалъ для этого города то же, что пять лѣтъ тому издалъ для Вильны: «Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, православныхъ монастырей и церквей» на Русскомъ и Польскомъ языкахъ.

Журналъ «Сѣверное Обозрѣніе», прекратившійся было въ прошломъ году, будетъ опять издаваться, подъ новою редакціею извѣстнаго нашего оріенталиста В. В. Григорьева. Редакція обѣщаетъ удовлетворить своихъ подписчиковъ, и выдать имъ въ этомъ году неизданныя 9 книжекъ за прошедшій.

Digitized by Google

Статья о празднованіи пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Жуковскаго, въ Петербургѣ, у Князя П. А. Вяземскаго, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могла быть помѣщена въ этой книгѣ, и явится, вѣроятно, въ слѣдующей.

В. И. Даль не могъ, за недосугомъ, доставить редакціи обѣщанныхъ имъ разсказовъ. Пожелаемъ, чтобъ нашъ любимый повѣствователь не оставлялъ литературы, которая ему обязана столько.

Съ слѣдующей книги начнется въ Москвитянинѣ печатаніе романа А. Ѳ. Вельтмана: *Чудодѣй.*

Оглавленіе первой части Москвитянина приложится къ слѣдующей книгѣ.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS

МОСКВА. ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было, въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Февраля 14-го 1849 года.

Цензоръ В. Лешковъ.

Digitized by Google

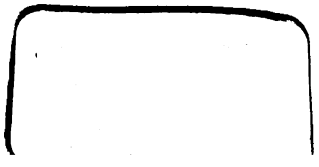
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

1 2 1983



Digitized by Google

Digitized by Google